

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855272 0

МОСКВИТЯНИНЪ

УЧЕНО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

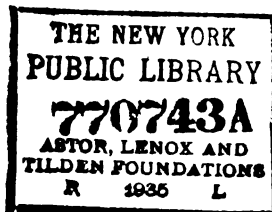
1849 ГОДА.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 30-го 1849 года.**

Ценсоръ В. Леишковъ.

ИЗДАНО
ВЪ
МОСКВѢ
ВЪ
ПЕЧАТНІИ
ВЪ
ПЕЧАТНІИ

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 13.

Июль.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ПРУССІИ.

ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА.

(Продолженіе.)

ПОТСДАМЪ.

Разстояніемъ отъ Берлина 21 верста. Дорога идетъ чрезъ лѣсъ по песку, коимъ окруженъ Потсдамъ. И несмотря на возвышенія, заливы и множество разныхъ предметовъ, Потсдамъ, кромѣ слѣпыхъ, весьма печальное для всѣхъ мѣсто. Покойный Король, основавъ мѣсто своего пребыванія въ Потсдамѣ, украсилъ его многими домами съ великолѣпными фасадами. Но городъ безъ торговли, безъ роскоши, не можетъ процвѣтать. Кромѣ войскъ, нѣтъ жителей въ Потсдамѣ. Наружность его — великолѣпная декорація, внутренность — казармы. Приходный иностранецъ долженъ ду-

Отд. 1.

1

PERL JAN 21 1935

мать, что Потсдамъ завоеванъ, жители истреблены, и солдаты замѣнили оныхъ. Я видѣлъ домъ великолѣпный, съ Палладевымъ фасадомъ; изъ оконъ сисѣли и сохнули чулки и бѣлье солдатское. Ничъ во всемъ городѣ болѣе трехъ экипажей, и пробывъ въ немъ нѣсколько дней, остается лишь въ памяти грустное напоминовеніе, совокупляющее вмѣстѣ разоренные огнемъ и мечемъ города, землетрясенія, разрушившія Лиссабогъ, Мессину, Калабрию, необитаемыя песчанья степи Африканскія. Еслибъ у меня не осталось въ памяти дома, гдѣ на королевскомъ содержаніи воспитываются 300 солдатскихъ дѣтей: то бы, принимая городъ Потсдамъ за планъ, съ трудомъ увѣрить бы могъ себя, что онъ существуетъ.

Среди города, у пивовара, Король Фридрихъ Вильгельмъ, бывъ наслѣднымъ принцемъ, панималъ этажъ за 30 талеровъ и жилъ въ ономъ. На дворѣ, въ маленькомъ садикѣ есть бесѣдка, въ коей онъ узналъ о смерти своего дѣда.

САНЬ-СУСИ.

Названіе сіе дано столько же несправедливо, какъ на прѣзжсей дорогѣ стоящимъ домамъ — *мой покой*; дачамъ, гдѣ хозяинъ ни дня, ни ночи душевно не имѣетъ покоя — уединеніе; пребыванію злобы и зависти — сельское благополучіе, и тому подобныя. Могло ли быть безъ заботы пребываніе великаго Государя, который посвятилъ всѣ часы своей жизни на управленіе народомъ, отъ Царя Царей ему ввѣреннымъ, поддерживалъ славу свою, и подпорою побѣдоносной арміи, сохранялъ равновѣсіе политической системы. Санъ-Суси по себѣ ни что иное, какъ загородный домъ холостого богатаго господина. Охотники до картинъ и до оранжерей удѣляли бы нѣсколько часовъ на осмотрѣніе сего мѣста. По службѣ слишкомъ 20 лѣтъ уединеніемъ великому коронованному мужу, обращаетъ на себя вниманіе мудраго и глупца. Одинъ ищетъ духъ, наполнившій Европу своею славою; а другой дивится, какъ она въмѣщалась въ столь малое созданіе. Для умнаго, чувствительнаго, пылкаго и до-

бродѣтельнаго, Санъ-Суси то же самое, что на Василевскомъ острову домъ Петра Великаго, Монплезиръ въ Петергофѣ. Я никогда объ одномъ изъ сихъ Государей не помышлялъ, чтобъ другой не представился съ своими великими дѣлами. Обоихъ почитаю, но боготворю Петра, истинно великаго во вѣки вѣковъ. Онъ, съ помощію Божіею, вложилъ умъ и душу въ народъ свой, воззвалъ его изъ пучины невѣжества на высоту славы и первенства, свершилъ многое, но оставилъ еще больше оканчивать преемникамъ своего престола. Я сержусь на Короля Прусскаго за всѣхъ убіенныхъ Россіянъ въ 7-лѣтнюю войну. Мы оба правы; онъ защищалъ престолъ свой, а я сокрушаюсь о кончинѣ соотечичей своихъ.

Домъ въ Санъ-Суси столь малъ, что весь состоитъ изъ 7 комнатъ: передняя, галлерей, столовая, концертная, она же и пріемная, и кабинетъ, спальня и 2 маленькія комнаты, гдѣ стоятъ шкафы съ книгами. Вотъ въ чемъ жилъ не тѣсно Великій Фридрихъ. Такой домъ едва ли теперь можетъ быть вмѣстителемъ Русскому дворянину, имѣющему 10 т. дохода. Покойный Король охотникъ былъ до статуй и до картинъ; но бывъ знатокомъ, хотѣлъ ихъ имѣть, купилъ, и былъ обманутъ. Между статуй замѣчательны: мѣдный Антиноусъ, настоящій древній, и мраморный Меркурій, работы славнаго Пигалы, а между картинами Рембрантовъ Моисей, разбивающій скрижали Завѣта.

Видъ изъ Санъ-Суси могъ бы быть пріятенъ, еслибъ искусство могло премѣниться въ природу. Оранжереи прідѣланы въ нѣсколько ярусовъ къ горѣ, и тутъ росло множество самыхъ лучшихъ и рѣдкихъ плодовъ, до коихъ Король былъ охотникъ, и кои онъ по выбору людей, посылалъ имъ въ гостинцы и въ знакъ своего благоволенія. По другую сторону сада большой дворецъ, стоящій пустой. Онъ называется новый Санъ-Суси. Въ немъ также много картинъ. Съ начала его построенія, вскорѣ по окончаніи семилѣтней войны, Король собиралъ въ него на нѣсколько времени всю свою родню, давалъ праздники, и, когда ему

праздники и родня начинали скучать, то онъ увѣзжалъ въ маленькій свой домъ, и гости, за нимъ въ слѣдъ, разъѣзжались по домамъ. Я мало смотрѣлъ строенія, сады и украшенія Санъ-Суси; я все какъ будто ожидалъ встрѣтить гдѣ-нибудь въ ономъ Великаго Фридриха. Но я пріѣхалъ поздно; видѣлъ его мертваго—сидящаго и въ гробу. Вѣчная ему память! Я былъ четыре раза въ Санъ-Суси, и всякій разъ, возвращаясь изъ онаго тихими шагами, оглядывался назадъ, удаляясь съ грустію, какъ будто отъ мѣста пребыванія обожаемаго предмета.

Въ Санъ-Суси въ саду есть кладбище любимыхъ королевскихъ собакъ. Надъ каждою мраморная доска съ надписью.

ТЕЛЬВУРГОВА КАРТИНА.

Картина сія, величиною четверти въ три, представляетъ ту минуту, въ которую Гр. Горнъ арестованъ Дюкомъ Альбою, судимъ и осужденъ на смерть. Исторія его и всѣ современники свидѣлствуютъ, что сей достойный лучшей участи вельможа занимался игрою въ то самое время, когда пришли за нимъ вести его на мѣсто казни. Онъ просилъ начальника дозволить ему доиграть партію, занялся ею, окончилъ, и пошелъ окончить жизнь свою.

Сію-то минуту изобразилъ сверхъестественно живописецъ. Напередѣ сидятъ въ бѣломъ платьѣ Гр. Горнъ и играющій съ нимъ; подлѣ два зрителя и начальникъ стражи, за осужденною жертвою пришедшій; вдаль у дверей толпа вооруженныхъ людей. Графъ Горнъ, преданный весь игрѣ, нерышимо наноситъ руку на пѣшку, и показываетъ выраженіемъ лица, что сей ударъ будетъ рѣшительный къ его выигрышу. Играющій съ нимъ взираетъ на него съ видомъ сокрушенія, удивленія и восхищенія; живо кажется, что онъ боится шашки, которой Горнъ ступитъ хочеть, дабы отсрочить еще, хоть нѣсколько, минуту конца партіи и его жизни. Два зрителя смотрятъ на чудное сіе явленіе съ глазами,

слезъ наполненными; начальникъ стражи въ удивленіи. Графъ Горнъ хочетъ выиграть партію, а тѣ всѣ желаютъ, чтобъ онъ игралъ нѣсколько дней, годовъ — до конца жизни. Умъ живописца виденъ и въ томъ, что вооруженный народъ отдаенъ и въ тѣни: они не могли бы постигнуть великодушіе Горново, не могли бы скорбѣть, — о, нѣтъ, дивиться ему. Сколько подобныхъ симъ людей, коимъ вѣчно должно бы пребывать въ темнотѣ, и коихъ напрасно освѣщаетъ солнце своими блестящими лучами!

Я четыре раза былъ въ Санъ-Суси, и съ трудомъ отходилъ отъ картины Тельбурговой, и всякій разъ, на вѣки прощаясь съ Гр. Горномъ, находилъ въ его спокойствіи долгъ почитать добродѣтельную душу и геройственный духъ его. Изображеніе его впечатлѣлось въ памяти и въ сердцѣ моемъ, и я могу всякій разъ столько же легко его себя представить, какъ видъ милыхъ мнѣ, благодѣтеля, друга вѣрнаго. Достоинъ Горнъ столь великаго живописца: онъ воскрешаетъ его на память людскую послѣ двухъ вѣковъ забвенія.

Когда бы мой несчастный братъ, обрѣтшій смерть въ 48 лѣтъ на водахъ Финскихъ, имѣлъ свидѣтелемъ своей кончины Тельбурга: то бы и онъ содѣялся любви достойнымъ соотчичамъ своимъ чувствами усердія и любви къ отечеству, за кое жаждалъ сразиться. Но имя его, храбрость и добродѣтели, забыты въ суетливомъ свѣтѣ. Одинъ я, лишась въ братѣ друга, равно буду любить, почитать и оплакивать его.

ВѢДА ВЪ САНЪ-СУСИ.

Я жилъ въ домѣ у швейцара. Одинъ изъ его земляковъ, довѣренная особа Фридриха Вильгельма, присланъ былъ въ Берлинъ къ Генералу Меллендорфу съ извѣстіемъ о кончинѣ Короля и о вступленіи наследника на престолъ. Исполнивъ препорученіе отъ Короля ему данное, зашелъ къ моему хозяину, и выпивъ съ горя и съ радости по бутылкѣ вина, рассказывалъ многія подробности о Великомъ

Фридрихъ. За 20 часовъ до его кончины онъ всталъ, по обыкновенію призывалъ секретарей, выслушалъ дѣла, приказалъ что отвѣчать, и въ ожиданіи ихъ возвращенія почувствовалъ слабость, упалъ въ обморокъ и пересталъ царствовать. Его положили въ постелю. Духъ сталъ заниматься, и послѣднія слова изшедшія изъ устъ его, были къ лейб-гусару за нимъ ходившему, который хотѣлъ уложить ноги его: «оставь, теперь уже все равно.»

Находившіеся тутъ, Министръ Герцбергъ и Генераль-Адъютантъ Гр. Герцъ, послали тотчасъ къ наслѣднику, который приказалъ извѣщать себя всякія 10 минутъ, и въ полночь изнуренъ бывъ безпокойствомъ и печалью, одѣтый, легъ въ берѣдкѣ и заснулъ.

Между тѣмъ слабые остатки жизни Великаго Фридриха мало по малу исчезали. Духъ его, оживляя престарѣлое тѣло, съ трудомъ разставался съ міромъ, наполненнымъ его славою и дѣлами. Въ часъ по полуночи испустилъ послѣднее дыханіе, и великая душа сего героя, на ряду съ прочими, вознеслась предъ судъ Всевышняго. Цѣлый часъ предстоящіе, отъ ужаса и сокрушенія, не могли вѣрить, чтобъ Государь ихъ не былъ еще въ живыхъ; но видя тѣло бездушное и неподвижно закрытые тѣ глаза, кои все видѣли, рѣшились уведомить Фридриха Вильгельма, что дядя престалъ быть Королемъ, а онъ наслѣдникъ. Извѣстіе сіе въ нѣсколько минутъ дошло до мѣста его пребыванія въ Потсдамѣ. Швейцаръ, о коемъ я говорилъ, вошелъ въ бесѣдку, въ коей онъ заснулъ, съ трудомъ могъ его разбудить, говоря громко: «Ваше Величество, Король скончался». Фридрихъ Вильгельмъ, сказавъ: «наконецъ онъ умеръ», всталъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Санъ-Суси. Вошелъ въ ту комнату, гдѣ было одно лицъ бездыханное тѣло его предѣстника, поцѣловалъ его руку, и залился слезами.

Швейцаръ возвращался въ Санъ-Суси, и мнѣ пришло вдругъ на мысль туда же съ нимъ ѣхать. Онъ сперва нашелъ-было причину мнѣ отказать, какъ иностранцу. Но соображаясь со мною, что въ подобномъ происшествіи, отъ обѣ

шаго волненія никто меня и не замѣтитъ, протянулъ руку, и милостиво посадя съ собою въ коляску, велѣлъ сколь возможно скорѣе везти въ Потсдамъ; и мы перемѣнивъ на половинѣ дороги лошадей, перѣехали 20 верстъ въ 2 часа и 30 минутъ — вещь въ Пруссіи непостижимая, и возможная единственно при смерти Королей, при набѣгѣ непріятелей, или съ закусившими удила лошадьми.

На дорогѣ все осталось въ тишинѣ. Крестьяне работали, дѣти въ селеніяхъ играли, скотина ходила спокойно въ полѣ. Что было болѣе Великаго Фридриха на свѣтѣ? Бѣгъ его пресѣклось, но ни мало вокругъ него не нарушило порядка дневнаго. Сколь мало существо челоуѣка! Землетрясеніе, громъ, дождь, вихрь приводятъ все въ безпорядокъ, а смерть Великаго Фридриха ничего не разстроила.

Мы пріѣхали прямо къ Санъ-Суси. Первое необыкновенное зрѣлище были часовые, у подъѣзда и у первыхъ дверей стоящіе. Сіе чрезвычайно, потому что во всю жизнь королевскую, у него не было днемъ ни единого часоваго, а по пробитіи зари въ Потсдамъ, въ 10 часу, съ главнаго караула отряжался капралъ съ 4 рядовыми, кои, смѣнясь по одному челоуѣку, ставали на часахъ у дверей отъ саду, не для безопасности, а для соблюденія тишины и доставленія покоя трудящемуся весь день ихъ Государю. Пройдя двѣ комнаты, вошли мы въ спальню. Я съ почтеніемъ обратилъ невольно глаза на альковъ, въ коемъ стояла кровать, полагая, что тутъ лежало тѣло Великаго Фридриха. Но въ самое то же время увидѣлъ нѣчто похожее на челоуѣка, сидящаго въ креслахъ и покрытаго синимъ плащемъ. Тутъ холодный потъ покрылъ мое лице, не отъ страха, потому что я мертвыхъ до сихъ поръ не боюсь, а отъ пронесшагося мгновенно размышленія, что тотъ, кто былъ столь достойно великъ, преобращенъ въ ничто и сокрытъ отъ глазъ людскихъ, яко предметъ обезображенный. Никогда бы я не имѣлъ духу просить, чтобъ его открыли, дабы взглянуть хоть разъ, и то въ пер-

вый и последний, на почтенное мертвеца; но иной-царь, мой товарищ, обрелся къ гусару, коего мы застали тутъ въ комнатѣ свое платье надѣвающего, спросилъ: «можно посмотрѣть покойника?» — «Для чего нѣтъ? — отвѣчалъ безчувственный слуга: — я его всѣмъ показываю». И за снѣгъ словомъ, потянувъ плащъ, открылъ намъ лице и корпусъ Великаго Фридриха. Тѣло мое, повинаясь чувству души, уклонясь по земли, отдало послѣдній долгъ сему великому мужу. Я, на него устремясь, спѣшилъ смотрѣть, не помню, долго или коротко; но увидя его, до сихъ поръ еще не забылъ. Волосы его, довольно густые, были всѣ бывые; лице осталось совершенно такое, какъ изображается на всѣхъ портретахъ; на одной сторонѣ рта губы не много крѣпко были сжаты, натурально, или, можетъ быть, отъ тисненія при снятіи съ лица формы. Спокойствіе, величество и геройство, остались въ чертахъ лица мертваго Фридриха. Онъ казался *быть* во силѣ; но жизнь его останется вѣчно на-дву. Глаза, коими онъ заставлялъ себя любить и бояться, коими онъ выводывалъ истину и открывалъ тайну въ глубинѣ сердець, глаза, коихъ быстротѣ ни одинъ взглядъ осязати не могъ, глаза сіи были закрыты, и лучъ генія не сіялъ изъ нихъ болѣе. Неподвиженъ, преисполненъ жалости и удивленія, я все смотрѣлъ на мертваго героя, все чувствовалъ, бывъ горестно тронутъ и раздраженъ, огорченъ тѣмъ, что не засталъ его въ живыхъ, не узналъ вѣданаго его и не слышалъ голоса; озлобленъ вновь, что тусскому служителю дала смерть право показывать героя. Не заставъ Великаго Фридриха въ живыхъ, я радъ былъ смотрѣть на мертваго чистъ, день, недѣлю. Сколько трудовъ, надержекъ, домогательствъ, дабы увидѣть челоука случайнаго, достопамятную бумагу, мѣсто славнаго сраженія, машину, модель! А я наполнялъ свои чувства зрѣлищемъ рѣдкаго Государя, совершеннѣйшаго изъ людей; но вдругъ гусаръ закрылъ Великаго Фридриха опять плащомъ, и снѣгъ, яко завѣсомъ смерти, сокрылъ его отъ глазъ моихъ на вѣки.

Прошедъ въ себя, употребилъ я оставшееся время на разсмотрѣніе всего, что находилось въ комнатахъ, въ конѣ

постигъ смертный часъ героя Европейскаго. На столѣ въ залѣ лежали 3 книги — Цицероновы рѣчи на Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, Сократовъ разговоръ о безсмертіи души и маленькое на Французскомъ языкѣ неизвѣстное сочиненіе подѣ заглавіемъ: *Послѣдніе часы монарха и земледѣльца*. Можетъ быть, при концѣ жизни краснорѣчіе Цицероново разгоняло тоску мудраго страдальца. Если Сократъ не увѣрилъ его въ безсмертіи души: то по крайней мѣрѣ самъ онъ не могъ имѣть сомнѣнія насчетъ своей славы, и въ сравненіи при концѣ жизни Государя съ земледѣльцемъ имѣлъ онъ, можетъ быть, утѣшеніе. Онъ безъ страха ждалъ смерти, и она, повинаясь опредѣленію Всевышнему, пресѣкла жизнь Великаго Фридриха въ одно мгновеніе ока съ тысячами недостойныхъ быть, неизвѣстныхъ людей. Полъ въ спальнѣ обитъ зеленымъ сукномъ, которое было старо и все въ пятнахъ, загаженное тремя собаками, кои завсегда при Королѣ бывали. Въ пріемной между двухъ оконъ стоялъ столъ, на коемъ Король обыкновенно писывалъ; на немъ лежало множество перьевъ, изъ коихъ я одно взялъ съ собою, и берегъ, какъ вещь рѣдкую, полагая, что оно бывало въ рукахъ, умѣющихъ столъ хорошо править государствомъ. На столѣ стоялъ портретъ безъ рамы Императора Іосифа, а Король, любя и уважая его, говаривалъ: «Этого молодаго челоуѣка не должно терять изъ виду.» Занавѣски у оконъ зеленныя, штофныя, совсѣмъ были замазаны чернилами, отъ того, что Король обтиралъ объ нихъ перья. Я ничего не говорю здѣсь о его гардеробѣ: онъ почти весь былъ на немъ. Не было челоуѣка безпечнѣе и меньше пекущагося о чистотѣ, какъ Великій Фридрихъ. Когда ему докладывали, что не было у него рубашки, онъ говаривалъ: «велите сшить 13 дюжинъ.» Мундиръ нашивалъ до износу, и всегда видя, что онъ уже въ дырахъ и въ пятнахъ, съ огорченіемъ разставался съ нимъ.

Швейцаръ пригласилъ меня ѣхать въ Потсдамъ, гдѣ онъ имѣлъ исполнить нѣкоторыя препорученія. Я тамъ сидѣлъ за столомъ, гдѣ обѣдалъ (?). Возвратился въ Берлинъ, и все видѣлъ безутѣшно предъ собою мертваго Фридриха,

и думалъ опять видѣть его предъ собою, когда, возвратясь чрезъ два года въ Санъ-Суси, нашелъ другаго Короля и другихъ людей.

Истинные и притворные охотники до древностей говорятъ тысячи словъ и пишутъ сотни тяжелыхъ книгъ для общародованія и выраженія ихъ отчаянія о разрушеніи временемъ и невѣжествомъ памятниковъ древнихъ вѣковъ. Они сокрушаются о вещахъ и людяхъ, единственно имъ известныхъ по преданію, и принимая участіе въ великихъ людяхъ и дѣлахъ, стараются дать и о себѣ высокое мнѣніе и обратить людское вниманіе. А я въ себѣ и самъ для себя сожалѣлъ о смерти Великаго Фридриха; я желалъ, чтобъ онъ, какъ и дѣла его былъ безсмертенъ. Молодой воинъ можетъ взять себѣ въ примѣръ Графа Румянцева, Князя Суворова; стихотворецъ Ломоносова, Хераскова, Державина; Государь можетъ взять въ примѣръ того, въ коемъ зависть и худа нашли одинъ лишь добродѣтели.

ПРИСЯГА.

Сей залогъ вѣрности безпредѣльной народа къ Государю — источнику милостей къ вѣрноподданнымъ, основаніе благоденствія, почитается первымъ долгомъ, первымъ жертвоприношеніемъ Государю, на тронъ возшедшему. Здѣсь сей столь важный объѣтъ умовъ производится слишкомъ скоро.

Скорая присяга новому Государю нужна въ Пруссіи, потому что треть войска составлена изъ вербованныхъ и силою взятыхъ: то они и пріобрѣтаютъ пакы свободу — скорѣе итти на большія дороги, чѣмъ возвратиться въ родительскіе дома.

Полки были собраны, заключили присягу. Я ожидалъ болѣе чувствительности отъ сослуживцевъ Великаго Фридриха, коего дѣла и имя служили главнымъ украшеніемъ его войска. Но я отдамъ съ удовольствіемъ справедливость Гг. Мелендорфу и Притвицу. Одинъ достоинствомъ своимъ обратилъ на себя вниманіе великаго Государя и возведенъ за услуги на *вышній* степень почестей военныхъ;

другой послѣ Царндорфской баталіи, жертвуя своею жизнію, спасъ жизнь Короля, въ большой опасности отъ нашихъ казаковъ находящагося. Король за сіе, по окончаніи войны, награди́лъ его большимъ, по тамоншему, имѣніемъ, и всякій разъ, когда рѣчь бывала объ опасностяхъ, въ конхъ во время 7-лѣтней войны находились государство и особа его, говаривалъ: «Шуленбергъ управлялъ доходами и расторопностію своею умѣлъ доставлять Королю деньги въ самыя отчаянныя времена, — Мелендорфъ спасъ Пруссію, а Притвицъ Короля.»

Син-то два престарѣлые воины, Мелендорфъ и Притвицъ, украшенные съдинами и почтенною службою, присягая съ достодожнымъ благоговѣніемъ новому Государю, проливали горькія и неліцетѣрныя слезы. По окончаніи церемоніи, они, подошедъ другъ къ другу, обнялись и разошлись безгласно. Зная ихъ, не трудно угадать, что они хотѣли сказать: «мы лишились оба Государя, благодѣтеля и творца нашего, — пребудемъ вѣрны памяти его, отечеству и наслѣднику престола.»

Въ сей день было много шуму и движенія. Солдаты кричали всякій на своемъ языкѣ: Нѣмцы: *vivat der König!* Русскіе: ура! Англичане: *huzza!* Французы: *vive le roi!*

Сія присяга касается лишь до военныхъ. Прочіе же классы въ Берлинѣ присягали по возвращеніи Короля изъ Кенигсберга, гдѣ онъ короновался. Народъ собранъ былъ на площади предъ дворцемъ. Сперва во внутреннихъ комнатахъ присягнули первые чины; потомъ допущены иностранные министры для принесенія имъ поздравленія. Наконецъ Король, имѣя по правую сторону сына своего, объявленнаго наслѣдникомъ престола, показавъ на балконѣ, и весь предстоящій народъ сталъ присягать, повторяя клятвенное обѣщаніе за читающимъ оное посреди ихъ, и окончивъ, вскричалъ троекратно: «да здравствуетъ Фридрихъ Вильгельмъ!» повторяя за герольдомъ въ рыцарскомъ платьѣ, съ опущеннымъ шлемомъ, одѣтымъ, на бѣломъ конѣ, и величественно, неожиданно появившимся изъ большихъ воротъ

дворца. Герольдъ былъ придворный берейторъ, а конь старая манежная лошадь, и способомъ переобразования удивили публику, отъ того что она ихъ не узнала. При семъ случаѣ я замѣтилъ неуваженіе Берлинцевъ къ дамскому полу. Въ продолженіе сей церемоніи много разъ принимался идти дождикъ. Сидящія на лавкахъ деревяннаго амфитеатра, не совсѣмъ знатныя дамы поднимали парасоли для предохраненія отъ выпшнія влажности своихъ головъ и платьевъ. Но сидящіе позади ихъ кавалеры, натуральными тростями хлопая по распущеннымъ парасолямъ, принуждали опускать ихъ и подвергали дамъ мокрому безпокойству.

Тишина при читаніи присяги придавала важности сему *позорищу* и ужасу звуку тысячи голосовъ, вдругъ исходящихъ. Казалось, сей шумъ исходилъ изнутри обширной пустой пещеры. И народъ походитъ на пустоту, ничего, кромѣ шума, не производящую; а шумъ зависитъ отъ того, кто заберется въ пещеру.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(О. Юл. Лабунскому.)

Что задумался
Ясный молодецъ ?....
Аль кручинушка,
Безысходная,
Налегла на грудь
Молодецкую ?
Иль тоска-зѣва,
Безотрадная,
Словно облачко,
Налетѣла вдругъ,
Затуманила
Очи свѣтлыя
И понурила,
Словно вѣтеръ злой,
Буйну голову,
Темнокудрую ?....
Аль покинула
Красна-дѣвица,
Раскрасавица ?
Очи черныя,
Чернобровыя,
Цѣловала другою,
Попрыгожье ?
Или мать-отецъ,
Такъ любимые,
Отошли къ своимъ
Дѣдамъ-прадѣдамъ,
И оставили
Безутѣшного
Сиротинушку
Горе-мыкати ?
Или такъ ужъ плохо
Уродился хлѣбъ —
Солнце жаркое
Извело совсѣмъ
Траву сочную ?....
.....

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Нѣтъ , не тѣмъ полна
 Моя душенька ;
 Не съ того совсѣмъ
 Наклонилась такъ
 Голова моя ;
 А полна она
 Той заботою
 Како бы стать и мнѣ
 Въ богатырскій строй.
 Слышишь , Царь зоветъ
 Своихъ молодцевъ !
 Слышишь , ласково
 Онъ собираетъ ихъ
 Подъ одно крыло ,
 Въ рать могучую....
 Слышишь : гулъ вдали....
 То молебъ родныхъ :
 Провожаютъ всѣ
 Своихъ молодцевъ
 Въ дальнюю сторону
 Послужить Царю
 Вѣрой-правдою.
 Есть у молодца
 Сила крѣпкая ,
 Богатырская ;
 Есть у молодца
 Удаля Русская ,
 Есть и волюшка
 Безпонудная ,
 Охотливая ;
 Мнѣ ль отстать отъ всѣхъ —
 Свою голову ,
 Безпріютную ,
 Пожалѣть сложить
 За святую Русь ,
 Царя-батюшку ,
 Православнаго ? ...

П. Б—ѣ.

1848.

Ораниенбаумъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 14.

Июль.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ПОЧЕРПНУТІЯ ИЗЪ МОРЕ ЖИТЕЙСКАГО.

ЧУДОДѢЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ХVIII.

Кажется, что цѣлые вѣки прошли съ тѣхъ поръ, какъ общій нашъ знакомецъ, Дмитрицкій, кончилъ свое романическое поприще, и сбылось надъ нимъ предсказаніе старухи: копать тебѣ руду, окаянный!

Припомните то время, когда онъ, собравшись ѣхать съ Рамирскимъ въ деревню, поскакалъ навѣстить и поблагодарить Саломею за все ея особенное вниманіе къ себѣ, и пожелать ей на прощанье счастья, добраго здоровья и пріятнаго продолженія приключеній.

Отд. 1.

2

У подъезда дома Чарова, онъ соскочилъ съ наемнаго фазтона, вошелъ въ сѣни, сбросилъ съ себя мантию на руки полусонному швейцару, какъ челоуѣкъ близкій, званый, ожидаемый, о которомъ докладывать не слѣдуетъ, и побѣжалъ вверхъ.

— Барина нѣтъ дома-съ, — сказалъ однакоже опомнившійся швейцаръ въ слѣдъ ему.

— Не къ барину! — отвѣчалъ Дмитрицкій, входя уже въ переднюю комнату.

Удовольствуясь этимъ отвѣтомъ, швейцаръ, протирая глаза, побрелъ въ свою конурку, а Дмитрицкій, не встрѣчая никого, прошелъ въ залу, въ гостиную, въ другую гостиную, въ третью, въ четвертую, въ кабинетъ, въ уборную и наконецъ въ спальню, — нѣтъ никого живаго, кромѣ большой мухи, которая жужжала на цѣлый домъ и билась въ стекла окна.

— Прекрасно; и барыни нѣтъ дома!.... гдѣ жъ это она? поѣхала дѣлать визиты? а?.... Никто не отвѣчаетъ!.... ни одного животнаго! мошенники!.... Надо же хоть написать, что я былъ, пріѣзжалъ благодарить и проститься....

И Дмитрицкій присѣлъ къ письменному столу, взялъ листокъ бумаги и написалъ:

«Искренно сожалею, что не имѣлъ чести застать дома С. П. и поблагодарить за *одолженіе*, за *благодѣяніе*, за высокій, благородный поступокъ, которому я обязанъ тѣмъ что имѣю право быть снова

покорнѣйшимъ ея слугою,

В. Дмитрицкій.

— Эй! кто тутъ есть?.... Никого?

Дмитрицкій зазвонилъ въ колокольчикъ, стоящій на столикѣ въ видѣ Китайца; потомъ вышелъ въ гостиную и началъ дергать за тесьму.

Вскорѣ послышались торопливые шаги сбѣгавшихся лакеевъ.

— Васъ, любезные, для чего баринъ держитъ у себя? а? — спросилъ Дмитрицкій, когда два человека вбѣжали въ комнату и остановились въ дверяхъ съ изумленіемъ, — а? Я спрашиваю, для чего баринъ васъ держитъ у себя?

— Барина нѣтъ дома-съ, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Знаю! а барина нѣтъ дома, такъ и вы врозь? Барское добро кто бережетъ? а?

— Баринъ сію минуту только изволилъ уѣхать...

— А барыня гдѣ?

— Не можемъ знать-съ....

— Какъ не можете знать?.... дряни! что нужно знать, на то ни ушей, ни памяти; а что не до васъ касается, на то есть и длинный языкъ!.... Скажете, что я былъ.

— Слушаю-съ, какъ прикажете доложить?

— Скажите, что былъ Василій Павловичъ.

Только что Дмитрицкій хотѣлъ идти, въ двери вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ сертукѣ медицинскаго вѣдомства; лицо его было блѣдно, духъ возмущенъ.

— Милостивый государь, — сказалъ онъ, запинаясь, дрожащимъ голосомъ, остановясь при входѣ и не поднимая глазъ, — вы обиднымъ образомъ изволили поступить со мной.... у меня, милостивый государь, семейство на рукахъ.... я теперь совершенно безъ куска хлѣба.... милостивый государь.... Вы, милостивый государь....

— Ни сколько не я, милостивый государь, вы, кажется, ошибаетесь, — отвѣчалъ Дмитрицкій, слушая это вступленіе въ протяжную рѣчь съ паузами неизвѣстнаго, стоявшаго заставой въ дверяхъ.

— Нѣтъ, извините, позвольте вамъ сказать, что вы изволили мнѣ предложить оставить полкъ....

— Нѣтъ, не я, милостивый государь....

— Нѣтъ-съ, вы, позвольте вамъ сказать.... вы предложили мнѣ вступить къ вамъ въ домовые медики....

— Все-таки не я, милостивый государь! позвольте мнѣ идти....

— Нѣтъ-съ, позвольте вамъ сказать, стыдно отрекаться.... Назначили мнѣ двѣ тысячи жалованья.... столъ.... квартиру.... экипажъ.... и вмѣсто того уѣхали.... а управляющій ничего мнѣ не даетъ.... говорить, что приказа не получалъ.... Это грѣшно, милостивый государь.... Я, кажется, все употребилъ стараніе для излеченія вашей супруги.... а ужъ я не виноватъ....

— Иванъ Даниловичъ, сударь, барина нѣтъ дома, — сказалъ дворецкій.

— Ахъ, Яковъ, — проговорилъ растерявшійся Иванъ Даниловичъ, взглянувъ на дворецкаго и потомъ на Дмитрия, — извините пожалуйста.... Я думалъ, что вы г. Чаровъ, котораго супругу я имѣлъ честь пользоваться....

— Какая же супруга, Иванъ Даниловичъ, — сказалъ дворецкій, — вамъ чай извѣстно, что это жила у насъ просто кака-то мадамъ....

— Жила? а гдѣ жъ она теперь? — спросилъ Дмитрия.

— Да вотъ ужъ сколько времени какъ замертво свезли въ больницу.

— Въ больницу? она въ больницу? гдѣ? въ какой?

— Кажется, въ Городской.... Ее свезъ туда кучеръ Тимошей.

— Въ больницу! ахъ животное! — крикнулъ Дмитрий, — скаредная душенка!

И Дмитрикій съ этими словами бросился вонъ. Покуда подали ему фаэтонъ, Иванъ Даниловичъ вышелъ также на крыльцо.

— Позвольте узнать, — сказалъ онъ ему, — какъ по-Латынѣ *зверь*.

— *Bestia*, — отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ.

— А! это названіе очень идетъ къ Чарову; теперь позвольте узнать еще вашу фамилію и мѣсто жительства: можетъ быть, мнѣ удастся чѣмъ-нибудь вамъ помочь.

Иванъ Даниловичъ поклонился съ благодарностію.

— Моя фамилія Увалень, — отвѣчалъ онъ, — а остановился я покуда въ Московской гостинницѣ.

— Знаю, знаю; покорнѣйше благодарю, до свиданія!.... Пошелъ въ Городскую больницу!

Въ Городской больницѣ Дмитрицкій не нашелъ уже Саломей; съ трудомъ добился онъ гдѣ она, и пріѣхалъ въ пріютъ немощныхъ.

Въ передней, на вопросъ: гдѣ тутъ больная иностранка, прислужница отвѣчала: а вотъ тамъ, сударь, въ коридорѣ, послѣдняя комната направо.

Приближаясь къ двери перегородки, Дмитрицкій остановился.

— Жаль, голубушка, что не понимаешь Святаго Писанія.... какъ бы успокоительно было для тебя Слово Божіе, — проговорилъ чей-то тихій, пріятный голосъ. — Какъ хорошо писано: «Заблудихомъ отъ пути истиннаго, и правды свѣтъ не облиста намъ, и солнце не возсія намъ.... беззаконныхъ исполнихомся стезь и погибели, и ходихомъ въ пустыни непроходимыя, пути же Господни не увѣдохомъ».... Именно такъ!.... «Что пользова намъ гордыня, и богатство съ величіемъ, что воздадъ намъ? преидоша вся она яко снѣгъ и яко вѣсть претекающая....» Жалко, что ты не понимаешь! Э!.... ты плачешь? или поняла ты Божественное Писаніе?.... Поплачь, милая, слеза раскаянія великое дѣло....

Дмитрицкій пріотворилъ двери и невольно содрогнулся. На кровати сидѣла молодая женщина, блѣдная, изнѣвшая, съ потухшими, но яркими еще слѣдами красоты. Она закрыла лицо рукой, крупныя слезы падали изъ глазъ, дыханіе стѣснилось отъ воздержаннаго въ груди рыданія.

Старушка въ очкахъ, сидѣвшая на другой кровати и державшая книгу, оглянулась и, замѣтивъ вошедшаго незнакомца, привстала и спросила :

— Что вамъ, сударь, угодно ?

— Саломея !—проговорилъ тихо Дмитрицкій, не обращая вниманія на старушку и прикоснувшись къ рукѣ больной женщины. Быстро вскинула она на него взоръ, и всѣ составы ея потряслись отъ испуга.

— Я пришелъ къ тебѣ какъ другъ ; не мстить, не радоваться твоему положенію, Саломея, — продолжалъ Дмитрицкій, тихо взявъ ее за руку.

Она упала безъ чувствъ.

— Ахъ, сударь, вы ее испугали ! — проговорила старушка,—вѣдь она по-Русски не разумѣетъ, она иностранка....

— Бѣдная ! — продолжалъ Дмитрицкій, садясь подлѣ на стулъ, и продолжая держать руку Саломеи.

— Охъ, вотъ водицей бы вспрыснуть ее !....

— За чѣмъ ? Чего еще ? — едва произнесла Саломея, очнувшись и отдернувъ руку.

— Одного : я не могу видѣть тебя въ этомъ положеніи ; потому что люблю !.... слышишь ? люблю тебя, недобрая женщина !

Саломея взглянула было блеснувшимъ взоромъ ; но она быстро потухъ ; она отвернулась.

— Не противорѣчь мнѣ, не противься заботамъ моимъ о тебѣ.... дай руку !

Саломея покорно приподняла руку ; но слезы брызнули снова, и снова чувства ее оставили.

— Я сейчасъ возвращусь, пріѣду за ней въ каретъ ; позаботьтесь объ ней, приведите ее въ чувства, успокойте ее, — сказалъ Дмитрицкій старушкѣ, и немедленно же отправился въ гостиницу ; но, какъ читателямъ извѣстно, не засталъ уже Рамирскаго.

Развернувъ поданное челоуѣкомъ, которому приказано было его ждать, письмо, онъ обрадовался деньгамъ.

— Ее теперь не возможно везти, — подумалъ онъ, и приказавъ кланяться Рамирскому, и сказать, что ѣхать теперь не можетъ, бросился вонъ изъ номера.

Встрѣтившійся въ сѣняхъ, какой-то толстый баринъ взглянулъ на него и приостановился.

— Чортъ знаетъ, — сказалъ онъ въ полголоса, — живѣй Дмитрицкій!

Дмитрицкій невольно оглянулся.

— Семень Осиповичъ!

— Такъ, онъ !.... Помилуй, любезный, мнѣ сказали, что ты давно умеръ ?

— Какъ видите ; по крайней мѣрѣ отъ удовольствія васъ видѣть ни живъ, ни мертвъ.... Ахъ почтеннѣйшій мой командиръ !

— Ну, пойдѣмъ же ко мнѣ въ номеръ.

— Не могу теперь.... дѣло.

— Ну, ну, ну ! и мнѣ кстати есть дѣло до тебя.

— Черезъ часъ, черезъ два явлюсь къ вамъ, а теперь ни какъ не могу!

— Пустяки ! я сейчасъ долженъ ѣхать.... а дѣло вотъ въ чемъ.... зайдн, зайдн !

Надо сказать, что Семень Осиповичъ Кубинскій былъ бригаднымъ командиромъ во время службы Дмитрицкаго въ полку и очень любилъ его. Еще до ремонта Дмитрия, онъ вышелъ въ отставку, и съ той поры они не встрѣчались.

— Послушай, братъ, Василій Павловичъ, — сказалъ Семень Осиповичъ, усадивъ Дмитрицкаго и приказавъ подать закуску, — я радъ, что тебя встрѣтилъ; ты непременно ѣдешь со мной въ Сибирь.

— Это какъ ?

— А такъ! Я, братъ, женился на золотыхъ пріискахъ; мнѣ нуженъ тамъ управляющій, вѣрный человѣкъ, ну, словомъ, чтобъ можно было положиться какъ на самого себя. Ты, хоть разбитная голова, но честный и умный малый. Если не имѣешь никакихъ особенныхъ обязательствъ, то возьмись, братъ, за это дѣло. Я тебѣ плачу десять тысячъ въ годъ.

— Хмъ! Это не дурно для меня, особенно теперь.... да.... все-таки надо подумать....

— Пустяки, братъ; если хорошо, такъ все остальное въ сторону.

— Всего нельзя въ сторону, да и отказываться нельзя; вѣрно не даромъ предсказала старая колдунья, баба-лга, что мнѣ на роду написано копать руду.

— Умная баба! Такъ ты мой! такъ дѣло въ шляпъ, готовься въ походъ. Я было думалъ самъ ѣхать, и пріискать человѣчка на мѣстѣ; а теперь во всемъ полагаюсь на тебя. Признаться тебѣ, облынился: хотѣлось устроиться на покой; да, братъ, жена такой воротъ, что сдвинетъ съ мѣста и не такую тушу, какъ я.

При этихъ словахъ Семень Осиповичъ невольно зѣвнулъ.

— Пустяки, братъ, какъ я вижу, и богатство, — продолжалъ онъ, повалясь на диванъ, съ полнымъ расположениемъ пороптать немножко на судьбу, и припомнить бывалые годы на службѣ, когда душа такъ и рвалась дикимъ конемъ, такъ бы и занесла къ чорту; но Дмитрицкій торопился.

— Куда жъ ты?

— Дѣло, которое не терпитъ отлагательствъ; надо съѣздить, привести все въ надлежащее устройство; а потомъ къ вашимъ услугамъ.

— Да полно, братъ; ты такой же чудакъ какъ и прежде; погоди, надо же переговорить.

— Черезъ два часа я буду обратно.

— Ну, постой, по крайней мѣрѣ закусимъ вмѣстѣ.

— Ну, ей-Богу нельзя, невозможно; дѣло такого рода: представьте себѣ, еслибъ у васъ умирала жена.

— Этого, братъ, я себѣ никакъ представить не могу; потому что моя Марья Степановна, слава Богу, страдаетъ не скоротечной, а хронической болѣзью, норовомъ.

— Но.... во всякомъ случаѣ на эту минуту извините: у меня на рукахъ въ самомъ дѣлѣ умирающій человѣкъ.

— Та-та-та, вотъ и завтракъ; ну, по командѣ!

По какой-то привычкѣ повиноваться старому командиру, Дмитрицкій покорился необходимости исполнить его требованіе; но, наконецъ вырвавшись отъ него, онъ полетѣлъ къ Саломѣ.

Ничѣмъ и никогда самолюбіе ея не было такъ поражено, какъ участіемъ Дмитрицкаго; но это былъ уже послѣдній ударъ, нанесенный ея внутреннему идолу: оставалось или умереть вмѣстѣ съ нимъ, или пасть передъ крестомъ съ смиреніемъ и покорностію.

На это не было уже собственной силы у Саломеи; ей легче уже было умереть, и она чувствовала пробѣжавшій по членамъ холодъ смерти.

Мавра Ивановна, надѣвъ снова очки, продолжала читать, то шепотомъ, то въ полголоса:

«Отвержите отъ себя вся нечестія ваша, ими же нечестествовавшие ко мнѣ, и сотворите себѣ сердце ново и духъ новъ.... понеже не хочу смерти грѣшника умирающаго.... обратитесь убо и живи будете.»

Саломея вскочила, бросилась на колѣни предъ образами старушки, уставленными на столикъ въ углу подлѣ ея кровати, перекрестилась, сжала на груди руки; слезы градомъ; но взоръ ея просвѣтлѣлъ.

— Господи! — проговорила Мавра Ивановна съ испугомъ, вообразивъ, что больная упала съ постели; но чувство удивленія проникло ее, когда она взглянула на без-

молвную, пламенную молитву Саломеи. И сама она встала, перекрестилась и проговорила: «Господи силъ, съ нами будеши, иного бо, развѣ Тебѣ, заступника въ скорбѣхъ не имамы! Господи силъ помилуй насъ!»

Въ это время тихо вошелъ Дмитричкій.

XIX.

Черезъ нѣсколько дней, въ залъ того самаго номера гостиницы, который занималъ Рамирскій, на столахъ, на стульяхъ, на диванахъ, лежали въ безпорядкѣ подушки, саки, чемоданы, кульки, ящики, разбросанное платье,—словомъ, всѣ признаки сбора въ дорогу. Дѣвка и нѣсколько слугъ суетливо толкались около этихъ вещей, командуя другъ другу, что брать, что нести въ дормезъ и брику, которые стояли у подъезда гостиницы, запряженные уже наемными лошадьми.

Въ дормезъ распоряжался укладкой самъ баринъ; устроивъ съ одной стороны гнѣздо изъ подушекъ, и завалясь въ него для опыта, ловко ли и мягко ли сидѣть, онъ сказалъ наконецъ: ладно!

Выскочивъ изъ дормеза, онъ побѣжалъ вверхъ въ номеръ, и распорядившись въ залъ, чтобъ укладывали все остальное въ брику, вошелъ въ другую комнату, гдѣ на диванѣ прилегла дама. Она была въ дорожномъ платьѣ; но мантио, чепчикъ, перчатки, шляпка, лежавшая на столѣ, едва только обновились. Вся она была воплощенная слабость.

— Мой другъ, — проговорила она, когда вошелъ господинъ хлопотавшій о сборахъ, и взялся было съ жадностію за кусокъ пастета, стоявшаго на столѣ со всѣми принадлежностями завтрака.

— Что, душа моя? — отвѣчалъ онъ, бросаясь къ дамѣ, — ты опять разгустилась!

— Ахъ, Basile!

— Но, будь же спокойна.

— Не могу.... Послушай.

— Что тебѣ угодно ?

— Не сердись на меня !

— О Боже мой, за что же !

— Послушай.... мнѣ хочется видѣть отца и мать.... просить у нихъ прощенія.... можетъ быть, они меня про-клинаютъ....

— Помилуй, Саломея ! возможно ли теперь на это рѣшиться ?

— Я, можетъ быть, ихъ никогда уже не увижу !....

— Милая моя, но какимъ же образомъ ты бы явилась къ нимъ ?.... помилосердуй !

— Я упаду въ ноги, я умолю ихъ.

— Для чего жъ ты не вздумала прежде?.... Впрочемъ, если желаешь, если есть у тебя на столько силъ — какъ угодно.... возвратись къ отцу и матери.... ихъ кровь надежнее моего....

— Ахъ, нѣтъ, я съ тобой не могу разстаться !.... Я не смѣю возвратиться къ нимъ, не рѣшусь тяготить ихъ собою, мучить своимъ присутствіемъ, какъ вѣчный упрекъ....

— Чего жъ ты желаешь ?....

— Ахъ, не спрашивай, я сама не знаю.... ты видишь.... Гдѣ жъ Иванъ Даниловичъ ?

— Сбирается ; такую семью не скоро подымешь.

— Какъ я рада, что ты уговорилъ его ѣхать съ нами....

— И я не меньше твоего радъ : и для насъ хорошо, и для него съ такой семьей не дурно прочное мѣсто, съ тремя тысячами жалованья. Жена его тебѣ для компаніи. Она такая добрушка.

— Глупа кажется и необразована.... да впрочемъ мнѣ не нужно никакихъ компаній.

— Ну, я какъ-то не умѣю взвѣшивать чужой умъ и образованность, душа моя !.... Знаешь, что я тебѣ скажу : у

большаго свѣта свои мѣра и вѣсь на эти вещи ; у ученаго свѣта — свои, у простаго народа — свои, у меня свои, у тебя свои — и право не разберешь, кто истинно уменъ и истинно образованъ....

— Ахъ, нѣтъ, я хочу, чтобъ у насъ были взаимныя понятія обо всемъ.

— Такъ для этого будемъ взвѣшивать умъ каждого благоразуміемъ его поступковъ ; чего не дотянетъ, дополнимъ снисходительностью — на причины промаховъ, которыя намъ не извѣстны ; что же касается до образованія, то вѣдь это богатство, которое не всякій можетъ имѣть, не всякій, который и имѣетъ его, употребляетъ съ толкомъ.

Саломея протянула руку Дмитрицкому ; во взоръ ея высказалось согласіе ; но замѣтно было, что каждое умственное напряженіе для нея было тяжело : она привыкла понимать все по впечатлѣніямъ и извлекать свой выводъ изъ противорѣчій.

— Скоро ли мы поѣдемъ ? Ты бы посламъ къ Ивану Даниловичу.

— Можно.

И Дмитрицкій вышелъ въ залу.

— Ну, скоро ли вы уложите? — спросилъ онъ у челоуѣка, который забиралъ разную мелочь съ оконъ.

— Сейчасъ, сударь.

— А Заборовъ уложилъ кухню?

— Кажется, уложилъ.

— Кликни его.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Заборовъ, небольшого роста, но бодрой наружности, отставной солдатъ.

— Что жъ ты не надѣлъ новаго платья?

— Примѣривалъ, Ваше Высокоблагородіе, да какъ-то не приходится....

— Какъ не приходится? За чѣмъ же ты выбралъ себя не въ пору?

— Оно въ пору-то въ пору.... да какъ-то совѣстно, не привышно, Ваше Высокоблагородіе.... словно не въ своей кожѣ.... да и для походу-то важнѣ солдатская одежда.... а то вѣдь того и гляди холуемъ назовутъ; а ужъ я этого не снесу....

— А! ну, это дѣло. Все закупилъ для кухни, что нужно будетъ въ дорогъ?

— Все, какъ слѣдуетъ.

— Уложился?

— Давно ужъ.... Слава Богу, не въ первый разъ въ въ походъ собираться.... не замнусь, Ваше Высокоблагородіе.

— Молодецъ, люблю! Ну, сбѣгай же ты поскорѣе, вотъ тутъ рядомъ, въ Московскую гостиницу, въ 15 номеръ стоитъ докторъ. Скажи, что мы готовы и ожидаемъ. Только.

— Слушаю, Ваше Высокоблагородіе.

— Не Высокоблагородіе, а просто Василій Павловичъ; твоего жалованья въ чины мнѣ не нужно. Слышишь?

— Слушаю, Ваше Высокоблагородіе, — отвѣчалъ Заборовъ, двинувшись исполнять приказаніе.

Бѣгомъ прибѣжалъ онъ въ Московскую гостиницу, добился гдѣ 15 номеръ, осторожно пріотворилъ дверь, вошелъ.

— Кто тамъ? — спросилъ чей-то голосъ.

Въ переднюю выбѣжали двое дѣтей, дѣвочка лѣтъ пяти и мальчикъ лѣтъ трехъ.

— Солдаты плисолъ! — сказалъ мальчикъ, побѣжавъ назадъ.

— Что тебѣ, солдатъ? — спросила дѣвочка.

— Да.... здѣсь живетъ....

— Здѣсь живетъ папинька?....

— Иванъ Даниловичъ....

Заборовъ не договорилъ.

— Ахъ, Филатушка! — вскрикнула дѣвочка, — Филатушка !....

— Голубушка ты моя, маточка! — вскричалъ и Заборовъ, бросающъ къ дѣвочкѣ и схвативъ ее на руки, — узнала !....

— Маминька, маминька! Филатушка пришелъ!....

Нѣсколько дѣтей высыпало въ переднюю.

— Филатуська! Филатуська! — кричали они, таща его въ комнату.

— Васинька! душокъ! пупочка моя!.... Леночка! ахъ ты, Господи !....

— Филать! — вскричала Марья Ивановна, бросивъ укладку платья въ чемоданъ.

— Матушка! Марья Ивановна! барынька !....

— Гдѣ Филать? — крикнулъ изъ другой комнаты Иванъ Даниловичъ изъ-за столика, на которомъ онъ разложился съ домашней аптечкой. — Филать!

— Батюшка, Иванъ Даниловичъ!

Въ это время столъ одноножка, который Иванъ Даниловичъ, вскочивъ съ мѣста, задѣлъ ногой, перевернулся, также вѣроятно съ радости, и хлопнулся, земно кланаясь Филату. Пузырьки и баночки разлетѣлись по всей комнатѣ.

— Ахъ ты, Господи! — вскричалъ Филать, — опять бѣда !....

— Ну, чортъ съ ними! — крикнулъ и Иванъ Даниловичъ, продолжая обнимать Филата.

Марья Ивановна и дѣти бросились поднимать столъ, пузырьки и баночки.

— Ня, папа, эта твоя иглусецька, — пролепеталъ двухлѣтній малютка, поднявъ одинъ пузырекъ и подбѣгая къ Ивану Даниловичу.

Оказалось все цѣло, кромѣ большой стеклянки.

— Ну ничего, — сказалъ Иванъ Даниловичъ, — это разлилось вино, добрый знакъ. Ну, я, братъ, никогда еще такъ не радовался.

— О, Господи, думалъ ли я поплакать на вѣку отъ радости! — проговорилъ Филать, утирая слезу; — Васенька!....

— Пади, пади сюда, Филятуська.... давай на караулъ дѣлать!

— Охо ты мой на караулъ любезный!.. Ну, ну, ну, садимъ, давай ружье....

И Филать забылъ, за чѣмъ былъ посланъ, засѣлъ посреди дѣтей и началъ разсматривать показываемыя ими игрушки и куклы.

Иванъ Даниловичъ и Марья Ивановна также забыли о сборахъ; они сѣли на стулья и смотрѣли на Филата, который сидѣлъ на полу, окруженный дѣтьми, съ игрушками въ рукахъ, и не зналъ, на кого радоваться, чью смотрѣть игрушку, чьи слушать лепетанья.

Эта картина нарушена была новымъ посланнымъ отъ Дмитрицкаго, сказать, что господа готовы.

— Ахъ, Боже мой! — вскричала Марья Ивановна, — что жъ это мы?.. сейчасъ, сейчасъ!....

— Господи ты мой! я вѣдь и позабылъ, за чѣмъ пришелъ, — сказалъ Филать, вскочивъ съ полу, — вѣдь тамъ Ихъ Высокоблагородіе Богъ знаетъ что думаетъ!.... Вѣдь они послали меня къ вамъ....

— Кто? — спросилъ Иванъ Даниловичъ.

— Да вотъ, Василій Павловичъ, господинъ, у котораго я нанялся....

— Нанялся? къ Василю Павловичу? ты вышелъ въ отставку?....

— Какъ же, сударь.... у меня бы и въ головѣ не было, да срокъ вышелъ; ну, а оставаться нельзя было: я отъ

фрунта поотсталъ. Хотѣлъ было при заведеніи какомъ-нибудь, да вотъ выдался славный баринъ, нанялъ меня въ повара.

— Что ты говоришь? Василій Павловичъ Дмитрицкій? вѣдь мы ѣдемъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Неужели? ну, такъ ужъ я хотѣ еще разъ поплакать на радости.... Такъ собирайтесь же, сударь; я побѣгу, да не помочь ли вамъ?.... я только сбѣгаю, доложу.

Не болѣе, какъ черезъ полчаса, dormire и двѣ брички выѣзжали уже изъ Москвы. Никто не забылъ Русскаго обычая присѣсть на дорогу, перекреститься и прочитать про себя напутствующую молитву.

Дмитрицкій заботливо и съ участіемъ развлекалъ грустныя мысли Саломеи. Никогда еще не испытывала она такого радушнаго, угодливаго участія. Чувства въ ней оживали. На первомъ ночлегѣ, гдѣ въ первый разъ Филатъ показалъ свое искусство въ поваренномъ дѣлѣ, она покосилась немножко, посмотрѣла на лѣнныя щи солдатской работы, на соусъ изъ курицы, подправленный мучкой и маслицемъ съ излишнимъ усердіемъ, на *бифштексъ* въ родѣ черныхъ говяжьихъ лепешекъ съ лучкомъ.

— У меня совсѣмъ нѣтъ аппетита, — сказала она.

— Ты, братъ, я вижу, мастеръ готовить кушанье, — сказалъ Дмитрицкій Филату.

— Да что жъ Ваше.... сударь, Василій Павловичъ, вѣдь это не великая штука, — отвѣчалъ онъ, — вѣдь это Французскіе-то повара только чванятся, готовятъ мѣшанину, вѣдь и не разберешь, что ѣшь....

— Да, да, да, это такъ, правду ты говоришь, — сказалъ Дмитрицкій, и на слѣдующей станціи принялся было самъ готовить чистый супъ; но Марья Ивановна взяла на себя обязанность изготовить для Саломеи кушанье поѣжнѣе.

Филатъ обидѣлся недовѣренностью къ его искусству, стоялъ, сложа руки, и смотрѣлъ.

— Ну, что жъ, — сказалъ онъ, — только-то? Я думалъ Богъ знаетъ что. Такъ бы сначала сказали. Что, такого супу что ли я не умѣю изготавить?

И на третьемъ ночлегѣ онъ уже не подпустилъ никого къ печкѣ.

— Такъ бы и сказали, — повторялъ онъ, — что барыня не здорова; не знаю что ли я изготавить для больной барыни? Для нея поставимъ особенный горшечникъ.

Однакожъ, чрезъ нѣсколько дней пути солдатская кухня стала больше нравиться для Саломеи, нежели все приготовляемое для нея особенно.

Вдали отъ соблазновъ чувствъ, вдали отъ всѣхъ колющихъ отношеній, среди которыхъ человѣкъ невольно становится ежомъ, на чистомъ воздухѣ сельской простоты, онъ и самъ проще, добрѣе, здоровѣе. Естественная жизнь разбиваетъ всѣ внутреннїе завалы тѣла и духа. То же случилось и съ Саломеей; не будь привычекъ, этихъ наростовъ на клубкѣ жизни, не будь въ немъ порывовъ, не будь смутныхъ воспоминаній — этихъ нѣсколькихъ концовъ, путающихся и не дающихъ нити развертываться свободно, — Саломея была бы вполне счастлива. Дмитрицкій наложилъ на себя какъ будто обѣтъ угождать ей, распутывать въ ней съ терпѣливымъ участіемъ каждый узелъ, и примирять ее съ самой собою. На сколько прежде онъ шелъ наперекоръ ея высокомерію, на столько теперь покорился всѣмъ малѣйшимъ, боязливо высказываемымъ желаніямъ, и смотрѣлъ ей въ глаза, чтобъ угадать даже и тѣ, которыя могли бы показаться причудами и подавлялись уже умомъ и самолюбіемъ Саломеи въ зародышѣ.

Продолжительный путь и быстро, все болѣе и болѣе, исчезающая обстановка жизни блескомъ, нѣгой и удобствами, невольно возмущали непривычныя чувства ея, и они, какъ напуганные, сосредоточивались на Дмитрицкомъ. Постепенно въ глазахъ ея все разоблачалось — обнажались и природа и чувства людей.

— Что тебя смущаетъ, другъ мой, — говорилъ Дмитрицкій. — Представь себѣ, что мы ѣдемъ изъ прекраснаго сада въ чистое поле. Тамъ воздѣлываетъ человѣкъ, здѣсь природа; тамъ часто прихоть человѣческая, вопреки природѣ, нянчится съ какимъ-нибудь чуждымъ ей растеніемъ; а здѣсь, безъ согласія матери, дитя не ступитъ шагу. Тамъ человѣкъ удовлетворяетъ по большей части свои причуды; здѣсь — свои необходимости. Тамъ карабкаются въ гору, безъ пути, безъ дороги лѣзутъ на Вавилонскую башню; здѣсь идутъ себѣ, съ Богомъ, по проложенной тропинкѣ. Тамъ упадешь — разобьешься въ дребезги, здѣсь только ушибешься.

Дѣлая всѣ эти сравненія, Дмитрицкій невольно задумывался, смотря на Машеньку или Марью Ивановну и Ивана Даниловича.

Машенька не знала непріятныхъ впечатлѣній при встрѣчѣ съ новыми предметами, съ новыми породами людей. Она только удивлялась всему и вскрикивала просто душно:

— Ахъ, Иванъ Даниловичъ, посмотри, что это за человѣкъ такой чудной? и другой такой же!.... Это-то Калмыки? Скажи пожалуйста, отъ чего жъ это они родятся не такіе, какъ всѣ люди?....

— Какъ она проста! — говорила Саломея съ жалкой усмѣшкой.

— Очень проста: не бонся высказывать свое незнаніе; люди и раздѣляются на простыхъ и непростыхъ, — отвѣчалъ Дмитрицкій; — лучше ли заглушать живой голосъ любознательности, и на каждомъ шагу притворяться, что все знаемъ и ничто уже насъ не удивляетъ? Отъ этой-то свѣтской непростоты невѣжество и неизлечимо, и гораздо жалче и смѣшнѣе простоты.

Такимъ образомъ, едва только проявлялся во взорѣ, въ голосѣ, въ движеніи Саломеи, какой-нибудь симптомъ, или, говоря по просту, признакъ болѣзненныхъ понятій, Дмитрицкій тотчасъ же уничтожалъ его гомеопатическимъ приѣмомъ.

— Вотъ видишь ли, какъ мнѣ кажется, — замѣчалъ иногда онъ, — есть два ума: умъ живой и умъ мертвый, то есть бездушный; первый живетъ въ человѣкѣ, который не отпалъ отъ людей, а другой живетъ въ философскомъ я. Это я составляетъ во всякомъ организмѣ или наружную сыпь или внутреннюю порчу, и чѣмъ болѣзненнѣе организмъ, тѣмъ больше этой нечистоты. Зарожденіе же ея бываетъ отъ двухъ причинъ, всегда внѣшнихъ: или отъ несоответственной организму пищи, или отъ несоответственныхъ организму понятій.

— Что-то болить голова, — прерывала часто Саломея долгія умствованія, въ которыя невольно вдавалось дѣятельное воображеніе Дмитрицкаго.

— Понимаю, — думалъ онъ, — эта пища несоответственна твоему организму.

Пріѣхали въ одинъ изъ городковъ Сибири близъ пріисковъ.

Мы не будемъ описывать этой пустынной жизни въ сравненіи съ столичною. Очень натурально, что простой человѣкъ, воспитанный не въ парникѣ, не изнѣженный неестественными навыками, легко приспособляется къ обстоятельствамъ, къ климату, къ переменамъ, и вездѣ умѣетъ устроить себѣ теплый уголокъ и довольствіе, умѣетъ ко всему примѣниться, какъ умный гость къ обычаямъ хозяина; между тѣмъ какъ парниковое растеніе, пышное безъ всякаго запаха, или до того благоуханное, что производитъ угаръ, или дающее чудные плоды только напоказъ, — это растеніе презираетъ все, что не за стеклами, или выглядывая на улицу, сожалеетъ о всѣхъ бѣдныхъ, которыхъ грѣетъ само солнце и поливаетъ сама природа, или изъ участія хочетъ обратить весь земной шаръ въ парники, всю растительность помѣстить въ теплицы, соединить ихъ волшебными путями и прогуливаться на *самолетахъ* по всему міру, и пріѣзжать повсюду, какъ къ себѣ домой

Очень натурально, что и смыслъ этихъ пышныхъ растеній оранжерейный, взоръ близорукъ. Воздѣланные искус-

ственной рукой, они думаютъ, что имъ ни Богъ, ни природа ни сколько не нужны; что искусственная рука можетъ пересоздать Божье созданіе и привести его въ надлежащій порядокъ.

Надо было видѣть Машеньку, какъ она на новоселье принялась за новое хозяйство, какъ быстро свила въ простой избѣ гнѣздышко для птенцовъ своихъ; между тѣмъ какъ Саломея вошла въ домъ, предназначенный для смотрителя заводовъ, хотя и съ подавленнымъ чувствомъ пренебреженія къ сельской простой обстановкѣ, но за то съ равнодушіемъ, которое ни чѣмъ не приласкало ни голыхъ стѣнъ дома, ни мебели, выкрашенной сурикомъ подъ красное дерево, ни жену писарскую, которая поцѣловала у ней ручку, ни ~~кота~~, который началъ ластиться около ногъ ея и курныкать пѣсню.

Когда она безмолвно сѣла на деревянный диванъ и закрыла глаза рукой, Дмитрицкій посмотрѣлъ на нее съ участіемъ.

— Боже мой, я не туда ее завезъ! — проговорилъ онъ про себя, и бросился хлопотать, чтобъ скорѣе придать комнатамъ хоть малѣйшій признакъ сродства съ какой-нибудь дачей близъ Москвы. Въ городишкѣ не было и тѣни мебельщика; но чрезъ нѣсколько дней явилась прекрасная мягкая мебель: Дмитрицкій закупилъ у бабъ весь кумачъ, холстъ и ленъ, и съ помощію плотника передѣлалъ всѣ стулья въ кресла, всѣ лавки въ диваны и кушетки, — развѣсилъ кумачные занавѣсы надъ окнами, обклеилъ стѣны всѣмъ запасомъ писчей бумаги, расположивъ синюю, сѣрую и бѣлую въ узоръ. Полы вымыли, все вычистили, вымели, столы обтянули сукномъ, купленнымъ про запасъ на платье. Все, что только можно было обратить въ украшеніе, разставлено было по столамъ. Дмитрицкій хотѣлъ даже ѣхать въ губернскій городъ за нѣсколько сотъ верстъ, чтобъ закупить разныхъ вещей, но Саломея его не пустила.

Саломею ничто не занимало, въ душѣ ея былъ какой-то необъяснимый недостатокъ въ всемъ, безъ исключенія,

и это все долженъ былъ занять собою Дмитрицкій. Взявшись за профессію медика по нравственной части, онъ очень удачно умѣлъ выбирать *успокоительное*; но за то его больная не могла переносить отсутствія медика ни на шагъ: едва онъ за двери, болѣзнь, тоска, снова одолевала ее, и всѣ приемы успокоительныхъ бесѣдъ надо было давать снова, и снова возбуждать дѣятельность органовъ.

Филать, не смотря на свое званіе повара, не могъ держаться, чтобъ не вышпаться во всѣ должности при домѣ. Дѣятельный по природѣ и по навыку, принимающій все, что относилось до порядка въ домѣ, къ сердцу, онъ на-ходилъ для себя дѣло во всемъ, находилъ на каждомъ шагу недодѣланное, или забытое и камердинеромъ Дмитрицкаго и горничной Саломеи. Но часто бѣгалъ онъ и на квартиру Ивана Даниловича, нянчить и забавлять дѣтей.

— Матушка-барынька, — говорилъ онъ Марѣ Ивановѣ, которая часто высказывала ему сожалѣніе, что онъ не у нихъ, — матушка-барынька, я давно бы уже къ вамъ опредѣлился, да еще какъ! перекрестясь обѣими руками, еслибъ не жалко было оставить Саломеи Петровны: вы вѣдь изволите видѣть, какая она: на вкусъ-то ей кто угодить? Баринъ только; да вѣдь пельзя, сударыня, ему и поварскую должность принять на себя: а мнѣ, какъ сказали, такъ и сдѣлалъ. Да и люди-то какіе у насъ? хвосты носи за ними!.... вотъ что!

Филата ужасно какъ мучило положеніе Саломеи. Часто онъ придетъ въ комнату поприбрать, стереть пыль, посмотреть на барыню и покачаетъ головой.

— Вотъ, сударыня, еслибъ вы меня изволили послушать, — я бы вамъ сказалъ дѣло: сидѣть-то все на одномъ мѣстѣ не годится, сударыня, — отъ этого-то вы вѣдь и больны. Для прогулки-то у васъ ножки болятъ, ну, такъ изволили бы попроходиться по комнатамъ, съли бы подлѣ окошечка.... все-таки посмотришь на прохожихъ, такъ оно и займетъ васъ, сударыня....

Иногда онъ начиналъ такъ:

— Иванъ Даниловичъ досталъ у надсмотрщика для Марьи Ивановны какую-то книгу про вѣчнаго Жида; я слушалъ, съ позволенія сказать, плюнулъ, да говорю: барынька, не читайте вы эту богохульную книгу! вѣченъ только Богъ, сударыня; а ужъ если угодно вамъ, матушка, читать, такъ я бы досталъ у здѣшняго священника четъ-миней.... Вотъ бы и вамъ, сударыня.

Какъ ни заговаривалъ однакожъ Филать, ни какъ не могъ добиться слова отъ Саломеи.

Безмолвно она сидѣла, задумавшись, когда удалялся Дмитрицкій на пріиски, и оживала только по его возвращеніи. Марья Ивановна иногда приходила къ ней съ Иваномъ Даниловичемъ, который совѣтовалъ ей пить молоко, котораго однакоже Саломея не могла переносить. Иногда Машенька приходила и одна поздравить съ праздникомъ; но Саломея тяготилась ею. Еще тяжелѣе была она для нея въ присутствіи Дмитрицкаго, который часто всматривался въ Марью Ивановну и что-то думалъ, не замѣчая самъ этой минутной задумчивости. Но эта задумчивость не проходила даромъ. Послѣ посѣщенія Ивана Даниловича съ женой, Саломея становилась мрачною, и Дмитрицкій напрасно старался разсѣять ее, или добиться отъ нея слова.

— Ахъ, полно! — произносила она, — ты меня не можешь любить!....

— Помилуй, другъ мой, съ чего ты это берешь?

— Я это чувствую, чувствую!

Увѣренія становились напрасны, но все-таки были необходимы, какъ хина для страждущаго лихорадкой.

Душа женщины сложный оркестрино. Много теперь игроковъ музыкантовъ, которые разыгрываютъ на немъ затверженныя штуки съ громами и молніями; послѣ одного такого концерта струны порваны, разстроены. Непостоянная атмосфера жизни также портитъ этотъ инструментъ. Но когда онъ разстроится — не скоро найдешь настройщика

для этого механизма. Что жъ будешь играть на разстроѣ обыкновеннымъ образомъ? въ звукахъ нѣтъ смысла: веселое не весело, грустное не грустно; въ чувствахъ хаосъ. Есть однакожъ средство выучиться играть на разстроѣ, принявъ его за норму, за основу распредѣленія звуковъ. Дмитрицкій такъ и сдѣлалъ; но это былъ невыносимый трудъ: аккорды безъ напряженія не вязались, игра не ладилась безъ скачковъ, высокое искусство могло казаться неумѣньемъ, и каждая разстроенная женщина вскричала бы:

«Вы меня не понимаете, въ васъ нѣтъ ни души, ни чувствъ, ни нѣжности, ни сочувствія. Вы грубы, необразованы, вамъ играть не на душъ женщины, а на балалайку!»

А между тѣмъ нельзя же бросить живаго инструмента: она хочетъ издавать звуки.

Дмитрицкій долго не понималъ проявляющихся часто признаковъ раздраженнаго сердца Саломеи; хотя она и таила ихъ, но мрачная, холодная безответность, вырывающіеся упреки въ нелюбви, высказывали какія-то причины.

— Это не то, душа моя, — сказалъ однажды Дмитрицкій, — я замѣчаю въ тебѣ не грусть, не болѣзненность, а что-то другое: ты на меня сердишься.

— Хмъ! странно! — проговорила Саломея, вспыхнувъ, — можетъ ли прійти это въ голову человѣку.... безъ причины!....

— Причины?.... стало быть, она есть? — сказалъ Дмитрицкій, и мелькнувшая какая-то мысль заставила и его вспыхнуть. Сомнѣніе, недовѣрчивость были для него обиды.

Саломея замѣтила взволнованный его духъ, и для нея не нужно было другихъ доказательствъ. Сердце ея вскипѣло, гордость пробудилась.

— Знаешь что, милая моя, — сказалъ Дмитрицкій, — ты не слишкомъ нуждаешься въ Иванѣ Даниловичѣ, — я хочу ему предложить переѣхать въ другой участокъ; тамъ присутствіе его будетъ полезнѣе.

— Я думаю, гораздо лучше будетъ, если я удалюсь куда-нибудь.... — отвѣчала Саломея, — я не желаю быть никому въ тягость!.... я намѣрена вступить въ монастырь....

— Саломея! — вскричалъ Дмитрицкій, устремивъ на нее блеснувшій грозой взоръ.

— Я рѣшилась! — проговорила тихо и спокойно Саломея.

— Ты рѣшилась? — повторилъ Дмитрицкій, такъ что Саломея содрогнулась.

Онъ вышелъ.

Въ передней человѣкъ подалъ ему письмо.

Онъ развернулъ, пробѣжалъ и воротился въ комнату.

— Поди сюда! послать за почтовыми! скорѣе! — сказалъ онъ, вынувъ изъ портфеля подорожную и бросивъ ее человѣку.

— Basile! — проговорила Саломея, вскочивъ блѣдная съ мѣста и подбѣжавъ къ нему, — прости меня!

— Въ чемъ? — спросилъ Дмитрицкій спокойно.

— Что это значить?.... куда ты ѣдешь?

— Въ Москву.

— Въ Москву?... Нѣтъ! я тебя не пушу!.... не сердись на меня!...

— Моя милая, я не на столько вспыльчивъ, чтобъ глупо сердиться и скакать за нѣсколько тысячъ верстъ отъ сердца.... Мнѣ надо ѣхать: я получилъ письмо.... вотъ оно.

— Ахъ зачѣмъ?.... Я съ тобой поѣду, — проговорила Саломея дрожащимъ голосомъ, пробѣжавъ письмо.

— На почтовыхъ? въ кибиткѣ? безъ сна и безъ отдыха? это невозможно! я ѣду на короткое время.

— Ахъ, не оставляй меня! я умру безъ тебя.

— Саломея!.... это странно! — сказалъ Дмитрицкій строгимъ голосомъ. — Ты останешься здѣсь.

Саломея, какъ убитая, опустилась на кресла и замолкла.

XX.

Быль уже полдень. Ранѣвъ еще покоился крѣпкимъ сномъ; но вдругъ въ спальню вошелъ слуга и разбудилъ его.

— Что ты?

— Отъ Сергѣя Павловича человѣкъ прибѣжалъ.... просить васъ поскорѣй пожаловать.... Они очень плохи, говорить....

— Что такое? умеръ?

— Ни какъ нѣтъ, еще, а очень плохи, говоритъ человѣкъ, приказали просить къ себѣ.

— Давай одѣваться.

И встревоженный Ранѣвъ, противъ обыкновенія, заторопился

— Лошади запряжены?

— Я велѣлъ запрягать, должны быть готовы.

— Давай шляпу, вели подавать.

Гаврило вышелъ, но тотчасъ же воротился.

— Какой-то господинъ васъ желаетъ видѣть.

— Кто такой?

— Не могу знать-съ.

— Что за господинъ? мнѣ некогда.... Хмъ! да кто такой?

— Не могу знать-съ; говорить, что имѣетъ дѣло до васъ....

— Поди узнай, спроси: что угодно.... или постой, я самъ выйду.

Только что Ранѣвъ вышелъ въ залу, къ нему подлетѣлъ какой-то молодцоватый господинъ, *homme ganté*, руки фертонъ, хохоль взбитъ на сторону, *партикулярный* костюмъ хотя сборный, фракъ съ буфами, панталоны съ раструбами, но

жабо съ огромными вышивками; бѣлыя перчатки, хотя и позасаленныя, однакоже все-таки признакъ челоуѣка знающаго свѣтскія приличія визитовъ; въ рукахъ круглая шляпа; взглядъ современный, стоячій.

Расшаркавшись впередъ, онъ очень ловко отступилъ назадъ, вынулъ изъ кармана письмо и подалъ его, какъ говорится, съ вывертомъ, поклонился, проговорилъ: «Анна Григорьевна приказала свидѣтельствовать свое почтеніе, и вотъ письмецо-съ», — потомъ выпрямился, поправилъ выпуски, покивалъ головой, посжалъ губы, и устроивъ пріятное и умное выраженіе лица, изготовился къ отвѣту на предлагацій вопросъ.

— Отъ Анны Григорьевны?—спросилъ Ранѣвъ, взявъ письмо и распечатывая его.

— Такъ точно-съ; позвольте рекомендовать себя.... я очень счастливъ, что имѣю счастье воспользоваться Ея Сіятельствомъ, и представить себя достойнымъ такой особы.... надѣясь вполнѣ, что вы не откажете въ смѣлости моей.... я буду умѣть чувствовать....

Между тѣмъ, какъ неизвѣстный господинъ изъяснялъ свою рекомендацію такимъ образомъ, переплетая слова, декламируя шляпой и головой, то отставляя ногу, то становясь въ позу, Ранѣвъ пробѣжалъ записку.

— Очень готовъ служить чѣмъ могу; но теперь прошу извинить меня, мнѣ необходимо ѣхать....

— Ея Сіятельство Анна Григорьевна извоили быть такъ добры касательно желанія моего въ отношеніи какого-нибудь мѣстечка....

— Да, да, да, очень хорошо, я очень радъ исполнить желаніе Анны Григорьевны; но пожалуйста, нельзя ли вамъ пожаловать завтра....

— Милости такой особы всегда будутъ неоцѣненны въ душѣ моей,—продолжалъ господинъ, расшаркавшись снова,—высокое ваше покровительство, исполненное чувства признательности, всегда будетъ запечатлѣнно....

— Очень радъ, готовъ сдѣлать что могу, но....

— И позвольте изложить, — продолжалъ молодцоватый господинъ, перервавъ слова Ранѣва, — что я служилъ какъ въ арміи, такъ равно и по лѣсной части, удостоивался вниманія начальства.... Я ни какъ бы не осмѣлился утруждать такую особу.... но единственно для успокоенія жены ... Вы, можете быть, изволите знать Илью Ивановича Капулина?

— Нѣтъ-съ, я не знаю его....

— Докторомъ при домѣ Ихъ Сіятельства; это дядя моей жены-съ.... Такъ какъ онъ избавилъ Его Сіятельство отъ жизни и отъ смерти, можно сказать, такъ Ея Сіятельство....

— Извините меня, прошу васъ пожаловать завтра, если вамъ угодно будетъ переговорить со мною, — сказалъ сухо Ранѣвъ и хотѣлъ выйти; но зять Ильи Ивановича разле-тѣлся и расшаркался снова съ изъясненіемъ увѣренности въ исполненіи просьбы Ея Сіятельства Анны Григорьевны.

— Такъ ужъ я надѣюсь, что вы не оставите вашимъ покровительствомъ.... Повѣрьте, не то чтобы меня вынуждали къ тому какіе-нибудь недостатки, я, слава Богу, имѣю кое-что; но единственно для успокоенія жены....

— Это ужъ до меня не касается; но.... до свиданія....

— Если позволите.... — началъ было племянникъ Ильи Ивановича, торопливо поставивъ шляпу на столъ, и вынимая изъ бокового кармана какую-то бумагу; но Ранѣвъ, не обращая уже на него вниманія, накинулъ на плеча шубу, съ которой Гаврило стоялъ въ дверяхъ во все время, выбѣжалъ, сѣлъ въ сани, и велѣлъ кучеру, какъ можно скорѣе ѣхать къ Даянову.

У подъезда его встрѣтилъ Яковъ.

— Ахъ, батюшка, Владимиръ Петровичъ, баринъ приказалъ было мнѣ самому скорѣе бѣжать къ вамъ.

— Да что такое? ему хуже?

— Ужъ и не разберешь. Совсѣмъ помутился: сами вы изволили видѣть, недѣли двѣ лежалъ какъ пласть; а тутъ вдругъ, сегодня поутру, приказалъ всѣ вещи собирать

и укладывать.... въ дорогу, что ли, переезжать куда, что ли, Богъ его знаетъ: укладывай да укладывай! что укладывать? спросить не смѣешь.... Хоть бы вы, сударь, Владимиръ Петровичъ, допытались, или ужъ уговорили его....

Ранѣвъ молча слушалъ рѣчь Якова, какъ будто соображая, что ему дѣлать, наконецъ тихо вошелъ въ комнату, постоялъ у двери въ спальню, прислушался, пріотворилъ.

— Кто тамъ? — раздался рѣзкій голосъ Даянова, сопровождаемый оханьемъ.

— Я, любезный другъ, — сказалъ Ранѣвъ, входя и взглянувъ недоверчиво на блѣдное лицо Даянова, который лежалъ въ постель. — Что, какъ ты себя чувствуешь?

— Какой любезный другъ? — проговорилъ Даяновъ, продолжая охать и отвернувшись къ стѣнѣ. — Это удивительно!.... родятся же на свѣтъ, вотъ такіе люди!.... вотъ такіе!

И онъ застукалъ рукой въ стѣну.

— Хоть весь свѣтъ перемри.... не сдвинутся съ мѣста!.... неподвижная душа!.... Охъ!.... Фу!.... чортъ знаетъ!.... жарко здѣсь, или холодно....

— Что тебѣ, мой милый?.... ты прислалъ за мною? — сказалъ тихо Ранѣвъ, подходя къ постели.

— Кто тутъ? — крикнулъ вдругъ Даяновъ, не оборачивая головы отъ стѣны.

— Я, — отвѣчалъ Ранѣвъ.

— Эй! — крикнулъ снова Даяновъ.

— Кого тебѣ? чловѣка? — спросилъ Ранѣвъ, и хотѣлъ идти позвать Якова; но Яковъ самъ приближалъ на зовъ барина.

— Что изволите приказать? что вамъ угодно, Сергѣй Павловичъ? — повторилъ заботливо Яковъ, подходя къ постели.

— Я слышалъ чей-то чужой голосъ, — сказалъ Даяновъ.

— Это, сударь....

— Пошли сейчасъ же опять къ Ранѣву, сказать, чтобъ онъ не беспокоился пріѣзжать.... Пошелъ! затвори двери, и никого не принимать, кромѣ Марьи Степановны.

Съ этими словами онъ уткнулъ голову между двумя подушками и началъ легать ногой. Это значило: убирайся вонъ!

Яковъ посмотрѣлъ молча на Ранѣва. Ранѣвъ тихо вышелъ изъ комнаты; а онъ въ слѣдъ за нимъ.

— Что, принималъ онъ лекарство, которое прописалъ ему Ѳедоръ Ивановичъ?

— Да когда жъ баринъ принимаетъ, сударь, лекарство? — спросилъ Яковъ вмѣсто отвѣта, — известное дѣло: возметь, посмотритъ, спроситъ: это что такое? — Лекарство, сударь. — Ну, вылей его въ лаханъ. — Вотъ и все, у насъ другаго приѣма лекарству не бываетъ.

Ранѣвъ вздохнулъ, пошелъ въ гостиную, сѣлъ на диванъ, взялъ книгу и сталъ переворачивать безъ вниманія листы. Это занятіе однакоже наскучило ему наконецъ. Онъ положилъ книгу, подумалъ, зажегъ папироску, и уставилъ глаза на цвѣтной коверъ. Зрѣніе его и въ этомъ случаѣ утомилось. Онъ приклонилъ голову на спинку дивана, сложилъ руки, вздохнулъ, закрылъ глаза и, казалось, забылся сномъ.

— Эй! — раздался вдругъ звонкій голосъ Даянова.

Ранѣвъ, какъ испуганный, вскочилъ съ мѣста, торопливо вышелъ въ залу; а Яковъ бросился въ спальню.

— Ну! — раздалось снова восклицаніе, — держи!

Вскорѣ Яковъ вышелъ.

— Что? — спросилъ его Ранѣвъ.

— Ничего-съ, все также.

— Да что, онъ жалуется на что-нибудь?

— Богъ его знаетъ; такъ чтобы на что-нибудь особенно не жалуется, а только заохаетъ, да и вскрикнетъ: мори, мори! — жалоба-то стало быть на Софью Александровну.... полежить, полежить, да вздохнетъ, потомъ опять

заохаетъ : мори , мори ! да и только. Вѣрно она что-нибудь поддобрехотила !.... Долго ли въ самомъ дѣлѣ молодого барина уморить !.... Вотъ оно , батюшка , Владимиръ Петровичъ , красавицы-то каковы !

— Съ чего ты взялъ , что онъ въ Петербургъ ѣздилъ ?

— А какъ же , сударь ; вѣдь я съ подорожной-то ходилъ , я отправлялъ его.

— Какимъ же образомъ онъ очутился такъ скоро опять въ Москвѣ ?

— А Богъ его въдастъ , какъ это у него все дѣлается. Онъ всегда такъ : поѣдетъ въ одну сторону , а очутится въ другой. Вамъ , чаю , должно быть болѣе извѣстно.

Ранѣвъ покачалъ головой.

— Мнѣ однакоже нужно съѣздить. Я пріѣду опять, — сказалъ онъ , и только что хотѣлъ выйти , какъ вдругъ отворилась дверь , и вошла дама , довольно пожилая , очень некрасивой наружности , но замѣтно наруганная , въ чепчикъ , въ бархатной мантильѣ сверхъ шелкового капота. Она посмотрѣла на Ранѣва , и прошла прямо въ спальню Даянова.

— Это что за милостивая государыня ? — спросилъ Ранѣвъ.

— Это , сударь , Кубинская генеральша , которая нанимаетъ домъ. Сергѣй Павловичъ былъ , кажется , знакомъ еще съ генераломъ ; такъ она , какъ узнала , что онъ болѣнъ , такъ , спасибо ей , сама ухаживаетъ за нимъ , какъ родная мать. Безъ нея онъ и въ ротъ ничего не беретъ. Она со своей кухни присылаетъ и кушать ему.

Ранѣвъ выслушалъ , по обычаю постоялъ , подумалъ , произнесъ : — да ! и отправился.

Около вечера онъ заѣхалъ опять къ Даянову ; но Яковъ сказалъ , что у него сидитъ Марья Степановна.

— Каковъ онъ ?

— Да не знаю какъ сказать ; при генеральшѣ онъ какъ будто и получше. Ужъ истинно , родная мать такъ не

позаботится. Она какъ-то умѣетъ его уговаривать. Слушаетъ ее, и какъ будто поспокойнѣе. Истинно, младенецъ душой! заохаетъ вдругъ, вскрикнетъ; а она, какъ чняюшка, начнетъ его приласкивать да убаюкивать, за вареньицемъ пошлетъ; онъ и утихнетъ.

— Завтра навѣщу его, — сказалъ Раневъ, выслушавъ Якова.

Возвратясь домой, онъ нашелъ на письменномъ столѣ нѣсколько записочекъ, пересмотрѣлъ адреса, спросилъ трубку, расположился въ креслахъ-розвальняхъ, распечаталъ атласный конвертикъ, запечатанный химическимъ образомъ, перечиталъ нѣсколько разъ записку, нарисованную на фронтисписной бумажкѣ золотымъ перомъ съ алмазнымъ кончикомъ, и задумался, опустивъ руку съ *billet-doux illustré* на колѣни.

— Это удивительная женщина! — проговорилъ онъ самъ себѣ, и, присѣвъ къ письменному столу, выбралъ одинъ изъ разрисованныхъ листковъ бумаги, положилъ его передъ собою; но, казалось, что раскрашенная иллюстрація почтового листка отвлекла его вниманіе, и онъ долго смотрѣлъ на кайму, составленную изъ цѣпи амуровъ, которые прехитро сплелись между собою.

Взявъ наконецъ перо въ руки и черкнувъ заглавную букву, онъ положилъ его, зѣвнуль и проговорилъ:

— Это несноснѣйшая женщина!.... Эй! другой фракъ и вели подавать лошадей!

Какое-то тяжелое чувство, похожее на дремоту, одолевало его; но онъ превозмогъ его, зѣвнуль еще нѣсколько разъ, и отправился.

Сани остановились подлѣ дома, реставрированнаго, какъ старая погудка на новый ладъ. Простыя окны были переделаны въ готическія; у двухъ съ боковъ, какъ у глазъ, поставлены *фонари*; черный цвѣтъ крыши замѣнился зеленымъ; надъ фронтономъ выставился алебастровый вызолоченный гербъ, успѣвшій уже лишиться головы и лапъ грифа и льва, поддерживающихъ щитъ. Вмѣсто бѣлой краски домъ

окрасился модной. Внутри полувеликопные блестяло, горело, бросалось въ глаза. Во всѣхъ комнатахъ papier-peint было чудное, бронза *настоящая Французская*, вся мебель рококо — рогульками — настоящія качели; мягка, какъ пуховая постель, — просто невозможно сидѣть, такъ и хочется лечь и утонуть; козетки такія, что съѣзъ бы вдвоемъ и въкъ козировавъ.

Двери передъ Ранѣвымъ распахнулись; швейцаръ, официанты почтительно и молча поклонились ему. Онъ прошелъ цѣлый рядъ гостиныхъ комнатъ, въ которыхъ царствовала тишина и безмолвіе, и вступилъ наконецъ въ *chambre d'intimité*, въ роскошную гинекею, гдѣ сидѣла молоденькая дама. Передъ ней на столикъ лежало нѣсколько неизбежныхъ иллюстрацій и, между прочимъ, богато переплетенный въ бархатъ альбомъ.

— Вы меня, сударь, забыли, — сказала она, погрозивъ пальцемъ, — становитесь на колѣни, цѣлуйте мою туфлю.

Ранѣвъ, не обращая вниманія на это предложеніе, прерравнодушно протянулъ руку.

— Нѣтъ вамъ руки!

Не обращая и на это вниманія, онъ сѣлъ подлѣ на кресла, взялъ альбомъ, перевернулъ нѣсколько листиковъ, подумалъ, и началъ читать въ слухъ:

Я не люблю слѣпой угоды,
 Ни этой свѣтской пустоты,
 Ни въ чувствахъ бурь и непогоды....
 Что жъ я люблю: поймешь ли ты,
 Что я люблю?

— Что вы коверкаете стихи! оставьте!

— Какую же необходимость вы имѣете до меня? — спросилъ Ранѣвъ, положивъ альбомъ на столъ.

— Ахъ Боже мой, какой пріятный вопросъ!

— По крайней мѣрѣ очень естественъ: вы требовали, чтобъ я немедленно пріѣхалъ, что вамъ нужно меня видѣть.

— Подите прочь! вы ледъ! я боюсь простуды! подите!

— Это что жъ такое? — спросилъ опять Ранѣвъ, потеревъ лицо и скрывъ такимъ образомъ зѣвоту.

— Ничего!

— Новые капризы?

— Да!

— Такъ позвольте отъ нихъ уйдти.

— Ступайте!

Ранѣвъ всталъ, протянулъ руку.

— Доброго вечера.

Дама отдернула свою руку, лицо ея горло раздражительнымъ румянцемъ, грудь заходила волной, на глазахъ выступили слезы.

— На что это похоже! — сказалъ онъ, свѣвъ подлѣ дамы. — Скажите, есть ли возможность васъ любить? вы деспотъ.

— А вы.... ледъ! я уже вамъ сказала.

— Можетъ быть; но я бы растаялъ, еслибъ вы были огонь.

— Оставьте ваши остроты; еслибъ вы умѣли понимать и чувствовать....

— На сколько достаетъ понятій; я понимаю, — отвѣчалъ Ранѣвъ, — что вы прекрасны, что васъ можно любить....

— На время! — прервала дама, взглянувъ на него холодно.

— Нѣтъ, постоянно.

— Такъ не говорите же больше ничего; больше ничего я не хочу отъ васъ слышать....

— Нельзя же не досказать.

— Ни-ни-ни! Не хочу, не нужно! довольно!

И она зажала ему ротъ рукой.

Отд. 1.

— Позвольте, — продолжалъ Ранеевъ, отклонивъ ея руку; — понимая прекрасныя достоинства ваши, и сказавъ вамъ объ этомъ, я бы былъ льстецомъ, еслибъ не объяснилъ и недостатковъ вашихъ.... Вы....

— Что я? ну, что я?

— Вы, во-первыхъ капризны, требовательны, безъ всякаго снисхожденія къ другимъ; во-вторыхъ, вы имѣете обязанности....

— Имѣю мужа и такъ далѣе, — прѣрвала, вспыхнувъ, дама, — понимаю!.... Оставьте, довольно.... вы уже ищите выхода! я васъ не удерживаю....

— Хмъ! вы понимаете, но я ничего не понимаю; какого выхода и откуда?....

— Я васъ не удерживаю!.... Я не Рамирская и не умѣю вить паутины.

— А! теперь понимаю! вы меня предостерегаете на счетъ этого новаго знакомства.

— Да, вы отгадали; можетъ быть, и не безполезный совѣтъ; потому что у ней мужъ морякъ, страстно влюбленъ въ жену....

— Знаю, и страстно взаимно любимъ

— Хмъ! — произнесла дама съ колкой усмѣшкой, — можетъ быть; на сколько мнѣ однакоже извѣстно, онъ наслѣдовалъ эту любовь послѣ моего почтеннѣйшаго супруга, который, какъ большая муха, попалъ было въ паутину, но прорвалъ ее.... Впрочемъ довольно счастливая замѣна.... только низко, подло, увлекать, опутывать своими сѣтями людей, которые и по сердцу и по слову принадлежать другимъ!....

— Этого я не понимаю, — проговорилъ Ранеевъ, принимая на свой счетъ; — расположеніе, дружба.... даже преданность; но я не знаю, какіе же слова, обѣты?

— Разумѣется, не знаете, — колко и съ мстительнымъ чувствомъ произнесла дама, довольная, что можетъ нанести ударъ въ обнажившуюся сторону самолюбія; — я говорю про Рамирскаго.

— Не думаю, чтобъ Рамирскій измѣнилъ когда-нибудь своему сердцу и слову! — сказалъ Ранѣевъ равнодушно, покачавъ головой, и ни сколько не затронувшись словами дамы.

Обидное чувство невольно, высказалось на лицѣ ея.

— Я, по крайней мѣрѣ, могу знать то, что касается собственно до меня, — проговорила она вспыхливо; — о, не говорите мнѣ объ этой низкой женщинѣ!

Ранѣевъ пожалъ плечами.

— Она.... стала на моей дорогѣ.... она лишила меня всего!....

И дама, въ которой пора уже узнать намъ Софи Луговскую, закрыла лицо платкомъ.

Ранѣевъ былъ чувствителенъ отъ природы. Слезы женщины жгли его.

— Успокойтесь, — сказалъ онъ, взявъ руку Софи.

— Нѣтъ, — отвѣчала она болезненнымъ голосомъ, — мнѣ нельзя быть спокойной!.. Она лишила меня любви, лишить и дружбы.... у меня нѣтъ опоры.... вы знаете моего мужа....

— Но что жъ дѣлать, — сказалъ Ранѣевъ, тихо опустивъ руку Софи и отклоняя отъ себя значеніе слова *опора*.

— Что дѣлать? Какое пылкое участіе!

— Вы все раздражаетесь.

— Правда, я очень проста, не умѣю владѣть женскимъ оружіемъ!

— Кокетствомъ, хотите вы сказать? да, оно многихъ морочить.

— Мужчины любятъ, чтобъ ихъ морочили.

— Не всѣ.

— Всѣ, а вы больше всѣхъ.

— Нѣтъ, я вообще въ азартныя игры не играю.

— О, вы любите *jeu de commerce*.... и однакожъ не постоянную партію.

Ранѣевъ потеръ по лицу рукой, и ничего не отвѣчалъ.

— Вотъ вашъ пріятель и другъ также, говорить, очень хорошо *отыгрывается*.

— Какой другъ?

— Даяновъ; я думаю, вамъ это болѣе извѣстно, и нечего говорить.

— Даяновъ? что Даяновъ?

— Больше ничего, какъ обручился на одной, а женился на другой.

— Женился? это для меня новость. На комъ же?

— Я думаю, вамъ должно быть извѣстно; можетъ быть даже, по вашему совѣту: Людмила.... какре имя!.. Скажите пожалуйста, для чего вы скрываете, во-первыхъ женитьбу вашего друга, во-вторыхъ, что давно знакомы съ Чугасовыми?

— Вамъ кто же сообщилъ такія извѣстія?

— Кто сообщилъ?... я изъ всякихъ пустяковъ мисти-фикацій дѣлать не буду: мнѣ сообщила сестра Канеевой, на воспитанницѣ которыхъ, Marie, Даяновъ былъ обрученъ.

— И это вѣрно?

— Я думаю, что очень вѣрно: она со слезами мнѣ рассказывала объ этомъ благородномъ поступкѣ вашего друга!.... Онъ погубилъ дѣвушку!.... какъ это хорошо!....

— И уже женился на Чугасовой, вы говорите?

— Я думаю, что не дальше, какъ третьяго дня, можетъ быть вы сами держали надъ нимъ вѣнецъ.

Ранѣвъ, какъ будто наслушавшись пустяковъ, преспокойно взялъ со стола Musée Philirou и началъ разсматривать каррикатуры.

— Какъ это глупо! — сказалъ онъ.

— Что глупо?

— Вотъ это, — стѣчалъ Ранѣвъ, бросивъ на столъ номеръ.

— А я думала, что женитьба Даянова.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Ранѣвъ сухо.

Раздавшійся колокольчикъ подалъ вѣсть о чьемъ-то пріѣздѣ.

— Пойдемте въ гостиную.

— Мнѣ пора ѣхать.

— Азуровы, — сказалъ вошедшій челоуѣкъ.

— Прости. Не торопигесь; полюбуйтесь хорошенекъ молодой дамой.

— Также вѣстимкой?

— Н'да! но *rouge varier*, не мѣшается.... Полина! одна?

— О нѣтъ, *при мужъ*, — отвѣчала вошедшая дама.

— А мы только что говорили съ М-г Ранѣвымъ также о молодыхъ.

— О комъ?

— О Даяновыхъ.

— Ахъ да: Малинская вышла за Даянова.

— Нѣтъ не Малинская, а Чугасова.

— Ахъ нѣтъ, *Sophie*, Малинская; я это знаю отъ сестры; они обвѣнчались и поѣхали въ Петербургъ. *Basile*, она при тебѣ объ этомъ говорила?

— *C'est sûr et certain*, *madame*, — отвѣчалъ мужъ, модный латникъ гостиныхъ, попавшій въ неволю.

— Не правда! не правда; вѣдь вы говорите про Сержа Даянова?

— Именно про Сержа Даянова.

— Такъ онъ женился на Чугасовой.

— На Малинской, увѣрю тебя.

— Вотъ странный споръ при М-г Ранѣвѣ, который другъ его. Разрѣшите пожалуйста наше недоумѣнiе.

Но эти слова не догнали уже Ранѣва: онъ слышалъ ихъ, но торопливо выбрался изъ залы.

— А! Владимиръ Петровичъ! куда жъ вы? — вскричалъ встрѣтившійся ему на крыльцѣ Чаровъ. — Что, жена хандрить?.... да погодите!

Не отвѣчая ни слова, Ранѣвъ приподнялъ только шляпу, вскочилъ въ сани, и поѣхалъ въ клубъ.

— А! Владимиръ Петровичъ!.... Что, Даяновъ, говорятъ, женится на Канеевой? — спросилъ его вошедшій съ нимъ вмѣстѣ сочленъ.

Въ дѣтской, другой сочленъ взялъ его подъ руку, и, между прочимъ, замѣтилъ: нашъ Сережа, говорятъ, женился на Малинской? чудакъ!

Въ преисподней, или такъ называемой *тартарары*, третій сочленъ также крикнулъ: а! Владимиръ Петровичъ! слышали? Даяновъ-то женился на дурѣ Чугасовой! дѣвченка дрянъ, безъ состоянія, отецъ сутяга,—это чортъ знаетъ что!

Ранѣвъ пожималъ плечами и не отвѣчалъ ни слова, ни на первое, ни на второе, ни на третье извѣстie.

XXI.

Ранѣвъ любилъ Даянова отъ души и привыкъ съ нимъ нянчиться какъ съ питомцемъ своимъ; но въ послѣднее время питомецъ совершенно отбился отъ дядьки. Въ убѣжденіи, что онъ совсѣмъ сошелъ съ ума отъ любви къ Малинской, и куралесить какъ шальной, Ранѣвъ ни сколько не предполагалъ, чтобъ изъ его чудодѣйства вышло что-нибудь сложное, узловатое, что могло бы нарушить и его собственную судьбу и судьбу другихъ. Зная основу всего — тщетную любовь къ Малинской, но не зная подробностей происшествій, случившихся во все это время съ Даяновымъ, онъ сообразилъ, по *всему видимому*, что этотъ чудакъ преслѣдуетъ своей любовью Малинскую, надоѣлъ ей: съ горяча, послѣ смерти своего мужа, чтобъ отдѣлаться отъ него, она дала слово ни за кого не выходить замужъ; а между тѣмъ, по расчетамъ, ей слѣдуетъ выйти за Замшина.... Безъ сомнѣнія, чтобъ избѣжать преслѣдованій и неудовольствій, которыхъ влюбленный Даяновъ въ состояніи надѣлать ей, она поѣхала въ Петербургъ....

Тутъ Ранѣвъ пріостановился рѣшать, что было дальше, но подумалъ и продолжалъ:

«Или нѣтъ, вѣроятно, чтобъ отдѣлаться отъ Даянова, она сказала ему, что ѣдетъ въ Петербургъ, а сама поѣхала въ деревню, и между тѣмъ какъ сумасшедшій, сломя голову, поскакалъ въ слѣдъ за ней, она вышла замужъ.... Это такъ, и не иначе.... Это-то и составляетъ причину скорого его возвращенія.... Бѣдный вѣрно узналъ, что дѣло уже кончено, и совершенно потерялся.... Положеніе, въ которомъ я засталъ его у Шевалье, ясно доказываетъ это....»

Этимъ предположеніями довольствовался Ранѣвъ до посѣщенія Чаровой; но когда закидали его допросами на счетъ женидбы Даянова и утвердительными разсказами, что онъ женился вдругъ на трехъ, Ранѣвъ совершенно сбился съ толку въ своихъ предположеніяхъ.

— Всѣмъ этимъ слухамъ должна же быть какая-нибудь основа, — думалъ онъ; — очень можетъ быть, что мой пріятель, съ отчаянія, искусалъ многихъ своею любовью.... страсть дошла въ немъ до бышенства.... и онъ хотѣлъ утолить эту страшную жажду женидбой на комъ попало.... бросался отъ одной къ другой.... но чтобъ уже женился — это пустяки, сплетни!.... что надавалъ обещаній — это отъ него станется; что его ловили — это очень естественно: хорошъ собой, богатъ....»

Утвердивъ эти новыя соображенія по имѣющимся даннымъ, Ранѣвъ успокоился и заснулъ. Во снѣ ему приснилось, что Даяновъ женится на всѣхъ женщинахъ, безъ исключенія.

— Помилуй, любезный другъ, это невозможно! — сказалъ онъ ему, — это невозможно!....

— А тебѣ-то что за дѣло? что тебѣ задѣло? а? ну? говори! — прикрикнулъ Даяновъ. — Ты, что ли женишься на нихъ?

— Если я намѣренъ жениться, то, безъ сомнѣнія, на одной.

— На одной? а! давай ея сюда! давай и я на ней на одной женюсь!....

— Нѣтъ, любезный, я ея не уступлю!

— А! ну такъ я женюсь на всѣхъ!...

— Но это безсовѣстно, любезный, это ни на что не похоже!....

И Ранѣвъ сталъ убѣдительно, логически доказывать, что это невозможно, что это утопія, что еслибъ и было возможно, то во всякомъ случаѣ это безчестно; но Даяновъ стоялъ на своемъ. Видя, что ничто не беретъ, Ранѣвъ сказалъ: прощай, мы не знаемъ другъ друга! — и отправился въ одинъ домъ, построенный точно какъ воздушный замокъ. Дѣвушка, прелесть собою, выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Voldemar! — вскричала она.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — намъ надо бѣжать!

— Это что значить?

— Даяновъ хочетъ и на васъ жениться.

— Вотъ прекрасно! да кто жъ за него пойдетъ?

— Всѣ.

— Всѣ? это безподобно!....

— Что жъ удивительнаго: онъ хорошъ собой, богатъ, очарователенъ.... и потому, если вы меня любите, бѣжимте отъ него.

— Это невозможно, — сказала дѣвушка, подумавъ.

— Какъ невозможно?

— Невозможно! Vous dites, что за него всѣ идутъ замужъ; а я что жъ за исключеніе?

— Такъ это-то любовь! — произнесъ Ранѣвъ съ отчаяніемъ.

— Хмъ! любовь! мы говоримъ не про любовь, а про замужество.

— Прощайте! — вскричалъ Ранѣвъ.

Дѣвушка присѣла.

Ранѣвъ проснулся. Холодный потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ.

Было уже поздно; человекъ постучалъ въ двери.

— Вчерашній господинъ ждетъ уже васъ часа съ два.

— Ахъ, какая досада!

— Я сказалъ, что вы почиваете; но онъ говоритъ, что вы приказали ему придти.

— Ахъ какая досада! Дай одѣться, да запрягать лошадей.

Кончивъ свой утренній туалетъ, Ранѣвъ вышелъ въ залу, гдѣ вчерашній господинъ, заложивъ руки назадъ, стоялъ передъ картиной, изображающей Діану и Адониса. Онъ такъ засмотрѣлся на нее, что нельзя было догадаться — кого ей стало стыдно: Адониса ли, обнявшаго ее страстно, или нескромнаго чужеземца, который засталъ любовниковъ въ минуту изліянія чувствъ, и смотритъ во всѣ глаза на эту картину любви.

— Милостивый государь, — сказалъ Ранѣвъ послѣ долгаго ожиданія, что господинъ кончитъ созерцаніе и обратится къ нему.

— Ахъ-съ, — вскричалъ онъ, — извините, такъ засмотрѣлся на изящную картину-съ.... я такой охотникъ до картинъ.... у тестя моего вотъ точно такая же Венера была, только въ другомъ положеніи.... Безподобная картина-съ! — заключилъ молодцоватый господинъ, обративъ глаза снова на картину, — очень живо представлена!

Ранѣвъ слушалъ, молчалъ, и, казалось, думалъ, какимъ бы образомъ отдѣлаться отъ этого милостиваго государя.

— Безподобная-съ! — продолжалъ господинъ, безъ сомнѣнія, желая угодить своему будущему патрону, — удивительная-съ! Это конечно самого Рафаэля-съ?

— Право, не умѣю вамъ сказать, — отвѣчалъ Ранѣвъ съ досадой.

— Я таки маленькое имѣю понятіе. У тестя моего была цѣлая галерея.... Онъ также ужасный былъ охотникъ до живописи, скупалъ всѣ картины съ аукціону... Это Рафаэля, безпремѣнно-съ!.... потому что никто такъ живо не рисовалъ богинь: онъ, говорятъ, всегда рисовалъ ихъ съ натуры-съ.

Человѣкъ, торопясь исполнять свое обычное ежедневное дѣло, не кстати подалъ чай. Ранѣвъ поморщился.

— Угодно вамъ? — сказалъ онъ, садясь къ столику.

— Покорнѣйше благодарю!.... позвольте чашечку.... Я правда еще и не пилъ.... Жена еще спала, такъ для спокойствія ея, я ужъ такъ отправился изъ дому.

По обычаю, не ожидая приказанія, человекъ подаль Ранѣву трубку, и онъ, съ какимъ-то углубленіемъ въ мысль, уставивъ глаза въ землю, молчалъ.

— Говорятъ, что Французы опять немножко пошевелились-съ? — сказалъ господинъ, какъ человекъ, который умѣетъ приступить къ умному и современному разговору. Задавая Ранѣву этотъ вопросъ, онъ присѣлъ на кончикъ стула, оставилъ ноги на сторонѣ, и ожидалъ отвѣта.

— Не знаю, — отвѣчалъ Ранѣвъ.

— Это удивительный народъ, — продолжалъ племянникъ дяди, который излечилъ Его Сіятельство, можно сказать, отъ жизни и отъ смерти, и зять тестя, который закупилъ всѣ картины на аукціонѣ, — я не понимаю, какъ это съ ними не справятся?

Ранѣвъ, вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, поднялъ съ пола глаза свои, уставилъ ихъ на рассуждающаго господина, и какъ будто предоставилъ имъ на произволъ оставаться въ этомъ положеніи сколько ихъ душъ угодно.

Помолчавъ не много, господинъ рѣшился наконецъ обходомъ подойти къ своей цѣли.

— Я бы самъ, признаться сказать, непременно пошелъ въ военную службу, — сказалъ онъ, — но женатый человекъ, не то что холостой; а потому я ужъ и рѣшился воспользоваться обѣщаніемъ вашимъ на счетъ мѣстечка....

Послѣ долгаго молчанія, Ранѣвъ, не сводя глазъ съ своего просителя, проговорилъ:

— Какое жъ мѣстечко я могу вамъ дать?

— Это ужъ совершенно будетъ зависеть отъ васъ.... и признательно сказать, не то чтобы нуждался, какъ уже я вамъ докладывалъ, въ службѣ: у меня есть маленькое состояніе и домишко свой; но единственно для успокоенія

жены.... Она изъ хорошей фамилиі-сь.... привыкла жить въ столичныхъ городахъ-сь.... Такъ для жительства въ Москвѣ, какъ вамъ извѣстно, необходимо мѣстечко, съ хорошимъ жалованьемъ....

— Да почему жъ вы думаете, что я раздаю мѣста? — спросилъ Ранѣевъ, не измѣняя своего положенія.

Этотъ вопросъ не только не воздержалъ увѣренности господина въ могущество протекціи, но напротивъ увеличилъ ее.

— Вамъ только слово стоитъ сказать, или написать, — продолжалъ онъ, кланяясь, — а ужъ я увѣренъ.... я же, можно сказать, не большаго желаю-сь.... Еслибъ ваша милость была.... мнѣ бы очень соотвѣтствовало мѣстечко....

Ранѣевъ пыхнулъ дымомъ, прихлебнулъ чаю и, не разслыхавъ, какое мѣстечко, уставилъ снова глаза на просителя.

— Только ужъ сдѣлайте одолженіе, такъ чтобъ въ срединѣ города.... въ Городской, напримѣръ, еслибъ можно было.... потому что куда-нибудь на край города — не могу-сь: хоть двадцать тысячъ давай, не возьму-сь; мнѣ главное для успокоенія жены, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ....

— Позвольте мнѣ написать отвѣтъ Аннѣ Григорьевнѣ, — сказалъ Ранѣевъ, подумавъ.

— Сдѣлайте одолженіе-сь, — отвѣчалъ, кланяясь, проситель мѣста. — Такъ ужъ сдѣлайте милость, если можно въ Городскую часть.... впрочемъ, я не знаю, Тверская это часть, или Городская, вотъ гдѣ ряды-сь?

Не обращая вниманія на слова господина, Ранѣевъ пересѣлъ къ письменному столу, крикнулъ, чтобъ лошади были готовы, и началъ писать; но написавъ нѣсколько словъ, пріостановился, положилъ перо, потеръ руки.

— Если когда-нибудь случится вамъ заболѣть-сь, — заговорилъ опять господинъ, — такъ сдѣлайте одолженіе адресуйте къ дялюшкѣ моей жены.... вѣдь онъ тамъ въ домѣ Ихъ Сіятельства и живетъ-сь.... Онъ поставитъ за особенную обязанность излечить васъ.... и ужъ не беспокойтесь, что касается до визитовъ.... это ужъ онъ собственно для меня сдѣлаетъ по родству.

Ранѣвъ началъ писать.

— Вотъ тутъ еще есть, говорили мнѣ, мѣсто зрителя какого-то-съ, или кажется пристава. Жалованье очень хорошее — три тысячи — такъ и это бы, въ случаѣ, можно было.... Только у заставы, вотъ что бѣда, далеко.... а я бы желалъ для успокоенія жены.... поближе.... Впрочемъ, кажется, я думаю, при этой должности можно жить и не у заставы?

— Вотъ, сдѣлайте одолженіе, отдайте это письмо Аннѣ Григорьевнѣ, — сказалъ Ранѣвъ, вмѣсто отвѣта на предложенный вопросъ.

— Такъ это на счетъ мѣста?

— Отдайте ей это письмо.

— Очень хорошо-съ; когда же прикажете мнѣ представить бумаги? — спросилъ господинъ, поставивъ свою шляпу на полъ. — Если позволите теперь....

И онъ вынулъ изъ кармана цѣлую пачку бумагъ, и сталъ ихъ пересматривать.

— Вотъ, это-съ аттестатъ о моей службѣ по лѣсному вѣдомству....

— Очень хорошо; это ужъ вы представите начальству, къ которому можетъ обратиться Анна Григорьевна объ опредѣленіи васъ на службу.

— Очень хорошо-съ; позвольте мнѣ васъ благодарить.... Ей-Богу-съ вы осчастливите меня.... да и не собственно меня.... главное — успокоеніе жены; а ужъ я что, мнѣ все равно-съ.

Ранѣвъ поклонился и вышелъ въ свою спальню. Только что онъ расположился совершать свой туалетъ для выѣзда, какъ человекъ донесъ, что отъ Сергѣя Павловича Даянова пріѣхали за нимъ, чтобъ пожаловали *наискорѣйше*.

— Очинна худъ! — прибавилъ Гаврило.

— Несчастный! — проговорилъ испуганный Ранѣвъ, и не кончивъ отдышки усовъ, посредствомъ *rominade fixatoire*, онъ одѣлся, надѣлъ шляпу, задумчиво вышелъ въ залу, и невольно вздрогнулъ, когда неотвязчивый господинъ бросился

вдругъ къ нему со стула изъ угла, и началъ снова вступительную рѣчь.

— Истинно благодѣтельствованный вами, Владимиръ Петровичъ, я вполне чувствую милости такой особы, и потому осмѣливаюсь изложить вамъ и крайнее мое положеніе.... Я бы собственно для себя и не думалъ бы, но единственно для успокоенія жены, тѣмъ болѣе, что совершилъ такую дальнюю дорогу....

— Что вамъ еще угодно?—спросилъ сердито Ранѣвъ.

— Еще маленькая просьбица, которую я рѣшился....

Въ это время въ передней послышался женскій голосъ: — дома? и въ то же мгновеніе вбѣжала въ залу дама въ шляпкѣ накрытой вуалемъ.

— У меня до васъ просьба, — проговорила она, подавъ руку Ранѣву, и взглянувъ на стоявшаго передъ нимъ въ почтительномъ положеніи какого-то господина.

Ранѣвъ вспыхнулъ, смутился.

— Вы заняты, я подожду, — сказала дама, и она прошла въ гостиную.

— Что жъ вамъ еще угодно? — проговорилъ неспокойнымъ голосомъ Ранѣвъ, желая скорѣе отдѣлаться отъ своего просителя.

— Изложивъ мое положеніе, — началъ молодцоватый господинъ, расшаркавшись снова, — я осмѣливаюсь еще побеспокоить васъ.... Такъ какъ, издержавъ на дорогу все, что имѣлъ, и пожертвовавъ всѣмъ для успокоенія жены....

— Такъ вамъ нужны деньги, — проговорилъ торопливо Ранѣвъ, вынувъ бумажникъ изъ кармана и трехъ-рублевую ассигнацію, — извините, все что теперь могу....

— Помилуйте-съ.... нѣтъ-съ, я не въ отношеніи этого хотѣлъ просить васъ.... я хотя и не богатъ, но имѣю кусокъ хлѣба.... Желаніе мое только касательно успокоенія жены, чтобъ покуда до опредѣленія къ мѣсту, такъ какъ теперь, какъ я слышалъ, производятся вспомогательныя суммы.... а такъ какъ это зависитъ отъ васъ, Владимиръ Петровичъ, то есть вамъ стоитъ только написать, или сказать слово....

— Извините меня, это отъ меня ни сколько не зависить, ни писать, ни говорить слова я не могу, а въ заключеніе — ничего не въ состояніи для васъ сдѣлать.

Снявъ шляпу, которая, въ забывчивости, оставалась у него на головѣ, Ранѣевъ поклонился и вошелъ въ гостиную.

— Помилуйте, — проговорилъ онъ къ дамѣ, выглянувъ изъ предосторожности еще разъ въ залу, и приотворивъ двери, — прилично ли это вамъ !

Дама, не откидывая вуаля, тяжело вздохнула, и ни слова. Тревога чувствъ ея высказывалась только волненіемъ груди. Она раскинулась на диванѣ, разметала руки какъ утомленная.

— Возможно ли это дѣлать!.... какъ вамъ не стыдно!.. Что подумаютъ ваши люди, что подумаетъ всякій, кто увидитъ васъ здѣсь! — продолжалъ Ранѣевъ, ставъ передъ нею, какъ заклинатель духовъ.

— Я пришла одна, — проговорила дама, закрывъ лицо руками, — но что жъ подумаютъ? пусть думаютъ! что они могутъ думать? *que je suis malheureuse*?.... вотъ и все! Что же я сдѣлала?.... Я хотѣла только вздохнуть свободно.... я хотѣла только сказать, *que vous etes ingrat*!

— По крайней мѣрѣ не кричите, мнѣ за васъ стыдно! — отвѣчалъ Ранѣевъ.

И онъ отошелъ отъ нея, сѣлъ на другой диванъ, взялъ книгу, развернулъ и, казалось, занялся чтеніемъ.

Дама откинула вуаль; ей было тяжело, душно. Это была Чарова. Лицо ея пылало, дыханіе стѣснилось. Она снова припала къ спинкѣ дивана, въ совершенномъ изнеможеніи; длинныя черныя рѣсницы опали, локонъ волосъ какъ будто таялъ на горячей щекѣ.

Въ этомъ положеніи и молчаніи протекли нѣсколько минутъ.

Ранѣевъ посмотрѣлъ на часы, вздохнулъ, взглянулъ на Чарову....

И ему стало жаль ее.

ПЯТЕШЕСТВІЯ.

РУССКІЕ НА ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ.

КАЛИФОРНІЯ.

(Продолженіе.)

Въ бытность мою въ *ранъжъ*, или помѣстьѣ Г. Геппенера, мы часто разсуждали съ нимъ о плодотворной, богатой Калифорніи, въ высшей степени способной къ произращенію произведеній природы, необходимыхъ человѣку, и мысленно переносились въ знакомыя намъ мѣста Восточной Сибири. Какая разительная противоположность! Огромныя пространства, покрытыя снѣгомъ, — вѣчно зеленыющія и роскошныя долины, — человѣкъ, почти оледенѣлый отъ холода, угрюмый, нелюдимый, недѣятельный, потому что сама природа полагаетъ границы его дѣятельности, — и человѣкъ, вѣчно согрѣтый лучами солнца, спокойный, веселый и коснѣющій въ лѣни, на лонѣ природы, предлагающей ему лучшіе дары свои, безъ всякаго за то возмездія, — и посреди этихъ двухъ столь различныхъ сферъ жизни, жадная, кипучая дѣятельность промышленности — все это составляетъ картину самую оживленную и сильно возбуждающую любопытство мыслителя.

Далекое пространство разделяетъ жителей того и другаго края, и они чужды другъ другу, между тѣмъ какъ могли бы дѣлиться плодами трудовъ своихъ и способностей, и выгодно обмѣниваться произведеніями родныхъ странъ.

Пробывъ на *ранъжъ* Г-на Геппенера нѣсколько времени, я хотѣлъ возвратиться въ Вербобойно на свой корабль, но

онъ предложилъ мнѣ ѣхать въ шляпкѣ въ Сан-Пауло, небольшое селеніе, расположенное на другомъ берегу Сан-Францискаго залива, въ разстояніи 2 миль отъ берега. Оставивъ свою лошадь у Геппенера, я отправился съ нимъ по его приглашенію.

Въ Сан-Пауло живетъ не болѣе семи семействъ, каждое въ особенномъ домикѣ, окруженномъ палисадниками и огородами и увѣшанномъ по стѣнамъ стручковымъ краснымъ перцемъ, который сушится для продажи, а также и для собственнаго употребленія въ пищу. Испанцы страстные охотники до перца. Въ одномъ домѣ дѣлали мыло, довольно крѣпкое и хорошей доброты. Въ другихъ домахъ влили мясо, топили скотское сало и наливали въ бычачьи, спитыя мышкомъ, шкуры. Лучшее мозговое сало наливаютъ въ бычачьи пузыри; оно называется *монтеко* и очень пріятно на вкусъ. Все это составляетъ немало-важный предметъ торговли Калифорнцевъ. Неподалеку отъ селенія устроена загородка: тамъ молотили пшеницу. Два Индійца гоняли неподкованныхъ лошадей по разостланному на голой, но твердой землѣ снопамъ. Отъ этой дурной молотбы очень много пропадаетъ зеренъ, ибо одни втаптываются глубоко въ землю, а другія остаются въ колосѣ. Можно положить, что отъ десяти фанегъ чистой пшеницы пропадаетъ по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ часть. Далѣе тянулись обширныя зеленныя долины, ни чѣмъ не засѣяныя. Прекрасное мѣстоположеніе, открывавшееся передъ моими глазами, долго удерживало меня на одномъ мѣстѣ; мнѣ не хотѣлось разстаться съ этими очаровательными видами, по время клонилось уже къ вечеру, и я принужденъ былъ отправиться обратно къ Г-ну Геппенеру, гдѣ, взявъ оставленную мною лошадь, поѣхалъ въ Вербобойно.

Прибывъ на свой корабль, я узналъ, что чрезъ два дня будетъ на немъ фанданго. И дѣйствительно, на другой день были разосланы по утру приглашенія къ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ въ окрестности Вербобойно, особенно семейнымъ.

Насталъ тотъ день, въ который назначена была вечеринка. Шканецъ корабля невозможно было узнать; нельзя было подумать, что по этой палубѣ, по которой скользятъ грозные валы океана, будутъ скользить нѣжныя, маленькія ножки Испанокъ. Тентъ былъ растянутъ до половины судна, т. е. съ такъ-борта до гротъ-мачты, а бока его дотянуты до фальшбортовъ, которые, начиная съ палубы и до самого тента, вокругъ всѣхъ шканочныхъ бортовъ, обшили полосатымъ тикомъ. Пушки поставили вдоль судна, положили на нихъ доски, обтянутыя сукномъ, и устроили такимъ образомъ диваны для гостей. Штупльцъ занавѣсили флагомъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, съ борту и до борта сняли капы, растянули надъ ними сѣтки, штаги и мачты обвили фландугомъ, и освѣтили эту подвижную корабельную залу тридцатью фонарями.

Матросы въ красныхъ рубашкахъ сидѣли въ катерахъ, шлюпкахъ и яликахъ, готовыхъ для перевоза гостей. Все дышало весельемъ, этимъ рѣдкимъ гостемъ на кораблѣ, все приняло какой-то праздничный видъ, необыкновенный для незнакомца.

Вотъ показались на берегу званые гости, и гребныя суда отправились принять пассажировъ. Въ первомъ катерѣ, приставшемъ къ парадному корабельному трапу, находился капитанъ порта съ двумя дочерьми, сыроваръ тоже съ дочерью, и нѣкоторые другія семейныя лица. Время отъ времени стекались гости съ разныхъ сторонъ, какъ верхомъ, по берегу, такъ и въ лодкахъ, заливомъ. Многіе изъ Испанцевъ были съ гитарами, и сверхъ того два скрипача довершали оркестръ. Подъ звуки этой довольно пріятной гармоніи стройно начался танецъ, извѣстный подъ названіемъ фанданго. Какъ граціозно вся эта пестрая группа двигалась взадъ и впередъ, какъ миловидны были Испанки въ національных своихъ костюмахъ. Въ это время какое-то чувство, вмѣстѣ и грустное и радостное, овладѣло мною; казалось, будто веселилась вокругъ родная семья, но все было чуждо и

глазамъ, и слуху, и сердцу, привыкшимъ видѣть, слышать и любить иное, болѣе имъ близкое, но отдаленное неизмѣримыми пространствами.

Въ каютѣ и каютѣ-компаніи были накрыты столы, установленные ягодами и бутылками. Испанки не застѣнчиво пили легкія вина, а Испанцы крѣпкія. Около полуночи на шканцахъ раздались Русскія плясовыя пѣсни матросовъ; нѣкоторые изъ гостей скинули свои сарапы, курточки, и расположились какъ дома. Нечего грѣха таить, и мы на нѣкоторое время забыли дисциплину, не выходя однакожъ изъ границъ приличія. Со стороны прекраснаго пола, вмѣсто капризовъ, встрѣчалъ насъ дружескій, радужный смѣхъ. Наконецъ сонъ мало по малу началъ одолевать насъ; и почти на самомъ разсвѣтѣ гости разъѣхались, съ чувствами непритворной благодарности за привѣтствіе и угощеніе Русскихъ.

Россійско-Американскія компанейскія суда ежегодно посѣщаютъ Калифорнію для покупки съѣстныхъ припасовъ, и всегда, во время стоянки, командиръ каждаго Русскаго судна считаетъ почти долгомъ сдѣлать вечеринку, или по тамошнему фанданго. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось бывать въ Калифорніи, и я никогда не видалъ, чтобъ которое-нибудь изъ стоящихъ тамъ иностранныхъ судовъ вздумало сдѣлать для Испанцевъ вечеръ; за то и Калифорнцы, съ своей стороны, не удостоивали этой чести никого изъ иностранцевъ, кромѣ Русскихъ, которые умѣли возбудить къ себѣ ихъ довѣренность и уваженіе. Никогда не забыть мнѣ вечера, когда Испанцы, въ благодарность за наше угощеніе, сдѣлали фанданго собственно для Русскихъ, въ селеніи Вербобойно, въ самыхъ тѣхъ казармахъ, о которыхъ я уже говорилъ. Казармы были прекрасно освѣщены и обмѣблированы. Испанскихъ винъ и фруктовъ было вдоволь; пушки, дотолъ стоявшія въ забвеніи, не умолкали отъ вѣстрѣловъ. Испанцы, въ изліяніи дружескихъ чувствъ, качали насъ на рукахъ и кричали по-Русски ура! Не знаю, какое Русское сердце

не забилось бы отъ радости при этомъ родномъ привѣтствіи изъ устъ иностранцевъ!

Прибывъ на нашъ корабль послѣ вечера, который давали въ честь нашу Испанцы, я мысленно долго еще не могъ разстаться съ обществомъ радушныхъ Калифорнцевъ; шумъ минувшаго пира еще раздавался въ моихъ ушахъ; наконецъ сонъ мало по малу одолѣлъ меня, и я проснулся уже поздно утромъ.

Намъ нужны были огородные овощи и въ томъ числѣ фрукты, какъ для собственнаго употребленія, такъ для Главнаго Правителя Россійско-Американскихъ колоній въ Ситхъ; поэтому мнѣ поручено было сдѣлать упомянутыя закупки въ мѣстечкѣ Сан-Кларо, находящемся при Сан-Францисскомъ заливѣ, въ разстояніи 26 миль отъ Вербобойно.

Время и служба не терпѣли отлагательства, и я почти съ сонными глазами отправился за покупками, въ барказѣ, съ 8 человѣками матросовъ. Вѣтеръ былъ попутный, и мы подъ косыми парусами пустились вдоль залива, мимо Геппенеровой ранжи, и чрезъ пять часовъ достигли селенія Сан-Кларо.

Оно тоже состоитъ изъ не многихъ домовъ, расположенныхъ не вдалекѣ отъ залива. Каждый домикъ отстоитъ одинъ отъ другаго на довольно далекое разстояніе; въ промежуткахъ разведены огороды, засѣянные капустою, рѣпою, лукомъ, огурцами, горчицею; находятся также пустые, ничѣмъ незасѣянные участки земли; сзади селенія тянутся сады съ яблоками, грушами, дулями, оливками, сливами, вишнями и виноградомъ; растутъ также грецкіе орѣхи и чернильные; за садами разстилаются поляны съ тыквами, дынями и арбузами. — Селеніе Сан-Кларо красивѣе всѣхъ прочихъ по своему мѣстоположенію. Взоръ останавливается то на небольшихъ зеленыхъ холмикахъ, поросшихъ кустарникомъ, то на густыхъ рощахъ, гдѣ растутъ дубы и испанскія чаги, то на ровныхъ долинахъ, которыя далеко сливаются съ горизонтомъ, или упираются въ синія горы, чуть

видимыя вдали; свѣтлый заливъ довершаетъ картину; вокругъ глубокая тишина, и вездѣ та же безпечность, которою отличаются вообще всѣ жители этихъ благословенныхъ странъ.

Загорѣлый Испанецъ, съ папироскою въ зубахъ, съ откинутою гитарой, лежалъ у палисадника своего дома и смотрѣлъ, какъ наемный Индіецъ собиралъ огурцы въ его огородѣ и укладывалъ ихъ въ скрипучій возокъ, запряженный двумя волами. Эта экспедиція отправлялась чрезъ Сан-Франциско въ Вербобойно. Жена Испанца, подсвѣтъ къ смирной коровѣ, доила въ стаканъ молоко, которымъ хотѣла утолить свою жажду; здѣсь погребовъ нѣтъ и не гдѣ держать молоко долгое время. По утрамъ, когда его доятъ, то употребляютъ на сыръ, если нѣтъ продажи; если же кому вздумается напиться, то прямо отправляются къ коровѣ и доятъ въ стаканъ, или во что нибудь другое, парное молоко, которое пьютъ какъ воду.

Я подошелъ къ Испанцу, поздоровался съ нимъ и объяснилъ ему свою надобность.

— У меня есть все, что вамъ нужно, отвѣчалъ онъ; прикажите-вашимъ людямъ рвать въ корзины сколько чего вамъ потребуется, а послѣ мы увидимъ, что это будетъ стоить. — Вѣроятно, продолжалъ Испанецъ, вы здѣсь почувствуете по причинѣ поздняго времени, къ тому же вѣтеръ вамъ противный для отъѣзда на корабль, и такъ можно приняться за работу завтра поутру, а теперь напьемся чаю.

И онъ приказалъ Индіанкѣ грѣть чайникъ. Самоваровъ въ этой сторонѣ нѣтъ, и ихъ замѣняютъ мѣдные чайники.

Матросы разбрелись кому куда вздумалось, а я съ Испанцемъ пошелъ къ нему въ домъ. Домъ Испанца не такъ былъ красивъ, по сравненію съ другими, но за то въ немъ всего было изобильно; уже много значило и то, что Донъ-Хосе (имя хозяина) пилъ чай, которымъ въ Калифорніи пользуются не многіе, по причинѣ его дорого-

визны. Здѣсь одинъ фунтъ чаю стоитъ $3\frac{1}{2}$ піастра (17 руб. 50 коп.), следовательно, напитокъ этотъ составляетъ въ Калифорніи особенную роскошь.

Донъ-Хосе имѣетъ пятерыхъ дѣтей; изъ нихъ самой старшей дочери лѣтъ 17. Къ сожалѣнію, она была больна и не пользовалась никакимъ медицинскимъ пособіемъ, потому что медики въ Калифорніи очень рѣдки, и жители, въ случаѣ болѣзни, по большой части предають себя на произволъ судьбы.

Хозяйка начала готовить ужинъ: мѣсить дартш и варить рубленое мясо, приправленное красивымъ стручковымъ перцемъ, этимъ неизбежнымъ снадобьемъ почти во всѣхъ Испанскихъ кушаньяхъ. Двое маленькихъ сыновей принесли яблоковъ, грушъ, арбузовъ. Тутъ пришли другіе Испанцы; между нами составилъ кружокъ и завязался довольно любопытный разговоръ.

Изъ числа собесѣдниковъ, одинъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, удивилъ меня своимъ познаніемъ. Съ виду онъ походилъ на Испанца, но впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Англійскій капитанъ, навсегда оставившій родину и поселившійся по сосѣдству съ домомъ Донъ-Хосе. Онъ разсуждалъ о начинающійся войнѣ Американцевъ съ Мексиканцами, и говорилъ, что первымъ нужна Калифорнія; что они, какъ народъ предприимчивый, завладѣвъ ею, значительно заселятъ западные берега Америки, заведутъ свой флотъ при Восточномъ океанѣ, сблизятся съ Сандвичевыми островами, съ Китаемъ, расширять свои торговые сношенія, и даже, можно полагать, обратятъ вниманіе и на Японію: тогда оба океана, Восточный и Атлантическій, будутъ наполнять Сѣверную Америку богатствами съ береговъ Восточной Азіи и Западной Европы. — Посмотрите, продолжалъ онъ, какъ ускорится тогда торговые сношенія береговъ Восточнаго океана съ берегами Атлантическаго. Американцы непременно устроятъ складочныя мѣста въ Акапулько или Массатланѣ. Тогда корабли ихъ, находящіеся въ

Восточномъ океанѣ, не будутъ ходить въ Атлантическій, а будутъ складывать товары въ означенныхъ портахъ; изъ нихъ сухимъ путемъ чрезъ Мексику товары перевезутся въ портъ Веракрукъ, лежащій при Мексиканскомъ заливѣ и долженствующій въ такомъ случаѣ сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ; изъ Веракруца грузъ переправится въ Европу на корабляхъ, находящихся въ Атлантическомъ океанѣ. Такимъ же образомъ и обратно, грузъ изъ Европы или изъ восточныхъ странъ Америки будетъ доставляться тоже чрезъ Мексику на западные берега Америки, въ Массатланъ или Акапулко, или чрезъ океанъ на восточную сторону Азій.

Всѣ эти предположенія Англичанина весьма были вѣроятны и согласовались также и съ моимъ мнѣніемъ. Прочіе собесѣдники внимательно слушали разсказъ своего селянина, и хотя многого не понимали, но чувствовали, что Калифорніа не долго будетъ находиться въ спокойномъ состояніи, рано или поздно измѣнитъ Мексиканскіе законы и сдѣлается рабынею сильнѣйшихъ.

— Американцы, — говорилъ далѣе Англичанинъ, — имѣя подъ своимъ владѣніемъ Калифорнію, могутъ служить также и Россіи доставкою хлѣба въ Камчатку, или Охотскъ, если только Русскіе примутъ ихъ услуги и не захотятъ сами пользоваться этими выгодами, т. е. посылать свои суда изъ Охотскаго порта въ Калифорнію за пшеницею, горохомъ и ячменемъ. Тогда Американцы значительно понизятъ цѣны на жизненные припасы, которые въ предѣлахъ Охотскаго моря, какъ я слыхалъ, очень велики.

— Да, — замѣтилъ я, — ржаналъ мука, привезенная изъ Якутска въ Охотскъ постоянно бываетъ отъ 8 до 10 руб. за пудъ; крупа отъ 10 до 12 руб. за пудъ.

— Почему же такъ дорого? — съ удивленіемъ спросилъ Англичанинъ.

— Потому что мука и крупа, привозимыя изъ Иркутскихъ окружныхъ мѣстъ въ Якутскъ, продаются тамъ отъ 1 руб. 30 коп. до 2 руб. 30 коп., за пудъ; изъ Якутска до-

ставляютъ продукты эти караваномъ на выючныхъ лошадяхъ въ Охотскъ, съ платою за провозъ на каждую лошадь, отъ 30 до 40 рублей, а такъ какъ на лошадь навьючиваютъ муки или крупы не болѣе 8 пудовъ, то сложивъ провозъ съ покупкою, мы ясно увидимъ, что хлѣба нельзя продавать нѣже означенныхъ цѣнъ. Притомъ, при отправкѣ провіанта изъ Якутска въ Охотскъ, навиваютъ его въ сыромѣятныя сумы, и чрезъ пространство слишкомъ 1,000 верстъ везутъ иногда по цѣлому мѣсяцу; на этомъ отдаленномъ пути, отъ частыхъ переправокъ черезъ рѣки бродомъ, хлѣбъ, набитый въ сумы, часто промокаетъ; къ тому же отъ верховой пересвозки онъ пропахиваетъ лошадинымъ поѣтомъ, теряетъ первобытную свѣжесть.

—Видите ли, какія неудобства,—сказалъ Англичанинъ. Отчего же Охотскіе купцы не завезутъ своихъ судовъ, чтобъ ходить въ Калифорнію за хлѣбомъ, который бы принесъ имъ значительныя выгоды?

—Оттого, что Охотскіе купцы, — отвѣчалъ я, — хотя и имѣютъ достаточныя капиталы для заведенія собственнаго судна, но они еще не такъ коротко ознакомились съ Калифорніей, чтобъ могли вступить съ большою самоувѣренностью въ торговыя сношенія съ этою страной.

—Судя по всемъ этимъ обстоятельствамъ,—продолжалъ Англичанинъ, — жители восточнаго края Россіи будутъ рады, если Американцы станутъ доставлять имъ съѣстные припасы свѣжіе, безвредные, здоровые, — къ тому же за половинную цѣну, сравнительно съ теперешней цѣной, какъ существуетъ она въ предѣлахъ Охотскаго моря. Жители же Калифорніи, рассчитывая на большую потребность своихъ произведеній, безъ сомнѣнія, приложатъ большее стараніе къ разведенію въ принадлежащихъ имъ помѣстьяхъ пшеницы и другихъ припасовъ.

—Но Американцы,—сказалъ я,—могутъ вывозить пушные промыслы, если дозволить имъ ходить въ предѣлы Охотскаго моря.

— Противу этого надлежитъ принять мѣры, между которыми самую лучшую почитаю я строгій таможенный осмотръ.

— Теперь Калифорнцы сбываютъ свои произведенія только Россійско-Американской Компаніи, замѣтилъ Донъ-Хосе.

— Почему же,—возразилъ я,—мы съ затрудненіемъ собираемъ количество припасовъ, потребное намъ, и случается иногда, что встрѣчаемъ въ нихъ недостатокъ?

— Это потому, — продолжалъ Англичанинъ, что — Россійско-Американская Компанія передала Стахинъ на аренду Англичанамъ, съ тѣмъ, чтобы Гудзонбайская Англійская Компанія доставляла въ Россійскія колоніи на своихъ судахъ кругомъ свѣта разный грузъ, въ томъ числѣ пшеницу, горохъ и другіе припасы. Между тѣмъ количество жизненныхъ припасовъ, доставляемое Англичанами изъ Колумбіи, оказалось недостаточнымъ для Россійско-Американской Компаніи, въ особенности, когда она открыла торговлю съ Камчаткою разными товарами, въ томъ числѣ и мукой. Эта причина понудила Компанію ходить еще своими судами въ Калифорнію, и покупать пшеницу отъ Калифорнцевъ, которые, не бывъ приучены къ большимъ посѣвамъ, не обращаютъ и понинѣ вниманія на засѣвы своихъ полей, запродаваемые иногда ими въ опредѣленномъ количествѣ, приходящимъ торговымъ судамъ. — Вотъ почему вамъ предстоитъ теперь затруднительный сборъ пшеницы, гороху, ячменю и другихъ припасовъ; но по всему можно предполагать, что современемъ пшеница составитъ первую промышленность жителей Калифорніи.

Но вотъ принесли чайникъ и вмѣстѣ съ нимъ ужинъ. Испанцы во время разговора сидѣли въ шалпахъ; сѣвъ за столъ, они также не снимали ихъ. Семейство Донъ-Хосе помѣстилось за однимъ столомъ, который былъ уставленъ разными кушаньями; но хлѣба не было; его замѣняли *durum*. Первое блюдо, приготовленное изъ рубленнаго мяса, почала хозяйка; по ея примѣру потянулись и мы съ лож-

ками на средину стола. Это кушанье такъ много заключало въ себя перцу, что у меня съ двухъ кусковъ ободрало ротъ, между тѣмъ какъ Испанцы ѣли его съ удовольствіемъ. Когда оно было съѣдено, хозяйка принялась за другое блюдо, состоявшее изъ жареной баранины, рѣзаной большими узенькими ломтиками; за нимъ слѣдовала вареная съ бараньимъ саломъ фриголь (маленькіе бобы), тоже сильно приправленная перцемъ; потомъ поджаренный молодой сыръ, изрѣзанный ломтиками и похожій на творожные пряженчики, наконецъ печеныя яблоки, и въ заключеніе ужина чай.

Испанцы, вставъ изъ-за стола, закурили сигары и отравились полежать на чистый воздухъ, приглашая съ собою и меня. Жена Донъ-Хосе и дѣти, которыя были побольше, тоже закурили сигары и остались дома.

Отказавшись отъ предложенія Испанцевъ и пожелавъ имъ насладиться отдыхомъ на чистомъ воздухѣ, я пошелъ одинъ смотрѣть селенье Сан-Кларо. Въ нѣкоторыхъ домахъ курился маленькій дымокъ, означавшій время приготовленія ужина; вокругъ царствовало глубокое безмолвіе, даже слышно было, какъ что-нибудь жарится; изрѣдка межъ домовъ бродили куры, овцы щипали траву, кой-гдѣ мычали коровы или фыркали кони; неподалеку отъ берега мальчишки босикомъ бѣгали въ запуски; у одного дома Индіецъ дѣлалъ себѣ постылку, въ родѣ ковра, перевязывая солому и обрубая краѣюшки для ровности; далѣе — вправо тянулись сады, огороженные жердочками; тамъ наши матросы наслаждались плодами. Не встрѣтивъ ничего любопытнаго, я пошелъ обратно въ домъ Хосе, гдѣ уже была приготовлена для меня постель. Вдругъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собаки, дотолъ лежавшія смирно, подняли лай и побѣжали изъ селенія, а за ними и мальчишки. Эта тревога возбуждала мое любопытство, и я пошелъ въ ту сторону, куда сбѣгались собаки. Пройдя дома четыре, я увидѣлъ передъ собою долину; по ней двое бокеровъ, верхомъ, вели

на арканахъ въ растяжку медвѣдя. Они поймали его въ дубовой рощѣ, и для потѣхи привели живаго въ селеніе. Онъ былъ бураго цвѣта и вышиною не менѣе аршина. Сви-
рьное животное злобно посматривало на лающихъ вокругъ него собакъ и на мальчишекъ, которые смѣло поколачи-
вали его палочками, зная, что звѣрь, затлнутый за переднюю и заднюю ноги, не въ состояніи сдѣлать имъ ни малѣй-
шаго вреда. Бокеры увѣряли, что они пустятъ его по долину и опять поймутъ арканами; любопытно было бы посмотреть на эту отважную ловлю, но ее нельзя было допустить, ибо медвѣдь могъ бы броситься на собравшуюся толпу народа. Испанцы принудили бокеровъ убить животное тутъ же на мѣстѣ. Одинъ бокеръ вынулъ изъ-за голенища широкій ножъ и твердою рукою вонзилъ его въ затылокъ звѣрю. Медвѣдь зашатался на ногахъ и съ ужаснымъ ревомъ упалъ на землю. Бокеры отвязали арканы и заставили Индійцевъ сдирать съ него кожу. Я отправился спать въ домъ Хосе. Усталость прошедшаго вечера скоро усыпила меня, и я непробудно проспалъ до разсвѣта; но тутъ я уже не могъ сомкнуть глазъ; *каѣты* (родъ шакаловъ), бѣгая вокругъ селенія, безпрестанно беспокоили меня своимъ воемъ. Ихъ ужасное множество по всей Калифорніи. Въ ночную тишину они сбѣгаются къ селеніямъ на добычу, таскаютъ овецъ, если онѣ не въ загонѣ, но при появленіи чело-
вѣка разбѣгаются въ лѣса.—Одѣвшись наскоро, я велѣлъ матросамъ рвать въ корзины и мѣшки фрукты и огородныя овощи, сколько чего было нужно, и самъ пошелъ съ ними въ садъ. Проходя мимо того мѣста, гдѣ наканунѣ убили медвѣдя, я не нашелъ и слѣдовъ его внутренностей, которыя были кинуты Индійцами и ночью растасканы *каѣтами*.

Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы Испанцы ѣли медвѣжье мясо. Они пользуются отъ этого животнаго только шкурою и саломъ, которыя продаютъ на торговые суда. Индійцы же съ удовольствіемъ ѣдятъ медвѣжатину.

Матросы въ короткое время наполнили плодами и овощами всѣ корзины и мѣшки, взятые нами съ корабля. Оста-

балось только разсчитаться съ хозяиномъ и ѣхать обратно на свой корабль.

Мы были готовы, но жители Сан-Кларо еще покоились сномъ и двери домовъ были заперты, ибо утренній туманъ не совсѣмъ очистился, и атмосфера была холодна. Не желая беспокоить Хосе, я сталъ дожидаться его пробужденія. Наконецъ солнце довольно высоко поднялось на голубомъ небѣ, туманъ исчезъ, воздухъ сдѣлался теплѣе; въ нѣкоторыхъ домахъ отворились двери; изъ домовъ стали показываться люди; изъ загоновъ выгонлся домашній скотъ; Индійцы и Индіянки пошли доить коровъ; потомъ у домиковъ показался дымокъ; начались приготовленія къ завтраку такимъ же порядкомъ, какъ и къ ужину.

Наконецъ и Донъ-Хосе вышелъ изъ дому заняться хозяйственными распоряженіями по своему помѣстью. Увидавъ насъ готовыми въ путь, онъ поздоровался со мною и просилъ меня осгаться съ нимъ завтракать. Я, боясь встрѣтить противный вѣтеръ, и желая воспользоваться тихою погодою, отговорился тѣмъ, что люди, находящіеся при мнѣ, нужны для работъ на кораблѣ, заплатилъ ему за фрукты и овощи товаромъ, который въ Калифорніи нужнѣе денегъ, именно: бисеромъ, чаемъ и миткалемъ, и распростился съ нимъ и съ его семействомъ. По дорогѣ я зашелъ къ Англичанину, который тоже старался удержать меня, но я отблагодарилъ его и отправился на свой корабль.

Къ 2-мъ часамъ по полудни мы уже были на кораблѣ; на немъ перетягивали такелажъ, который ослабѣлъ отъ сильныхъ жаровъ, а съ слабымъ такелажемъ легко можно потерять стеньги, въ особенности при сильной качкѣ судна.

По пріѣздѣ изъ Сан-Кларо, мнѣ предстояла совершенная свобода до самаго нашего выхода изъ Сан-Францискаго залива. Я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ и нашелъ случай побывать въ Монтерео, столицѣ Калифорніи, находящейся отъ селенія Вербобойно въ разстояніи 250 миль.

Рано утромъ пустился я въ путь по Сан-Франциской дорогѣ, взявъ съ собою въ проводники бокера, съ ружьемъ

и неразлучнымъ арканомъ. Миновавъ Сан-Франциско, мы очутились на широкой зеленой равнинѣ, пересѣкаемой тропинками, незаметными отъ рѣдкой по ней верховой ѣзды. Прѣхавъ равниною миль около 10, мы встрѣтили три домика, огороженные жердочками. Въ нихъ жили два Испанца съ своими семьями. Позади жилищъ лежали коровы, лошади, и мѣстами росла пшеница. Кругомъ никого не было видно, лишь слышенъ былъ лай собакъ. Когда мы подъѣхали къ одному изъ домиковъ, къ намъ на встрѣчу вышелъ Испанецъ и приглашалъ къ себѣ; время не позволяло мнѣ долго оставаться здѣсь. Переѣздивъ лошадей, мы опять съ бокеромъ пустились по долинѣ къ Монтерео. Резвые кони мигомъ донесли насъ до другаго небольшого селенія при Монтерейской дорогѣ. Въ каждомъ изъ встрѣчавшихся намъ селеній можно было переѣзжать лошадей за умѣренную плату. — На пути въ Монтерео встрѣчается множество живописныхъ мѣстъ. Безпрестанно приходилось намъ проѣзжать небольшими рощицами; въ нихъ росли дубъ, липа, букъ, чаги ужасной толщины, ольха, пзрѣдка тополь и дикій виноградникъ. Встрѣчались также и большіе лѣса лавровника, но мы старались какъ можно скорѣе проѣзжать ихъ, боясь головной боли, которая могла произойти отъ сильнаго запаха лавроваго листа. Вдали видѣлись различной величины горы и пригорки, покрытые и непокрытые лѣсомъ и кустарникомъ; озера, по которымъ плавали дикія утки и гуси, ручейки и небольшія рѣчки, вытекающія изъ горъ или озеровъ и бѣгущія по песчаному и, можетъ быть, золотonosному грунту. Въ сторонѣ отъ дороги часто вился дымокъ, дававшій знать о близости Индійскихъ селеній.

Въ одномъ мѣстѣ, у подошвы небольшой горы, въ довольно далекомъ разстояніи отъ дороги, я замѣтилъ больше дыму.

Вѣроятно, тутъ большое Индійское селеніе, подумалъ я, и, никогда еще не выдавъ внутренняго быта Индійцевъ, рѣшился посмотреть на ихъ шалаши, и для того, сво-

ротивъ съ дороги, повхалъ съ проводникомъ моимъ прямо къ селенію.

Приближась къ селенію, я увидѣлъ, что оно состояло изъ 12 шалашей, расположенныхъ въ разномъ направленіи; нѣкоторые изъ нихъ были покрыты кожами лошадей, зебра, лосей, а другіе древесной кожей или тростникомъ. У перваго шалаша сидѣлъ Индіецъ и дѣлалъ ножомъ стрѣлу. Увидѣвъ насъ, онъ оставилъ свою работу, и не вставая съ мѣста, съ ножомъ въ рукахъ, смотрѣлъ на насъ. Лицо его, съ небольшими острыми глазами (общими всѣмъ Индійцамъ), было зѣвски-безобразно. Я далъ ему сигару и попросилъ посмотреть на его работу. Онъ быстро вскочилъ, какъ будто хотѣлъ броситься на меня, побѣжалъ въ свой шалашъ и принесть мнѣ совсѣмъ отдѣланную стрѣлу съ лукомъ. — Стрѣла, сдѣланная изъ чажнаго дерева, имѣла въ длину $2\frac{1}{2}$ фута; на одномъ концѣ ея была насажена зубчатая стрѣлка изъ крѣпкой кости, дюймовъ въ 9, а на другомъ были вѣзаны вдоль палочки или стержня три пера, для того чтобъ стрѣла ровно летѣла къ цѣли. На лукъ была чрезвычайно туго натянута воловь жила, длиною футовъ въ пять. Желая полюбопытствовать, какъ высоко поднимется стрѣла, я черезъ бокера, знавшаго по-Индійски, попросилъ Индійца пустить ее вверхъ. Индіецъ исполнилъ мою просьбу; стрѣла взвилась въ высоту, въ одно мгновеніе ока исчезла изъ глазъ, потомъ упала неподалеку отъ меня, вѣзавшись вершковъ на пять въ землю. Вскорѣ окружило насъ множество Индійцевъ. Всѣ они отличались одинаково зѣвскими, загорѣлыми отъ жару лицами, на которыхъ наколоты были разныя фигуры, что составляетъ у нихъ щегольство; черные, грубые, длинные волосы завязывались назадъ пучкомъ; одежда состояла болѣе изъ лоскутовъ тонкой кожи; на нѣкоторыхъ были бумажныя, или шерстяныя ткани, добытыя, вѣроятно, отъ Испанцевъ за работы, а можетъ быть, и краденныя, потому что Индійцы, какъ и всѣ вообще дикіе народы, очень склонны къ воровству.

Въ собравшейся толпѣ не находилось ни одной женщины. — Женщины у Индійцевъ исправляютъ почти всѣ

работы, между тѣмъ какъ мужья ихъ поколѣся въ лѣнности. Въ этомъ селеніи я много встрѣтилъ женщинъ, и всѣ онѣ были чѣмъ-нибудь заняты, а мужчины лежали или сидѣли, ничего не дѣлали. Весьма немногіе изъ нихъ работали что-нибудь, напр. точили ножи или дѣлали стрѣлы. Вотъ у одного шалаша женщина обостривала топоромъ колъ для своего шалаша, а Индіецъ, должно быть мужъ ея, жарилъ на палочкѣ мясо. Въ иныхъ шалашахъ женщины жали сокъ изъ дикаго винограда (служащій для приготовленія вина), плели изъ древесныхъ корней шкаты — плотныя, крѣпкія и очень красивыя корзинки, заступающія у нихъ мѣсто посуды, или дѣлали повязки изъ разноцвѣтныхъ птичьихъ перьевъ, которыя какъ мужчинами, такъ и женщинами употребляются для головнаго украшенія. Въ срединѣ самаго селенія три женщины сдирали кожу съ быка. Быкъ навѣрно былъ краденый. Бокеръ хотѣлъ посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ какой замѣтки, но я удержалъ его, боясь, чтобы не навлекъ на себя подозрѣнія, за которое, можетъ быть, дорого бы пришлось намъ расплачиваться. Въ селеніи господствовала въ высшей степени неопрятность, отвратительная для взгляда; болѣе же всего звѣрскій видъ Индійцевъ наводилъ какой-то страхъ, — къ тому же день уже вечерглъ, и я поспѣшилъ выѣхать пѣзъ Индійскаго селенія на Монтерейскую дорогу.

До Монтерео оставалось еще болѣе половины пути, и намъ нужно было найти себѣ ночлегъ въ какой-нибудь ранъжѣ. Вотъ показались вдали крыши Испанскаго селенія. Въ немъ я расположился ночевать. Оно состояло изъ четырехъ домовъ съ разными пристройками. Въ селенія росло множество оливковыхъ деревьевъ и мѣстами виднѣлись яблони и груши. Тутъ я не встрѣтилъ ничего любопытнаго, потому что всѣ Испанскія селенія почти походятъ одно на другое. Я остановился у одного семейнаго Испанца, который принялъ меня очень ласково. Усталость отъ верховой ѣзды клонила меня ко сну, и я крѣпко заснулъ на разостланной зебровой шкурѣ. Поутру, перемѣнивъ лошадей, приготовленныхъ для насъ еще вечеромъ, мы, не смотря на холодный

туманъ, поспѣшили продолжать путь. По дорогѣ, кромѣ живописной мѣстности, не встрѣчалось намъ ни одного предмета, достойнаго любопытства. Иногда попадались въ лѣсахъ дикія кошки, но онѣ убѣгали отъ насъ, и намъ не удалось застрѣлить ни одной изъ нихъ.

Въ лошадяхъ для перемѣны мы не имѣли препятствій, и потому вскорѣ достигли Монтерео. — Мы поднялись на гору, съ вершины которой показался крестъ Монтерейскаго монастыря. Наконецъ, миновавъ мелкій кустарникъ, въѣхали въ городъ, расположенный на отлогомъ берегу Монтерейскаго залива. Дома въ немъ расположены съ нѣкоторою правильностью; во многихъ изъ нихъ были лавки и магазины, въ которыхъ товары очень дороги, ибо правительство, не имѣя никакихъ особенно значительныхъ доходовъ съ городковъ Калифорніи, налагаетъ большія пошлины на ввозимые туда товары.

Домъ губернаторскій находился въ срединѣ города. Наружность его была красивѣе прочихъ. Неподалеку отъ него находились казармы — длинное одноэтажное строеніе съ небольшими окошками и во многихъ мѣстахъ ветхое. Стоявшія передъ казармами пушки были нѣсколько поисправленіе тѣхъ, которыя видѣлъ я въ Вербобойно. Возлѣ казармъ устроена ратуша, а сзади ея тюрьма. Подошедъ къ послѣдней, я увидѣлъ сидящаго за желѣзной рѣшеткою Индійца, осужденнаго быть разстрѣляннымъ. Лицо преступника, и безъ того уже обезображенное татуированіемъ, было еще ужаснѣе отъ дикихъ, свирѣпыхъ взглядовъ, которые бросалъ онъ вокругъ себя. Вотъ въ чемъ состояло его преступленіе. Онъ укралъ быка у одного Испанца, владѣтеля ранъжи. Въ то время, какъ похититель велъ животное къ себѣ въ селеніе, съ нимъ встрѣтился бокеръ. Узнавъ по помѣткѣ, кому принадлежитъ быкъ, онъ поймалъ на арканъ Индійца, который хотѣлъ было спастись отъ него бѣгствомъ, и привелъ вора вмѣстѣ съ быкомъ къ обкраденному хозяину ранъжи. Послѣдній жестоко высѣкъ

Индійца и отпустилъ его на волю. Съ злобою и мщеніемъ въ сердцѣ онъ вышелъ изъ дому, но прежде осмотрѣлъ въ подробностѣ всю мѣстность. На слѣдующую ночь онъ осторожно подкрался къ дому, и, замѣтивъ отворенное окно, пробрался въ спальню Испанца и зарѣзалъ его вмѣстѣ съ женою. Сынъ ихъ, спавшій въ ближней комнатѣ, пробужденный шумомъ, громко закричалъ; Индіецъ бросился къ нему, но на крикъ сбѣжались люди; Индіецъ, съ ловкостью дикаго звѣря, опять выскочилъ въ окно, думая снастись бѣгствомъ, но его нагнали и схватили.

Въ Монтерео устроенъ кожевенный заводъ возлѣ небольшой рѣки; я заходилъ въ него и смотрѣлъ тамъ кожи, которыя достоинствомъ были гораздо хуже нашихъ. Ближе къ заливу лежала огромная куча раковинъ, которыя, какъ узналъ я, обжигаютъ, и онѣ служатъ вмѣсто извести для обмазки домовъ. Обширный заливъ былъ уставленъ купеческими судами, пришедшими для продажи товаровъ или покупки тамошнихъ произведеній. Между ними находилось много китоловныхъ судовъ, которыя пристають для починокъ или для запаса воды. Одно Французское судно было подтянуто къ самой пристани. Оно пришло за живымъ скотомъ для Сандвичевыхъ острововъ. Больше я ничего не нашелъ замѣчательнаго въ городѣ, и поспѣшилъ въ обратный путь къ своему кораблю.

Спустя три недѣли послѣ нашей стоянки въ Вербойно, пришли изъ колоній въ Сан-Францискій заливъ еще два судна: *Константинъ* и *Байкалъ*, для взятія пшеницы и мяса; намъ же присланъ былъ отъ Главнаго Правителя колоній пакетъ, съ приказаніемъ идти за солью на островъ Карминъ, лежащій въ Калифорнскомъ заливѣ, или *Багряномъ морѣ*.

Такъ какъ на покупку соли и для платы за якорныя мѣста, нужны были наличные піастры, которыхъ мы не имѣли въ достаточномъ количествѣ, кромѣ векселя Россійско-Американской Компаніи, суммою въ 8 т. піастровъ (по та-

мошнему 25 т. руб. асс.), то намъ и предстояло непременно зайти въ какой-нибудь ближайшій къ нашему пути портъ, гдѣ бы можно было безъ затрудненія размѣнять вексель. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало намъ брать соль и вообще по всѣмъ окружнымъ мѣстамъ Калифорнскаго залива, мы бы ни какъ не могли сдѣлать размѣна векселя въ такую сумму; ибо у тамошнихъ жителей нѣтъ большихъ денегъ, а если и есть, то весьма у немногихъ; притомъ же, они не имѣютъ значительныхъ торговыхъ сношеній съ конторами богатыхъ портовъ, куда бы могли перевести вексель. Европейскія суда бываютъ здѣсь очень рѣдко, и то по какому-нибудь особенному случаю, напр. по надобности налиться водою, или что-либо починить въ суднѣ; за солью же приходятъ въ Калифорнскій заливъ очень рѣдко, даже и самая Россійско-Американская Компанія посылаетъ за этимъ продуктомъ на Карминъ черезъ три года, и всегда снаряжаетъ для подобной экспедиціи судно, имѣющее въ себѣ вмѣстимости болѣе прочихъ.

Такъ какъ корабль *Насльдникъ*, на которомъ находились мы, есть самый большой, сравнительно съ прочими компанейскими судами, годными къ плаванію, то намъ и было предписано не грузить пшеницы въ Калифорніи, а идти за солью; пшеницу же долженствовали доставить въ колоніи пришедшіе бриги, *Константинъ* и *Байкалъ*.

Что могло быть пріятнѣе этого извѣстія? Угрюмая Ситха, съ ея безпрестанными дождями и туманами, наскучила каждому изъ насъ, каждому хотѣлось подольше повеселиться въ чужихъ портахъ, понѣжиться въ благоухающемъ климатѣ.

Теперь надлежало найти портъ, въ которомъ бы навѣрно и выгодно можно было размѣнять вексель. Атласъ указалъ намъ на *Массатланъ*, лежащій при Восточномъ океанѣ, на западномъ берегу Сѣверной Америки.

Опытность командира и привычная ловкость матросовъ не заставили долго медлить и выжидать времени попутнаго вѣтра. Сдѣлавъ необходимые запасы провизіи и налившись

водою , мы , не смотря на большіе труды при вытаскиваніи якоря изъ иловатаго грунта Сан-Францискаго залива , въ 3 часа , съ пѣснями вышли въ океанъ , и къ 8-ми часамъ вечера отдѣлились отъ береговъ на 70 миль.

Чѣмъ ближе подходили мы къ югу , тѣмъ ощутительнѣе становился жаръ ; океанъ какъ бы утихалъ постепенно , вѣтеръ дулъ ровнѣе , и вплоть до самаго мѣста якорной стоянки брамсели постоянно были растянуты. Иногда , и то очень рѣдко , пробѣгало небольшое облачко по голубому небу , или ударялъ крупный теплый дождь , но черезъ десять минутъ , вся эта пріятная влага исчезала отъ лучей солнечныхъ , не оставляя по себѣ и слѣда. Корабль нашъ все ближе подходилъ къ тропику ; смола на вантахъ прилипала къ рукамъ , и мы должны были безпрестанно смачивать водою палубу , чтобъ не разсыхались доски. — Рубашка , бѣлые брюки , башмаки и соломенная шляпа составляли всю одежду каждаго изъ служителей корабля. Мы постепенно привыкали къ жаркому югу , и только какъ природные жители сѣвера , вспоминали о нашихъ глубокихъ снѣгахъ и трескучихъ морозахъ. — Красивыя рыбки , блистая на солнцѣ то золотого , то серебряною чешуею , плавали вокругъ нашего корабля. Много разъ случалось намъ ловить на удочку *банитъ*. Рыба эта величиною въ аршинъ. Ея красивая кожа отражается въ водѣ розовыми , зелеными и голубыми полосками , мясо бѣлое , вкусное и довольно жирное. Однажды трое сутокъ не отставала отъ насъ извѣстная въ зоологій молотокъ-рыба. Какъ мы ни старались поймать ее харпуномъ или петлей , но всѣ труды наши были напрасны : она какъ будто играла съ нами , и скрылась потомъ въ глубинѣ океана. Болѣе всѣхъ встрѣчались намъ летучія рыбки : онѣ иногда сами попадали къ намъ на палубу ; впрочемъ , мясо ихъ не годно ни къ какому употребленію.

За кормой нашего корабля постоянно висѣла веревочка съ крючкомъ , на который была надѣта солонина , служившая приманкою для жителей тропическаго океана. Многіе изъ нихъ , схватывая ее , попадали на крючокъ , и эта забава

была для насъ нѣкоторымъ развлеченіемъ въ скучныя часы нашего однообразнаго плаванія. Разъ на крючокъ попался шаркъ, величиною въ 8 четвертей. Едва подняли его на палубу и вытящили крючокъ изъ его рта, онъ началъ дѣлать чрезвычайно высокіе прыжки и укусилъ одному матросу ногу такъ, что тотъ былъ потомъ двѣ недѣли боленъ, и потерялъ охоту забавляться подобною ловлею, которая прежде очень ему нравилась. Вотъ еще одинъ случай: матросъ былъ спущенъ на бестѣкѣ за бортъ и поправлялъ краскою бѣлую полосу; онъ находился по крайней мѣрѣ аршина на два отъ воды и спокойно продолжалъ свою работу, размахивая спущенными съ бестѣки ногами. Вдругъ шаркъ вынырнулъ изъ воды и схватилъ съ ноги матроса башмакъ; вѣроятно, онъ цѣпилъ на всю ногу, но высота не позволила ему исполнить этого намѣренія. Случай этотъ заставилъ насъ быть поосторожнѣе съ шарками, которыхъ очень много водится въ тропическихъ моряхъ, и потому подъ тропиками весьма опасно купаться съ корабля.

Но вотъ съ лѣвой стороны открылась земля; это былъ мысъ Лукасъ, составляющій оконечность Калифорнскаго полуострова. Тутъ попадалось къ намъ на корабль много разныхъ мелкихъ птичекъ. Относимыя отъ берега вѣтрами, онѣ дѣлались постоянными нашими пассажирами и плыли вмѣстѣ съ нами къ землѣ.

Такъ какъ цѣль нашего прибытія состояла единственно въ развѣдкѣ векселя, требовавшей весьма непродолжительнаго времени, то капитанъ заблагоразсудилъ съѣздить въ катеръ на берегъ, и сдѣлать тамъ развѣдкѣ векселя, а корабль оставить лавировать близъ береговъ: во-первыхъ для того, чтобъ вслѣдствіе предписанія Главнаго Правителя колоній, не платить за якорное мѣсто (хотя впрочемъ корабль нашъ былъ военный, подъ вымпеломъ, а по морскому уложенію, военныя суда не платятъ за стоянки въ иностранныхъ портахъ), — а во-вторыхъ, и еще болѣе, для того

чтобъ не тратить лишнихъ трудовъ и времени на отдаваніе и вытаскиваніе якоря.

Это распоряженіе, извѣстное до того времени лишь одному капитану, опечалило почти всѣхъ служителей корабля, потому что каждый думалъ повеселиться по своему въ богатомъ иностранномъ портѣ, — и теперь всѣ планы будущихъ удовольствій должны были рушиться; но дѣлать было нечего, служба требовала покорности.

Достигнувъ рейда, капитанъ приказалъ привести судно въ дрейфъ и спустить четырнадцати-весельный катеръ; гребцамъ вѣльно было надѣть мундиры и взять съ собой на всякій случай ружья. — Командиръ, я и второй штурманъ сѣли въ катеръ и отправились къ берегу; между тѣмъ корабль нашъ, порученный старшему штурману, сдѣлалъ въ морѣ поворотъ, чтобы безопаснѣе можно было лавировать въ ожиданіи возвращенія катера. На кормѣ нашего катера развѣвался флагъ Россійско-Американской Компаніи, съ двуглавымъ орломъ; боцманъ - манъ (помощникъ боцмана) правилъ рулемъ и командовалъ матросами въ свистокъ; въ гребцы нарочно были выбраны рослые, здоровые матросы.

Но обширному рейду стояли военные фрегаты: 3 Американскихъ, 60-пушечные, 2 Англійскихъ, тоже 60-пушечные, и одинъ Мексиканскій транспортъ. Борты упомянутыхъ судовъ были унижены зрителями, смотрѣвшими на нашъ катеръ и на лавирующій корабль; каждому хотѣлось знать причину прихода Русскаго военнаго корабля въ портъ, который никогда еще не посѣщало ни одно Русское судно.

Проѣхавъ рейдъ, мы вошли въ гавань, въ которой стояло много купеческихъ разныхъ націй судовъ 3-хъ-мачтовыхъ и 2-хъ-мачтовыхъ. На пристани также было большое стеченіе любопытныхъ зрителей, собравшихся посмотреть на Русскихъ, еще небывалыхъ гостей въ Массатланъ. Дѣйствительно, многіе изъ тамошнихъ жителей, зная объ Русскихъ только по слуху, почитали ихъ какимъ-то особеннымъ народомъ, и вотъ причина, по которой они съ такимъ лю-

боятствомъ смотрѣли на Русскій катеръ, еще въ первый разъ приближавшійся къ пристани Массатлана.

Когда мы вышли изъ катера на пристань, насъ встрѣтилъ комендантъ порта, и дружески поздоровавшись съ нами, спросилъ насъ о причинѣ нашего прихода, и почему мы не становимся на якорь.

Капитанъ объяснилъ свою надобность и упомянулъ также, что, можетъ быть, за якорь потребуется плата.

— Намъ очень пріятно видѣть Русскихъ, — отвѣчалъ капитанъ, — и вы хорошо бы сдѣлали, еслибъ стали на якорь, и погостили въ нашемъ далекомъ городкѣ подольше. О платѣ не беспокойтесь: корабль вашъ военный, и вы имѣете право стать гдѣ вамъ угодно, не платя ни реала; между тѣмъ вы размѣняете вексель, на что потребуется вамъ времени болѣе, нежели какъ вы полагаете.

Мы поблагодарили коменданта за его ласковое предложеніе и внутренно радовались случаю пробить подольше въ этомъ портѣ, который понравился намъ съ перваго раза.

Командиръ, желая отвѣтить учтивостью на учтивость, попросилъ у коменданта позволенія, отсалютовать крѣпости. Комендантъ не отказался отъ этой чести, и нашъ катеръ отправился съ штурманомъ на корабль Наслѣдникъ, съ приказаніемъ командира стать на якорь и отсалютовать крѣпости семью выстрѣлами. Комендантъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать.

Пройдя небольшую, но длинную каменную пристань, на концѣ которой построена таможня, мы встрѣтили человека въ синемъ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ, и съ палочкою въ рукѣ. Набалдашникъ палочки изображалъ одногоглаваго орла. Это былъ таможенный чиновникъ. Онъ раскланялся съ нами, и не взирая на главнаго своего начальника, шедшаго съ нами, спокойно курилъ папирску. Мы вступили на широкую набережную, вымощенную камнемъ улицу. Передъ нами тянулись по лѣвую сторону бѣлые двухъ и трехъ-этажные дома, довольно красивой архитектуры. Въ

нижнемъ этажѣ почти каждаго дома видны были погребки, установленные тѣсными рядами бутылокъ и бутыдей; въ нѣкоторыхъ изъ домовъ раздавался стукъ бильярдныхъ шаровъ и по временамъ слышались звуки фортепьяно.

По набережной мы достигли комендантова дома и вошли на парадное каменное крыльцо. Арабъ, служившій за швейцара, отворилъ намъ стеклянную дверь въ галлерею, уставленную цвѣтами и разными деревьями; два зеленые попугая, сидѣвшіе на лимонныхъ деревьяхъ, что-то говорили намъ въ слѣдъ. Галлерея кончалась аркой, которая вела въ богатый залъ, тоже обставленный фруктовыми деревьями. Огромныя зеркальныя цвѣтныя стекла оконъ бросали радужный свѣтъ на мягкіе ковры, разостланные на гладко вышліфованномъ каменномъ полу. Кресла тянулись вокругъ всей залы, по срединѣ которой стоялъ круглый столъ съ блюдами для обѣда. Тутъ мы встрѣтили жену коменданта съ двумя маленькими дѣтьми. Казалось, она отъ души была рада посѣщенію Русскихъ, и дѣти рѣзвились вокругъ насъ, таскали свои игрушки и показывали намъ. Мнѣ попалась въ руки книжка съ картинками, изображавшими солдатъ разныхъ націй; тутъ Русскій солдатъ представленъ былъ въ огромномъ размѣрѣ по сравненію съ прочими: огромные усы и бакенбарды закрывали у него почти все лицо. Картинка эта оправдала мое мнѣніе, что Массатланцы, не выдавъ Русскихъ, но только наслышавшись объ нихъ, представляли ихъ себѣ народомъ, совершенно отличнымъ отъ другихъ.

Раздался пушечный выстрѣлъ, которымъ салютовали крѣпости съ нашего корабля. Комендантъ повелъ насъ въ другую комнату, откуда былъ видѣнъ весь рейдъ Массатлана. Наслѣдникъ стоялъ уже на якорѣ, мили на три отъ берега. Коммендантъ въ зрительную трубу любовался чистотою нашего корабля и проворствомъ, съ которымъ матросы убирали паруса.

На нашъ салютъ отвѣтили съ крѣпости тоже семью выстрѣлами. Народъ все еще толпился на пристани, въ

ожиданіи Рускаго катера, возвращавшагося съ корабля. Комендантъ послалъ звать къ себѣ обѣдать втораго штурмана, и когда тотъ явился, мы отправились за сытный обѣдъ.

Во время обѣда пришелъ банкиръ и предложилъ свои услуги на счетъ размѣна векселя. Капитанъ спросилъ его, что это будетъ стоить?

— Помилуйте, — отвѣчалъ банкиръ, — это такая маловажная сумма, что не стоитъ брать съ нее процентовъ. Еслибъ вамъ угодно было размѣнять не 8, а 100 т. піастровъ, то и тогда бы мы ничего не взяли съ васъ за промѣнъ, потому что васъ, Русскихъ, мы здѣсь видимъ въ первый разъ, и намъ было бы очень пріятно, еслибъ вы посѣщали насъ почаще.

Мы поблагодарили банкира за его безкорыстное предложеніе и замѣтили, въ свою очередь, что проценты, которые нужно заплатить за размѣнъ, для насъ тоже незначительны, и мы не хотимъ пользоваться ничѣмъ даромъ, особенно въ чужомъ портѣ, гдѣ приняли насъ такъ радушно.

— Я знаю Русскихъ, г-нъ капитанъ, — отвѣчалъ банкиръ, они все любятъ поставить на своемъ, но если вы не хотите пользоваться безпроцентнымъ размѣномъ, то позвольте мнѣ замѣтить, что вамъ не размѣнять здѣсь векселя; я увѣренъ, что ни одинъ торговый домъ не возьметъ съ васъ ни процента за размѣнъ. Слѣдовательно, вы должны будете во всякомъ случаѣ принять мою услугу. Когда вамъ угодно взять піастры?

— Если можно, то нельзя ли сегодня, отвѣчалъ командиръ.

— Нѣтъ, сегодня нельзя, — сказалъ банкиръ, — потому что у меня будетъ вечеръ, на которомъ вы должны быть первымъ моимъ гостемъ, а завтра нужна вамъ сумма вся сполна къ вашимъ услугамъ.

Дружественное пожатіе рукъ было знакомъ согласія со стороны капитана, и банкиръ отправился домой.

Комендантъ во время обѣда разспрашивалъ насъ о Россіи, о тамошнихъ снѣгахъ и очень удивлялся, когда мы гово-

рили ему, что у насъ есть мѣста, гдѣ глубина снѣга доходить до 4-хъ аршинъ, а холодъ до 49°, какъ напр. въ Якутскѣ, гдѣ живутъ такіе же люди какъ и мы.

Жена коменданта, вѣроятно, не повѣрила бы нашимъ рассказамъ, еслибъ знала, что такое значить стужа въ 49°. Едва ли когда случалось ей ощущать холодъ и въ 2°, и потому она не могла составить себѣ понятія о всей жестокости Русскихъ морозовъ.

По окончаніи обѣда, комендантъ предложилъ намъ верховыхъ лошадей для прогулки по городу, но мы отказались, сказавъ, что послѣ непрерывной ѣзды по морямъ на корабляхъ, намъ пріятно будетъ прогуляться по землѣ пѣшкѣмъ.

Было около 4-хъ часовъ, и жаръ начиналъ мало по малу спадать. Мы отправились внутрь города. Передъ нами открылась площадь; по срединѣ ея стоялъ столбъ съ двумя глаголями, на которыхъ висѣли веревки съ петлями. Это была висѣлица для преступниковъ. За три дня до нашего прихода, на этой самой висѣлицѣ былъ повѣшенъ одинъ молодой человекъ за убійство Американскаго штурмана, который имѣлъ связь съ его женою и былъ имъ замѣченъ.

Прошедъ площадь, мы вошли въ небольшую улицу. Апельсины, лимоны, фиги, бананы и разные фрукты кучами лежали тутъ для продажи на камышевой травѣ. Я видѣлъ здѣсь сахарный тростникъ, который имѣлъ въ діаметръ до 10 дюймовъ, а въ вышину до 6 аршинъ. Всѣ эти фрукты растутъ въ долинахъ Массатлана сами собою, не требуя никакого присмотра.

Я спросилъ изъ любопытства, что стоитъ сотня апельсиновъ?

— 1 піастръ, отвѣчалъ загорѣвшій отъ солнца канагъ.

— Что жъ такъ дорого? — замѣтилъ я шутливо.

— Вѣдь за ними нужно ходить цѣлые полдня, а здѣсь за дневную работу платится 2 піастра; слѣдовательно, цѣна самая обыкновенная.

Капитанъ приказалъ канагу отсчитать 200 апельсиновъ, для матросовъ, и далъ ему 4 піастра.

Канагъ очень былъ благодаренъ щедрости Русскихъ.

Тутъ мы вошли въ огромный гостинный дворъ, обнесенный толстыми колоннами. Богатые магазины тянулись прямыми рядами по правую и по лѣвую сторону; ловкіе, отлично одѣтые торговцы прохаживались взадъ и впередъ въ ожиданіи покупателей.

Капитану вздумалось купить шаль, и мы вошли въ одинъ Китайскій магазинъ, который увѣщанъ былъ богатыми шалами *Китайской* работы.

— Что стоитъ? — спросилъ командиръ, указывая на одну изъ висѣвшихъ шалей.

— 1000 піастровъ, — отвѣчалъ купецъ.

— А эта?

— 800 піастровъ.

— Покажите мнѣ шали не очень дорогія.

— У насъ нѣтъ шалей дешевле 200 піастровъ.

И купецъ развернулъ передъ нами отличныя шали; капитанъ выбралъ одну изъ нихъ и приказалъ отложить до другаго дня.

— А самыя дорогія шали въ какую у васъ цѣну?

Купецъ открылъ коробку и вынулъ огромную шелковую бѣлую шаль съ черными цвѣтами и съ такою же бахромою. Онъ сжалъ ее въ комокъ и распустилъ опять; шаль ни сколько не измялась; потомъ скинулъ съ пальца кольцо и протащилъ сквозь него.

— Сколько стоитъ эта шаль?

— 8000 піастровъ.

— И здѣшніе жители покупаютъ у васъ подобныя вещи?

— Очень часто, — отвѣчалъ купецъ, — торговля наша постоянно въ хорошемъ состояніи.

Судя по богатству товаровъ и по обширности зданій, жители Массатлана должны быть или очень богаты, или очень расточительны, подумалъ я.

Мы распростились съ купцомъ и пошли далѣе по рядамъ, которые казались одинъ другаго лучше, какъ по убранству своему, такъ и по изяществу находившихся въ нихъ товаровъ.

Въ одномъ изъ магазиновъ замѣтилъ я парусину подъ Русской фирмой. Любопытство понудило меня спросить, какимъ образомъ могло зайти сюда издѣліе Русскихъ фабрикъ.

— Парусину доставляютъ къ намъ Англійскія купеческія суда изъ Бразиліи, — отвѣчалъ купецъ.

— Да вѣдь тамъ нѣтъ Русскихъ фабрикъ, — сказалъ я.

Купецъ, повидимому, былъ знатокъ въ торговыхъ дѣлахъ, и объяснилъ мнѣ, что Англичане ежегодно привозятъ въ Америку парусины слишкомъ на 12 милліоновъ и продаютъ ее подъ Русской фирмой.

— Значитъ, Русскія произведенія уважаются въ Американскихъ портахъ?

— Все равно, какъ у васъ въ Россіи иностранныя издѣлія.

— А сколько стоитъ здѣсь кусокъ Русской парусины?

— 20 піастровъ.

«Да, подумалъ я, очень было бы выгодно, еслибъ Русскіе промышленники сами привозили сюда свои произведенія.»

Мы пошли далѣе внутрь гостинаго двора. Во многихъ магазинахъ красовались богатые вазы. Широкія блонды, узорчатые ковры, разноцвѣтныя шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, хрустальныя, серебряныя и золотыя издѣлія, все это ослѣпляло взоры и давало высокое понятіе о торговой промышленности Массатланскаго порта.

Внутри гостинаго двора устроены конторы разныхъ иностранныхъ торговыхъ домовъ. Не такъ широкая улица

перерываеъ его на двѣ половины. Мы отправились къ концу этой улицы, въ надеждѣ пройти къ пристани, гдѣ ожидалъ насъ катеръ. — По дорогѣ случилось съ нами довольно забавное происшествіе. На одной сторонѣ улицы стоялъ лотокъ съ фруктами; возлѣ него сидѣла обезьяна и ѣла бананы, а болѣе никого не было. Вѣроятно, хозяинъ ушелъ и оставилъ обезьяну караулить лотокъ; штурманъ, шедшій съ нами, вздумалъ повѣрить на дѣлѣ нашу догадку. Онъ подошелъ къ лотку и взялъ одинъ лимонъ. Обезьяна бросила бананъ, схватила штурмана за фалды, подняла крикъ и не отпускала отъ себя своего плѣнника. Противиться ей было бы безразсудно: она могла бы оторвать фалды, или, и того хуже, исцарапать лицо. Командиръ хотѣлъ было схватить ее за шею; но она оскалила на него зубы; и такъ, мы смиренно стояли передъ обезьяною до прихода хозяина. Увидѣвъ его, она тотчасъ отпустила штурмана и опять принялась за бананъ. Мы объяснили хозяину въ чемъ было дѣло, и дали ему пиастръ. Онъ благодарилъ насъ, а обезьяна все-таки злобно поглядывала на штурмана.

Въ концѣ гостинной улицы возвышался огромный 3-хъ-этажный домъ. Это была гостинница. При вхождѣ на широкую чугунную лѣстницу стояли по обѣимъ сторонамъ на заднихъ лапахъ два льва съ бронзовыми фонарями. Мы вошли во 2 этажъ, прямо въ огромную залу, по срединѣ которой стояла толстая шлифованная подъ мраморъ колонна, упиравшаяся въ потолокъ. Вокругъ нея возвышались ступеньки, установленныя цвѣтами. Стулья, кресла, диваны были обиты какою-то прекрасною матеріей. Фруктовыя деревья, стоявшія вокругъ залы, разливали по ней прохладу и свѣжесть; надъ столиками, въ промежуткахъ оконъ, висѣли зеркала въ большихъ бронзовыхъ залахъ, отражая въ себѣ зелень, корабли и волны залива. Изъ залы другая лѣстница вела въ садъ, съ темными лавровыми аллеями и высокими кокосовыми деревьями. Въ срединѣ сада находился довольно большой прудъ съ двумя пристанями; по его зеркальной поверхности носилась красивая шлюпка съ косыми парусами; въ ней сидѣло нѣсколько мужчицъ и дамъ.

Въ гостинницѣ вмѣсто служителей прислуживали молодыя дѣвушки мимовидной наружности. Хозяинъ, старикъ почтеннаго вида, рассказывалъ по залѣ, куря папироску, и молча раскланиваясь съ гостями. Мы спросили мороженого, и служанка подала намъ три раковинки съ мороженымъ. — Съѣвъ порціи, мы позвонили въ колокольчикъ. Къ намъ подошла тоже дѣвушка.

— Что вамъ нужно заплатить за мороженое? — спросилъ капитанъ.

— 6 піастровъ.

— Что жъ такъ дорого? — замѣтилъ онъ шутя.

— Здѣсь очень дорогъ ледъ, — отвѣчала дѣвушка, — его достаютъ съ высокихъ горъ и съ большимъ трудомъ.

— Съ нами нѣтъ денегъ, — въ шутку сказалъ капитанъ. — Повѣрь намъ эту сумму.

— Извольте, — отвѣчала съ улыбкою прислужница.

Мы поблагодарили ее за довѣріе, отдали 6 піастровъ за мороженое и одинъ подарили ей.

Зала была наполнена гостями, въ особенности офицерами состоявшихъ на рейдѣ Англійскихъ и Американскихъ фрегативъ. Тутъ много было и дамъ съ мужьями, или съ знакомыми. Нѣкоторые изъ нихъ курили папироски, другія пили кофе, или смотрѣли, какъ мужья ихъ играли въ лото, или въ домино. Здѣсь дамы не считаютъ за неприличіе посѣщать подобныя заведенія даже безъ кавалеровъ.

По правую и по лѣвую сторону залы видны были другія комнаты, меньшаго размѣра. Въ нихъ стояли бильярды и шахматные столики.

Когда мы вышли въ одну изъ упомянутыхъ комнатъ, какой-то жирный Англичанинъ предложилъ нашему капитану сыграть съ нимъ одну игру въ шахматы. Капитанъ хорошо умѣлъ играть въ эту игру, но не былъ до нея охотникъ; однакоже сѣлъ, чтобъ потѣшить Англичанина.

Любопытные собрались вокругъ столика смотрѣть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда.

Англичанинъ первый выдвинулъ двухъ солдатъ: одного отъ короля, другаго отъ крѣпости.

Капитанъ выдвинулъ съ своей стороны тоже двухъ солдатъ: одного отъ короля, другаго отъ дамы.

Слѣдовало ходить Англичанину. Не знаю почему, онъ сдѣлалъ второй выходъ конемъ. Ошибка была непростительная. Капитанъ воспользовался этимъ случаемъ, отдалъ солдата, а дамой сдѣлалъ шахъ и матъ королю.

Англичанинъ, увидѣвъ, что проигралъ игру, слегка нахмурилъ брови, потомъ громко захохоталъ (кажется, болѣе отъ досады) и велѣлъ подать дюжину шампанскаго. Учтивость требовала со стороны капитана выпить съ Англичаниномъ хотя одну бутылку. Послѣдній заплатилъ за поданное шампанское деньги и роспилъ съ капитаномъ одну бутылку; остальные же одиннадцать, до которыхъ чудакъ не хотѣлъ и дотронуться, кажется, всѣ пошли въ пользу хозяина.

Мы пошли въ садъ. Тамъ иные пили чай подъ тѣнью деревь, за маленькими столиками, другіе отдыхали въ китайскихъ бесѣдкахъ, изъ которыхъ видѣнъ былъ океанъ и корабли съ развѣвающимися флагами.

Солнышко почти уже скрылось. Наступилъ вечеръ. Жалко намъ было расстаться съ такимъ веселымъ мѣстомъ, но дѣлать было нечего: на рейдъ насъ ждалъ корабль.

Выйдя изъ гостиницы и прошедъ прямую улицу, ведущую къ самой пристани, мы встрѣтили нашихъ матросовъ слишкомъ на-веселѣ. Боцманъ-манъ, съ разстегнутымъ мундиромъ и надвинутою на бекрень фуражкою, стоялъ посреди пристани съ бутылкою въ рукахъ и угощалъ какого-то Французскаго разнощика (онъ служилъ на военномъ Французскомъ кораблѣ и былъ въ дѣйствиіи при Наваринской битвѣ).

Увидѣвъ насъ, боцманъ-манъ отдалъ бутылку Французу, кивнулъ ему головой и крикнулъ матросамъ:

— Эй, ребята! копись!

Матросы, услышавъ этотъ призывъ, собрались въ катеръ кто какъ могъ.

— Экъ вы нализались, — сказалъ капитанъ, принявъ на себя строгій видъ, между тѣмъ какъ штурманъ и я внутренно радовались этому случаю, по которому можно было остаться на берегу.

— Виноваты, ваше благородіе, — сказалъ боцманъ-манъ, — немножко промочили душу.

— Это что за родню угощаль ты? — продолжалъ капитанъ, садясь въ катеръ.

— Землякъ, ваше благородіе!

— Да ты развѣ Французъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе: сами знаете, что я христіанинъ. Землякомъ я называю его потому, что онъ былъ на Французскомъ кораблѣ при Наваринѣ и пособлялъ намъ бить Турокъ, когда еще мы служили съ вами на Азовѣ.... Отваливай! скомандовалъ боцманъ-манъ, забывъ про свистокъ.

Гребки ударили въ воду и катеръ медленно сталъ подвигаться къ кораблю.

Когда мы отвалили отъ берега, въ то время на берегу военная музыка заиграла зорю. Мы молча продолжали путь, но мысли наши уносились на берегъ.

Вотъ уже $\frac{1}{4}$ часа, какъ мы плыли по рейду, а отплыли отъ пристани не болѣе какъ на полмили.

— Что-то мы слишкомъ тихо подвигаемся, — замѣтилъ штурманъ.

— Навались, дружки! — кричалъ матросамъ боцманъ-манъ. — Эхъ какое проклятое теченіе, такъ и валить къ берегу.

— Нѣтъ, вѣрно ромъ валить васъ въ катеръ, — сказалъ капитанъ. — Эдакъ съ вами и къ утру не попасть на корабль. Поворачивай назадъ.

Отъ радости боцманъ-манъ самъ себя скомандовалъ : «слѣва на бортъ!» и катеръ стрѣлою понесся къ пристани.

— Ай-да молодцы! хорошо, проводи дружны! — продолжалъ боцманъ-манъ.

— Вотъ я васъ завтра всѣхъ перепорю, такъ вы и узнаете, какъ надо ѣздить, — сказалъ капитанъ съ приторно-сердитымъ видомъ.

— Кажется, мы ходко идемъ, — замѣтилъ боцманъ.

Не прошло 10 минутъ, и мы достигли пристани. По выходѣ изъ катера, капитанъ отдалъ приказаніе матросамъ никуда не расходиться, караулить катеръ и быть воздержными.

— Слушаемъ, ваше благородіе! — отвѣчали матросы въ одинъ голосъ.

Музыка еще не переставала играть, и мы трое, капитанъ, штурманъ и я, отправились въ городъ, который былъ освѣщенъ фонарями. Въ Массатланъ нѣтъ бульваровъ, но широкіе тротуары, освѣщаемые частыми фонарями, служатъ мѣстомъ прогулки для публики. Постоянный дневной жаръ не позволяетъ публикѣ прогуливаться днемъ; но когда солнышко скроется и настанетъ прохладный вечеръ, тогда тротуары наполняются прогуливающимися дамами и кавалерами.

Мы прогуливались довольно долго. Роскошная природа, благоухающій воздухъ, который мы съ жадностью впитывали въ себя, при мысли о скоромъ возвращеніи въ дождливую Ситху, пріятное образованное общество, въ которомъ такъ давно уже мы не были и съ которымъ на другой же день должны были разстаться, лестное преимущество, быть предметомъ вниманія и уваженія всѣхъ этихъ нарядныхъ и блестящихъ группъ, однимъ словомъ, все способствовало къ тому, чтобъ вечеръ этотъ на долго остался въ нашемъ воспоминаніи.

На поворотѣ одного тротуара намъ встрѣтился комендантъ, прогуливавшійся съ женою. Онъ, повидимому, очень

радъ былъ этой встрѣчѣ и желалъ разделить съ нами время прогулки. Между нами завязался разговоръ, и мы, незаметно прошедъ улицу, вышли на площадь, гдѣ вѣшаютъ преступниковъ. Въ срединѣ ея было темно, а по сторонамъ горѣли фонари. Отъ этой площади шла прямая улица къ пристани. До слуха нашего доносились Русскія пѣсни.

— Это ваши поютъ, — сказалъ комендантъ.

Мы прямо пошли къ пристани. Тамъ увидѣли мы густую толпу народа; неподалеку отъ пристани стояли пирамидою ружья, вокругъ ихъ сидѣли наши матросы, и пѣли любимую пѣсню:

Торжествуетъ вся наша Россія....

Мѣсто это было ярко освѣщено фонарями; свѣтъ падалъ также и изъ отворенныхъ оконъ ближнихъ домовъ. Матросы не старались забираться въ глубину города: имъ нужна была водка, и они нашли ее здѣсь, и въ добавокъ даровую, потому что многіе изъ слушателей подносили имъ ромъ, джинъ и разныя вина. Жители Массатлана хотя и не понимали Русскихъ пѣсень, но имъ очень нравились напѣвъ ихъ.

Комендантъ, подошедъ къ веселому кружку, вынулъ дублонъ, далъ боцманъ-ману, и хотѣлъ идти, но жена упростила его подождать; ей очень понравились Русскія пѣсни; потомъ, обратясь къ намъ, она сказала:

— Вы, кажется, дали обещаніе быть сегодня на вечеръ у банкира. Такъ мы отправимся вмѣстѣ.

И мы черезъ полчаса уже были у банкира.

А. Марковъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 15.

Августъ.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КРУШЕНИЕ КОРАБЛЯ НЕВЫ

У БЕРЕГОВЪ НОВО-АРХАНГЕЛЬСКАГО ПОРТА.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА.

Въ бытность мою въ Ситхѣ, одинъ промышленникъ, посѣдившій на службѣ Россійско-Американской Компаніи и бывшій очевидцемъ гибели корабля Невы, разбившагося у береговъ Ситхи, близъ сопки Этжкомъ, рассказывалъ мнѣ слѣдующее:

Опредѣлившись на службу Россійско-Американской Компаніи, я вступилъ на корабль Неву, которому назначено было плыть изъ Кронштадта въ Ситху, и зайти въ Камчатку и Охотскъ. Кораблю нашему уже былъ знакомъ этотъ дальній путь *, ибо онъ собирался теперь во вторич-

* Корабль Нева, построенный изъ лучшаго дуба и имѣвшій всѣ качества, необходимыя для дальняго путешествія, былъ купленъ въ Лондонѣ, приведенъ въ Кронштадтъ, и въ томъ же году совершилъ самое счастливое путешествіе вокругъ свѣта. *Прим. автора.*

Отд. 1.

7

ную кругосвѣтную экспедицію. Первый походъ его ознаменованъ былъ заселеніемъ острова Ситхи. На немъ прибылъ въ тѣ страны нашъ незабвенный Барановъ съ острова Кадьяка, и разбилъ, при Ситхинскомъ заливѣ, крѣпость дикихъ, которые три дни противоборствовали его силѣ и наконецъ бѣжали чрезъ горы, съ непримиримою враждою къ Русскимъ и съ мыслью изыскивать всѣ средства къ ихъ гибели.

Наступилъ день выхода. Это было въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1810 года. Явился священнослужитель, отслужилъ молебенъ, окропилъ корабль святою водою, и вотъ онъ, уже совсѣмъ готовый, ждалъ приказа къ отплытію. На немъ находились пассажиры, слѣдовавшіе въ Камчатку и Охотскій Портъ. Множество шлюпокъ окружало корабль; на нихъ съѣхались родственники, друзья и знакомые отплывающихъ. Грустны были ихъ лица, и ихъ прощальные поцѣлуи смѣшивались съ слезами. Не на краткій срокъ прощались они съ близкими сердцу: нѣтъ, то была разлука на многіе годы, и путь измѣрялся пространствомъ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, и много буръ, много опасностей предстояло впереди.

По выкатѣ якоря, раздалась команда:

- По реямъ! отдать паруса!
- Ура! раздалось на корабль.
- Ура! отвѣчали отплывавшіе на шлюпкахъ посѣтителѣ.

Салютные выстрѣлы огласили воздухъ, и Нева надолго простилась съ Кронштадтскими берегами.

Необозримое море открылось передо мною, и для меня настала совершенно новая жизнь. Я любовался быстрымъ ходомъ корабля и новыми переменными видами. Мысль о будущемъ ни мало меня не тревожила. Съ свѣжими надеждами пускался я въ дальній и неизвѣстный мнѣ путь.

Прекрасная погода удерживала многихъ на верхней палубѣ, и казалось, искреннія желанія счастливаго пути, которыми напутствовали насъ при отплытіи изъ Кронштадта, должны были вполнѣ осуществиться, потому что все благо-

пріятствовало нашему плаванію. Сколько обольстительныхъ плановъ для будущаго составлялъ въ умѣ своемъ каждый изъ насъ, не предчувствуя той роковой минуты, въ которую всѣ эти планы должны были рушиться предъ всемогущею волею неисповѣдимаго Провидѣнія, изрекшаго гибель кораблю нашему, въ самый тотъ день, когда, переплывъ дальнія моря, онъ уже находился близъ цѣли своего назначенія и готовъ былъ бросить якорь у желанныхъ береговъ.

Первоначальный заѣздъ нашъ былъ въ Копенгагенъ, гдѣ мы дополнили грузу для Россійско-Американскихъ колоній, запасшись еще водою и провизіей для нашей потребности, и оттуда, пройдя Нѣмецкое море и проливъ Па-де-Кале, вошли въ Атлантическій океанъ. Вступя на экваторъ, мы весело отпраздновали вступленіе наше въ Южное полушаріе представленіемъ Нептуна, по обычаю всѣхъ мореплавателей, которые на экваторъ всегда даютъ праздникъ въ честь бога морей, какъ бы съ намѣреніемъ задобрить его на предстоящій путь. Да, радостно, шумно провели мы этотъ день, — и кто бы могъ подумать тогда, что при вторичномъ вступленіи за экваторъ на Восточномъ океанѣ, гордый корабль нашъ, который съ такою самоувѣренностью разсѣкалъ знакомыя ему волны, ожидала влажная могила.

Предъ нами открылся богатый портъ Рио-Жанейро; здѣсь опять запаслись мы водою и провизіей и пустились далѣе къ югу. У мыса Горизъ, при поворотѣ въ Восточный океанъ, мы встрѣтили непродолжительный штормъ, съ крупнымъ градомъ, что всегда почти случается съ судами, проходящими мимо этого бурнаго мѣста; потомъ, обогнувъ мысъ, приняли курсъ къ NW, и пошли лавировкою по причинѣ противнаго вѣтра, который постепенно отходилъ къ W, и наконецъ перешелъ въ полный пассатъ, сопровождавшій насъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Въ это время мы успѣли пройти далеко за экваторъ, и притомъ такъ спокойно, весело, беззаботно, что не имѣли почти надобности дотрогиваться ни до одной снасти. — На Сандвиче-

вить островахъ мы сдѣлали нужные запасы и пустились къ Камчаткѣ. Тамъ мы прозимовали въ Петропавловскомъ портѣ, и получили приказъ идти въ Охотскъ для взятія груза, слѣдовавшаго для Американскихъ колоній, а также пассажировъ* и промышленниковъ, законтрактовавшихъ себя на службу въ Россійско-Американской Компаніи. Прибывъ въ Охотскъ и слѣлавъ тамъ нужныя распоряженія, Нева, 24 Августа 1812 года, при попутномъ вѣтрѣ вышла въ море. Когда берега Охотскаго Порта потерялись изъ виду, вѣтеръ сдѣлался противный, и продлилъ наше плаваніе по Охотскому морю до того, что 25-го Сентября мы прошли только 4-й Курильскій проливъ. На открытомъ морѣ вѣтеръ снова сдѣлался попутнымъ, и мы постепенно проходили траверсы Атхи, Уналашки, Кадьяка, и приближались къ острову Ситхъ.

За три дня до нашего разбитія, утромъ небо было ясно, вѣтеръ дулъ ровный, пассатный; ничто не предвѣщало опасности; а опытность командировъ и знаніе штурмановъ отстраняли всякую мысль объ ней. До Ситхи оста-

* Въ числѣ ихъ находился Коллежскій Совѣтникъ Борноволоковъ. Онъ былъ опредѣленъ въ помощники къ правителю Американскихъ колоній, Коллежскому Совѣтнику Баранову, съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ смерти, или выѣзда Баранова изъ Америки, занять его мѣсто. — Слѣдующій отвѣтъ вполнѣ раскрываетъ душу и характеръ этого человека. Когда одинъ изъ друзей спросилъ его: какъ могъ онъ рѣшиться оставить свое семейство, состоявшее изъ супруги, пяти дочерей и четырехъ сыновей, — «Любезный другъ!» отвѣчалъ онъ ему: «тебѣ извѣстно мое состояніе, ты знаешь, какое малое имѣніе оставляю я моимъ дѣтямъ. Любовь къ нимъ, истинная родительская нѣжность заставляютъ меня жертвовать собою. Десять лѣтъ жизни моей въ Америкѣ обезпечать совершенно ихъ состояніе. Ежели я возвращусь, то буду наслаждаться съ ними благородно нажитымъ богатствомъ; если же нѣтъ, то они будутъ умѣть цѣнить мое пожертвованіе. Я прожилъ сорокъ лѣтъ, много видѣлъ, испыталъ нѣсколько разъ превратность судьбы человѣческой, и ѣду въ дикую Америку, ни мало не сожалея, что оставляю васъ съ вашимъ утонченнымъ просвѣщеніемъ.» Забудьте, что Борноволоковъ былъ любитель всѣхъ изящныхъ наукъ, зналъ въ совершенствѣ Французскій и Нѣмецкій языки, занимался химіей, ботаникой, медициною. *Пр. авт.*

ваюсь 280 миль, и каждый изъ насъ мечталъ уже скоро увидать берегъ и отдохнуть послѣ столь продолжительнаго пути. Къ вечеру въ тотъ же день на SO съ горизонта медленно подымалась темная полоса; она постепенно росла, не измѣняясь въ цвѣтъ, и все болѣе и болѣе закрывала небо, усыпанное звѣздами, которыя многимъ уже не суждено было видѣть въ другой разъ. Вѣтеръ дулъ ровный, потомъ немного приутихъ; казалось, онъ отдыхалъ, чтобъ собраться съ новыми силами. Капитанъ, предчувствуя неблагоприятную погоду и видя, что уже наступаетъ ночь, приказалъ убрать лисели и закрѣпить бомъ-брамсели.

Къ полуночи вѣтеръ отошелъ къ S и постепенно увеличивался. Мы шли въ фордевиндъ. На небѣ уже не было ни одной звѣздочки, туча обложила почти весь горизонтъ, только на N нѣсколько ясно, наконецъ исчезъ и этотъ свѣтлый клочекъ.

Капитанъ приказалъ убрать одинъ брамсель. Корабль имѣлъ ходу 8 узловъ (14 верстъ въ часъ), и каждый изъ насъ радовался скорому приближенію земли. Нева быстро неслась по волнамъ, которыя время отъ времени становились все выше и выше.

За два дня до разбитія, къ полудню, корабль, по счисленію, отстоялъ на 148 миль отъ берега. По небу ходили густые слои тучъ, но вѣтеръ дулъ ровный, безъ порывовъ, по 9 узловъ. Пробыло двѣ стклянки*. Капитанъ приказалъ убрать остальные брамсели и взять одинъ рифъ у гротъ-марселя.

* *Стклянка* — песочные часы, состоящіе изъ двухъ стеклянныхъ сосудовъ, соединенныхъ между собою узкими горлышками. Въ извѣстный промежутокъ времени песокъ пересыпается изъ одного сосуда въ другой. Стклянки бываютъ четырехъ часовыя и получасовыя. Приставленный къ стклянкамъ часовой поворачиваетъ стклянку, когда она выйдетъ, о чемъ дается знать на корабль ударами въ колоколъ, что и называется: *бить стклянки*; каждый ударъ означаетъ полчаса. *Пробыло двѣ стклянки* — значитъ ударило часъ. Черезъ каждые четыре часа начинается новый счетъ стклянокъ; следовательно, болѣе восьми стклянокъ не бьютъ.

Въ 6 часовъ корабль былъ приведенъ въ бейдевиндъ , съ зарифленными марселями , съ однимъ гротомъ , стакселемъ и форъ-триселемъ.

Вѣтеръ часъ отъ часу свирѣпѣлъ , гигантскія волны , облитыя съдою пѣной, разсыпались подъ килемъ. Матросы выпили по чаркѣ и беззаботно стояли кучками на бакѣ , у кампуза и на ютѣ. Они вели между собою разговоръ , по временамъ прерываемый смѣхомъ. Наступавшая буря не страшилась ихъ. Не въ первый разъ приходилось имъ встрѣчать ее; они давно свыклись съ нею и спокойно стояли надъ бездною, зная, что нѣтъ такой продолжительной бури, послѣ которой не настало бы яснаго дня.

Капитанъ не сходилъ съ палубы, и часовые, въ ожиданіи, не откроется ли берегъ, неутомимо напрягали зрѣніе сквозь густой туманъ, смѣшанный съ дробящимися брызгами волнъ. По счисленію, къ 8-ми часамъ утра послѣдняго дня земля находилась въ 75 миляхъ. Не имѣя полуденной обсервации вблизи береговъ, довольно трудно опредѣлить съ вѣрностью мѣсто плаванія по одному хронометру, ибо теченіе, бывающее всегда сильнѣе у береговъ, обманываетъ самыхъ лучшихъ и опытныхъ мореходовъ.

Вѣтеръ не умолкалъ, но дулъ съ возрастающею яростію и выгонялъ насъ изъ парусовъ, которыхъ оставалось только марсель и форъ-марсель, и то подъ послѣднимъ рифомъ.

Корабль нашъ вертѣло какъ легкую щепку; варить было ничего не возможно; безпрестанно повторявшіеся удары волнъ потрясали все наше плывучее зданіе, и съ ревомъ отступали отъ него, оставляя по себѣ шипящую пѣну.

Съ самаго утра внутри корабля никого не было; какое-то безотчетное, томительное предчувствіе вызвало всѣхъ на верхъ; жены и дѣти пассажировъ смиренно сидѣли на ютѣ у гакъ-борта, и робко жались другъ къ другу, въ боязливомъ ожиданіи чего-то непонятнаго, но близкаго и страшнаго. Волны безпрестанно окачивали ихъ соленой водой, но имъ

страшнѣй казалось бытъ внизу, въ каютахъ и въ кубрикѣ, и слышать вокругъ себя скрипъ перегородокъ, въ трюмѣ — глухой стукъ бочекъ, ударявшихся одна объ другую отъ сильной качки, а надъ головою частые раскаты буруновъ, которые, перекачиваясь черезъ палубу, еще громче отдавались во внутренности опустѣвшаго пространства.

Объ вахты матросовъ дружно работали на палубѣ, вытаскивали цѣпи, готовили на всякій случай якоря.

— Важная буря, — говорили промежъ себя старые матросы.

— Да, — сказалъ одинъ изъ нихъ, наморщивъ брови, много сдѣлалъ я походокъ, а такой Богъ не приводилъ видѣть.

Стяжки пробили полдень, но день, казалось, вечерѣлъ отъ темныхъ тучъ, низко ходившихъ по небу. Наступило обѣденное время. Никто не хотѣлъ ѣсть, не исключая и дѣтей. Два грудные младенца, одинъ сынъ штурмана, другой прикащика, шедшаго въ Ситху, бывало надѣлали намъ своимъ крикомъ. Они плакали теперь молча и тихо. Бѣдняжки, они не понимали, что такое передъ ними дѣлалось; но эти громады волнъ, этотъ шумъ бури, эти тревожныя лица окружающихъ, вѣроятно, наводили на нихъ непонятный страхъ, котораго выразить они были не въ состояніи, и въ инстинктивномъ предчувствіи близкой смерти крѣпко прижимались къ материнской груди; даже капитанская собака не сходила съ юта и жалобно выла, когда ее гнали внизъ.

Прошелъ и полдень. Вѣтеръ продолжалъ свирѣпствовать. Вотъ на S показался новый шквалъ, темнѣе прежнихъ; онъ быстро приближался къ намъ и рѣзко отдѣлился на обложенномъ тучами небѣ. Сверкнула молнія, и громъ далекимъ перекатомъ пронесся въ густыхъ облакахъ.

Гроза усиливалась. День клонился къ вечеру. Вдругъ лопнулъ марсель, и парусина начала хлопать, подобно частымъ ружейнымъ выстрѣламъ.

— Берегъ! — крикнули съ баку.

Но это радостное слово превратилась въ смертный приговоръ, когда блеснувшая молнія освѣтила огромную скалу, находившуюся, повидимому, въ разстояніи полумили отъ нашего корабля. Въ оцѣпѣнтіи мы смотрѣли на нее, какъ на преддверіе могилы. Весь берегъ былъ усяянъ утесами; отлавировать отъ него безъ парусовъ не было никакой возможности, а имѣть паруса не позволяла жестокая буря, которая, въ противномъ случаѣ, стала бы опрокидывать и зарывать въ вагнахъ судно.

— Отдай якоря! — скомандовалъ капитанъ.

Цѣпи загремѣли, но тутъ была глубина, и якоря въ бездѣйствіи замотались на цѣпяхъ; потомъ за что-то зацѣпили и сорвались; чувствительно было, какъ они тащились по каменистому грунту. Прижимный вѣтеръ и сила теченія несли корабль бортомъ прямо къ утесу, далеко простиравшемуся въ глубь. Начали очищать шлюпки, въ надеждѣ найти въ нихъ спасеніе, жечь фальшфейеры, пускать ракеты, палить изъ пушекъ, давая тѣмъ знать о своемъ несчастіи Ново-Архангельскому Порту, который, по нашему предположенію, долженъ былъ находиться въ 30-ти миляхъ отъ видимаго нами утеса; но на сигналы наши не было отвѣта: вѣроятно, шумъ бури заглушалъ пушечные выстрѣлы, а ракеты, уносимыя вѣтромъ въ косомъ направленіи, исчезали въ густомъ туманѣ.

Вдругъ корабль нашъ высоко подняло набѣжавшею волною и всею массою ударило о каменистый рифъ. Передняя часть корабля разломилась, лопнули штаги съ вантами, мачты зашатались и стѣнги рушились въ волны, таща за собою рангоутъ. Во всю жизнь не забыть мнѣ этого невыразимо страшнаго мгновенія, поглотившаго въ себя всѣ мысли, всѣ чувства. Я помню, какъ жена лейтенанта, съ младенцемъ сыномъ; въ отчаяніи просила спасти ее, предлагая кошелекъ съ золотомъ. Сорвавшійся гафель раздробилъ ей голову, и вкотившаяся волна сдернула трупъ ея въ проломленный бортъ вмѣстѣ съ другими жертвами. Многіе въ

безпамятствѣ бросались внутрь корабля, но тамъ ожидала ихъ неизбежная смерть, ибо трюмъ и кубрикъ наполнялись водою, которая съ ревомъ лилась въ проломленные мѣста и высокимъ каскадомъ била изъ люковъ, таща съ собою доски разломанныхъ перегородокъ, бочки, сундуки, ящики, тюки и трупы людей. Лейтенантъ не терялъ присутствія духа; его оторвало волной отъ шпиля и онъ уже былъ въ морѣ, но съ сверхъестественнымъ усиліемъ схватился за руслень и вскарабкался на палубу. Несчастный думалъ найти на корабль жену и сына, не зная, что они давно уже были жертвою мучительной смерти, и что чрезъ минуту долженъ былъ и онъ соединиться съ ними. Оторванная съ баканцевъ шляпка опять была внесена волною на корабль, и ударившись объ то мѣсто палубы, гдѣ держался онъ, раздробилась въ щепки; съ осколками ея былъ унесенъ въ море и обезображенный трупъ лейтенанта.

Капитанъ * мужественно стоялъ, держась одною рукою за штурвалъ. Съ отчаяніемъ видѣлъ онъ, какъ минута отъ минуты рѣдѣла его команда. Эта страшная картина непрерывно освѣщалась молніей; при свѣтѣ ея мы видѣли влѣвъ за мысомъ отлогій берегъ, на которомъ кой-гдѣ представлялись песчанья лайды; тамъ волненіе было нѣсколько тише; но корабль нашъ находился въ довольно далекомъ разстояніи отъ этого мѣста, гдѣ могъ бы значительно облегчить свою участь.

Быстро катился громадный валъ, послѣдній губитель оставшихся на корабль. Онъ приподнялъ полуразбитое судно, толкнулъ его ближе къ утесу и ударилъ почти у самой подошвы скалы. Палуба треснула и отделилась отъ корпуса; въ то же мгновеніе капитанъ упалъ въ проломъ ея и исчезъ въ кипучей безднѣ.

* Калининъ. — Въ Охотскѣ командиромъ на Неву былъ назначенъ штурманъ Васильевъ, который, поѣхавши изъ яликъ къ принятому подъ команду кораблю, былъ опрокинутъ на баръ и утонулъ. Мѣсто его заступилъ Подушкинъ. На траверсѣ Кадьяка, Подушкина, по распоряженію Борноволокова, смѣнилъ Калининъ. *Прим. авт.*

Теперь каждый долженъ былъ спастись, кто какъ могъ. Люди были разбросаны по морю; иные изъ нихъ захлебывались соленою пѣною, другіе гибли подъ ударами плавающего рангоута и обломковъ корабля, или разбивались о скалы. Морскія свинки собирались стадами и съ жадностью хватали раздробленные человѣческіе трупы.

Меня сорвало съ рая, на которомъ я сидѣлъ верхомъ, и увлекло отъ рифа на просторъ шумящихъ волнъ. Силы мои ослабѣвали, руки костенѣли отъ холодной воды, темнота не позволяла найти какой-нибудь отломокъ, за который бы можно было ухватиться, чтобъ продлить жизнь хотя на минуту. Безъ всякой надежды на спасеніе, я уже чувствовалъ, что начинаю тонуть. Всѣ мысли мои сосредоточились въ одной, послѣдней, искренней молитвѣ къ Богу. Вдругъ что-то ударило меня по головѣ; то была нога чело-вѣка, державшагося за плавающій обломокъ корабельнаго руля. Вскарабкавшись на поверхность руля, я увидѣлъ возлѣ себя жену комиссіонера. Долго мы плавали вмѣстѣ, но предъ разсвѣтомъ судьба разрознила насъ: какой-то осколокъ сшибъ ослабѣвшую женщину съ руля и увлекъ въ пѣнящіяся волны. Я остался одинъ, и крѣпко уцѣпился за оба края обломка. Поверхность волнъ подергивалась фосфорическимъ свѣтомъ. Вокругъ все шумѣло, стонало, гибло: великолѣпная картина бури во всемъ торжественномъ ея величїи открывалась передъ моими глазами; но мысль о смерти подавляла во мнѣ всѣ прочія чувства. Минуть черезъ пять что-то мягкое навалилось мнѣ на спину, потомъ скатилось на край руля, и я увидалъ трупъ чело-вѣка съ оторванною ногою.

«Ты разсчелся съ жизнью,» подумалъ я, глядя на него, «а меня чтѣ ждетъ впереди? какой конецъ готовить мнѣ судьба?»

Огромный валъ несъ прямо на меня сломленную стѣнгу. Она со всею силою стремленія зацѣпила за руль и перевернула его кругомъ. Обезпамятѣвъ отъ удара, я только смутно чувствовалъ, что меня бросало изъ стороны въ сто-

рону, потомъ обо что-то ударило, и я совершенно лишился чувствъ. Не знаю, долго ли пробылъ я въ этомъ состояніи, близко походившемъ на смерть; но пришедъ въ себя, я почувствовалъ, что гдѣ-то лежу, и что волны перестали колыхать меня. Рука моя оцупала землю, но я не въриль себя и никакъ не могъ привести мысли мои въ ясность. Вдругъ протяжный стонъ поразилъ слухъ мой; кто-то неподалеку отъ меня произнесъ: «Господи!» Я вспомнилъ послѣднія минуты гибельнаго событія, открылъ глаза, и не имѣя силъ встать на ноги, съ большимъ трудомъ приподнялъ голову. Новая и совершенно неожиданная картина открылась передо мною: то былъ отлогій берегъ, на которомъ мѣстами возвышались скалы; на нихъ разбросаны были товары и кой-гдѣ висѣли обезображенные человѣческіе трупы. Ящики, бочки, тюки, корабельные обломки грудями лежали на отлогой лайдѣ. Вѣтеръ гудѣлъ по рифу, море яростно кипѣло: тамъ видны были остатки разбитой Невы, перепутанные снастями. Примыкавшая къ рифу гигантская скала мужественно выдерживала стремительный напоръ волнъ, съ воемъ и ревомъ ударявшихся объ ея каменистую грудь. Я видѣлъ, какъ буруны выбрасывали на отлогій берегъ живыхъ и мертвыхъ, пересилилъ себя и сталъ на ноги.

Возлѣ меня вторично послышался голосъ:

— Господи, прости меня!

Я пошелъ въ ту сторону, откуда доносились до меня эти слова, съ трудомъ перелѣзъ черезъ бугоръ, и что же?— передо мною лежалъ помощникъ Правителя, истекавшій кровью, которая струилась изъ его проломленной груди. Помочь ему было не чѣмъ. Въ послѣдній разъ онъ открылъ глаза, хотѣлъ что-то сказать, но смерть сковала языкъ его.

Помани Господи усопшаго раба Твоего! произнесъ я, сотворивъ крестное знаменіе, и пошелъ искать, не встрѣчу ли кого изъ живыхъ. Саженьяхъ въ двадцати отъ меня сидѣли на камняхъ два матроса. Радость придала мнѣ силы, и чрезъ минуту я стоялъ уже возлѣ нихъ. Они не совсѣмъ

еще опомнились и дрожали отъ холода. Морская пѣна еще не исчезла съ ихъ разорванной одежды и разъѣдала раны, которыми во многихъ мѣстахъ было покрыто ихъ тѣло. Но Провидѣнію угодно было спасти ихъ, какъ спасло Оно меня. Вблизи протекалъ небольшой горный ручей; я кой-какъ подвелъ къ нему обоихъ страдальцевъ, обмылъ раны прѣсною водою и перевязалъ ихъ клочками одежды. Къ намъ приближалась еще человѣческая фигура; это былъ канониръ, крѣпкій, здоровый мужчина, славившійся у насъ на корабль необыкновенною силою; онъ очень ослабъ, но имѣлъ еще довольно силы, чтобъ идти ровнымъ шагомъ.

Такимъ образомъ, время отъ времени мы встрѣчали или находили живыхъ. Силы наши мало по малу возстановлялись. Теперь насъ было девять человѣкъ. Мы разсыпались по лайдѣ для подавнїя помощи тѣмъ, которые боролись еще съ волнами, ибо буруны, выбрасывая нѣкоторыхъ на недалекое разстояніе отъ берега, снова увлекали ихъ за собою въ море. Иныхъ мы откачивали и приводили въ чувство, другіе сами имѣли силу и удерживались на берегу. Вблизи меня смерть какъ будто играла своею жертвою. Море трижды выбрасывало на берегъ человѣка, и всякій разъ опять уносило его съ собою. Онъ былъ живъ, но ослабѣвшія силы не позволяли ему удерживаться. Наконецъ въ четвертый разъ бурунъ откинулъ его далеко на берегъ и раздробилъ ему голову объ камень. Намъ удалось спасти нѣкоторыхъ и вмѣстѣ быть свидѣтелями смерти многихъ. На одномъ большомъ осколкѣ прибило къ берегу женщину; въ окостѣвшихъ рукахъ ея былъ крѣпко стиснутъ младенецъ. Мы двое бросились къ ней, въ надеждѣ застать еще въ живыхъ несчастную; но она уже кончила жизнь свою, и, вѣроятно, въ невыразимыхъ мукахъ, потому что длинный болтъ глубоко вонзился ей въ спину и удерживалъ ее на осколкѣ. Въ этотъ день, разгнѣванная судьба какъ будто нарочно хотѣла показать намъ, до какой степени умѣетъ она разнообразить свои жертвы. Корабельные остатки безпрестанно рѣдѣли, разбрасываемые на далекіе берега, или уносимые въ глубину моря.

Изъ 186 человекъ только 28 оставались въ живыхъ , и тѣ были изнурены до крайности. Ужасъ нашего положенія еще увеличенъ былъ двумя неожиданными обстоятельствами. Спасшійся отъ кораблекрушенія боцманъ *, которому было около 35 лѣтъ, вдругъ пришелъ въ бѣшенство, сталъ на всѣхъ кидаться и кусать, сидѣвшихъ возлѣ него. Люди, не успѣвшіе еще собрать истощенныя силы, могли съ трудомъ защищаться отъ неистоваго боцмана ; къ счастью, изступленіе его было непродолжительно. Онъ пробылъ въ такомъ положеніи около получаса , послѣ чего упалъ на землю , сталъ страшно кричать и испустилъ послѣдній вздохъ. То же самое случилось и съ однимъ изъ офицеровъ, который однакоже остался въ живыхъ.

Найдя спасеніе отъ свирѣпости волнъ на пустынномъ берегу, въ странѣ дикой и неизвѣстной, мы ужасались при одной мысли о предстоящей намъ будущности. Передъ нами возвышался громадный Этжкомъ, съ провалившеюся вершинною отъ вулканическихъ изверженій; онъ былъ покрытъ до половины глубокимъ снѣгомъ. Далѣе тянулись цѣпи горъ, поросшихъ лѣсомъ. Казалось, нога человѣческая еще никогда не пролегла пути по этой дикой пустынѣ. Кто бы сталъ насъ отыскивать посреди сихъ неприступныхъ скалъ ? Мы не знали, въ какой сторонѣ и въ какомъ разстояніи находится отъ насъ Ново-Архангельскій Портъ. Какимъ образомъ достигнуть до него ? какъ выбраться изъ этихъ страшныхъ мѣстъ ? вотъ объ чемъ думали мы, перебирая въ умѣ и тѣ и другія средства, и видя, что исполненіе каждаго изъ нихъ сопряжено было съ тысячами препятствій. Голодная смерть со всѣми ея ужасами угрожала намъ ; на чью-либо постороннюю помощь нечего было и надѣяться, и мы въ безсиліи нашей человѣческой мудрости, во всемъ положились на Творца, въ твердомъ упованіи, что Тотъ, Который далъ намъ эту новую жизнь, дастъ намъ и средства къ ея продолженію.

* Григорьевъ.

Между разбросанными бочками, ящиками, тюками, мы, къ неопisanному счастью нашему, нашли мышки съ размокшими сухарями, куски солонины изъ разбитыхъ бочекъ, мышокъ гороху, три сумы крупы, два боченка масла, и, что всего болѣе обрадовало насъ и вмѣстѣ удивило, анкерокъ рому, который, въ теперешнемъ нашемъ положеніи, былъ очень кстати для подкрѣпленія нашихъ силъ.

Собравъ парусину, холсты, сукна, разбитыя вѣтромъ и волнами, мы пошли въ лѣсъ, отыскивали ровное мѣсто и стали устроить себѣ шалаши. Найденный тесакъ замѣнялъ для насъ топоръ и ножъ. Намъ трудно было достать огня трѣніемъ дерева, но мы наконецъ достали его, и пламя огромнаго костра обогрѣло наши члены, оцѣпѣтвшіе отъ холода, ибо тогда была уже поздняя осень. Такъ провели мы нѣсколько дней. Собранная нами провизія начала убывать, а добыть свѣжей мы не имѣли средствъ, потому что у насъ не было ни ружья, ни пороху. Чтобъ избавить себя отъ голодной смерти, которая неминуемо должна была постигнуть насъ въ теперешнемъ бездѣйственномъ положеніи, намъ ничего болѣе не оставалось, какъ дать себѣ извѣстіе въ портъ. По вѣсѣмъ вѣроятіямъ, онъ находился отъ насъ недалеко. Но какимъ образомъ привести въ исполненіе этотъ планъ, остававшійся единственнымъ средствомъ къ нашему спасенію? Идти всѣмъ было невозможно, потому что двадцать человекъ, по слабости силъ, находились въ совершенной невозможности пуститься въ эту незнакомую и, какъ предполагать надлежало, очень трудную экспедицію. Отправиться остальнымъ семи значило бы оставить прочихъ больныхъ товарищей совершенно безъ всякой помощи и, такъ сказать, обречь ихъ на медленную гибель. Изъ семи надлежало идти одному, или двумъ, но каждый страшился попасться въ руки дикихъ, звѣрство которыхъ было уже извѣстно намъ по разнымъ рассказамъ объ нихъ, еще во время нашего похода.

Я первый объявилъ, что готовъ одинъ предпринять этотъ опасный походъ. По мнѣ было все равно, здѣсь ли умнѣ

рать голодною смертию, тамъ ли, отъ руки дикихъ. При томъ же ободряла меня и надежда, что Богъ, избавившій меня отъ явной смерти, поможетъ мнѣ и теперь достигнуть желанной цѣли.

Отважность моя возбудила и въ канонирѣ охоту быть моимъ спутникомъ. И такъ, на другой день послѣ нашего совѣщанія, рано утромъ, мы запаслись небольшимъ количествомъ сухарей и, простившись съ нашими товарищами, пустились въ путь, для спасенія себя и ихъ. Планъ нашъ былъ слѣдующій: взойти сперва на какую-нибудь высокую гору, и съ вершины ея осмотрѣть всю мѣстность, въ надеждѣ, не увидимъ ли порта. Такимъ образомъ, углубясь въ лѣсъ, заваленный валежникомъ, мы подошли къ подошвѣ горы, до половины покрытой сосновымъ лѣсомъ, далѣе котораго, къ вершинѣ, возвышались острые утесы съ большими трещинами. Этотъ горный путь приводилъ насъ въ отчаяніе; ибо срывавшіеся съ утесовъ огромные камни ежеминутно угрожали намъ смертію. Мысль увидать портъ придавала намъ силы. Кой-какъ добрались мы до вершины и увидѣли оттуда обширный заливъ, покрытый островками; вправо возвышалась сопка Этжкомъ, губительница нашего корабля, влево тянулись огромнымъ полукружіемъ сплошныя горы; а впереди, противъ насъ, виднѣлась въ туманной синевѣ равнобедренная гора, которая съ обѣихъ сторонъ имѣла при своемъ основаніи большія отлогости. «Можетъ быть, на самыхъ этихъ отлогостяхъ находится портъ,» сказалъ я; но онъ были отдѣлены отъ насъ широкимъ заливомъ, который надлежало намъ обходить, какъ мы предполагали, лайдою. Позади насъ шумѣлъ океанъ; прибой волнъ его громко раздавался въ пустынныхъ горахъ. Мы стали спускаться къ заливу; кака-то безотчетная мысль влекла насъ туда. Трудно было намъ взбираться на вершину горы; но еще труднѣе сходить съ нея. Не разъ срывались мы съ утесовъ, но Божій перстъ хранилъ насъ для спасенія другихъ. Наконецъ, мы достигли лѣса, покрывавшаго гору, и благополучно спустились къ ея подошвѣ. Наступающая ночь не позволяла намъ продолжать путь, и мы остались ноче-

вать въ глубокомъ оврагѣ; усталость перемогла наши силы, и сонъ овладѣлъ нами до самаго утра. Пробудившись, мы вылезли изъ оврага и льсомъ продолжали путь. Проливной дождь пробивалъ насъ до костей, колючіе кустарники царапали тѣло; наконецъ, къ полудню, мы успѣли vybrаться въ заливъ. Тутъ представился намъ совершенно невозможный путь. Лайда далеко простиралась влѣво, потомъ упиралась въ утесистый, глубоко вдавшійся въ заливъ отрубистый мысъ; частыя волны, ударяясь объ него, разсыпались серебристыми брызгами. Въ какомъ-то непонятномъ раздумьи мы смотрѣли на нашу дорогу, и по острому камешнику медленно побрели къ утесу, въ надеждѣ перелѣзть черезъ него. Подойдя къ нему, мы увидѣли, что онъ не такъ былъ крутъ, какъ казался издали; удачно влѣзши на его голую поверхность и спустились на широкую песчаную лайду. По лѣвую ея сторону простирались сплошныя дикаго цвѣта утесы, на которыхъ замѣтно было, что въ прибывающую воду основаніе ихъ затопляется аршина на два, — значитъ, вода была малая, и мы поспѣшили до ея прибытія пройти утесы. Путь нашъ былъ спокоенъ; изрѣдка приходилось намъ обходить большіе мысы, не глубоко вдававшіеся въ воду. По замѣчанію нашему, намъ оставалось идти еще довольно далеко. Наконецъ наступавшая прибывъ воды начала постепенно стгонять насъ съ лайды, и намъ ничего болѣе не оставалось, какъ взобраться на утесы, съ тѣмъ, чтобъ продолжать путь по ихъ вершинамъ; но для этого надлежало отыскать такое мѣсто, которое бы позволило намъ удобно и безопасно исполнить наше намѣреніе. Съ этою цѣлью мы пошли впередъ, но поиски наши были напрасны; между тѣмъ вода прибывала все болѣе, и болѣе и брызги волнъ уже начинали долетать до насъ. Боясь быть увлеченными водою, мы кой-какъ вобрались въ расщелину скалы. Втекавшая въ нее вода затопляла насъ до самыхъ коленъ. Въ такомъ положеніи мы пробыли до тѣхъ поръ, пока вода начала убывать и лайда осушилась; для чего потребно было довольно много времени, которое провели мы въ самомъ мучительномъ ожиданіи. По убытіи воды наступила

ночь — новое препятствіе къ продолженію пути. Мы рѣшились провести ее въ лѣсу, до котораго вскорѣ дошли. Усталость наводила на насъ сильную дремоту, но мы боялись предаться ей, и въ полусонномъ, въ полубодрственномъ состояніи дождались разсвѣта. Едва прояснѣло на небѣ и намъ уже не трудно было различать предметы, мы опять поспѣшили въ путь, который, представляя глазамъ нашимъ разнообразныя, иногда довольно живописныя виды, сопровождался неимоверными трудностями. Около полудня мы подошли къ быстрой и глубокой рѣкѣ, имѣвшей въ ширину сажень до 40. Теперь предстояла намъ задача: какъ переправиться на противоположную сторону? Идти къ верховью рѣки было бы безразсудно, потому что мы не знали, на какое протяженіе она простирается, и могли бы зайти Богъ знаетъ куда, а пуститься вплавъ мѣшали сухари, которые были теперь для насъ дороже всего на свѣтѣ. Счастливая мысль помогла намъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Забравшись подалѣе къ верховью рѣки, мы спустили въ воду толстую валежину, сѣли на нее верхомъ, и подпираясь длинными сучьями, пустились вдаль по теченію. Насъ далеко унесло вверхъ, но все-таки мы счастливо переправились на противный берегъ. Выйдя на него и перешедъ небольшую гору, мы очутились близъ бухты, далеко простиравшейся внутрь. Намъ надлежало обойти ее, но кто опишетъ нашу радость, когда мы увидѣли на берегу пустой батъ. Мы подбѣжали къ нему, но вдругъ остановились; внезапная мысль охладила нашъ восторгъ. Батъ этотъ, вѣроятно, принадлежалъ дикимъ, которые пріѣхали сюда для ловли яшановъ. Они оставили свой батъ на берегу, а сами ушли въ лѣсъ. Мы не знали, сколько ихъ было числомъ и далеко ли они отъ насъ находились. Благоразуміе повѣлывало намъ быть осторожными. Мы притаились за большой камень и внимательно прислушивались, не достигнутъ ли до нашего слуха въ ближнемъ разстояніи звуки человѣческихъ голосовъ, или трескъ въ сосѣднемъ лѣсу. Прошло довольно времени, все было тихо, и лишь

плескъ волнъ, разсыпавшихся по лайдъ, нарушалъ безмолвіе окружавшей насъ пустыни.

«Нѣчего терять время понапрасну», сказалъ я канониру, и мы мигомъ очутились у бата, сдернули его въ воду и торпливо отчалили отъ берега. Въ батѣ находился одинъ гребокъ и еще длинная палка, которая замѣнила намъ другой гребокъ. Мы собрали послѣднія силы, чтобъ придать батѣ какъ можно болѣе ходу. Въ непродолжительное время онъ присталъ къ островку, покрытому лѣсомъ. Тутъ мы свободно вздохнули, потомъ оба влѣзли на высокую сосну, чтобъ посмотреть, гдѣ находится гора съ двумя отлогостями, на которыхъ, какъ мы предполагали, стоитъ портъ. Желаніе наше исполнилось. Гора возвышалась немного вправо отъ насъ и отдѣлялась обширнымъ заливомъ. Не теряя времени, мы оставили островокъ и направили путь прямо къ заманчивой горѣ. Долго мы плыли, миновали много островковъ и наконецъ — о, какъ сильно забилося въ насъ отъ радости сердце! — увидѣли маякъ Ново-Архангельскаго Порта. Мы напрягли всѣ силы и уже почитали себя дома; но предположенія наши нерѣдко бываютъ несбыточны, и часто, чѣмъ ближе подходимъ мы къ цѣли, тѣмъ болѣе она удаляется отъ насъ.

Провидѣнію угодно было послать на насъ новое испытаніе.

Повернувъ за мысъ небольшого продолговатаго островка, мы увидѣли до десятка Калюжскихъ батовъ. Въ нихъ сидѣли Калюжи и ловили въ заливъ сельдей. Мы хотѣли вернуться назадъ и спрятаться на островкѣ, но уже было поздно.

Дикіе увидали насъ, и съ батовъ послышался крикъ:

— Кускакванъ! Кускакванъ! (что означало на ихъ нарѣчій: Русскій! Русскій!)

Въ одну минуту насъ окружили баты. Раскрашенные, страшныя лица дикихъ не предвѣщали ничего добраго. Они громко разговаривали между собою, и по временамъ обращались къ намъ, но мы ничего не отвѣчали, потому что не понимали ихъ языка.

Калюжи взяли у канонира гребокъ , а у меня палку , и знаками показывали намъ , чтобъ мы пересѣли въ одинъ изъ ихъ большихъ батовъ. Упорство съ нашей стороны не принесло бы никакой пользы ; притомъ же мы полагали , что Калюжи сами хотятъ отвезти насъ въ портъ , въ надеждѣ получить за эту услугу плату ; но мы жестоко ошиблись въ своемъ предположеніи. Батъ , въ который мы сѣли , повернулъ не въ ту сторону , гдѣ виднѣнъ былъ маякъ. Онъ плылъ гораздо лѣвѣе , и тутъ мы догадались , что Калюжи везутъ насъ въ свое селеніе. Съ нами сидѣло 8 человекъ , и батъ нашъ окруженъ былъ еще нѣсколькими батами , для того , чтобъ изъ порта не могли насъ видѣть.

«Слушай,» сказалъ я канониру , «ни за какія обѣщанія , ни за какія муки не открывай , что мы съ разбитаго корабля. Если рассказать имъ о нашемъ несчастіи , то они непременно захотятъ воспользоваться выброшенными товарами , отправятся на мѣсто разбитія , умертвятъ оставшихся тамъ нашихъ товарищей , и чтобъ скрыть все это отъ Баранова , не оставятъ въ живыхъ и насъ.»

Вотъ показались барабары дикихъ , расположенныя вдоль берега ; позади ихъ тянулся въ гору лѣсъ , простиравшійся вплоть до того мѣста , гдѣ мы видѣли маякъ. Гдѣ-то далеко въ лѣсу шумѣлъ водопадъ и вытекалъ рѣчкою по лѣвую сторону селенія. Когда батъ нашъ остановился у берега , насъ повели въ большую барабару , по срединѣ которой дымился огонекъ ; вокругъ стѣнъ ея были насланы на тоненькихъ бревешкахъ доски , покрытыя *цирелами* (тонкими рогожами). Въ барабарѣ сидѣли Калюжи , съ раскрашенными лицами и почти полунагіе. Не многіе были завернуты въ одѣяла , или въ накидки изъ звѣриныхъ шкуръ. Насъ посадили возлѣ огня , и привели какого-то толмача , который довольно понятно объяснялся по-Русски.

Толмачъ этотъ , какъ узнали мы впоследствии , былъ взятъ Барановымъ для наученія говорить по-Русски , чтобъ служить потомъ переводчикомъ при сношеніяхъ съ Калюжами. Сначала онъ велъ себя очень тихо , но втайнѣ пи-

талъ врожденную ненависть къ Русскимъ. Находясь при Барановѣ, онъ подмѣтилъ у него ключъ отъ порохового погреба. Адская мысль блеснула въ головѣ дикаря. Онъ ночью укралъ ключъ, засвѣтилъ свѣчку въ фонарь и, скрывъ фонарь подъ одеждою, шелъ уже къ погребу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ оставить тамъ свѣчку, а самому убѣжать въ то время, пока будетъ она догорать до конца. Преступникъ былъ схваченъ, приведенъ къ Баранову, и тотъ жестоко высѣкъ его кошками и выгналъ изъ крѣпости. Слѣдовательно, отъ подобнаго допросчика намъ нельзя было ожидать снисходительности.

— Откуда вы? — былъ первый вопросъ.

— Изъ порта, — отвѣчали мы смѣло.

Толмачъ перевелъ нашъ отвѣтъ.

— Клѣкъ! клѣкъ! (нѣтъ! нѣтъ!) закричала вся толпа; а толмачъ, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Мы не видали Русскихъ у острововъ, гдѣ напали васъ. И зачѣмъ у васъ нашъ батъ?

— Барановъ вчера еще послалъ насъ четверыхъ въ шлюпокъ къ Этжкомъ отыскивать яхтовый лѣсъ. Пріѣхавъ, мы привязали шлюпки, а сами ушли въ лѣсъ; когда воротились, шлюпки уже не было. Мы хотѣли было идти берегомъ, но увидали два пустые бата. Дождаться хозяевъ было некогда, притомъ же мы думали, что они не дадутъ намъ батовъ, а свезти насъ въ портъ не согласятся; мы сѣли въ порожніе батаы и поплыли въ портъ. На пути у насъ сломался гребокъ. Мы подѣхали къ островку, и тамъ вмѣсто сломленного гребка взяли палку; товарищи не хотѣли насъ дожидаться, уѣхали впередъ, и теперь уже вѣрно находятся въ портъ.

Послѣднимъ отвѣтомъ мы хотѣли испугать дикихъ; но толмачъ спросилъ насъ:

— Почему же мы не видали вашихъ товарищей? Мы съ самаго разсвѣта въ заливъ.

— Мы не знаемъ, почему вы не выдали нашихъ товаровъ. Можетъ быть, они успѣли проѣхать островъ въ ночь. Тутъ одинъ дикарь вытащилъ у насъ сухари.

— А это что? — спросилъ толмачъ, увидавъ ихъ. — Русскіе не берутъ изъ порта сухарей, они берутъ хлѣбъ.

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ насъ, и дикари поняли нашу ложь.

— А! продолжалъ толмачъ, — вы пришли судномъ изъ тѣхъ мѣстъ, откуда привозите къ намъ товары. Прощлая буря разбила ваше судно, а вы не хотите сказать намъ, гдѣ? Не хотите отдать товары въ наши руки. Скажите лучше теперь, гдѣ ваше судно, а то мы будемъ васъ мучить, много мучить. Гдѣ судно, говорите!

Мы молчали. Шумъ дикихъ болѣе и болѣе увеличился въ барабаръ. Насъ раздѣли до-нага, и Калюжи раздѣлили между собою лоскутья нашей одежды. Желая выпытать тайну мучительными истязаніями, они стали прикладывать къ нашимъ ногамъ горящіе головни. Крики наши были заглушены пѣснями. Они дѣлали это для того, чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе Русскихъ, которые въ это время могли бы откуда-нибудь ѣхать барказамъ, а также и опасаясь Калюжь сосѣднихъ селеній. Такъ какъ всѣ Калюжскія селенія находятся между собою во всегдашней враждѣ, то и въ теперешнемъ случаѣ, сосѣди, изъ мщенія, донесли бы обо всемъ Баранову, или бы постарались сами воспользоваться остатками разбитого корабля.

Отнявъ головни отъ пятокъ, Калюжи опалили намъ волосы, при чѣмъ досталось и темени.

Во время этихъ истязаній, нѣсколько Калюжь вышли изъ барабары и вскоре потомъ воротились назадъ. Изъ среды ихъ выступило что-то похожее и на человека, и на звѣря. Лицо его было черно; на головѣ былъ обручъ, съ прикрепленными къ нему ямаными рогами, туловище покрывала медвѣжья шкура, руки и ноги были голыя. Это былъ шаманъ. Дикіе хотѣли колдовствомъ выведать нашу тайну

и потому прибѣгнули къ шаману, какъ такому лицу, которому, по ихъ мнѣнію, духи открываютъ все, что сокрыто для другихъ.

Онъ долго ходилъ вокругъ насъ съ страшными кри-
вляньями, ударялъ въ бубень и пѣлъ, или лучше сказать,
вылъ дикимъ голосомъ; потомъ началъ прыгать черезъ огонь,
остановился въ изнеможеніи, обратился къ намъ, сталъ опи-
сывать руками круги по воздуху, приговаривая какія-то слова,
и упалъ на землю, отъ которой въ судорожныхъ конвуль-
сіяхъ привскакивалъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто невидимая
сила поднимала его. Наконецъ онъ всталъ и долго что-то
говорилъ дикимъ, которые, выслушавъ его, связали намъ
руки лычными веревками, вытащили насъ вонъ и бросили
въ пустую барабару, полъ которой состоялъ рѣшительно
изъ одной грязи. Къ барабарѣ приотавили часового изъ
каюръ.

Ночь была темная; дождь пробивался сквозь крышу,
холодный вѣтеръ свисталъ въ щели нашей темницы. Каюръ
дрожалъ вмѣстѣ съ нами. Видя насъ связанными и изму-
ченными до крайности, онъ началъ дремать, въ увѣренности,
что мы не въ силахъ будемъ уйти. Вскорѣ сонъ овладѣлъ
имъ, и мы услышали его храпѣніе.

Минуты были дороги. Надлежало на что-нибудь рѣ-
шиться. На другой день ожидала насъ мучительная смерть,
а до разсвѣта, воспользовавшись темнотою ночи и сномъ
безпечнаго каюра, мы могли еще кой-какъ спастись.
Для этого нужно было пуститься вплавъ по заливу. Пред-
пріятіе опасное, но если бы и суждено намъ было пото-
нуть въ волнахъ, то все-таки послѣдняя смерть была бы
легче первой. И такъ изъ двухъ золъ надлежало избрать
меньшее. Канониръ перегрызъ у меня веревку, я развязалъ
ему руки, и мы тихо подкрались къ каюру, спавшему крѣп-
кимъ сномъ. Въ одно мгновеніе товарищъ мой схватилъ его
обѣими руками за горло, а я зажалъ ему ротъ. Черезъ
минуту каюръ уже былъ для насъ неопасенъ. Затаивъ
дыханіе, мы добрались до залива. Ползти берегомъ вдоль

селенія пугали насъ камни , которые могли бѣ произвести шумъ ; оставалось одно средство пуститься вплавь : рѣшено, и холодная вода залива заструилась подѣ нами. Страхъ придалъ намъ силу и легкость. Мы скоро миновали селеніе , вышли на берегъ , и поднявшись въ гору , стали пробираться лѣсомъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣнъ былъ маякъ. Невыразима была наша радость, когда услышали лай собакъ, доносившійся изъ порта. Вскорѣ увидѣли мы стѣну.

— Крѣпость ! закричалъ я — и мы очутились у стѣны.

— Кто тутъ ? — послушался окликъ часоваго.

— Русскіе, съ разбитаго корабля Невы.

Часовой немедленно далъ знать обходному, который отворъ крѣпостную калитку , и мы стояли уже въ крѣпости.

Насъ привели къ Баранову. Онъ посмотрѣлъ на насъ , и слезы навернулись на его глазахъ. Въ одну минуту весь портъ пришелъ въ движеніе. Военные катера и барказы, въ полномъ вооруженіи, были посланы къ мѣсту разбитія.

Барановъ приказалъ зарядить всѣ крѣпостныя орудія боевыми зарядами и удвоить посты часовыхъ. Последнимъ приказано было какъ можно внимательнѣе смотрѣть на заливъ — не поплывутъ ли баты съ дикими къ сопкѣ Этжкомъ.

Начало разсвѣтать и посланные гребныя суда уже были за островками. Вдругъ въ отдаленности показался багъ, другой, третій, и наконецъ множество батовъ направили путь вслѣдъ за нашими судами. Выстрѣлъ съ крѣпости ядромъ остановилъ стремленіе дикихъ, выстрѣлъ картечью повернулъ баты назадъ. Барановъ не позволилъ ни одному Калюжскому бату быть въ это время въ заливѣ, но алчность побудила дикихъ принять другія мѣры. Они незаметно прокрались близъ берега къ извѣстному имъ перешейку, перетаскили свои баты и вышли къ Этжкомъ съ приморской стороны, къ самому тому мѣсту, гдѣ видѣлся еще на рифу разбитый островъ нашего корабля. Но и здѣсь встрѣтила ихъ неудача. Военные барказы не подпустили ихъ къ разбросаннымъ по берегу товарамъ. Дикіе съ досады рвали на себѣ

волосы; они явно говорили: «людей бы мы всѣхъ перерезали, а выкинутымъ грузомъ завладѣли бы такъ, что Барановъ во вѣкъ бы этого не узналъ.»

Къ полуночи гребныя суда возвратились съ полуживыми людьми и остатками товаровъ, выкинутыми сердитымъ моремъ, поглотившимъ въ кипучей безднѣ своей нашъ гордый, красивый корабль, который съ береговъ Кронштадта перенесъ насъ къ угрюмымъ берегамъ Ново-Архангельскаго Ports, и, почти достигнувъ цѣли своего назначенія, встрѣтилъ гибель.

А. Марковъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ПРУССІИ.

ГРАФА О. В. РОСТОПЧИНА.

(Окончаніе.)

ЛУКЕЗИНИ.

Имя сего человека содѣвалось извѣстно по принадлежности Великому Фридриху, такъ какъ имя любимой аглицкой его собаки. Лукезини благороднаго происхожденія, изъ города Лукки, одаренный острымъ разумомъ, пылкимъ воображеніемъ, съ большими знаніями, похвалъ путешествовать, сдѣлался въ Берлинѣ извѣстенъ Фридриху, имѣлъ счастье понравиться ему пріятностями своего разговора, былъ приглашенъ остаться въ Санъ-Суси, поселился въ Потсдамѣ, женился на богатой купчихѣ, и пробылъ 3 года до конца жизни Великаго Фридриха единою ею бесѣдою и занятіемъ разговорами о произведеніяхъ ума человѣческаго. Жизнь сія была бы должностію претяжкою, если бы не улаждаема была лестною наградою быть собесѣдникомъ столь знаменитаго Короля, и заступать мѣсто Мопертюи, д'Аржанса и Вольтера. Лестный былъ для Лукезини пріемъ, когда онъ, по смерти Фридриха, появился въ Берлинѣ. Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ ему, при первомъ свиданіи, что онъ

не забудеть въ немъ друга дяди, и сдержалъ слово. Воображеніе, что онъ столь долго и близко былъ у обожаемаго Государа, привлекало къ нему особенное вниманіе и уваженіе. Его принимали и разспрашивали съ великимъ любопытствомъ. Казалось, что будто онъ тайная записная книжка, въ коей Великій Фридрихъ заключилъ свои послѣднія мысли; и слишкомъ мѣсяць, съ утра до вечера, его столько же мучивали вопросами, какъ курьеровъ, привѣзжающихъ съ извѣстіями о рѣшительныхъ побѣдахъ. Видъ его незначущъ, обхожденіе умное и ловкое, манеры нѣсколько національныя, лице походить на бѣлку. Всѣ вообще его считаютъ за умнаго и ученаго человека, что онъ послѣ доказалъ, бывъ употребленъ съ успѣхомъ въ важныхъ дѣлахъ; и хотя онъ сталъ извѣстенъ потому, что былъ близокъ къ Великому Фридриху: однако же его не должно на ряду ставить съ тѣми, конхъ бытіе потому лишь людямъ стало извѣстно, что они были близки къ знатымъ особамъ.

МИРАБО.

Сей человекъ, сынъ славнаго Мирабо, сочинителя «Друга людей», извѣстный сперва своимъ расенутствомъ, неистовствомъ и жизнію, похожею на Жилблаза, былъ въ мое время въ Берлинѣ, употребленный отъ Версальскаго министерства для доставленія новостей, изъ коихъ большая часть проистекають изъ плодovitаго пера голоднаго сочинителя. Мирабо, следуя принятому обычаю подобныхъ себѣ, для заслуженія вниманія, или, лучше сказать, спасая себя отъ неизбежнаго презрѣнія людей къ бѣдности, нанималъ большой домъ, имѣлъ любовницу, кою выдавалъ за знатную женщину, въ него влюбленную, одѣтъ пышно; и я его никогда иначе не видывалъ, какъ разпудреннаго и разчесаннаго, и больше въ видѣ Итальянскаго шарлатана, чѣмъ благороднаго, умнаго человека. Фигура его была довольно безобразна отъ толстоты корпуса и головы, рябаго лица и гноемъ покрытыхъ глазъ. Никто не былъ такой охотникъ говорить, какъ онъ, и рвчи его не всегда бывали съ концемъ. Голосъ его былъ громокъ и чистъ, краснорѣчіе свободное. Онъ любилъ

примѣшивать анекдоты и острые слова другихъ, отъ чего часто повторялъ давно уже известное. Я помню, какъ онъ одинъ разъ за столомъ у министра Герцберга, говоря одинъ во весь обѣдъ, спросилъ у Англійскаго посланника: «Милордъ! что вы о семъ думаете?» — «Ваши рвчи дѣлаютъ честь вашей груди,» — отвѣчалъ холодно Англичанинъ. Какъ ни былъ безстыденъ Мирабо, но въ присутствіи Гр. Румянцева бывалъ молчаливѣе, опасаясь острыхъ его шутокъ и неожиданныхъ вопросовъ. Мирабо жилъ слишкомъ годъ въ Берлинѣ; хаживалъ часто въ библіотеку для выписокъ; въ обществахъ бывалъ рѣдко, на гулянь всякій день. При вступленіи Фридриха Вильгельма на престолъ, онъ ему написалъ поучительное письмо, коего начало было таково: «ты, Король, вземли мой гласъ.» Но Король притворился глухимъ и безграмотнымъ, то есть, не услышалъ гласу Мирабо и ничего ему не отвѣчалъ. Переписка его съ министерствомъ или, лучше сказать, съ Калономъ, напечатана, и составлена вся изъ бреда, сплетней и неистовствъ. Дерзость сего человека была видна во всехъ его писаніяхъ, и казалось, что добродѣтели знаменитыхъ особъ раздражали еще болѣе его злость и безразсудно заставляли употреблять противъ нихъ клевету и гнусную ложь. Оставя Берлинъ, сей необыкновенный человекъ умомъ, краснорѣчіемъ, злостью, дерзостью и пороками, уѣхалъ на нѣсколько времени въ Брауншвейгъ, гдѣ привелъ въ порядокъ заготовленные имъ матеріалы, кои издалъ послѣ подъ названіемъ: «Картина Прусской монархіи.» Пріѣхавъ въ Брауншвейгъ и живучи съ нимъ въ одномъ трактирѣ, я имѣлъ случай видѣть его еще чаще, чѣмъ въ Берлинѣ, и узнавъ, еще лучше могу увѣрить, что все, мною объ немъ сказанное, есть совершенная истина.

Г. ФИНКЕНШТЕЙНЪ.

Сей почтенный мужъ слишкомъ уже тридцать лѣтъ первымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; живетъ одинъ лишь жалованьемъ, которое весьма умѣренно; дѣлитъ время между дѣломъ, чтеніемъ и добрыхъ дѣлъ. Всякій день его жи-

зни раждаетъ въ его соотчичахъ новое содрогательное наименованіе о его старости: они видятъ его дряхлость, но хотятъ, чтобъ онъ еще долго жилъ. 30 лѣтъ Фридрихъ Великій, имѣя совершенную въ немъ довѣренность, считалъ его вѣрнѣйшимъ своимъ подданнымъ, а отечество за вѣрнѣйшаго изъ своихъ сыновъ.

Г. ГЕРЦБЕРГЪ.

Большія познанія статистикѣ и исторіи составляютъ достоинство сего министра. Онъ былъ употребленъ Великимъ Фридрихомъ при замиреніи Губертсбургскомъ. Слогъ его, какъ Нѣмецкій, такъ и Французскій, тяжелъ и несленъ; видъ и обхожденіе его непріятны. Наружностію онъ болѣе походитъ на профессора, чѣмъ на государственнаго человека. Одежда его нечиста, и когда онъ гдѣ появляется, то мнѣ походитъ на ученаго, выходящаго изъ своего кабинета, чѣмъ на медвѣдя, выходящаго изъ своей берлоги. Скроменность его такъ велика, что онъ готовъ, встрѣтившись, здороваться на письмѣ, дабы не сказать чего-нибудь лишняго. Самовольно занимая себя безпрестанно, отдѣляетъ однакожъ въ воскресенье на забаву послѣобѣднее время, и ѣздитъ въ меркомъ экипажѣ въ загородный свой домъ, въ близкомъ отъ Берлина разстояніи. Тамъ веселится зрѣніемъ на садъ, въ коемъ онъ соединилъ, по его мнѣнію, всѣ красоты природы на 3 десятинахъ. Тамъ маленькій березовый лѣсокъ представляетъ всѣ Китайскіе и Англійскіе сады, звѣринцы и лѣса дремучіе; липовая узкая аллея на 50 шагахъ занимаетъ мѣсто всѣхъ регулярныхъ садовъ Европейскихъ и равняется съ Версальскими, Ленотромъ насажденными; двѣ подстриженныя, почти засохшія ели, представляющія одна лѣва, а другая пирамиду, должны быть памятниками вкуса садовъ прошедшаго вѣка; нѣсколько горшковъ съ цвѣтами равняются съ Гарлемскими цвѣтниками; развалившаяся кухня лежитъ мѣсто разваливъ Пальмиры или Сполатры; а незасаженный ничѣмъ уголъ представляетъ пустыню, и въ веселый часъ угрюмый министръ называетъ сіе мѣсто Сибирью. Сей огородъ пріятенъ единственно лѣто-

цамъ Г. Герцберга, тѣмъ, что они не устаютъ, обходя его нѣсколько разъ въ полчаса. Самъ же министръ никогда болѣе одного раза въ каждое посѣщеніе не обходитъ своего диковиннаго саду. Отягченный дряхлостью, нагруженный нѣсколькими толстыми томами древнихъ авторовъ и восхищеніемъ, что насадилъ сей эдемскій садъ, обыкновенно онъ, пришедъ къ лавкѣ, поставленной у воротъ, отдыхаетъ отъ гулянья, и позволяетъ прохожимъ, не взирая на превеликую звезду Чернаго Орла, принимать его за прикащика или землепашца. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Великаго Фридриха, онъ былъ призванъ имъ въ Потсдамъ. Онъ писалъ манифестъ о возшествіи на престолъ Фридриха Вильгельма и получилъ 1-й орденъ Чернаго Орла.

кн. долгорукой.

Когда я пріѣхалъ въ Берлинъ, то Кн. Володимиръ Сергѣевичъ оставилъ уже его и приготовлялся къ своему отъѣзду въ деревню друга своего, Гр. Головкина, 6 миль (42 версты) отъ Берлина разстояніемъ. К. Долгорукой былъ слишкомъ 30 лѣтъ у Прусскаго Двора чрезвычайнымъ посланникомъ Россійскимъ. Въ сіе долговременное пребываніе всѣ его узнали съ пріѣзда, и потомъ всѣ не преставали любить и почитать. При отъѣздѣ его въ Россію, когда онъ имѣлъ отпускную аудіенцію у Великаго Фридриха, то сей Государь сказалъ ему, прощаясь, сіи лестныя и достопамятныя слова: «я желаю, чтобъ вы были счастливы; мы уже болѣе не увидимся, и я, прощаясь съ вами въ послѣдній разъ, увѣряю, что я не преставаю никогда васъ любить и почитать.» Чрезъ три недѣли послѣ сего свиданія Фридрихъ престалъ жить, а Кн. Долгорукой не престалъ и до сихъ поръ чтить память сего великаго Государя. Первый вопросъ, когда Русскій путешественникъ появится въ обществѣ Берлинскомъ, всегда о К. Владимиръ Сергѣевичъ; кажется, что старики разспрашиваютъ объ немъ, какъ о братѣ, молодые какъ объ отцѣ. Достойная и лестная награда добродѣтельной души и честныхъ дѣлъ.

ГР. РУМЯНЦЕВЪ. •

Достойный сынъ великаго мужа, прославившаго Россію, достойный посланникъ первой державы свѣта. Во всѣхъ словахъ его виднѣтъ умъ необыкновенный, въ чувствахъ сердце нѣжное, въ дѣлахъ душа благородная. Онъ — министр въ кабинетъ, любезный человекъ въ обществѣ. Во время моего въ Берлинѣ, пребыванія, я снискалъ его знакомство и имѣлъ время узнать вблизи всѣ рядки его качества. Тотъ, кто его узнаетъ такъ, какъ я, навѣрно пожелаетъ отъ чистаго сердца, чтобъ онъ имѣлъ участіе въ правленіи государственномъ, и жилъ въ Россіи съ честью и славою.

ПЛОЩАДЬ ГЕРОЕВЪ.

Подлѣ дома Принца Фердинанда маленькое, пустое мѣсто. Не знаю, какъ прежде сего оно называлось; но съ тѣхъ поръ, какъ на четырехъ углахъ поставлены статуи, то площадь сія получила названіе площади героевъ; и вѣроятно, если время, землетрясеніе, перестройка города или другое непредвидимое обстоятельство истребитъ статуи, но названіе между людьми все останется, дѣйствіемъ второй природы, то есть, привычки; такъ какъ у насъ Спасъ на бору, хотя сто лѣтъ ни одного нѣтъ тутъ дерева, Нѣмецкая слобода, гдѣ живутъ все Русскіе, и имена множества воротъ, кои давно сломаны. Статуи сіи мраморныя, изрядной работы посредственнаго ваятеля Тассара, который болѣе извѣстенъ былъ въ Берлинѣ своею грубостію, чѣмъ искусствомъ. Принцъ Гейнрихъ, не любя Сейдлица, спросилъ Тассара: «для чего статуя сего генерала не похожа?» — «Для того, отвѣчалъ художникъ, что вы его какъ мертваго, такъ и живаго, терпѣть не можете.»

Какая можетъ быть лестнѣе награда заслугамъ, вѣрности и геройству? Мраморъ, воздвигнутый Государемъ въ честь отличному подданному, есть живой гласъ признатель-

* Вѣроятно, Графъ Сергій Петровичъ, бывшій посланникомъ въ Берлинѣ. *Ред.*

ности на нѣсколько вѣковъ. Какою благодарностію преисполняются сердца потомковъ героя, и всѣхъ тѣхъ, кои ему принадлежатъ благодарностію, почтеніемъ или преданностію! Давно прахъ его уже исчезъ, и все объ немъ умолкло; но образъ, среди града стоящій, привлекаетъ вниманіе, возбуждаетъ любопытство и часто заставляетъ брать въ примѣръ мужа, великими дѣлами себя прославившаго, и принести ему въ жертву нелестныя чувства удивленіемъ души преисполненной. Сколько способовъ награждать достоинство, исторгать славу изъ челюстей смерти, отъ хладнаго забвенія, и вселять жаръ любви къ отечеству и мужеству! Всякое царство, всякое столѣтіе имѣетъ своихъ великихъ мужей, всякій край ими гордится. Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ молодой Россійскій юноша гуляетъ въ прелестныхъ садахъ Царскосельскихъ! Коль сильно трепещетъ грудь его, взирая на памятники, великимъ мужамъ тамъ воздвигнутые! Гуляя въ саду, онъ проходитъ лѣтописи славы своего отечества, идетъ отъ одного къ другому, и читаетъ списокъ побѣдъ. Тутъ онъ, не смотря, что знаетъ великихъ мужей иноземныхъ, — но тутъ онъ возгордится своимъ отечествомъ, и содвѣается истиннымъ Россіяниномъ, каковымъ онъ родился. Россія, край блаженный! ты существуешь въ глазахъ Европы единое лишь столѣтіе, но соперничаешь со всеми государствами достоинствами сыновъ своихъ.

Когда въ Англіи въ одинъ день подпискою собираютъ знатное количество денегъ вдовамъ, сиротамъ убитыхъ на войнѣ, добродѣтельными людямъ въ награду за честность; когда Генуя за избавленіе города воздвигнула памятникъ дюку Ришелье: для чего же у насъ въ Москвѣ нѣтъ знаковъ народной признательности къ Пожарскому* и Еропкину? Оба спасли столичный градъ, и оба достойны безсмертія. Герой покрываетъ себя лаврами, членъ правленія, судія безкорыстный, пастырь смиренный, мужъ добродѣтельный,

* Желаніе Графа Ростопчина давно уже исполнилось, и на Красной площади возвышается, съ 1818 года, памятникъ Пожарскому и Минину. *Ред.*

подвигаются единственно въ дѣянiяхъ своихъ душею и сердцемъ. Они одушевлены любовiю къ отечеству, и, творя всякiй день добро, единые сего не примѣчаютъ, и при послѣднемъ часѣ жизни ихъ не радуются о множествѣ добрыхъ дѣлъ своихъ, но сокрушаются о томъ, что престають ходить по стопамъ добродѣтели и истины. Сколько дѣлъ, удивленiя достойныхъ, сокрытыхъ во тмѣ и невѣдѣнiи! Ихъ-то открывать бы должно и украшать ими лѣтопись Россiи, доставлять ко свѣдѣнiю всякаго, и возжигать ими въ сердца юноши жаръ любви къ добродѣтели. Счастливъ Государь, счастлива та земля, гдѣ мерзятъ порокомъ и боготворятъ добродѣтель.

ФАРФОРОВАЯ ФАБРИКА.

Устроена Великимъ Фридрихомъ. Хотя фарфоръ ея и не такъ чистъ, какъ Саксонскiй, но формы гораздо лучше и живопись превосходнѣе. Для лучшей продажи, Великiй Фридрихъ принудилъ всѣхъ Евреевъ, въ областяхъ его живущихъ, когда кто изъ нихъ женится, покупать на казенной фабрикѣ сервизъ столовый. Можно себя легко вообразить, какъ при бракосочетанiяхъ скупые жида выбирали самую дешевую посуду, отъ чего никогда ничего очень стараго и дурнаго на фабрикѣ и нѣтъ. За всѣ покупныя вещи платятъ половину золотомъ. Всѣ подобныя сему заведенiя ни въ какой землѣ не могутъ себя содержать продажею собственныхъ произведенiй. Фарфоровая фабрика требуетъ слишкомъ много всякаго рода ремесленниковъ, изъ коихъ нѣкоторые весьма дороги, какъ напр., живописцы; а притомъ, употребленiе фарфора есть послѣдствiе избытка и необходимость роскоши. Совсѣмъ тѣмъ выгоднѣе его имѣть, чѣмъ глиняную Англiйскую посуду, за кою вдвое дороже платятъ за то, что видъ ея походить на сосуды древности, и что все заклемено именемъ г. Веджвуда, хотя онъ и со-той доли на своей фабрикѣ ея не дѣлаетъ. Бывъ часто на Берлинской фарфоровой фабрикѣ, я сдѣлалъ три примѣчанiя: 1, что Нѣмцы, покупая чашки, выбираютъ все одина-

кін, дабы при истребленіи, когда отъ дюжины останется одна лишь чашка и одно блюдо, то чтобы и тутъ спорить можно было; (?) 2, что чашка съ крыпкою покупается единственно въ подарокъ или покровителю или невѣстѣ; 3, между множества чашекъ съ портретами Государей, ни одной нѣтъ съ изображеніемъ Маріи Терезіи, — доказательство, что ея въ Пруссіи и на Фарфоръ не терпятъ.

СОЖЖЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

У одного стараго совѣтника, довольно по-Нѣмецки богатого, была молодая жена и молодой пригожій лакей Карлъ. Совѣтникъ часто по должности былъ отдаленъ отъ дому; совѣтница сблизилась съ Карломъ, и природа со скукою ослѣпили ея на счетъ несчастныхъ слѣдствій и низкаго его происхожденія. Карлъ сперва довольствовался дѣятельною ролею своего господина во время его отсутствій; потомъ захотѣлъ веселиться, сталъ мотать, и наконецъ рѣшился обокрасть домъ, гдѣ имѣлъ столько причинъ быть довольнымъ своею судьбою. Но дабы лучше скрыть покражу, разломавъ ночью сундукъ, гдѣ были деньги и вещи, зажегъ домъ, и, выбѣжавъ на улицу, сталъ призывать на помощь, крича: «пожаръ, воры!» Огонь погасили, вещи пропали, и Карлъ сокрушался нѣсколько дней съ совѣтникомъ и съ совѣтницею. Но какъ все наконецъ открывается, слѣдственно и воровство его открылось: онъ сталъ играть, пошелъ закладывать украденныя вещи, былъ пойманъ, допрашиванъ, признался, и по законамъ осужденъ на сожженіе. Приговоръ, за недѣлю до кончины Великаго Фрадриха, имъ былъ утвержденъ.

Въ Пруссіи, съ той минуты, когда объявленъ бываетъ приговоръ смерти преступнику, онъ переводится изъ тюрьмы въ особливые покой, приготавлиаемъ тамъ бываетъ къ кончинѣ пасторомъ, и передается на зрѣлище всемъ любопытнымъ, чувствительнымъ и бездѣльнымъ людямъ. Я видѣлъ несчастнаго Карла за два дни до его смерти. Онъ казался спокойнымъ и вовсе непричастнымъ къ окружающему его.

Тѣло его было живо, но чувства казались уже мертвыми. Пасторъ, оставя спасеніе его души, занимался болѣе посятителями, и увѣрялъ всѣхъ, что онъ имѣлъ счастье привести въ раскаяніе преступника, и обратить его на путь добродѣтели. А ему оставалось сидѣть въ темницѣ нѣсколько часовъ, встать и идти на мѣсто позорной казни, въ путь вѣчности. Какъ содрогается сердце, имѣя предъ глазами столь страшное зрѣлище пагубнаго дѣйствія гнусныхъ страстей! Чѣмъ можетъ имъ противоборствовать человекъ безъ воспитанія, правилъ закона и врожденной добродѣтели! Сколь тутъ сильно дѣйствуетъ любовь къ ближнему! Кто можетъ отринуть сожалѣніе, удержать слезу, вопіющую въ пользу несчастнаго, искупающаго преступленіе свое потерю бездѣльнаго дара смертныхъ — жизни, и преклоняющаго осужденную главу закономъ подъ косу лютой смерти! Я взглянулъ сперва съ нѣкоторымъ отвращеніемъ на несчастнаго Карла; потомъ смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ; и когда, выходя, бросилъ навѣрно послѣдній на него взглядъ, тогда языкъ мой былъ нѣмъ, но сердце вопило: Господи, помилуй! Мысль о его преступленіи утопаетъ въ слезахъ, проливаемыхъ жалостію; вина его прощается, прегрѣшеніе отпускается.

Черезъ три дни преступленіе Карла было наказано смертію. Сопровождаемъ безчисленнымъ народомъ, онъ изведенъ былъ за городъ на мѣсто казни, привязанъ къ столбу и обращенъ въ пепелъ. Я видѣлъ изъ окна своего дымъ, отъ пламеннаго костра воздымающійся; съ нимъ душа Карла вознеслась на небо, предстала на страшный судъ Всевышняго, приняла отпущеніе или низвержена въ муку вѣчную.

Меня увѣряли, что палачъ Берлинскій подалъ коменданту счетъ въ 300 талеровъ на расходы сей страшной казни, и что Великій Фридрихъ, узнавъ о семъ, сказалъ: «дешевле бы гораздо было просто зажигателя сего повѣсить».

Также меня увѣряли, что несчастный Карлъ умеръ отъ страха отъ единаго зрѣлища приуготовленій мучительной казни, ему приуготовленной. Желательно, чтобъ сіе спра-

ведливо было: позорище для зрителей не менѣе было страшно, а преступникъ избавленъ отъ мученія.

Въ семь дѣлъ отъ одного воровства произошли многія. Гася пожаръ, остальные пожитки совѣтника были разграблены; палачъ укралъ нѣсколько сотъ талеровъ изъ казны; мошенники опустошили во время казни равно любопытнаго, жестокаго и чувствительнаго зрителя карманы. Одинъ совѣтникъ остался въ дуракахъ. Черезъ сіе приключеніе онъ узналъ послѣ всѣхъ, что жена его дурная хозяйка, балуетъ его лакеевъ и не довольствуется тѣмъ, что они стоятъ за пеею, за каретой и за столомъ; но посовѣтовавшись съ своими друзьями и съ собственною честію, рѣшился непремѣнно вмѣстѣ жить съ своею супругою, дабы не подать причины сомнѣваться, что онъ подозреваетъ вѣрность ея. Черезъ нѣсколько недѣль устали говорить о приключеніи Карла; черезъ три мѣсяца женщины уже начали увѣрять, что оно выдуманно; а потомъ мнѣніе народное, извѣстное подъ названіемъ почтенной публики, утихло, и натурально, г-жа совѣтница заняла прежнее свое мѣсто въ публичномъ кругу почтенныхъ городскихъ дамъ; но совсѣмъ тѣмъ сохранила непреоборимое отвращеніе къ огню, не могла болѣе ходить на кухню и сиживала всегда въ задумчивости. Когда супругъ ея куривалъ при ней трубку, тутъ она будто кстати говорила ему: «ахъ, другъ мой! куда какъ много дурныхъ людей на свѣтѣ!» На что совѣтникъ всегда ей отвѣчалъ: «въ семьѣ не безъ урода!»

ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛОНИА.

Людовикъ XIV, удовлетворяя своей собственной набожности, а болѣе въ угодность г-жѣ Ментенонъ и духовнику своему, іезуиту Летелье, подъ предлогомъ обращенія еретиковъ на путь истины, отмѣнилъ славный указъ, въ Нантъ изданный, коимъ всѣмъ подданнымъ Французскимъ протестантскаго исповѣданія позволено было исповѣдывать открыто ихъ вѣру. Начались гоненія, новая война, извѣстная подъ названіемъ Драгонадъ. Вѣрноподанный протестантъ, отказываю-

щійся отъ католической обѣднѣ и духовника, признаваемъ былъ за нарушителя общаго покоя и измѣнника Государю и отечеству. Въ слѣдствіе чего, не стерпя всѣхъ гоненій и не надѣясь ничѣмъ смягчить сердце Государя, 60 т. семей рѣшились оставить свою родину, друзей, родню, имущество, и искать въ чужихъ краяхъ пристанища. Если бы сіи люди были придворные или дворяне, но ни на что неспособные, или офицеры, но боязливые, или судьи, но несправедливые, то бы Франція могла воспользоваться слѣдствіями гоненій надъ протестантами. Но сіи люди, оставившіе свое отечество, были честные и добрые люди, искусные ремесленники, подающіе примѣръ доброжитія и трудолюбія. Они разсѣялись: поселились въ Швейцаріи, Баваріи и Пруссіи, обогатили всѣ сіи земли произведеніями ихъ художествъ, и, нашедъ истинное благосостояніе вмѣстѣ съ новымъ отечествомъ, содѣлались полезнѣйшими его сынами. Науки въ Пруссіи стали процвѣтать со времени прихода сихъ почтенныхъ граждановъ. Многіе изъ нихъ заслужили себѣ безсмертіе полезными сочиненіями и украсили Академію Берлинскую. До сихъ поръ всѣ сіи выходцы составляютъ, такъ сказать, одну семью, помогаютъ другъ другу, и хотя подданные Короля Прусскаго и уроженцы Нѣмецкой земли, но сохранили что-то до сихъ поръ иностраннаго. Языкъ ихъ Французскій, не совсѣмъ чистъ, и по выговору можно тотчасъ узнать колониста. Хотя они вездѣ хорошо приняты и уважены, но составляютъ особенное свое общество, въ кое охотно столько же помѣщаютъ иностранныхъ, какъ избѣгаютъ Прусскихъ офицеровъ. Балы ихъ и пикники самыя пріятныя и веселыя. Въ Берлинѣ у богатыхъ купцовъ бываютъ ужины, гдѣ всегда пасторъ есть первое лице и важная особа. Г. Германъ въ мое время былъ старшій священникъ Французской колоніи, и умомъ, поведеніемъ и лѣтами присвоилъ себѣ родъ начальства и почти такую же власть, какъ отецъ-генералъ іезуитовъ въ Парагваѣ. Его вѣдѣнія были свадьбы, ссоры, разводы, мировыя, раздѣлы, наслѣдства, духовныя; и въ особѣ пастора Германа заключались духовникъ, инквизиторъ, судія и полиціймейстеръ Французской колоніи.

Онъ сочинитель исторіи выходцевъ изъ Франціи, и по истинѣ, она не придаетъ ему никакого лишняго уваженія, бывъ написана тяжело, длинно и не всегда ясно. Въ Берлинѣ мода существуетъ единственно для малаго числа людей, кои не въ военной службѣ, и тѣ подражаютъ въ одѣяніи Англичанамъ; но колонисты, и старыя и молодыя, одѣваются по-Французски, и симъ доказываютъ, сколь трудно человѣку престать любить ту землю, гдѣ предки его родились и оставили ихъ прахъ.

ЗАСТРѢЛИВШІЙСЯ ПАРИКМАХЕРЪ.

Ходя одинъ разъ по улицѣ, коя ведетъ въ звѣринецъ, увидѣлъ я, что большая часть людей шла туда скорѣе обыкновеннаго, а иные и бѣжали. Освѣдомившись о чрезвычайной причинѣ, сбившей Нѣмцевъ съ шагу на рысь, узналъ, что въ звѣринцѣ застрѣлился какой-то человѣкъ. Движеніе толпы дѣйствуетъ надъ однимъ человѣкомъ такъ, какъ вѣтеръ надъ флюгеромъ. Народъ шелъ въ звѣринецъ, и я пошелъ туда же. Близъ воротъ, подлѣ одной крытой аллеи увидѣлъ сперва кучу людей, услышалъ шумъ, и, подошедъ ближе, открылъ и несчастный предметъ общаго любопытства. Подъ деревомъ, прислонясь, стояло мертвое тѣло, одѣтое въ бѣломъ запудренномъ кафтанѣ. Подлѣ него лежалъ разорванный пистолетъ. Тѣло было прострѣлено навмѣстъ пулею противъ сердца, и отъ большаго заряда рана и рука. Всѣ толпились, всѣ говорили, всѣ хотѣли знать, кто былъ сей несчастный, и отъ чего лишилъ себя жизни. Наконецъ узнали, что онъ былъ парикмахеръ, отъ его ученика, который, видя тотъ день въ лицѣ его нѣчто необыкновенное, пошелъ за нимъ вслѣдъ, подозревая его намѣреніе; но въ звѣринцѣ какъ-то потерялъ изъ виду, и прибѣжалъ уже на выстрѣлъ. Число зрителей прибавлялось и убавлялось — одни уходили, другіе приходили; наконецъ приближеніе ночи побудило всѣхъ идти домой. Во все время смотрѣлъ я съ примѣчаніемъ и слушалъ прилежно: никто, кромѣ женщинъ, не жалѣлъ о несчастномъ. Военные шутили, почитая ни за что выстрѣлъ, убившій одного лишь

парикмахера; удивлялись, что, если онъ застрѣлся отъ несчастія, то для чего не записался въ солдаты. Старики полагали причиною его смерти неудовольствіе отъ дѣтей, женщины—любовь, молодые люди—недостатокъ въ деньгахъ, духовные—беззаконіе, а нищіе—спѣсь. По словамъ же зрителей, самоубійства въ Берлинѣ должны быть рѣдки; ибо о семъ говорили, какъ о вещи, давно небывалой; но смотрѣли на тѣло довольно равнодушно, что и не удивительно въ жителяхъ большаго города, въ коемъ все лѣто по улицамъ бьютъ собакъ, всякую субботу гоняютъ мѣстахъ въ двадцати сквозь строй, и довольно часто занимаютъ публику и смертными казнями.

ПРОЩЕННАЯ СТАРУХА.

Одинъ молодой человѣкъ, соскуча быть солдатомъ, рѣшился искать увольненія отъ службы на границѣ Саксонской. Дабы свободнѣе пройти сквозь Пруссію, выйти изъ Берлина и избѣгнуть отъ поимщиковъ, открылся онъ въ своемъ намѣреніи доброй старухѣ, которая была ему родня. Тронутая его словами, не помышляя о несчастныхъ слѣдствіяхъ побѣга, какъ для солдата, такъ и для ея самой, вмѣсто того, чтобъ ему отговаривать и отвести отъ исполненія взятаго намѣренія, старуха снабдила его деньгами, запасомъ, и одѣвши въ свое платье, вывела за городскія ворота и пожелала счастливаго пути. Солдатъ шелъ весь день въ видѣ старухи, и прошедъ границу, увидя себя на свободѣ, отъ радости или отъ глупости, но снявъ съ себя старухино платье и завязавъ въ узелъ, приколомъ бумажку, на коей препровождалъ все къ своей избавительницѣ, называя ее по имени. Связка платья была найдена, отослана въ Берлинъ, гдѣ отыскивали бѣдную мягкосердную старуху, допросили, и по признанію участія ея въ побѣгъ солдата, по силѣ Прусскихъ законовъ, осудили быть повѣшенной. Всякая рѣдкость есть возбужденіе любопытства человѣческаго, и, не смотря на проливной дождь, нѣсколько тысячъ человѣкъ вышло изъ города на мѣсто казни, смотрѣть, какъ повѣшена будетъ старуха. Но по прочтеніи приговора, она

прощена именемъ королевскимъ, и въ наказаніе изгнана изъ города. Всякій позавидуетъ судьбѣ бѣдной старухи, и вообразить, что ничего на свѣтѣ счастливѣе для ея быть не могло; напротивъ, этотъ день былъ самый непріятный въ ея долгой жизни, и никогда доброе дѣло столь дурно заплачено не было. Она, бѣдная, приготовилась совсѣмъ къ смерти, измокла вся отъ дождя, слышала, идя на мѣсто казни, однѣ лишь насмѣшки и брани, за то, что была стара и носила лице, изъ срока вышедшее, которое заглушало гласъ сожалѣнія; потомъ прощена, и слышала опять брань за то, что, не бывъ повѣшена, лишила народъ зрѣлища; и сверхъ всего, не могла возвратиться прожить еще нѣсколько дней своей жизни, въ томъ городѣ, гдѣ жила близъ вѣка. Если бы примѣры дѣйствовали сильнѣе надъ людьми, то бы можно ожидать отъ сего трогательныхъ слѣдствій; но все осталось по прежнему: можетъ ли старая баба что-нибудь произвести, когда забыты разрушеніе Лиссабона, Семилѣтняя война, и пр. и пр.

ПРЕСТУПНИКЪ СОЛДАТЪ.

Вкоренившееся ложное понятіе о милосердіи Божественномъ подвигло милосердіе въ Пруссіи на злодѣяніе, въ надеждѣ отпущенія грѣховъ чрезъ казнь за ихъ преступленія. Убѣжденный сею мыслію, одинъ молодой артиллерійскій солдатъ, неизвѣстно по какой причинѣ, проходя близъ церкви, у коей на лужкѣ играли дѣти, схватилъ одного изъ нихъ, перерѣзалъ ему ножомъ горло, и отдалъ самъ себя въ руки полиціи. Судъ его скоро былъ свершенъ, и онъ осужденъ на отсѣченіе головы, выведенъ на лобное мѣсто, поставленъ на колѣни съ завязанными глазами, и въ ту самую минуту, которая пресѣкала жизнь его, прощенъ, но съ тѣмъ, чтобъ быть заключеннымъ въ Спандау, въ ожиданіи смерти. Его туда отвезли немедленно, и онъ едва чрезъ двое сутокъ могъ придти въ себя и увѣриться, что онъ еще живъ: столь сильно приближеніе смерти отдаляетъ отъ насъ всѣ чувства. Еслибъ можно жертвовать спокойствіемъ общества состраданію, и согласить отпущеніе

вины съ строгостію законовъ : тогда бы прощеніе осужденнаго на смерть и возвращеніе его въ первобытное его состояніе могло почесться милосердіемъ, достойнымъ величества царскаго, и подвигомъ души человеколюбивой. Но доведя преступника до края его могилы, оставя ему одно лишь мгновеніе ока быть еще въ числѣ живыхъ, показавъ ему весь приборъ смерти, потомъ похитить у нея на нѣсколько времени преданную ей жертву, дабы принудить преступника, чрезъ лишеніе всѣхъ удовольствій, утѣхъ и забавъ въ жизни, негодовать на даровавшаго ему паки оную, и вспоминать съ сожалѣніемъ о страшной той минутѣ, коя наносила ему послѣдній ударъ, — сіе почитаю я превышающимъ казнь смертную. Такъ рассуждалъ я, такъ рассуждаютъ вѣрно многіе. Но бывъ одинъ разъ въ Спандау, и вспомня о семъ преступникѣ, захотѣлъ его увидѣть; нашелъ его веселымъ, здоровымъ и бодрымъ, равно тѣломъ и духомъ. Съ тѣхъ поръ премѣнилъ образъ своихъ мыслей и утѣрилъ себя, что человекъ, любя жизнь болѣе всего на свѣтѣ, ко всему себя приучить, въ надеждѣ, что смерть еще далека,

НЕСЧАСТНЫЙ СОЛДАТЪ.

Сумасшедшіе, отчаянные и въ сильномъ жару люди могутъ имѣть весьма сильное воображеніе, необыкновенныя мысли и несвойственныя уму ихъ соображенія. Мысль сія давно многимъ приходила, но наблюденій мало сдѣлало. Ежедневно мы слышимъ влюбленныхъ, огорченныхъ, раздраженныхъ, или занятыхъ сильно однимъ предметомъ людей, объясняющихъ свои мысли съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и съ несвойственною острою ума — на сіе я имѣю два доказательства : 1) собраніе писемъ сумасшедшихъ, въ Бедламѣ содержанныхъ, кои директоръ сего дома давалъ мнѣ читать ; 2) письма солдата, который, бывъ Русскимъ, обманомъ попался въ Прусскую службу, и, не стерпя обидъ отъ своихъ товарищей, вышедъ изъ терпѣнія, въ запальчивости застрѣлилъ одного изъ нихъ, и казненъ смертію. Въ теченіе четырехъ дней, истекшихъ между осужденія

его и казни, онъ писалъ письма къ роднѣ своей въ Ярославскую губернію, и ввѣрилъ ихъ для доставленія священнику, при Россійской миссіи въ Берлинѣ находящемуся. Онъ его провожалъ до мѣста казни, и хотя тому прошло болѣе 6 лѣтъ, но онъ съ полными слезъ глазами рассказывалъ про твердость духа, раскаяніе и конецъ несчастнаго. Когда палачъ хотѣлъ его поставить на колѣни, то онъ, становясь, ему сказалъ: «я самъ стану; что ты меня учишь: вѣдь я не Нѣмецъ!»

Въ письмахъ его видно желаніе доказать свою невинность, возбудить сожалѣніе о его участи, грусть, что умираетъ не на своей сторонѣ. Вотъ нѣкоторыя подлинныя его изреченія:

«Помолитесь Господу Богу о душѣ грѣшника раба Тимоѣея. Попался онъ къ варварамъ — далеко отъ своей стороны; тамъ ему и голову положить.»

«За чѣмъ ты меня, мать родная, вспоила и вскормила? На то ль ты меня благословила, чтобъ я назадъ не пришелъ?»

«Плодайте по моей головушкѣ, помолитесь Господу Богу; закажите поминъ по душѣ. Согрешилъ зѣло грѣшный; да кому же было меня уговаривать? кому журить, бранить? кому отъ дурныхъ дѣлъ отводить?»

«Горе мнѣ грѣшнику! погубилъ душу свою на вѣки вѣковъ, пролилъ кровь человѣческую. Одинъ на чужой сторонѣ, некому спасти, помиловать! Идти на смерть поносную, пролить кровь Русскую! Не допустилъ Богъ умереть въ домѣ батюшкиномъ, лечь въ землѣ христіанской, у храма Пресвятыя Покрова Богоматери.»

«Для чего же мнѣ ждать добраго? Служилъ не своему Царю, не нашей матушкѣ; она бы меня помиловала, и я бы ей былъ по гробъ слуга. Забрелъ въ царство Нѣмецкое, не зналъ покоя ни дня, ни ночушки, отправлялъ службу за себя и за другихъ, говорилъ и ихъ языкомъ; одного лишь желалъ, и во снѣ и на яву, чтобъ придти назадъ на Святую Русь. Аминь, аминь. Господи, помилуй!»

Вотъ что писалъ несчастный. Онъ объяснилъ свои чувства простымъ языкомъ; но простое краснорѣчіе выразительно. Реторика — тоже, что богатое платье. На прекрасномъ тѣлѣ все природное, и чуждое искусства имѣетъ сильное право трогать сердце и душу: украшенное и подѣланное дѣйствуютъ надъ глазами и ушами.

ПАЛАЧЬ.

Хотя палачъ не что иное, какъ послѣдній исполнитель законовъ, и не болѣе быть долженъ, кажется, жестокосердымъ и отвратительнымъ, какъ и солдаты, кои разстрѣливаютъ по наряду: но увѣреніе, что палачъ охотою избралъ для себя столь мерзкую должность, являетъ въ немъ человѣка, рожденнаго на истребленіе ему подобныхъ и посвящающаго свою жизнь на отнятіе ея у другихъ. Въ Нѣмецкой землѣ ни одинъ изъ нихъ не живетъ въ городѣ: дома ихъ въ полѣ, и всѣ отъ нихъ отдаляются отъ презрѣнія къ хозяину, а еще больше отъ дурнаго запаха, происходящаго отъ мертвой скотины, кою палачъ имѣетъ право вывозить изъ города и обдирать. Для сего онъ имѣетъ помощниковъ, кои ѣздятъ съ телѣгами по улицамъ и собираютъ всякую нечистоту. У нихъ на пуговицахъ изображено колесо, показывающее родъ жизни, ими избранный. Главный доходъ палача состоитъ отъ билетовъ, кои онъ продастъ въ каникулы, для избавленія собакъ отъ смерти, коей его помощники предають всѣхъ тѣхъ, кои безъ билетовъ встрѣчаются на улицѣ. Прикосновеніе къ палачу или къ его помощнику почитается за безчестье, и одинъ офицеръ, возвращающійся съ ученія, тронувъ незапно палача экспонтомомъ, солдаты остановились, не хотѣли слушать его команды, а офицеры служить съ нимъ вмѣстѣ. Надобно было сего офицера перевести въ другой полкъ; а палачъ остался, по той причинѣ, что офицеровъ было много, а онъ одинъ. И сей предразсудокъ охраняетъ все живое и на смерть неосужденное отъ его отвратительнаго прикосновенія.

СПАНДАУ.

Маленькій городъ на Спрее, съ крѣпостію, разстояніемъ отъ Берлина въ 14 верстахъ. Тутъ заключаются важные преступники и опредѣленные на срокъ на работу. Содержаніе ихъ довольно хорошо, но житіе дурное. Они всегда заняты какою ни есть работою, иные внутри крѣпости, другіе въ городѣ, и тѣ работаютъ въ пользу г. коменданта, который, не имѣя права ихъ казнить смертію, наказываетъ палками, сколько его душъ угодно. Мѣсто сіе, довольно уважаемое, всегда дается заслуженному штабъ-офицеру, и несчастные, въ крѣпости содержащіеся, рады очень, когда новый комендантъ холостой или бездѣтный, по той причинѣ, что не имѣетъ нужды наживать имѣніе или собирать дочерямъ приданое. Тутъ я еще нашелъ президента, коего Фридрихъ Великій заключилъ въ крѣпость, узнавъ незаконный судъ, надъ однимъ мельникомъ произведенный. Я видѣлъ лишь его спину и пестрый халатъ: ибо отдаленный отъ общества судія, увидя идущихъ незнакомыхъ людей, поспѣшилъ войти къ себѣ въ комнату, и симъ доказательствомъ стыда и совѣсти родилъ во мнѣ о участи его сожалѣніе. Темница и раскаяніе могутъ возвратить на путь добродѣтели спадшаго съ него, и гласъ совѣсти, въ заточеніи долго вопіющій, оставить на долго въ душѣ и въ сердцѣ свой отголосокъ. Я хотѣлъ видѣть того солдата, который зарѣзалъ умышленно мальчика, дабы быть предану смерти, но прощенъ по случаю возшествія Короля на престолъ. Товарищи его вызвали, и я, увидя жирнаго и здороваго чловѣка, почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ злодѣю, могущему наслаждаться спокойствіемъ, проливъ кровь невинную.

СКАЗКА

о семи богатыряхъ.

Вызжали на Сафать рѣку ,
На закатъ красна солнышка ,
Семь удалыхъ Русскихъ витязей ,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ ,
Вызжали: Гордей Блудовичъ ,
Да Василий Буслаевичъ ,
Да Соловей Будимировичъ ,
Вызжалъ Чурило Пленковичъ ,
Вызжалъ Добрыня-молодецъ ,
Вызжалъ Алеша Поповичъ младъ ,
И старъ-могучъ Илья Муромецъ .

Передъ ними поле чистое ,
На томъ полѣ старый дубъ стоитъ ,
Старый дубъ стоитъ , кряковастый дубъ ;
У того ль дуба три дороги сходятся :
Ужъ какъ первая на Новгородъ ,
А вторая въ стольный Кіевъ градъ ,
А ужъ третья ко синю-морю ,
Ко синю-морю , ко далекому .
Та дорога прямоѣзжая ,
Прямоѣзжая , прямопутная ;
Залегла дорога тридцать лѣтъ ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года .
Становились витязи на распутіи ,
Разбивали бѣль-полотнянъ шатеръ ,
Отпускали коней по чисту полю .

Ходятъ кони по травѣ-муравѣ ,
Зелену траву пощипываютъ ,
Золотой уздой побрякиваютъ ,
А въ шатрѣ-то храбры витязи ,
Что изволятъ опочивъ держать.
Было такъ — на восходѣ красна солнышка ,
Какъ вставалъ Добрыня раньше всѣхъ ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку ,
Умывался студеной водой ,
Утирался тонкимъ полотномъ ,
Помолился чудну образу.
А и видить за Сафатъ рѣкой ,
За Сафатъ рѣкой стоитъ бѣль-шатеръ ;
Въ томъ шатрѣ залегъ Тугаринъ-змиѣ ,
Не пропустить онъ ни коннаго ,
Что ни коннаго , ни пѣшаго ,
Ни проѣзжаго добра молодца.
А сѣлалъ Добрыня-молодецъ ,
Своего сѣлалъ добра-коня :
На добра-коня клалъ потнички ,
А на потнички клалъ коврички ,
Да сѣдельце клалъ Черкесское ,
Копьецо бралъ Урзамацкое ,
Бралъ чингалинне булатное ,
И садился на добра-коня.
А подъ нимъ конь осержается ,
Отъ сырой земли отдѣляется ,
Выходъ мечеть по мѣриой верстѣ ,
Выскокъ мечеть по сѣнной копѣ .
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
Подъѣзжаетъ ко бѣлу-шатру ,
И кричатъ онъ зычнымъ голосомъ :
«Ай ты гой еси , Тугаринъ-змиѣ ,
Выходи-ко, честный бой держать !»
Втапору вскочилъ Тугаринъ-змиѣ ,
И выходитъ изъ бѣла-шатра ,
И садится на добра-коня.
Не два вѣтра въ полѣ слетались ,

Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,
 А слетались да сходилися,
 Два удалыхъ храбрыхъ витязя,
 А ломались копья ихъ острыя,
 Разлетались мечи ихъ булатные....
 А сходили витязи со добрыхъ коней,
 А хватались они въ рукопашный бой.
 Правая ножка Добрыни ускользнула,
 Правая ручка Добрыни уарбгнула,
 И валился Добрыня на сыру-землю.
 И скакалъ ему Тугаринъ на бѣлыя гуды,
 И поролъ онъ ему бѣлыя гуды,
 Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ на восходѣ красна солнышка,
 И вставалъ Алеша раньше всѣхъ,
 Выходилъ онъ на Сафать рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полатномъ,
 Помолился чудну образу.
 Видитъ онъ коня Добрынина,
 Стоитъ конь, да что-то невеселъ,
 Что-то невеселъ, да потупивши
 Ясны очи во сыру-землю:
 Знать, тоскуетъ по хозяинѣ,
 Что по томъ Добрыня-молодецъ.
 Всѣлъ Алеша на добра-коня,
 Осержался подъ нимъ добрый конь,
 Отдѣлялся отъ сырой земли,
 Металъ выходы по мѣрной веротѣ,
 Металъ выскоки по сынной копѣ.
 Что не бѣлъ въ поляхъ забѣлдася,
 Забѣлдася ставка богатырская;
 Что не синь въ поляхъ засинѣлася,
 Засинѣлася мечи булатные;
 Что не красъ въ поляхъ закраснѣлася,
 Закраснѣлася кровь съ печенью.

Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу-шатру,
У шатра Добрыня-молодецъ:
Добрый молодецъ спитъ крѣпкимъ сномъ,
Очи ясны закатились,
Руки сильныя опустились,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Вылѣзай ко мнѣ, Тугаринъ-змиѣ,
Станемъ мы съ тобой честный бой держать!»
Отвѣчаетъ такъ Тугаринъ-змиѣ:
«Охъ ты гой еси, Алеша младъ!
Ваши роды не уклончивы,
Ваши роды не устойчивы!
Не тебѣ со мной переиѣдаться!»
Возговѣрить тутъ Алеша младъ:
«Не хвалися на пирѣ вѣдучи,
Хвалися съ пира вѣдучи!»
Втапору вскочилъ Тугаринъ-змиѣ,
И выходитъ изъ бѣла-шатра,
И садится на добра-коня.
Не два вѣтра въ полѣ слетались,
Не дѣлѣ тучи въ небѣ сходились,
Сходились, слетались
Два удалыхъ витязя.
Ломались копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные,
И сходили они со добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша Тугарина,
И валилъ его на сырѣ-землю,
Скакалъ ему на бѣлыя груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлыя груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Вдругъ откуда ни взялся черныи вранъ,
И возговорилъ человѣчьимъ голосомъ:
«Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Ты послушай меня черна ворона,

Не пори ты Тугарину бѣлыхъ грудей,
 А дозвожь мнѣ слетать на синѣ-море,
 Принесу я тебѣ мертвой и живой воды.
 Вспрыснешь витязя мертвой водой,
 И сродится его тѣло бѣлое;
 Вспрыснешь Добрыню живой водой,
 И очнется онъ, добрый молодецъ.»
 Втапору Алеша послушается,
 И летѣлъ черныи вранъ на синѣ-море,
 И принесъ онъ живой и мертвой воды.
 Вспрыснулъ Алеша Добрыню мертвой водой,
 И сродилось его тѣло бѣлое,
 Затянуло раны кровавыя;
 Вспрыснулъ Добрыню живой водой,
 Пробуждался витязь отъ смертнаго сна.

Было такъ на восходѣ красна солнышка,
 Какъ вставать Илья Муромецъ раньше всѣхъ.
 Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу.
 Видитъ онъ, черезъ Сафатъ рѣку,
 Идетъ сила бусурманская;
 А той силы доброму молодцу конемъ не объѣхать,
 Сѣрому волку не обрыскать,
 Черному ворону не облетѣть.
 И кричить Илья зычнымъ голосомъ:
 «Онъ ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
 Удалие, братья названые?»
 Сбѣгались на зовъ его витязи,
 Садились они на добрыхъ коней,
 Бросались на силу бусурманскую.
 Не столько витязи силу рубять,
 Сколько добрые кони силу топчуть.
 И бились три дни и три ночи,
 И избилъ всю силу поганую.
 И стали они межъ собой похвалятися:

«Не намахалися наши плечи могучія,
 Не уходилися наши кони добрые,
 Не притупилися наши мечи булатные!»
 И возговорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
 Подавай намъ хоть силу-силъ,
 «Мы и съ той, братцы, силою справимся!»
 Чуть промолвилъ онъ слово неразумное,
 Откуда ни возысися два свѣтлыхъ воеводы,
 И вѣщали они громкимъ голосомъ:
 «А давайте, витязи, бой держать,
 Выходите вы семеро на насъ двоихъ!»

Разгорѣлся Алеша на ихъ слова,
 Поднялъ онъ своего коня борзаго,
 Налетѣлъ онъ на свѣтлыхъ воеводъ,
 Рубить ихъ съ плеча, рубить напополамъ —
 Разрубилъ обоихъ, — стало четверо,
 Стало четверо и живы всѣ.
 Налетаютъ на нихъ Добрыня-молодецъ
 Рубить напополамъ со всего плеча, —
 Стало осьмеро — и живы всѣ.
 Налетаютъ на нихъ Илья Муромецъ, —
 Рубить напополамъ со всего плеча,
 Стало вдвое ихъ — и живы всѣ.
 Налетаютъ на силу всѣ семеро,
 Рубятъ силу съ плеча, рубятъ напополамъ,
 А сила растетъ да растетъ,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Не столько витязи силу рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
 А сила все растетъ да растетъ,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Бились витязи три дни и три ночи,
 Намахалися ихъ плечи могучія,
 Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупилися мечи ихъ булатные.
 А сила все растетъ да растетъ,

И на витязей съ боемъ идетъ,
 Испугались могучіе витязи, побѣжали,
 Побѣжали въ каменины горы, въ темныя пещеры.
 Подбѣжить витязъ къ горѣ и окаменѣетъ,
 Подбѣжить другой и окаменѣетъ,
 Подбѣжить третій и окаменѣетъ ...
 Съ тѣхъ-то вѣръ и перевелись богатыри.

Примѣч. Обращеніе богатырей въ камни намекаетъ на *каменныхъ бабъ*, которыхъ и теперь множество въ древнихъ Гетрахъ (Геродота) или *Святыхъ горахъ* за Дибровъ. О каменныхъ бабахъ есть преданіе, что это люди, обращенные солнцемъ (богомъ свѣта) въ камни, за дерзость и высокомеріе. Здѣсь можно подразумевать и легенду наказаннаго невѣрія языческихъ богатырей въ духовныя силы.

Имена семи упомянутыхъ богатырей сдѣлались общими сказочными, и потому неудивительно, что и это сказаніе имъ же приписано.

Разсужденіе объ этой народной Русской сказкѣ, имѣющей впрочемъ другое окончаніе, напечатано въ курсѣ Русской Словесности Профессора Шевырева.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 16.

Августъ.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

РУССКІЕ НА ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ.

КАЛИФОРНІЯ.

(Окончаніе)

Обширный дворъ внутри дома банкира установленъ былъ верховыми лошадьми. Надобно замѣтить, что въ Мас-сатланѣ нѣтъ экипажей, и туземцы обоего пола вообще вѣ-дять верхомъ. Во второмъ ярко освѣщенномъ этажѣ дома гремѣла музыка. Мы вошли въ залу, наполненную гостями, еще до окончанія кавалерскаго танца, привлекшаго наше любопытство. Хотя намъ не удалось застать его начала, но я узналъ отъ другихъ, въ чемъ онъ состоитъ.

По предварительному условію, собирается известное число кавалеровъ и дамъ; первые со шпагами, а вторыя съ вѣнками изъ искусственныхъ, или натуральныхъ цвѣтовъ.

Пары раздвѣляются на двѣ равныя части и устанавливаются въ шеренгу такъ, чтобы кавалеры, со шпагами въ рукахъ, находились впереди одинъ противъ другаго, а дамы сзади ихъ, съ поднятыми къ верху вѣтками. Подъ тактъ музыки кавалеры начинаютъ приближаться другъ къ другу и фехтуютъ шпагами. Каждый старается достать концемъ своей шпаги вѣнокъ у дамы своего vis-à-vis. Дама должна бросить на шпагу вѣнокъ, и кавалеръ, которому противникъ не успѣлъ отпарировать, выходитъ изъ шеренги, беретъ даму, имѣетъ полное право поцѣловать ее и повертѣться съ нею въ быстромъ вальсѣ. Кавалеръ, который не успѣлъ схватить вѣнокъ, также беретъ даму, но не имѣетъ права поцѣловать ее, а только вальсируетъ съ нею. Танецъ этотъ, по живости и быстротѣ его движеній, очень намъ понравился; онъ хорошъ еще и тѣмъ, что приучаетъ къ военнымъ упражненіямъ молодыхъ людей, которые въ случаѣ надобности могутъ служить дополненіемъ къ гарнизону. После кавалерскаго слѣдовали *бурро*, *хотто*, *качуча*, и прочіе извѣстные и неизвѣстные у насъ танцы. Обращеніе съ нами хозяина, хозяйки и гостей было самое радушное; казалось, они съ особеннымъ удовольствіемъ видѣли въ кругу своемъ Русскихъ, посѣтившихъ еще въ первый разъ столь отдаленную страну.

Я зашелъ въ одну изъ боковыхъ комнатъ. Тамъ за открытымъ столомъ сидѣли пять Мексиканцевъ и играли въ карты. Весь столъ былъ покрытъ высокими кучками дублоновъ; судя по спокойнымъ лицамъ играющихъ, можно было подумать, что изъ нихъ никто не страшился проигрыша, хотя бы и довольно огромнаго. — Стало разсвѣтать. Гости начали разъѣзжаться одинъ за другимъ, кромѣ нѣкоторыхъ запоздалыхъ игроковъ.

Мы хотѣли также распрощаться съ банкиромъ и вѣзти на свое судно, но онъ остановилъ насъ, сказавъ:

— Господа, лучше переночуйте у меня, а завтра получите свои деньги.

Мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе услужливаго банкира, и намъ отвели комнату для ночлега. Сонъ что-то бѣжалъ отъ глазъ моихъ, воображеніе было еще полно воспоминаній минувшаго вечера. На востокъ заиграла заря; я видѣлъ, какъ солнце всходило изъ-за высокихъ горъ, подернутыхъ легкимъ утреннимъ туманомъ, какъ будто прозрачною дымкою. Оно было уже довольно высоко, но жители Массатлана все еще покоились сномъ; улицы были пусты; лишь время отъ времени проходилъ по нимъ патруль, состоявшій изъ семи человѣкъ. У каждаго въ рукѣ было ружье. Одежда ихъ состояла изъ бѣлыхъ парусиновыхъ брюкъ и изъ такой же куртки съ краснымъ воротникомъ, изъ черной портупей съ сумкой и низенькаго клинообразнаго кожанаго кивера съ мѣднымъ одноглавымъ орломъ. Судя по неровному шагу Мексиканскихъ солдатъ, нельзя предположить, чтобъ они могли сравниться съ Европейскими солдатами, не говоря уже о Русскихъ.

Въ концѣ улицы я замѣтилъ трехъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, въ черной мантии, шелъ впереди съ книгою въ рукахъ, двое другихъ, въ бѣлыхъ курткахъ и шляпахъ съ большими полями, слѣдовали за нимъ съ длинными пиками.

— Что это за люди? — спросилъ я у служителя, находившагося въ нашей комнатѣ.

— Это, — отвѣчалъ онъ, — пасторъ съ своими телохранителями; онъ вѣрно идетъ куда-нибудь съ требомъ.

На крѣпостной башнѣ пробило шесть часовъ; на улицахъ стали появляться люди. Такъ какъ домъ банкира находился въ прямой линіи набережной, то изъ комнаты, отведенной намъ наканунѣ для ночлега, видна была вся пристань. Лишь только отворились погребки, матросы были первыми ихъ посѣтителями; вѣроятно, они съ большимъ нетерпѣніемъ дожидались этого блаженнаго часа, потому что еще задолго до наступленія его, пытались стучаться въ двери и окна погребковъ.

Послѣ матросовъ, открывшихъ раннее засѣданіе свое въ погребкѣ, на улицѣ явились водовозы. Любопытнѣе способъ, употребляемый ими для возки воды. Бочка вмѣщаетъ въ себя по крайней мѣрѣ ведръ до 15. Къ обоимъ двамъ ея центрально прикрѣплены оси и продѣты въ длинныя оглобли, въ которыя запрягается одинъ человекъ и съ легкостію катить бочку по гладкимъ улицамъ.

Улицы постепенно наполнялись разнощиками, разнощиками и торговцами гостинаго двора. Капитанъ нашъ еще спалъ, я же и штурманъ вышли изъ дому и пошли прогуляться по городу. Пройдя нѣсколько каменныхъ строений, мы встрѣтили театръ — очень красивое зданіе, украшенное съ передняго фасада колоннами коринтскаго ордена; не подалеку отъ него находилась довольно обширная больница; далѣе слѣдовалъ конный дворъ съ казармами; влѣво былъ рынокъ, заваленный разными плодами и огородною зеленью. Тутъ мы вышли на другую сторону города, которую также омывалъ заливъ, слѣдовательно городъ расположенъ на большомъ мысу. Передъ нами тянулся длинный рядъ лачужекъ, сколоченныхъ кой-какъ изъ тонкихъ досокъ и покрытыхъ банановыми листьями; вокругъ была всякая нечистота и лежали груды сору. Это жилища канатъ, полунагихъ, загорѣлыхъ отъ жару. Занятія ихъ состоятъ въ подневныхъ работахъ; они переносятъ и перевозятъ тяжести, копаютъ землю, употребляются для посылокъ, однимъ словомъ, исправляютъ все такъ называемыя черныя работы. Жены нѣкоторыхъ изъ нихъ занимаются продажей плодовъ, за которыми сами ходятъ въ лѣсъ, или собираютъ по найму сахарный тростникъ, или дома плетутъ изъ травъ и кореньевъ мѣшки, корзинки, тонкія рогожки и т. п. Пройдя эти лачужки, мы взошли на гористый мысъ; съ вершины его видны были весь городъ и заливъ, съ колымавшимися на поверхности его судами. Семь колоколенъ возвышались въ разныхъ сторонахъ города; до тысячи домовъ, по большой части каменныхъ, тѣсно были расположены на

обширномъ мысу; ко многимъ изъ нихъ примыкали сады съ пальмами, кокосами, банановыми и лавровыми деревьями. На востокъ простиралась роскошная долина, упиравшаяся далеко въ гору и покрытая мелкими лимонными, померанцовыми и апельсинными деревцами; по ней широкой полосой пролегла дорога въ Мексику. Долго любовались мы разнообразными видами Массатлана. Но намъ было уже время воротиться въ домъ банкира. Пришедъ туда, мы застали капитана за кофеемъ въ кругу банкирова семейства, которое пригласило и насъ раздѣлить съ нимъ завтракъ; послѣ чего принесли пять мѣшковъ піастровъ.

— Вотъ извольте сосчитать, — сказалъ банкиръ.

— Вѣроятно, они сосчитаны, — отвѣчалъ капитанъ.

— Да, здѣсь 5000 піастровъ.

— Следовательно, ихъ нечего считать; прикажите придти нашимъ матросамъ, взять эти мѣшки и снести въ катеръ, — сказалъ капитанъ, обратясь къ штурману, который чрезъ нѣсколько времени привелъ пятерыхъ матросовъ.

Такимъ образомъ мы дружески разстались съ банкиромъ и его семействомъ. Штурманъ отправился въ катеръ, а капитанъ пошелъ со мною въ гостиный дворъ взять выбранную наканунѣ шаль, и закупить для *осельженія* команды нѣсколько провизіи. Къ полудню мы уже готовы были отваливать, простились съ Массатланомъ, и катеръ нашъ отплылъ отъ пристани.

Грустно намъ было разставаться съ этимъ роскошнымъ берегомъ, и мы молча продолжали путь; наконецъ достигли корабля, который съ развивающимися отъ легкаго вѣтерка вымпеломъ медленно переваливался на волнахъ океана; вокругъ корабля стояло множество небольшихъ лодочекъ, прѣхавшихъ съ фруктами и разными мелкими галантерейными вещами. Не смотря на далекое разстояніе корабля отъ берега, торговцы не страшились встрѣтить на

пути своемъ опасность, которая могла бы произойти отъ внезапнаго вѣтра. Они плыли на вѣрный сбытъ своихъ произведеній, и дѣйствительно, по прїѣздѣ нашемъ къ кораблю, лодки были уже пусты и готовились въ обратный путь.

По выходѣ капитана изъ катера на корабль, старшій штурманъ отрапортовалъ ему о благосостояніи судна и команды, потомъ доложилъ, что въ то время, какъ отвалили мы отъ корабля, съ Англійскаго Фрегата прїѣзжала шлюпка съ лейтенантомъ, узнать о причинѣ нашего прихода въ Массатланъ.

— Что же вы отвѣчали лейтенанту? — спросилъ капитанъ.

— Я сказалъ ему, — отвѣчалъ штурманъ, — что причина прихода мнѣ неизвѣстна, и что капитанъ уѣхалъ на берегъ.

Выслушавъ рапортъ штурмана, капитанъ приказалъ готовиться къ выходу.

Раздался свистокъ боцмана и вызвалъ матросовъ, бывшихъ внутри корабля, на палубу, чтобъ подымать катеръ въ ростры и выкатывать цѣпь. Когда корабль сталъ на палубѣ, матросы разсыпались по реямъ для отдачи парусовъ. Всѣ эти работы производились чрезвычайно быстро; съ стоявшихъ на рейдѣ фрегатовъ были наведены на нашъ корабль зрительныя трубы. Вѣроятно, иностранцы съ любопытствомъ наблюдали за стройными и проворными движеніями Русскихъ матросовъ. Отдавъ паруса, мы сдѣлали поворотъ въ море; тутъ съ нашего корабля раздался салютъ крѣпости. Последний, седьмой, выстрѣлъ былъ самый громкій, потому что въ пушку положили двойной зарядъ съ тугимъ пыжомъ, натертымъ солью. Съ крѣпости также отвѣтили равнымъ числомъ выстрѣловъ. Съ послѣднимъ изъ нихъ весь рейдъ покрылся дымомъ отъ выстрѣловъ съ иностранныхъ фрегатовъ. Иностранцы также пожелали проститься съ нами семи-выстрѣльнымъ салютомъ, на который, въ благодарность за ихъ дружеское расположеніе, мы отвѣтили

девятью выстрѣлами, и направили путь къ NNW въ Калифорскій заливъ или Багряное море. Молча смотрѣли мы на постепенно исчезающія зданія Массатлана и мысленно переносились къ очаровательному берегу и его гостепріимнымъ жителямъ, которые такъ ласково приняли насъ, пришельцевъ съ далекаго Сѣвера.

На бакъ составилъ кружокъ изъ матросовъ, бывшихъ и небывшихъ на берегу. Между ними находился и боцманъ-манъ. Первые рассказывали свои приключенія, послѣдніе имъ завидовали.

— Ну, — сказалъ одинъ изъ бывшихъ на берегу, — напали же мы на мѣстечко; вотъ какъ попили, что право, кажется, и отродясь изъ насъ никто такъ не пивалъ.

— Чтò жъ, на рубахи чтò ли пили вы? — спросилъ матросъ изъ небывшихъ на берегу, — вѣдь денегъ-то у васъ былъ грошъ.

— Эхъ, голова! да у насъ денегъ-то было столько, что скупому въ полгода не прожить.

— Гдѣ жъ вы раздобылись?

— Еще бы не раздобыться! Намъ такъ давали деньги, только лишь бери. Когда мы пріѣхали на пристань, народу столько собралось смотрѣть на насъ, какъ будто на какое чудо. Во второй нашъ пріѣздъ капитанъ былъ у коменданта. Мы остались одни. Тутъ какой-то баринъ съ двумя барынями подошелъ къ намъ, и они что-то долго межъ собой толковали; потомъ баринъ далъ одному изъ береговыхъ денегъ, и тотъ принесть двѣ бутылки рому съ большимъ стаканомъ. Баринъ взялъ стакань, налилъ его полнехонекъ и далъ выпить первому мнѣ. — Что за кладъ, подумалъ я, да и смекнулъ, вѣрно онъ хочетъ показать барынямъ, какъ Русскіе пьютъ. Я снялъ фуражку, сдѣлалъ ему почтеніе и выпилъ залпомъ, даже не поморщившись. Барыни такъ и ахнули. Потомъ онъ угостилъ другаго, третьяго, купилъ еще бутылокъ пять и подалъ всѣмъ. Барыни,

глядя на насъ, только пожимали плечами. Тутъ еще какой-то принесъ намъ джинну, и мы такъ подпили ловко....

— Что даже не могли и ѣхать, — подхватилъ боцманъ,

— Какъ не могли! — сказали челоѡвка три почти въ одинъ голосъ. — Мы были ужъ на половинѣ дороги, да капитанъ приказалъ повернуть назадъ. Вижъ, будто насъ утащить въ море, если будемъ такъ грести.

— Оно и значить, что были очень пьяны, — замѣтилъ боцманъ.

— На брасы! — раздалась команда вахтеннаго штурмана.

— Есты! — былъ отвѣтъ боцмана, и матросы разсѣялись по палубѣ. Вѣтеръ отошелъ къ SSO и сдѣлался полнымъ фордевиндомъ. Струя зашипѣла подъ кораблемъ и мы, при самой малой качкѣ, плыли по семи узловъ.

Разстояніе, которое надлежало намъ переплыть отъ Массатлана до Лоретто, простиралось на 280 миль. Къ вечеру на другой день нашего выхода показался вторично мысъ Лукасъ съ лѣвой стороны. Мы шли въ параллель берегу восточной стороны Калифорніи, не теряя его изъ виду. Онъ казался то высокимъ, то низменнымъ, то исчезалъ изъ глазъ, вѣроятно, отъ большихъ заливовъ, далеко простиравшихся внутрь Калифорнскаго полуострова. Погода стояла самая благопріятная. Съ береговъ доносился до нашего корабля запахъ душистыхъ деревъ и полевыхъ цвѣтовъ.

На третій день мы увидѣли входъ въ заливъ Эскандито. Высокіе утесы раздѣлялись въ разныхъ направленіяхъ проливами, и издали трудно было распознать, гдѣ находится настоящій проходъ въ Эскандитскую бухту. Вѣтръ былъ тихъ, и мы почти однимъ теченіемъ приближались къ мѣсту своего назначенія; наконецъ вступили въ неширокій проливъ, окруженный высокими берегами. Здѣсь мы встрѣтили совершенный штиль. Къ 8-ми часамъ теченіе перемѣнилось, сдѣлавшись противнымъ, и постепенно усиливалось. Бросаемые лоты не доставали грунту; бросили дотлинь; глубина оказалась 49 сажень, и такъ, по невоз-

возможности отдать якорь, намъ оставалось или идти впередъ въ бухту, или повернуть въ море. Последний выборъ, сопряженный съ удаленіемъ отъ береговъ, конечно никакому моряку не можетъ нравиться. И такъ, не разбирая чиновъ, мы стали всѣми силами буксироваться до якорнаго мѣста, спустили катеръ и шлюпки; вся команда перешла на гребныя суда. Капитанъ сталъ править рулемъ, а мы пошли на рей убирать паруса, которые, отъ безвѣтрія, хлопали о стѣнги. Луна освѣщала передъ нами дикіе утесы, и окружающая насъ тишина нарушалась только взмахами веселъ, дружно ударявшихся о сонныя воды. Къ полуночи мы достигли мыса, у котораго можно было бросить якорь. Отсюда намъ уже недалеко оставалось до Эскандитской бухты, гдѣ предстояла намъ продолжительная стоянка. Капитанъ, чтобъ дожидаться попутнаго теченія и между тѣмъ временемъ дать отдохнуть командѣ, благоразсудилъ стать на якорь, въ глубинѣ осьмнадцати саженой. Мы простояли тутъ пять часовъ; наконецъ дождались попутнаго теченія, и съ разсвѣтомъ, выкативъ якорь, потянулись въ бухту, подобную Камчатской. Она отсюда защищена отъ вѣтровъ, берегъ ея съ обѣихъ сторонъ сливается съ долиною, покрытой мелкимъ кустарникомъ и не представляющей никакого замѣтнаго строенія, кромѣ одного разваливашагося отъ времени каменнаго дома. Въ прежніе годы, когда свирѣпствовала въ Лореттѣ повальная болѣзнь, Испанцы, боясь заразиться, привозили въ этотъ домъ больныхъ и оставляли въ немъ на произволъ судьбы. Нѣкоторые изъ страдальцевъ исцѣлялись отъ болѣзни и возвращались въ свои семейства, большая же часть умирали и предавались землѣ съ потребными обрядами религіи. Ошвартовавъ судно, командиръ и я подъѣхали въ шлюпкѣ къ самымъ развалинамъ и вышли на берегъ; возлѣ него лежала огромная куча жемчужныхъ раковинъ, собранныхъ для пережиганія изъ нихъ извести. Далѣе разстилалась равнина, поросшая кустарникомъ. Множество столѣтника, толщиною обхвата въ два, возвышалось на ней. На большомъ числѣ деревьевъ видны были ягоды алаго цвѣта; мнѣ уда-

лось сорвать нѣсколько изъ нихъ, и они показались мнѣ очень пріятнаго вкуса.

Извилистыя тропинки далеко тянулись кустарниками, между которыми пробирались мы, въ надеждѣ увидѣть какое-либо селеніе; но отойдя болѣе полумили отъ берега, ничего подобнаго не встрѣтили. Твердый грунтъ земли мѣстами былъ покрытъ пробѣлинами: это выступала отъ солнечнаго зноя на поверхность земли соль. Вдругъ послышавшійся конскій топотъ извѣстилъ насъ, что кто-то ѣдетъ.

Чрезъ непродолжительное время показался изъ-за кустовъ всадникъ, въ синей курткѣ съ красными обшлагами, въ парусинныхъ бѣлыхъ брюкахъ и въ соломенной шляпѣ. Это былъ комендантъ изъ Лоретто. Поздоровавшись съ нами, онъ почтительно спросилъ о причинѣ нашего прибытія.

— Намъ нужно соли, — отвѣчалъ капитанъ.

— Сколько тоннъ въ вашемъ кораблѣ? — продолжалъ комендантъ. — Я долженъ донести объ этомъ своему правительству въ Ваймосъ; тамъ назначать цѣну за тоннъ, и тогда вы можете брать соль съ Кармена..

Капитанъ сказалъ меньшее число тоннъ, чѣмъ дѣйствительно подымалъ нашъ корабль, ибо никому не было нужды мѣрять наше судно; притомъ же, судя по самому коменданту, какъ лицу, долженствующему занимать первое мѣсто въ Лоретто, вѣроятно, не нашлось бы въ цѣломъ городѣ такого чело-
вѣка, который умѣлъ бы вычислить кубически пространство нашего корабля.

Мы всѣ трое продолжали путь. По дорогѣ встрѣтилось намъ очень красивое растеніе, подобное выющемуся перлиню. Я хотѣлъ отломить частичку растенія, чтобъ посмотреть его сердцевину, но едва дотронулся до него, какъ почувствовалъ въ рукѣ колотье и пальцы начали у меня пухнуть. По счастью, что комендантъ былъ съ нами. Какъ жителю здѣшнихъ мѣстъ, ему знакомо было свойство этого растенія, и онъ научилъ меня, чтобъ я потеръ ладонь и пальцы объ волоса моей головы. Я воспользовался этимъ простымъ средствомъ, и дѣйствительно, опухоль и колотье у меня исчезли.

Вотъ показалась загородка довольно большого огорода или сада. Тамъ росли разные огородные овощи и садовые плоды; посреди ихъ увидѣлъ я перецъ, виноградъ и множество деревьевъ хлопчатой бумаги. Далѣе была площадка; посреди ея стояла хижина, съ небольшою пристройкой. Вотъ вамъ и все селеніе Эскандито. Тутъ живетъ одинъ Испанецъ (донъ-Хуанъ). Внутренность дома его показываетъ пустоту; кромѣ одного стола, установленнаго вокругъ скамейками, а въ другой комнатѣ кровати съ нѣсколькими сундуками, въ домъ почтеннаго дона напрасно бы вы стали искать другой мебели. Все семейство его состоитъ изъ жены и четверыхъ дѣтей. По правую сторону дома устроенъ былъ колодезь, изъ котораго два мула посмѣнно вытаскивали воду въ чанъ для пойки скота. Богатство донъ-Хуана заключается въ табунахъ лошадей, въ рогатомъ скотѣ, въ овцахъ, съ которыхъ онъ собираетъ онъ шерсть, и въ нѣсколькихъ слугахъ.

Тутъ мы разстались съ комендантомъ, который спешилъ въ Лоретто, чтобъ написать донесеніе въ Ваймосъ о приходѣ Русскаго корабля за солью. Мнѣ кажется, трудно найти жизнь спокойнѣе и уединеннѣе донъ-Хуановой. Осмотрѣвъ помѣстье донъ-Хуана, мы отправились на корабль. На другой день командиръ и я, взявъ лошадей у донъ-Хуана, отправились съ проводникомъ въ Лоретто. — Эскандито отстоитъ отъ Лоретто на 20 миль. Привычные кони быстро понесли насъ по высокимъ каменистымъ горамъ. Небольшія озера простирались вдали; ихъ спокойная, зеркальная поверхность манила наши взоры. Дорога была гориста только до половины, потомъ раскрылись передъ нами прелестныя долины, покрытыя роскошною растительностью. По лѣсамъ встрѣчалось намъ множество поцугаевъ; они какъ будто шутили съ нами; близко подпускали къ себѣ и потомъ отлетали далѣе. — Вдали показался монастырь, обнесенный зубчатою стѣной со многими башнями; мѣстами онъ былъ разрушенъ, но судя по его величественной наружности, вѣроятію, отличался великолѣпіемъ. Онъ стоялъ одинъ посреди площади; далеко отъ него виднѣлись небольшіе ка-

менные домики, раскиданные вдоль залива. Посреди города протекалъ извилистый ручей, по берегамъ котораго росли кокосовыя и банановыя деревья. Близъ ручья стоялъ домъ нѣсколько получше другихъ. Мы въехали на его широкій дворъ. Домъ принадлежалъ одной вдовѣ, женѣ бывшаго коменданта, но кажется, и понынѣ сохранившей власть свою и вліяніе на весь Лоретто, потому что, какъ замѣтилъ я, жители этого бѣднаго городка съ особеннымъ почтеніемъ являлись къ ней. Она имѣетъ очень зажиточное состояніе, а по необыкновенной толщинѣ своей, вѣроятно, въ цѣломъ городѣ не находитъ никого равнаго себѣ. Мы остановились на ночлегъ въ ея домѣ. Поутру намъ подали чай, что очень рѣдко можно встрѣтить у другихъ жителей Лоретто. Завтракъ также былъ очень вкусный и изобильный; про фрукты же и говорить нечего, — они здѣсь ни почемъ. Фиги составляютъ въ Лоретто предметъ торговли; ихъ рвутъ, набиваютъ въ кожаные мѣшки и продаютъ по 3 пастра за кинталъ. Въ прежніе годы здѣсь много добывали жемчугу, но нынѣ стало его очень мало. У нѣкоторыхъ изъ жителей мнѣ случалось видѣть добытый въ Калифорнскомъ заливѣ жемчугъ превосходной доброты, чистой воды и величиною съ каленый орѣхъ; только такого очень мало. Я купилъ у двухъ канагъ золотника три жемчугу; онъ былъ величиною съ конопляное сѣмя, въ томъ числѣ находилось нѣсколько жемчужинъ въ горошину; за все заплатилъ я пять витушекъ виргинскаго табаку.

Въ Лоретто водятся въ большомъ изобіи черепахи. Намъ удалось самимъ ловить ихъ. Для этого мы спускали бревешко, черепахи сами всползли на него, мы притягивали его къ мелкому берегу и просто брали черепахъ руками. Верхняя чешуя Калифорнскихъ черепахъ очень красива, а вкусное мясо служить въ пищу.

Въ Лоретто приходятъ суда изъ Масатлана, и берутъ у жителей на мѣну или на деньги ихъ произведенія, заключающіяся въ жемчугъ (въ маломъ количествѣ), черепахахъ, ананасахъ, апельсинахъ, лимонахъ, померанцахъ и кокосахъ.

Въ трехъ домахъ торговали виномъ своего издѣлія, но оно было очень дурно, по неумѣнью готовить его.

Послѣ завтрака у бывшей комендантши, мы пошли во внутренность монастыря: Огромныя желѣзныя двери были отворены; черезъ нихъ мы прошли на одинъ дворъ, перейдя который, увидѣли каменную лѣстницу, ведущую въ храмъ, и поднялись по ней на паперть. Направо, сквозь стеклянную дверь, видѣнъ былъ алтарь, въ которомъ уже давно не совершалось службы, потому что пасторъ, имѣя постоянное пребываніе въ Ваймосѣ, очень рѣдко пріѣзжаетъ въ Лоретто. По карнизамъ лежали толстые слои пыли и мѣстами пауки плели длинныя нити паутины. По лѣвую сторону находилась большая комната, установленная огромными книгами; нѣкоторыя изъ нихъ были длиною аршина въ полтора, а толщиною по крайней мѣрѣ четверти въ двѣ. Любопытно было заглянуть въ содержаніе этихъ исполнинскихъ книгъ, но безъ пастора мы не хотѣли нарушать ихъ спокойствія, которымъ наслаждаются онѣ, вѣроятно, очень съ давняго времени, — чему служить доказательствомъ и покрывающая ихъ пыль. Монастырь внутри раздѣляется на нѣсколько дворовъ, перегороженныхъ толстыми стѣнами, заросшими зеленымъ мохомъ.

Наводненіе разрушило Лоретто, и въ немъ считается не болѣе 200 жителей обоего пола. Здѣсь все показывало отсутствіе прежняго народонаселенія. Въ иныхъ мѣстахъ мальчишки совершенно нагѣ валялись по песку, или бѣгали на четверенькахъ въ перегонку. Тутъ трудно пробыть и полдня, безъ того, чтобъ не почувствовать скуки. Мы зашли къ коменданту, у котораго домъ былъ ни чѣмъ не лучше другихъ, какъ снаружи, такъ и внутри. При входѣ нашемъ въ комнату, комендантъ сидѣлъ на сундукъ и читалъ черновое донесеніе о приходѣ нашего корабля. Онъ сказалъ намъ, что еще вчера послалъ нарочнаго съ донесеніемъ въ Ваймосѣ, и что намъ надо дожидаться отвѣта дня черезъ четыре.

Капитанъ подарилъ ему десятокъ сигаръ, за которыя онъ ужасно благодарилъ насъ, признавшись, что у нихъ уже давно нѣтъ табаку. За эту откровенность капитанъ обѣщался прислать пять фунтовъ курительнаго табаку. Начальникъ города Лоретто не находилъ словъ, какъ отблагодарить щедрого Русскаго капитана.

Прибывъ на корабль, капитанъ, не дожидаясь отвѣта изъ Ваймоса на донесеніе коменданта, отправилъ 10 человекъ команды на островъ Карменъ, находящійся въ тридцати миляхъ отъ Эскандито и изобилующій солью. Посланные снабжены были провизіей на три недѣли и отправлены въ барказъ. Имъ дали также палатки. Спустя нѣсколько времени, поѣхалъ и я съ капитаномъ на Карменъ — осмотрѣть мѣстность и узнать, нѣтъ ли на поверхности озера воды. По прибытіи нашемъ, озеро, къ удивленію, было полно воды на глубину слишкомъ 2½ аршинъ. Эта неудача крайне опечалила насъ; оставалось или идти назадъ въ Ситху съ пустымъ кораблемъ, или дожидаться, когда обсохнетъ вода и соль выступитъ на поверхность; но касательно послѣдняго обстоятельства мы ничего не могли сказать вѣрнаго, ибо вода отъ дождей могла прибыть еще болѣе прежняго. Во всякомъ случаѣ, благоразуміе заставляло насъ подождать нѣсколько времени и сдѣлать наблюденіе убыли воды. Прошла недѣля; воды убыло лишь на одинъ футъ. Судя по подобной убыли, намъ предстояло очень долго дожидаться выступленія соли на поверхность озера, напрасно терять время и тратить провизію, которой достать было не откуда, а потому капитанъ объявилъ, что намѣренъ обратно идти въ Ситху.

Надобно замѣтить, что въ прежніе разы, компанейскія суда, приходя съ тою же цѣлію на островъ Карменъ, находили озеро сухимъ, и соль, какъ ледъ, покрывала его толщиною на поларшина, такъ что десять человекъ команды, въ теченіе 8 дней, наламывали соли на полный грузъ судна въ 350 тоннъ. Соль обходилась Компаніи по 30 коп. за пудъ и была превосходной доброты.

Мы стали приготовляться къ обратному походу, дополнили баласту и запаслись дровами. Последнія надѣлали намъ много хлопотъ. Мы воспользовались выкидниками, состоявшими по большей части изъ сердцевинъ столѣтника. То были довольно толстыя бревны, источенныя большими дырами. Они сухи и горятъ превосходно. Набравъ такихъ дровъ барказовъ до шести, мы уложили ихъ въ трюмъ. Дня черезъ два на суднѣ появились скорпіоны, которые размножались все болѣе и болѣе. Не зная причины появленія этихъ гадовъ, мы однажды достали для кампуза изъ трюма сложенные тамъ недавно набранныя дрова. Фельдшеръ, бывшій на нашемъ кораблѣ, сѣлъ на кучку вынесенныхъ дровъ, и вдругъ, вскрикнувъ ужаснымъ образомъ, прыгнулъ такъ высоко, что чуть не перевалился за фальшбортъ. Причина вскорь открылась. Когда онъ сѣлъ на дрова, скорпіонъ вползъ къ нему на шею и впустилъ въ нее ядовитое свое жало. Эта нестерпимая боль сопровождалась скорой опухолью, и еслибъ вскорь не закатить рану, то страдальца ожидала неминуемая смерть. Самымъ спасительнымъ средствомъ противъ укушенія скорпіона служить нюхательный табакъ съ солью: надлежитъ присыпать этой смѣсью рану, и опухоль немедленно прекратится. Этотъ примѣръ до того напугалъ насъ и сдѣлалъ осторожными, что мы принуждены были выкуривать судно.

Совершенно приготовившись къ отплытію, мы вытянулись изъ бухты Эскандито, вышли на просторъ Калифорнскаго залива, обогнули мысъ Лукасъ, въ послѣдній разъ взглянули въ ту сторону, гдѣ стоялъ роскошный Массатланъ, и стали постепенно приближаться къ сѣверу.

На тридцатъ шестой день корабль нашъ уже стоялъ въ Ново-Архангельской гавани острова Ситхи.

Въ продолженіе моей службы въ Россійско-Американской Компаніи мнѣ приходилось дѣлать много походовъ на восточные берега Азіи, западные берега Америки и на острова Восточнаго океана. Имѣвъ возможность хорошо озна-

комиться съ тамошнею мѣстностью и потребностями жителей, я увѣренъ, что Русскіе промышленники могли бы получать вѣрныя и несомнѣныя выгоды, еслибъ завели торговыя сношенія на моряхъ, прилегающихъ къ Китаю и омывающихъ западные берега Америки. Россійско-Американская Компанія, съ ея огромными средствами, легко могла бы извлекать для себя эти выгоды; но такъ какъ кругъ ея дѣйствій ограничивается извѣстнымъ пространствомъ, главный же предметъ ея занятій состоитъ преимущественно въ ловлѣ зверей, доставляющихъ мягкую рухлядь, следовательно Компанія и не можетъ служить Русскимъ промышленникамъ какъ бы доказательствомъ невыгодности распространенія торговли въ отдаленныхъ предѣлахъ Восточнаго океана, потому только, что сама не вступаетъ въ эти предпріятія. Между тѣмъ, для Русскихъ товаровъ въ тѣхъ краяхъ представился бы отличный сбытъ, состоящій въ мѣнѣ на туземныя произведенія, которыя, по внутренней своей цѣнности и по обилію въ количествахъ, могли бы приносить значительныя барыши при распродажѣ въ другихъ мѣстахъ, кои, въ свою очередь, снабжали бы промышленники новыми произведеніями, равно выгодными къ сбыту.

До сихъ поръ еще ни одно Русское торговое судно не совершало кругосвѣтной экспедиціи; но, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, стоитъ сдѣлать только первую попытку, которая увѣнчалась бы успѣхомъ, и тогда открылся бы обширный путь Русскимъ промышленникамъ для сбыта отечественныхъ произведеній на отдаленныхъ моряхъ. Ознакомившись съ обычаями и потребностями туземцевъ, узнавъ хорошо мѣстность и прочія подробности, необходимыя при торговыхъ сношеніяхъ, Русскіе промышленники, по врожденной имъ смѣливости, этой неотъемлемой принадлежности Русскаго ума, могли бы извлекать для себя большія пользы, и увеличить свои капиталы въ короткое время, — конечно, если не воспрепятствуютъ тому неблагоприятныя обстоятельства, какъ-то: кораблекрушеніе, значительныя аварии, и проч.

Я упомяну здѣсь о выгодѣ, которую получилъ въ Калифорніи, отъ взятыхъ съ собою для опыта съ острова Ситхи:

10 ярд. сукна.....	по	9 руб.....	90 руб.
20 — тикю.....	—	1 —	20 —
50 — парусины..	—	1 — 20 к.....	36 —
40 — миткалю...	—	1 — —.....	40 —
2 п. желт. сах. песку.	12		24 —
<hr/>			
Всего.... 210 руб.			

По прибытіи въ Калифорнію, я, не дѣлая мѣны, придалъ на наличные піастры:

10 ярд. сукна.....	за 1 ярд. по 25 руб....	250 руб.
20 — тикю	— — — 2 —....	40 —
50 — парусины..	— — — 2 50 к.	75 —
40 — миткалю....	— — — 2 50....	100 —
2 пуд. сах. жел. пес.	— — — 40 —....	80 —
<hr/>		
Всего.... 545 руб.		

И такъ 210 руб. составили 545 руб. наличными деньгами, на которыя я купилъ въ портѣ Лоретто жемчугу, черепахи и фруктовъ, какъ удобныхъ для меня товаровъ, привезъ въ Русскія владѣнія, гдѣ получилъ рубль на рубль наличными деньгами, слѣдовательно на 210 руб., въ теченіе 6 мѣсяцевъ и при компанейскихъ занятіяхъ, имѣлъ я 1090 р.

Видя такія выгоды, я счелъ обязанностію представить Русскимъ промышленникамъ вышеозначенный въ маломъ количествѣ выводъ. Конечно, здѣсь не включены фрекетовыя, содержаніе экипажа и разныя экстренныя судовыя расходы. Мною представлена слишкомъ мало важная сумма, которая служила мнѣ только опытомъ. Но если Русскимъ промышленникамъ угодно будетъ обратить вниманіе на краткій проэктъ торговли по Восточному океану, то для сего представляю, что будетъ стоить годичная кругосвѣтная экспедиція, и какіе товары наиболѣе для того потребны и выгодны.

Серебромъ рубл.

Судно въ 250 тоннъ, съ исправнымъ таке-
лажомъ, запаснымъ рангоутомъ, двумя
комплектами парусовъ и со всеми къ
нему принадлежностями..... — — 25,000

Купить судно въ Або, гдѣ будетъ оно стоить
20^о дешевле чѣмъ, въ С.-Петербургѣ.
Судно при покупкѣ должно быть сви-
дѣтельствовано опытнымъ командиромъ,
и именно тѣмъ же самымъ, который бу-
детъ совершать на немъ плаваніе. Та-
кимъ образомъ, ручаясь за цѣлость кораб-
ля и принимая на себя отвѣтственность
во время плаванія на немъ, онъ при
осмотрѣ будетъ обращать особенное вни-
маніе на его прочность и способность къ
выдержанію дальняго пути.

Командиръ опытный, знающій Русскій и
Англійскій языки 2,000

2 штурмана практикованные..... 1,500

16 человекъ матросовъ; въ числѣ ихъ нѣ-
которые должны знать мастерства, именно:
токарное, кузнечное, купорное и столярное. 2,000

На первый разъ коммиссіонеръ, который
долженъ быть оставленъ на Сандвиче-
выхъ островахъ..... 1,000

Главный суперкаргъ или управляющій всей
экспедиціей; онъ долженъ всегда нахо-
диться при суднѣ для распоряженій по
мѣстамъ, гдѣ назначится торговля..... 4,000

Лучше всего предложить ему такъ, чтобъ
онъ получилъ со всего окончательнаго
оборота торговли по 1^о съ рубля, чрезъ
что онъ будетъ имѣть болѣе предпрі-
имчивости для успѣха торговли, какъ въ
отношеніи собственной пользы, такъ и

Серебромъ рубли.

того лица, чей положенъ первоначальный капиталъ.....		
На разные экстренные расходы, поправку такелажа, плату за якорныя мѣста и фрактовья	8,000	
На продовольствіе команды въ годъ.....	1,700	
Словыхъ командиру, комиссіонеру и двумъ штурманамъ.....	800	13,000
		<hr/> 43,000

Нагрузить купленное въ 250 тоннъ судно выгодными для тѣхъ странъ товарами, а именно взять :

Парусины, полотна, тикъ, вообще льняныхъ и пеньковыхъ товаровъ, въ томъ числѣ смоленыхъ корабельныхъ тросовъ, приблизительно на	80,000	
Суконъ отъ 2 до 10 руб. за арш. (преимущественно для Китая), въ томъ числѣ готовое шитое платье и сапожные товары.	00,000	
Разныхъ Тульскихъ металлическихъ вещей, въ особенности оружія.....	80,000	
Наличными деньгами на разные случаи, золотомъ и серебромъ.....	10,000	
		<hr/> 150,000

Застраховать какъ судно, такъ и грузъ, и идти изъ С.-Петербурга на островъ св. Оомы близъ Порто-Рико. Тамъ превосходная гавань, къ тому же островъ этотъ пользуется правомъ беспошлиннаго ввоза товаровъ. Тамъ можно сдѣлать распродажу Русскимъ товарамъ. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ нельзя имѣть такого барыша, какой бы получили на эти же самыя товары въ отдаленныхъ предѣлахъ Восточнаго океана, потому что островъ св. Оомы находится не далеко отъ Европы и имѣетъ съ ней частыя сношенія посредствомъ судовъ. На островъ Оомы нужно размѣ-

нять часть товаровъ на сахарный песокъ, въ количествѣ не болѣе 3,000 пуд., и послать его на наемномъ суднѣ въ Россію, для того чтобъ показать въ скоромъ времени соучастникамъ сей экспедиціи или тому лицу, отъ кого она будетъ зависѣть, на какую сумму товаровъ приобрѣтено такое количество сахару, между тѣмъ при распродажѣ его въ Россіи компаніоны будутъ имѣть часть вырученныхъ денегъ за сахарный песокъ. Такъ какъ вышедшее изъ С.-Петербурга судно должно быть занято грузомъ, то на немъ не останется такого порожняго мѣста, куда можно бы было положить годичный запасъ сухарей; въ такомъ случаѣ надлежитъ замѣстить ими на ос. св. Оомы оставшееся мѣсто отъ вымѣненной на сахарный песокъ части груза. Сухари на островъ Оомы можно вымѣнять очень дешево; ими нужно запастись на весь походъ, ибо въ тѣхъ мѣстахъ куда будетъ лежать путь, они очень дороги. На островъ же св. Оомы не мѣшаетъ взять листового табаку для Калифорніи. Такимъ образомъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія на этомъ островѣ, направить отъ него путь чрезъ мысъ Горнъ прямо къ Сандвичевымъ островамъ, именно на Аваго, въ Ганаруру, устроить здѣсь, какъ въ средоточіи отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагается Русская торговля, депо Русскихъ товаровъ, оставить въ Ганаруру комиссіонера съ грузомъ на 50,000 товару для продажи и вымѣна сахарнаго песку, взять тутъ небольшое количество чаю для Калифорніи, и идти въ Масатланъ, какъ центральное складочное торговое мѣсто по западнымъ берегамъ Сѣверной Америки. Современемъ можно и здѣсь открыть магазинъ Русскихъ товаровъ; но въ эту экспедицію сдѣлать только гуртовую продажу съ судна на наличныя деньги или векселя, потому что въ Масатланѣ нѣтъ никакихъ товаровъ выгодныхъ для сбыта. (Тамъ есть жемчугъ и черепаха, но въ маломъ количествѣ.) Отсюда пройти судномъ въ Калифорнію, посѣтить тамъ Монтерео, Сан-Франциско, и съ судна сдѣлать распродажу тоже на наличныя деньги. Обойдя сѣверо-западные берега Америки, направить путь чрезъ океанъ въ Китай на островъ Шанганъ, и размѣнять остальной грузъ на чай.

Всѣ иностранцы получаютъ изъ Китая чай моремъ, но Русскіе доставляютъ его берегомъ чрезъ Кяхту. Эта доставка обходится каждому Русскому торговцу среднимъ числомъ, по 25 руб. ассигнац. за пудъ; следовательно, чтобъ привезти въ Русскія столицы примѣрно 10,000 пуд., нужно за одинъ провозъ заплатить 250,000 руб.; тогда какъ для привоза такого же количества чаю моремъ стоило бы только употребить на годичный судовой расходъ 30,000 асс. Итакъ отъ каждаго 10,000 пуд. чаю, привозимаго моремъ, Русскіе имѣли бы выгоды 200,000 руб.

Можетъ быть, нѣкоторые возразятъ, что чай, привозимый моремъ, несравненно хуже привозимаго сухимъ путемъ. Положимъ, что это справедливо, и чай дѣйствительно принимаетъ въ себя самую незначительную влажность: но это могутъ замѣтить только одни знатоки. Нужно взять въ соображеніе и то, что количество чаю, привозимаго къ намъ изъ Кяхты, простирается слишкомъ на 80,000,000 руб. асс.; въ этомъ числѣ находится болѣе низкихъ сортовъ, употребляемыхъ среднимъ и низшимъ классомъ народа; и такъ доставляя $\frac{2}{3}$ означеннаго количества моремъ, торговцы будутъ имѣть значительный барышъ, особенно при распродажѣ потребленія чая отъ дешевизны цѣны.

Сверхъ того, вмѣстѣ съ чаемъ, какъ главнымъ предметомъ торговли, Русскіе торговцы могутъ вывозить изъ Китая и множество другихъ, весьма потребныхъ для Россіи предметовъ, напр. москательные товары, шелкъ, бамбукъ, баккаутъ, ртуть, и тому подобные. *

По окончаніи размѣна товаровъ въ Шанъ-гань судно должно зайти на Сандвичевы острова за сахарнымъ пескомъ, который уже долженъ быть приготовленъ комиссіонеромъ ко вторичному приходу корабля на эти острова; допол-

* Просимъ при этомъ обратить вниманіе на статью: *Китайскіе товары*, въ 13 и 14 NN нашего журнала. *Ред.*

нивъ сахарнымъ пескомъ весь грузъ, оно, не заходя никуда, должно направиться со взятымъ изъ Китая чаемъ прямо въ С.-Петербургъ.

Здѣсь, для любопытства, я представлю сравнительную фактуру цѣнъ, существовавшихъ въ Калифорніи и на островахъ Восточнаго океана, въ бытность мою въ тѣхъ странахъ.

Суконные товары.

	Русскія		Тамошні
	цѣны.		цѣны.
	Р.	К.	Р. К.
Арш. черного, темно-синяго и зел. сукна....	2	—	6 —
— — — — —	4	—	10 —
— — — — —	6	—	15 —
— — — — —	8	—	20 —

Суконное готовое платье.

Куртка суконная.....	15	—	35 —
Сюртукъ.....	25	—	60 —
Фракъ.....	25	—	60 —
Брюки	10	—	25 —

Шерстяные шалевые платки.

Плат., въ 2 квадр. арш. съ набивн. бахр..	3 50	15 —
Одѣяло байков., въ 3 арш. дл. и 2½ шир.	11 —	25 —

Льняные и пеньковые товары.

Кусокъ въ 50 арш. полотна бѣлаго флам- скаго въ 1½ арш. ширины.....	30 —	100 —
Кусокъ полотна полубѣлаго въ 50 арш..	26 —	90 —
Кус. равендуку полубѣл., въ 1 арш. шир.	13 —	40 —
Кусокъ парусины въ 50 арш.....	20 —	50 —
Кусокъ брезендуку тяжеловѣснаго.....	14 —	30 —
Аршинъ тикю ординарнаго.....	— 50	1 25
Аршинъ тикю двойнаго 1½ ширины.....	— 85	1 85
Аршинъ миткалю бѣлаго ¾ ширины.....	— 60	2 50
Пудъ тросовъ отъ 1 до 4 дюйм. смоле- ныхъ, декатирован.....	9 —	30 —

Металлическіе товары.

	Русскія цѣны. Р. К.	Тамовскія цѣны. Р. К.
Чайникъ красн. мѣди, въ 8 фун. вѣс.....	7 50	20 —
Кубикъ съ крышкою	} за 1 ф. мѣди.....	} 5 —
Котелокъ		
Утюгъ		
Кострюля		
Пудъ мѣди листовой обшивочной въ 6, 7, 8, 9 фунт. листъ.....	41 —	100 —
Кинжалъ съ красивыми ножнами, Тульскій, длиною въ 6 верш.....	5 —	17 50
Пара шторъ на Испанскій манеръ.....	— 70	2 80
Мундштукъ съ удилами.....	— 80	5 —
Пудъ желѣза листового лучшаго.....	10 —	25 —
Пудъ гвоздей желѣзн. отъ 2 до 7 дюйм.	9 —	25 —
Пудъ чугунныхъ котелковъ съ ножками разной величины.....	4 —	12 50

Кожевенные товары.

Пара сапоговъ опойковыхъ	5 —	20 —
— — — — — выростковыхъ.....	2 50	12 50
Пара башмаковъ козловыхъ	1 50	5 —
Пудъ восковыхъ свѣчъ Калифорнскихъ дли- ною въ $1\frac{1}{4}$ арш.....	60 —	150 —
Пудъ смолы черной.....	2 —	7 50
Фунтъ бисеру	1 —	7 50

Такимъ образомъ, употребивъ, примѣрно, на жалованье, покупку судна и вообще на всѣ расходы по экспедиціи 43,000 руб. сереб., и закупивъ первоначально въ Россіи товаровъ на 150,000 руб. сереб., — что составитъ 193,000 руб. сереб., — то, сообразно представленному много въ маломъ видѣ собственному обороту, и даже принимая въ расчетъ различныя неудачи, можно будетъ за $1\frac{9}{10}$ получить.

212, т. е. изъ отправленнаго груза на 150,000 составитъ 575,000. Исключая изъ сего судовые расходы 18,000, покупку судна 25,000, первоначальный грузъ 150,000, получимъ чистаго барыша 182,000 руб. сереб.; сверхъ того останется судно, стоящее 25,000 руб., которое можетъ быть употреблено на вторичную такую же кругосвѣтную экспедицію.

При благополучныхъ вѣтрахъ изъ С.-Петербурга на островъ св. Томы $1\frac{1}{2}$ мѣсяца хода, съ о. Томы на Сандвичевы острова 3 мѣсяца, съ Сандвичевыхъ острововъ въ Массатланъ $\frac{1}{2}$ мѣсяца, изъ Массатлана въ Монтерео и Сан-Франциско 1 мѣсяцъ, изъ Сан-Франциско до Китая на островъ Шанъ-ганъ 2 мѣсяца, отъ Шанъ-гана до С.-Петербурга съ заходомъ на Сандвичевы острова за сахарнымъ пескомъ 3 мѣсяцевъ; на стоянки въ означенныхъ портахъ для выгрузки и погрузки судна 2 мѣсяца.

И такъ, назначенный капиталъ для кругосвѣтной экспедиции, будетъ находиться въ оборотѣ не болѣе 18 мѣсяцевъ.

А. Марковъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ.

КНЯЗЯ А. Д. Салтыкова. *

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще въ дѣтствѣ я познакомился съ извѣстнымъ нашимъ художникомъ Орловскимъ. Онъ былъ на Кавказѣ, и его кисть тогда уже переносила мое воображеніе на Востокъ. Въ то же время я узналъ о Персидскомъ посольствѣ въ Россію, и ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ оно прибыло, въ 1816 году, въ Петербургъ; мнѣ тогда было 12 лѣтъ. Въ одинъ туманный зимній день, въ три часа по полудни, нетерпѣливое ожиданіе мое разрѣшилось трепетнымъ чувствомъ удовольствія. У окна родительскаго дома на Дворцовой набережной, раздался торжественный звукъ кавалергардскихъ трубъ, и вдали появились двѣ громады, которыя медленно, съ страннымъ колебаніемъ, подвигались впередъ. Это были слоны, предшествующіе потягу посольства. Въ чудномъ убранствѣ, фантастически росписанные, и въ сапогахъ, эти движущіяся колоннады прошли какъ чудныя созданія небагомаго міра. Слѣдомъ ѣхали два Абиссинца въ бархатной нитой золотомъ одеждѣ на ярыхъ жеребцахъ. За ними угрюмые Персіяне, въ своемъ обычномъ нарядѣ, вели подъ уздами двѣнадцать коней. Потомъ слѣдовала толпа Персидскихъ всадниковъ

* Въ 11 и 12 NN Москвитинна, мы помѣстили отрывки изъ путешествія по Индіи Князя А. Д. Салтыкова. Путешествіе это, великолѣпно изданное въ Парижѣ, вышло уже въ свѣтъ; но любознательный путешественникъ общалъ намъ сообщить Русскій подлинникъ, который полнѣе Французскаго перевода. Въ скоромъ времени этой добротой Князя Алексѣя Дмитріевича воспользуются и наши читатели; а между тѣмъ, нетерпѣливое любопытство читать вѣрный живописный разсказъ соотечественника о чудной Индіи, мы торопилися увѣчь его же живописными очерками Персін.

въ великолѣпныхъ парчевыхъ и шалевыхъ одеждахъ, и наконецъ придворная золотая карета цугомъ, съ скороходами и камеръ-паяками. Въ ней сидѣлъ посолъ, Фетъ-Али-Шаха, Мирза-Абулъ-Гассанъ-Ханъ, въ бѣлой шалевой одеждѣ, съ алмазной звѣздой и зеленой лентой ордена Льва и Солнца. Его сопровождали 9 Персидскихъ всадниковъ, съ заводными странно-осѣдланными конями. Весь поѣздъ заключался козачьимъ полкомъ и кирасирскимъ аскадрономъ.

Это странное видѣніе произвело на меня сильное впечатлѣніе и породило страстное желаніе видѣть Востокъ и особенно Персію. Спустя долгое время, желаніе мое исполнилось: я былъ въ Персіи, прожилъ два года въ Индіи, навѣдывалъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Любопытство мое еще не вполне удовлетворилось, а тоска по отчизнѣ томилъ уже меня, и я возвратился въ Россію, оживъ чувствами. Но страсть къ путешествію завлекла уже чувства мои. Европу я видѣлъ; она уже мнѣ опостыдѣла; въ Италиі и Испаніи мнѣ казалось все пошло и несносно; въ Англіи, Германіи и Франціи мелочно и нестерпимо: Индія возстала въ памяти моей столь пѣвительною, что желаніе пожить еще въ этой волшебной природѣ, посреди первоначальныхъ бытій народовъ и правовъ, неискаженныхъ мнимой образованностію, было во мнѣ непреодолимо. Я поѣхалъ въ Индію; пробылъ тамъ цѣлый годъ въ безпрестанныхъ поѣздкахъ, осмотрѣлъ много мѣстъ, которыхъ не удалось видѣть въ первое мое путешествіе; но второе впечатлѣніе было не на столько уже облечено очарованіемъ, какъ первое. Скоро пожелалъ я снова родины; но любовь къ Индіи еще не изсякла, и, можетъ быть, я навѣщу ее въ третій разъ и взгляну болѣе безпристрастнымъ взглядомъ, болѣе изучу и природу и бытъ народа, столь строго и неуклонно живущаго въ исконныхъ обычаяхъ своихъ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ , 22-го АВГУСТА 1838.

Наконецъ я у подошвы Кавказскихъ горъ. Въ воздухѣ примѣтна уже сырость и прохлада; кончилась равнина , по которой я ѣхалъ отъ самаго Петербурга до Владикавказа (за исключеніемъ Валдайскихъ возвышенностей). Здѣсь я оставляю конвой (пѣхотный и конный), который провожалъ меня отъ Екатеринодара, около ста верстъ, по Кабардинской плоскости, не безопасной отъ набѣговъ Черкесъ. До Тифлиса осталось только 170 верстъ. Дорога по Кабардинской плоскости проходитъ среди полей, заросшихъ высокою травой, и часто пересѣкается ручьями чистой и холодной воды. Мѣстами въ отдаленіи видны дубовыя рощи, а далѣе синія горы. Изрѣдка встрѣчаешь стадо барановъ съ пастухомъ, въ которомъ нельзя не узнать Азіатца (Кабардинца или Осетина).

Хотя всѣ народы, обитающіе здѣсь, носятъ одинаковую одежду, но Азіатцы имѣютъ въ физіономіи и движеніяхъ что-то разительное и странное: въ нихъ нельзя ошибиться. Отъ чего такая суровая дикость въ ихъ лицахъ? Нашъ докторъ, при миссіи въ Персіи, Капгеръ, можетъ быть, справедливо замѣтилъ, что это происходитъ отъ солнца, потому-что они не носятъ козырьковъ и принуждены хмурить брови.

Не знаю, какъ въ горахъ, а на равнинахъ Кавказскихъ нѣтъ другой пищи, кромѣ арбузовъ и яицъ. Яйца въ жаркихъ климатахъ довольно вредны, а что касается до *бураковъ* изъ арбуза, въ томъ видѣ какъ ихъ дѣлаютъ здѣш-

ніе жители, то надо имѣть слишкомъ невинный вкусъ, чтобы довольствоваться стѣль патриархальною похлебкой. Цыпята въ сахаръ, какъ мнѣ ихъ подавали въ Ставрополѣ, * мнѣ также не нравятся. Но обратимъ вниманіе на Кабардинскія степи. Иногда проѣзжіи слышатъ скрипъ колесъ, возвышающій цѣпь телѣтъ, запряженныхъ волами и провожаемыхъ Осетинами. Рѣдко попадаютъ близъ дороги шалаши бѣдныхъ жителей. Я вошелъ въ одинъ изъ нихъ. Въ немъ сидѣла блондура женщина въ бѣломъ платьѣ, высокая ростомъ, еще молодая, на деревянномъ диванѣ, въ странныхъ формахъ и изваяніяхъ котораго виденъ былъ первобытный стиль, а не подражаніе Европейскому, хотя нѣкоторое сходство съ готическими формами можетъ быть и доказываю Европеекое происхожденіе Осетинъ. Неожиданный приходъ мой ни сколько не потревожилъ Осетинку, — она даже не взглянула на меня.

Мѣстоположеніе Владикавказа у подошвы ледяныхъ горъ похоже на Боценскую долину въ Тиролѣ. На базарѣ я видѣлъ людей разныхъ племенъ, которыхъ еще не умѣю различать.

Не знаю, къ какому народу принадлежать эти женщины, которыя приносятъ продавать на базарѣ бѣдныя произведенія своихъ ауловъ. Покрой ихъ простой одежды изъ крашеной холстины носить на себѣ какой-то отпечатокъ первыхъ временъ Азіи; мнѣ показалось, что я вижу тѣхъ же самыхъ женщинъ, которыя здѣсь жили за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Выраженіе лицъ ихъ меня удивило. Я никогда еще не видывалъ подобной дикой простоты, какая изображалась въ ихъ чертахъ. Впрочемъ, уединенныя жилища ихъ скрыты отъ шумной жизни, въ одной изъ печальныхъ долинъ Кавказа, и онѣ рѣдко приходятъ въ городъ.

Но утомленное воображеніе не владѣетъ уже карандашемъ, и я принужденъ обратиться къ перу, сколь ни жалко это средство.

* Гдѣ я неожиданно встрѣтился и обѣдалъ съ Хазм-Гиреемъ, находящимся тамъ въ отпуску.

Наконецъ я совершенно окруженъ горами, въ узкой долинѣ, гдѣ стройные Черкесы скачутъ въ разныя стороны на легкихъ лошадяхъ, или живописно толпятся на лугахъ. Страна освѣщена утреннимъ солнцемъ; но нѣкоторыя мѣста еще затаялись въ туманъ; все зелено; черныя булы волы резко отдѣляются на бирюзовой травѣ; высокія горы покрыты лѣсомъ; за ними другія еще выше въ темной тѣни, а тамъ снѣговія вершины скрываются въ небесахъ. Женщина, которую я вижу на арбѣ, не дурна собой, коса ея завернута въ грубый холстъ, ноги и грудь обнажены: какая странность въ понятіи о приличіи! Рѣка змѣится и извивитъ въ долину, которая все болѣе и болѣе суживается. Козачій пикетъ на крутомъ холмѣ доказываетъ, что мѣсто не совсемъ безопасно; но бѣдные жители приветствуютъ меня; дѣти просятъ милостыни; женщина, которая несетъ ношу на спинѣ, также хотѣла бы дожидаться, чтобъ и ей что-нибудь дали, но шаровары ея изорваны въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболее требуютъ покрова, и потому она проходитъ, краснѣя, и закрывая руками обнаженное тѣло.

Однакоже берега обращаются въ тѣснину; становится сыре и темнѣе; дорога узка и поката. Открывается другой видъ, мрачный и дикій; громады горъ одна надъ другой громоздятся около меня; уединенный аулъ таится въ глухомъ ущельѣ. Черкесъ въ черной буркѣ на вершинѣ хребта стережетъ свое стадо. Лѣса густѣютъ на горахъ, стада овецъ разсыпаны по крутымъ утесамъ, пастухи лежатъ въ долинѣ на сухой травѣ, а лошади пасутся возлѣ нихъ. Съ какой необъятной вышины спускаются тропы въ эту печальную долину; по этимъ уединеннымъ стезямъ пришла сюда вся эта паства изъ бѣдныхъ деревень, сокрытыхъ въ горныхъ глубинахъ пустынныхъ скалъ. Мы остановились кормить лошадей въ самомъ дикомъ мѣстѣ; старинный замокъ на утесѣ недавно еще былъ обитаемъ Осетинами, но теперь покинутъ. Мы идемъ далѣе; огромный камень лежитъ посреди дороги. Вѣрно это обломокъ, некогда упавшій съ неизмѣримыхъ стѣнъ, окру-

жающих теперь меня; въ немъ почертившія отъ огня впадины доказываютъ, что тутъ жили люди. Дорога идетъ сквозь кустарникъ дикихъ ягодъ; мутная рѣка шумитъ и рвется между скалъ; страшныя крутизны все болѣе сдвигаются предо мною, и какъ будто грозятъ заточить меня въ мрачной глубинѣ этого лабиринта. Еслибъ я върилъ, что есть край свѣта, то конечно подумалъ бы, что онъ адъсь. Мнѣ стало страшно, сердце сжалось, и я съ дѣтскимъ безпокойствомъ искалъ въ темныхъ стѣнахъ дикихъ утесовъ, не прояснится ли гдѣ путь; но казалось, что злой духъ Кавказа нарочно загородилъ его громадой исполинскихъ горъ. Чтобъ видѣть свѣтъ, я посмотрѣлъ на верхъ, но голова закружилась отъ необъятной вышины, я опустилъ взоръ и понялъ съ невольнымъ ужасомъ, что йду по дну необычайной пропасти, которой стѣны поднимаются до небесъ. Еслибъ я не встрѣтилъ Русскаго солдата въ ранцѣ и въ белой фуражкѣ, то подумалъ бы, что не здѣсь лежитъ мой путь, что я заблудился въ глуши безъизвѣстныхъ пустынь Кавказа, которыхъ дикое безмолвіе никто еще не нарушалъ; но тутъ везетъ меня ямщикъ, сморкающійся рукой, въ полусолдатской одеждѣ. Ущелье начинаетъ расширяться и посреди его возвышается одинокая скала, а на ней древній замокъ, какъ орлиное гнѣздо; виситъ на крутизнѣ; здѣсь, можетъ быть, въ старину, обитало какое-нибудь хищное племя. Въ почертившихъ отъ времени башняхъ и стѣнахъ, которыя я вижу на высотѣ, можетъ быть много несчастныхъ жертвъ томилось и погибло. Мирный голосъ не отвѣчалъ на безнадежныя вопли, и одно эхо грозныхъ горъ дико повторяло ихъ жадобные крики. Вдругъ яркій лучъ солнца проникъ въ эту унылую пустыню, согрѣлъ меня и какъ будто озарилъ душу. Мертвая сѣрая тѣнь, лежащая на всѣхъ предметахъ, окружающихъ меня, превратилась въ живой свѣтъ; дикіе утесы и черныя развалины ярко заблестали и явились мнѣ волшебными замками въ очарованной долині. Чтобъ насладиться сколь возможно болѣе природой, я все иду пѣшкомъ. Давно ли еще былъ я въ толпѣ гуляющихъ по Невскому проспекту и набережной,—

а теперь въ такой дали, въ такой глуши Кавказа, яду въ Персію. Неужели это истина, а не прекрасный сонъ? Но истина почти всегда монотонна и печальна; за то, въ вознагражденіе, самыя лестныя мечты оживляютъ мои чувства. Но вотъ еще старинный замокъ; Черкесы, кажется, живутъ въ немъ; я вижу саки подъ стѣнами башень.

22-го Августа 1838 года. Карета моя виситъ надъ пропастью; но опасности, кажется, нѣтъ: дорога не худа. Я вспомнилъ о Греціи, — мой путь изъ Пароса въ Навплию: тамъ горы не столь высоки, но дорога страшнѣе и опаснѣе; узкія тропы по скользкому снѣгу, надъ глубокими пропастями, приводили въ трепетъ даже вѣрныхъ нашихъ муловъ; однакоже, въ замѣтъ трудности пути, мы пользовались видами дикой природы, ночлегами въ полуразвалившихся сараяхъ, ужинъ нашъ состоялъ изъ соленыхъ сливъ и вина, похожего на скипидаръ; ибо въ Греціи въ вино кладутъ смолу или деготь, чтобъ оно некисло, путешественниковъ же утѣшаютъ увѣреніемъ, что деготь полезенъ для желудка.

КРЕСТОВАЯ ГОРА. *

Я взобрался на Крестовую гору. Вся дикость природы исчезла. Необъятное пространство открылось далеко подомной; тамъ горы, долины, лѣса и луга сливались въ одну гармоническую картину, — я не ясно понималъ, гдѣ я. Мнѣ снилось иногда, что я блуждаю въ какихъ-то подземныхъ пещерахъ и тайныхъ переходахъ, и потомъ вдругъ выхожу на свѣтъ въ прекрасную долину; но такой пространной долины, какова теперь предо мной, я не видалъ во снѣ; мое воображеніе не могло нарисовать такой великолѣпной картины. Въ этомъ волшебномъ зрѣлищѣ была какая-то неизъяснимая важность и спокойствіе; какъ будто послѣ бури настала тишина, или послѣ дикихъ переходовъ Роберта вдругъ раздался хоръ ангеловъ. Эта необозримая картина была Грузія.

Гутъ-гора и Крестовая гора—одно и то же.

23-го Августа. Я долго спускался съ Кавказа, и когда въѣхалъ въ Грузію по направленію къ Тифлису, то видъ, окружившій меня, напомнилъ о берегахъ Рейна. Лѣсистыя горы, скалы, заросшія плющемъ, и старинныя замки, плѣнили меня съ обѣихъ сторонъ; но вмѣсто рѣки между этими горами была широкая долина, заросшая фруктовыми деревьями, виноградомъ, разнороднымъ плющемъ и кустарникомъ. Все это сплеталось въ одну темную густоту и образовало непроницаемая убѣжища отъ зноя и таинственный пріютъ для нѣги сердца и наслажденій. Посреди всего этого почти непримѣтно змѣится бѣловатый ручей, называемый *Арагва*. Домовъ не видно, потому что Грузины пользуются покато-стями земли, чтобъ выкапывать въ нихъ пещеры, и тамъ живутъ; а когда нѣтъ покато-стей, то просто роютъ яму въ землѣ и сидятъ тамъ, прикрывъ свою нору вѣтниками; дышать тамъ трудно, — да все равно, надо же, — думаютъ они, — когда-нибудь лечь навсегда въ землю: такъ лучше заблаговременно привыкать.

Посреди густой зелени, совершенно не видно подземныхъ Грузинскихъ палатъ, — и тѣмъ лучше; это придаетъ таинственный и пустынный видъ долинамъ. Мѣстами ореховыя деревья раскидываютъ широкую тѣнь; изрѣдка видны луга; но трава желта уже отъ солнца — невыгода хорошихъ климатовъ. На лугахъ пасутся коровы, буйволы и свиньи, отвратительное животное, которое портитъ поэзію картинъ; но такъ какъ оно повсемѣстно, то по неволѣ надо стараться къ нему привыкнуть. Стада стерегутъ длинноусые Грузины въ полу-Персидской одеждѣ. Подъ тѣнью ореховыхъ деревьевъ иногда встрѣчаются небольшія строенія, состоящія изъ трехъ каменныхъ стѣнъ съ соломенною или насланною изъ вѣтниковъ крышею; четвертой стѣны нѣтъ, передняя часть открыта; тутъ продаютъ вино и самый отвратительный сыръ изъ козьего или овечьего молока; иностранецъ не постигаетъ, какъ можно его ѣсть, а природные жители употребляютъ его, какъ обыкновенную пищу, съ большимъ вкусомъ. Около этихъ лавокъ (по тамошнему

души) лежать беззаботные Грузины, курят трубки или пьютъ вино; а женщины занимаются садами.

Берега Арагвы замѣтно становятся каменисты и безлюдны, по мѣрѣ, какъ приближаешься къ Тифлису, отъ котораго я теперь въ 18 верстахъ. За недостаткомъ лошадей я долженъ былъ остановиться въ Душетѣ, сквернѣйшемъ городѣ на высокомъ мѣстѣ. Я былъ очень голоденъ, и выльзая изъ кареты (это было поздно), рвѣнительнымъ голосомъ спросилъ ужинать, ожидая, что мнѣ съ изумленіемъ на требованіе отвѣтятъ, что ничего нѣтъ, какъ здѣсь въ Грузіи и на Кавказѣ обыкновенно водится; но, къ удивленію моему, трактирщикъ засуетился, началъ разводить огонь и будить своихъ товарищей, которые спали у порога подъ открытымъ небомъ; они медленно покидали одры свои. По большой и унылой площади Душета, подъ глубокимъ сводомъ небесъ, богато усыпанномъ милліонами звѣздъ, ни малѣйшій вѣтерокъ не потрепсалъ тишины воздуха, теплаго, какъ въ Русской банѣ, и исполненнаго аптечнымъ запахомъ ароматныхъ травъ. Въ ожиданіи ужина, я долго прохаживался, слышалъ уже пѣніе первыхъ пѣтуховъ. Нѣмецъ приготовилъ для моего ночлега все необходимое; я видѣлъ, что давно уже горѣли Московскія свѣчи, которыми онъ гордился, но не шелъ въ комнату нарочно, чтобъ хотя ему досадить за то, что терплю такой продолжительный недостатокъ въ сыстныхъ припасахъ. Послѣ неоднократныхъ предвѣщаній утра Душетскими пѣтухами, я все еще бродилъ взадъ и впередъ съ досадой въ душѣ по безотрадной площади, и вдругъ слышу жалобные стоны погибающаго въ мученіяхъ существа. Смертный холодъ пробѣжалъ по мнѣ, и я весь оцѣпенѣлъ. Но слухъ мой удвоился, и я нѣсколько секундъ прислушивался къ страшному хрипѣ и отчаянному визгу несчастной жертвы, приносимой въ утоленіе моего голода: ее терзалъ тупой ножъ невольнаго Грузина; полусонный, онъ машинально рвалъ и да-

вилъ, а полузадушенные крики, подобно острымъ жаламъ, одинъ за однимъ впивались въ мое сердце; я былъ виновникъ этой страшной казни. Бѣдный цыпленокъ долженъ былъ претерпѣть всѣ ужасы насильственной смерти, и пожертвовать свое бѣлое тѣло для моего ужина. Заказывая этотъ преступный ужинъ, мнѣ и въ голову не пришло, что разбудятъ несчастныхъ невольниковъ, отнимутъ дѣтище у курицы, и повлекутъ его на казнь для того только, что я не довольствуюсь сухимъ хлѣбомъ съ пескомъ. Но въ эту минуту отвратительная истина явилась мнѣ во всей своей безобразной наготѣ. Среди ночи и безмолвія, въ уныломъ уединеніи, тяжелое впечатлѣніе произвело во мнѣ отвращеніе къ самому себѣ, непріятное чувство на душѣ, которое усилилось до послѣдней степени, когда принесли мнѣ умерщвленнаго цыпленка; одна половина была изжарена, вся черная, облитая противнымъ саломъ; другая, о ужасъ, плавала въ густой жидкости, отъ которой распространялся могильный запахъ. Объятый страхомъ, я хотѣлъ бѣжать и требовалъ лошадей; но злой Нѣмецъ съ насмѣшливымъ видомъ сказалъ мнѣ, что лошадей нѣтъ. Въ эту минуту онъ показался мнѣ злымъ духомъ Душета, который коварно издается надъ мной и мститъ за то, что напрасно горѣли его Московскія свѣчи. Уже утренняя заря слабо освѣщала эту сцену; я впалъ въ какое-то мертвое безчувствіе, и брошенный на полуразвалившійся одръ. Тутъ безъ памяти пролежалъ я до поздняго утра. Лошади были запряжены, и меня повезли дальше; до Тифлиса оставалось только 27 верстъ. Въ Гартискалѣ Нѣмецъ сказалъ мнѣ, что нѣтъ лошадей. Безнадежная скука, овладѣла моимъ слабымъ духомъ, а брѣнное тѣло изнемогло отъ голода и томилось отъ палашаго и удушливаго зноя; *трубка отчаянія* дымилась въ засохшихъ устахъ; поникшая голова не мечтала уже ни о чемъ; отдаленныя картины Персіи не отражались болѣе въ потускнѣвшемъ зеркалѣ воображенія; живительный огонь надежды не пробѣгалъ въ жилахъ разслабленнаго тѣла. Наконецъ дали мнѣ лошадей въ два часа по полудни. И вотъ я уже вижу Тифлисъ вдаль; но какой Тифлисъ?

совсѣмъ не тотъ, который я воображалъ, о которомъ грезили такъ давно! Гдѣ же онъ? — Увы, я уже не увижу его никогда: по мѣрѣ, какъ я приближался къ настоящему Тифлису, ложный Тифлисъ, нарисованный моимъ воображеніемъ, изглаживался съ холста моей памяти; я отворотился отъ истины, и тщетно желалъ еще хоть разъ взглянуть на давнюю мечту свою. Она исчезла, и надо сказать, что настоящій Тифлисъ не такъ хорошъ и великъ; сѣрыя и болѣе Европейскія его строенія печально стоятъ между голыхъ скалъ; не видно отрадной зелени и Азіатской роскошной архитектуры, по крайней мѣрѣ съ того мѣста, гдѣ я увидѣлъ Тифлисъ въ первый разъ; а мнѣ такъ хорошо снилось о густыхъ садахъ и Азіатской нѣгѣ, смѣшанной съ горскою дикостью. Мечта не сбылась. Я объ ней мало жалую; но печальная мысль томить меня, что и всѣ прочія мечты также не сбудутся, — и мой Тегеранъ, и Тавризь, и вся моя Персія, померкнуть скоро подъ злымъ дыханіемъ истины, которая мгновенно разрушить дивный сонъ постылой жизни, сонъ прекрасный, который я столько лѣтъ хранилъ и лелѣлъ въ больной душѣ.

ПЕРСІЯ.

21 Сентября 1838 года, мы выѣхали изъ Тифлиса: Полковникъ Дюгамель, супруга его, докторъ Капгеръ и я. Въ трехъ верстахъ отъ города мы должны были остановиться, и принять приглашеніе завтракать въ саду Полковника Шемиръ-Хана Беглярова, Армянина, служащаго переводчикомъ при Главноуправляющемъ Грузіею. Въ Тифлисѣ и его окрестностяхъ сады покрыты виноградникомъ, подъ густыми сводами котораго проведены аллеи, такъ что надъ головою всегда непроницаемая тѣнь и виноградные грозды въ распоряженіи руки. Въ такомъ саду накрытъ былъ столъ съ Грузинскими кушаньями и Кахетинскимъ виномъ. Погода была прекрасная. Послѣ завтрака мы предпочли продолжать путь верхомъ; но всѣ экипажи наши покуда еще слѣдуютъ

за нами, потому что дорога хороша.* Далѣе, можетъ быть, надо будетъ покинуть ихъ вовсе. Въ первый день мы проѣхали только 25 верстъ, и ночевали въ Русскомъ почтовомъ домѣ, въ Грузинской деревнѣ, коей прочіе дома были подъ землею, среди пріятной долины, между зеленыхъ холмовъ, надъ которыми бѣлѣлись вдали снѣговья вершины горъ. На первомъ планѣ разбросанныя нещеры Грузинъ, болѣе похожія на убѣжища дикихъ звѣрей, подъ тѣнью развѣсистыхъ деревь, и нѣсколько черныхъ буйволовъ на лугу, составляли довольно живописную картину.

24 Сентября 1838 г. Еще очень рано, солнце не встало. Дюгамель и докторъ спали крѣпкимъ сномъ въ одной комнатѣ со мной, но я не могъ спать: мысль, что ѣду въ Персію, достигаю наконецъ своей цѣли, разбудила меня рано. Я боялся, не сонъ ли это? Чтобъ успокоить себя, я повторялъ себѣ, что это истина, истина, что столь давнишняя мечта наконецъ осуществляется. Трудно объяснить чувство, которое одушевляетъ меня по мѣрѣ, какъ я приближаюсь къ мѣстамъ столь знакомымъ моему воображенію, гдѣ мнѣ кажется, что я нѣкогда жилъ, къ мѣстамъ прекрасныхъ воспоминаній моего дѣтства. Я такъ ясно вижу вдали города многолюдные или печальные, бесплодные степи или зеленые сады, и людей, принадлежащихъ будто къ чужому міру, но мнѣ столь знакомому. Разстояніе исчезаетъ день ото дня, и скоро эта картина моего воображенія будетъ передъ моими глазами, мечта о Персіи исчезнетъ вѣдугъ, какъ дивный сонъ, чтобъ дать мѣсто истинѣ.

Наше путешествіе походитъ на прогулку. Виды прекрасные, и часто напоминаютъ мнѣ дорогу между Флоренціею и Римомъ. Третьяго дня мы также проѣхали не болѣе

* Мы этииъ были обязаны Полковнику Эспехо, Испанцу въ нашей службѣ, которому поручено было провести шоссе отъ Тифлиса до Эривани, сквозь непроходимое Дилиджанское ущелье. Онъ нѣсколько лѣтъ тамъ прожилъ, и наконецъ окончилъ отличное шоссе, которое проходитъ по крутизнамъ скалъ надъ страшными пропастями.

25 верстѣ, и остановились, около трехъ часовъ по полудни, въ довольно хорошемъ домѣ, недавно выстроенномъ Русскими, въ пелуверствѣ отъ Татарской деревни. Пока готовили обѣдъ, мы пошли прогуляться пѣшкомъ къ деревнѣ, гдѣ въ одной изъ саклей насъ вѣжливо приняли женщины и просили сѣсть, разостлавъ красный тюфякъ у огня. Разговоръ нашъ посредствомъ знаковъ и нѣсколькихъ Константинопольскихъ * Турецкихъ словъ былъ довольно затруднителенъ. Одной изъ Татарокъ, повидимому, было 18 лѣтъ, другой около 20. Одежда ихъ состояла изъ короткой рубашки въ Персидскомъ вкусѣ, широкихъ шароваръ и узкаго архалука, который ловко обрисовывалъ ихъ стройный станъ и тѣсно обтягивалъ плечи и руки, а на груди не сходилса; ноги были босы; черные и густые волосы осыпали ихъ томныя и прекрасныя лица, въ которыхъ выражалась дѣвственная скромность. Солнечный загаръ на ихъ нѣжномъ тѣлѣ и поблекшіе цвѣта изношеннаго платья доказывали бѣдность, но не могли отнять ихъ врожденной прелести. Уходя, мы имъ дали нѣсколько абазовъ (Грузинская монета, стоящая 8 гривентъ), которые они взяли какъ будто машинально, не подавъ никакого знака благодарности. Послѣ обѣда мы опять пошли въ эту деревню съ докторомъ Капгеромъ, вооружившись палками противъ стай собакъ, похожихъ на волковъ, которыя охраняютъ Татарскія деревни. Уже было темно, когда мы вошли въ другую саклю, гдѣ лежала дѣвочка 6 лѣтъ, больная уже нѣсколько мѣсяцевъ; она, бѣдная, не могла ходить, у нея была сломана нога отъ паденія съ лошади. Старикъ дѣдъ ея снялъ бережно перевязку съ распухлой ножки; прекрасное дитя не плакало, но рассказывало что-то о своей болѣзни. Потомъ старикъ печально ** вынулъ изъ кармана кусокъ кости, который вы-

* Языкъ Татаръ, обитающихъ здѣсь между Персіей и Грузіей, во многомъ различается отъ Турецкаго Константинопольскаго.

** Эти Татары секты Сунни, т. е. одной вѣры съ Турками, которая запрещаетъ выражать чувства горести, и вообще велитъ скрывать всѣ страсти подъ личиною холоднаго равнодушія.

шелъ изъ ноги его внуки. Несчастная дѣвочка погибла бы безъ помощи, не смотря на живое участіе ея родныхъ. Докторъ разсказалъ, что было нужно дѣлать съ больной, одному изъ присутствующихъ, который говорилъ нѣсколько по-Русски и самъ былъ въ лихорадкѣ. Мать больной дѣвочки съ глубокимъ вниманіемъ слушала слова доктора, какъ будто понимала ихъ, и малютка также. Старикъ проводилъ насъ до дому съ фонаремъ. Ложась спать, я замѣтилъ, что потерялъ ключи отъ шкатулки съ деньгами, что и помѣшало мнѣ заснуть. На другое утро, рано собравшись въ путь, я завхалъ въ деревню, въ надеждѣ отыскать ключи, и увидѣлъ, что меня манитъ старуха, у той самой сакли, гдѣ наканунѣ насъ принимали молодыя женщины. Это была, кажется, ихъ бабушка. Она держала въ рукъ мои ключи и съ радостію вручила ихъ мнѣ, разсказывая, что вчера я уронилъ ихъ, вѣроятно, вынимая деньги изъ кармана. Мою лошадь привязали, и я опять сѣлъ къ огню на томъ же красномъ тюфякѣ. Одна изъ молодыхъ Татарокъ держала ребенка, другая разводила огонь; мужчины начали жарить *шишлыкъ* или *кебабъ* (куски баранины, напизанные на палкѣ), чтобъ изъяснить мнѣ свое гостепріимство; но скоро я услышалъ колокольчики вьючныхъ лошадей нашего посланника, крики его и моихъ кучеровъ, и голоса Армянъ, Татаръ, Русскихъ и Нѣмцевъ, составляющихъ нашу толпу. Весь караванъ былъ въ движеніи, и я, чтобъ не сбиться съ дороги, поспѣшилъ къ нему присоединиться, и проѣхалъ въ этотъ день 80 верстъ верхомъ, не чувствуя усталости. На половинѣ дороги мы остановились въ пріятной Татарской деревнѣ Астанбеглы. Жилища Татаръ были весело разсѣяны по зеленымъ холмамъ. Комната, приготовленная для насъ, была со всѣхъ сторонъ обтянута разноцвѣтными коврами, стѣны, полъ и потолокъ — все было ими обито. Свѣтъ входилъ только въ небольшое отверстіе въ потолокъ. Посреди комнаты на полу тѣлись уголья. Темный и узкій проходъ велъ въ эту уединенную горницу изъ нашихъ сѣней, открытыхъ съ одной стороны на картинную мѣстность, гдѣ наши люди суетились съ багажами, разводили огни,

приготавливали себѣ кушанье и кормили лошадей. Погода была прекрасная. Оставя деревню Астанбеглы, мы стали подыматься выше. Природа одичала. Въмѣсто свѣжей зелени, безплодные сѣрые бугры окружали насъ, и снѣговья горы къ намъ приблизились. Уже было давно темно, когда я прїѣхалъ въ Бибисъ, Армянскую деревню, расположенную въ самомъ романическомъ и дикомъ мѣстѣ. Всѣ мои товарищи еще далеко оставались назади. Со мной былъ только одинъ изъ провожавшихъ насъ Татаръ. Такъ какъ для посланника не приготовлена была квартира, то я взялъ на себя должность квартирмейстера, переселивъ нѣсколько буйволовъ и Армянокъ изъ одной избы въ другую. Они съ поспѣшностію удалились, не принявъ даже моихъ извиненій (народъ дикій и вовсе не прїветливый). Потомъ я занялся разведеніемъ огня, закупориваніемъ перебитыхъ оконъ войлоками, разстиланіемъ ковровъ, и тому подобными домашними работами. Это былъ домъ Армянскаго князя, который, кажется, не радъ былъ нашему посѣщенію; но что дѣлать, куда дѣться? Всѣ прочіе такъ называемые дома были подземныя пещеры, въ которыя даже страшно было заглянуть, и я долго блуждалъ въ темнотѣ, покуда не наткнулся на этотъ княжескій дворецъ, похожій на коровій хлѣвъ. Компания наша по немногу собиралась, экипажи далеко отстали, но наконецъ пришли. Мы поуживали кое-какъ, и вотъ всѣ лежимъ уже на одрахъ отдохновенія, не взирая на угрожающую опасность отъ безчисленныхъ тканей паутины, распростертой между бревнами потолка, на которыя я также смотрѣлъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Объ этомъ даже было съ вечера предварительное совѣщаніе съ вѣрнымъ моимъ слугою Егоромъ, должно ли чистить потолокъ и стѣны, или нѣтъ? Егоръ рѣшилъ, что не должно, потому что будетъ еще хуже, если растревожить давнихъ жильцовъ княжескаго замка. Я обмеръ отъ одной мысли, что они разбрѣдутся по всему дому при первомъ прикосновеніи, и поспѣшно согласился съ благоразумнымъ мнѣніемъ Егора. Однакожъ, не смотря на эту мѣру предосторожности, мнѣ во время ночи упала капля холодной жидкости на руку; что жъ бы это

такое было? неужели ядъ тарантула? не мудрено. Золотистый свѣтъ восходящаго солнца проникъ наконецъ къ намъ чрезъ два отверстія, называемыя окошками, и странное жилище представилось мнѣ огромнымъ гнѣздомъ паутины. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой Армянской залѣ было такое отсутствіе всякой архитектуры человѣческой, въ ветхихъ стѣнахъ столько трещинъ и странной кривизны, на закопѣломъ потолкѣ такой лабиринтъ перекладинъ, темныхъ углубленій, паутины и щелей, и на всемъ вообще такой однообразный земляной цвѣтъ, что въ этой отвратительной избѣ невозможно узнать человѣческаго произведенія; она болѣе похожа на уродливое созданіе безсмысленныхъ гадинъ.

Вдругъ дверь растворилась, — вошли два молодые буявола и дружески приблизились къ нашимъ постелямъ. Армянинъ, высокій, блѣдный и худой, выгналъ ихъ и зажегъ яркій огонь въ каминѣ. Ему еще нѣтъ тридцати лѣтъ, но мрачность и равнодушіе выражаются въ его лицѣ, какъ будто онъ уже отжилъ вѣкъ. Эта отличительная черта нерѣдко встрѣчается въ Азіатцахъ, и можетъ быть, происходитъ отъ однообразной и лѣнивой жизни среди уединенныхъ пустынь, въ которыхъ они обитаютъ. Въ Азійи все уныло и печально.

Товарищи мои наконецъ проснулись, — мы собираемся въ путь. Прѣхавъ 25 верстъ среди долинъ, похожихъ на Тироль, между снѣговыхъ горъ, мы остановились ночевать въ Армянской деревнѣ *Карвансарай*, гдѣ насъ принялъ Испанецъ Г. Эспехо, Полковникъ въ Русской службѣ, которому какъ мы уже упомянули, поручено было устроить здѣсь шоссе. Этотъ веселый и пріятный Испанецъ живетъ здѣсь, какъ Армяне, въ подземельѣ — родъ погреба, безъ сомнѣнія, весьма удобнаго для сохраненія мертвыхъ тѣлъ, но для живыхъ не представляющаго никакихъ выгодъ, кромѣ сырости, темноты и недостатка въ воздухѣ. Можетъ быть, могильный холодъ, царствующій въ этихъ подвалахъ, удаляетъ нѣкотораго рода насѣкомыхъ, но за то сырость способствуетъ къ разложенію другихъ, напримѣръ, мокрицъ, и проч. Г. Эспехо далъ намъ хорошій обѣдъ, какимъ я не пользовался отъ

самой Москвы. Не смотря на любезность нашего хозяина, переговоривъ обо всемъ и выкуривъ по нѣскольку трубокъ, всѣ источники развлечения истощившись къ 8 часамъ, и оставалось только ложиться спать. Я имѣлъ неосторожность послѣдовать общему примѣру и лечь въ этой подземной пещерѣ; но за то какъ горько было мое раскаяніе! Лишь только Францъ вышелъ отъ меня со свѣчкой, и — увы! съ коими сапогами, — какъ вдругъ безпокойство мною овладѣло, сырость меня проникла, дыханіе сперлось отъ недостатка воздуха, и сильная зубная боль схватила меня въ первый разъ съ самаго отъезда изъ Воронежа. Тутъ лежалъ Дюгамель и уже начиналъ храпѣть, докторъ также; было бы не деликатно встать, да сверхъ того я былъ лишенъ сапогъ, люди спали при экипажахъ; идти босикомъ, завернувшись въ одѣяло, подвергаться сырости горнаго тумана, было бы опасно; и я рѣшился лежать, какъ живой мертвецъ въ гробу, и ожидать въ отчаянномъ положеніи, когда започнутъ пѣтухи и взойдетъ солнце. Пѣтухи запѣли, но солнца не видать, на дворѣ былъ дождь, и я, выпивъ три чашки кофе съ буйволовымъ молокомъ, заснулъ въ карету.

Я не люблю здѣшнихъ Армянъ; Татары лучше. У Армянъ женщины, какъ отшельницы, собаки у нихъ злыя; женщинамъ у Армянъ дозволяется говорить только съ мужьями. Я слышалъ однако же, что послѣ первыхъ родивъ имъ дозволяется въ необходимыхъ случаяхъ разговаривать съ отцемъ и съ матерью, или по крайней мѣрѣ отвѣчать на ихъ вопросы; въ прочемъ они должны хранить вѣчное молчаніе, выражаться только знаками, или вовсе не выражать своихъ мыслей, а главное, избѣгать присутствія кого-либо, какъ отъ ревности мужчинъ, такъ и потому, что женщина у Армянъ считается твореніемъ непристойнымъ и нечистымъ; она не должна сквернить мужчинъ своимъ присутствіемъ, и въ продолженіе всей своей молодости должны скрываться въ мрачныхъ подземельяхъ отъ взора мужчинъ. Вотъ до какой степени жадная ревность преобладаетъ этимъ завистливымъ народомъ. Однѣ старыя безпрепятственно лазятъ изъ одной норы въ другую, какъ мертвецы, ползающіе около своихъ

могилъ *. Здѣсь вообще мужчины имѣютъ мрачныя лица, а женщины печальныя и болзненныя; черты у Армянъ продолговатыя и лица вообще сжаты.

У Татаръ лица довольно широки, черты не велики, цвѣтъ лица свѣжій, хотя немного смуглый отъ солнца и чистаго воздуха, въ которомъ они живутъ, кочуя лѣтомъ на горахъ. Армяне же какъ зиму, такъ и лѣто томятся въ тѣсныхъ и сырыхъ пещерахъ, и отъ того блѣдны и желты.

Мы вдемъ въ прекрасной долины, называемой Дилиджинское ущелье. Ревность къ женщинамъ и скудость мнѣ показались главными чертами характера здѣшнихъ Армянъ. Эти двѣ страсти изображаются въ ихъ блѣдности, впалыхъ глазахъ и безпокойныхъ взглядахъ. Я теперь воображаю себя на дорогѣ въ Римъ, между Терни и Нарни; все покрыто лѣсомъ; огромныя скалы меня окружаютъ, и формы ихъ и расположенія на всякомъ шагѣ измѣняются; горныя ключи шумятъ и падаютъ каскадами; безчисленныя стада овецъ, барановъ и желтыхъ длинноухихъ козъ пасутся на крутизнахъ; даже свиньи имѣютъ совсѣмъ особенный, благородный видъ: въ нихъ нельзя узнать того тяжелого и нечистаго животнаго, похожаго на исполинскую крысу, которое такъ отвратительно у насъ въ Европѣ; здѣсь свиньи тонки, высоки, проворны и похожи на кабановъ. Путешественникъ невольно пораженъ мыслію, что приближается къ центру міра **, видя, что природа облагороживается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ Персіи: люди, звѣри, произрастенія и виды — все улучшается. Караванъ ночевыхъ Татаръ спускается съ горъ, чтобъ занять свои зимнія квартиры въ долинахъ; женщины вдутъ на коровахъ, взнузданныхъ и осѣдланныхъ, какъ лошади; другія на лошадахъ, навьюченныхъ пестрыми мѣшками. Одежда этихъ Татарокъ,

* Иногда весьма осторожно надо входить (особливо въ сумерки), чтобъ не провалиться въ эти могилы, т. е. ямы, служащія вмѣсто дверей подземельныхъ Армянскихъ квартиръ.

** Центромъ міра Персіане называютъ Персію и Шаха *Кыблен-Алемъ*.

составленная изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, красива издали. Облака возлѣ насъ лежатъ на покатостяхъ горъ, — стало быть мы очень высоко. Собаки (полуволчьей породы), охраняющія стада, бросаются на насъ, но Татарскіе пастухи удерживаютъ ихъ кдюками за шею. Какія высокія и густыя деревья! Подъ ними краснѣютъ кустарники кизила. Я забываюсь иногда, — мнѣ кажется, что я или въ горахъ Кастелло-Маре, или около Кавы (близъ Неаполя). Но вдругъ, будто пробуждаясь, память говоритъ мнѣ, что это не Италія, что эта дорога оквозъ ущелія и лѣса скоро приведетъ меня въ Персію. Дюгамель и докторъ также идутъ въ Персію, но не туда, куда я: я буду жить въ особомъ міру, гдѣ еще никто не бывалъ. Въ странѣ для нихъ скучной и безплодной я найду тайныя сокровища, хранящіяся въ ней только для меня одного; мнѣ одному они известны, — никто не можетъ отгадать, гдѣ они, я одинъ могу ими пользоваться, но тайно, чтобъ чужой глазъ, чужое холодное дыханіе, не разрушили волшебныхъ замковъ воображенія. Мечты, составляющія нравственную жизнь, должно хранить въ душѣ глубоко; насмѣшки, презрѣніе или зависть людей убиваютъ ихъ, ароматъ души вылетаетъ, и она болѣзненно изсыкается.

Мы перегоняемъ караванъ верблюдовъ; видъ ихъ въ горахъ очень хорошъ. Вотъ, многочисленная толпа Татаръ и Армянъ, которые собраны здѣсь, чтобъ помогать нашему проѣзду чрезъ крутизны.

27. Сентября, 1848 года, мы провели ночь въ Дилиджанѣ, дрянномъ мѣстечкѣ, едва замѣтномъ. Только нѣсколько кучъ навоза, да вылезавшіе изъ норъ своихъ люди, одѣтые на Персидскую стать, и бродящія лошади хорошей породы, но исхудавшія отъ усталости, напоминаютъ путешественнику, что тутъ есть жилища подъ землей. Однако же домъ, въ которомъ мы ночевали, былъ не подземный. Онъ здѣсь единственный, похожъ на тѣ дома, которые разбросаны по дорогѣ изъ Неаполя въ Портичи, и я думаю, на Африкан-

скія мазанки, — безобразный, бѣлый, съ плоской крышей или террасой; внутри каминъ, который топится безпрестанно. Наша многочисленная свита Татаръ, Армянъ, Русскихъ, Нымцевъ и Чухонцевъ, зажгли огни около дома и расположились ужинать, курить, грѣться и отдыхать. Поутру рано, до солнечнаго восхода, я вышелъ изъ дому, чтобъ любоваться видами горъ. Караванъ верблюдовъ, который мы вчера объѣхали, поднялся уже въ путь и представлялъ романтическую картину на грунтѣ темнозеленой горы съ бѣлымъ верхомъ. Я ѣду въ каретѣ; дорога идетъ въ гору подъ густою тѣнью высокихъ дубовъ и каштановыхъ деревьевъ. Въ трудныхъ мѣстахъ человекъ сто оборванныхъ Татаръ и Армянъ съ крикомъ бросаются на наши экипажи, чтобъ помочь лошадямъ: тогда эта дикая толпа болѣе похожа на шайку разбойниковъ. Нашъ ночлегъ верстъ за 18 или 20 въ Чибухлы.

Таково здѣсь путешествіе; большая часть времени проходитъ даромъ. Прекраснѣйшія декораціи ежеминутно перемѣняются по сторонамъ дороги. Мы все поднимаемся въ гору, лѣса рѣдѣютъ, и вотъ уже совсѣмъ ихъ нѣтъ; на горахъ одна только зеленая трава, и мѣстами около дороги и во рвахъ лежитъ снѣгъ. Поднимаемся выше и выше, — горы становятся безплодны. Вдругъ открывается большое озеро передо мной (Г. Дюгамель и другіе уѣхали впередъ верхомъ, а мнѣ показалось холодно, и я остался одинъ въ каретѣ). Это озеро называется Севанъ. На немъ есть островъ, и на острову бѣдный Армянскій монастырь. Кругомъ озера возвышаются синія горы, которыхъ верхи покрыты снѣгомъ и скрываются въ небесахъ; за этими горами Персія. Но, кажется, мы пріѣхали уже на ночлегъ: я вижу нѣсколько кучъ навоза, и сѣна, — это Чибухлы.

Здѣсь природа принимаетъ совершенно другой видъ. Долины расширяются, горы обнажены и сѣры, все мертво и пустынно, — вдругъ показывается Араратъ. Мы спускаемся, приближаемся къ нему и въѣзжаемъ въ пе-

чальный Эривань, сквозь ряды сырыхъ стѣнъ, сооруженныхъ изъ грязи, за которыми кое-гдѣ видны низкіе дома также изъ грязи, и полумертвые сады, гдѣ большыя ивы и сухіе тополи освѣняютъ бѣдные огороды, потопленные въ болотахъ. Мнѣ указали путь въ одинъ домикъ, довольно хорошо построенный въ Мавританскомъ вкусѣ и выбѣленный. Тутъ недавно жилъ какой-то ханъ. На дворъ засоренный фонтанъ мутной воды былъ представителемъ Азіатской вѣги; ряды залялыхъ подсолнечниковъ вѣроятно имѣли то же назначеніе. Мы вошли по узкой каменной лѣстницѣ въ прекрасную комнату, всю расписанную разноцвѣтными и золотыми цвѣтками; каминъ премилыя формы и огромное окошко, все изъ мелкихъ красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ и синихъ стеклышекъ. Сопровождаемый чиновникомъ, я пробрался черезъ болотистый дворъ въ гаремъ, гдѣ расположился въ сырой, темной, но уединенной комнатѣ. Принялся топить каминъ; задохся было отъ дыма, отворилъ окошки и двери, простудился и всю ночь продосадовалъ. На другой день изъ сколько разсѣлся повозкою въ Эчміадзинъ, древній монастырь, построенный въ 303 году послѣ Рождества Христова. — Церковь въ полувизантійскомъ, полуготическомъ вкусѣ (сколько я могъ судить), съ чудными изваяніями. Патріархъ, старецъ благосклонный, велѣлъ меня подчивать козымъ сыромъ, буйволовымъ каймакомъ, бурдючнымъ виномъ и т. п. лакомствами. Возвратясь домой, я снова принялся за досаду на зубную боль; но комары и мускиты, забравшись въ мою сырую комнату, утѣшили меня, предзнаменуя сухую и теплую погоду, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекращеніе зубной боли, что и сбылось въ самомъ дѣлѣ. Но новая досада ожидала меня. При выѣздѣ изъ Эривани, на совершенно ровной Эриванской долинь, безсовѣстный колонистъ * опрокинулъ меня въ канаву; фонарь разбился въ

* Мой извозчикъ, который нанялся изъ Тифлиса довести меня въ 20 дней до Тавриза на одной четверти за 200 пѣлковыхъ, — разстояніе около 600 верстъ. Дорога, сдѣланная Г. Эспехо, продолжается только отъ Тифлиса до Эривани, а тутъ начинается природ-

дребезги, и карета моя какъ будто окривѣла на одинъ глазъ. Это уже было неисправимо, потому что въ Арменіи фонарей дѣлать не умѣютъ.

30-го Сентября. Комары кусаютъ жестоко, жара невыносимая; а со стороны Арарата (который верстахъ, я думаю, въ 20 отъ насъ), по временамъ вѣетъ ледяной вѣтерокъ.

2 Октября. За нѣсколько верстъ отъ станцій жители выходили къ намъ на встрѣчу. Въ ихъ числѣ есть и Курды; мы видимъ ихъ бѣдныя шалатки, оборванныхъ женщинъ; но мужчины на хорошихъ лошадяхъ и одѣты хорошо на старинный Турецкій манеръ. Сегодня въ числѣ выѣхавшихъ къ намъ на встрѣчу, были два Татарскихъ князя, столь похожіе другъ на друга, что мы сочли ихъ за близнецовъ; но они были братья только по обыту дружбы—кунаки. Одежда ихъ была совершенно одинакова, изъ красной тафты, ростъ высокій и тонкій, черты правильныя, лица смуглыя, локоны волосъ черныя и большіе. Они представляли разнообразныя битвы: то съ пиками, то съ джиридами, то съ ружьями. Всѣ эти оружія имъ подавали нукеры, ихъ служители. Курды и Татары, всего человекъ до 20, также принимали участіе въ этихъ боевыхъ играхъ, подвигаясь впередъ передъ нами, и развлекая насъ во всю дорогу. Кромѣ того, выбѣгали къ намъ на встрѣчу изъ деревень плясуны, двое или трое гадкихъ мальчишекъ, одѣтыхъ по-женски, съ длинными волосами. Они прыгали около нашихъ каретъ; а оборванный музыкантъ визжалъ смычкомъ на балалайкѣ. Мы еще въ Россіи, но во всемъ, что мы видимъ, нельзя уже не узнать Азію. Повсюду нищета, дикость и грубость нравовъ.

ная Азіатская дорога, состоящая изъ кучъ камней, глубокихъ рвовъ и частыхъ ручьевъ. Прибывъ, Богъ знаетъ какъ, въ Тавризъ съ каретой, я немедленно съ тѣми же лошадьми отправилъ ее обратно въ Тбилисъ, почитая несравненно лучшимъ средствомъ продолжать путешествіе верхомъ.

НАХИЧЕВАНЬ.

Какая дикая природа! Въ какой страшной глуши заброшенъ этотъ Нахичевань! Не выдавъ, нельзя себя вообразить страшныхъ формъ и цвѣта горъ и долинъ, окружающихъ насъ. Самый городъ вовсе не понятенъ для Европейца. Кое-гдѣ видны стѣны изъ грязи, изъ-за этихъ стѣнъ выглядываютъ отвратительные старики, старухи въ лохмотьяхъ, или дѣти прекрасныя собой, но нечистыя, оборванные, — и это называютъ здѣсь городомъ. Но загородный домъ Эхсанъ-хана, здышняго губернатора, довольно хорошъ. Мы у него, и мнѣ удалось занять прекрасную комнату, возлѣ хозяйскаго гарема; я даже не стараюсь узнать, гдѣ именно скрываются его гуріи. Здѣсь, въ Персіи, все, касающееся до женщинъ, такая глубокая тайна, что даже скучно и охота пропадаетъ ими заниматься. Я покойно и пріятно расположился на коврахъ, и тѣмъ разведенную въ водѣ алюбуху (отличный фруктъ, известный только въ Персіи), или курю кальянъ, попеременно. Но у меня еще есть третье занятіе: прекрасный лафитъ, который я сейчасъ купилъ въ этой дикой степи, куда, кажется, и воронъ костей не заносилъ. Но какимъ же волшебнымъ стеченіемъ обстоятельствъ явился здѣсь этотъ, по крайней мѣрѣ для меня, нектаръ? Оставляя Тифлисъ, я жаловался одному Грузинскому купцу, что на тамошнемъ базарѣ нашелъ весьма малое количество лафита. Вообразите же, этотъ добрый чело-вѣкъ отыскалъ этого вина и послалъ въ погоню за мной. Посреди пустынь это показалось мнѣ совершенно романтическимъ приключеніемъ, волшебнымъ событіемъ. Въ Нахичевань, гдѣ, я думаю, нѣтъ и простаго вина, для меня вдругъ явился лафитъ. Не даромъ же мечталъ, что для меня въ Персіи хранятся сокровища. У меня есть и передняя, въ которой Францъ хранитъ не въ духъ, не знаю отъ чего, а Егоръ толчетъ кофе. Эти два чербера охраняютъ входъ въ вертепъ моего уединенія, а я пишу, рисую, курю кальянъ, пью алюбуху, пью вино, и доволенъ судьбой. Ужъ ночь, но въ этихъ очарованныхъ мѣстахъ невозможно спать. Моя комната вся расписана и раззолочена, самъ я на коврахъ

спокойствія; женщины подлѣ меня, но куда запряталъ ихъ этотъ Эхсанъ-ханъ? Но, пора спать, а спать нѣтъ охоты. Возможно ли здѣсь спать? Вышелъ въ садъ, въ одномъ ночномъ костюмѣ, но и тамъ, какъ въ Русской банѣ. Завтра мы идемъ на встрѣчу Персидскому михмандару, * и переступаемъ границу. Прощайте! Въ Тавризъ буду чрезъ 8 дней; потомъ отъ Тавриза до Тегерана до 700 верстъ.

26-го Октября, 1838. Мы благополучно избавились отъ Міанскихъ клоповъ. Вчера почевали мы въ Міанъ, и никто изъ нашей свиты не пострадалъ отъ нихъ. Правда, что осторожный михмандаръ нашъ расположилъ насъ всѣхъ лагеремъ въ такъ называемомъ загородномъ саду. И возможно ли назвать городомъ сборище убогихъ мазанокъ, населяемыхъ нищими, которыхъ задаютъ клопы? Проважая сквозь грязныя улицы Міаны, мнѣ стало грустно: я никогда еще не видалъ такой страшной нищеты, невольно отклонялъ взоръ вдаль, но и тамъ ничего не видѣлъ, кромѣ мертвой стѣны, унылой и однообразной. Неужели вся Азія такова? Стало быть, я напрасно такъ страстно желалъ ее видѣть? Позднее сожалѣніе! Она умерла, и въ изсохшей муміи нельзя уже узнать красавицы, некогда исполненной жизни и прелести. Низкія страсти людей погубили ее!

Вечеромъ странные звуки Азіатской музыки пробудили наше любопытство. Они раздавались со стороны палатки михмандара. Мы пошли туда съ докторомъ Кангеромъ. Яя-ханъ и сынъ его Фаррухъ-ханъ важно сидѣли въ праздничныхъ шалевыхъ халатахъ; предъ ними два мальчика, лѣтъ 13-ти, одѣтые въ женскія платья, съ длинными волосами, въ юбкахъ, съ кастаньетками въ рукахъ, то медленно изгибались, то прыгали, какъ бышечные. Эта вечерняя сцена была слабо освѣщена бумажными фонарями, привѣшенными къ деревьямъ, и двумя свѣчами, стоявшими на землѣ. Одна сторона палатки была открыта. Михмандаръ всталъ и про-

* Уполномоченный отъ правительства доставлять все нужное путешественникамъ и провожать ихъ до назначеннаго мѣста. Провожавшій Полковника Дюганеля, михмандаръ Яя-ханъ былъ главнымъ конюшимъ и любимцемъ покойнаго Абасъ-Мирзы, сына Фетъ-Али-Шаха.

силъ насъ състь. Танецъ, остановленный нашимъ приходомъ, снова начался. Сперва несчастныя эти дѣти низко кланялись, потомъ съ видомъ вдохновенія начали медленно кружиться подъ протяжную и унылую музыку, то закидывая назадъ голову, съ распущенными волосами, то подымая руки къ верху, то нагибаясь къ землѣ, и звеня въ этомъ положеніи кастаньетками у земли, то поднося ихъ къ ушамъ, и какъ будто вслушиваясь въ ихъ звонъ. По временамъ они пѣли нескладно и дико, и все это сопровождалось музыкой, то печальной и унылой, то раздирающей душу и буйной. Казалось, что плясуны старались изобразить что-то въ родъ любви и страданій. Но вдругъ, послѣ этихъ выраженій нѣги, они начинали прыгать, метаться, вопить, какъ будто ихъ рѣжутъ. Музыканты не отставали, пронзительно скрипѣли, били въ литавры, дули въ дудки. Наконецъ это изступленіе стало по немногу утихать, снова начался медленный танецъ. Персіяне слушали и смотрѣли на все это съ глубокимъ вниманіемъ; нашъ михмандаръ, постоянно веселый и живой, казалось, погрузился въ глубокую думу. Я не долго присутствовалъ при этой сценѣ, странной и отвратительной; простившись съ Яя-ханомъ, я пошелъ въ свою палатку, которую однакожъ не безъ труда отыскалъ въ темнотѣ, и легъ спать. Но музыка и пѣніе еще долго раздавались въ унылой Міанской степи.

Мы перешли черезъ Кафланку (цѣпь горъ, ограждающую Адербиджанъ). Въ Иракъ (по-Персидски Арахъ) еще безплоднѣе и суше. Первый нашъ ночлегъ въ этой провинціи былъ въ каравансераѣ. Сквозь широкія и темныя ворота насъ провели въ обширный дворъ полуразрушеннаго огромнаго строенія. Также по темной, витой лѣстницѣ, я взобрался на террасу. Тамъ у дверей, завѣшенныхъ пестрыми занавѣсками, стояли маленькія дѣвочки; ясно, что за дверьми стояли большія. Я бы могъ, какъ будто нечаянно, по невѣдѣнію, приподнять занавѣсъ, но нѣсколько собакъ оскалили уже на меня зубы; я сбѣжалъ внизъ и пошелъ смотрѣть квартиру, приготовленную для меня. Въ ней было нечисто, сыро и темно; нельзя было не упрекнуть михмандара,

еще недавно получившаго отъ меня нѣсколько аршинъ сукна, и его помощника, которому за день подарилъ часы, чтобъ они охотнѣе мнѣ служили. Послѣдній предложилъ мнѣ квартиру на той террасѣ, гдѣ не удалось мнѣ сдѣлать рекогносцировки. Хозяинъ каравансерая, старикъ суровый, подозрительный, воспротивился этому распоряженію, и возразилъ, что рядомъ съ этой квартирой живутъ женщины изъ пяти домовъ, очищенныхъ для помѣщенія свиты посланника, и что слѣдовательно означенную квартиру могъ бы занять только посланникъ, потому что онъ женатъ. Однакоже на сопротивленіе старика не обратили вниманія, и начали переносить мои вещи, между тѣмъ какъ я, въ ожиданіи, расположился съ докторомъ Капгеромъ подъ открытымъ небомъ на коврѣ, грѣться на солнцѣ и курить сигары, съ бутылкою портера, которымъ мы запаслись въ Тавризѣ. Наконецъ извѣстили меня, что все готово. Я пошелъ на верхъ, и былъ очень доволенъ моимъ помѣщеніемъ, гдѣ топился уже каминъ, и свѣжій воздухъ проникалъ сквозь окно съ рѣшеткой изъ глины, довольно оригинальной работы. Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, очень довольный собою, я взялся за кисть и перо, и не прежде, какъ въ полночь, позвалъ своего челоуѣка. Пока онъ приготовлялъ мнѣ что было нужно для ночлега, я взялъ свѣчу и подошелъ къ стѣнѣ, на которой замѣтилъ что-то въ родѣ налѣпленныхъ дынныхъ сѣмянъ. Мнѣ вообразилось сначала, что кто-нибудь ѣлъ дыни и для забавы бросалъ внутренность ихъ на стѣну. Странная забава, подумалъ я, приближаясь и не вѣря своимъ глазамъ: проклятыя сѣмена шевелились, медленно ползали.... волосы стали на мнѣ дыбомъ, лихорадочный ознобъ пробѣжалъ по всему тѣлу. Меня отбросило назадъ; испуганнымъ взоромъ окинулъ я комнату, всѣ стѣны покрыты были какъ будто подвижными обоями, составленными изъ насѣкомыхъ.... Какъ изступленный, я крикнулъ, перебудилъ людей, велѣлъ переносить постель и всѣ вещи, въ тотъ подземный гротъ или обширный погребъ, который прежде назначенъ былъ мнѣ на долю. Вообразите вой собакъ, злыхъ тѣлохранителей гарема,

и ихъ остервененіе противу насъ, при ночной и внезапной передрагѣ. Въ темнотѣ я бѣжалъ по тѣламъ спящихъ на террасѣ людей, ни чему не внимая, соскочилъ въ нѣсколько прыжковъ съ лѣстницы, похожей на обрывъ пропасти, и въ ожиданіи переселенія, ходилъ тревожно въ халатъ по двору и около каравансерая: часовые приняли меня за своего брата Персіянина, и слѣдовательно за вора, закричали по своему караулъ, и намѣрены были меня схватить; но я успѣлъ уже вбѣжать въ свой погребъ. Тамъ старыя стѣны по крайней мѣрѣ были покрыты только щелями; въ нихъ могли водиться тараканы, но своды этой тюрьмы свѣтились отъ сырости, а сырость и холодъ для нихъ неблагопріятны. Не смотря на эту увѣренность, я однажъ замѣтилъ небольшое число этихъ черныхъ гадовъ; но Абдулла, ферашъ мой, немедленно же ихъ уничтожилъ, — они пали подъ ударами башмаковъ его, — я легъ, и наконецъ заснулъ. Поутру михмандаръ съ любопытствомъ пришелъ осведомиться, что во мною случилось ночью; а хозяинъ каравансерая съ важностію объявилъ мнѣ, что комната, въ которой я спалъ, была прекрасна, и что самъ Шахъ-Аббасъ ночевалъ въ ней не разъ. Два слѣдующіе ночлега были въ деревняхъ очень бѣдныхъ; но въ мазанкахъ по крайней мѣрѣ не было насѣкомыхъ. Дома эти, построенные изъ глины, или просто изъ грязи, нѣсколько похожи на Малороссійскія избы. Въ нихъ сносно, — пожаловаться нельзя. Несчастные крестьяне, которые живутъ въ нихъ, весьма понятливы и услужливы. Не смотря на бѣдность этихъ деревень, михмандаръ успѣвалъ доставлять намъ все въ изобиліи, т. е. все то, чего можно ожидать въ деревнѣ: молоко, хлѣбъ, простоквашу, арбузы, дыни, неподобные гранаты, единственный виноградъ, лимоны и даже вино. Въ разстояніи 8 агачей или 55 верстъ отъ Зенгана, ночлегъ мой былъ въ большой комнатѣ безъ оконъ, съ двумя скважинами въ потолокъ для освѣженія воздуха; но воздухъ не освѣжался, мнѣ было душно; я всталъ въ три съ половиною часа ночи, велѣлъ себѣ сдѣлать настой (шербетъ) изъ алобухары (шепталы) и гранатнаго соку, выпилъ стаканъ, и только

что показалась заря, отправился въ Зенганъ. Товарищи мои еще спали. Погода нѣсколько измѣнилась, дулъ сильный вѣтеръ, но не холодный. Здѣсь мѣстность также неимоверно бесплодна, какъ и на всемъ разстояніи отъ самаго озера Севанъ, гдѣ кончается Дилиджанское ущелье. Эриванъ, Нахичеванъ, Тавризь (по тамошнему Тебризь), Міана—посреди пустыни. По всѣмъ долинамъ и горамъ печальный цвѣтъ золы, какъ будто Божій гнѣвъ опустошилъ и превратилъ въ пепель всю эту страну. Напрасно взоръ путешественника, утомленный унылымъ однообразіемъ, стремится вдаль, и будетъ искать какого-нибудь предмета отраднаго для души: онъ не увидитъ ничего, кромѣ мертвенности и горь свинцового цвѣта. Въ полдень я пріѣхалъ въ Зенганъ, съ моимъ ферашемъ (котораго мнѣ рекомендовали какъ большаго плута, но честнѣе его нельзя было найти въ Тавризь). По предположенію мнѣ надо было бы пріѣхать гораздо раньше; Туркменская моя лошадь почти во все время шла рысью. Зенганъ небольшой городъ сѣраго цвѣта, какъ и прочіе, но довольно живой. Я проѣхалъ по базару, потомъ провелъ меня черезъ развалины дворцовъ, въ нѣсколько воротъ, которые постепенно сѣуживались и становились ниже. Я слѣзъ съ лошади, чтобъ не разбить голову, и меня ввели въ садъ, наполненный людьми. Тутъ было нѣсколько строеній. Мнѣ указали лучшее изъ нихъ, одинъ изъ домовъ градоначальника, бывшій прежде жилищемъ Шаховъ. Взираясь по худой, узкой, витой и крутой лѣстницѣ, я вдругъ, какъ изъ-подъ земли, очутился въ чудномъ дворцѣ. Только калейдоскопъ можетъ подать мысль о волшебной прелести формъ и цвѣтовъ, столь внезапно ослѣпившихъ мой взоръ. Золото, хрусталь и всѣ радужные цвѣта повсюду горѣли въ пространномъ лабиринтѣ сводовъ и галлерей. Я не сходилъ съ мѣста, какъ будто боясь разрушить очаровательный чертогъ моими нескромными шагами. Легкость въ блестящей архитектурѣ этихъ палатъ такъ необычайна, что они показались мнѣ созданными не для людей, а для какихъ-нибудь духовъ, обитавшихъ въ Персіи, когда она была еще цвѣтуща и прекрасна, во времена Шехеразады. Я помѣщаюсь

въ верхнемъ этажѣ осьмиугольной залы. Ряды тонкихъ зеркальных столбовъ поддерживаютъ осемь горницъ, на подобіе ложъ театра. Зеркальныя призмы въ стѣнахъ и потолкѣ ярко блестятъ въ чудномъ смѣшеніи по золотой живописи цвѣтовъ, какъ будто только что сорванныхъ, изображеній охоты, битвъ, пышности царской и нѣги любви. Всѣ полы устланы драгоцѣнными коврами; радужные лучи солнца таинственно проникаютъ сквозь прозрачную мозаику изъ миллионовъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ. Мнѣ казалось, что всѣ стѣны чудно составлены изъ драгоцѣнныхъ камней. Огонь сапфира, яхонта и изумруда горѣлъ въ мелкихъ узорахъ оконъ. Я взглянулъ внизъ: тамъ обширный бассейнъ воды занималъ средину этого осьмиугольнаго зданія и билъ фонтанъ, а кругомъ были комнаты, гдѣ раздавалось журчаніе каляна и говоръ лѣнивыхъ слугъ. Я осматриваю все, иду изъ одной горницы или ложи въ другую, — всѣ онѣ разнообразны и всѣ прекрасны; каждая отдѣлена отъ другой зеркальною дверью и парчевой занавѣсью. Подъ моими ногами ковры завалены фруктами и конфетами въ баснословномъ изобиліи. Наконецъ я возсѣдаю, мнѣ приносятъ богатый калянъ изъ золота. Гостепріимный хозяинъ, Гакемъ или губернаторъ Зенгана, приходитъ и садится противъ меня, не говоря ни слова, изъ вѣжливости и приличія, чтобъ не тревожить меня, и какъ будто не вынуждать говорить на языкъ, котораго я не знаю. Но на лицѣ его замѣтно заботливое безпокойство хозяина: довольно ли навалено конфетъ, довольно ли красивъ чертогъ его; тихо приказываетъ онъ, чтобъ скорѣе принесли кофе и чай, а особенно, чтобъ спѣшили подать *плофъ*, *челофъ*, *чурекъ*, *мюрекъ* и проч. Премилый человекъ! Какъ изъявить ему мою благодарность за такое радушное гостепріимство? Всѣ эти богатства хотя и не для меня были приготовлены, однакоже я также ими пользовался. Щедрость его меня уничтожила, я былъ безмолвенъ, у меня не доставало словъ выразить мою благодарность по-Татарски, а еще менѣе по-Персидски (Фарси). Наконецъ гостепріимный Гакемъ удалился изъ вѣжливости, усадивъ меня въ одной изъ прекрасныхъ горницъ. Бѣлую

занавѣсь этой ложи задернули, но я поспѣшилъ снова отдернуть, чтобъ пользоваться видомъ прозрачнаго бассейна въ нижнемъ этажѣ и восточной роскошью прочихъ покоевъ, гдѣ, сквозь узоръ цвѣтныхъ оконъ, солнце играло въ зеркалахъ, сіяло въ позолотахъ и освѣщало чудную живопись: тамъ безконечные ряды принцевъ и придворныхъ окружали тщеславнаго Фетъ-Али-Шаха, сидящаго на тронѣ или скачущаго на бѣломъ конѣ; грозный Ага-Магометъ-Ханъ съ толпами хищниковъ побѣждалъ Русскихъ; а Рустемъ поражалъ чудовищъ. Портреты знаменитѣйшихъ Шаховъ, казалось, устремили на меня свои суровые взоры. Вся Персія представлялась мнѣ въ безконечной рѣкѣ временъ: во тѣмъ глубокой древности баснословный Зейзакъ пожиралъ народъ свой на скалахъ Демовенда. Благотворный Джемшидъ, блестящій какъ солнце, озарялъ Персію яркимъ свѣтомъ, и распространялъ границы могучаго своего царства.... Потомъ снова все скрывалось какъ будто въ черныхъ тучахъ. Толпы варваровъ опустошали Персію.... Но не берусь описывать прошедшаго; передо мной, изъ туманнаго хаоса временъ возникаетъ современная Персія, опустошенная, сухая, сѣрая, голая, пространная земля, на которой кое-гдѣ еще разбѣзжаютъ верхами нѣсколько плутовъ, въ острыхъ шапкахъ, съ черными бородами, и кое-гдѣ видны жалкія строенія, во внутренности которыхъ осталось еще довольно Азіатской роскоши и вкуса.

Между прочими изображеніями на стѣнахъ, дѣвы-сладострастницы танцуютъ или отдыхаютъ, и сладострастными тѣлодвиженіями и острыми или томными взглядами, какъ будто манятъ къ себѣ и раздражаютъ мой бранный составъ. Что можетъ сравниться съ разительною красотой Иранскихъ женщинъ? — Ловкій и тонкій станъ, густые волосы, черноогненные глаза, уста, горящія страстью, смуглый цвѣтъ тѣла. Но не для насъ цвѣтутъ эти гуріи: онѣ заточены въ гаремахъ, гдѣ истощаютъ свое искусство надъ пресыщенными уже чувствами; ревнивые старики и жадные евнухи томятъ ихъ безотрадно.

Мнѣ приносятъ богатый завтракъ, ставятъ посреди комнаты мангалъ (жаровню), огромную сальную свѣчу, кладутъ подлѣ меня кусокъ сквернаго мыла, изобильное количество двухъ красокъ, *гэнэ* и *рангъ*, для крашенія волосъ, бороды, рукъ и ногъ (безъ этихъ красокъ они думаютъ, что жить нельзя). Всѣ суетятся, но съ наружнымъ спокойствіемъ, и шепчутъ между собою. Я иду гулять на базаръ; четыре Фераша провожаютъ меня и осыпаютъ палочными ударами или бьютъ камнями всѣхъ попадающихся мнѣ на встрѣчу. Я, разумеется, воздерживаю ихъ усердіе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ одного нищаго мальчика, который осмѣлился протянуть руку для прошенія милостины, они закидали камнями и разшибли бѣдному голову. Ословъ и верблюдовъ колотили безпощадно, стариковъ толкали немилосердо, таскали за бороды и били кулаками въ лицо. Вѣроятно, усердные Фераши полагали, что я почту за обиду и за неокazanное должное вниманіе, если они не будутъ тиранить и осыпать ударами всѣхъ проходящихъ мимо. Но таковъ уже въ Персіи обычай: шествіе благороднаго челоуѣка должно быть ознаменовано притѣсненіемъ и побоями; въ противномъ случаѣ (думаютъ они) что жъ бы доказывало, что идетъ челоуѣкъ почетный, и что бы отличало джентельмена (по-Персидски *наджибъ-адама*) отъ обыкновеннаго простолюдина?

Невозможно исчислить всего изобилія различныхъ пилавовъ, соусовъ, жаркихъ, рыбъ, яичницъ, іогуртовъ или простокваши, каймаку, шербетовъ, конфектъ, компотовъ, фруктовъ, гранатъ, чудныхъ дынь, и проч. и проч., которые подавали къ обѣду. Необычайные подносы, безъ конца слѣдовавшіе одинъ за другимъ, вносились въ окно, потому что дверь для нихъ не довольно была широка. Пышные ковры загромождены вкусными плодами, блюда наставлены одно на другое горами; съ трудомъ нужно пробираться сквозь груды небесныхъ даровъ, которые Персидское гостепріимство наваливаетъ предъ тѣми счастливицами, которые пріѣзжаютъ сюда.

Уже ночь. Занавѣсь разверзается предо мной, то есть, я отдергиваю ее, и вижу въ противоположномъ открытомъ покоѣ доктора Капгера, окруженнаго всею восточною пышностью и приготовляющагося, также какъ и я, ложиться спать. Единственная сальная свѣча, горящая у него, производитъ таинственный и дивный эффектъ, отражаясь въ тысячѣ зеркалахъ, сіяя въ позолотѣ стѣнъ, и неясно освѣщая чудныя картины потолка. Онъ съ своей стороны пользуется такимъ же зрѣлищемъ, глядя на меня. Но вотъ приходятъ съ предложеніемъ идти въ баню (*фаверь*), вообще рѣдко предлагаемую христіанамъ; но уже слишкомъ поздно; завтра надо рано вставать. Докторъ гаситъ свою свѣчу и хочетъ ужъ предаться сну на роскошныхъ Хорасанскихъ коврахъ, прислушиваясь къ журчанію бьющаго внизу фонтана, посреди нашего волшебнаго дворца, и къ стуку, который производитъ вѣтеръ, расшевеливая нетвердо соединенныя стеклышки нашихъ оконъ. Этотъ звонкій стукъ есть отличительная черта Персидскихъ покоевъ, и нѣсколько напоминаетъ звукъ кастаньетовъ. Я слѣдую примѣру доктора. Егоръ давно уже хранитъ; онъ съѣлъ полнуда жирныхъ конфетъ.

На другой день этотъ оазисъ роскоши и очарованія исчезъ для насъ. Мы уже въ деревнѣ (не помню названія, кажется *Хурруль-дэре*). Двѣ женщины принесли намъ винограду и гранатовъ (по-Персидски *наръ*). Я попробовалъ приподнять ихъ вуали, и былъ весьма тронутъ, когда онѣ приняли мое любопытство съ униженіемъ и покорностью. Чтобъ вознаградить мою нескромность, я сунулъ имъ въ архалуки нѣсколько серебряныхъ монетъ, и онѣ изъявили свое довольствіе, пріятно улыбаясь и опустивъ глаза въ землю. Въ Персіи величайшее и почти единственное выраженіе благосклонности состоитъ въ томъ, чтобъ давать деньги, и чѣмъ болѣе денегъ, тѣмъ болѣе и значеніе благосклонности. Подарить, напримѣръ, малостоящій подарокъ есть великое неуваженіе къ сану особы. Я стараюсь какъ можно болѣе раздавать дѣтямъ мелкаго серебра, въ увѣренности, что это мнѣ вознаградится впоследствии хорошимъ пріемомъ, въ случаѣ вторичнаго посѣщенія Персіи. Надо замѣтить,

что, мнѣ показалось, деревни отъ Зенгана пошли чаще и въ нихъ менѣе нищеты; въ деревенскомъ comfortѣ нѣтъ недостатка, хотя онъ и неотличный. Что касается до фруктовъ самыхъ прекрасныхъ, — они въ невѣроятномъ изобиліи; не смотря на то, Персіане ихъ ѣдятъ страстно и съ жадностію; но мнѣ они успѣли уже надоесть: только что привезетъ куда-нибудь на станцію, тотчасъ же заваливаютъ граватами и дынями, а хотѣлось бы чего-нибудь сытнаго, и притомъ крѣпительнаго.

Здѣсь пропущены мною три дни пути. Сказать ли правду: скука и отчаяніе овладѣли мною, и меня ужъ везутъ, какъ мертвеца; я уже не смотрю ни на что. Мы ѣдемъ такъ долго, и не видимъ ничего хорошаго. Наконецъ доѣхали до Казбина, который славится въ Персіи; говорятъ даже, что онъ лучше Тегерана, что давно уже хотятъ въ него перевести столицу, что онъ похожъ на Гератъ, что онъ несравненно лучше Герата. И каково же слышать все это, въѣзжать въ этотъ славный городъ, и не видѣть ничего, кромѣ безобразія и пустоты. Казбинскій губернаторъ Беглербегі-Тахмасъ-Кули-Ханъ, который только что вчера, говорятъ, вырвался изъ Тегерана отъ Шаха, куда его водили на веревкѣ съ связанными руками, за какую-то вину, выѣхалъ къ намъ на встрѣчу съ калыаномъ и съ толпой оборванныхъ мужиковъ. Сквозь обломки полинявшихъ стѣнъ и разнокалиберныхъ калитокъ и темныхъ переходовъ привелъ онъ насъ къ разрушенному дому, покинутому со временъ Надиръ - Шаха. Полковникъ Дюгамель велѣлъ разбить палатку, а я одинъ поселился въ пустомъ дворцѣ, расписанномъ изображеніями Персидскихъ богатырей и красавицъ, и большею частию составленномъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, перебитыхъ въ дребезги. Я побѣждалъ на базаръ; но ничего путнаго не встрѣтилъ; потомъ отправился въ баню Баграмъ-мирзы * (самъ онъ былъ въ отсутствіи). Четыре банщика старца расположились дѣлать надо мной различные эксперименты, съ приговорками изъ Алкорана, и между

* Шахскаго намістника въ Казбинѣ.

прочимъ, выкрасили мои жалкіе усы, волосы, руки и ноги бурой краской, увѣряя, что это весьма красиво, полезно, и необходимо въ Персіи для порядочнаго человѣка. Въ продолженіе всѣхъ этихъ церемоній, приговорокъ и притираній, неоднократно подавали кальянъ. Къ обѣду жена Баграмъ-мирзы прислала намъ гигантское блюдо плову съ горькимъ масломъ. На другой день мы опять отправились кочевать по деревнямъ.

Довольно странно бы показалось всякому, кто бы могъ взглянуть, какъ мы отдыхаемъ, лежа на полу въ Персидской избѣ у камина съ кальянами, или тащимся шагомъ по пустынямъ съ толпой Персіянъ. Но вотъ, завтра, 6-го Ноября, мы въѣжаемъ въ Тегеранъ. Всѣ опасности преодолены: въ чемъ же онъ состоятъ? — Во-первыхъ, путешественникъ въ Персіи долженъ весьма осторожно и со свѣчей вступать въ Персидскую избу; въ противномъ случаѣ онъ подвергается паденію въ яму и даже въ нѣсколько ямъ, которыя существуютъ во всякой деревенской комнатѣ: одна для храненія хлопчатой бумаги, другая для разведенія мангала, т. е. жаровни, третья для куръ, четвертая для ржи, или пшена. Всѣ эти пропасти прикрыты коврами, или глиняными крышками, которыя при первомъ давленіи рассыпаются. Во-вторыхъ, при затопкѣ камина, очень часто вся комната наполняется густымъ дымомъ. Эти два обстоятельства неминуемо угрожаютъ путешественнику въ Персіи. Но я приобрѣлъ уже такой навыкъ отъ несчастнаго опыта проваливаться и коптѣть въ дыму, что даже въ темнотѣ ловко миную прыжкомъ всѣ провалы; а во время растопки камина прогуливаюсь по двору. Но мы уже въ послѣдней деревнѣ, и такой деревни еще не встрѣчали. Она въ горахъ; въ ней вездѣ протекаетъ и шумитъ чистѣйшая вода, вездѣ высокія густыя деревья, народу много. Г. Бла-рамбергъ, адъютантъ Графа Симонича, занялъ насъ пріятнымъ своимъ разговоромъ. Онъ присоединился къ намъ въ Казбинъ, куда пріѣхалъ на встрѣчу Полковнику Дюгамелю. Необыкновенно какъ отраднo среди Азіи, вдругъ съѣхаться съ Европейцемъ, и особенно съ Европейцемъ во всей силѣ

слова, любезнымъ, умнымъ, ученымъ и добрымъ, каковъ Г. Бларамбергъ. Какая разительная противоположность съ типомъ Азіатца! Мы не чувствуемъ той сладости въ пищу душевной, которою пользуемся въ Европѣ; но какъ жаждемъ ее въ степяхъ Азіи!

Что-то не спится. вмѣсто пѣтуховъ въ Персію кричатъ по ночамъ муллы. Я этого народъ не люблю. Такъ какъ теперь еще весьма рано, и можно воспользоваться свободнымъ временемъ, то не худо записать все, что было отъ Зенгана до сихъ поръ. Въ Султаніи, лѣтнемъ пребываніи покойнаго Фетъ-Али-Шаха, верстахъ въ полтора отсюда, мы дневали и ночевали въ разрушенномъ его дворцѣ. Въ комнатѣ моей не было ни окошекъ, ни дверей. Михмандару нашему было совѣстно, и онъ такъ хлопоталъ, что я рѣшился подарить ему свои золотые часы; онъ, кажется, этой въжливостію былъ очень доволенъ, — а сыну его Фаррухъ-Хану отдалъ послѣдній кусокъ коричневаго сукна. Въ одной комнатѣ Султанійскаго дворца, на стѣнахъ, написанъ почти въ ростъ Фетъ-Али-Шахъ на охотѣ, верхомъ на бѣлой лошади, мѣстами выкрашенной красной краской, то есть, хвостъ, грива, ноги, грудь и животъ — вся нижняя половина лошади (мнѣ сказали, что это отлічіе царя). Многія изъ дѣтей его также были тутъ изображены. Близъ Султаніи стоитъ великолѣпная развалина мечети, построенной за 600 лѣтъ нѣкимъ шахомъ Худаванда, большею частью изъ голубаго и бѣлаго муравленаго кирпича. Осмотрѣвъ это огромное зданіе, мы продолжали путь свой. Въ одной деревнѣ, намъ показали гробницу какого-то ймама, что-то въ родъ Имамъ-Ризы, также изъ голубо-зеленаго кирпича; здѣсь мнѣ страхъ какъ было досадно на нашего михмандара: онъ отвелъ намъ всѣмъ для помѣщенія самыя скверныя деревенскія избы, гдѣ не было ни свѣту, ни воздуху, а самъ поселился въ хорошемъ домѣ у муллы, который приставленъ къ гробницѣ. Нѣсколько дней послѣ, т. е. вчера, мы провели почти сутки среди остатковъ Сулейманіи, — дворецъ съ садомъ покойнаго Фетъ-Али-Шаха, гдѣ я также видѣлъ

много портретовъ въ ростъ, написанныхъ на двухъ стѣнахъ большой пріемной залы, то есть, *диванъ-хана*; между прочимъ портретъ Шаха-Евнуха, Ага-Магометъ-Хана на тронѣ, въ присутствіи всего Двора. А съ противной стороны Фетъ-Али-Шахъ съ своими дѣтьми. Двѣ же другія противоположныя стѣны были сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Потолокъ былъ изъ зеркалъ, перемѣшанныхъ съ позолотой и живописью. Двѣ лѣстницы, ведущія въ эту залу, сдѣланы изъ зеленого муравленого кирпича. Баня, на другой сторонѣ двора, противъ этой залы, очень красива. Высокая башня стоитъ возлѣ залы *диванъ-хана*, съ которой можно обозрѣвать всю окрѣпость; но смотрѣть нечего: въ Персіи вездѣ и всегда одно и то же стрѣе однообразіе.

8—20 Ноября 1838 года. Рано поутру мы выѣхали изъ Кента, той прекрасной деревни, о которой уже говорилъ я; она просто называется Кентъ, что значитъ деревня. Тегеранъ виднѣлся въ туманной дали; какъ вдругъ толпа народа окружила насъ. Среди ея нѣсколько конюховъ съ трудомъ держали двухъ прекрасныхъ рыжихъ жеребцовъ, блестящихъ золотомъ, одѣтыхъ въ шали, съ хвостами и гривами, выкрашенными огненнымъ цвѣтомъ. Еще мы не успѣли спросить, что это значило, какъ уже меня за ноги и за руки стащили съ моей лошади, чтобъ посадить на одного изъ этихъ борзыхъ коней, а на другомъ посаженъ былъ Полковникъ Дюгамель. Тогда только объяснили, что Шахъ прислалъ намъ этихъ лошадей. Среди поздравленій и восклицаній: *мубарекъ!* которыя шумно повторяла толпа окружающихъ насъ Персіанъ, Арабскій жеребецъ несъ меня въ Тегеранъ (средоточіе міра), куда мы и въѣхали при громѣ барабановъ и звукъ трубъ, между рядами Персидскихъ солдатъ. Лошади наши бросались во всѣ стороны и давили народъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ N)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНЫМЪ.

Сплю , но сердце мое чуткое не спать....
За дверями голосъ милаго звучить :
«Отвори , моя невѣста , отвори ;
Догорѣло пламя алое зари ;
Надъ дугами надъ шелковыми
Пала бѣлая роса ,
И слезинками перловыми
Мнѣ смочила волоса ;
Сходитъ съ неба ночь прохладная....
Отвори мнѣ , ненаглядная !»

«Я одежды легкотканныя сняла ,
Я умыла мои ноги и легла ,
Я на ложѣ цѣпенію и горю....
Какъ я встану , какъ я двери отворю ?»
Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой....
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной ,
И , полна желанья знойнаго ,
Встала съ ложа я покойнаго.

Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользить;
 Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ;
 Съ черныхъ костъ моихъ струится ароматъ;
 На рукахъ запястья цѣпныя бренчать.

Отперла я дверь докучную :

Статный юноша вошелъ

И со мною сладкозвучную

Потихоньку рѣчь повелъ ,

И слыхала я съ рѣчью нѣжною

Всей душой моею мятежною....

П. Мей.

МРАЧНО НА ДУШѢ.

Нѣтъ , никогда такъ не бываетъ

Мрачна и ночь , когда она

Безъ мѣсяца и звѣздъ полмира покрываетъ ,

Какъ у меня душа моя мрачна.

Противиться судьбѣ и всѣмъ ея ударамъ —

Какъ тяжело.... о , это ! видитъ Богъ !

Лети же къ небесамъ , печальный сердца вздохъ , —

Ты принять будешь тамъ : ты вылетѣлъ не даромъ.

В. Алферьевъ.

СТРАННИКЪ.

(С. П. Шклярск.)

Меня ты встрѣтила живымъ привѣтомъ ,
Ты подарила мнѣ небесный взоръ ,
И въ грудь мою запасть онъ чуднымъ свѣтомъ.

Какъ ключъ пробьется изъ кренистыхъ горъ ,
Гдѣ долго онъ хранился потаенный ,
Гдѣ камень сдерживалъ его напоръ :

Такъ изъ груди, любовью напоенной ,
Впервые брызнулъ животворный ключъ ,
Стремительный ключъ пѣсни вдохновенной.

И принялъ я съ любовію твой лучъ ,
И онъ открылъ тогда мнѣ жизни тайны ,
И сердцемъ сталъ я кѣженъ и могучъ.

Тогда союзъ какой-то неслучайный
Меня на бѣки съ горемъ сочеталъ ,
Но я проникъ языкъ необычайный ,

Его суровый гласъ мнѣ ясенъ сталъ :
Моей души тяжелыя страданья
Вскормили мой прекрасный идеалъ.

И встрѣтилъ я тогда другой привѣтъ :
Природа вся передо мной открылась ,
Одѣтая въ роскошный жизни цвѣтъ.

Она ко мнѣ съ любовію склонилась ;
И понялъ я , что я не слабъ и хилъ ,
Что жизнь еще во мнѣ весною билась .

Но снова трепеть грудь мою тѣшилъ ,
И пѣснь рвалась , и звукъ ея напрасный
Далеко въ поле вѣтеръ уносилъ .

И думалъ я : къ Флоренціи прекрасной
Навѣрно этотъ голосъ долетитъ ;
Но было все и глухо и безгласно :

На родинѣ моей я былъ забыть .

М. Шугуровъ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИЗНЬ, ПРИКЛЮЧЕНІЯ, ОПЫТЫ И НАБЛЮДЕНІЯ ДАВИДА КОШЕРФИЛЬДА.

СОЧ. КАРЛА ДИККЕНСА.

(Продолженіе.)

ГЛАВА II.

Мои наблюденія.

Первыми предметами, которые представляются въ моей памяти въ ясныхъ образахъ, на темномъ воспоминаніи моего младенчества, были — мать моя, съ своими прекрасными волосами и юношескими чертами лица, и Пегготти съ наружностію безъ всякаго выраженія и съ такими тусклыми глазами, что они, казалось, затемняли все лицо ея. Ея щеки были такія наливныя и красныя, что можно было удивляться, отъ чего ихъ не клюютъ птицы, вмѣсто яблоковъ.

Какъ теперь помню и мать мою и Пегготти, какъ онѣ, присѣвъ на полу или ставъ на колѣни, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня, протягивали ко мнѣ руки, и я безпрестанно перебѣгалъ отъ одной къ другой. Во мнѣ осталось еще какое-то впечатлѣніе, котораго не могу отличить отъ

воспоминаній, — будто я чувствовалъ шероховатый указательный палецъ Пегготти, который отъ шитья сталъ похожъ на маленькую терку. Быть можетъ, это одно только воображеніе, хотя, по моему мнѣнію, у многихъ изъ насъ память простирается гораздо далѣе, нежели вообще думаютъ, и что даръ наблюдательности у нѣкоторыхъ малютокъ отличается такою остротою и точностію, что возбуждаетъ невольное удивленіе. Есть же взрослые люди, которые въ этомъ отношеніи представляютъ собою что-то замѣчательное, и о которыхъ можно сказать, что они не приобрѣли, а сохранили эту способность. Подобные люди, какъ я замѣтилъ, бываютъ одарены свѣжестію и нѣжностію чувствъ, восприимчивостію къ радости и удовольствіямъ, что также сохранилось въ нихъ съ самаго младенчества.

Но при изложеніи всего этого, мнѣ пора вспомнить правило, что *не слѣдъ бросаться въ сторону*, и остается только замѣтить, что всѣ эти наблюденія относятся отчасти и ко мнѣ. Если изъ разсказа моего окажется, что я былъ ребенокъ съ необыкновеннымъ даромъ наблюдательности, и, возмущавъ, сохранилъ ясное воспоминаніе моего младенчества, то я въ правѣ утверждать, что точно имѣю эти оба качества.

И такъ возвращаюсь къ темному времени моего дѣтства; изъ хаоса разныхъ предметовъ, возникають въ моей памяти два: мать моя и Пегготти. Что же я еще могу припомнить? Посмотримъ.

Вотъ изъ туманныхъ облаковъ минувшаго рисуется предо мною нашъ домъ, не новый для меня, но въ прежнемъ, знакомомъ мнѣ видѣ, который сохранился въ воспоминаніи. Въ землѣ подъ домомъ кухня, двери которой выходятъ на задній дворъ; посреди этого двора, на высокомъ столбѣ голубятня безъ голубей; далѣе въ углу — большая собачья конура, безъ собаки, и наконецъ множество куръ, которыя казались мнѣ такими огромными, когда онѣ съ дикимъ видомъ бѣгали взадъ и впередъ. Въ особенности пугалъ меня пѣтухъ, который, взлетѣвъ на столбъ и сбѣ-

раясь пѣть, устремлялъ, казалось, на меня, смотрѣвшаго изъ окна кухни, такой проникательный взоръ, что меня невольно пробирала дрожь предъ этимъ храбрецомъ. Но о гусахъ, которые бѣгали за мною, протягивая ко мнѣ свои длинныя шеи, я грежу иногда во снѣ, подобно человѣку, который спитъ въ лѣсу при воѣ дикихъ звѣрей, и видитъ во снѣ львовъ.

Вотъ длинный корридоръ, ведущій отъ кухни къ главнымъ дверямъ дома, представляетъ мнѣ свою безконечно-далекую перспективу. Онъ идетъ мимо темной кладовой, которую также вижу я иногда во снѣ; и не знаю, что такое было тамъ между этими кадками и бочками; но я помню, какъ оттуда несло на меня запахомъ мыла, перцу, солонины и мышей когда, бывало, кто-нибудь входилъ туда съ тускло-горящею свѣчею. — Есть еще тамъ двѣ комнатки: всеневная, въ которой мы — матушка, я и Пегготти — сидѣли по вечерамъ; и гостинная, очень красивая, но не такъ удобная, въ которой сидѣли мы по праздникамъ. Эта комната напоминаетъ мнѣ что-то печальное: не помню — когда, но вѣроятно давно, рассказывала мнѣ Пегготти, что въ день похоронъ отца моего собирались въ ней провожатые въ траурныхъ платьяхъ. Однажды въ воскресный вечеръ матушка читала здѣсь намъ — мнѣ и Пегготти — исторію о воскресеніи Лазаря; и это навело на меня такой страхъ, что онѣ наконецъ принуждены были поднимать меня съ постели и показывать мнѣ изъ окна спальни на тихое кладбище, гдѣ всѣ покойники лежали въ своихъ могилахъ, озаренныхъ блѣдною луною.

Ничто въ природѣ не было такъ зелено, какъ трава этого кладбища; ничто не было такъ тѣнисто, какъ его деревья, и ничто такъ покойно, какъ его массивные камни.... На немъ паслись овечки, и бывало, проснувшись рано утромъ, я вскакивалъ съ своей маленькой кроватки и бѣжалъ къ окну кабинета, чтобы взглянуть на нихъ; я видѣлъ, какъ лучи зари сверкали на солнечныхъ часахъ, и думалъ, какъ весело должно быть этой стрѣлкѣ, что она показываетъ людямъ время!

А вотъ и семейный стулъ нашъ въ церкви. Какая же у него высокая спинка! Не далеко отъ него есть окно, въ которое видѣнъ нашъ домикъ; и бывало Пегготти, во время службы, не утерпитъ, чтобъ не взглянуть на него изъ этого окна, какъ будто съ намѣреніемъ удостовѣриться — не напали ли на него воры, не горитъ ли онъ. Хотя мысли Пегготти и отвлекались иногда отъ молитвы, но ей было очень непріятно, если я дѣлалъ то же самое: она смотрѣла на меня съ угрозою, если я вставалъ съ мѣста, и строгими взглядами побуждала меня смотрѣть на пастора. Но могъ ли я смотрѣть на него безпрестанно? — я вѣдь его и безъ того зналъ, а кромѣ того и боялся, чтобъ онъ не удивился, замѣтивъ, что я такъ пристально смотрю на него, и не спросилъ меня объ этомъ въ своей проповѣди, — ну чтѣ бы я тогда сказалъ? Правда, что очень дурно звать по сторонамъ; но надо же что-нибудь дѣлать. Я взгляну, бывало, на матушку, а она меня какъ будто и не видитъ. Взгляну на какого-нибудь мальчика на хорахъ, а онъ состроить мнѣ гримасу. Взгляну на свѣтлую полосу солнечныхъ лучей, которые сквозь растворенную дверь освѣщаютъ трапезу, и увижу заблудшую овцу: я разумѣю подъ этимъ не грѣшника, но какого-нибудь разгильдяя, который стоитъ въ раздумьѣ — идти ли ему въ церковь. Потомъ смотрѣлъ я на дощечки съ нумерами на стѣнѣ и вспоминалъ про мистера Бодгерсъ, нашего прежняго пастора и про мистриссъ Бодгерсъ, какъ она горевала, когда постигло ее несчастіе — безнадежная болѣзнь ея мужа, отъ котораго всѣ доктора отказались. Мнѣ любопытно было знать, былъ ли при этомъ мистеръ Чиллипъ, и что сказалъ онъ о его болѣзни. Отъ мистера Чиллипъ, въ его праздничномъ галстукѣ, я обращалъ взоры къ каѳедрѣ и воображалъ, какое бы прекрасное мѣсто было тамъ для игры, какую бы славленную крѣпость можно было тамъ устроить, и какъ другіе мальчики брали бы ее приступомъ, а я кидалъ бы имъ въ голову бархатныя подушки съ кисточками. Но мало по малу глаза мои смыкались; прислушиваясь нѣсколько времени къ однообразному напѣву, я засыпалъ и съ шумомъ падалъ

со стула, и Пегготти относилась меня въ такомъ положеніи домой.

А вотъ вижу я и наружную сторону нашего дома, съ рѣшетчатыми окнами, которыя открыты, чтобъ впустить въ комнаты ароматный воздухъ; вижу старыя вороньи гнѣзда, которыя все еще висятъ на вѣтвяхъ деревьевъ въ полисадникѣ дома. А вотъ я и въ нашемъ саду подлѣ того двора, гдѣ голубятня и конура; этотъ садъ — настоящая родина бабочекъ; онъ обнесенъ высокимъ заборомъ, съ дверью и задвижкой; въ немъ деревья осыпаны плодами, такими спѣлыми и сочными, какихъ я ни въ какомъ другомъ саду не видывалъ. Матушка пойдетъ, бывало, туда съ корзинкою, а я стою подлѣ нея, и украдкою рву крыжовникъ, стараясь принять на себя видъ, какъ будто бы и не думаю рвать крыжовникъ. — Но поднимается сильный вѣтеръ и въ одно мгновеніе уноситъ съ собою лѣто. Мы играемъ и пляшемъ въ комнатахъ въ сумерки зимняго вечера. Матушка, уставъ играть со мною, садится въ кресла, чтобъ перевести духъ, а я смотрю, бывало, на нее, какъ наворачиваетъ она себѣ на палецъ свои блестящія локоны, или ту же затягиваетъ станъ свой, и никто не знаетъ лучше меня, какъ ей весело и пріятно, что она такая хорошенькая.

Всѣ эти впечатлѣнія, а равно и то, что мы съ матушкой нѣсколько боялись Пегготти и совѣтовались съ нею во многихъ случаяхъ, принадлежатъ къ первымъ понятіямъ, которыя составилъ я себѣ обо всемъ, что видѣлъ.

Однажды вечеромъ сидѣли мы, — я и Пегготти, — одинъ, у огня. Я читалъ ей что-то о крокодилахъ. Но, или я читалъ не очень внятно, или она была не такъ внимательна, только мнѣ показалась, что она принимала ихъ за особенный родъ растений. Я уже усталъ читать и дремалъ; но такъ какъ я получилъ позволеніе, — что было для меня величайшимъ наслажденіемъ, — не ложиться до возвращенія матушки, которая пошла на вечеръ по сосѣдству, то, разумѣется, я скорѣе бы умеръ на своемъ постѣ, нежели бы легъ въ постель. Я уже достигъ той степени

дремоты, при которой Пегготти стала казаться мнѣ совсѣмъ распухшею и возрасла до необъятной величины. И потому я употребилъ свои указательные пальцы вмѣсто подпорокъ къ моимъ смыкавшимся вѣкамъ, и смотрѣлъ какъ можно пристальнѣе то на нее, сидящую за работой, то на кусочекъ восковой свѣчи, который лежалъ подлѣ нея для вощенія нитокъ, — и какимъ казался онъ мнѣ старымъ съ своими царапинами и морщинами! то на плетеную коробочку — жилище клубка; то на ея рабочую шкатулку съ выдвигною крышкою, на которой было изображеніе храма Св. Павла съ темнокраснымъ куполомъ; то на мѣдный наперстокъ на ея пальцѣ; то наконецъ опять на Пегготти, которую считалъ я очень миловидною. Мнѣ тогда такъ хотѣлось спать, что помнится, какъ въ одно мгновеніе все сплылось и исчезло предъ моими глазами, и я забылся.

— Пегготти, — вскричалъ я вдругъ, — была ли ты когда замужемъ?

— Ахъ, Боже мой, Дэви! — отвѣчала Пегготти, — какъ это вамъ вздумалось спросить о замужствѣ?

Слова эти были произнесены съ такою живостью, что я совершенно разгулялся отъ сна. Она перестала работать, дотянувъ нитку до самого конца, и вопросительно глядѣла мнѣ въ лицо.

— Да отъ чего жъ бы тебѣ не быть замужемъ, Пегготти? — отвѣчалъ я, — вѣдь ты хорошенькая; не такъ ли?

Я, разумѣется, думалъ объ ней въ этомъ отношеніи совсѣмъ иначе, чѣмъ объ матушкѣ; но я смотрѣлъ на нее, какъ на красоту, и по крайней мѣрѣ, на экземпляръ красоты въ другомъ родѣ. У насъ въ гостинной была маленькая, красная бархатная скамеечка, на которой матушка вышила букетъ цвѣтовъ. Цвѣтъ матеріи на этой скамеечкѣ приближался къ цвѣту лица Пегготти. Но скамеечка была гораздо глаже, чѣмъ лицо ея; другой разницы я не находилъ.

— Будто я хороша, Дэви? — сказала Пегготти, — ни сколько, мой милый! Но съ чего пришло вамъ въ голову замужство?

— Не знаю съ чего. А вѣдь нельзя жениться больше, какъ на одной? не правда ли, Пегготти?

— Разумѣется, что нельзя, — отвѣчали Пегготти съ величайшею увѣренностію.

— А если кто-нибудь женится, Пегготти, и одинъ умретъ, можно ли другому опять жениться? — или нельзя?

— Можно, дитя мое, — отвѣчала Пегготти, — если только онъ захочетъ. Это не запрещено.

— Но что бы ты сдѣлала Пегготти? — спросилъ я.

При этомъ вопросѣ я пристально взглянулъ на нее, потому что и она смотрѣла на меня пристально.

— Какъ бы вамъ сказать, — отвѣчала Пегготти, въ нерѣшительности и принимаясь за работу, — я никогда не была замужемъ, Дэви, да и не могу надѣяться выйти когда-нибудь замужъ. Вотъ все, что могу я вамъ сказать.

— Но вѣдь ты на меня не сердилась, Пегготти? — спросилъ я послѣ краткаго молчанія.

Я въ самомъ дѣлѣ думалъ, что Пегготти сердится на меня, потому что она такъ отрывисто отвѣчала; но я очень ошибся. Она отложила въ сторону работу, протянула ко мнѣ руки, взяла мою кудрявую голову и крѣпко поцѣловала меня. Это былъ горячій поцѣлуй, потому что по причинѣ толщины, у ней, бывало, всегда лопались пуговицы у платья, при малѣйшемъ напряженіи, и я помню, что и въ этотъ разъ, когда она обняла меня, въ противоположный уголъ отлегли двѣ пуговицы.

— Ну прочтите же мнѣ что-нибудь еще о *коркондиллахъ*, — сказала Пегготти, коверкая это названіе, — я еще мало объ нихъ слыхала.

Я не могъ себѣ объяснить, — отъ чего Пегготти была такая странная, и почему ей пришла охота къ крокодиламъ. Не смотря на это, мы возвратились опять въ общество нашихъ чудовищъ: оставляли ихъ яйца въ песокъ, чтобъ они вывелись на солнцѣ; спасались отъ крокодиловъ, бросаясь изъ сторо-

ны въ сторону, чего они не могли дѣлать такъ скоро по неудобному устройству тѣла; потомъ, подобно жителямъ тѣхъ странъ, пускались за ними въ воду, втыкали имъ въ пасть острия колья, и такимъ образомъ въ короткое время узнали все, что объ нихъ говорится.

Впрочемъ ручаюсь только за себя; что же касается до Пегготти, которая во все это время была погружена въ мысли, и нѣсколько разъ уколола себя иголкою лицо и руки, то я за нее не ручаюсь.

Кончивъ о крокодилахъ, мы только что перешли къ аллигаторамъ, какъ вдругъ позвонили у садовой калитки. Мы вышли, и встрѣтили матушку, которая, какъ мнѣ показалось, была тогда прелестнѣе обыкновеннаго; съ нею былъ незнакомый мужчина съ прекрасными черными волосами и бакенбартами, — тотъ самый, который въ послѣднее воскресенье провожалъ насъ изъ церкви домой.

Когда матушка наклонилась у порога, чтобъ обнять меня и поцѣловать, этотъ господинъ сказалъ, что я счастливѣе короля, или что-то въ этомъ родѣ; помнится что рассудокъ начиналъ уже помогать моимъ впечатлѣнiямъ.

— Какого короля? — спросилъ я его черезъ плечо матушки.

Онъ погладилъ меня по головѣ, но, не знаю почему, мнѣ не понравился его грубый голосъ; какъ будто изъ ревности мнѣ досадно стало, что рука его при этомъ случая коснулась руки моей матери, — и я хлопнулъ его по этой дерзкой рукѣ.

— Ахъ, ахъ, Дэви! — сказала съ упрекомъ матушка.

— Славный мальчикъ! — замѣтилъ господинъ, — впрочемъ я и не удивляюсь его привязанности.

Никогда еще не видалъ я матушку такого розового, какъ теперь. Она кротко упрекала меня за невѣжливость, и завернувъ меня въ свою шаль, обратилась къ незнакомцу, чтобъ поблагодарить его за беспокойство, что онъ проводилъ ее до дому. Она, прощаясь, подала ему руку; онъ взялъ ее и при этомъ, какъ мнѣ показалось, взглянулъ на меня.

— Ну, простимся, милашка, — сказалъ онъ мнѣ, наклонившись надъ маленькою перчаткою моей матушки.

— Прощайте, — сказалъ я.

— Ну, будемъ же друзьями! — продолжалъ онъ, сѣясь, — дай мнѣ свою руку.

Моя правая рука была въ рукѣ матушки, и потому я подалъ ему лѣвую.

— Э, Дэви! это не та рука, — сказалъ онъ съ улыбкою.

Матушка освободила мою правую руку; но я рѣшился не давать ему правой руки и таки не далъ. Онъ взялъ лѣвую, крѣпко потрясъ ее, назвалъ меня молодцомъ и удалился.

Я еще вижу, какъ будто это было вчера, какъ онъ оборотился къ намъ, выходя изъ сада, и взглянулъ на насъ своими недобрыми черными глазами, прежде чѣмъ затворилась колитка.

Пегготти, которая все это время была безмолвна и неподвижна, тотчасъ примкнула задвижку, и мы всѣ пошли въ комнату. Матушка, противъ обыкновенія, вмѣсто того, чтобъ сѣсть въ кресла у окна, осталась на другомъ концѣ комнаты, и напѣвала какую-то мелодію.

— Вы, кажется, пріятно провели вечеръ, сударыня! — сказала Пегготти, которая, съ подсвѣчникомъ въ рукѣ, стояла неподвижно посреди комнаты, подобно пивной бочкѣ.

— Очень пріятно, Пегготти, — отвѣчала матушка съ довольнымъ видомъ.

— Да-съ, беседа съ какимъ-нибудь постороннимъ. доставляетъ иногда очень пріятное развлеченіе въ жизни, — зашѣтила Пегготти.

— Это правда, и очень пріятное, — отвѣтила матушка.

Пегготти все еще стояла посреди комнаты; матушка снова принялась напѣвать, а я задремалъ, и хотя сонъ мой былъ не такъ крѣпокъ, чтобъ не слышать ихъ голосовъ, но я уже не могъ понять смысла разговора. Пробудившись отъ этого непріятнаго полусна, я увидѣлъ матушку и Пегготти въ слезахъ и въ жаркомъ преніи.

— Покойный мистеръ Копперфильдъ ужъ вѣрно бы не принялъ въ домъ свой такого молодца — говорила Пегготти, — я въ этомъ ручаюсь!

— Господи, Боже мой! — произнесла со слезами матушка, — ты меня съ ума сведешь! Есть ли гдѣ-нибудь такая бѣдная дѣвушка, которая бы, подобно мнѣ, переносила отъ служанки своей такія грубости?... но чтожъ это я называю себя дѣвушкою? развѣ я не была замужемъ?

— Въ этомъ и сомнѣваться нельзя, — отвѣчала Пегготти.

— Ну такъ какъ же ты смѣешь, — сказала матушка, — или лучше сказать, какъ стало у тебя духу, такъ огорчать меня и надѣлать мнѣ столько оскорбленій, тогда какъ ты очень хорошо знаешь, что здѣсь нѣтъ у меня ни одного друга, къ которому бы я могла обратиться.

— Тѣмъ-то болѣе это неприлично, — отвѣчала Пегготти. — Это рѣзительно неприлично! это ни въ какомъ случаѣ не прилично!

Я думалъ, что Пегготти бросить подсвѣчникъ, такъ размахалась она имъ въ воздухъ.

— Какъ могла ты до того забытья, — сказала матушка, еще болѣе обливаясь слезами, — что смѣешь такъ дерзко говорить со мною? какъ можешь ты утверждать, что между нами уже все устроено, тогда какъ я десять разъ, сто разъ говорила тебѣ, злое созданіе, что кромѣ самой обыкновенной вѣжливости, между нами ничего не было! Ты болтаешь о склонности; но что же мнѣ дѣлать, если бы кто-нибудь въ самомъ дѣлѣ увлекся страстію? развѣ я въ этомъ виновата? Что же мнѣ въ такомъ случаѣ дѣлать, говорю я? Не потребуешь ли ты, чтобъ я для тебя обрила себѣ голову, или исказила себѣ чѣмъ-нибудь лицо? Это было бы по тебѣ, я думаю; я даже полагаю, что это было бы для тебя пріятно!

Пегготти, какъ мнѣ казалось, приняла къ сердцу это обвиненіе.

— И этотъ милый мальчикъ, — продолжала матушка, подошедъ къ кресламъ и лаская меня, — мой маленькій

Дэви! какъ могла ты упрекнуть меня, что я не люблю это сокровище, этого прекраснаго малютку, которому подобнаго нѣтъ на свѣтѣ!

— Никому и въ голову не приходило васъ въ этомъ упрекать, — сказала Пегготти.

— Нѣтъ, ты упрекнула! — отвѣчала матушка, — ты сама это знаешь. Что же другое могла я заключить изъ словъ твоихъ, нелѣпное созданіе? тогда какъ ты сама знаешь, что я въ послѣднее время только для него не хотѣла купить себѣ новый зонтикъ, хотя старый зеленый сверху до низу истерся и бахрама всл растрепалась. Ты вѣдь это очень хорошо знаешь; ты не можешь въ этомъ запереться.

Тутъ матушка обратилась ко мнѣ, приложила свою щеку къ моей и сказала съ чувствомъ: Не правда ли, что я дурная мать, Дэви? Я гадкая, злая, жестокая мать, — не такъ ли? Подтверди это, дитя мое; скажи: «да!» мой милый, и Пегготти будетъ любить тебя, Дэви; вѣдь любовь Пегготти гораздо лучше моей. Вѣдь я тебя совсѣмъ не люблю, — не правда ли?

Послѣ этихъ словъ послѣдовали всеобщія слезы и крикъ.

Мнѣ помнится, что я былъ громогласнѣе всѣхъ; но я увѣренъ, что мы все плакали отъ души. Я былъ внѣ себя, и кажется, въ первомъ движеніи моей затронутой нѣжности, назвалъ Пегготти скотиною. Это доброе созданіе было въ глубокой горести и при этомъ случаѣ потеряло вѣроятно все пуговицы; ибо послѣдній небольшой ихъ остатокъ отлетѣлъ въ то время, когда, послѣ взаимныхъ объясненій съ матушкою, она стала на колѣни, чтобы помириться со мною.

Разстроенные, пошли мы спать; но я долго еще не могъ уснуть отъ всхлипываній, и когда необыкновенно сильный вздохъ пробуждалъ меня отъ сна, я видѣлъ, что матушка сидѣла подлѣ моей постели, наклонившись надо мною. Потому я уснулъ въ ея объятіяхъ, и уснулъ очень крѣпко.

Я хорошо не помню, въ слѣдующее ли воскресенье увидѣлъ я опять незнакомаго господина, или прошло бо-

лѣе времени; но онъ былъ опять въ церкви, и потомъ проводилъ насъ до дому. Онъ даже и вошелъ къ намъ, чтобъ взглянуть на извѣстный всему сосѣдству гераній, который стоялъ у насъ на окнѣ. Мнѣ показалось, что онъ объ немъ очень мало заботился; но уходя, попросилъ матушку дать ему отъ него цвѣтокъ. Она просила его, чтобъ онъ самъ выбралъ; но онъ медлилъ, не знаю, почему, — тогда матушка сорвала и подала ему. Онъ сказалъ, что никогда, съ нимъ не разстанется; и по этому-то я счелъ его за совершеннаго дурака: вѣдь онъ не могъ не знать, что цвѣтокъ черезъ день или много черезъ два совсемъ завянетъ.

Съ этого времени Пегготти рѣже бывала съ нами по вечерамъ. Матушка всегда давала ей какое-нибудь порученіе, и, помнится, чаще обыкновеннаго. Хотя мы всѣ трое оставались друзьями, но между нами не было уже той откровенной веселости. Иногда мнѣ казалась, что Пегготти была недовольна малодушнымъ по ея мнѣнію тщеславіемъ, съ которымъ матушка рядилась въ свои прекрасныя платья, недовольна была и частыми посѣщеніями къ сосѣдямъ; но я не могъ удовлетворительно объяснить себѣ, въ чемъ именно было дѣло.

Мало по малу я привыкъ къ посѣщеніямъ господина съ черными баккенбартами. Хотя я по прежнему все не жаловалъ его, и чувствовалъ какую-то тревожную ревность въ отношеніи къ нему: но кромѣ инстинктивнаго отвращенія ребенка и темнаго предчувствія, что для матушки не достаточно любви моей и Пегготти, у меня не было другой къ тому причины. Ничто постороннее не приходило мнѣ въ голову. Я могъ, такъ сказать, обращать свою наблюдательность на мелочи; но изъ множества такихъ мелочей сплести сѣть и поймать въ нее что-нибудь, — было еще не въ моихъ силахъ.

Въ одно осеннее утро я съ матушкою былъ въ полисадникъ, когда мистеръ Мурдstone, — я уже зналъ его имя, — ѣхалъ мимо верхомъ. Онъ остановилъ свою лошадь, чтобъ поклониться матушкѣ, и сказалъ, что ѣдетъ въ Лове-

стофть, на свиданіе съ пріятелями, которые отправляются туда на лодкѣ; онъ въ шутку предложилъ мнѣ сѣсть къ нему на сѣдло, и прокатить меня верхомъ.

Воздухъ былъ такъ чистъ и пріятенъ; самой лошади, казаясь, понравилась мысль всадника, — она фыркала и била копытомъ у садовой калитки, — во мнѣ явилась охота прокатиться. Меня отослали на верхъ къ Пегготти, переодѣваться, а мистеръ Мурдстоне слѣзъ между тѣмъ съ лошади, взявъ ее за узду, и сталъ тихо проводить взадъ и впередъ вдоль рѣшетки, обросшей шиповникомъ, съ наружной стороны сада; матушка же внутри сада также ходила взадъ и впередъ, занимая мистера разговоромъ.

Я помню, какъ мы съ Пегготти посматривали на нихъ изъ маленькаго окна моей комнаты; помню также, какъ они старались пробраться сквозь шиповникъ, поближе къ рѣшеткѣ, и какъ Пегготти, которая до этого была въ самомъ веселомъ расположеніи духа, вдругъ разсердилась, и стала больно теребить мнѣ волосы своимъ гребнемъ.

Вскорѣ мистеръ Мурдстоне и я сидѣли на сѣдлѣ и скакали по зеленому лугу подлѣ шоссе. Онъ безъ труда держалъ меня одною рукою. Я вообще хотъ и не былъ непосидюю, но на этотъ разъ не могъ утерпѣть, чтобъ не оглядываться и не смотрѣть по временамъ ему въ лицо. У него были какіе-то темные черные глаза, — я не нахожу слова, чтобъ опредѣлить глаза, безъ этой глубины, въ которую можно было бы проникнуть, — и порою, когда онъ пристально смотрѣлъ на что-нибудь, вспыхивали они на мгновеніе какимъ-то особеннымъ огнемъ. Иногда, смотря на него украдкою, я съ какимъ-то ужасомъ наблюдалъ этотъ блескъ, и съ удивленіемъ спрашивалъ себя: — о чемъ это онъ думаетъ? Волосы его и борода, вблизи, казались мнѣ еще чернѣе и гуще, чѣмъ я прежде полагалъ. Нижняя часть лица, нѣсколько четырехъ-угольная, и синеватость подбородка, который онъ брилъ ежедневно, напомнили мнѣ лица восковыхъ фигуръ, которыя видѣлъ я съ полгода тому назадъ на выставкѣ. Прекрасныя, правильныя брови и цвѣтъ

лица, въ которомъ смугловатость красиво сливалась съ близною.... чортъ знаетъ! этотъ удивительный цвѣтъ лица и выраженіе заставляли меня сознаться, не смотря на мое предубѣжденіе, что онъ прекрасный мужчина. Не удивляюсь, что моя бѣдная, добрая матушка обратила на него вниманіе.

Мы вошли въ гостиницу на морскомъ берегу, гдѣ застали двухъ мужчинъ, курящихъ сигары.

Оба они растянулись на стульяхъ, и были одѣты въ широкія, толстыя куртки. Въ углу лежали въ кучъ разныя матросскія платья и флаги.

Когда мы вошли въ комнату, они съ шумомъ вскочили со стульевъ и вскричали:

— Ага, Мурдстоне! а мы думали, что вы ужъ умерли.

— Еще живъ пока, — отвѣчалъ мистеръ Мурдстоне.

— А это что за шишка? — спросилъ одинъ изъ нихъ, взглянувъ на меня.

— Это маленькій Дэви, — сказалъ мистеръ Мурдстоне.

— Какой Дэви? — спросилъ тотъ. — Джонсъ?

— Копперфильдъ, — отвѣчалъ мистеръ Мурдстоне.

— А! это непріятное приданое очаровательной мистриссъ Копперфильдъ, — замѣтилъ онъ, — этой прелестной молодой вдовушки!

— Квиньонъ, — сказалъ мистеръ Мурдстоне, — не угодно ли держать языкъ за зубами, — тутъ есть прищипка.

— Кто такой? — спросилъ тотъ, смѣясь.

Я поднялъ голову; мнѣ любопытно было узнать, кто бы это былъ.

— Да хоть бы Бруксъ Шеффилдъ, — сказалъ мистеръ Мурдстоне.

У меня отлегло отъ сердца; мнѣ показать что онъ намекалъ на меня.

Мистеръ Бруксъ Шеффилдъ слылъ вѣроятно за весельчака; потому что при его имени оба господина захохотали во все горло, да и мистеръ Мурдстоне былъ очень веселъ. Нахотавшись вдоволь, Квиньонъ спросилъ:

— А какого мнѣнія этотъ Бруксъ Шеффилдъ касательно предполагаемаго дѣла?

— Ну, я еще не знаю, разумееть ли Бруксъ самъ тутъ что-нибудь, — отвѣчалъ мистеръ Мурдстоне, — но, кажется, что онъ вообще не благоволяетъ. Тутъ они захотали еще громче прежняго, и мистеръ Квинньонъ сказалъ, что онъ велитъ подать хересу — залить Брукса. Онъ повонилъ, и когда подали вина, налилъ немного и мнѣ, далъ бисквитъ и велѣлъ, прежде чѣмъ я выпью, встать и сказать: «чортъ возьми Брукса Шеффилда!» Этотъ тостъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ такимъ усерднымъ хохотомъ, что я самъ расхохотался, отъ чего еще болѣе увеличился смѣхъ. Словомъ, намъ всѣмъ было очень весело.

Потомъ мы пошли къ береговымъ утесамъ, сѣли на траву и смотрѣли въ зрительную трубу на окрестности; разумеется, что я ничего не смыслилъ, когда давали мнѣ смотрѣть въ нее, но притворялся, что также знаю въ этомъ толкъ. — Послѣ этого мы воротились въ гостинницу обѣдать. Оба господина все время безпрестанно курили; это куреніе, судя по запаху ихъ толстыхъ куртокъ, они производили съ тѣхъ поръ, какъ куртки вышли изъ рукъ портнаго. Я долженъ также упомянуть, что мы ходили на бортъ яхты, гдѣ они всѣ трое спускались въ каюту и занимались какими-то бумагами. Заглянувъ къ нимъ въ открытое окно палубы, я видѣлъ, что они очень углубились въ свою работу. Въ продолженіе этого времени я оставался съ однимъ очень красивымъ молодцомъ съ толстою головою, рыжими волосами и въ крошечной лаковой шляпѣ; на немъ была рубашка или жилетка изъ полосатой матеріи, а на груди было написано крупными буквами слово «Skylark.» — Я сначала думалъ, что это его собственное имя и объяснялъ себѣ эту надпись слѣдующимъ образомъ: такъ какъ онъ живетъ на кораблѣ и не имѣетъ дома, надъ дверями котораго могъ бы выставить свое имя, то и выставилъ его на груди. Однако же когда я называлъ его мистромъ Скиларкъ, то онъ сказалъ мнѣ, что это не имя его, а названіе яхты.

Я замѣтилъ на другой день, что мистеръ Мурдстоне былъ задумчивѣе и молчаливѣе, чѣмъ двое другіе. Они были милы и беззаботны; шутили безъ околичностей между собою, но рѣдко съ нимъ. Мнѣ казалось также, что онъ обращался съ ними съ холодною вѣжливостію, и что они смотрѣли на него почти съ такимъ же чувствомъ, какъ и я. Сверхъ того я замѣтилъ, что мистеръ Квиньонъ, въ продолженіе своей болтовни, разъ или два взглянулъ искоса на мистера Мурдстоне, какъ будто желая удостовѣриться, не сердится ли онъ, и однажды, когда мистеръ Пассиджъ (его товарищъ) черезъчуръ разболтался, Квиньонъ толкнулъ его ногою и подаль глазами знакъ, чтобъ онъ былъ осторожнѣе и обратилъ вниманіе на мистера Мурдстоне, который былъ погруженъ въ мрачное молчаніе. Я не могу припомнить, улыбался ли мистеръ Мурдстоне во весь этотъ день, исключая шутки на счетъ Брукса Шеффилда, которую, сказать мимоходомъ, онъ самъ же и выдумалъ.

Вечеромъ мы возвратились домой. Вечеръ былъ прекрасный, и между тѣмъ какъ я пилъ на верху чай, матушка опять прогуливалась съ мистеромъ Мурдстоне у шиповника. Когда онъ ушелъ, матушка стала меня разспрашивать обо всѣхъ происшествіяхъ этого дня, что тамъ дѣлали, что говорили. Я сказалъ ей, что они и объ ней говорили; она засмѣялась и назвала ихъ безстыдниками, которые болтаютъ глупости; но я видѣлъ, что матушкѣ это понравилось. Я это понялъ тогда почти такъ же хорошо, какъ и теперь понимаю. Кстати я спросилъ ее, знаетъ ли она Брукса Шеффилда; она отвѣчала, что не знаетъ, но полагаетъ, что это долженъ быть ножевый фабрикантъ.

Какъ описать мнѣ ея наружность, теперь уже измѣнившуюся, искаженную уже смертію. Исчезла ли она для меня? я вижу ее еще передъ собою, такъ ясно, какъ на оживленной народомъ улицѣ. Помню еще ея невинную, дѣвственную красоту, которая уже увяла, затмилась; а я еще и теперь чувствую на щекъ моей ея дыханіе, какъ чувствовалъ его въ тотъ вечеръ. Память моя возвращаетъ

ее къ жизни въ этомъ видѣ , и вѣрная милому образу ея юности , свято хранить все , что приняла въ себя нѣкогда съ любовію.

Я описываю ее такою , какой была она въ то время , когда послѣ разговора съ ней я пошелъ спать , а она пришла ко мнѣ проститься. Шутя , встала она на колѣна подлѣ моей постели , подперла руками подбородокъ , и сказала , смѣясь:

— Ну , какъ же это было , Дэви? Расскажи-ка еще , что они говорили между собою? Мнѣ все не вѣрится.

— Они сказали: очаровательная , — началъ я .

Матушка приложила къ устамъ своимъ палецъ , какъ будто съ намѣреніемъ остановить меня.

— Ужъ вѣрно не «очаровательная» , — сказала она , смѣясь ; — вѣрно не такъ было сказано , Дэви? я знаю , что не такъ.

— Нѣтъ , точно такъ. Они сказали: очаровательная мистриссъ Копперфильдъ , — повторилъ я съ твердостію , — а потомъ они сказали: прелестная.

— Нѣтъ , нѣтъ , не прелестная! Это не правда! — вскричала матушка , положивъ мнѣ на губы свой палецъ.

— Нѣтъ , точно такъ: прелестная молодая вдовушка , — сказали они.

— Ахъ , какіе вздорные , безсовѣстные люди! — вскричала матушка , и смѣясь , закрыла руками лицо. — Какіе смѣшные люди! Не правда ли , Дэви?

— Правда , матушка.

— Не говори же ничего Пегготти объ этомъ , а то она разсердится на нихъ. Я и сама на нихъ очень сердита; но мнѣ бы не хотѣлось , чтобъ Пегготти объ этомъ узнала.

Я , разумѣется , общался молчать ; мы нѣсколько разъ поцѣловались , а потомъ я уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Теперь мнѣ кажется (такъ какъ это было очень давно) , что на слѣдующій день Пегготти сдѣлала мнѣ то странное

предложеніе, о которомъ я сейчасъ расскажу; но вѣроятно это было мѣсяца два позже.

Мы сидѣли съ нею однажды вечеромъ, одни, — ма- тушки и на этотъ разъ не было дома, — съ чулкомъ, клуб- комъ, кусочкомъ восковой свѣчи, работнымъ ящичкомъ съ храмомъ Св. Павла на крышкѣ, и съ книгою о крокодилахъ. Пегготти смотрѣла на меня нѣсколько времени, разинувъ ротъ, какъ будто собираясь что-то сказать, — такъ, что я принялъ это сначала за простое зѣванье, — и вдругъ ска- зала мнѣ ласково:

— Что скажете вы мнѣ, господинъ Дэви, если я вамъ сдѣлаю предложеніе отправиться со мною погостить недѣли на двѣ къ моему брату въ Ярмутъ? Вѣдь это было бы не дурно?

— А твой братъ ласковый человѣкъ, Пегготти? — спросилъ я осторожно.

— О, и какой ласковый! — воскликнула Пегготти, вскинувъ руки къ потолку; — а притомъ тамъ есть и море, и лодки, и корабли, и рыбаки, и Хамъ, который будетъ съ вами играть.

Я былъ очарованъ исчисленіемъ всѣхъ удовольствій, которыя меня ожидали, и замѣтилъ ей, что это въ самомъ дѣлѣ будетъ очень весело; но что скажетъ на это матушка?

— Э, я готова биться объ закладъ на гинею, — ска- зала Пегготти, смотря на меня пристально, — что она от- пуститъ насъ. Если хотите, я спрошу ее объ этомъ тот- часъ, какъ она придетъ. А? какъ вы думаете?

— Пожалуй, но что жъ она будетъ дѣлать, когда мы уйдемъ? — сказалъ я, и чтобъ подтвердить силу моего возраженія, оперся на столъ своимъ маленькимъ локтемъ; — вѣдь она не можетъ одна остаться?

Тутъ Пегготти вдругъ наклонилась, заметивъ дырочку въ пяткѣ чулка, котора впрочемъ была такъ мала, что не стоило ее и штопать.

— Я повторяю, Пегготти, вѣдь она, — ты сама знаешь, — не можетъ одна остаться.

— О, если только это, — сказала Пегготти, поднявъ опять голову; — развѣ вы не знаете, что она уйдетъ на двѣ недѣли гостить къ мистриссъ Грайперъ, чтобъ доставить ей компанію.

— Ну, если такъ, то я готовъ ѣхать съ тобой.

Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія матушки отъ мистриссъ Грайперъ (у которой она была въ то время), чтобъ удостовѣриться, дадутъ ли намъ позволеніе исполнить великолѣпное предпріятіе.

Матушка, сверхъ моего ожиданія, не удивилась нашей просьбѣ, и охотно согласилась на нее; мы въ тотъ же вечеръ занялись всѣми нужными приготовленіями, чтобъ содержаніе и помѣщеніе мое въ гостяхъ не были въ убытокъ хозяевамъ.

Скоро наступилъ и день нашего отъѣзда; но, до его наступленія, я былъ совершенно въ лихорадочномъ ожиданіи и страхѣ, чтобъ землетрясеніе, или извержаніе огнедышащей горы, или другой какой-нибудь переворотъ не помышлялъ нашей экспедиціи. Мы должны были ѣхать въ почтовой повозкѣ, которая отправлялась на слѣдующее утро послѣ завтрака. Мнѣ ужасно какъ хотѣлось, чтобъ на эту ночь позволили мнѣ лечь спать во всемъ платьѣ, въ шляпѣ и сапогахъ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не опоздать.

И теперь еще близко къ сердцу, какъ вспомню, съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшилъ я оставить мою счастливую родину, и какъ мало предчувствовалъ, что разлучаюсь съ ней на вѣки !....

Но между тѣмъ мнѣ пріятно вспомнить, что, когда повозка почтальона явилась у нашихъ воротъ, и матушка ѣхала за мною и цѣловала меня на прощанье, — благодарная любовь къ ней и привязанность къ родному крову вызвали у меня слезы. Я радуюсь воспоминанію, что и матушка также плакала, и что сердце ея билось подлѣ моего.

Я радуюсь воспоминанію, что когда почтарь двинулся, она подбѣжала къ садовой калиткѣ и велѣла ему остановиться, чтобъ еще разъ поцѣловать меня. Я радуюсь, наконецъ, припоминая привязанность и любовь, съ какою она еще долго смотрѣла во слѣдъ мнѣ.

Когда мы оставили ее стоящею на улицѣ, къ ней подошелъ мистеръ Мурдстоне, и, казалось, спрашивалъ ее, о чемъ она такъ печальна. Я сидѣлъ, согнувшись подъ крышкою повозки, и удивлялся, какое ему до того дѣло. Пегготти, которая выглядывала съ другой стороны, казалось, судя по лицу ея, была также этимъ не очень довольна.

Я сидѣлъ нѣсколько времени тихо, смотрѣлъ на Пегготти, дремалъ, и думалъ: что, если ей дано порученіе завести меня Богъ знаетъ куда, какъ мальчика въ сказкѣ... найду ли я одинъ дорогу домой по слѣду пуговокъ, которыя сыплются съ ея платья?

ГЛАВА III.

Перемѣна.

Лошадь почтальона была самое лѣнивое животное въ свѣтѣ; она тихо тащилась вдоль по дорогѣ, повѣся голову, и какъ будто находила удовольствіе въ томъ, что заставляла ждать людей, которымъ везла посылки. Я въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ, слыша какъ она кряхтитъ; но извозчикъ сказалъ мнѣ, что это она кашляетъ,

Почтальонъ, подобно своей лошади, повѣсилъ голову, и, сонный, нагнулся впередъ, при чемъ онъ одною рукою уперся въ колено. Я вполне увѣренъ, что повозка и безъ него достигла бы также благополучно до Ярмута; потому что обо всемъ заботилась лошадь; а что касается до разговора, то онъ умѣлъ только свистать.

У Пегготти на козлы лежалъ коробокъ, до того нагруженный припасами, что намъ, даже на этой улитковой

почтѣ, достало бы ихъ до Лондона. Мы и ѣли и спали до-сыта. Пегготти во время сна упиралась подбородкомъ въ ручку коробкѣ, который не выпускала изъ рукъ, и я никогда бы не повѣрилъ, еслибъ самъ не слышалъ, что слабая женщина можетъ такъ ужасно храпѣть, какъ она.

Мы употребили столько времени на объѣзды по дорогѣ и на остановки у гостинницъ для сдачи посылокъ, и такъ часто заѣзжали въ разныя мѣста, что я ужасно какъ усталъ и былъ радехонекъ, когда мы наконецъ увидѣли Ярмутъ. Судя по наружности, я заключилъ, осматривая гладкую пустую равнину, лежащую на берегу рѣки, что въ немъ должно быть сыро, и не могъ не удивляться, откуда взялось такое плоское мѣсто на земномъ шарѣ, который, по сказанію моей географіи, былъ круглый. Я это объяснялъ себѣ тѣмъ, что Ярмутъ лежитъ, быть можетъ, на одномъ изъ полюсовъ, отъ чего и происходитъ эта плоскость.

Когда мы нѣсколько приблизились, и увидѣли предъ собою всю окрестность въ видѣ прямой, полосы, сливавшейся съ небомъ, я замѣтилъ Пегготти, что посредствомъ плотины можно было бы легко поправить это плоское положеніе города, и что онъ былъ бы гораздо красивѣе, еслибъ отдѣлялся отъ воды нѣсколько болѣе. Но Пегготти сказала съ необыкновенною важностію, что на вещи должно смотрѣть такъ, какъ онъ есть, и что она гордится тѣмъ, что можетъ назвать себя уроженкою Ярмута.

Когда же мы вѣхали въ улицы, — которыя показались мнѣ такими странными, — и увидѣли множество рыбы, смолы и дегтю, и матросовъ, ходящихъ взадъ и впередъ, и повозки, гремящія по мостовой, — то я почувствовалъ, что напрасно обвинилъ такой дѣятельный городъ, и объявилъ объ этомъ Пегготти; она приняла восторгъ мой съ большимъ благоволеніемъ, и сказала, что всѣмъ извѣстно (я полагаю, всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ счастье называть себя уроженцами тамошней почвы), — что Ярмутъ прекраснѣйшее мѣсто во всемъ свѣтѣ.

— А вотъ и мой Хамъ, — крикнула Пегготти; — бѣдный малый едва не потерялъ головы, не видя насъ такъ долго.

Гамъ или Хамъ въ самомъ дѣлѣ ожидалъ насъ у гостиницы, и спросилъ меня, какъ будто старый знакомый, о моемъ здоровьи. Я сначала и не догадался, что я съ нимъ не такъ коротко знакомъ, какъ онъ со мною; потому что онъ не былъ у насъ въ домъ съ той самой ночи, когда я родился, и следовательно имѣлъ уже предо мною нѣкоторое преимущество. Впрочемъ мы съ нимъ скоро подружились, когда онъ взялъ меня къ себѣ на спину и понесъ домой. Онъ былъ рослый, крѣпкій малый, шести футовъ ростомъ, и соразмѣрно широкъ въ плечахъ; но съ глупо-улыбающимся дѣтскимъ лицомъ и свѣтлыми кудрявыми волосами, которые дѣлали его похожимъ на барана. На немъ была куртка изъ парусины и такія твердыя панталоны, что они могли бы стоять и безъ ногъ его. Про него нельзя было сказать, что на немъ была шляпа, но скорѣе, что онъ, какъ старое зданіе, былъ накрытъ чѣмъ-то чернымъ.

Такимъ образомъ мы шли, — Хамъ несъ меня на спинѣ и сундучекъ съ нашими вещами подъ мышкой, Пегготти шла съ другимъ маленькимъ сундучкомъ. Мы проходили по улицамъ, усыпаннымъ щепками и маленькими кучками песку, мимо газовыхъ заведеній, канатныхъ фабрикъ, кораблестроительныхъ дворовъ, гдѣ корабли разбираются, дворовъ, гдѣ они конопатятся, сараевъ, гдѣ они разснащиваются, и множества подобныхъ заведеній, — пока достигли обширной береговой лощины, которую видѣлъ я издали, и Хамъ сказалъ:

— А вонъ и домъ нашъ, господинъ Дэви!

Я смотрѣлъ по всѣмъ направленіямъ, сколько могъ окинуть взоромъ эту пустыню до моря и до рѣки; — но нигдѣ не могъ открыть жилища. Тамъ, не далеко отъ насъ, была видна черная осмоленая барка или что-то похожее на старый ботъ: она стояла высоко на берегу; на ней, подобно горну, торчала желѣзная труба и выбрасывала сильный дымъ;

кроме этого я ничего больше не могъ затѣтить, что бы походило на жилье.

— Ужъ не это ли, — сказалъ я, — что такъ похоже на корабль?

— Оно и есть, господинъ Дэви! — отвѣчалъ Хамъ.

Ну право, еслибъ это былъ дворецъ Аладдина или яйцо птицы Рокъ, я и тогда былъ бы не болѣе восхищенъ, чѣмъ теперь при романтической мысли, что я буду въ немъ жить. Тамъ была и прекрасная дверь, пробитая въ боковой стѣнѣ, подъ крышкою, были и маленькія окна; но самое чудесное и восхитительное было въ немъ то, что это былъ настоящій ботъ, который разъ сто былъ на водѣ, и при постройкѣ котораго, вѣроятно, никто и не воображалъ, что онъ будетъ некогда служить жилищемъ на сушѣ. Это всего больше мнѣ нравилось. Еслибъ онъ сначала былъ назначенъ для дома, то показался бы мнѣ и тѣснымъ и неудобнымъ; но какъ онъ никогда не имѣлъ этого назначенія, — то я вполне остался имъ доволенъ.

Внутри было необыкновенно чисто и красиво. Тамъ былъ и столъ, и Шварцвальдскіе стѣнные часы, и коммодъ съ выдвигными ящиками, а на коммодѣ стоялъ, прислоненъ къ стѣнѣ, подносъ съ картиною, представляющею даму съ мальчикомъ, похожимъ на солдата, и гоняющимъ обручъ. Къ подносу, чтобъ онъ не сдвинулся, была приложена Библия; иначе, еслибъ онъ сдвинулся, то опрокинулъ бы множество чашекъ вмѣстѣ съ чайникомъ, которыя группировались около Библии. На стѣнахъ висѣли вымазанныя красками картины изъ священной исторіи, въ рамкахъ и подъ стеклами. Эти картины, когда я въ послѣдствіи видалъ ихъ у торгующихъ ими, всегда живо напоминали мнѣ домъ брата Пегготти. Тутъ красноволосый Авраамъ приносилъ въ жертву синяго Исаака; тамъ желтый Данилъ сидѣлъ во рву съ зелеными львами, — эти сюжеты чаще всего попадались между ними. Надъ маленькимъ каминномъ была картина съ изображеніемъ корабля Сара Лане, построеннаго въ Зундерландъ; въ нее было вѣдано настоящее маленькое корабельное зеркальце, —

произведеііе, при которомъ искусство живописца соединилось съ искусствомъ плотника, и которое казалось мнѣ самую завидною рѣдкостію въ свѣтъ. Тамъ были еще разные крючки въ балкахъ потолка, назначенія которыхъ я никакъ не могъ постигнуть, и множество ящиковъ и сундуковъ, замѣняющихъ стулья.

Я все это замѣтилъ съ перваго взгляда, — какъ многія дѣти по моей развитой выше теоріи, — переступивъ черезъ порогъ дома; тогда Пегготти отворила маленькую дверь, и показала мнѣ мою спальню: она находилась въ задней части бота, и въ ней было маленькое окно въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде проходилъ руль. Тамъ нашелъ и зеркальце, приколоченное къ стѣнѣ какъ разъ по моему росту, и окаймленное раковинами устрицъ; маленькую кровать, которая была для меня совершенно въ пору, и наконецъ — на столѣ букетъ морскихъ цвѣтовъ въ синей кружкѣ. Стѣны были чисто на чисто вымыты, и одѣяло, спитое изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, почти ослѣпляло мнѣ глаза своею пестротою. Но что въ особенности поразило меня въ этомъ пріятномъ жилищѣ — это какой-то рыбный запахъ, который былъ такъ силенъ, что, когда я вынималъ носовой платокъ, чтобъ утереть себѣ носъ, то мнѣ всегда казалось, что въ немъ завернуть морской ракъ. Я сообщилъ это замѣчаніе Пегготти; и она мнѣ объяснила, что братъ ея торгуетъ рѣчными и морскими раками; а потомъ я и самъ видѣлъ цѣлую кучу этихъ странныхъ животныхъ, — перемѣшанныхъ между собою, и не выпускающихъ ничего изъ клещей своихъ, что уже разъ захватили, — въ маленькой деревянной пристройкѣ, гдѣ сохранялись бочки и котлы.

Мы были встрѣчены очень учтивою женщиною въ бѣломъ фартукѣ, которая начала присѣдать у дверей, когда я еще сидѣлъ на спинѣ Хама, за четверть мили отъ дома. Еще встрѣтила насъ маленькая дѣвочка, съ голубыми бусами на шеѣ, очень хорошенькая собою (по крайней мѣрѣ она такую мнѣ показала), которая никакъ не хотѣла, чтобъ я поцѣловалъ ее, но убѣжала и спряталась. Вскорѣ

послѣ сытнаго обѣда изъ вареныхъ рыбокъ и картофеля, поджареннаго въ маслѣ, а для меня особенно, изъ куска говядины, пришелъ мужчина съ густою бородою и волосами. Такъ какъ онъ назвалъ Пегготти *дѣвушкою* и далъ ей крѣпкій поцѣлуй въ щеку, то я, судя даже по виду, съ какимъ приняла она это привѣтствіе, уже не сомнѣвался, что это братъ ея. Такъ послѣ и оказалось, когда мнѣ представили его, какъ мистера Пегготти, хозяина дома.

— Милости просимъ, маленькій баринъ, — сказалъ мнѣ мистеръ Пегготти, — вы найдете насъ такими, каковы есть, — но найдете радушными.

Я поблагодарилъ его и отвѣчалъ, что я буду совершенно доволенъ въ такомъ пріятномъ мѣстѣ.

— Какъ поживаетъ ваша маминька, сударь, — спросилъ мистеръ Пегготти, — въ добромъ ли здоровьѣ вы ее оставили?

Я отвѣчалъ ему, что мы оставили ее въ добромъ здоровьѣ, и что она приказала ему кланяться; это, разумѣется, я выдумалъ изъ вѣжливости.

— Премного ей благодаренъ, — отвѣчалъ мистеръ Пегготти; — ну, если вамъ, сударь, не наскучитъ провести у насъ недѣли двѣ съ нею — тутъ онъ показалъ на сестру — съ Хамомъ и съ маленькою Эмилиєю, то мы будемъ очень рады вашему обществу.

Мистеръ Пегготти, сказавъ свое радушное привѣтствіе, вышелъ, чтобъ умыться въ бадѣ горячею водою, при чемъ онъ замѣтилъ, что холодная не смоесть съ него всей дряни. Онъ вскоре возвратился болѣе въ благообразномъ видѣ, но такой красный, что я, взглянувъ на лицо его, невольно вспомнилъ тѣхъ черныхъ раковъ, которые отъ кипятка дѣлаются совершенно красными.

Послѣ чаю, когда все было прибрано и двери заперты, — потому что ночи были холодны и туманны, — здѣсь было для меня такое пріятное мѣстопробываніе, какое только могло себя придумать воображеніе. Слышать, какъ вѣтеръ

завываешь на взморье; знать, что туманъ стелется по всей пустынной плоскости; смотрѣть на огонь и думать, что кругомъ по близости нѣтъ ни одного дома, кромѣ этого, да и тотъ боть, — все это представляло мнѣ какой-то очарованный міръ. Маленькая Эмилиа уже оставила свою застенчивость и сидѣла со мною въ уголку за каминомъ, на самомъ низенькомъ сундукѣ, который только насъ двоихъ и могъ помѣстить. Мистрисъ Пегготти въ бѣломъ своемъ фартукѣ вязала чулокъ съ другой стороны камина. А нашей Пегготти, съ шитьемъ своимъ, съ храмомъ Св. Павла на ящичкѣ и съ кусочкомъ восковой свѣчи, было здѣсь такъ пріютно, какъ будто бы она никогда не жила подъ другою кровлею. Хамъ, который успѣлъ уже сообщить мнѣ первые уроки въ четыре листа *, старался припомнить какой-то фокусъ, по которому могъ угадывать карты, при чемъ его большой палецъ, которымъ онъ оборачивалъ колоду, оставлялъ на картахъ слѣды рыбьяго жиру. Мистеръ Пегготти курилъ свою трубку. Мнѣ казалось, что это было самое удобное время для довѣрчиваго разговора.

— Мистеръ Пегготти! — сказалъ я.

— Что прикажете, сударь? — спросилъ онъ.

— Не потому ли вы дали сыну своему имя Хама, что живете въ нѣкоторомъ родѣ ковчега?

Мистеру Пегготти это замѣчаніе показалось, повидному, глубокомысленнымъ; но онъ отвѣчалъ.

— Я не давалъ ему такого имени.

— А кто же ему далъ его? — спросилъ я.

— Ну, разумѣется, сударь, его отецъ, — отвѣчалъ онъ.

— Я думалъ, что вы отецъ его.

— Нѣтъ, отцомъ его былъ братъ мой Іозъ, — отвѣчалъ мистеръ Пегготти.

* Карточная игра въ Англіи.

— Онъ умеръ, мистеръ Пегготти? — сказалъ я послѣ краткаго молчанія.

— Утонулъ, — отвѣчалъ онъ.

Я былъ очень удивленъ, узнавъ, что мистеръ Пегготти не отецъ Хама, и сталъ размышлять, не ошибся ли я въ родствѣ его съ кѣмъ-нибудь. Любопытство подстрекало меня въ этомъ увѣриться, и я твердо рѣшился вывѣдать все у мистера Пегготти.

— А маленькая Эмилиа, — спросилъ я, — вѣрно дочь ваша? не такъ ли, мистеръ Пегготти?

— Нѣтъ, сударь; отецъ ея былъ шуринъ мой, Томъ.

Я не могъ утерпѣть, чтобъ не спрашивать далѣе, и слова: онъ также умеръ? — вырвались у меня почти невольно послѣ краткаго молчанія.

— Утонулъ!

Я чувствовалъ, что было бы тягостно изслѣдовать этотъ предметъ подробнѣе; но я не достигъ еще своей цѣли, и хотѣлъ ея достигнуть, во что бы то ни стало. И потому я опять спросилъ:

— Развѣ у васъ нѣтъ дѣтей, мистеръ Пегготти?

— Нѣтъ, сударь, — отвѣчалъ онъ, засмѣявшись, — я холостой.

— Холостой? — вскричалъ я съ удивленіемъ, — ну, а это кто же, мистеръ Пегготти? — И я показалъ на женщину въ фартукъ, которая вязала.

— Это мистриссъ Гуммиджъ, — отвѣчалъ мистеръ Пегготти.

— Гуммиджъ? — повторилъ я.

Но тутъ Пегготти, т. е. наша Пегготти, стала дѣлать мнѣ такіе выразительные знаки, чтобъ я болѣе не спрашивалъ, что мнѣ, до самаго сна, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ сидѣть тихо на одномъ мѣстѣ и смотрѣть на молчаливое общество. Но въ уединеніи моей маленькой каюты, она

мнѣ объяснила, что Хамъ племянникъ, а Эмилиа племянница хозяина, которыхъ онъ принималъ къ себѣ въ разное время, когда они осиротѣли и остались беззащитны; и что мистриссъ Гуммиджъ была вдова его товарища по ремеслу, который умеръ въ крайней бѣдности. Тутъ Пегготти прибавила, что хотя братья ея и самъ бѣденъ; но благороденъ, какъ золото, и вѣренъ, какъ сталь—таково было ея сравненіе. Было только одно обстоятельство, при которомъ, по ея мнѣнію, онъ выказывалъ свою раздражительность и ужасно сердился — это случалось тогда, когда заводили рѣчь объ этомъ благородномъ его поступкѣ; онъ выходилъ изъ себя, сильно ударялъ кулакомъ по столу (который уже разъ при такомъ случаѣ раскололся), и произносилъ страшныя проклятія, говорилъ, что онъ готовъ *растерзаться* на мѣстѣ, и убѣжать, если еще хотъ разъ про это скажутъ. На вопросъ мой о значеніи этого слова, оказалось, что никто на свѣтѣ и не воображалъ о возможности производства такого страдательнаго глагола; но что они всѣ принимали его за выраженіе самой торжественной клятвы.

Я былъ вполне увѣренъ, что хозяинъ мой былъ честный человекъ, и въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, увеличенномъ моею дремотою, прислушивался, какъ женщины ложились спать въ комнаткѣ, которая, подобно моей, находилась на другомъ концѣ бота, и какъ хозяинъ мой съ Хамомъ прицепляли къ крючкамъ въ потолокъ двѣ висячія койки для своего ночлега. Еще сквозь сонъ слышалъ я, какъ вѣтеръ завывалъ на морѣ и съ такою силою бушевалъ по всей окрестности, что я получилъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ ужасно должно быть, если море ночью вдругъ выступитъ изъ береговъ. Но я вспоминалъ тогда, что нахожусь на борту, и на случай подобной опасности утѣшалъ себя мыслию, что на борту у насъ мистеръ Пегготти.

Однакожъ ничего подобнаго не случилось до самаго утра. Лишь только оно засіяло на раковинахъ моего зеркала, какъ я всталъ съ постели и вмѣстѣ съ маленькою Эмилиєю побѣжалъ къ берегу искать камышковъ.

— Ты, я думаю, настоящий матросъ? — сказалъ я ей. Не знаю былъ ли я точно этого мнѣнія; но я считалъ за долгъ вѣжливости сказать ей что-нибудь; притомъ же въ эту минуту такъ красиво рисовался недалеко отъ насъ бѣлый парусъ, что вопросъ этотъ самъ собою пришелъ мнѣ въ голову.

— Нѣтъ, — отвѣчала Эмилія, трясая головою, — я боюсь моря.

— Боишься? — сказалъ я, принявъ геройскій видъ и бросивъ гордый взглядъ на океанъ, — я не боюсь его.

— Ахъ, оно очень страшно! — отвѣчала Эмилія, — я видѣла, какъ ужасно оно поступило со многими изъ нашихъ рыбаковъ; я видѣла, какъ оно разбило въ куски ботъ, такой большой, какъ домъ нашъ.

— Ужъ не тотъ ли, на котсромъ....

— Утонулъ мой отецъ? — примолвила Эмилія, — нѣтъ, не тотъ: я того никогда не видала.

— И отца также?

Эмилія потрясла головкою. — Я этого не припомню, сказала она.

Въ этомъ судьба наша была одинакова. Я тотчасъ началъ рассказывать, какъ и я никогда не видалъ отца своего, и какъ мы жили одни съ матушкою такъ счастливо, какъ только можно себя представить, — жили, живемъ и думаемъ прожить такъ еще долго; и какъ могила моего отца находится на кладбищѣ недалеко отъ нашего дома, осѣненная деревьями, подъ которыми я, въ прекрасное утро, гуляю и слушаю пѣніе птичекъ, и пр. и пр. Оказалось однакожь, что между сиротствомъ Эмиліи и моимъ была довольно большая разница: она еще прежде отца лишилась матери, и о могилѣ его никто не могъ сказать ей ничего болѣе, какъ только то, что она гдѣ-то въ морской пучинѣ.

— Кромѣ того, — сказала Эмилія, отыскивая раковины и камышки, — твой отецъ былъ знатный господинъ, и твоя

мать — знатная дама; а мой былъ рыбакъ, и мать моя — дочь рыбака, и дядя мой Данъ — также рыбакъ.

— Даномъ зовутъ мистера Пегготти? — спросилъ я.

— Дядя Данъ — вонъ тамъ, — отвѣчала Эмилиа, указавъ глазами на свое жилище.

— Ну да, я объ немъ и говорю. Онъ вѣрно очень добрый человекъ?

— Добрый? — сказала Эмилиа, — еслибъ я была знатная дама, я бы подарила ему небесно-голубой кафтанъ съ брилліантовыми пуговицами, нанковыя панталоны, красную бархатную жилетку, шляпу съ загнутыми полями, большіе золотые часы, серебряную трубку и сундукъ, полный золота.

Я сказалъ, что я ни мало не сомнѣваюсь, что мистеръ Пегготти заслуживаетъ эти сокровища; но долженъ сознаться, что мнѣ трудно представить его себѣ въ такомъ нарядѣ, какимъ надѣляла его благодарная племянница, и въ особенности находилъ сомнительнымъ, чтобъ шляпа съ загнутыми полями была ему къ лицу. Впрочемъ я только подумалъ объ этомъ.

Маленькая Эмилиа, при исчисленіи даровъ своихъ, остановилась и смотрѣла на небо, какъ будто видитъ тамъ свѣтлое видѣніе. Потомъ мы пошли далѣе, и продолжали собирать раковины и камынки.

— А тебѣ бы хотѣлось быть знатною дамою? — спросилъ я, спустя нѣсколько времени.

Эмилиа посмотрѣла на меня, засмѣялась и сказала:

— Да! очень бы хотѣлось. Тогда мы все были бы знатные господа, — и я, и дядя, и Хамъ, и мистриссъ Гуммиджъ. Мы тогда бы не боялись бури; развѣ только за бѣдныхъ рыбаковъ, и разумѣется, помогали бы имъ деньгами при всякомъ несчастіи.

Это представило мнѣ такую примиряющую картину, которую я никакъ не могъ осудить, и выразилъ Эмилиа

свое удовольствіе. Это такъ ободрило ее, что она спросила меня :

— Ну что? ты и теперь не боишься моря?

Море было такъ спокойно, что могло внушить мнѣ мужество; но я ни мало не сомнѣваюсь, что при малѣйшемъ волненіи, и при ужасномъ воспоминаніи о потонувшихъ ея родственникахъ, я былъ бы готовъ наострить лыжи. Но я сказалъ : «нѣтъ», и прибавилъ : «да и ты, кажется, не такъ боишься его, какъ увѣряла меня».

Она шла очень близко у окраины старой, нависшей надъ моремъ, плотины, на которую мы вспрыгнули, и я боялся, чтобъ она съ нея не соскользнула.

— О, этого я не боюсь! — сказала Эмилиа. — Но я просыпаюсь, когда бываетъ буря, и грежу, думая о дядѣ Данѣ и о Хамѣ; мнѣ кажется тогда, что они молятъ о помощи. Вотъ для чего хотѣлось бы мнѣ быть знатною дамою. Но этого я не боюсь. Ни мало не боюсь. Вотъ, посмотри!

Она прыгнула отъ меня и побѣжала по зарубленному бревну, которое отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, высывалось изъ плотины, и безъ всякой поддержки висѣло надъ глубиною. Этотъ видъ врѣзался такъ глубоко въ моей памяти, что, будь я живописцемъ, я и теперь нарисовалъ бы его такъ вѣрно, какъ видѣлъ тогда, когда маленькая Эмилиа, съ незабвеннымъ для меня взоромъ, устремленнымъ въ море, шла впередъ — какъ мнѣ казалось — на встрѣчу своей гибели.

Это милое, смѣлое, маленькое созданіе повернулось на бревнѣ и благополучно воротилось ко мнѣ, смѣясь надъ моимъ страхомъ и крикомъ, который у меня вырвался, но былъ бы напрасенъ, потому что вблизи никого не было. Въ послѣдствіи, когда я возмужалъ, мнѣ часто случалось себя спрашивать : — нѣтъ ли въ этой безразсудной дерзости ребенка, въ этомъ дикомъ взорѣ, устремленномъ въ даль, чего-то таинственнаго, что изъ сочувствія увлекаетъ его къ гибели; или нѣтъ ли тутъ вліянія умершихъ его

родителей, которымъ позволяется вызвать къ себѣ дитя свое и въ подобное мгновеніе прервать его жизнь? — Было время послѣ того, что я даже думалъ: еслибъ предо мною открылась тогда вся будущность Эмилиі такъ, какъ только могъ я понять ее въ ту минуту, и еслибъ одно движеніе руки моей могло спасти ее, — долженъ ли я былъ бы подать ей помощь? Да, было время — не скажу, было ли оно продолжительно, — но оно было, — когда я себя спрашивалъ: не лучше ли бы было, еслибъ маленькая Эмилиа погибла въ это утро въ волнахъ передъ моими глазами? — и отвѣчалъ самъ себѣ: да, это было бы лучше!

Но это будетъ ужъ заглядываніе впередъ въ мое повѣствованіе, и я, кажется, поторопился написать объ этомъ. Ну, пусть же оно такъ и останется.

Мы забрели далеко, нагруженные разными вещами, которыя казались намъ красивыми или рѣдкими, и бросили въ море нѣсколько морскихъ звѣздочекъ, оставшихся на берегу (я не помню теперь хорошо этой породы морскихъ животныхъ, и не могу утвердительно сказать, была ли имъ пріятна наша услуга), потомъ воротились домой, къ жилищу мистера Пегготти. Мы остановились у ракового чулана, чтобъ помѣниться невиннымъ поцѣлуемъ, и потомъ вошли къ завтраку съ румянцемъ здоровья и довольствія на щекахъ.

— Точно двѣ молоденькія пичужки! — сказалъ мистеръ Пегготти.

Я зналъ, что это на языкъ той страны значило: точно два молоденькіе дрозда, и принялъ за комплиментъ.

Разумѣется, что я былъ влюбленъ въ Эмилию, и увѣренъ, что любовь моя къ этой малюткѣ была нѣжна, чище и безкорыстнѣе, чѣмъ благороднѣйшая любовь позднѣйшихъ лѣтъ моихъ, какъ бы возвышенна, какъ бы идеальна она ни была.

Моя фантазія окружала это милое, голубоглазое дитя какимъ-то эфирнымъ сіяніемъ, и представляла ее мнѣ на-

стоящимъ ангеломъ. И еслибъ въ одно свѣтлое утро явились у ней крылышки, и она вспорхнула бы къ небу предъ моими глазами, то, кажется, я ни сколько не почелъ бы это вещь необыкновенной и неожиданной.

Мы, какъ влюбленные, гуляли по цѣлымъ часамъ по пустынному берегу моря, близъ Ярмута. Дни проводили мы въ полномъ удовольствіи, какъ будто самое время было дитею и участвовало въ нашихъ играхъ. Я сказалъ Эмили, что обожаю ее, и если она мнѣ не сознается, что взаимно обожаетъ меня, то это поставятъ меня въ необходимость — заколотъ себя шпагою.

Но она призналась мнѣ въ этой взаимности, и я не сомнѣваюсь, что это чувство было истинно.

Ни одна мысль о неравенствѣ нашихъ состояній, ни о нашей незрѣлой молодости, ни о другихъ какихъ-либо препятствіяхъ, не заботила ни меня, ни Эмилию, потому что мы не думали о будущемъ. Мы были предметомъ удивленія для мистриссъ Гуммиджъ и Пегготти, которыя по вечерамъ, когда мы дружно сидѣли рядышкомъ на своемъ маленькомъ ящикѣ, — шептали обыкновенно, глядя на насъ: «Господи, какъ это мило!— Мистеръ Пегготти также улыбался, смотря на насъ и куря трубку, а Хамъ только и дѣлалъ, что цѣлый вечеръ привѣтливо скалилъ зубы. Мы доставляли имъ, вѣроятно, такое же удовольствіе, какое доставила бы имъ красивая игрушка, или карманная модель Колизея.

Я вскорѣ замѣтилъ, что мистриссъ Гуммиджъ не всегда была такою довольною, какъ можно было ожидать, судя по ея согласію съ мистеромъ Пегготти. Мистриссъ Гуммиджъ было нѣсколько недовольнаго характера, и иногда сучала и жаловалась болѣе, чѣмъ могло это быть пріятно для прочихъ обитателей маленькаго домика. Я очень сожалѣлъ объ ней; но иногда казалось мнѣ, что было бы гораздо лучше, еслибъ у мистриссъ Гуммиджъ была особая комнатка, куда могла бы она удалиться и сидѣть тамъ, пока пройдетъ ея хандра.

Мистеръ Пегготти пошелъ однажды въ трактиръ, подъ названіемъ: «добрая воля.» Я это узналъ, когда на третій

или четвертый день послѣ нашего прибытія, онъ ушелъ со двора, и мистриссъ Гуммиджъ, между осьмымъ и девятымъ часомъ, взглянула вверхъ на Шварцвальдскіе часы и сказала, что онъ тамъ, и что она еще съ утра узнала, что онъ пойдетъ туда.

Мистриссъ Гуммиджъ была цѣлый день печальна; а до обѣда, когда топилась печь, даже плакала.

— Я бѣдное, несчастное созданіе, — говорила она, когда случилась эта непріятность, — и все идетъ мнѣ наперекорь!

— О, это все пройдетъ, — сказала Пегготти (т. е. наша Пегготти), — притомъ же вѣдь и насъ это огорчаетъ не менѣе, чѣмъ васъ.

— Нѣтъ, я чувствую это болѣе, — отвѣчала мистриссъ Гуммиджъ.

День былъ очень холоденъ, дулъ пронзительный вѣтеръ. Уголь у камина, принадлежавшій мистриссъ Гуммиджъ, былъ, какъ кажется, самый теплый и удобный въ цѣломъ домѣ; по крайней мѣрѣ стулъ ея былъ, навѣрное, самый покойный; но она цѣлый день ничѣмъ не была довольна. Она жаловалась безпрестанно, что и холодно-то ей, что и въ спину-то ей дуетъ, и дрожь-то ее пробираетъ, и наконецъ расплакалась и снова повторила, что она «бѣдное, несчастное созданіе, и что все идетъ ей наперекорь.»

— Правда, что холодно, — сказала Пегготти, — мы всѣ это чувствуемъ.

— Но я чувствую это болѣе другихъ, — сказала мистриссъ Гуммиджъ.

То же самое было и за обѣдомъ, гдѣ ей подавали кушанье тотчасъ послѣ меня, которому, какъ почетному гостю, оказывалось предпочтеніе. Рыбы казались ей малы и полны костей, а картофель былъ слишкомъ поджаренъ. Мы всѣ соглашались, что это непріятно; но мистриссъ Гуммиджъ говорила, что она чувствуетъ это болѣе другихъ. И опять проливала слезы, и опять жаловалась на судьбу свою.

Когда мистеръ Пегготти около девяти часовъ воротился домой, эта несчастная мистриссъ Гуммиджъ, въ самомъ плак-

своимъ расположеніи духа, сидѣла въ своемъ углу и вязала. Пегготти прилежно работала; Хамъ смазывалъ пару огромныхъ водяныхъ сапоговъ, а я, подлѣ Эмилиіи, читалъ имъ вслухъ. Мистриссъ Гуммиджъ отъ самаго чаю только и дѣлала, что вздыхала, и ни разу не подняла глазъ.

— Ну, друзья мои, — сказалъ мистеръ Пегготти, садясь, — здоровы ли вы? какъ поживаете?

Каждый изъ насъ отвѣчалъ что-нибудь ласковое; но мистриссъ Гуммиджъ не сказала ни слова, а только потрясла головою надъ чулкомъ своимъ.

— Что съ тобою? — спросилъ мистеръ Пегготти, ударивъ ее слегка рукою, — будь повеселѣе, старая оса! (Мистеръ Пегготти хотѣлъ сказать: старая женщина.)

Мистриссъ Гуммиджъ, повидимому, была не въ состояніи казаться веселѣе. Она вытащила изъ кармана старый черный шелковый плагокъ, и отерла имъ глаза; но вмѣсто того, чтобъ спрятать его назадъ въ карманъ, оставила въ рукѣ, и опять утерлась имъ, и потомъ оставила его наружъ для употребленія.

— Или что болитъ у сударушки? — просилъ мистеръ Пегготти.

— Ничего не болитъ, — отвѣчала мистриссъ Гуммиджъ; — ты пришелъ изъ «доброй воли», Данииль?

— Ну, разумѣется; я сегодня вечеромъ немножко покуражился въ «доброй волѣ».

— Очень жаль; мнѣ бы слѣдовало тебя оттуда вывести, — сказала мистриссъ Гуммиджъ.

— Вывести? мнѣ никого не нужно, чтобъ меня вывели, — отвѣчалъ мистеръ Пегготти съ громкимъ смѣхомъ; — я самъ пришелъ въ время.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, очень въ время! — сказала мистриссъ Гуммиджъ, качая головою и отирая себѣ глаза, — да, очень въ время! ужъ не для меня ли это пришелъ ты такъ въ время?

— Для тебя? какъ бы не такъ! совсѣмъ не для тебя, — сказалъ мистеръ Пегготти, — ты, я думаю, сама это знаешь.

— Да, да, это правда, — вскричала мистриссъ Гуммиджъ, — я знаю, что я такое. Я бѣдное, несчастное созданіе, и все идетъ мнѣ наперекорь!.. все мнѣ мѣшаетъ! да я и сама другимъ только мѣшаю! Да, да, я это чувствую больше, чѣмъ другіе.... такая моя злосчастная натура!

Слушая все это, я не могъ не подумать, что эта злосчастная натура можетъ быть въ тягость не одному мистеру Пегготти, но и другимъ членамъ семейства; мистеръ Пегготти однако же не далъ подобнаго отвѣта; а на новыя жалобы мистриссъ Гуммиджъ повторилъ ей только свое предложеніе — быть повеселѣе.

— Я не могу быть такою, какою бы мнѣ хотѣлось, — сказала мистриссъ Гуммиджъ; — я далека отъ этого! Я знаю, что я такое... Мои горести сдѣлали меня упрямою.... я чувствую свои горести, и онѣ-то сдѣлали меня упрямою. Я желала бы ихъ не чувствовать; но я ихъ чувствую. Я желала бы сдѣлаться къ нимъ равнодушною; но это не въ моихъ силахъ... Я этому и не удивляюсь... Я и сестрѣ твоей и господину Дэви въ тягость, и нарушила ихъ удовольствіе и пребываніе у нихъ.

Тутъ я и самъ растаялъ и вскричалъ въ глубочайшей горести: нѣтъ, нѣтъ мистриссъ Гуммиджъ, это не правда!

— Съ моей стороны было бы очень несправедливо такъ поступать долѣе, — продолжала мистриссъ Гуммиджъ; — но я не въ состояніи удержаться... Я ворочусь лучше къ себѣ домой и тамъ умру... Я бѣдное, несчастное созданіе, и сдѣлаю лучше, если не буду въ тягость другимъ. Если все идетъ мнѣ наперекорь и я сама себѣ иду наперекорь, то отпусти меня лучше назадъ въ деревню.... Я сдѣлаю лучше, Даниилъ, если уйду домой, умру тамъ, и избавлю васъ отъ моего присутствія.

Съ этими словами мистриссъ Гуммиджъ удалилась, и легла въ постель. Когда она ушла, мистеръ Пегготти, на лицѣ котораго было написано только одно глубокое состраданіе, посмотрѣлъ на насъ по очереди, склонилъ голову съ

живѣйшимъ выраженіемъ того чувства, которое высказывалось на лицѣ его, и сказалъ шепотомъ:

— Она вспомнила о старомъ!

Я не понималъ, о какомъ старомъ вспомнила мистриссъ Гуммиджъ; но Пегготти, когда я легъ спать, объяснила мнѣ, что это былъ покойный мистеръ Гуммиджъ, и что братья ея при такихъ случаяхъ считалъ за неоспоримую истину, что она объ немъ-то и горюетъ, и что это всегда оказывало надъ нимъ трогательное дѣйствіе. И я слышалъ, какъ въ этотъ вечеръ онъ, лежа въ своей койкѣ, говорилъ Хаму: «бѣдная баба! она вспомнила о старомъ!» И если на мистриссъ Гуммиджъ, въ продолженіе нашего тамъ пребыванія, опять находила подобная хандра, — что случалось еще нѣсколько разъ, — то онъ всегда объяснялъ это такимъ же образомъ, и всегда съ выраженіемъ самаго нѣжнаго участія.

Такъ прошли двѣ недѣли безъ всякой другой перемѣны, кромѣ прилива и отлива, по которымъ мистеръ Пегготти уходилъ и приходилъ домой, и занятія Хама принимали нѣкоторое разнообразіе. Когда послѣднему нечего было дѣлать, онъ ходилъ съ нами къ морю и показывалъ намъ боты и корабли, и даже раза два прокатилъ насъ по морю. Не знаю, отъ чего это происходитъ, что часто въ одномъ мѣстѣ скопляется рядъ болѣе памятныхъ впечатлѣній, чѣмъ въ другомъ; но думаю, что это случается у многихъ людей, въ особенности при воспоминаніяхъ дѣтства. Я не слышу теперь ни имени Ярмута, не читаю объ немъ; но живо помню тамъ одно ясное воскресное утро, когда мы гуляли по берегу; въ церквахъ звонили колокола, Эмилиа опиралась на плечо мое, Хамъ тихо сталкивалъ въ воду камни, а солнце только что выходило надъ моремъ изъ густаго тумана, и представляло намъ корабли темносѣрыми, какъ ихъ собственныя тѣни.

Наконецъ наступилъ день нашего отъѣзда. Я крѣпился при разставаніи съ мистеромъ Пегготти и мистриссъ Гуммиджъ; но отчаянная горестъ сдавила мнѣ сердце при прощаніи съ маленькою Эмилией. Мы шли, рука съ рукою, до гостиницы, гдѣ была станція почтальона, и я общалъ ей

писать еще съ дороги (я исполнилъ это обѣщаніе, и написалъ ей такими буквами, которыя были толще и огромнѣе, чѣмъ на объявленіяхъ обѣ отдать въ наемъ квартиры). Мы были внѣ себя при разставаніи, и я чувствовалъ въ этотъ день, какъ никогда въ жизни, какую-то пустоту въ моемъ сердцѣ.

Все это время, что я былъ въ гостяхъ, я, неблагодарный, почти ни разу не вспомнилъ о своей родинѣ. И теперь я не тотчасъ бы обратился къ ней, еслибъ упреки моей дѣтской совѣсти, подобно рукъ дорожнаго столба, не указали мнѣ на этотъ предметъ. И чѣмъ печальнѣе становился я, тѣмъ болѣе я чувствовалъ, что тамъ мое гнѣздо, что тамъ моя мать — моя благодѣтельница и подруга.

Эта мысль, въ продолженіе нашей дороги, дѣйствовала на меня сильнѣе, по мѣрѣ нашего приближенія, когда стали мнѣ попадаться на пути знакомые предметы; съ тѣмъ вмѣстѣ возрастало и мое стремленіе прибыть туда и обнять мою матушку. Но Пегготти, вмѣсто того, чтобъ раздѣлять со мною эти чувства, старалась болѣе разсѣять ихъ, и казалась очень разстроенною и огорченною.

Но Блундерстоне Рукери, не смотря на ея неудовольствіе, долженъ былъ наконецъ явиться, и — явился, къ удовольствію нашей клячи. Какъ хорошо я помню, что мы увидѣли его въ холодный, ненастный вечеръ, когда мрачныя, дождливыя тучи заволокли все небо.

Дверь отворилась, и я, полу-смѣясь, полу-плача от радости, спѣшилъ увидѣть мать мою; но не она отворила намъ дверь, а какая-то незнакомая служанка.

— Какъ, развѣ матушка не пришла еще домой, Пегготти? — спросилъ я жалобнымъ голосомъ.

— О нѣтъ, она пришла, господинъ Дэви, отвѣчала Пегготти;—но подождите не много, я вамъ кое что расскажу.

Побуждаемая своимъ волненіемъ выйти скорѣе изъ повозки, и останавливаемая собственно неповоротливостію, Пегготти, какъ пестрый мѣшокъ, повисла на подвозкѣ; но я былъ слишкомъ озабоченъ и нетерпѣливъ, чтобъ сказать

ей что-нибудь. Наконецъ она выскочила, и взявъ меня за руку, побела, — не странно ли? — въ кухню, и заперла за собою дверь.

— Пегготти! — сказалъ я въ страхъ, — что это значитъ?

— Ничего, ей-Богу, ничего, господинъ Дэви! — отвѣчала она, принимая веселый видъ.

— Вѣрно что-нибудь случилось? Гдѣ мамаша?

— Мамаша гдѣ? господинъ Дэви? — повторила Пегготти.

— Ну да. Зачѣмъ не вышла она къ садовой калиткѣ, и зачѣмъ мы вошли сюда? Ахъ, Пегготти, Пегготти!

Мои глаза наполнились слезами, и я, кажется, готовъ былъ упасть.

— Господи! сохрани мое сокровище! — вскричала Пегготти, поддерживая меня; — что съ тобою? скажи, мой ангельчикъ!

— Вѣдь она не умерла? не умерла?

— Нѣтъ, нѣтъ! — крикнула Пегготти очень громко, а потомъ съела, и стала тяжело вздыхать и жаловаться, что я сильно толкнулъ ее.

Я обнялъ ее, чтобъ прекратить дѣйствіе моего толчка, или дать ей другой толчокъ въ другомъ направленіи, и потомъ сталъ предъ нею, и смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ робкаго вопроса.

— Вотъ видишь ли, мой милый, что я хотѣла рассказать тебѣ, — сказала Пегготти; — но у меня все какъ-то не было удобнаго случая. Мнѣ, правда, слѣдовало бы найти его; но я все не рѣшалась.

— Говори, говори, Пегготти! — сказалъ я еще съ бѣльшимъ страхомъ, чѣмъ прежде.

— Господинъ Дэви, — сказала Пегготти, развязывая дрожащею рукою чепецъ; — что вы на это скажете?.... У васъ теперь есть папинька.

Я задрожалъ и поблѣднѣлъ. И не знаю, что-то такое — напоминающее собою могилу на кладбищѣ и возстаніе мертвыхъ, — повѣяло вдругъ на меня непривѣтнымъ холодомъ.

— Другой папилька, — продолжала Пегготти.

— Другой? — повторилъ я.

Пегготти тяжело вздохнула, какъ будто проглотила что-то твердое, и протянувъ ко мнѣ руку, сказала:

— Пойдемъ, погляди на него.

— Я не хочу глядѣть на него!

— И на маминьку также? — спросила Пегготти. Я болѣе не противился, и мы отправились прямо въ гостиную, гдѣ она меня оставила. Съ одной стороны камина сидѣла матушка, съ другой мистеръ Мурдстоне. Матушка уронила работу, и вскочила поспѣшно, но какъ будто смущенная.

— Теперь, милая Клара, — сказалъ мистеръ Мурдстоне, — замѣть хорошенько! и обращай болѣе вниманія на самое себя.... Здорово, Давидъ! какъ поживаешь?

Я подалъ ему руку. Послѣ минутной нервнителности, я подошелъ къ матушкѣ и поцѣловалъ ее; она поцѣловала меня, потрепала по плечу, и съѣла опять за работу. Я не смѣлъ взглянуть ни на нее, ни на него; я очень хорошо видѣлъ, что онъ за нами наблюдаетъ, и отошедъ къ окну, сталъ смотрѣть на одинакіе кустики, поникшіе отъ холода.

Лишь только можно было мнѣ уйдти, я прокрадся на верхъ. Моя прежняя хорошенькая спальня получила совсѣмъ другой видъ, — мнѣ должно было спать уже въ другомъ мѣстѣ. Я побѣждалъ внизъ отыскать что-нибудь, сохранившее прежній видъ свой, — все въ домѣ казалось мнѣ измѣнившимся. Я бросился на задній дворъ, и отскочилъ прочь съ ужасомъ: въ пустой конурѣ жила уже большая собака, такая же басистая и черная, какъ онъ; увидя меня, она рванулась и хотѣла меня укусить.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОНЕТЫ КЪ МАТЕРИ.

(Изъ Гамб.)

I.

Родился я съ упрямой головою,
Высоко я чело держать привыкъ;
И еслибъ сталъ лжкъ смерти предо мною, —
Я и тогда бы взоромъ не поникъ.

Но отъ тебя, о мать моя! — не скрою:
Хотя во мнѣ духъ гордости великъ,
Смирлся я всегда передъ тобою,
Вглянувъ на твои пріятный, кроткій ликъ.

Не духъ ли твой, высокій, благородный,
Меня, — стремясь къ небесному свободно, —
Благоговѣть невольно побуждалъ?

Иль было то тяжелое сознанье,
Что для тебя я былъ виной страданья,
И любящее сердце огорчалъ?

II.

Была пора, — въ безумномъ ослѣпленьѣ
Покинулъ я тебя и край родной:
Меня влекло души моей стремленье, —
Пуститься въ свѣтъ — искать любви прямой.

И я пошелъ, и до изнеможенія
Ходилъ, искалъ, просилъ любви одной;
Но лишь одно холодное презрѣнье
Я находилъ на зовъ сердечный мой;

Изъ края въ край скитаясь, одинокій,
И не нашелъ нигдѣ любви святой,
Я наконецъ, съ печалію глубокой,

Пришелъ домой, и встрѣченъ былъ тобой....
И тутъ, въ твоихъ очахъ, увидѣлъ ясно,
Чего искалъ такъ долго и напрасно.

О. Миллеръ.

изъ гдѣи:

I.

Мой другъ ! мы были дѣти.
И рѣзвѣ, вдвоемъ
Въ курятникъ заползали,
И пѣли пѣтухомъ.

И поминишь, такъ намъ было
Скѣпно, когда подъ чашъ,
Услышавъ наше пѣнье,
За птицъ считали насъ.

Мы строили жилище
Изъ бочекъ и досокъ,
И въ немъ съ тобою жили,
И свой вели домокъ.

Къ намъ въ гости отъ сосѣда
Ходилъ почтенный котъ,
И мы его встрѣчали
Съ почетомъ у воротъ.

Осѣдомлялись съ лаской
О дѣтахъ, обо всемъ ;
И въ жизни тожъ бывало
У насъ съ нимъ котомъ.

Мы часто разсуждали,
Подобно старикамъ,
Какъ въ прежніе-то годы
Привольнѣе было намъ :

Какъ на любовь и вѣрность
Кредить теперь упалъ,
И деньги стали рѣдки,
И кофе вздорожалъ.

Прочтались эти годы,
И не придаютъ ужъ внивь !
А съ ними все — и деньги,
И вѣрность, и любовь !

II.

Коль быть ты захочешь моею женой, —
Узнаешь завидную долю :
Тебѣ я доставлю веселостей рой,
И дамъ тебѣ полную волю.

И брань, и капризы сносить я готовъ
Безъ ропота, съ кроткой душою ;
Но если можешь ты не влюбись стиховъ,
То знай, — разведусь я съ тобою.

III.

Опять мнѣ приснилось : съ тобою вдвоемъ
Сидимъ мы ночью порою
И въ вѣрности клятымъ другъ другу даемъ,
Подъ снѣгу липы густой.

И длились у насъ до мерканія дня
И клятвы, и смѣхъ, и лобзанья....
Ты больно тогда укусила меня,
Чтобъ памятно было свиданье.

О иная, съ дивною лазурью очей,
Съ улыбкой лукаво-прекрасной !
Я знаю, что клятвы въ порядкѣ вещей :
Кусаться-то было напрасно.

IV.

Меня всё дарили привѣтомъ,
И лаской, и умнымъ совѣтомъ,
Судили и мѣсто мнѣ дать;
Но только просили пождать.

Но съ этою лаской приторной
Я съ голоду умеръ бы вѣрно,
Когда бъ не явился мнѣ вдругъ
Одинъ благодѣтельный другъ.

О добрый! — онъ выручилъ друга!
Его дорогѣ мнѣ услуга!....
Обнять его только нѣтъ силъ:
Другъ этотъ — я самъ себѣ былъ.

Ф. Миллеръ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИЗНЬ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ОПЫТЫ И НАБЛЮДЕНИЯ ДАВИДА КОШЕРФЙЛЬДА.

СОЧ. КАРЛА ДИККЕНСА.

(Продолженіе.)

ГЛАВА IV.

Я въ немилости.

Если бы комната, въ которую пересели мою спальню, могла чувствовать и понимать; то я призвалъ бы ея въ свидѣтели, съ какимъ тяжелымъ сердцемъ я вошелъ въ нее, взобравшись по лѣстницѣ, и слыша за собою лай собаки на дворѣ. Съ грустнымъ чувствомъ взглянулъ я кругомъ, потомъ сѣлъ, сложилъ ручки, и погрузился въ размышленіе.

Я думалъ о разныхъ странныхъ вещахъ. О наружномъ видѣ комнаты, о щеляхъ на потолокъ, объ обояхъ на стѣнахъ, о пузыряхъ на оконныхъ стеклахъ, отъ которыхъ всѣ вѣншіе предметы казались уродливыми и волнистыми; потомъ думалъ объ умывальномъ столѣ съ его тремя кривыми ножками и печальною наружностію, которая напомнила мнѣ собою мистриссъ Гуммиджъ, когда она страдала отъ холода.

Я плакалъ безпрестанно; но увѣренъ, что не понималъ и не думалъ, о чемъ именно плакалъ. Наконецъ, въ своемъ отчаяніи началъ я размышлять, какъ крѣпко полюбилъ я маленькую Эмилию, какъ грустно было разлучаться съ нею, чтобъ ѣхать сюда, гдѣ, казалось, никто и въ половину не думалъ и не грустилъ обо мнѣ такъ, какъ она. При этой мысли стало мнѣ такъ горько, что я завернулся въ одѣло, скорчился и рыдалъ до тѣхъ поръ, пока уснулъ.

Я проснулся, когда кто-то сказалъ подлѣ меня:—вотъ онъ! — и стащилъ одѣло съ моей горячей головы. Это были матушка и Пегготти, которыя пришли взглянуть на меня.

— Давидъ, — сказала матушка, — что съ тобой?

Мнѣ показался страннымъ этотъ вопросъ и я отвѣчалъ: — ничего. — Потомъ отвернулся и уткнулъ лицо въ подушку, чтобъ скрыть дрожащія губы, которыя ясные говорили истину.

— Дэви, — сказала матушка, — Дэви, дитя мое!

Я готовъ сознаться, что никакое другое восклицаніе не могло бы произвести на меня такое глубокое впечатлѣніе, какъ слова: — дитя мое! — Я скрылъ свои слезы, спрятавъ снова свою голову, и оттолкнулъ рукою матушку, когда она хотѣла поднять меня.

— Это твое дѣло, Пегготти, злое созданіе! — сказала матушка. — Я въ этомъ ни мало не сомнѣваюсь!... Удивляюсь, какъ совѣсть не упрекаетъ тебѣ, что ты возстновила мое собственное дитя противъ меня, или противъ того, кто мнѣ дорогъ! Что же это значитъ, Пегготти?

Бѣдная, невинная Пегготти подняла къ небу руки и взоры, и сказала съ какою-то торжественностію: — да проститъ вамъ Богъ, мистриссъ Копперфильдъ, эти слова! Дай Богъ, чтобъ не пришлось вамъ раскаться въ нихъ!

— Этого только не доставало! меня же огорчаютъ до глубины души, даже въ то время, когда и самый злой врагъ мой не нарушилъ бы моего спокойствія! Давидъ, ты

злой мальчишка! а ты, Пегготти, ты безсовѣстное творенье! О, Боже мой, Боже мой! — Такъ кричала матушка, обращаясь то ко мнѣ, то къ Пегготти въ досадѣ и волненіи. — Что это за горькая жизнь, отъ которой, вмѣсто ожидаемыхъ радостей, видишь одни страданія!

Тутъ я почувствовалъ, что до меня дотронулась чья-то рука; но это была рука не матушки и не Пегготти, а мистера Мурдstone, который положилъ ее на мою руку и сказалъ:

— Что это, Клара, душа моя, развѣ ты забыла? Будь тверда, моя милая!

— Мнѣ такъ грустно, Эдуардъ, — сказала матушка. — Я думала, что найду счастье, а встрѣчаю только огорченія.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ онъ: — это мнѣ не-пріятно слышать, и притомъ теперь, Клара.

— Это очень жестоко такъ поступать со мною, — отвѣчала матушка, надувъ губки; — не правда ли, что жестоко?

Мурдstone привлекъ ее къ себѣ, шепнулъ что-то на ухо, и поцѣловалъ. Видя голову матушки на плечъ его и руки ея; обвитыя вокругъ его шеи, я и тогда также хорошо зналъ, какъ и теперь знаю, что для него было трудно дать любую форму этой гибкой натурѣ.

— Ступай внизъ, душа моя, — сказалъ мистеръ Мурдstone, — мы съ Давидомъ придемъ за тобою. А ты милая, — продолжалъ онъ, обратясь съ суровымъ видомъ къ Пегготти, и проводивъ матушку улыбкою и легкимъ наклоненіемъ головы, — развѣ ты не знаешь, какъ зовутъ твою госпожу?

— Она такъ долго была моею госпожею, сударь, — отвѣчала Пегготти, — что мнѣ нельзя этого не знать.

— Это правда, — сказалъ онъ, — но мнѣ послышалось, когда я всходилъ по лѣстницѣ, что ты назвала ее другимъ именемъ. Она, какъ тебѣ известно, приняла мое имя, такъ прошу впередъ этого не забывать.

Пегготти бросила на меня печальный взглядъ и вышла изъ комнаты безмолвно, замѣтивъ вѣроятно, что ждали ея ухода. Когда мы остались одни, мистеръ Мурдstone заперъ дверь, сѣлъ на стулъ, и поставивъ меня передъ собою, между своими коленями, сталъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо. Я чувствовалъ, что и мои глаза также пристально смотрѣли на него. Какъ вспомню, что мы были такъ близко лицомъ къ лицу, то мнѣ кажется, что я чувствую, какъ сильно и громко билось мое сердце.

— Давидъ, — сказалъ онъ, сжавъ плотно губы, — еслибъ мнѣ случилось имѣть упрямую лошадь или собаку, то какъ ты думаешь, что бы я съ нею сдѣлалъ ?

— Не знаю.

— Я бы прибилъ ее.

Я отвѣчалъ ему какимъ-то прерывчатымъ шепотомъ, но чувствовалъ, въ продолженіе молчанія, что дыханіе стѣснилось въ груди моей.

— Да, я приколотилъ бы такъ, что ее скорчило бы отъ боли. Я далъ себѣ слово, что проучу этого мальчишку, и еслибъ это стоило всей крови, которая течетъ въ немъ... Что это у тебя на лицѣ ?

— Грязь, — отвѣчалъ я.

Онъ зналъ такъ же хорошо, какъ и я, что это слѣды слезъ; но еслибъ онъ двадцать разъ меня объ этомъ спрашивалъ, сопровождая вопросъ свой двадцатью ударами, — я и тогда, кажется, рѣшился бы скорѣе умереть, чѣмъ сознаться ему въ этомъ.

— У тебя довольно ума для твоихъ лѣтъ, — сказалъ онъ съ свойственною ему мрачною улыбкою, — и ты понимаешь меня, что я вижу все очень хорошо. Умойся и ступай со мною внизъ !

Онъ указалъ мнѣ на умывальный столикъ, напомнившій мнѣ мистриссъ Гуммиджъ, и движеніемъ головы принудилъ меня немедленно повиноваться. Я тогда не сомнѣ-

вался, а теперь еще меньше не сомневаюсь, что онъ не по-совѣстился бы ударить меня объ полъ, еслибъ я оказалъ сопротивленіе.

— Клара, душа моя, — сказалъ онъ, входя въ комнату матушки и ведя меня за руку, — надѣюсь, что теперь онъ не будетъ огорчать тебя. Мы опять возвратимъ тебѣ твою прежнюю веселость.

Боже милосердый! я на всю жизнь остался бы веселъ и доволенъ, я сталъ бы, можетъ быть, совсѣмъ другимъ человѣкомъ, если бы слышалъ въ это время только одно ласковое слово! Слово ободренія и состраданія къ моему дѣтскому невѣднію; слово привѣта, которое бы встрѣтило меня съ радушіемъ въ домѣ родительскомъ, внушило бы мнѣ бодрость и дало бы мнѣ увѣренность, что я точно въ домѣ родительскомъ; это слово, вмѣсто лицемерной покорности, внушило бы мнѣ искреннюю преданность къ нему, а вмѣсто ненависти — уваженіе. Мнѣ казалось, что матушка огорчается, видя, какъ дико и робко смотрю я кругомъ, стоя въ комнатѣ; что она еще печальнѣе провожаетъ меня глазами, когда я подкрадываюсь къ стулу; но слово, которое высказало бы мнѣ ея чувства, не было произнесено, и прошло то удобное время, въ которое оно могло быть сказано съ пользою!

Мы обѣдали втроемъ. Мурдстоне, казалось, очень любилъ матушку, и, къ стыду моему, я долженъ сознаться, что за это-то обстоятельство я ненавидѣлъ его еще болѣе; она, по всему видимому, также его любила. Изъ отдѣльных словъ ихъ разговора узналъ я, что къ намъ пріѣдетъ старшая сестра его, и что ее ожидаютъ въ тотъ же вечеръ. Не знаю, тогда или въ послѣдствіи узналъ я, что мистеръ Мурдстоне не занимался собственно дѣлами, а имѣлъ участіе въ Лондонской винной торговлѣ, съ которою было въ сношеніи его семейство еще со временъ его прадѣда; такое же участіе имѣла въ откупахъ и сестра его. Впрочемъ я упомянулъ объ этомъ только мимоходомъ.

Послѣ обѣда, когда мы сидѣли у камина, и я, боясь просто выйти, чтобъ не прогнѣвать мистера Мурдстоне, при-

думывалъ , какъ бы мнѣ улизнуть къ Пегготти, — къ садовой калиткѣ подъѣхала карета. Мурдстоне всталъ и пошелъ встрѣчать гостью; матушка послѣдовала за нимъ ; но у дверей обернулась ко мнѣ, нѣжно обняла меня, какъ бывало прежде, и шепнула, чтобъ я любилъ и слушался моего новаго отца. Это сдѣлала она съ такой поспѣшностью и робостью, какъ будто что-нибудь предосудительное. Держа за руку, она вела меня какъ будто украдкой за собою, и едва мы вышли въ садъ, торопливо оставила меня и взяла подъ руку мужа.

Пріѣхавшая гостья была миссъ Мурдстоне. Это была дама суровой наружности, черноволосая, какъ братъ ея, на котораго была она очень похожа и лицомъ и голосомъ ; густыя брови почти сходились надъ длиннымъ носомъ : какъ будто съ досады, что женскому полу нельзя носить бакенбардъ, миссъ замѣнила это украшеніе другимъ надъ глазами. Она привезла съ собою два огромные черные сундука, на крышкѣ которыхъ были выбиты мѣдными гвоздиками начальныя буквы ея имени. Расплачиваясь съ извозчикомъ, она вынимала деньги изъ стального бисернаго кошелька ; кошелекъ этотъ былъ заключенъ, какъ въ темницѣ, въ дорожной сумкѣ, которая на крѣпкой цѣпочкѣ висѣла у пей на рукѣ, и щелкала замкомъ, какъ пастыю. Мнѣ до сихъ поръ еще никогда не случалось видѣть такой металлической дамы, какъ миссъ Мурдстоне.

Ее ввели въ комнату со всеми признаками радушія, и тамъ она признала мою матушку своею родственницею. Потомъ взглянула на меня и сказала :

— Это сынъ вашъ, невѣстушка ?

Матушка отвѣчала утвердительно.

— Я вообще не люблю мальчиковъ, — сказала миссъ Мурдстоне. — Здоровъ ли, мой милый ?

Ободренный такимъ привѣтствіемъ, я отвѣчалъ, что слава Богу, здоровъ, и изъяснилъ, какъ слѣдуетъ, надежду и на ея здравіе; но я сказалъ это съ такимъ равнодушнымъ

видомъ и такъ просто, что миссъ Мурдстоне выразила обо мнѣ свое мнѣніе въ трехъ словахъ :

— Онъ еще не образованъ !

Сказавъ это съ большою увѣренностію, она попросила, чтобъ ей показали ея комнату, которая съ этого времени сдѣлалась для меня мѣстомъ страха и ужаса ; тамъ помѣстились два черные сундука, въ которыхъ, какъ удалось мнѣ подсмотрѣть въ ея отсутствіе, было зеркало и множество стальныхъ цѣпочекъ и булавокъ, висящихъ и торчащихъ въ боевомъ порядкѣ; это были гамантерейцыя украшенія миссъ Мурдстоне.

Сколько могъ я тогда замѣтить, она пріѣхала къ намъ на житье, и не имѣла намѣренія когда-либо насъ оставить. На слѣдующее же утро начала она *помогать* моей матушкѣ, и цѣлый день суетилась и ходила взадъ и впередъ, изъ кладовой въ кладовую, приводя все въ порядокъ, и роясь между старыми вещами. Я прежде всего замѣтилъ въ ней одну странную особенность : ее безпрестанно мучило какъ будто подозрѣніе, нѣтъ ли гдѣ-нибудь въ домѣ спрятаннаго мужчины. Подъ вліяніемъ этого подозрѣнія, она по минутно заглядывала въ чуланъ, гдѣ лежали уголья, и отворяла дверцы темныхъ кухонныхъ шкафовъ, въ надеждѣ захватить плѣнника.

Хотя миссъ Мурдстоне не отличалась легкостію, но поднималась чѣмъ свѣтъ, и въ этомъ случаѣ совершенно походила на жаворонка. Она была ужъ на ногахъ, и искала спрятанныхъ мужчинъ, когда въ домѣ еще никто и не думалъ пошевелинуться. Пегготти говорила мнѣ даже, что она спитъ только однимъ глазомъ. Но я ни какъ не могъ объяснить себѣ этого, и, только испытавъ надъ собою, увѣрился, что это совершенно невозможно.

Въ первое же утро послѣ своего прибытія, встала она съ пѣтухами и подняла звонъ. Когда матушка вышла къ завтраку и готовилась разливать чай, миссъ Мурдстоне клюнула ее носомъ въ щеку, и сказала :

— Я пріѣхала сюда, моя любезная Клара, съ тѣмъ, чтобъ, сколько возможно, облегчить вамъ бремя заботъ. Вы слишкомъ хороши и слишкомъ неопытны (тутъ матушка покраснѣла, улыбнулась, но, казалось, не обидѣлась этимъ качествами), — слишкомъ неопытны, чтобъ обременять себя тѣми обязанностями, которыя могу я взять на себя. И такъ, если вамъ угодно, моя милая, поручить мнѣ ваши ключи, то я посвящу свое полное вниманіе всему, что касается до хозяйства.

Съ этого времени миссъ Мурдстоне хранила ключи — днемъ въ своей дорожной сумкѣ, а ночью подъ подушкой; а матушка употребляла ихъ столь же рѣдко, какъ я.

Матушка перенесла это лишеніе домашняго владычества неравнодушно. Однажды вечеромъ, когда миссъ Мурдстоне сообщала своему брату какія-то домашнія распоряженія и спрашивала его согласія, матушка вдругъ заплакала и сказала, что могли бы спросить также и ея мнѣнія.

— Клара! — сказалъ строго мистеръ Мурдстоне, — Клара! я тебя удивляюсь!

— О, это очень легко сказать, что ты удивляешься, — вскричала матушка, — ты всегда очень хорошо говоришь о твердости, но самъ не захотѣлъ бы, чтобъ съ тобою такъ поступали!

Твердость, долженъ я замѣтить, была то возвышенное качество, которымъ отличались мистеръ и миссъ Мурдстоне. Что же касается до меня, то, по моему тогдашнему разумѣнію, я былъ вполне увѣренъ, что это было только другое названіе тиранства и того дьявольски суроваго и наглаго права, который одушевлялъ ихъ обоихъ. Ихъ обычай, какъ теперь я его понимаю, былъ слѣдующій: мистеръ Мурдстоне былъ твердъ; никто въ свѣтъ не былъ такъ твердъ, какъ мистеръ Мурдстоне; никто въ свѣтъ не могъ быть такъ твердъ, какъ онъ; потому что каждый изъ домашнихъ долженъ былъ покоряться этой твердости. Миссъ Мурдстоне была исключеніемъ изъ правила; она могла быть

тверда, но только по родству и въ степени доверенности. Мать моя была вторымъ исключеніемъ. Ей можно, даже должно было быть твердою, но съ тѣмъ, чтобъ переносить твердость мистера и миссъ Мурдстоне, и быть вполне увѣренной, что никакой другой твердости не существуетъ въ мірѣ.

— Это очень жестоко, — сказала матушка, — что въ моемъ собственномъ домѣ....

— Въ моемъ собственномъ домѣ? — повторилъ мистеръ Мурдстоне; — Клара!

— Въ нашемъ домѣ, хотѣла я сказать, — пробормотала матушка, видимо оробѣвъ; — я надѣюсь, ты понимаешь, Эдуардъ, что я думаю, — это очень жестоко, что въ моемъ собственномъ домѣ я не могу сказать слова по домашнимъ распоряженіямъ. Я сама хозяйничала, и вѣрно не дурно до нашего брака. Это могутъ подтвердить и другіе, — сказала, рыдая, матушка; — спроси у Пегготти, дурно ли шли дѣла мои, когда никто въ нихъ не мѣшался.

— Эдуардъ, — сказала миссъ Мурдстоне, — оставь это; я завтра уѣду.

— Джана Мурдстоне, молчи! — сказалъ братъ ея; — какъ смѣешь ты мнѣ это говорить? Не знаешь моего характера?

— Конечно, — продолжала матушка, огорчившись еще болѣе тѣмъ, что ея замѣчаніе осталось безъ успѣха, — я совсѣмъ не желаю, чтобъ кто-нибудь утѣжалъ отъ насъ.... Я почти себя очень несчастною, если кто рѣшится отъ насъ ухажать. Я не требую многого. Я доступна убѣжденіямъ. Я желаю только, чтобъ и мнѣ позволили иногда сказать слово. Я благодарна вслѣдствію, кто мнѣ помогаетъ; но желала бы, чтобъ иногда хоть для виду спрашивали и моего мнѣнія. Я думала, что тебѣ это нравится, что я такъ неопытна и похожа на дѣвушку; по крайней мѣрѣ ты самъ такъ говорилъ, Эдуардъ, — а теперь, кажется, ты меня за это не нравишь; ты всегда такой строгій и суровый.

— Эдуардъ, — повторила миссъ Мурдстоне, — оставь это; я завтра уѣду.

— Джана Мурдстоне! — загремѣлъ снова мой отчимъ, — замолчишь ли ты? Какъ смѣешь ты это говорить!

Миссъ Мурдстоне вынула изъ ручной темницы свой носовой платокъ, и приложила его къ глазамъ.

— Клара, — продолжалъ онъ, обращаясь къ матушкѣ, — я тебя удивляюсь! Да, это правда, мнѣ пріятно было думать, что я женюсь на неопытной и безыскусственной жещинѣ, образую ея характеръ и дамъ ему часть той твердости и рѣшительности, которая нужна ему. Но если миссъ Мурдстоне, по дружбѣ своей, пріѣхала сюда, чтобъ содѣйствовать мнѣ къ достиженію этой цѣли, и только для меня занять мѣсто, какое мнѣ хотѣлось ей назначить; если ей за все это такая будетъ благодарность....

— О, ради Бога, Эдуардъ, — вскричала матушка, — не упрекай меня въ неблагодарности. Я право никогда не была неблагодарною. Никогда, никто въ этомъ не упрекнетъ меня. Во мнѣ есть, быть можетъ, другіе недостатки; но этого нѣтъ. О, не упрекай же меня въ этомъ, мой милый!

— Если Джанъ Мурдстоне такая будетъ благодарность, говорю я, — продолжалъ онъ, выждавъ, пока замолчала матушка, — то и любовь моя можетъ остыть и обратиться въ иное чувство.

— О, не говори такъ со мною, другъ мой, — сказала матушка умоляющимъ голосомъ; — о, не говори такъ! я не могу этого вынести. Какай бы я ни была, но во мнѣ любящее сердце. Я бы не сказала этого, еслибъ не была въ томъ увѣрена. Спроси у Пегготти: я знаю, что и она тебѣ скажетъ, что во мнѣ любящее сердце.

— А если у тебя такъ много мягкосердечія, Клара, — сказалъ мистеръ Мурдстоне, — то это ни мало не прибавитъ тебѣ вѣсу въ глазахъ моихъ. Ты напрасно только тратишь свои восклицанія.

— Прощу тебя, будемъ опять друзьями, — сказала матушка; — я не могла бы жить, тамъ гдѣ холодно и непривѣтно. Мнѣ такъ грустно! Я знаю, что во мнѣ много недостатковъ, и ты хорошо дѣлаешь, Эдуардъ, что своею твердостью и строгостью хочешь искоренить ихъ. Джана, дѣлайте, что хотите, я не стану вамъ противорѣчить. Я была бы очень несчастна, еслибъ вы вздумали оставить....

Тутъ печаль до того овладѣла матушкою, что она не могла договорить.

— Джана Мурдстоне, — сказалъ мой отчимъ сестрѣ своей, — я надѣюсь, что всѣ подобныя непріятности — дѣло непривычное между нами. Не моя вина, что такъ случилось нынче вечеромъ. Я къ этому былъ вынужденъ другими. Но и ты въ этомъ не виновата: ты также была увлечена другими. Забудемъ же это. А такъ какъ при подобныхъ сценахъ, — продолжалъ онъ послѣ этихъ великодушныхъ словъ, — неприлично быть мальчику, то ступай спать, Давидъ.

Отъ слезъ, которыя застилали мнѣ глаза, я едва могъ найти двери. Мнѣ было такъ грустно видѣть матушку печальною. Однакожъ я взобрался въ темнотѣ по лѣстницѣ, не имѣя духу пожелать Пегготти доброй ночи. Когда она, спустя почти часъ послѣ этого, вошла на верхъ, чтобъ взглянуть на меня, то я проснулся, и она сказала мнѣ, что матушка не такъ здорова и пошла спать, а мистеръ и миссъ Мурдстоне сидятъ одинъ внизу.

На слѣдующее утро я сошелъ внизъ ранѣе обыкновеннаго, и услышавъ голосъ матушки, остановился у дверей. Она съ необыкновеннымъ смиреніемъ просила у миссъ Мурдстоне прощенія, которое и было ей дано этою особою. Въ свѣдѣніе чего возстановился совершенный миръ. Съ этого времени я никогда не слыхалъ, чтобъ матушка высказывала о чемъ бы то ни было свое мнѣніе, не сославшись прежде на миссъ Мурдстоне, или не узнавъ заранее ея мнѣніе. И если иногда эта особа, будучи не въ духъ, протягивала руку къ карману,

какъ будто желая вынуть оттуда ключи и возвратить ихъ матушкѣ, то являлъ ясно, какъ устрашало ее это движеніе.

Желчное расположеніе брата и сестры омрачало даже и религіозныя ихъ понятія какимъ-то жестокимъ, злобнымъ чувствомъ. Я иначе не могъ это понять, какъ необходимымъ слѣдствіемъ непреклоннаго нрава мистера Мурдstone, который не зналъ извиненій. Я очень хорошо припоминаю эти два ужасныя лица, съ которыми обыкновенно ходили мы въ церковь; припоминаю и то, какъ все пзмѣнилось и здѣсь для насъ. Вотъ, наступило страшное для меня воскресенье; я сижу на церковномъ стулѣ, какъ преступникъ, приговоренный къ казни. Вижу миссъ Мурдstone въ ея черномъ бархатномъ платьѣ, которое какъ будто сшито изъ гробоваго покрыва. Она сидитъ рядомъ со мною; за нею матушка и мужъ ея. Нѣтъ уже съ нами Пегготти, какъ бывало прежде. Вотъ, мнѣ слышится, какъ миссъ Мурдstone бормочетъ свои возгласы, съ какой-то свирѣпой укоризной произносить: «окаянные грѣшники!» и обводитъ кругомъ своими черными глазами, какъ будто вызывая по имени всѣхъ присутствующихъ на казнь. Вижу, какъ матушка стоитъ робко, тихо шевелитъ губами, взглядывая иногда украдкою на мужа и миссъ Мурдstone; урчащіе звуки ихъ голосовъ раздаются въ ушахъ ея, какъ отдаленный рокотъ грома. Помню, въ это время, меня вдругъ обнималъ невольный ужасъ; но едва пошевелится во мнѣ какой-нибудь изъ мускуловъ лица, миссъ Мурдstone ударитъ меня своимъ молитвенникомъ, и я вздрогну отъ боли.

Когда мы возвращались домой изъ церкви, я замѣчалъ, какъ сосѣди смотрѣли на матушку и на меня, и шептались между собою. Мистеръ Мурдstone, сестра его и матушка шли вмѣстѣ рука объ руку, а я брелъ за ними, провожая ихъ взоромъ, и спрашивалъ самъ себя: неужели походка моей матушки уже не такъ легка, какъ прежде? неужели поблекла ея свѣжая прелесть? и не припомнать ли, подобно мнѣ, сосѣди, какъ пріятно бывало гуляли мы съ ней вдвоемъ? Подобные вопросы задавалъ я самъ себя во все продолженіе скучнаго, безрадостнаго дня.

Разъ какъ-то зашла рѣчь о томъ, что пора отдать меня въ училище. Мистеръ и миссъ Мурдстоне подали эту мысль, а матушка, разумѣется, подтвердила ее. Но пока это еще не было рѣшено, мнѣ стали давать уроки дома.

Никогда не забуду я этихъ уроковъ! По имени записалась ими матушка; но на самомъ дѣлѣ — мистеръ Мурдстоне и сестра его, которые всегда тутъ присутствовали, и пользовались удобнымъ случаемъ давать и самой матушкѣ уроки въ этой проклятой *твердости*, которая была гибелью нашей жизни.

У меня были бы и способности и желаніе учиться, еслибъ я жилъ съ матушкою. Во мнѣ осталось темное воспоминаніе, какъ училъ я азбуку у нея на колѣняхъ. И теперь еще, взглянувъ случайно на огромныя, толстыя буквы моей книжки, я помню, какими странными казались они мнѣ въ то время; но ни малѣйшее чувство отвращенія не пробуждалось во мнѣ при этомъ воспоминаніи. Напротивъ, мнѣ кажется, что я вижу въ нихъ длинную, длинную дорогу, усыпанную цвѣтами, на которой, сопровождаемый матушкою, наслаждался я звуками ея нѣжнаго голоса. Но эти торжественные уроки, которые теперь наступили, наизымаютъ мнѣ, какъ валами моего душевнаго спокойствія, какъ горькія ежедневныя муки и гоненія. Они были очень длинны, очень многочисленны, очень трудны — многіе изъ нихъ совершенно непонятны, — и вообще только запутывали и сбивали съ толку, какъ меня, такъ вѣроятно и мою бѣдную матушку.

Припомнимъ, какъ они происходили, и возвратимъ изъ давно-минувшаго одно подобное утро.

Послѣ завтрака я вхожу въ гостиную съ моими книгами, тетрадами и аспидною доскою. Матушка сидитъ за своимъ пульшетомъ въ готовности учить меня; но въ полечку не въ такой готовности, какъ мистеръ Мурдстоне на своихъ мягкихъ креслахъ у окна (хотя онъ показываетъ мнѣ, что читаетъ книгу), или какъ миссъ Мурдстоне, которая сидитъ подлѣ матушки, и называетъ отальной

бисеръ. Одна наружность этихъ двухъ особъ пмѣла на меня такое вліяніе, что я чувствовалъ, какъ слова, затверженныя мною съ большимъ трудомъ, выходили изъ голобы моей и разлетались Богъ знаетъ куда. Я вручаю матушкѣ первую попавшуюся книгу: была ли это грамматика, или исторія, или географія; бросаю бѣглый взглядъ на открытую страницу, и готовлюсь сказать урокъ, какъ можно скорѣе, припоминая себѣ второпяхъ его содержаніе. Но вотъ я пропускаю слово. Мистеръ Мурдстоне поднимаетъ глаза къ небу. Я пропускаю еще слово. Миссъ Мурдстоне поднимаетъ глаза къ небу. Я краснѣю, путаюсь, забываю полдюжины словъ, заикаюсь и — умолкаю. Я думаю, что матушка дастъ мнѣ заглянуть въ книгу; но она не смѣетъ этого сдѣлать, а только говоритъ кротко:

— Ахъ, Дэви, Дэви!

— Теперь, Клара, — говоритъ мистеръ Мурдстоне, — покажи ему свою твердость; не всегда говори: Дэви, Дэви! это слишкомъ ласково. Тутъ спрашивается, знаетъ ли онъ свой урокъ или нѣтъ.

— Онъ его не знаетъ, — провозглашаетъ, къ моему ужасу, миссъ Мурдстоне своимъ грубымъ голосомъ.

— Я сама боюсь, что онъ его не знаетъ, — говоритъ матушка.

— Въ такомъ случаѣ, Клара, — отвѣчаетъ миссъ Мурдстоне, — возвратите ему книгу и постарайтесь, чтобъ онъ его выучилъ.

— Да, да это правда, — говоритъ матушка, — я сама то же хотѣла сдѣлать, любезная Джана. Ну, Дэви, получи-ка еще, и не будь такимъ глупымъ.

Я повинуюсь только первому пункту этого приказанія и повторяю урокъ; но во второмъ пунктѣ не имѣю никакого успѣха, потому что чувствую себя совершеннымъ дуракомъ въ эту минуту. Досказавъ до той строчки, на которой я сперва остановился, я спотыкаюсь на томъ мѣстѣ, которое зналъ прежде слово въ слово, и останавливаюсь, чтобъ его припомнить; но не могу собрать своихъ мыслей. Я думаю о

числѣ складокъ на чепцѣ миссъ Мурдстоне, или о цѣнѣ шафрока мистера Мурдстоне, или о какомъ-нибудь другомъ подобномъ смѣшномъ предположеніи, которое до меня совсѣмъ не касается. Мистеръ Мурдстоне показывается знаменитерпѣннѣйшій, которыхъ я давно ожидалъ. Миссъ Мурдстоне подражаетъ ему. Матушка бросаетъ на нихъ робкій взглядъ, закрываетъ книгу и кладетъ ее въ сторону, какъ недоимку, которую еще надо доплатить, когда другія задачи будутъ кончены.

Вскорѣ накапливается цѣлая куча такихъ недоимокъ; и взнестъ и растеть она, какъ катящійся снѣжный комъ. Чѣмъ больше становится эта куча, тѣмъ глупѣе становлюсь я. Наконецъ мое положеніе кажется мнѣ совершенно безнадежнымъ; и чувствую, что утопаю въ этомъ болотѣ бессмыслицы, изъ котораго не вижу никакого выхода, и предаюсь своей судьбѣ. Грустный взоръ, съ которымъ я смотрю на матушку, и она на меня, выражаетъ совершенную безнадежность. Но самое большое горе въ эти злополучные уроки бываетъ тогда, когда матушка, — въ надеждѣ, что никто за нею не примѣчаетъ, — движеніемъ губъ своихъ старается мнѣ помочь. Въ эту минуту миссъ Мурдстоне, которая во все время ничего не дѣлаетъ, кромѣ какъ стоитъ на стражѣ, проговорить глухимъ, предостерегающимъ голосомъ:

— Клара!

Матушка пугается, блѣднѣетъ и смущенно улыбается. Мистеръ Мурдстоне встаетъ со стула, беретъ книгу, бросаетъ ее мнѣ въ голову или бьетъ ею меня по ушамъ, схватываетъ меня за плечи и выбрасываетъ изъ комнаты.

Но съ окончаніемъ уроковъ не оканчивается мое мученіе, главная мѣла еще впереди. Это вычисленіе огромной заданной суммы. Примѣръ для меня изобрѣтенъ и предложенъ мнѣ изустно мистеромъ Мурдстоне въ слѣдующихъ словахъ: «если я въ лавкѣ сырнаго торговца куплю пять тысячъ кусковъ глочестерскаго сыру, по четыре пфеннинга кусокъ, то сколько долженъ я заплатить?» При этой за-

дачь миссъ Мурдстоне не может скрыть своего тайнаго удовольствія. Я потю надъ сыромъ безъ всякаго уснха до самаго объѣда; руки мои, отъ стиранія грифельной доски, принимаютъ цвѣтъ кожи мулата, — и я получаю только кусокъ хлѣба въ дополненіе къ этому сыру, и до самаго вечера остаюсь въ удаленіи, какъ поднавшій опалъ и лишенный объѣда.

Мнѣ кажется, — сколько могу припомнить это время, — что таковъ былъ обыкновенный ходъ моихъ несчастныхъ уроковъ. Все пошло бы хорошо, еслибъ не было тутъ брата и сестры Мурдстоне, которыхъ вліяніе было подобно оцѣпняющему вліянію двухъ змѣй на несчастную молоденькую птичку. И если иногда я удовлетворительно приготавливалъ свой урокъ, то пріобрѣталъ за это одинъ только объѣдъ; потому что миссъ Мурдстоне никакъ не могла видѣть меня не за работою, и если иногда замѣчала какъ-нибудь, что у меня нѣтъ занятія, то въ ту же минуту обращала на это вниманіе своего брата, и говорила матушкѣ: «ахъ, милая Клара, трудъ всего важнѣе въ жизни. Дайте же что-нибудь своему сыну выучить наизусть». Это значило, что я долженъ былъ опять приниматься за работу. О развлеченіи съ другими дѣтьми моего возраста нечего было и думать: мрачная философія обоихъ Мурдстоне смотрѣла на дѣтей, какъ на маленькихъ аспидовъ, какъ на сѣмь грѣховное, которое могло заразить меня и испортить.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого обхожденія, которое продолжалось мѣсяцевъ шесть, или болѣе, — было то, что я сдѣлался бы наконецъ безтолковымъ, глупымъ и упрямымъ. Чувство, что меня удаляютъ отъ матушки, не мало также къ тому способствовало, и думаю, что я сталъ бы наконецъ пошлымъ дуракомъ, еслибъ не помѣшало этому одно обстоятельство.

Послѣ моего батюшки осталась маленькая библіотека, въ верхней комнатѣ, рядомъ съ моею, куда я имѣлъ доступъ, и куда не заглядывалъ никто изъ всего дома. Изъ этой маленькой комнатки, — да благословить ее небо! — выцѣли ко мнѣ на встрѣчу Родерикъ Рандомъ, Перегрини

Пикле, Гумфри Клинкеръ, Томъ Джонсъ, Вакефильдскій священникъ, Донъ-Кихоть, Жилбазъ и Робинзонъ Крузе, и доставляли мнѣ пріятнѣйшее общество. Они не давали засыпать моей фантазіи, и оживляли меня надеждою, что вѣдь этого мѣста и въ другое время и я найду что-нибудь другое; они, вмѣстѣ съ Арабскими сказками и жизнеописаніями великихъ людей, утѣшали меня въ печали; если и было въ некоторыхъ изъ нихъ что-нибудь горестное, то не для меня, — я не понималъ этого. Я и теперь удивляюсь, если подумаю, какъ доставало у меня времени читать эти книги при моихъ безпрестанныхъ, тяжелыхъ занятіяхъ. Мнѣ кажется страннымъ, какимъ образомъ въ моихъ маленькихъ страданіяхъ, которыя, разумеется, казались мнѣ очень большими, могъ я себя тогда утѣшать, приписывая ихъ своимъ любимымъ лицамъ, и подъ всеми злодѣями въ этихъ исторіяхъ подразумѣвая мистера и миссъ Мурдstone. По цѣлымъ недѣлямъ воображалъ я себя Томомъ Джонсомъ (счастливымъ созданіемъ въ глазахъ ребенка!). Представлялъ себя по своему наружності Родерика Рандома и цѣлый мѣсяцъ носился съ нею. Питалъ особенную привязанность, близкую къ страсти, къ некоторымъ томамъ путешествій, не знаю теперь, къ какимъ именно, — но живо помню, какъ совершалъ я свои походы по доступнымъ мнѣ отдѣленіямъ нашего дома, вооруженный середникомъ старой сапожной колотки, и представляя изъ себя храбраго капитана королевско-Великобританскаго флота Сомебоди, когда онъ ожидаетъ нападенія дикихъ, и рѣшается дорого продать жизнь свою. Воображаемый капитанъ не терялъ своего достоинства, не смотря на то, что его били по головѣ Латинскою грамматикою. Онъ все-таки былъ капитанъ, и сверхъ того герой, наперекоръ всемъ грамматикамъ въ свѣтъ на всехъ языкахъ — древнихъ и новыхъ.

Эти мечты были единственнымъ и постояннымъ моимъ наслажденіемъ. Едва вспомню объ этомъ, и передо мной возобновляется картина лѣтняго вечера, когда ребятнишки играютъ себѣ на пюгостѣ, а я лежу на постелѣ съ своею книгою. Каждый овинъ въ сосѣдствѣ, каждый камень у

церкви, каждая могилка имѣли, казалось мнѣ, какую-то связь съ этими книгами, и представляли мнѣ какую-нибудь замѣчательную описываемую мѣстность. Живо рисовались герои романовъ предо мною, и я видѣлъ, какъ Томъ Пипсъ взбирался на нашу колокольную; какъ Страпъ, съ котомкою на плечахъ, садился отдыхать у нашей ограды, и былъ я твердо увѣренъ, что коммодоръ Трунсонъ имѣлъ совѣщаніе съ мистеромъ Пикле въ нашей деревенской харчевнѣ.

Однажды утромъ, вошелъ я съ своими книгами въ комнату; матушка была въ самомъ робкомъ, а миссъ Мурдстоне въ самомъ *твердомъ* расположеніи духа; между тѣмъ какъ мой отчимъ навязывалъ что-то на конецъ очень гибкаго хлыста, которымъ онъ, при моемъ приходѣ, раза два махнулъ для пробы.

— Я тебѣ говорю, Клара, — замѣтилъ мистеръ Мурдстоне, — что я самъ довольно часто принималъ побои.

— И, разумѣется; дѣло очень обыкновенное, — сказала миссъ Мурдстоне.

— Правда, я согласна, любезная Джана, — прошептала матушка; — но — но подумайте: было ли это полезно Эдуарду.

— А ты думаешь, что это было ему вредно, Клара? — спросилъ строго мистеръ Мурдстоне.

Я смекнулъ, что разговоръ касался лично до меня, и бросилъ испытующій взглядъ на мистера Мурдстоне, который также взглянулъ на меня.

— Ну, Давидъ, — сказалъ онъ, и глаза его страшно сверкнули, — ты сегодня долженъ быть прилежнѣе обыкновеннаго, — не то.... — И онъ снова махнулъ хлыстомъ, такъ что въ воздухъ засвистѣло. Кончивъ это приготовленіе, онъ съ значительнымъ взглядомъ положилъ хлыстъ *подъ* себя, и открылъ книгу. Это было самое лучшее средство — въ самомъ началѣ сбить меня съ толку. Я чувствовалъ, какъ слова урока улетали изъ моей головы, не одно

за другимъ, не строчка за строчкой, а разомъ цѣлою страницею. Тщетно старался я удержать ихъ: они, если смѣю такъ выразиться, были точно на конькахъ, и уносились отъ меня съ невѣроятной быстротою.

Начало шло худо, продолженіе еще хуже. Я вошелъ въ комнату съ высокими мыслями о себѣ, полагая себя хорошо приготовленнымъ; но оказалось совсѣмъ противное. Книга за книгой, откладывались какъ итоги моихъ непрощаемыхъ грѣховъ; между тѣмъ, какъ миссъ Мурдстоне пристально наблюдала за нами. Когда наконецъ мы приступили къ пяти тысячамъ сыровъ (которые, помнится, были на этотъ разъ замѣнены хлыстами), — матушка вдругъ зарыдала.

— Клара! — сказала миссъ Мурдстоне предостерегающимъ голосомъ.

— Мнѣ что-то нездоровится, любезная Джана, — сказала матушка.

Я замѣтилъ, какъ значительно взглянулъ мистеръ Мурдстоне на сестру, когда всталъ со стула и взялъ хлыстъ.

— Послушай, Джана, — сказалъ онъ, — мы не можемъ ожидать, чтобы Клара съ совершенною твердостью перенесла тѣ муки и страданія, которыя сегодня приготовилъ ей Давидъ. Для этого нужно быть стойкомъ. Клара хотя много успѣла и много укрѣпилась душою; но этого мы еще не можемъ отъ нея требовать. Давидъ! пойдемъ-ка со мною на верхъ.

Когда онъ потащилъ меня къ двери, матушка бросилась за нами. Но миссъ Мурдстоне сказала: Клара! вы съ ума сошли! — и загородила ей дорогу. Я видѣлъ, какъ матушка послѣ этого зажала себѣ уши, и слышалъ громкія ея рыданія.

Мистеръ шелъ со мною на верхъ, тихо и торжественно; видно было, что подобная расправа доставляла ему удовольствіе; войдя въ комнату, онъ вдругъ схватилъ меня и просунулъ мою голову къ себѣ подъ руку.

— Мистеръ Мурдстоне, мистеръ Мурдстоне! — вскрикнулъ я, — пустите! не наказывайте меня! я знаю урок, я стараюсь учиться! но никакъ не могу учиться при васъ и миссъ Мурдстоне.... Ей-Богу никакъ не могу?....

Не смотря на мои мольбы, онъ сжалъ мою голову какъ въ тискахъ; я вертѣлся, выбивался изъ рукъ его, но напрасно.... и вдругъ почувствовалъ сильный ударъ. Въ эту минуту попалась мнѣ рука, которою зажалъ Мурдстоне ротъ мой, я схватилъ ее зубами и прокусилъ. Одно воспоминаніе объ этомъ заставляетъ меня и теперь стиснуть зубы.

Тутъ удары посыпались на меня безъ пощады; казалось, что Мурдстоне хотѣлъ убить меня до смерти. Сквозь весь этотъ шумъ слышались мнѣ на лѣстницѣ шаги и жалобные крики. Я различалъ голоса матушки и Пегготти. Кончивъ свое дѣло, мистеръ Мурдстоне вышелъ и заперъ за собою двери, а я остался на полу, какъ въ огнѣ, весь изломанный, избитый.

Хорошо помню я, какая страшная тишина воцарилась во всемъ домѣ, когда я успокоился. Какимъ заброшеннымъ считалъ я себя, когда боль и бышенство начали во мнѣ ослабѣвать!

Я сидѣлъ и прислушивался нѣсколько времени, но ни малѣйшаго шороха не было слышно. Я всталъ съ полу, взглянулъ въ зеркало: распухшее, красное лицо мое было страшно. Я самъ себя испугался. Тѣло мое, покрытое рубцами, такъ ужасно болѣло, что я при каждомъ движеніи снова начиналъ плакать; но все это было ничто въ сравненіи съ преступленіемъ, въ которомъ я упрекалъ себя: оно давило мнѣ грудь, какъ будто я былъ въ самомъ дѣлѣ ужаснѣйшій преступникъ.

Стало уже смеркаться, и я затворилъ окно (во все это время я лежалъ на окнѣ, прислонясь головою къ рамѣ; то плакалъ, то дремалъ, то смотрѣлъ печально на дворъ). Вдругъ отворилась дверь, и ко мнѣ вошла миссъ Мурдстоне съ молокомъ и съ кусочками хлѣба и мяса. Она, не

сказавъ ни слова, поставила все это на столъ, взглянула на меня съ выраженіемъ примѣрной твердости, и удалилась, заперевъ за собою дверь.

Долго послѣ того, какъ совсѣмъ уже смерклось, я все еще сидѣлъ и удивлялся, — отъ чего это никто не идетъ ко мнѣ? Но на эту ночь ожиданіе мое было тщетно; я самъ раздѣлся и легъ въ постель, со страхомъ спрашивая себя, что теперь со мною будетъ? Не сдѣлалъ ли я какого уголовного преступленія? Не заключатъ ли меня въ темницу? Или, наконецъ, не грозитъ ли мнѣ даже опасность — быть приговореннымъ къ висѣлицѣ?

Никогда не забуду я моего пробужденія на слѣдующее утро; я очнулся такъ веселъ и свѣжъ на первое мгновеніе; но потомъ вдругъ упалъ духомъ подъ бременемъ тягостнаго и страшнаго воспоминанія. Прежде чѣмъ я всталъ съ постели, явилась миссъ Мурдstone, и объявила мнѣ, въ протяжныхъ выраженіяхъ, что я могу погулять въ саду полчаса, но не болѣе, и опять удалилась, оставивъ дверь отворенною, чтобъ я могъ воспользоваться этимъ позволеніемъ.

Я и воспользовался; это повторялось каждое утро моего заключенія, которое продолжалось пять дней. Еслибъ только удалось мнѣ увидѣть матушку, я бы упалъ передъ нею на колѣни, и вымолилъ бы у нея прощеніе. Но я никого не видѣлъ въ продолженіе этого времени, кромѣ одной миссъ Мурдstone. Только при совершеніи вечерней молитвы въ большой комнатѣ, куда приводила меня миссъ Мурдstone, и ставила какъ отверженнаго у дверей, я видѣлъ издали матушку; но она всегда отворачивалась отъ меня, такъ что мнѣ никакъ не удавалось взглянуть на лицо ея. Рука мистера Мурдstone была въ толстой полотняной перевязкѣ. Никто не можетъ себѣ представить продолжительности этихъ пяти дней. Они въ моей памяти занимаютъ мѣсто цѣлыхъ годовъ. Стукъ и скрипъ дверей, который слышался мнѣ въ домѣ, звуки голосовъ или шаговъ по лѣстницѣ, свистъ или пѣніе на улицѣ, дѣлали мое изгнаніе еще болѣе печальнымъ. Время тяготило меня

въ особенности ночью, когда я просыпался и думалъ, что уже разсвѣло; а вмѣсто того домашніе еще и не ложились, и мнѣ предстояла длинная, грустная ночь съ ея тяжелыми снами. Наставало утро, полдень, вечеръ; дѣти играли на погостѣ, а я смотрѣлъ на нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ окна, стыдясь показаться имъ плѣнникомъ. Странно было чувство — никогда не слышать своего голоса. Минутная перемѣна, похожая на радость, являлась съ пищею и питьемъ, и исчезала вмѣстѣ съ ними. Въ одинъ изъ вечеровъ налетѣла туча, какъ будто опустилась между мною и церковью, и скрыла ее отъ моихъ взоровъ.... Все это происходило, казалось, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а не дней, и глубоко, живо врѣзалось въ моей памяти! — Въ послѣднюю ночь моего заключенія я проснулся, услышавъ свое имя, произнесенное шепотомъ. Я вскочилъ съ постели, протянулъ въ темнотѣ руки и сказалъ:

— Пегготти! это ты?

Мнѣ не было отвѣта, но снова услышалъ я свое имя, произнесенное такимъ глухимъ, могильнымъ голосомъ, что вѣрно упалъ бы въ обморокъ, еслибъ не догадался, что звукъ этотъ проходить въ замочную скважину.

Я подбѣжалъ къ двери, приложилъ губы къ отверстію и прошепталъ:

— Ты ли это, моя милая Пегготти?

— Это я, я, моя душка, дорогой мой Дэви, — отвѣчала она, — только говори тише, тише, какъ мышка, не то кошка услышитъ насъ.

Я понялъ, что этотъ титулъ относился къ миссъ Мурдстоне, и очень зналъ опасность, потому что ея комната была подлѣ моей.

— Что дѣлаетъ матушка, милая Пегготти, она вѣрно очень сердится на меня?

Прежде чѣмъ получилъ я отвѣтъ, мнѣ послышалось, что Пегготти залилась слезами надъ скважиною замка.

— Нѣтъ, не очень, — отвѣчала она наконецъ.

— Что со мною сдѣлають, милая Пегготти? не знаешь ли ты этого?

— Тебя отдадутъ въ школу, въ Лондонъ, — былъ отвѣтъ ея.

Я былъ принужденъ попросить ее повторить эти слова, потому что позабылъ приложить къ скважинѣ ухо вмѣсто рта.

— Когда жъ, Пегготти?

— Завтра.

— Не для того ли миссъ Мурдstone вынула сегодня мое бѣлье изъ коммоды?

— Да, — сказала Пегготти, — она уложила его въ сундукъ.

— Я ужъ больше не увижу маминьки?

— Увидишь, — сказала Пегготти, — завтра утромъ.

Тутъ Пегготти приложила ротъ свой еще ближе къ скважинѣ, и говорила сквозь нее съ такимъ чувствомъ и жаромъ, какого, я думаю, ни одна замочная скважина въ міръ не передавала уху другаго, — и каждую коротенькую рѣчь ея прерывали судорожныя рыданія.

— Дэви! дитя мое милое!.... если я недавно.... не такъ хорошо обошлась съ тобою, какъ обыкновенно.... то это не потому, чтобы я тебя не любила.... Нѣтъ! я тебя такъ люблю, мое сокровище!.... я отъ того такъ поступила, что почитала это за лучшее.... для тебя же.... и для кого-нибудь еще. Дэви! золотой ты мой! слышалъ ли ты меня?.... понимаешь ли меня?

— Слы....шу.... Пегготти! — отвѣчалъ я, рыдая.

— Сердце мое!.... сказала Пегготти съ выраженіемъ глубокой грусти и любви, — что я хочу сказать тебѣ.... не забывай ты меня никогда.... также какъ и я тебя никогда не забуду.... Я буду такъ же заботиться и о твоей маминькѣ, Дэви.... какъ заботилась и о тебѣ... Я никогда

ея не покину! Можетъ статься, придетъ время, когда она опять будетъ рада.... приложить свою блѣдную голову къ плечу своей глупой, упрямой, старой Пегготти.... А я буду писать къ тебѣ, мой голубчикъ.... я хоть и не ученая, но буду.... непременно буду!

Тутъ Пегготти припала къ замочной скважинѣ, чтобъ поцѣловать ее вмѣсто меня.

— Спасибо тебѣ, моя милая, добрая Пегготти! — сказалъ я, — о, спасибо, спасибо тебѣ! Но общаешься ли ты мнѣ, Пегготти, — общаешься ли написать къ мистеру Пегготти, и рассказать ему и маленькой Эмили, и мистриссъ Гуммиджъ, и Хаму, что я совсѣмъ не такой злой, какъ они, можетъ быть, думаютъ.... и что я ихъ всѣхъ люблю отъ души.... особенно Эмилию? Исполнишь ли ты это, Пегготти?

Добрая Пегготти общала мнѣ все, и мы оба съ величайшею нежностію поцѣловали замочную скважину, я даже погладилъ ее рукою, какъ будто она представляла мнѣ добродушное лицо Пегготти; и потомъ мы разстались. Съ этой ночи пробудилось въ душѣ моей къ Пегготти чувство, котораго я не могъ объяснить себѣ хорошенько. Она бы не могла замѣнить мнѣ матушку, — никто бы не могъ замѣнить ее, — но она заняла въ моемъ сердце пустое мѣсто, и я чувствовалъ къ ней то, чего не чувствовалъ никогда ни къ какому другому существу. Тутъ было что-то комическое; но я не зналъ, что бы я сдѣлалъ, еслибъ она умерла, или какую разыгралъ бы трагедію, еслибъ случилось это обстоятельство.

На другое утро, по обыкновенію, явилась миссъ Мурдstone, и сказала мнѣ, что я поступаю въ школу, — что для меня не было нечаянностію, какъ, быть можетъ, она воображала. Она также объявила мнѣ, что, какъ только одѣнусь, то долженъ сойти внизъ къ завтраку. Тамъ увидѣлъ я матушку, совершенно блѣдную, съ заплаканными глазами, и бросился къ ней въ объятія, моля съ раскаяніемъ о прощеніи.

— Ахъ, Дэви, Дэви! — сказала она, — какъ могъ ты огорчить того, кого я люблю! Постарайся исправиться, другъ мой; моли Бога, чтобъ онъ тебя исправилъ. Я прощаю тебя, Дэви; но мнѣ очень больно, что у тебя такія дурныя наклонности.

Ее увѣрили, что я негодяй, и это огорчило ее болѣе, чѣмъ разлука со мною. Мнѣ было это горько. Я сѣлъ къ прощальному завтраку; но слезы смочили хлѣбъ мой и капали въ мой чай. Я видѣлъ что матушка обращала по временамъ взоры свои то на меня, то на зоркую миссъ Мурдстоне, и потомъ опускала ихъ, или смотрѣла въ сторону.

— Сундукъ господина Копперфильда отнести туда! — сказала миссъ Мурдстоне, когда у воротъ послышался стукъ повозки.

Я думалъ, что вошла Пегготти; но это была не она и не мистеръ Мурдстоне. Мой старый знакомецъ, почтальонъ, стоялъ у дверей, и сундукъ былъ отнесенъ въ повозку.

— Клара! — сказала миссъ Мурдстоне предостерегающимъ голосомъ.

— Хорошо, моя милая Джана, — отвѣчала матушка; — съ Богомъ Дэви!.... Это для твоей собственной пользы.... Съ Богомъ, дитя мое!.... Ты тамъ исправишься, а на вакаціи мы возьмемъ тебя домой....

— Клара! — повторила миссъ Мурдстоне.

— Слышу, любезная Джана, — отвѣчала матушка, сжимая мои руки; — я прощаю тебѣ все, милое дитя мое!.... Богъ да благословитъ тебя!....

— Клара! — повторила опять миссъ Мурдстоне.

Она взяла на себя трудъ проводить меня до повозки, и сказала мнѣ на дорогу, чтобъ я о себѣ подумалъ, иначе будетъ худой конецъ со мною. Я сѣлъ въ повозку, и лѣнивая кляча двинулась съ нею въ дорогу.

ГЛАВА V.

Я удаленъ изъ дома.

Мы отъехали почти полмили, и я смочилъ слезами весь свой носовой платокъ, какъ вдругъ извозчикъ остановился.

Я выглянулъ, чтобъ узнать для чего, и къ величайшему своему удивленію увидѣлъ Пегготти, которая выбѣжала изъ-за угла и вскарабкалась на повозку. Она обняла меня обѣими руками и такъ крѣпко прижала къ себѣ, что придавила носъ; это было очень больно, но я приписалъ этотъ порывъ ея излишней нѣжности. Пегготти не сказала мнѣ ни слова. Освободивъ одну изъ рукъ своихъ, она засунула ее по локоть къ себѣ въ карманъ, и вынула оттуда множество бумажныхъ свертковъ съ пирогами, которыми наполнила мои карманы, и еще кошелекъ, который сунула мнѣ въ руку. И все это съ глубокимъ молчаніемъ. Послѣ втораго и послѣдняго объятія, она выскочила изъ повозки и убѣжала, растерявъ притомъ, какъ полагаю, всѣ пуговицы съ своего платья. Я еще поднялъ одну изъ нихъ, и долго сохранялъ ее въ знакъ памяти.

Извозчикъ взглянулъ на меня, какъ будто спрашивая, придетъ ли она назадъ. Я потрясъ головою, и сказалъ: «нѣтъ»

— Ну-ну! крикнулъ извозчикъ на лѣнливую клячу, и она снова двинулась.

Проплакавъ и простонавъ, сколько было только возможно, я утихъ, размысливъ, что бесполезно будетъ болѣе плакать, въ особенности потому, что ни Родерикъ Рандомъ, ни тотъ капитанъ королевско-Великобританскаго флота, сколько мнѣ помнится, никогда не плакали и не кричали, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ. Извозчикъ, видя, что я ободрился, предложилъ мнѣ разостлать мой носовой платокъ на спинѣ лошади, чтобъ его высушить. Я поблагодарилъ его, и исполнилъ это предложеніе.

Теперь у меня оказалось довольно времени чтобы разсмотреть кошелекъ. Онъ сдѣланъ былъ изъ твердой кожи, запирался замочкомъ и содержалъ въ себѣ три блестяшіе шиллинга, которые Пегготти, вѣроятно, вычистила мѣломъ для моего большаго удовольствія; но самое драгоценное для меня было въ немъ двѣ полкроны, завернутыя въ бумажку, на которой рукою матушки было написано: «Для моего Дэви, вмѣстѣ съ моею любовью.» Я былъ этимъ такъ тронутъ, что попросилъ извозчика достать мнѣ носовой платокъ. Но онъ сказалъ, что по его мнѣнію будетъ лучше, если я обойдусь безъ него; я самъ подумалъ, что онъ говоритъ правду, и отирая глаза рукавомъ, удерживался отъ слезъ.

Мнѣ это удалось, хотя по временамъ и вырывался у меня невольный вздохъ, вслѣдствіе прежняго волненія. Протасившись далѣе нѣсколько времени, спросилъ я извозчика: всю ли дорогу я съ нимъ поѣду?

— Куда всю дорогу? — спросилъ извозчикъ.

— Ну, туда, — отвѣчалъ я.

— А куда туда? — спросилъ онъ.

— А въ Лондонъ, — отвѣчалъ я.

— Чорта съ два! Эта лошадь, — сказалъ извозчикъ, ударивъ возжами по спинѣ ея, чтобъ показать мнѣ, про какую лошадь онъ говоритъ, — протянетъ ноги, какъ убитая свинья, если пробѣжитъ хоть половину этой дороги.

— Такъ стало быть вы поѣдете только до Ярмута? — спросилъ я.

— Можетъ статься, — отвѣчалъ извозчикъ, — а тамъ я передамъ васъ почтовой каретѣ, а почтовая карета передастъ васъ.... ну еще кому-нибудь.

Такъ какъ эта рѣчь стоила большихъ трудовъ извозчику, — котораго звали мистеръ Баркисъ, и который, какъ я уже сказывалъ, былъ флегматическаго темперамента и очень неразговорчивъ, — то я, въ знакъ благодарности, предложилъ ему одинъ пирожокъ; онъ проглотилъ его ра-

зомъ , какъ слонъ , при чемъ на толстомъ лицѣ его не замѣтно было никакого выраженія.

— Это она ихъ пекла ?—спросилъ мистеръ Баркисъ , по обыкновенію качнувшись впередъ и упершись руками въ колѣна.

— Вы спрашиваете о Пегготти ?

— Ну , да , — сказалъ мистеръ Баркисъ , — она ?

— Да ; это она печетъ пироги , и стряпаетъ у насъ на кухнѣ.

— Вотъ что ? Такъ это она все дѣлаетъ ? — спросилъ мистеръ Баркисъ.

Онъ съежилъ ротъ , какъ будто желая свиснуть , однако не свиснулъ. Долго сидѣлъ онъ неподвижно , и смотрѣлъ на уши своей лошади , какъ будто видѣлъ въ нихъ что-нибудь особенное ; наконецъ промолвилъ :

— А нѣтъ ли у ней.... того....

— Чего ? *сахарныхъ пирожковъ* , мистеръ Баркисъ ?—спросилъ я , думая , что ему хочется чего-нибудь поѣсть , и онъ намекаетъ мнѣ объ этомъ.

— Нѣтъ , того—то есть молодца , любовника , то есть.

— У Пегготти ?

— Ну , да.

— Ахъ , нѣтъ ! У Пегготти никакого нѣтъ молодца....

— Вотъ что ! — проговорилъ онъ.

И опять съежилъ ротъ , чтобъ свиснуть , и опять не свиснулъ ; но сидѣлъ по прежнему и смотрѣлъ на уши своей лошади.

— Такъ она печетъ и яблочные пироги ? — сказалъ мистеръ Баркисъ послѣ долгаго молчанія , — занимается всей стряпней ? Не такъ ли ?

— Да , стряпней.

— Ну хорошо! Такъ вотъ что я вамъ скажу, — продолжалъ мистеръ Баркисъ, — можетъ стать, вы будете ей писать?

— Я непременно буду писать ей, — отвѣчалъ я.

— Ну, то-то, — сказалъ онъ, обращая ко мнѣ медленно глаза свои; — такъ если вы будете ей писать, то не забудьте сказать ей, что Баркисъ дѣлаетъ предложеніе. Слышите? Не забудете?

— Что Баркисъ дѣлаетъ предложеніе? — повторилъ я, — и больше ничего?

— Ну, да-а, — сказалъ онъ протяжно, — Баркисъ дѣлаетъ предложеніе.

— Но вѣдь вы завтра сами воротитесь въ Блундерстоне, мистеръ Баркисъ, — замѣтилъ я, при чемъ голосъ мой не много дрожалъ отъ воспоминанія, что я буду далеко отсюда, — такъ не лучше ли вамъ самимъ исполнить это порученіе?

Но какъ онъ на это отрицательно потрясъ головою, повторивъ еще разъ съ видомъ очень серьезнымъ: «Баркисъ дѣлаетъ ей предложеніе, и больше ничего», то я и взялся охотно исполнить его порученіе. Пока въ гостинницѣ Ярмута надо было ожидать почтовой кареты, въ тотъ же самый вечеръ досталъ я себѣ листъ бумаги и чернилицу, и написалъ къ Пегготти письмо слѣдующаго содержанія:

Любезная моя Пегготти!

Я доѣхалъ благополучно. Баркисъ дѣлаетъ предложеніе. Кланяйся матушкѣ.

Любящій тебя

Давидъ К.

P. S. Онъ говоритъ, что желалъ бы съ тобой познакомиться — Баркисъ дѣлаетъ предложеніе.

Такъ какъ это порученіе принялъ я еще на улицѣ, то мистеръ Баркисъ погрузился въ глубочайшее молчаніе, а я, утомленный тѣмъ, что перенесъ въ продолженіе дня, легъ на мѣшокъ въ повозкѣ и уснулъ. Я спалъ, какъ убитый, пока мы пріѣхали въ Ярмутъ, который со двора гостиницы показался мнѣ такимъ незнакомымъ, что я потерялъ всякую надежду увидѣться здѣсь съ кѣмъ-нибудь изъ семейства мистера Пегготти, хоть бы съ маленькою Эмилиєю.

Почтовая карета стояла на дворѣ, въ полномъ блескѣ, но еще не запряженная, и въ такомъ положеніи не являла никакого вида, что поѣдетъ въ Лондонъ. Я размышлялъ объ этомъ, и спрашивалъ себя: что будетъ наконецъ съ моимъ сундукомъ, который мистеръ Баркисъ спустилъ, посредствомъ рычага, на дворъ, и что будетъ со мною самимъ? Вдругъ изъ слуховаго окна, которое было обвѣшано разною живностію, выглянула женщина и сказала:

— Это, что ли, барчеенокъ изъ Блундерстоне?

— Точно такъ, — отвѣчалъ я.

— А какъ зовутъ? — спросила она.

— Копперфильдъ, — сказалъ я.

— Это не тотъ, — отвѣчала эта особа, — на это имя не заказывали никакого обѣда.

— Такъ, можетъ быть, Мурдстоне? — спросилъ я.

— Ну, такъ если вы господинъ Мурдстоне, то зачѣмъ же вы называете себя другимъ именемъ.

Я объяснилъ ей, въ чемъ дѣло; она позвонила въ колокольчикъ и закричала: «Вильямъ! отведи этого господина въ гостиную!» Тогда изъ кухни съ противоположной стороны дома выбѣжалъ слуга, чтобъ отвести меня туда, и не мало удивился, увидя, что онъ долженъ отвести только одного меня.

Это была длинная и широкая комната, обвѣшанная большими ландкартами. Не знаю, почелъ ли бы я себя болѣе чуждымъ тогда, когда бы эти ландкарты были настоящія чужія земли, и я среди нихъ претерпѣлъ бы кораблекрушеніе. Я счелъ за большую смѣлость, что войдя туда со шляпою въ рукъ, сѣлъ на стулъ, самый близкій къ двери; и когда слуга накрылъ для меня столъ и поставилъ на него укусъ и масло, то лицо мое покрылось румянцемъ застенчивости.

Опъ принесть мнѣ разныхъ жаркихъ и салату, и съ такимъ шумомъ снималъ съ блюдъ крышки, что я боялся, не разсердилъ ли его чѣмъ-нибудь. Но онъ вскорѣ, разсѣявъ страхъ мой, поставивъ для меня къ столу стулъ и сказавъ очень весело: «ну, великанъ, принимайся за дѣло.»

Я поблагодарилъ его и занялъ мѣсто у стола, но нашелъ что очень трудно владѣть ножомъ и вилкою съ нѣкоторою ловкостію и избѣжать опасности — облитъя соусомъ. Между тѣмъ онъ, стоя передо мною, пристально смотрѣлъ на меня; всякій разъ, когда глаза его встрѣчались съ моими, я ужасно какъ смущался. Наблюдая меня такимъ образомъ до втораго блюда, онъ наконецъ сказалъ мнѣ:

— А вотъ и полпинты элю для васъ. Угодно вамъ теперь его выпить?

Я поблагодарилъ его и сказалъ: «да.» — Тогда онъ налилъ элю въ большой бокалъ и поднялъ къ свѣту, чтобъ показать мнѣ его прекрасный цвѣтъ.

— Чортъ возьми глаза мои, — сказалъ онъ, — если это не прелесть!

— Да, прекрасно, — отвѣчалъ я съ улыбкою; потому что мнѣ было очень пріятно видѣть въ немъ такого веселаго человѣка. У него были блестящіе глаза, лицо мѣднаго цвѣта и волосы, стоящіе торчкомъ на головѣ; онъ стоялъ передо мною, подперши одною рукою бокъ, а въ другой держа передъ свѣтомъ бокалъ, и казался мнѣ очень забавнымъ.

— Вотъ вчера былъ здѣсь одинъ господинъ, — сказалъ онъ, — большой, сильный господинъ, по имени Топсавиръ; вы, можетъ быть, его знаете?

— Нѣтъ, не припомню.

— У него коротенькія брюки, шляпа съ широкими полями, сѣрый сюртукъ и пестрый галстухъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я робко, почти со стыдомъ, не имѣю чести знать....

— Онъ пріѣхалъ вчера сюда, — продолжалъ слуга, снова поднося къ свѣту бокалъ и любуйсь имъ, — приказалъ подать стаканъ этого элю; я сказалъ ему, что онъ это оставилъ, но онъ настоялъ на своемъ, выпилъ и упалъ мертвый на полъ. Эль былъ слишкомъ старъ для него! Ему не должно было пить его разомъ: вотъ въ чемъ дѣло.

Меня такъ перепугало это печальное извѣстіе, что я сказалъ: стаканъ воды былъ бы для меня пріятнѣе.

— Вотъ видите ли, — сказалъ слуга, все еще смотря однимъ глазомъ сквозь бокалъ, — наши люди очень любятъ, если прикажутъ одно, а потомъ потребуютъ другого. Они этимъ обижаются; но, если позволите, я его выпью. Я къ нему привыкъ, а привычка вторая натура. Я не боюсь, чтобъ со мною что-нибудь случилось, если я, загнувъ назадъ голову, выпью его разомъ. Вы позволите?

Я сказалъ, что онъ этимъ очень обяжетъ меня, е только это не причинитъ ему вреда; въ противномъ случаѣ, чтобъ онъ этого, ради Бога, не дѣлалъ. Когда онъ, загнувъ голову, сталъ поспѣшно глотать, то, сознаюсь, мнѣ овладѣлъ страхъ, чтобъ и съ нимъ не случилось того же, что съ несчастнымъ мистеромъ Топсавиромъ; но съ нимъ этого не случилось; напротивъ, мнѣ показалось, что онъ сталъ гораздо бодрѣе.

— Что-то намъ подали? — продолжалъ онъ, ткнувъ вилкою въ мою порцію жаркаго, — это не баранина ли?

— Баранина, — отвѣчалъ я.

— Ахъ, Господи! — крикнулъ онъ, — какъ это я не узналъ, что это баранина! Въдь это то самое кушанье, которое отнимаетъ дурное дѣйствіе пива. Какъ это кстати случилось!

Тутъ онъ схватилъ кусокъ высунувшагося ребра въ одну руку и картофель въ другую, и съѣлъ ихъ съ большимъ аппетитомъ, къ моему величайшему удовольствію. Потомъ взялъ еще кусокъ мяса и картофель, а потомъ и еще.

Когда мы управились съ этимъ блюдомъ, онъ принесъ мнѣ пуддингъ, и поставивъ его на столъ, погрузился на нѣсколько времени въ размышленіе.

— Хорошъ ли пастетъ? — спросилъ онъ, пришедъ опять въ себя.

— Это пуддингъ, — отвѣчалъ я.

— Пуддингъ! — воскликнулъ онъ, — да! въ самомъ дѣлѣ это пуддингъ. Но, — прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на него поближе, — не полагаете ли вы, что это плум-пуддингъ?

— Да, такъ точно.

— Какъ? плум-пуддингъ? — сказалъ онъ, схвативъ ложку, — да въдь это мой любимый пуддингъ! какъ это кстати! Ну, малютка, примѣйся-ка за него, и посмотримъ, кто съестъ больше.

И онъ безспорно съѣлъ больше, хотя нѣсколько разъ и просилъ меня не отставать. Но что могли сдѣлать, моя чайная ложка противъ его столовой ложки, мое проворство противъ его проворства, и мой аппетитъ противъ его аппетита? При первомъ кускѣ, я ужъ такъ далеко отсталъ, что потерялъ всякую надежду догнать его. Не помню, чтобъ я когда-нибудь видѣлъ челоуѣка, который бы ѣлъ пуддингъ съ такимъ аппетитомъ. Когда все было съѣдено, онъ засмѣялся, какъ будто еще чувствовалъ во рту пріятный вкусъ.

Видя въ немъ такого веселаго и откровеннаго молодца, я попросилъ у него пера, чернилъ и бумаги, чтобъ напи-

сать къ Пеготти упомянутое мною письмо. Онъ не толъ въ минуту принесъ это, но даже, какъ наставникъ, с трѣлъ ко мнѣ черезъ плечо, пока я писалъ письмо. Когда кончилъ, онъ спросилъ меня, въ какую школу хотъ меня отдать.

Я сказалъ ему, что куда-то близь Лондона, потому я самъ зналъ объ этомъ не болѣе.

— Ахъ, ты Господи! — закричалъ онъ съ печальнымъ видомъ, — вотъ будетъ славная исторія!

— Отъ чего же? — спросилъ я.

— О, Боже мой! — сказалъ онъ, качая головою, это та самая школа, гдѣ мальчику переломали ребра два ребра — это былъ маленькій мальчикъ. Я даже скажу вамъ, кто это былъ; постойте-ка: сколько вамъ лѣтъ?

— Девятый годъ, — сказалъ я.

— Ну такъ, это были и его года, — сказалъ онъ, онъ былъ осьми лѣтъ и шести мѣсяцевъ, когда переломилъ ему первое ребро; осьми лѣтъ и осьми мѣсяцевъ, когда переломили другое.

Я не могъ скрыть отъ него, что это очень непріятное обстоятельство, и спросилъ, какъ оно случилось. Его отвѣтъ былъ для меня мало успокоителенъ; онъ состоялъ только изъ двухъ страшныхъ словъ: «его колотили.»

Звукъ потталъонской трубы въ время окончилъ этотъ разговоръ; я всталъ съ чувствомъ некоторой гордости, сшаннымъ съ болзнію, которое происходило отъ сознания, что я владѣю кошелькомъ, вынулъ его изъ кармана и спсилъ, не долженъ ли я за что-нибудь заплатить.

— Вотъ за этотъ листъ бумаги, — отвѣчалъ онъ, покупали ли вы когда-нибудь почтовую бумагу?

Я не могъ этого припомнить.

— Она очень дорога, — сказалъ онъ, — по причине пошлины: у насъ полагается за нее два гроша; болѣе ва

ничего платить, развѣ кромѣ вознагражденія прислугѣ. Чернила не дороги; я возьму ужъ это на себя.

— Что же вамъ ... сколько я долженъ.... сколько слѣдуетъ получить? Сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ это, — пробормоталъ я, краснѣя.

— Еслибъ у меня не было дѣтей, которымъ нужно еще привить оспу, — сказалъ онъ, — то я не взялъ бы отъ васъ ни гроша. Еслибъ у меня не было престарѣлаго отца, котораго я долженъ содержать, и милой сестры (тутъ онъ былъ очень тронутъ), то я не попросилъ бы у васъ ни пфеннинга. Еслибъ у меня было здѣсь хорошее мѣсто, и со мною бы хорошо обходились, то я попросилъ бы васъ принять отъ меня бездѣлицу, вмѣсто того, чтобъ самому просить у васъ. Но я живу только крошками и косточками, которыя остаются отъ гостей.... и сплю въ чуланѣ, гдѣ лежатъ уголья.... — при этихъ словахъ онъ прослезился.

Я почувствовалъ глубокое состраданіе къ его печальному положенію, и былъ увѣренъ, что если дамъ ему мѣнѣе осьми грошей въ знакъ моей признательности, то это покажется ему грубостію и жестокосердіемъ. Поэтому я и далъ ему одинъ изъ моихъ блестящихъ шиллинговъ, который былъ принятъ имъ съ глубокимъ уваженіемъ. Мнѣ было нѣсколько непріятно замѣтить, что меня, когда я садился въ карету, подозрѣвали въ томъ, что я одинъ, безъ посторонней помощи, съѣлъ весь обѣдъ. Я заключилъ это изъ того, что слышалъ, какъ хозяйка изъ слуховаго окна закричала кондуктору: «побереги, Жоржъ, этого малютку, не то онъ лопнетъ!» — и потомъ изъ того, что замѣтилъ, какъ служанки гостиницы выбѣжали на дворъ, и шептались между собою, смотря на меня, какъ на молоденькое могоское диво. Мой несчастный другъ, слуга, который отъ печали возвратился опять къ своей прежней веселости, казалось, не только на это не сердился, но даже, безъ зазрѣнія совѣсти, принималъ участіе въ общемъ удивленіи. Впрочемъ это только въ половину возбудило во мнѣ недо-
вѣрчивость къ его искренности; я готовъ даже думать, что

при обыкновенной легковѣрности и довѣріи, которое оказываютъ дѣти къ старшимъ, я и теперь не имѣлъ бы противъ него ни малѣйшаго чувства недовѣрчивости.

Признаюсь, меня очень огорчало, что я, безъ всякой причины, сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и остротъ чталъона и кондуктора въ родѣ слѣдующихъ: что карета тяжело идетъ, отъ того, что я сижу въ ней, или, что скорѣе бы прибылъ на мѣсто, еслибъ повѣхалъ на подводахъ. Слухъ о моемъ мнимомъ обжорствѣ, какъ бѣгалъ огонь, пробѣжалъ между пассажирами кареты; они это очень забавлялись и спрашивали меня, будутъ ли въ широкую платить за меня за два или за три обѣда, или не заключатъ ли ли особеннаго контракта касательно моего прокормленія. Но самымъ непріятнымъ слѣдствіемъ этого недоразумѣнія могло быть то, что мнѣ стыдно будетъ что-нибудь ѣсть, если представится къ тому случай, и я долженъ буду отъ того голодать цѣлую ночь послѣ легкаго обѣда (потому что въ второпяхъ я забылъ въ гостиницѣ пирожки свои). Чтобъ предчувствовалъ, то и сбылось: когда мы остановились, чтобъ поужинать, у меня не было духу сѣсть къ столу, хотя охотно бы это сдѣлалъ. Я сѣлъ къ огню, сказавъ, что мнѣ ничего не хочется. Но это не спасло меня отъ насмѣшекъ: одинъ господинъ съ сиповатымъ голосомъ и кривымъ лицомъ, который почти всю дорогу ѣлъ колбасу, переставая только для того, чтобъ хлѣбнуть изъ бутылки, замѣтилъ, что я похожъ на удава, который за одинъ разъ наѣдается на долгое время; при чемъ онъ снова взялъ изъ соку хлѣба съ масломъ и съ вареной говядиной.

Мы выѣхали изъ Ярмута въ три часа послѣ обѣда, ровно въ осемь на слѣдующее утро прибыли въ Лондонъ. Погода была такая, какая обыкновенно бываетъ среди лѣта, а вечеръ былъ очень пріятенъ. Когда мы проѣзжали черезъ деревню, я представлялъ себѣ внутренность дома, ея, и каковы были ея обитатели; а если сзади бѣжали за нами мальчики и садились на запятки, чтобъ прокатиться съ нами по дорогѣ, то мнѣ любопытно было знать, — жи-

ли ихъ родители и хорошо ли имъ дома. Я не могъ объ этомъ не думать, потому что мысли мои были постоянно озабочены устройствомъ того мѣста, куда я ѣхалъ, и это наполняло меня ужасомъ. Иногда я думалъ о моей родинѣ, о Пегготти и обо всемъ давно минувшемъ, и припоминалъ себя, каковъ былъ я тогда, когда еще не укусилъ мистера Мурдstone. Въ этомъ отношеніи я не могъ дать себѣ удовлетворительнаго отвѣта: мнѣ казалось, что это случилось во мракѣ съдой древности.

Ночь была не такъ пріятна, какъ вечеръ, потому что было холодно; а чтобъ я не вывалился изъ экипажа, то меня посадили между двумя господами (однимъ рябымъ и еще другимъ), — и они, заснувъ, такъ давили меня тяжестью своего тѣла, что я едва не задыхался. Иногда они такъ меня притискивали, что я не могъ удержаться, чтобъ громко не вскрикнуть: «ахъ, сдѣлайте милость!» — что было для нихъ не очень пріятно, потому что ихъ будило. Противъ меня сидѣла пожилая дама въ огромной шубѣ, и въ темнотѣ была скорѣе похожа на стогъ сѣна, чѣмъ на даму: такъ распространялась она въ вышину и толщину. У этой дамы былъ коробокъ, и она долго не знала, куда бы его поставить; наконецъ, сдѣлавъ открытіе, что мои ноги довольно коротки, поставила его подъ меня. Онъ такъ тѣснилъ меня и беспокоилъ, что я готовъ былъ плакать; но если отъ малѣйшаго моего движенія звенѣла въ коробкѣ рюмка или что-нибудь другое, то она давала мнѣ жестокой толчекъ ногою и говорила: «Ну, ты! не шевелись! ты еще молоденецъ!»

Наконецъ солнце взошло, и мои спутники нѣсколько успокоились. Труды, съ которыми боролись они въ продолженіе ночи, выражались ужаснѣйшимъ соннымъ и храпѣньемъ, превосходящимъ всякое понятіе. Но солнце взошло выше, и сонъ ихъ сдѣлался покойнѣе, а наконецъ они пробудились одинъ за другимъ. Я помню, какъ удивлялся я ихъ притворству, съ которымъ каждый увѣрялъ, что не уснулъ ни на минуту. Удивляюсь и теперь, видя въ лю-

дяхъ общую всемъ безъ исключеній странную слабость не сознаваться въ томъ , что могутъ спать въ продолженіи дороги.

Какимъ удивительнымъ мѣстомъ показался мнѣ Лондонъ когда я увидѣлъ его издали! Мнѣ вообразилось , что приключенія моихъ любимыхъ героевъ происходили въ немъ и что въ немъ болѣе чудесъ и грѣховъ , чѣмъ во всѣхъ городахъ свѣта, какіе только были мнѣ извѣстны. Мало-малу приблизились мы къ городу и прибыли въ гостиницу въ *Витешапельскомъ округѣ* , — мѣстѣ нашего назначенія. Не припомню , былъ ли это голубой кабанъ ; знаю только что въ ея названіи было что-то голубое , и что девять гостиницы былъ нарисованъ на спинѣ кареты. Кондукторъ слѣзая, взглянулъ на меня, и спросилъ у дверей кофюрка:

— Не ожидаетъ ли здѣсь кто молодаго человѣка , который записанъ подъ именемъ Мурдстоне изъ Блундестоне въ Суффолкширъ, и долженъ здѣсь остаться, пока за нимъ пріѣдутъ ?

Отвѣта не было.

— Попробуйте, сударь, спросить о Конперфильдѣ, сказалъ я, смотря смущенно внизъ.

— Не ожидаетъ ли здѣсь кто молодаго человѣка , который записанъ подъ именемъ Мурстоне изъ Блундестоне въ Суффолкширъ, но называется Конперфильдомъ, и долженъ здѣсь остаться, пока за нимъ пріѣдутъ ? — спросилъ кондукторъ , — нѣтъ ли здѣсь такого ?

Нѣтъ. Такого не было.

Я со страхомъ смотрѣлъ кругомъ, но вопросъ этотъ произвелъ впечатлѣнія ни на кого изъ окружающихъ, кромѣ одного криваго господина въ камашахъ, который замѣтилъ что было бы лучше, еслибъ мнѣ сдѣлали мѣдный ошейникъ и привязали въ стойлѣ.

Принесли лѣстницу и я спустился вслѣдъ за страннымъ дамою, при чемъ однакожъ я не смѣлъ тронуть мѣста, пока не вынули ея коробку. Между тѣмъ карета

освободилась отъ пассажировъ, поклажа была скоро вынесена, лошади выпряжены, и наконецъ самая карета была сдвинута съ дороги служителями и поставлена въ сарай. Но все еще никто не являлся, чтобъ взять запыленного молодого человѣка изъ Блундерстоне въ Суффолкъширъ.

Одинокій и оставленный, какъ Робинсонъ Крузе, у котораго никого не было, кто бы взглянулъ на него въ его одиночествѣ, я отправился въ контору, вошелъ по приглашенію писаря за загородку, и сѣлъ на вѣсы, на которыхъ вѣшаютъ поклажу. Между тѣмъ, какъ я смотрѣлъ здѣсь на кипы, ящики и книги, и впивалъ въ себя запахъ этого мѣста, который съ тѣхъ поръ всегда напоминаетъ мнѣ это утро, въ головѣ моей началась процессія ужасныхъ мыслей. Ну, если никто за мною не придетъ: сколько времени позволятъ мнѣ здѣсь остаться? На сколько времени достанетъ мнѣ моихъ семи шиллинговъ? Не долженъ ли я буду проводить ночь на этихъ деревянныхъ ящикахъ и умываться утромъ на дворѣ у колодца? Или не будутъ ли на ночь выгонять меня изъ дома, въ ожиданіи, что на утро, когда отпрутъ контору, снова явлюсь сюда, и буду ждать, пока меня спросятъ? — Ну, если тутъ точно нѣтъ никакого недоразумѣнія, а мистеръ Мурдстоне нарочно выдумалъ это, чтобъ сбить меня съ рукъ, — что мнѣ тогда дѣлать? Еслибъ мнѣ и позволили здѣсь остаться, пока достанетъ моихъ семи шиллинговъ, то что будетъ тогда, когда я начну умирать съ голоду? Я видѣлъ, что это было бы очень непріятно для пробѣжающихъ, не говоря уже объ издержкахъ по погребенію, которыя достались бы на долю этого голубаго — какъ бишь его — быка или кабана? Но если я въ умѣ своемъ вдругъ предпринималъ рѣшительное намѣреніе возвратиться домой, то какъ нашелъ бы я дорогу, и кого бы, кромѣ Пегготти, могъ извѣстить о своемъ возвращеніи, еслибъ оно и удалось мнѣ? А еслибъ явился я въ первый ближній приказъ, и предложилъ бы себя въ солдаты или въ матросы, то меня вѣрно бы не приняли, потому что я такой маленькій. Эти и сотни другихъ подобныхъ мыслей бросали меня въ жаръ, и наполняли сердце мое страхомъ

и трепетомъ. Моя боязнь достигла уже высшей степени, когда вдругъ вошелъ какой-то мужчина и сказалъ что-то писарю, который тотчасъ же пододвинулъ меня къ нему, на вѣсѣхъ, какъ будто вещь священную, проданную и за которую уже расплатились.

Выходя рука объ руку съ моимъ новымъ знакомцемъ изъ конторы, я взглянулъ на него украдкой. Это былъ еврейскій, худошавый молодой человекъ, со впалыми щеками и подбородкомъ, почти такимъ же чернымъ, какъ у мистера Мурдстона; но борода его была обрита, а волосы были всклокочены и сухи. На немъ было черное платье, довольно поношенное и истертое, съ короткими рукавами, и былъ галстухъ, также довольно грязный. Я подозревалъ, и теперь еще подозреваю, что этотъ галстухъ было одно единственное бѣлье, которое носилъ онъ, по крайней мѣрѣ не замѣтно было и признаковъ другаго.

— Вы изъ вновь прибывшихъ? — спросилъ онъ меня.

— Точно такъ-съ, — отвѣчалъ я, не понимая вопроса.

— Я учитель изъ Салемъ-Гоуза, — прибавилъ онъ.

Я поклонился ему, и такъ оробѣлъ, что не смѣлъ упомянуть о какой-нибудь ничтожной вещи ученому поставнику въ Салемъ-Гоузъ, и сказать, что со мной есть сундукъ; однако же, когда мы прошли уже нѣкоторое пространство, я дерзнулъ произнести слово сундукъ. Снисходя на мое покорнѣйшее замѣчаніе, что сундукъ можетъ быть мнѣ полезенъ, онъ воротился и сказалъ писарю, что послѣдній придетъ взять сундукъ мой послѣ обѣда.

— Позвольте спросить васъ, — проговорилъ я, когда прошли мы нѣсколько шаговъ, — далеко ли намъ идти?

— Салемъ-Гоузъ лежитъ тамъ внизу, но далеко отъ Блакхейта, — отвѣчалъ онъ.

— А это далеко?

— Да, на порядкахъ, — сказалъ онъ, — впрочемъ мы поѣдемъ туда въ почтовой каретѣ. Это около шести миль.

Я такъ ослабъ и утомился, что меня устрашала мысль — проѣхать еще шесть миль. И потому я собрался съ духомъ и разсказалъ ему, что я не спалъ всю ночь и ничего не ѣлъ, и попросилъ его, чтобъ онъ позволилъ мнѣ купить что-нибудь поѣсть. Онъ этому, казалось, очень удивился — помню, какъ онъ вдругъ остановился и посмотрѣлъ на меня пристально; но подумавъ нѣсколько времени, сказалъ, что намѣренъ навѣстить одну старушку въ близости, и что я хорошо сдѣлаю, если куплю себѣ хлѣба, или чего-нибудь, для завтрака, который можно будетъ приготовить у нея въ домѣ, гдѣ можно получить и молока.

Мы подошли къ окошку булочника, и послѣ долгихъ предложеній и осмотровъ разныхъ съѣстныхъ предметовъ, рѣшили наконецъ купить маленькій ситный хлѣбецъ, который стоить три пенса. Потомъ въ другой лавкѣ купили мы яицъ и кусокъ ветчины съ большимъ слоемъ жиру. Когда я размѣнялъ свой другой блестящій шиллингъ, у меня осталось нѣсколько мелкой монеты, и я, закупивъ всего что было нужно, получилъ очень выгодное мнѣнiе о Лондонѣ, въ которомъ такъ дешево жить. Спрятавъ свой запасъ, мы пошли сквозь шумъ и толкотню народа, которые для моей усталой головы были вѣтъ всякаго описанiя; потомъ перешли черезъ мостъ, который, кажется, назывался Бриджъ (что однакожъ помнится мнѣ, какъ будто сквозь сонъ), — и пришли наконецъ къ жилищу старушки. Это былъ домъ, состоящiй изъ отдѣленiй квартиръ для бѣдныхъ людей, что узналъ я по наружному виду и надписи на камнѣ, надъ дверьми, которая гласила, что эти квартиры устроены для двадцати пяти бѣдныхъ женщинъ.

Учитель Салемъ-Гоуза подавилъ скобку одной изъ многихъ маленькихъ черныхъ дверей, которыя всѣ были похожи одна на другую, и каждая имѣла съ одной стороны маленькое тусклое окно, блестящее всеми цвѣтами радуги,

и другое точно такое же сверху; мы вошли въ комнатку, гдѣ одна пожилая женщина разводила огонь подъ маленькимъ таганчикомъ. Увидѣвъ учителя, она уронила на колѣни мѣхъ, которымъ раздувала огонь, и сказала что-то похожее на: «а! мой Карлуша!» Но замѣтивъ меня, она встала, и потирая руки, слегка мнѣ поклонилась.

— Сдѣлайте одолженіе, сварите этому молодому человеку завтракъ, если это возможно, — сказалъ учитель Салемъ-Гоуза.

— Если это возможно? — сказала старуха, — разумѣется, возможно.

— А что подѣлываетъ мистриссъ Фиббитсонъ? — спросилъ учитель, взглянувъ на другую старушку, которая сидѣла на большомъ стулѣ у огня, и представляла собою кучу платья, и я доннынъ благодарю Бога, что по ошибкѣ не сѣлъ на нее.

— Ахъ, она не здорова, — отвѣчала первая старушка, — для нея нынче трудный день. Еслибъ по какому-нибудь случаю погасъ огонь, то я право думаю, что и она также погасла бы и никогда не возвратилась къ жизни.

При этихъ словахъ мы всѣ взглянули на старушку. Хотя день былъ теплый, но въ ней, казалось, не было другаго чувства, кромѣ стремленія къ огню. Она, какъ будто завидовала даже тагану надъ огнемъ, и я увѣренъ, что ей очень не понравилось, когда его заняли для варенія яицъ: я замѣтилъ, какъ она украдкою показала мнѣ кулакъ, когда началась эта операція. Солнце бросало сквозь маленькое окно широкую полосу свѣта; но она сидѣла, обратившись къ нему и собственною спиною и спинкою большаго стула, какъ экранъ передъ каминомъ; какъ будто стараясь поддерживать огонь, она уставила на него глаза. Когда приготовленіе моего завтрака кончилось и таганъ былъ снятъ съ огня, старушкѣ такъ это было пріятно, что она громко засмѣялась дикимъ смѣхомъ.

Съ большимъ аппетитомъ принялся я за хлѣбъ, яича и ветчину; въ дополненіе ко всему этому мнѣ подали крынку молока. Между тѣмъ какъ я вкушалъ это наслаженіе, старушка обратилась къ учителю:

— Съ тобою твоя флейта?

— Со мною, — отвѣчалъ онъ.

— Такъ сыграй что-нибудь на ней, — сказала старушка ласкательнымъ голосомъ; — сыграй, сдѣлай милость!

Учитель сунулъ руку между полами своего спортука и вынулъ флейту, состоящую изъ трехъ кусковъ, которые онъ свинтилъ вмѣстѣ и началъ играть. Впечатленіе, произведенное игрой его, заставило меня думать, что нѣтъ и не было на свѣтѣ человѣка, который бы могъ играть хуже. Онъ извлекалъ изъ своего инструмента такіе ужасные звуки, какіе только возможно произвести естественнымъ или искусственнымъ образомъ. Я не понимаю, что это были за звуки, но они имѣли на меня вліяніе: во-первыхъ, напомнили мнѣ всѣ мои печальные дни, такъ что я едва могъ удержаться отъ слезъ; потомъ отняли у меня весь аппетитъ; а наконецъ навѣвали на меня такой сонъ, что глаза мои стали невольно смыкаться. Вотъ, снова исчезаетъ передо мною эта маленькая комнатка съ своимъ поставцемъ въ углу, съ своими высокими стульями и съ угловатою, витою лѣстницею, ведущею на верхъ, и съ тремя павлиньими перьями на карнизѣ камина; флейта умолкаетъ; вмѣсто нея слышится мнѣ стукъ колесъ повозки, и я опять въ дорогѣ; я чувствую толчекъ и пробуждаюсь; опять слышна флейта, учитель Салемъ-Гоуза опять сидитъ передо мною, скрестивъ ноги, и жалобно играетъ, между тѣмъ какъ старуха слушаетъ его съ удовольствіемъ на лицѣ; но вотъ и она исчезаетъ, и онъ исчезаетъ: все сливается передо мною, и нѣтъ болѣе ничего — ни флейты, ни учителя, ни Салемъ-Гоуза, ни Давида Копперфильда, — ничего, совершенно ничего, кромѣ глубокаго сна.

Мнѣ казалось въ этомъ снѣ, что между тѣмъ, какъ игралъ онъ на своей ужасной флейтѣ, старуха, хозяйка ком-

наты, въ своемъ вдохновенномъ удивленіи приблизилась къ нему, наклонилась надъ спинкою его стула, съ жаромъ обняла виртуоза, и этой нѣжностію прервала на время игру его. Но вотъ онъ снова началъ, — и слышалъ я, какъ старуха спросила у мистриссъ Фиббистонъ: «не правда ли, что это прелесть?» — на что мистриссъ Фиббистонъ отвѣчала ей: «да, да, правда! правда!» — и наклонилась къ огню, которому она, по моему мнѣнію, приписывала весь успѣхъ музыкальнаго дарованія.

Я спалъ, вѣроятно, довольно долго; но наконецъ учитель Салемъ-Гоуза, развинтивъ свою флейту, спряталъ ее на прежнее мѣсто, и повелъ меня съ собою. Мы скоро наши карету и помѣстились снаружи; но мнѣ такъ хотѣлось спать, что, когда мы остановились, чтобъ принять еще кого-то, меня положили во внутренность кареты, гдѣ не было пассажировъ, и гдѣ уснулъ я крѣпкимъ сномъ, пока почувствовалъ, что карета въѣзжаетъ на крутой холмъ, между зелеными кустами. Тутъ она остановилась, и мы прибыли къ мѣсту нашего назначенія.

Пройдя нѣсколько шаговъ, очутились мы — учитель и я — въ Салемъ-Гоузъ, который былъ окруженъ высокою кирпичною стѣною, и представлялъ очень печальный видъ. Надъ воротами въ этой стѣнѣ была прибита доска, на которой было написано: «Салемъ-Гоузъ,» и въ рѣшетчатое окно, находящееся въ этихъ воротахъ, выглянула къ намъ, когда мы позвонили, прекислая рожа, которая, — какъ я узналъ, вошедши въ калитку, — принадлежала крѣпкому человѣку съ воловьимъ хребтомъ, деревянною ногою, высушившимися скулами и коротко обстриженными волосами.

— Вотъ новый ученикъ! — сказалъ учитель.

Человѣкъ съ деревянною ногою осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, — на что не нужно было тратить много времени, потому что я былъ не великъ, — потомъ заперъ за нами ворота и вынулъ ключъ. Мы пошли къ дому между разными тѣнистыми деревьями, сонливо опустившими свои вѣтви, какъ вдругъ онъ крикнулъ моему вожатому:

— Мистеръ Мелль!

Мы оглянулись. Онъ стоялъ у дверей домика, который былъ его жилищемъ, и держалъ въ рукѣ пару сапоговъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ, — сапожникъ приходилъ, пока васъ не было, мистеръ Мелль, и сказалъ, что онъ не можетъ ихъ починить. Онъ говоритъ, что въ нихъ нѣтъ ни кусочка изъ бывшихъ сапоговъ, и удивляется, какъ можете вы требовать починки.

Сказавъ эти слова, онъ бросилъ сапоги къ мистеру Меллю, который отступилъ шага два назадъ, чтобъ ихъ поднять, и потомъ, когда мы пошли далѣе, все смотрѣлъ на нихъ, какъ мнѣ показалось, съ видомъ глубокаго огорченія. Я замѣтилъ также, что сапоги, которые были на немъ, до того износились, что пора было ихъ бросить, а камашни его въ одномъ мѣстѣ представляли распускающійся цвѣтокъ.

Салемъ-Гоузъ былъ четырехугольное кирпичное строеніе съ флигелями и безъ всякаго наружнаго украшенія. Тамъ было все такъ тихо, что я спросилъ у мистера Мелля, не ушли ли всѣ мальчюки со двора. Но онъ, казалось, удивился моему незнанію, что теперь вакаціи, и что всѣ ученики разъѣхались по домамъ; что мистеръ Креакле, начальникъ заведенія, съ мистриссъ и миссъ Креакле уѣхали на берегъ моря, а я присланъ сюда на вакаціи въ наказаніе за мою лѣность. Это все рассказалъ онъ мнѣ дорогою.

Классная комната, въ которую онъ ввелъ меня, показалась мнѣ самымъ пустыннымъ и печальнымъ мѣстомъ, какого съ роду я не видѣлъ, и теперь она какъ будто передо мною. Это былъ длинный покой съ тремя длинными рядами столовъ и шестью рядами скамеекъ; стѣны были утыканы колышками для шляпъ и аспидныхъ досокъ. Лохмотья старыхъ тетрадей въ безпорядкѣ были разбросаны на грязномъ полу. Паутина покрывала мѣстами столы и стѣны. Двѣ несчастныя, маленькія, бѣлыя мыши, остав-

ленные своимъ хозяиномъ, бѣгали взадъ и впередъ и домикъ изъ картонной бумаги, и заглядывали во всю уголку своими красненькими глазками, желал отыскать себѣ пилу. Кака-то птица сидѣла въ клеткѣ, которая была немножко больше самой птицы; но птица не пѣла и не чирикала, а издавала какой-то однообразный звукъ, то вскакивая на свою жердочку, то соскакивая съ нея. Вся комната была наполнена какимъ-то страннымъ, непріятнымъ запахомъ плесени, гнилыхъ яблоковъ и изъѣденныхъ червями книгъ. Полъ и тогда бы, кажется, не могъ быть болѣе запачканъ чернилами, еслибъ домъ стоялъ безъ крыши и круглый годъ лился бы на него изъ облаковъ чернильный дождь.

Когда мистеръ Мелль удалился отъ меня, чтобъ отнести на верхъ свои неизлечимые сапоги, я тихо пошелъ на другой конецъ комнаты, при чемъ и сдѣлалъ всѣ вышесказанные наблюденія. Вдругъ попался мнѣ на глаза лежачій на полу ярлычекъ изъ картонной бумаги, на которомъ были написаны слѣдующія слова:

«Берегись его: онъ кусается!»

Тогда я вдругъ вскочилъ на столъ, вообразивъ, что въ комнатѣ есть какая-нибудь большая собака. Но бросивъ кругомъ испуганные взоры, я нигдѣ не видѣлъ собаки. Еще занятъ былъ этимъ обыскомъ, когда возвратился мистеръ Мелль и спросилъ меня, что я тутъ дѣлаю.

— Извините, — сказалъ я, — извините меня, я смѣшаюсь, нѣтъ ли тутъ собаки.

— Собаки? — спросилъ онъ, — какой собаки?

— А развѣ здѣсь нѣтъ собаки?

— Да какая же собака можетъ тутъ быть?

— Собака, которой надо беречься, которая кусается.

— Нѣтъ, Конперфильдъ, — сказалъ онъ серьезно, — это не собака, а мальчикъ. Мнѣ поручено, Конперфильдъ, повѣсить этотъ ярлыкъ тебѣ на спину. Очень жаль, что

на первый разъ долженъ такъ поступить съ тобою; но мнѣ должно это исполнить.

Съ этими словами онъ снялъ меня со стола и повѣсилъ ярлыкъ мнѣ на спину, какъ суму, и дѣлалъ удовольствіе носить его всегда на себѣ, куда бы ни отправлялся.

Что перенесъ я отъ этого ярлыка, того никто не можетъ себѣ представить! Смотрѣлъ ли кто на меня или нѣтъ, я всегда воображалъ, что кто-нибудь его читаетъ. Если я оборачивался и никого не видалъ за собою, то это меня ни мало не успокоивало: куда только ни обращался я спиною, мнѣ все казалось, что тамъ кто-нибудь есть. А тотъ грозный человекъ на деревяшкѣ еще болѣе увеличивалъ мои мученія. Ему вѣрно было наблюдать за мною, и если онъ замѣчалъ когда-нибудь, что я прислонился къ дереву, къ стѣнѣ или къ дому, то ревѣлъ изъ своей двери ужасно громкимъ голосомъ: «Эй! вы! Копперфильдъ! Показывайте свой ярлыкъ, чтобъ можно было его читать, не то я его покажу.» Мѣстомъ игры былъ большой, убитый щепнемъ дворъ, на который выходили окна всей задней половины дома; и я зналъ, что и прислуга читала мой ярлыкъ, и мясникъ читалъ его, и хлѣбникъ читалъ его; однимъ словомъ, всякій, кто приходилъ туда утромъ, когда я тамъ гулялъ, читалъ, что должно меня беречься, что я кусаюсь. Помню, что наконецъ я самъ началъ себя бояться, какъ дикаго, который можетъ укусить.

На этомъ дворѣ была старая дверь, на которой ученики вырѣзывали обыкновенно имена свои. Она была вся изрѣзана надписями. Боясь, что ваканція скоро кончится, и что ученики возвратятся, я не могъ себя не спрашивать, читая имена ихъ, съ какимъ выраженіемъ прочтутъ они: «берегитесь его: онъ кусается!» — Прежде всего бросился мнѣ въ глаза мальчикъ, Д. Стеерфортъ, который вѣшалъ свое имя глубже другихъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и который, по моему мнѣнію, долженъ былъ прочитать эти слова громкимъ голосомъ и при этомъ дернуть меня за волосы. Тамъ былъ еще другой мальчикъ, Томми Траддлессъ,

который, какъ я опасался, выкинетъ какую-нибудь шутку, притворяясь, что боится меня. Тамъ былъ третій, котораго, какъ мнѣ представлялось, будетъ непременно расписано слово, написанныя на ярлыкъ моемъ. Я, бѣдное, робкое созданіе, такъ долго смотрѣлъ на эту дверь, что наконецъ всѣ владѣтели этихъ именъ, — которыхъ, какъ говорилъ мнѣ мистеръ Мелль, было числомъ сорокъ пять, — наконецъ, казалось, завопили, и каждый на свой ладъ кричалъ, указывая на меня: «берегитесь его, онъ кусаетъ».

Точно то же было и съ мѣстами на лавкахъ у стола, точно то же было и съ дощечками у кроватей, когда я, лежа въ постели, смотрѣлъ на нихъ. Я помню, каждую ночь казалось мнѣ, что я сижу съ матушкою, или ѣду въ гости къ Пегготти; или сижу въ каретѣ и ѣду въ дорогъ, или ѣду съ моимъ несчастнымъ другомъ, съ бѣднымъ слугою, и при всѣхъ этихъ случаяхъ посторонніе люди смотрѣли на меня и кричали, видя меня въ одной рубашкѣ и съ лыкомъ на шее.

Однообразіе моей жизни и постоянный страхъ, скоро начнутся классы, были для меня очень тягостны. Каждый день я долго занимался съ мистеромъ Меллемъ, такъ какъ тутъ не было ни мистера, ни миссъ Мурдстоунъ, то я приготовлялся къ урокамъ, и не подвергался немилостивому надзору. Передъ ученіемъ и послѣ ученія я гулялъ подъ надзоромъ челявѣка на деревляшкѣ. Какъ живо помню я туманъ вокругъ дома, избитый тротуаръ на дворѣ, старую, разсохшуюся лодку для воды и сѣрые пни печальныхъ деревьевъ, въ которыхъ вѣтви были чаще подъ дождемъ и рѣже подъ солнцемъ, чѣмъ другія деревья. Въ часъ мы обѣдали, — мистеръ Мелль и я, — въ огромной пустой комнатѣ, устроенной сосновыми столами и пропитанной жирнымъ запахомъ. Потомъ намъ оставалось нѣсколько часовъ до чая, когда мистеръ Мелль пилъ изъ синей чашки, а я изъ оловянныхъ кружки. Потомъ мистеръ Мелль до самаго вечера сидѣлъ за пульпетомъ съ перомъ, чернилами, линейкою и книжкою, составляя, какъ узналъ я, счета за прошедшіе полгода.

чивъ вечеромъ свою работу, онъ игралъ на флейтъ, такъ что я думалъ, что душа его перейдетъ въ эту большую дырочку, и онъ наконецъ съ руками и съ ногами будетъ выглядывать изъ клапоновъ флейты.

Какъ теперь вижу я себя самого въ полутемной комнатѣ: сижу, склонивъ голову на руку, и слушаю плачевную игру мистера Мелля, твержу свой урокъ. Я вижу себя, какъ, закрывъ наконецъ книгу, я все еще слушаю печальную игру мистера Мелля, и припоминаю себя свою родину и вой вѣтра на морскомъ берегу Ярмута, и сижу печальный и покинутый. Я вижу себя, какъ, ложась спать, сижу еще на постели, и плачу о ласковыхъ словахъ Пегготти; какъ, вставъ утромъ, я схожу внизъ, и сквозь длинную щель на лѣстницѣ смотрю на школьный колоколъ, который, съ пѣтухомъ на шпигъ, виситъ на башенкѣ соседняго домика, и напоминаетъ мнѣ, что придетъ время, когда онъ прозвонитъ, призывая къ ученью Стеерфорта и другихъ учениковъ, послѣ того, какъ хромой привратникъ отворитъ заржавѣвшую калитку для ужаснаго мистера Креакле.

Мистеръ Мелль мало говорилъ со мною, но и не былъ со мною грубъ. Мнѣ кажется, мы бесѣдовали другъ съ другомъ, не говоря ни слова. Я забылъ упомянуть, что по временамъ онъ говорилъ самъ съ собою, горько улыбался, и сжимая кулаки, скрежеталъ зубами и странно ерошилъ себя волосы. Но ужъ это была у него такая привычка, и хотя она сначала меня пугала, но я скоро къ ней привыкъ.

ГЛАВА VI.

Я распространяю кругъ своего знакомства.

Такимъ образомъ провелъ я почти мѣсяцъ, когда хромой привратникъ, съ метлою и ведромъ, началъ ковылять по двору, изъ чего заключилъ я, что начались приготовления къ принятію мистера Креакле и учениковъ. Я и ошибся; въ скоромъ времени метла явилась въ классъ комнатъ и вымела мистера Мелля и меня; тогда мы нѣсколько дней устраивали себѣ жилище, гдѣ пошло какъ попало, между тѣмъ какъ въ продолженіе этого времени намъ безпрестанно попадались молодыя женщины, которыя прежде рѣдко были видны, и мы окружены были такою страшною пылью, что я чихалъ безпрестанно, какъ будто Саломъ-Гоузъ былъ огромная табакерка.

Однажды мистеръ Мелль извѣстилъ меня, что мистеръ Креакле пріѣдетъ нынче вечеромъ. Послѣ вечерняго услышалъ я, что онъ пріѣхалъ. Хромой привратникъ звалъ меня изъ спальни, чтобъ представить ему.

Часть дома, которую занималъ мистеръ Креакле, была несравненно удобнѣе, чѣмъ наша; къ ней примыкала спальня, очень красиво отдѣлявшаяся отъ пыльной арены; гдѣ играли, которая казалась мнѣ степью въ миниатюрѣ, и если могла понравиться кому-нибудь другому, кромѣ верблюда или дромадера. Замѣчаніе, что эта часть дома была лучше устроена, казалось мнѣ дерзостію, когда я съ тѣмъ же потомъ шелъ на эту аудіенцію; когда же я ввелъ меня туда, я такъ смѣшался, что едва замѣтилъ мистриссъ и мистера Креакле, которыя тутъ же были, и никого болѣе не было, кромѣ самого мистера Креакле, толстаго господина съ толстою часовою цѣпочкою и печатами подъ жилетку сидящаго въ креслахъ передъ бутылкою и рюмкою.

— А! — сказалъ мистеръ Креакле, — такъ это ты самый молодой человѣкъ, которому надо подпилить зубы. Повороты-ка его!

Хромой поворотилъ меня такъ, что мой лрыкъ представился ему на видъ; поддерживавъ меня такимъ об-

зомъ нѣсколько времени, поворотилъ опять лицомъ къ мистеру Креакле, и сталъ подлѣ него. Лицо мистера Креакле было огненнаго цвѣта; глаза были малы и глубоко вдавлены въ голову; у него были толстыя жилы на лбу, маленькій носъ и широкій жирный подбородокъ. На головѣ его, украшенной лысиною, было нѣсколько тонкихъ волосъ, влажныхъ съ виду, которые уже начинали сдѣтъ и были зачесаны отъ висковъ къ верху, соединяясь на лбу. Но всего болѣе поразило меня то, что у него не было голоса, а было какое-то хриплое шипѣніе. Трудъ, который оно причиняло ему, и сознаніе своего безсилія говорить громко, дѣлали еще сердитѣе его и безъ того сердитое лицо, и увеличивали толщину толстыхъ жилъ его; такъ что, глядя на него искося, я ни мало не удивляюсь, что эта особенность устрашала меня болѣе всѣхъ.

— Ну, — сказалъ мистеръ Креакле, — что скажешь объ этомъ мальчишкѣ?

— Пока еще ничего дурнаго, — отвѣчалъ хромой привратникъ, — еще не было такого случая.

Мнѣ показалось, что мистеръ Креакле обманулся въ своемъ ожиданіи; и еще замѣтилъ я, что мистриссъ и миссъ Креакле (топчія молчаливыя особы, на которыхъ я теперь только взглянулъ) не обманулись въ этомъ, и были довольны этимъ извѣстіемъ.

— Подойди-ка сюда! — сказалъ мистеръ Креакле, поманивъ меня къ себѣ.

— Подойди-ка сюда! — повторилъ за нимъ и хромой привратникъ, также поманивъ меня.

— Я имѣю счастье знать твоего отчима, — прощиплъ мистеръ Креакле, взявъ меня за ухо; — онъ славный человекъ и очень строгаго характера. Онъ меня знаетъ, и я его знаю. Знаешь ли ты меня? а? — сказалъ мистеръ Креакле, стиснувъ мнѣ ухо съ ужасною болью.

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ я, стараясь вырваться изъ этой муки.

— А? нѣтъ еще? — повторилъ мистеръ Креакле, — ну такъ скоро узнаешь. Да!

— Скоро узнаешь. Да! — повторилъ и хромой.

Я узналъ въ послѣдствіи, что онъ, по своему грѣху, служилъ мистеру Креакле переводчикомъ при разговорѣ съ дѣтьми.

Я былъ въ ужасномъ страхѣ, и сказалъ, что надѣюсь съ нимъ познакомиться, если онъ это позволитъ мнѣ. Я чувствовалъ все это время такую сильную боль, какъ будто мое ухо было въ огнѣ.

— Я тебѣ скажу, кто я таковъ,—прошипѣлъ мистеръ Креакле, выпустивъ наконецъ мое ухо, но на прощаніе такъ его стиснулъ, что глаза мои наполнились слезами; я Татаринъ.

— Татаринъ, — повторилъ хромой привратникъ.

— Если я скажу: я хочу это сдѣлать, то ужъ и сдѣлаю, — сказалъ мистеръ Креакле, — и если я скажу: чтобъ было что сдѣлано, то ужъ оно и должно быть сдѣлано.

— И должно быть сдѣлано, — повторилъ хромой привратникъ.

— У меня рѣшительный характеръ, — сказалъ мистеръ Креакле, — вотъ я каковъ! Я исполняю свою обязанность, — вотъ что я дѣлаю! Если моя плоть и кровь (тутъ онъ взглянулъ на мистриссъ Креакле) возстанутъ противъ меня, то она ужъ не моя плоть и кровь, — отрекусь отъ нея. А что, тотъ плутъ не приходилъ сюда, продолжалъ онъ, обратясь къ хрому.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ? — сказалъ мистеръ Креакле, — и хорошо сдѣлалъ. Онъ меня знаетъ. Пусть онъ и не приходитъ, — говорю, пусть онъ и не приходитъ (тутъ онъ ударилъ рукою по столу и взглянулъ на мистриссъ Креакле). Онъ меня знаетъ! Ну, вотъ и ты ужъ начинаешь злиться на меня, мой молодой пріятель, и потому можешь идти. Веди его.

Я былъ очень радъ, что меня выпроводили; потому что мистриссъ и миссъ Креакле стали утирать глаза, и я жалѣлъ объ нихъ такъ же, какъ о самомъ себѣ. Но у меня была просьба, которая была такъ близка

моему сердцу, что я, — самъ не понимаю какъ, — собрался съ духомъ и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, сударь....

— А? что тамъ? — прошипѣлъ мистеръ Креакле, и устремилъ на меня глаза, какъ будто хотѣлъ обратить меня въ пепелъ своимъ взглядомъ.

— Позвольте мнѣ, сударь, — пробормоталъ я, заикаясь, — попросить васъ.... Я раскаяваюсь въ томъ, что я сдѣлалъ.... Но позвольте, сударь, снять съ меня этотъ ярлыкъ, пока не возвратились еще ученики....

Не знаю, вправду ли мистеръ Креакле при этомъ вскочилъ съ кресла, или онъ это сдѣлалъ только для того, чтобъ испугать меня; но у меня при этомъ душа ушла въ пятки, и я обратился въ бѣгство, не дожидаясь хромага привратника, и не прежде остановился, какъ достигнувъ моей спальни, гдѣ, увѣренный, что за мною не гонятся, еще часа два дрожалъ, лежа въ постель.

На слѣдующее утро возвратился мистеръ Шарпъ. Это былъ главный учитель; онъ занималъ высшую должность, чѣмъ мистеръ Мелль. Этотъ обѣдалъ и ужиналъ всегда съ учениками, а мистеръ Шарпъ съ мистеромъ Креакле. Онъ былъ, повидимому, слабого и нѣжнаго сложенія, имѣлъ довольно большой носъ и привычку — склонять голову не много на сторону, какъ будто она была для него тяжела. Волосы его были приглажены очень гладко и красиво. Но первый прѣхавшій ученикъ объяснилъ мнѣ, что это былъ парикъ (и притомъ купленный, какъ онъ сказалъ, изъ вторыхъ рукъ), — и что мистеръ Шарпъ каждую субботу послѣ обѣда уходитъ его завивать.

Тотъ, кто далъ мнѣ это объясненіе, былъ не кто другой, какъ Томми Траддлсъ, который возвратился первый. Онъ напомнилъ мнѣ о себѣ, сказавъ, что его имя стоитъ въ углу на правой сторонѣ двери надъ верхнею петлею.

— Траддлсъ? — спросилъ я.

— Онъ самый, — отвѣчалъ онъ, и потомъ со всею подробностію осведомился о моемъ семействѣ.

Для меня было счастье, что Традлестъ пріѣхалъ прежде другихъ; его очень забавлялъ мой дрыжекъ, и онъ выручилъ меня изъ затруднительнаго положенія. Онъ представлялъ меня всѣмъ другимъ ученикамъ, большимъ и маленькимъ, которые возвращались вслѣдъ за нимъ, и говорилъ имъ: «Посмотрите-ка! вотъ штука-то!» — По счастью, большая часть мальчиковъ возвратились въ грустномъ расположеніи духа, и не насмѣхались надо мною такъ, какъ я ожидалъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ плясали вокругъ меня, какъ дикіе Индійцы, и многіе изъ нихъ не могли удержаться отъ искушенія — принимать меня за собаку, трепать и гладить меня, чтобъ я не укусилъ ихъ, и говорить: «кушъ-кушъ! Белло!» — Это, разумется, было для меня очень непріятно при постороннихъ, и стоило мнѣ многихъ слезъ; но вообще дѣло устроилось лучше, чѣмъ я ожидалъ.

Меня еще не считали совсѣмъ принятымъ въ училище, пока не пріѣхалъ Стерфортъ. Этому ученику, который пользовался славою великаго ученаго, имѣлъ добрую наружность и былъ по крайней мѣрѣ шестью годами старше меня, былъ я представленъ, какъ важному государственному лицу. Сидя подъ навѣсомъ на дворѣ, разспрашивалъ онъ меня о подробностяхъ моего наказанія, и сказалъ свое мнѣніе, что это веселое наказаніе, за что я ему очень былъ благодаренъ.

— Сколько дали тебѣ денегъ, Копперфильдъ? — сказалъ онъ, отведя меня въ сторону, и узнавъ заранее мои обстоятельства.

Я сказалъ ему, что семь шиллинговъ.

— Ты сдѣлалъ бы лучше, — замѣтилъ онъ, — еслибъ отдалъ ихъ мнѣ подъ охраненіе. Впрочемъ, если только хочешь; а если нѣтъ, то можешь и не отдавать.

Я исполнилъ исполнить его дружеское предложеніе, и отирывъ кошелекъ Петтотти, высыпалъ изъ него деньги ему въ руку.

— Ты, можетъ быть, желаешь что-нибудь купить? — спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, благодарю, — отвѣчалъ я.

— Ты это можешь, если хочешь, — сказал Стерфорд; — скажи, чего тебѣ хочется?

— Ничего; благодарю, — повторилъ я.

— Не хочешь ли изстратить шиллинга два на бутылку-тогганнберга, и выпить ее тамъ наверху въ спальнѣ? — сказалъ Стерфордъ; — ты, кажется, спишь со мною въ одной комнатѣ?

Мнѣ это сначала не приходило въ голову; но теперь я сказалъ: «да, это было бы хорошо».

— Такъ не хочешь ли изстратить еще одинъ шиллингъ или около этого на мапдальный пирожекъ? — сказалъ Стерфордъ.

Я сказалъ, что и это было бы не дурно.

— И еще одинъ шиллингъ на бисквиты или другое какое-нибудь лакомство? а? — спросилъ Стерфордъ. — Я думаю, Кэмпбеллъ, что денегъ на все это достанется.

Я улыбнулся, потому что и онъ улыбнулся; но я былъ несколько смущенъ.

— Ну, хорошо, — сказалъ Стерфордъ, — мы сделаемъ такъ, чтобъ на все достало, сколько можно, — это главное. Я сделаю для тебѣ все, что будетъ въ моихъ силахъ; я могу выходить, когда захочу, и пронесу эту бездѣлицу.

Съ этими словами онъ опустилъ деньги въ себя въ карманъ, и дружески совѣтовалъ мнѣ ни о чемъ не заботиться, что онъ устроитъ такъ, что все будетъ исправно.

Хотя онъ дѣлалъ мнѣ одолженіе и принималъ на себя всѣ хлопоты, но совѣтъ говорилъ мнѣ, что это все не хорошо; я боялся, что трата двухъ полукронъ моей матушки будетъ ужъ расточительностью, и спряталъ кусочекъ бумаги, въ который онъ были завернуты, и который былъ для меня драгоценностію.

Когда мы отправились въ спальню, онъ принесъ туда все приобретенное на семь шиллинговъ, разложилъ на постель при лунномъ свѣтѣ и сказалъ: «вотъ видѣшь ли маленюшій Кэмпбеллъ, какой у тебѣ царскій обѣдъ!» — Я не смѣлъ и думать принять на себя честь угощенія, тогда какъ онъ былъ старшій между нами; при одной этой мысли дрожала у меня рука. Я просилъ его оказать мнѣ

честь — быть председателемъ; мое предложеніе было подтверждено и другими учениками, спавшими въ этой залѣ, и онъ согласился. Онъ сѣлъ на мою подушку и сталъ раздавать кушанье, что, — нельзя не сознаться, — дѣлалъ съ совершенною ловкостію, и подавалъ вино въ маленькомъ стаканчикѣ, который принадлежалъ собственно ему. Я сѣлъ подлѣ него съ лѣвой стороны, а прочіе столпились вокругъ насъ, сидя на ближнихъ кроватяхъ или на полу.

Ясно и хорошо помнится мнѣ, какъ мы тамъ сидѣли, и разговаривали шепотомъ, или лучше сказать, какъ они разговаривали между собою, а я слушалъ ихъ съ благоговѣніемъ. Лучъ мѣсяца падалъ сквозь окно залы и рисовалъ его на полу. Мы почти всѣ сидѣли въ тѣни, только по временамъ. Стерфордъ, хозяйничая при нашемъ столѣ, обматывалъ стрнуную спичку въ фосфорную стекляночку, и освѣщалъ насъ голубоватымъ свѣтомъ, который мгновенно исчезалъ. Какое-то непріятное чувство — слѣдствіе мрака, таинственности нашей бесѣды и шептанія — овладѣло мною, когда они мнѣ что-нибудь рассказывали полу-торжественнымъ, полу-робкимъ тономъ, при чемъ я радовался, что они всѣ со мною, и, показывая видъ, что смѣюсь, дрожалъ однакоже отъ страха, когда Траддлсъ говорилъ, притворяясь, что видитъ въ углу привидѣніе.

Я услышалъ отъ нихъ много разныхъ подробностей о школѣ и о нѣкоторыхъ лицахъ. Я узналъ, что мистеръ Креакле не безъ причины называетъ себя Татаринномъ, что онъ самый строгій и самый жестокій изъ всѣхъ школьных учителей; что онъ всю жизнь свою билъ вправо и влево, и какъ драгунъ обращался съ мальчиками, которыхъ колотилъ немногосердо; что онъ собственно ничего не знаетъ, кромѣ драки, и глупѣе самаго послѣдняго ученика въ школѣ; что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ плохимъ танцмейстеромъ гдѣ-то на городѣ, и потомъ, оставивъ это ремесло, сдѣлался школьнымъ учителемъ, скопивъ нѣсколько денегъ съ мистриссъ Креакле. И много подобныхъ диковинныхъ новостей рассказывали они, такъ что я удивлялся, какимъ образомъ они ихъ узнали.

Еще узналъ я, что хромой привратникъ, котораго звали Тунгай, былъ настоящий варваръ, и нѣкогда былъ вспомогательнымъ лицомъ въ танцевальныхъ классахъ; но вмѣстѣ съ мистеромъ Креакле перешелъ къ ученому званію, потому что, сломалъ себѣ ногу, какъ полагали ученики, на службѣ у него, и потому что исполнялъ для него всѣ гадости и зналъ всѣ его тайны. Я узналъ, что Тунгай, за исключеніемъ мистера Креакле, смотрѣлъ на всѣхъ учителей и учениковъ, какъ на личныхъ враговъ своихъ, и что единственнымъ удовольствіемъ его въ жизни было — обходиться съ ними грубо и сурово. Мнѣ рассказали, что у мистера Креакле былъ сынъ, который не ладилъ съ этимъ Тунгаемъ, и помогая отцу при школѣ, однажды упрекнулъ его въ излишней жестокости съ учениками и въ дурномъ обхожденіи съ его матерью; что въ слѣдствіе этого, мистеръ Креакле выгналъ его изъ дома, и съ тѣхъ-то поръ мистриссъ и миссъ Креакле всегда печальны.

Но всего болѣе удивило меня то, что въ школѣ былъ только одинъ ученикъ, который никогда не принималъ побоевъ отъ мистера Креакле, и этомъ ученикъ былъ Стерфортъ. Онъ самъ подтвердилъ это; когда объ этомъ упомянули, и сказалъ, что ему было бы смѣшно видѣть, еслибъ мистеръ Креакле вздумалъ поколотить его.

Я узналъ, что мистеръ Шарпъ и мистеръ Мелль получаютъ, вѣроятно, очень малое жалованье, и что если за столомъ мистера Креакле подадутъ горячій и холодной говядины, то ожидаютъ отъ мистера Шарпа, что онъ возьметъ себѣ холодной (это подтвердилъ Стерфортъ, который, одинъ изъ всѣхъ учениковъ, обѣдалъ за столомъ мистера Креакле). Я узналъ, что парикъ мистера Шарпа не по головѣ, и что ему совсѣмъ не слѣдуетъ такъ имъ гордиться этимъ парикомъ, потому что изъ-подъ него выглядываютъ его собственные рыжіе волосы.

Я узналъ, что одинъ изъ мальчиковъ, сынъ угольщика, ходилъ въ училище въ уплату за уголья отцу его, и потому назывался *векселемъ*. Я узналъ, что вся школа полагаетъ, что миссъ Креакле влюблена въ Стерфорта, и я,

сказать по правдѣ, сидѣлъ въ темнотѣ подлѣ него, и вспо-
ная пріятный его голосъ, хорошенькое лицо и кудря-
волосы, почиталъ это очень вѣроятнымъ, Я узналъ, что
стеръ Мелль человѣкъ не злой, но не имѣетъ ни пенни
денегъ, и что мать его, мистриссъ Мелль, бѣдна какъ И.
Я вспомнилъ тогда про мой завтракъ у нея и про са-
«мой Карлуша», которыя мнѣ посылались, но, — во-
минаю съ удовольствіемъ, — промолчалъ объ этомъ.

Эти рассказы и множество другихъ подобныхъ продли-
пиръ нашъ. Большая часть гостей уже улеглись по к-
ватямъ, а мы все еще сидѣли и шептались полураздѣт-
наконецъ также улеглись..

— Прощай, маленькій Копперфильдъ, — сказалъ Стер-
фортъ, — я о тебѣ позабочусь.

— О, ты очень добръ, — отвѣчалъ я съ благодар-
стію, — я тебѣ много обязанъ.

— У тебя вѣдь есть сестра? не правда ли?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я.

— Жаль, — сказалъ Стерфортъ; — еслибъ у т-
была сестра, то, по моему мнѣнію, она была бы робкое,
ленькое, голубоглазое дитя, и мнѣ было бы весело съ нею
познакомиться. Спокойной ночи, Копперфильдъ!

— Спокойной ночи! — отвѣчалъ я.

Я еще долго объ немъ думалъ, лежа въ постелѣ,
помнится, всталъ еще разъ, чтобъ взглянуть, какъ лежи-
онъ при лунномъ свѣтѣ, повернувъ къверху свое красивое
личико и положивъ голову на руку. Онъ казался мнѣ оче-
сильною особою, и по этому я такъ занялся имъ. Ничего
мрачнаго не представляла мнѣ его будущность, и ни оди-
тъни не заграждало ему дороги на тропинкахъ сада, и
гулялъ я съ нимъ во снѣ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РОКОВАЯ ВСТРѢЧА

СОЧ. КЁРНЕРА.

*Комната въ домъ лѣсникаго. По стѣнамъ висятъ
охотничьи ружья; по срединѣ и обѣимъ сторонамъ
двери; на мѣсто окно.*

*Клара прядетъ; Конрадъ, въ охотничьемъ платьѣ, чи-
ститъ ружье.*

КОНРАДЪ.

Вотъ, милый другъ, то самое ружье,
Съ которымъ выигралъ я призъ въ то время,
Когда увидѣлъ въ первый разъ тебя.
Отцемъ была обѣщана ты брату;
Но чувство тайное сказало мнѣ,
Что долженъ я, не онъ, владѣть тобою.
Въ какомъ тогда волненъ было сердце!
Я помню, также билось оно,
Какъ мѣткой пулей я при графѣ вышибъ
У ястреба голубку изъ когтей.

КЛАРА.

А Вольдемаръ мнѣ говорилъ тогда:
«Смотри! вотъ этотъ ловкій егеръ
Мнѣ братъ родной.» — Онъ подалъ знакъ тебѣ,
И ты къ намъ подошелъ....

КОНРАДЪ.

Небесный пламень
Мнѣ вдругъ тогда по сердцу пробѣжалъ!

КЛАРА.

Со мною было то же. Да, ни слова
Не находила я, какъ Вольдемаръ
Къ тебѣ подвелъ меня, свою невесту!
Лицо пылало; этотъ жаръ ланитъ
Онъ называлъ стыдливостью дѣвицы;
Но тайно пробуждалась любовь.

КОНРАДЪ.

Тихонько братья меня спросилъ: «ты камень?
Хоть слово вымолви съ красавицей моей;
Вѣдь ты бывалъ не скупъ на разговоръ.»
Но я стоялъ разстроенный, смущенный,
И заикаясь, шляпой лишь вертелъ.

КЛАРА.

Тутъ позвали тебя къ стрѣлянью въ цѣль.
«Мой выигрышъ, красавица, для васъ!»
Сказалъ, и полетѣлъ ты.

КОНРАДЪ.

Какъ дрожало
Въ рукахъ ружье! Я трепеталъ; но мысль,
Что выстрѣломъ приобрѣту, быть можетъ,
Твою любовь, мнѣ укрѣпила руку;
Я сѣло цѣлюся, и — пуля тамъ!

КЛАРА.

Торжественно вели тебя назадъ.
Былъ призомъ шелковый платокъ назначенъ;
Ты получилъ его за славный выстрѣлъ.

КОНРАДЪ.

Я подарилъ его тебѣ. И вдругъ
Такъ дивно-весело на сердцѣ стало!

КЛАРА.

И въ первомъ танцѣ вмѣстѣ мы кружились.
Тутъ громко говорили всѣ: «вотъ пара!»
Какъ восхищалась я тогда!

КОНРАДЪ.

А братъ,
Взоръ отворачивъ, стоялъ поодаль мрачный,
И грозно вырвалъ онъ тебя изъ круга,
И вдругъ увлекъ домой. — Ахъ! безъ тебя
Окончились всѣ радости мои!
Въ угрюмый лѣсъ невольно я укрылся,
И если бы тамъ встрѣтилъ брата я,
Худой конецъ могъ быть; не осуди
Меня, о Боже!

КЛАРА.

У отца просилъ онъ
Поспѣшнѣй свадьбу нашу совершить.
Ахъ, какъ дитя я воли не имѣла,
И онъ надѣлъ оковы на меня.
Одинъ лишь разъ я видѣлась съ тобою;
Но образъ твой носила все въ душѣ.

КОНРАДЪ.

Какъ тяжело было мнѣ! Я смерти жаждалъ;
Не постигалъ, что дѣлалось со мной!
И добрый нашъ отецъ, замѣтивъ блѣдность,
Согнавшую румянецъ съ щекъ моихъ,
Напрасно скорбь ту разгадать старался.
Вдругъ вспыхнула война, и мужъ твой,
Покинувъ домъ, пошелъ противъ врага.
Прошла молва потомъ, что два сраженья
Проиграны, и Вольдемаръ убитъ.
Въ село явились дезертиры къ намъ,
И ту же вѣсть о смерти брата
Скорбѣвшему отцу всѣ принесли.
Но я не плакалъ; нѣтъ! прости мнѣ, Боже!

7 *

Давно другъ друга не любили мы ;
 Когда же онъ назвалъ тебя женою ,
 Союзъ послѣдній кровный я расторгъ .

КЛАРА.

Мнѣ батюшка писалъ тогда, чтобъ я
 Пріѣхала къ нему для утѣшенія.
 Я поспѣшила къ вамъ. Съ какой боязнью
 Вступила въ домъ, гдѣ встрѣча предстояла
 Съ тобой. А ты былъ робокъ, и ни слова
 Не говорилъ о пламенной любви ,
 Тебя томившей. И когда бъ отецъ
 Передъ кончиною сомнѣнья не рѣшилъ ,
 Не осѣнилъ любви благословеньемъ ,
 Безмолвно бъ все еще страдали мы.
 Теперь же , ахъ ! я радостно могу
 Летѣть въ твои объятія , другъ мой милый !
 Могу прижать тебя къ груди своей !

КОНРАДЪ.

Ахъ , могъ ли ожидать когда-нибудь
 Такого счастья Конрадъ твой вѣрный !
 Да , если это не обманъ мечты ,
 И если души преселенныхъ въ вѣчность
 Съ любовью чистою взираютъ къ намъ ,
 И радуются счастьемъ друзей , —
 То вѣрно Вольдемаръ съ улыбкой смотритъ
 На нашу жизнь , избытокъ наслажденій ,
 Разцвѣтшихъ надъ его могилою для насъ .

КЛАРА.

Онъ умеръ , уступилъ намъ счастье.
 Богъ съ нимъ ! Хоть онъ и былъ суровъ немного ,
 Но благороденъ былъ , и смерть его
 Почтила я слезою непритворной.
 — Ты въ лѣсъ опять идешь ?

КОНРАДЪ.

Да , въ лѣсъ , мой ангелъ !

(Собирается идти.)

КЛАРА.

Не медли тамъ ; ты знаешь, милый другъ,
Какъ беспокоюсь я !

КОНРАДЪ.

О, будь спокойна !
Еще мнѣ сладкій поцѣлуй ! — Прости !
(Уходитъ въ среднюю дверь.)

Клара одна.

(Во слѣдъ Конраду.)

Сдержи же слово ; возвратись скорѣе !
Ну, съ Богомъ въ путь !.... Безцѣнный мой !
Какъ пламенна его любовь ко мнѣ !

(Смотритъ снова въ окно.)

Еще не далеко, онъ.... оглянулся....
Онъ посылаетъ поцѣлуй мнѣ.....
Прощай ! прощай ! — Вотъ онъ и скрылся
Три мѣсяца ужъ я его женою,
А все еще привыкнуть не могу
И полчала остаться безъ него....
О, какъ онъ милъ !.... Пойду, взгляну изъ спальни,
И буду взорами слѣдить....
Хотя долину покрываетъ сумракъ,
Для взоровъ женщины еще свѣтло:
Тамъ мрака нѣтъ, гдѣ мы въ любви живемъ.

(Уходитъ въ правую дверь.)

Вольдемаръ, въ плащъ, входитъ чрезъ среднюю дверь. Начинаетъ темнѣть.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Привѣтствую тебѣ, о колыбель
Моей счастливой юношеской жизни !
Привѣтствую, кровь отческій, тебя,
Страна родная, будь благословенна !

Въ жизнь бурную я увлеченъ былъ рокомъ,
 И кровью битъ меня омыло время.
 И въ этомъ мѣрѣ вѣчныхъ перемѣнъ
 Враждебный духъ непостоянства
 Законы страшно попиралъ;
 Столбѣй многихъ зрѣлые плоды
 Погибли въ бурѣ яростной временъ;
 Лишь ты одна, о милая отчизна,
 Тверда въ обычаяхъ и неизмѣнна!
 Здѣсь все по-прежнему; ты сохранила
 Святой завѣтъ минувшихъ лучшихъ дней.
 И буря страшная, чертоги
 Разрушивши, надъ хижиною этой
 Безъ гибели и бѣдствій пронеслась.

(Снимаетъ плащъ.)

Здѣсь снова встрѣчу я всѣхъ сердцу милыхъ,
 И добраго отца и вѣрную жену.
 Достойный ихъ любви, я возвращаюсь
 Изъ грозныхъ битвъ, и чувствую теперь,
 Какъ холодеетъ, суровъ я прежде былъ.
 Но сила времени мою суровость
 Смягчила, и согрѣла сердце мнѣ.
 О, я заглажу прежніе проступки,
 И новый жаръ въ любви моей найдутъ!
 Увы! нашъ вѣкъ такъ кратокъ, мимолѣтенъ,
 И жизнь для радостей есть только мигъ,
 Но для печалей нашихъ — это вѣчность!

Узнаютъ ли меня? Липо мнѣ шрамъ
 Отъ вражьей сабли много измѣнилъ.
 О, Кларъ сердце скажетъ обо мнѣ!
 Не думалъ я, чтобъ ея образъ былъ
 Запечатлѣнъ въ душѣ такъ глубоко.
 Подъ свистомъ пуль и подъ сѣкирою смерти
 Я только понималъ этотъ пламень чувствъ,
 Который къ ней въ душѣ теперь живетъ.
 Не дорожилъ я жизнью, и безстрашно
 За родину на жертву несъ ее;

Но чувство новое вдругъ пробудилось,
И жизнь такъ горячо я полюбилъ,
И сталъ жалѣть о прежнихъ дняхъ счастливыхъ,
Которыми безумно пренебрегъ.
Два года былъ я съ нею разлученъ;
Считаютъ вѣрно всѣ меня убитымъ:
Оставленъ я замертво былъ на полѣ.
Какая радость ждетъ ее, когда
Къ ней вѣрныя объятія простру!
Сюда идутъ! — Ахъ, то она, мой ангелъ!
Скрѣпись, сердце! Вольдемаръ, будь мужъ!
Ты не робѣлъ предъ страшнымъ ликомъ смерти,
Должна ли радость такъ смущать тебя !....
(Отступаетъ нѣсколько въ сторону.)

Вольдемаръ; Клара выходитъ изъ правой двери со свѣчей.

КЛАРА.

Мнѣ слышалось, что кто-то въ дверь вошелъ;
Ужель Конрадъ такъ скоро возвратился?

ВОЛЬДЕМАРЪ *(подбѣгая къ ней)*.

Другъ незабвенный!

КЛАРА.

Боже мой! чей голосъ!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Твой Вольдемаръ съ тобою!

КЛАРА.

Вольдемаръ!

О Боже правосудный!

(Упадаетъ безъ чувствъ.)

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Ангелъ мой!

Другъ милый! Клара!.... Ахъ, она не слышитъ!
Затмѣились взоры!.... О, неосторожный,
Что сдѣлалъ я! Самъ къ этой встрѣчѣ съ ней

Готовился такъ долго, а ее,
 Какъ молніей, я радостью внезапной
 Жестоко такъ сразилъ!.... Ахъ, нѣтъ, она
 Жива еще! Благодаренье Богу!....
 О, Клара, другъ мой! милая жена!
 Приди въ себя, съ тобой твой Вольдемаръ,
 Котораго считала ты убитымъ.
 Прости! Въ порывѣ радости моей
 Я поразилъ внезапностью тебя!

КЛАРА (съ растерзаннымъ сердцемъ, больно).

О Вольдемаръ, о Вольдемаръ!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Утѣшься,
 Душа моя! Я возвращаю тебѣ!
 Ударами Французскихъ сабель
 Я близъ Зальфельда тяжело былъ раненъ,
 И увлеченъ врагами былъ за Рейнъ,
 И долго, тяжело я въ плѣну томился;
 Но наконецъ меня побѣгъ удачный
 Опять на родину, къ тебѣ привелъ.
 И здѣсь теперь осуществились всѣ
 Мои мечты о счастьи безмятежномъ!
 Отъ радости ты плачешь, милый другъ,
 Еще не вѣришь въ милость къ намъ Небесъ!....
 Но расскажи, что дѣлаетъ отецъ?

(Клара бросаетъ ослѣды на небо).

Великій Боже! такъ ли понимаю!
 Онъ въ вѣчности!.... Онъ умеръ-умеръ-умеръ?
 На Провидѣнье ропотъ — тяжкій грѣхъ;
 Власы его давно осеребрились;
 Онъ смерти ужъ тогда принадлежалъ,
 Какъ я покинулъ домъ; а все еще
 Едва могу повѣрить! — Умеръ? Умеръ!

КЛАРА (болѣзненно).

О, Вольдемаръ!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Нѣтъ, прежде долженъ я
Отцу отдать святую дань слезами,
Потомъ любви привѣтъ подругъ вѣрной.
Пойду туда, гдѣ онъ всегда сидѣлъ;
Гдѣ онъ послѣднее благословенье
Мнѣ далъ; его тамъ тѣни поклонюсь.
Ты здѣсь побудь; мужское сердце
Такъ сильно встрѣча потрясла, тѣмъ больше
Тебѣ отдохновенье нужно. Плачь,
Плачь! Слезы радости твоей такъ сладки;
А я съ печалью горькой ихъ пролью.
Но все пройдетъ, мой милый, вѣрный другъ!

(Уходитъ нальво.)

КЛАРА.

Я вѣрный другъ — жена роднаго брата!....
О, Боже мой! за что меня оставилъ!

(Уходитъ направо.)

Конрадъ входитъ въ среднюю дверь.

Работа кончена. Какъ сладко намъ
Труды дневные награждаетъ вечеръ.
Въ богатомъ и пространномъ здѣшнемъ мѣрѣ
Пріятѣе намъ есть ли что-нибудь
Спокойной, чистой совѣсти сознанья
И милой женщины объятій нѣжныхъ?....
Когда усталый къ Кларѣ вечеркомъ
Въ покой уютный возвращаюсь я,
Какъ радостно спѣшитъ она на встрѣчу
Ко мнѣ, счастливцу, съ пламеннымъ лобзаньемъ!
Не смѣетъ грусть чела мнѣ омрачить.
Заботливо беретъ она ружье,
И съ плечъ охотничью снимаетъ сумку;
Надѣнетъ легкій на меня камзолъ,
И голову мнѣ шапочкой накроетъ.

Не беру къ себѣ я на колѣни,
 И такъ въ объятіяхъ взаимныхъ мы
 Все про любовь одну съ ней говоримъ.
 Не думалъ прежде я, чтобы такъ много
 Объ этомъ можно было толковать.
 Но Клара не идетъ! — За очагомъ
 Навѣрно мнѣ она готовить ужинъ.
 О добрая! — Прекрасно я придумалъ
 Призвать сюда на вечеръ музыкантовъ;
 Какъ милую я изумлю пріятно
 Нежданной серенадой подъ окномъ!
 Къ груди горячей я прижму ее,
 И ночь пройдетъ для двухъ счастливыхъ
 Между восторгами и пѣснями любви!
 А вотъ и Клара!

Клара выходитъ изъ правой двери.

КОНРАДЪ.

Милая жена!

Вотъ какъ сдержалъ я слово! Вся работа
 Теперь окончена. Остатокъ дня
 Мы проведемъ въ пріятныхъ разговорахъ.
 Особенно сегодня веселъ я,
 И праздную какъ будто бы день брака.
 И можетъ ли иначе это быть:
 Въ счастливомъ бракѣ каждый день есть праздникъ.
 Что вижу я, мой ангелъ? Ты въ слезахъ!
 Скажи, что значитъ это, ради Бога!

КЛАРА.

Твоя веселость разрываетъ сердце!
 Конрадъ! скрѣпись, брось свои мечты!
 Жестоко счастье обмануло насъ!
 Проснись, проснись отъ сладкихъ грезъ, и вырви
 Изъ сердца память радостныхъ минутъ,
 И истреби въ душѣ своей мой образъ:
 Я для тебя, для счастья погибла!
 Братъ не убить, — онъ живъ!

КОНРАДЪ.

Онъ живъ ? — Не правда !
Въ сраженіи близъ Зальфельда онъ убитъ ;
Пустой молвы ты испугалась.

КЛАРА.

Живъ онъ !

КОНРАДЪ.

О, вздоръ !

КЛАРА.

Онъ здѣсь и я его жена !

КОНРАДЪ.

Онъ здѣсь ?

КЛАРА.

Въ той комнатѣ, онъ смерть отца
Оплакиваетъ тамъ....

КОНРАДЪ.

Нѣтъ, невозможно !
Твое разстроено воображеніе ;
Ты призракъ видѣла ; братъ Вольдемаръ
Давно въ землѣ.

КЛАРА.

Ахъ, нѣтъ ; онъ живъ, онъ живъ !
Смотри, вотъ плащъ его ; повѣрь, Конрадъ,
То не мечта ; ты для меня потерялъ !

КОНРАДЪ.

Клянуся Небомъ, нѣтъ ! Ты мнѣ жена !
И кто расторгнетъ нашъ союзъ священный ?

КЛАРА.

Бракъ первый расторгаетъ наши узы !

КОНРАДЪ.

Нѣтъ, Клара, нѣтъ ! Клянуся Богомъ, нѣтъ !
Онъ только съ жизнью у меня отниметъ
Тебя, мой рай ! — Жить мнѣ или ему !

КЛАРА.

Конрадъ, подумай, онъ твой братъ родной!

КОНРАДЪ.

Онъ братъ мой! братъ!.... О Боже, какъ ужасно
Среди всѣхъ наслажденій убѣдиться
Мнѣ въ этой истинѣ внезапно!
О, это выше силъ, и вызываетъ
Всю волю духа противъ злой судьбы!

КЛАРА.

Конрадъ, будь твердъ!

КОНРАДЪ.

Ты можешь удержать
Потокъ, стремящійся чрезъ скалы въ пропасть?
Ты можешь ли огонь охладить,
Иль сокрушительной, ревущей бурѣ
Велѣть зефиромъ быть? — Будь твердъ!
Пустое слово! Если бы на жертву
Пришлось нести мнѣ золото иль жизнь,
О, я бы былъ спокоенъ, равнодушенъ;
Но мнѣ отдать тебя!! Свидѣтель Богъ,
Не быть тому!.... Во мнѣ душа бунтуетъ!
Мое отчаянье теперь есть долгъ:
Подлецъ искать лишь будетъ утѣшеня!

КЛАРА.

Но если я такъ дорога тебѣ,
То выслушай: быть можетъ, Вольдемаръ
Свою любовь ко мнѣ преодолѣетъ,
И на меня права тебѣ уступить,
Когда узнаетъ....

КОНРАДЪ.

О, въ умѣ ли ты?
Ужели, думаешь, что такъ безумно
Бросаютъ люди лучший даръ небесъ?
Нѣтъ, только человѣкъ, ума лишенный
Отверзтыя для входа двери рая
Себѣ затворить навсегда. И чѣмъ

Вознагражу я брату эту жертву?
 Весь Божій міръ роскошный и богатый
 Ни чѣмъ, ни чѣмъ ему не замѣнить
 Блаженства, проданнаго мнѣ!....

КЛАРА.

Но онъ

Такъ добродушень сталъ; онъ мои слезы
 Слезами радости считаетъ;
 Я откровенно все ему открою;
 Въ немъ къ брату вѣрно будетъ состраданье.
 Но до того, молю, съ нимъ не встрѣчайся!
 Кровь пылкая въ груди у васъ кипитъ,
 И встрѣча ваша можетъ быть ужасна.
 Бѣги его, любовью заклинаю!
 На свѣтъ одна васъ мать произвела!

КОНРАДЪ.

Любовь по мнѣ сильнѣе кровныхъ узъ!
 И въ этой жизни то лишь и родное,
 Что пламенемъ любви соединилось;
 Такъ и въ тебѣ родную встрѣтилъ я,
 И пусть весь міръ, весь адъ противостанетъ,
 Тебя ничто не вырветъ у меня!

КЛАРА.

Ужель мои слова, мои страданья,
 Такъ мало сердце трогаютъ твое,
 Что ты несчастной женщины мольбамъ
 Въ порывѣ изступленія не внемлешь?
 Дай съ братомъ мнѣ поговорить! Пока
 Укройся въ лѣсъ; пусть тамъ остынетъ сердце;
 Спокойнѣй послѣ встрѣтишься ты съ нимъ.

КОНРАДЪ.

Быть такъ! — Всѣ силы мужества въ душѣ
 Собрать я постараюсь. Но клянуся,
 Не долго выдержу я такъ. Скорѣе
 Окончи дѣло съ нимъ; меня взорветъ
 Ужъ мысль одна, что ты въ его объятяхъ.

Та мысль, что онъ уста моей жены
Преступнымъ поцѣлуемъ оскверняетъ!
Совѣтую скорѣй окончить съ нимъ;
Иначе въ бышествовѣ ужасномъ,
Я.... все забуду!

КЛАРА.

Спѣши же, онъ взойдетъ!

КОНРАДЪ.

Иду. — Творецъ,

Будь съ нею!

*(Онъ идетъ; Клара бѣжитъ за нимъ и бросаетъ
къ нему на шею.)*

КЛАРА.

Конрадъ!....

КОНРАДЪ.

Милая жена!

Тебя оставить мнѣ!.... Нѣтъ, Богъ свидѣтель,
Прощусь я легче съ жизнью, чѣмъ съ тобой!....

(Уходитъ въ среднюю дверь.)

Клара одна.

Увы! ты долженъ это испытать!

Конрадъ, мы жертвы; мы всему виною!
Ахъ, добрый Вольдемаръ вступилъ сюда
Съ надеждой твердою на вѣрность Клары.
Какъ буду я надеждъ его достойна!....
Какое сердце должно растерзать!!
Но искренно мнѣ простираетъ руки
И тотъ.... Ужель ему нанести ударъ?
Чѣмъ навлекла я гнѣвъ судьбы ужасной!
Зачѣмъ на мнѣ отяготѣло бремя
Всѣхъ скорбей жизни! Чѣмъ преступна я
Передъ любовью, что она повергла
Въ такую страшную борьбу меня,
Меня, несчастную причину бѣдствій,
Причину братской роковой вражды;
И я должна принадлежать обонимъ!....

Клара и Вольдемаръ изъ правой двери.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Смотри, теперь мнѣ легче, милый другъ;
И скорбь моя почти прошла; лишь слезы
Воспоминанія еще въ глазахъ;
Пускай онѣ текутъ; я тѣмъ плачѣ
Забытый прежде долгъ, потерю
Родительской любви благословеній.
Пусть вечеръ возвращенья моего
Мы проведемъ въ бесѣдѣ о покойномъ!
Ты мнѣ расскажешь о его кончинѣ,
О томъ, благословилъ ли онъ меня,
Воспоминалъ ли Вольдемара?

КЛАРА.

Онъ

Все почиталъ тебя давно умершимъ,
И радовался, что преображенный,
Ты въ вѣчной жизни встрѣтишься ему.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Жестоко обманулся онъ!

КЛАРА.

Ахъ, да!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

И я въ своей надеждѣ обманулся!
Но нѣтъ, несправедливо я сказалъ:
Вѣдь я нашелъ тебя, мой вѣрный другъ!
Чего жъ еще мнѣ требовать у Неба?

КЛАРА (съ стороны.)

Какъ рвется сердце!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Я въ отцовскомъ домѣ;
Еще въ немъ духъ покойнаго живетъ,
И въ этой мирной жилищѣ вездѣ
Я вижу скромныя твои занятія;
Чего же больше ожидать я могъ?
О чемъ я лучше бы могъ еще мечтать?

КЛАРА (съ сторону).

Молчать мнѣ долѣе нельзя! (Громко) Напрасно
Себѣ ты слѣпо вѣришь, Вольдемаръ!
Въ мечтахъ счастливыхъ ты осуществляешь
Надежды сердца; но судьба и время
Ужъ приготовили ударъ, — будь твердъ,
Будь мужъ — тебѣ я истину открою.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Что хочешь ты открыть мнѣ? что? Нѣтъ, Клара,
Молчи! Сегодня пусть себѣ я вѣрю;
Ты завтра истину откроешь мнѣ;
Мечтою дай сегодня насладиться!

КЛАРА.

Нельзя мнѣ, Вольдемаръ, нельзя! Жестоко
Сорву завѣсу я съ очей твоихъ!
Но должно: брать твой....

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Что онъ сдѣлалъ?
Ужъ не обидѣлъ ли тебя бездѣльникъ?

КЛАРА.

Нѣтъ, Вольдемаръ, нѣтъ; никогда меня
Не обижалъ онъ; но напротивъ былъ
Всегда такъ добрѣ, какъ братъ расположенъ....

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Я удивляюсь: кто меня любилъ,
Тѣхъ какъ враговъ всегда онъ ненавидѣлъ.
Гдѣ жъ онъ?

КЛАРА.

Въ лѣсу. Но ты ошибся въ немъ;
Какъ смертию онъ твоей былъ опечаленъ!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Конрадъ? да ты меня смѣяться заставляешь;
Одинъ онъ въ цѣломъ мірѣ несогласно
Со мною вѣчно жилъ. Другъ другу мы
И въ счастья и въ игрѣ враждебны были;

Побѣда одного была другому
Паденьемъ. О, не говори объ немъ!
Ты брата именемъ однимъ мрачншь
Счастливымъ вечеръ мой и всю отраду.

КЛАРА.

Ужели распря молодости вашей
Укоренилась такъ глубоко,
Что сердце стало чуждо лучшихъ чувствъ?

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Прошу, не говори! Ты такъ слаба,
Въ очахъ твоихъ еще блистаютъ слезы,
И судорожно колебанье груди.
Побереги себя, мой другъ! Ужель
Откажешь въ этой первой просьбѣ мнѣ?
Ни слова болѣе объ немъ; а завтра
Ты можешь тайну мнѣ открыть.

КЛАРА.

Нѣтъ, нѣтъ!

Сегодня, все сегодня. Ты не видишь,
Какъ сердце разрываетъ мнѣ тоска!
Я не могу молчать; мнѣ должно, должно
Сказать то страшно-роковое слово!
Ахъ! отъ него зависать и судьба
И счастье трехъ существъ; зависать всѣ
Надежды двухъ любимыхъ мною братьевъ!
Внимай же мнѣ....

(Ослабѣвъ, падаетъ на кровать.)

Ахъ, я лишаюсь силъ!

Въ глазахъ все меркнетъ! Боже милосердый!....

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Она упала! Умираетъ! Другъ мой!
Приди въ себя!.... Какая буря въ ней
Такъ страшно, яростно рветъ нити жизни!
О Клара!.... Вотъ она приходитъ въ чувство!
Другъ милый! ангелъ мой! Молю тебя,
Ступай, хотя немного отдохни!

Покойный сонъ тебѣ собрать поможетъ
Ослабшія, разстроенныя силы,
Чтобъ легче выдержать борьбу души.

Ложись въ постель; ты вся дрожишь, и холодъ
Какъ въ лихорадкѣ кровь оледенилъ.

(Покрываетъ ее плащомъ.)

Вотъ плащъ; одѣнься, онъ тебя согреетъ.
Принудь себя уснуть; когда же встанешь,
Я слушать тайну страшную готовъ;
Дай до того себѣ и мнѣ покой!

КЛАРА.

Ахъ, лучше бъ чувствъ на вѣки я лишилась!
Я такъ слаба; едва собираю силы
И слово вымолвить!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Безцѣнный другъ!

Усни, усни! И сонъ да освѣтитъ
Тебя привѣтливѣй печальной жизни!
Спи, милая жена, спокойно, сладко!
О, Господи! благослови ее
Покоемъ тихимъ, безмятежнымъ,
И изгони пріятнымъ сновидѣньемъ
Ту тайну страшную, хотя на мигъ,
Изъ бѣднаго, растерзаннаго сердца!
Я разгадать ее и не могу,
И не желаю. Ахъ, часы печали
Еще довольно рано намъ наступать!
Уснула. — Боже мой! Нѣтъ, то не сонъ!
Дыханье прекратилось въ ней; нѣтъ жизни!
О, Клара, милый другъ! неужли ты
Меня на вѣкъ покинешь, не простившись!
Спаси, Творецъ! Она безъ чувствъ, безъ чувствъ!
Гдѣ помощь для нея найду, несчастный!

(Убѣгаетъ со свѣчей въ рукахъ калѣсо.)

Ночь. Клара лежитъ на постели; Конрадъ съ потаеннымъ фонаремъ входитъ въ среднюю дверь.

КОНРАДЪ.

Все тихо — здѣсь свирѣпствуетъ лишь буря!
 Стихи жизни роковой ударъ
 Потрясъ жестоко такъ, и всѣ онъ
 Встревоженное сердце обуяли!
 Да, своенравная судьба сама
 Ужасно содрогнется предъ борьбою
 Двухъ братьевъ! Боже, до чего дошло!
 Затѣмъ отъ сладкихъ грѣзъ моей любви
 Я долженъ былъ такъ страшно пробудиться!....
 Кто шевелится тамъ? Га! отъ чего
 Меня приводить въ трепетъ этотъ плащъ?
 Какихъ кровавыхъ призраковъ собранье
 Вокругъ меня? Конрадъ! о, что съ тобою?
 Предъ кѣмъ робѣешь ты? Вѣдь это братъ,
 Твой кровный другъ.... Мой другъ? Но развѣ Клара
 Не связана съ нимъ бракомъ?.... Мы друзья,
 Мы братья? Никогда, нѣтъ, никогда!
 Опять зашевелился онъ!.... Конрадъ!
 Ужъ если спящій такъ тебя страшить,
 Какъ будешь говорить ты съ пробужденнымъ?
 Но развѣ долженъ пробудиться онъ?
 Онъ развѣ долженъ? Нѣтъ, онъ можетъ спать,
 Спать вѣчно!.... Боже милосердый!
 Исполни сердце мнѣ *своей* любовью,
 Чтобъ ненависти демонъ злобный
 Души не отравилъ кровавой мыслью!
 Они можетъ спать, — и я могу быть счастливымъ?....
 Онъ можетъ вѣчно спать, — она моя!
 О, замолчи коварная душа!
 Злой демонъ, змѣй, тебя смущаетъ;
 Не вѣрь ему, не слушайся его;
 Держися, сердце, Господа и вѣры!
 Онъ братъ мнѣ, братъ единственный, родной;
 Нашъ мать одна для счастья родила!....

Онъ не любилъ меня; своей рукою
 Все небо онъ похитилъ у меня;
 Но я для матери, чьей грудью мы
 Равно питались въ любви горячей,
 Забуду, что рѣшительный ударъ
 Закрытыя имъ двери рая можетъ
 Мнѣ отпереть. Пускай рѣшается братъ,
 И если мнѣ ея онъ не уступить,
 Я сердцемъ твердымъ изберу тогда
 Угрюмый путь моей послѣдней скорби,
 И снѣло гробъ себѣ открою.

(Слышна веселая роковая музыка террей.)

Что слышу! Боже мой! При этихъ звукахъ
 Хотѣлъ я пробудиться на груди
 Моей жены; хотѣлъ восторги
 Моей любви и первой брачной ночи
 Всѣ упоенія осуществить
 Небеснымъ звукомъ радостныхъ напѣвовъ!
 И чтожъ теперь? Раздавленъ я какъ червь,
 И вмѣсто дивныхъ, наслажденій,
 Отчаянье въ душѣ моей кипитъ!
 Носился бы теперь я въ горнихъ,
 Я, увлеченный сладострастьемъ звуковъ,
 Гармоніей, согласною съ душою,
 Когда бъ его вдругъ не изрыгнулъ гробъ!
 Отъ смерти онъ возсталъ на гибель мнѣ,
 И все мое блаженство разрушаетъ!
 О, какъ призывный голосъ этотъ сладокъ!
 Какимъ огнемъ любви исполненъ звукъ,
 Влекущій сердце къ упоеньямъ!
 Я, какъ отверженный, теперь ихъ чуждъ!
 Ужели тамъ блаженствовать смоу,
 Гдѣ погибаю я? И на груди,
 Гдѣ для меня все благо обитало,
 Онъ.... будетъ въ страстной нѣтѣ
 Горячихъ поцѣлуевъ утопать!
 Нѣтъ, нѣтъ! клянусь, не быть тому!
 Хотя бъ цѣной блаженства вѣчнаго!....

(Слова слышимъ звуки роковъ.)

О звуки, понялъ ли я васъ? Слышите!
Прочь свѣтъ! Чтобы знакомыя черты
Не пробудили чувства въ слабыхъ сердцахъ,
И свѣлости руки не удержали!
Прочь, прочь, скорѣй! *(Прячетъ фонарь, вынимаетъ охотничій
носокъ и бросается на Клару.)*

КЛАРА.

Ахъ, помогите!

КОНРАДЪ.

Адская ошибка!

Чей голосъ!

КЛАРА.

Помогите!

КОНРАДЪ *(подбѣгаетъ къ ней съ фонаремъ.)*

Боже мой!

Я умертвилъ жену!

КЛАРА.

Конрадъ, Конрадъ!

—

Ть же, Вольдемаръ со свѣчей.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Къ кому на помощь? Клара, милый другъ!
Кто совершилъ такое злодѣянье?

КОНРАДЪ.

Я!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Ты, проклятый! Ты, изчадь ада!

Такого ангела убійца ты!
Убійца счастья роднаго брата!

КОНРАДЪ.

Она дороже мнѣ — она была
Моей женой!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Твоей женою? Небо!
Какъ странно все мнѣ объяснилось!
Кому жъ ударъ назначилъ ты?

КОНРАДЪ.

Тебѣ!

КЛАРА.

О Боже, милосердый!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Извергъ, извергъ!

)

КОНРАДЪ.

Ужасной кáрою постигла насъ
Судьба! — О Клара, Клара! милый другъ!
(*Стаивается предъ нею на коленяхъ*)

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Прочь, прочь отсель! Не оскверняй, злодѣй,
Убийца, трупъ ея; она моя жена!

КОНРАДЪ.

Была твоей — теперь она моя!
Я для себя убилъ жену,
Купилъ ее за собственную душу!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Прочь, прочь, чудовище!

КОНРАДЪ.

Нѣтъ, никогда
Не отступлю я отъ невѣсты, смертью
Мнѣ обрученной! Слышишь ли рога?
То пѣсни брачныя; то адъ ликуетъ
На нашемъ свадебномъ пиру!

КЛАРА.

О Боже!

Прости его!

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Не отравляй, убійца,
Несчастной женщины тяжелый часъ
Разлуки съ жизнью! Прочь отсюда!

КОНРАДЪ.

Напрасно все! Не увлечетъ отсюда
Меня и адъ всей силою своей!
Пусть это стоитъ мнѣ остатка жизни!
Осмѣлся.... кровію своей
Ты купишь это мѣсто! Для меня
Теперь на вѣкъ сомкнулось небо;
Она моя послѣдняя отрада,
И на убитую жену мою
Ты никакого права не имѣешь!

ВОЛЬДЕМАРЪ (*схватывается со стѣны ружье.*)

Умри же!

КОНРАДЪ (*падая близъ Клары.*)

Ахъ, благодарю....
Теперь съ тобой я, Клара!.... ты моя!....

КЛАРА (*ужирая, кладетъ ему на голову
свою руку.*)

На вѣки!

Пер. съ Нѣмецкаго В. Крузе.

ДУХИ ОГНЯ.

ПОВѢСТЬ ЛЕО ЛЕПЕЗА.

Кому не случалось въ суетные дни жизни задуматься у камина, заглядѣться на догорающіе угли, на вьющіеся вокругъ міріады пламенныхъ атомовъ, которые вспыхиваютъ снопами и разсыпаются дождемъ искръ на съдой пепель? Кто не ощущалъ неодолимаго притяженія взоръ къ этому блеску?

Не смѣйся надо мной, прекрасный другъ, удержи обидную улыбку на алыхъ своихъ губкахъ; выслушай терпеливую вѣру мою въ то, что огонь, какъ и всѣ прочія стихіи, обитаемъ живыми существами. Что это за существа — не знаю.. безплотные ли это духи рожденные отъ сочетанія двухъ стихій — не вѣдаю; но невѣдѣніе не нарушаетъ моего убѣжденія.

Ты соглашаешься, что всѣ пространства, которыя осязаетъ или постигаетъ человѣкъ воображеніемъ, исполнены отдѣльныхъ жизней въ видимыхъ и невидимыхъ образахъ, отъ высоты надоблачной до нѣдръ земли и глубины океана. Если все живетъ, то огонь ли, обожаемый древними, олицетворявшій на алтаряхъ ихъ начало всѣхъ началъ, источникъ жизни, можетъ не вмѣщать въ себѣ проявляемаго повсюду возрожденія ?....

Понятіе о пустотѣ такъ знобитъ душу, что оно не достаточно разумно живаго созданія, и мысль населяетъ кипучее гнѣздо пламени рѣзвыми, игривыми призраками, которыя мгновенно рождаются и умираютъ, обращаясь въ пепелъ въ прахъ.

Я расскажу тебя въ подтвержденіе быль, для которой заранее прошу вниманія. Склони на повѣсть мою слухъ не слишкомъ разсвѣянный, сидя передъ затопленнымъ каминъ, въ пуховыхъ креслахъ, и предоставивъ освобожденнымъ отъ туфель ножкамъ, ласкать пламенныхъ Трильби.

Слушай.

По прихоти судьбы, задавшей себя задачу провести меня сквозь разнообразное сцѣпленіе превратностей, мнѣ случилось, лѣтъ десять тому назадъ, занимать уголь на одномъ изъ чердаковъ Rue d'Enfer. Въ это время чердакъ еще не потерялъ классическаго своего значенія.

Ветхая крыша, которая осѣняла голову мою, простиралась надъ громадой большаго стариннаго дома, похожаго на барыню минувшихъ вѣковъ, наряженную въ лохмотья древняго величія: въ драгоценные для антикваріевъ фрески и зубчатые балконы, на которые бросалось столько цвѣтовъ, и къ которымъ прикрѣплялось бѣлыми ручками столько шелковыхъ лѣстницъ.

Сквозь трещины полуразрушающагося зданія, врѣвался всюду съ-надворья вѣтеръ, который искалъ въ немъ, какъ въ жилищѣ Салтабадила, гостепріимнаго убѣжища.

Въ этомъ убѣжищѣ, можетъ 'быть вовсе не привлекательномъ, удерживала меня привычка: въ лѣтнее время разросшійся на окнѣ свѣжій плющъ, на которомъ пріятно отдыхало мое зрѣніе, и который привлекалъ ко мнѣ множество дружелюбныхъ посѣтителей — воробьевъ, прилетающихъ постоянно въ обычный часъ за своей подачей; зимой же другое обстоятельство, существеннѣе полезное и пріятное, заставляло меня дорожить моимъ жилищемъ.

Въ суровое время года, когда на дворѣ была плачевнымъ голосомъ зимняя стужа, когда товарищей моихъ сокрушала немаловажная забота объ отопленіи, я не думалъ запастись дровами: отъ пустаго камина моего, какъ будто чудомъ, распространялась на меня благотворная теплота.

Это обстоятельство не въ одномъ смыслѣ возбуждало зависть моихъ школьныхъ собратьевъ,

— Послушай, другъ, — сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — мы пируемъ сегодня въ Гранъ-Шомьеръ: ѣдешь ли ты съ нами?

— Нѣтъ, не ѣду, — отвѣчалъ я.

— Почему нѣтъ?

— По правилу, которое должно напутствовать насъ въ послѣдствіи: *cedant arma togae.*

— Да, да, — замѣтилъ Ліонель де Вириль, — знаемъ мы тогу, предъ которой ты низлагаешь оружіе: это кружевной чепчикъ съ лѣловыми лентами.

— Это что такое сочиняешь ты?

— Я говорю то, что знаю.

— Но что знаешь ты? — крикнули хоромъ всѣ товарищи.

— Я знаю, что философъ нашъ нашелъ средство, какъ отоплять каминъ безъ дровъ.

— Не было надобности прибѣгать къ наукѣ Калиостро, чтобы найти это средство, — отвѣчалъ я; — каминъ мой примыкаетъ къ чугунной плитѣ сосѣдняго каминна; железъ смежной со мной комнаты, отопляя себя, съ избыткомъ сообщаетъ мнѣ тепло, которымъ въ эту минуту мы имѣемъ наслажденіе пользоваться.

— Но это тепло не столькобы согревало нашего отпелельника, еслибъ съ противоположной стороны зажигала огонь не такая важная, миленькая ручка.

— Какъ! — вскричалъ я въ изумленіи, — тамъ, за стѣной живетъ женщина?

— Да, мой милый, женщина.

— Молоденькая?

— Девятнадцати лѣтъ.

— Хорошенькая?

— Нѣтъ, дурная. Она дурна какъ всѣ дѣтскія головки Грёза, дурна какъ воздушные образы кисти Ла-

уреса. У ней станъ Сильфиды, глаза какъ смоль, взглядъ
волокъ нѣги, бѣлокурые волосы до пятъ, ножки ребенка,
шея лебедя, а улыбка небожителя.

— Извините, господа, я не имѣлъ понятія о такомъ
счастливомъ сосѣдствѣ.

— Ажениъ, пріятель.

— Руку на огонь, въ подтвержденіе истины словъ
моихъ.

— Очень умно: на огонь, котораго нѣтъ.

— Но на мѣсто огня въ каминѣ можетъ явиться Са-
лмандра.

— Явись, явись! — закричалъ одинъ изъ шалуновъ.

— Мы закуримъ пламенными ея крыльями сигару, —
прибавилъ другой.

— Мы загоримся и сами страстію къ ней, — сказалъ
третій.

И вся ватага, напугившись до-сыта, провалила въ двери.

Когда голоса ихъ замолкли на лѣстницѣ, я погрузился
въ кресло и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тревожную думу.... Рядомъ
со мной живетъ женщина... хорошенькая.... молоденькая,
и я не знаю ее, и даже не подозрѣвалъ о ея существованіи.

«Бѣдняжка! — восклицалъ я про себя. — Такъ это она
крошечной своей ручкой разводитъ огонь, который меня со-
грѣваетъ; такъ это она, какъ невидимый геній, приходитъ
на помощь безпечной, веселой нищеты моей?... Такъ это
ея коралловые уста раздуваютъ пламень?»

Я такъ предался этой мысли, такъ размечтался о хо-
рошенькой сосѣдкѣ, что нечувствительно дошелъ до какого-
то опьянненія. Ставъ передъ каминомъ на колѣна, и нап-
рягая слухъ, я старался уловить хоть шорохъ ея платья,
хоть шелестъ ея шаговъ; но ревнивая стѣна не пропускала
ни одного звука.

Однако же нервное состояніе, въ которое привелъ я
себя, только раздражилось неудачей. Влѣзая на стулья,

цѣпляясь за карнизы, обойдя приложеннымъ къ перегородкѣ ухомъ, вдоль и поперекъ всю стѣну, я наткнулся на замочную скважину въ затворенной наглухо двери и заклеенной обоями; сквозь это отверстие мнѣ было возможно слышать явственно трескъ оборачиваемыхъ страницъ книги.

— Она читаетъ, — подумалъ я; — о, стало быть, она и добра и умна. Чтобъ убедиться къ этому, для моего воображенія достаточно было одного звука.... Потомъ послышались мнѣ шаги такой легкой поступи, что съ трудомъ могъ я считать ихъ, однакоже считалъ, какъ считаетъ скупецъ свои червонцы, какъ считаетъ инвалидъ свои раны. Она сдѣлала двѣнадцать шаговъ отъ одного угла до другаго, и казалось мнѣ, сняла что-то со стола.... Я слышалъ, какъ воспламенился фосфоръ и тотчасъ затрещали сухія щепы.... Потомъ зазвучалъ цѣлый концертъ, котораго мелодія очаровывала всѣ мои чувства: этотъ концертъ исполнялся въ каминѣ, сырые дрова издавали стоны, какъ тоскующія души, пламя, бросая въ трубу клубы дыма, затаило звонкую пѣсню, а искры прыгали, звучали какъ *фиоритуры* примадонны.

Но вдругъ, посреди этой чудной фантастической гармоніи, въ душу мою проникъ тихій ея голосъ, мнѣ явственно слышались слова:

Искорка яркая,
Что ты вдругъ извѣлась,
Въ вѣсь покослась?
Или влюбилась,
Въ солнышко жаркое,
Съ нимъ бы спалась?

Нѣтъ, что-то вижу я
Будто за тучею,
Нѣтъ, что-то слышу я....
Струйкой гремучею
Льются слова;
Ты мнѣ вѣрна ли?
Ты мнѣ вѣрна ли?....

Ахъ, не душа ли
 Друга прекраснаго,
 Съ горнихъ обителей,
 Вдругъ мнѣ откликнулась,
 Бросила жгучею,
 Звѣздочкой ясною,
 Звѣздой падучею,
 Полный огня
 Взглядъ на меня?

Никогда никакое пѣніе не приводило въ такой восторгъ слушателя. Простота напѣва придавала еще больше прелести этимъ куплетамъ; но голосъ пѣвицы, *меццо-сопрано* необыкновенной правильности, околдовалъ меня совершенно.

Долго еще я не сходилъ съ своего мѣста и слушалъ, хотя давно уже замолкла она, и звучала только съ-надворья буря, нечувствительная для меня, потому что согрѣвавшійся каминъ дышалъ на меня такъ милосердо.

Настала ночь, на темномъ небѣ не зажглось ни звѣздочки, все погрузилось въ сонъ. Часы въ комнатѣ пробили полночь; она снова встала съ мѣста, переставила стулъ, поставила на столикъ нѣсколько вещей, и потомъ зашелестила тканями....

— Ужъ поздно, подумалъ я, она вѣрно раздѣвается....

Съ этой мыслью всѣ обольщенія фантазіи одолѣли меня; то открывалось передо мною роскошное плечо; то обнажалась бѣлая, прозрачная рука, по которой рисуются нѣжныя жилки; то разувалась ножка, превосходящая совершенствомъ склада своего всѣ мраморы изваянныхъ Венеръ. Въ умѣ моемъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась красота ея.... Сладострастный бредъ распалялъ меня сильнѣе и сильнѣе, взбунтовалъ кровь мою; но вдругъ, какъ будто хранитель небесный нашепталъ мнѣ слова укора:

— Другъ, вѣдь и самый слухъ долженъ быть точно также скромнѣе, какъ и зрѣніе. Если эта женщина внушаетъ въ тебя участіе, то прежде всего не откажи ей въ ува-

женін, иначе ты не въ состояніи будешь впослѣдствіи любить ее. Она не подозрѣваетъ твоего шпіонства, она полагаетъ себя въ уединеніи; не нарушай же этого простодушнаго убѣжденія. Богъ одарилъ тебя чувствами, изящнѣе и тоньше, нежели многихъ, и потому не искажай своей природы.

И я отошелъ отъ перегородки, чтобъ не слышать ничего болѣе. Я зналъ, что для нея настала минута молитвы на сонъ грядущій, и самъ невольно началъ молиться.

Съ тѣхъ поръ желаніе видѣть ее овладѣло мной; но, къ несчастію, она почти не выходила изъ дому. Старая служанка доставляла ей все нужное, и часто по цѣлымъ мѣсяцамъ, она не переступала порога.

Однакоже, видѣть ее безъ отлагательства, стало для меня необходимою, нетерпящею ни отлагательства, ни преградъ. Сила моей воли внушила мнѣ средство: геніальная мысль, пробуравить въ перегородкѣ скважину озарила меня, и я тотчасъ же принялся за работу. Ужъ вѣрно никогда узникъ съ бѣлымъ тренетомъ и надеждою не поднимаетъ рѣшетки тюрьмы своей. Не далѣе какъ въ слѣдующему вечеру мое слуховое окно было готово.

Едва освободился я отъ докучливыхъ посѣтителей, тотчасъ же бросился запирать двери, гасить свѣчу, и подкравшись на цѣпочкахъ, проникъ къ отверстію, сквозь которое жадный взоръ мой впился въ сидящую передъ каминомъ хозяйку.

Не нашлось бы въ природѣ сравненія съ ея милой красотой, съ тѣмъ дивнымъ образомъ, который явился мнѣ тогда впервые.... Я могу описать только ея нарядъ. На ней было зеленое съ пунцовыми цвѣточками платье, самое простое, но такого живаго цвѣта — казалось, что алый маковый цвѣтъ былъ разсыпанъ по зеленому полю. Ея чудные волосы, озаренные огнемъ, лежали золотымъ вѣнчикомъ на очаровательномъ лицѣ. Шелковымъ фартучкомъ была обхвачена тоненькая талія, такая, что браслетъ могъ бы служить ей поясомъ.

Но она была не одна; возле нея сидѣлъ мужчина, благородной наружности, высокій, худощавый; на блѣдномъ его лицѣ игралъ пятнами болѣзненный румянецъ. Онъ смотрѣлъ задумчиво на огонь; она смотрѣла на него взглядомъ глубокаго участія.

Видя все это, я упалъ какъ съ облаковъ.

— О, какъ я смѣшенъ, — сказалъ я самъ себѣ, отходя въ разочарованіи, — какъ глупъ я въ эту минуту!.... и съ чего пришло мнѣ въ голову воображать богиней пыломудрія какую-нибудь уличную чародѣйку, существо, подобное всемъ юнымъ обитательницамъ этого квартала?

Произнося этотъ приговоръ, я взялъ книгу и чувствовалъ, что краснѣлъ отъ самолюбія, не имѣя духа смѣяться надъ собою.

Но не успѣлъ я перекинуть нѣсколькихъ страницъ, какъ сердце, которое всегда доброе разсудка, вступилось за прекрасную незнакомку.

— Что жъ мудренаго? — подумалъ я, — ей девятнадцать лѣтъ, и она на совершенной, независимой свободѣ; надо согласиться также и съ тѣмъ, что выборъ ея дѣлаетъ ей честь. — Послѣ непродолжительнаго размышленія въ этомъ родѣ, я смягчился, и мнѣ стало легче, какъ ребенку, которому надоело долго дуться. Я всталъ снова и подошелъ къ скважинкѣ.

Молодой человѣкъ продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи; но обитательница таинственной комнатки, ставъ за спинку его стула, обняла его, обвиняя бѣлоснѣжными своими руками. Я вслушался въ разговоръ ихъ.

— Для чего, мой Аларикъ, — сказала она, — ты безпрестанно говоришь о смерти?

— Для того, мой другъ, что черезъ мѣсяцъ меня не станетъ на этомъ свѣтѣ, — отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, полно, полно, милый!

— Что жъ дѣлать, Сильвія, не даромъ я одинъ изъ первыхъ студентовъ медицины; я не доживу до будущаго Фіалокъ; жизнь рвется вонъ изъ моей воспаленной груди. Не я принесу тебѣ первый букетъ любимыхъ твоихъ цвѣтовъ весною.

— О, не говори этого! Нѣтъ! это невозможно. Намъ нельзя разстаться! Что будетъ безъ тебя со мною?

— Но ты должна свыкнуться съ этою неминуемою долей, мой добрый ангелъ! Утѣшительно то, что мы разстанемся непорочными, какъ при первомъ нашемъ свиданіи; жизнь моя не оставитъ тебѣ укора. Небу извѣстна чистота нашихъ отношеній, и она готовитъ для насъ тамъ лучшее соединеніе.

Рыданія дѣвушки заглушали слова его. Внезапный туманъ какъ будто завѣсой затемнилъ въ эту минуту мое око; я думалъ, что пыль заволокла его; но это была не пыль, а нечувствительно навернувшаяся слеза на глазахъ моихъ.

— Не плачь, — снова заговорилъ Аларикъ, — мы умираемъ только тѣломъ, духъ остается жить вѣчно.

— Но и духъ покидаетъ землю.

— А кто знаетъ, не возвращается ли онъ, не прилетаетъ ли на зовъ сочувствующей души, не является ли ей какомъ-нибудь видѣ? Спокой моя, Сильвія, повтори мою пѣсню о блуждающей искрѣ. Ты знаешь какъ тверда въ это моя вѣра.

— Странная вѣра, Аларикъ, ее создало больное воображеніе.

— Нѣтъ, до меня создало ее какъ нельзя болѣе здравое воображеніе Платона, Зороастра, Тертулліана и Оригена. Плиній, Филистратъ, философъ Симонидъ подтверждающіе возможность сближенія невидимаго міра съ здѣшнимъ....

— О, я вѣрю духовному міру; но возможно ли поленіе душъ въ искрахъ огня!

— Это толкованіе относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ: искони было признано, что огонь есть вмѣстилище душъ.

всего жилища, и эта душа есть живая душа; стихія же, въ которой она воплощена, есть только путь сообщенія духовнаго міра съ вещественнымъ.

— Ты развиваешь эту мысль въ утѣшеніе мнѣ, дорогой мой другъ, ты хочешь успокоить, убѣдить меня, что и по смерти мы будемъ неразлучны.

Мнѣ показалось, что улыбка счастья освѣтила лицо большаго, но она мелькнула какъ молнія.

— Нѣтъ, я не навязываю тебѣ никакой теоріи; я повторяю то, что почерпнулъ изъ долгаго, можетъ быть слишкомъ отвлеченнаго изученія. Читай Апулея, и ты повѣришь, что въ пламени обитаютъ духи-блудители домашняго мира, сочувствующія намъ созданія, которыхъ называли Ларами и Пенатами. И если ты хочешь знать, почему именно огонь избранъ этими таинственными существами, какъ удобнѣйшая стихія, то это рѣшить не трудно. Я скажу тебѣ, вмѣстѣ съ Гезіодомъ, что душа, отрѣшенная отъ тѣла, можетъ вмѣщаться только въ самомъ чистомъ элементѣ; но всѣ стихіи исполнены мѣзмами и тлѣніемъ, только огонь чистъ....

— О, Боже мой, — простонала Сильвія, — голова моя отяжелѣла отъ твоего мудрствованія, и мысли путаются отъ этого исчисленія мудрецовъ!

— Но если послѣ смерти я представлю тебѣ несомнѣнные доказательства, тогда повѣришь ли ты словамъ моихъ?

— Но какія же это будутъ доказательства?

— Какъ знать; лѣгко вѣрится въ то, во что желаешь вѣрить; и какъ не вѣрить, Боже мой, когда теперь, еще живо, я ревную къ тебѣ эти отблески огня: они кажутся мнѣ чьими-то глазами, которые вперились въ красоту твою.

— Это не удивляетъ меня: ты ревнуешь ко мнѣ все на свѣтѣ.

— Правда, правда, — вскричалъ Аларикъ, глядя на нее съ любовью, — я ревную къ тебѣ каждый встрѣчаю-

щій тебя взглядъ, ревную ласкающаго тебя младенца, ревную зеркало, отражающее черты твои, ревную цвѣтокъ увядающій на твоей груди, ревную все, ревную непрерывно и до какого безумія простирается моя ревность, о Сильвія Сильвія! взгляни, вотъ тѣнь моя, которую бросаетъ угасающее пламя на дѣвственное твое ложе.... повѣришь ли я ревную тебя даже къ собственной тѣни!....

Насмотрѣвшись на эту сцену, я задумался безотрадно; любовь Сильвіи, застрахованная въ этой и въ будущей жизни, предстала мнѣ недостижимымъ свѣтиломъ. Прошло нѣсколько дней, и я узналъ, что Аларикъ Девиль, страстный адептъ медицинскаго факультета, поддерживалъ существованіе дорогаго ему, безпомощнаго въ мірѣ созданія, ничтожной выручкой за свои сочиненія, сбываемыя немного дороже цѣности бумаги.

Болѣзнь его между тѣмъ шла быстрыми шагами; его присудили къ поспѣшному путешествію въ Италію. Подъ этимъ привилегированнымъ небомъ онъ долженъ былъ ожидать спасенія, котораго не въ состояніи были дать ему люди. Отвергнуть этотъ единственный послѣдній жребій, значило произвольно покинуть все любящее насъ и любимое нами на землѣ.

За недѣлю до отъѣзда, съ больнымъ, во время обыкновеннаго его посѣщенія сосѣдней комнаты, случился сильный и продолжительный обморокъ, послѣ котораго призванный врачъ объявилъ, что перенесеніе страждущаго на его квартиру можетъ быть пагубно, и Сильвія, не колеблясь ни минуты, уложила его на свою постель. Въ продолженіе этихъ осьми дней, въ которые Аларикъ былъ гостемъ нашего чердака, я безсовѣстно неотступно, и тревожно слѣдилъ за влюбленной четою; и это было допущено судьбою для излеченія меня отъ всякаго помрачающаго душу подозрѣнія. Осемь дождливыхъ, торестныхъ ночей просидѣла Сильвія у изголовья Аларика, бодрствующая, внимательная, нѣжная, какою можетъ быть только мать надъ больнымъ единственнымъ ребенкомъ.

Однажды только въ припадкѣ невыносимаго страданія, больной громче обыкновеннаго позвалъ Сильвію, и она, чтобъ успокоить и смягчить его муку, прильнула къ блѣднымъ губамъ его; но, казалось, духъ невинности и чистоты простеръ невидимо крыло свое между ихъ устами, чтобъ предохранить отъ страстнаго минутнаго волненія.

Противъ обыкновенныхъ явленій въ последнемъ градусѣ чахотки, ночи больного были такъ тревожны, что Сильвія имѣла едва нѣсколько минутъ покоя. Безпрестанный бредъ воспалялъ его воображеніе, и оно остановилось на одной неподвижной мысли: ревность терзала его.... Онъ какъ будто съ ужасомъ оглядывался на оставляемую имъ пустоту въ существованіи Сильвіи.

Въ послѣднюю ночь, наканунѣ разлуки ихъ, я слышалъ послѣдній разговоръ, который глубоко запалъ мнѣ въ душу и неизгладимо запечатлѣлся въ памяти.

— Завтра я отправлюсь въ Римъ, — говорилъ онъ, — для того чтобы не оставить ни единого средства для сохраненія данной мнѣ Богомъ жизни; но я чувствую, что это напрасно, и я не возвращусь оттуда.

— О, гони, гони отъ себя эти зловѣщія думы, — говорила Сильвія; — Богъ всемогущъ, и я молюсь Ему жарко!

— Не молись о невозможномъ. Дни наши сочтены, не миновать опредѣленія рока.... и слезы твои не остановятъ летящаго времени. Молись о дарованіи мнѣ возможности, жить близъ тебя послѣ смерти.

Молодая женщина удержала на устахъ противорѣчащее возраженіе, изъ снисходительности къ нравственному разстройству больного.

— Ты знаешь, — сказала она, — что я принадлежу тебѣ всѣмъ существомъ моимъ. Мы бы должны были сочтаться на землѣ, но и самая смерть не разлучитъ насъ.

— Такъ предоставь же мнѣ вѣрить, мой прекрасный другъ, и вѣрь вмѣстѣ со мной, что Провидѣніе дозволитъ

мнѣ посѣщать тебя въ образѣ духовномъ, и удостовѣряться ежеминутно, что ты вѣрна отшедшему своему другу.

— Аларикъ! — воскликнула въ изступленіи страданія молодая женщина, — клянусь тебѣ, что никто не завладѣетъ моимъ сердцемъ; не буду я принадлежать никому; я позволяю тебѣ слѣдить за каждой моей мыслью, за каждымъ моимъ движеніемъ.

— О, вѣрю, вѣрю! — простоналъ больной, — и отхожу спокойно. Но помни объѣтъ свой и храни его до того свиданія, послѣ котораго уже не будетъ разлуки.

Разговоръ остановился на этомъ словѣ, руки ихъ соединились, какъ будто въ торжественное подтвержденіе этого договора; но далѣе я не могъ уже ничего видѣть, ни слышать, потому что грустный и безнадѣжный, отошелъ отъ стѣны и бросился на бѣдный одръ свой.

— Безчувственный ревнивецъ! — вскрикнулъ я невольно, — чувствуя холодъ смерти, онъ бросаетъ саванъ свой на едва разцвѣтающаго ребенка, который отнынѣ осужденъ скитаться въ жизни одинокимъ и безотраднымъ! Безбожный эгоистъ! чтобы достигнуть страшной цѣли своей, онъ испилъ остывающими устами изъ сердца ея, какъ изъ благовоннаго цвѣтка, всю сладость нѣжности и любви, и поставилъ на стражу суевѣрный ужасъ!

Съ этими словами, я выбѣжалъ вонъ, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не возвращался домой; я провелъ это время въ толпѣ товарищей, чуждаясь мирнаго угла своего, и старался заглушить тоску въ ихъ веселой и безпутной бесѣдѣ. Я ударился въ шумныя удовольствія и въ политику; но ни изступленный кадрили, ни сборища въ Гранъ-Шомьеръ, ни ученые пренія не могли изгладить образа Сильвіи изъ моего сердца. Послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ забыть ея, я возвратился влюбленнымъ и безнадѣжнымъ прежняго.

Разумѣется, что я тотчасъ же бросился къ сторожевому посту и вперилъ ненасытный взоръ свой въ комнатку, которая вмѣщала въ себѣ весь міръ моей нравственной жизни.

Но какая печальная перемена представилась мнѣ! Цветной занавѣски на окнѣ уже не было, зеленѣвшія въ горшкахъ растенія увяли, могильная тишина царствовала тамъ, гдѣ такъ недавно было столько жизни.... Какое-нибудь страшное горе постигло Сильвію!

Я взглянулъ на столовые часы: вмѣсто наряднаго съ лиловыми ленточками чепчика на нихъ висѣлъ чернѣйшій креповый чепчикъ; а черное платье было перекинуто черезъ ручку креселъ.

Пологъ постели былъ опущенъ, за нимъ не было приметно никакого движенія.... Что случилось? — я желалъ и страшился узнать.

Вдругъ дверь отворилась и вошла Марта, пожилая прислужница Сильвіи. Она поставила свѣчу на столъ, подошла къ кровати, отодвинула пологъ.... и я увидѣлъ Сильвію, блѣдную, изтомленную, съ впалыми, заплаканными глазами.... откинутая рука ея какъ будто была изваяна изъ воска....

— Не надо ли вамъ чего? — спросила Марта.

— Это ты? — проговорила, открывъ глаза, Сильвія.

— Что прикажете?

— Подложи дровъ, Марта.... подложи хорошихъ дровъ, самыхъ лучшихъ дровъ, чтобъ не угасъ огонь въ каминѣ, чтобъ шибче и ярче горѣло пламя.... Онъ живетъ въ этомъ пламени.... онъ живетъ ...

— Опять она бредитъ, — промолвила Марта. — Бѣдняжка! Лекаръ говоритъ, что если это безпамятство продолжится, то она тронется въ умъ.... Спаси и помилуй ее Господи!....

— Ты все противорѣчишь мнѣ, Марта, все говоришь, что дрова дороги, что намъ негдѣ взять, что надо беречь то, что осталось.... Береги бульонъ, которымъ меня кормишь, береги свѣчу, которой освѣщаешь комнату, береги ненужное, бесполезное лекарство; не береги только дровъ, моя милая; когда истратимъ мы послѣднія деньги,

продай все что есть.... Но пока не сгорит последнее мое рубище, пусть пылаетъ въ каминѣ, пусть играетъ веселый, жаркій, сильный огонь.... я буду слушать трескъ искръ, это одна моя отрада....

Сильвія, вскочивъ на кровати, отбросила низпадающіе на глаза волосы, устремила взоры на каминъ и запѣла дико:

Вижу.... за тучею....
Звѣздочкой ясною,
Звѣздой падучею,
Бросилъ онъ пламенный,
Полный огня,
Взоръ на меня !....

Марта грустно покачала головою; не вымолвивъ ни слова, она исполнила желаніе болящей, подложила на погасающіе угли два полѣна.

Сильвія сошла съ кровати, припала на колѣна передъ каминомъ, и съ напряженіемъ, блѣдными, дрожащими губами начала раздувать огонь.

— Вотъ это мой поцѣлуй, — проговорила она, переводя на минуту дыханіе; — другой ласки, другой нѣжности я не могу ему выразить.

Какъ будто отвѣчая ей, пламя вспыхнуло.

— Теперь, моя добрая, — продолжала она, опираясь на руку Марты и снова ложась въ постель, — теперь прочти мнѣ на сонъ грядущій послѣдній его строки; возьми прочти, какъ читаешь каждое утро и каждый вечеръ....

— Да ужъ я успѣла выучить ихъ наизусть, — отвѣчала Марта. — Да полноте, барышня, что за чтанье, спите съ Богомъ; довольно поплакали, пора успокоиться; знаете ли вы, что мертвымъ тяжело, когда живые по нимъ плачутъ. Имъ на небѣ лучше нашего, — тамъ они съ Богомъ.

— Но Богъ милосердъ, онъ позволяетъ имъ навѣщать въ міръ тѣхъ, кто ихъ любитъ.... Прочти же, прочти мнѣ

письмо его.... глаза мои брягать.... не прочитавъ письма, я всю ночь не засну ни на минуту....

Марта повиновалась, Она взяла съ камина запечатанный черной печатью пакетъ, и тихо, внятно прочла слѣдующее:

Венеція, 17 Ноября 1837.

«Я начинаю писать тебѣ, милый другъ, за нѣсколько минутъ до смерти и посвящаю тебѣ эти послѣднія минуты, такъ какъ и всю жизнь мою, съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ тебя. Когда человѣкъ подходитъ къ концу земнаго поприща своего, онъ сокрушается объ утраченныхъ безнолезно дняхъ, а иногда цѣлыхъ годахъ жизни. Я жалю только о томъ времени, въ которое не зналъ и не любилъ тебя. Послѣдняя молитва моя къ создавшему меня Творцу, заключалась въ томъ, чтобъ Онъ далъ мнѣ силы высказать тебѣ, какъ люблю я тебя и какъ дорожу твоей обо мнѣ памятью.... Но увы! я не кончу этихъ строкъ; чужая рука прибавитъ послѣднее слово, послѣднее роковое извѣстiе, и отошлетъ тебѣ это прощальное письмо.... Не плачь.... Богъ милосердъ: я не разстанусь съ тобой и за гробомъ.... Вѣрь, мой другъ, что еслибъ я не оставлялъ тебя на землѣ, я бы безъ сожалѣнiя отошелъ въ вѣчность.... Скудность средствъ нашихъ лишила меня отрады взять тебя съ собою, чтобы испустить духъ, приклонясь къ твоей груди.... и бѣдность моя тревожила конецъ мой сожалѣнiемъ, что я оставляю тебѣ на произволъ судьбы, безъ малѣйшей поддержки въ жизни.... Но непоколебимое убѣжденiе въ возможность не отступать отъ тебя духомъ и блюсти тебя безотлучно, непрерывно, успокоиваетъ меня.... Вѣрь и уповай на мои заботы о тебѣ изъ предѣловъ вѣчности....

«Зрѣнiе мое темнѣетъ.... странные, неслыханные, сладкіе звуки раздаются надо мною. Руки и ноги похолодѣли.... Пора уже пора сказать тебѣ: прости!.... Еслибъ любовь не удерживала души моей на землѣ, она отлетѣла бы уже на небо.... До свиданiя, Сильвія, другъ мой, сестра моя.... Ты извиняла, понимала заблужденiя моего пылаго воображенiя....

Благодарю тебя! сохрани и ты благодарность ко мнѣ за то, я соблюлъ чистоту и невинность любви нашей.... До скорого свиданія! Трава не покроетъ еще свѣжей могилы надъ прахомъ твоего друга, а духъ его уже будетъ блуждать повсюду надъ тобою хранителемъ и покровителемъ, будетъ пешихъ о твоёмъ существованіи....

«Перо выпало изъ рукъ моихъ.... по просьбѣ моей, его снова вложили въ холодящіе мои пальцы.... Умираю, помышляя о тебѣ.... Иду къ Богу и прощаюсь съ тобою....»

Въ концѣ письма стоялъ *постъ-скриптъ* незнакомой руки :

«Нынѣ, 17 Ноября, по просьбѣ соотечественника на одрѣ смерти, я кончаю письмо его. Сегодня утромъ, въ 10 часовъ, скончался Аларикъ Девиль. Последняя просьба его состояла въ томъ, чтобы до отъезда моего я распорядился всѣмъ необходимымъ для преданія праха его землѣ и чтобы, прибавивъ эти горестныя строки, я отправилъ по адресу письмо его..

«Если достаточно нѣсколькихъ часовъ предсмертнаго случайнаго знакомства, чтобъ оцѣнить челоуѣка, то я не могу не присовокупить, что благословляю судьбу, которая привела меня исполнить его завѣщаніе.

Виконтъ Болѣ.»

Голосъ Марты замолкъ, но раздались рыданія Сильвіи, такія тяжкія, что сердце заняло во мнѣ.... Она плакала, покуда не истощились силы; Марта укрыла ее простынями, задержала пологъ, и отойдя отъ кровати, стала шарить по всѣмъ угламъ....

— Не много, — сказала она, — не много; а мнѣ съ ней дѣлиться не чѣмъ.... не всякій можетъ раздавать милостыню; а мнѣ хлѣбъ не приходится даромъ. Что выручишь за всю эту рухлядь?.... Что это такое? ноты? Проклятая пѣсня!.... покойникъ сладилъ эту бѣдовую пѣсню на горе: отъ нея-то и помутился ея разумъ.... Господи! придетъ же въ голову увѣрять, что въ печи живетъ благодѣтель не хуже

роднаго отца и матери.... Посмотримъ, какъ-то прокормить ее этотъ благодѣтель; а моихъ силъ ужъ не хватаетъ.

Разговаривая сама съ собой, Марта забрала все, что могла, завязала въ узелъ и вышла.

Сильвія осталась одна.... нѣтъ, не одна: любовь моя бодрствовала надъ нею.

Долго ломалъ я голову, какимъ бы образомъ помочь ей, предложить, не оскорбляя ее, свои услуги. Молодое, романтически-настроенное воображеніе придумало наконецъ средство. Съ необычайнымъ трудомъ я выломалъ изъ камина кирпичъ, ошупалъ рукою пепель; потомъ, вынувъ изъ тощаго кошелька своего послѣднюю золотую монету, бережно положилъ ее сверхъ золы.

Рано утромъ Марта вошла въ комнату; въ самой поступи ея были замѣтны небрежность и неохота, съ какими принимаются за дѣло слуги, когда не надѣются на хорошую плату.

— Затопить ей остальными дровами комнату; а то опять заносетъ, какъ проснется, — пробормотала Марта; но едва приклонилась къ камину, вдругъ вскрикнула:

— Золотая монета! настоящая, золотая монета! Господи, что это за чудо такое!.... это дьявольщина!....

Однако же, не устрасаясь нечистой силы, она взяла въ руки луйдоръ, взвѣсила его тяжесть, брякнула объ полъ, чтобы удостовѣриться, не поддѣльный ли онъ.

Этотъ звукъ разбудилъ Сильвію; она привстала и спросила: что такое, Марта?

— Ничего, ничего, барышня; это я, Марта, убираю комнату.

— Продала ли ты что-нибудь сегодня?

— Выручила двадцать франковъ.

— Такъ возьми же изъ нихъ, что слѣдуетъ за твои добрыя услуги; на остальное купи дровъ; а тамъ Богъ поможетъ.

— О моих трудах не сокрушайтесь: я послужу и такъ.... Вотъ ваши двадцать франковъ, — отвѣчала Марта; но о луйдоръ ни слова. Это меня взбѣсило. Не для нея раззорился представляемый мною духъ огня; я придумывалъ средства, какъ бы отучить Марту отъ ея корыстолюбія, и наконецъ придумалъ совершенно волшебное.

Я оторвалъ лоскутъ пергамена отъ стариннаго диплома Лудовика XIII, прокоптилъ его сѣрой, и написалъ на немъ красными чернилами: *«это для госпожи твоей; но ни слова ни ей и никому; иначе — берегись!»* Посланіе отъ имени Люцифера, положенное вмѣстѣ съ луйдоромъ, имѣло полный успѣхъ. Марта перепугалась и убѣдилась въ существованіи невѣдомой силы въ каминѣ.

— Кому, кромѣ дьявола тутъ быть, — проговорила она;—но воля его, а изъ этихъ проклятыхъ денегъ все-таки слѣдуетъ мнѣ мое жалованье !....

Этимъ страннымъ способомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени я поддерживалъ существованіе Сильвіи, лишая себя необходимаго.

Когда по моимъ соображеніямъ, издержки доходили до послѣдняго франка, тогда, съ наступающимъ утромъ, золотая монета снова являлась въ каминѣ. Марта съ трепетомъ брала луйдоръ, и опрометью бѣжала мѣнять его въ лавочку.

Сильвія, по пемногу, стала выздоравливать; румянецъ молодости и здоровья снова зардѣлся на щекахъ ея; но прежняя улыбка не возвратилась на уста и не озаряла ея милаго личика.

Она продолжала перечитывать письма покойнаго Аларика, и приносила въ жертву ему капающія на каминѣ ежедневныя слезы.... Безумна была любовь Сильвіи къ мертвецу, а между тѣмъ моя любовь къ Сильвіи была еще безумнѣе.

Декабрь и Январь прошли такимъ образомъ. Я не могъ просить у родныхъ прибавленія содержанія, не имѣя возможности объяснить имъ новую мою необходимость, и при-

нужденъ былъ посадить себя на хлѣбъ и на воду; но жертва моя для Сильвіи, для этого дорогаго созданія, была легка моему сердцу.... Это была сладкая пища надежды; и тѣмъ болѣе терпѣніе было для меня сносно, что въ непродолжительномъ времени, я долженъ былъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ, послѣ покойной моей матери. Получивъ около десяти тысячъ франковъ дохода, я былъ радъ болѣе за Сильвію, нежели за себя.

Однажды я слышалъ слѣдующій разговоръ ея съ Мартой:

— Боже мой, какъ обносилась я, — сказала Сильвія, обративъ вниманіе на поношенное свое платье.

— Да, пора его на смѣну, — отвѣчала Марта.

— Но гдѣ жъ взять денегъ? Я и такъ уже задолжала тебѣ много.

— А за что?

— Какъ за что? за все; но ты слишкомъ небрежлива, Марта, и не обращаешь вниманія на мои замѣчанія. Ты кормишь меня по прежнему, тогда какъ нашего друга и благодѣтеля нѣтъ уже на свѣтъ.

— Вы заплатите мнѣ все разомъ.

— Когда жъ это будетъ!

— Какъ когда? тогда какъ выйдете замужъ.

— Замужъ? я? О, этого никогда не будетъ.

— Не зарекайтесь отъ колодца, придется испить, — съ улыбкой промолвила Марта.

— Нѣтъ моя милая. Если бы даже нашелся человѣкъ, готовый обратить вниманіе на бѣдную, немощную сироту, которую изъ милосердія кормить и содержать служанка, — я бы указала ему на этотъ очагъ, и сказала бы: вотъ мой суженый, я не могу принадлежать никому иному.... Онъ смотритъ на меня.... Ахъ, Марта, какъ не хороша должна я ему казаться въ этомъ платьѣ!....

На другой же день быстроглазая дѣвочка изъ моднаго магазина внесла къ Сильвіи два картона, и выбѣжала проворно вонъ, прыгая по лѣстницѣ и скользя по периламъ.

— Марта! Марта! взгляни, что это такое?—вскрикнула Сильвія.

— Что такое? — повторила старуха, — шляпка, мантилья, два платья. Только-то? Что жъ за диво?

— Какъ, что за диво? — Откуда жъ это?

— Пожалуй, можно было прислать цѣлую лавку: не дороже бы стоило.

— Стало быть, ты знаешь откуда присланы эти вещи?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какой-нибудь повѣса, можетъ быть, вздумалъ прельщать меня этими подарками?

— Послушайте, барышня: повѣрите вы мнѣ, если я побожусь вамъ въ чемъ своей душею?

— О, безъ сомнѣнія, повѣрю, моя добрая Марта.

— Ну, такъ повѣрьте же божьей моей, что эти подарки не зазорны.

— Но откуда жъ они?

— Откуда!... Я клятву дала не сказывать вамъ.

— О, если есть въ этомъ тайна, то я ихъ не принимаю.

— Тотъ кто даритъ вамъ ихъ, никогда не промолвится о томъ ни кому, даже и самимъ вамъ.

— Почему это? — спросила съ изумленіемъ Сильвія.

— А потому, что онъ глухъ и нѣмъ.

— Что за вдоръ! ты морочишь меня, Марта; это стыдно! возьми, отдай назадъ эти вещи.

— Вы обидите его, вы прогнѣвите вашего духа, — проговорила тихо и смотря на каминъ Марта.

Сильвія вздрогнула и поблѣднѣла; взоръ ея помутился.

— Скажи мнѣ, разтолкуй,—проговорила она, схвативъ Марту за руку.

— Не знаю, и сама я ничего не понимаю, барышня!—отвѣчала она, — только не советую вамъ гнѣвить его....

Сильвія задумалась; Марта поднесла къ ней шляпку.

— Нарядитесь-ко, барышня, подите прогуляйтесь. Давно ужъ не дышали воздухомъ; это нездорово. И люди полюбуются вами.

— Нѣтъ, милая, и не говори мнѣ объ этомъ; только онъ одинъ долженъ любоваться мною. А онъ здѣсь, дома, его не встретишь на гуляньяхъ. Онъ здѣсь со мною.

Въ этомъ родѣ проходила наша мистическая жизнь, какъ вдругъ неожиданный случай возмутилъ ее.

Однажды вечеромъ я замѣтилъ на улицѣ, подѣ окномъ моимъ, двухъ прогуливающихъ незнакомцевъ; они кутались въ плащи, и видимо старались, чтобъ на нихъ не обратилъ никто вниманія.

Одинъ изъ нихъ былъ высокъ, статенъ и пріятной наружности; другой, небольшого роста, слѣдовалъ за нимъ въ почтительномъ разстояніи.

Они пристально смотрѣли на окно Сильвіи, и это возбудило мое подозрѣніе. Я сбѣжалъ съ лѣстницы и остановился за угломъ у входа.

Вскорѣ послышался голосъ Марты.

Сердце забилося во мнѣ недобрымъ предчувствіемъ.

— Мнѣ надо ее видѣть, — сказалъ незнакомецъ; — Артуръ, дай ей луйдоръ.

— Боже! не само ли Провидѣніе ставитъ меня защитникомъ этого беззащитнаго созданія, — подумалъ я, бросаюсь въ свою комнату и проникнувъ къ сторожевой отдушинѣ. Сильвія покоилась уже, казалось, глубокимъ сномъ. Вскорѣ послышалось мнѣ, какъ ключъ повернулся въ замкѣ и дверь отворилась.

— Кто тутъ? — вскрикнула вдругъ Сильвія.

Незнакомецъ вошелъ въ комнату, и заперъ за собою дверь.

— Кто тутъ? кто такой? — повторила Сильвія, вскочивъ съ постели, и торопливо накинувъ на себя блузу. Угасающій каминъ освѣщаль слабо незнакомца.

— Я имѣю до васъ дѣло, — сказалъ онъ.

— До меня дѣло? Я не имѣю чести васъ знать.

— Я тотъ самый Виконтъ Больё, который исполнилъ послѣднее завѣщаніе вашего друга.

При этомъ имени Сильвія бросилась на встрѣчу посетителю и взяла его за руку.

— Боже мой, это вы! это вы? послѣдній другъ Аларика!.... Садитесь же, садитесь сюда ближе къ камину. — И она усадила его и сама поспѣшила сѣсть рядомъ съ нимъ. — Говорите, говорите мнѣ про него скорѣй.

— Какъ я счастливъ, — началъ Больё, — что вижу васъ; какъ я радъ, что проникъ до васъ сквозь всѣ препятствія, которыми вы окружаете себя.

— Скажите мнѣ все, что знаете про него, — продолжала Сильвія, не обращая вниманія на приветливое вступленіе.

— Аларикъ скончался на одной виллѣ, близъ Венеціи, гдѣ случайно, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, встрѣтилъ я его умирающаго.... Я принялъ на себя всѣ нужныя распоряженія и оставилъ достаточную сумму на его погребеніе. Миръ праху его!.... Умирая, онъ такъ много говорилъ мнѣ про васъ, завѣщалъ мнѣ сблизиться съ вами, полюбить васъ!....

Произнося эти слова, Больё, въ самомъ дѣлѣ, началъ сближеніе съ дерзкихъ приступовъ повѣсы.

— Я не понимаю васъ, — сказала, взглянувъ на него съ изумленіемъ, Сильвія.

— О, что жъ тутъ непонятнаго.... Я пылокъ, мнѣ достаточно было взглянуть на васъ, чтобъ полюбить, чтобъ обожать васъ.... и съ восторгомъ наследовать ему....

— Оставьте меня! — вскрикнула Сильвія, уклонившись отъ преслѣдующихъ ее нескромныхъ объятій Виконта. — Ос-

тавьте!.... У меня есть защитник!.... И она вдохновенно схватила пылающую головню изъ камина, и олицетворила собою стража рая съ пламенникомъ въ рукахъ.

Виконтъ невольно отступилъ назадъ, и почувствовалъ весь комизмъ своего положенія.

— За что же, моя прекрасная, хотите вы сжечь меня какъ еретика?.... Развѣ я не вѣрую въ красоту вашу, въ вашу непорочность, въ ваше сердце.... Я докажу вамъ, что я добрый вѣрующій и не боюсь авто-да-фа.

Съ этими словами онъ вырвалъ изъ рукъ Сильвіи пылающее оружіе, бросилъ обратно въ каминъ, и раздраженно кинулся къ своей жертвѣ.

Но въ этотъ мигъ заклѣнная обоями дверь съ трескомъ отворилась, и я вошелъ въ комнату Сильвіи съ двумя пистолетами въ рукахъ.

Изумленіе ея было невыразимо.

Виконтъ окинулъ меня взорами, и объяснивъ по своему мое неожиданное появленіе, хладнокровно подошелъ къ столу, на который поставилъ входя свою шляпу, и, какъ будто раскланиваясь послѣ простаго визита, взглянулъ мимоходомъ въ зеркало, поправивъ галстукъ, обратился снова ко мнѣ съ холодною учтивостію свѣтскаго человѣка, и сказалъ:

— Я готовъ къ вашимъ услугамъ: когда и гдѣ прикажете.

— Для меня все равно, назначайте время и мѣсто!

— Теперь поздно, — сказалъ онъ, взглянувъ на маленькій Брегетъ; — но не будетъ ли слишкомъ рано, если я попрошу доставить мнѣ честь видѣть васъ въ семь часовъ утра?

— Въ семь часовъ? — непременно!

— У *Портъ-Малло*.

— Очень хорошо!

Больѣ свободно поклонился Сильвіи, и вышелъ; я остался наединѣ съ нею.

Но Боже, что это было за странное первое свиданіе!

Сильвія рыдала. Говорить, что женщины всегда плачутъ по минованіи опасности; слезы ихъ — дождь послѣ бури.

Но эти слезы были не простыя слезы. Лице ея пылало. Отъ испуга въ ней снова помутился разсудокъ. Рыданія внезапно переходили въ изступленный смѣхъ, и безсвязныя слова вырывались изъ устъ ея:

— Милый, милый! — твердила она, — онъ любитъ меня, онъ хранитъ меня, онъ меня не оставляетъ!....

И произнося эти слова, Сильвія такъ близко подходила къ огню, что я долженъ былъ отводить ее какъ ребенка.

— Затѣмъ мѣшаете вы мнѣ, какое имѣете вы на это право? кто вы? — повторяла она.

— Опомнитесь, вы сгорите.

— Да, я должна сгорѣть на его могилѣ.... Этого требуетъ законъ.... Онъ супругъ мой, онъ мой отецъ, онъ мой братъ, онъ мой ангелъ-хранитель.... Онъ.... умеръ.... онъ.... тамъ.... далеко.... Я должна сгорѣть!

И зарыдавъ снова, она упала безъ чувствъ подлѣ камня.

Я поднялъ ее, уложилъ въ постель; потомъ сталъ на коленъ подлѣ ея кровати и началъ молиться. Я умолялъ Заступницу Небесную взять ее подъ свою защиту.

Ровное дыханіе Сильвіи убѣдило меня, что она заснула.... Я отошелъ тихо; а въ семь часовъ утра ждалъ уже противника своего въ назначенномъ мѣстѣ.

Я пришелъ съ двумя товарищами. Съ Болѣе также были два секунданта.

— Нечего объяснять свидѣтелямъ дѣла, — сказалъ я, — безъ объясненій!

— Это мечта, — сказалъ Ліонель де Вириль; — моя обязанность знать причину дуэли и рѣшить, кто обидчикъ.

— Дуэль за женщину, обидчикъ я, — отвѣчалъ я; — довольно ли этого?

— За женщину? О, бьюсь объ закладъ, что за со-
сѣдку! Помилуй, пусть себѣ горитъ и сгоритъ твоя Сала-
мандра, что за необходимость изъ-за нея сжечь вамъ другъ
друга!

Виконтъ подошелъ ко мнѣ.

— Вчера еще я почиталъ себя обиженнымъ, и самъ
просилъ отъ васъ удовлетворенія; сегодня, послѣ здраваго
размышленія, я осудилъ себя строго и почувствовалъ вину
свою.... Я своевольно хотѣлъ завладѣть вашими правами.
Впрочемъ, я еще не зналъ этихъ правъ.... Мнѣ вѣдуналось
осадить эту маленькую крѣпость; но я нашелъ въ ней хра-
брый гарнизонъ. Вотъ и все; стоить ли за это драться!

Но покада свѣтскій повѣса приносилъ мнѣ свое неумѣстное
извиненіе, я съ изступленіемъ рвалъ свои перчатки, и едва
онъ вымолвилъ дерзость на счетъ Сильвіи, клочки лайки
полетѣли ему въ лице и были отвѣтомъ на предложеніе мира.

Виконтъ побѣднлѣ.

— Какое оружіе выбираете вы? — произнесъ онъ, за-
дыхаясь.

— Все равно, выбирайте сами! всѣ оружія хороши!

— Пистолетъ.

— Отмѣривайте скорѣе шаги, — сказалъ я секундантамъ.

Де Вириль отсчиталъ двадцать пять шаговъ; мы должны
были стрѣлять, подходя другъ къ другу, въ одно время;
сигналомъ были три удара въ ладони.

При первомъ ударѣ, я вспомнилъ объ отцѣ моемъ,
который оставался въ полномъ сиротствѣ послѣ моей смерти.

При второмъ, пришла мнѣ мысль о смерти, о Божѣ, о
покойной матери.

При третьемъ, я подумалъ о Сильвіи.... и такъ углу-
бился въ эту упонительную думу, что пуля вонзилась въ
меня прежде, нежели я дотронулся до курка. Пистолетъ
выпалъ изъ рукъ моихъ, кровь хлынула изъ раны, и я,
лишась чувствъ, упалъ на землю.

Товарищ мой рассказывалъ мнѣ въ послѣдствіи , что Болѣе бросился ко мнѣ съ раскаяніемъ. Меня посадили въ его карету, привезли домой и подали нужную помощь. Хирургъ объявилъ , что рана опасна , и что только сильное мое сложеніе подаетъ нѣкоторую надежду.

Между тѣмъ все произошедшее разнеслось по сосѣдству; ночное посѣщеніе, разрушенная перегородка и поединокъ, судились и пересуживались всѣмъ домомъ , и переходя изъ устъ въ уста , молва донесла до милой сосѣдки моей всѣ подробности заслугъ моихъ передъ нею.

При помощи Марты , которая громче всѣхъ порицала дерзость Виконта, бѣдная Сильвія мало по малу вывела изъ тумана рассказовъ истину, которая открыла ей всю безкорыстную и вѣрную мою преданность.

По предписанію доктора, я лежалъ неподвижно, въ ненарушимой тишинѣ; чтобъ избѣжать стукотни при починкѣ перегородки , дверь была только притворена и завѣшена занавѣской.

Я провелъ нѣсколько дней въ непрерывномъ забытіи. Однажды проснулся я послѣ тяжкаго сна и почувствовалъ впервые облегченіе. Невыразимо было это сладостное пробужденіе. Я чувствовалъ и слабость и необыкновенную какую-то легкость духа, какъ будто возражаясь къ жизни, я ощущалъ только благо жить , не принимая еще труда существованія.

Я невольно обратилъ взоры къ небу, освѣщенному блѣднымъ сіяніемъ луны , и отрадно дышала грудь моя ; но вдругъ слабое зрѣніе мое, утомясь, опустилось и поражено было чуднымъ видѣніемъ : на полу моей комнаты, въ озареніи лучей мѣсяца, какъ будто въ ореолѣ, я увидѣлъ пылнѣтельный образъ женщины, которая стояла на колѣняхъ и молилась.

Самыя вѣжныя отбѣнки серебристаго и блѣднорозоваго цвѣта сочетались въ ненаглядномъ существѣ; златоромъ отлѣвались длинныя пряди ея волосъ ; румянецъ игралъ на щекахъ.

— Ангелъ неба! — вскричалъ я.

— Вы не узнали меня? — тихо произнесла она, вставая.

— Ахъ нѣтъ, я узналъ васъ, я видѣлъ васъ, я васъ помню....

— Я обязанное вами, благодарное вамъ существо, — отвѣчала она, опустивъ стыдливо глаза.

— Вы мой ангелъ-хранитель!

— Вы много сдѣлали для меня, вы рисковали жизнью въ отмщеніе за мои обиды.... и я считала обязанностію не оставлять васъ въ продолженіе опасности, въ которой вы находились.... Теперь прощайте, — прибавила она, удаляясь, — берегите себя, разговоръ можетъ утомить васъ.

На другой день Сильвія снова посѣтила своего пациента, и мы разговорились.

— Кто выдалъ вамъ меня? — спросилъ я.

— Еслибъ вы знали, — сказала она съ улыбкою, — какъ много заботятся обо мнѣ жильцы этого дома. Всякій толкуетъ по своему вашъ благородный, безкорыстный поступокъ.

— Ахъ, нѣтъ, онъ не совсѣмъ безкорыстенъ.... Я люблю васъ.

— Вы любите меня? — сказала Сильвія съ удивленіемъ; — ахъ не любите меня! Меня любить не должно, я принадлежу другому, сердце мое съ нимъ, въ могилѣ....

— О, Боже мой, такъ вы никогда не согласитесь быть моею? — проговорилъ я дрожащимъ голосомъ.

— Это невозможно!

— Такъ мнѣ нѣтъ надежды, вы не можете любить меня? — произнесъ я унылымъ голосомъ.

— Не знаю, что отвѣчать вамъ, — сказала Сильвія тихо, — я слишкомъ много обязана вамъ, чтобы осмѣлиться высказать вамъ нелюбовь.... и вмѣстѣ съ тѣмъ, не нарушивъ обѣта своего, не могу вымолвить слова любви.

— Стало быть, вы не любите меня.... Это моя участь; но по крайней мѣрѣ,—прибавилъ я съ горестію, — постарайтесь хоть сами быть по возможности счастливы и спокойны. А я.... я не буду докучать вамъ своей любовью....

Сильвія поблѣднѣла.

— Я не буду болѣе докучать вамъ,—повторилъ я,—вы не услышите ни жалобъ моихъ, ни моленій. Вы не будете считать безучастнымъ слухомъ біеній бѣднаго моего сердца.... Вы свободны.... я не въ состояніи преслѣдовать васъ навязчивымъ чувствомъ !

— Ахъ, какимъ голосомъ говорите вы это ! Боже мой, за что вы разсердились, чѣмъ оскорбила я васъ наумышленно ?

— Нѣтъ, вы не оскорбили меня, и я докажу вамъ это.

— Чѣмъ ?

— Моей просьбой.

— Какой, скажите.

— Я прошу васъ принять отъ меня тысячу талеровъ дохода. Вы должны принять ихъ отъ меня; вы не имѣете никакой поддержки въ жизни, вы должны понимать, какъ страшна можетъ быть для васъ будущность.... Я не хочу, чтобъ женщина, которую я такъ искренно любилъ, испытывала подобные недостатки....

— Но за что же, — проговорила Сильвія, — за что вы хотите благодѣтельствовать мнѣ ?

— За то, что въ продолженіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ вы были идоломъ сладчайшихъ надеждъ моихъ, цѣлію моей жизни, душою жаркихъ грезъ. Вы утвердили во мнѣ веру въ любовь и въ добродѣтель; развѣ этого мало ?

Сильвія молча плакала. Я страдалъ невыносимо, однакоже первый замѣтилъ, что было уже поздно, и предложилъ ей возвратиться къ себѣ.

— Вы отсылаете меня, — сказала она грустно.

— Да, это необходимо; что подумаютъ объ васъ сосѣди.

— Вы знаете, что думаютъ они.

— Но ихъ слѣдуетъ въ этомъ разуврить.

— Какимъ образомъ ? и для чего ?

— Для того, чтобъ въ глазахъ людей услуга моя не обратилась вамъ въ позоръ; для оправданія вѣчнаго существуютъ два средства.

— Какія ?

— На первое вы несогласны. Это первое состояло въ моемъ предложеніи.... Назвавъ васъ моей, я оправдалъ бы васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Узы супружества возражаютъ и освящаютъ женщину.

Сильвія угрюмо задумалась; казалось, слова мои тронули больной нервъ ея чувствъ; глаза ея помутились; она какъ будто стала прислушиваться къ шепчущему ей голосу.

— Да, точно, — сказала она — это невозможно.... Я дала ему обѣтъ.... Мы должны разстаться.... иначе, горе намъ обоимъ !

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается прибѣгнуть къ другому средству.

— Къ другому, да, лучше къ другому.... ни слова о любви и супружествѣ.... иначе.... огонь сожжетъ насъ обоихъ !....

Сильвія встала. Ужасъ изображался въ чертахъ ея.

— Прощайте, — сказала она.

— Прощайте, навсегда !

— Навсегда ! — повторила она.

— Еще одно, одно слово, — простоналъ я; — выслушайте единственную и послѣднюю мольбу: я не увижу васъ болѣе, не услышу сладкаго вашего голоса.... все для меня кончено!.... Но за всю минувшую искреннюю мою привязанность, позвольте мнѣ просить ничтожной награды.

— Чего хотите вы ? — проговорила Сильвія, останавливаясь.

— На прощанье.... руку!

Сильвія подошла ко мнѣ, блѣдная, какъ мраморъ, и протянула дрожащую руку.

Я жарко поцѣловалъ ее; она не отнимала руки.

— Теперь возьмите, возьмите назадъ эту драгоценную руку; иначе я оболью ее слезами, — сказалъ я.

Она молча повиновалась и поспѣшно удалилась.

Я позвонилъ такъ громко, что Марта со всѣхъ ногъ вбѣжала ко мнѣ въ комнату.

— Что прикажете? — спросила она.

— Дай мнѣ перо, чернилъ и бумаги; приподними подушку и закрой окно.

— И больше ничего не угодно?

— Ничего въ этомъ мірѣ; иди съ Богомъ!

Едва скрылась Марта за дверью, я взялъ перо, и не смотря на слабость свою, набросалъ слѣдующія строки:

«Доведенный до отчаянія отказомъ женщины, которую обожаю, я заблагоразсудилъ положить конецъ страданіямъ неспосной для меня жизни. Пусть никого не обя- няютъ въ моей смерти. Парижъ 19 Генваря 48.... года»

— Что жъ такое, — подумалъ я, — мнѣ стоить до- вершить половину пройденнаго пути. Я и безъ того на дорогѣ къ гробу.... и не имѣю духу возвратиться къ жизни....

Размышляя такимъ образомъ, я въ послѣдній разъ оки- нулъ грустнымъ взоромъ мое бѣдное жилище.

Взглянулъ на каминъ, котораго таинственная теплота, благотельно согрѣвая меня, воспламенила пагубнымъ ог- немъ мое сердце, — и содрогнулся.

Приподнявшись на постели, въ разгаръ воображенія, я забылся и вскрикнулъ:

— Бездушный эгоистъ, мертвецъ!... заслонилъ саваномъ своимъ мое счастье! но не торжествуй! не тебѣ одному будетъ принадлежать ея слеза!

И съ этими словами, изступленно сорвалъ я перевязку раны моей, чтобъ изойти кровью; но вдругъ громкій вопль раздался надо мною и рука Сильвіи остановила меня.

— Оставьте! — вскричалъ я, — оставьте, я хочу умереть!

— Нѣтъ, ты не умрешь, — сказала она, обнимая меня всей силою объятій.

— Я долженъ умереть, это мое второе средство....

— Ты не умрешь, — повторила Сильвія, — не умрешь, потому что я люблю тебя!

Я былъ пораженъ какъ громомъ этими словами; безумнымъ взоромъ смотрѣлъ я на нее, губы мои дрожали; проткнувъ къ ней руки, я судорожно захохоталъ, потомъ, какъ ребенокъ, упалъ къ ней на грудь и зарыдалъ.

Сильвія была образецъ самопожертвованія и любви; въ полномъ смыслѣ женщина; восторженная, чувствительная.... Она полюбила меня чувствомъ благодарности за мою безграбичную преданность. Она не могла противустать моей безпредѣльной страсти, прошедшей всѣ испытанія.

Вы спросите меня, какъ могла она полюбить вторично? — О, женская душа такой неисчерпаемый источникъ любви, котораго достанетъ съ избыткомъ на вторую привязанность, особливо тогда, когда первая навсегда перешла въ одно воспоминаніе.

Сильвія полюбила меня; и могло ли быть иначе? Моя собственная любовь вызвала ея сочувствіе. И какъ любилъ я! Я былъ влюбленъ въ каждый взглядъ ея, въ каждое ея движеніе, въ сладкій звукъ ея голоса. Все, къ чему прикасалась она, все, что оживляла своимъ присутствіемъ, становилось мнѣ дорого.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Сильвія носила уже мое имя.

Я праздновалъ свадьбу свою пышно. Всѣ товарищи раздвѣляли со мной радость. Въ числѣ гостей былъ и виконтъ Болѣе, котораго я полюбилъ отъ души. Это былъ большой скептикъ въ отношеніи женщинъ, но добрый, откровенный по сердцу товарищъ.

— Мое присутствіе на вашей свадьбѣ есть самое полное извиненіе, которое я могу принести вамъ, — сказалъ онъ Сильвіи. Фраза была вычурна; но мы поняли доброе чувство, и я простилъ ему оскорбленіе, и особенно рану мою, которой былъ обязанъ счастьемъ.

Во время обряда, въ углу церкви жарко молилась старая Марта: просила ли она о прощеніи грѣха своего, или призывала благословеніе на главы наши, и тѣмъ хотѣла заслужить свою долю на свадебномъ пиру, не знаю.

По романтическому чувству, я заказалъ обѣдъ въ своей холостой квартирѣ. Надо было уничтожить перегородку, чтобы умѣстить столъ; и это имѣло въ себѣ что-то символическое: и наши обители и наши участи соединились.

Цѣлую недѣлю послѣ того я былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Ничего недоставало къ моему благополучію. Я владелъ всѣмъ земнымъ счастьемъ человека. Мое состояніе обезпечивало меня, передо мной открыто было значительное поприще въ свѣтѣ; но главное, я былъ нуженъ Сильвіи....

Добрый отецъ мой пріѣхалъ изъ провинціи жить вмѣстѣ съ нами. Сильвія его очаровала, и когда узналъ онъ, что она сирота, дочь заслуженнаго капитана, убитаго въ сраженіи, то полюбилъ ее еще больше.

Однако жъ, глядя на нее по временамъ, старикъ чувствовалъ какое-то безотчетное безпокойство; онъ просиживалъ иногда цѣлые часы, пристально вглядываясь въ черты ея, и какъ будто читалъ въ нихъ что-то роковое.

Однажды подошелъ онъ ко мнѣ пасмурнѣе обыкновеннаго,

— Что съ вами? — спросилъ я, — Вы, кажется, нездоровы?

— Нѣтъ, я здоровъ, но встревоженъ.

— Что можетъ тревожить васъ?

— Жена твоя.

— Сильвія? почему это?

— Въ ней замѣтно иногда необыкновенное безпокойство, ее какъ будто мучить какое-то скрытное горе; на глазахъ навертываются слезы и она дрожитъ всѣмъ тѣломъ.... Что это значитъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ я, — и не могу себя представить ничего, что бы огорчало ее.

— Можетъ быть, я ошибаюсь: сердечное участіе, которое невольно внушаетъ это милое существо, заставляетъ съ излишествомъ о ней заботиться.

Я не продолжалъ этого разговора; но смертельный страхъ закрался мнѣ въ душу, потому что и самъ я замѣтилъ зловѣщіе признаки, предвѣщающіе бурю; страшась ихъ, я старался не обращать на нихъ вниманія; но увы! судьба позавидовала моему очастію, люди сглазили его!

Однажды вечеромъ перепугалъ меня необыкновенный шумъ, раздавшійся въ комнатѣ жены моей; я опрометью бросился къ ней, слыша издали странные вопли и рыданія.

Войдя, я остолебнѣлъ отъ ужаса. Сильвія стояла на коленяхъ передъ пылающимъ каминомъ, съ невообразимымъ выраженіемъ лица.

«Прости! прости! — вопила она, — прости клятвopе-ступницу! я нарушила обѣтъ, данный тебѣ!.... Прости, прости виновную!....»

Умственное разстройство Сильвіи, которое, казалось мнѣ, прошло совершенно, возвратилось. Холодъ пробѣжалъ по сердцу моему, и я едва собрался съ силами поднять ее.

— Оставь меня, оставь!.... Ты вина моего несчастія, для тебя преступила я клятву!.... Ты видишь, какъ страшенъ онъ въ гнѣвъ.... онъ сожжетъ насъ обоихъ!

— Сильвія! мой ангелъ! другъ мой! опоминись, приди въ себя, я съ тобою, при мнѣ ничего не можетъ съ тобою случиться.

— О, мертвецы могущественнѣе живыхъ!.... Я боюсь его.... Смотри, какъ страшенъ онъ и какъ грозитъ намъ обоимъ....

Слова не дѣйствовали; я рѣшился взять ее на руки, и насильно уложивъ въ постель, надѣялся, что она успокоится, и припадокъ пройдетъ.

Но, къ несчастію, съ этой поры подобныя сцены стали повторяться непрерывно, и каждый разъ продолжительнѣе.

Все искусство науки была призвано мною на помощь; много было совѣщаній, много было употреблено средствъ; но больной не было лучше.

— Манія достигла до полного развитія, перешла въ помѣшательство, — говорилъ мнѣ всѣ въ одинъ голосъ. Одно еще средство — путешествіе: непрерывная перемѣна предметовъ, можетъ быть, разсѣетъ на время пораженное ея воображеніе.

Получивъ эти утѣшительныя содѣлкі, я упалъ на руки къ доброму старику отцу.

— Что жъ дѣлать, — сказалъ онъ мнѣ, отирая слезу. — Покоримся волѣ Божіей и не оставимъ ничего, что можетъ хоть нѣсколько облегчить ея страданія. Я уже старъ, жизнь моя не можетъ быть никому полезна; я посвящу всѣ оставшія силы мои на заботы о нашей бѣдной больной.

Мы собрались въ дорогу. Передъ отъѣздомъ я доверилъ Болѣе о постигшемъ меня несчастіи,

— Жаль, — сказалъ онъ, — что вы не явились заблаговременно Сильвіи, и только развивали несчастную мысль, которую следовало вырвать съ корнемъ вонъ при началѣ.

— Но могъ ли я? Что могъ я сдѣлать, бывъ свидѣтелемъ взаимной страсти.

— Между нами сказать, покойный соперник вашъ былъ такого склада, что вамъ не много стоило бы труда вытѣснить его съ поля заживо. Не знаю, болѣзнь ли на столько уничтожила его, а мнѣ казалось, что въ немъ, кромѣ интереснаго помѣшательства его, которымъ онъ заразилъ это нилое созданіе, не было ничего замѣчательнаго.

— Не знаете ли, — спросилъ я, — не писалъ ли онъ еще чего-нибудь передъ смертію?

— Рѣшительно ничего. Жизнь его незамѣтно угасла, и я ожидалъ только этой минуты, чтобы скакать также къ умирающему брату; и потому вынужденъ былъ оставить заботы о погребеніи мѣстному начальству. Въ бумагахъ его я не нашелъ ничего, что бы стоило сохранить.

Приготовленія къ путешествію нашему были наскоро устроены, и въ началѣ весны мы отправились съ Сильвіей, оставивъ добраго отца моего на хозяйствѣ.

Послѣдовательно посетили мы Италію съ ея живительнымъ солнцемъ. Были въ Венеціи, въ Генуѣ, въ Неаполѣ; посетили Испанію, дивились въ Альгамбрѣ остаткамъ великолѣпія во времена владычества Мавровъ; въ надеждѣ на пользу морскаго путешествія, проѣхали въ возрожденную Грецію. Но все было тщетно: казалось, что Сильвія заключена была въ прежнее бѣдное свое жилище, и ничего не видѣла за облекающей ее атмосферой призраковъ; повсюду передъ ней горѣлъ роковой каминъ, трещали искры его. Въ припадкахъ своихъ, устремляя взоръ на какой-нибудь предметъ, она повторяла тихимъ голосомъ:

«Ахъ, не душа ли ты
Друга прекраснаго,
Съ горнихъ обителей,
Звѣздочкой ясной,
Звѣздою падучею
Бросила пламенный,
Полный огня,
Взоръ на меня!»

Мы переносились изъ страны въ страну, какъ блуждающій жидъ, преслѣдуемый грознымъ голосомъ: ступай! ступай! — Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Пріѣхавъ въ Ниццу, я случайно встрѣтился тамъ съ стариннымъ товарищемъ.

— Ліонель де Вириль! — вскрикнулъ я, — ты ли это?

— Кажется, что я, — отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Какимъ чудомъ?

— Воздухъ Франціи сталъ душенъ, пріѣхалъ подышать ароматами.

— Ты, стало быть, отказался отъ адвокатства?

— Какъ не отказаться, мой милый, когда теперь во Франціи изъ двухъ человекъ одинъ вѣроятно адвокатъ, и старается обратить другаго въ своего кліента. Наслѣдовавъ пятьдесятъ тысячъ франковъ доходу, я показалъ языкъ Ципцерону, тѣмъ болѣе, что съ нынѣшнимъ многоглаголаньемъ стиль его не въ модѣ.

— Что жъ ты дѣлаешь?

— Ничего, считаюсь при комсультѣ.

.... — Здѣсь?

— Да, представляю Францію, вальсируя съ дамами; моя дипломатія покаместъ въ ногахъ.

— Поздравляю тебя.

— Спасибо; но тебя какая судьба занесла сюда?

— Я здѣсь съ женой.

— Но какъ же ты грустно это выговариваешь: или я ошибаюсь, или страсть уже остыла подъ цѣпиями Гименя?

— Нѣтъ, мой другъ, я люблю Сильвію точно также, какъ въ первый день брака.

— Ну, это немаловажная заслуга; но отъ чего же ты такъ грустенъ?

— Какъ не быть грустнымъ, когда съ ней Богъ знаетъ что дѣлается.... старые припадки помышательства.

— Неужели сидят Саламандры, духи огня?

— О, и сильнѣе прежняго.

— Понимаю, каково тебѣ, бѣдный другъ, — сказалъ онъ съ участіемъ, пожавъ мнѣ руку.

— Признаюсь, тяжелое испытаніе!

— Но совѣтовался ли ты съ хорошими докторами?

— Спрашивалъ всехъ, и все въ одинъ голосъ рѣшили, что она неизлечима.

— Горько! — вымолвилъ онъ. И вдругъ какъ будто озаренный мыслью, — Знаешь ли что? — сказалъ онъ, — испробуй еще одно средство.

— Какое?

— Здѣсь есть очень известный докторъ; онъ посвятилъ себя именно этого рода болѣзнямъ, потому что самъ одно время сходилъ съ ума, и такимъ образомъ, побывавъ въ странѣ безумныхъ, вынесъ оттуда какую-то новую систему леченія.

— Ты думаешь, что ему можно вѣрится?

— О, можно; но къ нему труденъ доступъ; онъ въ славѣ, лѣнивъ и толстъ; но я надѣюсь. Я часто танцую съ его женой; она мнѣ поможетъ.

— А, такъ твою Эскулапъ женатъ?

— Конечно, братецъ, иначе почему бы я его зналъ; женатъ и отецъ очень миледькаго милденкаго Иппократа. Я сегодня же отправляюсь къ синьору Альфіери, и прошу ея предстательства. Это два сизые голубка, которые не могутъ ни въ чемъ отказать другъ другу. Завтра заведу за тобой, и мы возьмемъ приступомъ или военной хитростью недоступнаго цѣлителя.

Де Вириль не заставилъ себя ждать.

— Все готово, — сказалъ онъ на другой день, — только сдѣлай одолженіе не удивляйся причудамъ нашего Эскулапа.

Мы отправились къ врачу Альфіери. Онъ жилъ въ прекрасномъ домѣ, посреди померанцевой рощи, на берегу моря.

Мы вошли безъ доклада, и застали ученаго, въ положеніи Генриха IV, играющаго съ ребенкомъ.

Это былъ тучный человѣкъ, лице одутловатое, волосы курчавые, черные огромные усы и борода резко отдѣлялись отъ красныхъ щекъ; надъ которыми горѣли два пронзительные глаза.

— Кто тутъ? — спросилъ онъ по-Итальянски, не обращая вниманія на вошедшихъ.

— Это я, — отвѣчалъ де Вириль.

— Вы, да кто вы?

— Де Вириль; я думаю, вамъ говорила уже ваша супруга о причинѣ моего посѣщенія.

Докторъ обернулся, приложилъ руку ко лбу, и вставъ, взявъ друга моего ласково за ухо.

— Вы, кажется, смѣтаете надъ моей памятью, напоминая о себѣ такимъ образомъ, — сказалъ онъ.

Мнѣ показалось, что де Вириль смутился нѣсколько отъ этого непонятнаго для меня укора.

— Извините, — сказалъ онъ, — я позабылъ....

— А, и вы также позабываете; ну, это для меня утѣшительно. Въ чемъ однакожъ дѣло? чѣмъ и кому я могу быть полезенъ?

— Дѣло идетъ о молодой женщинѣ, нѣсколько лѣтъ уже помѣшанной.

— Что жъ я въ такомъ случаѣ могу сдѣлать?

— Вы можете помочь ей.

— Я?

— Именно, вы одни; и вѣрно не откажетесь, потому что мой искренній пріятель не живетъ, а страдаетъ съ тѣхъ поръ, какъ случилось это несчастье.

Альфіери задумался.

— Безуміе тихо или безпокойно?

— Оно бываетъ припадками, и происходитъ отъ мнимыхъ видѣній.

— Видѣній чего-нибудь сверхъестественнаго, какихъ-нибудь призраковъ?

— Точно такъ.

— Но это явленіе призраковъ основано, вѣроятно, на какой-нибудь сущности?

— Навѣстите страдальцу, умоляю васъ всѣмъ для васъ драгоценнымъ. Вы внушаете въ меня совершенную увѣренность и надежду на исцѣленіе моей бѣдной жены.

Мольбы мои, казалось, тронули его.

— Я не всемогущъ; но каковъ есть, я готовъ къ вашимъ услугамъ, если вы этого желаете.

Я изъяснилъ ему какъ могъ свою признательность.

— Когда угодно будетъ вамъ призвать меня?

— Завтра вечеромъ, въ осемь часовъ; это время припадка ея.

— И прекрасно. Только позаботьтесь объ одномъ.

— О чемъ именно?

— Прикажите напомнить мнѣ о моемъ обѣщаніи въ три четверти осьмага, потому что я способенъ все забывать. Прощайте, до завтра.

И отправивъ насъ безъ церемоній, онъ снова занялся своимъ ребенкомъ.

Когда мы проходили по его комнатамъ, меня поразили странныя, развѣшанныя по стѣнамъ картины: это были не образцы живописи, изобилующіе въ странѣ художниковъ; но картоны, испещренныя странными фигурами, на которыхъ было написано: «упражненія въ мнемотехникѣ: картина 1-я, 2-я» и т. д.

— Ты удивляешься, — сказалъ мнѣ де Вириль, — что здѣсь такъ много занимаются изобретеніемъ памяти?

— Да, это довольно странно.

— Странно для тебя, которому неизвестно, что Альфieri, послѣ продолжительной болѣзни, лишился всѣхъ умственныхъ способностей, и что до сихъ поръ память ему измѣняется.

— Какъ же онъ можетъ заниматься леченіемъ?

— Это единственный предметъ, для котораго память его сохранилась вполне, и даже говорить, что, не обремененная ни чѣмъ постороннимъ, она тѣмъ свѣтлѣе; и потому-то его соображеніе необыкновенно быстро.

— Теперь я понимаю, почему показалось ему настолько твое воззваніе къ его памяти. То, что говорила ему женою утромъ, должно уже было испариться изъ головы его.

— По тому же самому, обѣщая пріѣхать къ тебѣ въ восемь часовъ, онъ проситъ напомнить ему о томъ въ три четверти осьмага.

Невозможно высказать, съ какимъ трепетомъ я ожидалъ на другой день пріѣзда прославленнаго врача. Не бываетъ ли иногда самое несчастіе сносимѣ сомнѣнія. Совершившійся ударъ поражаетъ и уничтожаетъ, а ожиданіе терзаетъ пылкой передъ тѣмъ призракомъ, котораго зовутъ надеждой. Получившій смертный приговоръ можетъ спать спокойно накануне казни: его участь уже рѣшена; но подсудимый, еще ожидающій рѣшенія и надѣющійся на милосердіе, спать не можетъ: его будятъ распри добраго и злаго генія, чьихъ голоса слышатся ему у изголовья.

Такъ было и со мною. Долженъ ли я былъ ободрять себя надеждой видѣть милую подругу мою здоровой, и вѣрить въ возможность счастья, которымъ наслаждался такъ мало.

На другой день, въ седьмомъ часу дня, по условію, явился я къ ученому, и онъ, набросивъ на плеча плащъ, последовалъ за мною.

— Супруга ваша черноволоса или блонкура? — спросилъ онъ.

— Блонкура, — отвѣчалъ я.

— А, вы любите, также какъ я, блондинокъ, и вы справедливы. Потому что, если блондинка хороша, то ужъ она должна быть хороша въ совершенствѣ. Черные волосы возвышаютъ близну лица, а эффектность бываетъ обманчива. Это тоже, что яркій свѣтъ на темномъ фонѣ картинъ Рембрандта; но, къ несчастію, въ врачебномъ отношеніи онъ опасенъ. Это обыкновенно слабая, апатическая природа, у которой энергія чисто нервная и на которую воображеніе дѣйствуетъ губительнымъ образомъ.

Мы подъѣзжали уже къ квартирѣ, и я немедленно ввелъ его въ комнату жены своей.

Сильвія покоилась въ большихъ креслахъ. Она, казалось, погружена была въ восторженное созерцаніе; глаза ея были задумчиво опущены, и прекрасная рука ея какъ будто съ трудомъ поддерживала тяжелую голову.

— Это больная? — спросилъ докторъ.

Я кивнулъ въ знакъ подтвержденія.

— Чѣмъ вы страдаете? — спросилъ онъ ее.

— Я не больна, — отвѣчала она. — Кто вамъ сказалъ, что я страдаю? Я здорова, весела и счастлива.

И говоря эти слова, Сильвія безсмысленно смотрѣла на вопрошающаго.

— Въ эту минуту ничто васъ не тревожитъ?

— Ничто.

— Вы ничего не боитесь?

— Ничего.

— Вы ничего страшнаго не видите вокругъ себя?

— Нѣтъ.

— Въ чемъ же состоитъ ея главное помѣшательство? — спросилъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ.

— Ей все представляются духи огня.

— Духи огня? — повторилъ онъ задумчиво. — Странно, что я ужъ объ этомъ какъ будто слышалъ, не могу при-

— Помните что именно. Несчастливая память моя такъ смутна....
— В какое время представляются ей эти духи?

— Когда она смотритъ на затопленный каминъ.

— Каминъ?.... въ такомъ случаѣ, потрудитесь приказать
перенести каминъ въ боковой комнату. Мнѣ необходимо ви-
дѣть кризисъ.

Я отдалъ приказаніе, и скоро сильный огонь освѣтилъ
тѣнь покой.

— Здѣсь очень холодно, — сказалъ женѣ моей Аль-
фіери, — не угодно ли вамъ перейти въ другую комнату.

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Но тамъ будетъ лучше, и мы удобнѣе побесѣдуемъ
съ вами.

— Со мной? О чемъ же намъ бесѣдовать?

— А вотъ, вы услышите. Нельзя же намъ морозить
руки господъ; посмотрите какъ они дуютъ себя въ пальцы.—
Я взялъ Сильвію за руку, и какъ ребенка, не безъ насилія,
перенесъ въ каминную.

— Ахъ Боже мой, Боже! — вскрикнула Сильвія, —
я спросила, чтобъ не зажигали огня; зачѣмъ позвали ме-
ня сюда?

— Но чего жъ вы боитесь? опасаться пожара нечего.

— Я боюсь, боюсь увидѣть....

— Кого увидѣть?

— Вотъ, вотъ онъ.... вотъ, какъ страшно смотритъ....

— Кто онъ?

— Онъ.... Я измѣнила.... я помрачила память его....
Пойдите, пойдите вонъ отсюда!

Она упала въ кресла въ сильномъ нервическомъ припадкѣ

— Надо погасить огонь, — сказалъ я, встревоженный.

— Не распоряжайтесь, а слушайтесь, если вы меня
здесь призвали, — возразилъ Альфіери.

Онъ сталъ приводить ее въ чувства обыкновенными средствами.

— Подложите еще огня, — сказалъ онъ.

Сильвія вскочила въ намѣреніи бѣжать; но докторъ сильной рукою удержалъ ее.

— Вы должны принудить себя остаться, должны помочь мнѣ одолѣть чернаго демона, который овладѣлъ вашимъ воображеніемъ. Этого желаютъ близкіе вамъ и преданные люди.

— Да развѣ вы его не видите?.... Вотъ онъ!

— Но неужели онъ такъ сердитъ?

— О, сердитъ, сердитъ, ревнивъ до изступленія....

— Не беспокойтесь, — сказалъ съ улыбкою врачъ, — я знаю этихъ духовъ, они повинуются моей волѣ.

— Они вамъ повинуются? Стало быть, вы въ нихъ вѣрите?

— Разумѣется; только я ихъ не боюсь. Вы знаете, что въ медицину нельзя обойтись безъ огня; но онъ покоренъ намъ, мы его подчинили наукѣ.

Радость блеснула въ глазахъ Сильвіи.

— Ахъ, какъ я рада, что вы вѣрите; они не хотятъ вѣрить, и это приводитъ меня въ отчаяніе.

— И потому-то самому, что я вѣрю въ духовъ огня, вамъ нечего ихъ бояться.

— Но вы должны объяснить ему, что я была вынуждена необходимостію.... Я обязана была спасти жизнь; но я не хотѣла любить.... Я не измѣнила....

— Я объясню все, что вы хотите; но на условіи, что вы исполните мою покорнѣйшую просьбу.

— Скажите, какую? я постараюсь ее исполнить.

— Расскажите мнѣ все, что вамъ видится, и постарайтесь припомнить, какимъ образомъ начали являться вамъ духи, и по какому случаю вы познакомились съ ними.

— А развѣ вы этого не знаете ?

— Не знаю ; но желаю знать.

— Хорошо, — сказала Сильвія; — но вѣдь это началось давно , давно.

— Возвратимся къ старому времени , отъ этого мы помолодѣемъ.

— Вамъ, разумѣется, извѣстно, кто таковы духи огня,— продолжала Сильвія простодушно; — это добрыя, прекрасныя души, которыя жили на землѣ и отошли въ небо. Я любила одну такую душу, душу юноши, котораго похитила смертельная болѣзнь.... Когда онъ былъ живъ , онъ завѣщалъ мнѣ эту вѣру. Онъ сказалъ мнѣ , что души возвращаются съ того свѣта къ тѣмъ, кого онъ любили.... Но что же вы не слушаете меня, докторъ ?

Въ самомъ дѣлѣ Альфіери какъ будто углубился въ собственную мысль.

— Извините, я слушаю какъ нельзя болѣе; но странно, вашъ разсказъ мнѣ какъ будто знакомъ....

— Онъ уѣхалъ отъ меня.... Докторъ предписалъ ему путешествіе, какъ единственное спасеніе.... онъ повѣхалъ.... И тамъ, далеко отъ меня, онъ умеръ....

— Умеръ ! — вскричалъ докторъ.

— Умеръ! и передъ смертію написалъ мнѣ свою волю....

Лице Альфіери принимало странное выраженіе, и крупныя капли пота текли по обширному лбу его.

— Эта воля состояла въ томъ, чтобы продолжать вѣрить въ духовъ огня.... Онъ требовалъ, чтобъ я посвятила этому огню мою жизнь....

— И вы ему это обѣщали ?

— Обѣщала.

— И обѣщаніе было взаимно ?

— О , безъ сомнѣнія , взаимно.

— Боже мой, • Боже! — вскричалъ докторъ, — приди на помощь моему недугу.

— Что такое говоритъ онъ? — спросилъ я у Виріи, сидѣвшаго рядомъ со мною въ глубинѣ комнаты.

— Оставь его, оставь, ругаюсь тебѣ, что это великій мастеръ своего дѣла; — отвѣчалъ онъ.

— Такъ видите ли, — продолжала Сильвія, — какъ же не бояться мнѣ его мщенія.

— Еще одно слово.... Гдѣ и какъ знакомы были вы съ покойнымъ другомъ вашимъ?

— Въ Парижѣ.

— Въ какомъ домѣ? опишите мнѣ по возможности комнату.

— О, это была крошечная комната, съ пестрыми обоями, съ цвѣтами на окнѣ....

— Чѣмъ вы въ ней занимались?

— Одна, я читала, работала, ждала его; а съ нимъ вмѣстѣ мы разговаривали, иногда пѣли.

— Что пѣли вы?

— Любимый нашъ романсъ былъ: *Искра*, его собственнаго сочиненія.

— *Искра*? *Искра*.... я знаю это названіе; а скажите, помните ли вы слова и музыку, могли ли бы вы пропѣть его.

— Съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ, я его не пѣю.

— Не бойтесь напомнить мнѣ эти звуки.... пропойте.

— Нѣтъ, я не могу, я не въ силахъ, — отвѣчала Сильвія.

— Не помнить ли кто другой? пропойте Бога ради!

Въ изумленіи, но невольно повинувшись, я сказалъ, что помню напѣвъ и слова романса.

— Такъ спойте, спойте его, ради Бога, спойте.

Я открылъ фортепьяно, и бросивъ нѣсколько аккордовъ, началъ припоминать:

Искорка ярая,
 Что ты варушь взвѣлася?
 Въ высь повеслася?

.....

— Боже, владыко неба и земли! — вскрикнулъ докторъ, — Ты надо мной совершаешь чудо!.... Минувшее свѣтлѣетъ.... становится ясно.... память моя воскресаетъ.... эти звуки возвращаютъ мнѣ утраченную способность.... Я помню.... помню....

— Что помните вы?

— Когда это было?.... вчера ли, сегодня ли?.... давно ли? Но, я писалъ письмо....

— Какое письмо писали вы? — спросилъ я.

— Тутъ былъ другой.... путешественникъ, незнакомый соотечественникъ.... — пролепеталъ докторъ невнятно, и упалъ безъ чувствъ на полъ.

Мы подняли его, и Сильвія сама стала подавать ему помощь.

— Что это за чудеса? — проговорилъ мой товарищъ.

— И я ничего не понимаю.

— Дайте перо и бумаги, — проговорилъ, приходя въ себя докторъ.

Мы поспѣшили исполнить его желаніе. Онъ схватилъ перо и началъ писать:

«Память во мнѣ проясняется.... я знаю ее.... по гдѣ, и какъ, и когда....

— Это его рука! — вскрикнула Сильвія — это его рука!....

— Чья?

— Возможно ли? не обманываютъ ли меня глаза?

«Я былъ боленъ.... но я живу и хочу тебя видѣть»

А.

— Это онъ, онъ! — повторяла Сильвія, — онъ такъ подписывалъ свое имя.

— Альфіери?

— Нѣтъ, Аларикъ.... Аларикъ!

Докторъ снова упалъ безъ чувствъ.

Это повѣствованіе слишкомъ походило бы на сказку изъ тысячи одной ночи, еслибъ не было истинно.

Въ Итальянскомъ врачъ мы узнали Аларика, студента медицины. Случай, двигатель непонятныхъ судебъ, вырвалъ у парки полуотрзанную нить его жизни.

Его отвезли домой, разстроеннаго и мрачнаго.

Цѣлыя сутки послѣ этого событія онъ оставался одинъ, запертый въ своемъ кабинетѣ, не впуская никого и борясь съ своими воспоминаніями.

Но Сильвія, — она какъ будто вдругъ переродилась; какъ будто Божій перстъ коснулся смутнаго ея смысла... туманъ, заслонявшій нравственное ея зрѣніе разсѣялся... Она ясно поняла существенность.

— Это онъ, — говорила она мнѣ, — это Аларикъ, я узнала его по рукъ, я отыскала въ изменившихся его чертахъ прежнее сходство.... Но что жъ это значитъ?....

Когда я слушалъ ее, безотчетный страхъ вкрадывался мнѣ въ душу.... Въ радостную минуту выздоровленія дорогой мнѣ женщины, я какъ будто страшился новаго горя.... Что, если пробудится въ ней прежнее чувство, и послѣ борьбы съ мертвецомъ, придется мнѣ бороться съ живымъ?....

На другой же день я посѣтилъ Альфіери; завидѣвъ меня издали, онъ протянулъ ко мнѣ руки.

— Подите, мой другъ, подите сюда, — кричалъ онъ мнѣ, — я съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ.

Я сѣлъ возлѣ него на кровати.

— А она? — спросилъ онъ.

Это слово возмѣлось мнѣ въ сердце.

— Гдѣ она? — повторилъ онъ; — память о ней возвратилась; однако прошлое не ясно еще распутано.... Я не знаю, давно ли я разстался съ нею.... Сколько именно прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ письмо о своей смерти.... и почему же я тогда не умеръ?....

— Стало быть, и вы не знаете этого страннаго обстоятельства?

— Не знаю.... Все, что могу сказать, состоитъ только въ томъ, что я былъ отчаянно боленъ.... Ангелъ, въ видѣ женщины, заботился обо мнѣ и спасъ мнѣ жизнь.... Что я былъ счастливъ въ настоящемъ, и мысль о прошедшемъ изгладилась во мнѣ.... Но я бы хотѣлъ видѣть ее.... видѣть Сильвію, которая была кумиромъ души моей....

Дрожь пробѣгала по тѣлу моему; я чувствовалъ холодъ въ волосахъ, какъ выражается одинъ изъ современныхъ писателей. Однакоже, сохраняя приличіе, я воздерживался.

— Она здѣсь, — сказалъ я, — она пріѣхала со мною.

— Позвольте, — сказалъ онъ, — необходимо объяснить непонятное сѣпленіе. Черезъ нѣсколько дней, я буду въ силахъ переѣхать отсюда въ городокъ, откуда послано было роковое письмо мое. Будьте великодушны, пріѣзжайте туда. Тамъ все должно объясниться; а покуда, на сколько могу, я буду стараться привести мысли свои въ порядокъ.

Черезъ двѣ недѣли мы пріѣхали въ ту самую гостиницу, гдѣ такъ торжественно Аларикъ прощался съ жизнью. Мы постѣли въ обѣденную пору къ столу, на которомъ замѣтили лишній приборъ.

— Для кого этотъ приборъ? — спросили мы.

— Для знакомаго вамъ путешественника. Онъ ожидаетъ васъ уже съ недѣлю.

— Гдѣ онъ?

— Въ сосѣдней комнатѣ.

Я отперъ двери, и мы узнали Виконта Болье.

— Я побоялся, что вы забудете вашего душеприкащика на церемоніи возрожденія.

— Для насъ готово пять приборовъ, — сказалъ вошедшій Аларикъ, — но нуженъ еще шестой.

— Для кого же?

— Для лица необходимаго въ драмѣ моей жизни, для того, отъ котораго зависитъ развязка.

— Когда жъ явится оно?

— Не беспокойтесь, оно поспѣетъ во время.

— А кстати, знаете ли вы, какъ возсталъ нашъ мертвецъ, — спросилъ Болѣе.

— Нѣтъ, не знаю.

— По обычаю, медикъ ошибся, принявъ летаргическій сонъ за настоящую смерть. Но, къ счастью, Аларикъ опомнился во-время, и разумѣется, издержалъ весь приготовленный ему на похороны деньги.... Но такъ такъ покойникъ былъ не дурень собою, то одна миленькая вдовушка вздумала возвратить его окончательно съ того свѣта. Въ результатъ пріятель нашъ остался въ чистыхъ барышахъ; онъ не только сохранилъ жизнь и полный разумъ, но приобрѣлъ прекрасную жену, потерявъ только память.

— Все это правда, — сказалъ Аларикъ, снимая салфетку съ прибора; — потерявъ память, онъ полюбилъ свою спасительницу, женился на ней, и считаетъ себя счастливымъ изъ смертныхъ.

— Но гдѣ жъ она, этотъ добрый ангелъ? — спросили мы всѣ.

— Вотъ она, — отвѣчалъ Аларикъ, вставая и выходя на встрѣчу хорошенькой блонкурой Итальянкѣ, какую только можно себя вообразить въ странѣ, гдѣ блонкурыя женщины такъ рѣдки.

— Шестой приборъ готовъ, къ вашимъ услугамъ; — сказалъ де Вириль, дамъ, съ которою вальсировалъ довольно часто на балахъ.

— Давайте же обѣдать, а послѣ обѣда затопимъ каминъ, — сказалъ Аларикъ.

— Ты уже не будешь бояться духа огня? — спросилъ я Сильвію.

— О, нѣтъ, — отвѣчала она, цѣлуя меня и протягивая руку женѣ Аларика, сѣвшей возлѣ нея. — Теперь онъ будетъ жить для счастья этой милой женщины.

— Однакожъ вы измѣнили мертвецу, — сказалъ Аларикъ.

— Я обѣщала любить васъ мертвого, а не живаго.

— Въ такомъ случаѣ, докторъ, выслушайте мою покорнѣйшую просьбу. Если, чего Боже сохрани, вамъ вздумается умереть прежде меня, сдѣлайте одолженіе не возвращайтесь сюда болѣе.

Всѣ разхохотались.

— Я, пожалуй, обещаю вамъ, — сказалъ шутя Аларикъ, — но вы знаете, какая плохая у меня память.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

И Л Я.

ЧЕШСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Богемская деревня Слабиница, какъ будто разсыпанная изъ сумы на рытвины при подошвѣ Моравскихъ горъ, населена Нѣмецкимъ поколѣніемъ, смѣшаннымъ съ кровью Чеховъ и Ганнаковъ. Окрестности также грустны, какъ и самая деревня; поля и луга запущены, сосновые лѣса дурно содержаны, дорога въ ужасномъ состояніи. Налѣпленные хаты въ горѣ, какъ гнѣзды ласточекъ, построены изъ подобнаго же матеріала; но издали, все селеніе, съ бродящими по немъ стадами двуногихъ и четвероногихъ, шетинистыхъ и пернатыхъ животныхъ, похоже на муравейникъ. Душная лачужка состоитъ изъ хлѣва, кухни и жилой хаты, четверть которой занята огромной печью, похожей во время утра, когда слѣзаютъ съ нея ея обитатели, на Троянскую лошадь. На шесть, близъ печи, сушится бѣлье; этотъ же шесть составляетъ и насѣсть султана съ краснымъ гребнемъ и его гарема. Вотъ онъ прокричалъ уже три раза, захлопалъ крыльями; на его голось подали голось и поросыты съ крѣпко убитаго глинянаго пола, приподнялись, прохрюкали, обнюхали своихъ двуногихъ сожителей, спящихъ подъ лавкой и на лавкѣ. Ганко, Ленка и Кунка высунулись изъ соломы и подняли возню съ ними. Въ слѣдъ за этимъ поднялся и маленькій *рѣва* въ люлькѣ; ему вторила вытягивающаяся съ просонковъ и протяжно зѣвающая собака, — и все на печкѣ пришло въ движеніе. Отецъ семейства, мать

семейства, целый рядъ органныхъ дудокъ — дѣтей, ба-траковъ и работницъ, потянулись съ печи, другъ за другомъ, какъ будто неизчислимые букеты, выбрасываемые фокусникомъ изъ волшебной шляпы. Хата едва могла помѣ-стить все, что пришло въ движеніе на ея маленькомъ про-странствѣ.

Голова отца этого семейства походила на ядро съ въ-никомъ, которымъ чистятъ трубы; носъ курносъ, скулы вы-дались, ротъ до ушей; но небольшіе глаза горѣли, какъ уголь. Мать этого семейства была похожа на колдунью, только что прибывшую съ шабаша. И у этихъ-то двухъ страшилищъ были двѣ дочки, чудныя красавицы. Лидушка, Лида, или Людмила, прелесть въ человѣческомъ образѣ, высока, стройна и дебѣла, настоящая героиня, какой не бывало въ строю у Бласты, предводительницы храбрыхъ дѣвъ-амазонокъ. Напротивъ, меньшая дочь, Иля, была такъ мила, что и при Дворѣ Королевы Любуши не видывали такой очаровательной дѣвы. — Не колдунья ли была Мара и не промѣняла ли она своихъ двухъ выроdkовъ на чужихъ дѣтей во время какой-нибудь поѣздки на метль? Ни сколько: Лида была живое изображеніе матери, но пре-образованное изъ безобразія въ красоту. Иля походила на отца своего, Липпеля; тѣ же черты, но возсозданныя для очарованія. Она похожа была и на старшую сестру, Маришу, съ тою только разницею, что Мариша была не лучше всякой молодой, здоровой, плечистой работницы.

Липпель, или Филиппъ, всталъ не въ духѣ; ворчалъ и тяжелыми стопами пошелъ къ окну, гдѣ стояли его чоботы. Дѣти и животныя кричали, визжали, пищали, хрюкали и чирикали. Мара выгоняла всѣ это стадо на дворъ.

— Молчите, вы, пострѣлы! — кричала она на дѣтей.

Домочадцы, по слову матери, взглянувъ на угрюмаго отца, повыбрались изъ хаты; только упрямая Лида, не обра-щая вниманія ни на сердитую наружность Липпеля, ни на

слова Мары, продолжала разбирать свои наряды въ сосновомъ сундукѣ, распѣвая пѣсню. Голосъ ея былъ чистъ и звонокъ; но Липпель пробурчалъ, что она поетъ какъ Нѣмецъ.

— Я могу и замолчать, — сказала Лида, обиженная этимъ сравненіемъ; — одинъ день можно потерпѣть: когда онъ пройдетъ, буду пѣть какъ хочу! Мой Юшо не заткнетъ себя ушей.

— Да, на мѣсяцъ, — проворчалъ Липпель, — да что мнѣ за горе: онъ возьметъ тебя съ зобомъ.

У Лиды была прекрасная, лебединая шея; но она покраснѣла, и замолкла, какъ будто слова отца мѣтко затронули ея порокъ. Сурово и двусмысленно прохохоталъ про себя Липпель, наливая грушевки.

— Что, въ добромъ духѣ засталъ ты вчера управляющаго? — спросила Мара.

— Ужъ въ такомъ добромъ, что лучше и быть не можетъ, — отвѣчалъ Липпель; — отъ того-то я и самъ набрался вчера духу!.... Господинъ Фогтъ подарилъ мнѣ во-первыхъ, пачку краснаго трехъ-королевскаго.... Гдѣ моя трубка? я его попробую.

— Ну, а что объ Маришѣ? — продолжала Мара, подавая трубку, — далъ ли онъ отсрочку отправлять ее на господскій дворъ?

Филяппъ кивнулъ головой.

— Что жъ онъ за это требуетъ? что онъ сказалъ? — спросила нетерпѣливо Мара.

Липпель молчалъ, какъ будто вопросъ не до него касался: но наконецъ, вынужденный неотвязнымъ повтореніемъ, развязалъ языкъ.

— Что, — началъ онъ, — когда я пришелъ къ господину Шуману, онъ сидѣлъ въ саду за пивомъ и за рѣдкой. «Добраго дня, вашей милости, — сказалъ я; — я пришелъ поблагодарить вашу милость, что вы изволили уво-

лить мою Лидушку на время и дали позволеніе выйдти ей замужъ. — Не меня ты долженъ благодарить, а Графа, отвѣчалъ онъ. — Гдѣ жъ намъ благодарить Его Сіятельство; мы его вотъ ужъ сколько лѣтъ не видимъ въ глаза, а къ вашему благорасположенію пришелъ я съ просьбой. — Ну, говори! — сказалъ онъ. — Время-то такое, — сказалъ я, — изволите знать, подходитъ жатва; нужны руки; а у меня вдругъ три пары убудеть. Лидушка выходитъ замужъ; да такъ какъ молодцу въ двадцать, а дѣвкѣ въ осьмнадцать слѣдуетъ на барскій дворъ, на тринадцать съ половиной мѣсяцевъ, такъ и моиъ Янкѣ и Маришѣ наступило время. Въ понедѣльникъ имъ отправляться; а ужъ извѣстно, цѣлый годъ такъ и пропалъ, не выработаютъ на пару башмаковъ. Такъ я и пришелъ просить вашу милость уволить Маришу на время жатвы, а иначе у меня весь хлѣбъ на корню пропадетъ. Ваша милость изволите знать, что я отправляю работы и подводы ставлю....— Хорошо, сказалъ онъ, у меня все записано, ничто не забыто съ самыхъ твоихъ поръ, какъ имѣю честь служить при Графѣ. — Тутъ онъ усмѣхнулся, какъ ловкій плутъ, и мигнулъ глазами; ну, ты знаешь какъ онъ всегда дѣлаетъ, когда замышляетъ что-нибудь лукавое; потомъ вдругъ сказалъ: — А что, Липпель, радъ бы ты былъ, если бъ и Ганку твоего и Маришу избавили отъ повинности? Это два года и три мѣсяца выигрышу въ работѣ. — О, ужъ какъ бы это было хорошо! — сказалъ я. — Ну, потомъ отъ слова къ слову, и конецъ пѣсни былъ тотъ, что двое уволены: и Янко и Мариша.

Въ эти послѣднія слова вслушалась Иля, вошедшая въ избу, чтобъ помогать сестрѣ въ сборахъ къ свадьбѣ.

— Слава Богу, — проговорила она, — я такъ грустила, что бѣдной Маришѣ приходилось попастьъ въ лапы этого звѣря....

— Это съ чего ты взяла? — перервала Лида. — Господинъ Шуманъ не такъ худъ, какъ про него прокричали.

— Да, да, ей должно быть это известно, — прибавил Липпель; — мы на него не можем пожаловаться: онъ устроилъ свадьбу ея съ богатымъ сыномъ мельника; ему обязаны мы, что Лида будетъ госпожей мельничихой. Да и кто знаетъ, что онъ готовить и для Ильки, когда она будетъ себя хорошо вести....

Мара и Иля устали глаза на Липпеля, не понимая, на что онъ намекалъ; но Лида поняла скорее ихъ двусмысленныя слова отца, — она вспыхнула отъ досады.

— Правду сказала старуха Андль, — проговорила она съ сердцемъ, — что солнце для молодой луны, дождь для Эгиди, * и холостой фогтъ въ господскомъ имѣньи хуже чорта!

Тутъ поняла кое-что и Мара и сказала въ успокоеніе:

— Нашъ Графъ помолвленъ на дочери Австрійскаго надворнаго судьи. Покуда придетъ чередъ Илѣ, молодая Графиня пріѣдетъ сюда и приметъ все хозяйство на свои руки.

— Да, конечно, — прибавилъ Липпель, — до тѣхъ поръ чортово отродье успѣетъ поймать еще какого-нибудь каменщика, мельника, или богатаго мужчину. Въ понедѣльникъ они отправляются на службу. Ну, что вы вылупили глаза, какъ гуси, когда грянетъ громъ?

Сказавъ это, Липпель какъ будто поуспокоился, налилъ себѣ чару слибовицы, и отпивая по немногу съ наслажденіемъ, слушалъ женскій крикъ, какъ будто махнувъ рукой: толкуй себѣ, что хочешь!

— Низкая душа! — голосила Лида, продолжая чистить управителя, какъ будто въ отмщеніе за необдуманную похвалу свою. Мара въ свою очередь грозилась, что она ни за что не разстанется съ Илей. Иля не говорила ни слова, но ея поблѣднѣвшее лицо, сжавшіяся губки и блиставшій взоръ, были краснорѣчивѣе словъ.

* Egidi — волынка.

— Ну, довольно! — прикрикнулъ наконецъ Липпель.

Но это восклицаніе было похоже на воду, которую плещетъ кузнецъ на горячія уголья, чтобъ они болѣе разгорѣлись. Липпель собрался было укрощать бурю, по обычаю, волшебнымъ жезломъ, какъ вбѣжалъ маленькій Ганко, съ извѣстіемъ, что ѣдетъ женихъ.

Рышетчатая телѣга, въ четыре лошади, остановилась у воротъ. Пріѣхалъ мельникъ съ женой, сыномъ и съ провожатыми въ вѣнкахъ.

— Поди, встрѣчай гостей, — сказала Мара; — а мы пойдёмъ снаряжать невесту.

2.

Господскій дворъ въ деревнѣ Слабиницѣ походилъ на хуторъ; но, не смотря на это, величался замкомъ. Протяжныя конюшни, сараи и житницы ограждали съ трехъ сторонъ продолговатый четырехугольникъ. Жилое зданіе также тянулось какъ какой-нибудь заводъ. Подъѣздъ широкъ и просторенъ какъ гумно; направо кухня и людскія, налѣво жилье управителя. Въ деревянномъ строеніи нѣсколько удобныхъ, но простыхъ покоевъ для случайнаго пріѣзда господъ, или почетныхъ гостей. Вся постройка и вообще внутреннее устройство были на Нѣмецкій ладъ и далеки какъ отъ безопасности, такъ и пышности Славянской. Этотъ господскій дворъ основанъ былъ еще дѣдомъ владѣтеля, который, въ царствованіе Императора Іосифа, получилъ право на помѣстье и поселился въ Богеміи.

Фогтъ или управляющій имѣніемъ, Геръ Прокопъ Шуманъ, былъ родомъ Нѣмецъ, сносной наружности, плотенъ и упитанъ какъ капуцинъ; лицо немножко надуто; но взглядъ свѣрыхъ глазъ преласковый, предружественный, какъ у кота; въ дополненіе ко всему этому бакенбарты, подстриженные полумѣсяцами. Одинъ забавникъ художникъ нарисовалъ луну съ длинной трубкой въ зубахъ: это было истинное изображеніе Шумана, управителя Слабиницы, когда онъ высовы-

вался въ окно, смотрѣлъ на надворное хозяйство, выслушивалъ доклады и жалобы, судилъ и рядилъ.

— Послушай, Венцель, ты глупъ! — сказалъ онъ старостѣ, который подошелъ къ окну, снявъ шапку, грабля на плечъ, кафтанъ на граблѣ, съ докладомъ о дневной работѣ. — Назначилъ въ лѣсъ тридцать косцовъ, вмѣсто пятидесяти, какъ прошлаго года.

— Новый лѣсничій Нѣмецъ, — отвѣчалъ Венцель, пожавъ плечами, — чортовъ глазъ! Говорить, что и десяти довольно.... Я, говорить, вамъ отобью длинныя пальцы....

— Хмъ! Собака на снѣгъ!.... Ну, да мы наверстаемъ на другомъ, — сказалъ Шуманъ.

— Ну, не знаю, ваша милость; у этой собаки тонко чутье: ужъ онъ пронюхалъ, куда вода снесла дрова-то.... Такъ ужъ ихъ изъ счета не выкинешь.... Порчу посѣвовъ дятлины слагаетъ онъ на овецъ, и грозитъ Ямницкому пастуху, что найдетъ виноватыхъ....

— Что жъ, хочеть онъ сдѣлать меня тряпкой! — вскричалъ гнѣвно Фогтъ: — ну, на этотъ годъ можетъ быть; а на будущій.... этой собаки здѣсь не будетъ! — прибавилъ онъ вполголоса.

Венцель подошелъ ближе къ окну и шепнулъ:

— Ну, берегитесь, ваша милость: думаю я, что надъ вашей головой собирается гроза; а этотъ лѣсничій только еще первый ударъ грома.

Шуманъ поблѣднѣлъ, взглянувъ на выраженіе лица старосты.

— Ты бредишь, Венцель, — проговорилъ онъ, сверкнувъ глазами, — твое похмѣлье не лучше будетъ моего.... Ты, братъ, пилъ вмѣстѣ со мной! Такъ, или нѣтъ? а?

— Да мнѣ, что жъ, ничего: *снесъ поклонъ*, и правъ. Я вѣдь не ѣздилъ въ Прагу, въ Брюнъ, въ Будвейсъ или Иглау — ставить деньгу на карту; не гулялъ съ господами офицерами; голубки мнѣ ничего не стоятъ. Напротивъ, при-

несутъ прибыль; потому что я женюсь на старшей дочери Липпеля въ Быстрицѣ. Къ св. Мартыну начну дѣло. Доброго дня, вашей милости.

Испортивъ весь день Шумана, староста очень кстати пожелалъ ему доброго дня. Всѣ погребенные въ памяти грѣхи какъ будто на дыбы поднялись передъ нимъ. Онъ припомнилъ всѣ свои мошенничества, всѣ наживы дневнымъ грабежомъ, — и раскаялся; но не въ грѣхахъ, а въ безразсудномъ мотовствѣ, которое лишило его всѣхъ плодовъ воровскаго труда.

— Проклятый этотъ Венцель! — твердилъ онъ про себя, — съ двумя стами гульденовъ онъ богачъ въ своемъ быту.... А мои тысячи пошли въ прахъ!.... И если теперь чортъ столкнетъ меня съ мѣста, такъ я съ своими долгами.... буду бѣднѣе нищаго, у котораго въ карманѣ нуль!.... Въмѣсто партіи въ Готвейхъ придется искать партіи въ Дунаѣ!.... Уа! невыгодная партія!.... Ну!.... Солнце еще не на вѣкъ закатилось.... Хотя этотъ Нѣмецкій кафтанъ сталъ жать въ плечахъ, но все-таки я еще здѣсь владыка, доходы, отчеты въ моихъ рукахъ.... Два годка кое-какъ протянется еще.... буду бережливѣе.... откажусь совсѣмъ отъ этого окаяннаго макао!.... Между тѣмъ устроится свадьба съ благоразумной и богатой Каті; до свадьбы будетъ утѣшать меня Иля.... славная дѣвочка! Будь она пообразованнѣе да имѣй деньги.... я бы женился на ней. Будь только хоть деньги, образованіе само придетъ.... я совсѣмъ одурѣлъ отъ этой хорошенькой колдуньи!.... Хмъ! съ ней я не такъ-то скоро разстанусь, какъ съ толстой Лидушкой!....

Углубившись въ сладкія мечты, Шуманъ забылъ о грозѣ, которую предвѣщалъ ему Венцель, и такъ лукаво моргалъ глазами, какъ описывалъ Липпель. У него такая была нѣга на душѣ, какъ у развалившейся кошки на солнцѣ. Однакожъ это блаженство продолжалось не долѣе выкуренной полтрубки. Пріятное мурлыканье превратилось въ невольное ворчанье; щурившіеся глаза вдругъ выпучились съ изумленіемъ.

Красивая охотничья колясочка, съ Венгерской упряжкой въ пять лошадей, показалась на дорогѣ, и скоро гордые, горячіе кони своротили къ господскому двору, и какъ вкопанные, остановились передъ крыльцомъ. Но не на красоту экипажа, не на роскошную упряжку обратилъ вниманіе Шуманъ: его глаза уставились на управляющаго конями, прекраснаго собой, смуглаго, лѣтъ тридцати мушну, съ гусарскими усами, въ новомодной круглой шляпѣ, въ черномъ пальто послѣдняго покроя. Подлѣ этого ловкаго возницы, сидѣла дама, хотя не молоденькая, но напоминавшая замѣчательную красоту; она была одѣта съ изящной простотой, которая нравится мужчинамъ, а женщинъ приводитъ въ отчаяніе.

Шуманъ отскочилъ отъ окна, и бросился переодеваться.

— Чортъ побери! накаркалъ проклятый Венцель!.... Это прѣхалъ самъ Графъ Лео, — бормоталъ, сквозь зубы, Шуманъ. — Я узналъ его, не смотря на Турецко-Венгерскіе страшные усы. А дама, его молодая жена.... Не молодая однакожъ.... хоть бы годка два помоложе, да чуть-чуть покрасивѣе, за то что взялъ безъ приданого. Богатая жена ему не мѣшала бы.... долговъ столько, что хоть владѣтельному принцу.... Деньги нужны ему, какъ легкому гусару выдача квитанцій за продовольствіе коня натурой.... Притомъ же онъ не старшій сынъ.... а въ дополненіе фантазёръ....

Съ этими неблагоуважаемыми мыслями, но съ медомъ на устахъ, смиренно и какъ будто подкрадываясь, явился Шуманъ передъ владѣльцемъ, котораго окружала уже вся дворня. Графиня благосклонно отвѣчала на его низкій поклонъ. Графъ ласково сказалъ ему нѣсколько словъ по-Богемски, и потомъ прибавилъ по-Нѣмецки: съ Графиней, почтеннѣйшій Геръ-фон-Шуманъ, вы будете говорить по-Нѣмецки, куда она выучится по-Богемски.

— Извините меня, Ваше Сіятельство, если я немного поотвыкъ говорить по-Нѣмецки, — сказалъ Шуманъ, оборотясь къ Графинѣ.

— Это ничего, — отвечала она; — для такой малости, которую намъ случится сказать другъ, другу не нужно большого знанія языка. Не отопрете ли вы намъ комнаты?

— Егеръ уже распорядился, я думаю, объ этомъ, милая Тини, — сказалъ Графъ Лео, подавая руку женѣ.

Слѣдуя за Графомъ и Графиней, Шуманъ истощался въ извиненіяхъ, что ничего не приготовлено къ ихъ неожиданному пріѣзду.

— О, мы все найдемъ, что намъ нужно, — сказала Графиня Албертина. — Графиня, теща моя, дала мнѣ списокъ всего, что здѣсь находится; въ постеляхъ, въ бѣльѣ, кажется, нѣтъ недостатка....

— Къ сожалѣнію, и въ крысахъ, Ваше Сіятельство, — проговорилъ со вздохомъ Шуманъ, потревоженный извѣстіемъ о спискѣ.

— Серебряная, оловянная, фарфоровая, столовая и кухонная посуда, здѣсь также есть, — продолжала Графиня, исчисляя наизусть все, что должно быть въ домѣ. Память ея была безпощадна, какъ списокъ на гербовой бумагѣ.

— Чортъ принесть тебя! — подумалъ Шуманъ; — и одного Нѣмца лыпаго черезъчуръ; но я бы на дюжину согласился, чтобъ только избавиться отъ этой бабы. Дорого будетъ стоять, покуда я свыкнусь съ ней — съ этой вѣстковой пылью.

Входя въ комнаты, Графиня поручила Шуману выбрать для нея горничную дѣвушку. — Она должна быть опрятна и умна, — прибавила Графиня, — потому что я хочу оставить ее при себѣ, чтобъ научиться говорить по-Богемски. Пришлите мнѣ также вашу кухарку; потому что наши люди и кухня пріѣдутъ не прежде какъ завтра.

— Хороша и умна, — бормоталъ про себя Шуманъ, сходя съ лѣстницы, — думаю я, что дочь Липпеля, Иля, очень годилась бы для тебя, Нѣмецкая скребница. Да не

дамъ я тебѣ ее: не выпущу изъ-подъ руки!.... Илю мы назначимъ состоятъ при коровахъ; а при Вашемъ Сіятельствѣ годна будетъ и Рѣса. Рѣса будетъ мнѣ благодарна за то, что я доставляю ей почетное мѣсто; а сверхъ того.... если молодой Графъ не измѣнилъ своихъ обычаевъ, такъ я прихлопну разомъ двухъ мухъ.

3.

Между тѣмъ молодые супруги, рука съ рукой, обходили весь домъ, обдумывая вмѣстѣ, какъ все распредѣлить, устроить на новосельѣ. — Комнаты расположены очень хорошо, — сказала Графиня, — и довольно обширны.

— Но обстановка слишкомъ бѣдна, — замѣтилъ Графъ Лео, — стѣны бѣлыя, полы сосновые.... Для меня это все равно; но, собственно для тебя, и дворецъ Герцогини Беррійской показался бы мнѣ не довольно великолюпенъ.

— Для меня эта простота болѣе нравится, — отвѣчала Графиня; — ты знаешь, что я воспитана не такъ какъ принцесса, а какъ простая дѣвушка; мнѣ не нужна роскошь богатства, а тѣмъ болѣе обманчивый его блескъ. Для меня это не жертва; но ты, мой Лео, принеся большую жертву, отказавшись для меня отъ большого свѣта.

— Милая Албертина, рано или поздно, я долженъ былъ бы тоже сдѣлать, съ тою только разницею, что со мной не было бы ангела. Ты рѣшила меня просить у отца Слабиницу, ты внушила въ меня твердую рѣшимость уединиться въ сельской жизни, чтобъ поправить свои дѣла, тебѣ буду я обязанъ за знакомство съ достойнѣйшимъ человекомъ, котораго опытный совѣтъ....

— Не мнѣ, а отцу моему, — прервала Графиня. — Услуги, оказанныя нашему дому добрымъ Майергуберомъ, мнѣ были неизвѣстны, покуда не заговорилъ объ нихъ отецъ мой за нѣсколько дней до свадьбы. Наше состояніе было очень разстроено: батюшка, также провелъ молодость въ военной службѣ, и имѣнье было въ алчныхъ рукахъ невѣр-

ныхъ слугъ. За десять лѣтъ онъ стоялъ на краю пропасти; но теперь состояніе его поправилось, онъ можетъ уже исправно платить проценты за долги, а лѣтъ черезъ пятнадцать уплатить и долги, и все это, другъ мой, благословенные плоды порядочной жизни и самопожертвованія.... И ты долженъ имѣть эту цѣль передъ глазами, когда тоска по обществу будетъ тобою овладѣвать....

— О, этого никогда со мной не случится, — сказалъ Графъ. — Цѣлые годы проводилъ я въ бѣднѣйшихъ деревняхъ Богеміи, Моравіи и въ степяхъ Венгріи; испилъ до дна солдатскую чашу. Въ сравненіи съ офицерскими квартирами, Слабинница рай; а съ тобой, Албертина, я блаженствовалъ бы и въ пустынь....

Эти нѣжныя измѣненія прерваны были приходомъ Рѣсы, назначенной для прислугъ. Рѣса была не дурна собою; но скорѣе годилась въ коровницы, чѣмъ въ горничныя дѣвушки; ея плутовскіе глаза не понравились Графинѣ болѣе, нежели ея закорузлыя руки. Молодой Графъ однакоже не замѣтилъ этого послѣдняго недостатка; онъ взглянулъ на нее ласковымъ взоромъ.

— Родина моя все еще по старой памяти производитъ хорошенькихъ, — сказалъ онъ, любуясь на нее. — Какъ тебя зовутъ, моя милая?

— Рѣса, Ваше Сіятельство, — отвѣчала она, цѣлуя руку у господина своего.

— А ты чья, моя милая?

— Я дочь Зденко.

Легонькое облачко подернуло свѣтлый взоръ Графини.

— Мой другъ, — проговорила она отрывисто, — позволь мнѣ теперь употребить въ дѣло руки людей.... Для разспросовъ еще много времени впереди. Закури трубку и ступай въ садъ....

Это новельніе нѣсколько кольнуло Графа.

— Выбери для насъ пріютъ любви, и ожидай меня, — прибавила нѣжнѣе Албертина.

— А есть въ саду пріютныя мѣста для любви? — спросилъ Графъ Рёсу по-Богемски, бросивъ на нее привычный гусарскій взглядъ.

— О, есть много, — отвѣчала бойкая дѣвушка, — такія мѣста, куда и вражій глазъ не проникнетъ.

— Что она говорить? — спросила Графиня.

— Она говорить, что въ саду много жабъ, — отвѣчалъ Графъ, выходя.

— Такъ я иришлю за тобой, — сказала Графиня въ слѣдъ ему.

4.

Имѣете ли вы понятіе о путешествіи, вы, которыхъ перевозятъ изъ одного города въ другой, какъ чемоданъ? — Когда утренняя заря и первые лучи солнца, блеснувъ на вершинахъ башенъ, поднимутъ истиннаго странника на путь, вы еще покоитесь въ постель, утомленные трудами минувшаго дня, качкой экипажа, обозрѣніемъ достопамятностей иноземнаго города, слушаніемъ оперы, и другими разсѣянiami, повсюду однообразными, для которыхъ не стоило выѣзжать за заставу своего роднаго города. Остатокъ вечера провели вы въ огромной залѣ рестораціи, за маленькимъ столикомъ, гдѣ угощали васъ замаскированными остатками отъ обѣда. На Европейскую гостинницу вашей отчизны похожа каждая Hôtel de l'Europe, куда принесетъ васъ омнибусъ. Вы вездѣ находите одно и то же: громадный домъ, извѣстное расположеніе и принадлежности, крошечныя спальни, коротенькія и узенькія кровати, но краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями; пустыя, непривѣтныя залы, гдѣ угощаетъ васъ не хозяинъ, а толпа слугъ. Порція бистека, которая бросается вамъ подъ носъ однимъ изъ этихъ угостителей, очень мала; но за то при ней двѣ тяжелыя серебряныя вилки, двѣ ложки, три ножа и съ полдюжины

тарелокъ. Въ расчетъ также нѣтъ другой разницы, кромѣ того, что въ одномъ мѣстѣ выставленъ итогъ суммы, которую вы должны заплатить, франками, въ другомъ талерами или гульденами; и онъ такъ вѣренъ, что не обойдется безъ мелкой монеты.

Бьетъ осьмой, девятый и десятый часъ утра, прежде нежели вы встанете съ постели; завтракъ точно такой же, какой былъ вчера, какой будетъ завтра, послѣ завтра, и т. д.: смѣсь чая, кофе, сыру, лицъ, сухарей, бифтекса, плодовъ, газетъ, холоднаго и нѣсколькихъ фунтовъ серебра. Послѣ завтрака вползаете вы въ вагонъ, и снова предаете себя злему духу, ища за горами того что можно найти скорѣе дома.

Почтовая карета еще даетъ нѣкоторую возможность видѣть свѣтъ Божій и людей на большой дорогѣ. При перемѣнѣ лошадей можно хотъ взглянуть на городъ, на городишко, или деревню, замѣтить по крайней мѣрѣ перемѣну въ образѣ одежды, въ звукѣ голоса. Новая упряжь, новый почтальонъ также составляютъ разнообразіе для зрѣнія и слуха. Смотритель наговоритъ тѣмъ замѣчательнаго про свою сторону; словомъ, вы проѣзжаете мимо горъ, лѣсовъ, замковъ, не безсмысленно и молча, какъ странствующие Англичане.

Но было время, когда путешественники были странниками, которые пѣшкомъ проходили по свѣту, или тихо катились по немъ въ повозкахъ. Имъ былъ знакомъ и свѣжій утренній воздухъ, и покой на связкѣ соломы вмѣсто постели, въ уединенной кормчѣ посреди лѣса. Тутъ каждый прохожій, каждый встрѣчный доставлялъ пріятную бесѣду страннику. Если буря, или дождь, или мракъ останавливать его странствіе, то, за неизмѣнимъ гостинницы, онъ находилъ себѣ защиту и ночлегъ въ первомъ попавшемся дворѣ. Крестьянинъ исполнялъ долгъ гостепріимства.

Правда, что затрудненія были велики, путешественникъ часто терпѣлъ терпѣніе; но для разнообразія и это хорошо.

Такъ, въ отношеніи потери терпѣнія на пути, было и съ однимъ господиномъ, который, оставивъ въ Вайдгофенъ Вѣнскую почтовую карету, ожидалъ послѣ обѣда прибытія экипажа, который бы повезъ его по проселочной дорогѣ къ мѣсту его назначенія. Незнакомецъ былъ худощавый высокій мужчина, лѣтъ пятидесяти, а по платью двадцатую годами моложе. Панталоны его были туго натянуты штрипками; изъ-за галстука торчали остренькіе воротнички; красиво сложенные на груди концы шарфа были приколоты блестящею булавкою. На немъ былъ коричневый фракъ съ длинными фалдами, который теперь показался бы страннымъ на путешественникъ, но въ то время попадался на глаза ежеминутно. Искусно приглаженные остатки нѣкогда красивыхъ волосъ скрывали лысину. Худощавое лицо его имѣло пріятное выраженіе, суровое но вѣстѣ и добродушное, — а золотыя очки придавали ему важно-ученый видъ. Еще болѣе важности придавали ему серебряныя шпоры, звучащія на высокихъ его каблукахъ. Въ настоящую минуту онъ звучали нетерпѣливо; путешественникъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, и ворчалъ на смотрителя стациіи, который, основываясь на положеніи, не давалъ ему экстрапochты для проселочной дороги.

— Я переломалъ бы всѣ экипажи, — повторялъ ему въ сотый разъ смотритель; — ваша милость не можете себя представить, что тутъ за дорога: отъ Тайи кочка на кочкѣ. Вамъ бы гораздо лучше было доѣхать въ одноколку; а всего лучше остаться до завтра: теперь ужъ поздно, а къ ночи будетъ непогода.

— Вотъ хорошо! — отвѣтилъ незнакомецъ, — чтобъ изъ-за какихъ-нибудь шести часовъ тѣды, я сидѣлъ здѣсь цѣлый день!

— Мы считаемъ осемь часовъ до Слабиницы.

— Вы пожалуй чортъ знаетъ сколько насчитаете! Гонецъ пѣшкомъ пройдетъ эту дорогу въ пять часовъ. Я не за тѣмъ выѣхалъ вчера изъ Вѣны въ четыре часа утра,

чтобъ меня дурачилъ смотритель въ Вайдгофенъ. Остаться ночевать! да еще здѣсь! Только этого не доставало!

— Какъ угодно, ваша милость, извольте вѣхать; только сами раскаетесь, что пожалѣли заплатить въ гостинницѣ Вайдгофена десятокъ крейцеровъ за полбутылки вина и за кусокъ мяса.

Сказавъ эти слова, смотритель вышелъ исполнить требованіе нетерпѣливаго проезжаго.

— Знаемъ мы васъ, — продолжалъ про себя незнакомецъ; — вы, *задержатели* гостинницъ, потому такъ и называетесь, что задерживаете проезжихъ своихъ какъ можно долѣе. Онъ воображаетъ что я никогда не былъ въ Богеміи? Слуга покорный! Еще ребенкомъ я жилъ нѣсколько лѣтъ въ Прагѣ у брата. Хорошо, что матушка въ время прѣѣхала за мною, а то бы я забылъ свой родной языкъ. Ваши Богемскія деревни мнѣ ужъ не диковина!

Весело покатилъ упрямый незнакомецъ въ открытомъ экипажѣ. Солнце сіяло ярко, и путешественникъ почтительно за самую излишнюю предосторожность, что взялъ съ собою шинель. Но это торжество не долго продолжалось. Дорога становилась все хуже, ѣзда все тише, небо помрачилось, и къ вечеру началась гроза, такъ что не жаль было бы заплатить два-три гульдена за то, чтобъ быть въ эту минуту подъ крышею. Сначала пошелъ градъ, хотя не очень сильный, но все-таки непріятный; потомъ при молніи и громѣ начали падать тяжелыя капли дождя. Раскинутый зонтикъ истеребило вѣтромъ. Лошадь пугалась, и спотыкаясь по кочкамъ, какъ будто употребляла всѣ средства, чтобъ разбить экипажъ. Въ дополненіе, такъ сдѣлалось темно, что хоть глазъ выколи. Извозчикъ поговаривалъ, что надо подумать и о себѣ, выпрячь лошадь и съѣздить въ ближнюю деревню за лошадьми и факелами.

— Этотъ смотритель накликалъ на меня такую непогоду, — проворчалъ незнакомецъ, и обратясь къ извозчику, прибавилъ: — ты, какъ вижу, догадливъ, да и я себѣ на умъ, —

въ дуракахъ не останусь. Сяду на лошадь и самъ поведу въ деревню за подмогой.

— Да ваша милость не знаете по-Богемски ?

— Ты думаешь ? а еслибъ и не зналъ , такъ они знаютъ по-Нѣмецки.

— Да, конечно, хоть бы и знали; да не хотятъ знать.

— А вотъ увидимъ; небойсь поймутъ, что такое гульдены. Смотри, что тамъ за свѣтъ ?

— А вѣрно свѣтлякъ.

— При дождь-то ?

— Ну что жъ ? Онъ пожалуй не посмотритъ и на дождь.

Но это былъ не блудливый огонь, а свѣтъ изъ окна Слабиничкой мельницы, которая вмѣстѣ была и корчмой. Въ ней было тогда большое веселье, никто и не думалъ о непогодѣ. Господскій откупщикъ справлялъ тамъ свадьбу своего сына Юшо съ Лидушкою, старшею дочерью Липпелл. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей новобрачной четы, всѣ гости платили за угощеніе и музыку, и потому всякій свободнѣе дѣлалъ то, что ему хотѣлось. Гости веселились отъ души. Незнакомецъ забылъ о лошади и извозчикѣ. «Успокойся, — сказалъ онъ сердитому почтарю, — видишь, какое тутъ веселье; отпрягай лошадей, останемся здѣсь часочка на два.»

Онъ остановился, чтобъ при свѣтѣ изъ двери взглянуть на часы, потомъ продолжалъ: — Ужъ девять часовъ; видно, намъ ужъ здѣсь остаться. Вѣдь не ловко всѣхъ перебудить въ замкѣ, а раньше одиннадцати мы туда не приѣдемъ, если ты сказалъ правду.

— Да и до полуночи не дождемъ, — сказалъ лѣнивый извозчикъ, для котораго также пріятнѣе было остаться подъ крышею, чѣмъ вѣхать въ дождь и непогоду. — Вашей милости будетъ здѣсь хорошо; въ этой корчмѣ останавливаются и знатные господа.

Незнакомецъ вошелъ въ общую комнату, и, завернувшись въ мокрую шинель, смотрѣлъ на пляску, терпѣливо

ожидала ея окончанія. Это зрѣлище его забавляло. Смуглыя лица дѣвушекъ производили на него пріятное впечатлѣніе своею здоровою свѣжестью, которую такъ цѣнить горожанинъ, въ особенности въ свои поздніе годы. Ихъ фартуки и вообще вся полотняная одежда были такъ же бѣлы, какъ и чепцы; тою же бѣлизною отличались и рукава рубашекъ молодыхъ людей.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, мѣстечко, — сказалъ незнакомецъ. По рядамъ танцующихъ пробѣжалъ шепотъ: «это Нѣмецъ, это Австріецъ,» чѣмъ и удовлетворилось общее любопытство. Танцы продолжались по прежнему, а музыканты исполняли свое дѣло не хуже цыганъ. Первый скрипачъ, стройный молодой человѣкъ, вдругъ положилъ свою скрипку и сошелъ съ подмостковъ, чтобы принять участіе въ пляскѣ. Выборъ его палъ на прекраснѣйшую изъ дѣвушекъ, которая въ это время стояла передъ незнакомцемъ.

— Этотъ дуралей Гинко, — сказала ближняя сосѣдка своему танцору, — все воображаетъ, что Иля пойдетъ за него; а ужъ этому-то и не бывать.

— Отъ чего же? — хорошая бы парочка; да и она, кажется, отъ него не прочь.

— Ее возьмутъ на барскій дворъ.

— Вотъ что! къ Графу?

Дѣвушка лукаво улыбнулась.

— Да, къ Графу! Чтожъ тебѣ досадно, что ли Рѹса? Не ты ли хочешь изловить Графа въ свои сѣти? ...

— Конечно! Онъ самъ меня ловить, да не поймаетъ, — отвѣчала дѣвушка; — не бойся, я не измѣню тебѣ.

— Я бы тебѣ и не совѣтовалъ! — сказалъ молодецъ, нахмурясь.

— А Графиня-то, — продолжала Рѹса, не обращая вниманія на эту угрозу, — совсѣмъ не хороша собою, а ревнива какъ Турокъ. Да и не безъ причины: молодой Графъ такъ и высматриваетъ... но Илю ему и въ глаза не видать.

Нашъ фогтъ острить на нее зубы. Ты думаешь, что онъ даромъ снарядилъ и выдалъ замужъ Лидушку? Конечно!.... Еслибъ онъ не замышлялъ чего, не бывать бы мнѣ горничною. Онъ воображаетъ, что мы такъ и не видимъ его затѣвъ.

Сердитое лицо молодца прояснилось улыбкою.

— А плутни-то его? — сказалъ онъ. — Онъ думаетъ, мы, дескать, не знаемъ, что онъ воруетъ, какъ воронъ. Да еслибъ господа узнали....

— Тс! — шепнула Рѡса, бросивъ искоса взглядъ на незнакомца, который, казалось, преравнодушно смотрѣлъ на пляску.

— Пустяки, — отвѣчалъ молодецъ, — этотъ Нѣмецкій пентюхъ ни слова не понимаетъ, что мы говоримъ; а еслибъ и понималъ, то что ему до этого за дѣло.

Продолжая такимъ образомъ разговоръ съ Рѡсой, онъ далъ полную волю своему языку. Незнакомецъ не проронилъ ни слова.

Растрепанный Липпель былъ въ этотъ вечеръ гораздо веселѣе, чѣмъ утромъ. Голова его была наполнена тѣми парами, которые даютъ болѣе жара, чѣмъ свѣта, и онъ былъ очень доволенъ собою. Ему было лестно, что господинъ фогтъ сѣлъ не подлѣ лѣсничаго или писаря, а подлѣ него, и замѣтивъ незнакомца, Липпель предложилъ ему мѣсто рядомъ съ собою.

— Я не понимаю что ты говоришь, — отвѣчалъ незнакомецъ, качая головою.

— А! ваша милость знать не Богемецъ? — сказалъ крестьянинъ по-Нѣмецки. — Я вотъ, изволите видѣть, счастливый отецъ новобрачной.... присядьте-ко къ намъ; это господинъ фогтъ.... выпьемъ чего-нибудь....

Незнакомецъ принялъ приглашеніе и вступилъ съ фогтомъ въ разговоръ о разныхъ обыкновенныхъ предметахъ, уклоняясь искусно отъ глупыхъ вопросовъ любопытнаго Шумана, и съ намѣреніемъ раздражая его любопытство. Шу-

манъ замѣтилъ наконецъ его уловки, и сказалъ Липпелюпо-Богемски: «этотъ человекъ мнѣ подозрителенъ; завтра пошлю десятскаго спросить у него паспортъ.»

— Иля! — крикнулъ Липпель, — подчуй гостя!

— Миленькая дѣвушка! — замѣтилъ гость.

— Это моя дочка, — отвѣчалъ самодовольно отецъ.

— Вотъ бы хорошая горничная для знатныхъ господъ въ Вѣнѣ, — продолжалъ незнакомецъ. — Пошлите ее въ Вѣну, тамъ оторвутъ ее у васъ съ руками. Я могу доставить ей хорошее мѣсто....

— Хмъ! вы видно сводчикъ? — перерывъ съ усмѣшкой Шуманъ, — или, какъ это — ботаникъ: ищете у насъ сельскихъ цвѣтовъ? Да не заботьтесь, милостивый государь, оставьте дѣвушку въ покоѣ: къ чему кружить ей голову. Прежде нежели незнакомецъ успѣлъ отвѣчать Шуману на эти слова, Липпель вскричалъ: — Я всегда говорилъ, что Иля лучше бы годилась въ горничныя Графинѣ, чѣмъ эта замазаная Рóса; но господинъ фогтъ не хочетъ....

— Молчи, не ври; — сказалъ ему фогтъ по-Богемски, — небойсь, тебѣ хотѣлось, чтобъ я отдалъ твою дочь въ жертву сластолюбцу? Не говорилъ я тебѣ, что Рóса будетъ съ рукъ Нѣмца лѣсничаго, который такъ тебѣ насолил?

— Правда, правда, — замѣтилъ Липпель; — этотъ лѣшій запрещаетъ моей скотинѣ пастись въ лѣсу, не смотря на то, что ваша милость мнѣ позволили. Онъ говоритъ, что вы не имѣете права распоряжаться хозяйскимъ добромъ.

— Видишь ли пріятель, — продолжалъ Шуманъ, — онъ вездѣ колетъ намъ глаза господами, вырываетъ кусокъ изъ рта. А потому-то и надо его выжить. Но Иля бы этого не сдѣлала, она слишкомъ неопытна. Въ этомъ можно положиться на Рóсу. Она пригласилась Графу; и если эта плутовка только прикинется скромницею, то ужъ воставитъ на своемъ.

Липпель засмѣялся, утвердительно кивнувъ головою; потомъ сказалъ, немного подумавъ:

— Вотъ еслибъ она и самого-то спровадила.

— Э, будь покоенъ, объ этомъ позаботится сама жена его, — замѣтилъ Фогтъ: — гдѣ дымить, тамъ и огонь; а я въ время раздую. Стоитъ только немножко разшевелить ревность, такъ ей не понравится сельская жизнь. Небойсь, спровадимъ такъ, что сами этого не замѣтятъ. Ужъ это не твоя бѣда.

Лишпель усмѣхнулся.

— Богемскіе трутни, Богемскіе плутни! — проворчалъ про себя незнакомецъ, и сталъ внимательно прислушиваться, какъ будто самой судьбѣ угодно было открыть ему всѣ тайны Слабилицы.

Къ бесѣдѣ присоединился и староста Венцель. Къ старостѣ присоединились мельникъ, Юшо и вся шайка клевретовъ Шумана. Болтовня ихъ наскучила наконецъ незнакомцу, и онъ намѣренъ былъ отправиться на покой.

Но едва онъ приподнялся съ мѣста, Фогтъ подошелъ къ нему.

— А позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Меня зовутъ Майергуберъ.

— А позвольте вашъ видъ.

Майергуберъ посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— Извольте показать вашъ паспортъ, — повторилъ Шуманъ.

— Спокойной ночи, — отвѣчалъ путешественникъ, и пошелъ къ двери, не обращая вниманія на угрозу, что завтра же десятскій отведетъ его въ замокъ.

— Тѣмъ легче найду я туда дорогу, — отвѣчалъ онъ шутливо.

В.

Какъ красавица, вышедшая изъ купальни, засіяло свѣжею прелестію лѣтнее утро послѣ обильнаго дождя. Музыка умолкла, корчма опустѣла. Иля вышла къ ручью, чтобъ освежить лицо, и сѣла на скамью у дверей дома. Ея

ноги, утомленные двойною работою пляски и угощения, отказывались ей служить. Бѣдная дѣвушка! съ тяжелымъ сердцемъ принимала она участіе въ общемъ весельѣ, а печальныя мысли отогнали сонъ отъ очей. Вскорѣ подошелъ къ ней молодой скрипачъ Гинко; любовь привела его по слѣдамъ дѣвушки. Онъ сѣлъ подле нея на скамейкѣ, взялъ ея руку, посмотрѣлъ нежно въ глаза, и, казалось, просилъ поцѣлуя.

— Полно, Гинко, поговоримъ лучше о дѣлѣ,

— Нещто я трогаю тебя? — сказалъ онъ,

— Послушай, добрый Гинко, я люблю тебя какъ брата.

— Но я хочу быть не братомъ твоимъ, Иля; я хочу, чтобъ ты была моя....

— Будь же умнѣе, Гинко: я охотно желала бы быть твоей, да нельзя. Такъ оставь это. Дай мнѣ лучше добрый совѣтъ.... Мнѣ надо отсюда ухвать,

Гинко испугался.

— Иля, для чего? — спросилъ онъ.

— Я все могу перенести, кромѣ стыда и насмѣшекъ.... На мѣстѣ Лидушки, я бросилась бы въ рѣку и не потерпѣла бы, чтобъ на меня указывали пальцами.

— Но какое же тебѣ дѣло до нея? Развѣ ты за нее отвѣчаешь?

— Ты выслушай.... Меня ожидаетъ такая же доля: меня берутъ во дворъ....

Гинко вскочилъ со скамьи. Иля объяснила ему подробно все дѣло.

— Иля, Иля, ты попроси покровительства у Графини; она, говорятъ, добра и милостива.

Дѣвушка горько улыбнулась.

— При Графинѣ лукавая Рѣса, — сказала она.

— Что жъ за бѣда?

— Бѣда. Я уйду въ Вѣну. Въ этомъ большомъ городѣ вѣрно найдется для меня какое-нибудь мѣстечко.

Гинко долженъ былъ согласиться; чему противилось сердце, то побѣдила ревность. Ему самому показалось, что для Иля гораздо безопаснѣе жить среди всѣхъ обольщеній большаго города, нежели въ замкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты хорошо дѣлаешь, и вѣрно не останешься безъ мѣста. Богемскихъ двушекъ тамъ ищутъ. Только не ходи въ гостиницу или въ трактиръ, а поищи лучше мѣста у господъ. У тебя вѣрно нѣтъ денегъ на дорогу, — вотъ у меня есть.

Иля отвергнула его предложеніе.

— Но вѣдь это не подарокъ, Иля, я даю тебѣ займы.... Но вотъ что: я боюсь за тебя, — вѣдь Фогтъ ни за что на свѣтѣ не дастъ тебѣ паспорта.

— О, паспортъ выдадутъ мнѣ изъ округа, его напишутъ мнѣ нашъ писарь въ конторѣ.

— Но вѣдь Фогтъ долженъ его подписать.

— Тамъ много готовыхъ, подписанныхъ, и писарь только вставитъ имя да приложитъ печать.

— Почему ты это знаешь?

— Я это знаю; я ходила въ контору съ Нетти. Фогта тамъ не было. Что вамъ нужно? — спросилъ писарь. — Паспортъ изъ округа, — отвѣчала Нетти. Деньги на столъ, и все готово. Вотъ и я хочу такъ же сдѣлать. Я выжду, когда господинъ Шуманъ уйдетъ куда-нибудь.... Но кажется, встаютъ.... Мнѣ надо варить кофе. Тамъ этотъ незнакомый господинъ на верху....

Слово замерло у ней на губахъ. Показывая на окно, она нечаянно взглянула по направленію своего пальца, и глаза ея встрѣтились съ глазами Майергубера.

— Доброго утра, милая, — сказалъ онъ по-Нѣмецки; — ты ужъ проснулась?

— Еще и не ложилась, сударь, — отвѣчала Иля, также по-Нѣмцки, радуясь отъ души, что не Чешское ухо подслушало ея рѣчи.

— И ты, молодецъ, тоже не подумалъ о снѣ? продолжалъ Майергуберъ; — безсонница прекрасная способность для твоего ремесла, если только къ этому побуждаетъ тебя любовь не къ одному искусству. Ты славно играешь! Тебѣ бы слѣдовало быть въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, гдѣ я имѣлъ удовольствіе тебя слушать.

Лицо музыканта прояснилось какъ будто надеждою, и на этотъ разъ не одно чувство удовольствія, что польстили его самолюбію, оживило его черты. Немного подумавъ, онъ отвѣчалъ: «благодаренъ вамъ сударь. Если ваша милость находите, что я не дурно играю, то рекомендуйте меня въ Вѣнѣ, доставьте мѣсто при оркестрѣ»

— Мы объ этомъ еще поговоримъ, — сказалъ Майергуберъ, — я знаю человѣка, который можетъ объ этомъ хлопотать. Зайди - ка мнѣ на верхъ. А ты, моя милая, не приготовишь ли намъ пока кофе? Какъ ты думаешь? да получше.

6.

Почтенный господинъ Фогтъ потерялъ все свое высоко-мѣріе и самонадѣянность. Какъ уличенный преступникъ, стоялъ онъ предъ господами. Графиня требовала у него отчета въ управленіи. По этому словесному отчету, крысы съѣли весь богатый запасъ бѣлья, который такъ прекрасно описала ей свекровь. Вообще сердце хорошей хозяйки болѣе всѣхъ другихъ предметовъ хозяйства привязано къ бѣлью; но тутъ не въ одномъ бѣльѣ оказался безпорядокъ. Крысы съѣли и серебро, и хрусталь, и фарфоръ, и вилки, и нож.

Шуминъ извивался какъ червь, придавая лицу своему сладостное выраженіе.

— Такъ много прошло времени, — говорилъ онъ. — Ихъ Сіятельства не было здѣсь.... Вотъ и Его Сіятельство изволить подтвердить....

Тутъ онъ заикнулся.

Графиня обратилась къ мужу, который сидѣлъ, куря трубку.

— Лео, что можешь ты подтвердить? — спросила она.

— Я? — сказалъ спокойно Графъ, — рѣшительно ничего, кромѣ того, что матушка никогда не жаловалась на безпорядки по хозяйству. Да и кофе пили мы тогда не изъ такой посудыны.

Этимъ словами намекалъ онъ на коричневую глиняную посуду, поданную къ завтраку.

— Но повѣрьте моей честности, Ваше Сіятельство, — промолвилъ Шуманъ.

— Я ни мало не сомнѣваюсь въ вашей честности, г. Шуманъ, — сказала Графиня, — избави меня Богъ сомнѣваться въ этомъ.... Ваша честность останется при васъ. Но тутъ дѣло идетъ о присмотрѣ и храненіи. Вы непростительно пренебрегли мелочами хозяйства.... Увѣрена, что во всемъ прочемъ у васъ совершенный порядокъ, и безъ сомнѣнія, это докажутъ ваши книги. Какого рода бухгалтерія принята у васъ? вѣроятно двойная Итальянская? Я думаю, она удобнѣе всякой другой.

Графиня бросила пронизательный взоръ на уничтоженного Шумана.

— Ваше Сіятельство, — пробормоталъ онъ, — гдѣ жъ мнѣ знать бухгалтерію? Я вѣдь «Андрей съ биркой».

Графиня спросила съ удивленіемъ о значеніи этихъ словъ, и Шуманъ разсказалъ ей своимъ ломаннымъ Нѣмецкимъ языкомъ повѣсть, извѣстную во всей Богеміи. У какой-то вдовы Графини имѣньемъ управлялъ старикъ Андрей. Къ Егорью

и въ день Св. Мартына представлялъ онъ ей свой отчетъ. Каждый разъ приносилъ онъ деньги и бирку, на которой отмѣчалъ знаками, сколько слѣдовало оброку. Сдавъ оброкъ, онъ срѣзывалъ съ бирки свои знаки и пряталъ ее въ карманъ. Дѣло было коротко и ясно. Вдругъ Графиня пришло въ голову, что для управленія ея имѣніемъ нуженъ опытный агрономъ. Андрея отставили, а агрономъ вступилъ въ управленіе вмѣстѣ съ своимъ штатомъ писарей и ихъ помощниковъ. Все шло очень нехорошо; но къ Егорью денегъ не оказалось, а къ Мартыну Графиня сама должна была приплатить. Тогда она прогнала агронома и писарей, и сказала: «позовите ко мнѣ Андрея съ биркой!» — Съ тѣхъ поръ это вошло въ пословицу.

— Такому старичку съ биркой и теперь можно было бы поручить управленіе на зло всѣмъ агрономамъ; но надо, чтобъ этотъ Андрей былъ вполнѣ честная душа, — сказала Графиня смѣясь. Шуманъ объяснялъ этотъ смѣхъ въ свою пользу; но радость его была непродолжительна; вошла Рѣса, и подала Графинѣ новый поводъ къ жалобамъ.

— Что за дуботолку прислали вы мнѣ въ горничныя, — сказала она, — и неопрятна, и груба....

Слова Графини были прерваны отворившеюся дверью. Вошелъ Майергуберъ въ сопровожденіи Или.

Взоръ Графа какъ будто спросилъ Шумана: это что такое? Что это за миленькая дѣвушка?

— Что нужно этому бродягѣ? — крикнулъ Шуманъ, — что за дерзость явиться сюда?

Но Графиня вскочила на встрѣчу къ этому бродягѣ, протянула ему руку, и представила Графу, какъ стариннаго друга ихъ дома.

— Съ какою странною свитой вошли вы! — сказала она ему, указывая на дѣвушку.

— Вы знаете, Графиня, мою старинную способность, — отвечалъ онъ, — угадывать ваши желанія по одному взгляду.

— О, я знаю эту милую способность, — отвечала шуточно Графиня, — она меня избаловала.

— На этотъ разъ, — продолжалъ Майергуберъ, — мнѣ не нужно было даже вашего взгляда: я самъ изъ вашихъ Слабиницкихъ дѣвушекъ выбралъ для васъ горничную.

Шуманъ задрожалъ отъ злобы; но дѣло уже было сдѣлано. Майергуберъ обратился къ нему, и сказалъ:

— Здравствуйте, господинъ Шуманъ! Спокойно ли вы спали? Каково идутъ ваши дѣла? Сбыли ли вы съ рукъ этого лѣшаго, Нѣмца лѣснаго? Хорошо ли разставлены сѣти вашей союзницы, Рѣсы? И скоро ли избавятъ васъ господа отъ своего непріятнаго присутствія?

Поблѣднѣвъ и дрожа всѣми членами, Фогтъ проговорилъ по-Чешски, почти въ слухъ:

— Проклятый Ракушанъ! * бродяга! Хочетъ лишить меня хлѣба ложнымъ доносомъ! Хочетъ отбить....

— Ступай, невѣрный рабъ! Возьми свою котомку, — сказалъ Майергуберъ также по-Чешски. — Черезъ часъ ты долженъ отдать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, а потомъ тебя прогонятъ. Ты самъ себя будешь обвинителемъ.

Шуманъ совершенно потерялся, и не помня себя, вышелъ изъ комнаты.

Графъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту сцену; онъ понималъ слова, не понимая ихъ смысла. Графиня, напротивъ, все разгадала, не поивъ ни одного слова.

— Вы настоящій волшебникъ, господинъ фонъ-Майергуберъ, — сказала она, — но волшебникъ благотворительный; объясните же намъ вашъ поступокъ съ этимъ человѣкомъ.

* Австріецъ.

Майергуберъ безъ церемоніи набилъ себѣ трубку, и вынулъ изъ кармана письмо, сѣлъ подлѣ Графа.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, милая Графиня. На первый случай, узнайте, что я избавляю васъ и супруга вашего отъ страшнаго кровопійцы. Но теперь для васъ важнѣе будетъ извѣстіе, что ваша покойная двоюродная сестрица Камилла награждаетъ васъ прекраснымъ наследствомъ, которое поправитъ ваше состояніе. Какъ душеприкащикъ, вручаю вамъ ея духовную. Завтра, я думаю, мы всѣ отправимся въ Вѣну.

На другой день замокъ Слабиницы снова опустѣлъ.

7.

Вѣна была недавно очень веселымъ городомъ. Богъ дастъ, она опять будетъ такимъ же. Но однако нельзя не сказать, что въ ней есть узкія улицы, темныя закоулки и странные дома. Самый странный изъ нихъ недавно сжигали; его мѣсто занято уже обширнымъ зданіемъ. Но прежде, гостинница, извѣстная подъ названіемъ «Помела», была составлена изъ трехъ или четырехъ жилищъ, купленныхъ однимъ владѣтелемъ, и соединенныхъ кое-какъ въ одно цѣлое. Выходъ надъ воротами представляла оранное крыло. Одинъ выходъ охранялся полпивной, которой посѣтителѣ, въ хорошую погоду, нерѣдко занимали и узкій дворъ. Съ другой стороны былъ подвалъ привратника. Надъ полпивною красовались номера квартиръ; надъ привратникомъ была одна изъ тѣхъ странствующихъ кофейныхъ, которыя изъ году въ годъ продаются съ публичнаго торга и мѣняютъ своихъ содержателей.

Но кофейная *Помела* имѣла довольно посѣтителей. Въ ней собирались художники и искусники, прилежно вели игру между собою — не на одномъ билъярдѣ, и заключали тѣсный союзъ, когда появлялся незнакомецъ, отъ котораго можно было пожитья. Остальные три этажа были раз-

дѣлены на множество большихъ и малыхъ квартиръ. Весь этотъ домъ представлялъ отдѣльный міръ, въ которомъ ни одинъ сосѣдъ не заботился и не думалъ о существованіи другаго. Ихъ всѣхъ вмѣстѣ и каждого порознь знали только хозяинъ дома да полиція. Такъ бываетъ вообще во всѣхъ большихъ домахъ Вѣны; хозяинъ отдаетъ жильцу четыре голыя стѣны, и въ продолженіе заплаченного впередъ времени, жилецъ имѣетъ право, независимо отъ своего хозяина, умереть въ своей квартирѣ, лежать въ ней на полу, прикрывая наготу свою дверью, или меблировать свой номеръ со всею возможною роскошью, по произволу.

Этимъ послѣднимъ правомъ воспользовался вполне и господинъ Майергуберъ. Стѣны его квартиры были расписаны (тогда обои еще не были въ употребленіи); полъ былъ покрытъ клеенкой — такъ называемымъ фальшивымъ паркетомъ; окна были украшены бѣлыми занавѣсками; вся мебель краснаго дерева. Въ золотыхъ рамахъ блестяли зеркала и эстампы. Эстампы представляли большею частію превращенія Юпитера, рожденіе Венеры, и вообще богинь и прекрасныхъ смертныхъ, которыхъ любили языческіе боги, — признакъ, что хозяинъ квартиры былъ старый холостякъ. О лѣтахъ его и вкусъ можно было также судить по великолѣпнымъ изданіямъ книгъ, хранящихся въ шкафѣ за стекломъ. Путешествія Тюммеля, стихотворенія Блумауера, Тристрамъ Шанди, Перегринъ Пикле, Виландъ и Клинггеръ почитались тогда классическими авторитетами, у которыхъ Шиллингъ, Клауренъ и Фанъ-деръ-Фельде оспаривали поле славы. Хозяинъ квартиры, казалось, былъ рожденъ на то, чтобъ остаться холостякомъ: это доказывалъ необыкновенный порядокъ въ комнатахъ и чопорная чистота всѣхъ вещей. Нигдѣ не было видно ни пылинки; а это много значить въ Вѣнѣ, гдѣ мелкая пыль извести проникаетъ сквозь двойныя окна и покрываетъ всѣ предметы сѣрою пеленой.

Обыкновенно и самъ жилецъ былъ такъ же чистъ и опрятенъ, какъ и его жилище; но у него, какъ у югоды,

были свои капризы. На дворъ сіяло солнце, а у Майергубера была гроза: онъ бранился съ своею старою кухаркою, Маріанною. Въ Вѣнѣ каждую хоронгую кухарку зовутъ Маріанною, каждого жида Мошелемъ, каждую москву енделькою.

— Маріанна можетъ собирать добро свое, — сказалъ онъ ей между прочимъ; — такую ехидну мнѣ и дірохъ не нужно: хочу жить съ людьми въ ладу, а она ссоритъ меня со всѣмъ свѣтомъ.

Старуха звывла.

— Плачь себя, сколько хочешь, — продолжалъ раздраженный господинъ, — сама виновата! Твой злой языкъ всему причиною. Слава Богу, ты не одна кухарка въ Вѣнѣ.

— Да ни одна и не состряпаетъ такъ, какъ я, любимаго вашего кушанья, — отвѣчала съ увѣренностію Маріанна.

— Разумѣтсѣ! — сказалъ насмѣшливо Майергуберъ, — ты хорошо дѣлаешь самать, спасибо за это. А лишь только я въ Бадень, кто бѣжить, сломя голову, къ госпожѣ Ф. Антль? — любезная Маріанна. И что жъ она тамъ дѣлаетъ? — рассказываетъ обо мнѣ: «у меня такой добрый господинъ», говорить она....

— Что жъ? развѣ это грѣхъ? — прервала старуха, — развѣ это не правда?

— Правда, правда; только дѣло не въ томъ, что говорить, а какъ говорить. Разумѣтсѣ, я отъ доброты доставилъ мѣсто Шуману. Я прогналъ его изъ Слабиницы, потому что онъ черезъчуръ воровалъ; но гдѣ нечего украсть, тамъ онъ еще годится; не умереть же ему съ голоду. Но я прогналъ его не за Илю, а за то, что онъ не чистъ на руку, — это тебѣ было извѣстно. Потомъ, замѣтивъ, что Графиня ревнуетъ ее къ мужу, я сказалъ ей передъ ея отъездомъ: «оставьте эту дѣвушку покуда у меня, у ней есть тутъ женихъ, Богемскій скрипачъ.» И вотъ Иля пришла ко мнѣ; я

отправляюсь въ Баденъ, а Маріанна бѣжить къ госпожѣ Ф. Антль, и рассказываетъ ей о добротѣ моего сердца и о Богемской дѣвушкѣ. Госпожа Ф. Антль сообщаетъ эту новость госпожѣ Ф. Бахмеевъ и дѣвицѣ Нетти. Онѣ не пріѣзжаютъ въ воскресенье въ Баденъ, какъ обѣщали, но пишутъ мнѣ извѣстительное письмо. Вотъ что ты слышала! Дѣвица Нетти очень хороша собой, хотя ей и двадцать девять лѣтъ, а приданаго за нею пятьдесятъ тысячъ гульденовъ. Ты разстроила мою женидбу!

Старуха равнодушно улыбнулась.

— Чему ты смѣешься? — крикнулъ Майергуберъ.

— Вы, сударь, только толкуете о женидбѣ, — сказала она, — а какъ дойдетъ дѣло до сватовства, то и застрѣнетъ въ горлѣ. Вы и на дѣвицѣ Нетти Бахмеевъ также не рѣшились бы жениться, какъ и на Крайсгуберъ, Кирхвегеръ и другихъ, которыхъ забавляли фейерверкомъ въ день ихъ именинъ. Это у васъ только воображеніе, и вамъ самимъ было бы досадно, если бъ васъ поймали за слово. Берегитесь, чтобъ васъ не женили такъ, что вы и сами того не замѣтите.

Это предостереженіе польстило холостяку, и онъ сказалъ снисходительнѣе:

— Ну ужъ такъ и быть; браки, видно, заключаются на небѣ. Но куда же дѣвалась Иля?

— А я почему знаю, — проворчала старуха. — Она убѣжала, унесла серебряную ложку да и еще кое-что....

— Не правда, старал! — закричалъ Майергуберъ. — Ты прогнала бѣдную дѣвушку, колдунья! Къ первому числу чтобъ тебя не было у меня въ домѣ. Слышишь? Я не намѣренъ терпѣть непріятности отъ моей кухарки. А если не найду Илю, то вычту у тебя изъ жалованья.

8.

Не хорошенькая Иля въ эту минуту была ближе къ Майергуберу, чѣмъ онъ воображалъ: именно подъ одною кровлею и въ томъ же этажѣ; только другой ходъ велъ къ ея убѣжищу. Однако же другой ходъ въ этомъ дѣлѣ значилъ почти то же, что самая дальняя разлука. Въ одномъ только не ошибся Майергуберъ: что происки Маріанны удалили молодую дѣвушку. Иля думала, что ей отказано по его приказанію: старуха показала ей письмо, въ которомъ заключалось это приказаніе. Исписанный листъ бумаги былъ для Богемской дѣвушки тарабарская грамата. Она не видѣла въ этомъ предательства Маріанны. Заговоръ происходилъ въ подвалѣ привратника. Иля, по неожиданному предложенію, переселилась къ госпожѣ Зульцъ, едва ли за часъ до возвращенія Майергубера.

Госпожа Зульцъ была одно изъ тѣхъ загадочныхъ созданій, которыя скитаются, покрытыя какимъ-то туманомъ; никто не знаетъ, что они такое, откуда являются и куда исчезаютъ. Онѣ обыкновенно ничего не дѣлаютъ, но живутъ въ красивыхъ покояхъ, убранныхъ великолѣпно, съ большими окнами на улицу, носятъ шелковыя платья, гренаплевья шляпки, браслеты и вуали. Г-жа Зульцъ держала постояльцевъ на мѣсячной платъ, которые получали отъ нея завтракъ, обѣдъ и другія жизненные потребности, по желанію; она сохраняла приличную важность, хотя была не въ тѣхъ уже лѣтахъ, когда красота женщины беретъ верхъ надъ слагою.

Эта дама объяснила новой горничной подробности ея должности. — Вотъ эта зала и этотъ будуаръ собственно мои, — сказала она.

— Да и у нашей Графини нѣтъ такихъ прекрасныхъ вещей! — сказала престоуднино Иля, осматривая комнаты.

— Ну, оставь свою Графиню, — сказала госпожа Зульцъ съ надменною улыбкою. — Маріанна поразказала

мнѣ объ этихъ сіятельныхъ; ихъ сіяніе вылетѣло бы въ трубу, еслибъ не выручилъ господинъ Майергуберъ.

Въ этомъ родѣ она продолжала свои замѣчанія. Иля съ удивленіемъ слушала сплетни.

— О, Боже мой, куда я попала! — подумала она.

— Ты умѣешь варить кофе? — спросила ее наконецъ госпожа Зульцъ.

— И хорошо и дурно, — отвѣчала она.

— Такъ и надо, моя милая: хорошо для меня, а дурно для постояльцевъ. Вообще ты не должна ихъ баловать; будь только съ ними привѣтлива. Тебѣ вѣдь все равно какое бы лицо ни показывать, ласковое или угрюмое; но ласковое приносить болѣе выгоды. Чу! звонятъ. Это вѣрно новый постоялецъ изъ четвертаго номера. Ступай, отопри ему.

Это былъ точно постоялецъ 4-го номера, въ черномъ фракѣ, мѣстами уже протертомъ, въ бѣлыхъ панталонахъ, потерявшихъ первобытный цвѣтъ; но самъ онъ былъ тушенъ и не изношенъ. При взглядѣ на Илю, лице его блинуло лукавой радостью. Иля отскочила.

— Господинъ Шуманъ! — вскричала она съ испугомъ, какъ будто онъ все еще былъ полновластнымъ фогтомъ Слабинницы.

— Иля! ты здѣсь? — сказалъ онъ, протягивая руки; но она увернулась.

— Какое счастье! — продолжалъ онъ; — вижу теперь, отъ чего я проигралъ. Это было предчувствіе встрѣтить тебя! Но ты ли это, моя миленькая Иля? Я не помню себя отъ радости! Ты не выходила у меня изъ памяти. Да походи же ко мнѣ, дай мнѣ увѣриться, что ты не призракъ; не морочь меня!

— Нѣтъ, г. Шуманъ, я не призракъ; но вы сами себя морочите.

Отд. 2.

14

— Это-то благодарность за любовь, которую я тебе оказывалъ ?

— О, я очень благодарна вамъ ! — отвѣчала съ усмѣшкой Иля.

Блестящія глазки и разгорѣвшееся лицо Или, взволновали сластолюбца и раздражали еще болѣе страсть его.

— Какъ же я счастливъ, что наконецъ вижу тебя ! — вскричалъ онъ съ восторгомъ, приближаясь къ ней.

— И я очень счастлива, — отвѣчала Иля, — что ни сколько не завишу отъ вашей милости, и имѣю право не исполнять вашихъ приказаній.

— Ну, полно, полно, вѣдь это не приказаніе — мы заключимъ съ тобой союзъ любви.

Шуманъ хотѣлъ исполнить свою угрозу ; но Иля оттолкнула его отъ себя, и звонкій голосъ ея вызвалъ хозяйку.

— Что это значить ? Что у васъ тутъ ? — спросила она съ сердцемъ.

Иля обратилась къ ней съ жалобой на Шумана.

— Хорошо, что никого тутъ не было, — продолжала хозяйка, не обращая вниманія на ея слова, — это было бы просто срамъ, и какая дерзость кричать ! глупая !

— Браните этого господина, а не меня, — отвѣчала Иля.

— Нѣтъ, тебя должна я бранить, — крикнула хозяйка. — Развѣ такъ дѣлаютъ порядочныя горничныя ? Важная вещь, что тебя поцѣловали ! Смотри пожалуйста, Богемка, а точно какъ какая-нибудь принцесса ! *Не трогай меня !* Прошу впередъ не дѣлать такихъ глупостей, не смѣй кричать !.... А вы не взыщите, сударь, невѣжество этой дѣвчонки, она еще недавно въ Вѣнѣ, и впередъ будетъ умнѣе.

— Ничего, госпожа Зульцъ, — отвѣчалъ привѣтливо Шуманъ, — я ужъ къ этому привыкъ; но надѣюсь на ваше доброе сердце....

Въ продолженіе этого разговора Иля поспѣшно удалилась съ растерзаннымъ сердцемъ. Ей казалось, что она попала въ вертепъ разбойниковъ, гдѣ ее предательски продаютъ. Она рѣшилась возвратиться на родину и стала обдумывать, не порадовать ли ей добраго Гинко своимъ согласіемъ. «Вѣдь и я могу работать, говорила она, и мы не умремъ съ голоду.»

9.

Дымъ отъжигаемой травы новаго міра разстился облаками по комнатѣ. При звукѣ стакановъ и кружекъ стучали по зеленому нѣкогда сукну два шара изъ слоновой кости, одинъ красный, другой бѣлый. Кругомъ бильярда стояла толпа зрителей, смотря на игру, которая въ Вьнѣ называлась *à la guerre*. Однообразно раздавался голосъ маркера: «три и ничего, пять и два,» и т. д. Порою слышались Нѣмецкія, Итальянскія и Славянскія проклятія, или восклицанія: «чашку кофе!» — «трубку!» — «огню!» — Настоящій житель Вьны ни за что на свѣтъ не зажжетъ самъ фидибусъ, хотя бы пришлось ему разъ десять требовать огня. Какъ въ кофейной «Помела,» такъ, вѣроятно, бываетъ и въ сотнѣ другихъ кофейныхъ; но тутъ была еще особенныя тайны. За спальнею хозяйки были маленькая комната, недоступная дневному свѣту, крѣпко запираемая изнутри и хорошо охраняемая снаружи. На дворъ было солнце, а въ этой комнаткѣ постоянно горѣла лампада. Въ этой тайной комнаткѣ сидѣли вокругъ стола нѣсколько чело-
вѣкъ въ глубокомъ молчаніи, и занимались дѣломъ — игрою въ завлекательный макао, раздражительный гальбцельфъ, измѣнчивый фараонъ и наконецъ въ немудрый ландскнехтъ. При этой послѣдней игрѣ не нужно много думать, а имѣть только счастье, деньги и, на всякій

случай, проворство въ пальцахъ , если только товарищамъ не покажется это непріятно. Но теперь дѣло шло на честь, играли между собою игроки.

Хотя Шуманъ въ обыкновенной жизни былъ низокъ и подль, но во всѣхъ безчестныхъ дѣлахъ былъ очень честенъ.

Предсѣдателемъ и душой собранія былъ всегда Маттео. Онъ цѣлою головою превышалъ своихъ товарищей , имѣлъ блѣдное лицо , выразительныя черты , быстрые , черные глаза и густыя , широкія бакенбарды. Судя по платью , можно было подумать , что онъ только что вылупися изъ лѣща : на немъ былъ голубой фракъ съ желтыми пуговицами , а остальное платье все бѣлое отъ воротника до пятокъ. Въ галстукъ его торчала блестящая гранатная булавка , поперекъ жилета тянулась вкось тяжелая цѣпочка , и на пальцахъ блестѣли кольца. Маттео былъ похожъ на куклу , наряженную старымъ дитятею ; дѣтей такого рода довольно часто встрѣчаешь въ Вѣнѣ.

Игра пошла гораздо веселѣе , какъ Англійская охота , когда Маттео привелъ съ собою незнакомца , магната , котораго подцѣпилъ , вѣроятно , у бильярда. Этотъ усачъ былъ съ виду похожъ на жида , но у него былъ туго набитый кошелекъ и толстый бумажникъ. Съ Турецкимъ хладнокроемъ бросалъ онъ червонцы и ассигнаціи , и проигрывалъ ихъ съ рыцарскимъ пренебреженіемъ.

У Шумана разгорѣлись глаза на золото. Но увѣ! подъ конецъ игры все золото , серебро и ассигнаціи игроковъ лежали уже передъ незнакомцемъ. Маттео повторялъ проклятія глухимъ голосомъ ; а Шуманъ вышелъ изъ себя : у него все до послѣдняго крейцера было сорвано.

— Ну , теперь пришлось ставить самого себя на карту ! — проговорилъ онъ по-Чешски.

10.

Между тѣмъ къ госпожѣ Зульцъ пришелъ гость, около вечера, въ такое время, когда дѣлають такъ называемые *дешевые визиты*. Иля испугалась, встрѣтивъ въ дверяхъ Г. Майергубера; но онъ принялъ равнодушный видъ, какъ будто въ первый разъ видитъ эту дѣвушку. — Дома г-жа Зульцъ?» — спросилъ онъ.

— Онъ извоили уѣхать, — отвѣчала, присѣдая, Иля, — въ Пенцингъ къ госпожѣ Мюленлейтнеръ, и останутся тамъ весь вечеръ.

— Жаль; мнѣ бы нужно было съ нею переговорить.

— Если вамъ будетъ угодно пожаловать въ другой разъ, сударь.

Въ звукъ голоса, съ которымъ сказала она эти слова, было что-то пріятливое. Она такъ мило улыбнулась и сдѣлала такіе нѣжные глазки, какъ будто ей Богъ знаетъ какъ хотѣлось, чтобъ Майергуберъ пришелъ еще разъ. Отъ него не скрылось ея волненіе.

— Разумѣется, я приду, — сказалъ онъ, — и для меня будетъ пріятно, если ты опять встрѣтишь меня.

Дѣвушка печально покачала головою.

— Что съ тобою? — спросилъ Майергуберъ, — отъ чего ты такъ печальна?

— Ваша милость, смѣетесь надъ бѣдною дѣвушкою.

— Это почему, дитя мое?

— Вы говорите, что вамъ пріятно будетъ, чтобъ я васъ встрѣтила.... здѣсь!

— Тебѣ, стало быть, не нравится здѣсь? Такъ воротись ко мнѣ. Я для того и пришелъ къ госпожѣ Зульцъ. Впрочемъ, можетъ быть, тебѣ и нравится здѣсь?

Иля отрицательно покачала головою, и сказала, вздохнувъ, что эти немногіе дни, проведенные у этой странной

женщины, показались ей годами мученій. Бросивъ выразительный взглядъ на Майергубера, она прибавила: — Впрочемъ, вѣрно вездѣ одинаково: госпожа бранить и бьетъ меня, если я сдѣлаю что-нибудь не такъ; а господинъ не посмотреть на службу; если служанка не исполнить того, что ему угодно, и просто скажетъ: вонъ! глупая.

Майергуберъ не понялъ смысла этихъ словъ и не могъ понять: благородная душа его была далека отъ тѣхъ мыслей, которыя внушила про него Илѣ Маріанна. Онъ подумалъ, что Иля убѣждала отъ злаго языка Маріанны. Почитая слова ея упрекомъ онъ разсердился.

— Какъ хочешь, — сказалъ онъ холодно; — желаю тебѣ найти господъ, которые бы на тебя угодили, капризница.

Онъ уже отвернулся, но вдругъ на его руку капнуло что-то горячее. Это былъ поцѣлуй дѣвушки вмѣстѣ съ ея слезинкою.

— Что съ нею сдѣлалось? — подумалъ Майергуберъ; но не оглянувшись и затворилъ за собою дверь.

Иля топнула съ досады ножкою.

Г-жа Зульцъ воротилась очень поздно. Было ужъ за полночь, когда Иля легла спать на мѣшкѣ соломы подъ лѣстницею. Бѣдной дѣвушкѣ постель эта казалась очень удобною; ей было на ней и мягче, и просторнѣе, нежели въ толпѣ домашнихъ, на полатахъ, между печкою и потолкомъ. Но лишь только что она хотѣла помолиться Богу, какъ вдругъ въ снѣгахъ послышались чьи-то шаги, и кто-то глухо закашлялъ.

— Это старалъ Маріанна, — подумала Иля, — зачѣмъ она идетъ такъ поздно?... Вѣрно, господинъ Майергуберъ въ чемъ-нибудь нуждается, а госпожа уже спитъ.... Зачѣмъ это она идетъ вверхъ въ номера?...

И Иля пошла слѣдомъ.

Шаги направились къ номеру, въ которомъ стоялъ Шуманъ. Послышалось, какъ легонько постучались въ дверь.

Дверь отворилась.

— Охъ, тутъ недоброе кроется, — проговорила про себя Иля, приближаясь боязливо къ двери и ставъ за уголъ.

— Я говорила, что онъ безъ памяти отъ этой дѣвченки! Прогналъ меня, а ее беретъ опять къ себѣ! — проговорила тихо, но торопливо старуха, входя въ двери.

— Илю?... Нѣтъ, этого не будетъ! Нѣтъ, чортова пропасть! онъ этого у меня не проглотить! — раздался грубый голосъ Шумана.

Онъ притворилъ дверь.

Больше ничего не слышала Иля; но она поняла весь ужасъ своего положенія; всѣ члены ея похолодѣли.

— Боже мой, что я буду дѣлать! — произнесла она про себя, и, по первому движенію, хотѣла бѣжать.

Но послышались за дверью шаги; дверь отворилась.

— Не бойся! — сказала тихо Шуманъ въ слѣдъ Маріаннѣ, — ступай впередъ ...

— Ужъ если что выйдетъ — я въ сторонѣ, — проговорила она, уходя.

— Не бойся! — повторилъ Шуманъ, запирая двери и слѣдуя за ней, — ну, ва-банкъ! идетъ душа!

Дрожа всѣмъ тѣломъ, Иля, по какому-то безотчетному движенію, украдкой шла за нимъ.

11.

Майергуберъ, по привычкѣ, хотя и одинъ былъ дома, просиживалъ вечера всегда долго. Шуманъ иногда заходилъ къ нему; и потому онъ не удивился позднему его посѣщенію.

— Что новаго, господинъ Шуманъ ?

— Изъ театра, — отвѣчалъ онъ, и заговорилъ о театрѣ.

Лице его было однакоже блѣдно, и онъ какъ будто былъ смущенъ.

— Вы вѣрно нездоровы, господинъ Шуманъ, — спросилъ его Майергуберъ ; — не хотите ли стаканъ Венгерскаго вина ?

— Я сейчасъ только пилъ глинтвейнъ.... Спать не хотѣлось, и я зашелъ къ вамъ.

Марианна принесла блюдо раковъ. Старуха смотрѣла изъ-подлобья ; глаза ея были красны, какъ принесенные раки.

— Теперь ужъ часъ ночи, — проговорила она злобно, — вы, можетъ быть, будете дожидаться вашей новой кухарки; а мнѣ не ждать ее....

Майергуберъ посмотрѣлъ на нее искоса.

— Ты можешь идти, — сказалъ онъ ей, — я тебя не удерживаю.

— Таки и пойду, — вскрича она, — пойду! а вы будете жалѣть, да поздно, какъ не досчитаетесь у себя волосъ на головѣ!....

— А тебѣ что до моихъ волосъ? — сказалъ съ сердцемъ Майергуберъ.

— Изъ-за дѣвченки стоняете старую вѣрную служанку!.... Да не пройдетъ же вамъ это даромъ!... Я очень хорошо видѣла, какъ вы вчера тайкомъ ходили къ госпожѣ Зульцъ.... Возьмите, возьмите ее опять къ себѣ! Навяжите на шею!.... Я очень рада, что по крайней мѣрѣ не буду видѣть соблазна....

— Ступай! — крикнулъ грозно Майергуберъ.

— Пойду!....

Продолжая ворчать, Маріанна вышла.

— Так вы берете Ильку къ себѣ? — спросилъ Шуманъ, у котораго глаза уже сверкали.

— Да, — сказалъ Майергуберъ, засмѣявшись, — беру; но вамъ ко мнѣ нечего ревновать ее: вы еще молодецъ, а я старикъ.

— Но у васъ есть прекрасныя платья, роскошныя вещи и много денегъ, — проговорилъ Шуманъ.

— Что же изъ этого?

— Ничего, — отвѣчалъ Шуманъ.

— Этотъ человекъ кажется мнѣ что-то подозрителенъ.... у него есть что-нибудь на душѣ, — подумалъ Майергуберъ.

— Что можетъ быть отвратительнѣе раковъ! — сказалъ вдругъ Шуманъ, вставая съ мѣста и подходя къ картинамъ, висѣвшимъ на стѣнѣ.

— Особенно для зрителя, — прибавивъ Майергуберъ; — смотрите лучше на картины.

— Да, прелюбопытные сюжеты, — отвѣчалъ Шуманъ, тихо передвигаясь отъ картины къ картинѣ.

Майергуберъ продолжалъ очищать любимое свое блюдо; но невольное непріятное чувство содроганія пробѣжало по немъ, отъ тихаго, крадущагося движенія Шумана за его спиной.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что что-то мелькнуло передъ нимъ, обхватило его, сдавило....

Онъ простоналъ глухо.

Но Иля слышала этотъ стонъ.

— Помогите, помогите! — вскричала она, сбѣжавъ въ ужасѣ съ лѣстницы къ воротамъ.

Нѣсколько человекъ сбѣжались на ея крикъ.

— Помогите! тамъ, тамъ, на верху! — повторяла она указывая на квартиру Майергубера.

Народъ бросился по лѣстницѣ; въ темнотѣ попался торопливо уходящій человекъ, — его схватили.

12.

Майергуберъ былъ въ отчаянной борьбѣ; ему казалось, что дикіе Индійцы махаютъ надъ нимъ своими дубинами и бьютъ его въ голову; вотъ повергли они его на землю; вотъ сверкнулъ широкій ножъ, очертилъ остреемъ его голову, и — волосы вмѣстѣ съ кожей сдираются съ его черепа. Онъ чувствуетъ страшную боль въ головѣ; мозгъ горитъ въ ней, какъ растопленная мѣдь. Но вдругъ подходитъ къ нему какое-то свѣтлое видѣніе. Дикіе бѣгутъ прочь.... И вотъ какъ будто ангелъ Божій кладетъ руки на его горящія раны, и боль уступаетъ мѣсто пріятному чувству, какъ будто улаждающему душу.

Больной открылъ глаза. Послѣ долгаго безпамятства, онъ увидѣлъ себя въ знакомой спальнѣ; мало по малу возвратились къ нему мысли и воспоминаніе. Этотъ ангелъ была женщина, и при слабомъ свѣтѣ ночника увидѣлъ онъ знакомыя черты молодой Богемки. Дѣвушка казалась очень утомленною отъ безсонныхъ ночей.

— Слава Богу, — прошептала она едва слышнымъ голосомъ, — вы живы, г. Майергуберъ.

— Это ты, Иля? — проговорилъ Майергуберъ.

Она сложила руки съ умоляющимъ видомъ.

— Не сердитесь, сударь, — сказала она робко, — здѣсь никого не было; Маріанна не приходила во все время;

я осталась здѣсь безъ позволенія, хотя меня вы и прогнали; но я не могла, клянусь Богомъ, не могла оставить васъ.

— Добрая дѣвушка! — проговорилъ Майергуберъ, когда ему объяснили страшное событіе съ нимъ, и когда Иля рассказала ему счастливый случай, который далъ ей возможность спасти его отъ рукъ злодѣя.

— Иля, ты будешь моей дочерью, моей наслѣдницей, — прибавилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, я не стою этой милости, нѣтъ, я боюсь города, отпустите меня назадъ на родину, — проговорила Иля со слезами, цѣлуя руку Майергубера.

— Не бойся, Иля, у тебя будетъ защитникъ твой Гинко.

Вскорѣ Майергуберъ великолѣпно праздновалъ свадьбу Или. Она выходила замужъ за музыканта Вѣнскаго театральнаго оркестра.

Съ Нѣмецкаго.

ПЕРВАЯ САТИРА ГОРАЦІЯ.

ПРОТИВЪ ЛЮБОСТАЖАНІЯ.

- Что за причина тому, Меценатъ, что какую бы долю
Намъ ни послала судьба, и какую бѣ ни выбрали сами,
Рѣдкій доволенъ, и всякій завидуетъ долѣ другаго?
«Счастливы купецъ!» говоритъ подъ тяжелымъ оружіемъ воинъ,¹
5. Чувствуя съ многихъ трудовъ у себя какъ разбитые члены!
Если же буря бросаетъ корабль, мореходецъ взываетъ:
«Лучше быть воиномъ! Чтò мнѣ! Лишь кинутся въ бой со врагами,
Часъ не пройдетъ, или скорая смерть, или радость побѣды!
Опытный въ правѣ законникъ, слыша чтò свѣтъ, что стучится
10. Въ двери къ нему довѣритель, хвалитъ удѣлъ земледѣльца!
Житель же сельскій, для тяжбы оставить село принужденный,
Вызванный въ городъ, считаетъ однихъ горожанъ за счастливыми!
Этихъ примѣровъ такъ много, что ихъ перечестъ не успѣлъ бы
Даже и Фабій болтунъ! — И такъ, чтобъ тебѣ не наскучить,
15. Слушай, къ чему я веду. Пусть бы кто изъ боговъ вдругъ сказалъ мнѣ:
«Вотъ я! исполню сейчасъ все, чего вы желали! — Ты, воинъ,
Будешь купцомъ; ты, ученый дѣлецъ, земледѣльцемъ! — Ступайте,
Доли свои промѣнявъ, ты туда, ты сюда! — Что жъ вы стали?»....
Нѣтъ, не хотятъ! — А вѣдь счастье желанное онъ мнѣ дозволитъ!
20. Послѣ этого какъ не надуть и Юпитеру губы!²
Какъ не сказать про себя, что впередъ не обмануть; не будетъ
Столь благосклоненъ! — Но полно! я шутку оставлю; не съ тѣмъ я
Началъ, чтобъ мнѣ, какъ забавнику, только смѣшить! — Не мѣшаетъ
Правду сказать и шутя, какъ привѣтливый школьный учитель
25. Лакомства дѣтямъ даетъ, чтобы азбукъ лучше учились;³
Но мы въ сторону шутку, поощренъ чего поважнѣе.
Тотъ, кто ворочаетъ землю тяжелой сохою, и этотъ

- Лживый шинкарь, и солдатъ, и морякъ, переплывшій отважно
Столько опасныхъ морей, всѣ эти труды переносить
30. Съ тѣмъ, чтобъ запасъ накопивши, въ старости жить на покой.
«Такъ — для примѣра они говорятъ — муравей работающій,
Даромъ что малъ, а что сможетъ, ухватитъ и къ кучѣ прибавитъ.
Думаетъ тоже о будущемъ онъ и вѣжду предвидитъ!»....
— Да! но лишь годъ, подходящій къ концу, Водолей отуманитъ,
35. Онъ изъ норы ни на шагъ, наслаждаясь разумно запасомъ,
Собраннымъ прежде; а ты? — А тебя вѣдь ни знойное лѣто,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни желѣзо не могутъ
Отъ твоихъ барышей оторвать: никакихъ изъ препятствій!
Только и въ мысляхъ одно: чтобъ не былъ другой кто богаче!
40. Что же въ томъ пользы тебѣ, что украдкой отъ всѣхъ зарываешь
Въ земаю ты кучи сребра, или злата тяжелыя груды?....
«Стоитъ почать — говоришь ты — дойдешь до послѣдняго асса!»
— Ну, и ежели ихъ не почать, что за польза отъ кучи?
Пусть у тебя на гумнѣ намолотятъ сто тысячъ мѣръ хлѣба;
45. Твой вѣдь желудокъ не больше вмѣститъ моего! — И положимъ,
Ты бы былъ рабъ, сѣтъ съ хлѣбами нестъ на плечахъ бы; однако
Больше другаго, который не нестъ ихъ, вѣдь ты не получишь!
Что же за нужда тому, кто живетъ въ предѣлахъ природы,
Сто ли вспахалъ десятинъ онъ, или тысячу? — «Такъ! да пріятнѣй
50. Брать изъ кучи большой!» — Повѣрь, все равно, что изъ малой;
Только бъ я могъ и изъ малой взять столько же, сколько мнѣ нужно!
Что жъ ты огромныя житницы хвалишь свои? Чѣмъ ихъ хуже
Хлѣбные наши мѣшки?.... Ну, такъ еслибъ тебѣ довелася
Нужда въ кувшинѣ воды, или въ стаканѣ одномъ, ты сказалъ бы:
55. «Лучше въ большой я рѣкъ зачерпну, чѣмъ въ источникъ этотъ!»
— Вотъ отъ того и бываетъ съ людьми ненасытными, если
Лишнихъ богатствъ захотятъ, что Авфидъ многоводный и бурный
Съ берегомъ вмѣстѣ и ихъ оторветъ и потопитъ въ пучинѣ!
Если кто малаго хочетъ, что нужно, тотъ чистую воду
60. Черпаетъ въ свѣтломъ ручьѣ и жизни въ волнахъ не погубитъ!
Многіе люди однако, влекомые жадностью ложной,
Скажутъ: «богатство не лишнее; насъ по богатству вѣдь цѣнятъ!»
Съ этими что толковать! Пусть ихъ алчность презрѣнная мучитъ!
Такъ, говорятъ, Ленининъ одинъ, и скупой и богатый,
65. Рѣчи людскія привыкъ презирать, говоря о гражданахъ:

«Пусть ихъ освинжутъ меня: но за то я въ ладони
 Хлюпаю дома, сколько хочу, на сундукъ свой люблюся!»
 — Тантазъ сидѣлъ же по горло въ водѣ; а вода утекала
 Далеко и дальше отъ устъ!.... Но чему ты смѣешься?.... Лишь ни

70. Стоить тебѣ изиѣнять, не твоя ли исторія это?....

Спишь на мѣшкахъ ты своихъ, нагнѣленныхъ всюду, несчастный,
 Ихъ осужденный беречь, какъ святыню; любишься ими,
 Точно картиной какой! — А знаешь ли деньгамъ ты цѣну?
 Знаешь ли деньги на что? — Чтобъ купить овощей, или хлѣба,

75. Или бутылку вина, безъ чего обойтись невозможно!

Или пріятно тебѣ, полумертвому съ страха, беречь ихъ
 Денно и ночью, боясь и воровъ и пожара, и даже
 Собственныхъ въ домѣ рабовъ, чтобъ они, обокравъ, не бѣжали!
 Нѣтъ! чѣмъ такое богатство, я выбралъ бы лучше ужъ бѣдность!

80. Если когда лихорадки ознобъ ты почувствуешь въ тѣлѣ,
 Или другою болѣзнію будешь къ постелѣ прикованъ,
 Кто за тобою приставленъ ходить и готовить лекарства,
 Станетъ врача умолять, чтобы спасъ отъ болѣзни, и снова
 Дѣтямъ, роднымъ возвратилъ; а супруга и сынъ — не желаютъ!

85. А сосѣди твои и знакомые, слуги, служанки,
 Всѣ ненавидятъ тебя! — Ты дивисься? — Чему же? Ты деньги
 Въ міръ всему предпочелъ; доказательствъ любви ты не стоишь!
 Если ты хочешь, безъ всякихъ съ своей стороны попеченій,
 Данныхъ природою родныхъ, и друзей удержать за собою;

90. Тщетно, несчастный, теряешь свой трудъ, какъ осла не приучишь
 Быть послушливымъ уздѣ и скакать по Марсову полю!

Полно копить! Ты довольно богатъ; не страшна уже бѣдность!
 Время тебѣ отдохнуть отъ заботъ; что желать, ты имѣешь!
 Вспомни Умидію горькій прииѣръ; то недлинная повѣсть:

95. Такъ онъ богатъ былъ, что деньги считалъ уже хлѣбомъ мѣрой;
 Такъ онъ былъ скупъ, что съ рабами носилъ одинакое платье,
 И — до конца — разоренья и смерти голодной боялся.

«Что жъ ты совѣтуешь мнѣ?.... Неужели, чтобъ жилъ я, какъ
 Мевій,

Или какой Номентавъ?» — Ошибаешься! Что за сравненье

100. Крайностей, вовсе не сходныхъ ни въ чемъ! ⁴. — Запрещаю
 быть скрягой,

Вовсе не требую я, чтобъ безумный ты былъ расточитель!

Межъ Таванса и тестя Визельева — есть середина!
 Мѣра должна быть во всемъ, и всему наконецъ есть предѣлы,
 Дальше и ближе, которыхъ не можетъ добра быть на свѣтъ!

105. Я возвращаюсь къ тому же, чѣмъ началъ: подобно скупому,
 Рѣдкій доволенъ собою, считая счастливецемъ другаго!

Если коза у сосѣда съ паствы придетъ съ отягченнымъ
 Выменъ — густымъ молокомъ, и отъ этого съ зависти сохнутъ!
 А никто не сравниваетъ себя съ бѣднякомъ; все съ богатымъ!

110. Но вѣдь какъ мы гонимъ за богатымъ, все встрѣтишь богаче!
 Такъ на бѣгу колесницу несутъ быстроногіе кони;

Слѣдомъ возница другой погоняетъ своихъ коней въ догонку,
 Смятся ихъ обогнать, презирая далѣко отставшихъ!

Отъ того-то мы рѣдко найдемъ, кто сказалъ бы, что прожилъ
 115. Счастливо вѣкъ свой, и кончивъ свой путь, выходилъ бы изъ міра,
 Точно какъ гость благодарный, насытись, выходить изъ пира!

Но довольно; пора замолчать, чтобы ты не подумалъ,
 Будто таблички укралъ у философа я, у Криспина!

18-го Дек. 1848.

Мих. Дмитриевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ САТИРѢ 1-я.

1. (ст. 4).... «Подѣ тяжельмиѣ оружіемѣ воинѣ.»

Вооруженіе Римскихъ воиновъ было чрезвычайно тяжело. Они носили его и въ мирное время, для того, чтобы привыкнутьъ къ тяжести, не столько чувствовать ее во время войны.

2. (ст. 20) На Латинскомъ : *обѣ щеки.*

Quid causae est merito quin illis Iupiter ambas
Iratus buccas inflat....

Я предпочелъ Русское выраженіе : *надуть губы*, которое въ этомъ случаѣ лучше выражаетъ для насъ мысль поэта.

3. (ст. 24) Ut pueris olim dant crustula blandi Doctores, elementa velint ut dicere prima....

Эти два стиха нѣсколько напоминаютъ извѣстное уподобленіе въ поэмѣ Тасса :

Così all'egro fanciul porgiamo aspersi
Di soave licor orli del vaso :
Socchi amari , ingannato , in tanto ei beve ,
E dall'inganno suo vita riceve.

4. (ст. 99) «Ошибаешься ! что за сравненіе Крайностей, вовсе несходныхъ ни въ чемъ!»

Я и не сладилъ, да и не рѣшился употребить смѣлую фигуру Горация:

.... Pergis pugnantia secum
Frontibus adversis componere.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

БЮГРАФИЯ

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

СОБСТВЕННЫЯ ЕГО ЗАПИСКИ *.

(Продолженіе.)

Платонъ , бывъ постриженъ , успокоился , видѣвъ свое давнее желаніе исполненно. И по духу Евангельскому всякій христіанинъ долженъ быть всегда воздерженъ , не стлжательснъ , смиренъ , послушливъ , трезвъ , богомоленъ , никакими излишними житейскими заботами себя не связывать; а притомъ , хотя можетъ имѣть жену , по слабости плоти , но жить съ нею цѣломудренно , и болѣе по Апостолу , пребывать въ постъ и молитвѣ , нежели предаваться сладострастію. Хотя почиталъ онъ безженство не легкимъ бременемъ для немощи плоти , но напротивъ , всегда со страхомъ воображалъ супружеское состояніе: какимъ трудностямъ , заботамъ , скорбямъ , бѣдствіямъ подверженъ женатый и мірскій человекъ , содержа жену , домъ , воспитывая дѣтей , устроая ихъ къ мѣстамъ и всѣмъ имъ во всемъ сострадая; и ежели какое отъ того получаютъ утѣшеніе и удовольствіе , но сія

* См. начало въ Москвитянинъ , N 4, 1849.

чаша несравненно болѣе горестію растворенна. Но что же еще должно терпѣть въ мірѣ отъ сосѣдей, отъ клеветниковъ, отъ завистниковъ, отъ разныхъ внезапныхъ злоключеній, отъ всегдашнихъ соблазновъ и случаевъ ко грѣху, отъ суеты и заботъ, яко непрестанныхъ волненій моря житейскаго. Все сіе живо воображая, Платонъ ублажалъ безженную жизнь и уединенную, а мірскую оплакивалъ; а чрезъ то и борьбу плоти облегчалъ. Притомъ, уединенная монашеская жизнь, кромѣ того, что подаетъ меньше случаевъ ко грѣху, а болѣе тишины, много содѣйствуетъ къ богомыслію, и къ пріобрѣтенію просвѣщенія, безпрепятственнымъ упражненіемъ въ премудрости духовной и мірской. Такъ разсуждалъ Платонъ. И потому, когда послѣ Государыни Императрица Екатерина II, избирая его въ учителя къ сыну своему, Государю Наслѣднику, спросила: «почему онъ избралъ монашескую жизнь?» отвѣтствовалъ, что по особой любви къ просвѣщенію. На сіе Императрица: «да развѣ нельзя въ мірской жизни умножать просвѣщеніе?» Лѣзя, отвѣтствовалъ онъ, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разные мірскія суеты, сколько въ монашеской жизни, гдѣ онъ по всему свободенъ. Сей отвѣтъ рѣшилъ Императрицу въ избраніе его въ учителя. И такъ бывъ Платонъ своимъ состояніемъ доволенъ, какъ бы другіе ни разсуждали, жилъ въ монастырскомъ уединеніи, проходя должность учительскую. Ибо опредѣленъ учить рѣторiku и катихизисъ въ Семинаріи толковать. Притомъ, скоро по постриженіи, въ томъ же мѣсяцѣ отправленъ въ Москву для произведенія во Іеродіаконъ, гдѣ и посвященъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, Августа 30 дня 1738 года Преосвященнымъ Тимофеемъ, Митрополитомъ Московскимъ, пастыремъ добродушнымъ.

По возвращеніи изъ Москвы, нашелъ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга въ Лавру, начальника Лавры и своего Архимандрита Гедео́на. Архимандритъ въ первый день, какъ его увидѣлъ, столь его возлюбилъ, что предпочиталъ всѣмъ и имѣлъ его при себѣ, въ бытность въ Лаврѣ чрезъ три мѣсяца, безотлучно; даже никуда безъ него не выѣзжалъ; и

столю ему благодѣтельствовалъ по самую кончину свою, что Платонъ всегда его признавалъ или первымъ по родителямъ, или равнымъ съ ними.

Нельзя умолчать, чтобъ хотя кратко не сказать о жизни сего Платопова благодѣтеля. Гедеонъ былъ родомъ изъ Казани; тамъ въ Семинаріи учился и учителемъ былъ. Оттуда, не могши получить дозволенія, бѣжалъ и явился въ Синодъ, и просилъ, чтобъ его опредѣлить въ Московскую Академію для окончанія богословскаго ученія, куда, по многимъ затрудненіямъ, и опредѣленъ; гдѣ и учился, бывъ въ недостаткѣ, имѣвъ одно содержаніе монашеское. Но какъ по случаю вмѣсто учителей, прошенъ онъ былъ сказать проповѣдь въ Академіи, сказалъ, и тотчасъ не только всѣхъ усладилъ, но и удивилъ. Ибо подобнаго проповѣдника еще не слыхивали. Потомъ еще сказалъ, и еще славу свою умножилъ, и какъ многіе начали его просить сказать проповѣдь въ праздники, по монастырямъ и приходскимъ церквамъ, то чѣмъ болѣе говорилъ, тѣмъ болѣе похвалы о немъ умножались. Слава сія потомъ дошла до Двора и до покровителя ученыхъ, бывшаго при Дворѣ въ отличіи, Ивана Ивановича Шувалова. Онъ потребованъ въ бытность въ Москвѣ Двора ко Двору, гдѣ сказавъ проповѣдь, заслужилъ благоволеніе отъ Императрицы Елисаветы Петровны; и по наградѣ опредѣленъ ко Двору проповѣдникомъ, гдѣ трудился не мало въ сказываніи проповѣдей, и всѣ его проповѣди напечатаны въ трехъ томахъ. Потомъ произведенъ въ Архимандрита въ Саввинъ Монастырь и въ Синодъ Членомъ, а скоро переведенъ и въ Троицкую Лавру, гдѣ бывъ съ небольшимъ три года, посвященъ во Епископа въ Псковъ, и тамъ скончался 1763 года, въ молодыхъ лѣтахъ, не болѣе отъ роду имѣя, какъ 33 года, къ общему сожалѣнію всѣхъ прямо знавшихъ его. Сей Гедеонъ имѣлъ особенный даръ краснорѣчія. Столь пріятно и сладостно произносилъ свои слова, что всѣ слушатели, яко внѣ себя, отъ устъ его висѣли, и боялися, чтобъ не пересталъ. Чему былъ свидѣтелемъ многократно самъ Платонъ. Ученія былъ хотя не отличнаго, но отъ природы остроуменъ и прони-

цателенъ. Свойства былъ весьма горячаго, сердца открытаго, устъ весьма свободныхъ и смѣлыхъ. И сею свободностію много нажилъ недоброжелателей, и многимъ бѣдствіямъ себя подвергъ, кои, можетъ быть, подали случай и къ сокращенію его жизни. Однако то служить ему въ похвалу истинную, что даже отъ тѣхъ, кои не любили его за свободу словъ, похвалемъ былъ за добросердечіе. Таковъ былъ Гедеонъ.

А Платонъ его любилъ, находясь при немъ въ Лаврѣ безотлучно; кромѣ должности учительской и сказыванія по временамъ проповѣдей, исправлялъ не рѣдко, по должности перводіакона въ Лаврѣ, священнослуженіе; и первую литургію исправно совершилъ, начальствуя при служеніи Архимандрита, Сентября 3 дня, хотя Архимандрита Лаврскаго служеніе по многому сходно съ служеніемъ Архіерейскимъ; и имѣя Платонъ голосъ пріятный и свѣтлый, лице лѣпое и младое, и въ служеніи по всему исправный, заслужилъ ту честь, что признавали его лучшимъ изъ всѣхъ тогда, а можетъ быть и прежде, бывшихъ Іеродіаконовъ. По отбытіи изъ Лавры въ С.-Петербургъ благодѣтеля своего, Архимандрита Гедеона, Платонъ въ нѣкоторое впалъ уныніе и грусть, по обыкновеннымъ человѣческимъ искушеніямъ: что узнавъ Архимандритъ, дабы его ободрить, потребовалъ его къ себѣ въ С.-Петербургъ на сырную недѣлю 1759 года, гдѣ пробывъ дней съ десять, возвратился съ бѣльшею духа бодростію. Потомъ въ томъ же году паки, по требованію, былъ С.-Петербургъ, во время вакацій, и пробылъ тамъ недѣль съ шесть. Да и въ 1760 году на время вакацій туда же потребованъ къ пятому числу Іюля; а по случаю праздника Преподобнаго Сергія, въ оба года, говорилъ проповѣди; въ принадлежавшей тогда къ Троицкой Лаврѣ и великимъ ея коштомъ вновь по всему, помянутымъ Архимандритомъ Гедеономъ устроенной, Ново-Сергіевской, что по Петергофской дорогѣ, пустынѣ, принадлежащей нынѣ къ С.-Петербургской Епархіи въ числѣ второклассныхъ монастырей.

Не умолчу ничто съ Платономъ въ сей пустынь случившееся. На праздникъ 8 Июля 1760 года, званы были Архимандритомъ изъ С.-Петербурга, гдѣ тогда Дворъ находился, знаменитые гости: Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Они, увидѣвъ Платона, вступили съ нимъ въ разговоръ о разныхъ матеріяхъ. Платонъ былъ въ разговорахъ свободенъ и веселъ. Они столько его полюбили, что Гр. Шуваловъ захотѣлъ его представить Императрицѣ, съ тѣмъ, чтобъ его отправить на своемъ коштѣ въ Парижъ въ Сорбонну для усовершенствованія; но Архимандритъ на то не согласился. Однако любовь Шувалова къ Платону отъ тогда продолжалась до самой кончины его, или любезными посѣщеніями, или дружескими переписками. А Графъ Разумовскій, также его любя, узнавъ его еще искусна въ пѣніи, и съ нимъ поя, влекъ съ собою въ С.-Петербургъ, и хотѣлъ представить Императрицѣ, говоря, что она будетъ довольна сего монаха узнать; однако до того по зависти не допустилъ находившійся при немъ, яко дядька, кривой Шубской.

Бывъ Платонъ троекратно въ Петербургъ, не только узналъ сей знаменитый Графъ, но и имѣлъ счастье благосклонно принять быть первенствующимъ тогда Архіереемъ, Митрополитомъ Новгородскимъ Димитріемъ Свѣчновымъ, который его съ того времени, по самую смерть, яко за друга почиталъ, о чемъ послѣ будетъ помянуто; также сталъ знаемъ и другимъ Архіереямъ, яко то: Палладію, Епископу Рязанскому, Порѣмрію, Епископу Коломенскому, Сильвестру Кулябкѣ, Архіепископу С.-Петербургскому. А Архимандритъ Гедеонъ не только его многимъ пожаловалъ, но соблаговолилъ Платону посвящену быть въ Иеромонаха, что надъ нимъ и совершилъ Преосвященный Палладій, Епископъ Рязанскій, на Троицкомъ подворьѣ, въ домовоѣ Казанскія Богородицы церкви, 1759 года Июля 20-го дня. А притомъ его Архимандритъ опредѣлилъ въ томъ же году Префектомъ Семинаріи Троицкія и Философіи учителемъ, и первымъ соборнымъ, въ присутственномъ въ Лавръ мѣстѣ, въ учрежденномъ соборѣ; управлявшемъ тогда Лавру и

приписные монастыри и всѣ отчины. Въ проѣзды свои въ С.-Петербургъ познакомился съ Новгородскими учителями, Сумономъ, что нынѣ Архіепископъ Рязанскій, Тихономъ первымъ, Епископомъ Воронежскимъ, умершемъ тамъ на общаніи, съ Пароеніемъ, бывшимъ тамъ Ректоромъ, а послѣ Епископомъ Смоленскимъ, пастыремъ добрымъ, съ конемъ по блаженную кончину его имѣлъ дружескую переписку, также и съ другомъ его, Георгіемъ Конисскимъ, мужемъ преученымъ и великимъ гонимаго въ Польшѣ благочестія поборникомъ.

Такимъ образомъ Платонъ, пребывавъ въ Лаврѣ и управляя свои должности, былъ весьма доволенъ своимъ состояніемъ, и часто послѣ говаривалъ, что никогда онъ столь спокойно и счастливо нигдѣ не жилъ, какъ чрезъ пять лѣтъ своего учительства. Былъ отъ всѣхъ любимъ; особливо съ тогда бывшими властями обходился дружески, и почти не разлучно. А власти были — Намѣстникъ Гавріиль, что нынѣ Митрополитъ Новгородскій, а по немъ Иннокентій, что послѣ Архіепископъ Псковскій, который въ семь 1799 г. и преставился въ С.-Петербургъ, Келарь Іоаннъ, который былъ Новоспасскимъ Архимандритомъ, и тамъ скончался, Казначей Антоній, который былъ Олонецкимъ Епископомъ, и тамъ преставился.

Особливо Платону нравилось, что все въ Лаврѣ находилъ готовое, яко то всегда довольный столъ, и напитки, и выѣздъ, и нимаю о томъ не заботился. Должность была для него не затруднительна; всѣми любимъ, съ учителями другъ, ни въ чемъ не оскуденъ, здоровъ и веселъ, и лѣтомъ весьма часто, со властями и со учителями, посѣщали превеселое и милое загородное мѣсто, называемое Корбуха, гдѣ и баня лѣтняя была. Тамъ прогуливался Платонъ съ товарищами по садамъ и лѣсамъ; плавалъ по прудамъ, пристойными играми веселились, и въ дружескихъ, не рѣдко ученыхъ, разговорахъ, не чувствительно время проходило, при вкушеніи благовонныхъ испареній и при оглашеніи пѣніемъ разныхъ птицъ. По истиннѣ то время было райское и весна лѣтъ Платоновыхъ. Всегда онъ о семъ времени

съ въздыханіемъ воспоминалъ, яко наступившія потомъ разныя не малотрудныя должности, и заботы, и мірскія суеты, а притомъ и болѣзни не рѣдкія, не дозволяли уже ему таковымъ удовольствіемъ наслаждаться.

Въ 1761 году, по отбытіи Намѣстника и Семинаріи Ректора Гавріила въ Московскую Академію въ Ректора и Архимандрита, Платонъ опредѣленъ Ректоромъ и Богословіи учителемъ. Въ томъ же году лишился онъ благодѣтеля своего, Архимандрита Гедеона, который произведенъ во Епископа въ Псковъ; а на мѣсто его пожалованъ во Архимандрита, придворныхъ пѣвчихъ уставщикъ, Іеромонахъ Лаврентій Хощатовскій, родомъ Бѣлоруссецъ, человекъ неученый, но добродушный и учащихъ и учащихся усердный любитель. Опъ, прибывъ въ Лавру въ 1762 году, столь полюбилъ Ректора Платона, что онъ, всегдашнимъ и почти неотлучнымъ пребываніемъ при немъ, почиталъ уже себя ни сколько отягощаемымъ; всегда съ нимъ обѣдалъ; всегда ужиналъ; всегда всюду съ нимъ выѣзжалъ; однако благосдѣлліями его и ласковостію столь взыскавъ, что никогда безъ благодарности имени его поминать не могъ.

При семъ въ первый разъ случилось узнать Платону, что есть придворный нравъ Видя, что Архимандритъ Ректора жалуется, всѣ власти, всѣ соборныя, всѣ учителя, его яко на рукахъ носили. Но единожды, по нѣкоторому случаю прогнѣвался на него Архимандритъ, и чрезъ двѣ недѣли его къ себѣ не допускалъ. Всѣ и власти, и соборныя, и учителя, или холодно съ нимъ стали обращаться, или и совсѣмъ отвращались. Но когда пакн Архимандритъ въ прежнее любовное обращеніе его принялъ, тогда и всѣ перемѣнились и стали по прежнему. Тогда Платонъ, примѣтивъ сіе, а послѣ живъ при Дворѣ, сказалъ, что и въ монастыряхъ есть что-то похожее на придворное.

По Императоръ Петръ III-мъ вступила на престолъ Императрица Екатерина II. Обнародовано, что будетъ Императрица въ Москву для коронованія въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Архимандритъ тотчасъ отправился въ С.-Петербургъ,

вмѣстѣ съ Платономъ, и побывъ тамъ съ мѣсяцъ, возвратился въ Лавру, и заключая, что по коронаціи не преминетъ Императрица посѣтить Лавру, поручилъ Ректору Платону сдѣлать надлежащее къ тому приготовленіе. Онъ, по должности сіе взявъ на себя, изготовилъ привѣтствія, оду, канты, иллюминацію; и на 40 человекъ особую торжественную одежду, съ вѣнками на главахъ и съ пальмами въ рукахъ, и рѣчи отъ себя (чему всему есть особое печатное описаніе), и въ ожиданіи Высочайшаго присутствія, всѣхъ занималъ въ надлежащихъ упражненіяхъ. Между тѣмъ праздновано было, какъ вездѣ, такъ и въ Лаврѣ, день коронаціи, Сентября 22 дня; а при семъ случаѣ Платонъ говорилъ проповѣдь въ Лаврѣ. Потомъ и дѣйствительно скоро воспослѣдовало Императорское Лавры посѣщеніе, Октября * дня. У Лавры встрѣчена была Архимандритомъ съ братією. На другой день на литургіи проповѣдь говорилъ Намѣстникъ Иннокентій. Послѣ обѣда, Императрица посѣтила Семинарію, гдѣ по привѣтствіи отъ учениковъ, Ректоръ говорилъ Императрицѣ рѣчь; а потомъ нечаянные были учинены диспуты, по желанію и побужденію Графа Григорья Григорьевича Орлова; что все принято Ея Величествомъ благоволительно, и пожалованъ онъ съ учителями довольно денежною наградою. — А въ 1763 году, въ Мартъ мѣсяцъ, по именному Императрицы указу, определенъ въ Лавру Ректоръ Платонъ Намѣстникомъ на мѣсто Иннокентія, который выбылъ въ Епископа Викарія Новгородскаго въ Олонецъ. Намѣстничью должность Платонъ и принималъ не охотно, и проходилъ съ тягостію. Поелику съ нею соединено было не только смотрѣніе за монахами и всегдашнее припятіе гостей, но и хлопотливое въ соборѣ вотчинными дѣлами приказное правленіе: что Ректора отвлекало отъ пріятнаго для него въ школѣ упражненія, ибо онъ оставался притомъ и Богословіи учителемъ. Почему и располагался было отъ намѣстнической должности отказаться; но вотъ что открылось.

* Въ рукописи не означено числа.

Воспоследоваль того года въ Маѣ мѣсяцѣ паки Императрицы походъ въ Ростовъ, для перекладыванія мощей Дмитрія Ростовскаго въ новую раку, и далѣе въ Ярославль. Почему паки Императрица прибыла въ Лавру. Платонъ, яко Намѣстникъ, встрѣтилъ Императрицу у креста съ привѣтствіемъ; и по прибытіи на другой день говорилъ проповѣдь о пользѣ благочестія, которую Государыня столь приняла благоволительно, что тотчасъ повелѣла оную напечатать, и удостоила его съ Архимандритомъ быть при своемъ царскомъ столѣ. Случилось ему за столомъ сѣсть съ Г. Генераль-Прокуроромъ Княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ, который былъ тогда въ особливой у Императрицы милости. Князь за столомъ съ Намѣстникомъ непрестанно говорилъ о разныхъ матеріяхъ. Императрица, примѣтивъ сіе, говоритъ Князю: «вы никакъ полюбили О. Намѣстника, что не перестая съ нимъ говорите?» На то Князь: «это, Государыня, не челоуѣкъ а уродъ.»—«Почему такъ? Какой онъ уродъ?» возразила Императрица. На сіе Князь: «Я, Государыня, съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговаривалъ: онъ на все столь исправно отвѣтствуетъ и все столь основательно рѣшаетъ, что меня удивилъ. И какъ я его о многомъ и до иныхъ странъ касающемся вопрошалъ, онъ все такъ объяснялъ, какъ будто въ чужихъ краяхъ учился. Я его спрашивалъ, не былъ ли онъ въ чужихъ краяхъ, и гдѣ учился? онъ говоритъ, что нигдѣ не былъ, а учился только въ Москвѣ, въ Спасской школѣ. Сіе все, Государыня, меня удивило, что сей монахъ, въ столь молодыхъ лѣтахъ, столько знанія имѣетъ; и потому я его называю уродомъ.» И притомъ прибавилъ: «Дай Богъ, чтобъ наши дѣти, столько учась и столько издерживая, до такого просвѣщенія достигли.» Таковъ отвѣтъ Князя много увеселилъ Императрицу, да и всѣхъ за столомъ сидящихъ взоръ и вниманіе на Платона обратилъ: ибо Князь говорилъ весьма громко. Сіе слыша, Платонъ внутренно Бога благодарилъ за таковое милостивое судебъ его дѣйствіе. И потомъ Императрица приглашала Намѣстника ѣхать съ собою въ Ростовъ. Но онъ извинился болѣзнію;

былъ разными приуготовленіями крайне утружденъ и утомленъ, желалъ сколько-нибудь успокоиться.

По отбытіи Императрицы въ Ростовъ, куда и Архимандритъ отправился, прибыли въ Лавру три первенствующие Архіереи, Синода члены: Митрополитъ Новгородскій Димитрій, Гавріиль Архіепископъ С.-Петербургскій, бывшій потомъ Митрополитъ Кіевскій, и Амвросій Архіепископъ Крутицкій, бывшій потомъ Московскій, коимъ вельно быть въ Ростовъ, для совершенія обряда, куда Архимандритъ напередъ отправился. Ихъ встрѣтилъ съ братією Намѣстникъ Платонъ, и привѣтствовалъ и утѣшавалъ. При чемъ ему Новгородскій Митрополитъ объявилъ, что избранъ, де, во учителя къ Государю Наслѣднику, другъ его, Архимандритъ и Ректоръ Академіи, бывшій потомъ Митрополитъ Новгородскій Гавріиль: что Платонъ принималъ со обрадованіемъ. Ибо о себѣ, чтобъ быть ему въ сей должности, и не помышлялъ; да и слуховъ никакихъ къ нему о томъ не приходило.

И такъ проводивъ Преосвященныхъ, паки по нѣкоторыхъ дняхъ ихъ возвратившихся изъ Ростова встрѣчалъ и принималъ Платонъ; а Архимандритъ еще не возвратился изъ Ростова. При чемъ Митрополитъ Димитрій Намѣстнику объявилъ, что онъ будетъ учителемъ у Государя Наслѣдника. И какъ сему Платонъ удивился, и сказалъ, что сіе объявленіе съ его прежнимъ не сходственно. На то Преосвященный объяснилъ, что Государыня, де, бывъ въ Ростовъ, его Преосвященнаго объ немъ Платонъ спрашивала; и какъ, де, онъ объ немъ вызвался съ похвалою: то Императрица также похваляя его дарованія, сказала, что она положила его взять въ учителя къ Великому Князю. На что Платонъ со удивленіемъ сказалъ, что онъ никогда о томъ не думалъ; но буди воля Господня.

По возвращеніи изъ Ростова, паки Императрица посетила Лавру; и увидѣвъ Платона, тотчасъ благосклонно спросила: есть ли ему легче? — Потомъ паки удостоился быть при Государскомъ столѣ; и пожалованъ ку-

скомъ бархата рытаго и денежною съ прочими дачею не малою, и благополучно опроводили Высокую Гостью. Дни чрезъ три послѣ сего, Архимандритъ отправился въ Москву, для принесенія благодаренія за посѣщеніе, и съ собою, крайне не хотѣвшаго и желавшаго нѣсколько по трудахъ успокоиться, взялъ Платона. Но на дорогѣ получилъ Архимандритъ курьера отъ Двора съ письмомъ, чтобъ пріѣхавъ ему въ Москву, взять съ собою Платона Намѣстника, и явиться съ нимъ ко Двору.

Пріѣхавъ въ Москву, въ тотъ же день Архимандритъ съ Платономъ ко Двору явился, гдѣ имъ сказано, чтобъ остаться при столѣ. За столомъ Императрица съ нимъ благовоительно разговаривала и разные вопросы задавала; а паче Графъ Панинъ, яко Гофмейстеръ Наслѣдника, разными предложеніями его испытывалъ, особливо, какъ примѣтно было, хотѣлъ узнать, не суевѣренъ ли Платонъ. При чемъ въ первый разъ за столомъ и будущаго своего воспитанника, Великаго Князя видѣть Платонъ имѣлъ честь. Послѣ стола Графъ Панинъ позвалъ къ себѣ Архимандрита и его, и объявилъ Платону, что Ея Императорское Величество опредѣляетъ его къ Государю Наслѣднику Павлу Петровичу въ учителя Богословіи, съ опредѣленіемъ жалованья по тысячѣ рублей; а о прочемъ, де, содержаніи его положено будетъ въ С.-Петербургѣ. Ибо тогда Дворъ отправлялся въ С.-Петербургъ. И какъ Архимандриту слѣдовало туда жъ отправиться для присутствія въ Синодѣ, то и просилъ Графъ его, чтобъ онъ, отправляясь въ С.-Петербургъ, взялъ съ собою и Намѣстника Платона. При чемъ Платона просилъ Графъ, чтобъ онъ на другой день пріѣхалъ къ столу Великаго Князя, и съ нимъ бы познакомился. Почему онъ и былъ при столѣ, и съ Великимъ Княземъ и съ другими нѣсколько познакомился, и простился благополучно.

А какъ въ тотъ же день отправлялся въ свою Епархію благодѣтель Платоновъ, Преосв. Гелеонъ, Епископъ Псковскій, то посѣтивши Платонъ проститься съ нимъ на вѣки, съ нѣкоторымъ съ его стороны предчувствіемъ и предска-

ніемъ, что Богъ, де, *въдастъ, увидятся ли они впредь*. Что казалось сказано быть случайно; но Богъ самымъ дѣломъ утвердилъ. Ибо онъ, занемогши дорогою, и пріѣхавъ во Псковъ больной, чрезъ нѣсколько дней скончался. Дай Богъ ему вѣчный покой! А Платонъ, все исправивъ, съ Архимандритомъ возвратился въ Лавру, гдѣ тотчасъ сдалъ съ себя Намѣстническую должность, и постарался Богословію кончить, и кончилъ къ Петрову дню.

Между тѣмъ Платонъ, не имѣя болѣе никакой должности и хлопотъ, покоился по трудахъ, гулялъ съ учителями, особливо въ любимомъ мѣстѣ Корбухъ, и приготовлялся къ дорогѣ до Ильина дня. А послѣ Ильина дня, простившись съ друзьями, и любезное Лавры мѣсто привѣтствовавъ слезами, отправился съ Архимандритомъ въ путь. — Въ С.-Петербургъ пріѣхали въ первыхъ числахъ Августа 1763 года, и остановились на Троицкомъ подворьѣ, на Фонтанкѣ.

Какъ въ Ново-Сергіевской пустынь, принадлежавшей тогда Лаврѣ, новопостроенная соборная церковь готова была къ освященію, и Архимандритъ положилъ звать къ тому Императрицу, то и желалъ, чтобъ при семъ случаѣ Платонъ сказалъ проповѣдь, которую онъ и сказалъ въ присутствіи Государыни, Августа 10 числа. До того же мѣсяца на Успеніевъ день говорилъ проповѣдь во дворцѣ, въ Высочайшемъ присутствіи. А между тѣмъ Платону определено отъ Двора жилище, и содержаніе. Покои не худые отведены, въ бывомъ деревянномъ зимнемъ дворцѣ, что на Мойкѣ. Содержанія, кромѣ 1000 руб. жалованья, положено на столъ 300 р., по штофу водки на недѣлю, по бутылкѣ рейнвейну на день, меду, полпива, кислыхъ щей, дровъ и свѣчъ, не оскудное число, бѣлье столовое и посуда всякая дворцовая, да истопникъ и работникъ; а сверхъ того карета дворцовая съ парой лошадей и съ конюхомъ. И такъ Платонъ началъ жить въ новомъ мѣстѣ и нѣсколько новымъ родомъ жизни. Ибо, привыкши жить въ монастырскомъ уединеніи, тутъ окруженъ былъ мірскими, всякаго состоянія и пола людьми, въ томъ же дворцѣ живущими: что не очень ему нравилось;

но радъ былъ, что тутъ же была церковь, въ которой по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ исправляли службу придворные священники.

Положено Великому Князю, ученіе преподавать три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по часу, назначивъ къ тому 12-й часъ, а по воскреснымъ и праздничнымъ предъ обѣдено читать Священное Писаніе съ объясненіемъ, сколько время дозволить. И такъ, призвавъ Бога на помощь, началъ ученіе Платонъ съ Великимъ Княземъ, Августа 30-го дня, сказавъ рѣчь, въ коей объяснивъ пользу сего ученія, увѣщавалъ Высокаго ученика, чтобъ прилагалъ къ тому всякое вниманіе и прилежаніе. Великій Князь былъ горячаго нрава, понятенъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила. Однако Высокій воспитанникъ, по счастію, всегда былъ къ набожности расположенъ, и разсужденіе ли или разговоръ относительно Бога и вѣры были ему всегда пріятны. Сіе, по примѣчанію, еще ему внѣдрено было со млекою покойною Императрицею Елисаветою Петровною, которая его горячо любила, и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но притомъ Великій Князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ, и часто переходилъ съ одного предмета на другой. Платонъ проходилъ свою должность съ надлежащимъ тщаніемъ, не упуская никогда назначеннаго дня и часа. Ободряло его то, что онъ отъ Высокаго воспитанника имѣлъ счастіе весьма любимъ быть. А порядокъ ученія тотъ точно былъ слѣдованъ, какой имъ изданъ въ напечатанной Богословіи. Между тѣмъ Платонъ, по своей волѣ, и избѣгая праздности, а времени къ тому имѣлъ довольно, не рѣдко говорилъ проповѣди, всегда въ Высочайшемъ присутствіи; особливо охоту его къ тому умножало, что оныя всегда заслуживали похвалныя отзывы; и тѣ всѣ проповѣди напечатаны. Не оставялъ также при Дворѣ въ большіе праздники служить

съ придворными священниками, вмѣсто духовника Дубляскаго, который по престарѣлости охотно на то соглашался, да еще и упрасивалъ; и всякій годъ въ великій постъ Платонъ служилъ въ особой церкви, и преподавалъ Великому Князю святое причастіе, къ коему всегда набожный воспитанникъ приступалъ со благоговѣніемъ, и въ тотъ день былъ особенно доволенъ и веселъ. Когда отсутствіе Двора было въ Царское Село, Платонъ тамъ же имѣлъ пребываніе, а когда въ Петергофъ, тогда жилъ въ пустынь Новосергіевской, и въ назначенные дни туда ѣздилъ.

Живучи и при Дворѣ, не оставилъ своей любви къ уединенію; рѣдко куда выѣзжалъ, и то болѣе къ духовнымъ. Но вмѣсто того всегда почти у него собраніе было иностранныхъ людей, яко то: Грековъ, Сербовъ, Далматовъ, Французовъ, Нѣмцовъ, Италіанцевъ, и другихъ. Ибо онъ съ ними обращаться и разговаривать особенную всегда охоту имѣлъ. Собирались они всегда къ нему или на обѣдъ, или по вечерамъ. И отъ такового обращенія онъ много пользовался. Ибо изъ нихъ многіе были люди ученые и свѣтъ знающіе. Почему многихъ вещей знаніе, кое чрезъ науки получить нельзя, отъ нихъ приобрѣлъ. А притомъ какъ онъ возимѣлъ охоту учиться Французскому языку, то обращеніе съ людьми, сей языкъ знающими, много ему помогло. Почему онъ и успѣлъ въ томъ языкѣ, нѣсколько могъ разговаривать, а читать и разумѣть Французскія книги удобно могъ.

Таковы Платоновы упражненія и обращенія проходили съ 1763 до 1766 года половины. А въ другой половинѣ, въ началѣ Іюля мѣсяца, объявленъ Синоду Императрицы указъ, чтобъ Платона произвестъ во Архимандрита Троицкія Лавры, на мѣсто умершаго въ томъ году, въ Генварѣ мѣсяцѣ Архимандрита Лаврентія. Въ каковое званіе онъ и посвященъ, 1766 г. Іюля 16 дня, въ Петергофъ, въ Высочайшемъ присутствіи, Преосвященнымъ Митрополитомъ Димитріемъ Новгородскимъ. Почелъ себя обрадованнымъ Платонъ чрезъ сіе производство; поеленку опредѣленъ въ то

мѣсто, гдѣ онъ постригался, былъ учителемъ, соборнымъ, Намѣстникомъ, и которое ему особенно было любезно. А притомъ умножило его обрадованіе и то, что онъ уже имѣлъ жить на своемъ Троицкомъ подворьѣ, что на Фонтанкѣ, гдѣ и покоевъ было довольно, и церковъ домовая, и услуга вся людямъ и вещамъ готовая. А живучи въ придворныхъ покоехъ нѣсколько съ утѣшеніемъ, и между людьми свѣтскими, и въ поѣздѣ придворномъ всегдашнее находилъ затрудненіе, не безъ скуки иногда было ему. Слѣдовало новому Архимандриту быть и въ Синодѣ Членомъ, поелику было определено всегда Архимандритамъ Троицкія Лавры быть въ Синодѣ Членами; но на сей годъ онъ до того не допущенъ, но вынужденъ одного изъ Синодальныхъ Члена, хотя впрочемъ съ нимъ весьма дружно обходившагося, который, зная свободу Платонова права и разсужденія, заключалъ, неизвѣстно почему, что отъ него по дѣламъ можетъ вослѣдовать какое-либо затрудненіе.

И такъ Платонъ продолжалъ свое упражненіе обученіемъ Великаго Князя тѣмъ же порядкомъ. А къ тому занимая дѣлами, до монастыря и до Семинаріи принадлежащими, стараясь и монашествующихъ содержать въ порядкѣ, и училище въ лучшее привести благоустройство, и во всемъ сохранить доброе хозяйство. Притомъ новому Архимандриту, по особенному ходатайству Великаго Князя, определенъ, не въ примѣръ прочимъ, штатъ пѣвчихъ съ поддѣлками, 18 человекъ, съ определеніемъ на нихъ жалованья по 1000 р. въ годъ. А самъ Архимандритъ получалъ жалованья Архимандричьяго по 2000 руб., съ нѣкоторыми отъ Лавры доходами, до сверхъ того отъ Двора все то содержаніе, что и прежде получалъ; да вмѣсто выѣзду изъ Государевой кошошпной суммы по 800 руб. Таковое содержаніе было не скудное, и Платонъ былъ своимъ состояніемъ доволенъ, отъ всѣхъ любимъ и не мало почитаемъ; имѣя хорошихъ пѣвчихъ вольныхъ, утѣшался музыкою духовною, въ которой особенную имѣлъ охоту, и самъ былъ въ ней не безъ-искусенъ. Часто служилъ и на подворьѣ и при Дворѣ,

и продолжалъ сказываніе проповѣдей, какъ и прежде; особливо, что и желаемымъ здравіемъ Богъ его досель благословилъ. Но въ семь году, скоро по производствѣ, постигъ его Богъ болѣзнію, не безтяжкою. Она случилась отъ простуды, на шеѣ, при ухѣ, называемая отъ лекарей парѣтисъ, и бывъ запущена, съ трудностію могла отъ искусныхъ лекарей излечена быть; такъ что нужно было три раза на шеѣ дѣлать инцизии, съ протягиваніемъ заволоки, съ весьма чувствительною болію, и едва чрезъ три мѣсяца отъ оной освободился. Ослабленный болѣзнію, въ первый разъ явился онъ ко Двору въ новый 1767 годъ, и отъ Императрицы принять былъ благосклоннымъ соболѣзнованіемъ. И какъ въ сей годъ положено Двору отправиться въ Москву, то почему и новый Архимандритъ отпущенъ въ Лавру до прибытія Двора въ Москву; куда онъ и действительно отправился въ концѣ Генваря. И бывъ въ Москвѣ, вступилъ въ Лавру въ Февраль, мѣсяцъ, еще чувствуя слабость отъ прежде бывшей болѣзни. Воспѣлъ Богу благодарственная Платонъ, узрѣвъ св. обитель и братію, которые ему всѣ почти были знаемы, и совершивъ божественную литургію, и сказавъ слово, какъ надлежитъ жить добрымъ монахамъ; входилъ подробно въ хозяйственное, по Лаврѣ и Семинаріи, распоряженіе. И не бывъ болѣе 10-ти дней въ Лаврѣ (ибо слышалъ, что между тѣмъ Дворъ въ Москву прибылъ), отправился въ сей царствующій градъ, на свое Троицкое подворье, что на Самотекъ. И проходя при Дворѣ свою обыкновенную въ обученіи Государя Наслѣдника и въ сказываніи проповѣдей должность, между тѣмъ упражнялся въ отстройкѣ каменныхъ на томъ подворьѣ палатъ. Оныя вчернѣ были устроены Архимандритомъ Гедеономъ, однако по отобраніи вотчинъ остались не конченными. Но скоро по производствѣ во Архимандрита, Императрица пожаловала Платону на отстройку тѣхъ палатъ 8000 руб., которыя онъ совсѣмъ окончилъ къ Августу мѣсяцу, и устроилъ домовую церковь, которую и освятилъ 16 дня Августа; и то освященіе удостоилъ присутствіемъ своимъ Государь На-

слѣдникъ и Его Оберъ-Гофмейстеръ, Графъ Никита Иван. Панинъ съ прочею придворною свитою; и совзволить въ новыхъ палатахъ взять обѣденный столъ.

Въ томъ году имѣлъ Платонъ печальный случай быть на погребеніяхъ Московскаго Митрополита Тимофея, своего рукоположителя, а потомъ благопріятеля своего, Преосвящен. Димитріа Митрополита Новгородскаго Свченова, при коего необыкновенной болѣзни и кончинѣ былъ почти неотлученъ. — Но вмѣсто того былъ обрадованъ посѣщеніемъ Монархинею Лавры къ празднику, Іюля къ 8 числу, и какимъ образомъ при семъ случаѣ все происходило, и какими милостями Архимандритъ, и Лавра, и Семинарія отъ Императрицы взысканы, о семъ есть особое печатное описаніе. Въ томъ же мѣсяцѣ прибылъ и Государь Наслѣдникъ въ Лавру, и бывъ въ ней около трехъ дней, и веселясь въ загородномъ Лавры домѣ, называемомъ Корбуха, столько былъ доволенъ, что весьма часто о томъ послѣ напоминалъ, даже нѣкоторыхъ учителей, кои ему особенно понравились, воспоминалъ по именамъ.

Такимъ образомъ кончился 1767 годъ. А въ началѣ 1768 г., въ Генварѣ мѣсяцѣ, при отъѣздѣ Двора въ Петербургъ, пожалованъ Архимандритъ Платонъ въ Синодальные члены. И потому поѣхавъ на краткое время въ Лавру и сдѣлавъ нужныя распоряженія, отправился въ С.-Петербургъ.

По пріѣздѣ было его упражненіе тоже и при Дворѣ, и въ своемъ домѣ, и такимъ же порядкомъ, какъ и прежде. Но се новое возложено на него званіе — присутствовать въ Синодѣ. Горько Платонъ ревностію ко благу Церкви и духовнаго чина: и сія ревность была ему яко врожденная. Усердствовалъ входить въ дѣла и споспѣшествовать къ лучшему. Но многія узрѣлъ онъ затрудненія, кои ревность его или останавливали или притупляли. Сіе сильно смущало Платоновъ духъ и оскорбляло, особливо, что несчастливые обстоятельство обороты его останавливали въ лучшихъ его намѣреніяхъ. Почувствовалъ же онъ и ослабленіе своего здоровья, случающимися частыми коликами, самыми мучительными и не безопасными, которыя не рѣдко

приключались ему и во весь остатокъ его жизни, ослабивъ совсѣмъ желудокъ.

Но въ 1770 году Сентября 22 дня, пожалованъ онъ прямо въ Архіепископа въ Тверь, и посвященъ при Дворѣ, Октября 10 дня, Преосвященными Гавріиломъ Митрополитомъ Кіевскимъ, Гавріиломъ Архіепископомъ С.-Петербургскимъ, Иннокентіемъ Архіепископомъ Псковскимъ и Григоріемъ Митрополитомъ Унговлахійскимъ, въ присутствіи Императрицы и случившагося Прусскаго Принца Генрика, для котораго, чтобъ видѣть ему сей обрядъ, отложено было до того дня посвященіе. А притомъ оставленъ онъ былъ и Архимандритомъ Троицкія Лавры по прежнему.

Сіе послѣднее оставленное для него мѣсто наиболее его увеселило. Ибо онъ къ мѣсту сему столь былъ, такъ сказать, пристрастенъ, что лучше, можетъ быть, захотѣлъ бы при немъ единомъ остаться, нежели быть Архіереемъ, лишившись его. И сіе его расположеніе какъ при Дворѣ было не безызвѣстно, то оно и послужило, дабы и сіе мѣсто при немъ осталось, къ совершенному его удовольствію. Новое званіе получивъ, Архіепископъ Платонъ, и возблагодаривъ Императрицу пристойною рѣчью, почувствовалъ всю важность и тягость онаго. Тотчасъ всей паствы отправилъ онъ печатное подобающее посланіе; и началъ особо входить въ дѣла паствы своей, не оставляя присутствовать въ Синодѣ и прежнихъ своихъ должностей при Дворѣ и по Лаврѣ. Въ управленіи паствы единственное его намѣреніе и ревность вся состояло въ томъ, чтобъ духовенство исправить, производя сколько возможно лучшихъ священниковъ; а худыхъ, или исправляя, или неисправляемыхъ лишая званія. Былъ онъ совсѣмъ чуждъ отъ мздоимства; не только что почиталъ то противнымъ совѣсти, но и всегда представлялось ему подлою низкостію, чтобъ отъ другаго что-нибудь взять, который его бѣднѣе, да и какъ бы почитать себя ему должнымъ, и себя выставять за таковаго бѣдняка, который безъ того, аки бы, не имѣлъ чѣмъ содержать себя. И такъ совсѣмъ былъ чуждъ отъ постыднаго мздоимства; даже, когда чѣмъ его даривали, пріятели его и друзья, стыдился

онъ быть у нихъ какъ бы въ долгу и всегда чѣмъ-нибудь ихъ взаимно отдаривалъ.

Въ производствѣ дѣлъ не взиравъ Платонъ ни на сильныя лица, ни на просьбы, ни на слезы, коли то находилъ съ справедливостію законною, не сообразнымъ и съ разстройствомъ общаго паствы порядка. Также и выборы отъ прихожанъ во священно и церковнослужители не много уважалъ; ибо находилъ ихъ по большей части пристрастными или вынужденными просьбою другихъ, не имѣющихъ другаго достоинства, кромѣ что умѣютъ докучать, кланяться и плакать. Таковая Платонова поступка многимъ была не по праву, и невыгодные за то слышалъ онъ отзывы; но вмѣсто того большая часть всякаго состоянія людей были тѣмъ довольны и должною ободряли его похвалою, видя во всемъ его прямоту, а притомъ и на самомъ дѣлѣ усматривая лучшій по духовенству порядокъ: какъ-то и былъ пастырь тѣмъ утѣшенъ, что нѣкоторые изъ дворянъ отозвались къ нему съ благодарностію за хорошихъ данныхъ имъ священниковъ. И какъ сіе Архіепископа удивило, зная, что священники даны не тѣ, кои ими были выбраны и представлены, и потому имъ говорилъ, что онъ сему удивляется, зная, что многіе на сіе ропщутъ; на то отвѣчали: что подлинно и они роптали, что другіе вмѣсто выбранныхъ ими поставляются, думая, что дѣлается то по пристрастію какому, то есть, или по мздоимству, или по ходатайству и просякамъ, какъ-то, де, прежде и бывало, что нами выбранныхъ лучшихъ не ставятъ, а даютъ другихъ худшихъ. Но какъ, де, они нынѣ усмотрѣли, что даются священники хорошіе, и гораздо лучше выбранныхъ нами, то и перестали роптать, а напротивъ отзываемся съ благодарностію. И такъ Пастырь, сими бывъ ободренъ, продолжалъ свое о лучшемъ духовенствѣ попеченіе. Старался онъ сколько возможно уменьшать причетъ, чтобъ излишнихъ и ненужныхъ не было; а притомъ и приходы скудные и малочисленные или упразднялъ, или приписывать къ другимъ приходамъ, дабы болѣе доставить духовенству пропитанія, и излишнихъ трудовъ избавиться. Ибо примѣтилъ онъ, что чѣмъ скуднѣе причетъ

ники, тѣмъ болѣе во всякія впадаютъ безчинія. Также пресѣкалъ родство, дабы подѣ симъ именемъ мѣстъ не получали. Сіе вслѣски пресѣкалъ Пастырѣ сей; а единственно уважалъ достоинство и способность и непорочное житіе.

Возымѣлъ же онъ усердное стараніе и о Тверской Семинаріи, которая на все содержаніе свое получала только по 800 р. въ годъ; онъ у Императрицы испросилъ прибавки 1200 р. И такъ стала она получать по двѣ тысячи р. въ годъ. Умножилъ число учениковъ. И какъ Троицкая Семинарія состояла въ лучшемъ порядкѣ, то онъ для усовершенствованія послалъ Тверскихъ учениковъ до 70 въ Троицкую, и назначилъ имъ тамъ содержаніе.

Притомъ приложилъ стараніе и о благолѣпнѣ церковномъ. Тверскій кафедральный Соборъ строеніемъ довольно обширенъ и хорошъ: но внутри были голыя стѣны, иконостасъ не худъ, но не порядочно поставленъ. Архіепископъ, кой-какъ собравъ потребную сумму, и своими и сторонними мастеровыми, весь Соборъ внутри подмазалъ, и весь живописнымъ хорошимъ искусствомъ росписалъ; сдѣлалъ двои хоры; иконостасъ привелъ въ порядокъ; престолъ возобновилъ; и потомъ освятилъ, къ удовольствію своему и общему всѣхъ. И сіе новое Собора украшеніе заслужило благоволеніе и похвалу отъ самой Императрицы. Она, проѣздомъ въ Москву 1773 года, бывъ въ Твери и въ Соборѣ, изволила предъ всѣми отозваться, что де вы, Преосвященный, такъ украсили Соборъ, что я подобно красиваго мало видѣла. Да и не остался сей трудъ Архіепископа тщетнымъ. Ибо неизвѣстно почему и кѣмъ внушено Императрицѣ, что аки бы онъ собственныхъ своихъ денегъ на Соборъ издержалъ до 8000 р. Она, сказавъ, что ему на Соборъ своихъ денегъ издерживать нужды не было, приказала ему выдать изъ казны 8000 р.

Архіепископъ, по должностямъ Двора и Синода, болѣе жилъ въ С.-Петербургѣ на Троицкомъ подворьѣ; но два раза былъ увольняемъ и въ Епархію. Въ первый разъ въ 1771 году, на полгода, а во второй разъ въ 1774 году, на годъ. Въ оба пріѣзда жилъ онъ въ Твери въ загородномъ

домъ, называемомъ Тресвятскомъ, которое мѣсто ему весьма нравилось, яко и покоями, хотя не великими, деревянными довольное, окруженное великимъ и прекраснымъ садомъ и прудами, который садъ привелъ онъ въ порядокъ. Также находящуюся тутъ же Консисторію устроилъ, и архиву разобралъ и распорядилъ порядочно, и нѣкоторыя другія строенія или устроилъ или поправилъ.

Въ первый прїѣздъ посѣтилъ Кашинъ и его уѣздъ и Калязинъ монастырь, а оттуда посѣтилъ и Лавру; а во второй, посѣтилъ съ уѣздами города Старицу, Одоевъ, Ржевъ Володиміровъ, Осташковъ, Нилову пустыню и Торжокъ, дѣлая вездѣ пристойныя наставленія, и увѣщанія, и поправленія, и производя разныя епаршескія дѣла. А къ осени паки отправился въ Лавру, гдѣ и былъ безъ мала три мѣсяца. Но какъ слышалъ онъ, что Дворъ собирается въ Москву въ концѣ того 1774 года, то и отправился чрезъ Кашинъ въ Тверь. Окончаніе сего года было окончаніемъ и правленія имъ Тверскія Епархіи. Платону крайне понравилась сія Епархія, и онъ многократно говорилъ, даже обѣщался, не только въ другую какую Епархію не переходитъ, но проживъ въ ней 12 лѣтъ, и почитая сего времени довольно, чтобъ потрудиться для Церкви Божія въ семь санъ, думалъ и совсѣмъ отъ Епархіи отказаться, и остатокъ жизни препроводить въ Троицкой Лаврѣ, особливо, что неуныннымъ стараніемъ до того довелъ теченіе епаршескихъ дѣлъ, что ихъ чувствительно уменьшилось, и уже мало дѣлами затрудняемъ былъ.

Въ спокойное отъ дѣлъ время любилъ прохаживаться въ саду и въ Желтиковъ монастырь, недалеко отъ Тресвятскаго отстоящій, съ ближними своими духовными друзьями. А отъ большихъ собраний, и у себя и на сторонѣ, всегда удалялся. Жилъ какъ монахъ уединенно. А выѣздъ его наиболѣе былъ на служеніе въ Соборъ, въ приходскія церкви, въ монастыри, гдѣ при служеніи никогда не оставлялъ, чтобъ не сказать поученія народу. Такъ-то жилъ, и такъ-то было расположенъ о себѣ Платонъ. Но иначе судили неиспытанныя судьбы Божіи.

Въ началѣ 1778 года, въ Январѣ мѣсяцѣ, 20-го дня прибыла Императрица въ Тверь. Принялъ онъ Архіепископъ Монархиню надлежащимъ образомъ, такъ какъ и самъ принять отъ нея милостиво. На другой день, 21 Января, при самомъ отъѣздѣ Императрицы вручила Архіепископу два указа, сказавъ, чтобъ онъ тѣ указы подалъ, гдѣ надлежитъ. По провожденіи Императрицы, посмотрѣлъ онъ тѣ указы, и увидѣлъ, что въ одномъ велѣно Синоду его перевести изъ Твери въ Московскую Епархію, съ оставленіемъ и Троицкія Лавры по прежнему; во второмъ велѣно выдать ему изъ казны 5000 р. А притомъ пожалована бриллиантовая съ аметистами панатія, которую вручилъ ему Князь Потемкинъ, бывшій въ особой милости у Императрицы, а Платону другъ. Увидѣвъ Архіепископъ, что надобно ему оставить Тверь, а переселиться въ Москву, не только восплакалъ, но и возрыдалъ. Не только не хотѣлось ему оставить Твери, но и боялся Москвы; зная ея многолюдство и знатность жителей, не только воображалъ умноженіе трудовъ и заботъ, но и боялся своего собственнаго нрава. И зналъ, и привыкнуши другимъ не ласкать, а поступать единственно по собственному безпристрастному разумѣнію и по увѣренію не зазорной совѣсти, не смотря ни на кого и ни на что, думалъ, что чрезъ то много на себя навлечетъ недоброжелателей; чѣмъ принудятъ его отказаться отъ сей Епархіи, или по своей волѣ, или и противу воли его. Что послѣ нѣкоторымъ образомъ и сбылось, но совѣсть иначе; о чемъ въ послѣдствіи будетъ сказано.

Однако, какъ бы то ни было, поплакавъ, Платонъ началъ собираться въ Москву, не для того, чтобъ ему быть Архіепископомъ Московскимъ (ибо и безъ того, надлежало ему, для присутствія въ Синодѣ, ѣхать въ Москву, поелику годовой срокъ отпуска окончился), но чтобъ предстать предъ Императрицу съ прошеніемъ о увольненіи отъ Московской Епархіи.

Между симъ прибылъ скоро послѣ Императрицы въ Тверь и Великій Князь Павелъ Петровичъ и съ супругою своею, блаженныя памяти, Великою Княгинею Наталіею Алексѣевною, который оба особы не только знаемы были

Платону, но и обвѣмъ имъ былъ онъ наставникомъ въ Законѣ, а Великія Княгини и духовникомъ. Поздравили они новаго Архіепископа Московскаго плачущаго, и приняли съ такою благосклонностію, какой только можно ожидать отъ искреннихъ друзей. Порядокъ при семъ требуетъ сказать, какимъ образомъ кончилась важная должность Платонова при Дворѣ относительно обученія Закону Всероссійскаго Наслѣдника. Великій Князь вступилъ въ супружество съ Гессенъ-Дармштадтскою Принцессою, паименованною, при принтіи нашея вѣры, Наталіею Алексѣевною. Она пріѣхала въ Россію съ своею матерью и двумя сестрами. Хотя по нѣкоторымъ Двора интригамъ Платонъ отводимъ былъ, чтобъ ему не быть учителемъ у Принцессы: но и не хотя принуждены были къ тому его опредѣлить. Ибо мать Принцессы, какъ она сама Платону сказывала, требовала отъ Императрицы, чтобъ ея дочери никто учителемъ не былъ опредѣленъ, кромѣ Платона; ибо, какъ она же ему сказывала, что она читала на Нѣмецкомъ языкѣ сочиненную имъ Богословію, которая ей очень понравилась; да и Принцъ, де, Генрикъ, въ проѣздъ ея чрезъ Пруссію, его же въ учителя ея дочери рекомендовалъ. А Принцъ Пруссій, по бытности его въ С.-Петербургѣ, довольно Платону знаемъ былъ. И такъ и сію должность надлежало ему принять на себя; и хотя онъ отъ нея отрицался, но уже къ тому преклоненъ просьбою. Объяснилъ и истолковалъ Платонъ новой Принцессѣ ученіе нашея Православныя Церкви, и нашелъ ее къ тому благорасположенною. Ибо бывъ воспитана съ просвѣщеніемъ и довольномъ знаніемъ христіанскаго Закона, не находила препятствіемъ малыя нѣкоторыя различія, стать членомъ нашея Церкви. Особливо въ томъ увѣреніи (какъ мать ея Платону изъяснилась), что она не польстилась бы не только на сей бракъ, но и на всѣ царства міра, ежели бъ не была увѣрена, что дочь ея и въ семъ законѣ, яко христіанскомъ, спасется, ежели токмо добродѣтельно поживетъ. Приготовивъ новую святую отрасль, ко всему тому, что принадлежало ко обряду присоединенія ея ко Святой нашей Церкви, Платонъ, по совершеніи обряда

(который особо напечатанъ), причастилъ ее Святыхъ Христовыхъ Таинъ, и провозгласилъ пристойное на сей случай слово. А потомъ былъ ея и духовникомъ. Ибо Великая Княгиня не пожелала ни у кого исповѣдываться, кромѣ Платона; даже отозвалась, что она скорѣе безъ исповѣди останется, нежели чтобъ кому другому, кромѣ его, поручила свою совѣсть. Да и подлинно, столь къ Платону была благосклонна, что не иначе съ нимъ обходилась, какъ съ своимъ искреннимъ другомъ, и казалось, что она, кромѣ своего супруга, его всѣмъ предпочитала. Совершеніе брака Великаго Князя, 1773 года, было окончаніемъ ученія Государю Наслѣднику. За труды, понесенныя Платономъ при семъ обученіи чрезъ 10 лѣтъ, опредѣленъ ему пенсіонъ по смерти по 4000 руб. Теперь возвратимся на первое.

По принятіи сихъ драгихъ гостей въ Твери, Платонъ, и удостоившись ихъ посѣщенія въ Тресвятскомъ, и проводивъ, началъ собираться въ Москву. Простившись съ Тверію и съ своею паствою по не такъ, чтобъ въ нее не возвращаться, а надѣясь, что онъ паки въ ней останется, отбылъ въ Москву, и прибылъ 1773 года Января 27 дня, съ примѣтнымъ всей паствы Тверской объ немъ сожалѣніемъ.

Тотчасъ по прибытіи явился ко Двору съ прошеніемъ письменнымъ, чтобъ онъ уволенъ былъ отъ Московской Епархіи. Но Князь Потемкинъ, который былъ тогда во всей силѣ при Дворѣ, и любилъ Платона, не хотѣлъ отъ него прошенія принимать; даже хотѣлъ воспретить, чтобъ никто не принималъ. Но когда Платонъ представилъ, что указъ у него въ рукахъ, и что онъ его не объявитъ въ Синодъ, доколь не будетъ его прошеніе представлено Императрицѣ, и не будетъ на то рѣшенія, — согласился уже Князь, и послалъ прошеніе къ Императрицѣ, отъ которой чрезъ нѣсколько минутъ оное ему возвращено, съ надписью рукою Императрицы: «Держусь моего указа.» — И такъ Платонъ, не имѣя что болѣе дѣлать, принужденъ былъ въ тотъ же день объявить указъ въ Синодъ, и провозглашенъ Московскимъ Архіепископомъ.

**СЛОВАРЬ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ (МАТЕРІАЛЫ, СОВИРАЕМЫЕ
И. П. ВЫСТРОВЫМЪ И С. Д. ПОЛТОРАЦКИМЪ).**

*Отрывокъ 2-й. **

Державинъ (Гавріилъ Романовичъ). 1. *Срътеніе Орфеево солнца, Гимнъ и Дионирамбъ въ Греческомъ вкусъ, препровождаемые лирою. Музыка Г. Бортиянскаго. Съ дозволенія С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. С.-Петербургъ. Въ Медицинской типографіи, 1811 г. Въ 4-ю д. листа. Стихи на двухъ страницахъ. Въ Гимнъ три подраздѣленія: Строфа, Антистрофа и Эподъ. Въ Дионирамбъ также. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, всего 31 стихъ.*

Три первые стиха Гимна:

Оставъ багряный одръ, — гряди,
О златокудрый! вѣчно юный
Богъ свѣта! дѣвъ Парнаскихъ вождь, и проч.

Имя автора означено въ концѣ стихотворенія. У Сошкова N 11,298. У Смирдина нѣтъ. И. Б.

Жуковскій (Василій Андреевичъ). 1. *Императору Александру. Стихотвореніе Василя Жуковскаго. С.-Петербургъ, въ типографіи Ѳ. Дрехслера. 1818. Въ 4 д. л. За исключеніемъ заглавнаго листа и посвященія, помѣченныхъ страницъ 19.*

Авторъ посвятилъ свое стихотвореніе Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ это посвятительное *Письмо*:

* Сх. 1-й отрывокъ, въ Москвитянинѣ, N 9, Отдѣленіе 3, стран. 7—10.

Всемиловѣйшая Государыня!

Воззрите съ благосклонностію на произведеніе стихотворца, уже имѣвшаго счастье обратить на себя снисходительные Ваши взоры.

Посланіе къ Государю Императору, Вашему Величеству мною подносимое, есть выраженіе не однихъ чувствъ поэта, но вмѣстѣ и всего, что чувствуетъ теперь народъ Руской — языкъ свободной и простой, дань благодарности, дань безкорыстнаго удивленія.

Въ нынѣшнее время, столь славное для Рускаго народа, всякой Руской стихотворецъ также обязанъ славить своего Царя, какъ и всякой, имѣющей благодарное сердце, выражать свои чувства передъ своимъ благодѣтелемъ. Нынѣ хвала дѣлаетъ болѣе чести поэту, нежели Царю, Которой не ищетъ ее, но творитъ добро потому, что инаго творить не можетъ: и не лезть приводить теперь стихотворца къ Престолу, не бѣдная надежда заслужить награду, но славное имя Рускаго, но честь — быть однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которые клялись въ вѣрности Великому Целовѣку, за котораго жизнь отдать — есть наслажденіе.

Исполняю долгъ свой. Не думаю ласкать себя надеждою, что своими стихами выразилъ то величіе, которымъ мой предметъ блистаетъ; но я былъ уже счастливъ, стараясь изобразить его. Приношу мои хвалы не къ престолу моего Царя — Онъ ихъ не требуетъ; но сердцу Его Матери — и счастливъ буду, еслии она найдетъ въ моихъ чувствахъ нѣкоторое сходство съ собственными.

Благодарность за то вниманіе, котораго Ваше Императорское Величество меня удостоили, котораго я не отваживался ни надѣяться, ни искать, поселило въ меня эту смѣлость. И теперь ни какой другой цѣли не имѣю, кромѣ этого ободрительнаго, столь сладостное чувство благодарности производящаго вниманія. Вашему Величеству угодно было удостоить меня награды — даръ священной руки Монаршей сохранится въ благодарной сѣмѣ, какъ памятникъ драгоценной милости. Но теперь, Государыня, осмѣливаюсь ска-

зтъ свободно, что поднося мое посланіе Вамъ, Матери нашего Царя, Героя, Благотворителя, желаю заслужить одно только Ваше одобреніе. Какъ стихотворецъ, я сказалъ вслухъ и весьма слабымъ языкомъ то, что каждый изъ моихъ соотечественниковъ чувствуетъ въ тайнѣ души своей — дерзкое, но счастливое право поэзіи! — И если сердце Матери-Царицы, Той, Которая уже сама съ престола склонила на меня взоръ милости, будетъ тронута голосомъ поэта, если мои соотечественники скажутъ, что я не обезобразилъ своими стихами ихъ благодарности къ нашему Царю за Его Царскія добродѣтели, составляющія прямую честь и драгоценнѣйшую собственность народа — тогда какой счастливѣйшей награды желать мнѣ останется?

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданныйшій

Василій Жуковский.

Это *посвященное* письмо не напечатано ни въ одномъ изданіи сочиненій Жуковского.

Брошюрка въ наше время *рѣдка*.

2. *Пѣвецъ на Кремль Василій Жуковского. С.-Петербургъ, въ Медицинской типографіи, 1816 года. Въ малую, 4-ю д. л., страницъ помѣченныхъ 21. На слѣдующей послѣ заглавнаго листа страницъ: «Отъ Издателей. Сии стихи написаны въ концѣ 1814 года. Авторъ представляетъ Пѣвца Русскихъ воиновъ, возвратившагося на родину и поющего пѣснь освобожденія на Кремль, среди гражданъ Московскихъ, въ виду жертвы, принесенной за отчизну и въ тотъ самый день (18 Декабря), когда торжествующая Россія преклоняетъ съ благодарностію колѣна предъ Промысломъ, спасающимъ чрезъ нея всѣ народы Европы и всѣ блага свободы и просвѣщенія.»*

Крыловъ (Иванъ Андреевичъ). 1786.

Эпиграмма къ N....

Ты здоровымъ хвалишься умомъ безстыдно,
Но здравого ума въ дѣлахъ твоихъ не видно.

Или безпутно ты являешься надменъ ,
 Или не к стати подлѣ и слишкомъ униженъ:
 На свѣтъ рѣдкія ты вещи презираешь ,
 Тогда, какъ къ мелочнымъ почителемъ бываешь :
 Ты любишь вредное , отъ здраваго бѣжишь ,
 Въ надеждѣ ты пустой , лѣта свои влачишь ;
 Или уныніе томить тебя напрасно:
 Или на свѣтъ сень , всё кажется опасно ;
 Не ужасаешься зловредныхъ лишь вещей.
 Послушай ты меня, послѣдуй мысли сей,
 Что настоящее съ прошедшимъ соединится
 И будущее впредь, какъ бывшее явится.
 Ты блага твердаго не твердо лучшимъ чтишь
 Не вещью себя, ничтожествомъ манишь.

Въ *«Пономѣ собраніи сочиненій Крылова»* изд. Юнг-
 мастеромъ и Веймаромъ , въ 3 частяхъ , этой эпиграммы
 Крылова нѣтъ , но она помѣщена въ журналъ *«Лекарство
 отъ скуки и заботъ»* изд. Гуманскимъ, часть I, стр. 268.

Н. Б.

Сумароковъ (Александръ Петровичъ). 1773. *Ода Ея
 Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ
 Наталіи Алексѣевнѣ*, сочиненіе Александра Сумарокова. Въ
 С.-Петербургѣ , при Императорской Академіи Наукъ , 1773
 года. Въ 8 д. л. 10 помѣченныхъ страницъ. 14 строфъ, по
 10 стиховъ въ каждой.

Начало Оды :

Лучи багряныя авроры,
 Проникли чисты небеса , и проч.

А ты подобаясь героинѣ ,
 Внеми , Наталія , мой нынѣ
 Нельстивый, справедливый гласъ !

Къ Одѣ присовокуплены 6 *Мадригаловъ* на двухъ не
 помѣченныхъ страницахъ.

Подъ мадригалами авторомъ сдѣлано примѣчаніе: «Сін мадригалы при торжественномъ столѣ были поданы: 1. К. М. Н. Волконскому. 2. Г. П. И. Панину. 3. П. Д. Еропкину. 4. Пр. Арх. Крутицкому. 5. Пр. Арх. Суздальскому. 6. Отцу протопопу Успенскаго Собора, брату Пр. Платона Архіепископа Тверскаго.» У Смирдина N 7851. У Сопикова нѣтъ.

И. Б.

ТРЕДІАКОВСКІЙ (Василій Кирилловичъ). 1. *Августѣйшія Россійскія Императорскія короны сіяніе въ торжественный коронованія день Всепресвѣтѣйшія, Державнѣйшія Великія Государыни Анны Іоанновны, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія поздравительною одою, со всеподданнѣйшею покорностію прославляетъ Академія Наукъ.* Печатано при Императорской Академіи Наукъ 28 Апрѣля 1757 года. Имени автора не показано на экземплярѣ. У Сопикова N 7011-й также безъ имени автора. У Смирдина вовсе не означено, ни въ *рописи*. 1828 года, ни въ *приволеніяхъ*, 1829 и 1832. Въ одномъ переплетѣ съ Русскою одою помѣщенъ и *Нѣмецкій переводъ* ея. На Русскомъ 6 страницъ; 10 строфъ, по 8 стиховъ въ каждой. То же и на Нѣмецкомъ. Начало 1-й строфы:

Что за свѣтлость мя почти нынѣ ослѣпляетъ ?

Свѣтлость, что духъ и къ себѣ очи восхищаетъ

Толь блистаніемъ своимъ скоро несравненнымъ ? и проч.

Въ *Сочиненіяхъ и переводахъ Тредіаковскаго*, напечат. при Акад. Наукъ 1752 года (Смирдинской *рописи* N 6162) эта ода не помѣщена.

2. *Всепресвѣтѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской Государынѣ Всемилостивѣйшей всеподданнѣйшее поздравленіе въ Высочайшій день Ея Коронованія въ Царствующемъ и Столичномъ городѣ Москвѣ, Апрѣля дня 1742 года въ привѣтственной одѣ изображенное и Ея Священнѣйшему Величеству усерднѣйшее посвященное*

чрезъ всеподданнѣйшаго раба Василя Тредіаковскаго Императорскія Академіи Наукъ Секретаря. Въ С.-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1742. Въ листъ. За исключеніемъ заглавнаго листа и посвященія, 8 страниць. Съ 2-мъ въ началѣ и въ концѣ брошюры виньетами. Ризалъ ихъ Иванъ Соколовъ. На первомъ виньетѣ надпись: *Plures nunquam cinxit virtutes*, на второмъ: *Communis in Gaudia concensus*. 15 строфъ, по 10 стиховъ въ каждой. На оборотъ заглавнаго листа: «Господи! велия слава Ея спасеніемъ Твоимъ.» Посвященіе на двухъ страницахъ.

Всемиловѣйшая Государыня Императрица!
Самодержца Всероссийская!

Вожделѣнный и спасительный день всеобщія Россійскія радости, то есть, день Вашего Императорскаго Величества священнѣйшаго коронованія, расширивъ наичувствительнѣйшимъ веселіемъ мое сердце, не попускаетъ и мнѣ быть при всемірныхъ безгласнѣхъ восклицаніяхъ. Не имѣя достойнѣйшаго внѣшняго способа, къ изъявленію внутренняго моего усердія, Оду сію токмо, припадъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, за истинный знакъ всеподданническихъ моей должности, Вашему Императорскому Величеству въ прѣѣствіе посвящаю.

Дерзновеніе мое весьма не можетъ извиниться, тѣмъ что наидостойнѣйшей въ свѣтѣ Монархинѣ, крайню недостойную пѣснь толикаго празднованія и толикія короны, нывъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, торжественно отъ руки Всевышняго воспріятыя, приношу тако: но нѣсколько не можетъ же оное во мнѣ и не оправдѣтся, ибо, искреннимъ сердцемъ, чистымъ духомъ, и непритворнымъ радованіемъ движимый, прославляю въ ней, по мѣрѣ слабыхъ моихъ силъ, Ваше Императорское Величество, истинную нашу Самодержцу.

Воспріемля съ благоволеніемъ въ день сей великопные отсюду дары, да не отринетъ Ваше Императорское Величество и моего подлаго сего и убогаго; сіе жъ по при-

нѣру преисполненнаго щедротъ Бога, котораго здѣсь на землѣ образъ есть и подобіе Ваше Императорское Величество: ибо сего благостыня призираетъ и на драгоценное отъ приносящихъ къ олтарю золото, и сдѣла на не презираемыя нѣкоторыя вещи. Сего есть рода токмо и сіе мое приношеніе; но представляеть въ жертву Вашему Императорскому Величеству какъ наичистѣйшую ревность, такъ наидолжнѣйшее, наисовершеннѣйшее раболѣпство, съ которыми всегда я былъ, нынѣ есмь, и пребуду до послѣдняго издыханія.

Всемилоствѣйшая Государыня Императрица,
Вашего Императорскаго Величества
всеподданный рабъ:

В. Тредіаковскій.

Устрой молчаща давно Ліра
Въ громкій гласъ нынѣ твои струны,
Чтобъ слышатся ти отъ міра,
Вознеси до странъ, гдѣ Перуны,
Свѣтлый твой купю звонъ пріятный,
Да будетъ сей и грому внятный:
Но сладостна неси въ чертоги.
Поя ЭЛИСАВЕТУ краснѣ,
Отъ нынѣ, въ томъ долгъ твой, всечасно,
И Ей повергаясь подъ нѣгю.

Ода кончается стихомъ:

Конецъ творю лірныхъ играній.

У Сопикова нѣтъ. У Смирдина нѣтъ.

Эминъ (Николай Ѳедоровичъ). Ода на заключеніе мира съ Готвами. Николая Эмина. Въ С.-Петербургѣ, печатано съ дозволенія указнаго, у І. К. Шнора, 1790. Въ 4-ю д. л. За исключеніемъ заглавнаго листа, 8 страницъ, непомѣченныхъ. 18 строфъ, по 10 стиховъ въ каждой. Къ особенностямъ оды принадлежитъ отсутствіе въ словахъ буквы ѣ.

И. Б.

Первая строфа.

Свѣтло царствъ, душа свободы,
 О ты прекрасна тишина!
 Подруга Муз и дочь природы
 И счастья общаго вина.
 В порфирѣ свѣтлой утѣшенъ,
 На колесницѣ восхищенъ,
 Спѣши ты в сѣверныя страны.
 Твои законы нами правятъ,
 Тебя зовутъ, тебя и славятъ
 Россія вѣрные сыны.

Послѣдняя строфа.

А ты герой и друг покоя,
 Тѣмъ именемъ, дѣлами свѣтъ!
 Потщись без кровопролитна боя
 Свершить свой к славѣ бмстр полетъ
 Умѣя карать и брать в плѣн грады,
 Умѣя взаимны лить отрады,
 Союз есть щитъ земныхъ владыкъ!
 Позволь сказать в стихахъ мнѣ смѣло:
 Успѣхъ всегда вѣнчаетъ дѣло;
 Устрой намъ миръ — и ты великъ!

У Сопикова N 7219. У Смирдина. нѣтъ. И. Б.

но мы думаемъ, что первое довольно близко замѣняется нашимъ *ъ*, а прочія двѣ, гласною *э*. Но у насъ нѣтъ общаго всѣмъ языкамъ Европейскимъ мягкозвучнаго *і* съ гласными и двугласными: *а*, (*а*) *au*, *о*, (*о*) *ou*, *oi*, (*l'agne, laurier, l'our, loge, loi, lang*, и т. д.), и *l mouillé* — (какъ напр. въ словѣ *dépouille*), и общаго Французскому и Нѣмецкому языкамъ звука *и*, *й* (напр. *unité, Uebel*), хотя, впрочемъ, послѣднее имѣетъ въ себѣ какъ бы ползвукъ *і*: первое замѣняется у насъ хотя грубымъ, но не противнымъ слуху: *la, lo, ly, lya* (что гораздо сноснѣе, нежели *ля, лѣ, ло*); а второе, менѣе благозвучнымъ *ю*, звукомъ, который мы, впрочемъ, находимъ и у Нѣмцевъ въ двугласной *ju*, и у Англичанъ въ *you* (*и, eu*), напр. *Zibeln, young, union*, и у Итальянцевъ, въ *ju* (напр. въ *jussione*). Но что касается до двугласныхъ *au* (въ Латинскомъ, Итальянскомъ и Испанскомъ) и *ou* — то ихъ довольно удачно можемъ замѣнять или слогомъ *ав* (напр. въ *Auto medon*), или *ау* (напр. *ауто, Бауеръ*, и т. д.). Въ Итальянскомъ, едва ли не всѣ звуки доступны для выраженія нашимъ алфавитомъ; въ Испанскомъ же кромѣ *j* (вмѣсто котораго писали встарину *x*, между тѣмъ какъ сія послѣдняя буква употребляется нынѣ только въ словахъ взятыхъ съ Латинскаго, и выговаривается какъ *хс*, напр. *examen*), вѣроятно, болѣе гортаннаго, нежели нашъ *х*; кромѣ *h*, предъ гласными *а, о, и* (*haber, honra, hurtar*) болѣе или менѣе придыханнаго, нежели во Французскомъ *h aspiré*, а иногда близкаго къ Исп. *j* (*ха*); кромѣ *b*, нерѣдко имѣющаго въ себѣ ползвукъ *в* (въ *caballo, haber*), — въ Испанскомъ, говоримъ мы, не исключая даже *ll* и *ñ* (на пр. *llano* — льяно, *piño* — нилью), всѣ звуки могутъ быть выражены Русскими буквами.

Вотъ все, что мы хотѣли сказать вообще о буквахъ.

Въ отношеніи же къ *акценту* (accent) замѣтимъ, что мы принимаемъ его не столь въ тѣсномъ значеніи, какъ другіе, но соединяемъ съ нимъ: 1) понятіе объ исключительномъ, каждому народу свойственномъ и какомъ-то особенномъ способѣ выговора, неудобовыразимомъ ни на какомъ другомъ языкѣ, а еще менѣе того на языкѣ Русскомъ;

2) принимая его въ значеніи удареній, которыхъ происхожденіе въ языкахъ ново-Европейскихъ, должно искать преимущественно въ древне-Греческомъ; и наконецъ, 3) въ известной иттоннации самыхъ буквъ, изъ коихъ однѣ болѣе или менѣе общи всѣмъ народамъ, другія же составляютъ принадлежность какого-либо одного языка. Къ симъ-то послѣднимъ, которыя бы мы условно назвали *буквами-акцентами*, мы относимъ Французское *e* (какъ напр. въ словѣ *retarder*) и доегласное *eu*, носовые звуки *n* (въ которыхъ, вопреки Г. Ястребцеву ни мало не отзывается Русское *г*) и *gne*; въ Итальянскомъ, доегласныя *ao* (на пр. *paolo*) и *uo* (какъ въ *uoto*); въ Испанскомъ *h* (которое, кромѣ общаго всѣмъ Европейскимъ языкамъ невыразимаго Русскимъ алфавитомъ, имѣетъ въ себѣ какъ бы ползвукъ *f* (потому что по древней ороографіи, вмѣсто *hija*, писалось: *fija*), и въ нѣкоторомъ значеніи букву *b* (въ *caballo*); въ Нѣмецкомъ доегласное *ü*. Но въ Англійскомъ языкѣ (кромѣ общаго съ прочими Европейскими языками мягкаго *l*) недоступны для выраженія Русскимъ алфавитомъ буквы *и* (напр. въ словѣ *but*), *w* и *th*. — И такъ не излишнее ли требованіе со стороны партіи нововводителей, которые пишутъ: *Уальтеръ*, *Уашигтонъ*, *Бэкнъ*, и пр.? Мы, напротивъ того, полагаемъ, что должно писать, *Вальтеръ*, *Вашингтонъ*, *Баконъ*, тѣмъ болѣе, что ни одинъ Русскій, не знающій иностраннаго языка, съ котораго взято какое-либо собственное имя, не смотря ни на какія ухищренія ороографіи, не съумѣетъ выговорить его съ надлежащей акцентуаціей. Но что касается до Англ. *th*, то его, какъ мы думаемъ, можно замѣнять, по необходимости, Русскимъ *т* (въ *Монмутъ/h*), не смотря на прочія его оттѣнки выговора (какъ напр. въ *through*, *thou* и т. п.), которыя вполнѣ для насъ на письмѣ невыразимы.

Съ другой стороны, мы не можемъ согласиться и съ противной партіей, которая, слѣдуя прежнему нашему прописанію собственныхъ именъ, болѣе по какому-то капризу, держится старинн. и готова писать *Шакесперъ*, *Леаръ*, *Нестонъ*, *Хили*, *Монмутъ*, и т. д. Пусть бы это еще происходило отъ незнанія, или хотя отъ какого-то

страннаго желанія сохранить старинную Русскую ореографію; но кажется извѣстно, что въ произношеніи всѣхъ иностранныхъ собственныхъ именъ мы учились изъ Французской ореографіи, въ которой, по бѣдности формъ языка и по законамъ имъ лишь свойственныхъ началъ эвфоніи, искажаются всѣ иностранные звуки. Впрочемъ, тотъ же самый недостатокъ замѣчаемъ мы и у Итальянцевъ, и у Испанцевъ, и у Англичанъ; но Нѣмцы, въ семъ случаѣ очень благоразумно поступили: они, не обращая вниманія на выговоръ, приняли себѣ за правило (очень съ немногими исключеніями) *писать* собственные имена по ореографіи того языка, съ котораго они взяты. Но и они также не могутъ служить намъ примѣромъ, какъ потому, что мы, употребляя другія буквы азбуки, нежели прочіе Европейцы, должны ихъ писать по какому-либо *выговору*; такъ и потому, что будучи богаты звуками, не имѣемъ въ этомъ и нужды; между тѣмъ какъ они бѣдны ими: у нихъ нѣтъ для *выговора* ни звука *ч*, общаго Итальянскому (*ce, ci*), Испанскому (*cha, chi, cho, chu*) и Англійскому (*ch*), ни свойственнаго Русскому и Французскому *ж* (*g, j*), не говоря уже Англійскаго *th* или Греческой *θ* — которые и для насъ, Русскихъ, невыразимы, развѣ буквою *т*, или въ Греческихъ словахъ *ѳ*, какъ напр. въ словахъ *Monmouth* — Монмаутъ, *Southey* — Саутъ, Теофрастъ и т. п.

Но принимая *акцентъ* въ значеніи *ударенія*, или по духу нашей просодіи, долгаго слога, мы полагаемъ необходимымъ ставить его подъ иностранными собственными именами, и пишемъ: Мишелё (если хотя и не Мишлѣ), Боссюэ, Мильтонъ, Ньютонъ, и т. д. Кромѣ общеизвѣстныхъ, каковы: Фенелонъ, Бюффонъ и т. п.

И такъ, отвѣчая наукообразными выводами изъ самыхъ началъ алфавитовъ языковъ Европейскихъ, заключимъ, что неблагоразумно изъ пустаго упорства мѣшать разсудительному нововведенію въ правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ. Время, можетъ быть, побѣдитъ и закоренѣлые наши предразсудки касательно нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, означающихъ *названія государствъ*. Впрочемъ, въ от-

вошеніи къ симъ послѣднимъ, должно сказать и то, что они, будучи, большею частію, взяты съ богослужебнаго и дѣловаго языка среднихъ временъ Западной Европы, и слѣдовательно, почти всеобщими, имѣютъ еще нѣкоторое право на свою неприкосновенность. То же самое, полагаемъ мы, можно сказать и о *перемѣнѣ окончаній* нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, которыя у насъ, Русскихъ, устанавливались по свойственнымъ нашему языку раздѣленіямъ по родамъ, какъ то напр. Луара *вм.* Луаръ (а не Лоара, какъ намъ часто случалось встрѣчать у многихъ писателей: Французское *oi*, выговаривается чисто: *ya*), Сена *вм.* Сенъ, и т. д., ибо намъ, по внутреннему безотчетному чувству казалось, что такое-то имя должно было употребить въ женскомъ родѣ, и мы дали ему окончаніе на *a*, а такое-то, въ мужескомъ — и мы замѣнили несвойственныя намъ *осъ, усъ, о*, окончаніями — на *ій, ѣ, тѣ, нѣ*, и т. д., и пишемъ вмѣсто Виргиліусъ — Виргилій, *вм.* Маро — Маронъ, *вм.* Тацитусъ — Тацитъ и пр.

Но мы полагаемъ, что необходимо должно соблюдать правописаніе собственныхъ именъ, согласное съ выговоромъ того языка, съ котораго они взяты, преимущественно тамъ, гдѣ они происходятъ отъ существительныхъ нарицательныхъ, и слѣдовательно имѣютъ значеніе, каковы, напр.: Вера-Крусъ (отъ *vera Cruz* т. е. истинный крестъ), а не круцъ. Готь (отъ *goat* — коза) и пр. Для отвращенія же недоразумѣній, можно ставить въ скобкахъ слова и по старинному выговору, если ужъ онъ очень далекъ отъ настоящаго новаго; но писать имена на самомъ томъ языкѣ, съ котораго они взяты, прибавляя только Русское окончаніе падежа съ не-Русскимъ апострофомъ, — не говоря уже о томъ, что это ломаетъ выговоръ (ибо напр. *Cruz'a*, если бы написать чисто Русскими буквами, то вышло бы: Крусь-а), намъ кажется и страннымъ и неприличнымъ.

Но если бы намъ сдѣлали такое возраженіе: «какъ же писать тому, кто не знаетъ языковъ иностранныхъ, да и много ли на свѣтѣ Гумбольдтовъ и Меццофантѣ?» То мы, не принимая ничего á la rigueur, отвѣтили бы ему Русскою поговоркой: «на нѣтъ и суда нѣтъ!» *М. Лихонинъ.*

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ РОССІИ.

Въ новѣйшія времена изслѣдованіямъ о разныхъ политико-экономическихъ вопросахъ старались придать основаніе по возможности прочное и положительное, утверждая ихъ на событіяхъ и дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи статистика оказала истинную услугу: она вездѣ появлялась съ вѣсами и мѣрами, и старалась опредѣлить въ точности всѣ количества, подвергавшіяся экономическимъ разсмотрѣніямъ. Гдѣ прежде довольствовались одними общими и неслыными показаніями — много, мало, достаточно, тамъ статистика стремилась сдѣлать строгія оцѣнки и представить точныя величины, хотя это ей и не всегда удавалось. Но съ тѣхъ поръ, какъ метода наблюденій и исчисленій была примѣнена къ этимъ вопросамъ, съ тѣхъ поръ, какъ явленія въ цѣнахъ, курсахъ, издержкахъ производства и пр., или дѣйствіе на нихъ внѣшнихъ событій, стали измѣрять точными величинами, экономическіе выводы получили строгость и достовѣрность, какихъ прежде не имѣли.

Статистика въ отношеніи къ земледѣлію имѣетъ также предметомъ опредѣленіе величинъ, оцѣнки. Эти огромныя операціи, особенно въ обширныхъ государствахъ, могутъ быть дѣлаемы только правительствомъ и для государственныхъ цѣлей, какъ для раскладки поземельной подати соотвѣтственно съ производствомъ и доходностію земли. Уже во времена отъ насъ отдаленныя, писцы дѣлали описи земель,

основываясь впрочемъ въ своихъ выводахъ и оцѣнкахъ, на сказкахъ владѣльцевъ. При Императорѣ Петрѣ I предполагалось произвести измѣренія уже по точнымъ геометрическимъ способамъ. При Императрицѣ Екатеринѣ II это предположеніе стали приводить въ исполненіе, преимущественно съ цѣлю опредѣлить и утвердить границы поземельной собственности; эта операція получила наименованіе *генеральнаго межеванія*. До сихъ поръ еще результаты генеральнаго межеванія, которое начато 1766 года, принимаются статистикою, и Г. Арсеньевъ, который, по своему благопріятному положенію въ отношеніи къ статистическимъ работамъ, можетъ наиболее получать и объяснять фактовъ, въ последнемъ сочиненіи (*Статистическіе Очерки*, Спб. 1848, стр. 489) сказалъ: «въ частныхъ показаніяхъ о распредѣленіи земель на пашню, луга и лѣса, я держался вѣдомостей генеральнаго межеванія тамъ, гдѣ оно было произведено, а гдѣ его не было, указаній губернскаго начальства.» Этотъ отличный ученый для поправокъ устарѣлыхъ данностей, полученныхъ болѣе чѣмъ за полвѣка, долженъ былъ прибѣгнуть къ вѣроятнымъ предположеніямъ, основаннымъ на сравненіяхъ населенія въ эпоху межеванія и современную, какъ мы видимъ неоднократно въ дополненіяхъ и поясненіяхъ приведенной выше книги. Руководствуясь свѣдѣніями, сообщенными Г. Арсеньевымъ, который изъ обмежеванныхъ досель 32 губерній получилъ о 27 изъ межевой канцеляріи межевыя вѣдомости, а по всѣмъ остальнымъ пользовался показаніями губернскаго начальства, мы составили слѣдующую таблицу объ употребленіи земли подъ разные роды хозяйства:

Пространства:	Пашни *.	Луговъ.	Лѣсовъ.	Общее простран.
I. Сѣверное.				
Архангельская губ.	78.867	156.312	29,532.712	78,215.760
Вологодская	739.337	378.689	32,912.961	35,113.680
Олонекская	331.112	95.970	9,942.789	14,026.320
И того....	1,149.316	630.931	72,588.462	127,355.760
II. Алаунское.				
С.-Петербургская	543.172	175.500	2,741.958	4,883.760
Новгородская	1,132.002	225.092	7,425.030	11,153.526
Тверская	1,604.794	268.666	3,410.811	6,163.920
Смоленская	1,848.243	220.063	2,537.088	5,153.760
Псковская.....	1,292.092	195.145	2,226.723	4,077.360
И того....	6,420.302	1,084.461	18,341.602	31,414.320
III. Балтійское.				
Эстляндская	236.660	258.344	477.792	1,895.040
Лифляндская	414.057	553.258	1,928.428	4,299.120
Курляндская	489.710	313.877	975.264	2,499.800
И того....	1,140.427	1,105.479	3,381.484	8,688.960
IV. Низменное.				
Витебская	1,547.347	108.038	1,624.302	4,082.400
Могилевская	1,580.987	154.548	1,851.402	4,455.360
Минская	2,820.000	1,546.000	3,304.470	8,174.880
Гродненская	1,232.598	315.207	798.996	3,487.680
Вяленская	1,169.191	334.692	1,767.435	3,865.680
Ковенская	2,052.320	500.000	803.995	3,820.320
И того ..	10,402.443	2,958.485	10,150.600	27,886.320
V. Карпатское.				
Кіевская	2,343.994	443.478	989.055	4,601.520
Волынская	2,108.257	776.265	2,438.865	6,531.840
Подольская	2,064.937	772.662	473.540	3,895.920
Черниговская.....	3,190.591	629.635	965.645	5,034.960
Полтавская.....	1,998.833	1,214.480	587.430	4,515.840
Харьковская	1,912.159	1,299.996	544.615	4,964.400
И того...	13,618.771	5,136.516	6,009.150	29,544.480
VI. Степное.				
Бессарабская обл.....	500.000	не извѣ	стно	4,319.280
Херсонская губ.....	1,400.000	2,000.000	90.000	6,713.280
Екатеринославская....	болѣе $\frac{1}{2}$	общаго	пространс.	1,078.240
Таврическая	показаній	не имѣется		5,861.250

* Въ нѣрыхъ въ этой таблицѣ обозначены десятинами.

Пространства:	Пашни.	Луговъ.	Лѣсовъ.	Общее пространство.
	Десятинъ.	Десятинъ.	Десятинъ.	Десятинъ.
Ставропольская съ Черноморьемъ.....	показа-	ній не	имѣется.	13,356.000
3. Войска Донскаго..	2,309.469		421.291	14,832.720
Саратовская губ.....	2,526.986	6,512.584	1,203.080	17,766.000
Астраханская	21.787	384.574	120.366	14,414.400
3. Войска Уральского.				6,007.680
И того....				89,349.120
VII. Центральное.				
Ярославская губ.....	1,047.697	205.771	1,646.283	3,321.360
Костромская	1,513.313	303.605	5,320.604	7,539.840
Владимірская	1,630.576	253.144	2,104.079	4,344.840
Нижегородская	1,621.615	246.302	2,390.294	4,418.040
Целянская	1,458.380	422.050	1,416.005	3,477.600
Тамбовская	2,153.211	1,604.315	1,773.421	6,056.030
Воронежская	2,106.314	2,319.325	521.550	6,093.360
Курская	2,080.006	535.997	529.306	4,222.790
Орловская.	2,179.678	331.414	1,286.936	4,324.320
Калужская	1,227.566	151.942	1,240.910	2,887.920
Московская....	1,144.062	253.431	1,350.187	2,968.160
Тульская.....	1,912.036	208.655	472.259	2,792.160
Рязанская	1,693.977	288.068	1,412.106	3,860.640
И того....	21,768.431	7,124.019	21,463.740	56,306.390
VIII. Уральское.				
Симбирская	2,421.181	1,512.640	2,156.660	6,627.600
Казанская.....	1,886.108	472.401	2,990.403	5,685.120
Вятская	2,606.938	432.708	9,491.346	12,800.000
Пермская.....	2,573.057	1,992.940	19,927.680	30,807.920
Оренбургская	2,135.538	3,928.128	10,984.545	28,128.340
И того....	11,628.822	8,338.817	45,550.634	83,648.390

Для дополненія этихъ свѣдѣній считаемъ за нужное присоединить по тому же автору извѣстіе, какія именно губерніи не были обмежеваны. Онѣ здѣсь названы въ порядкѣ пространствъ.

I, Архангельская. II, Балтійскія, IV, Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская. V, Кіевская, Волынская, Подольская, Черниговская, Полтавская. VI, Бессарабская об-

ласть, Ставропольская г. съ Черноморьемъ, 3. Войска Донскаго, Астраханская г., 3. Войска Уральскаго. Губерніи Екатеринославская, Херсонская и Таврическая хотя обмежеваны, но результаты еще не приведены въ ясность. VIII. Пермская г. обмежевана, но свѣдѣній объ ея межеваніи не доставлено.

Если мы сочтемъ вмѣстѣ величины пашни, луговъ и лѣсовъ, представленныя выше, то получимъ:

Пространство	Пашня	Лука	Лѣса
I.	1,149,310	630,971	72,388,862
II.	6,420,302	1,084,461	18,341,602
III.	1,140,427	1,105,479	3,581,484
IV.	10,402,443	2,958,488	10,180,600
V.	13,618,771	8,136,316	6,009,180
VII.	21,768,431	7,124,019	21,463,740
VIII.	11,628,822	8,338,817	48,880,634
Итого	66,128,812	26,378,748	177,285,672

Но къ этой таблицѣ мы сдѣлаемъ слѣдующія примѣчанія.

1. Въ составъ ея не вошло очень обширное — *Степное пространство*, потому что о немъ встрѣчаются только отрывочныя показанія; именно: а) для Бессарабіи означено только приблизительное количество пашенной земли 500,000 дес.; б) о Херсонской г. пашни показано 1,400,000 дес., лука 2 м., лѣса 90,000 дес.; в) объ Екатеринославской сказано, что изъ общаго пространства 6,678,246 считается болѣе $\frac{1}{2}$ земель пашенныхъ и сѣнокосныхъ нераздѣльно; д) общее пространство Таврической губ. составляетъ 8,861,520 дес., но другихъ подробнѣйшихъ показаній о распредѣленіи земель Г. Арсеньевъ не имѣлъ; е) тоже самое и о Ставропольской губерніи; ф) въ землѣ войска Донскаго произведена подробная съемка, на основаніи коей оказалось, что подъ пашнею земли состоитъ 2,309,469 дес., сѣнокосныхъ и пастбищныхъ степей 9,840,033 дес., лѣсовъ строевыхъ,

дровяныхъ и кустарника 421,291 дес.; г) въ Саратовской губ. подъ пашнею состоитъ 2,826,986 дес., подъ лугами и степными пастбищами 6,512,584 дес., подъ лѣсомъ 1,203,080 дес.; б) въ Астраханской губ. состоитъ подъ пашнею 21,787 дес., подъ лугами и сѣнокосомъ 384,574 , подъ лѣсомъ 120,366 (См. *Очерки Г. Арсеньева*, стр. 327, 331, 336, 342, 349, 357, 365, 375).

2. Чтобъ имѣть хотя приблизительное понятіе о томъ, въ какой степени устарѣли свѣдѣнія генеральнаго межеванія, и въ какой степени съ тѣхъ поръ могло распространиться земледѣліе, мы составили слѣдующую таблицу, гдѣ показаны годы начала и окончанія межеванія, также величина народа въ 1790 году, около котораго межеваніе кончилось, и въ настоящее время.

	Годъ начала и конца ме- жеванія.	Населеніе	
		1790 года.	1846 года.
I. Архангельск. губ.	1778—96	170,300 душъ,	236,686 д.
Вологодская —	1782—96	556,300	821,742—
II. Спбурская —	1781—96	367,200	490,151—
Новгородск. —	1778—96	877,800	711,970—
Тверская —	1776—81	903,600	1,315,291—
Смоленская —	1776—79	892,300	1,006,064—
Псковская —	1781—96	878,100	714,481—
Итого		3,318,700	4,297,957—
IV. Витебская губ.	1784—98		759,538—
Могилевская —	1783—84		860,410—
Итого		1,283,100 д.	1,619,968—

V. Харьковская обмежевана между 1769 и 81 г. Большая трудность при показаніяхъ о Харьковской губ. та, что тогда въ чертѣ ея находились уѣзды, коихъ границы не были точно обозначены, и которые теперь находятся въ границахъ Курской губ. не подъ прежними названіями.

VI. Саратовская губ.	конч. 1835	жит. въ 1846	1,746,717 —
VII. Ярославская —	1773—83	740,900 —	1,005,479 —
Костромская —	1773—83	815,400 —	1,005,033 —
Владимирская —	1773—76	871,050 —	1,140,338 —
Нижегородс. —	1784—97	816,200 —	1,104,794 —
Пензенская —	1782—93	640,700 —	974,584 —
Тамбовская —	1782—97	877,000 —	1,649,686 —
Воронежская —	1782—98	809,600 —	1,658,704 —
Курская —	1782—97	920,000 —	1,773,806 —
Орловская —	1778—82	968,300 —	1,458,542 —
Калужская —	1776—78	784,500 —	996,196 —
Московская —	1766—74	883,400 —	1,502,564 —
Тульская —	1776—80	876,200 —	1,264,399 —
Рязанская —	1775—76	869,400 —	1,286,519 —
И того		10,882,650 —	16,910,741 —
VIII. Симбирск. —	1798 — 21	731,000 —	1,201,459 —
Казанская —	1793—1803	765,300 —	1,370,380 —
Вятская —	1804—1835	817,100 —	1,585,285 —
Пермская —	1822 — 43	798,950 —	1,585,425 —
Оренбург. —	1798—1835	355,598 —	1,706,837 —
		3,468,958 —	7,429,366 —

Во всякомъ случаѣ, приложивъ къ полученному на основаніи генеральнаго межеванія и мѣстныхъ показаній итогу 66,128.512 десятинъ пашенную землю въ губерніяхъ степнаго пространства, и землю, распаханную послѣ генеральнаго межеванія, мы получили около *осьмидесяти миліоновъ десятинъ*.

Количество *получаемаго ежегодно хлѣба*, другой важный предметъ земледѣльской статистики, определено доселѣ только примѣрно, равно какъ и количество воздѣланной земли. Впрочемъ, принявъ это примѣрное исчисленіе, мы получаемъ новое довѣріе къ сдѣланному выводу относительно поверхности пашни, хотя выводу очень общему.

По журналу *Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, который основывался на донесеніяхъ Гражданскихъ Губер-

наторовъ, урожай хлѣба въ семилѣтній періодъ отъ 1834 до 1840 года, за вычетомъ 80 мил. четвертей на посѣвъ, колебался между 136 и 196 мил. четвертей. * Если мы, согласно съ этими показаніями, основанными на примѣрныхъ оцѣнкахъ, и согласно съ мнѣніемъ Академика Кеппена (Ueber den Kornbedarf Russlands, Petersb. 1842), положимъ, что у насъ среднимъ числомъ получается ежегодно около 225,000 000 четвертей, откуда 80 идетъ на посѣвъ, 170 на домашнее потребленіе; то еще останется нѣсколько миліоновъ для вывоза. Академикъ Кеппенъ распределяетъ потребленіе хлѣба въ Россіи слѣдующимъ образомъ: 1) продовольствіе жителей. Онъ думаетъ, что надо положить по 3 четв. на душу; это составитъ для 58,000.000 (за исключеніемъ Польши и Финляндіи) душъ 168,000.000 четв. Конечно, нѣкоторые обитающіе въ Россіи племена совсѣмъ не ѣдятъ хлѣба, на прим. Самоѣды, другіе очень мало, наприм. Калмыки; справедливо также, что потребленіе малолѣтнихъ довольно положить въ половину противъ взрослыхъ; что мука замѣняется иногда тѣмъ или другимъ, особенно картофелемъ, котораго производство составляло наприм. въ Финляндіи въ 1836 г. четвертую долю снятаго хлѣба: но съ другой стороны, овесъ идетъ на кормъ скота, почтовыхъ, ямскихъ, кавалерійскихъ, особенно крестьянскихъ лошадей, которыхъ число составитъ уже 10,000.000, если мы положимъ только по одной лошади на семью (58,000.000 душъ нашего населенія даютъ 10 мил. семей по $5\frac{1}{2}$ человекъ на душу). Допустивъ, что только половина этихъ лошадей, и то лишь въ продолженіе полугода, получаетъ ежедневно по гарницу овса ($\frac{1}{2}$ часть четверти), мы имѣемъ $14\frac{1}{2}$ мил. четвертей. Это число вмѣстѣ съ другими потребленіями уравниваетъ меньшее потребленіе дѣтей и замѣну хлѣба

* Въ Журналѣ Мин. Гос. Имуществъ, 1842, N 3, была помѣщена статья Г. Протопопова, который, основываясь на предположеніяхъ о количествѣ обрабатываемой земли и посѣва, допускаетъ, что ежегодный урожай у насъ составляетъ до 250,000.000 четвертей, или неуступно по $5\frac{1}{2}$ четвертей съ десятины.

другими веществами, такъ что принятіе 3 четвертей на душу должно остаться, какъ самое близкое къ истинѣ. 2) *Употребленіе хлѣба на гонку вина и варку пива.* Основываясь на показаніяхъ винныхъ откупщиковъ, дѣлаемыхъ казеннымъ палатамъ, о количествѣ продаваемыхъ питій, и присовокупивъ, сообразно съ этими показаніями, соответствующее потребленіе питій въ мѣстахъ, гдѣ винокурение свободно, общую массу выкуриваемаго у насъ вина можно полагать въ 32,000,000 ведръ. Семь ведръ полугару выкуриваются изъ четверти, слѣд. вообще употребляется хлѣба на этотъ предметъ и на пиво около 8 мил. четв. или $\frac{1}{33}$ ежегоднаго производства. 3) Относительно количества вывозимаго хлѣба имѣются указанія Министерства Финансовъ въ официальномъ изданіи — Виды вѣшной торговли. Отсюда усматривается, что въ 15-лѣтній періодъ, отъ 1824 — 38 годъ, вывозимо было за границу хлѣба ежегодно около 2 мил. четв. (цѣнностію на $8\frac{1}{2}$ мил. р. сер.), или меньше $\frac{1}{100}$ доли ежегоднаго производства.

Статистика представляетъ намъ еще два факта, которые мы должны подвергнуть разсмотрѣнію и которые объясняютъ состояніе земледѣлія въ Россіи: это 1) *неурожаи*, погубное дѣйствіе которыхъ благотворное Правительство наше старалось отвратить системою хлѣбныхъ магазиновъ, и 2) *цѣна на хлѣбъ*.

I. Мы видѣли, что количество обрабатываемой земли у насъ весьма значительно и также среднее производство хлѣба. Однако опытъ показалъ, что жатва иногда бываетъ недостаточна для удовлетворенія потребностей. Въ голодный годъ 1833 — 34 было отпущено для вспоможенія изъ Государственнаго Казначейства 23,362,759, изъ мѣстныхъ источниковъ 4,428 000, изъ капитала продовольствія 6,210,368, всего 34,001.107 р. асс. Въ 1839 — 40 г. употреблено, кромѣ хранившагося въ магазинахъ хлѣба, изъ капитала продовольствія, принадлежавшаго крестьянамъ, 6,058.000 р. асс. *

* Журн. Мин. Госуд. Имуществъ, 1843, N 4.

Все это заставило благотворительное Правительство наше обратить вниманіе на *систему запасовъ* для обезпеченія народнаго продовольствія. Уже по указу 1822 года системъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія въ неурожайные года подвержены были 41 губернія. Въ 1834 г. повелѣно было устроить запасные магазины вездѣ и наполнять по $1\frac{1}{2}$ четверти хлѣбомъ, и сверхъ того по 1 р. 60 к. асс. деньгами на ревизскую душу. Сборъ распределенъ на 16 лѣтъ. Въ 1839 и 40 годахъ последовали неурожаи, которые доказали, что эта система магазиновъ недостаточна: запасы были истощены, и въ случаѣ новаго неурожая населеніе подверглось бы голоду. Притомъ неурожаи повторяются чрезъ 6, 7 лѣтъ, и своими послѣдствіями продолжаются года два сряду, а сборъ долженъ кончиться чрезъ 16 лѣтъ, слѣд. въ магазинахъ не можетъ быть никогда полной пропорціи. Такъ разсуждаетъ журн. Мин. Гос. Имуществъ, 1843, N 4.; потому, говоритъ онъ, надо было: а) сократить срокъ наполненія магазиновъ; б) учредить центральные магазины въ мѣстахъ, имѣющихъ наибольшую удобность сообщенія съ разными частями государства, для вспоможенія крестьянамъ, наиболѣе нуждающимся, и въ то время, когда мѣстные запасы окажутся недостаточными; в) способомъ наполненія магазиновъ, смотря по обстоятельствамъ, употребить общественную запашку и насыпку хлѣба. Въ положеніи объ обезпеченіи продовольствія крестьянъ, обнародованномъ 16 Марта 1843 г., всѣ эти обстоятельства приняты во вниманіе и полною пропорціею опредѣлена 1 четв. ржаного, $\frac{1}{2}$ четверти ярового хлѣба, 48 к. сер. на каждую ревизскую душу, и сборъ этотъ велѣно произвести въ теченіе 8 лѣтъ. По составленіи полнаго запаса сборъ производить въ половинную по 4 гарнца ржи, по 2 ярового и по 3 к. сер. съ души. Кроме того, въ положеніи опредѣлены правила объ устройствѣ центральныхъ магазиновъ, порядкѣ выдачи, возвратѣ пособій, способы освѣщенія запасовъ, отчетности.

II. Рядомъ съ тѣмъ фактомъ — временнымъ недостаткомъ хлѣба, мы замѣчаемъ его временный избытокъ, въ слѣдствіе котораго цѣны падаютъ, доходы уменьшаются.

Конечно, многія достовѣрныя свѣдѣнія, собранныя и обнаруженные, доказываютъ низкое состояніе цѣнъ во многихъ мѣстахъ, но вмѣстѣ и ихъ чрезвычайную неравномѣрность, въ огромную разницу въ одно и то же время, смотря по губерніямъ: *Журналъ Мин. Внутреннихъ Дѣлъ*, 1844, Апр., сообщаетъ слѣдующія мініма и махіма цѣнъ за куль ржи въ 1843 году:

Губерніи и области.	Низшая цѣна.		Высшая цѣна.	
Сибургская губ.....	3 р.	30 к.	6 р.	92 к.
Олонецкая	4 —	73 —	7 —	16 —
Псковская	4 —	66 —	6 —	88 —
Лифляндская	3 —	44 —	3 —	97 —
Эстляндская	4 —	40 —	6 —	23 —
Новгородская	4 —	30 —	3 —	29 —
Архангельская	4 —	33 —	3 —	3 —
Курляндская	4 —	4 —	4 —	34 —
Витебская	3 —	73 —	4 —	94 —
Костромская	3 —	43 —	4 —	86 —
Вологодская	3 —	37 —	4 —	71 —
Тверская	3 —	14 —	4 —	19 —
Ярославская	3 —	33 —	3 —	93 —
Московская	2 —	42 —	4 —	13 —
Владимірская	2 —	78 —	3 —	68 —
Бессарабская обл.....	2 —	34 —	3 —	99 —
Виленская	2 —	64 —	3 —	33 —
Смоленская	2 —	34 —	3 —	24 —
Пермская	2 —	40 —	3 —	62 —
Могилевская	2 —	37 —	3 —	39 —
Иркутская	2 —	61 —	3 —	22 —
3. Войска Донскаго.....	2 —	30 —	3 —	40 —
Таврическая	2 —	1 —	3 —	41 —
Калужская	2 —	3 —	3 —	18 —
Тобольская	2 —	41 —	2 —	71 —
Енисейская	1 —	63 —	3 —	44 —
Херсонская	1 —	68 —	3 —	13 —
Вятская	2 —	17 —	2 —	33 —

Губернии и области.	Низшая цѣна.	Высшая цѣна.
Нижегородская.....	1 — 92 —	3 — 2 —
Минская.....	1 — 79 —	3 — 14 —
Казанская	1 — 82 —	2 — 94 —
Оренбургская.....	2 — 4 —	2 — 69 —
Екатеринославская	1 — 20 —	3 — 18 —
Рязанская.....	1 — 25 —	3 — 10 —
Гродненская.....	1 — 38 —	2 — 43 —
Томская.....	1 — 90 —	2 — 40 —
Симбирская.....	1 — 60 —	2 — 54 —
Тульская.....	1 — 49 —	2 — 33 —
Кіевская.....	— 80 —	2 — 11 —
Подольская.....	1 — 39 —	2 — 36 —
Пензенская.....	1 — 44 —	2 — 29 —
Орловская.....	1 — 30 —	2 — 13 —
Тамбовская.....	1 — 25 —	2 — 17 —
Воронежская.....	1 — 24 —	1 — 38 —
Саратовская.....	1 — —	1 — 90 —
Харьковская.....	1 — 4 —	1 — 39 —
Полтавская.....	1 — 1 —	1 — 35 —
Черниговская.....	1 — 12 —	1 — 72 —
Волынская.....	1 — 11 —	1 — 32 —
Курская.....	— 99 —	1 — 70 —

Изъ этой таблицы видно, что цѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были въпятьеро и даже въшестеро выше, чѣмъ въ другихъ. Такъ въ Саратовской г. куль ржи стоилъ минимумъ 1 р. с., Полтавской 1 р. 1 к., Курской даже 99 к., Кіевской 80 к.; между тѣмъ какъ въ Псковской онъ стоилъ 4 р. 66 к., въ Олонецкой 4 р. 75 к., въ С.-Петербургской даже 5 р. 30 к. Слѣд. въ одно и то же время цѣны ржи въ иныхъ мѣстахъ были очень низки, въ другихъ очень высоки.

Г. Малищевъ предлагалъ для поддержки цѣнъ очень хорошее средство, именно систему сельскаго кредита, хотя мы съ нимъ несогласны касательно началъ, на которыхъ надо

утвердить эту систему. * Очевидно, что если помѣщикъ, которому откроютъ извѣстный кредитъ, не будетъ находится въ нуждѣ продавать хлѣба въ урожайные годы за безцѣнокъ, но отдастъ его подъ залогъ въ магазинъ; то цѣны чрезъ это отвлеченіе запасовъ съ рынка не будутъ угнетены и владѣлецъ не понесетъ убытковъ. Очевидно также, что если въ неурожайные годы отданный въ магазины хлѣбъ будетъ пущенъ въ продажу, то цѣны не поднимутся до огромной высоты въ ущербъ потребителей. Слѣд. система кредита и магазиновъ будетъ имѣть многія полезныя свойства. Но всѣ эти выгоды возможны только для одной мѣстности и для мелкихъ разстояній имѣя одно губернскае, провинціальное значеніе. Но и съ своимъ провинціализмомъ она, конечно, заслуживаетъ уже особеннаго вниманія.

Мы полагаемъ, что приведенныя выше объясненія достаточно раскрываютъ истинное существо цѣнъ хлѣба, ихъ неравномѣрность по мѣстамъ и ихъ переломы. Но чрезъ всѣ эти переходы, кризисы, *цѣна хлѣба конечнымъ образомъ возвышается*. То есть, если мы сложимъ въ два продолжительные періода времени цѣны, то, не смотря на значительныя крайности и колебанія, въ нихъ представляющіяся, средняя цѣна послѣдняго періода будетъ все-таки выше перваго. Такъ какъ нѣкоторые экономы утверждали, что у насъ цѣна хлѣба въ послѣднее время упала; то мы считаемъ не лишнимъ объяснить подробнѣе. Увеличеніе народа производить бѣльшій запросъ хлѣба, для удовлетворенія котораго распахиваютъ новыя земли часто худшаго качества, требующія бѣльшихъ издержекъ обработки, или дѣлаютъ новыя приложенія капиталовъ, которыя не даютъ уже столь выгодныхъ результатовъ. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени цѣна хлѣба, какъ многихъ другихъ грубыхъ произведеній — лѣса, мяса, льна, значительно подни-

* См. *Объ удержаніи въ Россіи среднихъ цѣнъ на хлѣбъ*, два проекта Г. Мальцева. Также: *мнѣнія Гг. Членовъ Экон. Общества и др. лицъ на проектъ о способѣ удержанія среднихъ цѣнъ на хлѣбъ*.

мается, и доказательства этому мы находимъ повсемѣстно. * Россія ни сколько не составляетъ исключенія относительно этого движенія цѣнъ. Мы видимъ, что у насъ также земли въ Оренбургской, Саратовской, Таврической губерніяхъ, съ успѣхами заселенія дѣлаются дороже; хлѣбъ, который изъ мѣстъ производства перевозится въ большіе города, дѣлается цѣннѣе. Наши помѣщики при Алексѣ Михайловичѣ, когда не было ни значительныхъ фабричныхъ городовъ, ни средствъ сообщенія, ни огромныхъ поставокъ для арміи и флота, почти никуда не сбывали хлѣба, или отдавали его по чрезвычайно низкой цѣнѣ. *Шторхъ* въ *Cours d'économie politique*, vol. VI, сохранилъ очень любопытныя сравненія цѣнъ на многія грубыя произведенія за 1674, 1776, 1783 и 1803 годы, изъ которыхъ очевидно ихъ сильное поднятіе. Въ книгѣ *Исторія краткая Россійской торговли*, Москва 1788, на стр. 77, мы имѣемъ также обозначенія цѣнъ, ведущія къ тѣмъ же заключеніямъ. «Въ теченіе сего года (1719) продаваемы были Россійскіе товары при портахъ слѣдующими цѣнами: у города Архангельска ленъ высшею цѣною по 14 р., а нижнею по 8 р., берковецъ; пенька по 8 и по 6; сало по 18 и по 11 р. берковецъ, юфть отъ 1687 г. указною цѣною по 4 р. пудъ.» Въ *Вѣдахъ внешней торговли* за 1846 г. мы читаемъ: «Ленъ девяти и двѣнадцати-головчатый въ 1844 въ началъ навигаціи продавался въ Спбурѣ по 28 р. 71 к. с. за берков., и къ концу года доходилъ до 30 р. 69 к., а въ 1845 г. среднія цѣна этого же льна была 34 р. 28½ к. и только по закрытіи навигаціи понизилась до 31 р. 43 к.; сало свѣчное желтое 1-го сорта отъ 28 р. 78½ к. за берковецъ возвысилось въ навигацію 1845 г. до 30 р. 21½ к., а къ концу года продавалось по 32 р. 14 к.; пенька чистая отъ 19 р. за берковецъ доходила до 21 р. 92½ к.» На этомъ постепенномъ возвышеніи грубыхъ произведеній и постепенномъ паденіи фабричныхъ, *Шторхъ* утвердилъ свою знаменитую

* См. *Rau's Lehrbuch der politischen Oekonomie*, Томъ I — *Gülich's geschichtliche Darstellung der Handels*, Томъ II.

теорему выгоды, которая земледѣльческій народъ получаетъ отъ торговли съ мануфактурнымъ. Дѣйствительно, если напр. сало поднялось вдвое, то народъ получаетъ за него уже вдвое болѣе мануфактурныхъ издѣлій. Но если еще мануфактурныя издѣлія въ то же время понизились, какъ это всегда бываетъ при успѣхахъ фабрикаціи и улучшеніи машинъ, то земледѣльческій народъ будетъ получать за свое сало болѣе, чѣмъ вдвое. — И такъ возвышеніе цѣны хлѣба у насъ было неизбѣжно. Это возвышеніе произошло оттого, что населеніе возросло, что вывозъ хлѣба за границу увеличился, продажа его рабочему классу на фабрикахъ и городскимъ жителямъ усилилась по причинѣ распространенія фабрикъ и городовъ. Г. *Веселовскій*, въ превосходной статьѣ о цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи (журн. Мип. Гос. Имуществъ, 1845, N 4), представилъ много положительныхъ, числовыхъ доказательствъ о возвышеніи разсматриваемой цѣны даже въ нынѣшнемъ столѣтіи. * Такъ хлѣбъ нашъ продавался за границу среднимъ числомъ :

Отъ 1824—28	по 3	р. 27	к. с. за четв.
— 1824—33	— 4	— 40	—
— 1834—38	— 4	— 30	—
— 1839—43	— 8	— 8	—

Касательно внутренней торговли Г. *Веселовскій* вычислилъ цѣны по губерніямъ Курской, Воронежской, Саратовской, Орловской, Калужской, и получилъ выводъ, что онѣ главнымъ и общимъ образомъ возвышаются.

Съ 1846 г., когда покровительственная система пошлинъ въ Англіи была уничтожена, и хлѣбъ постановлено ввозить туда свободно, возникли у насъ надежды на *поднятіе цѣнъ и распространеніе хлѣбнаго торгова*, и можетъ быть частію основательныя надежды. Мы представимъ нѣкоторыя данности касательно обширности и рас-

(*) См. также статью Г. *Заблоцкаго* въ Отечественныхъ Запискахъ, 1847, N 5.

предъявленія хлѣбныхъ торговыхъ оборотовъ, чтобъ придать вѣроятное основаніе своимъ заключеніямъ.

Вывозъ хлѣба за границу у насъ составлялъ ежегодно:

отъ 1804—14....1,228,220 четв.

— 1814—24....2,085,141 —

— 1824—34....2,316,399 —

Замѣтимъ, что въ два послѣднія десятилѣтія увеличеніе вывоза произошло отъ неурожая въ Европѣ 1846, 47 и 49 годовъ.

отъ 1834—38....1,542,399 четв.

— 1839—43....2,784,983 —

Въ 1-й періодъ, оканчивающійся 1838 годомъ, вывозъ вошелъ въ свои обыкновенные предѣлы, потомъ по необыкновенному запросу опять распространился. Въ послѣдующіе годы вывозъ еще болѣе увеличился, особенно въ 1846 и 47 годахъ по случаю неурожая въ Франціи и Англіи. Пшеница, которая составляетъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ государствахъ главную пищу, отправляется изъ Россіи преимущественно, составляя почти $\frac{2}{3}$ всего вывоза. Въ 14-лѣтній періодъ съ 1822 по 1838 г. вывезено изъ Россіи хлѣба вообще болѣе 31 м. четвертей, изъ сего числа почти 19 $\frac{1}{2}$ м. пшеницы, немного болѣе 9 м. ржи, немного болѣе 2 ячменя и столько же овса. — *Мѣста*, куда вывозится нашъ хлѣбъ, дѣлаютъ запросы неравномерными на всъ его роды. Пшеница вывозится главнѣйше въ Италіянскія государства, Турцію, Великобританію и Австрію. Въ десятилѣтній періодъ отъ 1828 по 1838 г. изъ 16,532,000 четвертей общаго вывоза, отправлена почти $\frac{1}{3}$ въ Италіянскія государства, еще болѣе въ Турцію и только $\frac{1}{3}$ въ Великобританію, а именно :

въ Италіянскія гос..... 3,006.000 четв.

— Турцію..... 3,948.000 —

— Великобританію..... 2,237.000 —

— Австрію 1,002.000 —

Впрочемъ вѣроятно, что пшеница изъ нѣкоторыхъ Итальянскихъ портовъ, именно Генуи и Ливорно, вывозится для потребленія во Францію и Англію. Рожь вывозится главнѣйше въ Голландію, Данію, Ганзейскіе города, Пруссію. Въ тотъ же періодъ времени изъ 7,058.007 четв. было вывезено :

въ Голландію.....	2,288.346	четв.
— Данію.....	1,444.354	—
— Ганзейскіе города.	905.324	—
— Пруссію.....	916.114	—

Порты, откуда хлѣбъ вывозится, различны по различію родовъ хлѣба. Пшеница вывозится преимущественно изъ южныхъ портовъ — Одессы и Таганрога, рожь изъ сѣверныхъ — Риги и Архангельска. Съ 1824 по 56 годъ было вывезено :

Пшеницы.

изъ С.-Петербурга.....	1,187.928	четверт.
— Риги.....	674.060	— — —
— Архангельска.....	399.877	— — —
— Одессы.....	9,323.859	— — —
— Таганрога.....	3,067.829	— — —
— Радзивилова.....	65,038	— — —
— Астрахани	3.023	— — —
— Оренбурга.....	891	— — —
— Кяхты.....	86.610	— — —
— пр. мѣсть.....	4,032.892	— — —
И того ...	19,361.135	— — —

Ржи.

изъ С.-Петербурга.....	631.600	— — —
— Риги	2,765.004	— — —
— Архангельска.....	771.954	— — —
— Одессы.....	298.930	— — —
— Таганрога	11.595	— — —
— Радзивилова.....	81.068	— — —
— Кяхты.....	160	— — —
— пр. мѣсть.....	2,631.768	— — —
И того....	7,192.709	— — —

Разсматривая эти статистическія событія, мы не должны выпускать изъ виду, что: 1) Англія можетъ платить главнѣйше мануфактурными издѣліями, которыхъ мы получаемъ отъ нея, относительно, мало. 2) Главнѣйшій сбытъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ мы видѣли, производится не въ Англію, а въ другія государства ближайшія — пшеницы въ Турцію и Итальянскія государства, ржи въ Голландію, Данію, Ганзейскіе города. Впрочемъ нѣкоторые порты Италіи и Голландіи можно почитать складочными мѣстами для нашего хлѣба, гдѣ онъ лежитъ до востребованія. Потому правильное увеличеніе хлѣбнаго запроса Англіею будетъ имѣть слѣдствіемъ большія покупки и запасы нашего хлѣба въ складочныхъ мѣстахъ Европы. 3) Въ Англіи хлѣбъ употребляютъ не ржаной, а пшеничный. Пшеница вывозится главнѣйше изъ Одесскаго и Таганрогскаго портовъ. Слѣд, если вывозъ ея и усилится изъ Россіи, то это будетъ имѣть вліяніе преимущественно на Новороссійскія губерніи. 4) Издержки провоза изъ Одессы, по отдаленности отъ Англіи, весьма значительны. Въ Словарѣ Макъ-Коллока (*Mac Culloch's Dictionary of commerce*, ст. *Corn Laws and Corn Trade*) находятся официальные свѣдѣнія, представленныя Парламенту, изъ которыхъ видно, что издержки провоза квартера (или 41,08 четвериковъ) пшеницы изъ Одессы въ Лондонъ составятъ отъ 16 до 19 шиллинговъ (отъ 4 р. 64 к. до 5 р. 51 к. с.) Средняя цѣна ея въ Одессѣ принимается весьма низко — со всѣми расходами въ 16 шилл. (4 р. 64 к. с.) Русская пшеница ниже Англійской качествомъ на 10 шилл. Присоединивъ сюда еще малую таможенную пошлину, мы увидимъ, что кварталъ Одесской пшеницы въ Лондонѣ не можетъ продаваться самою низкою цѣною менѣе 30 шилл. (14 р. 30 к. с.). 5) Недостатокъ хлѣба въ Англіи среднимъ исчисломъ составляетъ ежегодно до 1,200,000 кварталовъ (около 1,800,000 четвертей). Полагая, что теперь въ Англію, по случаю измѣненнаго законодательства о хлѣбѣ, стали бы ввозить цѣлымъ миліономъ кварталовъ болѣе, и что этотъ цѣлый миліонъ отправлялся бы изъ Россіи мы увидимъ, что и въ такомъ случаѣ нашъ вывозъ увеличился бы только на полтора миліона четвертей. И. Горюховъ.

ОБОЗРѢНІЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ РОССІИ,

Билета расходовъ на привозъ изъ Одессы въ Лондонъ пшеницы, Сост. на 1/4 четвертей и заимствована изъ Макколлокова Словаря.

2000 четв. пшеницы, по 12 р. асс. за четв.		24000 р. асс.
Расхода: Перемѣр. при под. по 5 к. ас. за ч.	100	
— — — — — на грузкѣ — 9	180	
Пощина — — — — — 77	1540	
Доставить къ гавани	360	
Подвести къ кораблю	300	
За мышки	200	
Маклерскихъ $\frac{1}{2}$ процента	120	2800
		28800
Коммисія 3 процента		804
На Англійскія деньги по курсу 24 р. асс.		27604 р. асс.
За фунтъ ст. составить		1150 34
Квартеровъ 1450, за каждый		0 15 10
Расходы въ Лондонѣ: Пошл. съ пошл. въ 1200 ф. ст. по $\frac{1}{4}$ процента	ф. ст. ш. п. 3 0 0	
Страховая премія съ 1150 ф. ст. по 2 ф. ст. 2 ш. со ста	24 0 0	ф. ст. ш. п. 27 3 0
Коммиссія $\frac{1}{2}$ проц.		5 15 0
Фрахтовыхъ за 1453 квартера пшеницы, по 12 шилл. съ квартера ..	871 10 0	
Подарокъ капитану, 10 проц.	87 3 7	
экипажу	10 10 0	967 9 7
Сертпартія 1 ф. ст., таможеннаго сбор. 10 шилл.	1 10 0	
Перемѣрить на суднѣ стоитъ 4 шилл. 3½ пенса за дашъ	31 3 7	
Дашовыя	1 4 2	
Разгрузка 1453 кварт. по 4 пенса за каждый	24 4 4	
За набережную, за складку въ магазины по 9 пенсовъ кварт.	54 9 8	
Амбарныхъ за 4 недѣли, по 5 шилл. со ста кварт. въ недѣлю	14 10 7	
Перемѣрка въ амбарѣ и пр.	7 5 0	
	1 136 15 0	
или за кварталъ		0 15 8
Вѣроятная порча въ дорогѣ		1 11 6
Маклерскія въ Лондонѣ		0 2 0
Deb srefere		0 1 0
		1 14 6

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

КИТАЙСКІЕ ТОВАРЫ.

До сихъ поръ потребность Китайской торговли ограничивается у насъ только чаемъ и чаемъ. Мы долго думали: неужели въ Китаѣ нѣтъ ничего годнаго для насъ, кромѣ чая? и съ этой цѣлью рѣшились разсмотрѣть произведенія какъ почвы Китайской, такъ и художествъ, искусствъ и ремеслъ государства, которое въ 4,800 лѣтъ существованія своего имѣло достаточно времени развить ихъ до нѣкаго совершенства.

Историческія сношенія Россіи съ Китаемъ начинаются со времени покоренія Сибири; но все, что составляетъ первѣйшую переписку съ Китаемъ, состоитъ въ сохранившихся двухъ грамотахъ Богдыхана (1619) года), въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича :

Первая : «Валли Китайскій Царь. Изъ Руси пріѣхали два челоуѣка, и Валли, Китайскій Царь, говорилъ имъ Русскимъ людямъ : съ торгомъ приходите и торгуйте, и выходите, и опять приходите. На семъ свѣтъ ты великій Государь, и я Царь не малъ, чтобъ межъ нами дорога чиста была. Съ верху и съ низу ходите, и что доброе самое привезете, и я противъ того камками пожалую васъ. И нынѣ вы назадъ поѣдете, и коли опять сюда пріѣдете, и какъ отъ великаго Государя люди будутъ, мнѣ бѣ отъ него великаго Государя листъ привезли, и противъ твоего листа и я буду листъ посылать. И какъ листы отъ васъ будутъ,

и я съ великою честію велю принять и людей взять. А мнѣ къ вамъ, великому Государю, своихъ пословъ послать нельзя, что путь дальній, и языка не знаютъ, и отъ имени нынѣ къ вамъ великому Государю челобитье, и бью челомъ тебѣ великому Государю. Только бы къ тебѣ великому Государю моимъ посламъ путь былъ, и я бы къ вамъ присылалъ своихъ пословъ, и я по своей вѣры, Царь ни самъ изъ Государства не выѣзжаю, и пословъ своихъ и торговыхъ людей не выпускаю.»

Вторая : «Китайскаго *Валиша* хана сынъ *Джу-Ханди*. При моемъ отцѣ отъ великаго Государя торговые люди приходили торговать, а нынѣ отъ великаго Государя торговые ко мнѣ не ходятъ. А какъ при моемъ отцѣ великаго Государя люди приходили и солнце видали, а нынѣ при мнѣ не ходятъ твои люди. Какъ ко мнѣ придутъ, и они столь свѣтлы будутъ, какъ на небеси мѣсяцъ. А какъ твои люди доходить будутъ, и мнѣ радостно будетъ, и жаловать ихъ стану. Мнѣ ты привезъ два рога лосиные, и я тебѣ далъ противъ того семьсотъ камокъ. И ты мнѣ самое доброе привези, и я стану тебя и свыше дарить, и къ (тебѣ) великому Государю послалъ изъ Аби изъ камень сдѣланы 32 чашки. И твои великаго Государя послы ко мнѣ приходили три человека. И я тѣхъ твоихъ великаго Государя пословъ изъ своего государства до большой рѣки велѣлъ проводить съ честію, и послалъ ихъ проводить днища съ 3000 человекъ.»

Вотъ первоначальныя грамоты Богдыхановъ; что же касается до первыхъ Царскихъ посольствъ изъ *Москвы*, то первый посолъ былъ отправленный въ Китай *Федоръ Исаковичъ Байковъ*. Еще въ 1655 году посланъ былъ онъ изъ *Москвы*, изъ Приказа большія казны, въ *Тобольскъ* для Государева торговаго промысла съ цѣловальниками; ему велѣно было развѣдывать: *какіе товары въ Китайскомъ государствѣ покупать, а Россійскіе туда посылать, и на какую сумму удобнѣе? сколь далежъ до онаго царства путь, водяной ли или сухой? каковы люди и города? какой у нихъ бой и*

торгъ? и можно ли отъ нихъ большой ожидать для Россіи пользы? — Ему было выдано 80 т. рублей, на которые вельно, испуивъ въ Москвѣ и другихъ городахъ разныхъ товаровъ, торговать въ Сибири и посылать въ Китай оные, мнѣя на тамошніе шелковые товары, на серебро, золото, жемчугъ и камень.

Потомъ 1654 года Февраля 9, предписано Байкову ѣхать самому въ гонцахъ въ Китай, въ городъ Канбалыкъ (такъ тогда называли Россіяне Пекинъ, столицу Китайскихъ Государей), съ грамотою отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Китайскому Богдыхану. Содержаніе этой грамоты слѣдующее:

«Бога единого, безначальнаго и безконечнаго, невидимаго и неописаннаго, страшнаго, неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, живущаго во свѣтъ неприступнемъ, властвующаго силами небесными, и единымъ безсмертнымъ Словомъ премудрости своею, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, видимая и невидимая вся сотворщаго, и животворящимъ и божественнымъ Духомъ вся оживляющаго, и недремлющимъ окомъ на землю призирающаго, и вселенская на ней устроющаго и утѣщенія всѣмъ человекомъ подающаго, Его же трепещутъ и боятся небесная и земная и пренеподобная. Того единого Бога нашего въ тріехъ лицахъ славнаго, и во единствѣ покланяемаго милостію, и властію, и хотѣніемъ, и благоволеніемъ утвердившаго скипетръ держати въ православіи, въ осмотрѣніи и во обдержаніи великаго Россійскаго царствія, и многихъ новоприбылыхъ государствъ, и Божіею помощію соблюдать мирно и безмятежно на всѣхъ. Мы Великій Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій; Государь Псковскій и Великій Князь Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Обдорскій, Кондійскій и вся сѣверныя страны повелитель и Государь; Иверскія земля,

Карталинскихъ и Грувинскихъ Царей и Кабардинскія земли Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и обладатель: Богдыхану, Царю города *Камбылака* и всего Китайскаго государства владѣтелю. Вѣдомо вамъ Богдыхану Царю чинимъ, что изъ древнихъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія были Великіе Государи, прародители наши, отъ рода Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною, отъ сродича его отъ Великаго Князя Рюрика и отъ Великаго Государя Великаго Князя Владиміра Святославича, и отъ Великаго Государя Великаго Князя Владиміра жъ Всеволодовича Мономаха, еже отъ Грекъ достойнѣйшую честь воспріимшаго, даже и до Великаго Государя (Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи и Самодержца, и сына его Великаго Государя, нашего дѣда), хвалимъ достойнѣйшаго блаженнаго памяти прадѣда нашего Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи и Самодержца, и сына его Великаго Государя дѣда нашего блаженнаго памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Россіи Самодержца, и до отца нашего блаженнаго памяти Великаго Государя, праведнаго и милостиваго, изрядна и сіятельна, наипаче въ Царѣхъ пресвѣтлѣйшаго и высокостольнѣйшаго и неизчетныя хвалы достойнаго Царя и Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца и многихъ государствъ Государя и обладателя, имя ихъ Великихъ Государей предковъ нашихъ во всѣхъ великихъ государствахъ славилось, и великія ихъ государства Россійскія отъ года въ годъ распространялись, и многіе окрестные Великіе Государи христіанскіе и мусульманскіе съ ними Великими Государями ссылались, а иные отъ нихъ Великихъ Государей помощи искали, а они Великіе Государи Цари и Великіе Князья Россійскіе, и отецъ нашъ Великій Государь многимъ Великимъ Государямъ и ихъ государствамъ нашея Россіи, и отцу нашему блаженнаго памяти Великому Государю съ предки вашего Китай-

скаго государства съ Цари николи ссылокъ не бывало, и того намъ Великому Государю, какъ вы Богдыханъ Царь въ своихъ любительныхъ грамотахъ въ именованъ и въ титулъ своей описуетесь, невѣдомо. А какъ еще дастъ Богъ къ намъ Великому Государю (въ своей любительной грамотѣ) сего нашего Царскаго Величества дворянина отпустить велишь, къ намъ Великому Государю въ своей любительной грамотѣ именование свое и титуло описати велишь, или своихъ пословъ или посланниковъ къ намъ Великому Государю пришлешь, а съ ними въ своей грамотѣ потому жъ отпишешь, и мы Великій Государь наше Царское Величество, тѣ ваши Богдыхана Царя любительныя грамоты выслушавъ любительно и выразумѣвъ, впередъ къ вамъ Богдыхану Царю учнемъ ваше Царево именованье и титуло въ нашихъ Царскаго Величества грамотахъ писати во всемъ по вашему Цареву достоинству съ полнымъ вашимъ именованьемъ и титуломъ, какъ вы сами себя въ своихъ грамотахъ и титулахъ описуете по вашему достоинству. И хотимъ мы Великій Государь съ вами Богдыханомъ Царемъ быти въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ. И дворянина бы нашего велѣти вамъ Богдыхану Царю отпустить къ намъ Великому Государю не задержавъ. Писанъ въ государствѣ нашего Дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7162 Февраля 11 дня.»

Ограничиваясь этими историческими свѣдѣніями о первыхъ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ, мы приступаемъ къ предметамъ вывоза Европейской промышленностію произведеній Китая.

Ч а й.

Чайное дерево, или върѣе кустъ, отъ 1½ до 2 аршинъ вышиною. Его вѣтви густо покрыты гладкими темнозелеными листьями, блестящими какъ померанцевыя; его бѣлый цвѣтъ похожъ нѣсколько на цвѣтъ камеліи, распускается въ началѣ весны и цвѣтетъ около одного мѣсяца. Чайное зерно заключается въ треугольных маточникахъ, слегка приплюснутыхъ и раздѣляющихся на нѣсколько ячеекъ.

Обработка чая производится во всех провинциях Китая, заключающихся между 27° и 31° северной широты. Но воздѣлываніе этого растенія достигло большаго развитія въ Фо-кьень, въ Кіанг-су, въ Нган-уан и въ Че-кіангъ.

Чайное дерево раздѣляется на нѣсколько родовъ, и, какъ говорятъ, зеленый чай выдѣлывается изъ листьевъ, которые гораздо шире и короче употребляемыхъ для чернаго; однако же, кажется, разность цвѣта зависитъ болѣе отъ различія приготовленія. Китайцы изъ однихъ и тѣхъ же листьевъ производятъ оба эти сорта, точно такъ же, какъ изъ одного и того же винограда можно дѣлать красное и бѣлое вино; но тѣмъ не менѣе цѣлыя плантанціи назначаются единственно для того или другаго рода чая.

Чайное дерево требуетъ рыхлой и влажной почвы. Его воспроизводятъ сѣянiемъ сѣмянъ; молодые всходы пересаживаютъ рядами, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, на открытомъ мѣстѣ, предпочтительно на склонахъ горъ, обращенныхъ на полдень. Склоны полуденныхъ холмовъ Бохи производятъ чай лучшей доброты.

Сборъ листьевъ съ чайныхъ деревьевъ начинается на третье лѣто ихъ возраста, и повторяется три и четыре раза въ годъ. Первый сборъ въ Апрѣль мѣсяцѣ очень не значителенъ, потому что листья еще очень молоды; но онъ доставляетъ лучший сортъ чая. Второй производится въ Іюнь, а третій около мѣсяца позднѣе. Осенній сборъ составляетъ, такъ сказать, дожинку послѣ жатвы; это чай послѣдняго сорта. Каждый кустъ даетъ около двухъ фунтовъ чаю и цвѣтеть отъ 10 до 20 лѣтъ.

Погода имѣетъ сильное вліяніе на это растеніе: сырость и засуха равно вредятъ ему.

Сорванные листья сушатся исподоволь на воздухѣ, разостланные на доскахъ съ краями; ихъ перемѣшиваютъ, перегиваютъ и скручиваютъ руками. Послѣ сушки употребляются иногда вѣялки для очищенія отъ пыли. Говорятъ, что листья, собираемые для приготовленія чернаго чая, сушатся на солнцѣ, а для приготовленія зеленого въ комнатахъ.

Для сушки черного чая употребляются желѣзные котлы, вмазанные рядомъ въ длинную печь. Всыпавъ листья въ эти котлы, ихъ пережигиваютъ на довольно сильномъ огнѣ лопатками. Для окончательной же сушки пересыпаютъ въ корзины, плетенныя изъ бамбуковыхъ вѣтвей. Ихъ ставятъ въ круглыя отверстія плиты, надъ жаромъ угольевъ.

Сушка зеленого чая въ котлахъ производится исподволь и продолжительнѣе. Листья, такъ сказать, заморзуются. Говорятъ, что для приданія цвѣта, или подкраски, Китайцы употребляютъ лазорь и свинцовыя бѣлилы. Полагаютъ, что это и составляетъ причину вліянія зеленого чая на нервы нѣкоторыхъ. Не рѣдко Китайцы придаютъ разнымъ сортамъ чая пріятный вкусъ, примѣшивая къ нимъ душистые цвѣты.

Готовый чай ссыпаютъ въ свинцовыя цибикы, обшитые кожей. Чай высшихъ сортовъ укладываются въ ящики меньшихъ размѣровъ, украшенные фантастическими изображеніями и надписями, въ которыхъ означенъ сортъ чая и названіе мѣста.

Китайцы вообще называютъ это растеніе ча) только въ Фо-киенѣ произносятъ тэ. Главнѣйшихъ сортовъ чая около десяти или двѣнадцати. Черные болѣе извѣстные чаи: Бохи, Конгу, Су-чонгъ, Пачо или Пэкэ и Паучонгъ. Зеленые чаи: Туан-кай, Хисонъ, Юнгъ-Хизонъ; кромѣ этого сорта: Императорскій и кирпичный. Сами Китайцы пьютъ чай мѣсте просушенный, нежели употребляемый для вывозу; часто даже употребляютъ свѣжіе листья, которые гораздо ароматнѣе сухаго чая. Отправленный въ Россію сухимъ путемъ предпочтительнѣе того, который везутъ моремъ.

Нѣкоторые сорта чая недоступны для иноземныхъ купцовъ, потому что предназначаются для Императорскаго дома и высшихъ лицъ Двора. Чай съ холмовъ Бохи цѣнится около тысячи рублей цибикъ.

Чайное производство сосредоточивается въ центрѣ имперіи для избѣжанія контрабанднаго вывоза; для чего чай и проходитъ чрезъ три линіи таможенъ. Вывозъ производится во всѣ государства Европы.

САХАРЪ.

Китай почитается колыбелью воздѣльванія сахара. Тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ обрабатывается однимъ и тѣмъ же способомъ: для выжимки соку тростникъ сдавливается между двумя деревянными цилиндрами, приводимыми въ движеніе буйволомъ. Воздѣльваніе сахарнаго тростника производится на обширныхъ пространствахъ въ южной части Небесной имперіи, и особенно въ Фо-кіенѣ, въ Куанг-тунгѣ, Ю-нанѣ, Со-чуенѣ и Формозѣ.

Вывозъ Китайскаго сахара значительно уменьшился съ тѣхъ поръ, какъ возникло соперничество воздѣльванія сахарнаго тростника на Малайскомъ архипелагѣ Китайскими переселенцами. Тамошніе туземцы извлекаютъ сахаръ изъ соку пальмоваго дерева, который называется *джаггери*, то есть, сахаръ изъ Джагра, который, по книгамъ Ведъ, воздѣльвается въ Индіи въ продолженіе нѣсколькихъ уже тысячъ лѣтъ.

Китайцы не умѣютъ обрабатывать сахаръ до совершенной бѣлизны, или не заботятся объ этомъ.

Бѣлый сахаръ называется *пи-тангъ*, желтоватый *хуанг-тангъ*.

ТАБАКЪ.

Табакъ воздѣльвается почти во всѣхъ провинціяхъ Китая; но его употребленіе не было извѣстно въ отдаленной древности: въ старинныхъ ботаническихъ книгахъ нѣтъ этого растенія. Китайскій табакъ слабѣе Американскаго. Породы его различны въ разныхъ областяхъ Китая. Крѣпость зависитъ, кажется, отъ почвы и климата. Табакъ сѣверныхъ областей вообще блѣдноватѣе цвѣтомъ, нежели въ южныхъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая при каждой хижинѣ воздѣльвается нѣсколько грядъ табаку для собственнаго употребленія. Привычка курить табакъ вошла повсемѣстно, и съ самаго нѣжнаго возраста оба пола предаются этому на-

слаждению. Нюхательный табакъ въ большомъ употребленіи въ Китаѣ, особенно въ высшемъ классѣ народа. Большая часть мандариновъ носятъ у пояса красивую флажечку съ тертымъ табакомъ *пи-инъ*. Они вытаскиваютъ ложечкой потребное для удовлетворенія носа количество, высыпаютъ его на косточку большого пальца руки и вдыхаютъ систематически. Люди богатые выписываютъ Португальскій табакъ изъ Макао, сохраняютъ его долго въ бутылкахъ, полагая, что доброта его совершенствуется временемъ.

Китай посылаетъ табакъ свой въ архипелагъ; но эта статья не составляетъ значительнаго предмета промышленности.

(Продолженіе въ слѣд. N.)

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

КИТАЙСКІЕ ТОВАРЫ.

(Окончаніе.)

БАМБУКЪ.

Бамбуковая трость есть одно изъ примѣчательнѣйшихъ произрастеній Китая. Она растетъ во всѣхъ полуденныхъ и центральныхъ провинціяхъ, даже до Пе-чи-ли. Китайцы называютъ это растеніе чу.

Кора его, всегда одинаково гладкая, разнится въ отъѣнкахъ: она бываетъ желтоватая, орѣхового цвѣта и черная. Черная трость болѣе способна къ обработкѣ, но высоты ея незначительна.

Стволъ бамбука, также какъ стволъ всякой трости, имѣетъ внутри пустоту отъ одного колѣна до другаго. Листья его длинны, узки и остроконечны; цвѣтъ его подобенъ цвѣту этого рода растеній; сѣмя похоже на пшеничное, и въ голодное время употребляется въ пищу вмѣсто хлѣба.

Воздѣлываніе бамбука требуетъ песчаной почвы, потому что трость любитъ болѣе берега рѣкъ. Онъ размножается отводками. Тотчасъ по пересадкѣ, молодые отпрыски требуютъ орошенія, но вскорѣ начинаютъ возростать сами собою. Плантаціи готовы къ снятію съ корня черезъ четыре, или пять лѣтъ по пересадкѣ.

Бамбукъ можетъ назваться отечественнымъ растеніемъ Китая. Его употребленія неизчислимы; всѣ сословія общества, всѣ

промыслы и каждое лице имѣютъ въ немъ необходимость. Бамбукъ нуженъ Китайцу въ постройкѣ и для покрышки его жилища, нуженъ для домашнихъ утварей: кровати, столы, стулья, чубуки, которые простолюдинъ легко дѣлаетъ себѣ изъ драгоценной трости, ничего почти не сто-
ятъ ему. Изъ молодыхъ отпрысковъ готовится вкус-
ное кушанье въ родѣ нашей спаржи. Китаецъ сидитъ на бамбуковой скамьѣ, у бамбуковаго стола, ѣстъ бамбуковой вилкой, бамбуковый отваръ, подъ бамбуковымъ зонтикомъ, освѣжая себя бамбуковымъ опахаломъ.

Толстыя бамбуковыя палки служатъ для переноски тяжестей и паланкиновъ; изъ бамбуковой коры вяжутъ веревки и канаты, плетутъ корзины и накидываютъ навѣсы. Изъ листьевъ сплетаютъ грубую матерію для одежды бѣдныхъ. Шляпы, шпильки для волосъ, разные ящики, сосуды, палки, сѣти, рукоятки, ферула педагога, книга ученика, кисть живописца, писчая бумага, на которой чертитъ онъ свои узоры — все это бамбукъ и бамбукъ.

Бумага изъ бамбуковой сердцевинки дѣлается весьма просто. Эту сердцевину размачиваютъ, толкутъ и трутъ, покуда обратятъ въ массу; тогда накладываютъ ее въ формы и сушатъ; для того, чтобъ сдѣлать непромокаемою, ее напитываютъ составомъ изъ квасцовъ и рыбьяго клея.

Издѣлья бамбука въ Кантонѣ отправляются въ большомъ количествѣ за границу.

К В А С Ц Ы.

Въ Китаѣ отличаютъ четыре рода квасцовъ: бѣлый, называемый пе-фанъ, желтый, или гуангъ-фанъ, фіолетовый, фунгъ, или дзеу-фанъ, и черный, ге-фанъ.

Китайскіе квасцы не столь вяжущаго вкуса, какъ квасцы Европейскіе. Они имѣютъ видъ прозрачнаго кристалла, но большею частию мутны, потому ли, что съ намѣреніемъ подбавляютъ въ нихъ постороннія вещества, или несовершенство обратотки тому виною. Въ Кантонѣ квасцы про-

даются большими свѣтлыми глыбами. Это вещество наибольше находится въ провинціяхъ Кіанг-нанъ, Гу-куангъ, Фо-кіенъ, Куангъ-тунгъ и въ Ю-нанъ. Квасцы, продаваемые въ Кантонъ, получаютъ изъ Фо-кіена. Чо-чео-фу, городъ между провинціями Фо-кіеномъ и Куангъ-тунгомъ, есть главный складъ квасцовъ для Кантонскихъ покупателей.

Въ 1848 году квасцы въ Кантонъ стоили 1 піастръ 78 сантимовъ за пикуль.

Китай отправляетъ огромныя количества квасцовъ въ Индію и Индійскій архипелагъ. Китайцы употребляютъ квасцы для очищенія воды, для отдѣлки бамбуковой писчей бумаги, шелковыхъ и бумажныхъ тканей, а также и для бѣленія этихъ тканей. Индійцы употребляли квасцы съ самыхъ отдаленныхъ временъ для удержанія красильныхъ матеріаловъ на бумагѣ.

звѣздный анисъ.

Illicium anisatum, или звѣздный анисъ, есть плодъ кустарника. Онъ растетъ въ Китаѣ, на Филиппинскихъ островахъ и въ Японіи. Это дерево приноситъ сѣмена въ маточникъ, цвѣта ржавчины, въ видѣ звѣздочки, заключающей въ себѣ отъ 6 до 7 зернышекъ, которыхъ вкусъ менѣе ароматенъ, но гораздо слаще, нежели вкусъ самаго маточника. Провинціи, производящія анисъ, Куангъ-тунгъ и Кіангъ-си. Цѣна его до 9 піастровъ пикуль, или 80 сантимовъ килограмъ.

На Китайскомъ ученомъ или мандаринскомъ языкѣ, звѣздный анисъ называется па-кію, по-Кантонски пат-ко.

Анисовое, или *бадіанное* масло добывается изъ зеренъ аниса и маточниковъ. Пикуль, или 60 килограмовъ и 48 д., анису даютъ 7 catties, или 4 килогр. 20 д. эссенціи. Это масло гонять въ Кантонъ. Оно стоитъ 134 піастра за пикуль. Употребляется въ ароматахъ и въ аптечныхъ снадобьяхъ.

А Р С Е Н И К Ъ.

Арсеникъ, добываемый химическимъ процессомъ изъ орпимента или самороднаго сѣрнаго арсеника, отправляется

большею частию въ Индію. На мандаринскомъ языкѣ его называютъ син-чи, по-Кантонски — сун-чинъ; обыкновенная цѣна 1 фр. 38 сент. килограмъ. Китайцы дѣлаютъ изъ красной сѣры арсеника щегольскія вазы, въ которыя вливаютъ лимоннаго соку, или уксусу; настой служитъ для ослабленія желудка. Они также посыпаютъ толченымъ арсеникомъ поля свои, засѣянные рисомъ, для уничтоженія червей.

Б У Р А.

Бораксъ, бура или буратовая сода, по-Китайски пангша, находится въ Кіангъ-нанъ, въ Нингъ-іа-фу, въ Ченси и особливо въ Тибетѣ. Ее выкапываютъ большими массами зелено-бѣлаго цвѣта; въ ней много примѣси песку и другой нечистоты. Ее также находятъ въ озерахъ. Употребляютъ ее на спайку золота и какъ аптечный медикаментъ. Въ сыромъ матеріалѣ она стоитъ въ Китаѣ отъ 12 до 13 піастровъ пикуль.

КАМФАРА.

Китайцы получаютъ камфару съ острововъ Суматры и Борнео. Это вещество наполняетъ конкретно ложбинки камфарнаго дерева (druobalanops camphora). Лучшая Суматрская камфара получается изъ Баруса; отъ чего и происходитъ названіе *камфара-барусъ*, для отличія лучшихъ сортовъ.

Вся почти получаемая изъ Китая камфара приходитъ изъ восточныхъ провинцій имперіи: Кіангъ-си, Че-кіангъ и Фо-кіенъ, изъ Японіи и съ острова Формозы.

Камфарное дерево рубятъ на мелкія частицы, какъ стволъ, такъ и вѣтви; потомъ кипятятъ ихъ въ водѣ; изъ нихъ выкипаетъ камфарная масса, которую слѣпленными кусками отсылаютъ на рынки.

Дерево *laugus camphora* очень твердо; изъ него дѣлаютъ ящики и сундуки для укладки вещей, которыя не портятся отъ моли. Сильный запахъ камфары изгоняетъ всякое наѣдомое. Въ Кантонъ привозится камфара изъ Фо-кіена.

Камфара-барусъ становится рѣдка, по случаю истребленія этого дерева на островахъ. Обыкновенная цѣна до 30 піастровъ пикуль. Японская камфара предпочитается Китайской. Камфара лучшаго качества горька на вкусъ и чрезвычайно ароматна; если ее попробовать на зубъ, она доставляетъ ощутительную свѣжесть всему рту. Ни Китайцы, ни Японцы не выдѣлываютъ камфары до утонченной чистоты. Укладка ея требуетъ большихъ предосторожностей. Свинцовые ящики должны быть очень хорошо укуплены, въ противномъ случаѣ это летучее вещество причинитъ значительные убытки. Ее обыкновенно смачиваютъ передъ складкою: это препятствуетъ ей улетучиваться.

Чай боится сосѣдства камфары, и ихъ кладутъ какъ можно далѣе другъ отъ друга. Большое количество употребляемой въ Европѣ камфары доставляется изъ Китая. Камфара на мандаринскомъ языкѣ называется чанг-нау, по Кантонски чунг-но.

Изъ камфары Китайцы дистиллируютъ масло, которое могло бы выгодно замѣнить скипидаръ.

Г У М М И Г У Т Ъ.

Гуммигутъ есть растительное произведеніе дерева *Garcinia sambogia*, которое находится въ Камбожѣ, въ Китаѣ, въ Кохинхинѣ и въ Сіамѣ. Это произведеніе употребляется въ медицинѣ и живописи. Гуммигутъ по-Китайски называется танг-гуангъ.

М У С К Ъ.

Мускъ, на мандаринскомъ языкѣ чіе-гіангъ, на Кантонскомъ че-генгъ, есть ароматическое вещество, которое содержится въ маленькихъ пузырькахъ подъ брюхомъ животнаго, похожего на лань или сайгу (*moschus moschiferus*), называемаго туземцами: геенг-шпонгъ. Въ натуральномъ состояніи онъ является въ маленькихъ зернышкахъ, сухихъ, легкихъ и глянцевитыхъ. Лучшаго качества доставляется изъ Тонкина. Но въ провинціяхъ Фо-кіенъ, Гу-куангъ и Се-

чуентъ, въ Ченсѣ и Ю-нанѣ его также находятъ довольно много.

Мускъ продается въ Кантонѣ въ тѣхъ же самыхъ пузырькахъ, въ которыхъ находятъ его подъ брюхомъ животного. По рѣдкости и дороговизнѣ настоящаго муску, въ пузырьки подливаютъ свинцу; его поддѣлываютъ разными способами; но настоящій узнается тѣмъ, что, если растереть его на бумагѣ, цвѣтъ его долженъ быть ярко-желтый. Его также распускаютъ въ алкоголь, которому онъ сообщаетъ болѣе или менѣе сильный запахъ.

КИТАЙСКИЙ КОРЕНЬ СКВИНЬ.

Корень сквинь, *smilax China* (*racine de squine*), называемый на мандаринскомъ языкѣ линг-фан-тау, по-Кантонски ту-фо-клангъ, темно-краснаго цвѣта снаружи, и блѣдно-краснаго внутри. Онъ представляется довольно большими шишковатыми кусками и отыскивается густыми кучами. Чѣмъ толще и тяжелѣе куски корня, тѣмъ они предпочтительнѣе. Провинція Го-нанъ доставляетъ его наиболѣе; онъ находится также въ Куанг-туангъ и въ Куанг-си. Доброта и свѣжесть его узнается по лоску перерѣзаннаго корня; если же корень сухъ и ломаясь испускаетъ пыль, то почитается негоднымъ. Обыкновенная цѣна его до 3 піастровъ пикуль.

РЕВЕНЬ.

Находится преимущественно въ Татаріи и въ Тибетѣ, на горѣ Суе-ченъ и въ Кіанг-си. Цѣлыя стада верблюдовъ навьючиваются этимъ корнемъ въ Се-чуань. Китайцы выкапываютъ его изъ земли прежде, нежели растеніе дастъ корень. Его сушатъ, развѣшивая на веревки. Онъ очень подверженъ плѣсени. Если при разломѣ оказывается зеленать или черновать, то почитается дурнаго достоинства; хорошій долженъ быть твердъ, сухъ и красенъ. Корень неразрѣзной продается 40 и 50 піастровъ пикуль, разрѣзной 50 и 60.

КУБЕБА.

Piper cubeba—родъ перца; зерно его имѣетъ видъ и запахъ перца; стволъ гибокъ и вѣющъ, какъ ползущія растенія. Онъ почитается лучшей доброты, когда зерно его крупно и тяжеловѣсно.

КАПУРЪ (*sapoer cutchery*.)

Капуръ-кучери есть Индійское названіе растенію, котораго корень красноватъ на поверхности и бѣловатъ внутри. Въ Китаѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ сан-лаи. Вкусъ его терпокъ и горекъ; запахъ довольно пріятенъ. Этотъ корень употребляется въ куренія и въ аптечныя снадобья. Онъ также предохраняетъ платья отъ моли. Въ Кантонъ его доставляютъ изъ Фо-кіена.

КАССИЯ.

Древесоватая кассія, вывозимая изъ Китая, есть кора дерева, извѣстнаго въ ботаникѣ подъ именемъ *laurus cassia*, которое растетъ въ Куанг-су и въ Ю-нань. Это дерево довольно высоко, плодъ его длинный стручекъ, наполненный мягкимъ веществомъ. Кору его сушатъ и свертываютъ, какъ корицу. Лучшаго качества она тонка, цвѣта красновато-синяго, ароматна и пріятнаго вкуса. Китайская кассія превосходитъ Цейланской и Индійской. Сѣмена этого деревца похожи на коричневые, имѣютъ запахъ корицы и вкусъ гвоздики. Этотъ предметъ идетъ въ Индію и Европу. Масло кассіи извлекается изъ листьевъ; его употребляютъ въ медицинѣ.

ГАЛАНГА.

Корень, употребляемый для приправы, растетъ въ провинціи Фо-кіень. Китайцы зовутъ его ланг-кіангъ.

СУРИКЪ.

Китайскій сурикъ славится своимъ достоинствомъ. Цѣна этого произведенія мѣняется по цѣнѣ ртути, посредствомъ которой оно дѣлается.

РТУТЬ.

Ртуть попеременно то привозится въ Китай, то вывозится оттуда, смотря по существующимъ въ Европѣ цѣнамъ. Во многихъ провинціяхъ Китая ртуть находится во множествѣ въ состояніи киновари. Она изобилуетъ въ Чен-си, въ Гу-куангъ, въ Куанг-туангъ, въ Куси-чеу, въ Куанг-си, въ Ю-нанъ, въ Се-чуенъ, въ Кіанг-си и въ Фо-кіенъ. Ртуть на мандаринскомъ нарѣчій называется чуи-инъ, по-Кантонски чунг-анъ.

МРАМОРЪ.

Въ Пе-чи-ли, въ Чан-си, въ Куанг-туангъ и особливо въ Ю-нанъ есть нѣсколько мраморныхъ каменоломенъ. Близъ Кантона есть мраморъ голубовато-дымчатаго цвѣта, который вывозится въ четырехъугольныхъ плитахъ въ Индію, Сидней и Южную Америку, для устилки половъ въ нижнихъ этажахъ. Въ Шин-гинг-фу, въ восточной сторонѣ провинціи Куанг-туангъ находятъ мраморъ красноватый, называемый фа-гуишикъ, изъ котораго дѣлаютъ столы и спинки стульевъ. Тутъ же достаютъ и черный мраморъ.

Мраморныя плиты, служащія для украшенія домашней мебели, часто испещряются узорами, изображеніями животныхъ и растений, слегка начертанныхъ, умышленно поддѣлываясь подъ случайность, какъ будто сама природа забавлялась выдѣлкою этихъ фантастическихъ созданій; но явно, что человѣческая рука хлопотала надъ ними. Эти дощечки называются по-Китайски юн-чи.

САНДАЛЬНОЕ ДЕРЕВО въ издѣліяхъ.

Китай получаетъ сандалное дерево съ Филиппинскихъ острововъ и изъ Малайскаго архипелага. Пріятный цвѣтъ его и запахъ распространили его употребленіе. Въ Кантонѣ множество рѣзной работы изъ этого дерева. Китайцы невѣроятно ухищряются въ этомъ искусствѣ деревянной рѣзбы; легкость и отчетливость ея изумительны. Издѣлія изъ сандалнаго дерева называются по-Китай-

ски тан-гіанг-му-ки. Кромѣ того, дерева розовое, черное, камфарное, сандалное и палисандровое или фіолетовое, употребляются въ издѣліяхъ богатой мебели, и въ множествѣ вывозятся за границу. Китайцы дѣлаютъ множество различныхъ вещицъ, для которыхъ опредѣлительной цѣны существовать не можетъ.

ЧЕРЕПАХА.

Провинція Куанг-тунгъ и окрестные острова доставляютъ множество черепахъ, изъ которыхъ производятся разныя вещицы, развозимыя по всему земному шару.

КОРАЛЛЪ.

Кораллъ, извѣстный въ Китаѣ подъ именемъ ту-сан-гу, какъ извѣстно, есть полипъ, который зараждается на скалахъ подъ водою и достигаетъ достаточной величины не прежде 8 или 10 лѣтъ. Кораллъ бываетъ бѣлый, красный и черный. Бѣлый водится во множествѣ на западномъ берегу Суматры, красный и черный у береговъ Филиппинскихъ острововъ. Берега Японіи также богаты коралломъ. Черный кораллъ цѣнится наиболѣе, но и красный хорошаго цвѣта почитается цѣннымъ. Красныя коралловыя пуговицы на верхушкахъ шапокъ мандариновъ 1-го и 2-го класса служатъ знаками отличія. Китай отправляетъ кораллъ въ Индію. Его достоинство зависитъ отъ величины, твердости и яркости цвѣта. Кораллъ, тронутый червями, почитается браковкою. Цѣна лучшихъ коралловъ возводится отъ 40 до 100 піастровъ пикуль.

РОГЪ И КОСТЬ.

Рогъ и кость буйвола идутъ на многія издѣлія. Китайцы бѣлятъ кость посредствомъ сыры. Верблюжья кость употребляется на коромысла для маленькихъ безмѣновъ. Китайцы производятъ множество роскошныхъ бездыушекъ изъ рогу и кости.

СЛОНОВАЯ КОСТЬ И ПЕРЛАМУТРЪ.

Множество изящныхъ вещейъ изъ слоновой кости и перламутру вывозится ежегодно за границу: шахматы, печати, вѣеры, марки, пуговицы, и проч.

К Л Е Й.

Китайцы добываютъ рыбій клей, употребляемый въ разныхъ промыслахъ и издѣльяхъ; онъ служитъ предметомъ довольно значительнымъ въ торговлѣ. Клей равно вываривается въ Китаѣ изъ буйволовой кости; но онъ вывозится въ маломъ количествѣ только въ Индію.

Л А К Ъ.

Китайскій лакъ получается отъ деревца тзи-чу, растущаго въ провинціи Кіанг-си и Се-чуенъ. Только достигая 8-лѣтняго возраста, это дерево становится годнымъ къ доставленію лака. Жидкость точать по каплямъ изъ-подъ коры дерева и собираютъ въ подвѣзанные сосудцы. Люди, находящіеся при добываніи этого смолянаго вещества, оберегаютъ себя отъ прикосновенія къ этой смолѣ, которая имѣетъ раздражающее и воспаляющее свойство. Лучшій Китайскій лакъ доставляется изъ провинцій Канг-чеу-фу и Кіанг-си. Къ этому натуральному лаку прибавляются еще и другіе составы; масса накладывается тонкими слоями и каждый слой долженъ совершенно высохнуть до покрытія другимъ. Японскій лакъ, который получается также отъ растенія, однако совершенно другаго, считается превосходнѣйшимъ; и тотъ и другой требуютъ необыкновенной тщательности въ приготовленіи и въ употребленіи. Подносы, чайные ящики, шкатулки и другія подобныя лаковыя вещи, съ роскошной золотой отдѣлкой, пользуются славой во всѣхъ странахъ. Лучшій лакъ совершенно черенъ и глянцевитъ. Укладка лаковыхъ вещей требуетъ великой осторожности. Ихъ укудоряваютъ мягкой бумагой и ставятъ въ другіе ящики.

Т У Ш Ъ.

Китайская тушь продается четырехъугольными и овальными кусками, украшенными золотою надписью или краси-

выми фигурками. Она дѣлается изъ копоты клея и ароматическихъ приправъ. Копоть собирается на опрокинутую металлическую ложку, надъ свѣтильной лампы. Количество туши зависитъ отъ количества масла въ лампадѣ. Лучшая тушь глянцовита; въ разломъ блестяща и, растираясь, не тотчасъ садится въ сыворотку, не даетъ осадки, испускаетъ пріятный запахъ и скоро расходится. Въ провинціи Нгануе цѣлыя деревни занимаются производствомъ туши и ея сбытомъ. На ней отличительны украшенія, представляющія изображенія цвѣтовъ и животныхъ. Нанкинскіе купцы получаютъ тушь изъ Гоен-чу и продаютъ ее подъ именемъ Нанкинской. На Кантонскомъ рынкѣ продаютъ три сорта туши.

БУМАГА.

Китайцы наиболее усовершенствовали бумажную промышленность. Они дѣлаютъ писчую бумагу изъ хлопчатой и изъ сердцевины бамбука и разныхъ растений. Бамбуковая желтая бумага продается тетрадами, бамбуковая клеевая стопами, бамбуковая укладочная дестями, бамбуковая цвѣтная и украшенная узорами, для писемъ, продается въ хорошихъ коробочкахъ, также изукрашенныхъ узорами. Нанкинская изъ хлопчатой бумаги почитается лучшею во всей имперіи. Въ Китаѣ для религіозныхъ требъ расходуется великое множество золоченой бумаги. Бумага, известная въ Европѣ подъ названіемъ рисовой, производится изъ сердцевины совсѣмъ другаго растенія.

ВАРЕНЬЕ И КОНФЕКТЫ.

Обиліе плодовъ и вообще растительности въ Китаѣ и умѣніе сохранять ихъ въ сахарномъ сиропѣ такъ прославили Китайцевъ, что огромные транспорты различныхъ лакомствъ отправляются оттуда ежегодно въ Европу. Укладка этого товара до сихъ поръ еще весьма несовершенна и причиняетъ много убытку.

ШЕЛКЪ И ШЕЛКОВЫЯ ТКАНИ.

Воздѣлываніе шелковичнаго дерева и выработка шелку были у Китайцевъ уважаемы точно такъ же, какъ земле-

дѣліе, съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Одинъ изъ древнихъ государей ихъ постановилъ закономъ въ обязанность супруговъ своей наблюдать самой за шелковичными деревьями и воспитаніемъ шелковичныхъ червей во дворцѣ. Этотъ примѣръ былъ сильнѣйшимъ побудительнымъ средствомъ для всѣхъ классовъ, и такимъ образомъ шелковичная промышленность дошла въ Китаѣ до замѣчательнаго совершенства.

Разсады шелковичнаго дерева обнимаютъ всѣ центральныя и подуденныя и частію сѣверныя провинціи. Но провинціи Че-киангъ, Кіанг-су, Нган-онай, Гу-куангъ, Ги-пу и Се-чуень производятъ шелки высочайшей доброты.

Для удобренія почвы подъ шелковичное дерево берутъ обыкновенной рѣчной илѣ, золу и навозъ. Въ началѣ весны подрѣзываютъ и подчищаютъ лишнія вѣтви, и когда онѣ начинаютъ покрываться листьями, наблюдаютъ тщательно, чтобы червь или другое насѣкомое не повредило ихъ. Сборъ листьевъ требуетъ также большой осторожности, чтобы не повредить сучьевъ и сберегать молоденькіе листки и отпрыски. Шелковичное дерево разводится отводками, а иногда и сѣменами. Листья старыхъ деревьевъ теряютъ свое достоинство.

Яички или сѣмена шелковичнаго червя еберегаются въ сухомъ мѣстѣ на листахъ бумаги, до тѣхъ поръ, пока не стаетъ пора ихъ оживленія, производимаго искусственной теплотой. Выбираютъ обыкновенно время, когда листъ дерева начинаетъ распускаться.

Періоды превращеній шелковичнаго червяка зависятъ отъ породы и мѣры пищи. Самый краткій срокъ достиженія совершеннаго развитія червяка 25 дней, и чѣмъ скорѣе поспѣваетъ онъ, тѣмъ болѣе даетъ шелку. Въ первые сутки существованія червя ему возобновляютъ порцію пищи 48 разъ, на вторые только 30, и съ каждымъ днемъ уменьшаютъ. По мѣрѣ, какъ подрастаютъ черви, ихъ прибавляютъ мѣста. Шелковичныя заведенія строятся въ среднихъ садахъ; ихъ стараются удалить отъ шума, потому что для собаки и крика пѣтуха достаточно для того, чтобы отнять

жизнь у нѣжнаго червя. Громъ причиняетъ имъ также смертность или болѣзнь.

Воспитаніемъ червей занимаются женщины. Онѣ должны наблюдать необыкновенную чистоту и даже воздерживаться ѣсть какія-нибудь ароматическія яствы во время ухода за этими воспитанниками. Температура комнаты должна также быть соразмѣрна.

Когда черви достигли своего развитія и готовы на пряденіе коконовъ, ихъ раскладываютъ и даютъ волю. Тѣхъ, которые назначены на племя, отдѣляютъ особо; тѣхъ же, которые обречены на издѣліе, складываютъ въ гончарные сосуды, герметически закупоренные, гдѣ они тотчасъ погибаютъ. Тогда ихъ варятъ въ котлахъ и тянутъ сырецъ. Пачки сырцу отправляются въ Европу въ ящикахъ не подбитыхъ свинцемъ, въ моткахъ, которые обертываются въ простую бумагу и въ масленную.

Шелковые станки въ Китаѣ мало разнятся съ устройствомъ Жокардовскаго станка.

Лучшіе сорта Китайскаго сырцу называется тса-гли и тай-самъ; ихъ отличаютъ подъ общимъ именемъ Нанкинскаго шелку.

Дикій шелковичный червь въ родѣ гусеницы путаетъ свою паутину на вѣтвяхъ разныхъ кустарниковъ и деревьевъ. Изъ нея дѣлаютъ довольно грубую шелковую ткань, называемую кіен-чеу, которой прочность необыкновенна въ нѣскѣ.

Безчисленные шелковыя ткани Китайскаго произведенія известны изяществомъ и богатствомъ. Китайскія дымки, штофы, фуляры подъ названіемъ понги, парчи и атласы, превосходны и чрезвычайно прочны.

Вотъ наименованіе разныхъ Китайскихъ шелковыхъ тканей :

Фуляры суровые, фуляры понги, фанг-ціу, фанг-ціу высшаго сорта, газы, употребляемые для занавѣсокъ отъ комаровъ — мустикеры, газы, употребляемые для ситъ, мин-чао — полушелковая и полубумажная ткань, нинг-чау — саржа,

фа-тунъ пунсовый штофъ, саржа высшаго разряда, черный гладкій атласъ, сусинъ-дзао родъ гроденапля, су-син-дзао узорчатый и дымчатый, су-ту-тзай гладкая дымка изъ Кантона, су-кіа-тзай гладкая дымка изъ Кіа-инга, фу-у-тзай, гладкая дымка изъ У-чу, фа-у-тзай, дымка узорчатая изъ У-чу, фи-зіи-тзао родъ гроденапля узорчатого изъ Кантона, гладкій пунсовый атласъ, гладкій бѣлый атласъ, фа-тунъ атласъ узорчатый для зонтиковъ, тай-кин-тунъ мандаринскій узорчатый атласъ, тай-сзе-сунъ гладкій мандаринскій атласъ, гак-пак-тунъ штофъ, фа-кинг-тунъ штофъ мандаринскій, нинг-чау саржа, ганг-цкао двойная дымка, чонг-кунъ родъ легкой тафты, нинг-са родъ легкаго газа, бархатъ Нанкинскій, черныя ленты.

КИТАЙСКОЕ ПОЛОТНО НІА-РОУ.

Англичане называютъ grass-cloth пеньковую ткань, замѣняющую въ Небесной имперіи наши полотна и ткани для лѣтнихъ одеждъ. Никто еще не знаетъ, изъ какого растенія прядутъ нити этой ткани. Китайцы называютъ ее общимъ именемъ ма, что переводится произвольно коноплей и другими разнаго волоконнаго свойства травами. Ни одинъ словарь не сходится въ этомъ названіи, изъ чего заключить должно, что эта матерія состоитъ изъ смѣси разныхъ прядильныхъ растений. Сдѣлать же вѣрное тому изслѣдованіе можно будетъ развѣ только тогда, какъ среда Китая откроется для иноземцевъ. Вѣроятнымъ кажется, что растеніе, похожее на крапиву, снабжаетъ наибольшее количество волоконъ въ смѣсь гіа-пу. Доброта этой ткани представляетъ различныя степени, отъ тончайшаго батиста до самаго грубаго полотна. Она продается суровой и бѣлой. Ее красятъ въ разные цвѣта и предпочтительно въ синій.

Въ Китаѣ, кромѣ гіа-пу, извѣстна ткань изъ алое, изъ банана и бамбука. Это разнообразіе собственныхъ тканей препятствуетъ распространенію Европейскихъ шерстяныхъ произведеній Англіи и Франціи, изъ чего, впрочемъ, слѣдуетъ исключить значительную торговлю Московскихъ суконъ съ Китаемъ.

ХЛОПЧАТАЯ БУМАГА.

Нынѣ извѣстны въ Китаѣ три разряда растенія , дающаго хлопчатую бумагу, — въ травѣ, въ кустарникѣ и въ деревцѣ (*gossipium herbaceum*, *gossipium religiosum* и *bombax repandrum*). Первые два обрабатываются въ обширномъ размѣрѣ.

Лучшая прядильная бумага Китая есть, безъ сомнѣнія, та, изъ которой ткуть они матерію , извѣстную въ Европѣ подъ именемъ нанки. Желтоватый, пріятный цвѣтъ Китайской нанки натураленъ. Хлопчатая бумага , которая растетъ въ провинціи Кіангъ-нанъ, желтоватаго цвѣта; при пересадкѣ въ другое мѣсто, перемѣняетъ цвѣтъ и становится бѣлою.

Хлопчатый кустарникъ любитъ рыхлую землю. Когда онъ начинаетъ цвѣсти, подрѣзываютъ и подчищаютъ всѣ лишніе вѣтки, для того чтобъ дать болѣе силы цвѣту, который скоро раскалываетъ свою чашечку и выпускаетъ хлопья на подобіе снѣговыхъ комковъ. Его собираютъ, очищаютъ отъ зеренъ, чешутъ, прядутъ и выравниваютъ нити машинкой; потомъ начинаютъ ткать, чѣмъ предпочтительнѣе занимаются женщины.

Многіе полагали, что Европейское состязаніе разрушить Китайскую бумагопрядильную промышленность; но это предположеніе не справедливо. Сроднившаяся съ природою привычка Китайцевъ — обрабатывать хлопчатую бумагу, и занятіе пряденья и тканья, которымъ наполняется время между дѣломъ, въ досужные часы отъ сельскихъ работъ, не могутъ быть покинуты трудолюбивымъ народомъ, который всегда имѣетъ нужду въ простыхъ бумажныхъ тканяхъ. Англійскіе ситцы приходятся имъ дешевле, нежели свои обработанные до такой же степени изящества, и потому они получаютъ ихъ въ замѣнъ своихъ произведеній. За всѣмъ тѣмъ, въ Китай привозится много бумаги изъ-за границы. Вотъ что читаемъ мы въ брошюрѣ Г. Самойлова подъ заглавіемъ *«Новыя свѣдѣнія о торговлѣ Европы и Сѣверной Америки съ Китаемъ»*:

«Долгое время Китайцы пренебрегали Американскою хлопчатую бумагою, именно по причинѣ ея превосходства сравнительно съ бумагою Восточной Индіи. Этотъ матеріалъ подлежалъ невыгодному предубѣжденію за его доброкачественность и длину волоконъ. Съ большими трудомъ и даже съ нѣкоторыми немаловажными пожертвованіями въ пользу опытовъ, успѣли Сѣверо-Американцы преодолѣть это предубѣжденіе, такъ что нынѣ ихъ хлопчатая бумага усиливается ежедневно въ потребленіи Китая. Въ 1843 году привезено уже въ Кантонъ 10,000 кипъ Американской хлопчатой бумаги, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ скоромъ времени этотъ матеріалъ одержитъ на Китайскихъ рынкахъ верхъ надъ Бомбейской и Мадраасской бумагою, такъ же точно, какъ эта послѣдняя одержала верхъ надъ Бенгальскою. Предвѣщаютъ, что въ 1849 и 1850 годахъ привозъ хлопчатой бумаги изъ Америки въ Китай будетъ простираться до 30,000 кипъ ежегодно, потому что Американцы, по недостатку у нихъ другихъ предметовъ торговой мѣны съ этимъ государствомъ, употребятъ всѣ усилія для увеличенія своей торговли въ тамошнихъ предѣлахъ, во вредъ Англійской торговлѣ. Хотя въ 1844 году привезено было изъ Америки въ Кантонъ болѣе одного милліона 300 тысячъ рублей серебромъ — звонкою монетою (піастрами); но тѣмъ не менѣе разница въ ихъ привозѣ противъ вывоза изъ Китая составляетъ еще 25 милліона франковъ, или до 6 милліоновъ рублей сереб. Эта разница пополнялась до сихъ поръ возмѣщеніемъ Китайцевъ товарами, привозимыми Англичанами, которымъ Американцы въ свою очередь уплачивали хлопчатую бумагою въ Ливерпуль; но не смотря на эту остроумную и не безвыгодную сдѣлку, Американцы предпочитаютъ имѣть прямой сбытъ своей бумаги въ Китай.

«Общая потребность Китая въ хлопчатой бумагѣ простирается до 850,000 кипъ, изъ которыхъ 300,000 кипъ собирается внутри государства, а 550,000 кипъ заимствуются ежегодно изъ за-границы.

ФАРФОРЪ.

Въ VII столѣтіи производство фарфора было уже известно въ Китаѣ. Знаменитая фабрика Кингъ-те-чинъ, считаемая до нынѣ лучшею, основана около 800 лѣтъ.

Матеріалы, употребляемые Китайцами для ихъ фарфора, известны, и мѣра составовъ также изслѣдована; однако прозрачность и легость его неподражаемы, хотъ позолота и живопись ихъ уступаютъ Европейскимъ. Пока не было еще соревнованія въ этой промышленности въ Европѣ, Китайскій фарфоръ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ и прибылнѣйшихъ предметовъ торговли.

ЗОЛОТЫЯ И СЕРЕБРЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

Китай имѣетъ многочисленныя серебряныя мины, но добываніе руды изъ этихъ минъ большею частію запрещено. Филограновая Китайская работа замѣчательна. Множество серебряныхъ издѣлій столоваго употребленія вывозится ежегодно изъ Китая въ Южную Америку и въ Сидней. Эти вещи работаютъ по иностраннымъ образцамъ, потому что не имѣютъ потребителей внутри государства.

Китайцы получаютъ значительное количество золота изъ песку въ рѣкахъ Се-чуень и Гу-нанъ, на берегахъ Желтой рѣки и въ окрестностяхъ двухъ названныхъ провинцій. Въ Кантонѣ считается 18 различныхъ достоинствъ золота.

МѢДЬ ВЪ ТОНКИХЪ ПЛАСТИНКАХЪ.

Цѣлыя улицы лавокъ пабиты этимъ товаромъ: мѣдныя пластинки, изящно отполированныя зубчиками, прорѣзанныя узорами, употребляются при духовныхъ церемоніяхъ и служить украшеніемъ храмовъ и алтарей.

ОЛОВЯННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Легкій, простой, дешевый и замысловатый способъ оловяннаго издѣлія въ Китаѣ наиболее изумляетъ иностранца.

Мастеровые бродятъ по улицамъ, имѣя при себѣ всѣ матеріалы и инструменты ремесла, и тотчасъ дѣлаютъ какую угодно вещь самымъ поспѣшнѣйшимъ образомъ. Разумѣется, что чистота отдѣлки соответствуетъ этой скорости, но главное соображеніе въ дешевизнѣ. На фабрикахъ та же торопливость, которая даетъ Китаю возможность снабжать оловянной, мѣдной и жестяной посудой Индію и Малайскій архипелагъ.

циновки.

Промышленность разнаго рода циновками весьма значительна въ Китаѣ. Онѣ употребляются для столовъ, вмѣсто ковровъ, постелей, для укладки товаровъ и на паруса для кораблей. Тѣ, которыя служатъ вмѣсто скатертей, совершенно бѣлы или испещрены красными полосами.

потышный огонь.

Потышный огонь; употребляемый при духовныхъ церемоніяхъ, въ Китаѣ доставляетъ довольно значительную дѣятельность промышленности. Это искусство доведено до завиднаго совершенства и вызываетъ соревнованіе Европейцевъ.

стеклянные браслеты.

Общепародно употребляемые поручни дѣлаются изъ стеклянной массы, и такъ, что рука свободно въ нихъ проходитъ. Эта масса похожа на почечный халкедонъ. Стеклянные вещи отправляются въ разныя страны Востока.

живопись.

Это искусство стоитъ въ Китаѣ на степени ремесла. Въ Кантонѣ извѣстны три славные живописца: Нам-куа, Ю-куа и Тинг-куа, которые имѣютъ большія заведенія. Они исполняютъ работу по заказу, представляя большую частію сцены изъ Китайской жизни. Такіе рисунки на рисовой бумагѣ собираются въ тетрадь, переложенную шелковыми лоскутками. Рисунки на полотнѣ ставятся въ рамку свѣтлаго дерева.

ЗОНТИКИ, ВЪЕРЫ И ЭКРАНЫ.

Зонтики изъ масляной бумаги, украшенные странными узорами, съ деревянными остовами и съ бамбуковой рукоятю. Также атласные зонтики составляютъ предметъ значительнаго употребленія въ Китаѣ и вывоза за границу. Не менѣе того занимаютъ Китайскую промышленность въеры и экраны, обдѣланные лакомъ, съ бумажными и шелковыми складками, разрисованные или украшенные золотомъ, костяной и перламутровой рѣзбою, страусовыми и павлиньими перьями. Замѣчательно также разнообразное собраніе тростей и подѣлка жемчугу изъ рыбьяго клея.

Галантерейныя вещицы, статуйки, вазы, ящички, предметы, любопытные для археологовъ, минералоговъ и натуралистовъ, наполняютъ магазины Кантона и представляютъ собою для путешественниковъ и множество роскошныхъ музеевъ.

Всѣ предметы внешней торговли значатся въ таможенныхъ тарифахъ и подлежатъ узаконенной пошлинѣ; но и внутренняя промышленность имѣетъ значительное число разнородныхъ матеріаловъ.

Китай богатъ строевымъ лѣсомъ, изъ котораго бамбукъ наиболее употребителенъ. Камфарное дерево или чан-му идетъ на домашнюю мебель богатыхъ покоевъ, на мачты для судовъ и на самыя значительныя постройки. Стволъ его твердъ. Камфарное дерево растетъ въ Кіанг-си, Че-киангъ и въ Фо-кинѣ. Кантонскіе плотники получаютъ его изъ этой послѣдней провинціи. Другое дерево, извѣстное подъ именемъ чан-му, чрезвычайно употребительно въ столярной работѣ Китая. Нан-му, похоже на кедръ, исключительно посвящено на постройку храмовъ и дворцовъ по необыкновенной прочности своей. Сосна также употребляется на постройки въ сѣверныхъ провинціяхъ. Дубъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ продовольствуетъ всѣ отдѣлы деревяннаго потребленія. Ти-ли-му или желѣзное дерево — самое твердое и самое тяжелое изъ всѣхъ существующихъ въ природѣ. Эбеновое, розовое, черное, душистое и сандаловое употребляются для дорогой мебели и на предметы роскоши.

Красноватый песчаникъ, также какъ и разныя породы гранита, готовится въ различныхъ видахъ для архитектурнаго искусства : на изваянія плитъ , колоннъ , статуй и разныхъ украшеній зданій.

Большая часть Китайскихъ домовъ строится изъ кирпича ; лепная работа изъ сырой заварной глины , изукрашенная цвѣтными узорами, въ большемъ употребленіи.

Мѣдные рудники въ большемъ количествѣ находятся въ горахъ Гу-куанга, въ Се-чунъ и въ Ю-нань.

Китайцы имѣютъ особеннаго рода мѣдь, бѣлаго цвѣта, которую они называютъ *пе-тунгъ*, а въ Кантонѣ зовутъ ее пак-тунгъ. Французскіе миссіонеры , которые дали первое понятіе объ этомъ металлѣ, полагали, что это металлъ самородный, а не искусственный Паука разложила однако бѣлую мѣдь Китая на ея элементы, но ни числа, ни названія каждаго изъ нихъ она еще не опредѣлила.

Докторъ Блэкъ приписываетъ бѣлый цвѣтъ пак-тунга присутствію въ составѣ *никеля*. Стаунтонъ утверждаетъ, что въ смѣси этой мѣди есть серебро и желѣзо; Никольсонъ находитъ въ немъ составъ мѣди и арсеника; тоже подтверждаетъ одинъ извѣстный Китайскій химикъ. Но докторъ Динвидръ доказываетъ, что въ этомъ металлѣ есть соединенія мѣди, никеля и цинка. Одинъ изъ плавильщиковъ Кантона объяснилъ составъ пак-тунга смѣсью двухъ сортовъ мѣди и цинка въ равномъ количествѣ. Этотъ составъ прекрасно полируется и съ вида очень походитъ на серебро. Пак-тунгъ продается на рынкѣ Кантона въ плиткахъ. Китайцы дѣлаютъ изъ него сосуды, подсвѣчники , ложки, ножи и разную посуду. — Эта бѣлая мѣдь не то ли же самое, что наше *новое серебро*?

Чан-тунгъ или желтая мѣдь, употребляемая для звонкаго Китайскаго инструмента, называемаго *гонгъ*, также почиталась долгое время настоящимъ металломъ, но нынѣ изслѣдована химією, какъ соединеніе мѣди, висмута и олова.

Желѣзные рудники изобилуютъ въ Китаѣ въ провинціяхъ : Фо-кинъ, Кіан-нанъ, Че-кіанъ и Ченси. Но не смотря на то, Китайцы получаютъ желѣзо изъ-за границы; только

въ случаѣ чрезвычайной дороговизны Англійскаго желѣза они прибѣгаютъ къ своимъ минамъ, сберегая тщательно свои подземныя сокровища.

Свинецъ довольно рѣдокъ въ слояхъ Китайской почвы.

Олово также сравнительно не изобилуетъ въ Китаѣ.

Цинкъ составлялъ прежде предметъ правительственной монополіи.

Пищепотребительные предметы не вѣроятно разнообразны въ Китаѣ. Одинъ замѣчательный писатель весьма замысловато сказалъ, что гораздо затруднительнѣе придумать что-нибудь, чего не ѣдятъ Китайцы, нежели изчислить то, что они ѣдятъ. Они не брезгаютъ обращать въ яства вещества самыя отвратительныя, какія только можно себя вообразить.

Рисъ составляетъ основное питаніе въ южныхъ и центральныхъ провинціяхъ; но по ту сторону Желтой рѣки начинаютъ замѣнять его пшеница, просо, рожь и кукуруза. Ячмень и овесъ почитаются не сродными для питанія человека.

Китай имѣетъ большое количество всякихъ овощей и особливо богатъ Турецкими бобамъ. Турецкіе бобы съются во множествѣ и приготавлиются въ различныхъ видахъ. Изъ бобовъ дѣлаютъ знаменитую сою и даже сыръ. Тамъ известно нѣсколько родовъ капусты. Лукъ и чеснокъ играютъ важную роль въ Китайской кухнѣ. Труфели, напротивъ того, не смотря на обиліе, изгнаны изъ нея, прочіе же грибы въ употребленіи. Патата—родъ сладкаго картофеля, господствуетъ во всѣхъ огородахъ.

Въ Китаѣ встрѣчаются всѣ фрукты жаркаго и умереннаго поясовъ: груши, яблоки, айва, сливы, персики, вишни, абрикосы и проч.; но они далеко уступаютъ Европейскимъ; потому что Китайцы весьма не опыты въ искусствѣ калированія деревьевъ. Тамъ апельсины разныхъ родовъ, и между прочимъ родъ известный подъ именемъ кин-кё, величиною въ орѣхъ, изъ котораго дѣлаютъ прекрасное варенье; кромѣ того, лимоны, папелъмозъ, гранаты, смоква, бананъ, карамболь, виноградъ, мангль, мангустанъ, тамариндъ и всѣ плоды, зрѣющіе подъ экваторомъ, равно какъ и каштаны, орѣхи, миндаль и финики. Многія варенья дѣлаются въ

Китай изъ ароматическихъ кореньевъ, какъ пмбирь, и даже изъ молодыхъ отпрысковъ бамбука. Также изобилуетъ Китай разными масляными растеніями, какъ: сезамъ, *camellia aleifera*, и проч. Китайцы употребляютъ въ кушанье даже клещевинное масло.

Въ отношеніи нашей торговли сукнами извлекаемъ слѣдъ изъ вышеупомянутаго сочиненія: «Новѣйшія свѣдѣнія о торговлѣ Европы и Сѣверной Америки съ Китаемъ.»

«Мѣна товаровъ продолжается отъ Января до Марта мѣсяца. Главные предметы вывоза Русскихъ произведеній состоятъ въ шерстяныхъ и бумажныхъ тканяхъ и мѣхахъ, которые они мѣняютъ на чай. Ввозъ опиума въ Китай строго воспрещенъ нашимъ Правительствомъ. Китайцы выбираютъ нужные имъ товары въ Кяхтѣ; наши же отправляются въ Маймачинъ, городъ Китайскій, лежащій по ту сторону границы, гдѣ и получаютъ свой чай. Кромѣ суконъ и мѣховъ мы отправляемъ въ Китай нанки, бархаты, стекло и металлы. Получаемъ оттуда, кромѣ чая, нѣсколько фарфора, хлопчатой бумаги, нѣсколько предметовъ мебелировки, трости, красильные матеріалы, тигровья кожи, табакъ, ревенъ и мускъ. Торговля съ Китаемъ служить свободнымъ и удобнымъ источникомъ для сбыта Сибирскихъ товаровъ, которыхъ отправленіе въ Европу было бы слишкомъ затруднительно.

«О Русскихъ Масловыхъ, Мезерицкихъ и Тридцатовыхъ сукнахъ, рассмотрѣнныхъ во всѣхъ портахъ Китая членами торговаго отдѣленія Французскаго посольства подъ начальствомъ Лагрене, который заключилъ въ 1844 году трактатъ, обезпечивающій Франціи одинаковыя права съ Англіей, сказано въ нихъ любопытномъ для насъ донесеніи между прочимъ слѣдующее :

«Къ числу любопытнѣйшихъ предметовъ изученія Кантонской торговли принадлежитъ, конечно, продажа Русскихъ суконъ въ магазинъ Кантонскаго купца Чанг-чингъ, въ улицѣ Та-Чонгъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно встрѣтить на самомъ югѣ Китая такое издѣліе, которое приготавливается въ Москвѣ, продается на Нижегородской ярмаркѣ и провозивается Китайцами въ Кяхтѣ. Въ особенности изумило насъ

особенное стараніе Китайскихъ торговцевъ пускать Русскія сукна въ соревнованіе съ Англійскими *broad-cloths*, не смотря ни на противящійся этому потребленію южный климатъ, ни на превосходство Англійскихъ суконъ.

«Продолжительное пребываніе въ Кантонъ, во время зимы 1844—1845 годовъ, дало намъ возможность ознакомиться какъ съ незначительнымъ количествомъ потребленія здѣсь Русскихъ суконъ, такъ и съ званіемъ ихъ потребителей. Одни только *Манджу*, гражданскіе и военные чиновники, жившіе прежде на Сѣверъ и привыкшіе къ этому потребленію, сохраняютъ и на Югъ свое предпочтеніе къ Русскимъ сукнамъ. Однако же нельзя не замѣтить, что и мѣстные жители начинаютъ слѣдовать примѣру *Татаръ*, хотя они вообще предпочитаютъ Англійское тонкое сукно (*superfine broad-cloths*). Между Кантонскими высшими сановниками губернаторъ Кванг-чу-фу и помощникъ его Ванъ-фонгъ, носятъ парадное церемоніальное платье изъ Русскаго сукна.

«Торговля Россіи съ Китаемъ достигла въ последнее время до такой значительности, что обращаетъ на себя вниманіе Европейскихъ негоціантовъ, имѣющихъ здѣсь свои дѣла; въ особенности возбуждаетъ ихъ опасеніе Русское сукно. Эти издѣлья, которыя находятся теперь во всѣхъ портахъ, открытыхъ Европейской торговлѣ, соперничаютъ весьма успѣшно съ сукномъ Англійскимъ и Нѣмецкимъ, которое превосходятъ прочностію и дешевизною. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, въ Шангъ-хай, Су-чу, Тіень-цинъ, Русское сукно преобладаетъ на рынкахъ и предпочитается потребителями.

«Русское Мезерицкое сукно въ Кантонъ продавалось:

«Синее и темносинее по 18 фр. 5 сант. за метръ, то есть, около 2 р. 66 коп. сереб. за аршинъ; а черное, алое и зеленое по 13 фр. 25 сант. за метръ, или около 2 р. 40 коп. сереб. за аршинъ.

«Въ Шанг-хай продавались:

«Сукно Московскаго фабриканта Шапошникова, котораго было въ магазинѣ не болѣе 3 половинокъ, отъ 13 фр. 84 сант. до 18 фр. 18 сант. за метръ, или отъ 2 р. 46

коп. до 2 р. 70 коп. за аршинъ. Сукно это, сработанное изъ тонкой шерсти, отличалось мягкостію ткани, хорошою ворсовкою и отдѣлкою. Сукно этого же фабриканта, нѣсколько пониже качествомъ, по 10 фр. 33 сант. за метръ, или по 1 р. 83 к. за аршинъ, и сукна фабриканта Александрова: свѣтлосинее по 15 фр. 65 сант. за метръ, или около 2 р. 80 к. за арш., темносинее по 2 р. 70 к., а черное около 2 р. 14 к. за арш.,

«Въ Нинг-по продавалось :

«Русское сукно не на мѣру длины, а отрѣзками, приспособленными къ разнымъ предметамъ одежды. Въ этомъ портѣ было въ продажѣ сукно Александрова, Князя Трубецкаго и братьевъ Бабкиныхъ. Оно обошлось купцамъ на ярмаркѣ въ Су-чу по 165 фр., или около 41 руб. 50 коп. за половинку,

«Въ Кантонъ привозилось прежде ежегодно изъ Су-чу, главнаго складочнаго мѣста для Русскихъ суконъ, около 120 половинокъ; но можно продать ихъ до 300 половинокъ и болѣе, по случаю распространившагося тамъ предпочтенія Русскаго сукна другимъ. Въ Нинг-по и Шанг-Хай соперничество съ Русскими сукнами становится еще затруднительнѣе, потому что они уже приняты въ Че-киангъ, Кiang-су, Чи-хи и другихъ мѣстахъ. Эти сукна на видъ конечно не совершенны, ни качествомъ, ни цѣтами; но въ носкѣ предпочитаютъ Китайцами: дешевизна, удобный составъ ассортиментовъ, излишняя ширина и даже пестрота нравятся Китайцамъ, а потому нѣтъ повода советовать Французскимъ фабрикантамъ отправлять сукно въ Китай. Во Франціи можно приготовить подобныя сукна одинаковой ширины и лучшаго даже качества по равнымъ цѣнамъ съ Московскими; но какъ бы превосходны ни были произведенія Франціи, нѣтъ никакой надежды, чтобы они могли соревновать съ Русскими.

«Въ Тиень-цинъ Русскія сукна еще болѣе наводняютъ рынокъ, потому что продолжительность и суровость зимы сдѣлали ихъ необходимыми; Французскія же сукна не могутъ уже соперничать съ ними ни плотностію ткани, ни дешевизною (1 р. 64 коп. сереб. за аршинъ).»

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПАТОЛОГІЮ *.

Мм. Гг.!

Вы посвятили себя изученію Медицины. Когда вы вступите на поприще врачебной дѣятельности, вашею обязанностию будетъ — предотвращать появленіе болѣзни и лечить болѣзнь развившуюся. Чтобы предотвращать и лечить болѣзнь успѣшно, нужно узнать, по мѣрѣ силъ, въ чемъ состоятъ онѣ, какъ происходятъ и при какихъ обстоятельствахъ наступаетъ выздоровленіе.

Заболѣваетъ только организмъ. Онъ состоитъ изъ снарядовъ, изъ которыхъ каждый совершаетъ болѣе или менѣе важное отправленіе. Снаряды эти между собою чрезвычайно тѣсно связаны и совокупностію своею составляютъ цѣлое: разстройство въ одномъ влечетъ болѣе или менѣе замѣтное измѣненіе въ другихъ. Въ организмъ безпрестанная дѣятельность. Совокупность процессовъ, совершающихся въ немъ, называется *жизнію*. Жизнь проявляется въ двухъ направленіяхъ: въ одномъ — строеніе, составъ и отправленія органовъ наиболѣе соответствуютъ идеѣ организма, и суть самыя благопріятныя для продленія его существованія; въ другомъ — строеніе, составъ и отправленія организма представляютъ отклоненія отъ этой нормы. Мы условились называть проявленіе жизни въ первомъ направленіи — здоровымъ состояніемъ организма — *здоровьемъ*, а проявленіе ея во второмъ направленіи — *болѣзнію*. Наука о явленіяхъ жизни въ человѣческомъ тѣлѣ и о законахъ, по которымъ эти явленія совершаются, названа *Физиологіею*.

* Изъ лекцій Профессора Полунина.

Соответственно различному проявленію жизни, и науку о явленіяхъ жизни въ человѣкѣ раздѣлили на: а) *Физиологію здороваго человѣка* и б) *Физиологію больного человѣка, или Патологію*. (До сихъ поръ вы изучали явленія здороваго организма. Минѣ суждено начать вамъ изложеніе ученія о болѣзни.)

Многіе другіе врачи опредѣляютъ болѣзнь несгласно съ нами. Одни говорятъ, что болѣзнь есть нездоровье. Такое отрицаніе не показываетъ, что же есть болѣзнь. По мнѣнію другихъ, болѣзнь есть разстройство въ отправленіяхъ. Это опредѣленіе объемлетъ только часть предмета. Разстройства въ отправленіи не бываетъ безъ разстройства въ матеріи: сила связана съ матеріей. Конечно, есть нѣкоторыя болѣзненные состоянія, въ которыхъ до сихъ поръ, при средствахъ, представляемыхъ наукою въ современномъ состояніи, мы не можемъ открыть матеріальныхъ измѣненій; но такіе случаи чрезвычайно рѣдки, и должно думать, что въ нихъ матеріальныя измѣненія ускользаютъ отъ насъ по причинѣ недостаточности средствъ для изслѣдованія, потому что а priori мы не можемъ допустить измѣненія отправленія безъ измѣненія органа, совершающаго это отправленіе. Но и на счетъ самыхъ матеріальныхъ измѣненій патологи между собою не согласны: одни думаютъ, что первоначально измѣняются соки; другіе утверждаютъ, что первичное измѣненіе бываетъ въ твердыхъ частяхъ. Вы уже довольно знакомы съ Физиологіей, чтобы оцѣнить сужденіе этихъ патологовъ. Вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ, дѣйствующихъ на тѣло человѣческое, первоначально могутъ измѣняться какъ соки, такъ и твердыя части. Вѣсть, вѣсть разстроивающая, доходитъ чрезъ посредство нерва до нервнаго центра и сначала дѣйствуетъ на него; механическая причина растягиваетъ, раздираетъ, разрушаетъ твердыя части. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ первично измѣняются части твердыя; но несравненно чаще первое измѣненіе, повидимому, совершается въ сокѣ, питающемъ и оживляющемъ наше тѣло. Этотъ сокъ есть кровь. Тѣла, вводимыя въ пищевые пути, если растворимы, поступаютъ въ кровь; вещества, входящія въ дыхательные пути, измѣняютъ кровь. Процессы питанія

и дыханій совершаются безпрестанно. Этими процессами мы тѣсно связаны съ окружающею природою, и они суть источники разнообразныхъ болѣзней. Но вы понимаете, что какъ скоро измѣнится кровь, то переменны ея должны отразиться измѣненіемъ и въ твердыхъ частяхъ: послѣднія образовались изъ крови; въ процесѣ питанія, обновленія нашего тѣла негодное поступаетъ въ одну часть крови, а изъ другой возобновляется органъ, восстанавливается потерянное; съ измѣненіемъ питающаго сока, очевидно, будетъ измѣнено и питаніе твердыхъ частей. Равномѣрно, измѣненіе твердыхъ частей влечетъ за собою перемену и въ питающемъ сокѣ, во-первыхъ потому, что произведенія метаморфоза твердыхъ частей поступаютъ въ кровь; во-вторыхъ потому, что твердые части составляютъ снаряды, въ которыхъ мало по малу образуется питающій сокъ, и образованный проводится къ разнымъ частямъ тѣла; въ-третьихъ потому, что въ снарядахъ изъ твердыхъ частей совершаются очищеніе и обновленіе крови; въ-четвертыхъ потому, что процессами образованія и обновленія крови управляетъ извѣстная часть твердыхъ частей, которую мы называемъ системою нервную.

Разнообразнѣйшія болѣзненные явленія происходятъ въ слѣдствіе разнообразія дѣйствующихъ причинъ и поражаемыхъ тканей и органовъ. Часть Патологіи, излагающая ученіе о причинахъ болѣзней и о происхожденіи болѣзненныхъ явленій, въ слѣдствіе дѣйствія извѣстныхъ причинъ, называется *Этіологіею* и *Патогеніею*. Наука, изучающая болѣзненные перемены въ строеніи тѣла, есть *Патологическая Анатомія*; изложеніемъ болѣзненныхъ явленій въ составѣ тѣла занимается *Патологическая Химія*; ученіе объ измѣненіяхъ управленій, какъ явленій болѣзни, можно назвать *Патологическою Физиологіею* (въ тѣсномъ смыслѣ).

Въ Патологіи, какъ и вездѣ въ наукахъ опытныхъ, начинаютъ съ наблюденія отдельныхъ случаевъ. За наблюденіемъ слѣдуетъ сравненіе фактовъ, полученныхъ путемъ наблюденія. Мы покажемъ, какія отрасли Патологіи произошли изъ сравненія собранныхъ наблюденій, и какъ разнообразно было сравненіе.

Рядъ болѣзненныхъ явленій, тѣсно между собою связанныхъ и болѣе, или менѣе часто встрѣчающихся въ этой связи на разныхъ особяхъ, называется болѣзненною формою. Первоначально сравненіемъ опредѣлены болѣзненные формы, изложеніемъ которыхъ занимается *Частная Патологія*. Вслѣдъ за тѣмъ, сравненіемъ изъ собранныхъ частныхъ выведено общее; такъ получены общіе законы, или выводы, которые излагаетъ *Общая Патологія*.

И такъ сперва развилась Патологія Клиническая, за ней Частная и наконецъ Общая.

При изученіи Патологіи идутъ путемъ обратнымъ: начинаютъ съ общаго и потомъ переходятъ къ частному и особному. Вы будете изучать Частную Патологію вслѣдъ за Общей, а наблюдать болѣзни на особяхъ вы станете тогда, когда вамъ будетъ извѣстна и Частная Патологія. Теперь вамъ передается наука, какъ достойніе, пріобрѣтеніе чело-вѣчества, плодъ его дѣятельности и опытности. Изъ частныхъ наблюденій выведены общіе результаты. Ваша обязанность — узнавъ эти выводы, въ послѣдствіи повѣрить ихъ и, по мѣрѣ силъ, обогатить науку новыми выводами. Исполняя эту обязанность, вы станете восходить отъ особенностей къ общему. Такъ останетесь вы благодарны предшественникамъ и завѣщаете потомству достойніе, которое будетъ служить лучшимъ вамъ памятникомъ.

Я вамъ сказалъ, что сравненіе было разнообразно. Сравнили болѣзни человѣческія не только между собою, но и съ болѣзнями животныхъ и растений. Наука, излагающая выводы изъ послѣднихъ сравненій, называется *Сравнительною Патологіею*. Для нея еще мало сдѣлано. Но вы знаете, сколько Физіологія чело-вѣка двинута впередъ Сравнительною Анатоміею и Сравнительною Физіологіею. И Патологія чело-вѣка ожидаетъ такого же толчка отъ Сравнительной Патологіи. Я обращаю ваше вниманіе на слѣдующія выгоды изученія Сравнительной Патологіи:

1) Занимаясь Сравнит. Патологіею, мы слѣдимъ болѣзненный процессъ на рядѣ существъ, начиная съ существа сложенія простѣйшаго: на немъ болѣзнь проще и яснѣе.

2) Известныя болѣзни животныхъ, тѣмъ или другимъ путемъ, переносятся и на человѣка. Очевидно, болѣзненный процессъ станетъ яснѣе, и свѣдѣнія наши о немъ будутъ полнѣе, если мы его изучимъ и на томъ существѣ, на которомъ онъ развился первоначально. Я назову двѣ болѣзни — водоболѣзнь и сапъ — болѣзни ужасныя, которыя передаются животными человѣку. Если мы что знаемъ объ этихъ болѣзненныхъ процессахъ, то преимущественно вслѣдствіе изученія ихъ на животныхъ.

3) На животныхъ мы можемъ дѣлать и такіе опыты, какіе произвести на человѣкѣ нельзя.

4) Сравнительная Патологія оказала важныя заслуги и для Терапіи. Чтобы убѣдить васъ въ томъ, стоитъ напомнить вамъ благотворное вліяніе прививной оспы. Вы знаете, какъ много гибло людей отъ оспы до знаменитаго открытія Дженнера; вамъ известно, какъ много потеряла оспа въ своей жестокости, съ тѣхъ поръ, какъ стали почти всюду прививать оспу. *

Изъ сравненія болѣзней, существующихъ на разныхъ пространствахъ и бывшихъ въ разное время, произошли *Патологическая Географія* и *Патологическая Исторія*. ** На разныхъ пространствахъ замѣчаются разныя болѣзни. Причина того заключается въ самой мѣстности. Въ разныя времена были болѣзни, которыхъ теперь нѣтъ, или которыя теперь жесточе или слабѣе. Въ разные періоды, отъ причинъ болѣе или менѣе намъ извѣстныхъ, возникали болѣзни повальныхъ.

Предметъ Патологіи обширенъ; болѣзни, которыми поражается животное тѣло, чрезвычайно разнообразны; явленія, которыми выражаются болѣзни, многочисленны; причины болѣзней сложны; усилія наблюдателей открыли много раз-

* Но мы не можемъ похвалить другаго сравненія, именно сравненія болѣзней человѣческихъ съ нормальнымъ состояніемъ растений и животныхъ. Это сравненіе произошло изъ воззрѣнія такъ называемыхъ натурфилософовъ. Мы къ нему возвратимся, обозрѣвая исторію Патологіи.

** Нужно отличать исторію болѣзней отъ исторіи ученія о болѣзняхъ.

личные способы изслѣдованій, съ цѣлю пояснить тотъ или другой моментъ болѣзни. Потому Патологию, для удобства изложенія, изученія и отиравленія врачебныхъ обязанностей, раздѣлили на многія части. Такъ ученіе о наружныхъ болѣзняхъ излагается отдѣльно отъ ученія о болѣзняхъ внутреннихъ (Патологія Медицинская, Патологія Хирургическая). Болѣзни женскія, дѣтскія, болѣзни глазъ и др. служатъ тоже предметомъ особаго изложенія. Вы знаете, что между врачами есть особы, посвятившія себя преимущественно изученію болѣзней внутреннихъ, болѣзней наружныхъ, дѣтскихъ, болѣзней женскихъ половыхъ органовъ, и т. д. Это раздѣленіе труда между врачами чрезвычайно естественно, потому что усовершенствовать себя во всѣхъ отрасляхъ Медицины невозможно. Но вы, начиная изучать Медицину, не можете и думать о предпочтеніи той или другой изъ отраслей ея: всѣ органы въ организмъ чрезвычайно тѣсно связаны — перемѣны въ одномъ влекутъ за собою измѣненія и въ другомъ; болѣзненный процессъ, который выразился на наружныхъ частяхъ, очень часто одновременно проявляется и во внутреннихъ. Вы можете посвятить себя спеціальному изученію той или другой отрасли Патологіи тогда только, когда основательно изучите эту науку во всѣхъ ея отрасляхъ.

Вамъ уже теперь (на 2-мъ курсѣ) излагаютъ ученіе о болѣзни, ученіе о томъ предметѣ, съ цѣлю узнать который вы поступили въ Университетъ. При самомъ началѣ этого изложенія я считаю обязанностию обратить ваше вниманіе на другія науки, по названію которыхъ вы не можете судить объ отношеніяхъ ихъ къ Патологіи. Я говорю о наукахъ о природѣ вообще и о человѣкѣ въ частности. До сихъ поръ эти науки были предметомъ вашего спеціального изученія; вы ихъ изучаете и теперь, и я совѣтую вамъ изучить ихъ основательно; потому что тѣмъ ваши свѣдѣнія о природѣ будутъ полнѣе и общестороннѣе, тѣмъ явленія въ организмѣ здоровомъ и больномъ будутъ для васъ понятнѣе. Задача врачу — узнать человѣка и его отношенія къ природѣ. Человѣкъ есть связная часть великаго,

стройнаго цѣлаго. Перемены въ цѣломъ влекутъ измѣненія въ частяхъ, потому что цѣлое дивно связано съ частями. Это цѣлое мы называемъ природой. Законы природы непреложны и общи. Это-то единство, эта-то общность законовъ природы и открываетъ путь испытующему уму человека. Цель науки о природѣ — показать взаимныя отношенія существующаго. Отдѣльныя части этой науки изслѣдуютъ природу съ отдѣльныхъ сторонъ. Врачу нужно общестороннее знаніе человека въ отношеніи его къ природѣ. Онъ долженъ знать строеніе, составъ, отправленія человека, долженъ изучить условія нормальнаго ихъ состоянія, которыя лежатъ частію въ немъ, частію въ окружающей природѣ. Ему должны быть извѣстны перемены въ строеніи, составѣ, отправленіяхъ человека, и дѣтели, условливающіе эти перемены. Узнавъ, по мѣрѣ силъ, взаимныя отношенія существующаго, узнавъ законы жизни, врачъ можетъ управлять дѣйствіями живыхъ тѣлъ къ ихъ благу, подвергая организмъ тѣмъ или другимъ вліяніямъ, съ цѣлію произвести то или другое дѣйствіе. Потому, *врачебная наука* есть примѣненіе свѣдѣній о природѣ къ извѣстной цѣли — именно къ сохраненію здоровья живыхъ существъ. Она есть вѣнецъ наукъ о природѣ, и усовершенствованіе ея одна изъ задачъ всѣхъ естественныхъ наукъ. Великіе врачи всѣхъ временъ вполне сознавали отношеніе науки врачебной къ наукамъ о природѣ вообще, и можно сказать, что науки естественныя большею частію своихъ успѣховъ обязаны врачамъ. Взаимное отношеніе веществъ внѣ живаго тѣла стало прежде предметомъ изученія. Плодомъ этого изслѣдованія суть многія полезныя примѣненія, которыми пользуется человечество. Въ живомъ тѣлѣ снарядъ дѣйствія чрезвычайно сложенъ, вещества, составляющія его, необыкновенно многочисленны, отношенія его съ природой весьма разнообразны, дѣятельность въ немъ безпрестанная. Потому-то, явленія въ живыхъ тѣлахъ труднѣе для изученія, и потому-то они намъ менѣе извѣстны, чѣмъ явленія внѣ живаго тѣла.

Путь наблюденія — вотъ путь къ познанію болѣзни. Выводы, которые основываются на чистыхъ предположе-

ніяхъ, также далеки отъ истины, какъ бредни ужаленнаго. Таковы выводы Нѣмецкихъ натурфилософовъ. Къ счастью науки и человѣчества, натурфилософское направленіе теперь и въ Германіи большинствомъ отвергнуто. — При наблюденіи болѣзни врачи руководствуются двумя методами:

а) Одни замѣчаютъ болѣзненные припадки, и не хотятъ открыть между ними связи, зависимости, значенія этихъ припадковъ. Они не стараются узнать то, какимъ образомъ данныя причины производятъ извѣстныя болѣзни, и какъ дѣйствуютъ употребляемые лекарства. Ихъ цель — собрать какъ можно больше наблюденій, которыя бы говорили, что противъ такого-то ряда припадковъ такіа-то средства оказались дѣйствительными или безполезными.

б) Другіе, основываясь на данныхъ, которыя представляетъ наука въ современномъ состояніи, открываютъ связь между болѣзненными явленіями, стараются узнать, какинъ образомъ, вслѣдствіе дѣйствія той или другой причины, произошелъ рядъ болѣзненныхъ явленій. Они опредѣляютъ съ точностію матеріальныя измѣненія въ организмъ, стараясь показать, какое измѣненіе предшествовало, какое есть первоначальное явленіе вслѣдъ за дѣйствіемъ причины, и въ какой зависимости отъ этого первоначальнаго измѣненія суть измѣненія послѣдующія. Облегчая и удаляя отдѣльные болѣзненные припадки, они знаютъ, что такое леченіе не прочно, и что совершенно эти припадки могутъ быть удалены только тогда, когда будетъ устранена причина, ихъ производившая. Потому ихъ главное показаніе при леченіи — измѣнить одно состояніе (болѣзненное) въ противоположное. Показаніе устранять и облегчать припадки есть второстепенное.

Метода первыхъ называется *эмпирическою*; метода вторыхъ — *раціональною* или *физиологическою*. Патологія первыхъ *эмпирическая*; Патологія вторыхъ — *раціональная* или *физиологическая*.

Въ теченіе двухъ тысячелѣтій у насъ скопилось чрезвычайное множество наблюденій, собранныхъ преимущественно по первой методѣ. Оцѣните эти наблюденія, и вы увидите, что большая часть ихъ не имѣетъ почти никакого

вѣса. Обратите вниманіе преимущественно на лекарства, которыя предлагаютъ эмпирики противъ разныхъ болѣзней — и вы найдете, что почти всякое средство тотъ или другой изъ эмпириковъ совѣтуетъ употреблять противъ каждой болѣзни. Отъ чего же это происходитъ? Отъ того, что эмпирики полагаются на заключеніе «*post hoc, ergo propter hoc*,» которое, какъ вы знаете, невѣрно; отъ того, что они не стараются открыть взаимной связи между припадками и значенія ихъ. А врачъ-физиологъ знаетъ, что одни и тѣ же припадки могутъ быть вслѣдствіе дѣйствія разныхъ причинъ, что припадки эти только тогда надежно излечиваются, когда устранена причина, ихъ производшая. Я обращаю ваше вниманіе на такъ называемые нервные припадки. Вы знаете, что одинакіе нервы выражаютъ противодѣйствіе вслѣдъ за дѣйствіемъ разнообразныхъ раздражителей одинакимъ образомъ. Раздражайте нервъ движенія — противодѣйствіемъ будетъ явленіе движенія; оно выражается чувствомъ боли при раздраженіи нерва чувствованія, и т. д. Вы можете употребить разнообразныхъ раздражителей, а противодѣйствіе всегда будетъ выражаться въ одинакихъ нервахъ однимъ образомъ. Съ другой стороны, сожмите въ томъ или другомъ мѣстѣ на протяженіи отъ центра къ периферіи нервъ чувствованія, разрушьте его нити въ этомъ мѣстѣ — и вы замѣтите, что въ частяхъ тѣла, получающихъ вѣтви изъ нерва ниже мѣста раненія, чувствованіе пропадетъ. Явленіе будетъ одно и то же, чѣмъ бы вы нервъ ни разрушили. Равномѣрно, разрушьте на томъ или другомъ мѣстѣ въ протяженіи отъ центра къ периферіи нервъ движущій — и замѣтите, что въ частяхъ, получающихъ вѣтви изъ нерва ниже мѣста раненія, не будетъ движенія. И въ этомъ случаѣ, чѣмъ бы вы нервъ ни разрушили, явленіе одно и то же. Вы видите, что боль и непроизвольное движеніе (спазмъ) могутъ условливаться одною и тою же причиною. Съ другой стороны, разнообразнѣйшія причины, дѣйствующія на нервъ чувствованія или движенія, условливаютъ явленіе боли или спазма. Въ послѣдствіи, когда мы будемъ разбирать значеніе припадковъ, вы узнаете, что боль и спазмъ могутъ быть явленіями вслѣд-

ствіе дѣйствія на нервы количественно и качественно измѣненной крови; они могутъ быть вслѣдствіе растяженія и раздраженія нервныхъ нитей при приливѣ, застоѣ крови и выпотѣніи, которое бываетъ чрезвычайно разнообразно. Потеря движенія или чувствованія въ той или другой части нашего тѣла называется параличемъ. Загляните въ фармакологическіе сборники эмпириковъ, переберите ихъ такъ называемыя практическія сообщенія — вы найдете кучу средствъ противъ паралича движенія и чувствованія, равно какъ противъ боли и спазма. Оцѣните собранный ими матеріалъ — и вы убѣдитесь, что врачу рациональному нельзя имъ воспользоваться, потому что врачи-эмпирики не углубляются до причины спазма, боли и паралича. А мы видѣли, какъ разнообразны причины боли и спазма; не менѣе различны и многочисленны и причины паралича.

И такъ, при собраніи наблюденій, врачъ долженъ быть осмотрителемъ. Только общестороннее и правильное наблюденіе есть вѣрная посылка для вывода заключенія о явленіяхъ природы. Но много наблюденій ошибочныхъ, которыя впрочемъ принадлежать не рѣдко людямъ великимъ, и эти-то ошибки людей знаменитыхъ очень часто останавливаютъ науку въ ея развитіи, потому что люди обыкновенные вѣрятъ въ авторитетъ. — Наблюденіе показываетъ, что за болѣзнію слѣдуетъ выздоровленіе или смерть. Наблюдатель знаетъ, что въ теченіе болѣзни были употреблены тѣ или другія средства; но онъ долженъ помнить, что излеченіе часто послѣдуетъ и безъ употребленія врачебныхъ пособій, а иногда даже не смотря на употребленіе веществъ болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ; онъ долженъ помнить, что заключеніе — *propter hoc, ergo propter hoc* — невѣрно. Поэтому, обязанность врача изслѣдовать способъ дѣйствія лекарства; предположивъ тотъ или другой способъ дѣйствія его, онъ долженъ повѣрить, точно ли оно такъ дѣйствуетъ, произведя опытъ, смотря по возможности, на животномъ или на человѣкѣ; въ послѣднемъ случаѣ съ крайнею осмотрительностію, чтобы не повредить человѣку.

Опыты фізіологическіе и патологическіе стали предметомъ особаго вниманія вслѣдъ за открытіями Гарвея, Галлера и Белля. Открытіе Белля, извѣстное подъ именемъ закона Белля, имѣло сильное вліяніе на развитіе Физіологіи и Патологіи : оно много пояснило отправленія нервной системы, дало основаніе для діагностики болѣзней нервныхъ; потому не удивительно, что оно возбудило охоту производить опыты, и тѣмъ сблизило Патологію съ Физіологіей. Физіологи узнали мало по малу отправленія разныхъ органовъ, лишая искусственно животное тѣло того или другаго органа, той или другой части его (разрушеніе разныхъ частей мозга головного и спиннаго, перерѣзываніе нервовъ, перевязываніе сосудовъ, удаленіе изъ тѣла желѣзъ); они прояснили процессъ дыханія, подвергая животныхъ вліянію разнообразно измѣненной атмосферы; они изучили процессъ питанія и обновленія въ тѣлѣ и опредѣлили, какая пища наиприличнѣе для организма, заставляя животное въ теченіе извѣстнаго времени голодать, или употреблять то или другое питательное вещество, и пр. При этомъ направленіи польза Патологіи для Физіологіи стала очевидною. Физіологи скоро замѣтили, что то, что они дѣлали съ животными искусственно для изученія отправленій, на человѣкѣ и на животныхъ совершалось и естественнымъ порядкомъ. Такъ извѣстно, что вслѣдствіе кровоизліянія и разнообразныхъ болѣзненныхъ отложеній часто разрушается та или другая часть мозга, что опухолью сдавливаются нервы, что сосуды становятся непроходимы вслѣдствіе выполненія ихъ полости или давленія на нихъ извне, что желѣзы перестаютъ отчасти или совсѣмъ совершать свое отправленіе вслѣдствіе разрушенія ихъ ткани экссудатомъ, и т. д. Больной организмъ для фізіолога-наблюдателя представляетъ очень многое, изъ чего онъ можетъ извлечь важные выводы, до которыхъ не дойдетъ опытами. При изученіи процесса дыханія, очевидно, фізіологу представляется вопросъ, можетъ ли жить животное съ однимъ легкимъ, и если можетъ, то какія притомъ измѣненія происходятъ въ организмъ? Вырѣзать легкое у животнаго не трудно, но фізіологъ изъ этого опыта не получить от-

вѣта на свой вопросъ: животное умереть вслѣдствіе кучи побочныхъ обстоятельствъ (раненіе, кровотеченіе и пр.). Природа производитъ такой опытъ, отлагая то или другое болѣзненное произведеніе въ лёгкое; или сжимая органъ взвѣ отложеннымъ экссудатомъ.

Исторія наукъ показываетъ, что первоначально отдѣльныя наблюденія, повидимому, не имѣютъ между собою связи. Въ послѣдствіи отдѣльныя наблюденія объясняются и связываются новыми наблюденіями. Всякое наблюденіе, объясняющее другое наблюденіе, всякое наблюденіе, связывающее другія наблюденія, содѣйствуетъ успѣху науки. Заключение наше тѣмъ правдоподобнѣе, чѣмъ болѣе число раціонально оцѣненныхъ фактовъ говоритъ въ его пользу. Потому требованіе Луи и нѣкоторыхъ другихъ врачей, чтобы значеніе припадковъ и дѣйствіе врачебныхъ средствъ въ болѣзняхъ было выведено изъ многочисленнаго ряда добросовѣстныхъ и ученыхъ наблюденій и выражено въ числахъ — имѣетъ основаніе. Общее выраженіе, объемлющее наибольшую часть фактовъ, есть гипотеза. Гипотезъ же было бѣ, если бы всѣ факты были извѣстны. Тогда бы законы изъ нихъ вытекали очевидно, и они бы были неизмѣнны; теперь же понятіе о законахъ относительное: одинъ фактъ можетъ уничтожить нашъ относительный законъ.

Годность или негодность наблюденія зависитъ отъ наблюдателя.

1) Онъ долженъ обладать здоровыми чувствами, склонностью обстоятельно изслѣдовать явленія, способностію быстро находить между ними связь и зависимость. Эта способность есть врожденная, но она совершенствуется упражненіемъ.

2) Онъ долженъ быть знакомъ со всеми современными вспомогательными средствами для наблюденія.

3) Онъ долженъ начинать изслѣдованіе безъ предубѣжденія; иначе будетъ видѣть не то, что есть на самомъ дѣлѣ.

4) Онъ долженъ быть покоенъ, не занятъ никакими другими предметомъ, свѣжъ; потому Гиппократъ совѣтовалъ посѣщать больныхъ рано утромъ, не начиная предварительно никакихъ другихъ занятій.

Кто обладает даромъ наблюденія и наблюдалъ много и обстоятельно, тотъ приобретаетъ опытность: онъ быстро принимаетъ явленія, связываетъ ихъ и даетъ имъ вѣрное значеніе. Кроме числа лѣтъ, много способствуетъ приобретению опытности и прилежное наблюденіе больныхъ подъ руководствомъ опытныхъ и даровитыхъ наставниковъ: съ прилежаніемъ можно сдѣлать въ непродолжительное время много. Правительство устроило для васъ обширныя клиники и поручило ихъ опытнымъ директорамъ; вамъ остается прилежно посѣщать эти больницы и слѣдить постоянно больныхъ, чтобы приобрести ту опытность, которая такъ нужна врачу при отвлеченіи его трудныхъ обязанностей.

При изложеніи Общей Патологій я буду соотносѣваться съ вашими свѣдѣніями. Вы уже выслушали курсъ Анатоміи здороваго человѣческаго тѣла и полкурса Физіологій. Конечно, вы убѣждены, что изученію Физіологій должно быть предпослано изученіе Анатоміи; послѣдняя наука есть основаніе первой. Я надѣюсь, что вы скоро убѣдитесь и въ томъ, что Патологическая Анатомія даетъ такую же прочную основу Патологій, какъ Анатомія Физіологій. Потому я начну курсъ съ изложенія перемѣнъ въ строеніи и составѣ человѣческаго тѣла. При этомъ изложеніи мы ограничимся одними общими выводами; въ послѣдствіи вы будете имѣть случай специально изучить эти предметы. При изложеніи Патологической Физіологій, я буду соотносѣваться съ вашими потребностями. Вамъ нужно по явленіямъ, которыя замѣчаются при жизни человѣка, заключать объ анатомическихъ и химическихъ перемѣнахъ въ организмѣ. Потому, при изученіи признаковъ, которыми отличаются болѣзни, мы обратимъ особое вниманіе на ихъ значеніе. Изучивъ обще перемѣны въ строеніи, составѣ и отправленияхъ организма, мы перейдемъ къ разбору причинъ, которыми обуславливаются эти перемѣны. Потомъ мы предложимъ понятіе о болѣзни, къ чему цѣломъ, скажемъ о путяхъ ея распространенія въ организмѣ и о теченіи; въ заключеніе обратимъ вниманіе на важнѣйшіе болѣзненные процессы.

Мы изучимъ эти процессы независимо отъ тѣхъ измѣненій въ отправленияхъ, которыя происходятъ вслѣдствіе пораженія ими того или другаго органа. Предположите, что вы имѣете предъ собою больного, который дышетъ гораздо чаще и поверхностнѣе, чѣмъ здоровый, который кашляетъ и откашливаетъ густую, гнойвидную мокроту; предположите, что у этого больного, постукивая грудь, вы открыли въ томъ или другомъ мѣстѣ ненормальную звучность, а выслушивая, шумъ, который въ данномъ мѣстѣ, при здоровомъ состояніи субъекта, не слышится. Изъ явленій, которыя вы замѣтили, заключите о пораженіи лёгкаго; но данныхъ, которыя вы нашли, недостаточно, чтобы опредѣлить, какии именно болѣзненными процессомъ поражено лёгкое. Для рѣшенія этого вопроса, вы обращаете вниманіе на явленія общія организма, на сложеніе тѣла, на ходъ болѣзни, и пр.

Въ разныхъ органахъ замѣчаются одинакіе болѣзненные процессы, а, съ другой стороны, одинакіе болѣзненные процессы, смотря по различію органовъ, производятъ разные явленія. Отъ чего это зависитъ? Отъ того что, съ одной стороны, въ разныхъ органахъ замѣчаются одинакія анатомическія составныя части (волосные сосуды, кровь, нервы и пр.), а съ другой, отъ того что въ разныхъ органахъ встрѣчаются разные анатомическіе элементы и отправление разныхъ органовъ различно. Такъ есть органъ, назначенный для введенія кислорода въ наше тѣло; есть органы, которые выводятъ изъ крови потребленное и ненужное, есть органы движенія, чувствованія, и пр. Въ органахъ, гдѣ есть сосуды и кровь, можетъ быть обильный приливъ, застой крови и выпотѣаніе; но болѣзненные явленія вслѣдствіе этихъ процессовъ вызваны различными разстройствами отправления въ органахъ дыханія, отдѣленій, чувствованія, движенія, и пр.

Ученіемъ о болѣзненныхъ процессахъ я окончу курсъ Патологіи. Но прежде, чѣмъ приступлю къ изложенію Патологіи въ ея современномъ состояніи, я предпошлю краткій историческій обзоръ ученія о болѣзни.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N.)

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПАТОЛОГІЮ.

(Окончаніе.).

Я начну историческое обозрѣніе * ученія о болѣзни съ ученія Гиппократъ, отъ котораго Медицина, какъ наука, ведетъ свое начало.

Гиппократъ (род. 460, умер. 378 до Р. Х.) и его школа полагали, что болѣзни происходятъ вслѣдствіе недостатка, избытка или неправильнаго распредѣленія 4-хъ соковъ: крови, слизи, черной и желтой желчи, и что выздоровленіе послѣдуетъ при возстановленіи нормальнаго отношенія между ними. Они думали, что въ больномъ тѣлѣ есть вредное вещество—*materia pessa*, которое организмъ долженъ переработать и вывести. Переработка совершается въ тѣлѣ при дѣйствіи теплоты (вареніе—*coctio*), подъ руководствомъ чего-то божественнаго, премудрости природы. Вслѣдствіе варенія, вещества острые и жидкія теряютъ остроту и становятся гуще. Природа употребляетъ болѣе или менѣе продолжительное время для сваренія вещества вреднаго; какъ скоро вещество сварено, наступаютъ дни критическіе, которымъ предшествуютъ дни предвозвѣщающіе. Вредное вещество сваренное выводится потомъ, мочою, кровотеченіемъ изъ носу, и пр.

* Составляя этотъ обзоръ, особенно исторію древней Патологій, я руководствовался преимущественно историческимъ обзорніемъ медицинскихъ системъ *Генле*.

Послѣдователи *Эпикура*, который объяснял происхождение міра случайнымъ стеченіемъ атомовъ, стали производить болѣзни изъ измѣненія твердыхъ частей. *Темисонъ* (63 до Р. Х.) думалъ, что всѣ болѣзненные явленія могутъ быть выведены изъ измѣненія частей твердыхъ, которое онъ обозначалъ словами: *strictum, laxum, mixtum*.

Пнѣйматики, во главѣ которыхъ *Атены* (80 по Р. Х.), принимали нематеріальное дѣятельное вещество въ организмъ, которое есть причина его существованія; отъ измѣненія этого вещества происходятъ болѣзни.

Галенъ (+ 201 по Р. Х.) былъ эклектикъ. Гуморальная Патологія Гиппократова составляетъ основаніе его ученія; гдѣ, по его мнѣнію, она недостаточна, тамъ онъ объясняетъ болѣзненные явленія измѣненіемъ твердыхъ частей и въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгаетъ даже къ ученію пнѣйматиковъ. По мнѣнію Галена, здоровье есть явленіе равномернаго распредѣленія всѣхъ элементовъ тѣла и правильнаго отношенія твердыхъ частей къ жидкимъ; болѣзни происходятъ вслѣдствіе механическихъ разстройствъ (сжатія, уплотненія, разрыхленія частей), или вслѣдствіе неравномернаго распредѣленія элементовъ. Элементы или главные соки тѣ же, какіе принималъ и Гиппократъ. Вслѣдствіе преобладанія одного сока надъ другимъ происходятъ четыре темперамента; вслѣдствіе измѣненій этихъ соковъ развиваются восемь худосочій.

Ученіе *Парацельсова* (+ 1541) есть Гиппократовское, только измѣненное подъ вліяніемъ алхиміи. Вмѣсто четырехъ основныхъ веществъ, въ ученіи Парацельса главную роль играютъ три алхимическія: ртуть, соль и сѣра, какъ символы летучаго, растворимаго и горючаго. Въ живомъ тѣлѣ эти вещества соединены въ цѣлое и сокрыты жизнію. Пока они соединены, то существо здорово; но какъ скоро станутъ разъединяться: одно гнить, другое горѣть и пр., то начинается болѣзнь. И такъ и здѣсь принимается вещество вредное — *materia pessima*. Подъ вліяніемъ жизненнаго начала — архея — совершаются пищевареніе, пита-

ніе, отдѣленія. Архей возбуждаетъ здоровыя части противодѣйствовать болѣзни, отдѣляетъ больное, борется со смертію. Критическими отдѣленіями освобождается тѣло отъ болѣзненнаго.

Апрохимики (Fr. de la Boë Sylvius + 1672) замѣнили выраженіе *materia peccans* словомъ *acrimonia* — острота. Острое есть или кислота или щелочь, потому и два рода болѣзней — отъ остроты кислой или отъ остроты щелочной. Острота дѣйствуетъ на ту или другую часть тѣла и условливаетъ боли, судороги. Чтобы излечить болѣзнь прочно, нужно уничтожить, притупить остроту.

Сиденгамъ (+ 1689), котораго по справедливости называютъ Англійскимъ Гиппократомъ, считаетъ болѣзнь за слѣдствіе измѣненія соковъ и за усиліе природы удалить вредныя соки.

По мнѣнію *Фр. Гофманна* (+ 1742), причина дѣятельности въ органическихъ тѣлахъ заключается въ присутствіи ээира — вещества тонкаго и летучаго. Въ животномъ тѣлѣ это вещество отдѣляется мозгомъ и чрезъ посредство нервовъ проводится ко всѣмъ частямъ тѣла. Отъ постоянного движенія твердыхъ частей, и именно сердца и мозговыхъ оболочекъ, зависитъ жизнь. Болѣзнь состоитъ въ ослабленіи или въ усиленіи движенія. Вслѣдствіе сильныхъ движеній происходятъ судороги; если они поражаютъ чувствующія части, то называются болями. Атонія есть явленіе движенія слабаго (*strictum* и *laxum* методиковъ).

И по мнѣнію *Штала* (+ 1734) движеніе есть главное свойство органическихъ тѣлъ, а разстройство движенія — болѣзнь. Движеніемъ управляетъ душа. Болѣзнь состоитъ въ неправильномъ, усиленномъ, ослабленномъ или иначе измѣненномъ движеніи, которое душа производитъ, чтобы вывести вредныя вещества. (Лихорадка, судороги и т. д. суть движенія съ цѣлію удалить вредное вещество.)

Гарвей, открывъ кровообращеніе (1628), положилъ начало Опытной Физиологіи. Узнали, что сокращенія сердца

двигаютъ кровь по сосудамъ, но не знали, чѣмъ услови-
ваются самыя сокращенія. Галлеръ (+ 1778) замѣтилъ, что
вырѣзанное сердце сокращается, и свойство мышечныхъ
волоконъ — укорачиваться отъ дѣйствія механическихъ или
химическихъ раздражителей — назвалъ *раздражительною*
(*irritabilitas*). Галлеръ утверждалъ, что эта движущая сила
не зависитъ отъ нервовъ, что раздражительность въ мыш-
цахъ остается и по перерѣзкѣ нервовъ. Въ нервахъ онъ
открылъ свойство доводить до сознанія впечатлѣнія вслѣд-
ствіе дѣйствія на эти нервы въ периферіи.

Ученіе Галлера было примѣнено къ Патологіи Брау-
номъ (1788). По его мнѣнію, живыя тѣла обладаютъ силою или
способностію, которая называется раздражительною; дѣя-
тели, приводящіе эту силу въ дѣйствіе, суть стимулы; вслѣд-
ствіе дѣйствія стимуловъ на раздражительность происходитъ
раздраженіе. Жизнь есть состояніе раздраженія, услови-
ваемое внѣшними стимулами. Умѣренная степень раздраже-
нія составляетъ здоровье; оно зависитъ отъ умѣренного дѣй-
ствія раздражителей. Въ болѣзняхъ раздраженіе или ослаб-
лено — вслѣдствіе слабѣйшаго дѣйствія стимуловъ, или
усилено — вслѣдствіе сильнѣйшаго ихъ дѣйствія. Первые
болѣзни называются астеническими, вторыя — стеническими.

Разори (Teoria di contrastimolo), соотвѣтственно стени-
и астени, раздѣлилъ внѣшнія вліянія на раздражающія и
ослабляющія (stimulus и contrastimulus). По мнѣнію Брауна,
большую частію болѣзни суть астеническія; по мнѣнію
Разори — стеническія (97 на 100).

Натурфилософія (Шеллингъ) дѣйствовала неблагопрі-
ятно на развитіе Патологіи, потому что подала поводъ изъ
чистыхъ предположеній выводить заключенія. По мнѣнію
Рейля, органическія силы — раздражительность, чувстви-
тельность и производительность — не суть самостоятель-
ныя, но силы природы, извѣстныя подъ именемъ магне-
тизма, электричества и химизма, только въ высшей потен-
ціи. Чувствительность господствуетъ въ мозгу и нервахъ,
раздражительность — въ сердцѣ и мышцахъ, производи-

тельность — во внутренностяхъ. *Штаркъ* думаетъ, что чувствительность соответствуетъ принятію стимула, раздражительность — реакціи, а производительность — состоянію раздраженія. По этимъ теоріямъ и многимъ другимъ, имъ подобнымъ, истекшимъ изъ понятій натурфилософскихъ, происхожденіе болѣзни объясняется также, какъ и по теоріямъ древнихъ; только здѣсь, вмѣсто соковъ, вмѣсто сыры, соли и ртути, вмѣсто кислоты и щелочи, принимаются три отвлеченности: при нормальномъ состояніи организма, онъ находится въ равновѣсіи; вслѣдствіе неравновѣсія ихъ происходитъ болѣзнь. Основываясь на высказанномъ началѣ, болѣзни раздѣлены на болѣзни: а) чувствительности, б) раздражительности, в) производительности; равномерно, по мнѣнію врачей-натурфилософовъ, и лекарства дѣйствуютъ на чувствительность, раздражительность и производительность.

Шеллингова натурфилософія предположила, что въ организмахъ отъ низшихъ къ высшимъ переходы постепенны. Это предположеніе дало толчокъ Сравнительной Анатоміи, и вамъ извѣстно, какъ много названная наука обогатилась вслѣдствіе изслѣдованій, предпринятыхъ съ цѣлю подтвердить это предположеніе, вамъ извѣстно также, что по этой идее многочисленные факты приведены въ стройное единство. Не такъ счастлива была философская идея въ примѣненіяхъ къ Патологіи. Именно врачи, послѣдователи *Шеллинга*, пришли къ двумъ воззрѣніямъ:

1. Такъ какъ въ низшихъ животныхъ преобладаетъ та или другая система на счетъ другихъ, а всѣ системы въ равновѣсіи у человѣка; то если у послѣдняго, отъ какой бы то ни было причины, какая-либо система начинаетъ преобладать надъ другою, то онъ нисходитъ на степень того, или другаго животнаго. Такъ напр. человѣкъ нисходитъ на степень отрыгающихъ, если у него языкъ былъ, отрыжка, моча мутна (если у него разстроены пищевые органы); въ болѣзни Англійской онъ нисходитъ на степень слизняковъ, въ водянкѣ — на степень пузырчатыхъ глистъ, и проч. (*Hoffmann — Vergleichende Idealpathologie, Stutg. 1834*).

2. Другіе (*Янъ, Штаркъ*) считаютъ самую болѣзнь за нисшій организмъ, за паразита, который живетъ на другомъ организмѣ — на заболѣвшемъ. Такими органическими паразитами они называютъ пузырьки, гноевички, бугорки (въ процессахъ сыпныхъ), опухоли бѣльшей величины и пр. Но что значать пузырьекъ, гноевичекъ? — Они суть слѣдствія не нормальнаго питанія, выпотѣнія. Врачи-натурфилософы до того не послѣдовательны, что одинакія произведенія одного и того же процесса у нихъ имѣютъ разное значеніе; такъ, если гной скопился подъ кожицей и образовалъ гноевичекъ, то это организмъ; а если вслѣдствіе того же процесса гной отдѣлился на свободную поверхность, положимъ, слизистой оболочки дыхательныхъ путей, и выводится отхаркиваніемъ, то онъ не организмъ. Совершеннѣйшіе паразитные организмы суть глисты. — Что глисты суть организмы, въ томъ никто не сомнѣвается; но дѣло въ томъ, что глисты не суть болѣзнь, а причина или слѣдствіе болѣзни. Вы знаете, что появленіе глисть въ человѣческомъ тѣлѣ объясняется двоякимъ образомъ: а) одни утверждаютъ, что глисты развиваются при благопріятныхъ условіяхъ изъ яицъ, которыя попадаютъ въ тѣло тѣмъ или другимъ образомъ; развившись, они условливаютъ рядъ ненормальныхъ явленій въ человѣческомъ тѣлѣ; въ этомъ случаѣ глисты съ тѣмъ же правомъ могутъ быть названы болѣзнію, какъ и собака, которая кусаетъ человѣка; б) другіе говорятъ, что глисты развиваются произвольно изъ органическаго вещества; если это положеніе справедливо, то глисты произведеніе больного тѣла, а не болѣзни, точно такъ, какъ мочевоу камень не есть болѣзнь, а ея слѣдствіе. Здѣсь не мѣсто разсуждать о правдоподобности того или другаго способа происхожденія глисть. — Основываясь на мнѣніи, что болѣзнь есть паразитъ, *Штаркъ* думаетъ, что употребляемыя лекарства дѣйствуютъ на болѣзнь, а не на человѣческій организмъ. Отъ того, говоритъ онъ, ртуть употребляется безъ вреда для человѣческаго организма въ болѣзни венерической, хининъ — въ перемежающейся и пр. (*Stark, allgemeine Pathologie, 1844, I. Bd, 63 стр.*) По мнѣ-

нію *Штарка* (тамъ же, стр. 61), болѣзнь иногда продолжаетъ существовать болѣе, или менѣе короткое время и по смерти человѣческаго организма, который былъ ею пораженъ. Въ доказательство своего заключенія онъ приводитъ наблюденіе, что иногда въ острыхъ сыпяхъ процессъ высыпанія продолжается по смерти чловѣка. Какъ объяснить столь странное наблюденіе? — Извѣстно, что въ острыхъ сыпныхъ процессахъ кровь характеризуется разжиженностію (вещества произвольно свѣртывающагося внѣ живаго сосуда въ ней мало); жидкая кровь остается въ волосныхъ сосудахъ и скопляется преимущественно въ частяхъ ниже лежащихъ, которыя отъ того краснѣютъ; съ другой стороны, въ сыпныхъ процессахъ, особенно въ нѣкоторыхъ формахъ, кровяной пигментъ вскорѣ по смерти растворяется въ сывороткѣ, которая, просачиваясь, окрашиваетъ разныя части тѣла. Вѣроятно, что наблюдатели, на которыхъ ссылается *Штаркъ*, приняли трупныя пятна за высыпаніе. Это тѣмъ болѣе вѣроятно потому, что наблюдатели опытные подобнаго высыпанія никогда не замѣчали, а напротивъ общеизвѣстно, что сыпная краснота по смерти скоро и много блѣднѣетъ.

Сказавъ о натурфилософскомъ направленіи въ Патологіи, я перехожу къ направленіямъ анатомическому и фізіологическому.

Первая задача врачу при постелѣ больного — опредѣлить перемѣны, происшедшія въ организмѣ, и дать имъ значеніе. Въ болѣзняхъ наружныхъ мѣсто, на которомъ выразился болѣзненный процессъ, болѣе открыто, и потому распознаваніе ихъ вообще гораздо легче, чѣмъ болѣзней внутреннихъ. Въ послѣднихъ — пораженный органъ сокрытъ, а между тѣмъ первая задача врачу и при постели больныхъ внутренними болѣзнями та же, какъ и при постели больныхъ наружными болѣзнями, именно — опредѣлить анатомическія, химическія и фізіологическія перемѣны въ организмѣ и дать имъ значеніе. Чтобы достичь возможности болѣе или менѣе удовлетворительно рѣшать эту задачу, нужно сравнивать явленія, замѣчаемыя при жизни, съ анатомическими и химическими измѣненіями сокрытыхъ орга-

новъ, открываемыми по смерти. Гиппократовская Медицина и Медицина среднихъ вѣковъ безъ Патологической Анатоміи. Даже до временъ *Моргани* Патологической Анатоміи почти не существовало. Знаменитый *Моргани* первый обратилъ заслуженное вниманіе на патологическія явленія въ трупахъ и на связь ихъ съ явленіями при жизни. Онъ далъ первый толчекъ Патологической Анатоміи, которая составляетъ основу настоящей Патологіи, и тѣмъ оказалъ величайшую заслугу наукъ. (*De sedibus et causis morborum per anatomen indagatis*, 1767.)

Бы видѣли, какъ Нѣмецкіе ученые примѣнили къ Патологіи открытіе Галлера: славнымъ открытіемъ его воспользовались натурфилософы при составленіи теорій, которыя на время отклонили умы отъ правильного способа изслѣдованія болѣзней. Во Франціи и въ Англіи открытіе Галлера имѣло другое вліяніе: оно пристрастило къ наблюденіямъ и опытамъ. Геній и необыкновенная дѣятельность *Биша* создали новую науку — Общую Анатомію. *Биша* научилъ разлагать органы на ткани и показалъ отправления этихъ тканей. Онъ изслѣдовалъ патологическія явленія въ тканяхъ и нашелъ, что одинакія ткани въ разныхъ органахъ, при одинакихъ условіяхъ, поражаются одинакимъ образомъ. *Биша* сблизилъ Анатомію съ Физіологіей и Патологію съ Патологической Анатоміей. Ученіе *Биша* подало поводъ къ назначенію мѣстности общимъ болѣзненнымъ процессамъ въ тканяхъ тѣла наиболѣе распространенныхъ, такъ катарру — въ слизистыхъ оболочкахъ, ревматизму — въ фиброзныхъ тканяхъ, водянкѣ — въ серозныхъ. Изъ школы *Биша* произошло извѣстное анатомическое направленіе во Франціи, которое продолжается до нашего времени. *Корвизаръ*, *Леннекъ*, *Дюпюитренъ*, *Крювелле*, *Андраль*, *Луи*, *Будюи* и др. суть послѣдователи знаменитаго *Биша*. Всѣ они глубоко и неутомимо изслѣдовали анатомическія перемѣны, открываемыя по смерти больныхъ, и старались найти средства опредѣлить эти перемѣны при жизни. Вотъ слова знаменитаго *Леннека*: «prima enim pars medicinae diagnosis et anatomiae pathologicae peritia, quibus ablatis therapia andaba-

tarum pugna foret, medicusque oculis clausis, ancipiti gladio, entia rationis, phantasiae scilicet fictiones persequendo, vitam saepius, quam morbum laceraret.» Корвизаръ обратилъ вниманіе на забытое открытіе *Ауенбруггера* определять поколачиваніемъ (percutio) состояніе внутреннихъ органовъ. Въ наше время этотъ способъ изслѣдованія больныхъ усовершенствованъ *Піорри*. Старанія знаменитаго *Леннека* увѣнчаны блистательнѣйшимъ успѣхомъ: онъ открылъ *выслушиваніе* (auscultatio). Ученіе *Леннека* нашло достойнаго обработчика и критика въ *Шкодѣ*. До временъ *Ауенбруггера* и преимущественно *Леннека* опредѣленіе болѣзней грудныхъ при жизни было чрезвычайно трудно и очень часто невозможно. Теперь общезвѣстно, что при помощи поколачиванія и выслушиванія опредѣляются еще при жизни съ чрезвычайною вѣроятностію анатомическія перемѣны въ органахъ груди.

Но и анатомическое направленіе не безъ погрѣшности. Оно привело нѣкоторыхъ изслѣдователей въ крайность — выводить всѣ общія явленія изъ мѣстнаго пораженія. Въ такую ошибку впадалъ *Бруссе*. Онъ во всякой краснотѣ на слизистой оболочкѣ кишечной видѣлъ явленія усиленнаго прилива крови и воспаленія, и выводилъ всѣ общія разстройства изъ этого мѣстнаго пораженія. Важный недостатокъ Французскихъ послѣдователей *Биша* тотъ, что они долгое время почти совсѣмъ не обращали вниманія на измѣненія въ крови и мало занимались *Физиологіей*.

Въ Англіи послѣдователи *Галлера* обрабатывали *Опытную Физиологію*. Они обратили особое вниманіе на систему нервную. Имена *Белля*, *Маршалъ-Галля* и ихъ открытія вамъ извѣстны. Пріобрѣтенія *Анатоміи* и *Физиологіи* нервной системы отразились и въ ея *Патологіи*: они дали прочнѣйшее основаніе діагностикѣ болѣзней нервныхъ.

Нѣмецкая школа долго не имѣла такого вліянія на развитіе *Патологіи*, какъ школы Французская и Англійская: пока во Франціи изучали *Патологическую Анатомію*, въ Германіи занимались *натурфилософіею*. Въ настоящее время благомыслящіе изслѣдователи Нѣмецкіе сознали пагубное

вліяніе натурфилософіи на успѣхи естественныхъ наукъ; теперь развилась въ Германіи физиологическая школа. Физиологія въ короткое время сильно подвинута впередъ трудами извѣстныхъ физиологовъ Нѣмецкихъ, во главѣ которыхъ *Мюллеръ*.

Шваннъ научилъ изслѣдовать анатомическіе элементы животныхъ тканей, и съ тѣхъ поръ Гистологія физиологическая и патологическая обрабатываются въ Германіи съ особымъ стараніемъ.

Основательное изученіе развитія животныхъ пролило много свѣта на Физиологію. Въ новое время на этомъ поприщѣ прославились *Бэръ* (теперь С.-Петербургскій Академикъ), *Пуркинѣ*, *Вагнеръ*, *Валентинъ*, *Бишоффъ*, *Рейхертъ* и др. Патологія этимъ изслѣдованіямъ обязана объясненіемъ уродствъ: долго уродства были предметомъ ужаса и суевѣрія, и только съ тѣхъ поръ, какъ развитіе животнаго организма было изучено въ извѣстной степени, уродства стали предметомъ ученаго изслѣдованія.

Въ новѣйшее время, развилось въ извѣстной части Германіи (въ Вѣнѣ) анатомическое направленіе при изученіи Патологіи, которое оказало уже важныя заслуги этой наукѣ, и общается имъ еще болѣе, потому что представители школы изслѣдуютъ предметъ общесторонне, пользуясь результатами Физиологіи, которой Нѣмецкіе изслѣдователи оказали важныя заслуги, и Патологической Химіи. Французская школа анатомическая нашла геніальнаго послѣдователя въ *Рокитанскомъ*. Этотъ великій наблюдатель, изслѣдуя твердыя части, обратилъ должное вниманіе и на соки чело вѣческаго тѣла. Величайшая заслуга *Рокитанскаго* состоитъ въ томъ, что онъ обработалъ Патологическую Анатомію въ практическомъ отношеніи; онъ показалъ ея связь съ медициной клинической, онъ воспользовался данными медицины клинической, такъ что его Патологическая Анатомія не есть наука о мертвомъ тѣлѣ, но о тѣлѣ живомъ въ болѣзненномъ состояніи *.

* Вліяніе Патологической Анатоміи на развитіе Патологіи превосходитъ изложено въ рѣчи Профессора Варвинскаго.

Обозрѣвая медицинскія системы, мы видѣли безуспѣшное примѣненіе физическихъ и химическихъ данныхъ къ объясненію сущности болѣзни. Но мы должны сказать, что Физика и Химія много содѣйствовали усовершенствованію Физиологіи и Патологіи. Сначала примѣнена была Физика, и изслѣдованіе физическихъ свойствъ человѣческаго тѣла вообще и въ его отдѣльныхъ частяхъ съ тѣхъ поръ стало одною изъ главныхъ задачъ Физиологіи. Физика пояснила механизмъ движенія и чувствованія. Сколько обязана Астрономія улучшенію телескопа, столько же прочія естественныя науки — усовершенствованію микроскопа. Въ новое время, во Франціи — *Дютроше*, *Эдвардсъ*, *Мажанди*, въ Германіи *Гумбольдтъ*, *Мюллеръ*, въ Италіи *Матеуччи* и другіе послѣдователи *Гальвани*, воспользовались законами Физики для объясненія извѣстнаго ряда явленій въ животномъ тѣлѣ. Неорганическая Химія нашла прежде своихъ обработчиковъ, чѣмъ органическая, и скоро оказалась полезною въ приложеніяхъ къ искусствамъ и промышленности. Для врачей она важна особенно въ своихъ примѣненіяхъ къ Медицинѣ Судебной и Фармакологіи. Гораздо позже занялись химики природою органической, и тогда ихъ изысканія стали въ высшей степени важны въ приложеніи къ Физиологіи и Патологіи. Теперь ученые сознали, что при изслѣдованіи организма и законовъ жизни для удовлетворительнаго вывода помощь Химіи неизбежна. Вслѣдъ за открытіями *Лавуазье* и *Берцелиуса* животная Химія вообще и Антропохимія въ особенности составляютъ одинъ изъ предметовъ неутомимыхъ занятій образованнѣйшихъ химиковъ и врачей (*Либихъ*, *Дюма*, *Мюльдеръ*, *Симонъ*, *Леманнъ*, *Андраль*, *Гаварре*, и пр.). Успѣхи Антропохиміи отразились въ успѣхахъ Физиологіи и Патологіи.

Вы помните, какъ мы опредѣляли болѣзнь, вы видѣли рядъ ошибокъ вслѣдствіе односторонняго изслѣдованія предмета, вслѣдствіе предубѣжденія и вѣры въ авторитетъ. Мы, наученные исторіею, постараемся не впасть въ односторонность, не будемъ полагаться на авторитетъ и станемъ наблюдать безъ предубѣжденія.

А. Полунинъ.

ЗАМѢТКИ О ЗЫРЯНАХЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Зыряне, числомъ до 200,000 обою пола, живутъ нынѣ осѣдло въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской. Въ какое время они поселились здѣсь и гдѣ обитали ранѣе — положительно неизвѣстно. Какъ народъ, не ознаменовавшій бытія своего никакими историческими памятниками и наследовавшій отъ предковъ и грубыя нравы, и вѣковыя предрасудки, и мирную безпечность невѣжества, — Зыряне не имѣли историка, который передалъ бы намъ первобытное ихъ состояніе, постепенное развитіе, значеніе между народами соседственными и самыя условія общежитія. Неймѣніе историческихъ данныхъ причиною того, что происхожденіе Зырянъ осталось и до сихъ поръ загадочнымъ: не подтвержденное достовѣрными фактами, а основанное на темныхъ разногласныхъ преданіяхъ, оно, вѣроятно, вмѣстѣ съ письменностію Зырянъ, затеряно въ вѣкахъ минувшихъ, — и безпристрастный историкъ, желая раскрыть истину въ этомъ важномъ процессѣ, не иначе можетъ доискаться ея, какъ только по филологіи языковъ сѣверныхъ, критически сличая ихъ формы; потому что Зыряне, — какъ увидимъ далѣе, — искони населяли сѣверъ Россіи и сѣверо-западъ Сибири: такъ сначала обширно было это, нынѣ почти угасающее, поколѣніе! Мнѣнія ученыхъ, писавшихъ о происхожденіи Зырянъ, противорѣча одно другому, очень мало поясняютъ это темное мѣсто въ исторіи народа, какъ имѣющія основаніемъ однѣ догадки и предположенія, лишенныя строгой

вѣроятности *. Согласить противорѣчія писателей мы не беремся: это заняло бы довольно мѣста въ тѣсныхъ предѣлахъ нашихъ замѣтокъ и на много отвлекло бы насъ отъ изложенія собственнаго мнѣнія о происхожденіи Зырянъ.

Появленія Зырянъ въ историческомъ мірѣ нельзя опредѣлить съ хронологическою точностію. Древній нашъ лѣтописецъ Несторъ, перечисляя племена, населявшія въ его время сѣверъ Россіи, нигдѣ не говоритъ о Зырянахъ. Въ лѣтописи его читаемъ: «а ее суть нѣиіи языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вель, Муромъ, Черемисъ, Мордва, Заволочская Чюдь, Пермь, Печера, Ямъ, Угра или Югра, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либъ; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ» **. Вѣроятно, Зыряне извѣстны были тогда подъ однимъ изъ этихъ племенъ: Заволочскою Чудью, Пермью, Югрою и Печерою (потому что большая часть мѣстъ и самыя рѣки, близъ которыхъ жили эти сосѣдственныя и, безъ всякаго сомнѣнія, родственныя племена, носятъ Зырянскія названія), — и тѣмъ ближе подъ именемъ послѣдней, что нынѣ нѣтъ народа Печерскаго, и что по рѣкѣ Печерѣ съ давнихъ временъ обитаютъ Зыряне. Новгородская вольница — ушкуйники еще до X вѣка посѣщали мѣста, занимаемыя этими племенами; изъ хартій Новгородскихъ посадниковъ видно, что Печерой они называли всѣ земли, лежащія въ нынѣшнихъ уѣздахъ Устьсѣвѣрскомъ, Яренскомъ и отчасти Сольвычегодскомъ, т. е. всѣ тѣ земли (кроме послѣдняго), гдѣ нынѣ преимущественно живутъ Зыряне.

Не вдаваясь въ произвольныя гипотезы о происхожденіи Зырянъ, мы, чтобъ осязательнѣе доказать справедливость нашего мнѣнія, обратимся къ вѣкамъ давноминув-

* Г. Булыгинъ, Профессоръ Казанскаго Университета, полагаетъ Зырянъ выходцами съ Кавказа (Ж. М. Н. П. 1836 г.); Шафарикъ, въ Слав. народописаніи, говоритъ, что они отрасль Чуди.

** Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, изданное по Высоч. повел. Археогр. Комиссіею.

шимъ , бросимъ критическій взглядъ на древнѣйшую этнографію пустынного сѣвера Россіи. — Лейбницъ , Байеръ , Тунманъ , Гроцій и другіе историки , основываясь на достовѣрныхъ Латинскихъ и Греческихъ писателяхъ , населяютъ его въ глубокой древности Финнами. Гердеръ и Клапротъ утверждаютъ , что этотъ народъ за долго до Р. Х. обиталъ уже въ Россіи , въ мѣстахъ , прилежащихъ къ Уральскому хребту , откуда былъ вытѣсненъ Готами , и разсѣявшись отъ Урала на западъ и сѣверъ , приближался болѣе и болѣе къ послѣднему , гдѣ , свыкнувшись съ суровостію климата , жилъ беззаботно , занимаясь звѣриною и рыбною ловлею. Тацитъ говоритъ : «Финны обитаютъ въ соседствѣ съ Венетами , въ полунощной Европѣ ; не имѣютъ ни домовъ , ни коней , ни оружія ; рыба , коренья и травы служатъ имъ пищею , а звѣриныя кожи одеждою ; они угрюмы и безпечны ; не столько боятся гнѣва боговъ , сколько рабства и неволи : счастливая независимость есть рѣдкое и единственное ихъ благо въ мірѣ.» Этотъ правоописательный очеркъ Финновъ , за столько вѣковъ сдѣланный Тацитомъ , въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ живо характеризуетъ кореннаго Зырянина , что этотъ послѣдній кажется не побочнымъ потомкомъ , а болѣе роднымъ братомъ Тацитовскимъ Финнамъ , — такъ мало подвинули Зырянину впередъ цѣлыя столѣтія. Очень естественно , что Финны , разселившись на такомъ великомъ пространствѣ , можетъ быть вслѣдствіе бурныхъ переворотовъ и междоусобныхъ браней , раздѣлились на разныя племена , которыя , еще подраздѣлившись , пустили отъ себя мелкія отрасли ; но какъ тѣ , такъ и другія удержали основныя формы кореннаго языка , не измѣнили нравовъ и обычаевъ своихъ предковъ. Сравнивая языки Зырянъ и Финновъ , дѣйствительно , мы замѣчаемъ поразительное сходство въ словахъ того и другаго , и тѣмъ болѣе убѣждаемся въ родственности этихъ народовъ , что нравы и обычаи ихъ совершенно сходны между собою. Доказать же это родство очевидными фактами , историческими указаніями для насъ нѣтъ возможности , потому что для этого необходимо прослѣдить всѣ народы , обитавшіе на

сѣверъ Европы и Азіи, сравнить ихъ по языку, образу жизни, правамъ, обычаямъ и другимъ отношеніямъ. Предоставляя этотъ важный трудъ людямъ съ глубокимъ знаніемъ и многоразличными средствами, позволимъ себѣ одно предположеніе, основанное на филологіи, и для того обратимся къ языку Зырянъ, и въ особенности къ названію, подъ коимъ они вообще извѣстны и какое сами даютъ себѣ въ отличіи отъ прочихъ народовъ. Исторія указываетъ, что сѣверъ Россіи и Сибири былъ населенъ многими разноплеменными народами, происшедшими отъ Финновъ; но о ближайшемъ средствѣ этихъ племенъ не предлагаетъ она положительныхъ данныхъ. При такомъ недостаткѣ средствъ къ изслѣдованію происхожденія народовъ, самое лучшее пособіе, хотя слабое, филологія.

Нарицательное «Зырлане» — неизвѣстно кѣмъ и въ какомъ смыслѣ данное народу, — если разобрать его этимологически, можетъ повести къ разнымъ толкамъ о минувшей судьбѣ этого племени. Глаголы: «зырны и зыр-синь» значать: тѣснить, вытѣснять, вторгаться, заступать мѣсто другаго. Отсюда заключаемъ, что Зыряне были или вытѣснены, прогнаны откуда-то и кѣмъ-то, или же сами кого-нибудь вытѣснили и заняли его мѣсто, и, согласно съ своимъ положеніемъ, получили названіе, оставшееся при нихъ донынѣ: вытѣсненныхъ, или же вытѣснившихъ. Последнее предположеніе намъ кажется вѣроятнѣе, потому что первобытные жители губерній Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской назывались Чудью, * вытѣснивши которую, Зыряне заняли ея мѣсто. Въ глубокой древности Біармія или Пермь, которую составляли эти губерніи, по свидѣтельству Отера, Норвежскаго мореходца, приплывшаго въ IX вѣкѣ къ устью С. Двины, была населена уже разными племенами народовъ, корнемъ которыхъ онъ утвердительно называетъ Финновъ. ** Въ XI вѣкѣ Пермь, Югра

* Двинскій лѣтописецъ и Шафариково Славянское народописаніе.

** Форстера: Geschichte der Entdeckungen in Norden.

и Печера платили дань Новгородцамъ, — этимъ смѣлымъ и предприимчивымъ въ древности искателямъ славы и богатства. На берегахъ Двины въ это время, по сказанію Исландцевъ, существовалъ богатый торговый городъ — *Голмгардъ*, славный по ярмаркѣ, на которую прѣзжали купцы Скандинавскіе и Новгородскіе. Въ Голмгардъ Норвежскіе купцы Тореръ и Карлъ, посланные для торговли въ Біармію самимъ Королемъ Олофомъ, современникомъ Ярослава, ограбили кладбище и обокрали Финскаго идола *Іома*лу. Названіе этого божества чисто Зырянское; по-Русски *Іома* значитъ: старая, сварливая, неуклюжая женщина, подъ видомъ которой изображалось, какъ извѣстно, это карающее, грозное божество. Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, когда хотятъ указать на злую, безобразную старуху: *«іома баба кодъ льбѣ»* — сердита, зла, какъ іома. Очень можетъ быть, что, до принятія христіанской вѣры, Зыряне боготворили идола *Іома*лу, — въ чемъ убѣждаетъ насъ и темное народное преданіе о богахъ языческихъ этого народа; а одинакая вѣра, выражающаяся въ почитаніи однихъ и тѣхъ же идоловъ у племенъ, хотя разныхъ названій, даетъ весьма близкое понятіе о ихъ сродствѣ....

Зыряне сами себя называютъ: *Коми*, *Коми-мортъ* и *Коми-войтыръ*; послѣднее названіе употребляется тогда, когда говорится обо всемъ народѣ, а первыя два при обозначеніи одного лица. Кто ты? — спросите Зырянина, и онъ отвѣтитъ: *ме Коми* или *Коми-мортъ*; а отъ чего онъ такъ себя называетъ и какъ переводится слово *Коми* по-Русски, — ни одинъ не объяснитъ этого. На языкъ ихъ такого слова нѣтъ, или значеніе его утрачено. Многіе, основываясь на одномъ только созвучіи, производятъ его отъ Камы (р. въ Перм. губ.) и отсюда предполагаютъ, что Зыряне жили прежде по этой рѣкѣ, съ береговъ которой были вытѣснены какими-то пришельцами.... Не Болгарами ли? Извѣстно, что Камская Болгарія занимала юго-восточные предѣлы нашего государства. Но эта гипотеза совершенно уничтожается значеніемъ словъ — *Коми-войтыръ*, которыя выражаютъ собою не собственное имя народа, а мѣсто, занимаемое по-

слѣдимъ. Вой—ночь, сѣверъ, а тыръ—полонъ; ближайшее значеніе словъ Коми-войтыръ будетъ: Пермскій народъ, обитающій въ холодномъ климатѣ, наполняющій сѣверный край. Такимъ образомъ слова: ме Коми, Коми-мортъ и Коми-войтыръ мы переводимъ — я Пермякъ, Пермякъ — человекъ и Пермскій народъ, и при этомъ ссылаемся на достовѣрные факты, свидѣтельствующіе, что по Камъ, во времена Нестора, обитало многочисленное племя Пермь, остатокъ котораго, подъ именемъ Пермяковъ, населяющій сѣв. часть Пермской губерніи, называетъ себя Коми или Коми-мортъ. Зыряне всю Пермскую губернію называютъ: Коимму — Пермская область, земля; отсюда, думаемъ, надобно производить названіе Коми, даваемое себѣ Зырянами. Нынѣшніе Пермяки въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ совершенно сходны съ Зырянами; въ разговорѣ, однакожъ, мало понимаютъ другъ друга, хотя въ языкѣ обоихъ народовъ есть много словъ, выражающихъ одни и тѣ же понятія; причиной этому значительное пространство, ихъ разъединяющее, и рѣдкія сообщенія между собою. Слѣдов. имена — Зырянинъ и Пермякъ, соединяющіяся въ названіяхъ Коми, Коми-мортъ и Коми-войтыръ, тождественны; въ Вятской губерніи и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ, дѣйствительно, Зырянъ называютъ Пермяками, по сходству нарѣчій этихъ народовъ.

Зырянскія названія рѣкъ и деревень, находящихся въ сѣверной Европейской и Азіатской Россіи, прямо наводятъ на мысль, что Зыряне прежде были многочисленны. Судя по этимъ названіямъ, во множествѣ встрѣчаемымъ какъ на сѣверо-востокѣ Россіи, такъ и на сѣверо-западѣ Азіи, Зыряне населяли отъ сѣвера къ югу всѣ мѣста отъ устья рѣки Печеры до начала Сѣв. Двины и даже по Сухонѣ, а отъ запада на востокъ — отъ Колы до восточныхъ границъ Сибири. Столь огромное пространство, ими занимаемое, и отъ того, естественно, рѣдкія между собою сообщенія, способствовали подраздѣленію ихъ на мелкія племена, изъ

коих назовемъ Вогуличей, Вотяковъ, которые, современемъ, удалившись отъ своего кореннаго языка, стали забывать его основныя формы, отличатся одинъ отъ другаго въ названіи предметовъ, небывалыхъ дотолъ въ ихъ быту. Это подраздѣленіе даетъ поводъ ко мнѣнію, что мелкія племена, живя отдѣльно и не имѣя никакого понятія о гражданственности, часто ссорились, тѣснили другъ друга: глаголы — Зырянны и Зырсины служатъ опорою предположенія, что распри, вообще свойственныя народамъ грубымъ, были главною причиною утраты тѣхъ фактовъ, на которыхъ основывается первоначальная исторія каждаго народа. До сихъ поръ не найдено еще ни одного источника, который сколько-нибудь раскрылъ бы первобытное состояніе Зырянъ.

На страницахъ исторіи Зыряне, подъ этимъ именемъ, являются въ половинѣ XIV стол., когда св. Стефанъ началъ проповѣдывать имъ истины христіанской религіи. Они жили тогда осѣдло, занимались земледѣліемъ, звѣринными и рыбными промыслами, и, бывъ зависимы отъ Новгорода, а потомъ отъ Москвы, платили имъ дань пушными товарами, богатствомъ которыхъ эти города прежде такъ славились. Отважныя шайки Новгородскихъ ушкуйниковъ, еще до временъ Рюриковыхъ, — какъ полагаютъ нѣкоторые, — завоевали большую часть мѣстъ, принадлежавшихъ Зырянамъ, куда привлекало ихъ изобиліе дорогой рухляди и самая дешевизна туземныхъ товаровъ. * Въ началѣ XI вѣка: они обложили данью обитателей по р. Печеръ и народъ Югорскій, а въ 1193 г. ходили въ Угрію съ многочисленною дружиною, подъ начальствомъ воеводы Андрея, за серебромъ и соболями, — обыкновенною данію, которую неисправно платили Князья Югорскіе. ** Этотъ походъ Новгородцевъ замѣчателенъ тѣмъ, что они шли въ Угрію по новой дорогѣ, еще въ 1093 г. проложенной Зырянами, ко-

* Записки Лепехина, Т. IV, и Крестина: Начертаніе исторіи Холмогоръ.

** Путешествіе Палласа Ч. III, стр. 572.

торая и называлась Зырянскою; она шла вдоль Вогулки до Савы и служила сообщеніемъ между народами сѣверо-восточной Россіи и Сибири. * Эта дорога важна въ исторіи Зырянъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о торговлѣ ихъ съ народами Сибирскими. — Великіе Князья Московскіе, начиная съ І. Д. Калиты, постоянно обращались къ Новгородцамъ, съ требованіями добровольно дѣлиться сокровищами Перми и Сибири, и когда получали отказъ, то вооруженною рукою, хотя и не всегда успѣшно, принуждали ихъ уступать часть дани, собираемой въ Заволочъ, Печерь и Угрь: потому что казна великокняжеская, истощаемая частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, была слишкомъ бѣдна, по стеченію бѣдственныхъ обстоятельствъ государства. Д. І. Донской, то хитрою политикою, то оружіемъ, привелъ Новгородъ со всеми его обширными завоеваніями въ зависимость отъ Москвы, и съ сего времени Зыряне были данниками болѣе Москвы, чѣмъ Новгорода. Россіяне, довольные пушными товарами, исправно ими платимыми, не принуждали ихъ къ перемѣнѣ религіи.

Монахъ Ростовскаго Григорьева монастыря Стефанъ, сынъ соборнаго Устюжскаго причетника, воспламенился ревностію быть Апостоломъ этихъ идолопоклонниковъ. Чтوبъ яснѣе и вразумительнѣе передать имъ истинны христіанской вѣры, онъ, готовясь на трудный апостольскій подвигъ, сначала изучилъ языкъ Зырянъ, составилъ для него особенную азбуку и перевелъ нѣсколько важнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ. Сперва приготовивъ самого себя для проповѣди Слова Божія, Стефанъ отправился въ Москву просить благословенія на подвиги у Коломенскаго Епископа Герасима, правившаго тогда Московской Митрополіею, который, провидя въ немъ просвѣтителя Перми, снабдилъ его, на случай освѣщенія церквей, частицами мощей святыхъ, муромъ и антиминсами, — а В. Князь Димитрій Іоанновичъ далъ ему

* Новгородскій лѣтописецъ и полное собраніе Рус. лѣтописей, изд. по Высоч. повел. Археогр. Комиссіею.

для безопасности охранную грамоту. Напутствуемый благодатию Божією, сей новый Апостолъ вскорѣ достигъ земли Пермскія (1576 г.), и остановился въ первомъ Зырянскомъ селеніи Пырасъ (Котласъ), въ 20 верстахъ отъ Сольвычегодска, гдѣ «и нача, яко овча посреде волковъ, посреде «рода строптива и развращенна ходити и проповѣдати Христа истиннаго Бога, и учити Христовой вѣрѣ.» Вначалѣ нѣкоторые, слыша вѣру, проповѣдуемую на родномъ языкѣ и признавая се истинною, приняли св. крещеніе; но многіе, привязанные къ язычеству и удерживаемые болѣе хитрою лестію чародѣевъ, не только отвергли его проповѣдь, «но «и пакости ему творяху многія: овѣи бо ругахуся ему, овѣи «же словесы укоризненными досаждаху, а инѣи съ дре- «кольми нападаху на него, во еже убити его, друзіи же со- «жещи того хотяху, хвастіе же и солому собираху на огонь».... Но Богъ хранилъ проповѣдника на просвѣщеніе тѣхъ, которые въ слѣпотѣ невѣжества не понимали своего заблужденія. Укрѣпляемый въ доблестномъ подвигѣ невидимую небесною помощію, св. Стефанъ съ устья Вычегды перенесъ свою проповѣдь на устье Выми, — въ самый центръ тогдашняго Зырянскаго края, въ средину всей Біарміи. Здѣсь ревностный обличитель идолопоклонства долго боролся съ грубыми предразсудками народа; наконецъ, укротивъ его дикія страсти силою Свѣта Божественнаго, присоединилъ многихъ къ православію. Познавъ ложность языческихъ боговъ, вѣры отцовъ своихъ и могущество истиннаго Бога, они презирали идоловъ и увеличивали число вѣрныхъ, принявшихъ уже крещеніе. Такъ знаменіе вѣры восторжествовало надъ волхвованіемъ, и алтари Богу Всемогущему явились на развалинахъ идольскихъ капищъ! Первая церковь, созданная Стефаномъ, была на устьѣ Выми, въ 70 верстахъ отъ Устьсыольска, внизъ по Вычегдѣ, при коей въ послѣдствіи, по образованіи Пермской епархіи; былъ устроенъ монастырь, гдѣ имѣли мѣстопребываніе Великопермскіе Архіереи. Эту церковь онъ освятилъ во имя Пресвятыя Богородицы, «честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія, въ начатокъ «просвѣщенія земли Пермскія, якоже и Благовѣщеніе спа-

«сенія нашего бѣ начало.» * Неутомимо заботясь о духовномъ преспѣваніи юной паствы, Стефанъ учредилъ при церкви училище, въ которомъ самъ былъ первымъ наставникомъ, училъ юношество часослову, псалтири и прочимъ церковнымъ книгамъ, переведеннымъ на Зырянскій языкъ. Въ этой школѣ, для прочнаго утвержденія народа въ вѣрѣ, онъ образовалъ пастырей и учителей изъ самихъ Зырянъ, которые уже въ его время правили словеснымъ стадомъ, ибо богослуженіе, для легчайшаго уразумѣнія истинъ православной религіи, отправлялось на Зырянскомъ языкѣ. Преданіе говоритъ, что Стефанъ сочинилъ заупокойную обѣдню съ панихидой, ** — какъ надобно догадываться, — для успокоенія душъ тѣхъ усопшихъ братій, которые, бывъ просвѣщены христіанскою вѣрою, снова прельщенные волхвами, отступили отъ православія и, современемъ, опять были приобщены къ Христову стаду. Неудивительно, что Зыряне и по принятіи христіанства питали нѣкоторую привязанность къ идоламъ: какъ народъ дикій, они не могли

* Въ XVI в. монастырь упраздненъ и церковь обращена въ приходскую. У крестьянъ Устьвымскихъ есть преданіе, что первая церковь, созданная Стефаномъ, была основана престоломъ на пнѣ необыкновенной величины березы, которой предки ихъ будто бы поклонялись и приносили въ жертву дорогіе мѣха. Митрополитъ Евгений, кажется, справедливо замѣчаетъ, что этотъ пень былъ остатокъ огромной ели, потому что Зыряне своихъ предковъ-язычниковъ и нынѣ называютъ *козѣ-лы-юрбитысьяса*—ельниками. Извѣстно, что бѣлка и другіе мелкіе звѣри питаются зернами еловыхъ шишекъ, и чѣмъ больше бываетъ урожай ихъ, тѣмъ болѣе плодятся звѣри; слѣд. еловое дерево приносило счастье звѣроловамъ.

** Академикъ Лепехинъ, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, нашелъ у Зырянъ переводъ только Златоустовской обѣдни, писанный Славянскими буквами, и напечаталъ его вмѣстѣ съ прочими Зырянскими особенностями въ III ч. своихъ записокъ. Этотъ переводъ обѣдни не полонъ; въ немъ недостаетъ ни проскомидіи, ни тайныхъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ. Языка этой обѣдни, говоритъ Лепехинъ, никто уже не разумѣлъ изъ Зырянъ, потому ли, что она переведена не на Зырянскій а на коренной Пермскій языкъ, или Зыряне, вѣроятно, отстали отъ своего древняго языка.

вдругъ оставить языческихъ обыкновений, которыя льстили ихъ любимымъ привычкамъ, и тайнѣ молили тѣхъ идоловъ, которые прежде, — какъ были увѣрены, — помогали имъ въ ловлѣ звѣрей, птицъ и въ общежитіи. Св. Стефанъ зналъ эту наклонность новообращенныхъ сыновъ къ кумирамъ, и, предавъ себя волѣ Божіей, рѣшился истребить ихъ совершенно. Не страшась мести волхвовъ и закоренѣлыхъ язычниковъ, онъ съ нѣсколькими изъ вѣрныхъ въ скорое время сжегъ кумирницы, идоловъ и даже богатыя жертвы, которыми такъ щедро были украшены послѣдніе. Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ прежнихъ боговъ, но въ душѣ питалъ къ нимъ уваженіе и страхъ; да и самыя чародѣи, потерявъ съ введеніемъ христіанской вѣры выгоды и расположеніе народныхъ умовъ, болѣе и болѣе старались поддерживать грубое суевѣріе собратій. Они съ горестію проливали слезы на пепелищѣ кумировъ, но не смѣли поднять руки на челоуѣка Божія, сколько изъ боязни за смерть мужа, нивѣшаго грамоты отъ В. Князя, столько же и безоруживаемые постоянною кротостію проповѣдника, смиреніемъ и самымъ образомъ его жизни: ихъ слезы были послѣднею данію идоламъ. По сожженіи кумировъ св. Стефанъ имѣлъ преніе о вѣрѣ съ главою Пермскихъ чародѣевъ — Памомъ, «его же Пермстѣи людѣе, прежде крещенія своего, «почитаху паче всѣхъ волхвовъ, и имѣяху того яко отца и «учителя и наставника, вѣрующе управляемой быти того волхвованіемъ всей земли Пермстѣй»....

Побѣжденный въ своихъ мудрованіяхъ и чарахъ, хитрый Памъ, желая устроить святаго, предложилъ послѣднее средство, одобренное народомъ: пройти вмѣстѣ сквозь огонь и воду, но и тутъ, посрамленный, едва не сдѣлался жертвою народной ярости. Тогда большая часть народа, кромѣ упорнѣйшихъ волхвовъ и язычниковъ, видя вѣру отцовъ своихъ попоранною, охотно приняли св. крещеніе, такъ что для утвержденія ихъ въ вѣрѣ недостаточно было одного пастыря, и самая церковь не могла вмѣщать всѣхъ вѣрныхъ. Вскорѣ были построены новопосвященными двѣ

особыя церкви, въ которыхъ, поочередно отправляя богослуженіе, св. Стефанъ укрѣплялъ словесное стадо въ вѣрѣ, училъ благочестію, наставлялъ на добрыя дѣла. Приверженцы суевѣрія, говоритъ молва народная, удалились отъ проповѣди Стефана въ Удору и за р. Печору, и оттуда вмѣстѣ съ Вогуличами враждовали противъ христіанъ, но недолго: при преемникѣ Стефана, Епископѣ Исаакѣ, иноки Троицкой Печерской пустыни обратили ихъ въ христіанскую вѣру, просвѣтили всѣхъ Зырянъ даже до Пустозерска, и положили основаніе Кеврольскому Воскресенскому монастырю, братія котораго обратили ко Христу жителей Пинежскаго уѣзда *.

Послѣ 7 лѣтъ проповѣди, Стефанъ отправился въ Москву (1383 г.) просить В. Князя и Митрополита, чтобъ дали Епископа новопросвѣщенному народу Пермскому. Возблагодаривъ Бога за пріобрѣтеніе новыхъ чадъ Церкви, Митрополитъ Пименъ, вмѣстѣ съ освещеннымъ Соборомъ, за апостольскіе труды хиротонисалъ во Епископа самого проповѣдника, а Вел. Князь, осыпавъ его милостями, съ богатыми дарами отправилъ въ новую епархію. По прибытіи къ своей паствѣ, святитель, имѣя по сану благодать другихъ посвящать для совершенія таинствъ, поставилъ избранныйшихъ изъ Зырянъ во іереи и діаконы, построилъ еще нѣсколько церквей съ училищемъ при каждой, создалъ 8 монастырей **, и, въ теченіе 13 лѣтъ своего епископства, заслужилъ исполнѣ нмя отца и благодѣтеля народа Пермскаго: помогалъ ему въ нуждахъ; снабжалъ жизненными припасами; защищалъ отъ притѣсненій дикихъ сосѣдей (Вогуличей), Новгородской вольницы и чиновниковъ великокняжескихъ; просилъ объ уменьшеніи налоговъ; былъ ихъ неусыпнымъ стражемъ и миротворцемъ. Въ подтвержденіе

* Исторія Россійской Іерархіи. Т. I и V.

** Два въ Яренскомъ уѣздѣ: Устьвымскій и Архангельскій, и три въ Устьысольскомъ: Отчяинскій, Ульяновскій и Печерскій. Въ настоящее время, кромя Устьвымскаго, обращеннаго въ приходскую Церковь, прочихъ монастырей даже и слѣдовъ незамѣтно.

деніе этого приводимъ «плачь земли Пермскіе о смерти проповѣдника», написанный другомъ его, монахомъ Епифаніемъ :

«Топерво остахомъ добра промысленика и ходатая, ниже къ Богу моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а къ Князю «о жалобѣ нашей, и о льготѣ, и о пользѣ нашей; къ боярамъ же, къ началамъ — властелемъ міра сего былъ намъ заступникъ теплый, многажды избавляя ны отъ насилья и работы и тивунскыя продажи, и тяжкіи дани облегчая ны. Но и сами тии Новгородци, ушкуйницы, разбойницы, словесы его увѣщевани бываху, еже не воевати ны.... «Быхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, «Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ.... Еретицы, душегубцы, «разбойницы, иноязычницы Гогуличи (Вогуличи) наступаютъ; «ратъ еретиковъ наступаетъ: а воеводы нѣсть, еже бы ихъ «порокѣмъ духовнымъ разшибалъ»....

Не знаемъ, когда именно и почему отмѣнено богослуженіе на Зырянскомъ языкѣ; но извѣстно, что въ началѣ XVII в. оно совершалось уже на Славянскомъ. Думаемъ, что это измѣненіе произошло или вслѣдствіе неполноты перевода богослужебныхъ книгъ, или во избѣжаніе недоразумѣній при совершеніи таинствъ, при исправленіи церковныхъ требъ, — или же, что кажется справедливѣе, для повсемѣстнаго однообразія: ибо издревле богослуженіе совершалось у насъ на языкѣ Славянскомъ.

По обширности Церкви Стефановой, которая заключалась въ трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи — Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Устьсысольскомъ, должно предполагать, что число язычниковъ, обращенныхъ въ христіанство, было весьма значительно. Въ современныхъ лѣтописяхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко говорится объ основаніи Пермской Церкви и еще тѣмъ менѣе о мисіологіи Зырянъ; а позднѣйшіе историки не отыскивали слѣдовъ затерянныхъ вѣрованій, оставивъ потомству одни темныя преданія касательно прежней религіи Зырянъ. Этотъ любо-

пытный фактъ объяснилъ бы много загадочныхъ мѣстъ язычества Зырянъ, еслибъ уцѣляли образцы ихъ письменности и самая азбука Зырянская не была утрачена *.

Въ житіи св. Стефана излагаются болѣе общія черты идолопоклонства Зырянъ: тамъ говорится, что у нихъ были кумирницы, управляемыя чародѣями, куда иреимущественно стекался народъ для поклоненія идоламъ, — но какого рода были эти послѣдніе, ничего не объясняется. Почтеніе къ идоламъ было въ высшей степени, не смотря на ихъ многочисленность: не только въ домахъ, но и на перекресткахъ дорогъ, въ поляхъ, на выгонахъ и въ лѣсахъ усердные язычники ставили множество разноименныхъ деревянныхъ и мѣдныхъ кумировъ, которымъ, порознь каждому, приписывали извѣстную силу дѣйствій, и приносили имъ въ жертву дорогія шкуры пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, лисицъ, выдръ, росомахъ, и др. Эти приношенія считались собственностію идоловъ, и, по продажѣ, употреблялись на ихъ украшеніе. Никто не смѣлъ воспользоваться ими, изъ опасенія лишиться благодѣяній кумировъ, нечаянно быть постигнутымъ лютою болѣзнію, или, — что всего несчастнѣе, — быть неудачнымъ стрѣлькомъ. Въ суевѣрныхъ преданіяхъ Зырянъ открываемъ слѣды грубаго язычества: покланяясь идоламъ, они почитали и духовъ, имѣвшихъ, по ихъ мнѣнію, сильную власть надъ природою и человекомъ. Такъ, они вѣрили въ бытіе лѣсныхъ, домовыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ, описывая ихъ безобразными страшными лицами, созданными на ужасъ человѣчеству; озерамъ и рѣкамъ приписывали нѣкоторую святость, омывая себя въ извѣстное время ихъ водами. — Однакожъ, въ самомъ безразсудномъ суевѣріи, Зыряне имѣли понятіе о Богѣ Вышнемъ,

* Митрополитъ Евгеній говоритъ, что вожаки, бывшіе въ церквахъ Устьвымскихъ, истребили много Зырянскихъ рукописей. Небольшая часть этихъ рукописей и прочихъ древностей Зырянскихъ, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II, тщательно была собрана Вологодскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Мельгуновымъ, и отослана въ Эрмитажную бібліотеку.

живущемъ на небесахъ, который, по ихъ понятіямъ, печется только о надзвѣздномъ мірѣ, люди же недостойны взысать къ нему своихъ молитвъ, но должны обращаться съ ними къ чадамъ его — духамъ и идоламъ, управляющимъ землею. Это непостижимое существо называли они общимъ именемъ «Енѣ», не дѣлали изображеній его, не посвящали ему и кумирницъ, полагая, что смертные, одержимые всегда грѣховною немощію, не могутъ имѣть съ нимъ сообщеній, и въ нуждахъ обязаны относиться къ богамъ меньшимъ, которые, умиловляясь жертвами, всегда помогаютъ тому, кто добръ и честенъ въ мірѣ. Такимъ образомъ грубый умъ Зырянъ, блуждая во мракѣ невѣрія, имѣлъ самыя темныя понятія о божествѣ, и, почитая созданіе рукъ — идоловъ, думалъ, что многочисленность ихъ въ состояніи защитить человека отъ грозныхъ судьбинъ, неотвратимыхъ никакою человѣческою мудростію!

Лѣтописи сохранили для насъ имена двухъ идоловъ Зырянскихъ, которые мало извѣстны народу даже по преданіямъ, и Зыряне отрекаются отъ нихъ: названіе одного изъ идоловъ чисто Зырянское, это — «Войпель» — ночное ухо. * Можетъ быть, этотъ истуканъ считался бодрствующимъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ народа. Другой назывался: «Золотая Баба»; ему приписывали чудесную силу волхвованій.** Идолъ «Юмалъ» живѣе сохранился въ преданіяхъ народныхъ, и, какъ замѣтили мы выше, Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, какъ бранное, или пугливое, ужасающее.

Языческіе религіозные обряды Зырянъ почти вовсе неизвѣстны намъ. Знаемъ только, что совершеніе ихъ поручалось волхвамъ, пользовавшимся уваженіемъ суевѣрнаго народа за предсказанія въ будущемъ. Именемъ боговъ обуздывая своевольство грубыхъ собратьевъ, волхвы

* Грамота Митрополита Симона къ Пермѣкамъ.

** Новгородскій лѣтописецъ подъ г. 1398.

хитростию и богатствомъ пріобрѣтали надъ ними власть, которая тѣмъ была тягостнѣе для Зырянъ, что они большую половину жертвъ употребляли въ свою пользу, и не рѣдко силою требовали новыхъ. Писатель житія св. Стефана говоритъ, что Зыряне, наследовавъ отъ предковъ простоту нравовъ, до введенія христіанской вѣры не пользовались выгодами правленія благоустроеннаго, не терпѣли ограниченій вольности, строго соблюдали древніе обычаи и преданія, и только въ опасностяхъ сходились на совѣтъ, гдѣ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Волхвовъ своихъ Зыряне не очень любили, но боялись и ненавидѣли: ибо присвоенная ими власть не только ограничивала свободу народа, но простиралась даже и на собственность.

М. Михайловъ.

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ.

Занимаясь Тобольскою Іерархіею и собирая матеріалы для исторіи христіанства въ Сибири вообще, я по необходимости долженъ былъ обратить вниманіе и на расколъ въ Сибири; а обративъ вниманіе на этомъ предметъ, я такимъ образомъ поставилъ себя какъ бы въ необходимость собрать основательныя свѣдѣнія о Протопопѣ Аввакумѣ: онъ именно, а не другой кто, посвѣялъ первыя сѣмена раскола въ Сибири, и именно вслѣдствіе его ученія, «съ дерзновеніемъ и радостію Господа ради страдати, древнихъ ради книгъ святыхъ», въ соединеніи съ подобнымъ же ученіемъ чернеца Іосифа Астомена и другихъ суевѣровъ, такъ часты и такъ многочисленны были въ прежнее время саможженія Сибирскихъ раскольниковъ. — Что Аввакумъ имѣлъ званіе Протопопа, что онъ при Патріархѣ Іосифѣ былъ въ числѣ справщиковъ и издателей книгъ церковныхъ, что онъ, не смотря на свое невѣжество и злонамѣренность, вмѣстѣ съ такими же сотрудниками своими, пользовался уваженіемъ у Патріарха и при Дворѣ Царскомъ, что послѣ, при Никонѣ и его преемникахъ, онъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ учителей раскола и даже оставилъ по себѣ особенную секту, извѣстную подъ именемъ Аввакумовщины, и что былъ признаваемъ раскольниками за святаго, — это легко узнать всякому: болѣе или менѣе о всемъ этомъ писано не только въ исторіяхъ Россійской Церкви, но во многихъ и политическихъ исторіяхъ, особенно Русскихъ, а тѣмъ болѣе въ сочиненіяхъ, писанныхъ противъ раскола. Не трудно также узнать и о разныхъ пунктахъ еретическаго и пагубнаго ученія Аввакумова; слѣдуетъ только про-

честь нѣсколько страницъ въ Розыскѣ (ч. 1, гл. 17—19; ч. 3, гл. 20, л. 13) и въ недавно вышедшей Исторіи Русской церкви Еп. Филарета (періодъ Патр. стр. 222—223); тутъ, сверхъ ученія Аввакумова, можно видѣть и обращения его отвратительнаго краснорѣчія (Роз. ч. 1, гл. 25). Но вотъ что казалось мнѣ затруднительнымъ: въ *Полномъ извѣстіи о старообрядцахъ*, Журавлева, *Правильномъ способѣ составлять съ раскольниками*, въ Энцикл. Лексиконѣ въ статьѣ *Аввакумовщина*, въ статьѣ сего же названія, назначавшейся для *Церковнаго Словаря*, который хотѣлъ было издать покойный Языковъ, и напечатанной для образца въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ на 1845 годъ, и въ другихъ сочиненіяхъ, Аввакумъ называется *Тобольскимъ Протопопомъ*! Какимъ образомъ, думалъ я, такое свѣтило мудрости и краснорѣчія въ половинѣ XVII вѣка могло явиться въ Сибири, въ странѣ новой, лежавшей во тмѣ и сѣни невѣжества; а главное, какимъ образомъ узнали въ Москвѣ объ Аввакумѣ, если бы онъ жилъ въ Тобольскѣ, какъ о чловѣкѣ будто бы способномъ къ исправленію и изданію книгъ, и рѣшились вызвать его изъ края столь отдаленнаго? И что же? По сношеніи съ людьми, имѣющими подъ рукой множество матеріаловъ для исторіи особенно отечественной Церкви, оказалось, что Аввакумъ былъ Протопопъ не Тобольска, а *Юрьевца Повольскаго*: * «сошедшимся въ крестовую Патріаршную палату, сказано въ дѣяніяхъ Московскаго Собора 1607 и 1608 г., Преосвященнымъ Митрополитомъ.... и всему «освященному Собору предста Аввакумъ, бывшій Юрьевца «Повольскаго Протопопъ, иже въ предшедшихъ лѣтахъ», и проч. Дѣло очевидное: сначала одинъ писатель, но плохо знакомый съ Русской палеографіей, прочелъ ошибочно въ соборныхъ дѣяніяхъ вмѣсто: Повольскаго Тобольскаго, опу-

* Вотъ здѣсь и тѣмъ недоумѣнію не можетъ быть о томъ, какимъ образомъ Аввакумъ попалъ въ Москву: Юрьевецъ Повольскій отъ Москвы менѣе, чѣмъ въ 500 верстахъ, а главное то, что Юрьевецъ съ Костромой и другими окрестными городами, въ 17 столѣтіи, принадлежалъ къ Патріаршей области (по нынѣшнему къ Московской епархіи).

стивъ притомъ слово Юрьевецъ, и такъ напечаталъ; за нимъ, безъ дальнихъ справокъ, и всѣ другіе такъ начали писать и печатать, да и доселѣ пишутъ и печатаютъ.* Но, быть можетъ, Аввакумъ, бывъ сначала Протопопомъ въ Юрьевцѣ Повольскомъ, протопопствовалъ потомъ и въ Тобольскѣ? Ибо извѣстно, что онъ, за порчу книгъ церковныхъ при Патр. Іосифѣ и дерзкое сопротивленіе книжнымъ и обрядовымъ исправленіямъ при Патр. Никонѣ, симъ послѣднимъ, въ 1686 году (Слов. о пис. дух. чина, статья: *Игнатій Римскій-Корсаковъ*; Розыскъ ч. 3, гл. 20), сосланъ былъ въ Сибирь, впрочемъ безъ лишенія сана; такъ, быть можетъ, по осылкѣ онъ жилъ въ Тобольскѣ и былъ тамъ Протопопомъ; потому писатели нѣкоторымъ образомъ и въ правѣ называть Аввакума Тобольскимъ Протопопомъ: Симеонъ Полоцкій называетъ же Священника Суздальскаго или Романовскаго Лазаря, сотрудника Аввакумова, Сибирскимъ попомъ, единственно по той причинѣ, что Лазарь былъ сосланъ въ Сибирь — въ Тобольскъ (Рез. ч. 2, гл. 3, ч. 1, л. 38. Ист. Рос. Ц. Еп. Фил. пер. Патр. стр. 183) ?? Нѣтъ, писатели ни въ какомъ случаѣ не въ правѣ называть Аввакума Тобольскимъ Протопопомъ; потому что онъ хотя и сосланъ былъ въ Сибирь, только не въ Тобольскъ, а на берега Байкала. «А мѣся, говоритъ самъ Аввакумъ, въ Дарьбурскую (Даурскую) землю сослалъ (Никонъ) отъ Москвы, «чаю, тысящей будетъ съ двадцать, за Сибирь». (Ист. Р. Ц. Еп. Фил. пер. Патр. стр. 178 и слѣд.) И такъ Тобольская Іерархія въ правѣ протестовать противъ наименованія Аввакума, одного изъ главнѣйшихъ расколуучителей XVII вѣка,

* Въ Красноярскѣ, дѣтъ десять тому назадъ, жилъ, да по всей вѣроятности и доселѣ еще живетъ, раскольникъ, который выдавалъ себя за прямого потомка Аввакумова, не по духу только, но и по плоти. Раскольникъ этотъ ссыльный, и именно изъ Костромской губерніи, а Юрьевецъ Повольскій тамъ. Новое, хотя и не такъ сильное, доказательство противъ протопопства Аввакумова въ Тобольскѣ! Раскольника никто не спрашивалъ, не знатнаго ли (по ихъ раскольниковымъ понятіямъ о знатности) онъ происхожденія, и тѣмъ болѣе, что о протопопствѣ Аввакума въ Юрьевцѣ Повольскомъ тогда никто не только въ Красноярскѣ, да и въ цѣлой Сибири и не зналъ.

Тобольскимъ Протопопомъ. — Къ сказанному объ Аввакумъ присовокуплю нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ его, — свѣдѣнія, или вовсе неизвѣстныя, или хотя и извѣстныя, но весьма немногія, по причинѣ очень недавняго ихъ появленія въ печати....

Аввакумъ, по шестилѣтнемъ заточеніи, именно въ 1662 году, изъ Сибири, съ береговъ Байкала, *свободися*, по словамъ Московскаго Собора, *милосердіемъ Скіптрѣдержца*, или лучше, какъ догадываются историки, по интригамъ знатныхъ лицъ, напр. Петра Салтыкова, вдовы Морозовой, Ки. Урусовой и др. приверженныхъ къ нему и вообще къ испорченной старинѣ и ненавидѣвшихъ Патріарха Никона. Возвращенный въ Москву и, будто бы, даже ласково принятый Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Аввакумъ снова и жарко началъ проповѣдывать на словахъ и письмъ свое ученіе, хулить книжныя и обрядовыя, тогда производившіяся, исправленія, обвинять Пастырей Церкви въ невѣріи въ вочеловѣченіе Сына Божія, въ Его воскресеніе и въ Божественность Духа Святаго, и пр., и такимъ образомъ отторгать простыхъ людей отъ Православной Церкви. Правительство духовное просило Царя унять крамольника, и Алексѣй Михайловичъ посовѣтовалъ ему чрезъ одного боярина унять-ся, и, когда онъ не унимался, приказалъ удалиться въ Мезень. При всемъ томъ Аввакумъ оставался въ Москвѣ и дѣйствовалъ по прежнему. Наконецъ, въ 1666 году, его позвали на Соборъ въ крестовую Патріаршую палату, обличали его, увѣщевали, убѣждали; но онъ не только не покорился Церкви, не только не отказался отъ своихъ заблужденій, напротивъ самихъ Митрополитовъ, Архіепископовъ и всѣхъ прочихъ членовъ Собора злобно укорялъ въ неправославіи. Тѣмъ же правильно судися, говорится въ дѣяніяхъ Собора, іерейства лишенъ быти и анаѳемъ предѣзися; что 13 Мая въ Успенскомъ Соборѣ и самымъ деломъ было исполнено надъ нимъ, т. е. что онъ торжественно былъ разстриженъ, преданъ проклятію и отлученъ, впредь до раскаянія, отъ Церкви. «И паки, присовокупляется въ дѣяніяхъ Собора, Аввакумъ уищамъ бысть, но тицетъ»

«трудъ и жданіе бысть» За тѣмъ, его, какъ нераскаяннаго и дерзкаго нарушителя покоя церковнаго и порядка общественнаго, предали гражданскому суду, который, продержавъ его нѣкоторое время въ строгомъ заключеніи, приговорилъ сослать и сослалъ въ Пустозерскій острогъ. Но расколуучитель и въ заточеніи не хотѣлъ жить спокойно : онъ и изъ Пустозерска разсылалъ возмутительныя свои посланія, въ которыхъ то излагались нелѣпыя его видѣнія, напр. о болѣзни и исцѣленіи, хотя не совершенномъ, его слезами Царя Алексѣя Михайловича (между тѣмъ какъ Царь въ то время уже скончался), и о расширеніи его языка, чрева, рукъ, ногъ и всего тѣла, столь необыкновенномъ, что небо, земля и всѣ твари наконецъ вместились въ него; то предлагалось его ученіе не только раскольническое, но и еретическое, напр. о позволительности самоожоженія, о раздѣльности трехъ лицъ въ Божествѣ, и пр.; то предлагались увѣщанія православнымъ, не только простымъ, но и Царю, возвратиться къ истинной, т. е. къ его старой раскольнической вѣрѣ; то изрыгались срамныя хулы на Пастырей Церкви, самую Церковь, даже на Царскій Домъ. Кончилось все это тѣмъ, что Аввакумъ, подобно нѣкоторымъ другимъ хульникамъ, по приговору гражданского суда, 1-го Апрѣля 1681 года, въ Пустозерскѣ сожженъ въ срубъ. (Дьян. Моск. Соб. 1686 и 1667 гг. Ист. Р. Ц. Ел. Фил. пер. Патр. стр. 181. 189. 204. 222—23.)

Св. Ал. Сулоцкій.

* Любопытныя извѣстія объ Аввакумѣ находятся въ предисловіи къ Русской грамматикѣ, сочиненной въ Сибири. См. Чтенія Историческаго Общества, годъ 4-й, кн. 1-я, стр. XVII и слѣд. М. II.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Рафаэль. Страницы двадцатаго года жизни.*
А. Ламартина 1849.

Виконтъ де Ламартинъ не просто поэтъ, но человѣкъ-поэтъ; у него во всемъ чистый, звучный голосъ сердца. Какъ человѣкъ-поэтъ, онъ чувствуетъ, сочувствуетъ и предчувствуетъ. — Последнее сочиненіе его: *Рафаэль*, не простой романъ, не просто исторія страданія сердца, или страданія какого-нибудь новаго Вертера. Нѣтъ. Его Юлія уже не дѣва, а обязанная женщина, чувствительная, съ разстроенными нервами, которая и въ замужествѣ испытала единственно только чувство дочерней любви. Душа ея жаждетъ мужа, который бы руководилъ ее во всѣхъ обязанностяхъ жены, а не поблажалъ и не совѣтовалъ «выбрать изъ обожателей ея человѣка съ высшею природою, который бы пополнилъ чистою любовью ея счастье.» По чувству долга и скромности женской, она отрекалась отъ этого предложенія своего старика; но на бѣду явился Рафаэль, мечтательный и нервный, какъ она сама. Изъ этого тщетнаго сочувствія и возникъ тотъ источникъ страданій сердца, изъ котораго Виконтъ де Ламартинъ почерпалъ «Страницы двадцатаго года жизни.»

Отд. 4.

1

Надо отдать справедливость Г-ну А. Г., что переводъ Рафаэля очень хорошъ, сохраняетъ прозрачную струю рѣчи Г. Ламартина, и избѣгаетъ подобныхъ выраженій, которыя мы встрѣчали въ другихъ переводахъ: «словомъ, у меня въ тайнѣ завелись всѣ мысли, всѣ усердія (?), всѣ утонченности страсти, прежде чѣмъ я догадался, что люблю.»

2. Сорокъ пять. Продолженіе Графини Монсоро. Романъ А. Дюма. 1 и 2 часть. Перев. съ Франц. 1849.

Мы не знаемъ плодovitѣе и занимательнѣе трехъ романистовъ: Анны Радклифъ, которая вывела изъ подземелій среднихъ вѣковъ, всѣхъ привидѣній; Списа, который вызвалъ изъ преисподней всѣхъ духовъ; и А. Дюма, который поднималъ изъ-подъ спуда исторіи всѣхъ амуровъ. Такимъ образомъ и у него движутся всѣ историческія событія на интригахъ сверхъестественныхъ или просто неестественныхъ силъ. Положимъ, что это въ самомъ дѣлѣ не естественно, но за то занимательно. Между тѣмъ, какъ историкъ тщетно добивается проникнуть къ истоку и причинамъ историческихъ событій, романистъ займетъ всѣ *l'asinez* исторіи амурями, и — все становится ясно, все связано.

Этимъ способомъ Г. Дюма переобразовалъ всю обыкновенную исторію среднихъ вѣковъ въ исторію романическую. Начавъ отъ Франциска I, безъ сомнѣнія, доведетъ онъ ее до нашихъ временъ; потому, что нѣтъ причины раскащику замолчать, покуда его охотно слушаютъ. Въ переводѣ явились еще только двѣ части «Сорока пяти», составляющія продолженіе Графини Монсоро, гдѣ лицедѣйствуетъ тотъ же Генрихъ III, «*хотя уже блѣдный и лысый, не смотря на то, что въ это время ему было не болѣе тридцати пяти лѣтъ, съ вальными глазами и судорожно трясущимся ртомъ.*» Главный интересъ разсказа вертится на томъ же придворномъ шутѣ Шико. Само собою разумѣется, что дѣло не обошлось безъ Гасконцевъ. Авторъ вывелъ на сцену сорокъ пять молодцовъ, составляющихъ заглавіе романа и стражу Короля противъ козней Герцоговъ Гизовъ.

3. *Свѣтскія приличія въ картинахъ и поступкахъ, или правила въжливости и обращенія съ людьми для дѣтей.* Соч. Аббата Савиньи, перев. съ Франц. Изданіе О. Наливкина. 1849. Съ текстомъ.

Мы не разъ уже говорили объ изданіяхъ Г. Наливкина; обратили вниманіе на красоту изданій и доброе намѣреніе издавать книги для такъ называемаго дѣтскаго чтенія; а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили, что не слѣдуетъ Г. Наливкину печатать дѣтскія книги, съ ошибочнымъ правописаніемъ. Но Г. Наливкинъ человѣкъ съ характеромъ; онъ увѣренъ, что знаетъ то, что дѣлаетъ, лучше какого-нибудь старообрядца-правописателя. Онъ рѣшительно хочетъ прославить свое имя переобразованиемъ Русской этимологіи. Кромѣ полного и совершеннаго изгнанія окончанія *го* и замѣщенія посредствомъ *ова* и *во*, напр. Филиппа прекраснова, короннова чиновника, первова поколѣнья, и пр. онъ вводитъ *ё* вмѣсто *е* и *я*, напримѣръ: «своей добродѣтели;» «Аглая рассказывая брату подробности прогулки еѣ (вмѣсто *ея*) съ матерью.» Сверхъ того вводитъ вмѣсто родительнаго дательный падежъ: «надобно остерегаться, дѣлая добро, дѣйствовать по внушенію эгоизму (вмѣсто эгоизма).»

Впрочемъ, если эти нововведенія составляютъ страсть въ Г. Наливкинѣ, то что же дѣлать: страсть трудно преодолевать.

Мы замѣтимъ только, что при переводахъ всѣ выраженія, всѣ обороты рѣчей должны строиться на Русскій ладъ, а не ладъ языка, съ котораго переводятся. Напримѣръ: «каждое утро, когда било восемь на часахъ палаты перовъ, квадрантъ (?) которыхъ на улицу Турнонъ, былъ вблизи жилища Г-жи Мельвиль, эта дама.....» и т. д.

Это не по-Русски, да и непонятно; во-первыхъ, *квадрантъ* (а не *квадранъ*) относится, по обстановкѣ словъ, къ перамъ, а не къ часамъ, а во-вторыхъ, должно сказать: *квадрантъ*, обращенный на улицу Турнонъ.

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы передать такимъ образомъ: каждое утро, когда на *квадрантѣ* часовъ палаты

перовъ, обращенномъ на улицу Турнонъ, близъ жилища Г-жи Мельвиль, было осемь, эта дама, и т. д.

Французское выраженіе: «la manière de donner vaut mieux que ce qu'on donne», въ «Свѣтскихъ приличіяхъ» передано: «манера давать дороже того, что даютъ.» Это что жъ такое значить? это всякій Русскій пойметъ не иначе какъ: давать дороже того, что даютъ, есть манера. Между тѣмъ какъ Г. Великій Корнель хотѣлъ сказать, если бы умѣлъ по-Русски: «мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь.» И потому надо было перевести просто: «участіе дороже помощи» — и это будетъ ясно; ибо отъ принимающаго участіе всегда можно ожидать помощи; а безъ участія помощь тяжела.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Исторія о расколахъ въ Церкви Россійской. Игнатіа Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго. Спб. 1849.*
Часть 1-я. 352 стр.

Мы не осмѣливаемся разбирать эту книгу и судить о ней. Предметъ ея, о которомъ говорить заглавіе, и имя автора, извѣстное сколько христіанскою ревностію, столько же и ученостію, сами по себѣ достаточно говорятъ о важности этого сочиненія. Мы спѣшимъ только нѣсколько ознакомить любителей и знатоковъ исторіи отечественной Церкви съ содержаніемъ этой книги, дать нѣкоторое понятіе о ней.

Прочитаемъ, что говоритъ авторъ въ предисловіи, о предметъ своего сочиненія. Сказавъ, что заблужденія и лжеученія вошли въ міръ вмѣстѣ съ первымъ грѣхомъ, и показавъ, какъ мутный потокъ ихъ протекалъ на пространствѣ всей исторіи Церкви, авторъ переходитъ къ своему предмету и задаетъ себѣ такой вопросъ: «зачѣмъ выводить на свѣтъ заблужденія по вѣрѣ, уже мертвыя, исчезнувшія въ потокъ времени? Нельзя молчать о настоящихъ, правда: на что о минувшихъ?» И отвѣчаетъ такъ на этотъ вопросъ: «Конечно, это самая прискорбная обязанность памяти чело-

вѣческой: но необходима для настоящаго также времени. Сущесгвующій у насъ нынѣ расколъ, именуя себя «старообрядствомъ», прямо въ старинѣ, въ исторіи имѣетъ свое основаніе. Такъ онъ думаетъ и увѣренъ. Но такъ ли подлинно, вотъ въ чемъ сила! Почему мы неизбежно не ограничимся въ изслѣдованіи только имъ однимъ; но пройдемъ всѣ минувшіе вѣка нашей исторіи со стороны заблужденій. Такія заблужденія могутъ почитаться съменами, изъ которыхъ раздались, или которыми питались заблужденія, уже составлявшія въ послѣдствіи времени такой или иной расколъ. Въ такомъ обзорѣніи само собою представится обзоръ каждаго, когда и какимъ образомъ, и по какимъ причинамъ, и съ какими послѣдствіями являлись у насъ въ нѣдрахъ Церкви всѣ раздѣленія, по виду различныя, по свойствамъ своимъ однородныя, и какъ между тѣмъ былъ твердъ всегда прямой путь истины вѣры, Православіе, *орѣодоѣіа*. Называющееся старообрядство наше должно увидѣть себя въ ряду иныхъ подобныхъ ему явленій, не менѣе, а еще болѣе его древнихъ, и съ нимъ такъ или иначе сходныхъ, союзныхъ, сродныхъ, даже какъ бы однихъ и тѣхъ же. Обо всемъ со стороны сей будемъ говорить съ подробностію, въ связи обстоятельствъ и на самыхъ твердыхъ основаніяхъ прямой древности. Будемъ приводить въ особенности подлинныя свидѣтельства старыхъ книгъ, можетъ быть, и нѣтъ и нѣсколько болѣе, нежели какъ слѣдовало бъ въ исторіи для иныхъ читателей, кромѣ старообрядцевъ, по нашему времени. Коснемся разсмотрѣніемъ и мѣръ, кои принимаемы были противъ расколовъ, при такомъ, или иномъ случаѣ, дабы все было виднѣе и для настоящихъ отдѣленцевъ со всѣхъ сторонъ. — Обременительныхъ впрочемъ изъясненій во всѣхъ случаяхъ непременно избѣгать постараемся.»

Указавши еще нѣсколько причинъ, почему нужно дать о старообрядствѣ надлежащее понятіе, авторъ раздѣляетъ исторію расколовъ на 4 періода такимъ образомъ:

«Въ первомъ періодѣ, пишетъ онъ, осмотримъ время съ начала св. вѣры въ Россіи до извѣстнаго Стоглаваго Собора. Во вто-

ромъ увидитъ, что дѣлалось съ церковными обрядами на Стоглавонъ Соборѣ и послѣ, до того исправленія книгъ, которое считается у многихъ старообрядцевъ будто бы перелѣвною вѣрой? *Въ третьемъ* пересмотритъ: какими образомъ произведено послѣднее исправленіе, въ возстановленіе истины древностей вѣры? *Въ четвертомъ* изслѣдуемъ: какими образомъ возникло, развилось, образовалось новое старообрядство въ расколы Церкви? — Дальнѣйшія обстоятельства еще не принадлежать исторіи, а относятся въ кругъ дѣлъ правительственныхъ, и тамъ только могутъ быть видны.»

Далѣе авторъ говоритъ о трудности добывать настоящія свѣдѣнія о расколахъ. Сами раскольники, какъ дѣлаютъ свое дѣло въ глубокой тайнѣ, такъ и изъясняются двусмысленно, разными изворотами, иногда вопреки своему мнѣнію. Ихъ книги писаны своимъ особеннымъ языкомъ и требуютъ для уразумѣнія ихъ большого навыка. Кромѣ письменныхъ памятниковъ, открытыхъ разными учеными обществами, доставлявшихъ автору свѣдѣнія объ его предметѣ, онъ указываетъ на этотъ важнѣйшій, внутренній источникъ свѣдѣній, на раскольническія книги, «которыя берегутся у отдѣленцевъ, какъ сокровище, но и съ охотою объявляются иногда ими самими, когда любопытствуютъ объ нихъ сторонніе въ духѣ участія, а не суда или осужденія.»

Слѣдующія строки, которыми авторъ заключаетъ предисловіе, показываютъ важность его сочиненія: «Не для тщеславія, а для того, чтобы и настоящее изслѣдованіе представить сколько-нибудь достойнымъ вниманія читателей, не могу смолчать, что я имѣлъ въ рукахъ множество такихъ пособій для настоящаго дѣла (т. е. раскольническихъ книгъ). Живши долгое время въ мѣстахъ, кои почитаются гнѣздомъ мнимаго старообрядства, я могъ наконецъ видѣть почти всѣ книги такого рода. Онѣ даваемы мнѣ были наконецъ самими старообрядцами, иногда для оправданія самихъ себя, иногда для любопытнаго чтенія, иногда для списыванія, а иногда для пріобрѣтенія покупкою. Любовь преодолеваетъ все. Что можно было достать, все пересматривалъ я и въ памятникахъ древности, находящихся въ

Церкви Православной. Все время пребыванія между старо-обрядцами имѣлъ я почти непрерывныя личныя собесѣдованія съ ними. Не хваляся: судьба Божія привела меня быть тамъ независимо отъ меня: должность надлежало исполнять. Самъ собою кто что можетъ сдѣлать? *Еда имать* (господинъ) *хвалу рабу, иже сотвори повелынная? не живо*, сказалъ Господь намъ (Лук. 17. 9). Въ семъ-то самомъ расположеніи духа рѣшился я приступить къ описанію расколовъ, какъ такому дѣлу, которое могъ я считать назначеннымъ для себя самою должностію моею, по судьбѣ Божіей, на мѣстѣ служенія. Дай Господи, чтобы и сей слабый, но усердный трудъ принесъ какую-нибудь пользу св. Твоей Церкви и уклоняющимся отъ ней!»

Такимъ образомъ авторъ общаетъ намъ полную, обстоятельную и, по возможности, удовлетворительную исторію расколовъ. Особенно должна быть занимательна вторая часть сочиненія, въ которой долженъ заключаться четвертый періодъ. Настоящая книга составляетъ первую часть сочиненія, которая содержитъ въ себѣ *первые три періода* исторіи расколовъ. Въ частности, по отдѣламъ, содержаніе этой части слѣдующее:

Періодъ первый состоитъ изъ слѣдующихъ главъ, или *отдѣловъ*. I. Введеніе вѣры. стр. 11—22. II. Начало лжеученій: Адріанъ, Дмитръ, Мартинъ, Феодоръ, Сеитъ. 22—34. III. Расколъ Стригольниковъ. 34—55. IV. Еретики Новгородскіе, иначе называемые жидовствующими. 55—61. V. Продолженіе о Новгородскихъ еретикахъ. 67—79. VII. Первое главное сомнѣніе о церковныхъ книгахъ. 79—87.

Періодъ второй. I. Стоглавый Соборъ. 87—102. II. О томъ, имѣетъ ли книга Стоглавъ силу закона церковнаго. 102—115. III. Ересь Матвѣя Бакшина, Феодора Косаго и прочихъ. 115—128. IV. Исправленіе и изданіе книгъ послѣ Стоглава до Патріарха Іосифа. 128—142. V. Унія. 142—157. Состояніе дѣлъ Церкви при предмѣстникѣ Никона, Патріархѣ Іосифѣ. 157—160.

Періодъ третій. I. Патріархъ Никонъ до исправленія книгъ. 160—171. II. Исправленіе книгъ. 171—210. III. Мъры къ поддержанію новоисправленныхъ книгъ. 210—217.

За тѣмъ слѣдуютъ приложенія.

А. Разсмотрѣніе возраженій противъ исторической древности соборнаго дѣянія о мнѣхъ Мартинъ Армянинъ, бывшаго въ Кіевѣ. 1157 года. 217—237. Это сочиненіе самого же автора; въ немъ онъ противъ раскольниковъ и нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, отвергавшихъ подлинность этихъ дѣяній, доказываетъ эту подлинность. Б. Выписка актовъ историческихъ Т. I. Спб. 1841. ст. 6; именно: посланіе Константинопольскаго Патріарха Антонія къ Псковичамъ, о обличеніи Стригольниковъ. 237—252 В. Книга Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, нарицаемая Стоглавъ. Сказаніе главамъ въ настоящей сей книгѣ. 252—258. Г. Продолженіе отвѣта Стоглаваго Собора о крестномъ знаменіи. 258—261. Д. Соборный приговоръ 1551 г. объ учрежденіи и обязанностяхъ Московскихъ поповскихъ старостъ и проч. 261—269. Этотъ приговоръ помѣщенъ авторомъ, какъ сокращеніе всего Стоглава, и вмѣстѣ какъ доказательство того, что Митрополитъ Макарій самъ не принималъ и потому не хотѣлъ обнародовать всего того, что вошло въ Стоглавъ, а вмѣсто того извлекъ изъ Стоглава только нужное и правильное, что и обнародовалъ въ этомъ приговорѣ. За тѣмъ подъ буквами Е. и Ж. помѣщены двѣ описи книгъ, собранныхъ Никономъ для исправленія церковныхъ книгъ. Первая опись Греческимъ, Греко-Латинскимъ, Польскимъ и Славянскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, взатымъ послѣ Никона изъ Иверскаго подворья и Воскресенскаго монастыря, въ Патріаршую ризную казну, сост. въ Іюнь 1673 и 28 Февраля 1676 г. Вторая опись книгамъ Степенныхъ монастырей, писанная въ XVII вѣкѣ. Въ ней содержатся книги, собранныя собственно изъ Русскихъ монастырей, тогда какъ въ первой описи большая часть заграничныхъ книгъ. стр. 269—352.

Болѣе и короче ознакомиться съ книгой предоставляемъ самимъ читателямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она составитъ важное пріобрѣтеніе для всякой библіотеки.

2. Священная Исторія для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завета, Анною Зонтагъ. 2 части. Изданіе пятое, исправленное. 1849.

Божественныя книги Ветхаго и Новаго Завета передъ нами; мы читаемъ ихъ на своемъ родномъ, священномъ Славянскомъ языкѣ. Чистый, дѣвственный, какъ ни одинъ изъ новыхъ языковъ Европы, принялъ онъ святыя письма и соблюлъ смыслъ Божественнаго Слова. Но для юношества необходимо было сокращеніе Божественныхъ книгъ и переложеніе на живой Русскій языкъ, доступный для дѣтскихъ понятій. Этотъ трудъ долженъ былъ быть свой, а не переводный съ другихъ языковъ, потому что Божественныя книги на родномъ языкѣ передъ нами, толкованія соответственныя Православію въ устахъ и письменахъ нашихъ учителей Закона. Но многіе ли принимали на себя этотъ трудъ? Неужели легче, удобнѣе и лучше было переводить: «*Дѣясти осемь священныхъ исторій Ветхаго и Новаго Завета, соч. Іоанна Гибнера и Матейя Вагнера*;» «*Достопамятнѣйшія повѣствованія изъ библейскихъ дѣяній, соч. Кампе*;» «*Дѣтскія Библіи, соч. Флери*;» «*Сто четыре священныхъ исторій*,» также Іоанна Гибнера, и множество другихъ переводовъ?

Мы помнимъ однакоже, что юношество пользовалось именно и преимущественно этими переводами. Мы не споримъ, что это не нарушаетъ благочестиваго изученія Священного Писанія; но переводъ съ новыхъ языковъ, слабыхъ и безсильныхъ, никогда не выразитъ того священнаго достоинства изреченій, какое можетъ дать преложеніе ихъ съ Славянскаго языка. Напримѣръ, при описаніи Израилтянъ, возроптавшихъ въ пустынѣ, когда разгнѣвался на нихъ Господь гнѣвомъ, и разгорѣлся въ нихъ огонь и потребилъ часть ихъ, «и съдше плакахуся сыне Израилевы и рекоша;

кто ны напѣваетъ мясы; помянухомъ рыбы, аже ядохомъ въ земли Египетстѣй туне, и огурцы и дыни, лукъ и червленый лукъ и чеснокъ. Нынѣ же душа наша изсохла, ничтоже точію манна предъ очима нашими!»

Какъ просто и хорошо было бы сокращеніе и преложеніе съ Славянскаго:

«Кто напѣваетъ насъ мясомъ! Втуне вспоминаемъ рыбу и овощи, которыми питались въ Египтъ: а здѣсь — душа наша изсохла; передъ нами только манна!»

Какъ же это передается съ иныхъ языковъ?

«Сидя у входа своихъ палатокъ, они плакали и кричали, какъ маленькія дѣти: «Кто дастъ намъ мяса! Мы некогда не забудемъ огурцовъ, дынь, луку и чесноку Египетскихъ! Теперь же мы ничего не видимъ кромѣ манны!»

То ли это? гдѣ жъ въ текстѣ: плакали и кричали какъ маленькія дѣти? и гдѣ въ переводѣ выраженіе страданія: душа наша изсохла?

Пятое изданіе Священной Исторіи для дѣтей, выбранной изъ Ветхаго и Новаго Заветъа А. П. Зонтагъ, служить уже яснымъ доказательствомъ достоинства этого труда.

ИЗДАНІЯ ОДЕССКІЯ.

1. Ручная книга Православнаго Христіанина. Сочиненіе Александра Стурдзы. Съ Греческаго перевелъ С. Дестунисъ. Изданіе второе. Одесса. 1849. 254 стр.

Авторъ пишетъ въ предисловіи:

«Святые отцы Церкви, въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ, согласно и единодушно представляютъ истину, высоту, изящность, силу Священнаго, Богомъ даннаго Писанія. Они намъ указываютъ пользу отъ внимательнаго чтенія слова Божія и размышленія объ ономъ, почерпавшую всѣмъ, безъ исключенія, православными христіанами. Болѣе же всѣхъ медоточивый гласъ св. Іоанна Златоуста призываетъ къ чтенію и созерцанію Закона Божія всѣхъ вѣрныхъ, и въ особенности мірянъ; ибо

они, живя въ мірѣ, бываютъ подвержены большимъ искушеніямъ, и слѣдственно имѣютъ большую нужду въ просвѣщеніи смысли, въ духовномъ назиданіи и предохраненіи.»

Предложивъ другія побужденія заниматься Св. Писаніемъ, и потомъ перечисливъ св. книги и изложивъ кратко содержаніе ихъ, авторъ продолжаетъ :

«И такъ, христіанинъ, сопутствуй брату своему, который старается ввести тебя мысленно въ духовный вертоградъ премудрости и благодати Божіей. Прими въ руки сію книгу и воскрямляйся духомъ къ созерцанію истины и разума!»

И такъ намѣреніе благочестиваго писателя — обнять, по возможности все существенное, заключающееся въ Св. Писаніи, и необходимое для православнаго христіанина. Сообразно съ симъ, онъ сперва говоритъ о необходимости и пользѣ чтенія св. книгъ; потомъ о томъ, что должно быть плодомъ этого чтенія, т. е. о *вѣрѣ, любви и надеждѣ* христіанской. Послѣ того онъ размышляетъ о *Святой Православной Церкви*, живымъ членомъ которой долженъ быть православный христіанинъ, и о *таинствахъ*, на которыхъ основывается связь православнаго христіанина съ Православною Церковію. Наконецъ авторъ пишетъ вообще о *поклоненіи въ духъ и истинѣ*, какъ объ отличительномъ свойствѣ истиннаго христіанина. Книга состоитъ изъ *семи размышленій*; а каждое размышленіе раздѣляется на нѣсколько главъ.

Въ концѣ книги есть замѣчательное *приложеніе*. Въ немъ собраны всѣ древнія свидѣтельства Іудейскихъ и языческихъ писателей о Христѣ. Другое приложеніе состоитъ изъ *указателя сочиненій душеполезныхъ и назидательныхъ*. Въ немъ перечисляются лучшія сочиненія духовныя: слова и бесѣды, сочиненія догматическія, нравственныя, церковно-историческія.

Знающіе достопочтеннаго автора по другимъ его твореніямъ не оставляютъ безъ вниманія этой новой его книги, и за то сами не останутся безъ духовнаго пріобрѣтенія.

Чтобы читатели имѣли болѣе ясное понятіе о содержаніи этой книги, и яснѣе видѣли, что они могутъ обшачать себѣ въ ней, мы выпишемъ нѣсколько заглавій изъ нея.

Въ первомъ размышленіи содержатся разсужденія о *Словѣ Божіемъ*. Это размышленіе раздѣляется на четыре главы, изъ которыхъ въ первой православный христіанинъ размышляетъ о томъ, какъ надлежитъ читать Священное Писаніе; во второй главѣ православный христіанинъ размышляетъ объ истинѣ Слова Божія; въ третьей: православный христіанинъ продолжаетъ размышлять объ истинѣ Слова Божія; въ четвертой: православный христіанинъ размышляетъ о красотѣ Слова Божія.

Во второмъ размышленіи православный христіанинъ размышляетъ о *вѣрѣ* или о томъ, чему долженъ вѣрять православный христіанинъ. Въ частности, въ 8 главахъ, здѣсь предлагаются назидательныя размышленія вообще о томъ, что есть вѣра, потомъ о вѣрѣ, какъ началъ всѣхъ добродѣтелей, за тѣмъ объ ученіи вѣры во Христа Спасителя, потомъ о догматахъ вѣры, наконецъ о членахъ символа вѣры.

Выпишемъ еще главы *третьяго размышленія*, предметъ котораго есть *любовь*, т. е. *Законъ Божій* и обязанности христіанина. Здѣсь православный христіанинъ сперва размышляетъ о *естественномъ законѣ* или *совѣсти*, потомъ о законѣ ветхозавѣтномъ, за тѣмъ о законѣ Евангельскомъ, въ сравненіи его съ ветхозавѣтнымъ, потомъ о свойствахъ христіанской любви, и проистекающихъ изъ нея добродѣтеляхъ, наконецъ о законѣ Божіемъ, какъ о средствѣ временнаго благополучія и вѣчнаго блаженства.

Читатель видитъ, что авторъ, избравши изъ Писанія существенные предметы, каждый изъ нихъ раскрываетъ въ существенныхъ чертахъ. Подобнымъ же образомъ онъ поступаетъ въ своихъ назидательныхъ размышленіяхъ о надеждѣ христіанской, о Церкви, таинствахъ и о поклоненіи въ духѣ и истинѣ.

Все сочиненіе дышетъ глубокимъ благочестіемъ, повсюду проникнуто чувствомъ благоговѣнія, которое невольно передается сердцу читателя.

ОТЗЫВЪ НА РАЗБОРЪ ДИССЕРТАЦІИ :

«*De ultimo Platonis ternione,*» помѣщенной въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Въ Іюльской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1848 года, помѣщена рецензія на докторскую мою диссертацию : «*De ultimo Platonis ternione*» etc. Kazani, 1847 г. Диссертациа эта, напечатанная въ весьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ, находится въ рукахъ у очень не многихъ ; публика, не читавъ ея, не можетъ вполне оцѣнить и отзываясь объ ней ; и потому я считаю обязанностію изложить нѣкоторыя объясненія.

Рецензентъ мой прежде всего привелъ два-три мѣста изъ предисловія къ моему сочиненію; потомъ, послѣ нѣкоторыхъ толковъ *de rebus variis et quibusdam aliis*, выставилъ въ заключеніе цѣликомъ пять изъ моихъ тезисовъ, не имѣющихъ ни малѣйшей связи съ содержаніемъ моей книги. О главномъ дѣлѣ, о темѣ моего сочиненія, о томъ, какъ я рѣшаю данную мнѣ проблему, рецензентъ не говоритъ ни слова.

По словамъ рецензента, тему моей диссертации составляетъ, яко бы, *разборъ лучшихъ сочиненій Платона*. Откуда онъ взялъ это ? Я въ своемъ разсужденіи говорю *только* объ одной «Республикѣ», и то не *разбираю* ее, какъ полагаетъ рецензентъ, а только стараюсь опредѣлить время ея появленія. Что же ввело рецензента въ заблужденіе ? Въ заглавіи моей диссертации выставлены, действительно, кромѣ «Республики», названія еще *трехъ* другихъ сочиненій Платона, которыя, по моему мнѣнію, относятся къ последнему періоду литературной дѣятельности Греческаго философа ; но заглавіе это не есть заглавіе одной докторской моей диссертации. Оно собственно принадлежитъ всему рукописному сочиненію «*De Platonis Republica, Civitia, Timaco, Legibus,*» предназначенному мною для Ученыхъ Записокъ нашего Университета. Начало этого сочиненія и помѣщено уже во 2-й книжкѣ Записокъ за прошлый 1847 годъ.

Не смотря на то, что содержаніе книги извѣстно рецензенту *только* по ея заглавію, онъ, однакожъ, позволяетъ себѣ судить о степени ея ученаго достоинства. Книга моя, по увѣренію рецензента, должна быть особенно любопытна для людей, незнакомыхъ съ *заграничными* трудами относительно Платона; но кто съ ними знакомъ, тотъ *едва ли найдетъ въ ней что-нибудь новое*. Однако же, какова бы ни была степень достовѣрности моихъ изысканій относительно Платона, объ этомъ да судить свѣдущая критика; но что касается до того, будто въ ней едва ли можно найти *что-нибудь новое*, то я скорѣе жду упрека въ противномъ: именно въ томъ, что я слишкомъ уже, быть можетъ, позволялъ себѣ отлагаться отъ авторитета Германской учености, и, разбирая, шагъ за шагомъ, мнѣнія Нѣмецкихъ филологовъ, я противопоставляю имъ вездѣ собственные свои выводы.

Г. рецензентъ увѣряетъ насъ, что ему всякая *ученая Латинь* также хорошо понятна, какъ *Русская рѣчь*; что же касается до *моей Латини*, то она никакъ не похожа на ту Латинь, съ которой онъ коротко знакомъ. Онъ говоритъ: «у Г. Тхоржевскаго, вмѣсто *«опредѣлить рѣзкими чертами»* мы встрѣчаемъ два раза, а можетъ быть и больше, *«означить чернымъ углемъ»*» И это выраженіе показалось ему *Африканскимъ*. Не знаемъ, съ какою Латинью онъ знакомъ, но въ классической Латини выраженіе *«carbone potage»* не моего изобрѣтенія, въ чемъ порукой Гораций, Персій и др. Однакоже слова эти употребляются у этихъ писателей и у меня въ совершенно другомъ значеніи, нежели въ какомъ принялъ ихъ рецензентъ. Это, впрочемъ, можно уже было видѣть изъ смысла мѣстъ *моей книги*, имъ приведенныхъ, или — справиться въ лексиконъ. Рецензентъ вычиталъ у меня извѣстіе о *второмъ* будто изданіи прежнихъ моихъ трудовъ, тогда какъ они *ни разу* еще не были изданы. Вѣроятно онъ мое *deinserz* принялъ за *depuo*, *опять*, и такимъ образомъ перетолковалъ весь смыслъ моихъ словъ.

Отъ подобнаго толкованія моего предисловія онъ обратился къ *тезисамъ*. Вы спросите, какое дѣло публикѣ до тези-

зовъ докторанда, когда интересъ ихъ совершенно условный, частный, моментальный? Дѣйствительно, каждый парадоксъ, даже самая странная, повидимому, ипoteза, годятся для тезиса; дѣло въ томъ, какъ вы его станете защищать: въ этомъ и состоитъ интересъ и диспута и тезисовъ.

Г. критику кажется страннымъ, что я *положенія* называю *sententiae controversae*; но неужели не знаетъ онъ, что Греческое theses переводится Латинскимъ *sententiae controversae*? — Онъ затрудняется, какъ перевести пятый тезисъ: «falli eos veterum, qui negent, Platone iudice terram moveri!» недоумѣваетъ, къ чему бы тутъ отнести слова «Platone iudice.» Если бы Г. рецензентъ появля, что имѣеть въ виду этотъ тезисъ, то легко бы объяснилъ себѣ свое грамматическое недоумѣніе. Платонъ въ Тимей очень неясно высказалъ свое мнѣніе о движеніи земли; о смыслѣ этого мѣста еще въ древности было очень много споровъ. Основываясь на авторитетѣ Аристотеля и на другихъ данныхъ, я объясняю мѣсто Тимея въ пользу тѣхъ, которые утверждаютъ, что, по мнѣнію Платона, земля движется; а въ силу этого-то, между прочимъ, объясненія и отношу Тимея къ разряду самыхъ позднихъ сочиненій Греческаго философа. Профессоръ Фатеръ, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій высказалъ о времени первоначальнаго появленія этого діалога противное моему мнѣнію, не спрашивалъ меня при диспутѣ, къ чему относится «Platone iudice,» а прямо началъ съ защищенія своей ипoteзы.

Таково содержаніе рецензіи Отечественныхъ Записокъ. Не смотря на это, мы не думаемъ однакоже, что нашъ критикъ поступилъ, какъ Мильфіо (въ комедіи Плавта: *Roepilius*), который, не зная по-Африкански, взялся быть толмачемъ между пріѣзжимъ Картегенцемъ и своимъ господиномъ.

Адьянкъ К. Тхоржевскій.

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

НИХАЙЛО НИКОЛАЕВИЧЪ ЗАГОСКИНЪ.

Прежде нежели появленіе «Юрія Милославскаго» положило основаніе славѣ любимаго романиста, М. Н. Загоскинъ былъ уже извѣстенъ какъ драматическій писатель, и публика рукоплескала автору многихъ замѣчательныхъ комедій, въ репертуарѣ С.-Петербургскаго и Московскаго театровъ. Исчислимъ эти, памятные каждому, произведенія.

1. *Комедія противъ комедіи, или урокъ волокитамъ*; въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Играна на театрахъ обѣихъ столицъ, и успѣхъ ея извѣстенъ.

2. *Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ*. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Имѣла большой и постоянный успѣхъ. Играна на театрахъ обѣихъ столицъ.

3. *Вечеринка ученыхъ*. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Хотя особеннаго впечатлѣнія не произвела, но стоитъ въ числѣ замѣчательныхъ театралныхъ произведеній.

4. *Добрый малый*. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Имѣла хорошій успѣхъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и въ репертуарахъ дамскихъ театровъ.

5. *Романъ на большой дорогѣ*. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Играна на театрахъ обѣихъ столицъ.

6. *Сюрпризъ самому себѣ, или женитьба Богатонova*. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Имѣла множество представленій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

7. *Деревенскіе Философы*. Водевиль въ 1 дѣйствіи. Музыка известнаго и любимаго композитора А. А. Алябьева.

8. *Наслѣдники*. Комедія въ 1 дѣйстви, въ стихахъ. Имѣла постоянный успѣхъ, и играна въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ.

9. *Благородный театр*. Комедія въ 4 дѣйствиахъ, въ стихахъ. Стоить въ числѣ лучшихъ произведеній театра, и играна безъ числа.

10. *Недовольные*. Комедія въ 4 дѣйствиахъ, въ стихахъ. Прекрасное произведеніе по достоинству литературному; но имѣла успѣхъ посредственный.

11. *Урокъ матушкамъ*. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Хотя матушки не любятъ уроковъ, но не смотря на это, успѣхъ пьесы высказывался рукоплесканіями автору, на театрахъ обѣихъ столицъ.

Въ оперныхъ либреттахъ успѣхи автора зависѣли отъ генія композитора: А. Н. Верстовскій основалъ на нихъ славу свою. Кому неизвѣстна «*Оскольдова могила*,» первое, одно и единственное изъ Русскихъ легкихъ, оперныхъ произведеній, которое высказалось вполне въ Русскомъ духѣ и счастливомъ примѣненіи родныхъ напѣвовъ къ произведеніямъ театра. Успѣхъ ея, можно сказать, открылъ возможность существованіе Русской опера-zeia; что и исполнилъ съ такою славою Г. Глинка въ оперѣ «*Жизнь за Царя*,» гдѣ звучный, мелодическій, серебряный голосъ Русской души высказывается уже не шутя.

Опера «*Панъ Твердовскій*» имѣла также свой достойный успѣхъ.

Опера «*Тоска по родинѣ*» не удалась.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ.

Родоначальный романъ М. Н. Загоскина «*Юрій Милославскій или Русскіе въ 1812 году*,» въ 3-хъ частяхъ, имѣлъ уже семь изданій; но этимъ еще не заключился успѣхъ и ходъ его, безпримѣрный въ Русской литературѣ: печатается уже 8-е изданіе. Онъ переведенъ на Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Голландскій и. Итальянскій языки.

2. *Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году*. 4 части. Напечатанные четыре завода этого романа, кажется, удовлетворили публику. Этотъ романъ и не могъ имѣть полного успѣха. Эпоха, избранная авторомъ, такъ жива еще въ памяти многихъ, и трудно высказать ее достойно. Заглавіе «Русскіе въ 1812 году» давало право ожидать болѣе. Этотъ романъ также переведенъ на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки.

3. *Оскольдова Могила*. Этотъ романъ полонъ интереса; но, полагаемъ, не довольно проникнуть отдаленностью эпохи; онъ имѣлъ два изданія.

4. *Полясти*, 2 части. Переведены на Нѣмецкій языкъ.

5. *Тоска по родинѣ*. 2 части.

6. *Кузьма Петровичъ Мирошевъ*. 4 части и два изданія.

7. *Искуситель*. 3 части. 2 завода.

8. *Брынскій лѣсъ*. 2 части. Этотъ романъ полонъ занимательности; по содержанію своему онъ признанъ равнымъ по достоинству съ Юріемъ Милославскимъ.

9. *Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія*. Заглавіе этого романа также столь обще, и эпоха преобразованія Россіи такъ велика и полна рѣзкихъ противоположностей, что автору трудно, даже невозможно было выставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Но это невольный недостатокъ романа который самъ по себѣ, въ предположенной рамѣ, преисполненъ той занимательности и тѣхъ достоинствъ, которыя М. Н. Загоскинъ такъ легко умѣетъ сообщать своимъ произведеніямъ.

Кромѣ этихъ извѣстныхъ сочиненій М. Н. Загоскина, множество повѣстей и статей его разсыяно по разнымъ журналамъ, и ихъ невозможно исчислить.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Собраніе сочиненій извѣстнѣйшихъ Русскихъ писателей. Выпускъ второй. Избранныя сочиненія Князя Антиоха Кантемира, съ его портретомъ, факсимиле, біографіею, съ статьею объ его сочиненіяхъ, изданіяхъ, переводъ его сатиръ и съ указаніемъ всѣхъ статей о Кантемирѣ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Изданіе П. Перевльскаго. 1849.

Это заглавіе какъ нельзя лучше обрисовало содержаніе книги трудолюбиваго собирателя «Сочиненій извѣстнѣйшихъ Русскихъ писателей.»

Мы имѣли уже случай говорить о «Русскомъ стихосложеніи» Г. Перевльскаго, и замѣтили, что это собраніе правиль Русскаго стихосложенія ему не удалось. Что же касается до предлагаемаго собранія сочиненій Кантемира, и особенно всѣхъ статей о Кантемирѣ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ,—то это вполне удалось Г. Перевльскому.

Собраціемъ мнѣніи о Кантемирѣ и отличается изданіе сочиненій Кантемира Г. Перевльскаго отъ всѣхъ изданій. Изъ сатиръ Кантемира помѣщена только первая сполна и съ примѣчаніями; потомъ слѣдуютъ выборки и отрывки

изъ второй, шестой, седьмой, потомъ пятой, а въ прибавленіи варианты на третью, которая однакоже не помѣщена. Но за то мнѣнія и разсужденія восемнадцати, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателей, о Кантемирѣ, составляютъ полный сводъ ученыхъ и неученыхъ мнѣній и разсужденій о Кантемирѣ.

«Указатель статей о Кантемирѣ» приводитъ однакоже сполна избранныя имъ статьи Бѣлинскаго, Галахова, Дудышкина, и указываетъ гдѣ находить статьи Бантыша-Каменскаго, Батюшкова, Беера, Евгенія (Митр. Кіевс.), Жуковского, Карамзина, Новикова, Перевощикова, Полеваго, Сумарокова, Графа Толстаго, Шевырева и Шишкова. Такимъ образомъ три главныя огромныя статьи мнѣній и разсужденій составляютъ половину книги (180 стр.). А въ третьей, не помѣщенной сатиры Кантемира, сказано :

....Тому подобенъ мнѣ мнитсѣ

Хрисиппъ, кто за чашею одною тащитсѣ

Воды на пространную рѣку, хотя можетъ

Въ ручейкѣ чисту достать. Что ему поможетъ

Излишность, когда рѣка, берегъ подъ ногами

Поднимъ съ пескомъ, и его покроетъ струями.

Въ самомъ дѣлѣ, три статьи о Кантемирѣ покрыли своими струями весь трудъ собирателя.

2. Нѣсколько отрывковъ изъ дневныхъ записокъ Лаватера. Переводъ Н. Р. 1849.

Эта книжечка составляетъ выборку изъ дневныхъ записокъ наблюдателя за самимъ собою. Этотъ наблюдатель, этотъ Лаватеръ (по Франц. произношенію), есть никто иной какъ извѣстный уже намъ до сихъ поръ подъ именемъ Лаватера (по Нѣмецкому произношенію). Онъ былъ пасторомъ, въ Зюрихѣ (по Фран. произн.) и Цюрихѣ (по Нѣм. произн.). Онъ былъ великій наблюдатель — физіогномъ, а что гораздо важнѣе, добрый и благочестивый человекъ. Эту сторону въ немъ болѣе уважилъ и Г. Н. Р. — и очень справедливо: геніальность въ добръ на столько разъ выше геніальности въ наукѣ, на сколько цѣлое превосходитъ

часть, на сколько цѣль важнѣе средствъ и орудій къ достиженію ея.

Познаніе самого себя есть первѣйшая и необходимѣйшая наука для чловѣка; религія даетъ намъ мѣрило для всѣхъ нашихъ дѣйствій и движеній внутреннихъ, — только чрезъ сознаніе мы можемъ постигнуть, на сколько уклонились отъ пути праваго и на сколько преступили заветное.

«Журналъ Лаватера» — говоритъ почтенный переводчикъ, — можетъ служить, по всей справедливости, образцемъ для тѣхъ, кои искренно желаютъ достигнуть до важнѣйшаго изъ этихъ знаній, — познанія самого себя».... «Впрочемъ, читатели наши совершенно ошиблись бы въ предположеніяхъ своихъ, еслибъ вообразили, что мы предлагаемъ этотъ родъ сочиненій, какъ примѣръ для слѣдованія и подражанія».... Совсѣмъ тѣмъ, польза, которую всякой читатель можетъ извлекать изъ открытій, сдѣланныхъ его ближнимъ, не подлежитъ сомнѣнію.

3. Арета. Сказаніе изъ временъ Марка Аврелія. Соч. Раича. 1849.

Нѣкогда поэма была въ славѣ, въ величіи, въ 24 пѣсняхъ, въ стихахъ. Это время было время личнаго высокаго достоинства духа и великихъ подвиговъ; тогда поэтъ невольно приходилъ въ восторгъ; потому что ясная душа истиннаго поэта есть зеркало, которое отражаетъ въ себя событія времени. Когда личность стала исчезать въ общественной дѣятельности, прошло и время поэмы. Христіанскіе подвиги смиренія относились къ Богу, къ Нему отнеслась и пѣснь хвалы и прославленія. И потому-то поэма давно уже не въ духѣ времени. Въ гражданской жизни ее замѣнила исторія событій, въ превратностяхъ частной жизни — романъ.

Было время мнимыхъ поэмъ, которыя составляли ни что иное, какъ повѣсти и рассказы въ стихахъ; но павлиныя перья не шли къ воронѣ, и это скоро всѣ поняли и сознали. Стихъ требуетъ восторженнаго чувства; а если предметъ не возбуждаетъ его, если поэтъ пишетъ холод-

ной головой, не сердцемъ, безъ жару душевнаго, — казал же охота читателю зябнуть отъ его стиховъ.

Мы почти увѣрены, что почтенный переводчикъ поэмъ Виргилія и Тасса намѣренъ былъ создать собственную поэмъ; но, издавая въ свѣтъ «Арету,» почувствовалъ, что названіе *поэма* не ко времени, особенно послѣ выхода въ свѣтъ поэмы «Мертвыя души,» хотя этому и не должно было удивляться, потому что до выхода этой современной поэмы необходимо ужé было на заглавіяхъ поэмъ выставятъ къ свѣдѣнію: «въ стихахъ». Но какъ бы то ни было, С. Е. Раичъ совершилъ новый поэтическій трудъ, сказаніе въ стихахъ. Въ предисловіи онъ замѣчаетъ, что «*писалъ его для не многихъ, и по преимуществу, для себя; это — бытія моего сердца*» — говоритъ онъ — «или правильнѣе, *исповѣдь моей совѣсти.*»

Такимъ образомъ, въ одно и то же время два поэта высказываютъ свою душу: Ламартинъ въ Парижѣ, и С. Е. Раичъ въ Москвѣ. Одинъ высказываетъ во услышаніе всему свѣту, другой высказываетъ, по преимуществу, для себя. Въ одномъ тщеславіе, въ другомъ христіанское смиреніе; но печатаютъ свои исповѣди и издаютъ въ свѣтъ оба. Но да не упрекнуть нашего поэта въ нескромности: онъ издалъ въ свѣтъ завѣтный трудъ свой потому тодько, что считалъ его достойнымъ литературы.

И вотъ что онъ пишетъ въ «послѣсловіи:»

Оконченъ мой завѣтный трудъ!....
 Быть можетъ, болѣ вдохновенья
 Не зазывать мнѣ въ свой пріютъ,
 Не жить, какъ жилъ, для пѣснопѣнья!....
 А можетъ быть, наступятъ дни, —
 И вновь повѣсть мнѣ отрада;
 И я, покоясь въ тѣни
 Делъемаго мною сада,
 Въ пріютъ свой скромный зазову
 Поэзію какъ въ дни былые,
 Словю на грудь ея главу
 Въ часы досуговъ золотые,

И, вдохновенье ощутивъ,
 Какъ беззаботное дитя,
 Предамся вновь ея влеченью....
 Но, что бы ни было со мной,
 Оканчивая путь земной,
 Я весь — покорность Провидѣнью
 И весь — признательность къ Нему
 За прежнія ко мнѣ щедроты.
 Дастъ чувству жаръ и свѣтъ уму,
 И я, воспрянувъ отъ дремоты,
 И въ сердцѣ небо ощутивъ,
 За пѣсни вновь и — вновь счастливъ.
 Инымъ просторный, міръ мнѣ тѣсенъ;
 Но я знавалъ блаженство въ немъ, —
 Оно мнѣ вѣяло отъ пѣсенъ
 Въ укроиномъ уголкѣ моемъ.
 Я забывалъ всѣ блага міра,
 Когда, сочувствуя мнѣ, лира
 Бывала отзывомъ живымъ
 Завѣтнымъ помысламъ моимъ,
 И звуки, съ струвъ ея слетая,
 Таинственное что-то мнѣ,
 Дышавшее отрадой рая,
 Нашептывали въ тишинѣ.

4. Любителямъ чтенія. Разказы и описанія по части географіи, исторіи, физики и естественной исторіи. Изданіе Дейбнера и Хеліуса. Тетради 1. 2. 3. 4: 5, съ 8-ю гравюрами на стали и 10-ю раскрашенными рисунками.

Мы уже упоминали объ этомъ изящномъ по своимъ рисункамъ изданіи. Въ четвертой и пятой тетради помѣщены виды: Вашингтона, центрального города Соединенныхъ Штатовъ, и виллы Вернонъ; портретъ Фридриха Великаго; раскрашенные изображенія горнаго пѣтуха, кизильника, летающихъ ящерицъ и коралловаго дерева, — съ надлежащими описаніями. Рисунокъ, изображающій кизильникъ, изображаетъ однакоже не кизильникъ и не кизиль, а какой-то плодъ въ родѣ Адамова яблока.

5. Ручной Латинско-Русскій Словарь, составленный по Лексикону Кронеберга и другимъ новѣйшимъ Латинско-Нѣмецкимъ Словарямъ. 1849.

Ручной словарь прекрасная вещь ; но для чего же сокращенный словарь ? — Положимъ, что пустое слово gerro; но я желаю знать, что оно значить, и не нахожу въ «Ручномъ Словарѣ» Ищу gilvus, нѣтъ, machaera — не имѣется ; luga, — и лира исключена ; postilena, — practica, — ни того, ни другаго ; aba, abaces, abarcio, abaton, oggero, opasum, omnifer, opso.... На какихъ условіяхъ выкинуты эти и множество другихъ словъ изъ «Ручнаго Словаря» ? Отъ чего выброшены lunx и помѣщенъ какой-нибудь opager ? Мы не говоримъ уже о сокращеніи значенія многихъ словъ, не говоримъ и о томъ, что въ купленномъ нами экземплярѣ недостаетъ цѣлаго печатнаго листа (между 208 и 228 стр.) : въ этомъ сокращеніи, вѣроятно, виноватъ переплетчикъ ; но согласитесь, что всѣ эти вещи ужасно какъ непріятны.

— — — — —
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНИЯ.

1. Обзорніе экономической статистики Россіи. Составлено И. Горловымъ. 1849. VI и 333 стр. въ 8 д. л.

Статистическая дѣятельность началась у насъ еще въ прошломъ столѣтіи. Труды Палласа, Крашенинникова, Лепехина, Рычкова, Гмелина, и другихъ, привели въ ясность разные предметы естественныхъ богатствъ и промышленности Россіи. Но собственно статистическія работы обнаружались только въ настоящемъ столѣтіи, съ появленіемъ трудовъ Шторха и Германа. Статистика возведена была на степень науки самостоятельной, важной, и перестала быть сборникомъ мертвыхъ цифръ и сухихъ таблицъ. Въ послѣднее время особенно много издано было сочиненій, имѣвшихъ цѣлю представить живую картину, или всего нашего отечества, или какой одной части его въ данную эпоху, и

обнародовано множество важныхъ матеріаловъ, преимущественно послѣ учрежденія Статистическаго Комитета при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Собрать всѣ эти свѣдѣнія, разсыянные въ нѣсколькихъ стахъ томовъ, составить изъ нихъ стройное цѣлое — трудъ огромный, недостатокъ котораго живо былъ ощущаемъ всякимъ, кто желалъ имѣть надежное руководство для узнанія настоящаго состоянія Россіи. Трудъ этотъ блистательно исполненъ И. Я. Горювымъ, Профессоромъ С.-Петербургскаго Университета, уже пріобрѣтшимъ себѣ почетную извѣстность въ нашей ученой литературѣ своей «Теоріей Финансовъ.» Но однимъ собраніемъ разбросанныхъ повсюду матеріаловъ не ограничивается заслуга трудолюбиваго ученаго. Приводя ихъ въ порядокъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, воодушевляетъ ихъ жизнью, и вывода изъ разнообразныхъ данныхъ заключенія, заставляетъ на каждой страницѣ мыслить и читателя. Вотъ гдѣ торжество науки. Книга, имѣющая, повидимому, спеціальное назначеніе, испещренная цифрами и таблицами, читается съ такою же занимательностію, какъ произведеніе изящной словесности. Разница лишь въ томъ, что здѣсь, въ наукѣ, умственная пища питательная, свѣжая, здоровая, а тамъ, въ созданіяхъ воображенія, нерѣдко съ примѣсью вредныхъ приправъ.

Не распространяясь въ похвалахъ этому прекрасному, можно сказать не обинуясь, образцовому у насъ труду, который долженъ находиться во всякой библіотекѣ, изложимъ вкратцѣ содержаніе всей книги.

«*Экономическое состояніе народа*, говоритъ авторъ — это сумма способовъ которыми обладаетъ народъ и которыми онъ удовлетворяетъ своимъ нуждамъ. Такимъ образомъ намъ представляются два предмета, подлежащіе изслѣдованію: народъ и его богатство. Соотвѣтственно съ этимъ, наше сочиненіе естественно дѣлится на двѣ части: статистику населенія и статистику промышленную.» За обзорніемъ статистическихъ источниковъ слѣдуютъ: Статистика, величина и составъ населенія: племенной (здѣсь собрано множество любопытныхъ этнографическихъ подроб-

ностей), экономическій и естественный; движеніе населенія: по времени, по мѣсту. Въ *статистику промышленности* заключаются: промышленность первобытная: добыча металловъ; добыча минераловъ; пользование лѣсами; рыболовство; звероловство; промышленность сельская: объ естественныхъ условіяхъ сельской промышленности; земледѣліе; садоводство и винодѣліе; шелководство; скотоводство; фабричная промышленность: о фабричной промышленности вообще; заводы, на коихъ обрабатываются ископаемые произведенія, свеклосахарные заводы; пеньковыхъ и льняныхъ издѣлій; фабрики хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ; заводы, обрабатывающіе произведенія скотоводства; фабрики шерстяныхъ издѣлій. Торговля: о средствахъ сообщенія; система каналовъ; сухопутная доставка; объ ярмаркахъ; внѣшняя торговля: общія замѣчанія; движеніе торговли въ портахъ и складочныхъ мѣстахъ; о предметахъ ввоза и вывоза. Наконецъ, въ прибавленіяхъ помѣщены статьи: о колоніяхъ; о добычѣ металловъ и соли; о количествѣ лѣсовъ; о Сальянскихъ рыбныхъ промыслахъ; о Россійско-Американской Компаніи; камеральная статистика государственныхъ имуществъ; о распространеніи агрономическихъ познаній; о винодѣліи; о садовыхъ заведеніяхъ вѣдомства Мин. Гос. Имуществъ; о Закавказскомъ Обществѣ Шелководства; о тонкорунномъ овцеводствѣ; о шерсти; о застрахованіи скота; о Главномъ Московскомъ Обществѣ Овцеводства; о государственныхъ коннозаводскихъ учрежденіяхъ; о льняной промышленности; о желѣзныхъ дорогахъ; Ростовъ по Дону; о хлѣбномъ торгѣ.

Словомъ, изъ одного этого исчисленія, уже видно, какую полную, отчетливую картину Россіи представляетъ книга Г. Горлова. *

* Съ яснѣмъ, истерскимъ изложеніемъ автора читатели наши уже знакомы по статьѣ «Статистическое обозрѣніе земледѣлія въ Россіи», помѣщенной въ предыдущей книгѣ Москвитянина, и вошедшей отчасти въ составъ «Обозрѣнія экономической статистики Россіи.» У насъ она помѣщена въ такомъ видѣ, въ какомъ была приготовлена для журнала еще задолго до выхода въ свѣтъ цѣлаго труда Г. Горлова.

Ж. Указанія для производства уголовныхъ слѣдствій. Составлены Николаемъ Калайдовичемъ, исправляющимъ должность Предсѣдателя Вятской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда. 1849. 127 стр. въ 8-ку.

Въ 1846 году вышла въ свѣтъ книга Г. Долгова: «Основныя формы для производства уголовныхъ слѣдствій.» Сочиненіе это было не чуждо многихъ недостатковъ.... Г. Калайдовичъ снимаетъ всякій укоръ съ Г. Долгова, давая средство никогда не вспоминать объ его книгѣ, къ которой, не смотря на грозную филиппику Г. Наливкина, до сихъ поръ прибѣгали часто, слѣдуя пословицѣ о безрыбьи; практики съ пользою могутъ замѣнить ее теперь Указаніями Г. Калайдовича. Но выполняютъ ли всѣ требованія и новыя Указанія?

Слѣдствіе есть одна изъ труднѣйшихъ частей уголовного судопроизводства, отчего такъ мало образцовыхъ слѣдствій. Съ перваго раза казалось бы, что нѣтъ ничего легче; какъ описать происшествіе, какъ оно было, его причины; совершеніе и послѣдствія; но отдѣлить обстоятельства важныя отъ неважныхъ, открыть ихъ взаимную связь, показать отношеніе преступника къ совершенному имъ дѣйствию и стѣпень участія лицъ прикосновенныхъ, наконецъ представить все это такъ ясно, чтобъ судья могъ по актамъ возсоздать все дѣйствіе — для этого нужны опытность и умѣнье! Дать вѣрныя и точныя для того правила почти невозможно; для каждаго случая необходимъ особенный пріемъ; а потому весьма важно, когда люди опытные дѣлятся своею опытностью и предлагаютъ средства, какъ выпутаться изъ большихъ трудностей, и къ чему можно прибѣгнуть для отысканія слѣдовъ преступленія въ вещахъ и обстоятельствахъ повидимому ничтожныхъ. Эту цѣль имѣлъ въ виду авторъ Указаній; онъ представляетъ многія изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ слѣдователи — и это важная заслуга. Намъ кажется, что именно въ этой предостерегательной формѣ должны быть излагаемы правила для слѣдствій: положительная сторона ихъ ясна, — открыть преступ-

леніе и объяснить его такъ, чтобъ судья могъ положить достойное наказаніе преступнику, по указанію Уложенія о Наказаніяхъ, — оно-то и должно служить руководствомъ.

Отдавая должную справедливость книгъ Г. Калайдовича вообще, сдѣлаемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Первые строки привели насъ въ недоумѣніе; разсужденія о государствѣ, законѣ, показались намъ залогомъ начинаній свысока и издалека, ни къ чему не ведущихъ, а это было бы намъ крайне жаль: мы привыкли съ уваженіемъ встрѣчать всякое замѣчаніе практика, только если онъ не встаетъ на ходули. Къ счастью, опасенія наши не сбылись; впрочемъ вездѣ, гдѣ авторъ берется провести какое-нибудь общее начало, попытки его неудачны и отзываются неопредѣленностью. Такъ на стр. 3 и 4 авторъ ни какъ не можетъ опредѣлить отличіе предварительнаго слѣдствія отъ формальнаго, между тѣмъ какъ дѣло рѣшается просто: въ предварительномъ дѣйствіе не доказано еще какъ преступленіе и преступникъ неизвѣстенъ, въ формальномъ же есть вѣроятный преступникъ и доказанное преступленіе. Такъ же на стр. 21, въ статьѣ о сличеніи подписей руки, сказано: «Такого рода свидѣтельство обыкновенно производится въ присутственномъ мѣстѣ; слѣдователь проситъ его произвести сличеніе почерковъ и увѣдомить его о послѣдствіяхъ. Но обыкновенно этого рода доказательство опускается слѣдователями, и производствомъ свидѣтельства рукъ распоряжается уже судъ. Въ такомъ случаѣ вся обязанность слѣдователя состоитъ въ томъ, чтобы собрать матеріалы для этого свидѣтельства», и пр. Спраш., что справедливѣе: то, что дѣлается, или то, что должно дѣлать? Наконецъ, на стр. 30 такъ шатко опредѣлена прикосновенность къ дѣлу, что совершенно этимъ понятіямъ можно сдѣлать почти всякаго прикосновеннымъ; этотъ вопросъ важенъ въ практикѣ и заслуживалъ бы большаго вниманія. Къ такимъ же вопросамъ принадлежитъ и вопросъ о вознагражденіи. Въ законѣ сказано, что если обыскъ сдѣланъ безъ основанія и не оправдывается успѣхомъ, то слѣдователь платитъ происходящія отъ того убытки (ст. 974); любопытно знать, что разумѣютъ

практики подъ убытками, какъ далеко простираютъ они вознагражденіе; напр. какъ бы авторъ рѣшилъ такой случай: N получаетъ пропитаніе отъ такихъ занятій, которыя требуютъ необходимо нравственной чести, совершенно безукоризненной (адвокатъ, паставникъ и пр.); обыскъ лишаетъ его этого; N остается безъ пропитанія; положимъ, что онъ получалъ 1000 руб. годового дохода, т. е. проценты съ 25000: имѣетъ ли N право требовать этихъ 25000 съ слѣдователя, сдѣлавшаго неправильный обыскъ — вѣдь здѣсь произведенъ рѣшительный убытокъ ?

Вотъ почти все, что мы могли замѣтить о недостаткахъ книги Г. Калайдовича. Приложенныя имъ формы, которыя занимаютъ половину книги, драгоценны для каждого молодого слѣдователя, потому что знаніе ихъ пріобрѣтается долгою практикою. Что касается до способа изложенія автора, то оно просто, ясно, и иногда оживляется примѣрами, напр. на стр. 24, 28; жаль, что такихъ примѣровъ мало. Мы замѣтимъ одну только наивность, на стр. 13: «нельзя присоединять къ дѣлу ни осмотрѣнной мѣстности, ни покраденной лошади, ни похищеннаго имѣнія.» Такое предостереженіе, кажется, совершенно лишнее; авторъ здѣсь взводитъ на напраслину: неужели были слѣдователи, которые пришивали къ дѣлу лошадей или лѣса ?.... М. К.

1. Русская Фауна, или описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ Имперіи Россійской. Составлено Ю. Симашко и Е. Марковымъ. Тетрадь 1. 1849.

Не понимая, что значить Русская Фауна, и предполагая, что Фауна должно быть Латинское слово, я отправляюсь за нимъ во вновь вышедшій «Ручной Латинско-Русскій Словарь», и не нахожу. Нечего дѣлать, довольствуюсь вторымъ заглавіемъ, которое очень ясно обозначаетъ содержаніе тетради. Въ изданіи нѣтъ послѣдовательности, какъ и вообще въ современныхъ изданіяхъ съ рисунками, которыхъ продолженіе и окончаніе зависятъ отъ удачнаго хода,

или подготовки рисунковъ. Желательно, чтобъ Русская Фауна приведена была успѣшно къ окончанію. 1 тетрадь заключаетъ въ себѣ нѣсколько породъ *хорьковъ*, *хищныхъ грифовъ*, *гадюкъ* и *мотыльковъ*. Рисунки прекрасно гравированы и раскрашены.

4. *Точнѣйшее описаніе признаковъ бѣшенства собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Составилъ О. С. Пашкевичъ. 1849.*

Эту книжечку, заключающую въ себѣ описаніе признаковъ бѣшенства животныхъ, мѣры предосторожностей и леченіе отъ укушенія, не мѣшаетъ имѣть подъ рукой каждому помѣщику, или управляющему имѣніями.

Авторъ говоритъ, во вступленіи, что «бѣшенство собакъ извѣстно было уже за 2000 лѣтъ; но сущность этой болѣзни и по нынѣ остается покрытою непроницаемой тайной».

Напрасно такъ думаетъ авторъ: по Русскому повѣрью извѣстно, что вообще *бѣсятся отъ жиру*.

ОДЕССКІЯ И КАЗАНСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Исторія Русской Литературы, для учащихся. Соч. Константина Зеленецкаго. Одесса. 1849.*

Этотъ очеркъ исторіи Русской Литературы составленъ по періодамъ развитія ея, очень послѣдовательно, просто и соотвѣтственно своему назначенію.

Мы замѣтили однакоже нѣкоторыя странности въ размѣщеніи современныхъ писателей по ихъ значенію въ дѣятельности литературной и роду ихъ произведеній. Въ числѣ упомянутыхъ археологовъ, писавшихъ по предмету Русскихъ древностей, есть такія лица, которыя ровно ничего не писали по части археологій, или писали кое-что; а болѣе извѣстные, напр. И. М. Снегиревъ, и многіе другіе, пропущены

2. *Путевыя замѣтки. Соч. Т. Ч. Выпускъ II-й. Одесса, 1849.*

«Ich wandle still, bin wenig froh» говоритъ эпиграфъ этого втораго выпуска Путевыхъ замѣтокъ. Тише ѣдешь, даль будешь; но отъ чего же *sie sind wenig froh*? — не отъ того ли, что вы пишете все грустныя повѣсти? Напишите же что-нибудь повеселѣе съ эпиграфомъ «Ich wandle still, bin immer froh.»

3. *Опытъ начертанія гражданскаго судопроизводства по Россійскимъ законамъ. Сочиненіе Логина Камбекъ, Съ Нѣмецкаго перевелъ и замѣчаніями дополнилъ Левъ Камбекъ.*

Казань, 1848, 142 стр., въ 8-ку,

Профессоръ Камбекъ, взявшись обработать наше гражданское судопроизводство по системѣ научной, именно по системѣ Римскаго права, поставилъ себя въ ложное и трудное положеніе, — и нельзя сказать, чтобъ вышелъ изъ него съ честью. Попытка не провая; съ легкой руки покойнаго Профессора Цвѣтаева всѣ старинные учебники писались по системѣ Институтовъ Римскихъ. Нѣтъ спора, что во всѣхъ судопроизводствахъ можно найти что-нибудь общее, подвести нѣкоторыя части системы одного народа подъ систему другаго; но въ такомъ случаѣ заранее должно отказаться отъ полноты и вѣрности, потому что въ судопроизводствѣ всегда преобладаетъ народное начало. Кто знакомъ хоть немного съ Римскимъ процессомъ, тотъ пойметъ, можно ли подвести подъ него наше судопроизводство? — Вотъ въ какомъ порядкѣ расположилъ авторъ свой трудъ: 1) Введеніе — О законной помощи и изученіи оной (стр. 1 — 17). 2) Общая часть — Дѣйствующія лица при исполненіи законной помощи (17 — 42). 3) Особенная часть — О главныхъ дѣйствіяхъ процесса (42 — 142). Въ частностяхъ сочиненіе Г. Камбека страдаетъ неполнотою, недоговорками и натяжками, напр. пропущено о судѣ посредниковъ, словесномъ и совѣстномъ, найдены у насъ *res judicatae*, какъ источникъ права, и проч. Къ чести автора должно сказать,

что онъ имѣлъ прекрасную цѣль — посредствомъ своего труда, познакомить иностранцевъ съ нашимъ судопроизводствомъ; какую цѣль имѣлъ переводчикъ — рѣшить трудно. Замѣтимъ еще странность: книга вышла изъ цензуры въ 1847 году; а сдѣлалась извѣстною только въ настоящемъ. Что касается до способа изложенія, то оно ничѣмъ не лучше хоть вотъ этого періода, который мы отыскивали въ одной старинной книгѣ;

«Пюттеръ вообще считается первымъ писателемъ энциклопедіи законовѣднія въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и заслуживаетъ эту честь если не первымъ своимъ энциклопедическимъ сочиненіемъ, о которомъ несправедливо думали, будто здѣсь въ первый разъ употреблено названіе энциклопедіи, хотя дѣйствительно со времени Пюттера оно вошло въ общее употребленіе, и въ которомъ (сочиненіи) между прочимъ именно недостаетъ строгаго разграниченія отдѣльных юридическихъ наукъ, поелику части права здѣсь отдѣлены болѣе по источникамъ, нежели по содержанію, то по крайней мѣрѣ вторымъ сочиненіемъ, — въ которомъ онъ отдѣлилъ въ особую часть, названную имъ методологіею, почти все содержаніе перваго своего опыта, и вмѣстѣ все то, что въ прежнихъ сочиненіяхъ такого рода обыкновенно смѣшивалось съ собственно-энциклопедическимъ понятіемъ о правѣ и свѣдѣніями о разныхъ частяхъ правовѣднія, — и представилъ въ правильномъ порядкѣ и ясномъ изложеніи весь составъ науки о правѣ въ томъ объемѣ, какой она тогда имѣла, съ показаніемъ тѣхъ особенностей, коими главныя части ея отличаются одна отъ другой, и точныхъ предѣловъ, въ которыхъ заключаются отдѣльныя юридическія науки, но въ то же время съ подведеніемъ этихъ особенностей подъ общее начало цѣлаго правовѣднія, давъ этимъ сочиненіемъ первый притворный опытъ вѣтшей энциклопедіи.»

Отъ языка Г. Камбека грудь страдаетъ меньше, но слухъ въ опасности, а часто и смыслъ не ясенъ. М. К.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О ЛѢТОПИСИ САМУИЛА ВЕЛИЧКА,

какъ источникъ Малороссійской исторіи.

Лѣтопись Самуила Величка была вовсе неизвѣстною какъ Бантъшу-Каменскому, такъ и другимъ лицамъ, писавшимъ о Малороссійской исторіи. Честь открытія этого важнаго источника для Малороссійской исторіи принадлежитъ М. П. Погодину. Въ нынѣшнемъ году лѣтопись С. Величка издана въ Кіевѣ Временною тамошнею Комиссіею для разбора древнихъ актовъ, которой предоставилъ печатаніе Г. Погодинъ. Въ подлинникъ лѣтопись имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Сказаніе о войнѣ Козацкой съ Поляками чрезъ Зюновія Богдана Хмельницкаго, Гетмана войскъ Запорожскихъ въ осми лѣтахъ точившойся, а до дванадцати лѣтъ у Поляковъ съ иными панствами провлекшойся. Якою онъ Хмельницкій, при всесильной помощи Божественной, съ Козаками и Татари отъ тяжкого ига Лядскаго выбился, и подъ высокодержавное Пресвѣтлѣйшаго Монарха Россійскаго Алексія Михайловича владѣніе добровольно подался. Отъ авторовъ: Нѣмецкаго — Самуила Пуфендорфія, Козацкаго — Самуила Зорки и Польскаго — Самуила Твардовскаго, войну тую въ книгѣ своей, Война Домова названной, върисомъ Польскимъ описавшого. Нынѣ же вкраткѣ стилемъ чисторичнымъ и нарѣчіемъ Малороссійскимъ справленное и написанное тицані-

емъ Самоила Величка, канцеляриста негдись войска Запорожскаго. Въ селѣ Жукахъ уѣзду Полтавскаго. 1720 року.» Впрочемъ, содержанію лѣтописи соотвѣтствуетъ гораздо болѣе то заглавіе, съ которымъ она напечатана, а именно: «Лѣтопись событій въ Юго-Западной Россіи въ XVII в.,» ибо въ ней содержится изложеніе событій Малороссійской исторіи, начиная нѣсколько прежде Хмельницкаго и доведенное по 1700 годъ; слѣд. не одна только исторія войны Хмельницкаго съ Поляками.

Единственное біографическое извѣстіе, какое имѣемъ о Самуилѣ Величкѣ, находимъ въ его лѣтописи; тутъ (л. 393) онъ говоритъ, что съ 1690 г. началъ служить секретаремъ генеральнаго писаря Василія Леонидовича Кочубея, пользовался его довѣренностью; Кочубей поручалъ ему и такія дѣла, которыя были тайною для прочей его канцеляріи; такъ чрезъ руки Самуила Величка шла тайная, дисфирная переписка, веденная, по повелѣнію Императора Петра I-го, В. Д. Кочубеемъ съ Господарями Молдавскимъ и Валахійскимъ. Пятнадцать лѣтъ служилъ Величко у Кочубея, и въ 1708 году, въ награду за свое усердіе, опредѣленъ въ войсковую генеральную канцелярію; тутъ онъ служилъ только 4 года, и въ 1709 г. его постигло, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, *несчастіе*, какого рода — не знаемъ; знаемъ только, что онъ лишился мѣста. Издатели справедливо догадываются, что вѣроятно и Величко пострадалъ при гоненіи, постигшемъ Кочубея отъ Мазепы.

Источники, которыми пользовался С. Величко при сочиненіи своей лѣтописи, онъ указалъ уже въ заглавіи; подробнѣе же объ этомъ говоритъ Величко въ «Предисловіи къ читателю.» Отсюда мы видимъ, что въ то время, когда Шведскія войска занимали Польшу и Саксонію, противъ нихъ отправленъ былъ отрядъ Малороссійскаго войска; при немъ находился Величко; въ этомъ походѣ онъ, по собственнымъ словамъ, посѣтилъ Украину, по ту сторону Днѣпра лежащую, потомъ Волынь и Русское Княженіе (что нынѣ Галиція), Львовъ, Замостье, Броды и далѣе; тутъ онъ говоритъ

(стр. 4): «видѣхъ многіе гради и замки безлюдніе и пустіе вали (валы), негдись (нѣкогда) трудами людскими аки горы и холмы высыпанные, а нынѣ только звѣрямъ дикимъ служащіе убѣжищемъ.... Каменные стѣны, которыми нѣкогда были обнесены города: Чолганской, Константиновъ, Бердичевъ, Збаражъ Соколъ, я видѣлъ въ развалинахъ и самые города большею частью полуразрушенные и обезлюднѣвшіе; осмотрѣвшись вокругъ себя, я увидѣлъ, что роскошныя поля Украйны Заднѣпровской, которая у Поляковъ слыла раемъ, и дѣйствительно, предъ войною Хмельницкаго, какъ вторая земля обѣтованная, кипѣла млекомъ и медомъ, поросли негодными травами, и вмѣсто богатой жатвы, во многихъ мѣстахъ покрыты горами костей человѣческихъ, не прикрытыхъ даже землею. Глядя на все это, я задалъ себѣ въ умѣ вопросъ: отъ чего бы все это?» Далѣе С. Величко говорить, что рѣшенія этого вопроса онъ искалъ въ лѣтописныхъ козацкихъ писаніяхъ, но не удовольствовался ими; вотъ на то причина: «каждый изъ козацкихъ лѣтописцевъ записалъ то, что видѣлъ или слышалъ, кратко, не изложивъ причинъ, откуда что взялось, ни самыхъ событій въ надлежащей точности.» Гораздо болѣе удовлетворила Величку книга Твардовскаго, писанная стихами, подъ заглавіемъ *Woyna Domowa*, гдѣ изложены событія правленія Польскаго Короля Яна Казимира по 1659 г. или по Оливскій миръ. Объ этомъ Твардовскомъ и его сочиненіи говорить подробно С. Величко въ раздѣлѣ X-мъ 12-ой части. Самуилъ изъ Скрипны Твардовскій, описывая войны Поляковъ сначала съ козаками и Татарами, потомъ съ Русскими, Шведами и Венграми, многому былъ самъ очевидецъ, слѣдовалъ за войсками и обстоятельно излагалъ ихъ движенія; отъ понесенныхъ трудовъ Твардовскій скончался вскоре послѣ Оливскаго мира. Весьма наивно замѣчаніе Величка, что онъ навѣрное не знаетъ, тотъ ли это Твардовскій, что слылъ черпюкнижникомъ, но думаетъ, что это другой. Изъ книги Твардовскаго Величко заимствовалъ описаніе военныхъ дѣйствій Поляковъ съ Шведами, Венграми и Русскими; собственно же козацкую исторію Величко изложилъ по домашнимъ источни-

камъ, зная и неоднократно указывая на пристрастіе, съ какимъ Твардовскій искажалъ событія въ пользу Поляковъ. Для описанія событій собственно Малороссійской исторіи С. Величко имѣлъ превосходный источникъ, потеря котораго невознаградима: это *діаріумъ* или *дневникъ Самуила Зорки*. Объ этомъ лицѣ и его сочиненіи подробнѣйшее свѣдѣніе находимъ въ IX-мъ раздѣлѣ первой части; отсюда узнаемъ, что С. Зорка былъ родомъ изъ Волыни, служилъ секретаремъ при Хмельницкомъ, сопровождалъ его въ Крымъ, въ Сѣчу, находился постоянно при немъ во всѣхъ его походахъ, и описалъ ихъ обстоятельно, а равно и внесъ туда переписку Хмельницкаго со всѣми государствами и лицами. Этотъ *діаріумъ* находился при канцеляріи Чигиринскихъ Гетмановъ; одинъ ея чиновникъ, Иванъ Быховецъ, списалъ для себя *діаріумъ* Зорки, и этимъ-то спискомъ пользовался Величко, взявъ его у Сильвестра Быховца, сына вышепоименованнаго. Отсюда понятно, какъ много новаго и любопытнаго могъ оттуда заимствовать Величко. Къ сожалѣнію, онъ только извлекалъ оттуда, и, какъ самъ признается (стр. 54), не заблагоразсудилъ выписать оттуда переписку Хмельницкаго съ разными Государями и знатыми лицами. Притомъ же, большая часть сочиненія Величка, гдѣ говорится о Богданѣ Хмельницкомъ, а именно части II, III, IV, V и конецъ первой утрачены. Что именно заимствовалъ Величко у Твардовскаго, а что у Зорки, о томъ онъ говоритъ такъ: «развѣ чого въ Твардовскомъ не ставало, тое съ Зорки и иныхъ лѣтописцевъ и записокъ козацкихъ доложимъ, а чого въ Зорки не обрѣлося, тое съ Твардовскаго дополнимъ.» Отсюда же и изъ многихъ другихъ мѣстъ лѣтописи Величка видно, что кромѣ Зорки онъ пользовался и иными козацкими лѣтописями. Что касается до исторіи Самуила Пуффендорфа, которую именуетъ Величко въ числѣ источниковъ своего сочиненія, то изъ нея онъ заимствовалъ весьма немногое, едва пару страницъ, и приводитъ его слова въ свидѣтельство противъ Твардовскаго и въ доказательство правости козацкаго дѣла, которому и иностранецъ умѣлъ отдать справедливость.

Лѣтопись Величка начинается прямо съ первого года войны Богдана Хмельницкаго и козаковъ противъ Поляковъ (1648); впрочемъ издатели лѣтописи справедливо замѣчаютъ, что есть основаніе предполагать, что Величко началъ изложеніе событій съ болѣе ранняго времени, и притомъ не въ формѣ связнаго историческаго изложенія, а скорѣе въ видѣ сборника матеріаловъ, какіе только попадались въ его руки; изъ нихъ уцѣлѣло не многое, и то въ отрывчатомъ видѣ. Издатели помѣстили большую часть въ приложеніяхъ; остальное выйдетъ въ свое время. Въ приложеніяхъ къ первому тому находимъ: I. нѣсколько актовъ, относящихся къ войнѣ Поляковъ съ Турками въ 1620 и 21 годахъ: а) ругательное письмо Сигизмунда III къ Турецкому Султану Осману и таковой же отвѣтъ послѣдняго; это актъ подложный, взятый Величкою, по его собственнымъ словамъ, изъ одной лѣтописи, написанной въ 1636 г. въ Переяславѣ; б) рѣчь Матвея Титлевскаго о Хотинской войнѣ; послѣ краткаго извѣстія о приготовленіяхъ Поляковъ къ походу на Турковъ слѣдуетъ дневникъ событій съ осажденною Турками въ своемъ станѣ подъ Хотиномъ Польскою арміею, подъ начальствомъ Принца Владислава; тутъ же находилась и козацкая армія подъ начальствомъ Гетмана Сагайдачнаго, оказавшая блистательное мужество. Изъ дневника Титлевскаго видны два новые факта: 1) Гетмана Запорожскаго Бородавку убилъ не Сагайдачный, но Поляки; 2) Богданъ Хмельницкій во время Хотинской войны отправленъ былъ на Черное море съ 10,000 козаками на ладьяхъ, дѣйствовалъ отлично, захватилъ 12 судовъ Турецкихъ, остальные загналъ подъ стѣны Константинополя, и разсѣялъ ужасъ по всемъ берегамъ Чернаго моря; отсюда явствуетъ, что неосновательно общее мнѣніе историковъ Малороссійскихъ, будто Богданъ Хмельницкій былъ взятъ въ плѣнъ Татарами въ Цецорской битвѣ. II. Нѣсколько актовъ, относящихся къ исторіи уніи и къ гоненію, которое терпѣли Малороссіяне за усиліе сохранить вѣру и самостоятельность отъ Поляковъ: а) Теофанъ, Патріархъ Іерусалимскій, ѣздилъ въ Москву гдѣ и

присутствовалъ при посвященіи въ Патріархи Филарета Никитича, отца Царя Михаила Ѳеодоровича; на обратномъ пути Патріархъ Ѳеофанъ, по просьбѣ Сагайдачнаго, рукоположилъ нѣсколько православныхъ Архіереевъ, ибо ихъ предшественники сдѣлались уніатами. Ревностно ходатайствовалъ Величко предъ Королемъ Сигизмундомъ III объ отъѣзженіи уніи, но ничего не получилъ кромѣ пустыхъ обѣщаній. Принцъ Владиславъ, юный наслѣдникъ короны Польской, былъ очень добрѣ и кротокъ; онъ показалъ самое нѣжное вниманіе къ Гетману Сагайдачному, смертельно раненному на Хотинской войнѣ, гдѣ онъ съ козаками своими отличился наилучшимъ образомъ, и по возвращеніи къ отцу очень хвалилъ и Сагайдачнаго и его козаковъ. Любопытныя подробности объ этомъ, сколько намъ известно, впервые изданныя, находимъ у Величка (приложенія стр. 33—37). Сагайдачный возвратился въ Кіевъ послѣ Хотинскаго похода опасно раненный. Величко говоритъ: «съ «какимъ торжествомъ встрѣченъ былъ у Кракова жителями «и отцовскими сенаторами, предоставляю описывать Поль-«скимъ историкамъ. А Сагайдачнаго полумертваго, безъ «жадной (ниже единой) публики въ Кіевъ вѣхавшаго, тилько «въ дворѣ своемъ плачущая встрѣтила и приняла жена его «предъ запустами Филипповскими.» Нерадостныя вѣсти ждали Сагайдачнаго дома: 1, о преднамѣреваемомъ вторженіи орды Татарскихъ въ Украину, и 2, о тяжкихъ угнетеніяхъ, которымъ подвергались семейства козаковъ, сопровождавшихъ Гетмана на войну Хотинскую, со стороны Польскихъ пановъ. Глубоко оскорбился Сагайдачный бѣдствіемъ отечества, но отложилъ жалобу Королю до болѣе благопріятнаго случая; онъ скоро представился. Король Сигизмундъ III прислалъ Сагайдачному грамоту, отъ 22 Января 1622 года (стр. 38—42), гдѣ хвалитъ доблесть козаковъ и ихъ предводителей, посылаетъ 400,000 талеровъ для раздачи козакамъ, не только ходившимъ подъ Хотинъ, но и находившимся съ Хмельницкимъ въ Черномъ морѣ, 4,000 червонныхъ Гетману и старшинѣ войсковой, особенно Гетману хоругвь королевскую, булаву въ 3,000 талеровъ и цѣпь въ

800. Въ благодарственномъ отвѣтѣ, отъ 18 Февраля 1692 года, Королю Гетманъ не забылъ съ прискорбіемъ упомянуть о бѣдѣ, терпимомъ его соотечественниками, и жалуетъ Королю на пановъ: «А, либо съ стороны высокодумныхъ и вельможныхъ нѣтъ милостей пановъ коронныхъ — Вишневскихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ и иныхъ, на Украйнѣ, власной (собственной) предковичной отчизнѣ нашей, власть свою сверхъ мѣры распространяющихъ, похваляютъ на насъ войско Запорожское, холодные и непріязненные вѣтры, жгущіе славу нашу въ мерзость вселити, и насъ, братію свою, вѣрныхъ нашего Намѣстничаго. Величества и всей короны Польской слугъ, въ подданство и яро работническое себе безмолжно наклонити.» Изложивъ съ силою злоупотребленіи Польскихъ пановъ и прося отъ нихъ защиты, Сагайдачный заключаетъ свое письмо слѣдн. грозными словами: «Если же Ваше Величество не окажете намъ правосудія и не воздержите пановъ отъ нѣхъ угнетеній, то они задумаютъ что-нибудь новое. (какъ уже о томъ толкуютъ), и (чего избави Боже!) выведутъ козаковъ изъ терпѣнія; если это и случится, то пусть паны Польскіе винятъ не козаковъ, но себя и своихъ пьяницъ вельможныхъ старостъ.» Чувствуя приближеніе смерти, Сагайдачный отправилъ въ Польшу доктора, котораго оставилъ ему Принцъ Владиславъ, и съ нимъ препроводилъ къ Королю письмо; отъ послѣднихъ чиселъ Марта 1692 года; здѣсь онъ умоляетъ Короля положить конецъ насиліямъ Польскихъ пановъ, которыхъ очевидцемъ и свидѣтелемъ былъ самъ докторъ, и распространенію уни. «Если Ваше Величество, заключаетъ Сагайдачный, исполните эти два смиренныхъ моихъ желанія, то тѣмъ вы утвердите тронъ свой на неизбѣжномъ основаніи, чего я усердно и желаю.» Но Король, если бы и хотѣлъ, не могъ бы обуздать своеволя пановъ, и козаки взбунтовались. Мятежи козацкіе были нередки и до Хмельницкаго, но когда явился этотъ великій человекъ, чаша угнетеній Малороссіи переполнилась. Дѣло шло о ихъ нравственномъ существованіи. Паны Польскіе домогались

обратить Малороссійскихъ козаковъ въ своихъ крестьянъ, а іезуиты и католическое духовенство болѣе чѣмъ когда-либо силились распространить унию. Величко (стр. 338) объясняетъ намъ, почему униа была ненавистнѣе католичества для Малороссіянъ: «Если только двѣ религіи совмѣстно существуютъ: православная и католическая, и притомъ на равномъ основаніи, то не многіе оставятъ одно въ исповѣданіе для другаго. Если же между обѣими религіями будетъ посредствующая религія, униа, то отъ того произойдетъ не малый ущербъ для православія, потому что многія слабыя души изъ православныхъ, ради почестей, богатствъ и достоинствъ, примутъ унию, которая такимъ образомъ есть нѣкотораго рода западня для православныхъ».

Козаки, жившіе по берегамъ Днѣпра, дѣлились на Запорожскихъ и собственно Малороссійскихъ, или (такъ ихъ въ послѣдствіи называли) городовыхъ. Первые, живя на низовьяхъ Днѣпра, на многочисленныхъ его островахъ, не признавали надъ собою ни чьего господства, хотя Поляки считали ихъ своими подданными. Городовые же козаки существенно зависѣли отъ Поляковъ. Взаимное братство соединяло такъ и другихъ козаковъ, и сосѣдство Запорожскихъ козаковъ и частыя съ ними сношенія питали и въ городовыхъ духъ своеволія. И тѣ и другіе имѣли своихъ Гетмановъ, и запутанность въ исторіи первыхъ Малороссійскихъ Гетмановъ происходитъ именно оттого, что историки оставили безъ вниманія то обстоятельство, что въ одно и то же время козаки Запорожскіе имѣли своего Гетмана, а городовые, или собственно Малороссійскіе, своего; первый считался старше, и вообще Запорожскіе козаки пользовались нѣкотораго рода старейшинствомъ передъ городовыми. Величко первый, сколько намъ извѣстно, указалъ на совмѣстность Гетмановъ; такъ въ 1638 году Гетманомъ Запорожскимъ былъ Остраница, а Гетманомъ Малороссійскимъ Гуня. И тотъ и другой имѣли несчастный конецъ, и Полякамъ удалось, хотя и не надолго, восторжествовать надъ козаками. Въ 1638 же году Поляки опре-

дѣлами городовымъ козакамъ не имѣть болѣе Гетмановъ, а вмѣсто нихъ поставить Польскихъ комиссаровъ, число же полковъ ограничить 6-ью: Черкасскимъ, Корсунскимъ, Бѣлоцерковскимъ, Кавевскимъ, Чигиринскимъ и Переяславскимъ. Чтобы отдѣлить Малороссійскихъ козаковъ отъ Запорозжскихъ, затруднить между ними сообщеніе и тѣмъ подчинить себя тѣхъ и другихъ, Поляки выстроили крѣпость Кодакъ. За тѣмъ они не скрывали болѣе замысловъ своихъ раздѣлить Украину на помѣстья, жителей ея обратить въ крѣпостныхъ и искоренить православіе. Въ 1652 году на престолъ Польскій вступилъ Владиславъ IV; онъ пользовался любовью Русской части народонаселенія, и не шутя думалъ обуздать своеволие пановъ. Нѣкоторые историки приписываютъ Владиславу IV смѣлый замыселъ учредить въ Польшѣ самодержавіе; привести въ исполненіе эту важную мысль не способенъ былъ слабый и нерѣшительный характеръ Владислава IV, котораго подозрительный отецъ постоянно старался содержать въ умственномъ малолѣтствѣ. Не подвержено сомнѣнію, что Б. Хмельницкій предлагалъ даже свое содѣйствіе Королю Яну Казимиру къ тому, чтобы Польшу обратить въ самодержавное государство. Какъ бы то ни было, но Владиславъ IV ненавидѣлъ гордыхъ пановъ Польскихъ и Литовскихъ, и не скрывалъ своего доброжелательства козакамъ. Весьма любопытно и то обстоятельство, что Богданъ Хмельницкій ссылался, оправдывая свое возстаніе, на письмо Владислава IV къ полковнику Барабану, исправлявшему тогда должность Гетмана въ Малороссіи, въ которомъ Король позволилъ козакамъ защищать свои права отъ Польскихъ пановъ оружіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это была выдумка Хмельницкаго: у Барабана хранились только привилегіи, въ разное время данныя Польскими Королями Малороссійскимъ козакамъ.

Богданъ Хмельницкій, по справедливости, заслуживаетъ имя великаго человѣка. Онъ взялся за дѣло освобожденія Малороссіи умно и искусно; и до него были возстанія, но всѣ окончились неудачно и послужили только къ лучшему водворенію Поляковъ. Имѣя передъ глазами несчастную судьбу Наливайка, Острижницы и др., Богданъ долженъ былъ

быть осторожнѣе ихъ; онъ показавъ въ себѣ и отличнаго вождя, и храбраго солдата, и искуснаго политика: Поведъ къ явному разрыву съ Поляками Хмельницкому подали частная распря съ Чаплинскимъ, Чигиринскимъ старостою; послѣдній нанесъ жестокое личное оскорбленіе Хмельницкому, и домогался отнять у него немалое Субботово; динное ему Королемъ Сигизмундомъ III за подвиги на морѣ, въ 1622 году, въ войнѣ противъ Турковъ. Хитростью вынудилъ Хмельницкій у Барабаша подлинныя приписки Польшихъ Королей; необходимыя ему для того, чтобы придать своему возстанію видъ законности, и съ ними, зимою 1647 года, ушелъ къ Запорожцямъ. Летопись Величка содержитъ драгоценныя извѣстія о вѣщеніяхъ Хмельницкаго къ Чаплинскому и Барабашу, о дѣйствіяхъ его въ Сѣчѣ и Ордѣ. Здѣсь находимъ мы весьма важное и впервые заданные акты: а) писмо Хмельницкаго къ Барабашу изъ Сѣчи Запорожской, отъ 27 Дек. 1648 г.; б) его же къ Польскому комиссару; в) его же къ князю Николаю Потоцкому, коронному Гетману; г) его же къ коронному Хорунжему и Державцу Чигиринскому. Два мѣсяца, Января и Февраль, прожилъ Хмельницкій въ Сѣчѣ, обдумывая съ старшиною Запорожскою образъ веденія войны съ Поляками. Потомъ онъ отправился въ Ордѣ просить помощи у Хана; послѣ долгихъ переговоровъ, Ханъ рѣшился отпустить 4,000 войска съ Пулай-Беемъ, если Хмельницкій оставитъ сына въ заложники. Хмельницкій согласился, и весною съ Татарами двинулся на Украину; перехватывая всѣхъ нападавшихъ ему людей, съ цѣлью скрыть отъ Поляковъ свое приближеніе, въ чемъ и успѣлъ совершить. Весною оправданно Величко: приписываетъ этому умному расчету Хмельницкаго его первые успѣхи надъ Поляками. А отъ этихъ первыхъ успѣховъ все зависело; столько уже было несчастныхъ попытокъ освободиться отъ вѣгъ Польскаго, что весьма немногіе Малороссіане, какъ ни невидѣли крѣпости и унио, взяли за оружіе, предавъ нѣтъ бы ни утѣшны въ успѣхѣ. Поэтому, Хмельницкому нужны были блестящія победы, чтобы возбудить угнетенный духъ мужества

въ соотечественникахъ. Поляки также очень хорошо знали, что, при малѣйшемъ ихъ пораженіи, все Малороссіе возстанутъ поголовно. Узнавъ о бѣгствѣ Хмельницкаго и о движеніяхъ въ низовомъ Запорожскомъ войскѣ, оба Гетмана, Потоцкій и Калиновскій, собрали до 80,000 войска и расположились: Калиновскій въ Корсунѣ, а Потоцкій въ Черкасахъ. Отсюда они отправили два основныхъ отряда къ крѣпости Кодакъ, одинъ сухимъ путемъ, другой водою по Днѣпру на судахъ. Оба отряда имѣли неблагоприятное раздѣлиться. Между тѣмъ Хмельницкій, 22 Апрѣля 1648 года, выступилъ изъ Сечи съ козаками и вспомогательными Татарами; сначала встрѣтилъ онъ отрядъ на судахъ; козаки, тутъ находившіеся, передались Хмельницкому, который, усилившись не только людьми, но и снарядами, пошелъ на сухопутный отрядъ, стоявшій подъ начальствомъ Стефана Потоцкаго, гетманскаго сына, у урочища Желтыхъ водъ; здѣсь Поляки потерпѣли совершенное пораженіе отъ Хмельницкаго, 8 Мая. Побѣдивъ враговъ отечества, Хмельницкій удовлетворилъ и своей частной мести: онъ послалъ въ Чигиринъ козаковъ, захватилъ въ распλοхъ Чаплинскаго и казнилъ его. Подробности объ этихъ первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Хмельницкаго находимъ у Величка обстоятельно описанными, а не такъ какъ у Конисскаго, который вездѣ вымысляетъ, описываетъ напр. взятіе Кодана съ величайшими подробностями; тогда какъ онъ послѣ Желтоводской битвы безъ боя сдался козакамъ; рассказываетъ вовсе не такъ о сраженіи Хмельницкаго съ Барабашевымъ отрядомъ, влагаетъ напыщенную рѣчь въ уста Хмельницкому, и вообще все событія излагаетъ наизусть. Разсказъ добросовѣстнаго Ригельмана во всемъ сходствуетъ съ Величкинымъ. Обязанный своими первыми успѣхами быстротѣ, скрытности движеній, Хмельницкій рѣшился не давать отдыха непріятелю, устремился на обоихъ Гетмановъ, нанесъ имъ совершенное пораженіе, Мая 16, подъ Корсунемъ и захватилъ въ плѣнъ остатки Польской арміи съ обоими Гетманами. Конисскій до нельзя перепуталъ все событія; послѣ Желтоводской битвы, Хмельницкій у него идетъ къ Каменцу-По-

дольскому, подъ стѣнами его, 16 Мая, разбиваетъ Гетмана Калиновскаго и беретъ Каменецъ-Подольскій (все это—чистая выдумка); потомъ возвращается въ Бѣлую Церковь, отсюда, 28 Мая, разсылаетъ по всей Украинѣ универсалъ. Любопытно, какъ Конисскій измѣнилъ нѣкоторыя слова универсала, чтобы доказать мнимое сраженіе подъ Каменцомъ; универсалъ этотъ находится и у Ригельмана и у Величка съ небольшими измѣненіями въ словахъ; вотъ сравненіе трехъ универсаловъ, обличающее Конисскаго:

<i>Конисскій :</i>	<i>Ригельманъ :</i>	<i>Величко :</i>
<p>Зиновій Богданъ Хмельницкій, Гетманъ славнаго войска рвєстроваго и Запорожскаго и всея по обѣимъ сторонамъ Дѣпра сущей Украини Малороссійской, ванъ всѣмъ Малороссійскимъ по обѣимъ сторонамъ Дѣпра шляхетнымъ и посполитымъ, большаго и меньшаго чина людемъ, а особливо шляхетно урожонимъ козакамъ изъ той брати нашей знаменитымъ, симъ Универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, нжъ не безъ причинъ нашихъ, слушныхъ мусилисьмо зачати войну и поднати оружіе наше на Поляковъ, черезъ которое, что ся, при всесильной помощи Божеской, на Желтой водѣ Аирѣля 8, а потомъ подѣ Каменцомъ Мая 16-го, надъ ними Поляками стало, и пр....</p>	<p>Зиновеи Богданъ Хмельницкій, Хетманъ славнаго войска Запорожскаго и всея по обѣимъ сторонамъ Дѣпра рѣки, шляхетнымъ и посполитымъ, большаго и меньшаго всякаго чина людемъ, а особливо шляхетно урожонимъ козакамъ изъ той брати нашей знаменитымъ, симъ Универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, нжъ не безъ причинъ нашихъ слушныхъ мусилисьмо зачати войну и поднести оружіе наше на Поляковъ, чрезъ которое що ся, при всесильной помощи Божественной, на Желтой водѣ Мая 8-го, а потомъ подѣ Корсунои Мая 16-го дня, надъ ними Поляками стануло.....</p>	<p>Зиновій Богданъ Хмельницкій, Гетманъ славнаго войска Запорожскаго и всея по обѣимъ сторонамъ Дѣпра сущей Украини Малороссійскія. Ванъ всѣмъ Украинскимъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Дѣпра, въ городахъ и селахъ обитающимъ Малоросіанамъ, духовнымъ и мірскимъ, шляхетнымъ и посполитымъ большаго и меньшаго всякаго чина людемъ, а особливо шляхетно урожонимъ козакамъ и святой брати нашей, ознаймуемъ симъ Универсаломъ нашимъ, нжъ не безъ причинъ слушныхъ мусилисьмо зачати войну и поднести оружіе наше на Поляковъ; чрезъ которое що ся, при всесильной помощи Божественной, на Желтой водѣ Мая 8-го, а потомъ подѣ Корсунои Мая 16-го, надъ ними Поляками стануло.</p>

<p>.....Для сего при- тленивши отъ Ка- менецка и становши обозомъ нашимъ вой- сковымъ, тутъ подъ Бѣ- лою Церковью пишемъ для васъ сей Универ- салъ....</p>	<p>.....Для того при- тленивши отъ Кор- суна и становши обо- зомъ нашимъ войско- вымъ, тутъ подъ Бѣлою Церковью пишемъ до васъ сей Универсалъ....</p>	<p>.....Для того про- тленивши отъ Кор- суна и становши обо- зомъ нашимъ войско- вымъ, тутъ подъ Бѣлою Церковью пишемъ до васъ сей Универсалъ....</p>
--	---	---

Отсюда ясно, что Конисскій, для того чтобы прибавить къ подвигамъ Малороссіянъ лишнюю побѣду, не усомнился измѣнить нѣсколько словъ универсала. Вскорѣ мы скажемъ о немъ свое мнѣніе особо.

У Величка находимъ чрезвычайно интересныя подробности о сраженіяхъ при Желтой водѣ и Корсунѣ и о дѣйствіяхъ Хмельницкаго послѣ нихъ. Этотъ умный человѣкъ не возгордился своими успѣхами, и очень хорошо понималъ, что Малороссіане, предоставленные собственнымъ силамъ, не въ состояніи противиться Полякамъ. Потому онъ дорожилъ союзомъ Татарскаго Хана, и немедленно послѣ побѣды при Корсунѣ отправилъ къ нему обоимъ Гетмановъ, и ласково просилъ о продолженіи союза. Не менѣе усердно старался Хмельницкій о поддержаніи добраго согласія съ Запорожцами; любопытныя и доселѣ нигдѣ не изданныя письма Хмельницкаго къ Кошевому Атаману Запорожцевъ и къ Хану находимъ у Величка. Очень хорошо сознавая непрочность такого союзника, какъ Орда, которую увлекало одно корыстолюбіе, Хмельницкій искалъ болѣе надежной опоры, и ссылаясь съ Государемъ Московскимъ, прося его о покровительствѣ. Осторожный Царь Алексѣй Михайловичъ, связанный союзомъ съ Польшею и не желая разрывать его, а съ другой стороны опасаясь дурнаго примѣра козацкаго мятежа для своихъ собственныхъ владѣній, гдѣ еще не изгладились слѣды волненій междоусобицы, не оказывалъ существенной помощи Хмельницкому. Пока счастье вполне благопріятствовало послѣднему, онъ не соглашался на это условіе, и замышлялъ не шутя возстановить въ свою пользу Великое Княженіе Кіевское. Но послѣ пораженія

при Берестечкѣ и разрыва съ Ханомъ, послѣ унижительнаго для Малороссіи Белоцерковскаго договора, Хмельницкій отбросилъ нерышительность, началъ серьезные переговоры въ Мошкѣ, и связалъ навсегда судьбу Малороссіи съ судьбою ея старшей сестры. Хмельницкій, уже великій человекъ и потому, что не задумался пожертвовать мечтами личнаго своего честолюбія и самолюбія народнаго пользы и благу потомства. Хмельницкій велъ переговоры съ Москвою столь тайно, что не только Поляки, но и Малороссіяне объ нихъ обстоятельно не знали; любопытныя подробности объ этомъ находятся въ автописи Величка (стр. 160 — 187 и слѣд.).

Послѣ Корсунской битвы Хмельницкій долгое время оставался въ покоѣ; главною причиною была та осмотрительность, съ какою онъ всегда дѣйствовалъ. Малороссія вѣковъ не единодушно возстала противъ Поляковъ; они имѣли здѣсь сильную партію. Если козаки и холопы пановъ, получившіе свободу, предпочитали смерть господству Поляковъ, то многочисленная шляхта и дворянство, болѣе или менѣе оцѣлѣвшіяся, втайнѣ не хотѣли разрыва съ Польшею. Хмельницкій долженъ былъ остановиться среди своихъ блистательныхъ успѣховъ, чтобы универсаломъ поставить всю Малороссію противъ Поляковъ, чтобы дожидаться новаго вспомогательнаго войска изъ Орды, чтобы силой свои привести въ порядокъ; такъ онъ организовалъ особъ артиллерію изъ отнятой у Поляковъ, и пр. Притомъ, и самъ Хмельницкій еще не отказался отъ надежды склонить Поляковъ къ договору съ козаками на сносныхъ для послѣднихъ условіяхъ; особенно онъ надѣялся на благорасположеніе Владислава IV. О примиреніи Хмельницкаго съ Поляками усердно хлопоталъ Адамъ Кисель, воевода Кіевскій, личность замѣчательная: православнаго исповѣданія, но истинный Полякъ въ душѣ, Кисель назывался другомъ Хмельницкаго, и взялся съ величайшимъ жаромъ примирить его съ Польшею. Любопытные акты, напечатанные въ *Памятникахъ*, изданныхъ въ Кіевѣ, поясняютъ исторію этихъ переговоровъ. Кисель игралъ довольно двусмыслен-

Польское войско, которое почти все погибло и самъ Гетманъ былъ убитъ. Это событіе разсказано Величкою весьма ясно и со множествомъ новыхъ подробностей. Послѣ победы при Батогѣ, Хмельницкій пошелъ къ г. Каменцу, но нашелъ здѣсь сильный отпоръ и долженъ былъ отступить безъ успѣха. Весьма важныя и доселѣ неизвѣстныя свѣдѣнія находимъ у Величка о переговорахъ Хмельницкого съ Поляками послѣ победы при Батогѣ. Хмельницкій показалъ удивительную умѣренность, и искренно желалъ союза съ Польшею на основаніи Зборовскаго договора. Но Король и паны явили гибельную для нихъ неуступчивость; чѣмъ искреннѣе искалъ Хмельницкій мира, тѣмъ требованія Поляковъ становились неумѣреннѣе. Полагая, что только его можетъ особа служить препятствіемъ къ заключенію прочнаго мира между козаками и Поляками, Хмельницкій послалъ къ Королю полковника Антона не отъ себя, но отъ лица всего войска, чтобы узнать отъ Поляковъ, на какихъ условіяхъ онъ желаютъ мириться; условія эти были такъ неумѣренны, что Хмельницкій пришелъ въ бѣшенство на безразсудство Поляковъ, и продолжалъ войну. Польское войско, подъ личнымъ предводительствомъ Короля, собралось у Глинянъ и двинулось оттуда къ Каменцу. Военное счастье начало измѣнять Хмельницкому; сынъ его потерпѣлъ въ Молдавіи пораженіе отъ Ракоціи, воеводы Трансильванскаго, соединившаго свои войска съ Польскими; частныя схватки оканчивались также въ пользу Поляковъ. Хмельницкій обнаружилъ робость, умолялъ сосѣднихъ Государей: Турецкаго и Московскаго, о подаваніи помощи, разослалъ по всей Малороссіи новые универсалы (Величко стр. 139—142), гдѣ заклиналъ своихъ соотечественниковъ возстать поголовно на Поляковъ, и призвалъ къ себѣ на помощь Татаръ. Усиленный Ордою, Хмельницкій, доселѣ отступавшій, началъ тѣснить Короля, стоявшаго подъ Жванцами, недалеко отъ Каменца и Хотина, окружилъ его войско, пресѣкъ подвозы. Король вынужденъ былъ просить мира у Хана (Хмельницкій, неизвѣстно почему, держалъ себя въ сторонѣ), и получилъ его на выгодныхъ для Татаръ условіяхъ; козакамъ

объяснено было со стороны Короля соблюдение Зборовскихъ статей. Но лишь только Поляки оставили Жванецкій станъ, то и нарушили договоръ, за что Ханъ отмстилъ имъ опустошеніемъ ихъ страны. Хмельницкій какъ воздержался отъ участія въ Жванецкихъ переговорахъ, такъ и не участвовалъ въ опустошеніи Полши. Вообще доброе согласіе между Хмельницкимъ и Ордою, которой онъ не мало былъ одолженъ своими первыми успѣхами, разорвалось и уже болѣе не возобновлялось. Хмельницкій, приводя свои переговоры съ Москвою къ концу и надѣясь на дѣятельное покровительство ея могущественнаго Государя, уже не дорожилъ болѣе союзомъ Орды, и запретилъ своимъ козакамъ опустошать съ Татарами Польшу. Мстя за это бездѣйствіе, Ханъ на обратномъ пути опустошилъ Украину, а Хмельницкій разбилъ на голову нѣкоторыя его шайки. Усиленное домогательство помириться съ Польшею послѣ побѣды при Батогѣ было со стороны Хмельницкаго послѣднимъ успѣхомъ возстановить разорванную съ нею связь; не безъ горести онъ сдѣлалъ это, вина надменности и неумѣренности Поляковъ; но однажды подавшись Царю Алексѣю Михайловичу, оставался, не смотря на всѣ искушенія, вѣрнымъ его подданнымъ до конца жизни. Въ лѣтописи Величка находимъ любопытную и доселѣ неизвѣстную переписку Хмельницкаго съ Запорожскою Сѣчью, по поводу желанія его поддаться Московскому Государю (стр. 167—170, 183—185). Отсюда мы, между прочимъ, узнаемъ, что Хмельницкій не предпринималъ ничего важнаго безъ совѣта съ Запорожцами. Вообще *седьмая* часть лѣтописи Величка и 9 первые раздѣла осьмой въ высшей степени обильны любопытными и новыми фактами Малороссійской исторіи; таковы напр. подробности Охматовскаго боя козаковъ съ Поляками, сношеній Хмельницкаго съ Ордою, и проч. Въ третьемъ раздѣлѣ осьмой части содержатся совершенно новыя извѣстія о сношеніяхъ Хмельницкаго со Швеціею, объясняющія причины войны это государства съ Польшею. Вся девятая часть и первые 8 раздѣловъ X-й части лѣтописи Величка содержатъ подробную исторію военныхъ дѣйствій Шведовъ

въ Польшѣ, заимствованную Величкою изъ сочиненія Твардовскаго : «Война Домова.»

И эта часть лѣтописи Величка, хотя прямо и не относится къ исторіи Малороссіи, любопытна уже и потому, что содержащаяся въ ней событія очень мало извѣстны. Въ IX-мъ раздѣлѣ X-й части содержится извѣстіе о кончинѣ Сильвестра Коссова, Митрополита Кіевскаго, и героя Украйны, Гетмана Богдана Хмельницкаго; тутъ же присоединено надгробное слово ему, сочиненное Самуиломъ Зоркою, гдѣ очень трогательно высказывается благодарность Малороссіи къ своему освободителю. Весьма любопытны и новы извѣстія, сообщаемыя Величкою о усиліяхъ Короля Польскаго склонить Хмельницкаго къ возвращенію въ подданство Польши. Съ этою целью Янъ Казимиръ отправилъ къ Хмельницкому Генерала Пнемевскаго, съ письмомъ къ секретарю Хмельницкаго, Виговскому, расположенному въ пользу Польши; это письмо помѣщено въ лѣтописи Величка (стр. 205). Виговскій, въ началѣ войны 1648 года, находился на сторонѣ Поляковъ, и въ томъ же году въ битвѣ на Желтой водѣ попался въ плѣнъ Татарамъ. Хмельницкій, тронутый мольбою Виговскаго, выкупилъ его у Татаръ, по слухамъ того времени, за лошадь. Въ послѣдствіи Виговскій былъ секретаремъ Хмельницкаго по самую его смерть. По извѣстію, сообщаемому Величкою (стр. 18), братъ Виговскаго Данило былъ жепать на дочери Хмельницкаго Еленѣ; слѣд. Виговскій могъ, домогаясь гетманства, сослаться и на родство свое съ Богданомъ Хмельницкимъ. Виговскій былъ избранъ Гетманомъ противъ воли Полтавскаго полковника Пушкаря и безъ вѣдома Запорожскаго войска. Получивъ гетманское достоинство, Виговскій скрылъ до времени свое благорасположеніе къ Польшѣ, и отправилъ письмо въ Москву съ изъясненіемъ своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ, а другое въ Сѣчь, гдѣ извѣщаль о избраніи его Гетманомъ Малороссіи; это письмо и отвѣтъ на него Запорожцевъ, весьма любопытныя, въ первый разъ являются на свѣтъ въ лѣтописи Величка. Кошевой Запорожскій Атаманъ Павелъ Гомонъ со старшиною не скрыли своего неудоволь-

ствія, за то что Виговскій избранъ Гетманомъ безъ ихъ вѣдома; говорили прямо Виговскому въ глаза, что къ нимъ дошли слѣхи о готовности его перейти на сторону Поляковъ, и что они ни въ какомъ случаѣ не намѣрены измѣнить Россійскому Государю. Это письмо Запорожцевъ заставило Виговскаго до времени скрыть свое намѣреніе. Разногласіе, обнаружившееся между Малороссійскими полковниками при избраніи Виговскаго Гетманомъ, перешло въ открытую междоусобную войну. Пушкаръ, полковникъ Полтавскій, не признавалъ новаго Гетмана и не скрывалъ своей вражды къ нему. Въ лѣтописи Велпчика весьма точно и съ доселѣ неизвѣстными подробностями описана война Виговскаго съ Пушкаремъ. Первый, съ помощью Татаръ, разбилъ послѣдняго на голову; и, возгордившись успѣхомъ, не скрывалъ своей вражды противъ Россіи, вступилъ врагомъ въ ея предѣлы, но не сдѣлалъ существеннаго вреда. Между тѣмъ Виговскій хлопоталъ объ опредѣленіи отношеній къ Польшѣ. Задушевною мыслію Виговскаго и многихъ Малороссійскихъ Гетмановъ было дать Малороссіи совершенную самобытность; но такъ какъ она не имѣла для того достаточно собственныхъ силъ, то Гетманы старались замѣнить отсутствіе ихъ политикою, и при опасности со стороны Москвы переходить на сторону Польши, и наоборотъ. Вышло то, чего не ожидали ни Виговскій, ни Хмельницкій, а именно, что, по Андрусовскому договору, Россія взяла себѣ лѣвый берегъ Дняпра, а Польша — правый. Послѣдній опустѣлъ скоро: почти всѣ жители выселились въ Россію, образовали 5 Слободскихъ полковъ и населили ея степи. Но Виговскій и Юрій Хмельницкій льстили себя несбыточною мечтою о возможности для Малороссіи самобытнаго существованія; Юрій принялъ даже смѣшно-странный титулъ: «Юрій Хмельницкій Венжикъ, Князь Сарматскій и Гетманъ всего Запорожскаго войска.» Та же мысль о самобытности Малороссіи руководила Виговскимъ, когда онъ заключилъ чрезвычайно выгодныя для нея «Гадяцкіе договоры»; по нимъ Малороссія признана *третьею* независимою націею Польскаго Государства (первыя двѣ, Польша и Литва),

и вообще только по имени осталась подъ властью Яна Казимира. Только чрезвычайно опасное положеніе, въ какомъ находилась Польша, могло побудить ее признать и утвердить Гадяцкіе договоры, рѣшительно для нея невыгодные. Да и нѣтъ сомнѣнія, что Поляки при первомъ удобномъ случаѣ предъявили бы новыя притязанія. Виговскаго не любили здѣсь за его сношенія съ Поляками и за измѣну Православному Царю; особенно полки на лѣвомъ берегу Днѣпра склонялись на сторону Россіи. Когда братъ Виговскаго, Данило, съ Татарами и козаками, напалъ на Кіевъ, гдѣ находился Русскій воевода съ гарнизономъ, и не только не взялъ его, но и былъ разбитъ на голову; то всѣ почти козаки оставили Виговскаго, котораго Наказный Атаманъ Сомко, подъ Хмельницкомъ, поразилъ совершенно, захватилъ здѣсь его семейство и имущество. Съ трудомъ ушелъ Виговскій въ Польшу, гдѣ его Гадяцкіе договоры только что были утверждены сеймомъ. Виговскій такъ быстро лишился всѣхъ своихъ приверженцевъ, что не успѣлъ обнародовать Гадяцкихъ пунктовъ, которые, безъ сомнѣнія, значительно измѣнили бы въ его пользу расположеніе умовъ. Величко весьма хорошо замѣчаетъ, что главною причиною нелюбви Малороссіянъ къ Виговскому былъ его поступокъ съ Пушкаремъ. Какъ бы то ни было, но въ Переяславѣ, среди Русскихъ войскъ, которыми командовали Князь Алексій Трубецкой, бояринъ Василій Шереметевъ и Князь Григорій Ромодановскій, собралась *Рада*, которая и избрала Гетманомъ юнаго Юрія Хмельницкаго, далеко не наследовавшаго дарованій отца. Новому Гетману предложили для подписанія *Переяславскія статьи*, которыми значительно ограничены права Гетмана и вольности козаковъ. Юрій Хмельницкій и окружавшая его старшина приняли эти условія и дали присягу подданства. Переяславскія статьи послужили источникомъ смутъ. Величко готорить, что между тѣмъ, какъ Гетманъ пирами и праздниками торжествовалъ свое избраніе, прибыли въ Чигиринъ полковники Богунъ, Ханенко, Гоголь и другіе, не присутствовавшіе на Переяславской Радѣ, а стерегшіе въ то время границу отъ Поляковъ, и узнавъ содержаніе

Переяславскихъ статей, пришли въ сильное негодованіе на старшину, находившуюся въ Переяславль вокругъ Гетмана. Этимъ крайне любопытнымъ и совершенно новымъ извѣстіемъ, проливающимъ яркій свѣтъ на причину скорой измѣны Юрія Хмельницкаго и послѣдовавшихъ за тѣмъ смутъ въ Малороссіи, оканчивается описаніе событій Малороссійской исторіи собственно, заключающихся въ вышедшемъ I томѣ летописи Величка; за тѣмъ она содержитъ еще извѣстія о войнахъ Шведовъ съ Поляками до Олевскаго мира.

Изъ предпосланнаго краткаго обзора летописи Самуила Величка, видно, что это сочиненіе открываетъ множество новыхъ фактовъ Малоросс. исторіи, исправляетъ ошибки иныхъ Малоросс. историковъ и летописцевъ, дополняетъ и уже извѣстные событія новыми подробностями. Весьма замѣчателенъ своею простотою, наивною и безпристрастіемъ разсказъ Величка; это Жоанвиль Малороссіи. Безспорно, Величко содержитъ самыя полныя, какія доселѣ извѣстны, свѣдѣнія о первомъ годѣ войны Б. Хмельницкаго съ Поляками, о гетманствѣ Виговскаго, и проч. Важность летописи Величка увеличиваетъ еще то, что въ нее внесены многіе любопытные и доселѣ неизвѣстные акты, грамоты и письма, объясняющіе событія исторіи Малороссіи. Вообще, по нашему мнѣнію, летопись Величка есть важнѣйшій источникъ для Малороссійской исторіи изъ доселѣ выпедшихъ въ свѣтъ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Грамматика Исландскаго языка, составленная Духовникомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Павловны, Протоіереемъ придворной Россійской Православной въ Веймарѣ церкви, Стеф. Сабининымъ. 1849.*

Филологическіе труды автора давно уже извѣстны ученому міру. Онъ особенно посвятилъ себя изученію языковъ древней Скандіи, Theod-land, Чуди, — происшедшихъ,

какъ уже до нѣкоторой степени извѣстно, отъ смѣшенія древне-Славянскаго (Гинду—Neneti) съ древне-Готическимъ, или народнымъ Іудейскимъ. Теперь Г. Сабининъ издалъ Грамматику Исландскаго языка, который въ древности былъ образованнымъ, письменнымъ, и, такъ сказать, священнымъ нарѣчіемъ.

«Въ наше время, говоритъ онъ въ предисловіи, нѣтъ нужды говорить о пользѣ Исландскаго языка. Ученый свѣтъ теперь понялъ, а многочисленныя сочиненія, частью изданныя прежде, то комиссіею Арне Магнуссена, на иждивеніи покойнаго Датскаго Исторіографа *Сула*, то нѣкоторыми частными лицами Даніи и Швеціи, частью же издаваемыя доселѣ Королевскимъ Обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Копенгагенѣ, на Исландскомъ языкѣ, достаточно оправдали ее. Мифологія Сѣвера, заключающаяся въ Эдадахъ, находится въ сродствѣ почти со всеми мифологіями древняго міра, и съ одной стороны объясняется ими, а съ другой поясняетъ ихъ. Исландскія Саги, оцѣненные и раздѣленные на историческія и баснословныя *Петрольмъ Эразмольмъ Мюллеромъ*, Епископомъ Зеландіи, разливаютъ теперь свѣтъ на исторіи многихъ народовъ земли и дополняютъ ихъ собою. Въ нихъ же есть описаніе различныхъ странъ свѣта, лежащихъ въ Европѣ, Азій и Африкѣ; въ нихъ описывается даже часть нынѣшней Америки, такъ какъ она была въ десятомъ и послѣдующихъ за нимъ вѣкахъ, и слѣдовательно въ 'нихъ сохранена географія среднихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ не бывалъ нѣкогда Норманнъ, или какъ союзникъ, или какъ врагъ и опустошитель? Чего не видалъ онъ и чего не внесъ въ свои занимательныя Саги? Руническіе камни съ именами Норманновъ встрѣчаются не въ одной только Скандинавіи, но еще въ Россіи, Греціи, Италіи и даже въ самой Америкѣ, и свидѣтельствуютъ о бывшемъ нѣкогда многостороннемъ разливѣ Норманновъ, и слѣдовательно о возможности ихъ собрать многостороннія историческія и географическія свѣдѣнія. Древніе Норманнскіе законы сходятся во многихъ случаяхъ съ законами другихъ европейскихъ народовъ Европы, и служатъ другъ другу истолкованіемъ и поясненіемъ; кратко, Исландская литература очень многосторонняя и очень поучительная во многихъ отношеніяхъ....

«Для насъ Славяноруссовъ Исландскій языкъ имѣетъ еще ту выгоду, что какъ въ мифологическихъ, такъ и въ историческихъ памятникахъ его находится очень много такого, что поясняетъ и дополняетъ мифологію и древнюю Исторію Россіи. Теперь Королевское Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Копенгагенѣ, собравъ руническія надписи, приготовивъ нѣкоторыя цѣлыя Исландскія Саги, а изъ пятидесяти пяти сдѣлавъ извлеченія, касающіяся до Россіи, снабдилъ ихъ всевозможными вариантами, историческими и географическими изслѣдованіями и картами, многими факсимиле, рисунками съ древнѣйшихъ мало извѣст-

ныхъ, или еще совѣтъ неизвѣстныхъ намъ *брактеатовъ*, и все это въ двухъ или трехъ печатныхъ томахъ въ большую четвертую долю листа, скоро передать намъ въ вѣчное владѣніе. Секретарь Общества, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *К. Хр. Рафнъ* въ началѣ нынѣшняго лѣта нарочито путешествовалъ по Германіи, чтобы сравнить нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ Обществомъ извлеченій съ рукописными Исландскими кодексами, находящимися въ бібліотекахъ Германіи. Судя по рвенію, съ какимъ Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ собралось выдать въ свѣтъ Россійскія, давно обѣщанныя намъ древности, мы имѣемъ полное право ожидать отъ него труда добросовѣстнаго и въ высочайшей степени интереснаго для занимающихся древнею Исторіею Россіи. Исландскій языкъ разливаетъ обильный свѣтъ и на филологію Россійскую. Кто, напримѣръ, откроетъ и объяснитъ себѣ начало и значеніе слова: *свѣтъ* — міръ, совокупность всего, существующаго во вселенной, даже свѣта и тьмы, не прибѣгнувъ къ Исландскому языку, въ которомъ сокрывается его корень? Кто узнаетъ съ перваго разу значеніе словъ: *Гридень, гридница, скотъ, скотница, пивунъ, ябеда, ябедникъ, шильникъ, метникъ, бояринъ и боляринъ, огнищанинъ, людинъ, гудъ, карлъ, олуй, квасъ, сидъ, брашно*, и ин. др., безъ помощи языковъ Сѣвера? Кто не встрѣтитъ въ вольной разстановкѣ словъ Исландскаго языка вольной разстановки словъ своего собственнаго Россійскаго? Кто, обучаясь ему, не приметъ сходства словоудареній съ словоудареніями Россійскаго? Такъ, языкъ Исландскій съ своими двумя отраслями: языками Шведскимъ и Датскимъ, очень много поясняютъ языкъ Россійскій и содѣйствуютъ развитію его филологіи. При такихъ побужденіяхъ къ изученію Исландскаго языка, кто изъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя изслѣдованію Россійскихъ древностей и изученію Россійской Исторіи, особенно древней, не посвятитъ себя и на изученіе языка Исландскаго?»

Мы уже упомянули, что Исландскій языкъ есть благороднѣйшее нарѣчіе, на которомъ сохранились священные сказанія древней религіи Сѣвера и преданія народныя. Этотъ языкъ, сравнительно съ прочими нарѣчіями Готическаго языка тоже, что Славянскій въ отношеніи къ происшедшимъ отъ него нарѣчіямъ. Но разница въ томъ, что онъ не коренной языкъ, но составленъ изъ пластовъ, наноса древне-Чудскаго на Славянскій, или обратно. По этой-то причинѣ онъ тѣмъ болѣе необходимъ для Русскихъ филологовъ. Не пройдя однакоже пути изученія Санскритскаго языка, какъ прямаго родоначальника Славянскаго, можно впастъ въ заблужденія, и принять большую часть Славянскихъ или Русскихъ словъ за пришельцевъ изъ Скандинавіи; тогда какъ они ведутъ свой родъ отъ

подпожій Гималая, и переселились въ Европу неразлучно съ рѣчью Генетовъ, или Гинду. Напр. по-Санск. *vatar* — вѣтръ обрат. въ Гот. *wetter* — погода; вѣять, вѣяніе — *wind*. *Борѣ, борьба, борение, брань* — въ Готич. *bāria* — война; отсюда Вaeiarmenn — войны, граждане. Отъ этого слова. Г. Сабининъ производитъ слово бояринъ и баринъ; но въ Санскр. *бáран* — покровитель, ограда, оборона, избранный, лучший; и слѣд. бояринъ отъ борю, бороню, охраняю. *Броня* — также корнемъ имѣетъ бороню, брань, оборона; по-Санск. *аваранна* или *абаранна*. Въ родныхъ Слав. нарѣч. слово неизмѣнно, а переходя въ Готическія нарѣчія, измѣняется въ *brunia, byrn, byrna, brunia, bringe, prune, brune, brinne* и въ древ. Гальскія — *brunie, brugne*.

Градъ, градина, гридинища, градница, — въ Гот. *grid, gridin*. — Грідень, по-Богемски *Hrdina* — витязь, соотвѣственно слову *горожанинъ*, ибо въ старину въ *градахъ*, т. е. въ крѣпостяхъ, жило только военное сословіе; слѣд. не для чего производить *гридия* отъ *Hirdin* — стражъ, которое, въ свою очередь, происходитъ отъ *hiord, herd* — гуртъ (стадо) — *corte* ограда паствы, точно также какъ стадо — *Stad; bürger, begger*.

Сила (духъ), — въ Гот. *Saul*, въ Герм. *Seele*.

Смердъ, по-Румынски *смердулъ*, — поселянинъ безъ плуга и безъ скота, — вообще неимѣющій собственности, въ Гот. перешло въ *snārede* — низкій, *vilis*.

По-Санскр. *пачь* — печь; *пачанак* — печенье; и слѣд. *пекарь* скорѣе происходитъ отъ *пеку*, нежели отъ Исланд. *Bakari, Bagar, Bäcker*, и необходимо, чтобъ происходилъ отъ Санскр. *пачь*, Исландское *Baga* произносилось первоначально *бажа, баджа*, а потомъ уже обратилось въ Вака.

Въ Слав. *брага*, отъ бродить (ходить кругомъ), брожу, и слѣдовательно Готич. *Braga* (родъ пива) напрасно производитъ отъ божества *Brage*. Точно также, какъ и слово *медь* по-Санск. *маду* (нектаръ собираемый съ цвѣтовъ, сахаръ) не нуждалось въ Гот. *Miodr, Mjod, Meth, Mesi*.

Санскр. *манъ* — мило, и *мананан* — мизнѣе, явно ближе другъ къ другу; нежели *minna*.

Санскр. *дадь* — доля, удѣлъ, *далан* — дѣланье, — вѣрно происходятъ не отъ Гот. *odal*, а скорѣе обратно.

Двара — дверь, вѣрно ближе, нежели искаженное уже произношеніе слова въ Готическихъ нарѣчіяхъ: *Dōg*, *Dug*, *thūg*. По Санск. *Любха* — любовь, въ Герм. *liebe* перешла отъ Славянскаго, ибо въ Готическомъ любовь — *ast*.

И вообще Славянскій языкъ ни сколько не пользовался словами Готическихъ языковъ, между тѣмъ какъ въ нихъ всѣ сходственныя слова перешли изъ Славянскаго. Это можно доказать не подборомъ нѣсколькихъ словъ, но цѣлымъ словаремъ. И могъ ли нуждаться коренной Славянскій языкъ въ словахъ общинныхъ языковъ, или смѣшанныхъ изъ разныхъ, когда всѣ его коренныя слова такъ близко по сію пору сходны съ Санскритскимъ: напр. *набъаса* — небеса; *наба* — небо; *стала* — столъ, *суша* — сушь, суша; *сваръ* — сваря, ссора; *кришна* — красный (чермный); *кришната* — красота, краснота; *бгану* — панъ, господинъ, владѣтель; *гопанъ* — пастырь, начальникъ области — жупанъ; *бгука* — пустота, тьма, бука, *вала* — валъ; *вираджас* — выражать; *вача* — вѣче; *вачана* — вѣщанье; *правачана* — провѣщанье; *света* — свѣтлый; *чарви* — червонный; *тама* — тьма; *сыона* — сіянье; *луча* — лучъ; и проч. проч.

Такимъ образомъ нельзя согласиться съ почтеннѣйшимъ авторомъ, что безъ Исландскаго языка нельзя объяснить себѣ «начало и значеніе слова *Свѣтъ*—міръ, гдѣ будто бы скрывается его корень; что безъ Исландскаго нельзя понять словъ: гридень, гридница, бояринъ, огнищанинъ, людинъ, квась, сидъ, брашно, и многихъ другихъ.»

Намъ кажется, напротивъ, — и со временемъ мы представимъ ему ясныя на то доказательства. В.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *О вліянні Патологической Анатоміи на развитіе Патологій вообще и Клинической въ особенности. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета Докторомъ Іосифомъ Варвинскимъ, Ординарнымъ Профессоромъ Клинической Медицины, 30-го Іюня, 1849 года.*

Въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго Университета Профессоры Медицины обыкновенно читали рѣчи на языкъ Латинскомъ. Рѣчь Профессора Варвинскаго написана по-Русски. Мы думаемъ, что большинство читающей Русской публики поблагодаритъ ученаго Профессора за то, что онъ изложилъ на языкъ родномъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ развитія науки о жизни больного чловѣка. Рѣчь написана языкомъ правильнымъ и изящнымъ. Предметъ изложенъ понятно для всякаго образованнаго чловѣка. Вотъ содержаніе рѣчи:

Первоначально считали за болѣзни отдѣльные припадки, потомъ группы припадковъ. Патологическая Анатомія уничтожила Носологию припадочную. Знаменитому *Моргани* (+ 1771) принадлежитъ честь сближенія Патологической Ана-

Отд. 4.

томіи съ Клиническою Патологією. Италіянскій ученый нашелъ достойныхъ послѣдователей во Французскихъ патологахъ — *Корвизаръ* (род. въ 1755), *Биша* (род. въ 1771), *Дюпоитрентъ*, *Леніекъ*, *Бруссе*, *Бульо*, *Андраль*, *Луи*, *Крюсель*, *Піорри*, *Шомель*, *Ростанъ* и др. «При всемъ разнообразіи предметовъ изслѣдованія, которымъ посвящены труды этихъ ученыхъ, общій характеръ всѣхъ клиническихъ сочиненій ихъ остается почти одинъ и тотъ же. Анатомико-патологическія измѣненія составляютъ главную опору, центръ, отъ котораго расходятся лучи во всѣ стороны клиническаго изслѣдованія.»

Показавъ заслуги Французской анатомико-патологической школы, Профессоръ обращаетъ вниманіе и на ея слабыя стороны. Свѣдѣнія наши о состояніи организма стануть тѣмъ полнѣе, чѣмъ общестороннѣе будетъ изслѣдованіе. Потому, при изученіи жизни больного человѣка, должно обращать равное вниманіе на измѣненія въ строеніи, составѣ и отправленіяхъ организма (на измѣненія анатомическія, химическія и физиологическія). Построить Патологію на прочныхъ началахъ Патологической Анатоміи, Патологической Химіи и Патологической Физиологіи, есть задача настоящаго времени. Теперь Физиологія здороваго и больного человѣка трудами преимущественно Англійскихъ и Нѣмецкихъ ученыхъ (*Белль*, *Маршалъ-Галль*, *Мюллеръ*, *Бэръ*, *Вагнеръ*, *Веберъ* и др.) быстро подвинута впередъ.

«Вслѣдъ за успѣхами органической Химіи, благодаря знаменитымъ открытіямъ *Лавуазье*, *Берцелиуса*, *Либиха*, *Дюма*, *Мульдера*, обращено заслуженное вниманіе на измѣненія въ органахъ и сокахъ человѣческаго тѣла. Патологическая Анатомія въ настоящее время нашла въ Германіи мощнаго двигателя. Знаменитый Вѣнскій Профессоръ — *Рокишанскій*, изслѣдовавъ неутѣимо огромное количество труновъ, расширилъ тѣсныя границы Патологической Анатоміи, въ какія заключила ее Французская школа, и далъ этой наукѣ новое направленіе. Онъ при обработкѣ Патологической Анатоміи постоянно стремится высѣсть на точку зрѣнія клиническаго врача.»

Показавъ пріобрѣтенія, обогатившія науку о жизни больного человѣка подѣ вліяніемъ Патологической Анатоміи и вообще анатомико-патологическаго направленія въ Медицину, и высказавъ свое убѣжденіе о современныхъ потребностяхъ Патологіи, Профессоръ обращаетъ вниманіе посѣтителей на состояніе Русскихъ медицинскихъ факультетовъ и въ особенности Московскаго. Вотъ что говоритъ онъ:

«Благодаря попечительному Правительству, въ нашихъ Университетахъ, молодымъ людямъ, посвящающимъ себя изученію Медицины, даны всѣ средства пріобрѣсти общестороннія свѣдѣнія въ Патологіи. Въ послѣдніе годы, въ Московскомъ Университетѣ открыта особая кафедра Патологической Анатоміи и Патологической Физиологіи, которые такъ важны для врача. Клиническія заведенія, еще недавно существовавшія при Университетѣ въ размѣрахъ, не соотвѣтствовавшихъ ни числу учащихся, ни обширности и важности предмета преподаванія, волею Августѣйшаго Монарха распространены. Кромѣ новооткрытой факультетской клиники, какъ вамъ извѣстно, щедро надѣленной всѣми средствами, двѣ изъ больницъ Столицы, ближайшія къ Университету — Екатерининская и глазная — по Высочайшему повелѣнію, обращены въ учебныя. Въ настоящее время Медицинскій факультетъ Императорскаго Московскаго Университета имѣетъ шесть клиникъ: двѣ для болѣзней внутреннихъ, двѣ для наружныхъ, одну акушерскую и одну глазную. Въ залахъ этихъ клиникъ студенты, въ теченіе трехъ лѣтъ, изучаютъ на больныхъ разнообразнѣйшіе болѣзненные процессы и пріобрѣтаютъ опытность въ возможно короткое время. Обязанность врача великая, его предметъ изслѣдованія трудный; онъ можетъ изучать его только путемъ собственнаго наблюденія, а не по преданію. Если вы сообразите, что молодой человѣкъ, окончивъ курсъ медицинскихъ наукъ, тотчасъ начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, подавая помощь больнымъ; то убѣдитесь въ чрезвычайной важности расширенія клиническихъ заведеній.»

Мы заключимъ нашъ разборъ желаніемъ, чтобы и впредь медицинскія рѣчи писались на языкѣ Русскомъ, и притомъ болѣе или менѣе общепонятно. Наука о жизни больного человѣка такъ связана съ интересами человѣчества, что судьба ея занимаетъ всю публику.

2. Руководство къ Патологической Анатоміи. Сочиненіе Карла Рокитанскаго. Томы 1, 2, 3 и атласъ рисунковъ. Переводъ Дмитрія Мина. 1844—1849.

Это сочиненіе есть плодъ многолѣтней дѣятельности знаменитаго Вѣнскаго Профессора. Патологическая Анатомія, составляющая главную основу Патологіи, много подвинута впередъ трудами Рокитанскаго. Онъ умѣлъ воспользоваться огромнымъ матеріаломъ, который ему представила Вѣнская общая больница. Дѣятельный Профессоръ ежедневно отъ 7 до 10 часовъ утра находится въ анатомическомъ театрѣ. Здѣсь имъ самимъ, или подъ его руководствомъ, въ присутствіи Профессоровъ клиникъ и врачей больницы, производятся вскрытія труповъ. Такихъ вскрытій обыкновенно бываетъ болѣе пяти въ день. Въ Вѣнѣ Профессоръ Патологической Анатоміи есть вмѣстѣ и судебный анатомъ. Онъ, съ Профессоромъ Судебной Медицины, производитъ всѣ судебно-медицинскія изслѣдованія труповъ. Ученики Рокитанскаго, которые разсыяны по всѣмъ образованнымъ странамъ, знаютъ, съ какою необыкновенною точностію онъ производитъ эти изслѣдованія, и съ какою строгою критикою выводитъ изъ нихъ заключенія. Важнѣйшая заслуга Рокитанскаго состоитъ въ томъ, что онъ обращаетъ равное вниманіе на измѣненія въ органахъ и сокахъ человѣческаго тѣла и пользуется современными данными Физіологіи и Патологической Химіи. Въ настоящее время Рокитанскій оцѣненъ учеными: онъ стоитъ во главѣ патологовъ.

Сочиненіе Рокитанскаго есть классическое, основанное на точныхъ наблюденіяхъ, исполненное новыхъ, вѣрныхъ и чрезвычайно важныхъ взглядовъ. Оно должно быть переведено всюду, гдѣ только болѣе или менѣе обрабатывается Медицина. Но нужно замѣтить, что перевести это сочиненіе не легко: оно написано языкомъ труднымъ, не совсемъ правильнымъ (потому что Нѣмецкій языкъ не родной Рокитанскаго); тѣмъ болѣе его трудно перевести на языкъ Русскій, потому что наша медицинская терминологія еще мало об-

работана. Но не смотря на все это, благодаря любви къ наукѣ и трудолюбію Г. Мина, мы теперь уже имѣемъ полный переводъ Патологической Анатоміи Рокитанскаго. Г. Минъ, извѣстный своею ученою дѣятельностію, начавъ переводъ Рокитанскаго въ 1844 году, теперь его совсѣмъ окончилъ. Переводъ вѣренъ: онъ сдѣланъ ученымъ, хорошо знакомымъ съ Патологическою Анатоміею. Переводчикъ, желая передать Русскимъ читателямъ Общую Патологическую Анатомію какъ можно понятнѣе, составилъ небольшой гистологическій атласъ, воспользовавшись образцовыми изданіями Французскими и Нѣмецкими. А. П.

3. Уродъ. Романъ П. Вистенгофа, въ двухъ частяхъ. 87 и 82 стр. Въ 12-ю д. л. 1849.

По главному заглавію мы думали, что это въ самомъ дѣлѣ романъ Г. Вистенгофа, сочиненіе Русское; но, къ удовольствію, по заглавію первой страницы, узнали, что это переводъ «Записокъ Графини Р.»

Переводъ Урода, или по-Русски, въ женскомъ родѣ, правильнѣе — уродины, прекрасенъ, и долженъ быть отчетистъ; но этого монстра слѣдовало издать въ Парижѣ, на Французскомъ языкѣ; тамъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы понятнѣе, а по-Русски онъ совершенно непонятенъ.

Въ доказательство мы готовы очертить его безобразіе. Представьте себѣ Квазимодо въ юбкѣ, который пишетъ исповѣдь свою слѣдующимъ образомъ:

«Кто бы ты ни былъ, берущій въ руки эту книгу (въ оригиналъ вѣроятно сказано не книгу, а рукопись), ты долженъ прежде всего знать, что я уродъ, безобразная женщина, по закону природы ищущая отвращеніе отъ всѣхъ хорошенькихъ. Если ты миленькая дѣвушка или женщина, то знай, что я твой злѣйшій врагъ, я вѣчно желала тебѣ одного зла, потому что всегда тебѣ завидовала.

«Записки мои пишу я не для того, чтобы кого-нибудь тронуть; сожалѣніе, состраданіе людское не приносили мнѣ никогда никакого

удовольствія; въ запискахъ моихъ не хочу я проявить даже и раскаянія въ моихъ грѣхахъ, я почти никогда ни въ чемъ не раскаивалась, я всю жизнь только завидовала; описаніемъ моей жизни не хочу я никому давать урока или нравственного наставленія, потому что не вѣрила никогда тому, что уроки исправляютъ, а наставленія дѣлаютъ человека добрымъ. Чтобъ быть добрымъ, надо имѣть внутреннее убѣжденіе, — надобно, чтобъ человекъ былъ доволенъ самимъ собою. Быть можетъ, не всѣ согласятся со мною, но такъ привыкла я думать съ дѣтства.»

Портретъ ея слѣдующій : носъ къ верху, впалые Калмыцкіе глаза, большія губы, *слишкомъ малый ростъ*, толстые, жесткіе, черные, какъ смоль, волосы, веснушки на лицѣ и рябины, слѣды страшной оспы.

Ну-съ; исторія несчастной судьбы этой уродины начинается съ того, что въ нее влюбляются безъ памяти Маркизь Леру и Графъ Лаваль. Она терпѣть не могла Графа Лавалю; но страстно полюбила Маркиза, и, какъ слѣдуетъ уроду, нѣжное сердце ея желало насладиться смертію Маркиза, для чего она и оклеветала его передъ Графомъ — Графъ, разумѣется, убилъ его.

Слѣдуетъ походить въ Россію; при переправѣ чрезъ Березину Графъ Лаваль, отданный за поединокъ въ солдаты, боролся на льдинахъ (въ то время шелъ ледъ) и слышалъ, какъ отецъ уродины кричалъ : «если будешь живъ, не оставь моей семьи, не оставь мою Евгенію.»

Вслѣдствіе этого, онъ и хотѣлъ ее не оставлять, — но куда собирался не оставлять, ее оставила судьба, и изъ Парижа, гдѣ эта уродина была законодательницею моды и предметомъ разговоровъ, она должна была выйти съ матерью пѣшкомъ. Наскучивъ бѣдностію и жизнію въ провинціи, она рѣшилась вступить въ пѣвицы Большой Оперы. При помощи Лавалю это было легко сдѣлать, и вотъ что вышло :

Она вступила на сцену Швейцаркою въ Оперѣ и — «театръ застоналъ при моемъ появленіи.» Потомъ, когда она

появилась на сцену Испанской цыганкой и начала танцовать сальтарелло, «здесь восторгъ публики превзошелъ уже всякое описаніе.»

«Меня вызывали безчисленное число разъ, вся сцена покрылась букетами, и, когда я появилась при разѣздѣ, лучшая молодежь окружила мой фанръ; вивать! вивать! m-lle Лаура, кричали нѣтъ тысячи голосовъ, и съ этими восклицаніями толпа знатныхъ и вельможъ проводила меня до моего еще весьма скромнаго жилища.»

Всею этому не будемъ удивляться, — теперь уроды въ ходу.

Дирекція тотчасъ же предложила ей 40,000 франковъ ежегодно, кромѣ бенефисовъ; и это не удивительно. Само собою разумѣется, что Графъ Лаваль продолжалъ ее обожать; но она его бѣсила; явился еще юный обожатель Делонель, явился еще обожатель: Русскій Графъ Р., который *«исполнялъ всѣ ея капризы, бросалъ деньги вездѣ, гдѣ ей вздумалось, предупреждалъ всѣ малѣйшія ея желанія.»* И это все не удивительно.

И все шло хорошо: Делонель она хотѣла сама привести въ отчаяніе, и объявила, что онъ любитъ уроды. «Смотрите на меня,» — сказала она ему, и стерла платкомъ бѣлила и румяна, которыми защекатурены были веснушки и рябины; но онъ бросился *цаловать* ея руки. У него была особенная современная натура — боготворить уродовъ, и цаловать, а не цѣловать.

Все продолжало идти хорошо; но вдругъ загорается театръ, и — очаровательную актрису Лауру, то есть уроды, танцовавшую фанданго, посреди стона рукоплесканій, заваливаетъ рушеніемъ декорацій, *сдавливаетъ со всѣхъ сторонъ досками.* Но Делонель тутъ, онъ вытаскиваетъ ее изъ-подъ всѣхъ досокъ и обрушившихся декорацій, и тащить къ себѣ, въ домъ своей матери. Уродъ страшно изуродованъ.

— О, я несчастная, — говоритъ она, — лице мое все было разбито, лѣвый глазъ былъ совершенно вывороченъ, я должна была непременно окривѣть; сверхъ того, у меня была разбита спинная кость и повреждена нога.

Въ дополненіе къ этому счастью, потому что, какъ минусъ на минусъ даетъ плюсъ, такъ уродство, помноженное на уродство, даетъ красоту, — у ней съ театромъ погорѣло все ея богатство; не смотря на это, Делонель отъ нея безъ памяти, мать его жаждетъ имѣть такую прекрасную невѣстку; но входитъ горничная и доноситъ, что приѣхалъ Графъ Р.

— Слава Богу, — говоритъ онъ, — что вы спасены!

— О, лучше бы было, еслибъ я погибла, — мнѣ бы не пришлось идти въ богадѣльню.

— Вы тамъ не будете, — прервалъ ее Графъ; — бывшая актриса Лаура съ нынѣшняго дня должна быть Графиней. Р.

«Она бросилась *цаловать* руки своего благодѣтеля.» — Истинный уродъ, право! За спасеніе жизни Делонелю—указательный палецъ подъ носъ, а за графство начала *цаловать* старика, — истинный и современный уродъ!

И вотъ, изуродованный уродъ — Графиня, живетъ на дачѣ, на берегу Сены, получаетъ отчаянное письмо отъ Делонеля, назначаетъ ему свиданіе — вдругъ идетъ мужъ, увѣй выходъ запертъ на ключъ — подшутилъ Графъ Лаваль; Делонелю ничего не остается дѣлать, какъ, спасая честь уroda, выскочить въ окно съ высоты 10 сажень, прямо на каменный уступъ, и, разумеется, разбиться въдребезги.

Является Графъ Лаваль, требуетъ также свиданія, уродъ назначаетъ его; но въ отмщеніе, подрѣзываетъ шелковую лѣстницу — и онъ летитъ также съ высоты 10 сажень. Въ послѣдствіи однако же оказывается, что это не Графъ Лаваль, а одинъ изъ друзей его, которому онъ проигралъ въ карты свое свиданіе.

Этимъ не кончается исторія. Графъ Р. умираетъ; изуродованный уродъ ѣдетъ въ свои помѣстья въ Россіи, и является въ Москвѣ.

«Сдѣланный итъ въ Неаполѣ искуснымъ жидомъ, фарфоровый глазъ позволилъ снять повязку, я уже больше не была кривая, ловко прилаженный корсетъ скрывалъ горбъ на моей правой лопаткѣ, *лучшія воды* и притиранья придавали свѣжесть и бѣлизну испещренному веснушками лицу моему (а гдѣ же рябины — слѣды страшной оспы?), искусно придѣланный каблучекъ въ моемъ башмакѣ скрывалъ, что я прихрамывала, цѣлый рядъ вставныхъ зубовъ, бѣлыхъ, какъ жемчугъ, *замѣнилъ мои кривые, зубы. Во всей Россіи одна Луиза знала мое безобразіе.*»

Прибавьте къ этому забытые авторомъ: «маленькій поднятый къ верху носъ, впалые Калмыцкіе глаза, большія губы, *слишкомъ малый ростъ*, толстые, жесткіе, черные, какъ смоль, волосы,» и т. д.

И вотъ, изуродованный уродъ появляется въ Московскомъ обществѣ, и во всемъ городѣ, не подозревая ни сколько, что она крива, беззуба, хрома, горбата, мала ростомъ, съ Калмыцкими глазами, изъ коихъ одинъ фарфоровый, вставленный въ Неаполѣ жидомъ, все кричитъ: новая красавица! Всѣ спѣшатъ посмотреть на появившуюся красавицу, на очаровательную Графиню Р., всѣ повторяютъ: ахъ какъ она мила! Начинаются волокитства, соперничества, ревности, распри, дуэли, Французскія фразы, ужасы, и въ заключеніе, является привидѣніе — Графъ Лаваль, какъ Мефистофель — беретъ свою жертву съ собой, увозитъ въ адъ, за границу, проигрываетъ всѣ ея Русскія помѣстья, фарфоровый глазъ, искусственныя челюсти, бока, волосы, каблучки.

Жертва возвращается пѣшкомъ въ Россію, и вы можете, говоритъ авторъ, встрѣтить ее на улицѣ, въ отрешѣхъ, съ клюкою въ рукахъ, и т. д.; но чтобъ узнать ее, надо, чтобъ ѣхалъ мимо красивый экипажъ: смотря на красивый экипажъ, она заливается всегда слезами.

Вотъ какія страсти и страсти.

Variée autant que sage,
La nature à ses enfans
Ne donne point en partage
Mêmes goûts, mêmes penchans.

О-ПЕТЕРБУРГОСКІЯ ИЗДАНИЯ.

1. Помпея и открытыя въ ней древности, съ описаніемъ Везувія и очеркомъ Геркулана. Соч. В. Классовскаго. Съ планами и пояснительными гравюрами. (Второе исправленное издание.) 1849. Въ больш. 8 д. л. 325 стр.;

Любознательный нашъ соотечественникъ, въ бытность свою въ Неаполь и Кастелламаре, часто навѣщалъ сосѣдній городъ, — и какой городъ! ... Въ полдень 23 Ноября 79 года, по Р. Х., черный столбъ дыма хлынулъ изъ Везувія, разостлался надъ раемъ Италіи и моремъ, какъ ночь; подземный зарядъ вспыхнулъ, громы раздались, скалы полетѣли къ небу, прахъ и пепелъ пронесло въ Египетъ и Сирію, огненна лавы, какъ земная кровь, хлынула изъ нѣдръ Везувія, потопила Везирись, Оплонтъ, Геркуланъ, Ретиву, Тауранію, Тегіанумъ, Козу, Стабію, Помпею, — застыла, окаменѣла.

Казалось бы, что такое событіе должно было передаваться изъ рода въ родъ окрестными жителями; и могилы цѣлыхъ городовъ не могли забыться въ потомствѣ тѣхъ, которые успѣли спастись отъ гибели, — ни сколько: прошли вѣка, преданія изсыхли, мѣстность залитыхъ лавой, заброшенныхъ горами камней городовъ, стерлась въ памяти народной, — черезъ пятнадцать столѣтій они обратились уже въ задачу изысканій археологическихъ. Ученые спорили о мѣстности Помпеи; наконецъ, въ 1748 году, поселяне, разрывая землю, случайно нашли подъ землею статуи, колонны, разные предметы, вещи, которые рѣшили споръ. Помпея открыта. Карлъ III, Король Неаполитанскій (Карлъ V Обѣихъ Сицилій), приказалъ раскапывать и расчищать подземный городъ. Съ этихъ поръ Помпея возстала изъ-подъ спуда. Языческій городъ I-го столѣтія по Р. Х. передъ нами, — утвари, все хозяйство цѣло, — только нѣтъ самихъ хозяевъ: ихъ можно только видѣть во всемъ ужасѣ «Послѣдняго дня Помпеи» на картинѣ Брюлова. Была мысль

отрытъ весь городъ, сохранять, оставлять все находимое — картины, вещи, мебели, — въ томъ порядкѣ какъ онѣ были въ продолженіе 17 вѣковъ подѣ землей, покуда человѣческая рука снова не прикоснулась къ нимъ; но этотъ чудный музей не состоялся. Каролина, супруга Мюрата, Неаполитанскаго Короля, думала даже населить этотъ городъ жителями-чичеронами, съ тѣмъ чтобъ они носили древнюю Римскую одежду, показывали посѣтителямъ все рѣдкости, все чудеса Компанцевъ I-го столѣтія; но и эта великолѣпная мечта не состоялась. Теперь почти третья часть Помпей уже отрыта, и все ископаемое богатство ея развозится во все края свѣта по кабинетамъ рѣдкостей.

Много прекрасныхъ подробныхъ описаній Помпей; но они недоступны, по дороговизнѣ изданій съ рисунками. Краткія описанія, изъ которыхъ лучшее С. Вопписі, архитектора и директора королевскихъ раскоповъ Помпей и Геркулана, — переведено на все языки; для поверхностныхъ понятій оно достаточно; но на Русскомъ языкѣ и его не было; довольствовались свѣдѣніями Дюпати. Первый изъ Русскихъ самовидцевъ, писавшій о Геркуланѣ и Помпѣѣ, былъ Графъ Г. Ѳ. Орловъ; но его описаніе на Французскомъ языкѣ. Первое короткое знакомство съ Помпеей доставилъ намъ А. И. Левшинъ; его «Прогулка Русскаго по Помпѣѣ» удовлетворяетъ вполне любопытство.

Вскорѣ послѣ него Помпею посѣтилъ Г. Классовскій, и издалъ «Систематическое описаніе Помпей.» По самому заглавію можно понять, что авторъ имѣлъ намѣреніе представить полный историческій и археологическій трудъ.

«Помпея и открытыя въ ней древности, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркулана,» составляетъ второе исправленное изданіе «Систематическаго описанія Помпей.» Новое заглавіе гораздо яснѣе, проще и не даетъ повода къ тѣмъ требованіямъ, которыя давало первое заглавіе. Приложенный планъ Помпей, составленный Бонуччи, очень хорошъ и подробенъ; рисунками-очерками это изданіе также довольно бѣдно. Оскская надпись очень любопытна, особенно, еслибъ

нашелся чтецъ. Въ этомъ видѣ трудно ее разобрать, начертанія ея въ самомъ дѣлѣ очень мудрены; но читая въ зеркало, кажется, они проще и похожи на Латинскія, или Греческія. Впрочемъ не ручаемся.

2. Воспоминаніе о пришествіяхъ Великаго Государя Петра Перваго въ Олонецъ. Игнатія, Архіепископа, бывшаго Олонецкаго, нынѣ Воронежскаго. 1849. Въ 12 д. л. 148 стр.

Петръ Великій десять разъ (съ 1702. по 1724 г.) посѣщалъ Олонецкій край, который полонъ воспоминаній объ немъ. Въ одномъ мѣстѣ видны слѣды его дворца, въ другомъ еще хранится временемъ ветхая деревянная церковь, созданная имъ; тамъ бьетъ цѣлебный ключъ, благотворное дѣйствіе котораго испыталъ онъ самъ; здѣсь растутъ березы, посаженныя имъ и Екатериною I. Преосв. Игнатій тщательно собралъ всѣ слѣды посѣщеній Государя, имѣвшихъ благотворное вліяніе на Олонецкій край. Жаль только, что въ книгѣ его находимъ очень мало народныхъ преданій — только одно — о державномъ гостѣ. Конечно, время могло исказить въ нихъ истину; но все-таки они послужили бы любопытнымъ дополненіемъ къ характеристикѣ Великаго. Вотъ сообщаемое авторомъ преданіе:

„Вызвался однажды Государь на заводахъ своихъ быть восприимкомъ сына у одного чиновника. Трудно было поставить съ нимъ радомъ куму изъ тамошнихъ боярынь: всѣ боялись. Чтобы утѣшить эту госпожу, которая наконецъ стала съ нимъ кумою, Петръ, по окончаніи крещенія, вынулъ изъ кармана серебряную чарочку, и, наливъ ее чѣмъ-то, подалъ кумѣ. Та сперва отказывалась пить, но напоследокъ должна была исполнить волю Августѣйшаго своего кума. А онъ и самую чарочку подарилъ ей на память. Недавно чарочка сіѣ пожертвована въ Петрозаводскій соборъ, и употребляется для подаванія теплоты Архіереемъ.“

3. Приготовительный курсъ Географіи. Составилъ Яковъ Кузнецовъ. 1849.

Вообще и для съемки человѣческихъ познаній необходимо раскинуть тригонометрическую сѣть, и потомъ наполнять ее подробностями. «Приготовительный курсъ Географіи мы и почитали бы за эту сѣть Географіи, а не собственно за сокращеніе всѣхъ географическихъ свѣдѣній. Но онъ есть просто сокращеніе. Надо отдать однакоже справедливость и за этотъ трудъ Г. Географа, хотя въ немъ и кроется нѣсколько опечатокъ, которыхъ должно тщательно избѣгать въ учебныхъ курсахъ, и нѣсколько странныхъ, вѣроятно, древнихъ опредѣленій; напр. «кромѣ неподвижныхъ звѣздъ на небѣ находятся свѣтила, которыя измѣняютъ свое положеніе въ отношеніи къ неподвижнымъ звѣздамъ, и имѣютъ свѣтъ заимствованный. Такія свѣтила называются планетами или блуждающими звѣздами.»

Древніе могли воображать, что планеты блуждаютъ; но мы не можемъ назвать законное ихъ теченіе *блужданіемъ*.

«Въ большихъ кометахъ (?) замѣтны: ядро или голова и простой или *сложный* хвостъ.» Во всѣхъ видимыхъ, а не только въ однихъ большихъ замѣтны ядро и хвостъ; но что такое *сложный* хвостъ?

«Коперникъ жилъ до изобрѣтенія телескоповъ; поэтому, ему извѣстны были планеты, видимыя только простыми глазами; а именно: Меркурій, Венера, Земля (?), Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ.»

Землю можно было исключить изъ исчисленія планетъ, которыя онъ видѣлъ простыми глазами.

Въ числѣ планетъ, открытыхъ телескопомъ, пропущена главная: Уранъ.

Полагаемъ также, что для приготовительнаго курса слишкомъ мудрены опредѣленія, въ родъ :

«Горизонтъ есть плоскость, касательная къ земной поверхности.»

Мы полагаемъ, можно бы просто сказать, сообразно самому слову *горизонтъ* — ограниченіе: горизонтъ есть видимое ограниченіе или видимый предѣлъ земной поверхности; въ другомъ же значеніи горизонтъ можно назвать *продоломъ зрѣнія*, или просто *продоломъ*.

4. Простонародное средство лечить болѣзни смѣсью французской водки съ солью. Перев. съ Нѣмецкаго, 4-го изданія, В. Зейберлинга. Въ 18 д. 68 стр. 1849.

Въ предисловіи своемъ Нѣмецкій переводчикъ говоритъ по-Русски слѣдующее:

«Въ ~~то~~ время, какъ въ Германіи, *неврачъ* Присницъ открылъ успѣшное леченіе различныхъ болѣзней водою, во Франціи другой *неврачъ* Вильямъ Лей, родомъ Англичанинъ, открылъ другое врачебное средство: смѣсь французской водки съ поваренною солью.»

Бываетъ же такое безвременье на врачей, что въ ходу и въ довѣренности не врачи, а неврачи. Изъ этого слѣдуетъ, что въ подобныя отрицательныя времена, или невремена — не тотъ врачъ, кто врачъ, а тотъ врачъ, кто не врачъ, да врачъ.

Но надо отдать справедливость *неврачамъ*. Врачи до сихъ поръ полагали, что *въ природѣ есть лекарства*; но *неврачи* ясно доказали теперь, что *все въ природѣ есть лекарство*; или, короче сказать: *природа есть лекарство*.

Въ самомъ дѣлѣ, съ которой стороны ни обратитесь къ природѣ, она тотчасъ же подаетъ вамъ помощь. Вы больны, — чѣмъ вамъ угодно лечиться? — водою? виноградомъ? грязью? солью? огнемъ? воздухомъ? танцами? музыкой? движеніемъ? испариной? молокомъ? масломъ? рѣдкой? или самой природой? — лечитесь съ вѣрой въ исцѣленіе, и — вы будете здоровы и укрѣпитесь тѣломъ, особенно, когда оставите все свои слабости. Эта діета необходима; она-то и помогаетъ во внутреннихъ болѣзняхъ.

Къ этой методѣ леченія принадлежитъ и метода неврача Вилльяма Лей, и мы ни сколько не оспариваемъ пользу ея. Французская водка раздражаетъ раздраженіе, воспаляетъ воспаленіе, — и прекрасно; соль прекращаетъ возбужденную, разлагающую жизненность, или вагженіе, — и безподобно, особенно въ наружныхъ болѣзняхъ.

Здоровье то же самое, что довольствіе человека; оно также основано на разсудкѣ, дѣятельности и умеренности. Вы богаты и расточительны — вы непременно заболѣте бѣдностію; если не воздержитесь сами, — всякая помощь со стороны будетъ только паллиативнымъ средствомъ для васъ. Если вы бѣдны и лѣнны, — то если сами не возбудите въ себѣ дѣятельность, — всякое возбужденіе со стороны будетъ также паллиативнымъ или временнымъ средствомъ, и вы все-таки будете болѣны недостатками и недовольствіемъ.

Такимъ образомъ совершенное здоровье зависитъ по преимуществу отъ насъ самихъ; но во всякомъ случаѣ совѣты и помощь необходимы и въ довольствіи и въ недовольствіи, въ здоровьи и въ болѣзни.

Не понимаемъ заглавія книжечки, что такое значитъ: *«Простонародное средство лечить болѣзни смѣсью французской водки съ солью?»* Его изобрѣлъ Г. неврачъ Вилльямъ Лей, и потому оно не *простонародное*, и скорѣе *простое*.

5. *Краткое изложеніе способа леченія сыворотками и молокомъ, съ описаніемъ сыворотко-лечебнаго заведенія въ С. Петербургъ для неврачей. 1849. Въ 8 д. л. 26 стр.*

Цѣлебныя свойства молока и сыворотки извѣстны еще со временъ Иппократа. Въ Германіи и Швейцаріи давно уже существуютъ сывороточныя лечебницы. Доктора Лиліенбергъ и Витковъ рѣшили устроить подобное заведеніе и въ Петербургъ, которое, по ихъ словамъ, далеко превзойдетъ въ отношеніи устройства и удобства даже заграничныя. Въ самомъ дѣлѣ, судя по описанію, больнымъ, которые

рышатся лечиться въ этой больницѣ, ничего не остается болѣе желать, какъ только выздороветь. Молоко, сыворотка, свѣжіе травяные соки, многоразличныя ванны, кумысъ, комнаты съ атмосферою хлѣбовъ — будутъ врачевать ихъ бедное тѣло, а обширный садъ и оркестръ музыки улаждать тоскующую душу.

6. *Таблицы для изученія лошади. Соч. Соцеротта. Пер. съ Нѣм. В. Зейберлингъ. 1849. Въ 4 д. л. 24 стр.*

Съ тѣхъ поръ, какъ изданъ подлинникъ этой брошюры, во Франціи, ветеринарная медицина на много подвинулась впередъ, и хотя переводчикъ исправлялъ въ иныхъ мѣстахъ промахи автора; но все-таки мы должны отдать полное преимущество подобнымъ же таблицамъ, которые недавно изданы извѣстнымъ нашимъ ветеринаромъ, Г. Пашкевичемъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ О ХРАБРОМЪ КОМЕНДАНТѢ БУДИНА , ПОЛКОВНИКѢ ГЕНЦИ. — Недавно умершій отъ ранъ Полковникъ Генци, комендантъ крѣпости Будина (Офена), былъ, какъ извѣстно, родомъ Швейцарецъ. Дѣдъ его, Самуилъ Генци, родившійся около 1700 года, былъ человекъ съ непостояннымъ характеромъ; отъ одного занятія онъ быстро переходилъ къ другому. Нѣсколько времени онъ съ жаромъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, потомъ принялся сочинять трагедіи, далѣе поступилъ ротнымъ командиромъ въ службу Герцога Моденскаго; за тѣмъ былъ франкмасономъ, и въ этомъ качествѣ велъ переписку съ извѣстнымъ драматургомъ Лессингомъ. Въ 1749 году, слѣд. ровно сто лѣтъ тому назадъ, Генци былъ казненъ: ему отрубили голову. Сыновья Самуила Генци поступили въ Австрійскую службу, вѣроятно по внушенію своего дяди (брата ихъ отца), состоявшаго въ званіи главнаго надзирателя за пажами при особѣ наследнаго Штатгалтера Голландіи. Одинъ изъ сыновей Самуила Генци былъ Полковникомъ драгунскаго Эрцгерцога Іоанна полка, и, принимая участіе въ битвѣ при Маренго, получилъ здѣсь опасную рану. Сынъ его, въ послѣдствіи комендантъ Будинской крѣпости, съ тѣхъ поръ какъ надѣлъ офицерскія эполеты, состоялъ постоянно въ инженерной службѣ; со славой палъ онъ въ

первые часы утра 21-го Мая, защищая до послѣдней крайности, съ удивительнымъ мужествомъ, вѣренную его испытанной доблести крѣпость; на развалинахъ ея онъ не думалъ сдаваться и въ проломѣ ожидалъ штурма со стороны непріятелей — дѣло въ новѣйшей исторіи военного искусства неслыханное со времени штурма Сарагоссы. Отрадно вспомнить о геройской кончинѣ Генци, умершаго за своего Императора и за свое второе отечество. Дивный приговоръ судьбы! Внуку Самуила Генци, погибшаго на эшафотѣ, за преступленіе, омылъ съ своего рода это пятно, палъ съ оружіемъ въ рукахъ на валу Будинской крѣпости за дѣло закона, порядка и благоустройства.

ИСТОРИЯ АНГЛІИ, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КАРИКАТУРАМИ И САТИРАМИ, СОЧ. ТОМАСА РЕЙТА (WRIGHT).

Карикатуры не только прошлыхъ временъ, но и во времени имѣютъ только минутный интересъ; а потому и иллюстрація Рейта интересна только по встрѣчающимся забавнымъ анекдотамъ. Напримѣръ, что во время борьбы Торіевъ съ Вигами, лакейство двухъ партій также, въ подражаніе господамъ, набирало своихъ *Speaker*, президентовъ, выходило подвизаться на улицы, и въ заключеніе состязаній, по древнѣйшему обычаю, заключало миръ въ тавернахъ.

Въ литературѣ начала XVIII столѣтія отозвалась также безнравственность времени. Въ эту-то эпоху Итальянская опера появилась въ первый разъ въ Лондонѣ, вошла въ необычайную моду и ввела въ слѣдъ за собою маскарадные балы. Директоромъ оперы былъ въ то время Швейцарецъ Хейдеггеръ; онъ носилъ названіе «главнаго интенданта Англійскихъ увеселеній.» Хейдеггеръ былъ безобразнѣйшее существо и неисчерпаемый предметъ для карикатуръ и выходокъ.

Однажды герцогъ Монтагю за обѣдомъ напоилъ его до пьяна. Хейдеггеръ заснулъ; во время сна сняли съ его

лица форму и по ней сдѣлали маску необыкновеннаго сходства. Въ первое представленіе оперы, при которомъ присутствовалъ Дворъ, Хейдеггеръ, вышелъ на сцену и приказалъ оркестру играть: *God save the king*. Но едва онъ удался за кулисы, какъ вышелъ Сози въ его маскѣ и совершенно такомъ же костюмѣ, и крикнулъ, чтобъ играли простую пѣсню. Оркестръ исполняетъ послѣднее приказаніе. Хейдеггеръ выбѣжалъ наступленно на сцену, велѣлъ замолчать музыкѣ и играть *God save the king*. Музыка заиграла, онъ вышелъ; а Сози появился снова, зашикалъ и приказалъ играть *charley*. Оркестръ сбился съ толку, не понимая чего хочетъ директоръ, и вообразилъ, что онъ пьянъ. Възбѣшенный Хейдеггеръ вышелъ на сцену и объявилъ, что онъ прогоняетъ непослушный оркестръ; но въ то же время, съ другой стороны, вышла его маска и завопила: «Ваше Высочество, это не моя вина, а вотъ этого чорта, который укралъ мою рожу!» Бѣдный директоръ поблѣднѣлъ, остолбенѣлъ отъ ужаса и едва пришелъ въ себя, когда двойникъ его разоблачился; но обиженный сыгранною надъ нимъ арлекинадой, онъ бросился въ кресла, велѣлъ тушить огонь и клялся, что до тѣхъ поръ не дастъ оперы, покуда маска и форма съ его лица не будутъ разбиты въ его глазахъ.

Этотъ же Хейдеггеръ пользовался честью быть предметомъ первыхъ каррикатуръ Гогарта, около 1723 года.

Таковы были забавы времени.

Около первой половины XVIII столѣтія, появился въ Англіи родъ литературы, подъ названіемъ *romances*, столь распространившійся въ послѣдствіи. Извѣстнѣйшій изъ газетчиковъ въ то время былъ медикъ Хилль, который болѣе занимался газетными сплетнями, нежели медициной; впрочемъ онъ былъ способенъ на все: онъ былъ докторъ, актеръ и авторъ, и посредствомъ всѣхъ этихъ соединенныхъ способностей, обогатился: нѣмѣлъ свою карету, ложу въ театрѣ и хвалился благорасположе-

ніемъ къ себѣ знатныхъ дамъ. Онъ былъ типъ литературнаго и ученаго шарлатана. *Изобрѣтатели* — надувальщики и продавцы различныхъ эссенцій, пилюль и тому подобныхъ универсальныхъ лекарствъ, были въ то время въ особенномъ ходу. Насмѣшки и карикатуры въ свою очередь преслѣдовали этихъ геніевъ изобрѣтательности. Одинъ журналъ очень забавно пародируетъ прославившіяся пилюли доктора Рока: «Сіи пилюли моего изобрѣтенія, говоритъ докторъ въ своемъ проспектѣ, такъ называемыя «семейныя симпатическія пилюли» имѣютъ слѣдующія чудесныя свойства: если отецъ и мать семейства будутъ принимать ихъ по одной на ночь, и по другой натоцкакъ, то не только они выгонятъ изъ тѣла всякую нечистоту, но выгонятъ всѣхъ безъ исключенія изъ дому.... и пр. 2. Когда какая-нибудь прекрасная супруга вздумаетъ ѣхать непременно на балъ или въ редутъ, то супругу стоитъ только, ни слова не говоря, проглотить нѣсколько таковыхъ пилюль, — и у ней тотчасъ пройдетъ охота съ нимъ ѣхать. Сверхъ того пилюли могутъ дѣйствовать по назначенію: принявъ пилюли, стоитъ только подумать: «Я принимаю сію пилюлю для того, чтобъ она очистила жену мою столько же, сколько и меня, моего сына въ полстолька, мою дочь въ четверть столька, плутовку Французенку, гувернантку, которая пожираетъ мои доходы, въ десять разъ столько; а этого урода Тома, который по минутно таскается въ кабакъ, въ двадцать разъ столько»

Изъ фарсовъ того времени извѣстнѣйшій и обратившійся въ пословицу: *фолусъ бутылкой*. Въ одномъ журналѣ, отъ 16-го Января 1749 года, помѣщено слѣдующее объявленіе: «Въ театрѣ Гаймаркетъ, въ сей вечеръ, будутъ представлены Г. Н. нижеозначенныя сверхъестественныя вещи: онъ возьметъ у одного изъ зрителей трость и будетъ играть на ней, какъ на скрипкѣ, какъ на волторнѣ, или какъ на какомъ угодно музыкальномъ инструментѣ, по назначенію почтеннѣйшей публички. Потомъ, взявъ обыкновенную бутылку, и поставивъ ее на столъ посреди сцены, онъ влѣзетъ въ нее и начнетъ пѣть. Во время пребы-

ванія его въ бутылкѣ, почтеннѣйшая публика можетъ передавать ее изъ рукъ въ руки, и удостовѣриться, что бутылка дѣйствительно ни сколько не болѣе обыкновеннаго размѣра.»

Въ афишкѣ объявлено сверхъ того было, что этотъ фокусъ былъ не разъ уже представленъ въ присутствіи коронованныхъ особъ Европы, Азіи и Африки.

Это объявленіе, равнявшееся только объявленію синьора Юмпедо, который обаявался предъ почтеннѣйшей публикой съѣсть самого себя, привело въ изумленіе и *politeness* и *gentle*, и все отправилось въ залу представленія Гаймаркетъ. На сценѣ стоялъ только столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, и посреди онаго таинственная бутылка. Прошелъ часъ — фокусникъ не является, партеръ начинается обыкновенный Англійскій концертъ мяуканья и хамканья. Вдругъ раздался голосъ, что если почтеннѣйшая публика удвоить цѣну за входъ, то представитель фокуса влѣзетъ вмѣсто бутылки въ полубутылку. Этого объявленія достаточно было, чтобъ понять, что почтеннѣйшая публика уже можетъ сама лѣзть въ бутылку.

Эта сыгранная штука съ бутылкой была причиной безконечныхъ насмѣшекъ. Журналъ *Advertiser*, между прочимъ, *упомянулъ* слѣдующее объявленіе:

«Прибывшій на сихъ дняхъ изъ Эѳіопіи, архи-экстраординарный докторъ Заммампуанго, окулистъ и хирургъ Императора Манемунги, исполнить въ слѣдующее воскресенье, въ театрѣ Гаймаркетъ, слѣдующія удивительныя вещи:

«1. Онъ будетъ почтеннѣе просить кого-либо изъ зрителей вынуть свои глаза и вручить ему. Докторъ покажетъ ихъ всѣмъ присутствующимъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго подлога, что показываемые глаза дѣйствительно принадлежать той особѣ у которой взяты, и потомъ вставить ихъ въ орбиты, какъ слѣдуетъ.

«2. Онъ испросить позволенія кому-нибудь вскрыть животъ; возметъ всѣ внутренности, перемоетъ ихъ и вложитъ на мѣсто, безъ малѣйшаго ощущенія боли.

«3. Онъ вскроетъ кому угодно черепъ и вложитъ въ-сто изгнющагося въ ономъ глупаго мозгу — телачій; свѣтскому красавцу-пѣтуху — ослиный; франту — бараній, и д. т. Отъ чего всѣ они будутъ гораздо благоразумнѣе, нежели съ собственнымъ человѣческимъ мозгомъ.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФРИДРИХЪ КАЛЬКБРЕННЕРЪ. — 15-го Іюня въ Парижѣ предали погребенію смертныя останки этого знаменитаго фортепьяниста. Калькбреннеръ умеръ отъ холеры, 10-го Іюня, въ воскресенье, въ лежащемъ неподалеку отъ Парижа мѣстечкѣ Энгіентъ. Искусство, успѣхамъ и процвѣтанію котораго онъ не переставалъ содѣйствовать дѣятельнымъ образомъ, повесело въ немъ чувствительную потерю. Не въ Касселѣ, какъ утверждаютъ многіе біографы, родился Калькбреннеръ, но на дорогѣ изъ Касселя въ Берлинъ, куда въ 1788 году ѣхалъ отецъ его, чтобы занять должность капельмейстера Королевы. Первымъ основаніемъ музыки Фридрихъ научился отъ отца своего, а дальнѣйшее воспитаніе, съ 1799 года, когда отецъ его поселился въ Парижѣ, въ тамошней Консерваторіи. Никодами и Адамъ преподавали ему игру на фортепiano, а Катель—теорію гармоніи. Въ послѣдствіи, въ исходѣ 1803 года, Фридрихъ, по рекомендаціи Гайдна, принявшаго истинно отеческое участіе въ юномъ артистѣ, бралъ въ Вѣнѣ уроки въ контрапунктѣ у Альбрехта Бревнера, и здѣсь, сблизившись съ Клементи и Гуммелемъ, задумалъ планъ соединить, сплавить широкую, громкую игру школы Клементи съ легкою, граціозною, увлекательною игрою Вѣнской школы. Этотъ планъ удался ему вполне и имѣлъ самый совершенный успѣхъ. Съ 1814 года, когда Калькбреннеръ совершилъ поѣздку

въ Лондонѣ, его талантъ пріобрѣлъ Европейскую извѣстность. Говорить подробнѣе объ артистическихъ заслугахъ Калькбреннера было бы излишнимъ; кратко и ясно обозначилъ ихъ одинъ извѣстный критикъ (не задолго до появленія методы Шопенъ-Листа) въ слѣдующихъ словахъ: «Едва ли найдется другое имя, которое въ столь сильной степени обозначало бы усовершенствованія всякаго рода, какихъ въ нынѣшнее время достигло искусство, какъ имя Калькбреннера. Онъ больше всѣхъ содѣйствовалъ тому, что механическая часть игры на фортепіано достигла такой степени совершенства, далѣе которой идти невозможно; притомъ, игра Калькбреннера есть одна изъ самихъ нѣжныхъ, пріятныхъ и полныхъ внутренняго содержанія»

Въ 1824 году, уже имѣя значительное состояніе, Калькбреннеръ началъ вести жизнь частнаго человека; тогда-то, въ сотовариществѣ съ Плейелемъ, онъ основалъ знаменитую фабрику, гдѣ изготовлялись отличнѣйшія фортепіано, давшіе Парижской фабрикаціи этого рода инструментовъ завидную извѣстность. Тогда Калькбреннеръ могъ вполне удовлетворить своей страсти къ картинамъ, которыхъ очень хорошее собраніе онъ имѣлъ у себя. Въ послѣдствіи, по просьбѣ друзей своихъ, Калькбреннеръ, чтобы передать свою систему и увѣковѣчить ее въ ученикахъ, согласился открыть трехъгодичный курсъ чтеній для учениковъ, подающихъ особенныя надежды; къ числу лучшихъ и даровитѣйшихъ его слушателей принадлежать: Г-жа Плейель, Катенька фонъ Дицъ, Г-жа Польтартенъ и Чехъ Стамати. Калькбреннеру принадлежитъ также честь, что онъ своими уроками развилъ до высокой степени совершенства музыкальныя дарованія Герцогини Орлеанской.

Калькбреннеръ любилъ жить роскошно и открыто; дома онъ велъ себя нѣсколько тщеславно, но вѣжливѣе; съ видною и благородною наружностью отъ природы онъ соединялъ ловкость и искусство съ обращеніемъ, которыя пріобрѣлъ въ безпрестанномъ знакомствѣ съ высшими кругомъ. Будучи принятъ въ лучшіе Парижскіе

домахъ, онъ и самъ собиралъ вокругъ себя общество самое интересное: люди всѣхъ мнѣній, отличнѣйшіе воины времени Имперіи, государственные люди, извѣстнѣйшіе артисты собирались на блестящіе вечера Калькбреннера, и наслаждались то восхитительною игрою артиста, то занимательною бесѣдою; такъ Графъ Моле, Генералъ Аттаинъ, Сальванди, Графъ Спарре и его даровитая супруга, были всегдашними гостями Калькбреннера; этотъ тѣсной кружокъ разстроила впрочемъ Февральская революція.

Калькбреннеръ скончался на 61 году отъ рожденія, сохранивъ крѣпость силъ и совершенную память до послѣдней минуты; онъ оставилъ послѣ себя вдову, дочь генерала д'Эстеня и внуку знаменитаго Адмирала того же имени, служившаго въ Америкѣ вмѣстѣ съ Лафайетомъ, и сына Артура, наслѣдовавшаго отчасти отцовскій талантъ. Отпѣваніе происходило въ церкви Лореттской Богородицы, недалеко отъ дома усопшаго. На гробъ лежали три ордена, украшавшіе грудь знаменитаго артиста: Французскій, Вельгійскій и Прусскій. Смертные остатки Калькбреннера почиваютъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

ВѢНСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. — Императорская Вѣнская Академія Наукъ открыта 2-го Февраля 1848 года. И такъ ея существованіе продолжается едва полтора года; но и тутъ должно исключить Августъ и Сентябрь для ваканцій, Мартъ, Май, Октябрь и Ноябрь — когда внутреннія смуты, которыхъ театромъ была Вѣна, подавили всякую ученую дѣятельность; слѣд. Вѣнская Академія могла предаваться своимъ ученымъ трудамъ не сполна годъ. И такъ, то, что она произвела до сихъ поръ, должно оцѣнивать, не теряя изъ виду вышепоказанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и тогда мы увидимъ, что ошибся тотъ государственный мужъ, который сказалъ, что Академія не возможна въ Вѣнѣ за неимѣніемъ академиковъ. Обыкновенная мѣра, опредѣляющая степень жизненной дѣятельности каждаго ученаго общества, заключается въ его трудахъ. Вѣнская Академія, или правильнѣе, Академія Вѣнскихъ

ученыхъ (другіе до сихъ поръ не принимали въ ней участія), до Мая 1849 года издала въ свѣтъ: 1) *Протоколы засѣданій* (Bulletins); въ 1848 году ихъ вышло 8; всѣ вмѣстѣ содержатъ 200 стр. въ 8-ку; съ 1849 г. началось ихъ изданіе ежемѣсячными тетрадами, содержаніе которыхъ распредѣлено на 2 части по 2 отдѣленіямъ Академіи; теперь вышли уже обѣ Апрельскихъ тетради; всего же за нынѣшній годъ вышло 4 выпуска, каждый въ 2 тетради, 2) *Записки* (Mémoires) содержатъ собственно разсужденія и изслѣдованія о разныхъ ученыхъ предметахъ; раздѣлены на 2 категоріи; это сочиненіе издается великолѣпнымъ образомъ, въ большую 4-ку, со множествомъ изображеній. Первый выпускъ обоехъ отдѣленій уже вышелъ, и содержитъ въ себя слѣдующія статьи: *Гаммеръ-Пурссала* — изслѣдованіе о печатяхъ Арабовъ, Персовъ и Турковъ; *Пфизмайера* — извѣстіе объ историческомъ сочиненіи Китайцевъ Тсо-тшуень; *Ауэра* — о пространственныхъ отношеніяхъ (sic) буквъ (über das Raumverhältniß der Buchstaben); *Штюльца* — о пробѣ Гергохъ I фонъ Рейхерсбергъ (1093—1196); *Миклоша* — теорія спряженій въ Церковно-Славянскомъ языкѣ; *Сейдла* — о сочиненіи Тита Кальпурнія «DeIon»; *Хиелла* — критическій взглядъ на разработку матеріаловъ Австрійской исторіи; *Шреттера* — о новомъ аллотропическомъ состояніи фосфора; *Гиртля* — дополненіе къ сравнительной ангиологіи и къ сравнительной анатоміи барабанной полости уха; *Бурга* — о прямомъ, по направленію центра, столкновеніи двухъ твердыхъ тѣлъ; *Коллара* и *Л. Редненбахера* — о главныхъ чертахъ фауны насѣкомыхъ въ южной Персіи; *Коллара* — о правилахъ при вычисленіи періодическихъ явленій природы; *Мота* — опытъ особеннаго счетнаго механизма для опредѣленія дѣйствительныхъ корней уравненій съ численными коэффициентами; *Доплера* — опытъ, на чисто механическихъ началахъ основаннаго, истолкованія гальвано-электрическихъ явленій и магнитной поляризаціи; *Гайдингера* — извѣстіе объ извести (Dutenkalk) и о новой породѣ аметиста.

3. Филолого-историческое отдѣленіе издаетъ: *Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen* (Архивъ свѣдѣній по части

Австрійской исторіи); этого сочиненія вышло уже 7 тетрадей; изъ нихъ каждая содержитъ въ себѣ отъ 100 до 200 стр. въ 8-ку; здѣсь заключается богатый матеріалъ любопытныхъ, доселѣ не изданныхъ актовъ и грамотъ; большая часть изъ нихъ снабжены важными примѣчаніями Хмеля.

То же отдѣленіе издаетъ: *Fontes Regum Austriacarum*; первая тетрадь этого сочиненія содержитъ: *Diplomatarium miscellum saeculi XIII*, и именно грамоты, содержащіяся въ 8 отдѣленіи Государственнаго Австрійскаго Архива, т. е. отъ превращенія династіи Бабенберговъ до избранія Рудольфа Габсбургскаго. Кромѣ того, Академія печатаетъ на свой счетъ слѣдующія сочиненія: 1) *Арнета* — описаніе древнихъ камеевъ Императорскаго кабинета монетъ и антиковъ; 2) *Арнета же* — описаніе находящихся тамъ древнихъ серебряныхъ и золотыхъ вещей; оба эти сочиненія издаются роскошно и снабжены множествомъ рисунковъ; 3) *Гаммеръ Пургсталля* — Вассафа Персидская исторія номанковъ Чингисъ-Хана; 4) *Мейллера* — исторія Маркграфовъ и Герцоговъ Австрійскихъ изъ дому Бабенберговъ, состоитъ изъ подлинныхъ свидѣтельствъ лѣтописей и актовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; 5) *Дизинга* — *Systema Helminthum*; 6) *Унгера* — *Genera et species plantarum fossilium*.

Труды Академіи печатаются въ государственной Вѣнской типографіи безплатно, въ слѣдствіе распоряженія правительства, и эта щедрость приноситъ большую пользу Академіи. На содержаніе ея отпускается ежегодно 40,000 флориновъ. Притомъ, государственная типографія въ послѣдніе годы, подъ управленіемъ Академика Ауэра, усвоила себѣ всѣ усовершенствованія по части типографскаго искусства, и нынѣ принадлежитъ къ лучшимъ типографіямъ во всей Европѣ; здѣсь находится богатѣйшее собраніе шрифтовъ. Но такъ какъ она имѣетъ много работы, то для скорости, Академія печатаетъ часть своихъ трудовъ въ придворной типографіи Зоммера, одной изъ лучшихъ частныхъ, находящихся въ Вѣнѣ.

Кромѣ изданія трудовъ собственныхъ своихъ членовъ, Академія содѣйствуетъ денежными вспоможеніями печатанію

танію важныхъ сочиненій постороннихъ ученыхъ. Дѣятельность Академіи въ этомъ отношеніи приноситъ тѣмъ болѣе пользы, что вообще всѣ Вѣнскіе книгопродавцы находятся въ крайне затруднительномъ положеніи въ слѣдствіе смутъ, внесшихъ разстройство во всѣ роды общественныхъ отношеній. Поэтому ученые сочиненія почти вовсе не раскупаются книгопродавцами, и слѣдующіе ученые труды, можетъ быть, еще долгое время не увидѣли бы свѣта, если бы не вспоможеніе Академіи: *Бергманна* — медали знатнѣйшихъ людей Австрійскаго государства съ 16-го по 19-е столѣтіе; *Дилера* — Императорская хроника, изданная по древнѣйшему Форацерскому списку; его же исторія Германіи въ XI и XII вѣкахъ по тому же списку; *Пфицляйера* — Японскій словарь; *Барранде* — монографія формации въ Богеміи; *Ботценарта* — учебная книга кристаллографіи; *Гайдингера* — изслѣдованія по части естественной исторіи; *Шмидла* — топографическая географія Австріи. Слѣдственно Вѣнская Академія, въ продолженіе 9 мѣсяцевъ постоянной дѣятельности, издала: 22 выпуска собственныхъ трудовъ, занимается изданіемъ шести особыхъ сочиненій разныхъ своихъ членовъ (эти сочиненія выйдутъ въ свѣтъ до исхода нынѣшняго года), и содѣйствуетъ изданію осьми важныхъ трудовъ постороннихъ ученыхъ.

Кромѣ того, Академія приобрѣла значительное вліяніе на литературу; многіе молодые ученые или писатели, впервые еще вступающіе на литературное поприще и не составившіе себѣ имени, присылаютъ въ Академію свои сочиненія въ рукописи или печатныя, и просятъ ее удостоить ихъ разбора и обнародовать оный. Авторы такимъ образомъ приобретаютъ извѣстность въ публикѣ и скорѣе находятъ или издателя или читателей. Замѣчательно, что такихъ сочиненій поступаетъ въ философическое отдѣленіе болѣе, чѣмъ въ другое; въ первое поступило 13 сочиненій, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, отъ 17 авторовъ (нѣкоторые изъ нихъ прислали сюда всѣ плоды своей досуговой музыки, томовъ въ 20 и болѣе); а во второе только 4 рукописныхъ и 3 печатныхъ сочиненія. Ака-

демія приняла за правило обнародовывать только похвальные отзывы.

Всѣ вышеисчисленные труды принадлежать почти исключительно Вѣнскимъ ученымъ; посторонніе же члены не могли оказывать дѣятельнаго своего участія, большею частью въ слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, затруднившихъ сношенія не только между различными государствами, но и между разными областями одного и того же государства. При томъ, почти половина и собственно Вѣнскихъ членовъ могла удѣлять Академіи только небольшую часть времени, посвященнаго большею частью отпращиванію общественныхъ должностей. Члены, находившіеся въ Венгріи и Италіи, вовсе почти не принимали участія въ трудахъ Академіи; впрочемъ, въ Майскомъ засѣданіи прошлаго года присутствовали Бальби (нынѣ уже умершій) и неутомимый въ самыхъ престарѣлыхъ лѣтахъ Лабусъ; въ засѣданіяхъ же нынѣшняго года присутствовало, кромѣ Вѣнскихъ, только нѣсколько членовъ изъ Праги и Греца. Конечно, только обстоятельствамъ времени должно приписать то, что изъ 60 корреспондентовъ Академіи, разсыянныхъ по всѣмъ областямъ Австрійской Имперіи, болѣе двухъ третей въ продолженіе года не дали ни малѣйшаго знака своего существованія.

ПЕРЛЪ ДНЕЙ. — Подъ этимъ заглавіемъ — *The Pearl Days* — около Рождества Христова прошлаго года, вышло въ свѣтъ небольшое, но весьма замѣчательное, сочиненіе, котораго въ первые три мѣсяца послѣ появленія въ свѣтъ разошлось 26,000 экземпляровъ. Одинъ набожный и богатый Англичанинъ, въ исходѣ 1847 г., объявилъ, для рабочихъ и мастеровыхъ, конкурсъ на тему: «о празднованіи воскреснаго дня». За лучшія сочиненія онъ обѣщалъ награды въ 25, 15 и 10 фунт. стерл. Хотя срокъ для подачи сочиненій назначенъ былъ непродолжительный, только три мѣсяца, однако тема привлекла до такой степени вниманіе работниковъ, что на конкурсъ прислаано было болѣе 200

разсужденій. Ихъ разсмотрѣніе и оцѣнка поручены были обществу людей свѣдущихъ; въ томъ сочиненіи, которое признано достойнымъ первой награды, воскресеніе названо «перломъ дней»; сочиненіе это написано дочерью одного Шотландскаго садовника. Такъ какъ денежная награда не могла быть присуждена автору, то дѣвушку просили о позволеніи издать въ свѣтъ ея сочиненіе; она согласилась на это тѣмъ охотнѣе, что сама Королева обнаружила желаніе — принять ея посвященіе.

Ни сколько не удивительно, что эта небольшая книжка возбудила всеобщее вниманіе въ Англіи; въ содержаніи сочиненія высказывается вполне чистая и набожная душа. Но, дѣйствительно, нельзя надивиться благородной, можно сказать, классической простотѣ, прекрасному слогу и глубокому познанію человеческого сердца въ сочиненіи дѣвушки, получившей всѣ свои познанія въ народной школѣ; съ другой стороны, эта дѣвушка развитіемъ ума и сердца обязана болѣе всего родителямъ: матери, которая, среди тяжкихъ трудовъ по домашнему хозяйству, ни на минуту не забывала своихъ обязанностей и, не переставая мыть бѣлье, учила читать своихъ дѣтей; отца, который только въ домашнемъ кругу искалъ отдохновенія и развлеченія отъ тяжелой ежедневной работы, и свое живое набожное чувство старался привить и дѣтямъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗЫСКАНІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ. — Сосѣдство и сродство занимаемой нами Ингріи съ народонаселеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго побудило Императорскую Академію Наукъ обратить вниманіе на эту страну. Г. А. Вареліусъ, Магистръ Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ, уроженецъ Финляндскій, при содѣйствіи ея, совершилъ этнографическую поѣздку, для опредѣленія границъ главныхъ нарѣчій, употребляемыхъ въ Финляндіи. Въ главныхъ чертахъ раздѣленіе языка Финляндцевъ на нарѣчія Восточное (Саво-Каръялаское) и Западное (Суоми-Емское) было уже показано на картѣ, изд. Г. Кеппеномъ въ 1847 году. Требовалось точнѣе опредѣлить границы этихъ нарѣчій и разыскать, можно ли къ нимъ причислить нарѣчіе, употребляемое въ Остботніи, т.е. на сѣверовосточномъ побережьи Ботническаго залива, такъ называемыми Квенами. Приобрѣтенные молодымъ ученымъ результаты совершенно удовлетворили ожиданіямъ Академіи. Они обнародованы въ настоящемъ году, подъ заглавіемъ: *Beiträge zur Kenntniss Finnlands in ethnographischer Beziehung*, и составляютъ часть сборника свѣдѣній о Россіи, изд. Гг. Беромъ и Гельмерсеномъ. Мы надѣемся возвратиться къ этому трудолюбивому изслѣдованію, когда выйдетъ давно ожидаемый и почти окончанный атласъ Г. Кеппена, представляющій этнографическія отношенія не Русскаго народонаселенія, которымъ устьяно огромное пространство Европейской Россіи.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОДЕССЫ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1847 г. въ ней вышло книгъ и брошюръ 15, въ прошломъ 25, а въ нынѣшнемъ, въ первые пять съ половиною мѣсяцевъ, уже 17, да печатается 7; слѣдовательно есть несомнѣнная надежда, что этотъ годъ преваойдетъ предшествовавшій. Изъ числа 25 книгъ, напечатанныхъ въ Одессѣ въ прошломъ году, 17 написаны на Русскомъ языкѣ, 4 на Французскомъ и на Итальянскомъ, остальные 4 составляютъ руководства для изученія ино-

странныхъ языковъ. Изъ напечатанныхъ въ настоящемъ году — 11 на Русскомъ языкѣ, 4 на Французскомъ и Нѣмецкомъ, и 2 руководства для изученія иностранныхъ языковъ. Важнѣйшая книга настоящаго года — есть «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», т. II, 2-е отдѣленіе котораго уже печатается. Къ этой дѣятельности Одессы слѣдуетъ причислить ея образцовый календарь, прекрасную газету и обильный полезными статьями хозяйственный журналъ.

ЧАСТНАЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ. — Каждый изъ уѣздовъ Оренбургскаго края отличается какою-нибудь особою промышленностію. Такъ Верхнеуральскій и Троицкій уѣзды, сверхъ другихъ металловъ и цѣнныхъ камней, скрываютъ въ недрахъ своихъ золото; Оренбургскій уѣздъ даетъ мѣдную руду, Уфимскій и Стерлитамацкій желѣзо; въ Бугурусланскомъ по преимуществу развита суконная фабрикація; уѣздъ же Бузулукскій отпускаетъ въ прибрежья Волжскія лучшей доброты пшеницу. — Частныхъ золотыхъ промысловъ въ губерніи, въ прошломъ году, считалось 16; золота на нихъ добыто было слишкомъ 29 пудъ; рабочихъ состояло болѣе 2,200 человекъ. Самые богатые изъ промысловъ *Имтабатовскіе* (въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ), принадлежащіе Г. Жемчужникову, на которыхъ на каждаго рабочаго причитается добытаго золота болѣе 1½ фунта, а самые бѣдные комп. Есаула Колбина, гдѣ причитается по 5½ золот. Обыкновенная подневная плата рабочимъ производится отъ 15 до 30 коп. сер.

Но это богатство есть лишь незначительная часть тѣхъ сокровищъ, что составляетъ наше золотое дно — Сибирь. Въ прошломъ году тамъ добыто одного золота почти *тысяча семьсотъ сѣмьдесятъ пудовъ*. Прибавьте къ этому серебро, платину, несчетное множество камней самоцѣнныхъ, горы неблагородныхъ металловъ, еще далеко непочатыя надежды на золотыя россыпи — и согласитесь, что нечего завидовать баснословной Калифорніи. Вѣдь — «славы бубны за горами.»

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

**Краткій обзоръ заведеній: Малоличнаго Отдѣленія,
Фелидшерской Школы и Богдѣльни Воспитатель-
наго Дома.**

«Володимиръ просвѣщаетъ самъ, сынове его и
земля его.» *Несторъ.*

Говоря о благотворительныхъ заведеніяхъ дѣтскаго воспитанія и ученія, невольно припомнимъ слова лѣтописи, подъ 989 годомъ: «и пославъ (Владимиръ) нача поимати у нарочитыя чади дѣти дати на ученіе книжное; матери жъ чадъ своихъ плакахуся по нихъ, аще бо ся не утвердили върою; но аки по мертвыхъ плакахуся.» Такъ принята была въ началѣ благодѣтельная забота Владимира Великаго о просвѣщеніи народа, забота, проникнувшая его вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, котораго первый уже лучъ научилъ его быть отцомъ всей семьи Русской. Эта отеческая забота развилась въ потомствѣ Владимира, а матери не плачутся уже о дѣтяхъ своихъ, какъ по мертвыхъ, когда ведутъ ихъ на ученіе книжное; на глазахъ ихъ выступаетъ только слеза благодарности.

Намѣреваясь постепенно изложить въ краткихъ очеркахъ исторію благотворительныхъ учебныхъ заведеній Москвы, мы начинаемъ съ младшаго изъ нихъ, въ которомъ отеческое чувство Правительства приютило малютонъ, воспитываетъ ихъ, замѣняетъ имъ родной кровъ, любовь и попеченія родительскія.

Малолѣтнее Отдѣленіе основано въ 1842 году. Сюда переведены были дѣти изъ Кормиличнаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома не старѣе пяти лѣтъ и изъ Вдовьяго Дома не старѣе девяти. Въ него теперь поступаютъ дѣти обоего пола отъ 1 до 10 года; право на поступленіе имѣютъ сироты штабъ и оберъ-офицеровъ. Круглыя сироты прямо зачисляются на открывшіяся ваканціи, полусироты записываются кандидатами, и въ назначенное Опекунскимъ Совѣтомъ время ежегодно допускаются къ балотировкѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе опредѣляются въ заведеніе по журналамъ Опекунскаго Совѣта, и содержатся на счетъ суммъ Воспитательнаго Дома. Допускаются и пансіонеры частныхъ лицъ, но ихъ число очень ограничено. Полный комплектъ въ настоящее время полагается 130 дѣвочекъ и 90 мальчиковъ; тѣ и другія дѣлятся на два отдѣла: первый отдѣлъ малолѣтнихъ отъ одного приблизительно до 6 лѣтъ; въ немъ предполагается имѣть на женской половинѣ 50, на мужской 30 человекъ. Второй отдѣлъ взрослыхъ, отъ 6 до 9 и 10 лѣтъ; дѣти этого отдѣла, вслѣдствіе Высочайше утвержденной программы Учебнаго Комитета и ассигнованныхъ суммъ на учебные расходы, дѣлятся, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, на 2 класса: 1-й классъ малолѣтнихъ—составляютъ дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ; въ немъ предполагается до 30 человекъ; 1-й классъ дѣвочекъ того же возраста по предположенію заключаетъ въ себѣ 40 дѣвочекъ; 2-й классъ мальчиковъ отъ 8 до 10 лѣтъ ограничивается 30-ю человекъ; 2-й классъ дѣвочекъ того же возраста состоитъ изъ 40 дѣвочекъ. Дѣти, достигшія десятилѣтняго возраста, переводятся: мальчики въ Александринскій, дѣвочки въ Сиротскій Институты. Такимъ образомъ цѣль заведенія заключается въ первоначальномъ приготовленіи дѣтей къ институтскому ученію; почему учебныя занятія хотя и ограничены, но за то усиленное вниманіе обращено на то, чтобы приучить дѣтей къ труду, къ необходимому въ ученіи терпѣнію, чтобы развить дѣтскій умъ до пониманія не однихъ окружающихъ предметовъ, а главное, дать дѣтямъ то, что всего легче приобретается въ ихъ лѣта, дать практическія знанія новыхъ языковъ, необходимыхъ для дѣво-

чекъ въ той будущности, къ которой онѣ готовятся; для мальчиковъ по многимъ полезнымъ приложеніямъ знанія языковъ въ жизни. Начальствующее лицо въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи, кромѣ Директора, завѣдывающаго всѣми тремя заведеніями, Старшая Надзирательница. Собственно при воспитаніи дѣтей, для надзора за ними, состоятъ: 8 классныхъ дамъ, 2 надзирательницы при младшемъ возрастѣ и надзирательница при больницѣ. Больницею же завѣдуетъ врачъ, состоящій при заведеніи. Домъ, въ которомъ помѣщаются теперь дѣти, принадлежалъ нѣкогда Графу Разумовскому. Онъ былъ осчастливленъ пребываніемъ въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и гдѣ теперь столовая, въ то время находился кабинетъ Ея Величества; почему, съ соизволенія Государя Императора, въ этой комнатѣ, къ восточной сторонѣ устроена домовая церковь во имя Св. Маріи Магдалины, въ память Высокой Благодѣтельницы заведеній.

Богадѣльня устроена въ 1845 году, сообразно мысли и желанію въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Первоначальное предположеніе было устроить богадѣльню при Ремесленномъ Заведеніи. Въ Высочайшемъ повелѣніи Маріи Ѳеодоровны, 5-го Октября 1826 г., сказано: «А какъ по нынѣ увѣчные питомцы Наши обоого пола не имѣютъ особливаго пристанища; и сего ради помѣщаются съ немалымъ стѣсненіемъ въ Градской Богадѣльнѣ, то намѣрена Я, въ томъ строеніи, которое имѣется въ виду для мастерскихъ, по достаточному пространству, устроить Богадѣльню для Нашихъ увѣчныхъ питомцевъ обоого пола, и къ тому присовокупить еще пристанище для престарѣлыхъ служителей Воспитательнаго Дома, которые, посвятивъ нарочитую часть жизни своей службѣ сего Дома, при увольненіи отъ оной, по старости и дряхлости, не могутъ снискивать себѣ пропитаніе.»

Въ Богадѣльню принимаются, или по преклонности лѣтъ, или по болѣзни, или по тѣлеснымъ недостаткамъ, исключительно лица обоого пола изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома и сиротскихъ при немъ Институтовъ, также изъ нижнихъ чиновъ, служившихъ долгое время въ вѣдом-

ствѣ Опекунскаго Совѣта; опредѣляются журналами Опекунскаго Совѣта. Въ Богадѣльнѣ 2 отдѣленія: мужское и женское; полный комплектъ мужчинъ 40, женщинъ 60, а въ наличности теперь 11 мужчинъ и 30 женщинъ.

Фельдшерская Школа основана въ 1845 году, первоначально на 300 мальчиковъ, изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома. Въ послѣдствіи, по тѣснотѣ помѣщенія, замѣченной при посѣщеніи Ею Величествомъ, полный комплектъ ограничился 250-ю человѣками, съ предположеніемъ имѣть до 10 помѣщичьихъ мальчиковъ; но въ послѣдствіи приемъ помѣщичьихъ былъ отмѣненъ, для того, чтобы Школа какъ можно болѣе достигала назначенной ей цѣли снабжать время отъ времени государственныя селенія большимъ числомъ фельдшеровъ. Такое исключительное назначеніе питомцевъ Школы для Министерства Государственныхъ Имуществъ, Высочайшею волею, по докладу Господина Статсъ-Секретаря Андрея Логиновича Гофмана, вслѣдствіе представленія Князя Александра Петровича Оболенскаго, отмѣнено разрѣшеніемъ оставлять потребное количество выпускаемыхъ фельдшеровъ для самой Школы и для подѣдомственныхъ Опекунскому Совѣту заведеній. Въ Школу набираются на 4-хъ-годичный курсъ, изъ деревенскихъ питомцевъ Воспитательнаго Дома, мальчики отъ 15 до 18 лѣтъ, даже не знающіе грамоты; для чего въ продолженіе перваго года ихъ учатъ читать и писать, а остальные 3 года посвящаютъ уже изученію собственно фельдшерскаго дѣла. Теоретическое приобрѣтеніе знаній сопровождается практикой въ Военномъ Госпиталѣ, куда питомцы высшаго класса ходятъ партіями по очереди; кромѣ того, при Костоправномъ Отдѣленіи, имѣющемся въ Фельдшерской Школѣ на 10 кроватей, устроены, съ 1-го Января прошлаго 1849 года, комнаты для приходящихъ больныхъ бѣднаго состоянія и домашняя аптека. Здѣсь, подъ руководствомъ и по наставленіямъ врачей, питомцы безвозмездно подаютъ пособія страдающимъ: припарками, пусканіемъ крови, правленіемъ вывиховъ, перевязками ранъ и переломовъ, и даже со словъ врача прописываютъ рецепты, и потомъ, подъ присмотромъ его, составляютъ сами лекарства болящимъ. Такія

упражненія обогащаютъ питомцевъ опытомъ и навыкомъ въ фельдшерскомъ дѣлѣ и приучаютъ къ подаванію скорѣйшей помощи больнымъ домашними средствами. Для споспешествованія этому, въ отдѣльной части общаго сада Заведеній, устроенъ, по мысли, заботливаго и входящаго съ участіемъ во всѣ удобства и потребности, Директора, ботаническій садъ, гдѣ питомцы, собственными трудами, заготавливаютъ необходимыя для леченія растенія. Но кромѣ необходимой и въ высшей степени полезной практики питомцевъ, эта больница для бѣднаго народа въ первый уже годъ доказала благотворную свою пользу, неожиданно огромнымъ числомъ лицъ, прибѣгавшихъ за помощію. Въ прошломъ году количество пользуемыхъ простиралось до 9,800 человекъ. Въ нынѣшнемъ же году, день ото дня приходящихъ за совѣтомъ и пособіями становится болѣе и болѣе: въ прошломъ Мартѣ число ихъ дошло до 2,500 чел. Такимъ образомъ очевидная польза питомцевъ отъ всегдашней практики соединяется еще съ болѣею пользою для бѣдныхъ больныхъ. Окончившіе курсъ, по степени успѣховъ, удостоиваются званія или *старшихъ*, или *младшихъ* фельдшеровъ, и тѣ изъ нихъ, кои остаются въ домоствѣ Опекунскаго Совѣта, пользуются правомъ — черезъ 15 лѣтъ службы получить 14-й классъ.

Очертивъ цѣль и пользу этихъ Заведеній, нельзя не упомянуть о замѣчательномъ устройствѣ всего, и о прекрасномъ содержаніи, соответствующемъ возрасту малолѣтнихъ воспитанниковъ и состоянію учениковъ Фельдшерской Школы.

Говоря же собственно объ Отдѣленіи малолѣтнихъ сиротъ, надо видѣть то истинно родительское попеченіе, посреди котораго живутъ малютки, и которое ихъ, такъ сказать, обнимаетъ и нѣжитъ. На всѣ потребности ихъ дѣтскаго возраста обращено Директоромъ И. Е. Богдатовымъ, и Главной Надзирательницей, В. П. Прончищевой, самое ласковое, сердечное вниманіе. Соблюдаемые строгимъ надзоромъ порядка и внушеніемъ нравственныхъ добрыхъ началъ, они не лишены забавъ, соответствующихъ ихъ дѣтскому возрасту. Въ свободные часы они рѣзвятся между

собою, играютъ въ дѣтскія игры въ пространныхъ залахъ, или на луговинахъ обширнаго сада, подъ вѣковыми лианами; дѣвочки, отдѣльнымъ роемъ, съ куклами, толкуются, лепечутъ между собою; въ толпахъ малютокъ - мальчиговъ видна уже живая, дѣятельная природа; ихъ игры, движенья порывисты, болтовня шумнѣе, надзоръ за ними затруднительнѣе. Но и въ этихъ разсадникахъ замѣтны уже отстои по свойствамъ и наклонностямъ; и тутъ вы уже ясно отличите воина, стрѣляющаго мячикомъ, отъ ученаго, глубокомысленно надувшагося надъ какой-нибудь дѣтской книжечкой; болтуна отъ наблюдателя, свѣтлую душу отъ мрачной, ласковое, прививающееся сердце отъ особняка.

Каждое воскресенье и каждый праздникъ всѣ дѣти слушаютъ Божественную литургію въ церкви Заведенія, и вообще приучаются къ исполненію обрядовъ христіанина. Въмѣстѣ съ тѣмъ, торжественные дни и праздники отличены и для нихъ праздничнымъ обѣдомъ, умѣренными лакомствами и удовольствіями. Въ Новый годъ, устроивается для нихъ озаренная ёлка, увѣшанная плодами и игрушками; каждый ребенокъ получаетъ подарокъ на Новый годъ. Въ Свѣтлое Воскресенье, съ ними христосуются красными лицами, и по обычаю они катаютъ ихъ. Ежедневно они бываютъ въ банѣ, иногда лѣтомъ купаются въ Яузѣ, которая протекаетъ въ саду. Такимъ образомъ опредѣленные, умѣренные занятія ученіемъ, дѣятельно или игриво проводимое время свободныхъ часовъ, и всѣ заботы о ихъ здоровьѣ, составляютъ причину сохраненія въ нихъ дѣтской свѣжести и нѣжности.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТРАНСИЛЬВАНІЯ.

Все пространство земель въ нѣдрахъ и окруженіи хребта Карпатскихъ горъ, прилегающихъ къ Валахін, Молдавіи, въ древности называлось Римлянами *Dacia*, вмѣсто *Tuscia*, или *Tetchia*. Въ послѣдствіи, какъ страна, лежащая за лѣсистыми горами, она получила названіе Трансильваніи. Съ самаго переселенія Хазаръ, Комановъ и Угровъ на берега Дуная, судьба Трансильваніи была неразрывна съ Венгріей. По-Венгерски она называлась *Erdélyé*, отъ *Erdő* гора; * Славянами Седмиградскою областю, вѣроятно со времени переселенія семи племенъ Маджарскихъ — *Хету Могаръ*. Искони жители ея были Славяне, Булгары, Влахи, Саксы и потомъ Венгры. Послѣ несчастной битвы при Могачъ, Трансильванія подпала подъ зависимость Турковъ; но управлялась собственными воеводами. Первымъ воеводою былъ Янъ Заполій; потомъ, въ 1340, сынъ его Янъ Сигизмундъ Заполій; послѣ него въ 1371 году, избранъ былъ одинъ изъ магнатовъ Трансильваніи, Степанъ Баторій. Первоначально, вся Венгрія, а вмѣстѣ съ ней и Трансильванія, приняла христіанскую религію отъ Восточной Церкви; но Стефанъ I-й измѣнилъ исповѣданію, и по родству съ Оттономъ III, Импер. Германскимъ, склонился къ католицизму. Во время преобладанія Турокъ въ Трансильваніи, Восточная Церковь снова стала возникать; но Баторій употребилъ всѣ средства къ утвержденію католицизма. Избранный въ 1576 году въ Короли Польши, онъ передалъ Трансильванію брату своему Христофору Баторію, который владѣлъ ею до смерти. Наслѣдовалъ его сынъ Сигизмундъ. Послѣ него воеводами были: Стефанъ

* По-Венг. *Mogiorós erdő* — *Lescina*, лѣсистая страна; вѣроятно и названіе *Маджаръ* значитъ лѣсной, живущій въ лѣсахъ.

Босткай съ 1603 г.; потомъ Сигизмундъ Ракочъ или Ракоцій; Гавріилъ Баторій въ 1608; Бетлемъ Габоръ въ 1613 г.; Георгій I Ракочъ; Георгій II Ракочъ; Францискъ Редей; Ахатъ Босткай; Химинъ Яносъ, и наконецъ Михаилъ Апафій. Во все это время Трансильванія была жертвой междоусобій, возстаній Венгровъ противъ Австріи, и нерышительнаго положенія, быть ли ей провинціей Австріи или пашалыкомъ Оттоманской Порты. Турки собирали съ нее и пени и дань. Орды Татаръ сторожили ее огнемъ и мечемъ. Въ 1666 г. она внесла обычную подать пять разъ, по пяти золотыхъ съ каждаго дома цѣлаго и по два съ половиной съ погорѣвшаго. Современныя лѣтописи прозвали это время изтязаній «mundus cruciatus». Какъ эпоха самобытности и подвиговъ страны, это время, однакоже, было славой Трансильваніи, и всѣ событія его, всѣ народныя бѣды хранятся въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. — Въ 1686 году, воевода Апафій предался покровительству Императора Леопольда, и отрекся отъ зависимости отъ Порты, которая однакоже сложила права свои на Трансильванію не прежде Карловицкаго мира.

Современное населеніе Трансильваніи слѣдующее :

Венгровъ или Маджаръ.....	800,000
Чеклеровъ	170,000
Саксоновъ.....	300,000
Влаховъ.....	1,250,000
Булгаръ	} 100,000
Поляковъ	
Моравовъ	
Руснаковъ	
Цыганъ	80,000
Грековъ	10,000
Армянъ	10,000
Жидовъ.....	10,000
<hr/>	
2,400,000	

Не смотря на преимущество по числу Влаховъ, господствующія племена Трансильваніи: Маджары, Чеклеры и Саксоны; они преобладаютъ землями.

Населеніе Венгровъ на сѣверъ и на западъ обнимаетъ двѣ трети страны; здѣсь слишкомъ 400 тыс. собственно Маджаръ, до 300 тыс. Влаховъ и нѣсколько тысячъ Жидовъ и Цыганъ.

Населеніе Чеклеровъ отъ Мароша вдоль по границамъ Молдавіи.

Населеніе Саксоновъ вдоль границъ Молдавіи; также въ Быстрицкомъ округъ.

По исповѣданію жителей считается.

Греческаго.....	1,140,000
Уніатовъ.....	300,000
Католиковъ.....	270,000
Кальвинистовъ.....	300,000
Лютеранъ.....	260,000
Армянской церкви.....	10,000
Магометанъ.....	10,000
Евреевъ.....	10,000
Социніанъ.....	30,000
Цыганъ неопред. вѣрованій.....	30,000

Кальвинисты преимущественно Маджары и Чеклеры, Лютеране Саксонцы, Греческаго исповѣданія Влахи.

Мы уже упомянули, что господствующія племена края Венгры, Чеклеры и Саксоны. Еще въ XV столѣтіи на сеймъ въ городкѣ Торда, они заключили союзъ общей защиты и подѣлили землю. Почти двѣ трети земли достались Венграмъ, хотя они и составляютъ четвертую часть населенія. Они занимаютъ земли къ сѣверу и западу, прилегающія къ Венгріи. На ихъ долю досталась древняя столица Карлсбургъ и Клаузенбургъ, современное сборище сеймовъ. Изъ этого видно, что Венгерцы въ этомъ союзѣ составляли господствующее владѣтельное сословіе; Чеклеры, по самому значенію слова, пограничную стражу, образовавшуюся въ давнія времена въ отдѣльное сословіе и племя; Саксоны — гражданъ, или горожанъ.

Чеклеры, которыхъ древніе историки называютъ Цикулами (Cicules, Zeckels), занимаютъ гористыя земли отъ Буковины до Валахія, по границѣ Молдавіи. Ихъ обычаи, нравы

и языкъ сходны съ Венгерскими; но они сохранили въ горахъ всю первобытную дикость. Они сильны и рослы, живутъ въ ущельяхъ горъ, при потокахъ, небольшими деревнями. Только городъ Марош-Базархели заключаетъ въ себя до трехъ тысячъ жителей. Здѣсь искони былъ ихъ базаръ. Внѣ его напрасно путешественникъ сталъ бы искать гостиницу въ землѣ Чеклеровъ; но древнее восточное гостепріимство сохранилось между ними.

Какъ пограничная стража, они со временъ Леопольда избавлены отъ податей, и обязанность ихъ составляетъ выставка войска. Во время Маріи Терезіи почти пятая часть ихъ вооружалась. На знаменахъ ихъ мечъ, пронзающій сердце.

Совсѣмъ другое племя Саксонцы, — это горожане, промышленники и ремесленники. Они обитаютъ по югу; города ихъ дѣятельности—Германштадтъ, Кронштадтъ, и богатыя земли по границѣ Валахіи, которыя издавна составляли собственно государственныя земли. Трансильванскіе Саксонцы, кальвинисты, тяжелые *cives teutonici*, сохранили всѣ древніе обычаи своихъ единокровныхъ.

Кромѣ юга Трансильваніи, Саксонцы населяютъ Быстрицкій округъ, и кромѣ того, какъ промышленное племя, расселились островками между другими племенами; а между тѣмъ оградили свои государственныя земли отъ прочнаго водворенія въ нихъ господствующихъ Венгровъ:

«Ни одинъ Венгерецъ не имѣетъ права покупать дома въ городахъ, и можетъ въ нихъ жить только какъ наемщикъ или гость.» — «Во время мирное всѣ Венгерцы (войско) обязаны оставлять городъ по первому предложенію магистрата.»

Влахи или Румыны, составляющіе большую половину населенія Трансильваніи, не имѣютъ собственной земли. Они разсыяны по всему пространству, или живутъ въ деревняхъ, принадлежащихъ владѣтелямъ земли. Они живутъ въ полной зависимости и въ притѣсненіи отъ чуждыхъ имъ господствующихъ магнатовъ.

Число Армянъ и Грековъ не велико. Армяне населяютъ мануфактурные города Шамос-Уйваръ и Эбесфальбу, въ комитатахъ Венгерскихъ. Греки ведутъ довольно значитель-

ную торговлю по всему краю, живутъ въ городахъ и сохраняютъ свою восточную одежду.

Жидаы едва терпимы въ Трансильваніи. Имъ дозволено жить только въ Карлсбургѣ, совершать обряды только въ назначенные дни; они не могутъ имѣть недвижимой собственности. Имъ не дозволяется носить Венгерской одежды и оружія.

Послѣднее сословіе изъ всего населеніе Трансильваніи — кочующее племя Цыганъ. Около деревень вы найдете всегда таборъ, или землянки. Нужно ли вамъ починить экипажъ, — является цыганъ съ своей наковальней, походнымъ горномъ и молотами. Обѣдаете ли вы въ корчмѣ, является толпа музыкантовъ-Цыганъ съ скрипками и кобзами, и Цыганокъ-гадальницъ.

Между Цыганами есть также золотоискатели. Рѣка *Араньосъ* (золотая) ихъ Калифорнія. Пріиски на откупъ за известную долю. Золото добывается промываньемъ песку. Работы преимущественно производятся послѣ бурь и дождей, которые наносятъ съ горъ песокъ, заключающій въ себѣ золото. Марія Терезія и Іосифъ II-й хотѣли Цыганъ сдѣлать осѣдлыми; имъ отвели мѣсто, построили дома, называли новыми поселенцами; но это не остепенило ихъ; они зажгли дома, и бѣжали изъ нихъ какъ изъ тюрьмы. Тщетно было и обращеніе ихъ въ христіанство: скитаясь, они не разбирали исповѣданій.

Вообще Венгрія и Трансильванія, по различію населяющихъ племенъ, похожи на смѣшеніе языковъ: на ярманкѣ Кронштадта, вы можете слышать шумный говоръ на всѣхъ земныхъ языкахъ: на Латинскомъ, Греческомъ, Румынскомъ, Венгерскомъ, Еврейскомъ, Армянскомъ. Славянскомъ, древнемъ Коптскомъ, Турецкомъ, Польскомъ, Нѣмецкомъ, Итальянскомъ, Русскомъ, Французскомъ....

Города и мѣстечки имѣютъ по нѣскольку названій: Карлсбургъ, древняя *Arulum*, или *Alba Julia*, или *Alba Carolina*, или *Carolopolis* на ново-Латинскомъ, по-Нѣмецки *Karlsburg*, по-Воложски Бѣлоградъ, по-Венгерски *Karoly Féjervar*....

Германштадтъ (древн. *Cibinium*), по-Венг. *Nagy Szébcn*; *Каишъ* — по-Слав. Кошица; *Еперіесъ* — Прешовъ, и пр.

МАРШАЛЬ БЮЖО. — Одиннадцатаго Іюня, въ седьмомъ часу, скончался, на 65 году отъ рожденія, Маршалъ Бюжо; въ половинѣ осьмагаго прїѣхалъ Архіепископъ Парижскій въ надеждѣ видѣть его еще живымъ, и засталъ уже трупъ. Г. Менъ, бывшій начальникъ департамента въ министерствѣ юстиціи, взялъ на себя порученіе довести эту печальную вѣсть до свѣдѣнія Президента Республики. Людовикъ Бонапарте услышалъ ее съ горестью, и просилъ Г. Меня увѣрить родныхъ покойнаго, что онъ раздѣляетъ ихъ глубокую скорбь. Супруга Маршала и его дочь, жена полковника Ферэ, прибыли въ Парижъ въ тотъ же день вечеромъ.

Бюжо родился 15-го Октября 1784 года, въ Лижожѣ, и происходилъ изъ небогатой дворянской фамиліи, поселившейся въ Пуату; почти всѣ ея члены посвящали себя военной службѣ, въ которую Бюжо и вступилъ очень рано. Въ 1808 году, онъ находился въ Испанскомъ походѣ оберъ-офицеромъ, и показалъ отличное мужество въ дѣлѣ при Валенціи; въ 1815 г. Бюжо былъ сдѣланъ полковникомъ, и подъ городомъ Греноблемъ съ однимъ полкомъ остановилъ движеніе цѣлаго Австрійскаго корпуса. Гренобль еще недавно праздновалъ память этого славнаго для Бюжо дня. По заключеніи всеобщаго мира Бюжо былъ уволенъ въ чистую отставку, и солдаты о немъ говорили: «Этотъ потерялъ маршальскій жезлъ.» Возвратившись въ частную жизнь, Бюжо посвятилъ себя сельскому хозяйству, къ которому имѣлъ особенную охоту; онъ вводилъ у себя всѣ новѣйшія улучшенія, былъ просвѣщеннымъ и свѣдущимъ хозяиномъ, и за то любимъ всѣми его окружавшими. Переворотъ 1830 года возвратилъ Бюжо къ военной дѣятельности; поприщемъ ея была отнынѣ Алжирская область, которой окончательное утвержденіе за Франціею принадлежить ему. Онъ первый умѣлъ дотолѣ неуловимаго врага вынудить принять сраженіе, и нанесъ ему пораженіе при Сивакѣ. Бюжо принадлежить честь окончательнаго умиротворенія Алжирской области; но явился новый врагъ въ лицѣ Марокандевъ. Встрѣтившись съ ними на Ислійскомъ полѣ, Бюжо съ удивительною смѣлливостью нашелъ новый образъ

расположенія войскъ, и искуснымъ маневромъ приобрѣлъ для Франціи еще одну главную побѣду, а для себя маршальскій жезлъ и титулъ Герцога Ислійскаго. Вообще Бюжо обладалъ въ высшей степени стратегическимъ талантомъ, понятіе о которомъ Наполеонъ заключилъ въ словахъ: «вездѣ умѣть находить поле сраженія.» Одно пятно на памяти Бюжо положено тѣмъ, что послѣ Февральскаго переворота прошлаго года, онъ одинъ изъ первыхъ Генераловъ измѣнилъ Людовику-Филиппу, осыпавшему его благодарностями, и предложилъ свой мечъ къ услугамъ мятежнаго временнаго правительства. Если не загладилъ, то по крайней мѣрѣ исправилъ свой проступокъ Маршалъ Бюжо усиліями, рвеніемъ и твердостью, съ какими онъ въ послѣдствіи и до своей кончины защищалъ законы и общественный порядокъ. Бюжо былъ человѣкъ просвѣщенный, искренно и добросовѣстно любившій свое отечество, не врагъ полезныхъ нововведеній, но человѣкъ практическій, девизомъ дѣятельности котораго служило изреченіе: *«ense et aratro.»* Бюжо ненавидѣлъ людей, усиливающихся перестроить общество по мечтамъ своей больной головы. Любопытно, что Бюжо нѣсколько времени былъ послѣдователемъ социалистовъ, и журналъ ихъ, издававшійся Викторомъ Консидераномъ, содержитъ не одну статью, писанную Бюжо. Но въ послѣдствіи Бюжо яснѣе увидѣлъ опасность и вредъ социалистскихъ ученій, и они встрѣтили въ немъ, что обыкновенно бываетъ, изъ ревностнаго поборника отъявленнаго противника. Маршалу Бюжо принадлежитъ одно изъ лучшихъ сочиненій, издаваемыхъ обществомъ улицы Пуатье, въ защиту идей закона, семейства и собственности: это Сельскія бесѣды. Съ умомъ основательнымъ покойный Маршалъ соединялъ обширныя познанія, стойкость и энергію характера; онъ не пользовался впрочемъ народностью, потому что многочисленные друзья своеволия и смуть видѣли въ немъ самаго опаснаго противника своимъ замысламъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЮБИЛЕЙ ГАУССА. — Геттингенъ, 15-го Іюля н. ст. Университетъ и Королевское Общество Наукъ праздновали сегодня пятидесятилѣтній докторскій юбилей Гаусса. 16-го Іюля 1799 года, защищалъ «великій реформаторъ математики,» въ маленькомъ городкѣ Гельмштадтѣ, свою докторскую диссертацию, въ которой онъ, тогда двадцати-двулѣтній юноша, положилъ основаніе своей всемірной славы доказательствомъ *основнаго натала уравненій*. Немного лѣтъ спустя, уже всѣ академіи и ученые общества въ цѣломъ свѣтѣ считали его въ числѣ своихъ сочленовъ. Университетъ Геттингенскій имѣлъ счастье считать въ числѣ профессоровъ въ продолженіе 42 лѣтъ этого мужа, которому современники въ цѣлой Европѣ назначаютъ въ его наукѣ мѣсто рядомъ съ Ньютономъ. Общество наукъ, основанное Галлеромъ, имѣетъ въ Гауссѣ старѣйшаго ординарнаго члена: Ординарнымъ его членомъ онъ съ 1807, а корреспондентомъ былъ съ 1802. Въ его запискахъ онъ напечаталъ двадцать двѣ статьи. Такимъ образомъ праздникъ юбилея былъ двойной, устроенный Университетомъ и Обществомъ. Къ нимъ присоединились, сверхъ того, многочисленныя поздравленія ученыхъ обществъ и отдѣльных лицъ изблизи и издали. Берлинская Академія прислала обоеихъ своихъ прославленныхъ математиковъ: Якоби и Дирихлета; изъ Готы прибылъ Ганзенъ, изъ Марбурга Герлингъ, изъ Кембриджа Миллеръ. Собрались и другіе, юнѣйшіе ученые. Знаменитый мужъ, наслаждающійся полнымъ тѣлеснымъ здоровьемъ, не только присутствовалъ при торжественномъ засѣданіи Общества, но даже въ присутствіи сочленовъ, профессоровъ, студентовъ и посѣтителей всѣхъ званій изъ города, читалъ ученый трактатъ, служащій продолженіемъ и развитіемъ его докторской диссертациі, о новомъ доказательствѣ теоріи уравненій и разрѣшеніе уравненій *о трехъ величинахъ*. Онъ передалъ даже особенную статью Обществу для напечатанія въ его запискахъ. При торжественномъ обѣдѣ, послѣдовавшемъ тотчасъ же за засѣданіемъ, Вальцъ,

Якоби, Ганзентъ, Герлингъ и Германъ въ краткихъ рѣчахъ передъ тостами превозносили Гаусса, какъ великаго математика, физика и астронома, а также какъ учителя и человѣка. Гауссъ благодарилъ и говорилъ долго передъ собраніемъ съ своею обыкновенною вѣжливостью и пріятностью. Онъ присутствовалъ при обѣдѣ до самаго конца.

Здѣсь не мѣсто исчислять заслуги Гаусса наукѣ. Но можно сказать нѣсколько словъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ исторіи Германскаго народа, который начинаетъ забывать давнее ему самимъ Богомъ назначеніе. Оно состоитъ въ разрѣшеніи ученыхъ проблемъ; занять это мѣсто въ исторіи міра — задача Германіи. Когда желѣзная рука Наполеона лежала надъ Германіею и Геттингенъ былъ отданъ Королю Вестфальскому, только уваженіе къ Нѣмецкой наукѣ спасло тогда это убѣжище ученаго образованія. Не всѣмъ извѣстно, что сочинитель Небесной механики, Лапласъ рекомендовалъ Императору этотъ городъ потому что, «тамъ живетъ первый геометръ его времени.» Съ этого дня, еще прежде чѣмъ Гауссъ сдѣлался однимъ изъ осьми иностранныхъ членовъ Парижской Академіи, стали называть его за границей: *le premier savant de l'Europe*.

БРИТАНСКІЙ МУЗЕЙ.—Недавно Парламенту былъ представленъ подробный статистическій отчетъ о состояніи Британскаго Музея за прошлый годъ. Въ послѣднее время число посѣтителей этого знаменитаго заведенія возросло въ чрезвычайной степени: въ 1848 году ихъ было 897,985 лицъ; число ученыхъ и художниковъ, пользовавшихся для своихъ занятій драгоценными собраніями Британскаго Музея, доходило до 65,867 ч. Доходы Музея состоятъ изъ 53,999 ф. ст., заключающихся болѣею частью въ суммѣ, опредѣленной Парламентомъ; въ остаткѣ оказалось въ прошломъ году, по покрытіи всѣхъ расходовъ, 4,154 ф. ст. Музей сдѣлалъ новыя весьма значительныя пріобрѣтенія: 26,075 томовъ книгъ, 2420 древностей (въ томъ числѣ въ высшей степени любопытныя Ассирійскія, описаніе которыхъ содержится въ превосходномъ сочиненіи г-на Лайярда, уже

достигшемъ втораго изданія), 2,767 монетъ и медалей, 14,040 предметовъ по части естествознанія для разныхъ кабинетовъ натуральной исторіи. и т. д. Любопытно, что въ одной изъ залъ Музея, занятыхъ предметами естественной исторіи, выставленъ полуистлѣвшій подлинникъ *Magna Chartae*. Самое драгоценное и рѣдкое приобрѣтеніе библіотека Британскаго Музея получила изъ Германіи; оно состоитъ въ принадлежавшемъ покойному Г. И. Михаелю самомъ полномъ собраніи книгъ на Еврейскомъ языкѣ, числомъ до 5,000. Библіотека Б. М. уже и прежде имѣла 980 томовъ этого рода сочиненій. Такимъ образомъ Лондонъ, если принять еще въ соображеніе и библіотеку Индиан-Хоузъ, имѣетъ, можетъ быть, въ цѣломъ свѣтъ самое богатое собраніе сочиненій по части литературы Востока.

НОВОСТИ ИЗЪ ПРАГИ.

Прага 18 Іюля (н. ст.). Нашъ знаменитый филологъ, библіотекаръ Ф. І. Шафарикъ получилъ письмо отъ министра Баха, въ которомъ поручается ему управленіе комиссіею, имѣющею составить къ 1 Августа въ Вѣнѣ, для утвержденія юридико-политической терминологіи во всѣхъ Славянскихъ языкахъ Австріи. Всѣ новые законы должны быть впредь обнародываемы въ офиціальномъ журналѣ на всѣхъ языкахъ Австріи въ одно время. Переводы существующихъ законовъ, явившіеся до сихъ поръ, были неточны, за недостаткомъ надлежащей терминологіи, и потому теперь въ Прагѣ общество литераторовъ, подъ руководствомъ І. Эрбена, занимается точнѣйшимъ Чешскимъ переводомъ общихъ гражданскихъ законовъ. Если этотъ переводъ, третья часть котораго уже готова, будетъ удаченъ, то правительство купитъ его, и онъ будетъ признанъ законнымъ Чешскимъ текстомъ. Эрбенъ призывается также въ Вѣну, какъ главный сотрудникъ для Чешскаго языка.

Въ Зельдшанѣ, въ Бераунскомъ округѣ, 1 Іюля назначенъ былъ церковный праздникъ въ честь Фельдмаршала Графа Радецкого, который въ этотъ самый день, 84 года

назадъ, родился въ Требницѣ близъ Зельдшана. При этомъ случаѣ узнали, что мать Радецкаго продала это имѣніе, чтобы окончить воспитаніе своихъ дѣтей, и наши газеты занимаются мыслью о выкупѣ имѣнія Требница для фамиліи Радецкихъ.

Здѣсь собраны подписи къ прошенію о назначеніи Кардинала Архіепископа Кн. Шварценберга въ Архіепископы Праги.

Шины Пражско-Дрезденской желѣзной дороги уже положены, и скоро ждуть открытія вѣды до Лобозица. Скоро также начнется построеніе телеграфической линіи отъ Праги до Дрездена, потому что выписано уже до 3 т. подставныхъ столбовъ.

Библіотекаръ Чешскаго Музея В. Ганка, отырывшій Краледворскую рукопись, открылъ еще драгоценный остатокъ древне-Чешской поэзіи, именно: стихотвореніе XIII вѣка Любушино пророчество, — одинъ листъ, переплетенный между листами Лативской рукописи.

Далемилъ, древній Чешскій лѣтописатель, котораго прежде не дозволяло напечатать правительство, уже вышелъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ ВЪ ОДЕССѢ.

Князь Петръ Андреевичъ вмѣстѣ съ супругою прибылъ въ нашъ городъ, проѣздомъ въ Константинополь, въ пятницу, 17-го Іюня. Онъ поѣхалъ туда отдохнуть отъ своихъ служебныхъ занятій, и чтобы увидѣться съ сыномъ, находящимся при нашей миссіи въ столицѣ Оттоманской имперіи. Утѣшаемся тѣмъ, что обыкновенные жары наши въ это время года теперь были смягчены часто перепадавшими дождями, и не были слишкомъ отяготительны для нашего драгоценнаго сѣвернаго гостя. Притомъ, живя въ Лондонской гостинницѣ, онъ могъ вдоволь насладиться тѣмъ, чѣмъ Одесса наиболее щеголяетъ: это бульваръ, съ его видомъ на море и линіей стройныхъ, великолѣпныхъ зданій. Князь съ супругою прожили въ нашемъ городѣ до 30-го Іюня. Въ это время, поѣздки за городъ, осмотрѣніе многихъ замѣчательныхъ мѣстъ и посѣщеніе знакомыхъ и почитателей его содѣлали, смѣемъ надѣяться, пребываніе его въ нашемъ городѣ, по крайней мѣрѣ, не скучнымъ. Между тѣмъ, приближавшійся день Апостоловъ Петра и Павла подалъ ближайшій поводъ — не говоримъ о существенномъ и важнѣйшемъ — почитателямъ его дарованій дать въ честь Князя и супруги его обѣдъ. Отонъ по прежнему явился съ своими услугами. Въ обѣдѣ этомъ принялъ участіе находящійся здѣсь Графъ А. Н. Панинъ съ супругою. Во время пиришества радушіе и искренность одушевляли гостей, разговоръ общій, единодушный, какъ водится, переходилъ отъ предмета къ предмету, и когда, за шампанскимъ, Князь выразилъ свою благодарность собесѣдникамъ за внимательный пріемъ въ Одессѣ, находившійся тутъ же Профессоръ Зеленецкій, отъ лица всѣхъ здѣшнихъ писателей и цѣнителей заслугъ, которыя оказаны Княземъ Вяземскимъ нашей литературѣ, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Позвольте, Князь, увѣрить васъ, отъ лица всѣхъ трудящихся здѣсь на поприщѣ отечественной литературы и всей Одесской публики, что и въ нашемъ городѣ, также какъ и въ Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ отдаленныхъ частяхъ Россіи, умѣютъ цѣнить и уважать заслуги людей, дѣятельностію своею приносящихъ честь и славу имени Русскому. Ваше литературное поприще, ваши труды и занятія драгоцѣнны для насъ. Мы не можемъ не сочувствовать, вмѣстѣ съ другими нашими соотечественниками, тѣмъ чувствамъ, думамъ и мечтамъ, тѣмъ благороднымъ выраженіямъ ума свѣтскаго, чисто Русскаго, которыя въ произведеніяхъ вашихъ питаютъ душу каждаго, кто дорожитъ родиной и ея заветнымъ бытомъ въ кругу нашей жизни.

«Эти чувства, думы и мечты близки къ нашему сердцу. Они даютъ намъ право просить васъ, даже, простите порывъ убѣжденія и чувства, — требовать отъ васъ полного изданія вашихъ сочиненій, которыя безспорно доставили вамъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей литературы.

«Это изданіе, совокупивъ въ одно цѣлое многочисленныя произведенія пера вашего, коими современные изданія наши обогащались еще до эпохи 1812-го года, вполне упрочить ихъ извѣстность въ отечественной публикѣ, по праву займетъ одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ Русской библіографіи и узаконить тѣ надежды, которыя, всѣ мы, ваши искренніе почитатели питаемъ, ожидая отъ трудовъ вашихъ, вашей вполне національной музы новыхъ произведеній, на пользу и отраду всего пишущаго и читающаго міра нашего, на вашу собственную честь и славу!»

Князь Петръ Андреевичъ принялъ съ живымъ участіемъ этотъ голосъ многочисленныхъ цѣнителей своего пера, въ отдаленномъ отъ столицъ краѣ нашего отечества, и обѣщалъ удовлетворить ихъ желаніямъ. Съ своей стороны, прибавимъ мы, что изданіе это, особенно въ настоящую, скудную дарованіями, эпоху литературы нашей, принесетъ много пользы родному слову.

Послѣ обѣда, въ обществу, собравшемуся для празднованія литературныхъ заслугъ Князя Вяземскаго, въ день его именинъ, присоединился и г-нъ Одесскій градоначальникъ А. И. Казначеевъ. Тутъ бесѣда оживилась воспоминаніями о славныхъ дняхъ 1812-го года, говорили о настоящемъ времени, столь бѣдственнымъ для Западной Европы и долженствующемъ возвеличить Россію, спокойную, счастливую у себя, подъ десницею Великаго Монарха, приводили на память подвиги ея Царей, полководцевъ и градоправителей. Бесѣда длилась до поздняго времени. Отъ Отона всѣ поспѣшили къ дорогому гостю, въ гостиницу, гдѣ онъ жилъ, и тамъ въ новой пріятной бесѣдѣ заключили день, который надолго останется въ памяти у многихъ изъ нашихъ жителей. Князь съ супругою его уѣхали на другой день, въ четвергъ 30-го Іюня, на пароходъ-фрегатъ «Одесса», въ Константинополь, гдѣ, какъ предполагалъ онъ, будетъ жить въ Буюкъ-дере, и оттуда, быть можетъ, предприметъ поѣздки въ Аѣны и другія мѣста. (*Изъ Одес. В.*)

СВЕКЛОСАХАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ КІЕВСКОЙ И ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ. — Свеклосахарные заводы находятся въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Тульской, Воронежской и Харьковской. Въ первой изъ нихъ промышленность эта развивается съ особеннымъ успѣхомъ, и число заводовъ быстро возрастаетъ. Въ настоящее время, въ двухъ уѣздахъ ея, Черкасскомъ и Чигиринскомъ, ихъ считается 29. Количество сахарнаго песку, получаемаго съ нихъ, простирается до 245 тысячъ пудовъ въ годъ. * Свекловицы при заводахъ закупаются до 7500 десятинъ и пріобрѣтается покупкою около 87 тысячъ берковцевъ; дровъ расходится до 35 тыс. кубическихъ сажень. Самый значительнѣйшій изъ всѣхъ заводовъ находится въ мѣстечкѣ Городищѣ (Черкас. у.); онъ принадле-

* Число это должно значительно увеличиться, потому что одинъ изъ показанныхъ здѣсь заводовъ, самый обширнѣйшій, еще не былъ приведенъ въ дѣйствіе.

жить Одесскимъ купцамъ Яхненкомъ Самиренко. Онъ устроенъ въ 1848 г. на 12 прессовъ, но еще не пущенъ въ работу. Цѣнность его опредѣляютъ въ 450,000 р. сер. Онъ будетъ выдѣлывать въ сутки 480 берковцевъ; сахарнаго песку предполагаютъ перерафинировать на немъ до 60 т. пудовъ ежегодно. По отличному устройству зданій, по превосходнымъ употребляемымъ здѣсь снарядамъ и аппаратамъ, по обширности помѣщенія и производства, по правильности и удобству расположенія всѣхъ отдѣленій, заводъ этотъ занимаетъ не только первое мѣсто въ Россіи между подобными заведеніями, но мало даже имѣетъ соперниковъ себѣ и за границею.

Въ Полтавской губерніи, въ прошломъ году, считалось 16 свеклосахарныхъ заводовъ, въ томъ числѣ рафинадныхъ два. На нихъ выдѣлано песку и сахару на сумму до 95 тысячъ р. сер.

НЫНѢШНЯЯ РОСТОВСКАЯ ЯРМАРКА. — Привезено было на нее: Россійскихъ товаровъ на 2,267,000 р. с., осталось непроданныхъ съ небольшимъ на 600 т. р.; иностранныхъ на 1,292,000 р., осталось за непродажею на 20 т. р.; всѣхъ же вообще товаровъ было въ привозѣ на 3,560,000 р., * а осталось непроданныхъ на 625 т. Сравнительно съ прошлымъ годомъ привозъ былъ на 170½ т. р. с. менше. — Оборотъ торговыхъ дѣлъ нынѣшней операціи вообще былъ не вполне удовлетворительный: большею частію торговали въ кредитъ, съ различными разсрочками платежей. Главнѣйшей этому причиной была невыручка капиталовъ хлѣбопромышленниками. Многіе изъ значительныхъ торговцевъ, которые должны бы были здѣсь на положительное время ярмарки, не явились для расчетовъ. Недостатокъ противу прежнихъ лѣтъ товаровъ ощутителенъ былъ въ привозѣ: меда, воска, бакалей и постнаго масла, по случаю

* Да сверхъ того пригнано лошадей на 18½ т. р. с., осталось непродано на 18½ т.

неурожаевъ въ Низовыхъ губерніяхъ. Многіе изъ торговцевъ, имѣющіе на рукахъ гуртовья издѣлія, торговали съ убыткомъ; напротивъ, товары розничные мануфактурные, чай, сахаръ, кубовая краска, красивая бумага — шли хорошо.* Причину неполнаго подвоза товаровъ можно еще отнести сколько къ дороговизнѣ извозовъ, по недостаточнымъ урожаямъ кормовъ, столько, въ особенности, и къ чрезвычайно худымъ дорогамъ, испортившимся отъ многоснѣжья. Приважихъ на ярмаркѣ находилось до 15 тыс. человекъ. Изъ таблицы о движеніи торговли на Ростовской ярмаркѣ за девятилѣтіе (1841—49), помѣщенной въ *Жур. Минис. Вн. Дѣл* (откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія), видно, что привозъ товаровъ на эту ярмарку почти съ каждымъ годомъ уменьшается.

* Книгъ и картинъ на бумагѣ привезено было на 20 т. р. с. — продана половина; бумаги писчей на 30 т. р. с. — продана вся безъ остатка.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МОСТЬ БРИТАНІЯ НА МЕНАЙСКОЙ ДОРОГѢ ВЪ АНГЛІИ.
Прямая дорога отъ Лондона къ Дублину идетъ черезъ островъ Англезей, который отдѣляется отъ западнаго берега Валлиса проливомъ отъ 900 до 1500 футовъ ширины. Значительное число лицъ и товаровъ переправляется между обоими мѣстами въ гавань Кингстоунъ въ Ирландіи и Голигадъ на островъ Англезей. Кингстоунъ уже довольно лѣтъ соединенъ съ Дублиномъ желѣзною дорогою, а частію и Голигадъ съ Лондономъ. Оба мѣста уже давно находятся въ непрерывномъ сообщеніи между собою, потому что Менайская дорога не представляетъ значительныхъ затрудненій; необходимость прочной переправы черезъ этотъ проливъ уже прежде заставила построить прекрасный мостъ черезъ проливъ близъ маленькаго городка Бангора. Чтобы ѣзда по желѣзной дорогѣ отъ Честера до Голигада не прерывалась, было сначала предположено положить рельсъ на одномъ боку этого моста: но какъ живое сообщеніе требовало двойной желѣзной дороги, то этотъ планъ оказался неудовлетворительнымъ.

Такъ какъ всѣ существовавшіе до сихъ поръ планы мостовъ оказались здѣсь непримѣнными, потому, между прочими трудностями, что адмиралтейство требовало, чтобы мостъ поднимался по крайней мѣрѣ на 100 футовъ вышины для прохода военныхъ судовъ, то Робертъ Стефенсонъ предложилъ совершенно новую систему, основывающуюся на извѣстной крѣпости трубъ. Опыты показали ему, что трубы изъ кованаго желѣза съ круглымъ разрывомъ отъ

излишней тяжести постоянно ломаются на нижней, а съ эллиптическимъ на верхней сторонѣ. Онъ дошелъ наконецъ до четырехугольной трубы, которая, надлежащимъ образомъ укрѣпленная сверху и снизу, по сравненію матеріаловъ и величины разрыва, для желѣзной дороги оказалась удобнѣе всѣхъ другихъ трубъ. Точные опыты, произведенные постепенно въ болѣе и болѣе обширномъ размѣрѣ, дали удовлетворительные результаты, и эта система примѣнена въ первый разъ на желѣзной дорогѣ Имерикскаго графства, а потомъ, въ предъидущемъ году построенъ великолѣпный мостъ черезъ Конвайскій заливъ.

Желѣзная дорога отъ Честера къ Голигэду при городкѣ Конвей идетъ черезъ заливъ того же имени, черезъ который построенъ мостъ на ширинѣ въ $39\frac{1}{4}$ футовъ, для дороги съ двойными рельсами, о двухъ желѣзныхъ отдѣльныхъ трубахъ, лежащихъ параллельно на общихъ береговыхъ столбахъ. Въ трубѣ 412 футовъ длины, 8 футовъ на каждомъ концѣ идутъ внутри береговыхъ столбовъ. Снаружи у концовъ эти столбы имѣютъ $22\frac{1}{2}$, а въ срединѣ $25\frac{1}{2}$ футовъ вышины. Труба поднимается у концовъ на $18\frac{1}{2}$, а въ срединѣ на $19\frac{3}{4}$ футовъ; наружная ширина всей трубы 14 футовъ. Желѣзныя доски, изъ которыхъ составлена труба, въ 4 фута длины и въ 2 ширины, имѣющія въ срединѣ длины $\frac{1}{2}$ дюйма толщины къ обоимъ концамъ доходятъ до толщины $\frac{3}{8}$ дюйма. Соединеніе отдѣльныхъ досокъ произведено не простою приковкою, но посредствомъ двойныхъ желѣзныхъ наугольниковъ, прикованныхъ на внутренней и наружной сторонѣ, а нижняя и верхняя стѣнки трубы укрѣплены еще болѣе. Верхняя стѣнка укрѣплена желѣзными полосами, проходящими по всей длинѣ и имѣющими 21 дюймъ вышины и отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ дюйма толщины, которыя, крѣпко соединенныя съ другою доскою посредствомъ наугольниковъ, соответствующихъ нижнихъ полосъ и обыкновенной приковки, составляютъ родъ небольшихъ трубъ. Нижняя стѣнка содержитъ меньшее число такихъ полосъ, но за то двойныя нижнія и верхнія полосы на всей длинѣ трубы и то же самое внутреннее соединеніе всѣхъ желѣзныхъ досокъ посредствомъ науголь-

никовъ, прикованныхъ на обѣихъ сторонахъ. Такимъ образомъ труба скована у залива недалеко отъ мѣста, гдѣ нужно было построить самый мостъ, для чего были устроены крѣпкія подмостки, и вмѣстѣ съ береговыми столбами расположены такъ, что по длинѣ трубы, въ шести различныхъ мѣстахъ, при низкой водѣ легко могли подходить подъ трубу плоскія суда въ 500 тоннъ. Это сдѣлано при прибывающемъ приливѣ, и послѣдовавшее за тѣмъ волненіе сняло трубы съ подмостковъ, такъ что онѣ, пlying по водѣ, легко стали на надлежащее мѣсто, и даже при прибывающей водѣ могли быть уставлены безъ большихъ потрясеній. Когда это счастливо кончилось, можно было приступить къ подъему трубъ. Трубу въ 32,000 центнеровъ всего вѣса надобно было поднять на высоту около 24 футовъ. Для подъема этой страшной тяжести употребили гидравлическій прессъ, направивъ дѣйствіе снаряда на трубу на береговыхъ столбахъ. Въ одно время съ подъемомъ трубы должно было строить изъ кирпичей подпоры на каждомъ концѣ; эти стѣны, въ 27 ф. вышины, имѣли 8 футовъ длины и 14 ширины.

При желѣзной трубѣ въ 412 ф. длины надобно было принять въ соображеніе вліяніе температуры. Разность длины такой трубы при сильной зимней стужѣ и большимъ лѣтнемъ жарѣ доходить, по вычисленію, до $8\frac{1}{2}$ дюйма. Чтобы на каждомъ концѣ трубы $4\frac{1}{2}$ дюйма могли оставаться свободными и удобовыжимыми, она положена на нѣкоторый родъ катковъ. Но хотя при равномерномъ возвышеніи температуры воздуха эти катки дѣйствуютъ вполне на каждомъ концѣ, однакожъ все-таки замѣченъ подъемъ моста, достигающій въ срединѣ $1\frac{1}{2}$ дюйма, когда, послѣ долго стоявшей туманной погоды, вдругъ является яркое солнце. Это поразительное явленіе объясняется тѣмъ, что солнечные лучи нагреваютъ только одну верхнюю сторону, тогда какъ другія части трубы остаются холоднѣе. Сдѣланное такимъ образомъ расширеніе трубы производитъ въ ней напряженіе и искривленіе, которыя надобно отличать отъ удлинненія однообразнаго, происходящаго въ то же время. Впрочемъ, несомнѣнными опытами дока-

зано, что это обстоятельство ни сколько не вредитъ твердости трубы. Именно, когда искривленіе трубы, по наблюденіямъ въ телескопъ, доходило до 0, 48, — 0, 98, 1, 30, — 1,47 и до 3 дюймовъ, провозили въ паровозахъ тяжести въ 1040, 2240, 3460, 4700 и 6000 центнеровъ. Въ десять минутъ по снятіи тяжестей труба опять приходила въ прежнее положеніе. Тяжелые обозы, проходившіе со всей быстротой по мосту, производили только незначительныя колебанія.

Послѣ того, какъ въ теченіе прошлаго года пробныя поѣздки по трубѣ доставили столь удовлетворительные результаты, что предпріятіе можно было считать совершенно удавшимся, Робертъ Стефенсонъ могъ уже безъ раздумья приступить къ построенію моста Британіи. Это исполнское строеніе находится на разстояніи около одной англійской мили къ сѣверу отъ упомянутаго Тельфордскаго висячаго моста. Въ срединѣ пролива находятся Британскіе утесы, служащіе основаніемъ для средняго столба, который имѣетъ не менѣе 230 фут. вышины, 62 длины и 52 ширины въ основаніи. На него употреблено 148,625 кубическихкихъ футовъ известняка и 144,685 куб. ф. песчаника, что все вмѣстѣ вѣситъ около 400,000 центнеровъ; сверхъ того на него пошло около 7750 центнеровъ чугуна и желѣза въ видѣ якорей, фундаментныхъ плитъ и укрѣпленій всякаго рода. На этотъ средній столбъ опираются четыре среднія трубы однимъ концемъ, тогда какъ другіе концы, удаленные отъ него около 460 футовъ въ противоположныя стороны, лежатъ на двухъ другихъ столбахъ, которые также имѣютъ 62 и 52 ф. въ основаніи, но только 190 ф. вышины. Каждый изъ этихъ боковыхъ столбовъ содержитъ въ себѣ для укрѣпленія около 4,200 центнеровъ чугуна и желѣза. На разстояніи 230 футовъ отъ этихъ столбовъ стоятъ конечныя стѣны дорожной насыпи, которыя вмѣстѣ съ остальной стѣной и съ тремя столбами въ морѣ составляютъ страшную массу въ $1\frac{1}{2}$ милліона кубическихкихъ футовъ тщательно-сдѣланной стѣнной работы. Это строеніе украшено четырьмя известковыми львами, въ 25 футовъ длины и въ 12 вышины. Надъ четырьмя отвер-

стіями, между пятью постройками, проведены восемь желѣзныхъ трубъ, которыя устроены также, какъ трубы Конвейскаго моста, но больше ихъ. Длина одной изъ четырехъ среднихъ трубъ въ 472 фута, въ томъ числѣ почти по 6 футовъ на концахъ свободно. Наибольшая вышина въ срединѣ достигаетъ 30 футовъ, на концахъ только 22.

При извѣстіи, что 18 Іюня нынѣшняго года первая труба должна быть перевезена къ мѣсту своего назначенія, поспѣшили многія тысячи съ экстренными повѣздами по желѣзнымъ дорогамъ и множество пароходовъ изъ сосѣднихъ приморскихъ городовъ, такъ что городъ Бангоръ, лежащій близъ моста, былъ постоянно наполненъ. Въ назначенный день собралось съ обѣихъ сторонъ Менайской дороги отъ 10 до 15,000 зрителей, въ числѣ которыхъ было множество знаменитыхъ государственныхъ людей, ученыхъ и инженеровъ Великобританіи. Они ждали рѣшительной минуты частію на особо построенныхъ возвышеніяхъ, частію на пароходахъ и судахъ съ разноцвѣтными вымпелами. Около 5 часовъ по полудни, теченіе, произведенное приливомъ и волненіемъ, подало знакъ къ началу дѣла. До 1,000 работниковъ, въ числѣ которыхъ около 100 матросовъ, были размѣщены надлежащимъ образомъ, частію у трехъ большихъ блоковъ (канаты которыхъ имѣли болѣе англійской мили длины и 8 дюймовъ толщины, и изъ которыхъ два имѣли точку опоры на противоположныхъ берегахъ, одинъ на среднемъ столбѣ), частію у множества меньшихъ блоковъ и на лодкахъ, везущихъ самую трубу. Г. Стефенсонъ лично управлялъ работами. Также какъ при перемѣщеніи Конвейской трубы, поднимающееся волненіе должно было послужить для подъема трубы съ берега, и понижающійся приливъ для поставленія ея на мѣсто. Когда приготовленія были кончены, Стефенсонъ подаль условленный знакъ поднятіемъ флага. Тотчасъ потомъ отбѣчалъ Капитанъ Клартонъ, управлявшій морскими работами, съ высоты трубы сигнальнымъ рупоромъ, и колоссъ, до сихъ поръ неподвижный, тронулся медленно, къ своей цѣли, влекомый пароходами, при радостномъ крикѣ зрителей. Исполинская работа совер-

шилась безъ малѣйшей остановки, и труба положена тихо на свои временныя опоры на столбахъ.

Мы предполагаемъ въ послѣдствіи отдать отчетъ о дѣлѣ, который ходъ этого единственнаго въ своемъ родѣ предпріятія.

О ЗАМОГИЛЬНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ ШАТОБРИАНА.

Въ прошломъ году мы уже говорили о «Замогильныхъ запискахъ Шатобріана», но встрѣтивъ недавно замѣчательный отзывъ объ нихъ одного Нѣмецкаго критика, считаемъ не лишнимъ передать его нашимъ читателямъ.

«Въ Парижѣ, въ настоящее время, участіе публики къ литературѣ видимо охладѣло, книги стали однимъ изъ самыхъ трудныхъ для сбыта товаровъ, и Парижане нынѣ не дорожатъ самымъ благозвучнымъ стихомъ, и слушаютъ безъ вниманія академическую прозу. Правда, есть еще и здѣсь люди, которые внимательно слѣдятъ за всѣми явленіями литературы и принимаютъ въ ней глубокое участіе, но это только любители, дилетанты; большинство публики, занятое болѣе существенною заботою—какъ добыть себѣ насущнаго хлѣба и защититься отъ Азіатской гостыи, истребляющей много народа, всѣ досуги свои посвящаетъ политикѣ и холерѣ. Оттого вы весьма рѣдко услышите нынѣ въ Парижскомъ обществѣ разговоръ о литературѣ; Сю и Дюма уже забыты; до Шатобріана ли тутъ? Французъ, читая газету *la Presse*, обращаетъ вниманіе не на помѣщаемыя тамъ *Записки Шатобріана*, а на разсказъ о дневныхъ событіяхъ; между тѣмъ какъ въ этихъ Запискахъ содержится величественный разсказъ о великомъ времени.

«Я вовсе не принадлежу къ числу безусловныхъ поклонниковъ таланта Шатобріана и вижу много недостатковъ въ первыхъ его произведеніяхъ, именно тѣхъ, которыми, поддѣливаясь подъ современное ему состояніе умовъ, онъ составилъ себѣ славное имя. Главный недостатокъ сочиненій Шатобріана—излишняя мечтательность, отвращеніе отъ дѣйствительности; онъ постоянно становится на ходули; возвыщенность его идей и напыщенность фразъ скоро

прискучиваетъ и оставляетъ пустоту въ душѣ послѣ минутнаго удовольствія ; притомъ, неестественно , чтобы авторъ дѣйствительно все такъ чувствовалъ , какъ писалъ ; многое натянуто, молодо и вяло. Размышленія Шатобріана о религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ увлекаютъ красотою формы, въ какой выражены, но они не убѣждаютъ; они лишены внутренняго содержанія. Далѣе Шатобріанъ въ своихъ сочиненіяхъ является представителемъ политическихъ мнѣній извѣстной партіи , и потому не рѣдко увлекается въ сторону отъ истины пристрастіемъ. Въ сочиненіяхъ его нѣтъ той зрѣлости мысли, которая происходитъ отъ глубокаго знанія свѣта и людей ; это признанія души прекрасной, но пылкой и неопытной. Оттого-то , отдавая вполне должную похвалу превосходному слогу Шатобріана, его умѣнію облечь самую обыкновенную мысль въ новую и отличную форму, не могу не сознаться, что читалъ его сочиненія весьма неохотно.

«Но *Записки* познакомили меня со всѣмъ величіемъ Шатобріанова таланта ; тутъ я увидѣлъ въ немъ классическаго писателя первой степени и необыкновенный характеръ. Единственный недостатокъ *Записокъ* — это чрезвычайная подробность , съ какою авторъ старается анализировать и отдать себѣ отчетъ въ побужденіяхъ каждаго своего поступка. Всѣ качества Шатобріана въ этомъ сочиненіи, если вѣрить моему убѣжденію, высказались ярче и нагляднѣе, недостатки же менѣе примѣтны и исправлены продолжительнымъ размышленіемъ. *Записки* можно назвать окончательнымъ выводомъ многолѣтней умственной дѣятельности Шатобріана , самымъ зрѣлымъ ея плодомъ. Шатобріанъ повѣствуетъ здѣсь, какъ очевидецъ, о важнѣйшихъ событіяхъ, и, какъ по образу мыслей, такъ и по тону разсказа, стоитъ на высотѣ необыкновенныхъ лицъ и происшествій, имъ изображаемыхъ ; тутъ же вставлены увлекательно разсказанные эпизоды изъ ежедневной жизни того времени. Здѣсь Шатобріанъ показываетъ въ себѣ талантъ не только хорошаго разсказчика, но и глубокомысленнаго философа, умѣющаго оцѣнить внутренній

смыслъ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ явленій, и открыть въ нихъ высокое.

«Исключая развѣ современныхъ Германскихъ знаменитостей, не было ни одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей вѣка, соединившихъ свои имена съ важнѣйшими его событіями, съ которыми бы онъ не былъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ. Любопытно положеніе, въ какомъ находился Шатобріанъ относительно къ величайшему человѣку своего времени, Наполеону. Говоря о Гётѣ, Наполеонъ выразился такъ: «вотъ человѣкъ,» и этими двумя словами наилучшимъ образомъ оцѣнилъ его заслуги въ умственной сферѣ. О Шатобріанѣ Наполеонъ не отзывался съ такимъ уваженіемъ: онъ смотрѣлъ на краснорѣчиваго писателя, который своимъ сочиненіемъ о духѣ христіанства старался, и не безъ успѣха, о возстановленіи религіи и общества (та же мысль была главною заботою и Перваго Консула), какъ на мечтателя, изъ котораго можно извлечь пользу, и какъ на изыщную каріатиду своего будущаго трона. Наполеонъ понималъ вліяніе, которое тонкая лесть можетъ имѣть на Шатобріана, и заинтересовалъ его въ свою пользу нѣсколькими удачно сказанными фразами въ похвалу его таланта. Шатобріанъ отдался во власть Наполеона, но какъ честный слуга, а не какъ клеветръ; онъ принялъ мѣсто посла при Римскомъ Дворѣ, и, находясь въ Римѣ, понесъ потерю крайне чувствительную для его сердца. Тутъ онъ получилъ новое дипломатическое назначеніе въ кантонъ Валлисъ; но когда собирался туда отправиться, получена была роковая вѣсть о казни Герцога Энгіенскаго. Немедленно, не смотря на увѣщанія друзей, Шатобріанъ подалъ въ оставку; онъ могъ еще служить Наполеону, но убійца Бурбоновъ никогда. Вообще видно, что смерть Герцога Энгіенскаго весьма занимала Шатобріана и была въ жизни его рѣшительнымъ событіемъ; въ *Запискахъ* находимъ весьма много подробностей относительно этого печальнаго событія. Оно навсегда закрыло для Шатобріана служебное поприще при Наполеонѣ, возвратило его исключительно къ литературнымъ занятіямъ, и потому то весьма понятно, что

Шатобріанъ останавливается надъ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ ; оно было поворотнымъ пунктомъ въ его умственной и политической жизни , оно навсегда разсорило Шатобріана съ революціею и ея началами. Самый разсказъ этого событія обличаетъ руку мастера ; всѣ лица драмы нарисованы отчетливо и ясно , если и не всегда вѣрно ; притомъ , это не фантастическіе образы , а дѣйствительно люди съ плотью и кровью. Въ томъ-то и заключается главное достоинство историческаго писателя.

«*Записки* далеко еще не достигли конца, но они дошли уже до той точки, гдѣ можно вполне оцѣнить ихъ достоинства. Обиліемъ содержанія и красотою формы они безспорно превосходятъ всѣ современные произведенія Французской литературы, и если конецъ соответствуетъ началу, то это произведеніе будетъ принадлежать къ числу тѣхъ немногихъ твореній ума человѣческаго, которыя составляютъ наслажденіе образованныхъ людеи всѣхъ временъ и народовъ.»

Жаль , замѣтимъ мы при этомъ , что *Записки* не нашли у насъ себѣ достойнаго переводчика ; переводы , печатаемые въ нашихъ журналахъ , очень посредственны , чтобы не сказать плохи.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКИЕ ГОРОДСКИЕ РЯДЫ И ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ.

Какъ положеніе Москвы въ нѣдрахъ раждавшагося государства дало ей всѣ преимущества быть сердцемъ Россіи; такъ и положеніе ея на перекрестіи древнихъ промышленныхъ, сухопутныхъ сообщеній запада съ Болгаромъ, складомъ восточныхъ богатствъ на Волгѣ, и юго-востока съ сѣверомъ, искони предназначило ее быть житницей и казною сокровищъ земли Русской. Въ четырнадцатомъ столѣтіи Москва уже славилась богатствомъ и торговлею. Описывая расхищеніе Москвы Тохтамышемъ, въ 1382 году, лѣтопись говорить: *«прежѣ ѡѣхъ гуденѣ градѣ, и многое множество людей бѣше ѡ немѣ, кипѣше богатствомѣ и славою, превзыде вся грады Русской земли.»* Послѣ паденія Новгорода и завоеванія Царства Казанскаго, вся торговая ихъ дѣятельность и прямые сношенія съ Востокомъ и Западомъ сосредоточились въ Москвѣ. Въ это же время побѣды Магометанъ заперли всѣ пути Левантской торговли, и промышленному Западу оставалась одна возможность приобретать сокровища Азіи чрезъ посредство Москвы.

Не смотря на истребительные пожары, Москва быстро возрождалась изъ пепла. Послѣ пожаровъ въ XV столѣтіи, въ 1580 году, по составленной въ то время описи, по указу В. К. Василія Іоанновича, считалось уже въ Москвѣ 41,500 домовъ. Деревянная ограда Скородома, бывшая на окруженіи теперешней Садовой улицы, выстроена въ 1591 г.,

при Θεодорѣ Іоанновичѣ; но вѣроятно это было возобновленіе послѣ пожара въ 1571 ибо, когда, по словамъ Олеарія, съ разсказовъ жителей, до 1571 года стѣна Скородома тянулась ни 5 миль, т. е. 35 верстъ. Послѣ совершеннаго истребленія въ 1571 году, во время нашествія Девлетъ-Гирея, когда въ стѣнахъ Московскихъ погорѣло болѣе 800,000 стѣсненнаго Татарами въ огонь народу,* въ началѣ XVII столѣтія, по сказанію Бера, считалось до 3,000 однихъ церквей,† а въ 1630, послѣ уже сожженія Китай-города и Благо-города Поляками, въ 1611 году, по словамъ Олеарія, болѣе 2,000 храмовъ ††.

Это быстрое возрожденіе Москвы, которому мы были очевидцы послѣ Двѣнадцатаго года, есть слѣдствіе могучаго сосредоточія въ ней Русской жизненной силы и торговой промышленности; и не даромъ Императрица Екатерина называла Москву *цѣлымъ міромъ*.

Обширные торговые обороты, связь произведеній природы, земледѣлія и ремесла со всей Русской земли и разнородныхъ иноземныхъ товаровъ со всѣхъ сторонъ свѣта, требовали постояннаго, удобнаго и безопаснаго мѣста для склада. Искони это торжище Москвы было — Китай-городъ, гдѣ съ давнихъ временъ были ряды, лавки, подворья всѣхъ главныхъ торговыхъ Русскихъ городовъ, посольскій дворъ для пословъ иноземныхъ и *гостиный дворъ*, для иноземныхъ гостей—купцовъ, прѣзжавшихъ съ товарами.

Зданіе гостинаго двора строилось Царскою казною и составляло ея доходъ; гости въ казну и нанимали въ немъ лавки и палатки; но часто доходы съ лавокъ гостинаго двора давались въ награду дворянамъ Царскимъ за службу, точно также какъ *помѣстныя земли, или дачи*, на нѣвѣстное время, по жизни или въ отчину—т. е. въ наслѣдіе.

Въ началѣ уже XVI столѣтія, гостиный дворъ былъ каменный,*** и, безъ сомнѣнія, съ самаго учрежденія его иначе

* Ист. Г. Р. Т. IV. прим. 356.

** Не упоминаетъ о бывшемъ въ Москвѣ при Годуновѣ, Петрѣ, который пишетъ, что въ Москвѣ 4500 церквей съ приходами, кромѣ 50 въ Кремлѣ; но *Musskow-Reise* въ Кремлѣ 35, въ Москвѣ 5309.

*** Herberstein,

не могло быть; потому что иначе приважіе купцы для храненія товаровъ нанимали бы *палатки* или палатки въ каменныхъ храмахъ, какъ это водилось нѣкогда.

Религиозное родство Руссовъ съ Греками сблизило и утвердило взаимныя торговыя сношенія. Образцомъ гражданскаго развитія, общественности, удобствъ и роскоши жизни былъ Царьградъ, и это продолжалось до покоренія его Турками, когда всѣ искусства и искусства Греція бѣжали въ Италію, какъ нѣкогда боги золотаго вѣка въ Египетъ. Промышленная Венеція преимущественно привлекла къ себѣ художниковъ и все ремесленное образцовое производство. Если бы иго Монголовъ не тяготѣло уже надъ Россіей, весь этотъ міръ переселился бы на ея почву. Только со времени Іоанна III, возстановившаго самобытность Россіи, ожила въ ней и дѣятельность духа и промысла. Понадобились снова образцы и учителя; но духовная Греція хранилась уже только въ духовномъ санѣ; а развитіе ея художественнаго міра смѣсилось съ духомъ Италіи. Представители этого міра были уже Греко-Италянцы. Ихъ и призывали. Но и до этого времени возрожденія, Россія не оставалась безъ существенно необходимыхъ ремеселъ и искусствъ, хотя и остававшихся на той степени совершенства, на которой застигло ихъ паденіе Константинополя. У насъ сохранялась еще школа Греческой храмовой живописи, были мастерскія золотошвейнаго, суканнаго, обрonnaго и финифтянаго дѣла, литейныя заводы, суровскія или шелковыя и суконныя фабрики, чему служатъ допозднѣе слова лѣтописи подъ 1382 годомъ: «сущихъ во градѣ (въ Москвѣ) *сурожанѣ*, * суконниковъ и кушцовъ и всѣхъ людей храмы наполнены сущь богатства и всякаго товару....» Во время Феодора Іоанновича, на дворѣ Царскомъ была фабрика для тканія парчи, штофа и бархата. Управлялъ ею Венеціанецъ Марко Чинопи.

«Всѣ Русскіе ремесленники превосходны, — пишетъ Масквичъ (въ 1610 году), весьма искусны и такъ смыш-

* Отъ названія суроваго шелку *сырцею* — названіе *суровскіе*, т. е. сырцовые (*sericum*) ряды, и слово *сурожане*, т. е. шелковики.

лены, что все, чего съ роду не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь хорошо, какъ будто съ малолѣтства привыкли, въ особен-ности Турецкія вещи: чепраки, сбруи, сѣдла, сабли съ золотою насѣчкою. Всѣ эти вещи не уступать настоящимъ Турецкимъ.»

Дѣйствительно, старинная Русская выковка булата не уступала восточной.

Кромѣ этого были и полотняныя фабрики, на которыхъ ткали полотно, скатерти и убрусы (платки). По сказанію Кошикина, для *Царскаго обихода* занимались тканьемъ на Москвѣ слобода Кадашева и въ 350 верстахъ слобода Брентова, которыхъ подать и состояла въ этомъ производствѣ.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ Россіи издавна цѣлые города и слободы какъ будто были посвящены разнымъ искусствамъ и ремесламъ, славились ими и передавали изъ рода въ родъ. Такъ Суздаль славился иконописью, Троицкій посадъ точеньемъ, рѣзкою и выдѣлкой деревянныхъ сосудовъ; Устюгъ сканью и производствомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей съ наводомъ черни; Торжокъ сафьянной златошвейной обувью; Вологда сальными заводами; Муромъ калачами; Коломна постилой; Калуга прянымъ тѣстомъ; Вязьма пряниками; Тула оружейнымъ мастерствомъ, и пр. и пр. Москва сосредоточивала въ себѣ всѣ эти разсѣянные по Россіи производства. Каждый городъ имѣлъ въ Китай-городѣ свое подворье и свой рядъ лавокъ. Это было причиною, что косметическихъ магазиновъ не было, и торговля производствомъ одного ремесла не мѣшалась съ другою.

«Площадь передъ Кремлемъ, — пишетъ Олеарій (въ 1630 году), есть главный рынокъ города. Въ продолженіе цѣлаго дня тутъ кишитъ народъ. Вся эта площадь полна лавками, а равно и всѣ примыкающія къ ней улицы. Но каждое ремесло имѣетъ свою улицу (рядъ) и свой кварталъ (четь); такъ что купцы, торгующіе шелкомъ, не мѣшались съ продавцами сукна и полотна, ни золотыхъ дѣлъ

мастера съ сѣдельниками, саможниками, портными, шьихами, или другими ремесленниками. Каждое производ-ство и каждое ремесло имѣетъ свою улицу. Въ среднѣхъ рядахъ, въ лавкахъ съ бѣльемъ, сидятъ торговки. Въ *образномъ* ряду не продаются, но мѣняются безъ всякаго торговаго образа. Есть также *пушной рядъ*, который заваленъ пуховыми матрацами.

«Церковь Пречистой Казанской Божіей Матери построена близъ ряда, гдѣ ювелиры имѣютъ свои лавки.»

Изъ этого описанія видно, что ряды искони имѣли почти то же расположеніе, какъ и теперь.

Гостиный дворъ, предназначенный для *гостей* въ старомъ значеніи слова, когда купечество называло въ города въ опредѣленное торговое время, издавна существовалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь; но исключительно для иноземныхъ купцовъ.

Послѣ пожара въ 1626 году, когда сгорѣлъ и гостиный дворъ, хотя обнесенный каменною стѣною, но вѣроятно съ деревянными лавками, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ тотъ же годъ, указалъ окольничему Князю Григорью Константиновичу Волконскому «устроить разнаго званія ряды на гостиномъ дворѣ, лавкамъ быть по прежнему.»

Этотъ такъ называемый *старый* гостиный дворъ конченъ въ 1641 году, какъ видно было изъ существовавшей надписи надъ воротами двора противъ церкви великомученицы Варвары:

«Божією милостію, повелѣніемъ благочестивѣйшаго и христілюбиваго Государя, Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Самодержца, и сына его великаго и христілюбиваго Царевича и В. К. Алексѣя Михайловича, всея Русіи Самодержца; лѣто отъ созданія міра 7149 (1641).»

По плану, приложенному къ путешествію Мейерберга, и описанію Москвы въ бытность его въ ней, съ 25 Мая 1661 по 6 Мая 1662, это зданіе было съ башней надъ воротами со стороны Варвары. Изъ сохранившихся документовъ временъ Царя Алексѣя Михайловича видно, что съ 1661

года строился также гостинный дворъ, конченный 1664 года;* но составляло ли это возобновленіе стараго гостинаго двора или пристройку къ нему, нельзя опредѣлить, не смотря на существовавшую новую надпись надъ воротами, на которой означено было построение гост. двора въ 1664 году.

Спустя около ста двадцати лѣтъ, зданіе такъ обветшало, что то тамъ, то сямъ грозило паденіемъ. Покуда тянулось дѣло о разломкѣ стараго гостинаго двора и о постройкѣ новаго, было предписано: «строжайшее наблюдать, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, которыя угрожаютъ паденіемъ, ни проѣзду, ни торгу не было.» Въ 1789 году рѣшено было наконецъ продать гост. дворъ купечеству съ аукціона по частямъ. Съ 1794 года застроенъ нынѣшній гостинный дворъ, приведенъ къ окончанію въ 1805 году, и возобновленъ послѣ пожара въ 1812 году. На время постройки новаго гостинаго двора владельцамъ лавокъ отведены были мѣста на Красной площади, подлѣ Кремлевской стѣны. Съ 1786 года тутъ и выстроенъ былъ рядъ каменныхъ лавокъ, который въ послѣдствіи и былъ уничтоженъ. Лавки перенесли въ новый гостинный дворъ, а мелочные торговцы, кочевавшіе въ шалашахъ по Красной площади и Ильинкѣ, помѣщены въ линіи шкафовъ, составившую фасадную стѣну гостинаго двора, противъ ножевой линіи и питейныхъ погребковъ, существовавшихъ тутъ изстари и украшавшихся навѣсами, съ подвѣсками изъ цвѣтной крашенины.

Кромѣ существенныхъ произведеній почвы Россіи, составляющихъ прочное ея богатство, дорогіе мѣха были однимъ изъ прибыльнѣйшихъ сбытовъ Москвы за границу. «Въ Москву, во время зимы, — пишетъ Контарини, въ 1473 году, — съѣзжается множество купцевъ изъ Германіи и Польши для покупки различныхъ мѣховъ, — собольихъ, волчьихъ, горностаевыхъ, бѣличьихъ, рысьихъ. Мѣха эти добываются не въ самой Московіи, а гораздо далѣе на сѣверо-востокъ, но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу.»

* Матеріалъ полной и сравн. стат. Москвы. Ж. Гастона.

«Москвитяне,—пишетъ Павелъ Говій, въ 1525 году,—отпускають въ Европу лучший ленъ, коноплю для канатовъ, воловью шкуру и множество воску. У нихъ нѣтъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; а также во всей странѣ не замѣчено драгоценныхъ камней; но природа, лишивъ ихъ этихъ сокровищъ, щедро вознаградилъ за то богатыми и рѣдкими мѣхами, которые въ наше время, по значительному на нихъ требованію, до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ для шубы стоитъ не менѣе тысячи золотыхъ монетъ.»

Описывая Московскіе ряды и казенный гостинный дворъ, не излишнимъ будетъ объяснить различіе торговли прежнихъ временъ съ настоящей. Древняя наша внутренняя торговля была собственно ярмарочная; каждый производитель, земледѣлецъ, ремесленникъ, платя подать собственно своимъ произведеніемъ, везъ его въ извѣстное время года на ближайшую ярмарку или въ городъ, — торговалъ на возу, раскидывая палатку, или заводилъ лавку. Внѣшняя, оптовая или сложная торговля была собственно Царская, до временъ Петра Великаго. Собственно *гостями* назывались пріѣзжіе изъ другихъ странъ торговые люди, и тѣ изъ посадскихъ людей, которые, по знанію какого-либо рода промысла, избирались на Царскую службу по внѣшней торговлѣ и посылались съ товарами въ иностранныя земли. Изъ нихъ собственно и составлены были гостиная и суконная сотни. За доставленную прибыль по Царской службѣ и радѣніе, давалось имъ въ награду почетное званіе *гостя*, съ правомъ на вольный промыслъ и на откупъ нѣкоторыхъ статей казенной, внутренней и внѣшней торговли.

Статья Кошкина о *гостяхъ и торговлѣ Царской*, въ сочиненіи его «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», болѣе поясняетъ этотъ предметъ:

«1. Гости; и въ тѣхъ гостѣхъ бываютъ изъ торговыхъ людей, гостиной и суконной сотни, и изъ посадскихъ людей. А бываютъ они гостинимъ иманемъ пожалованы, какъ бываютъ у царскихъ дѣлъ въ вѣрныхъ головахъ и въ цѣловальникахъ у соболиныя казны, и въ таможенныхъ, и на

кружечныхъ дворѣхъ; и торги своими торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ; и волно имъ въ домѣхъ своихъ, про свой расходъ, держати питье, и варити и курити, чрезъ цѣлый годъ, также волно и вотчину купити, и держати, и подъ закладъ имати. И будучи въ гостѣхъ, потому жъ бывають въ царскихъ службахъ, по перемѣнамъ, у соболиныя казны и у денежныхъ сборовъ въ головахъ и во дѣяцѣхъ. А будетъ ихъ близко 30 человекъ; а торги своими торгуютъ въ году всякой человекъ на 20.000 и на 40.000 и на 50.000 и на 100.000 рублевъ.

«2. Гостиная, еудонная сотни, устроены для того: на Москвѣ и въ городѣхъ бывають у сборовъ царскіе казны, съ гостми въ товарищахъ, въ цѣловалникахъ, и торги своими торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ, и питье всякое въ домѣхъ своихъ велѣно имъ держать, безъ заказу; а крестьянъ купити и держати имъ заказано. А будетъ ихъ съ 200 человекъ.

«3. Московскіе торговые люди устроены сотнями и слободами, также и во всѣхъ городѣхъ посадскіе люди устроены слободами жъ: и бывають погодно выбираемы въ царскіе службы, въ таможни, и на кабаки, и къ инымъ промысламъ, въ вѣрныя головы и въ цѣловалники; а иные таможни, и кабаки, и всякіе поборы, откупають они изъ царскіе казны на свои денги.

«4. А торгуютъ они всякихъ чиновъ торговые люди, на Москвѣ и въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, всякими торговыми промыслами. И противъ той ихъ торговли и промысловъ положено царское тягло, на всякой годъ, со всякого города, что доведется взяти, окладами: и тѣ всѣ вышеписанные чины, на кого что положено, смѣтятся сами межъ собою по своимъ промысламъ и животомъ, съ кого что взяти, положить на себя сами межъ собою; а кому чего не въ мочь платити, сбавливають и накладывають на иныхъ — и выбраны у нихъ бывають для такихъ дѣлъ старосты. А собравъ по указу и по окладу денги, отдають въ Приказѣхъ и въ городѣхъ воеводамъ, и сами привозять къ Москвѣ.

«А питья имъ посадскимъ людемъ, кромѣ гостей и го-
стинные и суконные сотенъ, въ домѣхъ своихъ держати не
велѣно. А когда лучится имъ купити вина, или пива сва-
рить, или меды ставить, для своего надобья, и тогда бьютъ
челомъ царю: и имъ повелѣно держати на указные дни и
недѣли, и платять съ того питья въ царскую казну по-
шлины, по указу. А заказано имъ то питье держати для
того, чтобъ утаясь на сторону не продавали, и въ домѣхъ
своихъ корчмы и наложства не чинили. А понадобится имъ
варити красъ, или медъ поставить, или на ѣжу смолоть
ржи, или чего иного, или быка, или корову и свинью и
овцу убить, не на продажу: и то волно, и пошлинъ цар-
скихъ съ того не платять никакихъ.

«5. А кому гостемъ, или торговымъ и посадскимъ лю-
демъ, лучится на какихъ либо людехъ чего искати и от-
вѣчати: и имъ велѣно искати, на Москвѣ и въ городѣхъ,
у бояръ и у воеводъ и у приказныхъ людей, гдѣ кто въ-
домъ и судимъ; а своихъ у нихъ судовъ ни въ какихъ
дѣлѣхъ не бываетъ.

«6. А которой человекъ гость и торговой человекъ,
будучи въ головствѣ въ таможи и у иныхъ сборовъ и у
продажи и у соболины и иные казны, въ которомъ году
годъ передъ годомъ казны соберетъ болши: и имъ за тое
службу отъ царя бываетъ похвала, и бываетъ имъ жало-
ванье, по кубку или по ковшу серебряному, да по сукну,
да по камкѣ; а товарищамъ ихъ цѣловалникомъ по ковшу
же серебряному, да по сукну и по тафтѣ, смотря по при-
были и по человеку.

«7. А будетъ которой гость, или иной человекъ, бу-
дучи у сбора или у продажи, передъ старыми годами при-
были соберетъ менши прошлого году, своимъ нерадѣніемъ,
гуляніемъ, или пьянствомъ: и тое прибыль, которой было
быть въ которомъ году, счотчи противъ иныхъ городовъ
прибылей, берутъ на нихъ на самихъ; да сверхъ того бы-
ваетъ наказаніе кнутомъ. А будетъ они вѣрные головы и
цѣловалники и истинны не соберутъ сполна, за дороговью,

или за инымъ чѣмъ нибудь, а не своимъ нерадѣніемъ: и такимъ за такіе дѣла не бываетъ ничего» (Гл. X)

«1. У Архангелскаго города торговля—хлѣбомъ, пенкою, поташью, смолчюгою, шелкомъ сырцомъ, ревенемъ. А собираютъ тотъ хлѣбъ въ Поморскихъ и въ Понизовыхъ городахъ, съ уѣздныхъ черныхъ слободъ съ крестьянъ, и закупаютъ тотъ хлѣбъ и пенку во многихъ городѣхъ, на царскіе казенные денги изъ Приказу Большаго Приходу; и съ пріѣзжими иноземцы мѣняють на всякіе товары, и продаютъ на денги. Поташные и смолчюжные заводы — учинены буды въ царскихъ дикихъ лѣсахъ, на Украинѣ, также и бояръ и околничихъ и думныхъ и ближнихъ людей, и гостей и торговыхъ людей, буды учинены въ тѣхъ же и въ иныхъ царскихъ лѣсахъ, на откупѣ; а сверхъ откупѣ на царя берутъ поташи и смолчюги десятую бочку. И тѣ товары, хлѣбъ, пенку, поташъ, смолчюгу, провадятъ къ Архангелскому городу на царскихъ ямскихъ подводахъ, и наймуютъ. Ревень присылается изъ Сибири, собираютъ съ таможилцовъ.

«2. Торговля на Низу — учюжные рыбные промыслы, что остается за дворцовымъ обиходомъ; также и соль ломаютъ и варятъ и возятъ, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ, до Казани и до Нижнего и до Москвы. И тое рыбу и соль, что остается за царскимъ расходомъ, на Москвѣ и въ городѣхъ продаютъ всякого чину людямъ.

«3. Съ Персидскими купчинами — шолкомъ, сырцомъ и варенымъ, и всякими тамошними товарами, въ Астарахани и въ Казани и на Москвѣ. А цѣнять тѣ Персидскіе товары по тамошней ихъ цѣнѣ, по чему купятъ въ Персіи, а на Москвѣ за тѣ товары даютъ изъ царскіе казны соболи и иную мягкую рухлядь, противъ роздачи, съ прибавкою. А какъ тѣ купчины бываютъ въ Астарахани, и въ Казани, и на Москвѣ: и имъ дается до поѣзду ихъ царское жалованье, кормъ и питье, и суды, въ чемъ имъ ѣхать водою, и гребцы, безденежно.

«4. Гречаня — пріѣзжаютъ къ Москвѣ ежегодно и привозятъ съ собою товары всякіе: сосуды столовые и пи-

тейные, золотые и серебряные съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды и съ лалы, и золотные портища, и конскіе наряды, сѣдла и муштуки и узды и чапраки со всякимъ каменьемъ, и царицъ и царевнамъ вѣнцы и зарукавники и серги и перстни съ розными жъ каменьями, не малое число.

«А пріѣхавъ тѣ товары царю подносятъ они въ дарѣхъ; а послѣ того тѣ товары цѣнятъ торговые люди, иноземцы и мастера, по тамошней Турецкой оцѣнкѣ: а вмѣсто того дается имъ соболями жъ и рухлядью. И такихъ товаровъ на всякой годъ покупается множество, потому что боярокъ и иныхъ чиновъ людямъ купити окромѣ царя никому волно, а въ царскую казну приходятъ они якобы даромъ.

«А бываетъ тѣхъ Гречанъ на годъ по 50 и по 100 человекъ, и живутъ на Москвѣ для продажи многіе годы; и дается имъ кормъ и питье доволное. А которые товары подносятъ они царю, а въ царскую казну тѣ товары не годятся: и имъ тѣ товары отдаются назадъ, и волно имъ продавати всякого чину людямъ.» (Гл. XII)

Изъ свѣдѣній Кошкина видно, что иностранные гости или купцы, пріѣзжавшіе въ Москву, получали царское содержаніе или *мѣсячину*—«кормъ питье и суды, въ чемъ имъ ѣхать водою и гребцы, безденежно.» Въ отношеніи пословъ было то же. Любопытно замѣтить, что это тѣ же самыя условія содержанія пословъ и гостей на Царскій счетъ, какія были въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками, слишкомъ за 700 лѣтъ.

«И приходящимъ имъ (посламъ и гостямъ) да витають у св. Мамы (подворье Русское между стѣнами Царьграда и Босфоромъ, гдѣ былъ монастырь этого имени); да послеть царство наше да напишетъ имена ваша, тогда возмуть *мѣсячное свое*: съли слѣбное (послы посольское), а гостье *мѣсячное*... и отходящеи Руси отсюда, възимають отъ насъ еже надобъ брашно на путь, и еже надобъ людямъ, *якоже суславлено есть* преже.»

Такимъ образомъ исконныя условія и обряды торговли вѣншей и внутренней продолжались у насъ до са-

маго преобразованія. Различіе и противоположность велики когда вникнуть въ сущность. Въ старомъ значеніи, торговое сословіе есть также одинъ изъ органовъ тѣла; а не что-то отдѣльное, живущее своей жизнью, размножающееся въ организмъ на счетъ силъ его, посредствомъ возбужденія.

Говоря про нравственное различіе прежняго гостиннаго двора съ новымъ, можно во-первыхъ привести слова Карамзина:

«Гостинный дворъ (въ 1520) *прельщало глаза* не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ.» Въ XVII еще столѣтіи, какъ мы замѣтили изъ Олеарія, различные товары не мѣшались другъ съ другомъ; каждый имѣлъ свой рядъ, не только что лавку. Косметическихъ магазиновъ не было, долго были они намъ не по рукъ. Колоніальная смѣшенная торговля Европы подѣйствовала соблазнительно и на старинную смиренную простоту городскихъ лавокъ. Всѣ онѣ нарохтятся въ магазины. Бывало чай терпѣть не могъ ничего подлѣ себя, кромѣ сахару; а теперь яхшается даже съ жуковскимъ табакомъ, греческимъ и казанскимъ мыломъ, не только что съ спиртомъ, настояннымъ гвоздикой, и саломъ, напитаннымъ розовымъ масломъ. Въ ножевой линіи можете купить всякую модную *ветошь*, а въ ветошномъ ряду ножи.

О живописныхъ, картинныхъ выѣскахъ и златыхъ надписяхъ и понятій не имѣли. Да и не нужно было; обширность торговли купца зависѣла отъ обширности его знакомства. Каждый купецъ старался завести свой приходъ и постоянныхъ прихожанъ — покупателей, *вѣрующихъ въ его право-слово*.

Старинная привычка сидѣльцевъ, съ поклонами зазывать всѣхъ проходящихъ къ себѣ въ лавку, и исчислять наизусть всѣ товары, еще не вывелась изъ употребленія, точно также, какъ и запрашиванье въ три-дорога; но это не мѣшаетъ: одно что-то въ родѣ учтивости; а другое въ родѣ науки знать цѣну товарамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и средство, возбуждающее покупателя и продавца къ взаимной

бесѣдѣ, и пріятно волнующее, одного надеждой подешевле купить, а другаго — подороже продать.

Ни на Востокѣ, ни на Западѣ нѣтъ этого обычая. На Востокѣ пришелъ на майданъ, взялъ товаръ, положилъ, не говоря ни слова, передъ бородатымъ истуканомъ, курящимъ трубку, слѣдующую и искони извѣстную цѣну, и — съ Богомъ пошелъ домой, А на Западѣ: вошелъ въ магазинъ, чтобъ купить что-нибудь дѣльное, накупилъ бездѣлокъ, заплатилъ вмѣсто слѣдуемой цѣны *prix-fixe*, — и только можешь поморщиться и подумать: за чтожъ это я заплатилъ деньги? За товаръ? — товару на грошъ. За трудъ? — трудилась машина. Я заплатилъ деньги за наемъ великолѣпнаго магазина, за содержаніе его, за украшеніе его, за озареніе его солнечными лампами и газомъ, за бенефисъ, слѣдующій имянитоу фабриканту, за бенефисъ, слѣдующій знаменитоу комиссіонеру, который не можетъ же жить безъ утонченныхъ аристократическихъ комфортавъ, за жалованье швейцару, словомъ, за барничанье. И что такое *prix-fixe*? — мертвая цѣна. У насъ она движется на обширномъ пространствѣ 1: 10; и сколько тутъ жизни: то купецъ радуется, что въ три-дорога продалъ; то покупатель въ восторгѣ, что купилъ за *нигило*, почти даромъ.

А. В.

СМѢСЬ.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ ИЗЪ КОЛЛЕКЦИИ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Я могъ бы сдѣлать великолѣпное вступленіе о разнообразіи страстей человѣка, но у меня на это вовсе нѣтъ охоты. Это не моя страсть.

Разскажу вамъ просто, какъ я прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ деревнѣ, близъ большой Московской дороги, у добраго Авеля Петровича Шорина, какъ цѣлый мѣсяцъ всматривался въ круглое, доброе лице Авеля Петровича, не отгнѣнное ни одной чертой страсти, и хотѣлъ, во что бы ни стало, подмѣтить главнѣйшую страсть его.... но это было не легко, какъ узнаете сами.

Сначала массивныя щеки Авеля Петровича, раздвигающіяся отъ безпрестанной улыбки, подали мнѣ явное подозрѣніе на *страсть къ веселости*; однако это скоро опроверглось его постоянной молчаливостью послѣ обыкновеннаго утренняго привѣтствія и двухъ-трехъ словъ о погодѣ, съ прибавленіемъ почти къ каждому слову — *съ*.

Только колокольчикъ, дребезжащій на большой дорогѣ, заставлялъ Авеля Петровича дѣлать глубокомысленное замѣчаніе: «Вѣрно вѣдутъ проѣзжіе-съ.... а дорога-съ — очень дурна-съ!... трудно лошадамъ-съ....» И эта фраза повторялась съ едва замѣтными варіаціями, при каждомъ слышанномъ звукѣ колокольчика.

Авелю Петровичу теперь 60 лѣтъ.

Авель Петровичъ когда-то былъ въ военной службѣ, — я старался разшевелить воспоминанія его о военной жизни, жизни, въ которой горѣть огнемъ страсти молодости.

Отд. 6.

1

Я уже не говорю о боевой, о лагерной жизни — довольно вспомнить однѣ стоянки въ благодатныхъ провинціяхъ: какая кипучая бездна поэзіи, бездна страстей! а зимнія квартиры въ какомъ-нибудь уѣздномъ городишкѣ? а балъ у какого-нибудь помѣщика-хлѣбосола, съ 600 душами недавно поступившими въ продажу, и шестью дочерьми, давно поступившими въ невѣсты?

Какъ не придти въ восхищеніе, вспомнить все это!

Я налегъ всемъ гнетомъ любопытства, допрашивая бѣднаго Авеля Петровича про походы его окказіи, воображая выдать изъ него какую-нибудь страсть, не тутъ-то было! Весь экстрактъ боевой жизни его состоялъ только въ слѣдующемъ:

— Осемьсотъ двадцатаго-съ, мы квартировали въ Ливнахъ-съ.... Дрянной городишка! Какъ тамъ надули меня банной помады-съ!.... представьте, отпустили протухлую-съ!.... Вы бывали въ Ливнахъ-съ?.... тамъ, знаете, есть портной — Нѣмецъ Жильбертъ-съ — отлично шьетъ-съ.... Два мундира мнѣ сдѣлалъ чудесные-съ.

Я было сталъ приходить въ отчаяніе, отъ этихъ словъ, какъ вдругъ Абель Петровичъ обрадовалъ меня: — Я вѣдь мало служилъ въ арміи-съ.... мы все съ братомъ служили во флотъ-съ....

Ба! да, можетъ быть, онъ бывалъ въ прелюбопытныхъ экспедиціяхъ; можетъ быть, совершилъ великія дѣла на морѣ.... Можетъ быть, онъ обошелъ вокругъ свѣта; по крайней мѣрѣ сдѣлался порядочнымъ пьяницей.... Но нѣтъ, я и забылъ, что у Авеля Петровича Бахусъ на счету самыхъ дурныхъ боговъ, развратнаго поведенія.... Посмотримъ же, что дѣлалъ Абель Петровичъ на морѣ.

Абель Петровичъ плавалъ изъ С.-Петербурга въ Швецію, которая находится, по его словамъ, при Балтійскомъ морѣ. Въ этомъ государствѣ, рассказывалъ онъ, главный городъ называется Стокгольмъ.

— Въ Стокгольмѣ-съ дѣлаютъ чудесныя бритвы, — сказалъ онъ мнѣ, — я купилъ пару-съ.... по сю пору цѣлы.... хотите, покажу-съ?.... Стокгольмъ городъ чудесный!.... что нашъ Петербургъ-съ!

Дальнѣйшихъ наблюденій и сказаній о Швеціи и службѣ на морѣ у Авеля Петровича не имѣлось; по этому, по всѣмъ выводамъ логики, я заключилъ, что страсть къ мореплаванію у него вовсе не развита.

Поищемъ другой страсти.

Постойте, кажется, у Авеля Петровича есть страсть къ дѣтямъ.... У него шесть человѣкъ дѣтей. Кажется, что онъ ихъ очень любить; потому что безъ мѣры посыпаетъ сахаромъ молочную кашу и безпрестанно спрашиваетъ, не хотятъ ли еще. Къ тому же онъ часто гладитъ ихъ по головѣ, дѣлаетъ имъ изъ бумаги лодочки, даже корабли.... явный признакъ его службы на морѣ!— Когда дѣти прощаются съ нимъ на сонъ грядущій, онъ съ нѣжностью цѣлуетъ всѣхъ и каждого по три раза, что и составляетъ осмынадцать нѣжныхъ поцѣлуевъ, самой страстной родительской любви. Какая же въ немъ еще страсть, какъ не эта? Примемъ же наблюдать эту страсть со всею отчетливостью.

Дѣти учатся. Но чтожь это Авель Петровичъ, послѣ класса каллиграфіи, никогда не взглянетъ на ихъ чистописаніе? Никогда не остановится у фортепіано послушать, или по крайней мѣрѣ по-смотреть, какъ его дочери играютъ *à quatre mains*? Дѣти падаютъ, бьются.... дѣти нездоровы, а Авель Петровичъ, улыбаясь, равнодушно повторять: «ничего-съ!.... пройдетъ.... дѣло дѣтское-съ!»

Послѣ этого я начинаю приходить въ отчаяніе, какъ инженеръ, просверлившій сажень триста каменистой почвы для артезіанскаго колодца, не находя сильной водяной жилы. Но вѣдь она должна же быть.

Давайте же опять съ терпѣніемъ сверлить Авеля Петровича, какъ-нибудь добьемся же до жилы его главной страсти, которая хоть на минуту брызнетъ вверхъ и наградитъ терпѣніе искателя.

Я давно рѣшилъ, что онъ добръ до безконечности.... Позвольте же, добрые люди всегда бываютъ вспыльчивы, по словамъ премудрыхъ психологовъ.... Пустяки! я могу доказать это безъ всякаго сравненія; вотъ вамъ живой примѣръ:

Андрюшка, человѣкъ Авеля Петровича, по крайней мѣрѣ семь разъ вънедѣлю забываетъ класть на столъ ложки, ножи, а иногда и хлѣбъ, рѣдкій обѣдъ не обольетъ кого-нибудь горячимъ, или соусомъ,—Авель Петровичъ улыбнется и промолвить только: — Что за дуракъ этотъ Андрюшка! о чемъ онъ думаетъ?.... Ей-Богу не понимаю!.... вчера столкнулся со мной въ корридоръ-съ.... такъ стукнулись лбами-съ, что я вамъ скажу; а онъ дуракъ смѣется!.... Ну, не дуракъ ли Андрюшка-съ? Право дуракъ-съ!.... Андрюшка, ты дуракъ! слышишь? — Слышу-съ! — отвѣчаетъ Андрюшка.

Право, ужъ не бросить ли наблюденія надъ Авелемъ Петровичемъ? Кажется, скорѣе можно дожидаться цвѣтовъ на моемъ чубукѣ, нежели обнаружить въ немъ какую-нибудь страсть. До картъ онъ не охотникъ. Агрономіей занимается староста.

Собака Авель Петровичъ не любитъ, считаетъ ихъ погаными тварями, смердящими псами; однако же собственноручно кормить ихъ два раза въ день даже разсуждаетъ съ ними о суетахъ міра сего: «А что, *черный*... что, ты еще не ѣдъ, такъ и лапашеньки ко мнѣ, каналья.... а сытаго тебя и не докличешься? Такъ-то, братъ, *черный*, такъ и между людьми бываетъ!» И Авель Петровичъ вздохнетъ пазъ глубины души надъ *чернымъ*.

Погоди же ты, страсть! не спрячешься ты у меня ни трубки ни въ табакеркѣ Авеля Петровича, я тебя поймаю даже у него въ боковомъ карманѣ.... Но Авель Петровичъ иногда цѣлый день забываетъ насыпать свою табакерку, выкуриваетъ въ недѣлю по двѣ, по три трубки Американскаго вакштафа; вообразите же, гдѣ тутъ страсть? Кошелекъ его въ рукахъ супруги, очень умной и доброй женщины; а записная книжка съ самаго ея поступленія на жительство въ боковомъ карманѣ Авеля Петровича находится въ цѣломудренномъ положеніи. Авель Петровичъ не вынимаетъ изъ нея и карандаша: онъ говоритъ, что въ ней славный пергаментъ — жалко марать-съ!....

Я было недавно обратилъ вниманіе на конюшню; однако же скоро увѣрился, что это не настоящее мѣстопробываніе страсти Авеля Петровича: лошадей онъ любитъ только кормить.

Вотъ уже прошло три недѣли неусыпныхъ наблюденій! Десять разъ хотѣлъ я ихъ бросить, выведенный изъ терпѣнія безстрастіемъ Авеля Петровича; даже начиналъ сомнѣваться въ моей наблюдательности; но чего не дѣлаетъ твердая воля чело-вѣка! Я вооружаюсь непреодолимымъ упорствомъ и до послѣдней капли крови буду преслѣдовать, буду искать страсть Авеля Петровича. Я человекъ рѣшительный, настойчивый!

О, горе тебѣ, страсть Авеля Петровича! Горе тебѣ, если ты мнѣ попадешься. Теперь я ожесточенъ неудачами, и похожъ на охотника, который сдѣлалъ дюжину пуделей по вертлявому нырку и готовъ самъ броситься въ воду, чтобъ только сорвать голову проклятой птицѣ.... А чѣмъ виноватъ бѣдный нырокъ, что имѣетъ шестнадцать такъ проворно нырять? Чѣмъ виноватъ бѣдный Авель

Петровичъ, что природа не дала ему страсти? — прекрасное сравненіе! О философія! подкрѣпи меня.

Теперь я, кажется, хладнокровнѣе буду ждать проявленія страсти въ Авель Петровичъ, если только она у него есть.

Быть можетъ, у него страсть мѣсячная? Быть можетъ, она проявляется, какъ истерика, какъ лунатизмъ, подъ вліяніемъ новой луны; можетъ быть, годовая, какъ *spiculae*, когда бѣсятся собаки.

Подождемъ! — *Patientia est prima scientia*. Четвертая недѣля приходитъ къ концу.... я сохну!

Авель Петровичъ непременно вгонитъ меня въ чахотку!

Вчера не терялъ я еще надежды, а теперь, теперь я расскажу основательно, какъ потерялъ послѣднюю надежду.

Нѣсколько разъ слыхалъ я, какъ Авель Петровичъ за стѣной моей комнаты, читалъ, въ ранніе часы утра, псалтирь. Чтеніе происходило въ полголоса, какъ будто изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, и притомъ такимъ напѣвомъ, какъ читаютъ псалтирь по мертвомъ.

Это наткнуло меня на мысль: ужъ не это ли страсть его? — Какой же я простакъ, не могъ до сихъ поръ догадаться!

— Андрей! вычисти мнѣ трубку!.... да скажи пожалуй-ста: всегда такъ читаетъ Авель Петровичъ?

— Всегда-съ.

— И всегда такъ рано?

— Нѣтъ-съ, какъ имъ вздумается. Прежде бывало читаютъ цѣлый день-съ.

— Отъ чего же при мнѣ этого не было, отъ чего же теперь онъ читаетъ, когда я сплю?

— Не могу знать-съ.

— Ага! такъ это въ самомъ дѣлѣ страсть Авеля Петровича. Чтожъ мудренаго? Можетъ быть, онъ мучится, бѣдный, что ему при мнѣ совѣстно слѣдовать влеченію своей страсти, читать громко, протяжно, именно такъ, какъ читаютъ псалтирь по мертвымъ.... И я причиной твоихъ мукъ, твоихъ огорченій, добрейшій изъ смертныхъ! Нѣтъ, я не потерплю этого, я не хочу быть невинной причиной твоего страданія!.... Иду сейчасъ же и вынужу тебя сознаться въ твоей роковой страсти. Скажу, что принимаю въ ней живѣйшее участіе.... скажу, что я самъ люблю читать такимъ же образомъ.

— Что вы это читаете Авель Петровичъ?

— Да такъ-съ.... псалтирь... отъ скуки-съ!

Скрывается! подумалъ я, какъ обыкновенно скрываютъ сильныя страсти. Нѣтъ, Авель Петровичъ такого наблюдателя, какъ я, мудрено надуть!

— Я очень люблю чтеніе священныхъ книгъ, — сказалъ я съ чувствомъ, — особливо, если читаютъ такъ, какъ вы.

— А развѣ это хорошо?—сказалъ Авель Петровичъ съ улыбкою удовольствія, смѣшаннаго съ сомнѣніемъ; — а вѣдь это я такъ-съ, передразниваю отъ скуки нашего дядька.... воить точно крестьянская баба на похоронахъ.

Я онѣмѣлъ.... это была послѣдняя моя надежда. Послѣ этого я, кажется, взглянулъ на Авеля Петровича такимъ взглядомъ, которыми сопровождаютъ слова: «кошелекъ, или жизнь!» я едва не воскликнулъ: «страсть или жизнь!»

— А вотъ, вѣрно будутъ еще протѣзжающіе, — глубокомысленно замѣтилъ Авель Петровичъ, прислушиваясь къ отдаленному колокольчику. — Каково-то имъ ѣхать по такой дорогѣ? Скверная дорога-съ!....

Прошло еще три дня и съ ними прошла моя охота къ наблюденіямъ.

Но вдругъ.... о, чудо! невольно вскрикнулъ я по-Гречески: *Эврика! Эврика!* — и еслибъ зналъ Греческую азбуку, я бы и написалъ непременно это восклицаніе по-Гречески; даже еслибъ сидѣлъ въ ваннѣ, выскочилъ бы изъ нея, какъ Греческій геометръ, позабылъ бы, что на мнѣ нѣтъ другаго покрова кромѣ водныхъ капель, и, можетъ быть, въ этой одеждѣ пробѣжалъ бы чрезъ гостиную Авеля Петровича, чтобъ скорѣе передать бумагу мое удивительное открытіе. О, друзья! поздравьте, обнимите меня! Украсьте лавровой вѣткой хоть изъ супа какого-нибудь Нѣмецкаго гелертера — за мое терпѣніе, прозорливость, однимъ словомъ, за великій подвигъ открытія страсти въ Авелѣ Петровичѣ, да еще какой страсти — Бальзаковской, съ тигровыми — нѣтъ, мало — съ желѣзными когтями, покрытыми вѣчной ржавчиной, которые до могилы будутъ скрести его бѣдное сердце! Каково? Прибавлю еще: эта страсть мучитъ его, какъ алхимика, который, въ тысячу первый разъ разбивая плавильный тигель не-

удавшагося *краснаго дракона*, *великой надежды*, * говорить въ тысячу первый разъ, задыхаясь отъ дыма и бѣшенства: «попробуемъ еще разъ! кажется, я былъ очень близко къ красному дракону.»

Слушайте и пожалѣйте о добромъ Авелѣ Петровичѣ, также какъ жалѣю его я! Это такая страсть, которая будетъ преслѣдовать его до послѣдняго дня, будетъ послѣдней его мыслію.

Что же это за страсть? восклицаете вы съ нетерпѣніемъ.

Погодите, дайте собраться съ духомъ, чтобъ выговорить это ужасное слово, или названіе этого ужаснаго предмета, который сдѣлался пагубой бѣдному Авелю Петровичу.

Это.... это — окрошка!!! восклицаю я наконецъ болѣзненно, и кладу перо, чтобъ подпереть мою голову, полную глубокихъ думъ о страстяхъ человѣка.

У Наполеона была великая страсть къ пролитію крови, у Кюве великая страсть къ трупамъ и костямъ животныхъ.... чѣмъ же хуже ихъ страстей страсть Авеля Петровича къ окрошкѣ? Вы еще не понимаете всѣхъ страданій, происходящихъ отъ этой пагубной страсти, я долженъ вамъ вполне объяснить это.

Когда-то.... очень давно, Авель Петровичъ изволилъ кушать у кого-то въ С.-Петербургѣ дивную окрошку (современемъ я изслѣдую всѣ подробности этого важнаго событія и не премину сообщить къ свѣдѣнію). Эта окрошка, которую кушалъ въ С.-Петербургѣ Авель Петровичъ, понравилась ему до такой степени, до такой степени овладѣла его умственными способностями, что рѣшила судьбу его. Онъ поклялся въ душѣ сдѣлать у себя точно такую же окрошку. Но увы! это не такъ легко, какъ вы думаете.

Вотъ прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ Авель Петровичъ напрыгаетъ всѣ силы своихъ умственныхъ способностей, но вотще — окрошка не удастся. Вотще онъ каждый день мѣняетъ ингредиенты, входящіе въ составъ окрошки, перемѣняетъ каждый день количество ингредиентов; и увы! отвѣдаетъ, покачаетъ головой, и скажетъ, вздохнувши болѣзненно: авось-либо завтра удастся попасть на настоящую пропорцію! Теперь я, кажется, переложилъ горчицы и луку.... сколько бишь я искрошилъ луковицъ?....

Въ этомъ-то и состоитъ вся бѣда Авеля Петровича: онъ никогда не можетъ вспомнить количества употребленныхъ ингредиентов.

* Составъ золота, на языкѣ алхимиковъ.

VI. смѣсь

— Пашета, не видала ли ты, сколько я искрошила луковиц!

— Не видала, папинька.

— Не видала ли ты, Леночка?

— Меня тутъ не было, папаша!

— Варинька, ты, кажется, вертелась тутъ около меня, не видала ли ты, мой дружечикъ?

— Я твердила урокъ, папаша, когда же мнѣ было считать ваши луковицы.

— Мадамъ, не видали ли хоть вы?

— Фи, фи! ви знала, шта мой плюють на фашъ люка, и я укадила фонъ.

— Ничего не добьешься отъ этихъ дуръ! — восклицаетъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія Авель Петровичъ, и съ признаками явного негодованія начинаетъ скоро ходить по комнатѣ. Наконецъ глаза его останавливаются съ нерѣшительной робостью на лицѣ его супруги. Замѣтно, что онъ обдумываетъ: удобна ли теперь минута предложить ей одинъ важный вопросъ.... какъ-то она его приметъ?.... въ хорошемъ ли она расположеніи духа? — Я не знаю, отъ чего такъ долго добрый Авель Петровичъ не рѣшается предложить свой вопросъ; кажется, его добрая супруга всегда въ одинаковомъ хорошемъ расположеніи духа, съ глазами, добродушно устремленными на чулокъ, который она постоянно вяжетъ. Надумавшись, Авель Петровичъ понюхалъ наконецъ табакъ, кашлинулъ, рѣшился...

— Скажи пожалуйста, матушка, не помнишь ли ты, изъ чего я въ прошлое воскресенье дѣлалъ окрошку? подкладывалъ я въ нее лимонной цедры, или нѣтъ?

— Ну тебя, Авель Петровичъ, неужели ты мнѣ вѣчно будешь надоедать своей окрошкой? Всякій день одна и та же исторія...

— Господи! — проговорилъ Авель Петровичъ, — никто не хочетъ сказать, никто не хочетъ замѣтить!.... а всѣ дѣлаютъ окрошку!... Андрюшка! клалъ я вчера сметану, или нѣтъ! — Кажись, изволили класть-съ. — Сколько ложекъ? — Кажись, ложки три.... или можетъ четыре. — Врешь, пять. — Право четыре-съ! — Я тебя говорю, что пять! — Право четыре, а три; а ужъ не больше... — Врешь же ты, дуракъ! — Не врите, сударь, какъ изволите! — Пошелъ вонъ! — А что ты думаешь, а можетъ быть, онъ и правъ, — грустно шепталъ Авель

Петровичъ, — а всему причиной моя проклятая память !.... Попробовать подложить сегодня ложки три уксусу, три желтка и щепотки двѣ рубленого укропу....

Слабый лучъ надежды и едва замѣтная улыбка появляются на задумчивомъ лицѣ Авеля Петровича, которое только и бываетъ задумчиво во время великой операціи составленія окрошки.

Окрошка готова ; смотрите, съ какою робостью онъ беретъ ложку, какъ медленно зачерпываетъ ею *свою страсть*, подносить къ губамъ, — виновать, къ носу, — долго обнюхиваетъ ее, и наконецъ рѣшается отвѣдать....

О, какъ важна эта минута въ жизни Авеля Петровича ! смотрите, — онъ пробуетъ на языкъ, и — о правосудіе вкуса !.... Амель Петровичъ бросилъ взглядъ кислые уксуса на свою окрошку, потомъ потупилъ глаза съ смирніемъ мученика, потомъ повелъ ими во всѣ стороны, и видя, что никто не обращаетъ на него вниманія, осмѣлился вздохнуть, вздохнуть глубоко, — вздохомъ растерзаннаго сердца.

Бѣдный Амель Петровичъ ! онъ также скрываетъ пагубную страсть свою, пагубную, говорю я, да ! она доведетъ его до могилы....

Иногда онъ, не будучи въ силахъ вытерпѣть страданій, происходящихъ отъ многолѣтнихъ неудачъ, прибѣгаетъ къ ужаснымъ крайностямъ.

Съ азартомъ игрока онъ принимается дѣлать окрошку, даже нѣсколько окрошекъ вдругъ. Руки его судорожно дрожатъ отъ волненія души. Отвѣдываетъ.... и — собственноручно выливаетъ въ окно упрямую окрошку, не давая къ ней прикоснуться ни чьей рукъ, ни чьему языку человѣческому.... Я подозреваю сильно: ужъ не мститъ ли онъ этимъ окрошкѣ, выводящей его изъ терпѣнія ? Но, нѣтъ ! прочь эта черная мысль ! Она недостойна доброй души Авеля Петровича. Во время припадковъ отчаянія, во время неудачъ, Амель Петровичъ приказываетъ рѣзать и крошить утокъ, гусей, куръ, даже поросятъ для своей роковой окрошки. Кладетъ вмѣстѣ куръ и лимонную цедру, уксусъ и сметану, горчицу и хрѣнь, мускатный орѣхъ вмѣстѣ съ чеснокомъ, и наконецъ красное вино вмѣстѣ съ квасомъ. Но я не могу вамъ пересказать всѣхъ ужасовъ, отъ которыхъ должна дрожать гниѣна и гастрономія, отъ которыхъ содрогался даже неустрашимый желудокъ одного сосѣда.

Авель Петровичъ въ припадкахъ своей ужасной страсти готовъ искрошить всѣ царства природы, всю вселенную въ свою роковую окрошку!

Вспомните меня: если Авель Петровичъ сдѣлается опасно боленъ, виновата непременно будетъ окрошка; если сойдетъ съ ума, виновата также будетъ пагубная страсть къ окрошкѣ; если умретъ, (отъ чего Бѣже упаси), причиной будетъ также окрошка!

О, да не прилѣпляется никто ни душою, ни сердцемъ къ этой злоторной окрошкѣ, да избегаетъ *сей страсти*. Но возможно ли было бы подозревать, чтобъ рубленое мясо, и огородами овощи, разведенныя квасомъ, образовали изъ себя бездонную пропасть, въ которую можетъ незвергнуться человѣкъ!

ГАЛЛЕРЕЙ И ПАССАЖЪ СВ. ГУВЕРТА ВЪ БРЮССЕЛѢ. — Не понимаемъ куда ведетъ такъ называемая цивилизація; но, кажется, что она ведетъ изъ улицы въ улицу, чрезъ галлерей и пассажи. Мы понимаемъ просвѣщеніе; но не понимаемъ такъ называемой цивилизаціи, которая ведетъ изъ пустаго въ порожнее, чрезъ *галлерей* и *пассажи*. Не хотимъ и переводить эти слова на Русскій языкъ; пусть они навсегда останутся галлерейми и пассажами. Промышленность знаетъ слабости человѣческія, знаетъ и слабыя струны, на которыя дѣйствуютъ, кромѣ музыкальныхъ, и уличные пассажи; и потому можно надѣяться, что со временемъ переулки совершенно уничтожатся.

Архитекторъ Клюйзенаръ устроилъ, года съ два тому назадъ, въ Брюсселѣ, чудный пассажъ. въ подражаніе Парижу. Постройка стоила 3,250,000 франковъ, но не въ убытокъ акціонерамъ: пассажъ вошелъ въ моду, и на второй годъ они имѣли уже дохода съ помѣщеній магазиновъ, кофейныхъ et cetera до 160,000 франковъ.

Этотъ пассажъ, между Зеленымъ рядомъ и Монетной площадью, состоитъ изъ двухъ галлерей, каждая во 100 метровъ (150 саж.), составляющихъ продолженіе одна другой и раздѣленныхъ только *rue des Bouchers*, то есть Брюссельской мясницкой улицей. Этотъ переходъ однако также крытый. Ширина пассажа 4 сажени.

Первая галлерей называется галлерей Королевы. Къ ней примыкаетъ роскошный цвѣточный рядъ, котораго хоры предназначены для продажи букетовъ и корзинокъ съ цвѣтами.

Вторая, галлерей Короля, имѣетъ боковой пассажъ на улицу Доминиканцевъ, называемый пассажемъ Принца. Въ этой галлерей помѣщается и новый театръ.

Зданія галлерей С. Губерта въ три этажа, кромѣ нижняго, въ которомъ помѣщаются магазины, кофейныя и рестораціи, которые платятъ за свое помѣщеніе отъ 900 до 5,000 франковъ въ годъ.

Верхніе этажи заняли разныя общества: Общество искусствъ и литературы, Общество филармоническое, и многія другіе.

ТЕАТРЫ ВЪ ПАРИЖѢ. — Политическія событія и холера жестокимъ образомъ разобидѣли Парижскіе театры. Всѣ директоры ихъ явились, недѣли двѣ тому назадъ, къ Виктору Гюго, изложили бѣдственное свое положеніе отъ двухъ гибельныхъ эпидемій, и просили ходатайства предъ Законодательнымъ собраніемъ о вспоможеніи имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ о сочиненіи новой драмы подъ заглавіемъ: «le Peuple s'amuse.»

ПОТЕРЯ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕАТРА. — Холера свела съ Парижской сцены извѣстную драматическую актрису Дорваль. Слава ея началась вмѣстѣ съ *новѣйшей драмой*, какъ выражаются Французскія газеты. Отцы этой новѣйшей драмы, разумѣется, А. Дюма и Викторъ Гюго, которые и писали всѣ главнѣйшія роли собственно для таланта М-мъ Дорваль. *Антоній, Чаттертонъ, Марія Тюдоръ* — поля ея подвиговъ и побѣдъ.

Дорваль кончила подвиги; но какъ говорится: было бы болото.... Рашель овладѣла уже ея поприщемъ; точно также какъ на *театрѣ Историческомъ*, похищенную также холерой мадемуазель Малъ замѣнила юная Каролина Провостъ, уроженка *Комической оперы*, созданная для того, чтобъ пѣть Адольфа и Клару, Дезертера, Праздникъ въ деревнѣ по сосѣдству, и пр. и пр.

МОРСКОЙ ЗМѢЙ. — Пронеслись снова слухи, что на морѣ на океанѣ есть какой-то великій змѣй, говорятъ даже, что это *допотопный змѣй*, не извѣстно какъ называвшійся до потопа, но теперь, по ученому, называющійся будто бы *Плезіосауръ*. Его видѣли въ океанѣ съ Англійскаго корабля «Дедалъ», и капитанъ этого корабля Петеръ — фамилію не выговоришь — М'КЮЭ, что ли, доносить о томъ Лордамъ-коммиссарамъ Адмиралтейства. Голова и шея этого змѣя фута въ четыре, часть туловища, бывшая на поверхности воды, футовъ въ 60.

Это долженъ быть, по нашему мнѣнію, извѣстный въ Русскихъ сказкахъ Змѣй Горынычъ, который ушелъ отъ Русскихъ богатырей въ море,

У котораго, собаки, были крылья бумажныя,
А леталъ онъ, собака, по небесью.

Извѣстно, что крылья обрубилъ ему сильный могучь-богатырь Добрыня.

ДЮКОВИНОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ. — Помѣщаемъ любопытное письмо, полученное нами изъ Воронежа, отъ одного изъ тамошнихъ старожилонъ, Г. Н. Баталіна, о медицинскомъ чудѣ, которое испыталъ онъ самъ. «На головѣ у меня, пишетъ онъ, была огромная шишка, въ видѣ нароста. Одинъ крестьянинъ вызвался вылечить этотъ 16-лѣтній сильно беспокоившій меня наростъ. И по учености своей, доказывалъ ему, что онъ горюдитъ дичь, ибо въ теченіе 16 лѣтъ, болѣе дюжины ученѣйшихъ медиковъ въ Варшавѣ, Кіевѣ, Москвѣ и Воронежѣ разсматривали эту шишку, и всѣ единогласно приговорили казнить ее безъ пощады посредствомъ операціи, — и что если и онъ (т. е. крестьянинъ) укажетъ мнѣ то же средство, то я лучше умру, нежели соглашусь на операцію. Но онъ мнѣ сказалъ, что тутъ должно только прикладывать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ составъ изъ трехъ вещей: двухъ изъ царства растений и одной изъ царства ископаемаго (которыя онъ мнѣ и назвалъ). Я попробовалъ, и сверхъ ожиданія, въ 4 недѣли, а не въ два мѣсяца, шишка моя проросла, и то мѣсто заросло волосами. Одинъ знакомый спрашиваетъ меня, гдѣ моя шишка; я ему разсказалъ, какъ вылечилъ ее. «Вылечите и у моего пріятеля», сказалъ онъ. Приходить съ нимъ на другой день, и я у него вылечилъ чрезъ 5 недѣль наростъ; но это была огромная

пишка, величиною съ большое яблоко.» — Не пускаясь ни въ какія объясненія этого чудеснаго леченія, мы можемъ только просить, чтобы Г. Баталинъ обнародовалъ составъ извѣстнаго ему лекарства, на пользу и удовольствіе всѣхъ имѣющихъ несчастье носить какіе-либо наросты.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. — 1. *Географія Абульфеда, Арабскаго географа.* До сихъ поръ творенія Абульфеда переводились отрывками, или издавались въ подлинникъ; наконецъ Г. Рено, Профессоръ Арабскаго языка, передалъ ихъ на Французскій языкъ, съ присоединеніемъ объяснительныхъ примѣчаній и введенія, заключающаго подробный отчетъ о значеніи географическихъ свѣдѣній въ средніе вѣка у Арабовъ и другихъ Азіатскихъ народовъ. Не трудно пріобрѣсти названіе оріенталиста, *морюкя* языки на столько, чтобъ преподавать грамматическія правила, и переводить переведенное; но быть *толковымъ* оріенталистомъ очень трудно, и это-то составляетъ камень преткновенія для многихъ такъ называемыхъ оріенталистовъ, чтобъ передавать восточную литературу на свой родной языкъ. Мы однакоже надѣмся, что теперь можетъ уже быть переведена «*Таксимъ-эль-Бульданъ*» и на Русскій языкъ.

2. *Новое Итальянское изданіе путешествій Марко-Поло.* Венеціанецъ Марко-Поло путешествовалъ въ XIII столѣтіи, около 1272 года, по Сиріи, Персіи и Индіи. Его сказанія пріобрѣли славу достовѣрности. Новое изданіе его, Г. Виченцо Лавари, тѣмъ болѣе важно, что оно полно и поспѣшно комментариемъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей, что *Одиссея* кончена переводомъ, отпечатана, въ Карлсруэ, и уже отправлена въ Россію. Самому спокойному, мирному произведенію древней поэзіи судьба привела быть переведеннымъ въ самое бурное изъ новѣйшихъ временъ и напечататься подъ громомъ пушекъ и при блескѣ сабель. Лавровый вѣнецъ *Жуковскаго* украшается свѣжими листьями, а бѣдная Русская литература получаетъ драгоценный подарокъ.

Другой изъ почетныхъ нашихъ поэтовъ, *Θ. Н. Глинка*, кончилъ поэму въ стихахъ, основанную на древнемъ священномъ преданіи: «Божественная капля.»

Написаны еще двѣ поэмы духовнаго содержанія: *П. М. Бажуниной*: «Юліанія Никомидійская;» *С. Е. Раичевъ*: «Арта, сказаніе изъ временъ Марка-Аврелія.»

Превосходныя, простыя поученія священника *Путятина* вышли девятымъ изданіемъ.

Вообще, духовная литература не перестаетъ обогащаться многими важными произведеніями. Неутомимый *Иенатій*, Архіепископъ Воронежскій, издалъ Исторію о расколахъ, Ч. I.

Преосвященный *Филаретъ*, Епископъ Рязскій, написалъ изслѣдованіе о кончинѣ Царевича Дмитрія.

Профессоръ *Горскій* занимается изслѣдованіемъ о сочиненіяхъ св. Дмитрія Ростовскаго; а Профессоръ *Калачевъ* о сошномъ письмѣ.

Г. Ундольскій приготовилъ богатое собраніе снимковъ съ древнихъ рукописей, и печатаетъ большое изслѣдованіе о хронологіи и пасхалии по Русскимъ и Греческимъ источникамъ.

Г. Нозоструевъ почти окончилъ свое описаніе всѣхъ монастырей Симбирской епархіи (числомъ 23). Трудолюбивый изслѣдователь тщательно пользовался всеми доступными ему актами, и посѣщалъ самыхъ обитали.

Профессоръ *Устряловъ* напечаталъ 4 изданіемъ свою Исторію, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ пять частей 1-го и 2-го изданій, и сверхъ того «Историческое обозрѣніе царствованія Государа Императора Николая I,» выпедшее въ свѣтъ въ 1847 году отдѣльною книгою.

Третій томъ *Временника* печатается. Въ немъ будутъ помѣщены: Изслѣдованіе *И. Д. Бадлева* о боярахъ, и *В. К. Константины* Всеволодовичъ; его же; Разрядная книга, 7126 г., съ любопытнымъ наказомъ боярину Князю Хованскому, и проч.

Есть надежда, что скоро приступлено будетъ къ печатанію всѣхъ Разрядныхъ книгъ, а Дворцовыя записки, отъ 1612 г. до конца 17-го столѣтія, уже печатаются.

ОПЕЧАТКА. Въ N 11, въ Смяси стр. 40 напеч. *Бетель* — *смола*; должно быть: *листья растенія*.

СМѢСЬ.

КАРЛЪ ДИККЕНСЪ (ВОЩЪ). — Карлъ Диккенсъ, замѣчательнѣйшій современный романистъ Англіи, родился въ Портсмутѣ, въ 1812 году. Исторія поэта совпадаетъ съ исторіею его сочиненій, и потому мы только вкратцѣ скажемъ объ обстоятельствахъ его молодости. Все, что было въ нихъ замѣчательнаго, можно рассказать здѣсь въ немногихъ словахъ. Отецъ его занималъ мѣсто правителя дѣлъ въ морской службѣ; онъ не имѣлъ состоянія, но, кромѣ Карла, имѣлъ еще пятерыхъ дѣтей, и потому находился въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ. На второмъ году своей жизни мальчикъ былъ отправленъ въ Лондонъ, а оттуда, на осьмомъ, въ приморскій городъ Чатамъ, гдѣ и получилъ первое воспитаніе, которое усовершенствовалъ, возвратясь съ отцомъ въ Лондонъ. Въ самой ранней молодости онъ обнаружилъ талантъ свой — страстію читать романы юмористическіе, и въ особенности сочиненіемъ маленькихъ трагедій, которыя разыгрывалъ съ своими товарищами. Обстоятельства принудили его, какъ можно скорѣе, искать средствъ къ пріобрѣтенію, и потому онъ нанялся въ писаря къ адвокату. Каково бы ни было это мѣсто, но оно имѣло, если не рѣшительное, то по крайней мѣрѣ большое вліяніе на его характеръ и вкусъ, давъ ему случай наблюдать и нисшій классъ народа.

Неизвѣстно, почему Диккенсъ оставилъ это поприще, и рѣшился сдѣлаться стенографомъ; но судя по значенію, которымъ пользовалось это званіе въ Лондонѣ, и по старанію, съ какимъ Диккенсъ два года занимался этою литературою въ Британскомъ Музее, можно заключить, что онъ имѣлъ къ этому стремленію

Его гений, возбуждаемый и поощряемый прилежаніемъ, началъ приносить плоды. Въ скоромъ времени онъ приобрѣлъ себѣ славу на этомъ поприщѣ, и издатель журнала «Зеркало Парламента» предложилъ ему быть его главнымъ сотрудникомъ; а потомъ и *Morning Chronicle*, орудіе министерства Мельбурна, открылъ ему столбцы свои, гдѣ онъ помѣщалъ свои картины Лондонской жизни, изъ которыхъ многія равняются лучшимъ его произведеніямъ новѣйшаго времени.

Эти смѣло набросанные эскизы приобрѣли заслуженное одобреніе, и одинъ изъ книгопродавцевъ издалъ ихъ отдѣльно, подъ названіемъ: «*Sketches of London by Boz*» въ 2-хъ томахъ, а даровитый художникъ Круикшанкъ украсилъ ихъ своими иллюстраціями. Съ этого времени начинается вторая эпоха въ жизни Диккенса — эпоха его самостоятельной литературной дѣятельности, при чемъ, кромѣ Круикшанка, содѣйствовали ему Липъ, Каттермолъ, Фицъ и Броунъ, съ которыми онъ, сошелся удачею чѣмъ многіе другіе, испытавшіе,

«Какъ тяжело достигнуть
Вершинъ, гдѣ славы храмъ блеститъ.»

Въ короткое время, почти однимъ скачкомъ, Диккенсъ достигъ высшей литературной славы, оставивъ за собою въ тѣни самого Бюльвера; завладѣвъ публикою всей Европы, онъ приобрѣлъ себѣ дружбу и уваженіе даже «Ункель Зама.» Эти блестящія победы начались съ «*Pickwick papers*» перваго сочиненія, столь художнически округленнаго, которое приобрѣло успѣхъ доселѣ безпримѣрный, и такъ всѣхъ увлекло, что, выхода книжками, возбуждало споры о дальнѣйшей судьбѣ его лицъ; отдѣльныя его оцѣны были передѣланы для представленія на театрахъ Лондона, и уже въ 1838 году потребовалось новое изданіе этого сочиненія, хотя первое состояло изъ 100,000 экземпляровъ. Быстро, изъ году въ годъ, стали теперь выходить его романы, которые обезсмертили навсегда его имя. Въ 1837 г. вышли «*Memoirs of Clown Grimalkin*», въ двухъ томахъ, полные занимательныхъ картинъ изъ жизни Англичанскихъ актеровъ; въ 1838 «*Oliver Twist or the parish boy's progress*» приключенія крестьянскаго мальчика, который, въ борьбѣ съ разными житейскими искудками, побѣдилъ ихъ наконецъ твердостью духа, и достигъ богатства и знатности.

Въ 1839 — равнозначительный Оливеру, «Nicholas Nickleby», потерявъ 17,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ день.

Этими двумя послѣдними романами Диккенсъ достигъ вершинъ своего развитія и славы, и занялъ достойное мѣсто подлѣ своихъ великихъ предшественниковъ: Филдингъ, Смоллета и Голдингита; даже, можно сказать, превзошелъ ихъ, во крайней мѣрѣ той народностію, съ какою онъ описываетъ и развиваетъ свой предметъ.

Съ этого времени начинается третій періодъ его литературной дѣятельности, въ которомъ замѣтна нѣкоторая *остановка* и — если угодно — какая-то манерность юмора, при всей наружной отдѣлкѣ. Сюда принадлежатъ романы: «Master Humphrey's clock», 1840, «Barnaby Rudge», 1842, и «Martin Chuzzlewit», 1843. Въ этомъ же году Диккенсъ отправился въ Америку, гдѣ въ главныхъ городахъ встрѣтилъ такой пріемъ, какого едва ли можно было ожидать отъ такого *меркантильнаго* народа, каковы Янки. Но еслибъ они могли заранѣе прочесть его «Notes on America», которыя онъ напечаталъ по возвращеніи оттуда, то, вѣроятно, пріемъ ихъ былъ бы гораздо холоднѣе, и они были бы правы; потому что самые друзья его сознаются, что это сочиненіе, не смотря на многіе геніальныя взгляды и удачныя замѣчанія, дѣлаетъ мало чести его наблюдательности. Диккенсъ не просто Англичанинъ, но преимущественно житель Лондона, и глазъ его, столь зоркій для улицъ этого всемірнаго города, помрачился и потерялся въ пустыняхъ степей и въ пропастяхъ водопадовъ; слухъ его, столь чуткій ко всему въ Англіи, въ Лондонѣ, былъ недоступенъ къ развитію народнаго быта на далекомъ западѣ.

Новое поприще и, кажется, съ большою удачею, началъ Диккенсъ, написавъ въ 1844 году «A Christmas Carol», и вступивъ въ область сказокъ и привидѣній, при чемъ разрѣшилъ много глубокихъ соціальныхъ и философскихъ вопросовъ. Послѣ выхода этой святочной повѣсти, стали выходить ежегодно подобныя сочиненія: «Chimes», въ 1845, «The cricket on the hearth», въ 1846, «The battle of life», въ 1847, и наконецъ «The haunted man», въ 1848.

Послѣднія сочиненія Диккенса: путешествіе въ Италію и романъ «Dombeu and Son.» Еще должно замѣтить, что съ 1-го

Января 1846 года онъ сталъ первымъ редакторомъ новой газеты «Daily News», за которую, въ продолженіе перваго года назначено ему было 5000 фун. стерлинговъ жалованья.

Диккенсъ имѣеть пріятную наружность, очень любезенъ въ обращеніи, и въ совершенствѣ владѣеть талантомъ собесѣдника. Въ особенности хвалить въ немъ искусство, съ какимъ произносить онъ торжественныя рѣчи. Онъ женатъ на дочери В. Гогарта (Эдинбургскаго жителя и друга В. Скотта), который писалъ о музыкѣ. Диккенсъ разбогатѣлъ своимъ перомъ и живетъ въ самомъ пріятномъ и блестящемъ положеніи. — Выскажемъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ характеристику его сочиненій. Если спросить: отъ чего Диккенсъ достигъ такой народности не только въ своемъ отечествѣ, но и во всемъ свѣтѣ, между народами всѣхъ земель и языковъ? мы отвѣтимъ, что онъ великій юмористъ, а этотъ талантъ, скорѣе всякаго другаго, можетъ приобрести вниманіе, участіе и похвалу публики. Онъ великій юмористъ, и вмѣстѣ съ этимъ только онъ одинъ умѣетъ извлекать изъ таинственныхъ струнъ души тѣ чудные звуки, которые уносятъ васъ отъ высшей радости къ глубочайшей грусти, отъ странности его сравненій и умирительной игры словъ къ самымъ возвышеннымъ гимнамъ истиннаго чувства. Онъ оригиналенъ въ выраженіи, но безъ всякой изысканности; простъ, но полонъ поэтическаго чувства. Онъ такъ хорошо знаетъ жизнь и человѣка, какъ не многіе. Но все это еще мало объясняетъ намъ, почему за нимъ забыли Бульвера и другихъ, и почему не поставятъ его выше его предшественниковъ, творцевъ Родерика Рандома, Перегрини Пикле, Тома Джонса; и др. Это отчасти можно, кажется, объяснить тѣмъ, что Диккенсъ съ первымъ почеркомъ пера уже высказываетъ, какъ тепло бьется сердце его для народа; тѣмъ, что онъ пишетъ для всѣхъ; тѣмъ, что онъ перенесъ нравственный романъ въ Англіи изъ высшихъ и среднихъ слоевъ общества въ низшія, и показалъ, что и тамъ есть богатая сокровища эстетическихъ образовъ. И онъ займетъ первое мѣсто не только въ ряду поэтовъ, но и въ ряду ознаменовавшихъ себя пользою человѣчеству.

ОЦѢПЕНІЕ, ИЛИ СПЯЧКА, НѢКОТОРЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ И ДОЛГОВРЕМЕННОЕ СОХРАНЕНІЕ ЖИЗНИ ВЪ СОСТОЯНІИ ОЦѢПЕНІЯ. — Въ холодныхъ странахъ, гдѣ зима лишаетъ животныхъ возможности существованія, природа прибѣгаетъ къ средствамъ, на которыя нельзя не обратить вниманія. Замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ средствъ почитается переселеніе птицъ. Другое средство, если только можетъ быть названо средствомъ оцѣпненіе, не подлежа произволу животнаго, составляетъ одно изъ заботливыхъ соображеній Промысла. Состояніе оцѣпненія, въ которое впадаютъ животныя зимой, останавливаетъ дѣятельность организма, и слѣдовательно уничтожаетъ необходимость въ пищу.

Самыя извѣстныя изъ животныхъ нашихъ странъ далеко не стоятъ на послѣдней ступени творенія. Напротивъ того, какъ млекопитающія, они состоятъ въ классѣ позвоночныхъ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ летучая мышь. Другія принадлежать къ нисшимъ разрядамъ; изъ грызуновъ: хомякъ и сонливая крыса; изъ наѣкомоядныхъ ежъ. Оцѣпненіе нельзя приписать ни къ какой особенностямъ организма; оно единственно зависитъ отъ вѣшной атмосферы. Если держать животное въ теплотѣ и давать ему свойственную пищу, оно проведетъ сонный періодъ свой въ состояніи бодрственномъ.

Съ приближеніемъ холодовъ, засыпающія животныя выбираютъ себѣ безопасное убѣжище, гдѣ проводить зиму. Летучая мышь подмачивается подъ сводъ темной пещеры или въ ветхихъ трубахъ покинутыхъ жилищъ. Ежъ зарывается въ сухіе листья, изъ которыхъ обыкновенно устраиваетъ гнѣздо свое. Сурокъ и сонливая крыса уходятъ въ земляныя норы, и едва ощущаютъ первые признаки приближающагося оцѣпненія, тотчасъ же заграждаютъ входы въ убѣжища свои такъ тщательно, что во всякомъ другомъ мѣстѣ легче разрыть нетронутую землю, нежели тамъ, гдѣ сдѣлали они свои укрѣпленія. Канадская мышь - прыгунья изготавляетъ себѣ странное убѣжище: по разсказамъ Генерала Дави (Davies), въ 1787 году, нашли подъ фундаментомъ зданія крѣпкій, круглый, величиной съ кегельный шаръ, комокъ земли. Внутренность его, гдѣ заключило себя животное, была какъ полированная.

Во время оцѣпненія внутренняя температура животнаго равняется вѣшной температурѣ окружающаго его воздуха. На-

блюдателямъ случалось видѣть, что она низпадала отъ 100 до 45 градусовъ Фаренгейта; но наружность тѣла всегда была холодною внутренности. Животное дышетъ съ долгими разставовками. Пищевареніе останавливается, и самое обращеніе крови также почти недвижимо. Нервная раздражительность до такой степени становится не ощутительна, что можно отрѣзать какой-нибудь членъ животнаго, и оно не ощутитъ боли. Сильное электрическое потрясеніе не разбудитъ сурка. Многими опытами доказано, что животныя во время зимняго усыпленія, когда оцѣпленіе въ полной силѣ своей, не вдыхаютъ кислорода и могутъ жить въ атмосферѣ, гдѣ жизнь и горѣніе были бы невозможны.

Пресмыкающіеся, у которыхъ чувствительность къ холоду гораздо сильнѣе, нежели у млекопитающихъ, болѣе подвержены оцѣпленію. Всѣмъ извѣстно, что жаба и лягушка проводятъ зиму во снѣ; то же бываетъ въ холодныхъ климатахъ съ змѣями и черепахами. Водяные гады на зиму погружаются въ тину, земляные уползаютъ въ расщелины и скважины скалъ. Не извѣстно, такимъ ли же образомъ зимуютъ многія рыбы; температура воды не столь непостоянна, какъ воздушная, и должна бы была предохранить ихъ отъ оцѣпленія. Однакожь жизнь у рыбъ, также какъ и у гадовъ, прекращается отъ вліянія стужи. «Рыбы,» говоритъ сиръ Джонъ Франклінъ въ описаніи своего путешествія, «замерзли тотчасъ какъ вытаскивали ихъ изъ сѣтей, и обращались въ плотную массу льда; ихъ разрушали топоромъ, и вся внутренность отдѣлилась однимъ кускомъ; но такіа мерзлыя рыбы начинали оказывать знаки жизни, когда ихъ отогрѣвали близъ огня. Мы видѣли рыбу карпъ, которая, бывъ замороженною въ продолженіе полутора сутокъ, когда ее отогрѣли, начала дѣлать прыжки. Случалось также, что жабы, замороженные до такой степени, что члены ихъ крошились какъ стекло, оживали въ теплѣ.

Изъ беспозвоночныхъ животныхъ улитки наиболѣе способны отрѣшиться на время отъ жизненныхъ отравленій. Онѣ ищутъ удлиненнаго уголка, вбираются въ раковину, прижимаются стверстіемъ къ твердому тѣлу и засыпаютъ. Онѣ имѣютъ особенную способность приходить въ оцѣпленіе во всякой температурѣ по своему произволу. Всѣ знаютъ, что итѣмъ могутъ март-

выши съ пониженіемъ термометра на извѣстный градусъ мороза; но онѣ воскресаютъ съ наступленіемъ тепла. Пауки проводятъ зиму въ усыпленіи, закутанные паутиной. Сверчекъ, болѣе всѣхъ другихъ животныхъ подверженный оцѣпѣнію, набѣгаетъ этой участи, поселяясь на зиму въ кухни, пекарни, бани и обширныя деревенскія печи, гдѣ онъ размножаетъ свое поколѣніе, и такъ же веселъ въ рождество, какъ въ каникулы.

Многія инфузоріи замираютъ, высыхая. Породы, живущія въ мхахъ и ивовельныхъ желобахъ, во время лѣтнихъ жаровъ обращаются въ пыль и лишаются жизни; но едва упадетъ капля дождя и онѣ оживаютъ снова. Влага возвращала жизнь инфузоріямъ, пребывавшимъ до двадцати семи лѣтъ въ оцѣпѣніи. Ионьтанія послѣднихъ годовъ доказываютъ, что эти животныя, выдержавъ жаркую выше кипящей воды температуру, не лишаются способности возрожденія отъ необходимой для нихъ мокроты. Въ прежнія времена естествоиспытатели полагали, что многія птицы, и въ особенности ласточки, проводятъ зиму въ оцѣпѣніи подъ водою.

Французскій натуралистъ Жофруа Сентъ-Илеръ почитаетъ замيرانіе состояніемъ среднимъ между жизнью и смертію, тѣмъ же, что испытываютъ многія животныя съ прекращеніемъ дыханія въ иныхъ обстоятельствахъ. Изъ этого можно заключить, что для засыпающихъ животныхъ во время періода ихъ цѣпѣнія жизненныя отправленія останавливаются, но съ прекращеніемъ причины остановки, возобновляются. Если бы рыбы, о которыхъ говоритъ сиръ Джонъ Франклинъ, оставались замороженными въ продолженіе многихъ лѣтъ, то можно предполагать, что онѣ точно также могли бы возвратиться къ жизни, отогрѣться на огнѣ. Также весьма вѣроятно, что если бы въ ту минуту, когда при благотворной перемѣнѣ температуры животное готово уже пробудиться, его оградить отъ вліянія этой перемѣны, оно бы осталось въ усыпленіи; и такъ какъ теченіе жизни въ этомъ состояніи прекращено, то и нельзя опредѣлить предѣла подобнаго существованія.

Инымъ образомъ нельзя и объяснить существованія живыхъ жабъ и другихъ гадовъ въ старыхъ стволахъ деревь, въ глыбахъ песчаника или угля; только это предположеніе даетъ намъ ключъ къ тому, что почиталось таинствомъ.

Губеръ, Профессоръ Философіи въ Каенѣ, говорить въ Запискахъ Французской Академіи, 1719 года, что живая жаба была найдена въ самой сердцевины огромнаго вяза, самаго крѣпкаго и здороваго. Въ 1731 г. Лейнъ (M. Leigne de Nantes) также сообщалъ Академіи Наукъ объ открытіи жабы въ дубѣ огромнѣйшаго размѣра, гдѣ, по всему вѣроятію, она была плѣнницею болѣе осьмидесяти и можетъ быть ста лѣтъ. Подобные случаи очень часто встрѣчаются въ Англіи. Бри (Bree) въ Магазины Натуральной Исторіи, 1834, сообщаетъ, что у дровосѣковъ существуетъ поверіе, когда топоръ не беретъ въ иномъ мѣстѣ дерево, то они говорятъ, что тутъ должна сидѣть жаба, потому что животное всегда окружено болѣе твердой оболочкой, нежели осталая часть дерева. Можно легко понять, какимъ образомъ проникаетъ оно въ эту непроницаемую среду: животное съ приближеніемъ поры, когда готовится на долгій сонъ, выбираетъ самое покойное и безопасное мѣсто, и иногда прячется въ скважины деревь. Известно, что жаба можетъ влѣзть въ самое маленькое отверстіе, даже въ такое, которое можетъ къ будущей веснѣ герметически закрыться съ естественнымъ прабавленіемъ растительности дерева; тогда гостю нѣтъ выхода, и онъ остается плѣнникомъ до случайнаго разрушенія дерева.

Живыя жабы попадались въ каменныхъ глыбахъ еще чаще. Эти случаи такъ многочисленны, что трудно было бы упомянуть о самыхъ неопровержимыхъ. Знаменитый Амбруазъ Паре видѣлъ, какъ изъ разбитаго передъ его глазами камня вышла живая жаба. Джонъ Мюррай говоритъ: «я сохраняю въ скипидарномъ спиртѣ жабу, найденную въ твердой скалѣ въ глубинѣ двадцати футовъ. Пространство, въ которомъ сидѣла она, едва могло вмѣщать ее. Тотъ, кто далъ мнѣ ее, видѣлъ, какъ она ожила чрезъ двое сутокъ послѣ своего освобожденія.» Въ 1845 году въ Гламорганширѣ была найдена въ глыбѣ сланца живая жаба. Она потеряла зрѣніе; ротъ ея заросъ перепонкой, спинная кость была вся искривлена въ тѣснотѣ ея жилища. Невозможность дышать ртомъ замѣнилась въ ней дыханіемъ сквозь кожу.

Докторъ Букландъ въ недавнемъ времени дѣлалъ многія опытанія въ доказательство невѣроятности такихъ случаевъ: онъ сажалъ жабъ въ песчаный камень и зарывалъ въ

землю, гдѣ по истеченіи года находилъ ихъ мертвыми и согнившими. Жабы, зарываемыя въ известковомъ камнѣ, отыскивались живыми, но чрезвычайно похудѣвшими. Этотъ ученый опровергалъ возможность сохраненія жизни въ закупоренныхъ и лишенныхъ пищи жабахъ. Ему не приходилъ въ голову вопросъ о томъ, что для этого, можетъ быть, необходимо оцѣпенѣніе, и только въ состояніи оцѣпенѣнія животныя могутъ существовать до безконечности. Жофруа Сент-Илеръ постигъ, какихъ предосторожностей требуютъ испытанія такого рода: онъ замораживалъ жабы, и онѣ возвращались къ жизни только тогда, когда при замораживаніи наблюдалась тщательная постепенность.

Долго насчетъ отыскиваемыхъ въ скалахъ жабъ возникало сомнѣніе: какимъ образомъ возможно находить ихъ въ слояхъ угольнаго пласта, который принадлежитъ къ разряду, предшествующему существованію жабъ. Отнынѣ этотъ вопросъ болѣе не существуетъ, потому что въ пластвъ отыскано столько окаменѣлостей баратрацій, что существованіе жабы въ эту эпоху не можетъ подлежать сомнѣнію. Линней недавно изложилъ то же мнѣніе, и мы полагаемъ, что открытіе этихъ плѣвниковъ въ старомъ свѣтѣ имѣетъ тѣсное и любопытное сношеніе съ замираніемъ животной жизни, извѣстнымъ вообще подъ именемъ оцѣпенѣнія (*torpidité, hibernation*). Не говоря о чрезвычайно важномъ само по себѣ соображеніи, что мы видимъ въ такомъ низкомъ животномъ породу, считающую тысячелѣтія существованія, которая пережила ихтиосауровъ и птеродактилей, породу, для которой порожденіе млекопитающихъ было событіемъ второстепеннымъ, не говоря, повторимъ, объ этомъ соображеніи, жабы, сохранившія жизнь въ безжизненномъ состояніи, должны обратить на себя все вниманіе естествоиспытателей. Каждое изъ открытій представляетъ какую-нибудь особенность: такимъ образомъ жаба, найденная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ каменоломняхъ Линлитгоуширскихъ, имѣла, говорятъ, шесть пальцевъ; а намъ извѣстно, что разрядъ баратрацій заключаетъ въ себѣ первоначальное образованіе этого шестого пальца. Этотъ фактъ подтверждаетъ достоверность сказаній простыхъ работниковъ, которые бываютъ свидѣтелями подобныхъ находокъ, и доказываетъ, что наука много терпѣтъ, неосновательно опровергая факты, въ которыхъ не можетъ тотчасъ дать отчета.

(*C. Edimb. Journal*).

ВЫСТАВКИ МАНУФАКТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ. — Нотербургъ и Парижъ, какъ сговорились, сдѣлать выставки мануфактурныхъ произведеній въ одно и то же время, и именно въ Іюль мѣсяцъ. На счетъ обыкн. мы еще не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній; сравненіе будетъ любовито. На Парижской выставкѣ промышленности и земледѣлія, между прочимъ, являются произведенія Алжира: 100 различныхъ хлѣбныхъ и сѣмляныхъ растеній; бумага, ленъ, шелкъ въ натурѣ и въ издѣліяхъ тканей простыхъ и роскошныхъ, пѣвотныхъ и узорчатыхъ въ Африканскій вкусъ; Мароккскіе сафьяны и обувь; Арабскія сѣдла и сбруя, матеріалы строительныя: мраморъ, различные камни, различное дерево; скульптурная рѣзба; металлы; медь и воскъ; табакъ и множество другихъ предметовъ; а главная новость: Африканское вино — красное и бѣлое, которое, вѣроятно, современемъ *отобьется лавотку* у винъ Франціи, Германіи, и войдетъ *rouge varié* въ моду. Нѣкогда возглашали же съ пѣсню:

Дайте Фалериснаго! вспѣвъ мнѣ румяный Эроть!
 Жао-Псаяъ!

Вкусъ перемѣнился, стали кричать просто, въ прозѣ: Эй! шампанскаго;

Точно также современемъ крикнуть: дайте мнѣ слезъ Магомета!

ПОВОН, КАКЪ СРЕДСТВО ОТЪ ХОЛЕРЫ.* — Пьянуба, Парижскій буржуа Ланжолъ, шелъ домой какъ слѣдуетъ, распѣвалъ обычную свою пѣсню «*Mère Gaudichon*». Взобрался кое-какъ на лѣстницу, врютился въ двери.

— Жена!.... ну! жена!

А жена лежитъ синехонька, стучить зубами, оудороги ломають ее; лекарства осѣдокъ не помогли.

— Жена! что ты тутъ дѣлаешь? а? залегла съ позаранку!.... ну! гдѣ мой ужинъ?.... Мужъ трудится, а она дрыкнется!.... Ну. слышишь?

Но жена такъ пристыжимо занялась холерой, что ничего не слышитъ.

* Истинное происшествіе въ Парижѣ.

Буржуа Ланжолэ звалъ, звалъ ее, и вышелъ изъ терпанія, выплился въ бѣдную, стащилъ съ постели, и началъ возить по полу, бить и душить.

— Постой, я поставлю тебя на ноги! кричалъ онъ, раздражаясь болѣе и болѣе на безотвѣтность жены; но наконецъ побои вызвали благотѣльную испарину, и она очнулась здоровехонька.

АНЕКОДОТЪ. — Увидя въ первый разъ слона, мой пріятель N пришелъ въ ужасъ.

— Господи, что за машина! — вскричалъ онъ, — какіе клыки! Неужели они изъ цѣльной слоновой кости?

— А какъ ты думаешь? — сказалъ я.

— Да это ужасно какъ дорого должно стоять, — прибавилъ онъ съ изумленіемъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ВѢНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. — Въ ВѢнскомъ Университетѣ вновь открыто преподаваніе Славянской археологіи и Славянской филологіи и литературы. Преподавателями избраны ученый Янъ Колларъ и Докторъ Ф. Миклошичъ, Библіотекаръ Императорской Придворной Библіотеки въ Вѣнѣ, и извѣстный составленіемъ Церковно-Славянскаго Словаря. (Ж. М. Н. П.)

ЖЕНЩИНЫ-ПОЭТЫ ВЪ ИНДІИ. — Гарсенъ де Тасси (Garcin de Tassi), издавшій «Histoire de la littérature Hindoui et Hindoustani», упоминаетъ, что въ литературѣ Индустанскаго языка Индіи, который сдѣлался письменнымъ не болѣе 200 лѣтъ, насчитываютъ уже до 750 писателей и поэтовъ; въ числѣ ихъ много Раджа-мсь, или царицъ, между которыми особенно замѣчательна нѣжная отихавъ своимъ Гайдерабадская царица Шанда.

ОТВѢТЪ Г. РѢШЕТНИКОВУ.

Г. Рѣшетниковъ пишетъ иногда и хозяйственныя статьи. Такъ недавно, помѣстилъ онъ въ VI N Совр. этого года (въ Смѣси, стр. 195), а потомъ перепечаталъ въ Вид. Моск. Гор. Пол. (N 129) «Замѣчанія на опытъ ломанія овса», произведенный на хуторѣ Московскаго Общества С. Х. «Замѣчанія эти, говорятъ онъ въ заключеніе, написаны не въ защиту личнаго мелочнаго самолюбія, но въ защиту дѣла любимой мною науки.» Эти слова и обязываютъ меня написать *первый и послѣдній опытѣ Г. Рѣшетникову*, и разобрать, до какой степени справедливы его замѣчанія.

1) Г. Рѣшетниковъ говоритъ: *Перепаханный или ломанный овесъ растетъ сильнѣе (?!) не перепаханнаго и въ немъ бываетъ менѣ сорныхъ травъ.* — Конечно, ломаніе овса можетъ принести пользу, и даже значительную, но только не всегда, а при извѣстныхъ условіяхъ; именно: на почвахъ тяжелыхъ, глинистыхъ, черноземныхъ, которыя сильно бываютъ засорены сорными травами, и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поле, назначаемое подъ овесъ, бываетъ не очень хорошо разрыхлено и приготовлено къ его посѣву. Такъ въ губерніяхъ: Рязанской, Тамбовской, Тульской и частію Воронежской издавна ведется обычай ломать овесъ, и опытъ показалъ, что ломаніе освобождаетъ овесъ отъ сорныхъ травъ и иногда значительно увеличиваетъ урожай его. — Посмотримъ теперь, какъ въ сказанныхъ губерніяхъ готовятъ землю подъ посѣвъ овса. Сколько мнѣ извѣстно, тамъ къ посѣву овса земля готовится тройкимъ образомъ: 1) Нередко сѣютъ овесъ по вспаханному ржаному жниву, запахиваютъ посѣвъ сохами, и потомъ его ломаютъ. 2) Въ другихъ хозяйствахъ тѣхъ же самыхъ губерній подъ овесъ пахутъ только одинъ разъ съ осени, весною поле боронуютъ, потомъ сѣютъ, посѣвъ запахиваютъ сохами и ломаютъ. 3) Наконецъ въ иныхъ хозяйствахъ пахутъ весною подъ овесъ одинъ разъ, по вспаханному полю сѣютъ овесъ, и посѣвъ запахиваютъ и наконецъ его ломаютъ сохами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ земля остается неразработанною и не очень рыхлою; если же скорѣ послѣ посѣва начинаютъ идти дожди, а потомъ настаетъ засуха, то на поверхности земля сливается и образуетъ родъ коры, которую трудно бываетъ пробить росткамъ овса, и вы-

браться изъ-подъ нея наружу. Теперь и понятно, что во всѣхъ вышеисчисленныхъ случаяхъ, при описанной обработкѣ земли, ломаніе овса принесетъ значительную пользу, можетъ усилить его урожай; потому что въ этихъ случаяхъ ломаніе замѣняетъ собою двоеніе земли и рыхлить землю; въ слѣдствіе этого корень овса будетъ свободнѣе распространяться подъ землею, и понятно, что въ этомъ случаѣ ростъ ломанаго овса будетъ гораздо лучше противъ неломанаго. Напротивъ, въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ приготовленіе земли къ посѣву овса производится болѣе тщательнымъ образомъ, т. е. гдѣ овесъ сѣютъ послѣ корнеплодныхъ растений: картофеля или свекловицы, или гдѣ пахутъ подъ него землю съ осени, а весною сперва ее боронуютъ и потомъ двоятъ, тамъ ломаніе овса не можетъ улучшить ростъ его и увеличить урожай, а можетъ нѣсколько освободить его отъ сорныхъ травъ. Что дѣйствительно и подтвердилъ опытъ, произведенный мною въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году на учебно-практическомъ хуторѣ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

2) *Ломаніе овса*, говоритъ Г. Рѣшетниковъ, *есть ни что иное, какъ его пересадка, которая, какъ извѣстно, дабы получить отъ нея надлежащую пользу, производится тогда только, когда корень, органъ, на который она должна дѣйствовать исключительно, развитъ до надлежащей степени. Напротивъ, если приступлено будетъ къ ломанію овса еще до появленія этого органа, или даже при самомъ началѣ его развитія, то въ такомъ случаѣ ломаніе это не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія собственно на овесъ, т. е. онъ останется въ томъ же видѣ какъ неломаный. Это обмолвка. Позвольте напомнить, что пересаженные растенія только тогда начинаютъ лучше развиваться и сильнѣе расти, когда ихъ переносятъ съ земли тощей на землю болѣе сильную; если же растеніе пересаживаютъ съ хорошей земли на землю тощую, то оно начинаетъ чахнуть и нерѣдко совсѣмъ замираетъ. При ломаніи овесъ не переносится, какъ вы знаете, съ одного поля на другое, а остается на томъ же самомъ мѣстѣ. Слѣдовательно ломаніе и пересадка не имѣютъ между собою ничего общаго; почему и ваша теорія ровно ничего не объясняетъ.*

а только запутываетъ дѣло. При ломаніи овса производится только разрыхленіе земли, которое замѣняетъ собою двоевіе.

3. Гдѣ ломаніе овса, продолжаетъ Г. Рѣшетниковъ, *оведено издавна, тамъ приступаютъ къ нему не ранѣ, какъ когда верхній ростокъ его, перышко, достигнетъ овсянаго зерна, слѣдовательно и корень получитъ надлежащее развитіе. Это мѣстное правило соблюдается строго, ибо польза его подтвердилась многолѣтними опытами.* — Вотъ слова, которыя еще болѣе увѣряютъ насъ въ томъ, что Г. Рѣшетниковъ совершенно не знакомъ съ практическими пріемами, встрѣчающимися въ дѣлѣ сельскаго хозяйства. Судя по нимъ, можно сказать не обинуясь, что Г. Рѣшетникову не доводилось никогда видѣть, въ какое время приступаютъ къ ломанію овса, и какъ дѣйствительно это производится. Тамъ, гдѣ ломаніе введено издавна, начинаютъ ломать овесъ въ то время, когда у него разовьются корневые мочки, и онъ начнетъ пускать ростокъ подъ землею. (Г. Рѣшетникову даже неизвѣстно, что у овса сперва развиваются корневые мочки, и потомъ уже начинаетъ развиваться перышко.) А этотъ моментъ наступаетъ не всегда въ одно время и обусловливается по большей части состояніемъ погоды. Такъ, если послѣ посѣва стоитъ влажная и теплая погода, то ростокъ или перышко начинаетъ развиваться уже на третій день, а въ сухую и холодную погоду на 6—7 день, и позже. Если же ростокъ выбьется наружу, то и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ломаніе овса введено издавна, оставляютъ овесъ неломаннымъ, потому что можно, болѣе или менѣе, сгубить весь посѣвъ овса. Въ нынѣшнемъ году я производилъ ломаніе овса такъ, какъ предлагаетъ Г-нъ Рѣшетниковъ, и этотъ ломаный овесъ оказался гораздо рѣже того, который былъ ломанъ въ то время, когда онъ еще не начиналъ выбиваться изъ земли.

4. Г. Рѣшетниковъ говоритъ: *не легко проводить то время, когда овесъ начнетъ давать ростокъ подъ землею (?!!!).* Это новое доказательство того, что Г. Рѣшетниковъ никогда не наблюдалъ за образованіемъ и развитіемъ ростка въ землѣ. Для людей, которые изучаютъ сельско-хозяйственную промышленность не въ своихъ только кабинетахъ, подмѣнить образованіе ростка и его развитіе въ то время, когда брошенное

зерно находится еще въ землѣ, есть вещь самая легкая и обыкновенная. Г. Рышетникову, думаясь, не безызвѣстно, что сѣмена зерновыхъ хлѣбовъ закрываются землею не глубоко, не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ — 1 — $1\frac{1}{2}$ — 2 вершка; а потому, чтобы подѣлать образованіе ростка подъ землею, стоитъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ были посѣяны сѣмена, разрыть землю рукою или палочкою на $\frac{1}{2}$ — 1 вершину глубиною, и тотчасъ увидишь, начали ли посѣяныя сѣмена давать ростокъ, перышко, или еще нѣтъ.

5. Предположеніе Г. Преображенскаго, говорить Г. Рышетниковъ, что сорныя травы пускаютъ ростокъ гораздо прежде, нежели усвѣтѣтъ выйдутъ овесъ, несправедливо. Развѣ у сорныхъ травъ сѣмена безъ оболочекъ? Напротивъ, многія изъ нихъ имѣютъ оболочки, которыя гораздо труднѣе овсяныхъ проникаются влажностію (?!!!), напр. жабрей (*galeobdolon versicolor*) и куколя (*agrostema githago*)—Изъ этихъ словъ смѣемъ заключить, что Г. Рышетниковъ не видалъ ни сѣмянъ куколя, ни сѣмянъ жабрея, а знакомъ съ ними только по наслышкѣ; извѣстно, что у куколя оболочка несравненно тоньше, нежели у овса. Да кстати замѣтимъ, что жабрей называется по-Латынѣ не *galeobdolon versicolor*, а *galeopsis versicolor*. *Galeobdolon versicolor* даже не существуетъ ни въ природѣ, ни въ одной печатной флорѣ. Есть растеніе, называемое *galeobdolon luteum*, но это растеніе никогда не прозябаетъ на влажныхъ поляхъ какъ сорная трава, а растетъ большею частію по лѣсамъ.

6. Я не знаю отъ чего, спрашиваетъ меня Г. Рышетниковъ, не понравилось Г. Преображенскому мое объясненіе: потому при переламываніи овса сорныя травы испребляются, а овесъ всходитъ? На основаніи предложенной мною теоріи (?!!!!) ломанія овса, сорныя травы испребляются отъ перепашки потому, что большая часть ихъ принадлежитъ къ двусѣменодольнымъ, слѣдовательно всходы ихъ въ два листочка, — вотъ потому имъ трудно выбиться наружу, тогда какъ овесъ шилообразнымъ своимъ всходомъ, свойственнымъ всѣмъ злакамъ, легко и удобно проникаетъ тонкій слой земли, подъ которымъ онъ будетъ находиться послѣ перепашки. — Отвѣтъ на этотъ вопросъ съ моей стороны будетъ очень простъ: такъ какъ объ-

ясненіе факта и выведенная изъ него вдохновительная теорія не имѣютъ въ своемъ основаніи на опыта, ни наблюденія, то я отвергъ ихъ, какъ пустые слова, ни сколько необъясняющія дѣла, и оставилъ безъ всякаго вниманія. Г. Рышетниковъ вѣроятно знаетъ, что кромѣ куколя и жабрея появляются въ яровыхъ посѣвахъ и сорныя травы, которыя принадлежать къ классу односѣменодольныхъ, каковы пырей (*triticum repens*), ковыль (*stipa ripinata*), мягкой костеръ (*bromus mollis*), полевица (*agrostis spica venti*), одуряющій плевелъ (*lolium temulentum*). Теперь я спрашиваю, какъ объяснить себѣ уничтоженіе этихъ сорныхъ травъ посредствомъ переламыванія? Конечно, теорія Г. Рышетникова не въ состояніи будетъ объяснить этого явленія. И я повторю еще разъ мое объясненіе на счетъ этого предмета. Я полагаю, что когда посѣвъ овса запахиваютъ сохою, или даже когда закрываютъ его боровами, то при этомъ выпашиваютъ на поверхность сѣмена сорныхъ травъ. Они, находясь на поверхности земли, при достаточномъ количествѣ весенней влажности и теплоты, пускаютъ ростокъ, прежде нежели успѣетъ выйти овесъ, потому что овсяное зерно заключено въ оболочку. При переламываніи овса эти сѣмена сорныхъ травъ, успѣвшія пустить ростокъ, запахиваются въ землю, и тамъ отъ недостатка условій, необходимыхъ для ихъ развитія, погибаютъ; а сѣмена овса, только что пустившія ростокъ подъ землею, послѣ переламыванія, отъ разрыхленія земли выбиваются наружу, и даютъ всходы скорѣе, нежели успѣютъ пустить ростокъ сѣмена сорныхъ травъ, выпашанные на поверхность земли при переламываніи. Тогда взопевшій овесъ заглушаетъ сорныя травы, и бываетъ отъ нихъ свободенъ. Хотя Г. Рышетниковъ и называетъ такое объясненіе оригинальнымъ; но оно оригинально потому, что всего ближе подходитъ къ истинѣ, и имѣетъ въ своемъ основаніи не поэтическое вдохновеніе, а опытъ и наблюдательность. Думаю, что большая часть Гг. рациональныхъ сельскихъ хозяевъ скорѣе согласятся съ моимъ объясненіемъ, нежели съ вдохновительной теоріей Г. Рышетникова. II. Преображенскій.

СМѢСЬ.

ТРЕВИЗОНДЪ.

СТАТЬЯ АДАЛЬБЕРТА ДЕ БОМОНА.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ дней Іюля, я отправился, съ однимъ изъ моихъ пріятелей, изъ Константинополя, посѣтить Требизондъ. Оба артисты, хотя не сходныхъ нравовъ, но довольно согласныхъ, мы воображали въ этомъ путешествіи тьму пріятныхъ и занимательныхъ вещей. Въ Требизондѣ, на окраинахъ Турціи, мы думали встрѣтить болѣе сохранившіеся восточные нравы, одежду, обычаи, словомъ, замѣчательныя противоположности съ тѣмъ, что видѣли. При всѣхъ этихъ предположеніяхъ, въ Константинополѣ никто не умѣлъ отвѣчать намъ на вопросъ: живописенъ ли Требизондъ?

Одни говорили, что тамъ негдѣ намъ будетъ остановиться и нечего будетъ ѣсть; другіе утверждали, что въ Требизондѣ нѣтъ никакихъ древностей, слѣдовательно нѣтъ ничего любопытнаго, и что это путешествіе не стоитъ ни издержекъ, ни трудовъ. Подобные слухи не воспрепятствовали намъ пуститься въ путь, потому что ни одно изъ замѣчаній не касалось цѣли художника.

Мы взяли мѣста на пароходѣ *Эрегли* (орелъ), заплативъ за нихъ 600 Турецкихъ піастровъ (около 150 франковъ).

Тотчасъ по выходѣ изъ Босфора, по колыханію судна, мы удостоверились, что были въ бѣдовомъ *Черномъ морѣ*, заслуживающемъ это прозвище по своему нраву. Ночь была самая

безпокойная, но при восходѣ солнца настала *штиль*, который способствовалъ намъ благополучно прибыть въ пристань *Синоп* — отечества *Діогена*. *Синопъ*, древній, славный городъ, положеніе котораго при входѣ въ *Понтъ Эвксинскій* и хорошая гавань, дѣлали его однимъ изъ значительнѣйшихъ перепутій для торговли между *Персіей* и *Европой*. Съ моря мѣстоположеніе *Синопа* очаровательно: гористая мѣстность, множество деревьевъ, укрѣпленія среднихъ вѣковъ, *кафенэ* съ балконами ярко-розоваго цвѣта и блистательно-бѣлая мечеть, являли видъ достойный кисти *Декампа*.

Три часа спустя, мы вступали въ портъ *Салисундъ*, маленкій городокъ *Анатолиі*, очень древній и, также какъ *Синопъ*, хорошо укрѣпленный и живописно расположенный.

Снявшись съ якоря, мы держались берега на такомъ близкомъ разстояніи, что могли видѣть выступы и мысы, поросшіе роскошными лѣсами, изобилующими бекасами, дикими голубями и фазанами. Это настоящая родина той красивой птицы, которую древніе называли *avis phasiana*.

Наконецъ, на третій день, въ осьмомъ часу утра, мы увидѣли на горизонтѣ синій хребетъ, у подошвы котораго расположенъ *Требизондъ*. Съ этой стороны городъ представляется чрезвычайно картинно. Великолѣпное соединеніе зубчатыхъ стѣнъ, растительности, скалъ, красныхъ домовъ, укрѣпленныхъ замковъ, мечетей и минаретовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ, отъ самаго моря до вершинъ горъ, прорѣзанныхъ долинами, обещаютъ заранее художнику вознагражденіе за предпринятое имъ странствованіе.

Мы обогнули мысъ, на которомъ построено кирпичное зданіе, и вошли въ западную пристань, у мола, построеннаго *Генуезцами*. Крутая, изстѣченная въ скалъ, тропинка привела насъ на главное мѣсто, откуда одинъ обыватель, *Генуезскаго* происхожденія, принялъ насъ подъ кровъ своей убогой хижины, красиво гнѣздившейся посреди сада.

Требизондъ или *Трапезунтъ* находится въ *Малой Азіи*, въ *Анатолиі*, *землѣ восходящаго солнца*. Этотъ городъ подымается амфитеатромъ на горахъ *Зингана* и *Каракалана*, которые начинаются въ *Батумѣ* въ *Грузіи*, и кончаются въ *Сали-*

сунѣ; вершины ихъ украшаютъ и защищаютъ его. Въ прежнія времена, двадцатипяти-мильное пространство, отъ Константинополя до Трѣбизонда, совершалось на корабляхъ иногда въ мѣсяцъ; нынѣ пароходы, отходящіе изъ столицы два раза въ недѣлю, переносятъ туда въ 65 или 70 часовъ.

Трѣбизондъ, по сказаніямъ Греческихъ историковъ, основанъ Синопскою колоніею. Ксенофонтъ, въ своей исторіи отступленія десяти тысячъ, упоминаетъ о *Трапезусѣ*, отъ котораго происходитъ Трѣбизондъ, названный по сходству расположенія своего съ трапеціей. Послѣ завоеванія Римлянами у Понтійскаго владыки, за столѣтіе до христіанской эры, онъ былъ сдѣланъ столицею области, извѣстной подъ именемъ *Понта Каппадокійскаго*. Онъ состоялъ подъ покровительствомъ Императоровъ Константинопольскихъ, которые ежегодно посылали туда своего правителя, до самаго 1204 года, когда Византія подпала подъ власть Франгузовъ.

Два сына добродѣтельнаго и несчастнаго Эммануила Комнено, Алексѣй и Давидъ, удалились въ Понтійскую область, и покровительствуемые приверженцами семейства своего, составили независимое государство:

Алексѣй, прозванный *великимъ*, взялъ на свою долю весь берегъ Чернаго моря, отъ устья Фава, нынѣшняго Ріона, до Халиса, называемаго въ настоящее время *Кизилъ-армаркѣ*; однимъ словомъ, отъ Синопа до Трѣбизонда, гдѣ и основалъ свою столицу: Младшій, Давидъ, поселился въ Виенійской Геракліи и въ Панагоніи; но скоро умеръ, не оставя наследниковъ, и братъ вступилъ въ права его.

Таково происхожденіе Трѣбизондской области. Когда подумаешь о славѣ имени ея, то невольно удивляешься, что не находишь въ исторіи достаточной для того причинъ. Звучность слова, положеніе въ торговомъ отношеніи между Европой и Персіей, ромайнскіе рассказы рыцарей и Венеціанскихъ и Генуезскихъ купцовъ, которые отправлялись туда за богатыми тканями; ножами, оружіемъ и драгоценными камнями, для продажи ихъ подъ именемъ Трапезундскихъ; богатство и роскошь этого города въ правленіе Императоровъ, продолжавшіяся даже подъ игомъ Турецкимъ, были единственными причинами всѣхъ рассказовъ

про чудеса этого города, прославленного болѣе въ восточныхъ сказкахъ, нежели въ преданіяхъ народныхъ.

Намъ не случалось видѣть ни одного описанія Требизонда; въ преданіяхъ же Восточной Имперіи единственно одни упоминанія.

Два основателя исторіи Требизондской довольствовались титуломъ правителей, и только внукъ Алексѣя, Іоаннъ Комненъ первый принялъ титулъ Императора.

Эта маленькая область на восточномъ берегу Чернаго моря поддерживала себя дѣятельной торговлей, не смотря на смуты, потрясавшія Грецію. Византійская роскошь проникла туда, и Дворъ Комнено славился пышностію пировъ своихъ и увеселеній. Городъ украсился великолѣпными дворцами, воздвигнутыми, какъ будто волшебствомъ, по берегу залива; скоро онъ вполне заслужилъ наименованіе столицы, и сталъ пристанищемъ множества стекавшихся туда богатыхъ поселенцевъ Персіи и вообще Азіи.

Нѣсколько разъ, однако же, произшествія, впрочемъ совершенно случайныя, возмущали благоденствіе Требизонда. Въ 1307 году, Генуезскіе промышленники — тѣ же Англичане среднихъ вѣковъ, наводнили столицу Анатолиі, также какъ и всѣ перепутья, выгодныя для торговли. Приобрѣтая права свои на основаніи взимаемой съ ввозимыхъ товаровъ пошлины, они вдругъ задумали отъ нея уклониться; начали входить въ распри съ тамошними приставами, жаловаясь на ихъ притѣсненія, и наконецъ объявили, что отказываются платить и немедленно выѣзжаютъ изъ города. Алексѣй, не довѣряя этой угрозы, отвѣчалъ, что они должны исполнить свое намѣреніе. Но видя сборы ихъ и приготовленіе къ отплытію судовъ, онъ отрядилъ войско, принудившее ихъ возвратиться. Въ злобѣ на подобное насиліе, Генуезцы заняли городъ. Пожаръ былъ ужасенъ, какъ обыкновенно случается въ деревянныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ устройствъ для прекращенія бѣдствія, которое на этотъ разъ причинило огромные убытки не только жителямъ, но и складочнымъ магазинамъ Генуезскихъ купцовъ, наказанныхъ такимъ образомъ и вынужденныхъ покориться условію платить узаконенную пошлину.

Въ 1379 году, другой случай возмущилъ свободу торговли Генуи и Требизонда: Нѣкто *Могелло Леркари*, проживавшій въ *Киссѣ*, маленькомъ городкѣ *Киликии*, известный по имени, бо-

гатовъ и образованію, вошелъ въ коммерческія сношенія съ Требизондомъ, куда ѣздилъ весьма часто не только по дѣламъ своимъ, но и для участія въ увеселеніяхъ столицы. Остроуміемъ и обходительностію своей приобрѣлъ онъ расположеніе Императора и получилъ свободный доступъ ко Двору, что вовсе не нравилось царедворцамъ Алексѣя, которые возымѣли ненависть къ иностранцу и не упускали случая проявлять свое недоброжелательство. Однажды Леркари игралъ въ шахматы съ пажемъ, любимцемъ Императора, и во время игры съ нимъ заспорилъ. Молодой Грекъ, полагаясь на высокое покровительство Алексѣя, употребилъ обидное выраженіе на счетъ Генуезскаго народа. Могелло отвѣчалъ ему язвительной насмѣшкой на счетъ исправляемой имъ при Дворѣ должности; это такъ взбѣсило юношу, что онъ далъ противнику своему пощечину. Присутствующіе, разобравъ ссору, обвинили иностранца и воспрепятствовали его мщенію; Императоръ также не принялъ его жалобы; вслѣдствіе чего Генуезецъ возвратился въ отечество, унося обиду свою въ сердцѣ. Онъ разсказалъ обо всемъ происшедшемъ родственникамъ своимъ, богатѣйшимъ семействамъ Республики, имѣвшимъ сильное вліяніе, и готовымъ способствовать его замыслу. Въ непродолжительномъ времени, онъ отправился на двухъ вооруженныхъ галерахъ въ Требизондъ, предалъ все мечу и огню, грабилъ выходившія изъ пристани суда, увѣтилъ плѣнниковъ, и искусно избѣгалъ отъ преслѣдованій императорскихъ судовъ.

Однажды послалъ онъ Алексѣю съ однимъ изъ плѣнниковъ цѣлый боченокъ носовъ и ушей, пересыпанныхъ солью въ предосторожность отъ порчи, и поручилъ сказать владѣтелю Требизонда, что подобное мщеніе не прекратится до тѣхъ поръ, покуда обидѣвшій его юноша не будетъ преданъ его власти. Устрашась этихъ угрозъ, Алексѣй исполнилъ его требованіе, и послалъ любимца своего просить уничиженно прощенія. Когда онъ стоялъ передъ нимъ на колѣнахъ съ веревкой на шеѣ, Могелло толкнулъ его ногою въ лицо и сказалъ: «возьмите прочь этого мерзавца Генуезцы не казнятъ женщинъ!» Леркари не принялъ присланныхъ Императоромъ подарковъ, возвратилъ награбленную добычу, и сказалъ, что пришелъ не обогащаться, а мстить за оскорбленіе чести. Потребовавъ нѣсколько исключительныхъ

дѣлать, для своихъ соотечественниковъ, и получивъ ихъ, воздвигъ по случаю этого событія памятникъ.

Четыре владѣтеля, изъ дома Комненовъ, царствовали въ Трѣбизондѣ, покуда послѣдній изъ нихъ, Давидъ, не сдалъ города Магомету II, послѣ тридцати-дневной осады. Не смотря на казигудацию, егѳ отвезли въ Константинополь, гдѣ и повѣсили съ осемью дѣтьми.

Съ тѣхъ поръ Трѣбизондъ постоянно находился въ Турецкомъ владѣніи. Долго еще былъ онъ въ цвѣтущемъ состояніи; но внутреннія войны лычарь, варварское, притѣснительное иго папей, привели его въ плачевное положеніе. Въ 1800 году, въ немъ еще считалось 100,000 жителей; въ 1830 было уже не болѣе 15,000; нынѣ же, когда сношенія Европы и Персіи увеличиваются сообщеніемъ пароходовъ, снующихъ по Средиземному морю и доходящихъ до Трѣбизонда, его народонаселеніе простирается отъ 35 до 40 тысячъ душъ. Этотъ городъ сталъ складочнымъ мѣстомъ Азіатской торговли, замѣнивъ собою городъ Токать, на верхнемъ Евфратѣ. Всѣ сухопутные торговые караваны отправляются нынѣ водою на Трѣбизондъ и Арзерумъ. На эти два пункта посылаются богатѣйшія произведенія Европы, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Россія закрыла портъ Редуть-Кале. Купцы, минуя Тифлисъ и Грузію, по необходимости стремятся въ Тормсъ на Трѣбизондъ.

Народонаселеніе Трѣбизонда состоитъ изъ Турокъ, Грековъ, Жидовъ, Армянъ, Черкесъ, Персіанъ и Итальянцевъ. Въ прежнее время, на базарахъ и ханзахъ его пестрѣли яркіе дорогіе ковры, шелковыя шали и ткани, произведенія Персіи и Венеціи, великолѣпное и доброкачественное оружіе Испаніи, драгоценныя утвари изъ рѣзной кости, черепахи, перламутра, серебра, художественной чекани, финифти и фарфора, въ которыхъ отличалось искусство Персіанъ; жемчуги, бирюза и золото въ неслыханномъ множествѣ отправлялись отсюда на всѣ торжища Европы. Теперь же изъ Европы, съ фабрикъ Лондона и Париза, съ ярмарокъ Лейпцига и Гамбурга, свозятся сюда произведенія, подрывающія опаснымъ соперничествомъ туземное производство.

Не смотря на возрожденіе Трѣбизондской торговли, которую она обязана, можно сказать, пароходамъ, нельзя себѣ пред-

ставить страдательнаго и нищенскаго положенія этой прекрасной страны. Судя сравнительно, мы можемъ почитать Европу раемъ; и только чудный климатъ Малой Азіи помогаетъ переносить бѣдственный бытъ жизни.

Паши, правители смежныхъ областей, въ пашалыкахъ своихъ пользуются неограниченной властію. Нужны ли имъ деньги, они взимаютъ подати ударами палокъ; опредѣляютъ цѣну хлѣба, соображая еще на себѣ количество, которое долженъ получить земледѣлецъ; скупаютъ его сами, перепродаютъ двойной цѣною, или отсылаютъ за границу. Такимъ-то образомъ здѣсь поощряется земледѣліе. Удивительно ли, что плодородныя страны остаются невоздѣланными, тогда какъ производство естественныхъ продуктовъ есть сущное и прочное богатство.

Мы провели первый день по прибытіи нашемъ въ Требизондъ въ прогулкахъ по городу, съ цѣлію отыскать живописныя точки, и скоро увѣрились, что самый взыскательный художникъ имѣлъ бы чѣмъ удовлетворить свои требованія.

Городъ имѣетъ продолговатую форму; длинныя стороны идутъ параллельно отъ юга къ сѣверу. Онъ расположенъ на склонѣ, который, какъ и въ Смирнѣ, начинается отъ самаго моря; со стороны запада и востока защищенъ глубокими оврагами, соединенными высѣченными въ скалахъ рвомъ. Древнія высокія каменныя укрѣпленія простираются по берегу оврагомъ. Съ сѣвера ихъ омываетъ море, съ юга они примыкаютъ къ крѣпости. При шести двойныхъ воротахъ перекинуты черезъ рвы мосты. Дома, построенные изъ дерева, или камня, связаннаго известью, покрыты черепицей, и отъ времени поростають нѣкотораго рода мхомъ оранжеваго чрезвычайно яркаго цвѣта.

Требизондъ имѣлъ много красивыхъ зданій; но пожаръ, это какъ будто свойственное Турецкому климату бѣдствіе, оставилъ на ихъ мѣстѣ однѣ обгорѣлыя массы. Въ Эски-Сараѣ, или въ Старомъ замкѣ, занимающемъ маленькій полуостровъ, виднѣется нѣсколько развалинъ, которыя заставляютъ предполагать, что это остатки великолѣпнаго дворца Комненовъ. Они должны были избрать это мѣстоположеніе, напоминающее имъ старое жилище Византіи. Мысль простирается далеко въ море и образуетъ два залива, служащіе пристанью кораблямъ. На одной изъ нихъ

Императоръ Адрианъ устроилъ молъ, на восточной сторонѣ Требизонда.

Здѣсь считаютъ еще осемнадцать мечетей, осемь ханъ или караванъ-сараявъ, пять бань, десять Греческихъ церквей и пять красивыхъ фонтановъ. Въ мечетяхъ преобладаетъ Персидскій вкусъ. Минареты ихъ испещрены черными, по бѣлому, полосами, рѣшетки выточены и раскрашены чрезвычайно красиво. Деревья, фонтаны и гробницы, окружающія ихъ, очень живописны. Мы назовемъ изъ нихъ мечеть *Ортай-Сара*, *Айя-Софи* — мусульманскаго многочтимого святаго, и *Миларета*, которая считается главной и самой красивой. Замѣчательнъ замокъ Ахметъ-бей и нѣсколько домовъ Персидскаго стиля, безукоризненнаго вкуса. Навѣсы кровель ихъ, раскрашенные и окоймленные рѣзными узорами, точеныя поддерживающія крышу колонки, двери, испещренные прекрасными арабесками, щегольскія лѣстницы и наружныя галлерей, свидѣлствуютъ, до какой степени, столѣтію тому назадъ, былъ въ Турціи развитъ инстинктъ изящнаго, и какъ теперь онъ потерянъ.

Въ долинѣ всѣ зданія окружены богатой растительностью; повсюду живыя картины Пуссена, и читатель можетъ оживить ихъ по произволу фигурами въ живописныхъ нарядахъ. Между нѣродомъ, населяющимъ эту роскошную страну, замѣчательны *Лазы*, военное племя Лазистана, которое занимаетъ берегъ отъ Требизонда на значительное разстояніе. Эти воины имѣютъ особенную характеристику одежды: небрежно повитая на головѣ пышная чалма, обширный распущенный поясъ, начиненный оружіемъ всякаго рода, суконные или кожаные наножики, украшенные золотомъ, на подобіе Арабскихъ, отличаютъ ихъ отъ другихъ жителей Малой Азіи. Нарядъ Требизондскихъ женщинъ также отличенъ отъ Константинопольскаго. Онѣ накутываютъ на себя кусокъ клѣтчатой голубой ткани и носятъ черныя шелковыя маски, подъ которыми скрываютъ черты лица своего. Требизондцы принадлежать къ тому же племени, которое встрѣчается почти во всей Малой Азіи. Особенно дѣти замѣчательно красивы. Съ перваго взгляда насъ удивило то, что у всѣхъ малытокъ волосы блистательно-рыжаго цвѣта; но въ послѣдствіи мы узнали объ обычаѣ Персіанъ красить въ дѣтствѣ волосы красной краской, что въ послѣдствіи дѣлаетъ ихъ черными.

Ворота *Аиа-Софи*, на западной сторонѣ города, ведутъ въ обширное поле, по правую сторону котораго море, а по лѣвую горы. Нѣсколько мусульманскихъ гробницъ и разбросанныхъ группъ деревь украшаютъ эту равнину покоя, которая носитъ названіе долины *Кабакъ*. На небольшомъ возвышеніи, на берегу моря видна церковь необыкновенной архитектуры. Размѣръ ея не великъ; она построена изъ кирпича и, какъ всѣ Греческія церкви, въ формѣ креста. Свѣтъ падаетъ въ нее изъ оконъ, прорѣзанныхъ въ куполѣ, поддерживаемомъ внутри четырьмя мраморными колоннами; снаружи она имѣетъ видъ осмугольника покрытаго круглой крышей. Фасадъ ея или главный входъ обращенъ къ югу противъ моря, построенъ портикомъ и украшенъ прекрасной лѣпной работой; въ срединѣ ея мраморное изваяніе Римскаго орла, много богатыхъ мраморныхъ инкрустацій и рядъ барельефовъ, представляющихъ фигуры и растенія, также Греческія полустертые надписи, которыхъ мы не могли разобрать. На боковомъ лѣвомъ фасѣ видны Арабскія украшенія, которыя преобладаютъ надъ Греческимъ стилемъ. Порфиновые кресты врезаны въ стѣны и повсюду узоры краснаго мрамора. Это зданіе, вѣроятно, принадлежитъ времени Комненовъ; когда Греко-Римскій вкусъ приходилъ въ упадокъ, и красивый Арабскій стиль заступалъ его мѣсто. Внутри живопись совершенно стерта.

Близъ этой покинутой церкви, которую сами Греки называютъ *Аиа-Sophia* — *Святая Софія*, возвышается четырехъ угольная башня, родъ колокольной, безо всякаго стиля, на которой сохранились еще нѣкоторые фрески. Изъ письма Аріена къ Императору Адриану можно заключить, что церковь святой Софіи, о которой упоминаетъ этотъ писатель, былъ прежде храмъ Меркурія. Отдаленность его на берегу моря приличествовала суевѣрію торпovýchъ плавателей.

Высота сосѣднихъ горъ покрыта развалинами, которыя свидѣтельствуютъ о древнемъ величіи и богатствѣ города. Монастыри, крѣпости и дворцы заняли всѣ лучшія мѣста.

Можно сдѣлать нѣсколько пріятныхъ прогулокъ въ окрестностяхъ Трессенда. Въ одной изъ нихъ уцѣлѣлъ монастырь времени Императоровъ, гдѣ видны остатки Византійской живописи. Внизу возвышается, на мановѣ окалы, падающая въ разрушеніе башня. Она сдѣлалась мавзолью по одному новѣйшему собы-

тію самоубійства юноши, который бросился съ вершины зданія, въ отчаяніи, что не могъ подарить возлюбленной своей дорогаго браслета, о которомъ она его просила.

По дорогѣ въ Персію необходимо посѣтити цвѣтущую долину *Ямеликъ*, которая ведетъ въ *Гулукалинъ* и *Эрзерумъ*, столицу великой Арменіи, и представляетъ плоскость, возвышенную на 2,000 метровъ надъ моремъ и орошаемую Эвфратомъ. Эта страна холодна, бесплодна и необработана; въ ней считаютъ на сорокъ поселеній одно дерево. На это путешествіе потребно только три дни времени, но оно тѣмъ не менѣе утомительно, потому что дороги, лошади и ночлеги — одно другаго хуже.

Требизондъ мало посѣщаемъ путешественниками и еще менѣе художниками; а потому на насъ смотрѣли съ удивленіемъ и недоувѣрчивостію. Два дни послѣ нашего прибытія распространился слухъ, что мы пріѣхали изъ Россіи, съ намѣреніемъ снять планъ укрѣпленій; потому что Султанъ, по мнѣнію туземцевъ, хочетъ продать Требизондъ Русскому Царю.

Эта басня, переданная намъ нашимъ консуломъ, дошла до слуха паши, который не зналъ, какое о томъ имѣть мнѣніе, и еслибъ не панический ужасъ, который внушила Россія жителямъ съ 1830 года, когда ея воины подошли подъ стѣны города, мы бы, можетъ быть, погибли жертвою ненависти къ иностранцамъ.

ПРОГУЛКИ ЗА ПРОЛИВЪ. — Съ нѣкотораго времени Парижъ и Лондонъ вздѣтъ другу къ другу еженедѣльно въ гости по желѣзной дорогѣ. Во-первыхъ для того, чтобъ дивиться на всѣ противоположности противоположныхъ береговъ Па-де-Кале, а во-вторыхъ, чтобъ извлечь и существенную пользу. *Le comte il faut* рѣшилъ, что надо непременно перенять Англійскій комфортъ; а *John-bull* рѣшилъ, что надо непременно у Французовъ перенять *ce je ne sais quoi*. Первые взаимныя посѣщенія *des bons amis les ennemis*, имѣли уже успѣхи: толпа Парижскихъ буржуа явилась въ Лондонъ настоящими джентлменами; а толпа джентлменовъ вела себя въ Парижѣ настоящими буржуа. Такимъ образомъ сочетаются и удовольствіе и польза, особенно для паровозовъ и пароходовъ. Для удобства и дешевизны этихъ сообщеній учредилось «Заведеніе путешествія въ Лондонъ», которое за 200 фран-

возъ беретъ васъ цѣликомъ въ Парижъ, везетъ въ Лондонъ и на осьмой день объявляется доставить обратно въ Парижъ. Но этого мало: во градѣ ростбифа и портера, оно ухаживаетъ за вами, какъ дядька; вы у него подъ опекой; оно руководитъ васъ по всѣмъ улицамъ, скрамъ и паркамъ; отворяетъ вамъ театры, концертныя залы, музеи, дворцы, указываетъ на рѣдкости, служитъ повсюду проводникомъ и переводчикомъ; принимаетъ мѣры, чтобъ вамъ не подали сапоговъ вмѣсто пива, или метелку вмѣсто журнала.

Въ продолженіе осьми дней комфорта, вамъ не предстоитъ ни малѣйшей заботы о самихъ себѣ; вы открываете сами только глаза, чтобъ смотреть, и ротъ, чтобъ ѣсть; и представьте себѣ: ѣсть обѣдъ напримѣръ въ Гренвичѣ, гдѣ однихъ *entrées* двадцать четыре блюда рыбы, гдѣ вина Испанскія, Рейнскія, и такое величавіе, такая роскошь, какихъ и описать невозможно. Словомъ, за 200 франковъ, вы блаженствуете какъ калѣѣ, но не на часъ, а на осемь дней; словомъ, вы совершаете *voyage de luxe*, иллюстрированное путешествіе.

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ САРАНЧИ. — Въ газетѣ «Кавказъ» пишутъ слѣдующее изъ Александрополя. Съ наступленіемъ весны нынѣшняго года, жители Шурагельскаго участка, получившіе отъ Правительства средства на обмѣненіе своихъ полей, весело принялись за хлѣбопашество, съ надеждою на вознагражденіе убытковъ прошлаго года, причиненныхъ хлѣбамъ прилетѣвшею въ этотъ край саранчею. Но къ ужасу своему увидѣли, что прожорливое это насѣкомое, со всходами хлѣбовъ и травъ, начало выводиться въ разныхъ мѣстахъ Шурагельскаго участка въ чрезвычайно большихъ массахъ, и подвигаться къ травамъ и вснаханнымъ полямъ. Мѣстныя распоряженія начальства о истребленіи этого насѣкомаго, при непонятной лѣнности и безпечности простаго народа, шли неудачно, много употреблено хлопотъ, но пользы отъ нихъ было мало; а между тѣмъ саранча подростала, увеличивалась выходящими изъ земли новыми массами, и грозила полямъ опустошеніемъ. Александропольскіе почетные жители Г. Маіоръ Векиловъ, Прапорщикъ Назаретъ Тиграновъ и другіе, помня прошлогоднее бѣдствіе, причиненное са-

ранчею, и постигая новую брду, спекуляцились во время отпир-
тять ее особыми средствами. Зная безвечность простых
людей, выгоняемых на поля для истребленія саранчи, неохотно
запимавшихся своими дѣлами, или проводивших время во снѣ
на травѣ, на коей гнѣздились еще безонный врагъ ея, придумали
самую умную мѣру: они составили довольно значительный
денежный капиталъ, открыли на базарѣ зѣсы, опредѣлили таксу,
и *нѣмало платили прикасавшимся съ полемъ саранчу, за
аслкій всѣмъ налитными деньгами, весьма выгодно.* Вдругъ
откуда явилось гораздо усердѣе къ добру у этого, помидому,
безвечнаго народа; толпы двинулись на поляхъ, гдѣ лежала са-
ранча, принимаясь за дѣло, и работа закипѣла. Многіе городскіе
жители побрались обыкновеннымъ способомъ къ промышленности,
и разовѣлись на поляхъ за дѣлаю добычей; бѣдные, нуждаю-
щіеся въ средствахъ: кредитамъ, уличные мальчишки, равнодуш-
ные ко всему въ мірѣ шпіе, и, удивительное дѣло, женщины,
толпы выходили на поля лѣзать саранчу, за которую платили
чистымъ серебромъ, безъ всякаго спора. Забыли всѣ предубѣж-
денія о тяжкомъ грѣхѣ за истребленіе этого насѣкомаго и дру-
гія нелѣпыя отговорки безпечныхъ лѣзтвевъ; толпы у городскихъ
зѣсовъ съ набитыми саранчею мешками сминались другими; ес-
тественно въ сѣмъ можно, изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, на
себѣ, везли на арбахъ, нѣмъ самый надежный товаръ на скорый
и верный сбытъ, и, получивъ плату, торопились на поля за но-
вою добычей. Между тѣмъ прилетѣнія во множествѣ птицы
тарби * аманились въ эту работу людей, вырывали изъ-подъ
рукъ ихъ добычу, и дѣло кончилось съ успѣхомъ. Теперь, благо-
даря Бога и упрямцевъ капитала, умно придуманная цѣль до-
стигнута, и саранча въ Шурапельскомъ унствѣ не существуетъ.

Опечатка. — Въ 12-й книгѣ, въ Слѣдѣ, въ страницѣ «Рус-
скій мореходъ Герасимовъ», непозитано, что онъ родился въ 1799
году; должно читать: въ 1779. Благодаримъ одного изъ нашихъ
читателей, указавшаго эту опечатку; но сѣмѣмъ напомнить, что
подобныя ошибки почти необходимы въ ороныхъ издаваніяхъ.

* Отвѣтственные враги саранчи.

СМЪСЬ.

РАЗСКАЗЫ КЛЯХТИНСКАГО СТАРОЖИЛА. — Въ продолженіе 30-лѣтняго моего пребыванія въ Кяхтѣ я замѣчаю большія перемѣны въ сношеніяхъ съ нашими сосѣдями.

Санъ-Сивская губернія, смежная съ Кяхтой и торгующая единственно чаемъ, какъ самая отдаленная отъ Пекина, почиталась самой грубой, но нынѣ въ сообщеніи съ Русскими она очень образовалась.

До двадцатыхъ годовъ недоверіе и недружелюбіе жителей Средняго царства къ Русскимъ было очень ощутительно. Азіатское отчужденіе отъ иностранцевъ обнаруживалось на каждомъ шагѣ, и неуважительность къ нашимъ женщинамъ была такъ велика, что въ «праздникъ фонарей» въ Маймачинѣ, ни одна изъ нихъ не могла показаться иначе, какъ въ мужскомъ платьѣ, во избежаніе непріятностей, которымъ могла подвергнуться. Пынь же, стараніемъ ревностныхъ посредниковъ, внушено торговому и правительственному классу Китая, доверіе и уваженіе, которыя съ достоинствомъ поддерживаются нашимъ купечествомъ. Смягченіе нравовъ и образованность въ обращеніи сдѣлали огромный успѣхъ; власти и торговое сословіе обѣихъ сторонъ состоятъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ, и выборъ *Дзаргучеевъ*, или начальниковъ Китайскаго торговаго города на Кяхтѣ — Маймачина, представляетъ осмотрительность Пекинскаго трибунала.

При мнѣ перебивало 17 *Дзаргучеевъ*, выбираемыхъ каждое трехлѣтіе и смѣняемыхъ иногда ихъ правительствомъ до срока. Разница въ отношеніи образованности прежнихъ отъ нынѣшнихъ такъ велика, что не представляетъ даже сравненія.

Трудно дать понятіе о грубости и невѣжествѣ, которыхъ и былъ свидѣтелемъ, въ то время, когда Китайцы не обращали еще большаго вниманія на Кяхту и посылали туда какихъ понало представителей. Одинъ изъ нихъ, въ первый пріѣздъ свой къ начальнику нашей пограничной стражи, встрѣченный по обычаю въ гостинной хозяйкою дома, укусилъ ей руку, и въ этомъ поступкѣ проявлялось какое-го съ умысломъ выраженное неуваженіе къ женщинѣ. Теперь же, напротивъ, уваженіе къ ней простирается едвали не до Европейской любезности.

Дзаргучей, по установленію своего правительства, не состоитъ въ должности долѣе трехъ лѣтъ. Новый преемникъ не смѣетъ въѣхать въ городъ даже за одинъ часъ до отъѣзда изъ него предшественника. Одинъ при другомъ не могутъ они пребыть нѣсколькихъ минутъ. Обрядъ смѣны состоитъ въ томъ, что оставляющій должность въ условленный мигъ встрѣчается съ принимающимъ ее на порогѣ каменнаго дома, занимаемаго Дзаргучеемъ, и безмолвно вручаетъ ему печать, какъ символъ власти, которая хранится въ маленькомъ лщичкѣ обернутомъ въ желтую шелковую камку. (Этотъ цѣвъ, какъ извѣстно принадлежитъ исключительно царскому семейству.) Передачею этой печати, ограничивается вся забота сдачи должности. Во избѣжаніе доносовъ и навѣтовъ, изобилующихъ въ Китаѣ, постановлено преемнику запрещеніе вникать въ распоряженія предшественника.

Новый Дзаргучей, тотчасъ же извѣщаетъ о прибытіи своемъ Русскаго пограничнаго начальника, котораго называетъ именитно *Маіоромъ*; потому что въ трактатѣ это лице названо этимъ чиномъ. До сихъ поръ старанія Маіора о внушеніи уваженія къ своему достоинству, при всѣхъ другихъ успѣхахъ, не могли еще дойти до того, чтобы пріѣзжіи Дзаргучей, какъ слѣдуетъ, посѣтили его первый. Китаецъ, съ дипломатическою уклончивостію, старается выждать первый пріѣздъ со стороны Русскаго, употребляя различные ласкательства къ удовлетворенію этой дикой кичливости.

Маіоръ обыкновенно посылаетъ поздравлять съ пріѣздомъ новаго товарища. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ Дзаргучей, пограничный начальникъ ѣдетъ къ нему съ первымъ посѣщеніемъ, и для приличія поставляетъ необходимостію этого перваго визита какое-нибудь служебное дѣло; тотчасъ послѣ этого посѣщенія

Китаецъ платитъ церемоніальный визитъ. Вслѣдъ за первыми взаимными посѣщеніями, отправляются подарки, состоящіе изъ вина, сахару, конфетъ и сукна. Эти дары почитаются незначительными въ сравненіи съ тѣми, которые посылаются въ Новый годъ. Со стороны Китайской, нѣсколько шелковыхъ тканей и, также вино и лакомство. При этомъ существуетъ неоплаченный этикетъ щедро дарить слугъ, привозящихъ подарки.

Передъ каждымъ посѣщеніемъ съ обѣихъ сторонъ нарядятся отсылка, то есть отправляются гонцы, съ вопросами: можетъ ли хозяинъ въ такой-то день и въ такой-то часъ принять посѣтителя. Въ парадные дни, этихъ обылокъ бываетъ нѣсколько, съ освѣдомленіями, по какимъ улицамъ поѣдутъ, сколько будетъ особъ свиты, и тому подобное.

По исполненіи всѣхъ церемоній, выѣздъ Дзаргучей возищается тремя пушечными выстрѣлами изъ орудій, стоящихъ передъ его домомъ.

Два *Нерба*, чиновника при особѣ Дзаргучей, открываютъ шествіе; за ними ведутъ его верховую лошадь, несутъ балдахинъ; два полицейскихъ крикуна разгоняютъ съ дороги народъ, котораго никогда и не бываетъ въ Маймачинѣ; потомъ слѣдуетъ толпа Китайцевъ со щитами, пиками и дреколѣмъ, съ узлами разныхъ одеждъ и принадлежностей туалета Дзаргучей, который, въ продолженіе визита своего, нѣсколько разъ переодѣвается, если, по времени года, это необходимо. За этой толпою ѣдетъ одиоколка, запряженная муломъ, — самый странный на двухъ колесахъ экипажъ, въ видѣ деревянной длинной кибитки, въ глубинѣ которой, поджавъ ноги, сидитъ Дзаргучей. Возница его идетъ всю дорогу пѣшкомъ, погоняя мула. Поездъ замыкается пятидесятью Монголами, вооруженными луками и стрѣлами.

Передовой даетъ знать о прибытіи, и тотчасъ высылаются отрядъ козаковъ на встрѣчу къ Маймачинскимъ воротамъ; гарнизонъ также выходитъ къ ружью. Пограничный начальникъ встрѣчаетъ почетнаго посѣтителя своего на крыльцѣ. Къ одиоколкѣ подставляютъ скамеечку, и Дзаргучей выходитъ по ней изъ экипажа, вступаетъ въ сопровожденіи хозяина въ комнату, гдѣ начинаются обычные комплименты.

Маіоръ высказываетъ, обыкновенно нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ гостя, и говорить съ сожалѣніемъ, что назначенный часъ уже прошелъ. Дзаргучей, вынимая часы, отвѣчаетъ, что онъ слышалъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, что, кажется, пріѣхалъ ранѣе назначеннаго часа, и что еслибъ не важныя его занятія, то вѣроятно, былъ бы еще ранѣе. — Его приглашаютъ на первое мѣсто, на диванъ, на который онъ и садится, поджавъ ноги, къ приготовленному десерту, въ какой бы ранній часъ утра ни было; потому что Китаецъ никогда не выѣзжаетъ натошакъ.

Маіоръ знакомитъ новаго товарища съ своимъ семействомъ, и непременно прибавляетъ, что вѣроятно ему должно казаться странно, что Русскіе не прячутъ своихъ женъ; на что, по Китайскому этикету — никогда ни чему не удивляться — Дзаргучей отвѣчаетъ, что ему это ни сколько не странно, и что онъ давно знаетъ объ обычаяхъ Европейцевъ, не прятать женъ своихъ.

Маіорша, какъ привѣтливая хозяйка дома, садится рядомъ съ гостемъ и осведомляется, благополучно ли онъ пріѣхалъ изъ Пекина, и какъ ему было тяжело разстаться съ своей женой, (потому что Китайскіе законы, какъ извѣстно, не дозволяютъ возить съ собою женъ). Дзаргучей отвѣчаетъ, что онъ покоряется необходимости; но что утѣшаетъ себя надеждою черезъ три года возвратиться. Китайцы вообще оказываютъ болѣе прискорбіи въ разлукѣ съ дѣтьми. Это отцы самые чадодлюбивые. Иногда они привозятъ съ собою сыновей.

Потомъ Дзаргучей спрашиваетъ, давно ли состоитъ Маіоръ въ своей должности, и узнавъ, что болѣе 30 лѣтъ, отвѣчаетъ, съ боязнію изъяснить удивленіе, что слышалъ уже о томъ въ Пекинѣ, и проситъ его позволить признать его старшимъ братомъ. Потомъ и хозяинъ и гость распространяются въ обещаніяхъ хранить ненарушимую дружбу и въ дѣлахъ строгую справедливость. Поблагодаривъ хозяина и хозяйку за угощеніе (во время котораго непрерывно подносятъ ему вино, чай и кофе, какъ у Турокъ, съ гущей), онъ уважаетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ пріѣхалъ.

Если пріѣздъ Дзаргучея подходитъ къ какому-нибудь Царскому дню, то это служитъ поводомъ звать его на обѣдъ.

Къ нему отправляютъ съ приглашеніемъ переводчика, который говоритъ, что по принятому обычаю въ этотъ день предъ-

шественники его всегда обѣдали у Маіора. Переводчикъ подноситъ ему списокъ Китайскихъ чиновниковъ и купцовъ-компаньоновъ, такъ называемыхъ *десятниковъ*, для избранія изъ нихъ тѣхъ, которыхъ ему угодно пригласить съ собою. Посланный уведомляетъ его также о томъ, что и Русскіе чиновники и купцы будутъ обѣдать у Маіора. Дзаргучей просматриваетъ списокъ и назначаетъ своихъ по произволу.

Предмѣстникъ нынѣшняго Дзаргучей не позволялъ приглашать къ обѣду Китайскихъ купцовъ, называя ихъ мужиками.

Изъявивъ согласіе, онъ оговаривается, что непременно будетъ, если только его не задержать *важныхъ* его занятій, и при этомъ случаѣ посылаетъ своихъ узнавать, какъ совершалась церемонія обѣда его предшественникомъ и старается ни въ чемъ не уклониться отъ нея.

Наканунъ назначеннаго дня, Маіоръ, по обыкновенію, посылаетъ осведомиться, точно ли будетъ Дзаргучей, и получаетъ въ отвѣтъ, что для выѣзда его уже сдѣланы воѣ распоряженія. Тогда назначается время обѣда, обыкновенно въ третьемъ часу.

Выѣздъ Дзаргучей происходитъ въ подобномъ же порядкѣ, какъ и въ первое его посѣщеніе, съ тою только разницею, что, по случаю Царскаго дня, онъ пріѣзжаетъ въ полномъ своемъ облаченіи. Нынѣшній Дзаргучей *желтопопый*, то есть принадлежащій къ царскому родству, хотя и съ побочной стороны. Одежда его состоитъ изъ длинной *курмы*, зимою обыкновенно бобровой; знакъ достоинства его и степени сана обозначается вышитымъ шелками нагрудникомъ, съ извѣстными отличіями и цвѣтомъ шишки на верху шапки. Къ парадной формѣ принадлежатъ также длинныя четки, которыя носятъ на шеѣ.

Для провожатыхъ Дзаргучей на дворъ Маіора ставятъ двѣ Бурятскія юрты, гдѣ Буряты готовятъ угощеніе для прислуги, закалываютъ барановъ и быка, готовятъ кирпичный съ жиромъ чай и вино. Маіоръ и Русскіе, приглашенные имъ, встрѣчаютъ Дзаргучей съ музыкой, съ пѣсенниками и барабаномъ, который особенно по вкусу Китайцамъ. За нимъ входитъ обыкновенно около 70 или 80 человекъ купцовъ; иногда пріѣзжаютъ съ нимъ сыновья и помощникъ его *Бошко*. Всѣ они изъявляютъ

къ нему большее подобострастіе, толпятся въ углу, и только по приглашенію Дзаргучей занимають указанныя имъ мѣста.

Дзаргучей рѣдко говоритъ по-Монгольски или Манджурски; объясненія происходятъ черезъ переводчиковъ: Русскій передаетъ на Монгольскомъ языкѣ Китайскому, а тотъ переводитъ по-Китайски.

Столы накрываются на 150 и болѣе человекъ; обѣдъ продолжается отъ третьяго до седьмаго часа. Дзаргучей, какъ и весь высшій Китайскій классъ, не ѣстъ говядины; основаніемъ этого обычая полагають недостатокъ крупнаго скота въ Китаѣ. Для него готовится баранина, свинина, домашняя птица и дичь, на обыкновенный Европейскій ладъ. Китайцы любятъ наши приправы, и находятъ особенный вкусъ въ нашихъ мучныхъ сладкихъ пирожныхъ, которыя часто отправляются къ нимъ и на домъ.

За жаркимъ начинаются тосты за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Царской фамиліи; причемъ Дзаргучей и всѣ Китайцы стоятъ на ногахъ, и вмѣстѣ съ Русскими кричатъ ура! Въ продолженіе пѣнія «Боже Царя храни!» всѣ также стоятъ благоговѣйно. И если шапка снята съ Дзаргучей, то онъ тотчасъ надѣваетъ ее въ знакъ благоуваженія. За тѣмъ пьютъ здоровье Китайскаго Богдохана.

Дзаргучей и почти всѣ Китайцы прѣзжаютъ съ своимъ приборомъ—костяными палочками, безъ которыхъ не умѣютъ обходиться; къ обязанности хозяйки принадлежитъ рѣзать почетному гостю кушанья, и не показывать отвращенія, когда онъ въ промежуткахъ трапезы плюетъ въ стоящую близъ него на столѣ финифтяную вазочку; и также не отказываться отъ предлагаемаго безпрестанно нюхательнаго табаку, въ который подмѣшивается множество тертыхъ цвѣтовъ. Въ видѣ комплимента, хозяйка подноситъ ему нѣсколько жасминовыхъ цвѣточковъ, которые онъ кладетъ въ табакерку.

Когда въ послѣдствіи, сдружившись съ Маіоромъ, онъ прѣзжаетъ за-просто, то учтивость обламываетъ хозяевъ просить его снять верхнюю одежду и шапку; за это привѣтствіе, Дзаргучей, въ свою очередь, у себя тащить съ Маіора фракъ.

Гость безпрестанно повторяетъ, что считаетъ домъ товарища своего, какъ свой собственный.

За обѣдомъ, вмѣсто салфетокъ, Китаецъ вытираетъ ротъ привезенными съ собою Китайскими бумажками, и сморкается въ такія же бумажки, отдавая ихъ слугѣ.

Послѣ обѣда ему приносятъ мѣдный тазикъ горячей воды, въ которую служитель обмакиваетъ лоскутъ грубой бумажной ткани и подаетъ его выжатый господину. Этотъ горячій платъ онъ накладываетъ на бритую голову свою и на все лице, и обтирается имъ такъ, что кожа его блеститъ какъ сафьянъ. Высшее Китайское сословіе наблюдаетъ большую опрятность и чистоту; руки ихъ необыкновенно бѣлы и нежны, какъ женскія. Дзаргучей, совершая это послѣобѣденное омовеніе, хвалитъ его какъ весьма полезное въ ихъ климатѣ, и совѣтуетъ его употребленіе.

Послѣ обѣда, когда зажжена иллюминація, Маіоръ предлагаетъ Дзаргучею посѣтить нѣсколько нашихъ торговыхъ домовъ, хозяева которыхъ, кланяясь, приглашаютъ его. Онъ садится въ экипажъ Маіора, Русскій экипажъ очень нравится ему, за исключеніемъ козелъ, на которыхъ онъ не можетъ привыкнуть видѣть сидящаго передъ нимъ спиною кучера. Поездъ изъ дома въ день сопровождается музыкою и пѣсенниками, съ барабанами, посреди толпы народа, для котораго, по случаю торжества, не запираются Маймачинскія или пограничныя ворота.

Всюду льется рѣкою шампанское. Торговатыя хозяева угощаютъ Дзаргучею со всею принятою роскошью.

Посѣтивъ всѣхъ, Дзаргучей возвращается къ Маіору, гдѣ уже начались танцы. Китайцы очень любятъ смотрѣть на танцующихъ женщинъ: имъ болѣе всего нравится вальсъ, и они говорятъ, что хоть не хороши большія ноги Русскихъ женщинъ, но для пляски очень удобны, что на маленькихъ Китайскихъ ножкахъ нельзя бы было плясать такимъ образомъ. На балѣ продолжается потчиваніе сластями, виномъ, чаемъ и кофе.

Передъ отъѣздомъ хозяинъ и хозяйка выслушиваютъ длинные рѣчи признательности за угощенія, лестные и многосложные комплименты, послѣ которыхъ гость возвращается во свояси, увозя съ собою обѣщаніе Маіора пріѣхать къ нему также на обѣдъ, со всѣмъ семействомъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N.)

МЕХАНИЧЕСКІЯ ПІЛВКИ. — Въ недавнемъ еще времени, пілвки были живымъ орудіемъ и доходомъ цирюльниковъ. У каждаго изъ нихъ была баночка съ этими кровопійцами, и этого небольшого запаса доставало на все больное человечество, — никто не умиралъ отъ недостатка въ пілвкахъ. Варугъ, Богъ вѣсть по какой причинѣ, потребовалось несчетное количество пілвокъ; явились поставщики, заводчики пілвокъ, открылись *дело, цѣлыя заведенія* съ десятками прудовъ, съ озерами на откуну, возникла *конкурренція* на дешевизну.

Но едва только настало изобиліе въ пілвкахъ, въ поставщикахъ и заводчикахъ пілвокъ, едва только начали красоваться по вѣсѣмъ улицамъ живописныя вывѣски съ изображеніемъ кровопійцы и надписью: *«здесь отпускаются самыя лучшія пілвки, по 10 к. сер. за штуку, на домъ,»* вдругъ является изобрѣтатель *механическихъ пілвокъ*. Увы! Пала естественная система пусканія крови изъ носу, пала Скинская система пускать кровь надрѣзами спины, пала Русская пускать кровь горшками, пала ученая пускать кровь изъ руки, пали ланцеты, шниперы, цирюльники, заводчики и поставщики живыхъ пілвокъ! Но заводчики и цирюльники утверждаютъ, что механическія пілвки не умѣютъ отличать испорченной крови отъ хорошей, и сосутъ безъ разбора; а газета *la Presse* говоритъ, что въ Парижѣ у *«M. Alexandre, boulevard Poissonnière, 16,»* именно такія механическія пілвки, которыя сосутъ кровь, какъ слѣдуетъ сосать, съ выборомъ, и что это великое открытіе сдѣлаетъ для Франціи экономію на нѣсколько милліоновъ пілвокъ.

СЛАВЯНСКІЯ НАЗВАНІЯ ПРЕДМЕТОВЪ НАУКЪ И ПРОРОДЫ. — Знаменитый Чешскій ученый, Профессоръ Зоологіи и Минералогіи и Докторъ Медицины, Святополкъ Пресль (умеръ 6 Апр. сего года), оказалъ особенную услугу Чешской литературѣ введеніемъ Чешской номенклатуры въ Ботаникѣ, Зоологіи и Минералогіи. Многіе изъ этихъ терминовъ, — замѣчаетъ журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія, — могли бы быть усвоены и Русской ученой литературѣ. — Нельзя не раздѣлять этого мнѣнія. Въ своихъ родныхъ названіяхъ часто заключается полное опредѣленіе предмета, между тѣмъ какъ воъ иностранныя слова тро-

буютъ толкованія и затрудняютъ память. Большая часть ученыхъ названій похожи на слово *дагерротипъ*, употребляемое вмѣсто *свѣтопись*, во славу изобрѣтателя. Когда-нибудь филологи будутъ доказывать, что названіе *дагерротипъ* происходитъ не отъ какого-то *Дагерра*, мнимаго изобрѣтателя, а отъ Готическаго слова *Dagur* — день, свѣтъ, божество свѣта, которое и изобрѣло свѣтопись.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ. — 7-го Августа (н. с.) было въ Парижѣ собраніе представителей Сены для рѣшительнаго сужденія о предупрежденіи несчастія, грозящаго Парижу закрытіемъ театровъ, по недостатку средствъ содержанія. Министръ Дюфоръ объявилъ, что, по самымъ высшимъ политическимъ соображеніямъ, онъ находитъ необходимымъ поддержать театры. Викторъ Гюго, Дюко и Бакъ говорили убѣдительнѣйшія рѣчи, опасаясь, что большинство отвергнетъ это предложеніе; однакоже всѣ члены единогласно утвердили помощь театрамъ, и сообразно положенію финансовъ, *назначена сумма въ шестьсотъ тысячъ франковъ*. Можно полагать, что для Парижской суммы театровъ это не сумма, а *summa summagum* — конецъ концевъ.

ЗАМОСКВОРѢЦКІЯ НОВОСТИ. — Замоскорѣче — особенный міръ, гдѣ и дома выстроены иначе, чѣмъ въ настоящей Москвѣ, и жители какъ будто другіе. Почти на всѣхъ тамошнихъ улицахъ, и днемъ и ночью, господствуетъ пріятная тишина, исключая, конечно, торговое движеніе и ряды обозовъ, тянувшихся въ *городъ*; а въ переулкахъ нерѣдко увидите патріархальную простоту деревенской жизни. Но, давно сказано, что на свѣтѣ все подвержено переменамъ, и Замоскорѣче, повидимому, начинаетъ приходить въ уровень съ прочими частями Бѣлокаменной. У него есть уже свое гулянье и свои литераторы, два рода развлеченій, которыхъ доселѣ было лишено оно. Въ прошломъ году, на Донской улицѣ, въ саду Гг. Жемочкиныхъ давались конныя ристанія и кошечьи концерты; но судьба не дозволила намъ воспользоваться этими наслажденіями. Въ настоящее время тотъ же садъ отличается «великодушными лѣтними гуляньями, съ большими иллюминаціями»; пускаются въ немъ воздушные шары

съ портными „мусье Фипсь“, верхомъ на козлѣ; представляются комическіе бѣги въ мѣшкахъ, съ ведрами на головахъ; играетъ музыка, поютъ пѣсенники — веселись, не хочю. Мало того, если вы принадлежите къ прекрасному полу, то при входѣ въ садъ получаете огромный букетъ цвѣтовъ безденежно: это такая вѣжливость, что хотя бы и Петербургу въ пору; но тамъ даются „безпроигрышныя цвѣточные лоттерей, Венеціанскія ночи;“ тамъ непременно „вилла Монъ-Плезиръ или островъ Тиволи;“ а у насъ въ Замоскворѣчьи пріютный садъ называется, просто безъ затѣй — *ахти-талымынь*.

Что касается до Замоскворѣцкой литературы, существованія которой до сихъ поръ нельзя было и подозревать, то началась она водевилями. Изъ газетныхъ объявленій узнали мы о выходѣ въ свѣтъ водевиля Г. Ефремова „Два жениха и одна невеста“, и, разумеется, поспѣшили бы ознакомиться съ нимъ поближе, но раздумали вотъ почему. Цѣна Замоскворѣцкому произведенію объявлена была 60 к. сер.; прибавивъ къ этой суммѣ расходъ на извозчика (водевиль продавался на квартирѣ автора), цѣну пріобрѣтенія „Двухъ жениховъ“ можно было положить въ 1 р. сер. Вдругъ, спустя недѣлю, снова было объявлено, что водевиль продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 40 коп. с. По этому, можно навѣрно полагать, что еще черезъ недѣлю онъ будетъ продаваться по гривеннику, а еще черезъ нѣсколько дней его станутъ раздавать даромъ, ради куріоза. Тогда-то, то есть въ слѣдующей книгѣ Москвитянина, и внесемъ мы его въ лѣтопись библіографич.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Августа 14-го 1849 года.

Ценсоръ В. Лиховъ.

ПРАВИЛА ИГРЫ ВЪ КАРТЫ,

ОСНОВАННЫЯ НА МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ ВЫЧИСЛЕНІЯХЪ,

ДЛЯ НЕЗНАЮЩИХЪ МАТЕМАТИКИ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА II.

РАЗБОРЪ ИГРЪ.

Во всѣхъ играхъ, сначала ихъ изобрѣтенія, шансы къ выигрышу и проигрышу были придуманы *равными* для всѣхъ играющихъ. Въ нѣкоторыхъ коммерческихъ хотя и выгоднѣе быть въ рукѣ чѣмъ за рукою, какъ напр. въ пикетъ, за то въ эги игры, вздается всегда поочередно или по парному числу разъ; и такимъ образомъ выгода быть въ рукѣ выравнивается для каждаго.

Впослѣдствіи, когда игра сдѣлалась потребностію Французскаго высшаго общества и когда всѣ хитрости по игрѣ стали извѣстны, тогда нѣкоторые изъ банкометовъ, поосторожнѣе и поумнѣе, придумали и приспособили къ игрѣ — явный и условенный *авантажъ*.

Авантажемъ называется та выгода, которую одинъ изъ игроковъ присвоиваетъ себѣ передъ другими, разумѣется, чтобъ легче выиграть у нихъ деньги. Авантажъ берется у нихъ различный, смотря по свойству игры; но всегда въ такомъ родѣ, что изъ итога всѣхъ возможныхъ въ этой игрѣ случаевъ или шансовъ, банкиръ присвоиваетъ нѣсколь-

ко шансовъ въ свою пользу, и черезъ то, въ продолженіе времени, перевѣшиваетъ выигрышъ на свою сторону, впрочемъ не тайно, но по добровольному соглашенію.

Такъ, 'напримѣръ', денежные лоттереи, которые до сихъ поръ существуютъ и терпимы въ нѣкоторыхъ государствахъ, были бы равны, если бы содержатели лоттерей платили за каждую катерну не въ 70,000 разъ за ставку, а въ 511,038 разъ, какъ мы выше сказали.

Въ банкѣ вы поставили двойку, а у банкомета изъ колоды выпала одна двойка направо, другая налѣво: по здравому смыслу, этотъ случай долженъ быть ни чей; а между тѣмъ банкометъ отбираетъ у васъ половину поставленныхъ на двойку денегъ, и преспокойно беретъ ихъ себѣ, Богъ знаетъ — по какой привилегіи, гдѣ и какъ писанной, или на какомъ логическомъ основаніи? Правда, тутъ дѣло не въ томъ: *любите ли вы, любезнѣйшій, помянуть о логикѣ; а есть ли у васъ денежки?*

Авантажъ былъ придуманъ сначала въ тѣ игры, въ которыхъ много платилось денегъ понтамъ за какой-нибудь отгаданный трудный шансъ, какъ напр., за катерну или квинту въ лоттерею. Потомъ, мало по малу, игроки присвоили себѣ *авантажъ* во всѣхъ играхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что понты, распоряжаясь кушемъ, т. е. цѣною ставокъ, никакой банкъ не можетъ устоять противъ дублета. Понтировать въ дублетъ значить, когда понтъ при выигрышѣ, не снимаетъ со стола ничего изъ выигрышаемыхъ денегъ, и въ слѣдующую талію пускаетъ ихъ сполна съ приложеніемъ своей первоначальной ставки, до тѣхъ поръ, пока убьютъ, что и составляетъ слѣдующую прогрессію: 1, 2, 4, 8, 16, 32, и т. д. — Въ статьѣ о различныхъ системахъ игрецкихъ, мы объяснимъ этотъ способъ понтировки; но скажемъ пока, что онъ не представляетъ понтамъ никакого математическаго авантажа, тогда какъ авантажи, присвоенные банкометами во всѣхъ играхъ, слишкомъ существенны, и мы сейчасъ увидимъ, сколько каждый изъ нихъ стоитъ именно копѣекъ на рубль прыткимъ и неравсчитливымъ понтамъ.

Приступая къ разбору игръ, ограничимся нѣкоторыми изъ нихъ, какъ-то: *пассъ-дизъ* и *кребсъ въ кости*, *банкъ* или *фаро*, *стосъ* или *басетъ*, *одна-небитая*, *стосъ въ срединѣ* *пле*, *ландскнехтъ*, *лоттерея*, *красная и черная* или *trente et quarante*, *рулетка*, *пинтеръ*, и проч.

I.

КРЕБСЪ И ПАЗЪ-ДИЗЪ ВЪ КОСТИ.

Въ игральной кости шесть сторонъ: на одной сторонѣ одно очко . ; на другой — два . . ; на третьей — три . . ; на четвертой — четыре . . . ; на пятой — пять . . . ; на шестой — шесть очковъ

Они расположены на кости такимъ образомъ, что сумма противоположныхъ сторонъ составляетъ число 7. Вверху, напримѣръ 1, внизу 6; съ правой стороны 2, съ лѣвой 5; на двухъ остальныхъ 3 и 4.

Переложение двухъ костей можетъ быть слѣдующее: возьмемъ сначала одну сторону 1-й кости, положимъ 1 очко или туза; очевидно, что тузъ можетъ выпасть съ 6-ю сторонами 2-й кости шестью различными манерами.

1—1.

1—2.

1—3.

1—4.

1—5.

1—6.

Вторая сторона 1-й кости съ 6-ю сторонами 2-й, даетъ также 6 случаевъ.

2—1.

2—2.

2—3.

2—4.

2—5.

2—6.

Третья сторона 1-й кости съ 6-ю сторонами 2-й кости:

- 3—1.
- 3—2.
- 3—3.
- 3—4.
- 3—5.
- 3—6.

Четвертая сторона 1-й кости съ 6-ю сторонами 2-й:

- 4—1.
- 4—2.
- 4—3.
- 4—4.
- 4—5.
- 4—6.

Пятая сторона 1-й кости съ 6-ю сторонами 2-й:

- 5—1.
- 5—2.
- 5—3.
- 5—4.
- 5—5.
- 5—6.

Наконецъ шестая сторона 1-й кости съ шестью сторонами 2-й:

- 6—1.
- 6—2.
- 6—3.
- 6—4.
- 6—5.
- 6—6.

Вотъ всѣ возможные переложенія двухъ костей, всего 36.

Въ этихъ 36-ти переложеніяхъ или различныхъ случаяхъ, какини могутъ выпасть двѣ кости, мы видимъ,

Что 1-мъ способомъ только можно двумя костями выбросить 2 очка или 12 очковъ:

2—1.

6—6.

Что 2-мя способами только можно выбросить 3 или 11 очковъ:

1—2.	5—6.
2—1.	6—5.

Что 3-мя способами только можно выбросить 4 или 10 очковъ:

2—2.	5—5.
1—3.	4—6.
3—1.	6—4.

Что 4-мя способами только можно выбросить 5 или 9 очковъ:

1—4.	3—6.
4—1.	6—3.
2—3.	4—5.
3—2.	5—4.

Что 5-ю способами только можно выбросить 6 или 8 очковъ:

3—3.	4—4.
1—5.	2—6.
5—1.	6—2.
2—4.	3—5.
4—2.	5—3.

И наконецъ, 6-ю способами только можно выкинуть 7 очковъ:

1—6.
6—1.
2—5.
5—2.
3—4.
4—3.

И такъ, двумя костями, можно выкладывать отъ 2 до 12 очковъ. Но очевидно, что число 7, которое складывается въ костяхъ 6-ю различными манерами, скорѣе можетъ выпасть, чѣмъ напримѣръ 12, т. е. двѣ шестерки, которыхъ всего есть 1 случай на 36. И если 7 выкидывается 6 манерами, а 12 только однимъ, то можно держать пари 6 р. противъ 1 рубля, что 7 выпадетъ скорѣе,

чѣмъ 12 очковъ. Если 8 выкидывается 5-ю, а 7 шестью манерами, то должно держать пари 5 р. противъ 6, что 8 выпадетъ прежде, чѣмъ 7.

Игра сдѣлана: вашъ номеръ, напримѣръ, 5, а противника вашего 4: который прежде выдетъ, тотъ выиграетъ 100 р. Но положимъ, что вы не хотите донгрывать, а пропорціонально раздѣлиться деньгами; спрашивается: сколько слѣдуетъ каждому взять изъ общихъ 200 р.? 5 выпадаетъ четырьмя манерами, а 4 тремя, и того всѣхъ случаевъ къ выигрышу и проигрышу 7, изъ которыхъ четыре въ вашу пользу, а три случая въ пользу вашего противника. И такъ, раздѣливъ 200 р. на 7 равныхъ долей, возьмите себѣ изъ нихъ 4 доли, т. е. $114\frac{2}{3}$ р., остальныя $85\frac{4}{3}$ слѣдуютъ вашему противнику, и раздѣлъ будетъ вѣренъ.

На основаніи этихъ большихъ и меньшихъ шансовъ на различныя номера, и придуманы всѣ игры въ кости.

Знающіе правила игры *кресб* могутъ по этимъ 36-ти переложеніямъ, сама легко расчислить, что держа за корнетъ (стакачикъ),

Номеръ 7 имѣетъ дезавантажа	1 р. $41\frac{1}{3}$ к. на 100 р.
5 или 9	1 р. 52 к. — — —
6 или 8	2 р. 34 к. — — —

Въ три кости — переложеній можетъ быть 216, ибо сочетая 36 переложеній двухъ костей съ первою стороною или тузою 3-ей кости, мы получаемъ уже 36 переложеній, а именно:

3-я кость.	3-я кость.	3-я кость.
1—1—1.	1—2—1.	1—3—1.
1—1—2.	1—2—2.	1—3—2.
1—1—3.	1—2—3.	1—3—3.
1—1—4.	1—2—4.	1—3—4.
1—1—5.	1—2—5.	1—3—5.
1—1—6.	1—2—6.	1—3—6.
3-я кость.	3-я кость.	3-я кость.
1—4—1.	1—5—1.	1—6—1.
1—4—2.	1—5—2.	1—6—2.
1—4—3.	1—5—3.	1—6—3.
1—4—4.	1—5—4.	1—6—4.
1—4—5.	1—5—5.	1—6—5.
1—4—6.	1—5—6.	1—6—6.

Потомъ, сочетая съ каждою изъ остальныхъ пяти сторонъ 3-й кости, порознь, 36 переложений двухъ костей, мы получимъ также на каждую по 36; и того въ три кости, всѣхъ переложений будетъ $36 \times 6 = 216$.

Въ четыре кости, всѣхъ переложений будетъ 216 (т. е. всѣ переложения трехъ костей), помноженные на шесть сторонъ 4-й кости = 1296.

Въ пять костей, $1296 \times 6 = 7776$, и т. д.

Слѣдующая таблица показываетъ, сколькими манерами можно выбросить извѣстное число очковъ, при различныхъ переложенияхъ костей, отъ 3-хъ до 9-ти. включительно:

Вб 3 кости:

1-мъ способомъ можно выбросить только		3 или 18 очковъ.
3	4	— 17 —
6	5	— 16 —
10	6	— 15 —
15	7	— 14 —
21	8	— 13 —
25	9	— 12 —
27	10	— 11 —

Вб 4 кости:

1-мъ способомъ можно выбросить только		4 или 24	—
4	5	— 23 —	—
10	6	— 22 —	—
20	7	— 21 —	—
35	8	— 20 —	—
56	9	— 19 —	—
80	10	— 18 —	—
104	11	— 17 —	—
125	12	— 16 —	—
140	13	— 15 —	—
146	— 14 —	—	—

Вб 5 костей:

1-мъ способомъ можно только выбросить		5 или 30	—
5	6	— 29 —	—
15	7	— 28 —	—
35	8	— 27 —	—
70	9	— 26 —	—

126-мъ способомъ можно выбросить только

205	10 — 25 —
305	11 — 24 —
360	12 — 23 —
480	13 — 22 —
561	14 — 21 —
705	15 — 20 —
930	16 — 19 —
	17 — 18 —

Въ 6 костей:

1-мъ способомъ можно выбросить только

6	6 или 36 —
21	7 — 35 —
56	8 — 34 —
126	9 — 33 —
252	10 — 32 —
456	11 — 31 —
756	12 — 30 —
1161	13 — 29 —
1686	14 — 28 —
2247	15 — 27 —
2856	16 — 26 —
3431	17 — 25 —
3906	18 — 24 —
4222	19 — 23 —
4532	20 — 22 —
	— 21 —

Въ 7 костей:

1-мъ способомъ можно выбросить только

7	7 или 42 —
28	8 — 41 —
84	9 — 40 —
210	10 — 39 —
462	11 — 38 —
917	12 — 37 —
1667	13 — 36 —
2807	14 — 35 —
4417	15 — 34 —
6538	16 — 33 —
9142	17 — 32 —
12,117	18 — 31 —
15,267	19 — 30 —
18,327	20 — 29 —
20,993	21 — 28 —
22,967	22 — 27 —
24,017	23 — 26 —
	24 — 25 —

Въ 8 костей:

1-мъ способомъ можно выбросить только	8 или 48	—
8	9	47
36	10	46
120	11	45
330	12	44
792	13	43
1708	14	42
3368	15	41
6147	16	40
10,480	17	39
16,808	18	38
25,488	19	37
36,688	20	36
50,288	21	35
65,808	22	34
82,584	23	33
98,813	24	32

Въ 9 костей:

1-мъ способомъ можно выбросить только	9 или 54	—
9	10	53
45	11	52
165	12	51
495	13	50
1287	14	49
2994	15	48
6354	16	47
12,465	17	46
22,825	18	45
39,303	19	44
63,909	20	43
98,979	21	42
145,899	22	41
205,560	23	40
277,464	24	39
359,469	25	38
447,669	26	37
536,569	27	36
619,569	28	35
689,715	29	34
740,619	30	33
767,394	31	32

Изъ этой таблицы можно замѣтить, что среднія числа очковъ, во сколько бы ни было костей, выпадаютъ всего чаще. Среднее число очковъ получается, если сумму младшихъ со старшими раздѣлить на два, напр. въ трехъ костяхъ: сумму младшихъ 3 и старшихъ 18 = 21, раздѣливъ на 2, получаемъ среднія числа 10 и 11, которыя въ три кости всего чаще и выпадаютъ. Но въ парномъ числѣ костей, среднее число бываетъ всегда одно, какъ напр. въ двухъ костяхъ $\frac{2+12}{2}=7$, въ 4-хъ $\frac{4+24}{2}=14$, и т. д.

Пассѣ-дизѣ играется въ три кости, очень просто. Выкинули вы тремя костями не менѣе 11 очковъ, выиграли; а выкинули менѣе 11 очковъ, то проиграли. Изъ таблицы мы видимъ, что изъ 216 всѣхъ способовъ, 108 — ложатся не менѣе, какъ 11 очками, а 108 — менѣе, и такъ игра совершенно равна. Но банкиры, держащіе всегда противъ стаканчика, присваиваютъ себѣ и въ пассѣ-дизѣ какой-нибудь авантажъ, напр. если выпадетъ 17, случай выигрывающій понту, то считаютъ этотъ ударъ въ ничью: что и составляетъ среднимъ числомъ почти $1\frac{1}{3}$ процента на сто убытка понтамъ, на каждый ударъ.

Пассѣ-дизѣ играютъ еще такимъ образомъ, что только тѣ удары считаются, въ которыхъ выпадаютъ всѣ три кости числомъ очковъ равнымъ, или двѣ кости одинакія съ третьею различною, напр. 4,4,4; 5,5,5; 2,2,6; 1,1,1; всѣ же прочіе удары, въ которыхъ всѣ три кости очками различны, какъ то: 1,4,6; 2,3,5 и т. д. не считаются вовсе. Эта игра также равна: такихъ ударовъ съ тройными одинаковыми очками и съ двумя одинаковыми и однимъ семпелемъ, въ 216-ти, есть 48 выигрышныхъ и 48 проигрышныхъ.

На основаніи этихъ самыхъ шансовъ разчислены и жидовскія лоттереи въ семь и болѣе костей, съ различными выигрышами денегъ и вещей. Если вамъ удастся, семью костями, выкинуть 7,8,9, или 10 очковъ, также 42, 41, 40 или 39 очковъ, то вы получаете деньги или вещь, цѣнностію разъ во сто дороже вашей ставки: но изъ таблицы мы видимъ, что въ ровную игру за выкидышъ одного изъ этихъ нумеровъ должно платить за рубль въ 1165 $\frac{1}{2}$ разъ. Притомъ, всѣ среднія числа семи костей, какъ-то: 20, 21, 22, 23, 24,

25, 26, 27, 28, 39, 30, и т. д. тѣ именно, которыя всего чаще выпадаютъ, назначены въ этихъ лоттерейхъ проигрышными, т. е. выбросить изъ нихъ которое-нибудь, вы теряете свою ставку (обыкновенно полтинникъ или цѣлковый, не выше). Некоторые нумера въ ничью, т. е., не берутъ и не платятъ, а самые трудные, разумѣется, предоставляютъ выигрышъ, который, по многочисленности шансовъ, почти не возможенъ, и можно сказать, выставляется только для глазъ, или для приманки ярморочнаго гуляки. Содержатель лоттереи адресуется обыкновенно къ своимъ гостямъ въ такомъ тонѣ: «вотъ видите ли, господа», говорить онъ, «семью костюми можно выкинуть отъ семи до 42 очковъ: значить — 36 различныхъ случаевъ. Что же? я предоставляю изъ нихъ 24 случая въ вашу пользу, и только 12 беру въ свою, а именно отъ 20 до 31; надѣюсь заслужить нашу благосклонность,» и проч. и проч. — 24 противъ 12! Въ самомъ дѣлѣ, какъ не попробовать счастья!

II.

БАНКЪ ИЛИ ФАРО.

Въ эту игру *понтъ* (или *понтеръ*) имѣетъ право ставить сначала, въ срединѣ, и до конца талии банкомета, сколько ему угодно картъ. Поэтому, онъ можетъ ставить такіа карты, которыя находятся еще всѣ четыре въ колодѣ банкомета, или три, или двѣ, или только одна. Если, напримеръ, онъ ставитъ сначала талии туза, это значить *понтить* просто, на очередь или на выдержку; но если тузъ былъ убитъ или данъ въ первомъ абцугѣ, и онъ тогда только его ставить, это значить *понтить* на *фаску*; если поставить туза или другую карту въ срединѣ талии послѣ двухъ уже вышедшихъ, то играетъ на *претьяка*; наконецъ, онъ можетъ поставить такую карту, которая уже вышла три раза, на четвертый; но какъ нижняя карта въ колодѣ банкомета *понтамъ* не *выигрываетъ*, по установленному правилу игры банка, то четвертая можетъ *попасть*, что называется *подъ крышку*, т. е. случиться предпоследней картой снизу, и тогда вы проигрываете ставку

даромъ, чего впрочемъ всегда можете набъигнуть, не ставя никогда на четвертую.

Авантажъ банкмета, въ эту игру, усиливается по мѣрѣ выходящихъ картъ во время талин, и также глядя по картамъ на кавія кто понтируетъ, т. е. сначала ли талин ставить, на фаску, на третьяка или на четвертую.

Очевидно, что *пліе*, напр. тузовъ, скорѣе случится, когда въ колодѣ банкмета всѣ четыре туза, нежели когда ихъ вышло уже два; следовательно, понту выгоднѣе ставить третьяка чѣмъ фаску, фаску чѣмъ сначала талин, и проч. Также, если понтъ ставить двѣ, три и болѣе картъ разомъ, то сколько онъ поставилъ картъ, во столько разъ умножается авантажъ банкмета.

Многіе игроки и даже нѣкоторые ученые люди полагаютъ, что не *пліе* составляетъ авантажъ банкмета (ибо, *фо-пліе* ровно вдвое для него не выгодно), а тринадцатая карта, идущая, по ихъ мнѣнію, направо. Мы считаемъ это мнѣніе совершенно ошибочнымъ. Во-первыхъ, почему 13-я карта должна идти скорѣе направо, чѣмъ налево? Если метать банкъ въ 13 розныхъ картъ, тогда это вѣрно; но въ 52-хъ картахъ есть 13 розныхъ и 39 повтореній; эти повторенія должны, весьма натурально, чередоваться съ 13-ю картою — и направо и налево. Наконецъ, если мы эту 13-ю карту, составляющую, по мнѣнію этихъ господъ, всю выгоду игры, выкинемъ совсѣмъ изъ колоды, то по опыту извѣстно, что банкмету еще выгоднѣе метать въ 48 картъ нежели въ 52. Но упорные защитники *фо-пліе* говорятъ, что если понтировать цѣлый вѣкъ на одну карту, положимъ на двойку, то случай, когда двѣ двойки стасуются вмѣстѣ въ колодѣ банкмета, несомнѣнно благоприятенъ понту, потому что двойка будетъ или дана или *пліе*. Напримѣръ:

лѣвая 2—10 правая сторона.

8—2.

Это правда, но противъ этого случая есть также случай:

10—2 правая.

2—8.

А противъ случая:

2—2.

8—10,

понты не имѣютъ въ вознагражденіе никакого.

Наконецъ, еслибъ выгода отъ *фо-пліе* существовала не въ одномъ воображеніи, то чѣмъ меньше оставалось бы картъ въ таліи, тѣмъ чаще *фо-пліе* должно бы случаться, и тѣмъ выгоднѣе было бы для понта. Попробуйте же по-понтитовать на двойку противъ колоды изъ 10 картъ, въ которой будетъ 4 двойки и 6 разныхъ картъ: тогда вы убѣдитесь на дѣлѣ, выгодно ли *фо-пліе*.

Игра банкъ или фаро, по неравности своей, одна изъ самыхъ разорительныхъ: безъ особеннаго счастья трудно понтировкой выиграть, а значительный кушъ — почти невозможно. Если банкومتъ, сначала таліи, имѣетъ уже слишкомъ 2 процента, то въ сложности, авантажъ его надобно считать на разныя карты, по крайней мѣрѣ въ 3 процента. Доказывать практическое вѣроломство этой игры, кажется, нѣтъ нужды: тысячи фактовъ сами говорятъ за себя.

III.

СТОСЪ (ПРОСТОЙ) ИЛИ ВАСЕТЪ.

Стосъ простой есть почти ровная игра. Многіе полагаютъ, что *стосъ* невыгодно метать: напротивъ того, *стосометъ* имѣетъ аванжажа, въ каждую талію, на каждую карту $\frac{1}{4}$ процента, т. е. 25 коп. на сто рублей; это такая бездѣлица, что можно смѣло считать *стосъ* ровною игрою. Очень мало игроковъ, которые систематически ведутъ игру въ *стосъ*, т. е. выметываютъ и прометываютъ въ нее большія деньги; вообще, эта игра мечется на-коротка и употребляется игроками больше для *подмазки*, для перехода къ неравнымъ играмъ.

V.

ОДНА-НЕВѢТАЯ.

Нѣвѣтчикъ, убѣдись на опытѣ, и какъ говорить, своими боками, что метать банкъ — очень выгодно, предлагаетъ

обыгравшимъ его банкометамъ понтировать въ свою очередь. Эти господа весьма скромно ему отвѣчаютъ: мы никогда не понтируемъ, но для васъ — извольте.... только съ маленькимъ условіемъ: для уравненія пліе, дайте намъ какой-нибудь пустой авантажъ; пускай, наприхър, хоть первая ваша карта направо вамъ не считается, т. е. убьете вы соніку — ничья.» Новичекъ сначала призадумывается, инстинктуально не довѣряя непріятелю, но разсудивъ: 1) что соніку весьма рѣдко случается бить; 2) что слѣдующіе абцуги до конца талии останутся въ его пользу; 3) хотя первый абцугъ ему и невыгоденъ, ибо соніку нѣтъ онъ можетъ дать, а убить никогда, но за то послѣ перваго абцуга онъ мечетъ чистый банкъ, и великое пліе въ его пользу; разсудивъ и сообразивъ все это на-скоро и живо, потому что страстишка, подмывая скорѣе играть, не даетъ много времени на размышленіе, нашъ новичекъ соглашается на условія и начинаетъ метать *банковскую одну-небитую*.

Дезавантажъ *одной-небитой* отъ командованія кушекъ ни сколько не уменьшается, и остается все тотъ же, слѣшкомъ 6 $\frac{2}{3}$. Конечно, есть возможность и даже случается убить въ эту игру сряду картъ десять и болѣе; но вѣдь можно и въ лоттерее, состоящую изъ 64,000 билетовъ, взять одинъ билетъ и выиграть главный кушъ: это еще труднѣе, однако также случается, но ничего не добавляетъ кромѣ выпавшаго рѣдкаго случая.

Если въ *одну-небитую* предоставить еще понту распоряжаться цѣною ставки, тогда авантажъ этой игры доходить до единицы достовѣрности. Играя, напр. тысячу на тысячу рублей *à la mort*, и понтируя кушемъ не выше 20 р., можно легко согласиться: пропонтировать 1000 р., платить всю тысячу, а выигравъ тысячу, отдавать 990 р. назадъ и брать только 10 р. Съ перваго взгляда кажется, что такія условія невозможны и понтеръ останется въ невыгодѣ; поспѣвшимъ же сказать: легче своротить съ мѣста гору, нежели наметать 50 семпелей въ *одну-небитую*. Имѣющіе лишнее время или любопытные могутъ повѣркой на дѣлѣ убѣдиться въ томъ; слѣдовательно и 10 р. брать

за 1000 все равно, что даромъ, когда нѣтъ возможности проиграть. Представимъ случай одной-небитой, на слѣдующихъ условіяхъ:

А. и В. играютъ 10,000 р. на 10,000 р. à la mort; кушъ — ни болѣе ни менѣе 1000 р. А. мететъ банковую одну-небитую; В. ставитъ одну карту въ талию: если А. набьетъ 10 кушей (за выетомъ данныхъ, а не то, что въ прежнихъ задатахъ: кто прежде напишетъ 10 кушей), то получаетъ 10,000 р., а если промететъ 10 кушей, за выетомъ убитыхъ, то платитъ только 5000 р.

И при такихъ условіяхъ: по полтинъ за рубль — эта игра была невыгодна для А., потому что уйти впередъ 10 кушей въ одну-небитую случается очень рѣдко.

Кто мечетъ одну-небитую и позволяетъ понтеру ставить сначала талии, двѣ, три и болѣе картъ, тотъ удваиваетъ тѣмъ, утроиваетъ и т. д. свой дезавантажъ.

V.

ЛАНДСКНЕХТЪ.

Держать противъ ландскнехта все то же, что 4 процента на сто убытка въ каждой картѣ. Кажется, въ этой истинѣ уже многіе удостовѣрились на практикѣ, потому что нынче почти никогда не играютъ въ ландскнехтъ, какъ съ пулькой; мечутъ по очереди, пулька отвѣчаетъ, а изъ играющихъ, или со стороны рѣдко кто-нибудь держитъ. Играютъ въ двѣ колоды, въ четыре и даже въ осемь; авантажъ $4 \frac{0}{9}$ ни убавляется и ни прибавляется ни сколько отъ лишннихъ колодъ.

(Здѣсь должны слѣдовать: VI, лоттерей и VII, лото; но эти главы уже были помѣщены въ 3 и Москвитанина этого года.)

VIII.

КРАСНАЯ И ЧЕРНАЯ (Trente et quarante).

Эта игра весьма заманчивая, встрѣчается за границей почти на всѣхъ минеральныхъ водахъ.

Игра *trame et quagame* мечется картами въ шесть ко-
лодъ и имѣеть, какъ банкъ, двѣ стороны, красную и сер-
ную: поить можетъ ставить на любую.

Всѣ фигуры считаются по 10 очковъ; тузъ за одно
очко; остальные карты по своимъ очкамъ.

На которую сторону выпадеть ближе къ 31 очку, та
сторона выиграла.

Если выпадеть по 31 очку на обѣ стороны, то — *plie*:
поиты, поставившіе и на красную и на черную, равно те-
ряютъ полставки. Прочіе рефеты, какъ-то: 32 и 32, 33 и
33, и т. д., въ ничью.

Отъ 31 очка до 40 — десять различныхъ случаевъ,
т. е. карты могутъ лечь 31-мъ очкомъ, 32-мъ, 33-мъ, и
т. д. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ этихъ случаевъ
выпадаютъ чаще другихъ: напр.

40 очковъ могутъ выпасть тогда, когда послѣдняя
карта — фигура или десятка.

39 очковъ могутъ только сформироваться: фигурой,
десяткой и девяткой въ послѣдней картѣ.

- 38 — фигурой, 10, 9 и 8-й.
- 37 — фигурой, 10, 9, 8 и 7-й.
- 36 — фигурой, 10, 9, 8, 7 и 6-й.
- 35 — фигурой, 10, 9, 8, 7, 6 и 5-й.
- 34 — фигурой, 10, 9, 8, 7, 6, 5 и 4-й.
- 33 — фигурой, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4 и 3-й.
- 32 — фигурой, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3 и 2-й.
- 31 — фигурой, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2 и тузомъ.

По закону воспроизведенія дѣйствій, соразмѣрно числу
ихъ причинъ, 31 очко выпадеть 13 разъ, въ то время какъ:

31 очка	выпадаютъ только 12 разъ.
33	11 —
34	10 —
35	9 —
36	8 —
37	7 —
38	6 —
39	5 —
и 40	4 —

85 разъ.

Каждый ударъ или игра состоитъ изъ двухъ случаевъ, т. е. одинъ разъ выкладываютъ карты для красной, а другой для черной стороны; пропорціональное же число всѣхъ случаевъ = 85; квадратъ этой суммы и есть число, въ которое всѣ различно-возможные случаи должны выпасть между собою, каждый, соразмѣрно числу причинъ, ему свойственныхъ.

И такъ, въ 7225 ударовъ, должны случиться:

31 и 31—169 разъ.	34—35—90 разъ.	37—40—28 разъ.
31—32—156 —	34—36—80 —	38—31—78 —
31—33—143 —	34—37—70 —	38—32—72 —
31—34—130 —	34—38—60 —	38—33—66 —
31—35—117 —	34—39—50 —	38—34—60 —
31—36—104 —	34—40—40 —	38—35—54 —
31—37—91 —	35—31—117 —	38—37—42 —
31—38—65 —	35—35—99 —	38—38—36 —
31—39—65 —	35—34—90 —	38—39—30 —
31—40—52 —	35—35—81 —	38—40—24 —
32—31—156 —	35—36—72 —	39—31—65 —
32—32—144 —	35—37—63 —	39—32—60 —
32—33—132 —	35—38—54 —	39—33—55 —
32—34—120 —	35—39—45 —	39—34—50 —
32—35—108 —	35—40—36 —	39—35—45 —
32—36—96 —	36—31—104 —	39—36—40 —
32—37—84 —	36—32—96 —	39—37—35 —
32—38—72 —	36—33—88 —	39—38—30 —
32—39—60 —	36—34—80 —	39—39—25 —
32—40—48 —	36—35—72 —	39—40—20 —
33—31—143 —	36—36—64 —	40—31—52 —
33—32—132 —	36—37—56 —	40—32—48 —
33—33—121 —	36—38—48 —	40—33—44 —
33—34—110 —	36—39—40 —	40—34—40 —
33—35—99 —	36—40—32 —	40—35—36 —
33—36—88 —	37—31—91 —	40—36—32 —
33—37—77 —	37—32—84 —	40—37—28 —
33—38—66 —	37—33—77 —	40—38—24 —
33—39—55 —	37—34—70 —	40—39—20 —
33—40—44 —	37—35—63 —	40—40—16 —
34—31—130 —	37—36—56 —	
34—32—120 —	37—37—49 —	
34—33—110 —	37—38—42 —	
34—34—100 —	37—39—35 —	

7225.

Въ 7225 ударовъ въ ничью:	32 и 32	— 144.
	33 — 33	— 121.
	34 — 34	— 100.
	35 — 35	— 81.
	36 — 36	— 64.
	37 — 37	— 49.
	38 — 38	— 36.
	39 — 39	— 25.
	40 — 40	— 16.

 636.

6225 — 636 = 589. И такъ, въ 589 ударовъ случится 169 разъ пліе или въ 39 разъ 1, что и составляетъ, для понта, дезавантажа на каждый ударъ 1 р. 30 к. на 100 р.

Въ Парижѣ, во время публичныхъ игръ, многіе игроки ломали себѣ головы и совѣтовались даже съ учеными, нѣтъ ли возможности — найти какой-нибудь ключъ или математическій способъ понтировки, въ trente et quarante, посредствомъ котораго можно бы было взять расчетомъ навѣрное. До сихъ поръ, разумѣется, никто ничего не придумалъ, потому что это невозможно. Если бы выпавшіе случаи имѣли вліяніе на будущее, напр. если бы отъ того, что черная сторона выиграла, положимъ, сразу 17 разъ, было бы легче угадать красную въ 18-й, тогда можно бы найти, безъ сомнѣнія, искомый ключъ. Но въ природѣ такой законъ не существуетъ: по крайней мѣрѣ въ тѣхъ дѣлахъ или событіяхъ, гдѣ дѣйствуетъ одна случайность, прошедшее не имѣетъ связи съ будущимъ, и хотя всѣ возможные случаи какого-нибудь дѣла намъ могутъ быть извѣстны и современемъ даже выравниваются, но который именно случай выпадетъ прежде и который послѣ, — намъ неизвѣстно; время же ихъ уравненія также неопредѣленно и слишкомъ растянуто. И потому, посредствомъ теоріи вѣроятностей мы можемъ узнать только итогъ и свойства всѣхъ благоприятныхъ и противныхъ шансовъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ: это очень мало и очень много, какъ угодно. Мало, потому что знаніе вѣрнаго расчета не подвигаетъ еще и на волосъ къ выигрышу навѣрное; много — для благоразумнаго человѣка, который,

держа въ памяти всѣ могущіе съ нимъ приключиться случаи, можетъ всегда, противъ неблагоприятныхъ, имѣть камышекъ за пазухой. Намъ возразятъ на это, что большая часть людей знаетъ, что ей вредно или пагубно, но не можетъ воздержаться: это правда, и есть именно общее свойство слабыхъ характеровъ. Однако знаніе того, что вредно, имѣетъ противу совершеннаго незнанія, по крайней мѣрѣ, 500 процентовъ выгоды на сто; кромѣ того, сама природа такъ благотѣльна, что разсудокъ нашъ и опытность, при постепенномъ охлажденіи крови, эрвуютъ съ лѣтами.

IX.

РУЛЕТКА.

Эта игра ровно втрое дезавантажише, чѣмъ *trente et quarante*. На рулеткѣ 38 мѣстъ, изъ коихъ 18 красныхъ, 18 черныхъ, 1 съ нулемъ (*zéro*) и 1 съ двойнымъ нулемъ (*double zéro*). Красныя и черныя мѣста занумерованы отъ 1 до 36. Можно играть на одинъ номеръ, на половину номеровъ (*parle manque*), на цѣвтъ, на четъ и нечетъ (*pair et impair*); шансы играть на то или на другое для понта совершенно равны: но когда шарикъ упадетъ въ нуль, то понтъ теряетъ полставки, а когда въ двойной нуль, то цѣлую ставку. И такъ, въ 38 ударовъ, содержатели рулетки выигрываютъ $1\frac{1}{2}$ ставки, что составляетъ, среднимъ числомъ, на каждую ставку $\frac{4}{3}$. Наша неотъемлемая обязанность сказать здѣсь откровенно и навсегда свое мнѣніе: мы считаемъ всѣ игры, *авантажъ* которыхъ превышаетъ $1\frac{1}{2}$ процента на сто, безсовѣстными и разорительными. Это мнѣніе можетъ показаться слишкомъ рѣзко; но еслибъ мы и хотѣли его смягчить, то не имѣемъ права его смягчать ибо, къ несчастію, горькій опытъ доказываетъ, что это истинная правда. Намъ случается слышать, и то довольно рѣдко, что такой-то, напр., выпонтировалъ въ банкъ или въ рулетку значительный кушъ: что же это доказываетъ? что изъ множества понтовъ съ кѣмъ-нибудь это должно было случиться. Но слыхали ли вы, знаете ли хоть

одинъ примѣръ, что бы кто-нибудь, понтируя постоянно, оставилъ себѣ состояніе, или даже остался не въ проигрышѣ? Мы, съ своей стороны, по совѣсти говоря, такого примѣра не знаемъ, хотя много слышали игрецкихъ легендъ. Одинъ этотъ фактъ убѣждаетъ въ невозможности преодолѣть съ какимъ хотите счастьемъ, въ продолженіе времени, даже двухъпроцентнаго авантажа: слѣд. сколько-нибудь разсудительный человѣкъ не долженъ никогда, въ какомъ бы то ни было обществѣ и въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, играть въ эти игры, т. е. давать на себя двухъпроцентный авантажъ. Это правило, которое всякій долженъ поставить себѣ закономъ на всю жизнь. Кребсъ и trente et quarante другое дѣло: въ нихъ можно еще иногда выиграть съ маленькимъ перевѣсомъ счастья. Но и въ нихъ играть, для бѣднаго человѣка — непростительная шалость и мотовство; а для богатаго — излишняя роскошь. Какъ будто нельзя найти вездѣ и во всякое время ровную игру!

Х.

ТИНТЕРЕ.

Въ старину играли въ нее на одни поэны, безъ фигуръ; въ этомъ наивномъ и прародительскомъ костюмѣ постучалась она въ клубныя двери, которымъ и не было причины не пропустить ея. Но со всѣхъ сторонъ нахлынувшее просвѣщеніе пролило и на тинтере свой живительный токъ. Сверхъ поэней стали держать пари на ударъ, какъ на *je, venite* въ пикетъ; эти удары каждый писалъ къ себѣ черточками или палками: отсюда второе ея прозвище — *палки*. Потомъ, придумали ставить еще четыре карты или *фигуры*, по извѣстному кушу, сверхъ поэней; съ тѣхъ поръ судьба сихъ послѣднихъ была рѣшена: они пришли въ совершенную ничтожность, ибо цѣна фигуръ превысила ихъ далеко. Какъ скоро же поэны перестали интересоваться, то очень естественно — ихъ перестали и считать: къ чему напрасный трудъ? И такъ во многихъ клубахъ нѣсколько лѣтъ играли въ тинтере безъ поэней и безъ удара, на однѣ фигуры, которымъ можно ставить сколько угодно и по чѣмъ угодно.

Въ 1847 г. тинтере безъ счета позней—клубнымъ постановленіемъ запрещена, и теперь играютъ опять съ поэмами и съ фигурами; что, впрочемъ, ни мало не уменьшаетъ цѣны, но длить только время: это не бездѣлица. Во всякой азартной игрѣ, какъ мы выше сказали, быстрое выпаденіе шансовъ раздражаетъ именно играющихъ; слѣд., чѣмъ дольше тянется время, или чѣмъ продолжительнѣе игра (азартная), тѣмъ слабѣе ея дѣйствіе. Мы не станемъ разбирать здѣсь вопроса, должна ли быть допущена въ клубахъ, для удовольствія членовъ и гостей, хоть одна азартная или въ родѣ азартной, игра, ибо эти члены и гости всѣ совершенныхъ лѣтъ. Но сравнивая тинтере съ лото въ отношеніи клубныхъ посѣтителей, достоверно по крайней мѣрѣ то, что играя въ тинтере, они могутъ въ продолженіе времени и выиграть и проиграть, а въ лото только проиграть. Между тѣмъ, въ каждомъ клубѣ на одного тинтериста—вы вѣрно насчитаете десять лотистовъ: видно правду сказалъ нѣкто почтенный старецъ *Виргилій*: люди хотятъ ошибаться, пускай же ихъ ошибаются.

ХІ.

ВИСТЬ.

Изъ всѣхъ игръ, вистъ безспорно благороднѣйшая, труднѣйшая и остроумнѣйшая коммерческая игра.

Правила ея розыгрыша узнаются лучше всего на практикѣ; притомъ, столько печатныхъ руководствъ *виста*, что мы считаемъ лишнимъ излагать ихъ въ нашемъ сочиненіи. Разборъ же шансовъ показываетъ намъ слѣдующее:

1. Можно держать пари 27 противъ 2 (считая въ вистѣ 4 главные онѣра, безъ десяти), что къ тѣмъ, чья задача, не придутъ 4 онѣра.

2. 23 противъ 1, что къ тѣмъ, которые въ рукѣ, не придутъ 4 онѣра.

3. 8 противъ 1, что къ тѣмъ, которые въ рукѣ, не придутъ 4 онѣра.

4. 13 противъ 7 , что къ вздающимъ не придуть 2 онёра.

5. 25 противъ 16, что онёры не будутъ врознь.

Пари за партію, въ вистъ (безъ континюаціи, онёры приписываются къ взятымъ, а не особо).

За начинающихъ вздавать 21 противъ 20.

1 и ничего (вздача всегда первыхъ)	11	10.
2	5	4.
3	3	2.
4	7	4.
5	7	3.
6	5	2.
7	7	2.
8 (онёрами выходить)	6	1.
9 (хуже чѣмъ 8)	9	2.

Если 1-я партія выиграна , и на 2-ю замаркировано 9 и ничего, то вѣроятность робера при своей вздачѣ 13—1.

То же самое при чужой вздачѣ 11—1.

Если первая партія выиграна, то пари за роберъ 3—1.

Мы предлагаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній лучшихъ вистовыхъ игроковъ новой школы, позволяющихъ себѣ иногда отступать отъ печатныхъ правилъ ; эти замѣчанія весьма дѣльны.

1. Лучшій инвигъ — отъ квинты , кварта или терца, ходить со старшей ихъ карты. Если же противники къ нимъ ходятъ, то класть младшую, чтобъ не обмануть товарища.

2. Въ одной масти у васъ король, дама съ маленькими самъ-пять, а въ другой терцъ отъ короля или дамы: если вы въ козыряхъ слабы, то инвигуйте прежде отъ терца, а если сильны, то отъ длинной масти.

3. Инвигъ отъ туза козырного хорошъ, въ мастяхъ же дурень ; потому что по второй могутъ вашего туза покрыть козыремъ.

4. Въ сингелтонъ маленькій, не ходите, потому что этимъ подводите старшую фигуру вашего товарища, это запрещено по правиламъ игры. Но если вышъ сингелтонъ дама или валетъ, то смѣло ходите, потому что сильно под-

держите тѣмъ эту масть и вообще игру вашего товарища. Въ сингелтъонъ короля козырнаго, ходъ сѣверный, кромѣ рѣдкихъ случаевъ; въ мастяхъ же допускается, глядя по игръ. Въ сингелтъонъ туза, кромѣ козырнаго, никогда не ходять.

5. Если вы, вначалѣ вѣдачи, въ рукѣ, и у васъ въ козыряхъ дама одна или съ валетомъ, то какова бы ни была ваша игра, козыряйте, это лучший ходъ. Но само собою разумѣется, если въ вашихъ картахъ есть длинная масть съ тузомъ и королемъ, то прежде ходите разъ съ короля, а потомъ козыряйте.

6. Если у васъ король, валетъ, десятка со свитой или безъ свиты, въ масти или козыряхъ, то ходите съ валета, потому что, если пойдете съ десятки, то товарищъ вашъ, имѣя даму, будетъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать; и также потому, что на вашего валета, противникъ съ лѣвой стороны, имѣя въ этой масти туза и даму, долженъ класть туза, если хорошо играетъ.

7. Если товарищъ вашъ ходитъ съ валета масти, а у васъ тузъ, то кройте тузомъ; если же у васъ только король этой масти, то не кройте королемъ.

8. Отъ туза, короля самъ-пять въ масти, ходите съ маленькой, если вы сильны въ козыряхъ; съ туза и короля, если вы слабы.

9. Не кройте никогда неизвѣстной взятки, если у васъ много козырей и можете снести фоску; если же мало, то кройте всегда, безъ дальнихъ разсужденій.

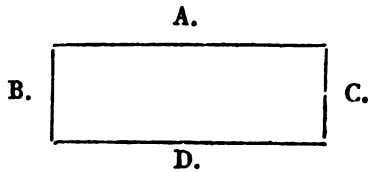
10. Вообще, когда вы слабы въ козыряхъ, старайтесь отхаживать свои всятки; когда же сильны то обыгрывайте длинную масть.

NB. Старайтесь играть 26-ю картами, а не 13-ю; смотрите всегда на положеніе партіи, робера и дѣйствуйте соотвѣтственно, — это выше всѣхъ правилъ.

Легко сказать!

Правила вистоваго розыгрыша не только основаны всѣ на логикѣ, или на здоровомъ смыслѣ, но въ каждомъ изъ нихъ свое математическое доказательство. Напримѣръ,

почему при чужомъ инвйтѣ, не слѣдуетъ класть короля самъ-другъ? Предположимъ за ломбернымъ столомъ четырехъ игроковъ А., В., С. и D.

С. ходить или инвитуеъ въ черви; у D. въ этой масти король самъ-другъ. Класть ли ему короля или нѣтъ? Король кроется только тузомъ; тузъ червей или у А., или у В., или у С.; и такъ 2 противъ 1, что онъ не у А. Следовательно, D., положивъ короля, можетъ надѣяться, 2 противъ 1, что взятка будетъ его.

Даму самъ-другъ не слѣдуетъ класть, по той же самой причинѣ, наоборотъ.

ХII.

ПРЕФЕРАНСЪ.

Новая изъ старины возрожденная игра, занимательная, веселая, замысловатая, не обременяющая памяти, ибо вздается на руки по 10 картъ; съ виду легкая въ розыгрышъ, а между тѣмъ ничего нѣтъ труднѣе, какъ въ эту игру хорошо играть. Причины тому: 1-я) преферансъ требуетъ, главное, воздержности; 2-я) излишняя воздержность ведетъ также къ проигрышу, и 3-я) необходимо соображать свою игру съ характеромъ своихъ партнеровъ, напр. въ одной партіи можно играть смѣло, рискованно; въ другой не должно позволять себѣ ни малѣйшей шалости; въ третьей партіи, вистовать свободно; въ четвертой — не иначе какъ съ двумя вѣрнѣйшими взятками, и т. д. Все это требуетъ особенной смѣтливости, которою одаренъ не всякій, а безъ нея, даже при отлнчномъ розыгрышѣ, можно выиграть вмѣсто рубля гривну, въ сравненіи съ бойкимъ и смѣтливымъ игрокомъ.

Преферансъ установился бы, конечно, надолго преимущественно предъ всѣми играми, еслибъ не приходи-

лось въ немъ такъ часто и такъ дорого платить денежки за чужіе грѣхи и ошибки. Это неудобство такъ велико, что почти нѣтъ средствъ играть въ преферансъ на деньги. Въ вистъ, напр., ошибка вашего товарища ведетъ и его самого къ проигрышу: слѣд. тамъ, гдѣ умысла нѣтъ, почти и сердиться не за что. Въ преферансъ, напротивъ того, ошибка товарища, васъ обремизившаго, приноситъ ему несомнѣнную и значительную выгоду: какъ же узнать или влѣзть въ его душу, съ намѣреніемъ ли онъ это сдѣлалъ, или безъ намѣренія? И къ чему бы это знаніе послужило? Положимъ, что васъ обремизили съ намѣреніемъ: что жъ вамъ остается дѣлать? Наговорить грубостей? невозможно: приличіе не позволяетъ; не заплатить денегъ? также нельзя; отплатить тѣмъ же, т. е. обремезить, на пропалую, въ свою очередь? Но и для этого надобно имѣть особенное свойство въ характеръ, быть самому порядочнымъ циникомъ или грубіяномъ; человѣкъ же съ тонкимъ образованіемъ, конечно, на это не рѣшится. Можно постановить почти афоризмомъ, *что въ крупную игру, человеку деликатному, въ преферансъ выигрыша нѣтъ*. Предположимъ даже всѣхъ трехъ партнеровъ въ одной партіи деликатными игроками, все-таки въ характерахъ ихъ будутъ отѣнки; и тотъ, кто изъ троихъ подобре и помягче, заплатитъ за *битые горшки*.

Замѣтимъ притомъ, что статья о благородствѣ и деликатности въ игрѣ — статья чрезвычайно сложная и мудреная. Есть люди благородные и вполне уваженія достойные, поведеніе которыхъ, напримѣръ, въ службѣ или въ обществѣ, неукоризненно; а между тѣмъ, очень часто бываетъ, что для этихъ господъ — обремизить за преферансомъ своего партнера — легче, чѣмъ выпить стаканъ холодной воды. Вы спросите: съ намѣреніемъ? дѣйствительно, съ намѣреніемъ, только не съ злымъ. Вотъ ключъ этой загадки: человѣкъ добродѣтельный, честный, не корыстолюбивый, можетъ, при всѣхъ этихъ доблестяхъ, имѣть фальшивыя понятія объ игрѣ; считать позволительными, военными въ игрѣ хитростями, что вовсе не позволительно и даже не хитро. Словомъ, если такое лицо васъ обремизитъ, то весь упрекъ, который въ такомъ случаѣ

можно ему справедливо сдѣлать, заключается въ пословицѣ: *слышалъ звонъ, да не знаетъ едѣ онъ*. Но тому, кто заплатилъ за эту военную хитрость, или за фальшивое понятіе, наличными деньгами, сумму превышающую его средства, мы знаемъ, что тому отъ этого не легче. Правда; однако жъ, кто въ этомъ случаѣ главный виновникъ? Люди не совершенны, это всякій знаетъ; стало быть, и виновата глупая игра, дающая людямъ право безотвѣтно шалить.

Нѣкто умный и опытный игрокъ справедливо захитилъ, что преферансъ — игра чисто дамская, потому что основана вся на *эксклюзаціяхъ* (извиненіяхъ). Пословица говоритъ: кто извиняется, самъ обвиняется (*qui s'excuse, s'accuse*). За миллионъ чужихъ извиненій нельзя дать и одного мѣднаго рубля, а въ преферансъ, за полдюжины такихъ, случается иногда платить по 200 и по 300 р. серебромъ. Гдѣ же справедливость, гдѣ же логика? Гдѣ же можетъ быть удовольствіе? Играть познъ по копейкѣ серебромъ или по три, не выше, и то не богатому человѣку, изрѣдка, это другое дѣло; тогда можно въ волю потѣшиться, пошумѣть, поершиться и все-таки пріятелями разойтись.

Крупная игра, въ преферансъ, не должна быть и быть не можетъ, развѣ когда всѣ три партнера, что называется, сыигрались и знаютъ игру другъ друга наизусть, или когда одинъ изъ трехъ играетъ роль Простакова. Въ клубахъ, при самомъ появленіи этой игры, пока ее хорошенько не разобрали, играли по большой; но потомъ, по оказавшейся именно фальши въ самомъ составѣ игры, цѣны постепенно упали, и теперь клубные посѣтителы играютъ вообще, въ преферансъ, просто для препровожденія времени, по такимъ цѣнамъ, которые не могли бы возбудить ничьей алчности, ни спекуляціи.

Для набѣжанія предательскихъ ремизовъ придумали играть въ преферансъ на свои взятыя, т. е. каждый воленъ ремизить объявившаго игру, или своего товарища, какъ ему угодно. Внимая такой мудрой Караибской политикѣ, вы садитесь преспокойно, въ полной увѣренности, по крайней мѣрѣ, что права и выгоды каждаго наконецъ вырав-

нены и ясно обозначены; однакожъ, для соблюденія общей выгоды, употребляете все-таки знаніе свое и усилія, чтобъ ремизить играющаго.... вотъ сюрпризъ! Всѣ ваши усилія спотыкаются о Караибскую тактику: ваши партнеры ремизятъ васъ оба, съ перваго или втораго хода, одинъ другаго усерднѣе: вы попали въ перекрестный огонь.... Приятная тоже игорка.

Для дѣйствительнаго уравненія всѣхъ возможныхъ степеней нравственности въ преферансѣ, мы предложили бы слѣдующую *варіацію*: чтобъ каждый имѣлъ право вистовать съ условіемъ полученія платы за взятки или неполученія, т. е., если я сказалъ: *иду въ вистъ съ полученіемъ*, и не сдѣлалъ двухъ взятокъ, то ставлю ремизъ; если же сказалъ: *иду въ вистъ безъ полученія*, то сколько бы взятокъ ни сдѣлалъ, ничего не получаю; за то, не сдѣлавъ ни одной, и ремиза не ставлю. При такомъ условіи очевидно, что всегда было бы два виста, и розыгрышъ каждой игры былъ бы втроемъ, что гораздо интереснѣе, нежели теперь съ дурными картами сидѣть иногда по часу сложа руки, и за свои деньги только глазѣть на играющихъ. Тогда, разумѣется, уйдетъ въ трубу и духъ макиавелизма; игра очистится разомъ отъ всѣхъ возможныхъ злоупотребленій: ибо, еслибъ даже двое играли заодно, то по розыгрышу легко можно замѣтить, а при теперешнихъ правилахъ нельзя: *кумбъ* съ козырнымъ тузомъ отъ короля говоритъ пассъ отъ виста и мѣшаетъ свои карты въ талонъ; если же онъ въ розыгрышѣ сдѣлалъ явную ошибку, т. е. *кумбъ кума* выпустилъ, то увѣряетъ, что боялся васъ обременить! Нечего сказать — молодцы! такая ужъ игорка, что на все есть отговорка!

Нѣкоторые игроки возражали намъ, что условіе *вистовать съ платою или безъ платы*, стѣснить слишкомъ положеніе объявляющаго игру, на которомъ и такъ уже возлежать тяжкіе налоги: онъ платитъ и за взятки, и въ пульку, и ставитъ ремизы съ кадиліями; словомъ, рискъ его выигрыша и теперь далеко не соответствуетъ риску проигрыша. При тройномъ же вѣчномъ розыгрышѣ нѣтъ средства играть, кромѣ вѣрныхъ игръ, и нельзя рисковать

нина волосъ, что и отниметь у преферанса всю его занимательность. Это замѣчаніе частью дѣльно и справедливо. Мы согласны, что рисковать тогда можно меньше: но будто въ одномъ рискѣ состоятъ занимательность коммерческихъ игръ? Отъ чего же въ вистѣ и въ пикетѣ нѣтъ вовсе ремизовъ, а между тѣмъ эти игры, по занимательности своей, не знаютъ себя соперницъ? Рискъ на раздѣлъ мастей, какъ въ вистѣ и въ пикетѣ, останется непременно и въ преферансѣ, при какихъ угодно условіяхъ. Неужели имѣя туза, короля самъ-пять, безъ дамы, вы будете тогда считать четыре взятки, а не пять? Или не сыграете игры — отъ страха покажетъ на шансъ четырехъ козырей въ одной рукѣ? Притомъ, за рискъ двойнаго всегда виста, вы также вознаграждаетесь неплатою за взятки одному, а иногда и обоимъ: очень часто раздѣлъ картъ бываетъ таковъ, что ни у того, ни у другаго нѣтъ вѣрнаго виста, и оба пойдутъ безъ платы. Играть же эту игру надо, непремѣнно, безъ кадилій. Не должно ли стараться искоренить главное злоупотребленіе, или основное неудобство въ самой игрѣ, а именно: *платить за битые горшки, или принужденную контрибуцію въ пользу Макіавелла*? Съ помощію предлагаемой нами *варіаціи* эта цѣль будетъ вполне достигнута; а рискъ и ремизы, не безпокойтесь, придутъ — незваные, сами собой. Гдѣ игра, тамъ и страсть; а страсть — не синонимъ ли ремиза?

Если эта *варіація* не понравится, въ такомъ случаѣ советуемъ все-таки любителямъ преферанса играть не иначе, какъ *съ общими вистами*, т. е., если изъ двухъ вистующихъ одинъ сдѣлалъ три взятки, а другой одну, или, одинъ — всѣ четыре, а другой ни одной, то этотъ послѣдній ремиза не ставятъ.

Вистъ съ *приглашеніемъ* тѣмъ неудобенъ, что надѣясь на приглашеніе, я скажу пассъ; между тѣмъ меня не пригласятъ, а чрезъ то, объявившій плохую игру выиграетъ ее, изъ-за того, чтобы поставить ремиза.

